

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

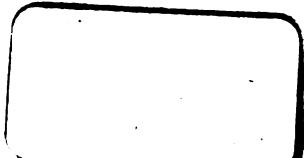
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 728.1.9

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

**ИСТОРИЯ РОС
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВР**

Соловьев

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

1857.

ИСТОРИЯ РОССИИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Москва, 13-го Декабря 1856 года.

Ценсоръ *И. Безсомыкинъ*.

Съ изданія 1856 года съ перемѣнами.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева
СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

1857.

Slav 728.1.9

Yale University Library
Hart Collection
Gift of J. Randolph Coolidge
and Archibald Cary Coolidge
Feb. 26, 1900.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русскому историку, представляющему свой трудъ во второй половинѣ XIX вѣка, не нужно говорить читателямъ о значеніи, пользѣ исторіи отечественной; его обязанность предувѣдомить ихъ только объ основной мысли труда.

Не дѣлать, не дробить Русскую Исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда.

Русская Исторія открывается тѣмъ явленіемъ, что нѣсколько племенъ, не вида возможности выхода изъ родового, особнаго быта, призываютъ князя изъ чужаго рода, призываютъ единую общую власть, которая соединяетъ роды въ одно цѣлое, даетъ имъ нарядъ, сосредоточиваетъ силы сѣверныхъ племенъ, пользуется этими силами для сосредоточенія остальныхъ племенъ вѣнѣшней средней и южной Россіи. Здѣсь главный вопросъ для историка состоитъ въ томъ, какъ опредѣлились отношенія между призваннымъ правительственнымъ началомъ и призванными

племенами, равно и тѣми, которыя были подчинены въ послѣдствіи, какъ измѣнился бытъ этихъ племенъ въ слѣдствіе вліянія правительственнаго начала, непосредственно, и посредствомъ другаго начала, дружины, и какъ, въ свою очередь, бытъ племенъ дѣйствовалъ на опредѣленіе отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ, при установленіи внутренняго порядка, или наряда. Замѣчаемъ именно могущественное вліяніе этого быта; замѣчаемъ и другія вліянія, вліяніе грекоримское, которое проникаетъ въ слѣдствіе принятія христіанства отъ Византіи, и обнаруживается преимущественно въ области права. Но кромѣ Грековъ новорожденная Русь находится въ тѣсной связи, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другимъ европейскимъ народомъ, съ Норманнами: отъ нихъ пришли первые князья, Норманны составляли главнымъ образомъ первоначальную дружину, безпрестанно являлись при дворѣ нашихъ князей, какъ наемники участвовали почти во всѣхъ походахъ, — каково же было ихъ вліяніе? Оказывается, что оно было назначительно. Норманны не были господствующимъ племенемъ, они только служили князьямъ туземныхъ племенъ; многіе служили только временно; тѣ же, которые оставались въ Руси навсегда, по своей численной незначительности, быстро сливались съ туземцами, тѣмъ болѣе, что въ своемъ народномъ бытѣ не находили препятствій къ этому слиянію. Такимъ образомъ при началѣ Русскаго общества не можетъ быть рѣчи о *господствѣ* Норманновъ, о норманскомъ періодѣ.

Выше замѣчено, что бытъ племенъ, бытъ родовой могущественно дѣйствовалъ при опредѣленіи отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ. Этотъ бытъ долженствовалъ потерпѣть измѣненія въ слѣдствіе вліянія новыхъ началъ; но оставался еще столько могущественнымъ,

VII

что, въ свою очередь, дѣйствовалъ на измѣнявшія его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія, тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинился вліянію никакого другаго начала. Князья считаютъ всю Русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, при чемъ старшій въ родѣ, Великій Князь сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій или Великій Князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; зтотъ старшій перемѣщается на главный столъ, при чемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ, находятъ на первомъ планѣ, характеризуютъ время.

Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь на сѣверѣ новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линиями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ

другихъ линій, и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ чрезъ ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, чрезъ ихъ отчужденіе другъ отъ друга и чрезъ видимое нарушеніе единства Русской земли готовится путь къ ея собиранію, сосредоточенію, сплоченію частей около одного центра, подъ властію одного государя.

Первымъ слѣдствіемъ ослабленія родовой связи между княжескими линіями, отчужденія ихъ другъ отъ друга было временное отдѣленіе южной Руси отъ сѣверной, послѣдовавшее по смерти Всеволода III-го. Не имѣя такихъ прочныхъ основъ государственнаго быта, какими обладала сѣверная Русь, южная Русь, послѣ Татарскаго нашествія, подпала подъ власть князей Литовскихъ. Это обстоятельство не было гибельно для народности юго-западныхъ Русскихъ областей, потому что Литовскіе завоеватели приняли Русскую вѣру, Русскій языкъ, все оставалось по старому; но гибельно было для Русской жизни на юго-западѣ соединеніе всѣхъ Литовско-Русскихъ владѣній съ Польшею въ слѣдствіе восшествія на Польскій престолъ Литовскаго Князя Ягайла; съ этихъ поръ юго-западная Русь должна была вступить въ бесплодную для своего народнаго развитія борьбу съ Польшею для сохраненія своей народности, основою которой была вѣра; успѣхъ этой борьбы, возможность для юго-западной Руси сохранить свою народность условливались ходомъ дѣлъ въ сѣверной Руси, ея самостоятельностью и могуществомъ.

Здѣсь новый порядокъ вещей утверждался неослабно. Вскорѣ по смерти Всеволода III-го, по отдѣленіи южной Руси отъ сѣверной, явились и въ послѣдней Татары, опустошили значи-

тельную ея часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать от ханов ярлыки на княженія. Такъ какъ для насъ предметомъ первой важности была смѣна стараго порядка вещей новымъ, переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, отъ чего зависѣло единство, могущество Руси и перемѣна внутренняго порядка, и такъ какъ начало новаго порядка вещей на сѣверѣ мы замѣчаемъ прежде Татаръ, то Монгольскія отношенія должны быть важны для насъ въ той мѣрѣ, въ какой содѣйствовали утвержденію этого новаго порядка вещей. Мы замѣчаемъ, что вліяніе Татаръ не было здѣсь главнымъ и рѣшительнымъ. Татары остались жить вдалькѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все какъ было, слѣдовательно оставляя на полной свободѣ дѣйствовать тѣ новыя отношенія, какія начались на сѣверѣ прежде нихъ. Ярлыкъ ханскій не утверждалъ князя неприкосновеннымъ на столѣ, онъ только обезпечивалъ волость его отъ Татарскаго нашествія; въ своихъ борьбахъ князья не обращали вниманія на ярлыки; они знали, что всякій изъ нихъ, кто свезетъ больше денегъ въ орду, получить ярлыкъ преимущественно передъ другимъ и войско на помощь. Независимо отъ Татаръ обнаруживаются на сѣверѣ явленія, знаменующія новый порядокъ, именно ослабленіе родовой связи, возстанія сильнѣйшихъ князей на слабѣйшихъ мимо родовыхъ правъ, стараніе пріобрѣсти средства къ усиленію своего княжества на счетъ другихъ; Татары въ этой борьбѣ являются для князей только орудіями, слѣдовательно историкъ не имѣетъ права съ половины XIII вѣка прерывать естественную нить событій, именно постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, и вставлять Татарскій періодъ, выдвигать на первый планъ Татаръ, Татар-

скія отношенія, въ слѣдствіе чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій.

Борьба отдѣльныхъ княжествъ оканчивается на сѣверѣ тѣмъ, что княжество Московское, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, пересиливаетъ всѣ остальные, Московскіе князья начинаютъ собирать Русскую землю: постепенно подчиняютъ и потомъ присоединяютъ они къ своему владѣнію остальные княжества, постепенно въ собственномъ родѣ ихъ родовыя отношенія уступаютъ мѣсто государственнымъ; удѣльные князья теряютъ права свои одно за другимъ, пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ Великаго Князя, старшаго брата, который носить уже титулъ Царя. Это главное, основное явленіе — переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя условливаетъ рядъ другихъ явленій, сильно отзываясь въ отношеніяхъ правительственнаго начала къ дружинѣ и остальному народонаселенію; единство, соединеніе частей условливаетъ силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы побѣдить Татаръ и начать наступательное движеніе на Азію; съ другой стороны, усиленіе сѣверной Руси въ слѣдствіе новаго порядка вещей условливаетъ успѣшную борьбу ея съ королевствомъ Польскимъ, постоянною цѣлію которой становится соединеніе обѣихъ половинъ Руси подъ одною державою; наконецъ соединеніе частей, единовластіе, окончаніе внутренней борьбы даетъ Московскому государству возможность войти въ сношенія съ Европейскими государствами, приготовить себя мѣсто среди нихъ.

Въ такомъ положеніи находилась Русь въ концѣ XVI вѣка, когда пресѣклась Рюрикова династія. Начало XVII вѣка ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государ-

ству разрушеніемъ. Крамолами людей, питавшихъ старинныя притязанія, нарушена была духовная и матеріальная связь областей съ правительственнымъ средоточіемъ: части разрознились въ противоположныхъ стремленіяхъ, земля замутилась; своекорыстнымъ стремленіемъ людей, хотѣвшихъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣль для своихъ выгодъ, хотѣвшихъ жить на счетъ государства, открылось свободное поприще. Не смотря однако на страшные удары, на множество враговъ внутреннихъ и вѣшнихъ, государство спаслось; связь религіозная и связь гражданская были въ немъ такъ сильны, что, не смотря на отсутствіе видимаго сосредоточивающаго начала, части соединились, государство было очищено отъ враговъ внутреннихъ и вѣшнихъ, избранъ Государь всею землею. Такъ юное государство со славою выдержало тяжкое испытаніе, при которомъ ясно выказалась его крѣпость.

Съ новою династіею начинается приготовленіе къ тому порядку вещей, который знаменуетъ государственную жизнь Россіи среди Европейскихъ державъ. При первыхъ трехъ государяхъ новой династіи мы видимъ уже начало важнѣйшихъ преобразованій: является постоянное войско, обученное иностранному строю, готовится слѣдовательно важнѣйшая перемѣна въ судьбѣ древняго служиваго сословія, такъ сильно отозвавшаяся въ общественномъ строѣ; видимъ начатки кораблестроенія, видимъ стремленіе установить нашу торговлю на новыхъ началахъ; иностранцамъ даются привилегіи для учрежденія фабрикъ, заводовъ; вѣшнія сношенія начинаютъ принимать другой характеръ; громко высказывается необходимость просвѣщенія, заводятся училища; при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являются новые обычаи; опредѣляются отношенія церкви къ государству. Преобразователь воспитывается уже въ

понятіяхъ преобразованія, вмѣстѣ съ обществомъ готовится онъ идти только далѣе по начертанному пути, докончить начатое, рѣшить нерѣшенное. Такъ тѣсно связанъ въ нашей исторіи XVII вѣкъ съ первой половиною XVIII: раздѣлять ихъ нельзя. Во второй половинѣ XVIII вѣка замѣчаемъ новое направленіе: заимствованіе плодовъ европейской цивилизаціи съ исключительною цѣлю матеріальнаго благосостоянія оказывается недостаточнымъ, является потребность въ духовномъ, нравственномъ просвѣщеніи, потребность вложить *душу* въ приготовленное прежде *тѣло*, какъ выражались лучшіе люди эпохи. Наконецъ въ наше время просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ *самопознанію*.

Таковъ ходъ Русской Исторіи, такова связь главныхъ явленій, въ ней замѣчаемыхъ.

ГЛАВА I.

ПРИРОДА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТИ И ЕЯ ВЛИЯНІЕ НА ИСТОРИЮ.

За долго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцомъ Исторіи, посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря: вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одни другими, образовалось могущественное государство; — но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

Великая равнина открыта на юговостокъ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи; толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкіе ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, и занимають привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя Исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими; Геродотъ свойствами страны объясняетъ причины этого господства, но тотъ же Геродотъ замѣчаетъ, что берега Днѣпра, по своему необыкновенному плодородію, способны питать и земледѣльческое народонаселеніе; и вотъ преданія говорятъ о народныхъ движеніяхъ съ Запада, на встрѣчу кочевымъ ордамъ; на берегахъ Днѣпра и его притоковъ, на востокъ и западъ, селятся племена земледѣльческія, съ характеромъ европейскимъ; они движутся все далѣе и далѣе на востокъ, но кочевники не скоро уступаютъ имъ свои привольныя степи. Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба съ степными варварами. Періоды этой борьбы такъ обозначаются въ Русской исторіи: отъ половины IX вѣка до сороковыхъ годовъ XIII нѣтъ перевѣса ни на сторонѣ кочевниковъ, ни на сторонѣ Славянскихъ племянъ, объединенныхъ подъ именемъ Руси: Печенѣги, а за ними Половцы наносятъ иногда сильныя опустошенія Приднѣпровью; но за то иногда и Русскіе князья входятъ въ глубь степей ихъ, за Донъ, и плѣнять ихъ вежи. Отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ Азіатцы, въ лицѣ Монголовъ; съ конца же XIV вѣка переселиваетъ Европа, въ лицѣ Россіи; съверозападная, европейская часть великой равнины начинаетъ распространяться на счетъ юговосточной, азіатской. — Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ, и не съ моремъ, но соприкасается съ степью, широкою и вмѣстѣ привольною для житья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обществѣ, или принуждены оставить его, откры-

вется путь въ выходу изъ государства и пріятная будущность — свободная, разгульная жизнь въ степи: въ слѣдствіе этого южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населялись козацкими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, не рѣдко враждовали съ нимъ, иногда бывъ для него опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, въ слѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степей, съ кочевыми азіатскими народами и съ козаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ, и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатомъ суровымъ, представляя на югостокѣ степь, населенную кочевыми племенами, сбѣжавшими другъ друга въ постоянномъ стремленіи изъ Азіи, на сѣверозападъ—страну, покрытую дѣйствительными лѣсами, наполненную рѣками, озерами, болотами, среди которыхъ кое-гдѣ блуждали орды звѣролововъ, великая равнина не могла получить скоро многочисленнаго народонаселенія. Племена Славянскія раскинулись на огромныхъ пространствахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ; при движеніи съ юга на сѣверъ они должны были встрѣтиться съ племенами Финскими; но о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними не сохранилось преданій: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было такъ много, по которой можно было такъ просторно расселиться безъ обиды другъ другу. Въ началѣ нашей исторіи мы видимъ, что Славяне и Финны дѣйствуютъ заодно; какимъ образомъ ославянились Финскія племена — Меря, Муромы, какимъ образомъ Двинская область получила Русское народонаселеніе и стала владѣніемъ Великаго Новгорода? — все это произошло тихо, незамѣтно для исторіи, потому что здѣсь собственно было не завоеваніе одного народа другимъ, во мирное занятіе земли, никому не принадлежащей; распространеніе Русскихъ владѣній въ Сибири, о которомъ можно

нѣтъ ясное понятіе по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даетъ лучшее объясненіе тому, какъ распространялись Русскія владѣнія и по сую сторону Уральскаго хребта : здѣсь также могли происходить стычки съ туземцами, которые приходили иногда раззорять новыя поселенія, отказывались платить ясакъ ; но здѣсь одинъ народъ, государство не было завоевано другимъ народомъ, государствомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно принимается въ исторіи завоеваніе : однимъ словомъ, и тамъ и здѣсь преимущественно происходило населеніе, колонизація страны. Что сказано о сѣверѣ Россіи, то можетъ быть сказано и о другихъ областяхъ : мы видимъ съ самаго начала, что князья наши преимущественно заботятся о построеніи городовъ, о населеніи пустынныхъ пространствъ ; извѣстно, какъ и послѣ Московское государство расширяло свои предѣлы на востокъ и юговостокъ, занимая и населяя пустынные пространства ; извѣстно наконецъ населеніе южныхъ и юговосточныхъ областей, происходившее недавно, уже во времена Имперіи. Малонаселенность страны, постоянное стремленіе владѣльцевъ увеличивать населеніе своихъ земель съ ущербомъ государственному интересу, вызывали мѣры, имѣвшія цѣлю удержать народонаселеніе на прежде занятыхъ имъ пространствахъ. Такимъ образомъ въ Русской исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынные пространства и населяетъ ихъ ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи ; господствующее племя Славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщено исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ Христіанство и гражданственность ; западнымъ Европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени Славянскому — сухимъ путемъ.

Однообразная природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами ; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота : « Въ Скиѣи, говоритъ онъ, нѣтъ

ничего удивительнаго , кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ : онѣ велики и многочисленны².» Въ самомъ дѣлѣ , обширному пространству древней Скиѣи соответствуютъ исполинскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою, и составляютъ такимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особой жизни; какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводницами первому народонаселенію, по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города; такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ или юговостокъ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе Русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣляли въ началѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ Русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую область Западной Двины, т. е. область Кривская или Полоцкая, третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую область верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолженіе Финляндской озерной области, въ отношеніи географическомъ и историческомъ, посредничаетъ между Западною Европою и Россією. Здѣсь Славянское племя сталкивается съ Скандинаво-Германскимъ; здѣсь шель великій водный путь изъ сѣверозападной Европы въ юговосточную и въ Азію, изъ Варягъ въ Греки, путь, по которому издавна спускались сѣверныя дружины на югъ, для опустошенія береговъ Имперіи: этимъ же путемъ производилась торговля между сѣверомъ и югомъ Европы. Озеро Ильмень, принимая въ себя съ юга многовѣтвистую Ловать, выпускаетъ на сѣверъ, въ Ладожское озеро, Волховъ; великій водный путь шель изъ Финскаго залива, по Невѣ, въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ въ Ильмень, изъ Ильменя Ловатью. Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось, въ половинѣ IX вѣка, нигдѣ на берегахъ

моря; на встрѣчу медленному движенію Славянъ видимъ быстрое движеніе Варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истокѣ Волхова изъ Ильменя, гдѣ является Новгородъ; но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впадении Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли: если даже предположимъ, что Ладога существовала до прибытія Рюрика, то она находилась не при самомъ устьѣ Волхова, и это положеніе ея показываетъ, со стороны Славянъ, какую-то медленность, боязливость приблизиться къ озеру Нево. Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море; Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами. Русскимъ удалось во время этой борьбы утвердиться на третьемъ важномъ пунктѣ великаго пути, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, гдѣ былъ построенъ Орѣшекъ; но потомъ эта крѣпость была уступлена Шведамъ; Петръ Великій взялъ ее снова и назвалъ Ключемъ-Городомъ (Шлюссельбургомъ); наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы, и укрѣпился на послѣднемъ, самомъ важномъ пунктѣ озерной системы, въ началѣ великаго воднаго пути — именно при устьѣ Невы въ море, гдѣ основалъ Петербургъ. Это положеніе при началѣ великаго воднаго пути, соединяющаго и теперь Европу съ Азією, условило важное значеніе Петербурга, какъ столицы: здѣсь, въ IX вѣкѣ, началась первая половина Русской исторіи; здѣсь, въ XVIII, началась вторая ея половина. Движенія восточныхъ Славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ, по великому водному пути, начавшееся въ доисторическое время, только въ XVIII вѣкѣ окончательно достигло своей цѣли — морскаго берега.

Область Новгородскаго княжества есть озерная область, гдѣ главный узелъ составляетъ озеро Ильмень; слѣдовательно естественныя границы княжества должны совпадать съ границами рѣчныхъ системъ Ильменя, Ладожскаго озера и другихъ близъ лежащихъ озеръ; и дѣйствительно мы видимъ, что границами Новгородской области служатъ волокы между системами рѣкъ

озерныхъ, и между системами Волги, Днѣпра и Западной Двины. Разумѣется, эти границы ны должны означать приблизительно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно къ востоку и юго-востоку племя Славянъ Ильменскихъ или Новгородскихъ еще въ незапамятныя времена могло перейти волоки, и выселиться на другія рѣчныя системы, въ слѣдствіе малонаселенности страны, лежащей къ востоку, на верховьяхъ Волги; не смотря на то однако, границы преимущественно идутъ по волокамъ, которые, надобно замѣтить, нигдѣ не имѣютъ такого важнаго значенія, какъ у насъ въ Россіи, ибо замѣняютъ отчасти горы. На югѣ границею Новгородской области съ Полоцкою и Смоленскою служилъ волокъ между системою Ильменя и Западной Двины; здѣсь граница могла обозначиться съ большею точностію волокомъ въ слѣдствіе ранняго населенія Полоцкой или Двинской области. На востокъ границею Новгородской области съ Ростовскою или Суздальскою служилъ приблизительно также волокъ между системою Ильменя и Верхней Волги: такъ видимъ границу при рѣкѣ Медвѣдицѣ, одномъ изъ самыхъ близкихъ Волжскихъ притоковъ къ системѣ Ильменской³; но здѣсь, на востокъ, Новгородцы перешли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ естественную границу своей области, ибо народонаселеніе необходимо стремилося съ запада на востокъ, находя себѣ здѣсь болѣе простора; такъ въ числѣ Новгородскихъ владѣній ны встрѣчаемъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Бѣжецкъ и другія мѣста, находящіяся на Волжской системѣ; любопытно однако видѣть, что эти мѣста были спорныя между Новгородцами и князьями Ростовской области; послѣдніе никакъ не хотятъ уступить ихъ въ полное владѣніе Новгородцамъ: такъ Волокъ и Торжокъ раздѣлены пополамъ между Новгородцами и Суздальскими князьями⁴; названіе Горжка, Торга, указываетъ именно на пограничное мѣсто, куда сходились на мѣну, торгъ жители двухъ областей; названіе Новый Торгъ указываетъ, что этотъ торгъ былъ прежде гдѣ нибудь на другомъ мѣстѣ, быть можетъ выше, на самомъ волокѣ. Любопытно также, что всѣ эти мѣста на волжской системѣ перечисляются всегда въ грамотахъ, какъ Новгородскія владѣ-

нія—знакъ, что они были спорныя, что Суздальскіе князья имѣли на нихъ постоянныя притязанія, однимъ словомъ, что это были колоніи Новгородскія въ чужой области.⁵ Такія же колоніи Новгородскія простирались въ области Онеги, Сѣверной Двины и далѣе до самаго Уральскаго хребта; на важное значеніе волоковъ указываетъ названіе Заволоцкихъ владѣній Новгорода, Заволоцкой Чуди.

Въ тѣсной связи съ системою Ильменя находится система Чудскаго и Псковскаго озеръ: Кривичи Изборскіе находятся въ союзѣ съ Славянами Новгородскими, вмѣстѣ съ ними призываютъ князей; не смотря однако на эту тѣсную связь, не смотря на то, что Псковъ, смѣнившій Изборскъ, находился въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, Псковъ съ самаго начала стремится къ самостоятельности, и наконецъ достигаетъ ея: здѣсь, между другими обстоятельствами, нельзя не предположить и вліянія природы, потому что Псковская область принадлежитъ къ отдѣльной рѣчной системѣ. Этимъ же обстоятельствомъ условливаются и самое различіе и границы племенъ: народонаселеніе Изборской области принадлежало къ Кривскому племени.

Новгородская область представляетъ самую возвышенную страну между внутренними Русскими областями. По климату и почвѣ она раздѣляется на двѣ половины: сѣверовосточную и югозападную. Сѣверовосточная, простирающаяся отъ окрестностей озеръ Лача и Вожа до рѣкъ Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лѣсами, подвержена дуновенію сѣверныхъ вѣтровъ, и повсюду неплодородна по причинѣ влажной и болотистой почвы; югозападная половина гораздо возвышеннѣе, суше и плодороднѣе. Это раздѣленіе важно для насъ въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется первоначальная граница Славянскаго и Финскаго племенъ; известно, что, вездѣ при своихъ столкновеніяхъ, Славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства, Финны же низменныя, болотистыя⁶; такъ точно и здѣсь означенная граница по качеству почвы соотвѣтствуетъ границѣ между Славянскимъ и Финскимъ племенами въ Новгородской области. Самые лучшія для хлѣбопашества мѣста находятся между рѣками Ше-

лонью и Ловатью: здѣсь главныя селища Славянскаго племени; дагѣ къ сѣверозападу, въ нынѣшней Петербургской губерніи, опять начинаются низменные, болотистыя пространства — почва Финскаго племени. Но такъ какъ пространство между рѣками Шелонью и Ловатью мы назвали хлѣбороднымъ только относительно, вообще же Ильменскіе Славяне не нашли въ своихъ жилищахъ большихъ удобствъ для земледѣльской промышленности, то съ теченіемъ времени, благодаря удобству водныхъ путей, среди нихъ развилась торговая промышленность, указавшая имъ необходимо путь къ сѣверовостоку, малонаселенному Финскими племенами, со стороны которыхъ Новгородцы не могли встрѣтить сильнаго сопротивленія. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы знаемъ, что относительно продовольствія Новгородская область была въ зависимости отъ Низовой земли: князь последней, пресѣкши подвозъ сѣстныхъ припасовъ, могъ заморить Новгородъ голодомъ; съ другой стороны, и относительно торговли, Новгородъ зависѣлъ вполнѣ отъ Востока, потому что торговое значеніе Новгорода состояло въ доставкѣ сѣверовосточныхъ товаровъ въ Европу: отсюда понятно, что когда на востокъ явилось могущественное владѣніе — государство Московское, то Новгородъ, находясь въ полной зависимости отъ Востока, необходимо долженъ былъ примкнуть къ этому государству: такимъ образомъ сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимымъ отъ восточной Руси. Тоже самое должно сказать и о Псковѣ: его область имѣетъ также тощую почву, которая должна была заставить народонаселеніе обратиться къ другому рода промышленности, къ торговлѣ, ремесламъ; Псковичи славились мастерствами, особенно строительнымъ; Новгородцевъ въ насмѣшку называли плотниками — указаніе на ихъ промышленный характеръ.

Не смотря на то, что на западъ въ Средніе вѣка существовало вѣннѣе, будто изъ Балтійскаго моря по восточному пути можно проѣхать водою въ Грецію, водный путь этотъ прекращался рѣкою Ловатью, тамъ, гдѣ прекращается и Новгородская озерная область. Отъ Ловати до Днѣпра шелъ волокъ, отдѣлявшій Нов-

городскую озерную область отъ Западнoдвинской и Днѣпровской. Объ этомъ волокѣ между Ловатю и Днѣпромъ упоминаетъ начальный лѣтописецъ, описывая водный путь изъ Варягъ въ Греки; но онъ не вдается въ подробности, какимъ образомъ дружины первыхъ князей Русскихъ шли отъ Ловати до Днѣпра. Очень вѣроятно, что путь ихъ лежалъ отъ Ловати по рѣкѣ Серезѣ до тридцати-верстнаго волока въ Желну на рѣкѣ Торопѣ; потомъ внизъ Торопою до Двины, Двиною къ устью Косопли (Каспли), и этою рѣкою вверхъ до озера Касплинскаго и волока при Гавринахъ въ Порѣцкомъ уѣздѣ, съ переездомъ по сушѣ тридцати верстъ⁷. Во всякомъ случаѣ на пути отъ Ловати къ Днѣпру должно было встрѣтить Западную Двину: вотъ причина, почему Двинская область, область Полоцкихъ Кривичей вошла въ связь съ Новгородцами и князьями ихъ прежде области Кривичей Смоленскихъ, и Рюрикъ уже отдаетъ Полоцкъ одному изъ мужей своихъ. Область Западной Двины, или область Полоцкая имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: Славянское племя заняло начало и средину теченія Двины, но не успѣло при медленномъ движеніи своемъ достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя подчиненные Русскимъ Князьямъ, но не подчинившіеся Славяно-русской народности. Особность Полоцкаго, или Двинскаго княжества, его слабость въ слѣдствіе этой особенности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе Нѣмцевъ, предъ которыми Полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны. Потомъ Полоцкое княжество подчинилось династїи князей Литовскихъ, и черезъ нихъ соединилось съ Польшею. Московское государство, сосредоточивъ сѣверовосточныя Русскія области, усилившись, начало стремиться, по естественному направленію, къ морю, ибо въ области Московскаго государства находились истоки Двины. Іоаннъ IV, стремясь черезъ покореніе Ливонїи къ морю, взялъ и Полоцкъ; но Баторїй отнялъ у него и Ливонїю и Полоцкъ, въ слѣдствіе чего почти все теченіе Двины стало находиться въ области одного государства. Но

чрезъ нѣсколько времени Шведы отняли у Поляковъ устье Двины, и область этой рѣки явилась въ затруднительномъ, неестественномъ положеніи, подѣленною между тремя государствами. Петръ Великій отнялъ низовье Двины у Шведовъ, въ слѣдствіе чего положеніе Двинской области стало еще затруднительнѣе, потому что верховье и устье находились въ области одного государства, а середина въ области другаго. При Екатеринѣ II Двинская область была выведена изъ этого неестественнаго положенія.

Границу Полоцкой области на сѣверѣ составляетъ водораздѣлъ между системою Двины и озерною — Ильменскою и Чудскою. Но верховье Двины не принадлежало Полоцкой области: за него шла сильная борьба между князьями Полоцкими, потомками Изяслава Владиміровича и потомками брата его Ярослава, младѣльцами остальныхъ Русскихъ областей. Причина этой борьбы, причина стремленія Ярослава I и рода его удержать за собою верховье Двины, ясна съ перваго взгляда на карту: Верхняя Двина и впадающая въ нее рѣчка Торопа служили соединеніемъ Новгородской области съ собственною Русью, областью Днѣпровскою, по нимъ шелъ путь изъ Варягъ въ Греки; владѣя Новгородомъ и Днѣпровьемъ, Ярославъ и дѣти его не могли оставить верховье Двины и Торопу во владѣніи враждебнаго рода Изяславичей Полоцкихъ; послѣдніе, пользуясь тѣмъ, что ихъ владѣнія, ихъ рѣчная область отдѣляла Новгородскую область отъ Руси, неоднократно обнаруживали свои притязанія на Новгородъ. Ярославъ уступилъ Брячиславу Полоцкому Витебскъ и Усвятъ⁸, но удержалъ верховье Двины и Торопу, гдѣ послѣ образовалось княжество Торопецкое, примыкавшее къ Смоленскому. Изъ этого положенія Торопецкаго княжества, лежащаго въ срединѣ между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днѣпровскою (вжнорусскою) и Волжскою (Ростовскою или Суздальскою) областями, уясняется намъ положеніе князей Торопецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, южною Русью и князьями Суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною

Русью, изъ Торопца получалъ защиту отъ притѣсненій князей Суздальскихъ.

На востокъ, югъ и западъ границами Полоцкой области служили приблизительно также водораздѣлы между системами Двины, Днѣпра и Нѣмана. Но на югъ къ Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находившееся преимущественно на системѣ Днѣпровской, по правому берегу Днѣпра и рѣкамъ, впадающимъ въ него съ этой стороны. Княжество Минское образовалось, какъ видно, изъ области Славянскаго племени Дреговичей, сѣвшихъ, по лѣтописи, между Припетью и Двиною. Мы видимъ, что въ стремленіи своемъ на югъ изъ Новгородской области, Варяги прежде всего должны были перейти въ область Двины, и утвердиться въ Полоцкѣ. Отсюда, двинувшись къ югу, они немедленно должны были перейти въ область Днѣпра, въ землю Дреговичей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ притоки Днѣпра и Двины находятся такъ близко другъ отъ друга, гдѣ теперь искусственно соединяются Березинскимъ каналомъ. Это движеніе Полоцкихъ державцевъ къ югу и покореніе Дреговичей безъ сомнѣнія произошло еще при Рюрикѣ, по крайней мѣрѣ прежде движенія Олега изъ Новгорода; что правый берегъ Днѣпра, земля Дреговичей занята была изъ Полоцка, доказываетъ молчаніе лѣтописи о покореніи Дреговичей Олегомъ или его преемниками. Владиміръ, истребивъ семью Полоцкаго князя Рогволода, присоединилъ его владѣнія, какъ Кривскія, такъ и Дреговичскія къ своимъ; но послѣ, по совѣту дружины, возстановилъ Рогволодову область въ цѣломъ ея видѣ для внука Рогволодова, а своего сына Изяслава; этимъ объясняется, какимъ образомъ Минское княжество, лежащее въ области Днѣпровской, принадлежало роду князей Полоцкихъ; но Минское княжество, въ слѣдствіе своего географическаго положенія, становится мѣстомъ борьбы между Изяславичами Полоцкими и Ярославичами Русскими, и долѣе, чѣмъ самый Полоцкъ, остается за послѣдними; а Дреговичи южные, жившіе по притокамъ Припети, принадлежатъ постоянно къ владѣніямъ Русскихъ Ярославичей⁹. Почва собственно Полоцкаго княжества неплодородна; вся область наполнена озерами, болотами, топями; теперь

въ Витебской губерніи считается больше 1,000 озеръ большихъ и малыхъ. Бѣдность природы, при удобствѣ сообщенія съ моремъ посредствомъ Двины, обратила вниманіе Полочанъ и Видлянъ на торговлю, и они вмѣстѣ съ Смольнянами являются посредниками заморской Русской торговли.

Какъ Полоцкое княжество есть область Западной Двины, такъ Литва есть область Нѣмана, Польша область Вислы. Литовская область вмѣстѣ съ областью Ятвяговъ, лежащею по границѣ между рѣчными системами Вислы, Нѣмана и Днѣпра, имѣютъ важное значеніе въ исторіи восточной Европы: покрытыя болотами и лѣсами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высокихъ горныхъ хребтовъ охраняли западныя границы Русскихъ Славянъ; среди этихъ-то болотъ и непроходимыхъ пущъ съ незапятнанныхъ поръ засѣли странные народы — Литва и Ятвяги, происхожденія которыхъ не могутъ еще опредѣлить ученые. Благодаря природѣ своей страны, Литовцы и Ятвяги долѣе всѣхъ своихъ сосѣдей сохраняли дикость первоначальнаго быта; они набѣгали на окрестныя страны, но сами были недосягаемы въ своихъ неприступныхъ природныхъ укрѣпленіяхъ. Когда единоплеменники ихъ Прусы подверглись тяжкому игу Нѣмцевъ, Литовцы отбились отъ послѣднихъ въ своихъ дебряхъ, заслонили отъ нихъ и восточныхъ сосѣдей своихъ; съ другой стороны, вѣроятно усиленные въ числѣ Прускими выходцами, Литовцы начинаютъ наступательное движеніе къ востоку и югу на Русскія области, и основываютъ княжество, котораго географическое положеніе также очень важно: въ области Литовскаго Великаго княжества соединялись системы Днѣпровская, Вислинская, Нѣманская и Западно-Двинская; рѣки Русскія соединялись съ рѣками Польскими. Поэтому княжество Литовское служило звѣномъ, связующимъ Русь съ Польшею. На небольшомъ пространствѣ между Кобриномъ, Пинскомъ и Слонимомъ, три рѣчныя системы — Вислинская, Нѣманская и Днѣпровская, и вмѣстѣ съ тѣмъ три области — Польская, Литовская и Русская, соединяются теперь каналами: вотъ доказательство, что на восточной Европейской равнинѣ естественными гранями между странами и народами слу-

жили междурѣчные волоки, и какъ эти естественныя грани были незначительны, какъ мало препятствовали соединенію народовъ!

Югозападная, древняя собственная Русь (княжества: Кіевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское) есть область Днѣпра, главной рѣки воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; этому пути, слѣдственно Днѣпру, преимущественно Русь была обязана своимъ соединеніемъ съ сѣверозападною и юговосточною Европою: изъ первой явились князья, отъ второй получено Христіанство; Днѣпру преимущественно Русь была обязана и своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ: по этой рѣкѣ шли съ своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежныя Славянскія племена, жившія разсыянно; по Днѣпру же шелъ и торговый путь изъ нижнихъ странъ въ верхнія. И Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ судьбу другихъ рѣкъ Русскихъ: его устье хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось Русскими лодками, однако собственно не находилось въ Русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что Русская государственная область распространялась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, то-есть до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце— Великая Россія, Московское государство, справедливо называемое страню источниковъ: отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область. Не смотря на то, что югозападная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлала ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ) въ началѣ и послѣ носить характеръ пограничнаго военнаго поселенія, остается страню козаковъ до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ.

Но если по причинамъ естественнымъ югозападная Русь не

могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго, и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей Русскихъ относительно климата и качества почвы. — Древнюю Русь, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, составляла страна около Кіева, на западномъ берегу Днѣпра, земля Полянъ. Область Кіевскаго княжества въ первоначальномъ видѣ, какъ досталась она Изяславу I-му, заключала въ себѣ земли Полянъ, Древлянъ и отчасти Дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: къ востоку Днѣпръ; къ сѣверу водораздѣлъ между рѣчными областями, собственно Днѣпровскою и областью Припети, потомъ водораздѣлъ между областью Припети и Нѣмана; къ западу водораздѣлъ между западнымъ Бугомъ и Вислою; къ югу сначала водораздѣлъ между областью Припети, Днѣстра и Буга, потомъ рѣка Рось, по которой, начиная съ XI вѣка, видимъ уже военныя поселенія, зерно козачества. Почему рѣка Рось служила въ древности южною границею и Кіевскаго княжества и всѣхъ Русскихъ областей, это объясняется также природою: къ югу отъ этой рѣки, въ южной части нынѣшней Кіевской губерніи, почва принимаетъ уже степное свойство; луга здѣсь степныя. Область княжества Владимиро-Волынскаго заключала въ себѣ землю Бужанъ (Славянскаго племени, жившаго по западному Бугу¹⁰) и, принадлежа, съ одной стороны, къ системѣ Вислинской, а съ другой, чрезъ притоки Припети, къ Днѣпровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положеніе Владимиро-Волынской области на отдѣльной отъ Днѣпра рѣчной системѣ объясняетъ отчасти, почему Волынь отдѣляется отъ собственной Руси и вмѣстѣ съ Галичемъ образуетъ особую систему княжествъ; отдѣльность рѣчной системы объясняетъ также и раннюю особность Галицкаго княжества, лежащаго по Вислинской и Днѣстровской системамъ.

На восточной сторонѣ Днѣпра, притокомъ послѣдняго, Десною, привязывалась къ Кіевской области и область Черниговская, ле-

жащая по Деснѣ и ея притокамъ. Тщетно князья хотѣли дѣлить Русь Днѣпромъ на двѣ отдѣльныя половины: Десна привязывала Черниговъ къ Кіеву также крѣпко, какъ и родовыя отношенія Святославичей и Мономаховичей; тщетно потомъ Польское правительство хотѣло раздѣлиться Днѣпромъ съ Москвою; это дѣленіе было кратковременно. Рѣка Сеймъ, притокъ Десны, привязывала къ Чернигову область Курскую¹¹. На южной оконечности нынѣшней Черниговской губерніи находится возвышенность, дающая начало рѣкамъ, изливающимся отсюда въ Полтавскую губернію: Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этотъ водоспускъ въ древности отдѣлялъ область Черниговскаго княжества отъ области Переяславскаго. На верхнемъ Днѣпрѣ, и слѣд. въ тѣсной связи съ Кіевомъ, находилась область Смоленскаго княжества. Смоленскъ находился въ области Кривичей, которые съли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины; изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси — между областю Волги, Днѣпра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Бѣлою Россією: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, Смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи югозападной Руси (съ тѣхъ поръ, какъ Волынскіе князья обращаютъ все свое вниманіе на западъ), борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ Сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжскою областію. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверовосточною, или Московскою, и югозападною, или Литовскою Русью, почему ни Московское, ни Литовское (Польское) правительство не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска. Граница Смоленскаго княжества шла на сѣверъ между притоками Ловати и Торопою, далѣе отъ Торопца къ верхней Волгѣ у Ржева; восточная граница шла отъ Ржева мимо Зубцова къ верховьямъ Москвы рѣки и Протвы около Можайска, потомъ поворачи-

шла къ западу водораздѣломъ между системою Днѣпровскою и Окскою, между Угрою и Днѣпромъ, между Десною и Сожью; южную границу съ Черниговскою и Кіевскою областями опредѣлить можно впаденіемъ рѣки Прони въ Сожь; на западъ границу составлялъ Днѣпръ до Орши, и далѣе на сѣверъ линія черезъ Двину между Суражемъ и Велижемъ къ Торопцу. Изъ обозначенія этихъ границъ видно, что Смоленское княжество кромѣ области Кривичей заключало въ себѣ также и область Радимичей, жившихъ на Сожѣ. Почва Смоленскаго княжества вообще неплодородна, особенно половина, лежащая къ сѣверу отъ Днѣпра; это обстоятельство и выгодное положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ среди главныхъ Русскихъ областей необходимо условливали развитіе торговой промышленности у Смольнянъ и въ древнія времена.

Теперь обратимся къ Великой Россіи, государственному ядру. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ области верхней Волги, или Ростовской области. Главный городъ ея Ростовъ Великій¹², при самомъ началѣ Русской исторіи, находится въ тѣсной связи съ Новгородомъ и его князьями: тѣже заморскіе Варяги, которые брали дань на Новгородскихъ Славянахъ и на Чуди, берутъ ее и на Мери, Финскомъ племени, жившемъ около Ростова; посадникъ Рюрика сидитъ въ Ростовѣ, при чемъ не упоминается о походѣ, о покореніи, слѣдовательно болѣе чѣмъ вѣроятно, что Меря, подвергавшаяся вмѣстѣ съ Новгородцами и Чудью Варяжскому игу, вмѣстѣ съ ними свергла его, вмѣстѣ съ ними призвала Князей. Такая тѣсная связь Ростова съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Белоозеро связано съ Ростовомъ водною нитью: эта нить есть рѣка Шексна, которая вытекаетъ изъ Белоозера и впадаетъ въ Волгу у нынѣшняго Рыбинска; Ростовъ же находится при озерѣ Неро, изъ котораго течетъ Которость, впадающая въ Волгу при Ярославлѣ. Варяги, овладѣвшіе Белоозеромъ, необходимо должны были спуститься внизъ по Шекснѣ къ Волгѣ, отсюда внизъ по Волгѣ до Которости и ею вверхъ до Ростова. Если этотъ водный путь служилъ для враждебныхъ нападений, то онъ долженъ былъ также служить и для мирныхъ сношеній между Белоозеромъ и Ростовомъ; отсюда объясняется по-

стоянная, неразрывная связь между этими городами въ нашей исторіи, объясняется, почему Бѣлоозеро является волостью Монаха, которому принадлежитъ Ростовъ съ Поволжьею; въ послѣдствіи Бѣлоозеро становится удѣломъ Ростовскаго княжества. Внизъ по Шекснѣ ходили въ Ростовскую землю военныя дружины и торговыя лодки, вверхъ по ней шли изъ Ростовской земли на Бѣлоозеро и мятежныя волхвы, такъ сильно волновавшіе новобращенныхъ христіанъ Сѣвера¹³.

Естественныя и вмѣстѣ историческія границы Ростовской области обозначаются съ сѣвера и сѣверозапада границами Новгородскихъ владѣній; при опредѣленіи послѣднихъ мы видѣли и сѣверозападную границу Ростовской области; на сѣверѣ естественною границею ея служили Увалы¹⁴, отдѣляющіе систему Волги отъ системы Сѣверной Двины. Что же касается до естественныхъ границъ Ростовской области съ востока, юга и югозапада, то онѣ собственно должны совпадать съ границами Волжской системы; но это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства, котораго область есть преимущественно область Волги. Такимъ образомъ мы видимъ, что историческое дѣленіе Русской государственной области на части условливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соответствовать величинѣ своей рѣчной области; чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ приыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая и Малая Русь прикнули къ Московскому государству.

И такъ цѣлая область Волги есть преимущественно область Московскаго государства, и Ростовская область будетъ только областью верхней Волги. Прослѣдимъ же теперь распространѣніе Русской государственной области по Волжской системѣ, и переходъ Ростовской области въ область Великаго княжества Владимірскаго, и послѣдней въ область Московскаго государства. Ростовъ былъ городомъ племени, и, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ одинокомъ въ цѣлой обширной области, полу-

чившей отъ него свое названіе. Мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носить слѣды расчета, преднамѣреннаго стремленія, что видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьѣ Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ; города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Костромы, Юрьевецъ—Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи. Нужно было вступить въ борьбу съ народонаселеніемъ, жившимъ по берегамъ Волги и ея притоковъ: отсюда необходимыя войны сѣверныхъ князей съ Болгарами и Мордвою; въ этой борьбѣ Русскіе остаются побѣдителями, видимо отгѣсняютъ варваровъ; но тутъ Азія какъ будто собираетъ послѣднія силы для отпора опасному врагу, и высылаетъ толпы Татаръ. Основатель Нижняго Новгорода, Юрій Всеволодовичъ, палъ въ битвѣ съ Татарами; движеніе Русскихъ внизъ по Волгѣ было надолго остановлено. При Дмитріи Донскомъ оно начинается снова; Русскіе полки являются опять въ старинной землѣ Болгарской; здѣсь загорается послѣдняя ожесточенная борьба между Европою и Азіею, борьба, имѣющая важное значеніе не для одной Русской исторіи. Азіатцы основываютъ въ Болгарской землѣ крѣпкій оплотъ противъ стремленія Русскихъ, и въ лицѣ ихъ противъ Европы и Христіанства; этотъ оплотъ — Казань. Послѣ долгой, упорной борьбы, Казань падаетъ предъ Иоанномъ IV. Какъ важна была Казань для Азіи, видно изъ того, что спустя немного времени послѣ ея завоеванія, устье Волги, чрезъ покореніе Астрахани, уже находится въ рукахъ Русскихъ. Въ то же время Русскія поселенія распространяются по Камской системѣ, которая такъ близка къ системамъ рѣкъ Сибирскихъ, при-

чемъ переходъ чрезъ Уральскія горы, по ихъ незначительной высотѣ, былъ легокъ, незамѣтенъ для Русскихъ людей; уже при Иоаннѣ IV козаки развѣдываютъ путь въ Сибирь, при чемъ главная ихъ дорога по рѣкамъ; при наслѣдникахъ Грознаго, Русскіе утверждаютъ здѣсь окончательно; малочисленные, разбросанные на огромныхъ пространствахъ, дикіе народцы не могли выставить имъ сильнаго сопротивленія; природа въ удобствѣ водныхъ сообщеній вездѣ дала предприимчивымъ Русскимъ дружинамъ средство съ необыкновенною быстротою отыскивать новыя земли для приведенія ихъ подъ высокую руку Великаго Государя, и скоро Русскія грани касаются береговъ Восточнаго Океана. Замѣтимъ также, что природа, отдѣливъ Сибирь отъ остальной Азіи пространными степями Татаріи, а съ востока и сѣвера опоясавъ уединенными океанамъ, и направивъ теченіе большихъ рѣкъ ея къ сѣвернымъ тундрамъ, чрезъ это самое заставила ее смотрѣть исключительно на Западъ, образовала изъ нея нераздѣльную часть Европейской Россіи.

Кромѣ стремленія внизъ по Волгѣ, у сѣверныхъ князей было еще другое стремленіе, болѣе важное, именно стремленіе на югъ, для соединенія съ югозападной Русью, гдѣ находилась главная сцена дѣйствія. Мы назвали это стремленіе болѣе важнымъ, потому что хотя у князей это было только стремленіе къ югу, для соединенія съ Днѣпровскою Русью, однако на самомъ дѣлѣ это выходило исканіе центра, около котораго Русскія области могли сосредоточиться. Стремленіе князей къ югу усматривается въ перенесеніи стола княжескаго изъ Ростова въ Суздаль; первый князь, который долженъ былъ остаться на долго въ Ростовской области, Юрій Владиміровичъ Долгорукій, живетъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздаль, городъ южнѣйшемъ. Каково же положеніе этого города, и какъ вообще должно было совершаться это движеніе на югъ? И здѣсь, какъ вездѣ въ нашей древней исторіи, водный путь имѣетъ важное значеніе. Самая ближайшая отъ Которости и отъ Ростовскаго озера рѣка къ югу есть Нерль, которая сама есть притокъ Клязьмы; такимъ образомъ если слѣдовать рѣчнымъ путемъ, то послѣ Ростова южнѣе будетъ Суздаль на

Нери, потомъ южнѣ Суздаля является Владимиръ, уже на са-
 мой Клязьмѣ: такъ и сѣверные князья переносили свои столы —
 изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздаля во Владимиръ. Здѣсь, въ
 послѣднемъ городѣ, столъ великокняжескій утвердился на долго,
 потому что сѣверные князья, достигнувъ этого пункта, презрѣли
 южною Русью, и все вниманіе обратили на востокъ, начали стре-
 ниться, по указанію природы, внизъ по рѣкамъ — Клязьмою къ
 Окѣ и Окою къ Волгѣ. Положеніе Владимира было очень выгодно
 для того времени, когда, послѣ нашествія Монголовъ, восточныя
 отношенія играли важную роль: Владимиръ лежитъ на Клязьмѣ,
 которая впадаетъ въ Оку, тамъ, гдѣ эта рѣка принадлежитъ Вос-
 току. Здѣсь природа, съ своей стороны, предлагаетъ также объ-
 сненіе, почему Владимирскіе князья, устремивъ все свое внима-
 ніе на дѣла сѣверовостока, такъ охладѣли къ югу: такое охла-
 жденіе особенно замѣчается въ дѣятельности Юрія II Всеволодо-
 вича. Изъ этого уже видно, что Владимиръ не могъ быть сосре-
 дотчивающимъ пунктомъ для Русскихъ областей: положеніе его
 односторонне; рѣка, на которой лежитъ онъ, стремится къ Фин-
 скому сѣверовостоку. Средоточіе было найдено въ слѣдствіе опять
 того же стремленія къ югу, которымъ особенно отличался Юрій
 Долгорукій. Мы видѣли рѣчной путь отъ Ростова къ югу; но
 этотъ путь вель не прямо къ югу, а къ юговостоку, тогда какъ
 для отысканія центра Русскихъ областей нужно было уклониться
 къ югозападу, что и сдѣлалъ Юрій Долгорукій, построившій на
 югозападѣ отъ Ростова, по пути въ Днѣпровскую Русь, города
 Переяславль Залѣсскій и Москву. Москва и была именно искомымъ
 пунктомъ; это обозначилось тотчасъ же въ исторіи: въ первый
 разъ Москва упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія Дол-
 горукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Москва лежитъ на рѣкѣ
 того же имени, которая течетъ между Волгою, Окою и верхнимъ
 Днѣпромъ. Москва рѣка впадаетъ въ Оку, такъ же какъ и Клязь-
 ма, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку
 тамъ, гдѣ она принадлежала Финскому сѣверовостоку, тогда какъ
 Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ
 востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ

* *

для сѣверныхъ и южныхъ Русскихъ областей. Сосредоточивающій пунктъ долженствовалъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но вѣсть съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣверѣ находились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ Вятичей, въ странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ издавна примыкавшей къ южной Руси, и потому болѣе на нее похожей. Замѣтимъ также, что Москва находилась прямо въ срединѣ между двумя племенами, изъ которыхъ главнымъ образомъ составилось народонаселеніе Русское, между племенемъ Славянскимъ и Финскимъ.

Что касается природы Московскаго центрального пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину, съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Имперіи; но за то она почти вездѣ способна къ обработанію, слѣд. вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію чело-вѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна, чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность, какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность производящую для сѣвернаго, дополняя слѣдовательно одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга.

Область Москвы-рѣки была первоначально областію Московскаго Княжества, и въ первой дѣятельности Московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго Княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей Можайскихъ-Смоленскихъ, устье во власти князей Рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна: Князь

Юрій Даниловичъ, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполне самостоятельной.

Мы видѣли, что распространеніе Русскихъ владѣній слѣдовало теченію рѣкъ. Впервыхъ, оно шло озерною Новгородскою системою, потомъ системою Двины и Днѣпра къ югу или юго-западу, и въ то же время, съ другой стороны, шло путемъ Бѣлозерскимъ, по Шекенѣ, и далѣе къ югу, по системѣ Мологи къ Волгѣ, потомъ Волгою, и на югъ отъ этой рѣки къ Окѣ. На встрѣчу этому движенію отъ сѣвера, которое, какъ видно, не шло далѣе Москвы, мы замѣчаемъ движеніе съ юга, по Деснѣ — притоку Днѣпра, и Окѣ — притоку Волги. Такимъ образомъ, первоначальное распространеніе преимущественно шло по огромной дугѣ, образуемой Волгою къ сѣверу, до впаденія въ нее Оки, и Днѣпромъ къ югу; потомъ распространеніе происходило въ серединѣ дуги, съ сѣвера, отъ Волги, и ему на встрѣчу съ юга отъ Днѣпра, при чемъ оба противоположныя движенія сходились въ области Москвы-рѣки, гдѣ и образовался государственный центръ. Теченіе Оки отъ истоковъ ея до устья Москвы-рѣки, и потомъ вѣсть съ теченіемъ послѣдней, имѣло важное историческое значеніе, потому что служило посредствующею водною нитью между сѣвальною и южною Русью. Такъ-какъ движеніе съ юга, отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ и ея притокамъ, шло отъ главной сцены дѣйствія, отъ Кіевской области, то естественно было быстрее, чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, малонаселенной области верхней Волги, и потому движеніе съ юга скоро переходитъ изъ области Десны въ область Оки, и владѣнія Черниговскихъ Святославичей обнимаютъ равно обѣ эти области; этому скорому переходу изъ одной рѣчной области въ другую благоприятствовала близость источниковъ и притоковъ обѣихъ рѣкъ, хотя въ древности водораздѣлъ между системами Десны и Оки служилъ границею двухъ племенъ — Сѣверянъ и Вятичей. Близость областей, Окской и Деснинской, или принимая обширнѣе, Волжской и Днѣпровской, и въ слѣдствіе того раннее ихъ политическое соединеніе были важнымъ препятствіемъ къ разъединенію сѣверовосточной или Московской Руси

съ югозападною, Литовскою; вотъ почему волокъ между Угрой и Днѣпромъ, собственно разграничивающій область Днѣпра отъ Окской, не могъ долгое время служить границею между обѣими половинами Руси, хотя Литва и стремилась здѣсь утвердить границу. — Область нижней Оки, отъ впаденія Москвы рѣки до Мурома, и отчасти область верхняго Дона досталась младшему изъ сыновей Святослава Черниговскаго, Ярославу, изгнанному изъ Чернигова племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ; эта область раздѣлялась въ послѣдствіи на два княжества — Рязанское и Муромское, которыя, будучи оторваны отъ Черниговской области по условіямъ историческимъ и находясь въ связи съ Ростовскою областью по условіямъ географическимъ, съ самаго начала находятся въ большей или меньшей зависимости отъ послѣдней.

Область Дона долго находилась внѣ Русской исторической сцены, хотя по близости Окскихъ притоковъ къ верхнему Дону и его притокамъ, владѣнія Рязанскія съ одной стороны, и Черниговскія съ другой, необходимо должны были захватывать и Донскую систему ⁵; Донъ оставался степною рѣкою (какъ онъ и есть по природѣ береговъ своихъ), почти до самаго XV вѣка, т. е. до усиленія Московскаго государства, которое на берегахъ его, въ XIV вѣкѣ, одержало первую знаменитую побѣду надъ Азіею, въ лицѣ Монголовъ ⁶. Заселеніе Донскаго и Волжскаго степнаго пространства принадлежитъ Московскому государству ⁷.

Наконецъ природа страны имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, какое оказываетъ она на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической; но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и не легкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность непорывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ

своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ, развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзін, къ общественнымъ увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ сообщества мужчинъ. Но среди природы относительно небогатой, однообразной, и потому не веселой, въ климатѣ, относительно суровомъ, среди народа, постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго — чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщины изъ общества мужчинъ, что разунѣется, въ свою очередь, приводитъ еще къ большей суровости нравовъ. Все сказанное прилагается, въ извѣстной мѣрѣ, къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.

ГЛАВА II.

ЖИТЬЕ И СУДЬБА НАРОДОВЪ, НАСЛЫВШИХЪ ИМПЕРИЮ РУССКОМУ ГОСУДАРСТВЕННУМУ ОБЛАСТЬ, ДО ИСТВЕННАГО ПОЯВЛЕНІЯ ВЪ НЕЙ НАКОНЦЪ СЛАВЯНСКИХЪ.

Нашъ летописецъ начинаетъ повѣсть свою о Русской землѣ съ тѣхъ поръ, какъ слово Русь стало извѣстно Грекамъ; историкъ Русскій, который захочетъ углубиться въ отдаленныя времена, узнать что-нибудь о первыхъ извѣстныхъ обитателяхъ нашего отечества, долженъ также обратиться къ Грекамъ, начать съ тѣхъ поръ, какъ впервые имена этихъ обитателей появились въ извѣстіяхъ Греческихъ.

Во времена Гомера Греческіе корабли не смѣли еще плавать по Черному морю. Тогда смотрѣли на это море, какъ на Океанъ, границу обитаемой земли, считали его самымъ большимъ изъ всѣхъ морей, и потому дали ему названіе Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостепріимными по дикости ихъ народонаселенія, и море слыло аксинось (негостепріимнымъ), пока Ионическія колоніи (750 л. до Р. Х.) не заставили переимѣнить это имя на пріятно звучащее евксинось (гостепріимное). Во времена Гезіода свѣдѣнія Грековъ распространились: сѣверные берега Понта выдвинулись въ отдаленіи, покрытые туманами, представлявшими воображенію Древнихъ странныя образы: то была баснословная область, хранилище драгоцѣнностей, обитель существъ необыкновенныхъ. Какъ естественно было ожидать, поэты овладѣли чудесною страной, и перенесли туда миѳы, сценою которыхъ считались прежде берега морей ближайшихъ¹⁸. Одинъ изъ нихъ, Аристей, самъ захотѣлъ посѣтить таинственный берегъ, и его поэмы, или, по

крайней иѣрѣ, выдаваемая подѣ его именемъ, распространили географическія свѣдѣнія Древнихъ. По Аристееу¹⁹, на берегахъ Понта жили Киммеріане, къ сѣверу отъ нихъ Скиѣи, за Скиѣи Исседоны, до которыхъ онѣ доходилъ. Потомъ о дальнѣйшихъ странахъ начинались рассказы дѣтски легковѣрныхъ путешественниковъ, кушцовъ, подобныхъ нашему Новгородцу Гурятѣ Роговичу²⁰: за Исседонами къ сѣверу жили Аримаспы, одноглазые люди; далѣе за Аримаспами Грифы стерегли золото, и еще далѣе на сѣверѣ жили блаженные Гипербореи. Встрѣчаемъ древнія, темныя преданія о нашествіяхъ Киммеріанъ и Скиѣовъ на Азію; вѣрнѣе, хотя не во всѣхъ подробностяхъ, извѣстіе о походѣ Персидскаго царя Дарія Гистаспа противъ Скиѣовъ въ 513 году до Р. Х. Между тѣмъ сѣверные берега Понта остаются по прежнему любимую страню поэтовъ: извѣстія объ нихъ встрѣчаемъ у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получить объ нихъ свѣдѣнія увеличили — обширная торговля колоній и множество рабовъ, приводимыхъ въ Грецію съ сѣверныхъ береговъ Понта, и потому носившихъ имя Скиѣовъ²¹; но понятно, какою вѣрностію и точностію должны были отличаться извѣстія, почерпаемая изъ такихъ источниковъ. Вотъ почему такъ драгоценны для насъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, особенно тамъ, гдѣ онѣ говоритъ какъ очевидецъ. Геродотовы извѣстія точнѣе относительно страны, обитаемой Скиѣи, но о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ послѣднихъ, онѣ столько же знаетъ, сколько и его предшественники, т. е. и послѣ Геродота эта страна остается страню вымысловъ. Аристотель²² упрекаетъ Аѳиняны за то, что они цѣлые дни проводятъ на площади, слушая волшебныя повѣсти и рассказы людей, возвратившихся съ Фазиса (Ріона) и Борисеена (Днѣпра). Говоря о сѣверѣ и сѣверо-востоцѣ, обыкновенно прибавляли, что тамъ обитаютъ Скиѣи; послѣ Дарія Гистаспа съ ними вошелъ во враждебныя столкновенія Филиппъ Македонскій: онѣ поразилъ Скиѣскаго царя Атеаса и вывелъ въ Македонію большой полонъ — 20,000 человекъ мужинъ и женщинъ; завоеванія Александра Македонскаго, оказавшія такія важныя услуги Географіи открытіемъ новыхъ

странъ и путей въ южную Азію, не касались описываемыхъ нами странъ: съ Европейской стороны Македонскія завоеванія не простирались далѣ Дуная. Больше сдѣлано при наслѣдникахъ Александра: Тимѣй подробно говорилъ о Скиѣахъ и сѣверномъ Океанѣ; Клеархъ, ученикъ Аристотеля, написалъ сочиненіе о Скиѣахъ; все, что до сихъ поръ было извѣстно о Сѣверѣ, собралъ Эратосѣенъ.

Въ такомъ видѣ Греки передали Римлянамъ свои географическія познанія о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Война съ Македонією указала Римлянамъ берега Дуная; война съ Митридатомъ открыла путь къ сѣвернымъ берегамъ Понта. Митридатъ, въ своихъ отчаянныхъ попыткахъ противъ Римскаго могущества, старался вооружить на Италію всѣхъ дикихъ жителей степей отъ Дуная до Азовскаго моря. Во время Цезаря Берестивъ основалъ на берегахъ Дуная могущественное владѣніе Гетовъ, которое впрочемъ скоро раздѣлилось и ослабло. Овидій, сосланный въ Томи, перечисляетъ окружные народы — Гетовъ, Скиѣовъ, Сарматовъ, Языговъ, Бастарновъ; онъ не упоминаетъ о Дакахъ, которыхъ имя часто встрѣчается у Горация; но на свидѣтельствахъ поэтовъ трудно основываться: у нихъ одно народное имя идетъ за другое, древнее вмѣсто новаго. Причины, почему страны къ сѣверу отъ Понта не могли быть съ точностію изслѣдованы, приводитъ Страбонъ²³: по Танаису (Дону), говоритъ онъ, мало что можно узнать выше устьевъ по причинѣ холода и бѣдности страны; туземцы, народы кочевые, питающіеся молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріязненный климатъ, но иностранцы не въ состояніи; притомъ туземцы необщительны, свирѣпы и дики, не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ. — Вотъ почему и для Римлянъ эта страна оставалась украиною міра, которую покинули люди и боги²⁴.

Но скоро сѣверные варвары начинаютъ нападать на Римскія провинціи: въ 70 году по Р. Х. Роксоланы вступаютъ въ Мизію, но принуждены уйти оттуда съ большими потерями; потомъ Даки перешли Дунай, но были также отброшены назадъ. Даки были первый варварскій народъ, которому повелители свѣта должны

были платить дань при Домиціанѣ; Траянъ долженъ былъ вести кровопролитную войну съ предводителемъ ихъ Децебаломъ: Императору удалось превратить Дакію въ Римскую провинцію; многіе изъ Даковъ выселились, другіе мало по малу олатинились. Тацѣтъ восточными сосѣдами Германцевъ полагаетъ Даковъ и Сарматовъ, сомнѣваясь, куда причислить Певциновъ, Венедовъ и Финновъ — къ Германцамъ или Сарматамъ. Въ слѣдствіе частыхъ столкновеній съ варварами, извѣстія объ отдаленныхъ странахъ и народахъ умножились; но эти извѣстія приносились юннами, купцами; люди, которые хотѣли научнымъ образомъ оставить изъ ихъ рассказовъ что нибудь полное, сами не могли поверить чужихъ извѣстій, и потому писали наугадъ, произвольно, чему доказательствомъ служитъ сочиненіе Птолемея.

Изложивши въ немногихъ словахъ постепенное распростра-неніе свѣдѣній о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Понта, скажемъ нѣсколько подробнѣе о бытѣ народовъ, жившихъ въ этихъ странахъ, сколько о немъ знали древніе. Мы знаемъ, что имена господствовавшихъ здѣсь одинъ за другимъ народовъ, были Скиѣи и Сарматы, отъ чего и страна называлась Скиѣіею, преимущественно у Грековъ, и Сарматіею, преимущественно у Римлянъ. Мы не можемъ позволить себѣ вдаваться въ вопросы о происхожденіи Скиѣовъ, Сарматовъ и другихъ сосѣднихъ имъ народовъ, не имѣя достаточнаго количества данныхъ въ извѣстныхъ древнихъ писателей: чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ сходнѣе другъ съ другомъ въ обычаяхъ, нравахъ, понятіяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякій младенчествующій народъ, по нѣкоторымъ чертамъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени; нѣсколько словъ, оставшихся намъ отъ языка этого народа, не могутъ вести также къ твердымъ выводамъ: для выраженія нѣкоторыхъ предметовъ у всѣхъ племенъ найдутся общіе звуки. Мы войдемъ въ изслѣдованія миѣовъ и преданій о Скиѣахъ и другихъ древнихъ народовъ только въ той мѣрѣ, въ какой они связываются съ послѣдующими историческими явленіями, объясняютъ ихъ и взаимно объясняются ими.

Оставя всѣ многочисленныя и противорѣчивыя толкованія о положеніи Скиѣскихъ рѣкъ и народовъ, упоминаемыхъ у Геродота²⁶, мы изъ его разсказа можемъ вывести слѣдующія, несомнѣныя заключенія: по Днѣпру — на западъ до самаго Днѣстра, на востокъ — очень на короткое разстояніе отъ берега, живетъ народонаселеніе земледѣльческое, или, по крайней мѣрѣ, переходное, которое хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ, и не привыкло къ хлѣбу, однако съѣтъ его, какъ предметъ выгодной торговли; такимъ образомъ щедрая природа странъ при днѣпровскихъ необходимо приводила кочевника къ осѣдлости, или, по крайней мѣрѣ, заставляла его работать на осѣдлаго, европейскаго человѣка; но на довольно близкое разстояніе отъ восточнаго берега Днѣпра уже начинались жилища чистыхъ кочевниковъ, простираясь до Дона и далѣе за эту рѣку; чистые кочевники господствуютъ надъ всею странюю до самаго Днѣстра и Дуная на западъ, а за ними далѣе къ востоку; за Дономъ живутъ въ голыхъ степяхъ другіе кочевники, болѣе свирѣпые, которые грозятъ новымъ нашествіемъ Приднѣпровью. Такимъ образомъ восточное, степное народонаселеніе господствуетъ безпрепятственно; Европа не высылаетъ ему соперниковъ; ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ запада не обнаруживается никакого движенія, грозитъ движеніе съ одного востока и въ тѣхъ же самыхъ формахъ — кочевники смѣняются кочевниками. У береговъ Понта, при устьяхъ большихъ рѣкъ, Греческіе города построили свои колоніи для выгодной торговли съ варварами: быть можетъ, эти мирныя убѣжища гражданственности производили хотя медленное, но замѣтное въ исторіи вліяніе на послѣднихъ? Исторія показываетъ между Скиѣами люди царскаго происхожденія, обольщенныхъ красотою Греческихъ женщинъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даждятъ учиться въ Грецію, но гибнутъ отъ рукъ единопородцевъ своихъ, какъ отступники отеческаго обычая; варварство въ полномъ разгулѣ на берегахъ Понта; не Греческимъ купцамъ вступитъ съ нимъ въ борьбу и побѣдитъ его: для этого нужна больша матеріальная сила, для этого нужны другіе многочисленные, крѣп-

кіе народы и цѣлые вѣка медленнаго, но постояннаго движенія. Около Греческихъ колоній живутъ смѣшанные народы, полу-Элины и полу-Скионы; но что это? Скионы ли огречившіеся; или Греческіе переселенцы, принявшіе Скионскіе обычаи, или наконецъ отрасли родственныхъ съ Греками Фракійскихъ племенъ? На эти вопросы не даетъ отвѣта древность.

Но о Скионахъ она знаетъ много подробностей. По свидѣтельству Геродота, Скионы считали себя младшимъ изъ народовъ и аборигенами въ землѣ своей: отъ брака верховнаго божества, которое Геродотъ называетъ по своему Зевсомъ, на дочери рѣки Бориссена, родился въ пустынной странѣ человекъ Таргитавсъ; у него было трое сыновей — Лейпоксаисъ, Арпоксаисъ и Колак-саисъ. При нихъ упали съ неба плугъ, воловье иго, стрѣлы и чаша — всѣ золотые. Когда оба старшіе брата хотѣли дотронуться до этихъ вещей, то нашли ихъ огненными; только младшій братъ могъ взять ихъ въ руки, и отнести въ свое жилище, въ свидѣствіе чего старшіе передали ему царское достоинство. Отъ трехъ братьевъ пошли разныя Скионскія племена: отъ старшаго — Авхаты, отъ средняго — Катіары и Траспіи, отъ младшаго — царскіе, или Паралаты; всѣ они вообще носили имя Сколотовъ, а Греки называли ихъ Скионами. Преданіе о томъ, что Скионы суть самый младшій изъ народовъ, указываетъ на смутное сознаніе о поздне-мъ появленіи ихъ на берегахъ Понта; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло преданіе о странѣ, откуда они пришли, то явилось другое преданіе о происхожденіи Скионовъ на берегахъ Днѣпра. Днѣпръ, виновникъ плодоносія береговъ своихъ, дающій питаніе всему живущему на нихъ, необходимо явился участникомъ и въ произведеніи человека: онъ дѣдъ по матери праотцу Скионовъ; если небо участвовало непосредственно въ произведеніи праотца Скионовъ, то оно же непосредственно научило его дѣтей средствамъ къ жизни: съ неба упали четыре орудія, четыре символа главныхъ занятій первобытнаго человека — земледѣлія, скотоводства, винодѣлія и звѣроловства. Младшій братъ захватилъ ихъ себѣ, сталъ распорядителемъ, раздавателемъ средствъ къ жизни, старшіе братья должны были смотрѣть у него изъ рукъ — вотъ

символъ власти и подчиненія! но почему же въ преданіи на долю младшаго брата выпала власть, на долю старшихъ—подчиненіе? Это указываетъ на историческій фактъ и объясняется мѣстомъ жительства царственныхъ, господствующихъ Скиѳовъ, Паралатовъ. Историческій фактъ — это покореніе Паралатами остальныхъ Скиѳовъ; происхожденіе Паралатовъ отъ младшаго брата указываетъ опять на то, что Паралаты пришли позднѣе съ востока, и потому остались кочевать на берегахъ Дона, подчинивъ себѣ племена, прежде пришедшія и поселившіяся далѣе на западъ около Днѣпра; Скиѳское преданіе вполне объясняется послѣдующими явленіями, имѣвшими мѣсто въ этихъ странахъ; въ продолженіе многихъ вѣковъ мы видимъ здѣсь одинакое явленіе, а именно, что позднѣе пришедшія съ востока орды подчиняютъ себѣ племена, прежде пришедшія и утвердившіяся далѣе на западъ.

У Понтійскихъ Грековъ существовалъ другой мифъ о происхожденіи Скиѳовъ. Въ немъ говорится, что Геркулесъ пришелъ въ страну, заселенную послѣ Скиѳами, и которая тогда была пуста. Тамъ застали его буря и холодъ; онъ завернулся въ львиную кожу и заснулъ. Проснувшись, Геркулесъ увидалъ, что лошади, которыхъ онъ оставилъ пастись, исчезли; онъ началъ искать ихъ по всей странѣ, и когда пришелъ въ мѣсную прионтійскую область Гюляю, то нашелъ въ пещерѣ чудовище, ехидну, полу-женщину и полу-змію. На спросъ Геркулеса ехидна отвѣчала, что лошади у нея, но что она не отдастъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится имѣть съ нею связь; Геркулесъ принужденъ былъ исполнить ея желаніе; плодомъ этой связи было трое сыновей: Агатирсъ, Гелонъ и Скиѳъ, изъ которыхъ послѣдній, какъ самый достойный сынъ Геркулеса, остался обладателемъ страны и родоначальникомъ царей Скиѳскихъ. Этотъ мифъ есть видоизмѣненіе перваго: Греческіе поселенцы привели своего странствующаго героя-полубога на сѣверныя берега Понта; Скиѳія гордилась слѣдомъ стопы геркулесовой, какъ однимъ изъ чудесъ своихъ, и точно духъ Греціи оставилъ здѣсь много дивныхъ слѣдовъ, открываемыхъ теперь наукою. Въ пустынѣ Геркулесъ долженъ былъ сочетаться съ чудовищемъ, ехидною, дочерью Борис-

ена въ Скиескомъ преданіи, и которой форма, равно какъ обитаніе въ пещерь Гюлэйской, указываетъ на первобытное состояніе сѣверныхъ береговъ Понта, только что вышедшихъ изъ-подъ воды; отъ этого страннаго брака Греческаго героя съ чудовищемъ произошли варварскіе и полуварварскіе смѣшанные народы, ибо Гелоны, по утвержденію Геродота, суть Элины, поселившіеся среди Будиновъ. Въ этомъ мнѣнн замѣчательно также для насъ сближеніе трехъ народовъ; Агатирсовъ, Гелоновъ и Скивовъ, какъ происшедшихъ отъ одного прародителя.

Кромѣ мнѣнн, историкъ имѣетъ преданіе, которое онъ не усумнится принять за достовѣрное, если обратитъ вниманіе на положеніе страны, и на событія, случившіяся уже на памяти исторіи: сѣверные берега Понта, открытая дорога между Европою и Азією, были по этому самому изначала мѣстомъ столкновенія народовъ, изъ которыхъ одинъ вытѣснялъ другой изъ жилищъ его, или, по крайней мѣрѣ, подчинялъ его остатки своему господству. Такъ Аристей, по свидѣтельству Геродота, рассказывалъ, что на сѣверныхъ берегахъ Понта жили Киммеріане, къ сѣверу отъ нихъ Скивы, за ними Исседоны, за этими Аримаспы (одноглазые), Грифы, и наконецъ у сѣвернаго океана Гипербореи. Последніе оставались спокойны, но изъ остальныхъ тѣ, которые жили сѣвернѣе, вытѣсняли жившихъ на югѣ, такъ что Киммеріане принуждены были совершенно оставить страну и уступить ее Скивамъ. У Геродота есть другое преданіе, что кочевые Скивы жили въ Азіи, къ югу отъ Аракса; вытѣсненные Массегетами, они двинулись къ западу, въ страны Киммеріанъ. Это преданіе имѣетъ также много за себя для историка, потому что движеніе кочевыхъ народовъ шло постоянно отъ востока къ западу; притомъ же это преданіе нисколько не противорѣчитъ Аристееву: Скивы, изгнанные Массегетами, двинулись къ сѣверо-западу; и заняли сперва страну, лежавшую къ сѣверу отъ Киммеріанъ; потомъ, тѣсняемые Исседонами, принуждены были двинуться къ югу²⁶.

Относительно наружности, Скивы представляются у древнихъ блыкожими, краснолицами, голубоглазыми, съ мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скивы были очень

похожи другъ на друга, толсты, мясisty; браки ихъ не отличались плодovitостію; нравы ихъ — нравы всѣхъ младенчествующихъ народовъ; они были страстны, вспыльчивы, лѣнны; ихъ обычаи — обычаи всѣхъ кочевыхъ народовъ, какихъ еще и теперь много питаютъ степи средней Азіи; мужчины на лошадяхъ, женщины и дѣти въ кибиткахъ, запряженныхъ волами, перекочевывали съ одного пастбища на другое; пища ихъ — лошадиное молоко и мясо. Какъ всѣ варварскіе народы, Скиѣны любили опьяняться дымомъ пахучихъ травъ, потомъ полюбили привозное изъ Греціи вино, и пили его чистое, мужчины и женщины, пили и медъ. На войнѣ Скиѣны отличались храбростію и жестокостію: сдирали кожу съ убитыхъ враговъ, пили изъ череповъ ихъ; рассказы о Скиѣнскихъ жестокостяхъ повели къ слуху, что они людоеды, питались даже мясомъ собственныхъ дѣтей своихъ. Сражались они конные и пѣшіе; особенно славились Скиѣнскіе стрѣлки; стрѣлы намазывались ядомъ. Война считалась почетнѣйшимъ занятіемъ; купцы уважались меньше, чѣмъ войны; и такъ между Скиѣнами были купцы, были и земледѣльцы, какъ мы видѣли; для насъ очень важно извѣстіе²⁷, что Скиѣны позволяли каждому селиться на своихъ земляхъ и заниматься земледѣліемъ подъ условіемъ дани: такъ поступали всегда кочевники, которымъ не было дѣла до быта подвластныхъ имъ племенъ, лишь бы послѣдніе исправно платили дань; это же извѣстіе объясняетъ намъ приведенное извѣстіе Геродота о Скиѣнахъ, которые съѣли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а на продажу: вѣроятно, они продавали хлѣбъ, чтобы заплатить дань господствующему племени. Трудно рѣшить, одному ли владѣльцу повиновались Скиѣны, или многимъ; вождь на войнѣ былъ судьбою въ мирное время. Скиѣнія раздѣлялась на округи, и каждомъ округѣ былъ особый начальникъ, для общаго собранія вѣча, назначалось особое мѣсто. Различіе между знатными и черными между богатыми и бѣдными, существовало у Скиѣновъ; были у нихъ и рабы, которыхъ они ослѣпляли. Касательно религіи Геродотъ перечисляетъ названія слѣдующихъ божествъ: Табити (Веста) Папайосъ (Зевсъ), Апія (Земля), Ойтосиръ (Аполлонъ), Артипаса (Афродита); Тамимасадасъ (Посейдонъ); кромѣ того упоминаетъ еще и

вается о Геркулесѣ и Марсѣ; Табити (Веста), божество семьи, домашняго очага, пользовалось особеннымъ уваженіемъ, считается народнымъ Скиескимъ божествомъ. Поклясться очагомъ, домашнимъ божествомъ начальника, считалось величайшею клятвою; ложная клятва этимъ божествомъ причиняла, по мнѣнію Скиеовъ, болѣзнь начальнику. При кочевой жизни общественное богослуженіе не могло быть развито у Скиеовъ; понятно, что у нихъ не могло быть храмовъ; изображеніемъ Марса служилъ мечъ; этому божеству приносились годичныя жертвы, лошади и другія животныя, приносили въ жертву и плѣнныхъ, изо ста одного. Въмѣсто жрецовъ и у Скиеовъ, какъ у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, видимъ толпу кудесниковъ, гадателей; Припонтіійскія страны славилась, какъ мѣстопробываніе чародѣевъ. — По смерти начальниковъ своихъ, Скиеы погребали вмѣстѣ съ ними ихъ наложницъ, служителей, лошадей и разныя необходимыя для жизни вещи. — Изъ этихъ главныхъ чертъ Скиескаго быта есть ли хотя одна, которой бы мы не нашли и у другихъ младенчествующихъ племенъ? У древнихъ, какъ и у новыхъ образованныхъ народовъ, между писателями иногда встрѣчаются различныя отзывы о варварскихъ племенахъ; одни, поборники своего образованнаго общества, выставляютъ быть варваровъ съ самой черной стороны; другіе на оборотъ: будучи недовольны испорченностію нравовъ, господствующею въ нѣкоторыя времена у образованныхъ народовъ, любятъ превозносить грубые нравы дикарей, возвышать ихъ до идеальной простоты и невинности; такія противоположныя мнѣнія мы встрѣчаемъ у писателей и о Скиеахъ: одни описываютъ грубость ихъ самыми черными красками, дѣлаютъ изъ нихъ людоедовъ, пожирающихъ собственныхъ дѣтей; другіе превозносятъ чистоту, неиспорченность ихъ нравовъ, довольство малымъ, и упрекаютъ Грековъ и Римлянъ въ развратъ, который они внесли къ Скиеамъ.

Касательно быта другихъ народовъ чуждаго происхожденія, но обитавшихъ подлѣ Скиеовъ, остались исвѣстія объ Агатирсахъ, жившихъ къ западу отъ Скиеовъ. Геродотъ называетъ ихъ самымъ изнѣженнымъ, женоподобнымъ народомъ, страстнымъ къ

блестящимъ украшеніямъ ; жены были у нихъ въ общемъ пользованіи будто бы для того , чтобъ всѣмъ составлять одно семейство, и тѣмъ избѣгать зависти и вражды ; въ остальномъ бытъ ихъ былъ похожъ на бытъ Фракіянъ. Изъ народовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Скиѳовъ, о Неврахъ ходили слухи, что они живутъ по скиѳски, и будто въ извѣстные дни каждый Невръ обращался въ волка, повѣрье, сильно укорененное между восточнымъ народонаселеніемъ Европы. Андрофаги отличались необыкновенною дикостію ; Меланхлены имѣли Скиѳскіе нравы. О Будинахъ до Геродота дошли, какъ видно, одни смутные слухи ; можно понимать, что въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ жили два различные народа—Будины и Гелоны: Будины—кочевники, Гелоны осѣдлые : у нихъ большой деревянный городъ ; Геродотъ считаетъ Гелоновъ греческими переселенцами. Къ югу отъ Скиѳовъ, въ нынѣшнемъ Крыму, обитали Тавры, народъ дикій и свирѣпый, живущій грабежемъ и войною; на крышкахъ домовъ ихъ, надъ печными трубами видѣлись шесты съ воткнутыми на нихъ головами плѣнниковъ: эти варварскіе трофеи охраняли домъ отъ всякаго зла, какъ жертва, угодная божеству. Тавры приносили плѣнныхъ Грековъ въ жертву Дѣвѣ; имя божества—дѣвы, у самыхъ Тавровъ,—Орейлоха; Грекамъ казалась она то Ифигенію, то Артемидою. По природнымъ условіямъ полуострова, Тавры, подобно Скиѳамъ, раздѣлялись на кочевыхъ—сѣверныхъ, и земледѣльческихъ—южныхъ.

Какъ, на яснѣйшей памяти исторіи, въ нынѣшней южной Россіи господство одного кочеваго народа смѣнялось господствомъ другаго, жившаго далѣе на востокъ, такъ и въ древнія времена господство Скиѳовъ смѣнялось господствомъ Сарматовъ; но отъ этой перемѣны исторія столь же мало выиграла, какъ отъ смѣны Печенѣговъ Половцами ; перемѣнились имена, отношенія остались прежнія, потому что бытъ народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, былъ одинакій: и Сарматы, подобно Скиѳамъ, раздѣлялись на кочевыхъ и земледѣльческихъ, на господствующихъ и подчиненныхъ. Но древніе замѣтили и нѣкоторыя особенности у Сарматовъ; главная особенность состояла въ томъ, что у Сарматовъ женщины имѣли

большую силу, отличались храбростію и мужескими упражненіями: это подало поводъ къ сказкѣ, что Сарматы произошли отъ совокупленія Скивовъ съ Амазонками; но у древнихъ писателей сохранилось также преданіе о происхожденіи Сарматовъ изъ Мидіи, преданіе, подтверждаемое теперь ²⁹ наукою. Сарматы были блонды, свирѣпы на видѣ, носили длинные волосы и бороду, широкую одѣжду, расписывались по тѣлу разными узорами; вели кочевую жизнь; не умѣли сражаться пѣшкомъ, но на лошадяхъ были неотразимы; отличались дикостію и жестокостію въ нравахъ; поклонялись мечу, по другимъ извѣстіямъ, огню, и приносили въ жертву лошадей. Изъ Сарматскихъ племенъ сильнѣйшими явились Языги на западѣ, въ нынѣшней Бессарабіи и Валахіи, отчасти въ Венгріи, и Роксоланы на востокѣ, — между Дономъ и Днѣпромъ; водѣ Сарматовъ, на западныхъ границахъ Скифіи и восточныхъ Германіи, упоминается особый сильный народъ, Бастарны, раздѣлившійся на три поколѣнія — Атионовъ, Сидоновъ и Певциновъ. При первыхъ Императорахъ Рима, Роксоланы переходятъ Дунай и нападаютъ на области Имперіи; при Адрианѣ Римляне принуждены были платить имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ; послѣ могущество Роксоланъ и Языговъ ослабѣло въ слѣдствіе усиленія Готевъ и потомъ Гунновъ. Незадолго до Рождества Христова, или въ первомъ вѣкѣ послѣ него, въ нынѣшней Европейской Россіи являются Аланы, приведшіе, какъ говорятъ, изъ странъ Прикавказскихъ; Римляне знали и этихъ страшныхъ враговъ на Дунаѣ вмѣстѣ съ Готеами; но часть ихъ въ соединеніи съ Вандалами бросилась на западъ, вмѣстѣ съ Франками перешла Рейнъ, опустошила Галлію (гдѣ, какъ говорятъ, Алансонъ получилъ отъ нихъ свое имя), нападала на Италію, Сицилію, Грецію, вторгнулась въ Испанію, и, вѣроятно, даже въ Африку. Большая часть племени оставалась впрочемъ въ странахъ Припонтійскихъ до конца IV вѣка, когда Аланы на время сдѣлались съ побѣдителями своими Гуннами; но въ VI вѣкѣ встрѣчаемъ ихъ опять между Дономъ и Волгою; здѣсь, равно какъ въ странахъ Прикавказскихъ, византійскіе и арабскіе писатели упоминаютъ о нихъ въ

продолженіе среднихъ вѣковъ. Къ какому племени приписанъ Аланъ — объ этомъ еще спорятъ изслѣдователи; есть основаніе считать ихъ Германцами; для насъ впрочемъ и Аланы, каково бы ни было ихъ происхожденіе, остаются народомъ неисторическимъ потому что ихъ дѣятельность не отличается ничѣмъ отъ дѣятельности ихъ предшественниковъ: ихъ слѣды также пропали въ нашихъ степяхъ.

Мы упоминали уже о Греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Понта. Самою значительною изъ нихъ была здѣсь Ольвія (Борисѡвъ, Милетопольскъ), основанная Милезійцами за 655 лѣтъ до Р. Х., при устьѣ Гипаниса или Буга. Старый городъ былъ разрушенъ Гетами въ половинѣ послѣдняго вѣка до Р. Х., но затѣмъ, при участіи Скивовъ, Ольвія была восстановлена, но не достигла прежняго богатства и великолѣпія; старый городъ, по Геродоту, имѣлъ предмѣстіе, рынокъ, дворецъ Скивскаго царя Скилеса; по надписямъ видно, что въ немъ былъ гимназіумъ, хлебный складочный магазинъ, базаръ, рыбный рынокъ, корабельныя верфи. Скивы производили здѣсь торговлю посредствомъ семи толмачей; Ольвія имѣла обширныя торговыя связи съ Греческими городами до самой Сициліи. Главнымъ храмомъ считался храмъ Юпитера Ольвіоса, гдѣ граждане собирались для совѣщаній; но изъ божествъ особеннымъ уваженіемъ пользовался Ахиллеусъ, — пѣвцу котораго, Гомеру, также воздавались божескія почести. Въ странѣ варварской жители Ольвіи не могли сохранить въ чистотѣ Греческаго языка; они переняли также и Скивскую одежду, въ которой преобладалъ черный цвѣтъ. Вѣрную картину быта Греческихъ колонистовъ можно видѣть въ рассказѣ Діонисія Хрисостома, который въ Ольвіи искалъ убѣжища отъ преслѣдованій Домиціана. Когда жители Ольвіи увидали заморскаго оратора, то съ греческою жадностію бросились послушать его рѣчи старики, начальники усѣлись на ступеняхъ Юпитерова храма толпа стояла съ напряженнымъ вниманіемъ. Діонъ восхищался античнымъ видомъ своихъ слушателей, которые всѣ, подобно Грекамъ Гомера, были съ длинными волосами и съ длинными б

родани; но всѣ они были также вооружены: накануне толпа варваровъ показала передъ городомъ, и въ то время, когда Діонъ произносилъ свою рѣчь, городскіе ворота были заперты, и на укрѣпленіяхъ развѣвалось военное знамя; когда же нужно было выступать противъ варваровъ, то въ рядахъ колонистовъ раздавались стихи Иліады, которую почти всѣ Ольвіополиты знали наизусть²⁹. Время паденія новой Ольвіи трудно опредѣлить. Кроме Ольвіи важными поселеніями Греческими были — Пантикапея, (около Керчи), служившая мѣстопробываніемъ Босфорскимъ царямъ; потомъ Фанагорія, которую полагаютъ подлѣ Тамани; кроме того по берегамъ и во внутренности страны было много другихъ торговыхъ мѣстъ. Постоянная опасность со стороны варваровъ заставила всѣ эти города ввѣрить правленіе одному начальнику, въ слѣдствіе чего произошло Босфорское царство. Война оборотительная влекла босфорскихъ владѣльцевъ и къ наступательной; они покорили своей власти разные окрестные варварскіе народы. Какъ начальники Греческихъ городовъ носили они названіе Архонтовъ, или Игемоновъ; какъ владѣльцы варварскихъ народовъ назывались Василевсами, или Етнархами. Такимъ образомъ на берегахъ Понта, гдѣ сталкивалось столько разноплеменныхъ и разнообразныхъ народовъ, издавна являются странныя, смѣшанныя владѣнія, какимы въ древности было Босфорское царство, въ позднѣйшія времена — Казарское. Самую тѣсную связь съ нашею исторіею имѣетъ богатая Греческая колонія на Таврическомъ полуостровѣ (гдѣ теперь Севастополь) — Херсонесъ (Херсонъ, Корсунь).

Существованіе многихъ торговыхъ цвѣтущихъ поселеній предполагаетъ обширную торговлю. Главнымъ предметомъ вывоза съ северныхъ береговъ Понта и въ древности, какъ теперь, былъ хлѣбъ, за нимъ слѣдовала рыба, потомъ воскъ, медъ, кожи, мѣха, шерсть, лошади; рабы, какъ было сказано выше, составляли также одну изъ значительныхъ отраслей Понтійской торговли. Привозъ состоялъ въ выдѣланныхъ кожахъ, которыя въ грубомъ

видѣ были вывезены отсюдаже, въ одеждѣ, маслѣ, винѣ, произведеніяхъ искусствъ.

Мы видѣли, что не смотря на столкновеніе разныхъ народовъ у береговъ Понтійскихъ, не смотря на ихъ движенія и борьбу въ странахъ этпхъ, во все продолженіе такъ называемой древней исторіи, господствуетъ мертвенное однообразіе: сѣбялюбивыя имена народовъ, но бытъ ихъ оставался одинаковъ. Только однажды однообразіе этого пустыннаго міра было нарушено движеніемъ историческаго народа, походомъ Персидскаго Царя Дарія Истаспа; преданія объ этомъ походѣ любопытны для историка, потому что даютъ понятіе о свойствахъ страны и народовъ въ ней обитавшихъ. За 513 лѣтъ до Р. Х., съ 700 или 800,000 войска и 600 кораблей переправился Персидскій Царь черезъ Фракійскій Босфоръ по великолѣпному мосту въ Европу, и вступилъ въ Скиюю. Скионы не встрѣтили полчищъ Персидскихъ, и стали удаляться въ глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастеніе; Персы начали кружить за ними. Утомленный бесплодною погонею, Дарій послалъ сказать Скиескому царю: «Странный человѣкъ! за чѣмъ ты бѣжишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя въ силахъ сопротивляться мнѣ, то стой и бейся; если же нѣтъ, то остановись и поднеси своему повелителю въ даръ землю и воду, и вступи со мной въ разговоръ». Скионъ отвѣчалъ: «Никогда еще ни передъ однимъ человѣкомъ не бѣгалъ я изъ страха, не побѣгу и передъ тобою; что дѣлаю я теперь, то привыкъ дѣлать и во время мира а почему не бьюсь съ тобою, тому вотъ причины: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни хлѣбныхъ полей, и потому намъ нечего биться съ вами изъ страха, что вы ихъ завоюете, или истребите. Но насъ есть отцовскія могилы: попробуйте ихъ раззорить, тогда узнаете, будемъ ли мы съ вами биться, или нѣтъ». Одни косяки мертвецовъ привязывали Скиюа къ землѣ, и ничего, кромѣ могилъ не оставилъ онъ въ историческое наслѣдіе племенамъ грядущимъ. Персы увидали, что зашли въ страну могилъ, и обратились назадъ³⁰.

Вторженіе Персовъ въ Скиѣю не произвело ничего, кромѣ ускореннаго движенія ея обитателей; попытки Митридата возбудить востокъ, миръ варваровъ противъ Рима, остались тщетными. Движенія изъ Азіи не могли возбудить исторической жизни въ странахъ Понтійскихъ; но вотъ слышится преданіе о противоположномъ движеніи, съ запада, изъ Европы, о движеніи племъ, давшихъ странѣ исторію.

ГЛАВА Ш.

**СЛАВЯНИ И ДРУГИЯ ПЛЕМЕНА, ВОШЕДШИЯ ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА;
ИХЪ БЫТІЕ И СУДЬБА ДО ПОЛОВИНЫ IX-ГО ВѢКА.**

Славянское племя не помнитъ о своемъ приходѣ изъ Азіи, о вождѣ, который вывелъ его оттуда; но оно сохранило преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на берегахъ Дуная, о движеніи оттуда на сѣверъ, и потомъ о вторичномъ движеніи на сѣверъ и востокъ, въ слѣдствіе натиска какого-то сильнаго врага. Это преданіе заключаетъ въ себѣ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію: древнее пребываніе Славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясныя слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ; сильныхъ враговъ у Славянъ на Дунаѣ было много: съ запада Кельты, съ сѣвера Германцы, съ юга Римляне, съ востока Азіатскія орды; только на сѣверовостокъ открытъ былъ свободный путь, только на сѣверовостокѣ Славянское племя могло найти себѣ убѣжище, гдѣ, хотя не безъ сильныхъ препятствій, успѣло основать государство и укрѣпить его въ уединеніи, вдалекѣ отъ сильныхъ натисковъ и вліяній Запада, до тѣхъ поръ, пока оно, собравши силы, могло уже, безъ опасенія за свою независимость, выступить на поприще и обнаружить съ своей стороны вліяніе и на востокъ и на западъ.

Вотъ это преданіе о первоначальномъ мѣстѣ жительства Славянъ и движеніяхъ ихъ, какъ оно читается у нашего Русскаго лѣтописца³²: «спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія, сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами, гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ имянемъ Морава, и

прозвались Моравами, другіе назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне-Хрваты Бѣлые, Сербы и Хорутане. Когда Волхи на-шли на Славянъ Дунайскихъ, поселились среди нихъ, и начали насильничать, то тѣ Славяне (т. е. Моравы и Чехи) двинулись, сѣли на Вислѣ рѣкѣ, и прозвались Ляхами, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвались Поляне (Поляки), къ племени же Ляховъ принадле-жать Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Также и эти Славяне (т. е. Хрваты Бѣлые, Сербы и Хорутане) двинулись и сѣли по Днѣ-пру и проч.» Довольствуясь достовѣрностію явленія, мы не ста-немъ входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, кто былъ этотъ могущественный врагъ, потѣснившій Славянъ изъ подунайскихъ жилищъ ихъ. Писатели перваго вѣка нашего лѣтосчисленія зна-ютъ Славянъ подъ именемъ Венедовъ около Вислы, между пле-менами Сарматскими, Финскими и Германскими, встрѣчается у нихъ и имя Сербовъ далѣе къ востоку³³. Краткія указанія о бытѣ Славянъ — Венедовъ впервые встрѣчаемъ у Тацита: Тацитъ сначала обнаруживаетъ сомнѣніе, къ какимъ племенамъ причи-слить Венедовъ — къ Германскимъ или Сарматскимъ? Они много приняли изъ Сарматскихъ нравовъ, говоритъ онъ, потому что какъ разбойники скитаются по странѣ, лежащей между Певци-нами и Финнами. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что въ глазахъ Тацита Венеды были похожи на Сарматовъ суровостію нравовъ; Венеды въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. отличались воинственнымъ движеніемъ, знакъ еще неустановившейся жизни, недавняго пе-реселенія. Нравами Венеды показались Тациту похожи на Сар-матовъ; но когда онъ вглядѣлся внимательнѣе въ ихъ бытъ, то нашелся принужденнымъ сказать, что скорѣе ихъ слѣдуетъ от-нести къ племенамъ Европейскимъ: они, говоритъ Тацитъ, стро-ятъ дома, носятъ щиты и сражаются пѣши: все это совершенно отлично отъ Сарматовъ, живущихъ въ кибиткѣ и на лошади. Та-кимъ образомъ первое достовѣрное извѣстіе о бытѣ Славянъ представляетъ ихъ намъ народомъ осѣдымъ, рѣзко отличнымъ отъ кочевниковъ; въ первый разъ Славянинъ выводится на исто-рическую сцену въ видѣ Европейскаго воина — пѣшь и со щитомъ. Писатели слѣдующихъ вѣковъ постоянно упоминаютъ меж-

ду главными народами Сарматіи — Венедовъ, а далѣе на востокъ Сербовъ³⁴. Въ половинѣ VI вѣка извѣстія о племенахъ и жилищахъ Славянскихъ становятся нѣсколько точнѣе: по Юрнаду³⁵, многочисленное племя Венедовъ раздѣлялось на два народа — Славянъ, жившихъ отъ верховья Вислы на востокъ до Днѣпра, и Антовъ, которые были сильнѣе первыхъ, и жили въ странахъ при-понтійскихъ, отъ Днѣпра до Днѣстра. Прокопій³⁶ знаетъ также Славянъ и Антовъ, прибавляя, что въ древности оба народа были извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ Споровъ, въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи не безъ вѣроятности видятъ Сербовъ. Прокопій говоритъ, что на берегахъ Азовскаго моря живутъ Утургуры, а пространство далѣе отъ нихъ къ сѣверу занимаютъ безчисленные народы Антовъ.

Отъ этихъ неопредѣленныхъ указаній иностранныхъ писателей перейдемъ теперь къ точнѣйшимъ указаніямъ нашего начального лѣтописца о разселеніяхъ восточныхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства. Объ этомъ разселеніи лѣтопись говоритъ въ трехъ мѣстахъ; въ первомъ мѣстѣ говорится³⁷, что восточная отрасль Славянъ, т. е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане, будучи потѣснены врагомъ, двинулись на сѣверовостокъ, и одни сѣли по Днѣпру и назвались Полянами, а другіе Древлянами, потому что сѣли въ лѣсахъ; далѣе сѣли между Припѣтью и Двиною, и назвались Дреговичами; нѣкоторые сѣли на Двинѣ, и назвались Полочанами, отъ имени рѣчки Полоты, впадающей въ Двину. Часть Славянъ сѣла также около озера Ильмена, и прозвалась своимъ именемъ — Славянами; эти Славяне построили городъ, и назвали его Новгородомъ; остальные Славяне сѣли по Деснѣ, по Сени, по Сулѣ, и назвались Сѣверомъ, или Сѣверянами. — Въ другомъ мѣстѣ³⁸ говорится, что у Полянъ было свое княженъе, у Древлянъ свое, у Дреговичей свое, у Славянъ свое въ Новгородѣ, у Полочанъ свое. Отъ нихъ же, т. е. отъ Полочанъ — Кривичи, которые сядятъ на верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Потомъ тутъ же перечисляются племена въ такомъ порядкѣ: Поляне, Древляне, Новгородцы,

Полочане, Дреговичи, Сѣверяне съ прибавкою Бужанъ, назвавшихся такъ по рѣкѣ Бугу, и прозванныхъ послѣ Волынянами.— Наконецъ въ третьемъ мѣстѣ ³⁹, говоря о Полянахъ и Древянахъ, съ подтвержденіемъ, что они племени Славянскаго, летописецъ прибавляетъ еще Радимичей и Вятичей, которые происходятъ отъ Ляховъ, т. е. отъ западныхъ Славянъ: были два брата въ Ляхахъ, Радимъ и Вятко; Радимъ пришелъ и сѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожѣ, а Вятко на Окѣ. Тутъ же прибавлены Хорваты, потомъ Дулѣбы, жившіе по Бугу, гдѣ во время летописца были уже Волыняне; наконецъ Угличи и Тиверцы, сѣдѣвшіе по Днѣстру до самаго моря и Дуная, многочисленныя племена, у которыхъ были города, существовавшіе до времени летописца.

Изъ перваго извѣстія видно, что восточные Славяне двинулись отъ Хорватовъ, изъ нынѣшней Галиціи, прямо на востокъ до Днѣпра: то были Древяне и Поляне. Потомъ Славянское народонаселеніе стало распространяться на сѣверъ по правому берегу Днѣпра; между Припетью и Двиною явились Дреговичи, за ними по Двинѣ, опять прямо на сѣверъ Полочане, и наконецъ Славяне Новгородскіе. Кривичи пропущены въ первомъ извѣстіи; летописецъ прямо переходитъ къ ближайшимъ къ Кіеву Сѣверянамъ, на восточный берегъ Днѣпра, къ Деснѣ, Семи и Сулѣ. Другое извѣстіе дополняетъ и объясняетъ первое: здѣсь сначала летописецъ пересчитываетъ только пять главныхъ племенъ на западной сторонѣ: Полянъ, Древянъ, Дреговичей, Славянъ Новгородскихъ и Полочанъ; но потомъ указываетъ на дальнѣшее выселеніе: отъ Полочанъ расселились Кривичи по верховьямъ Волги, Двины и Днѣпра — «отъ нихъ же Кривичи»; отъ Кривичей на югъ, по Днѣпру и его притокамъ, Сѣверяне. Слѣдовательно, если принимать буквально извѣстіе летописца, то выйдетъ, что Славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ, и потомъ спускалось на югъ по восточной сторонѣ этой рѣки. О другихъ племенахъ—Дулѣбахъ, Бужанахъ, Угличахъ и Тиверцахъ, Радимичахъ и Вятичахъ летописецъ сначала не упоминаетъ ни въ первомъ, ни во второмъ извѣстіи: изъ

* *

этого умолчания имѣемъ право заключить, что означенныя племена явились на востокѣне въ слѣдствіе извѣстнаго толчка отъ Волховъ, и не имѣютъ связи съ перечисленными выше племенами, а явились особо.

И такъ первыми Славянскими поселенцами, которыхъ приходъ и причину его помнитъ преданіе, являются Древляне и Поляне, жители лѣсовъ и жители полей; уже эти самыя мѣстныя причины условливали разницу въ нравахъ обоихъ племенъ, большую дикость Древлянъ, большую склонность ихъ жить на счетъ сосѣдей, отчего терпѣли Поляне. Это послѣднее племя приобрѣло особенное значеніе потому, что городокъ, среди него основанный, Кіевъ, сталъ главнымъ городомъ Русской земли. На счетъ основанія Кіева, какъ вообще всѣхъ древнихъ знаменитыхъ городовъ, ходили разныя преданія. Названіе его, сходное съ прилагательною притяжательною формою, заставило предположить имя основателя Кія (Кій — Кіевъ городъ, какъ Андрей — Андреевъ, Петръ — Петровъ); названіе разныхъ городскихъ урочищъ, горъ — Шековицы и Хоревницы, повели къ предположенію первыхъ насельниковъ — Шека и Хорива; господствующія понятія заставили связать Кія, Шека и Хорива кровнымъ союзомъ, предположить въ нихъ братьевъ; названіе рѣчки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрою Лыбедью. Самъ лѣтописецъ предложилъ очень хорошее объясненіе этого производства: Кіевъ перевозъ заставлялъ предполагать Кія перевозчика ⁴⁰. Названіе городища Кіевецъ на Дунаѣ заставило предположить, что основателемъ было одно и то же лице; отсюда необходимо другое представленіе, что Кій былъ знаменитый владыка рода, ходившій въ Царьградъ, принявшій большую честь отъ Императора и построившій на возвратномъ пути Кіевецъ ⁴¹: позднѣйшіе походы Русскихъ Кіевскихъ князей въ Грецію, къ Дунаю, естественно влекли къ такому представленію, точно такъ какъ господство родовыхъ понятій заставляло лѣтописца предполагать въ Кіѣ князя, старѣйшину рода «и Кій княжаше въ родѣ своемъ», хотя дальній походъ въ Грецію и желаніе поселиться на Дунаѣ, въ странѣ болѣе привольной, обличаютъ скорѣе безпокойнаго вождя дружины,

чѣмъ мирнаго владыку рода. Изъ этихъ преданій историкъ можетъ вывести только то, что жители Дуная и Днѣпра были единоплеменны, судя по сходству названій Кіева и Кіевца, если только последнее не явилось на Дунаѣ во времена Святослава; точно такъ какъ можно видѣть признакъ общеславянскаго родства между племенами въ сходствѣ названій Кіева и Куявы Польской, не предполагая впрочемъ здѣсь связи болѣе тѣсной.

За Древлянами слѣдуютъ Дреговичи, поселившіеся между Припечью и Двиною. Название Дреговичей встрѣчается у Болгарскихъ Славянъ, и въ Германіи⁴². — За Дреговичами слѣдуютъ Полочане, т. е. Кривичи. Старые города у нихъ были: Изборскъ, Полоцкъ (отъ рѣки Полоты), Смоленскъ; позднѣе встрѣчающійся въ лѣтописи Торопецъ (отъ рѣки Торопы) у простаго народа слыветъ теперь Кривитепскъ, Кривичъ или Кривигъ⁴³. — За Кривичами идутъ Славяне Новгородскіе. Во всѣхъ названіяхъ племенъ мы замѣчаемъ, что они происходятъ или отъ мѣстъ или отъ именъ родоначальниковъ, или племена называется собственнымъ существительнымъ, какъ напр. Дулѣбы; одни только жители Новгорода и окрестныхъ мѣстъ «прозвашася своимъ именемъ», какъ говоритъ лѣтописецъ, Славянами. Эта странность можетъ объясниться тѣмъ, что Славяне Ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ Кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видоваго названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удерживали названіе родовое въ отличіе отъ чужеземниковъ — Финновъ, которыми были окружены. — Сѣверяне, по лѣтописцу, пошли отъ Кривичей, и поселились на рѣкахъ Деснѣ, Семи и Сулѣ⁴⁴. — Названія Радимичей и Вятичей лѣтописецъ прямо производитъ отъ именъ родоначальниковъ, и сообщаетъ преданіе, что оба эти племени происходятъ отъ Ляховъ. Мы не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе, которое показываетъ, что эпоха прибытія этихъ племенъ не была слишкомъ отдаленна: о немъ помнили еще во времена лѣтописца. Что племена эти пришли позднѣе другихъ, доказываютъ избранныя ими жилища: Радимичи поселились на Сожѣ, а Вятичи должны были перейти далѣе на

востокъ, на Оку, потому что земли по Деснѣ, лежація между Сожью и Окою, уже были заняты Сѣверянами.

Касательно Дулѣбовъ и Бужанъ мы принимаемъ эти два названія принадлежащими одному и тому же племени, имѣвшему жилища свои на Западномъ Бугѣ: въ лѣтописи, въ двухъ разныхъ извѣстіяхъ эти племена помѣщены на одинакихъ мѣстахъ, съ одинакимъ прибавленіемъ, что какъ то, такъ и другое племя послѣ называлось Воляннами, и ни въ одномъ извѣстіи оба названія не поставлены вмѣстѣ рядомъ, но гдѣ есть одно, тамъ нѣтъ другаго. О движеніи Дулѣбовъ-Бужанъ лѣтописецъ не знаетъ: думаемъ, что ихъ должно разсматривать, какъ отрасль Хорватскаго племени, поселившуюся съ незапамятныхъ поръ на берегахъ Буга, на Волини. — Последними племенами къ югу лѣтописецъ считаетъ Угличей и Тиверцевъ. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ о расселеніи племенъ, жилища Угличей и Тиверцевъ назначены по Днѣстру до моря и Дуная: «Улучи (Угличи), Тиверцы сѣдяху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфъ». Но есть другое извѣстіе, изъ котораго видно, что Угличи жили прежде въ низовьяхъ Днѣпра: когда Игоревъ воевода Свѣнелдъ, послѣ упорнаго трехлѣтняго сопротивленія, взялъ ихъ городъ Пересѣченъ, то они двинулись на западъ, перешли Днѣстръ, и поселились на западномъ его берегу, гдѣ еще теперь, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, Бессарабской области, находится деревня Пересѣчени или Пересѣчина, вѣроятно основанная бѣглецами въ память прежняго ихъ города⁴⁵. Указанія лѣтописца на многочисленность Тиверцевъ и Угличей, на ихъ упорное сопротивленіе Русскимъ князьямъ, на ихъ жилища отъ Днѣстра, или даже отъ Дуная до самаго Днѣпра, и, можетъ быть, дальше на востокъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это тѣ самыя племена, которыя Прокопію и Иорнанду были извѣстны подъ именемъ Антовъ.

Что касается быта Славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: «каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ»⁴⁶. Мы теперь почти

потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; но предки наши не знали семьи⁴⁷, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ⁴⁸; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи нѣтъ родовой, и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника⁴⁹, въ смыслѣ народа⁵⁰; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя⁵¹. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ, и, по словопроизводству, нѣтъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства⁵². Существуютъ различныя взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, причемъ приводятъ въ примѣръ семью Римскую и Германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ младенческомъ состояніи народа, котораго движенія, страсти мало чѣмъ обуздываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы не можемъ нѣтъ раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти; но не знаемъ, въ правѣ ли мы

будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій? не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самогъ грубомъ? Владиміръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ — но входитъ малютка сынъ, и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія? Мы не должны только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить о поступкахъ языческихъ грубыхъ народовъ; такъ напримѣръ отецъ въ семьѣ Германской и Литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей своихъ, если семья была уже многочисленна, или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцевъ, приводящее насъ въ ужасъ, происходило у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигомъ состраданія; доказательствомъ тому служить обязанность дѣтей у Германцевъ и Литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. Эти обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которыя не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мстить ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ Славянъ: летописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ

бичахъ; даже у Славянъ Померанскихъ, которые по воинственному характеру своему, и по сосѣдству съ племенами Германскими и Литовскими, являются болѣе похожими на послѣднихъ, даже и у этихъ Славянъ съ престарѣлыми и слабыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чѣмъ у Германцевъ и Литовцевъ⁵³. Вообще же должно остерегаться брать точныя опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.

Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти; одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старшинная Чешская пѣсня говоритъ: «Когда умереть глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку⁵⁴.» Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самъ собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, старшины. Этотъ старшина не всегда бываетъ физически старшимъ въ родѣ; онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе посадить князя. Избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, вноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнѣмъ значеніи владыки рода, какъ жреца, потому что окруженный всѣми родичами кадитъ иконы⁵⁵. Послѣдующая исторія Гурикова княжескаго рода показываетъ, что и въ бытѣ нашихъ восточныхъ Славянъ имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія: старшій братъ обыкновенно заступалъ мѣсто отца для младшихъ. Къ старшинству послѣдняго родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно въ семьѣ старшій сынъ имѣетъ первое мѣсто по отцѣ, пользуется большею довѣренностію послѣдняго, является глав-

нымъ исполнителемъ его воли: въ глубокой старости отца заступаетъ совершенно его мѣсто въ управленіи семейными дѣлами; отецъ при смерти обыкновенно благословляетъ его на старшинство послѣ себя, ему поручаетъ семью. Такимъ образомъ по смерти отца, старшій братъ естественно наследуетъ старшинство, становится въ отца мѣсто для младшихъ. Младшіе братья ничего не теряли съ этою переменною: старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему, какъ старшему, къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось; онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды; онъ судилъ и наказывалъ: но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними, какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость; власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, въ слѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго; могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ. Но легко понять, какіе слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній; не возможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія; онъ уважалъ старшаго брата, какъ отца; но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственный союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ неопредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйти изъ рода; но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья — отсюда усобицы и распаденіе рода; если же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ

своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйти изъ рода, который избиралъ другаго старшаго. Такіе случаи могли быть нерѣдки, какъ увидимъ въ послѣдующей исторіи Рюрикова княжескаго рода; изъ этой исторіи мы знаемъ также, какимъ исключеніемъ подвергался обычай давать княженія всегда старшему въ родѣ; знаемъ, какъ терялись права на старшинство въ слѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, когда напр. личноу достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго; могло случаться, что самъ отецъ при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему; случаи исключенія изъ старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда родъ дробился все болѣе и болѣе, племена (линіи) расходились, и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо происходила вражда, усобица между членами рода и линиями, отъ нихъ происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линий отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія мѣста; но такъ какъ причиною выселеній была вражда, то ясно, что выселившіяся лініи, образовавшись въ особыя роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами.

Обширность и дѣвственность населенной восточными Славянами страны давали родичамъ возможность выселиться при первомъ неудовольствіи, что, разумѣется, должно было ослаблять усобицы: мѣста было много, за него, по крайней мѣрѣ, неужно было ссориться. Но могло случаться, что особенныя удобства мѣстности привязывали къ ней родичей, и не позволяли имъ такъ легко выселяться; это особенно могло случаться въ городахъ, мѣстахъ, выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими усиліями родичей и цѣлыхъ поколѣній; слѣд. въ городахъ усобицы долженствовали быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ Славянъ, изъ словъ летописца, можно заключать только то, что эти огороженные мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ:

Кіевъ, по лѣтописцу, былъ жилищемъ рода; при описаніи междуусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, какъ развито было общественное устройство, видно, что до призванія князей, оно не переходило еще родовой грани; первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, должны были быть общія сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча, сходки старшинъ, родоначальниковъ не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ, доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей. Не смотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городовая жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на обычныхъ мѣстахъ: въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанию о необходимости наряда, правительственнаго начала. Остается вопросъ: какое отношеніе было между этими городами и народонаселеніемъ, въ ихъ живущимъ, было ли это народонаселеніе независимо отъ города или подчинено ему? Естественно предположить, что городъ первымъ пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространялось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для болѣе безопасности, и потомъ уже, въ слѣдствіе размноженія своихъ членовъ, наполнял и всю окрестную страну; если предположить выселеніе изъ городовъ младшихъ членовъ рода или родовъ, тамъ живущихъ, то необходимо предположить связь и подчиненіе, подчиненіе, разумѣется, родовое младшихъ старшимъ; ясны слѣдствія этого подчиненія мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ новыхъ городовъ или пригородовъ къ городамъ старымъ, откуда они получили народонаселеніе. Но кромѣ этихъ родовыхъ отношеній связь и подчиненность сельскаго народонаселенія городскому могутъ скрѣпляться и по другимъ причинамъ: сельское народонаселеніе

было разбросано, городское совокуплено, и потому последнее имѣло всегда возможность обнаруживать свое вліяніе надъ первыиъ; въ случаѣ опасности сельское народонаселеніе могло находить защиту въ городѣ, необходимо пришыкало къ послѣднему, и поэтому уже самому не могло сохранить равнаго съ нимъ положенія. На такое отношеніе городовъ къ окружному народонаселенію находимъ указаніе въ лѣтописи: такъ говорится, что родъ основателей Кіева держалъ княженъ среди Полянъ. Но, съ другой стороны, мы не можемъ предполагать большой точности, опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ, ибо и послѣ, въ историческое время, какъ увидимъ, отношеніе пригородовъ къ старшему городу не отличалось опредѣленностію; и потому, говоря о подчиненіи сель городованъ, о связи родовъ между собою, зависимости ихъ отъ одного центра, мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость въ дорюриковское время отъ подчиненности, связи и зависимости, начавшихъ утверждаться мало-по-малу послѣ призванія князей Варяжскихъ; если сельчане считали себя младшими относительно горожанъ, то легко понять, въ какой степени признавали они себя зависимыми отъ послѣднихъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ старшина городской. Городовъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что Славяне любили жить разсыянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ: на всемъ пути изъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города — Смоленскъ и Любечъ; у Древланъ упоминаются города кромѣ Коростеня; на югѣ должно было находиться больше городовъ: здѣсь болѣе было нужды въ защитѣ отъ нашествія дикихъ ордъ, да и потому, что мѣсто было открытѣе: у Тиверцевъ и Угличей были города, сохранившіеся и во времена лѣтописца; въ средней полосѣ—у Дреговичей, Радимичей, и Вятчей не встрѣчается упоминовенія о городахъ.

Кромѣ преимуществъ, которыя городъ, (т. е. огороженное мѣсто, въ стѣнахъ котораго живетъ одинъ многочисленный, или нѣсколько отдѣльныхъ родовъ), могъ имѣть надъ окружнымъ разсыяннымъ народонаселеніемъ, могло, разумѣется, случаться, что

одинъ родъ, сильнѣйшій матеріальными средствами, получалъ преимущество передъ другими родами; что Князь, начальникъ одного рода, по своимъ личнымъ качествамъ, получалъ верхъ надъ князьями другихъ родовъ. Такъ у южныхъ Славянъ, о которыхъ Византійцы говорятъ, что у нихъ много князьковъ и нѣтъ единого государя, иногда являются князья, которые, по своимъ личнымъ достоинствамъ, выдаются впередъ, какъ напр. знаменитый Лавритасъ. Такъ и у насъ, въ извѣстномъ рассказѣ объ Ольгиной мести, у Древлянъ сначала на первомъ планѣ является князь Малу; но замѣтимъ, что здѣсь нельзя еще принимать Мала непременно княземъ всей Древлянской земли: можно принимать, что онъ былъ князь Коростенскій только; что въ убіеніи Игоря участвовали одни Коростенцы подъ преимущественнымъ вліяніемъ Мала, остальные же Древляне приняли ихъ сторону послѣ, по яленому единству выгодъ, на это прямо указываетъ преданіе: «Ольга же устремилась съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, яко тѣ бяху убили мужа ея.» Малу, какъ главному зачинщику, присудили и жениться на Ольгѣ; на существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли указываетъ преданіе въ словахъ пословъ Древлянскихъ: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю;» объ этомъ свидѣтельствуетъ и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгою.

Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и наоборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Извѣстная уже Чешская пѣсня говоритъ: «когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода.» Общее владѣніе родовой собственностію необходимо заставляло родичей возстановлять значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдов. возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Должно замѣтить, что родовую связь и

общую, нераздѣльную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими первоначальными занятіями родичей⁵⁶.

Что касается нравовъ и обычаевъ Славянъ языческихъ, то они условиваются преимущественно тогдашнимъ народнымъ бытомъ ихъ. Сличивъ извѣстія современниковъ—чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще Славяне своею нравственностію производили на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ Славянскихъ находилась въ противоположности съ испорченными нравами тогдашнихъ образованныхъ или полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между Славянами. Доброта не исключала, впрочемъ, свирѣлости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ: тѣ же писатели, которые хвалятъ доброту Славянъ, рассказываютъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными, съ проповѣдниками христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы. Одни писатели называютъ Славянъ нелукавыми, другіе вѣроломными: это противорѣчіе объясняется извѣстіемъ, что между Славянами господствовали постоянно различныя мѣннія: ни въ чемъ они не были между собою согласны; если одни въ чемъ—нибудь соглашались, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиниться другому. Такое поведение происходило естественно изъ разрозненности, особенности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ родоваго.

Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепримство Славянъ, ихъ ласковость къ иностранцамъ, которыхъ усердно провожали изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ претерпитъ какую—нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почти священнымъ долгомъ отмстить за странника; о сѣверозаводныхъ Славянахъ рассказываютъ, что у нихъ считалось позолненнымъ украсть для угощенія. Гостепримство есть черта,

принадлежащая не однимъ Славянамъ : у Грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить высшее божество — Зевеса ; и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно должны были чувствовать эту обязанность Славяне, народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновениямъ и съ своими, и съ чужими, нападеніямъ и изгнанію. Но кромѣ состраданія, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ: сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ походахъ! Съ другой стороны, человекъ много странствовавшій, слѣд. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался большимъ уваженіемъ, являлся существомъ необыкновеннымъ, героемъ, потому что дерзалъ преодолевать страшныя препятствія, соединенныя тогда съ путешествіемъ, — удача въ этомъ предолѣніи была знакомъ особенной милости боговъ; бояться одинокаго странника было нечего, научиться отъ него можно было многому, оскорбить любимаго боговъ было страшно. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждаго дома былъ мѣстопробываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества; оскорбить странника, значило оскорбить божество. Наконецъ странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человекѣ и родѣ гостепріимномъ⁵⁷. Славянинъ считалъ позволненнымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода⁵⁸.

Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными, которыми оставлена жизнь; говорятъ, что у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что на-

значенъ былъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ сильно, вопервыхъ, у народовъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправления сложны, роскошь развита; вовторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятія войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ, какъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть : для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинствененъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне жили подъ самыми простыми формами быта, быта родоваго, ихъ хозяйственныя отправления были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши ; при всемъ этомъ и при постоянной борьбѣ съ своими и съ чужими, при постоянной готовности покинуть свое мѣсто-пребываніе и спастись отъ врага, рабы могли только затруднить Славянское семейство, а потому и не имѣли большой цѣнности. Потому извѣстно, что воинственность не была господствующею чертою Славянскаго народнаго характера, и что Славяне вове не гнушались земледѣльческими занятіями. У народа въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи ; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику ⁵⁹.

Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы Славянъ производили благоприятное впечатлѣніе, они отзываются объ нихъ съ похвалою ; вовсе не такъ снисходителенъ къ древнимъ Славянскимъ нравамъ и обычаямъ нашъ начальный лѣтописецъ, ду-

ховный христіанскій, который потому съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Исключая Полянъ, ииѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровьями и деверьями, ииѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили поскотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвиць. Радичичи, Вятичи и Сѣверяне ииѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, во игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ, и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ, который ставили на столпъ, на распутіи ⁶⁰.

При этомъ описаніи нельзя не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Основа семьи, узелъ ея — это бракъ; отсюда понятно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ; это — то различіе въ обычаяхъ брака лѣтописецъ и приводитъ, какъ основное нравственное различіе между племенами. У нѣкоторыхъ племенъ, по его свидѣтельству, брака не было, женъ себѣ похищали, слѣд. подъ выраженіемъ: не ииѣли брака — мы должны разумѣть только — то, что они не совершали брака, какъ должно, по ииѣнію лѣтописца, т. е. съ согласія родственниковъ невѣсты, какъ было у Полянъ. Здѣсь представляется вопросъ: при какихъ обстоятельствахъ могло происходить похищеніе дѣвиць въ родовомъ быту? Если родъ, развѣтвляясь, сохранялъ единство, всѣ члены его жили вмѣстѣ, повинуваясь одному старшинѣ, то позволялось ли имъ вступать въ бракъ въ своемъ родѣ въ извѣстныхъ степеняхъ? Въ послѣдствіи Князья Рюриковичи вступали въ бракъ въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства: ⁶¹ у языческихъ Славянъ родъ могъ легко сохранять единство при этихъ степеняхъ;

можно предположить также, что у язычниковъ браки позволялись и въ степеняхъ ближайшихъ, особенно при многоженствѣ. Если браки совершались внутри рода, то ясно, что въ такомъ случаѣ похищеніе не могло имѣть мѣста; постоянное сожителство четы должно было быть слѣдствіемъ согласія цѣлаго рода, воли отца — старшины; такимъ образомъ похищеніе могло происходить только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужаго рода, изъ чужаго села. Здѣсь похищеніе не было слѣдствіемъ одной враждебности родовъ, потому что если члены разныхъ родовъ сходились вмѣстѣ на одни игрища (по всей вѣроятности религіозныя), то нельзя предполагать между ними вражды; здѣсь, кромѣ вражды, похищеніе должно было произойти отъ того, что каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ, и не хотѣлъ уступить ее чужеродцамъ, и если члену одного рода понравилась на игрищѣ дѣвушка изъ чужаго рода, то, чтобъ имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе, естественно, производило вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе; на такое явленіе указываетъ свадебный обрядъ, сохранившійся и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простаго народа: «Подлѣ невѣсты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ. Дружко спрашиваетъ его: за чѣмъ сидишь здѣсь? — Я берегу свою сестру. — Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко. — А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ.»⁶² — Это вознагражденіе не могло быть малое, потому что число женщинъ не могло быть велико: вспомнимъ, что у Славянъ было въ обычай многоженство; вспомнимъ также и другой обычай, по которому жены слѣдовали въ могилу за мужьями; обычай же многоженства и недостатокъ въ женщинахъ необходимо умножали случаи похищенія.

Но если похищенія могли происходить при разрозненности родовъ, жившихъ особо, въ разныхъ селахъ, и сходящихся

рѣдко, только на игрища (религіозные праздники), то могли ли они происходить въ городахъ, гдѣ нѣсколько родовъ жило на одномъ мѣстѣ, гдѣ слѣд. не могло быть такой разрозненности, особенности между ними, напротивъ, сношенія непрерывныя! Здѣсь, при безпрестанномъ столкновеніи молодыхъ людей обоего пола изъ разныхъ родовъ, было невозможно для послѣднихъ удерживать своихъ дѣвушекъ для себя и давать поводы къ похищеніямъ, которыя долженствовали быть чрезвычайно часты, вести къ ежедневнымъ ссорамъ между сосѣдами; напротивъ, старшинамъ родовъ, даже во взаимныхъ борьбахъ, часто могло быть выгодно скрѣплять свои отношенія къ другимъ родамъ взаимными брачными связями между ихъ и своими членами. Здѣсь въ городахъ необходимо долженъ былъ произойти обычай сватовства, брачный обычай, по выраженію лѣтописца, браки должны были заключаться съ согласія родственниковъ невѣсты. Какъ же они заключались? Разумѣется, условія должны были зависѣть отъ старшинъ, обязанныхъ блюсти выгоды рода; естественно, что обычай давать вѣно, или цѣну за выводъ изъ рода могъ долго имѣть мѣсто: нужда была на сторонѣ жениха, на сторонѣ его рода, а не на сторонѣ рода невѣсты, для котораго дѣвушка не могла быть лишнею. Но съ другой стороны, плата за содержаніе, при обычаяхъ взаимныхъ браковъ между членами разныхъ родовъ съ согласія послѣднихъ, теряла свое значеніе: если родъ отпускалъ дѣвушку въ чужой родъ, то въ то же время онъ имѣлъ возможность приобрѣсть женъ для своихъ членовъ изъ чужаго рода; напротивъ здѣсь, въ городахъ, гдѣ браки заключались съ согласія родственниковъ невѣсты, давался просторъ чувству родительской привязанности, которая, простираясь одинаково къ сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ отсюда происхожденіе приданаго; въ городахъ близость поддерживала тѣсныя родственныя отношенія между родами, вошедшія въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ

возможность наблюдать за поведением новых родных относительно дочери, за ея выгодами; дочь не выходила из рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое увидимъ послѣ въ отношеніяхъ между Князьями Рюриковичами, и которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: племя дочери, сестры стало сравниваться съ племенемъ сына, брата, свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ сестричичъ, сынъ сестры, хотя бы принадлежалъ къ враждебному роду, считался своимъ; такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Уже замѣчено было, что вѣно, или плата за невѣсту была въ тѣсной связи съ похищеніемъ: если дѣвушка, сговорясь на игрищѣ съ чужаниномъ, убѣгала съ нимъ въ чужой родъ, то тѣмъ самымъ, разумѣется, разрывала всякую связь съ покинутымъ ею родомъ, не имѣла права надѣяться что-нибудь получить отъ него, и прежніе родичи заботились только о томъ, чтобъ получить за нее плату, чтобъ она не пропала для рода даромъ; но если дѣвушка оставляла родъ съ согласія его, съ согласія старшины, отца, то ясно, что послѣдній обязанъ былъ заботиться о ея благосостояніи, какъ о благосостояніи каждаго другаго члена рода, обязанъ былъ надѣлать ее всѣмъ нужнымъ, вслѣдствіе чего вѣно, прежняя цѣна за выводъ дѣвушки изъ рода у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ потеряла свое значеніе: вѣно вмѣстѣ съ приданымъ начало обращаться въ собственность жены⁶³. Но у нашихъ Славянъ, какъ видно, вѣно, не теряя вполне своего значенія, перешло въ подарки отъ жениха роднымъ невѣсты, а самое слово начало означать вообще брачныя условія, брачную запись⁶⁴. Замѣтимъ опять, что вѣно, какъ цѣна за выведенную изъ рода дѣвушку, находится въ тѣсной связи съ похищеніемъ, а приданое съ выдачею за-мужъ при согласіи родственниковъ невѣсты, и что первый обычай долженъ былъ господствовать у народонаселенія, которое жило отдѣльными родами, а второй долженъ былъ произойти въ городахъ, гдѣ на одномъ мѣстѣ жило нѣсколько родовъ⁶⁵.

Многоженство у всѣхъ племенъ Славянскихъ есть явленіе несомнѣнное; нашъ лѣтописецъ говоритъ о восточныхъ Славянахъ, что они брали по двѣ и по три жены; обычай многоженства сохранялся и долго послѣ введенія Христіанства ⁶⁶. Что касается до положенія Славянской женщины, то дѣвушки, какъ видно, пользовались полною свободою: лѣтописецъ говоритъ, что онѣ сходились съ молодыми людьми чужихъ родовъ на игрищахъ, имѣли возможность совѣщаться съ ними для бѣгства. Что же касается до положенія жены, то разумѣется, при условіяхъ того быта, который мы застаемъ у языческихъ Славянъ, мы не имѣемъ права ожидать большаго уваженія слабѣйшему полу отъ сильнѣйшаго; разумѣется, мы не должны искать у языческихъ Славянъ того тонкаго уваженія къ женщинѣ, которое дается только Христіанскимъ взглядомъ на отношенія двухъ половъ, и которое лѣтописецъ называетъ стыднѣемъ ⁶⁷; отсутствіе этого стыднѣя и ведетъ необходимо къ многоженству. Но при этомъ у народа первобытнаго, разумѣется, мы не встрѣтимъ никакихъ опредѣленій, которыя осуждали бы женщину на вѣчное униженіе и ничтожество, которыя не позволяли бы ей выказывать свою силу умственную, иногда и физическую, приобрѣтать посредствомъ этой силы уваженіе и вліяніе.

Иностранные писатели удивляются привязанности Славянскихъ женщинъ къ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. Если женщина выходила за мужъ въ чужой родъ, то, при строгомъ и ревнивомъ надзорѣ новыхъ родичей, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала и любви и покровительства; умиралъ мужъ — положеніе жены, лишившейся единственной опоры, единственнаго звѣна, соединявшаго ее съ чужою семьею, становилось горько. Но при этомъ очень вѣроятно также, что у Славянъ, такъ какъ и у Германцевъ, было вѣрованіе, что мужчина легче достигаетъ блаженства въ будущей жизни, если переходитъ туда въ сопровожденіи женщины ⁶⁸. Впрочемъ справедливо замѣчаютъ, что этотъ обычай не былъ вкорененъ между Славянами ⁶⁹.

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются

правственныя понятія народа, для лѣтонисца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, къ которому выражаются обыкновенно понятія народа о загробной жизни, и потому въ лѣтописи читаемъ описаніе этого обычая. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи совершали тризну надъ покойникомъ, потому сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпъ при дорогѣ. Въ чемъ состоялъ погребальный обычай у Полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ, и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ; употребленіе тризны у Полянъ видно изъ того, что Св. Ольга, жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны разумѣлись, какъ видно, вообще поминки, и потомъ преимущественно борьба въ честь умершаго ⁷⁰; съ поминками соединялся веселый, пьяный пиръ ⁷¹, также рѣзаніе и царапаніе лица, въ знакъ печали ⁷². Одновременно съ обычаемъ сожиганія и ставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столпахъ, существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, которыя сыпали холмами ⁷³.

Иностранные писатели говорятъ, что Славяне жили въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто переиѣняли мѣста жительства. Такая непрочность и частая переиѣна жилищъ была слѣдствіемъ непрерывной опасности, которая грозила Славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ, и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему Славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: «У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землю, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя какъ разбойники.» Одинакая причина, дѣйствовавшая долгое время, производила одинакія слѣдствія; жизнь въ безпрестанномъ ожиданіи вражскихъ нападей продолжалась для восточныхъ Славянъ и тогда, когда они уже находились подъ державою князей Рюрикава дома: Печенѣги и Половцы сѣбѣнили Аварь, Козарь и другихъ варваровъ, ус-

бицы княжескія смѣнили усобицы родовъ, возстававшихъ другъ на друга, слѣд. не могла исчезнуть и привычка пережѣнять мѣста, бѣгая отъ непріятеля; вотъ почему Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что если Князья не защитятъ ихъ отъ гнѣва старшаго своего брата, то они покинутъ Кіевъ, и уйдутъ въ Грецію. Половецъ смѣнили Татары, княжескія междоусобія продолжались на сѣверѣ, на югѣ настали Польскія насилія, и мы видимъ, что на сѣверѣ, какъ скоро начнутся княжескія усобицы, народъ покидаетъ свои жилища, а съ прекращеніемъ усобиць возвращается назадъ; на югѣ безпрестанные набѣги усиливаютъ козачество, и послѣ на сѣверѣ разбрестися розно отъ какого бы то ни было насилія и тяжести было ни почемъ для жителей; при этомъ должно прибавить, что природа страны сильно благопріятствовала такимъ переселеніямъ. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готову покинуть жилище, поддерживала въ Славянинѣ отвращеніе къ чуждому игу, о чемъ замѣтилъ Маврикій. Родовой бытъ, условливавшій разьединеніе, вражду и слѣдовательно слабость между Славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны; не имѣя одного общаго начальника, и враждуя другъ съ другомъ, Славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростію; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему Императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на Славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движенію бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе, чѣмъ люди другаго племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе Славянъ состояло въ двухъ

нлыхъ коньяхъ; нѣкоторые иглы и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, названные ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный врачъ не подастъ скорой помощи раненному. У Прокопія читаемъ, что Славяне, вступая въ битву, не надѣвали латъ, на нѣкоторыхъ не бывало даже ни плаща ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопій не хвалитъ Славянъ за опрятность, говоритъ, что, подобно Массагетамъ, они покрыты грязью и всякою нечистотою. Какъ всѣ народы, въ простотѣ быта живущіе, Славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. О наружности древнихъ Славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны; кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темнокорусые, лице красноватое.

Религія восточныхъ Славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіею Арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизитъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ: знакъ, что между ними не образовались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей-героевъ, и что переселенія ихъ совершались въ родовой, а не въ дружинной формѣ. Основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ современниковъ, мы находимъ у нашихъ Славянъ, при поклоненіи многимъ различнымъ явленіямъ природы подъ разными именами божествъ, поклоненіе одному верховному божеству, къ которому остальные находились въ подчиненномъ отношеніи: это верховное божество, по свидѣтельству одного изъ древнѣйшихъ писателей о Славянахъ, Прокопія, было божествомъ молніи, которое нашъ лѣтописецъ называетъ Перуномъ. Явленіе грозы, молніи, есть самое поразительное изъ явленій природы: немудрено, что первобытный человекъ далъ ему первое мѣсто между всѣми другими явленіями; онъ не могъ не замѣтить благотворнаго вліянія грозы на жизнь природы; не могъ не замѣтить, что свѣтъ молніи независимо во всякое время обнаруживаетъ свое могущество,

тогда какъ напр. дѣйствія солнца ограничены, подвержены извѣстному закону, могутъ обнаруживаться только въ извѣстное время, уступая владычество другому, противоположному, и слѣдовательно враждебному началу, мраку; солнце затмѣвалось, погибало въ глазахъ первобытнаго человѣка: молнія никогда въ глазахъ его не теряла своего могущества, не побѣждалась другимъ началомъ; свѣтъ молніи сопровождается обыкновенно живительнымъ для природы дождемъ: отсюда необходимое представленіе, что Перунъ ниспосылаетъ дождь жаждущей природѣ, которая безъ того погибла бы отъ жгучихъ лучей солнца: такимъ образомъ молнія являлась для язычника силою производящею, съ характеромъ божества высшаго, дѣйствующаго, правящаго по преимуществу, умиротворяющаго, исправляющаго вредъ, наносимый другими божествами, тогда какъ солнце наприм. и для поклоняющагося ему язычника являлось чѣмъ-то страдательнымъ, не имѣющимъ распорядительной силы въ природѣ, подчиненнымъ. Наконецъ значеніе верховнаго божества—правителя—молнія получала въ глазахъ язычника, по причинѣ своей страшной карательной силы, дѣйствующей быстро и непосредственно.

Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ Славянъ носилъ еще другое названіе Сварога⁷⁴. Верховное божество Сварогъ — Перунъ порождало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь⁷⁵. Поклоненіе солнцу, какъ видно, было сильно распространено между Славянами: въ словѣ о Полку Игореву Русскіе называются внуками Дажбога; если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ) Ладо; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, миръ, любовь, радость, всего приличіе можетъ относиться къ солнцу⁷⁶; другой припѣвъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда⁷⁷. Кромѣ названій Ладо и Дажбога къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса⁷⁸, Сура или Тура, Волоса⁷⁹. — Вмѣстѣ съ солнцемъ обоготворялись мѣсяцъ и звѣзды, находившіеся къ солнцу, какъ видно, въ родственныхъ отношеніяхъ: обоготворялись также вода и воздухъ⁸⁰.

Если Славяне поклонялись явленіямъ природы, то легко дога-

даться, при какихъ случаяхъ, въ какое время года будутъ они торжествовать свои религиозные праздники. Такъ напр. они праздновали въ концѣ Декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе Коляды; существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить (божество), и собирать подаяніе; какъ видно, во времена языческія, приношенія собирались для общей жертвы⁸¹. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ Авсеня или Таусеня, что можно принимать измѣненныи Ясень, также, по всѣмъ вѣроятностямъ, имя солнца⁸². Второй праздникъ торжествовался въ началѣ весны, но такъ какъ это время приходится въ великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе перенесено на конецъ Рождественскаго мѣсяца, и отчасти на Свѣтлое Воскресенье. И такъ масленица есть языческій весенній праздникъ⁸³. Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ Славянскихъ народовъ почти съ одинаковыми обрядами: употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтліями; въ Малороссіи и у западныхъ Славянъ зима или смерть выдѣляется въ образъ женщины, подъ именемъ Мары, Марены, Марены, чучелу которой сожигаютъ. Весну встрѣчаютъ обыкновенно на красной горкѣ. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религиозное значеніе которыхъ и отношеніе къ солнцу не подлежатъ сомнѣнію. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній считалось самымъ приличнымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ: это поздравленіе извѣстно подъ именемъ вьюнства⁸⁴. Третій праздникъ имѣетъ мѣсто 23 Іюня, и извѣстенъ подъ именемъ Ивана Купалы, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ, какъ и два упомянутые выше, есть общій не только всѣмъ Славянскимъ, но и многимъ чужеземнымъ народамъ⁸⁵. Хотя по обрядамъ праздника можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ — божеству Сварожичамъ, Солнцу и огню и водѣ; однако можно отнести его и къ одному солнцу. Естественно могло произойти

* *

вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно даетъ ее, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца, и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны, солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣлительность купанья во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественнаго обычая обмыться ночью, чтобъ встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтло. Наконецъ зажиганіе костровъ было необходимо для всякаго ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ почему ночь на Ивановъ день сопровождается: 1) собираи́емъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ чрезъ нихъ. Естественно также, и потому обще не однимъ только Славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе бѣлаго пѣтуха, птицы пріветствующей разсвѣтъ, угодной солнцу. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій: рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебрянымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто, и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою; утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ видѣть, какъ сходятся дубы, и составляютъ свою бесѣду; можетъ слышать, какъ разговариваютъ они про богатырскіе свои подвиги. Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ, серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ, и встрѣчу своему супругу, мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненные искры⁸⁶. И въ лѣтній праздникъ повторяется обрядъ истребленія чучелы Мары — холода, смерти; ее топятъ въ водѣ⁸⁷. — Солнце, дающее жизнь и ростъ все существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественныя желанія; отсюда празднество Купалы было соединено съ празднествомъ Ярилы⁸⁸. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена праздникъ Ярилы совершался 24 Іюня,

вѣроятнo сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ большей части кисть и перенесено на заговѣнье, на день Всѣхъ Святыхъ, или на Троицынъ день, или на разговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярилы; по кисть вѣроятностямъ, совпадалъ съ праздникомъ Купалы, то во время его—то преимущественно и должны были происходить тѣ явленія, противъ которыхъ такъ вооружается лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыкиваніе дѣвицъ⁸⁹.

Разсмотрѣвъ поклоненія стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ Славянской мифологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда происхождение духовъ покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича — рода и рожаницъ⁹⁰. Что подъ именемъ рода разумѣлась душа умершаго родоначальника, доказываетъ во первыхъ связь рода съ упыремъ, а во вторыхъ извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которыхъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія обыкновенно принимаютъ души умершихъ и божества, тѣсно съ ними связанна⁹¹. Въ значеніи рода божества—покровителя, является чуръ, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго пращуръ; чуръ предполагаетъ форму чуръ, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно, когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: «Чуръ меня! Чуръ меня!» говоритъ онъ тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что съ упадкомъ родоваго быта и съ усиленіемъ христіанства на счетъ язычества, Чуръ или Родъ перешелъ въ Домоваго⁹².

Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступ-

ными для всѣхъ ощущеній этого блага свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скорѣе весна начинается смѣнять зиму, то прекращается и ночной мракъ для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни. Это мнѣніе естественно проистекало изъ поклоненія природнымъ божествамъ, солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый⁹³. Въ первый праздникъ новорожденного солнца, въ первую зимнюю коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устраивали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Масляница, весенний праздникъ солнца, есть вмѣстѣ и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья⁹⁴. О древней Маслянице, т. е. съ начала весны живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ Красной Горы соединяется съ Радунцею, праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ⁹⁵; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда во время поминовенія изъ темницъ (гробовъ), и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими⁹⁶.

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весной души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнью природы, приходится праздникъ русалокъ или русальная недѣля. Русалки все не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; нѣтъ ихъ и происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный)⁹⁷. Русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весной насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія⁹⁸; но когда всѣ Славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками? Русалки появляются съ Страстнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по-рану седьмому падали и кликали мертвыхъ), какъ только покроютъ луга весенней водою, распустиятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящія изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ приговаривая: «Бухтѣ

бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и Русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ, и показываются при колодцахъ⁹⁹. Съ Троицына дня до Петрова поста Русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти¹⁰⁰. Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе; маски, обрядъ, которой не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя безобразныя существа для того, чтобъ мучать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различныя образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло, и принимать ту или другую форму¹⁰¹. Есть извѣстіе⁰², что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ Славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутьяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ Русалокъ былъ Сеникъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ¹⁰³. Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій¹⁰⁴. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище — кривожанье русалокъ въ могилы¹⁰⁵. — Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяные дѣдушки, лѣшіе, кикиморы и проч.

Мертвецы были известны еще под именемъ навья, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки)¹⁰⁶.

Вотъ главные, первоначальныя черты вѣрованій восточныхъ Славянъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и то же божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ, при сближеніи племенъ, различныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворять и обожать явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы: естественно олицетворялись Весна и Зима, Жизнь и Смерть природы одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая безобразной старухи, и т.п. Стихійныя божества первоначально не имѣютъ пола, и потому послѣ легко мѣняютъ его; солнце могло быть легко и мужскаго и женскаго пола, мужемъ и женою мѣсяца, такъ было не у однихъ Славянъ¹⁰⁷. Но главными искажителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей простотѣ, чѣмъ у западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное чуждое вліяніе повели и къ образованію жреческаго класса, и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Лѣтописи молчатъ о существованіи храмовъ и жрецовъ у нашихъ восточныхъ Славянъ¹⁰⁸; нельзя предположить, что, еслибъ храмы существовали, то лѣтописцы умолчали бъ о ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви, при разсказѣ о введеніи Христіанства и ниспроверженіи идоловъ¹⁰⁹. Лѣтописи молчатъ также и о жрецахъ: князь ставитъ идоловъ, князь приносить жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ — о жрецахъ ни слова; князь пережѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ то же, — и жрецы не только не противятся, но объ нихъ нѣтъ даже и помину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны ни сколько поражать насъ: все это необходимо при томъ бытѣ, въ которомъ жила

Славяне; въ каждомъ родѣ старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ, онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ¹¹⁰.

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвенниками, алтарями для младенчествующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, за то щедра на естественныя капища (шатры, навѣсы) — многовѣтвистыя деревья; подъ ними—то преимущественно совершались религіозные обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметомъ благоговѣйнаго уваженія, какъ мѣсто-пробываніе боговъ, куда они стекались для принятія жертвъ. Обычай приносить жертвы подъ деревьями могъ произойти и отъ того, что первоначально жертва назначалась для душъ умершихъ, а души умершихъ, по всеобщему вѣрованію, обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ¹¹¹. Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также у воды¹¹². Славяне смотрѣли на жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ¹¹³; и по введеніи христіанства жертвы продолжались по старому, въ домашнемъ кругу, предлагались душамъ усопшихъ родичей и роженницамъ¹¹⁴, и опять въ смыслѣ трапезы, покорма. Есть извѣстіе, что у Русскихъ Славянъ были также въ обычаѣ человѣческія жертвы, которыя у народовъ были, большею частію, умиловительныя: при какихъ—нибудь общественныхъ бѣдствіяхъ думали, что божество гнѣвается за чьи—нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умиловительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ плѣнниковъ, по господствовавшему мнѣнію, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгнѣвавшій божество¹¹⁵.

Если у восточныхъ Славянъ не было жреческаго класса, за то были волхвы¹¹⁶, гадатели, кудесники, вѣдуны, вѣдьмы. О волхвахъ Славянскихъ мы знаемъ очень мало; но нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами Финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ, по принятіи христіанства, волхвы преимуще-

ственно являются на Финскомъ сѣверѣ, и оттуда мутятъ Славянское народонаселеніе. Финское племя искони отличалось наклонностію къ волшебству, искони славилось имъ; у Финновъ преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и о сообщеніи съ ними¹¹⁷.

Исторія застаётъ Финское племя на крайнемъ сѣверѣ; очень вѣроятно, что Геродотовы Андробаги, Меланхлены и Фиссагеты принадлежали къ этому племени¹¹⁸. Нѣмецкое названіе Чудскаго племени — Финны впервые встрѣчаемъ у Тацита¹¹⁹; Птолемей упоминаетъ также о Финнахъ¹²⁰; у Иорнанда въ искаженныхъ именахъ народовъ, покоренныхъ Готскимъ королемъ Германарихомъ можно узнать Чудь, Вель, Мерю, Мордву, Черемису, и, быть можетъ, даже Пермь¹²¹. Начальный лѣтописецъ Русскій знаетъ слѣдующіе Финскіе народы, жившіе въ его время въ полуночныхъ странахъ и платившіе дань Руси: Чудь, Меря, Вель, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печора, Ямь. Общеплеменное названіе Финны есть названіе Нѣмецкое, Чудь — Славянское, Суомалайнъ — своенародное. Финнъ на Нѣмецкомъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности; то же означаютъ и Финскія названія разныхъ племенъ, напр. Емь или Ямь (Jäm) значить мокрый, водяной; Вель объясняется изъ Финскаго Vesi — вода. Итеперь Финскія имена мѣстностей встрѣчаются преимущественно на болотистыхъ пространствахъ¹²². Нашъ лѣтописецъ указываетъ намъ Финскія племена преимущественно около озеръ; въ половинѣ IX вѣка южныя границы Финскаго племени съ Славянскимъ можно положить въ области Москвы рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ Славянскимъ племенемъ Вятичей: селенія послѣднихъ мы имѣемъ право продолжить до рѣки Лопасни, потому что, какъ видно, всѣ Вятичи принадлежали къ Черниговскому Княжеству, а городъ Лопасня былъ пограничнымъ городомъ этого княжества съ Суздальскимъ. Селенія Вятичей должны были уже соприкасаться съ селеніями Финскихъ племенъ, потому что въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи находимъ рѣку Мерскую или Нерскую, которая

менемъ своимъ ясно показываетъ, что протекала чрезъ старинную землю Мери.

Если не самые древніе, то, по крайней мѣрѣ, одни изъ древнѣйшихъ обитателей Русской государственной области, Финны имѣли незавидную участь: съ трехъ сторонъ тѣснили ихъ народы Славянскаго, Германскаго и Турецкаго племени; мы видимъ, имъ у насъ Финны постоянно уступаютъ предъ Славянами, подчиняются вліянію ихъ народности, приравниваются къ нимъ: причину такого явленія изъ внѣшнихъ обстоятельствъ объяснить не трудно. Сначала мы видимъ, что племена Славянскія и Финскія живутъ на равной ногѣ; Финны вмѣстѣ съ Славянами призываютъ князей — нарядниковъ; но старшій, и скоро единственный князь утверждаетъ свой столъ среди племени Славянскаго; потомъ мы видимъ движеніе князей къ югу, по великому водному пути до самаго Чернаго моря; столъ княжескій утверждается въ Кіевѣ, основы новаго государства полагаются преимущественно къ югу отъ Новгорода по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; но живущее здѣсь народонаселеніе принадлежитъ сплошь къ племени Славянскому. Славянскія племена соединяются подъ одною властью, чрезъ это единство приобретаютъ силу матеріальную, а потомъ и начатки образованности, образованности христіанской, и такимъ образомъ получаютъ надъ Финскими племенами матеріальное и духовное преимущество, предъ которыми тѣ и должны были преклониться. Во сколько здѣсь участвовало племенное различіе между Славянами и Финнами, во сколько Славяне своимъ племеннымъ характеромъ превосходили Финновъ — рѣшеніе такого труднаго вопроса едва ли историкъ имѣетъ право принять на себя. Можно сказать только одно, что Славянское племя возсѣдалось при болѣе благопріятныхъ природныхъ обстоятельствахъ и, уже окрѣпнувъ на югозападѣ, явилось среди Финновъ на сѣверовостокѣ. По нашему летописцу видно, что Финны имѣли города, подобно Славянамъ, подобно послѣднимъ терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи Варяговъ, въ слѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей; въ Скандинавскихъ преданіяхъ Финны являются искусными кузнецами, Финскіе мечи сла-

вятся на сѣверѣ¹²³. Отъ этихъ осѣдлыхъ, промышленныхъ Финновъ, сосѣдившихъ съ Славянами и союзныхъ съ ними, должно отличать сѣверныхъ ихъ соплеменниковъ, Лапонцевъ, которыхъ, какъ видно, суровая природа остановила на низшей ступени человѣческаго развитія; и теперь въ характерѣ собственныхъ Финновъ и Лапонцевъ замѣчается такое же различіе, какъ между мужествомъ и дѣтствомъ. Безспорно, послѣднихъ разумѣть Тацитъ, когда описываетъ образъ жизни Финновъ¹²⁴, когда говоритъ объ ихъ изумительной дикости, гнусной скудости: нѣтъ у нихъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; пища у нихъ трава, одежда — кожи, ложе — земля; вся надежда ихъ въ стрѣлахъ, которыя, по недостатку желѣза, заостриваются костями; охота питаетъ мужей и женъ. Дѣтямъ нѣтъ другаго убѣжища отъ звѣрей и непогоды, кромѣ шатровъ, кое-какъ сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей: сюда возвращаются съ охоты молодые, здѣсь отдыхаютъ старики. Но вести такой образъ жизни, продолжаетъ Тацитъ, они считаютъ блаженныѣ, чѣмъ трудиться на полѣ, строить дома, съ надеждою и страхомъ смотрѣть на свои и чужія имущества. Безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, они достигли самаго труднаго — отсутствія желаній. — Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слова Тацита о томъ, что Финны считаютъ себя блаженными, и достигли самаго труднаго — отсутствія желаній; эти слова объясняютъ намъ происхожденіе сказки о блаженныхъ Гипербореяхъ: мыслители древнихъ образованныхъ народовъ, утомившись волненіями жизни, пристраивавшимися отъ ничѣмъ неудовлетворенныхъ страстей человѣка-язычника, любили съ завистью останавливаться на дикихъ народахъ, у которыхъ почти нѣтъ никакихъ желаній, которые не могутъ ни много пріобрѣтать, ни много терять, и потому не подвержены мучительнымъ колебаніямъ между страхомъ и надеждою, не боятся ни людей, ни боговъ: у Геродота боги завидуютъ человѣческому благополучію и потому не допускаютъ ему продолжаться.

Въ жалкомъ видѣ представляется намъ бытъ Финскихъ племенъ, живущихъ къ югу отъ Финскаго залива; слабости духов-

ной у этихъ племенъ соответствуетъ слабость тѣла, соединенная однако съ высшею степенью нечувствительности ко внѣшнимъ впечатлѣніемъ; ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не обнаруживаетъ такъ мало духовнаго напряженія, не является такъ забитымъ; Эстонецъ, напр. отличается рѣзко отъ своихъ сосѣдей — Русскихъ и Латышей тѣмъ, что вовсе не поетъ; пляска ему почти неизвѣстна. Неблагопріятныя историческія обстоятельства, имѣющія имѣть вредное вліяніе на развитіе этого племени, намъ извѣстны; во сколько сама природа племени содѣйствовала этимъ обстоятельствамъ, рѣшить опять трудно.¹²⁵

Въ тѣсной связи съ Славянскими племенами на западѣ находится племя Литовское, игравшее важную роль въ нашей исторіи, и потому вошедшее въ составъ Русскаго государства. Къ Литовскому племени принадлежали древніе Прусы, Голяды, Судены, Корсь и нынѣшныя Литовцы и Латыши¹²⁶. Изъ многихъ изслѣдованій о Литовскомъ племени и языкѣ, о сродствѣ ихъ съ сосѣдними племенами и языками, оказывается достовѣрнымъ только то, что Славяне и Литовцы изъ всѣхъ Индоевропейскихъ племенъ суть самыя ближайшія другъ къ другу, и что Литовское племя съ незапамятныхъ поръ обитало въ настоящихъ своихъ жилищахъ. Это давнее и постоянное пребываніе на однихъ мѣстахъ, уединеніе, которымъ Литовское племя было обязано природѣ своей страны, непривлекательной и съ трудомъ доступной, дали ему возможность развить свою особую религіозную систему и строго подчинить ей свой бытъ. Этимъ Литовское племя отличается отъ родственныхъ племенъ — Славянскаго и Германскаго, которыя исторія застаётъ въ движеніи, въ безпрестанномъ столкновеніи съ чуждыми народами и государствами, что препятствовало имъ утвердить свой религіозный бытъ на прочныхъ основахъ, а когда получили они къ тому возможность, то уже подверглись вліянію образованнѣйшихъ народовъ, и должны были принять другую, высшую религію. Германское племя только въ отдаленной Скандинавіи, Славянское только на берегахъ Балтійскаго моря, могли выработать для себя болѣе или менѣе

прочныя формы религіознаго быта, чѣмъ и объясняется упорное сопротивленіе, встрѣченное здѣсь христіанствомъ.

У Литовскаго племени подлѣ князей мы видимъ жрецовъ съ обширнымъ вліаніемъ и кругомъ дѣятельности; князь (Rikgs) вѣдалъ военныя дѣла, все, что относилось ко внѣшней защитѣ страны и къ сохраненію внутренней безопасности: верховный жрецъ (Криве) завѣдывалъ не только дѣлами богослужебными, но и судебными, былъ верховнымъ судьей и нарядникомъ. Уставы, обычаи Литовскаго племени, сходные въ главномъ съ уставами и обычаями другихъ сосѣднихъ племенъ, Славянскихъ и Германскихъ, разнятся отъ послѣднихъ тѣмъ, что проникнуты религіознымъ началомъ, истекають изъ него: такъ напр. мы видимъ, что у Литовцевъ, точно такъ какъ у Германцевъ, отецъ семейства имѣлъ право убивать своихъ больныхъ или увѣчныхъ дѣтей; но у Литовцевъ этотъ обычай освященъ былъ религіознымъ основаніемъ: «потому что слуги Литовскихъ боговъ должны не стнать, но смѣяться; потому что бѣдствіе человѣческое причиняетъ скорбь богамъ и людямъ.» На томъ же основаніи дѣти имѣли право умерщвлять престарѣлыхъ и больныхъ родителей; человѣческія жертвы дозволялись и оправдывались: «кто въ здоровомъ тѣлѣ захочетъ принести въ жертву богамъ себя, или своего ребенка или домочадца, тотъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно, потому что освященные чрезъ огонь и блаженныя, будутъ они веселиться вмѣстѣ съ богами.» Большая часть верховныхъ жрецовъ оканчивали свою жизнь добровольнымъ сожженіемъ для умилостивленія гнѣва боговъ: эти Литовскія воззрѣнія, или, лучше сказать воззрѣнія, общія всѣмъ сосѣднимъ племенамъ, но сохранившіяся у Литовцевъ въ большей определенности и связи, имѣли вліаніе на Германскій обычай приносить въ жертву князей во время общественныхъ бѣдствій; уже въ христіанскія времена былъ обычай у Германскихъ и Славянскихъ племенъ обвинять князей и церковныя власти въ общественныхъ бѣдствіяхъ. Женщины также страдали въ подобныхъ обстоятельствахъ: Литовцы прежде всего отдѣлывались отъ нихъ во время голода; а Финны, при своей склонности къ

суетвѣрію, приписывали чародѣйству женщинъ непосредственное участіе въ произведеніи послѣдняго¹²⁷. Если женатый человекъ будетъ уличенъ въ связи съ дѣвицею, то его должно отдать псамъ на съѣденіе, потому что онъ наругался надъ богами, живущими въ состояніи супружества и дѣвства. — Безбрачіе было необходимымъ условіемъ для Криве и для всѣхъ подчиненныхъ ему жрецовъ; женщина была видимо унижена, исключена изъ сообщества съ мужчинами.¹²⁸

Изъ Литовскихъ племенъ очень рано вошли въ составъ Русскихъ владѣній Голяди или Голядь, жившіе по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ, замѣшанные среди племенъ Славянскихъ — Радимичей, Вятичей и Новгородцевъ. Какимъ же образомъ часть Литовскаго племени Голядей попала такъ далеко на Востокъ? Простирались ли такъ далеко древнѣйшія жилища Литовскаго племени, перерѣзанныя послѣ движеніемъ Славянъ съ юга, или Голяди явились на Протвѣ и Угрѣ въ слѣдствіе движенія съ запада, точно такъ, какъ тѣмъ же путемъ явились Славянскія Лехитскія племена Радимичей и Вятичей? быть можетъ, даже переселеніе Голядей на востокъ находилось въ связи съ означеннымъ переселеніемъ Радимичей и Вятичей; съ другой стороны, природа страны Голядовъ и нѣкоторыя историческія данныя дѣлаютъ вѣроятнымъ переселеніе части этого племени на востокъ въ слѣдствіе недостатка жизненныхъ средствъ: Галиндія находилась къ сѣверу отъ Мазовіи¹²⁹, была наполнена множествомъ водъ, густыхъ лѣсовъ и пущей; рассказываютъ, что въ одно время народонаселеніе Галиндіи такъ умножилось въ слѣдствіе долгаго мира, что средствъ къ жизни стало недоставать; въ такихъ обстоятельствахъ старшины опредѣлили, чтобъ въ продолженіе извѣстнаго времени всѣ младенцы женскаго пола были умерщвляемы¹³⁰. — Понятно, что ни одно изъ приведенныхъ предположеній не можетъ быть принято преимущественно передъ другимъ; но всѣ они вѣрнѣе взятыя достаточны для убѣжденія въ томъ, что наши Голяди были родственны жителямъ Литовской Галиндіи.

Кромѣ Литвы, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ еще народъ, съ которымъ Русь также очень рано входитъ въ непріязненныя

столкновения, и котораго страна послѣ вошла въ составъ Имперіи—это загадочный народъ Ятвяговъ. Ятвяги жили, во первыхъ, въ западной части Подлѣсья, потомъ во всемъ Подляшьѣ, въ части Мазовіи, находившейся между рѣчкой Валпушей, впадающей въ Нарву, и Бугомъ; наконецъ въ древней Судавіи ¹³¹. О происхожденіи Ятвяговъ древніе писатели разногласятъ: одни говорятъ, что Ятвяги языкомъ, религіею и нравами были схожи съ Литвою, Пруссами и Самогитами; другіе же, что Ятвяги совершенно отличались языкомъ отъ Славянъ и Литвы. Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ихъ потомками Язиговъ Сарматскихъ ¹³², но безъ положительно ясныхъ доказательствъ. Каково бы ни было происхожденіе Ятвяговъ, народъ этотъ является въ исторіи дикимъ, разбойническимъ, и очень долго сохраняетъ язычество. Вѣра въ переселеніе душъ, Ятвяги въ битвахъ не обращались въ бѣгство и не давались въ плѣнъ, но погибали вмѣстѣ съ женами; вели образъ жизни полусѣдлый, полукочевой. Указываютъ и теперь еще остатки Ятвяговъ въ Скидельскомъ округѣ, на лѣвой сторонѣ рѣки Пѣясы и Котры: они рѣзко отдѣляются отъ Бѣлоруссовъ и Литовцевъ смуглымъ видомъ, чернымъ платьемъ, нравами и обычаями, хотя всѣ уже говорятъ Бѣлорусскимъ языкомъ съ Литовскимъ произношеніемъ. У Бѣлоруссовъ въ Подляшьѣ существуетъ поговорка: «Смотритъ Ятвягомъ (Выгляда якъ Ядвинга)» въ значеніи: смотритъ разбойникомъ.

Таковы были ближайшіе сосѣди Славянъ въ восточныхъ жилищахъ ихъ. Первое сколько-нибудь вѣрное извѣстіе о судьбѣ этихъ народовъ мы встрѣчаемъ не ранѣе IV вѣка по Р. Х., когда они вошли во враждебныя столкновения съ Готами. Во II или началѣ III вѣка по Р. Х. замѣчается движеніе Скандинаво-Германскихъ дружинъ, подъ именемъ Готевъ, отъ береговъ Балтійскаго моря къ Черному; безъ сомнѣнія, движеніе это совершалось по тому же водному пути, по которому послѣ, въ половинѣ IX вѣка, спускались дружины Варяжскія. Только на трехъ корабляхъ, по преданію ¹³³, явилась Готеская дружина на Балтійскомъ морѣ, но потомъ, вобравши въ себя пришлецовъ изъ разныхъ племенъ, своихъ и чужихъ, образовалась на берегахъ Пон-

та въ многочисленный народъ, который не давалъ покоя областямъ Имперіи; въ IV вѣкѣ Готскій вождь Германарихъ положилъ было основаніе государству въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей; владѣя тринадцатю племенами, между которыми легче другихъ прочитываются имена Чуди, Веси, Мери и Мордвы, Германарихъ обратился противъ Геруловъ; покоривъ послѣднихъ, двинулся противъ Венедовъ. Венеды, говоритъ Готскій историкъ ¹³⁴, неопытные въ военномъ дѣлѣ, но сильные своею многочисленностію, вздумали было сначала сопротивляться, но принуждены были покориться Германариху, потому что множество народа ни чего не значить на войнѣ, прибавляетъ тотъ же историкъ. Эсты, жители береговъ прибалтійскихъ, подчинились также Германариху; но въ то время, какъ его оружіе было такъ счастливо на западъ, въ юго-восточныхъ степяхъ собиралась гроза, долженствовавшая разрушить громадное государство Готеовъ при самомъ его рожденіи: на берегахъ Дона явились Гунны. Какъ послѣ въ XIII вѣкѣ Русскіе не знали, откуда пришла на нихъ гроза Татарская, такъ теперь Готамъ не умѣли опредѣлить происхожденія Гунновъ; только сказка говорила, что одинъ изъ Готскихъ князей выгналъ въ степь злыхъ волшебницъ, которыя совокупились тамъ съ нечистыми духами, и отъ этого—то совокупленія произошли чудовищныя Гунны. Сначала жили они на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, занимаясь охотою; потомъ, возросши въ числѣ, устремились грабить сосѣдніе народы; лань показала имъ дорогу на противоположный берегъ моря; страхъ напалъ на разноименные варварскіе народы, здѣсь обитавшіе; храбрые Аланы не могли въ битвахъ выносить ужаснаго вида Гунновъ, потому что, собственно говоря, у нихъ не было лица, но вмѣсто его безобразный кусокъ мяса, на которомъ вмѣсто глазъ виднѣлись какія—то пятна; безобразные въ самой молодости, они старѣли безъ бородъ, и жили какъ дикіе звѣри ¹³⁵: питались кореньями и полусырымъ мясомъ звѣрей, согрѣвши его только немного подъ сѣдою; о домахъ не хотѣли знать, считали ихъ могилами; съ молодости привыкли переносить непогоду, голодъ и жажду; разъ

надѣвши платье, они не снимали его до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится съ нихъ доскутьями; безобразная обувь мѣшала имъ ходить; они вѣчно сидѣли на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадахъ, на сѣдлахъ отправляли всѣ дѣла, ѣли, пили, спали, торговали, разсуждали. Никто изъ нихъ никогда не принимался за плугъ; военноопенные должны были обрабатывать землю и пасти стада. Не было у нихъ ничего постоянного: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство ихъ, гнѣвъ, жадность не сдерживались никакою религіею, ни даже суевѣріемъ. Жены ихъ жили на телѣгахъ, гдѣ ткали грубый холстъ, родили и воспитывали дѣтей; въ битвахъ принимали участіе вмѣстѣ съ мужьями; многоженство было у нихъ въ обычай.

Поразивши Алановъ, Гунны ударили на Готевъ: знаменитый Германарихъ умеръ на 110 году своей жизни; новорожденное государство, неуспѣвши нисколько сплотиться, окрѣпнуть, не могло вынести натиска Гунновъ, и распалось; часть Готевъ, была откинута на югозападъ, другая принуждена была примкнуть къ полкамъ Гунскимъ; въ какомъ отношеніи находились Гунны къ племенамъ Славянскимъ, опредѣлить нельзя; сохранилось только одно извѣстіе объ отношеніяхъ Славянъ къ Готевъ и Гуннамъ: Готескій Князь Винитаръ, тяготясь господствомъ Гунновъ, старался мало по малу отъ нихъ освободиться, и, желая показать свою храбрость, напалъ на Антовъ; въ первой стычкѣ онъ былъ разбитъ, но потомъ поправилъ свои дѣла, взялъ верхъ надъ Антами и, чтобъ задать имъ страху, велѣлъ распять на крестѣ предводителя ихъ Бокса (Vox, Booz, Voz) съ сыновьями и семидесятью другими старшинами¹³⁶. Но Гунскій князь Баламберъ не долго позволилъ Винитару пользоваться независимостію; онъ пошелъ на него войною и въ битвѣ самъ застрѣлилъ его изъ лука. Безспорно, что Славянскія племена должны были платитъ дань Гуннамъ, какъ послѣ платили ее Козарамъ; какъ видно такъ Гунны, раскинувъ во времена Аттилы станъ свой въ Панноніи среди Славянъ, переняли отъ послѣднихъ нѣкоторые обычаи. Вѣрно только то, что послѣ Гунскаго нашествія, южныя страны нынѣшней Россіи опять отуманились для исторіи, какъ во вре-

имена Скивовъ и Сарматовъ: имена Скивои и Сармати сѣшались именемъ Гуннии; Славяне у сосѣднихъ народовъ прослыли Гуннами. Могущество послѣднихъ рушилось по смерти Аттилы (453 г.); подчиненные прежде имъ народы выдѣлились опять изъ сплошной массы; но прошло не болѣе столѣтїа, какъ азіатскїя степи выслали новыя толпы варваровъ одинакого происхожденїа съ Гуннами: то были Авары. Авары, жившіе прежде на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, въ 565 году перешли Донъ, и стали угнетать Славянъ; извѣстія объ Аварскихъ угнетенїяхъ сохранились въ Славянскихъ преданїяхъ и занесены въ лѣтопись: Авары (Обры), по свидѣтельству послѣдней, напали на Славянъ, примучили Дубровъ, и звѣрски поступали съ ихъ женами: когда нужно было вѣхать Обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телѣгу ни коня, ни вола; но приказывалъ впрягать по три, по четыре или по пяти женщинъ. Были Обры, продолжаетъ лѣтописецъ ¹³⁷, тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ, всѣ померли, не осталось ни одного; есть поговорка въ Руси и теперь: «погибли какъ Обры.» У Византійцевъ слыли они самымъ разумнымъ изъ Скивскихъ народовъ, но вмѣстѣ и самымъ дживымъ, коварнымъ ¹³⁸. Западные Славяне, Чехи испытали также Аварскїя притѣсненїа. Въ половинѣ VII вѣка могущество ихъ начинается упадать; въ 796 году Карлъ Великій нанесъ имъ страшное пораженіе въ Паннонїи; въ 867 они почти всѣ были истреблены Болгарами, и остатки ихъ, принимая мало по малу христіанство, исчезли въ Венгріи и Болгарїи. Когда освободились отъ Аваръ наши юговосточныя Славянскїя племена — не извѣстно; но въ половинѣ IX вѣка мы застаемъ ихъ платящими дань другому степному народу — Козарямъ. Изслѣдователи несогласны относительно происхожденїа Козаръ; по всѣмъ вѣроятностямъ это былъ народъ смѣшанный изъ разныхъ племенъ, что было очень естественно на границахъ между Европою и Азією, на перепутьи народовъ; смѣшанности племенъ въ Козарскомъ царствѣ соотвѣтствовало смѣшеніе религїи: здѣсь уживались другъ подлѣ друга четыре религїи: Языческая, Магометанская, Христіанская, Еврейская, и послѣднюю исповѣдовалъ Каганъ, верховный повелитель Козаровъ — прихѣръ,

единственный въ исторіи ¹³⁹. Еще во II вѣкѣ по Р. Х. Армянскіе историки упоминаютъ о Козарахъ ; Византійцы хорошо знаютъ ихъ въ VII вѣкѣ подъ именемъ Восточныхъ Туркоуъ ; въ этомъ вѣкѣ они утверждаютъ на берегахъ Понта, въ VIII овладѣвають большою частію Тавриды; въ какое время принуждены были имъ платить дань юговосточныя Славянскія племена—опредѣлить нельзя; лѣтописецъ говоритъ только, что Козары брали дань на Подлѣнахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Ватичахъ. Мы назвали Козаръ стениымъ народомъ, потому что хотя у нихъ и были города, какъ напримѣръ Итиль при устьѣ Волги, но большинство народонаселенія жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя мазанки, и только у Кагана были высокіе кирпичныя хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали имѣніе и откочевывали въ степь.

Но въ то время, какъ Азіатцы, жившіе на Дону и Волгѣ брали дань съ племенъ Славянскихъ, жившихъ преимущественно на востокъ отъ Днѣпра, племена, жившія отъ него къ сѣверу, платили дань Варягамъ. Кто же были эти Варяги? — Здѣсь, прежде нежели приступимъ къ разбору лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Варягахъ, считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о географическихъ понятіяхъ лѣтописца, во сколько они разнятся отъ нашихъ. Разница состоитъ въ томъ, что Балтійское, или Варяжское море, по лѣтописцу, находится не на сѣверозападѣ, но прямо на сѣверѣ; это видно изъ описанія рѣчныхъ теченій: « Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечеть на полдне; а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощье, и впадетъ въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на востокъ. » Въ слѣдствіе такого взгляда становится понятнымъ, какъ Варяги, присѣдя къ морю Варяжскому, могутъ въ тоже время соприкасаться съ востокомъ, предѣломъ Симовымъ: Скандинавскій полуостровъ мы должны положить поперекъ, Балтійское (Варяжское) море будетъ находится прямо на сѣверѣ отъ русскихъ владѣній, составлять одно съ Нѣмецкимъ, это будетъ огромный рукавъ Атлантическаго Океана, совершенно въ видѣ Средиземнаго моря, при чемъ сѣверный Скандинавскій берегъ Варяжскаго моря будетъ

соотвѣтствовать Европейскому берегу Средиземнаго, южный берегъ Варяжскаго — Африканскому берегу Средиземнаго; слѣд. Скандинавскій перешеекъ, подобно Суецкому, долженъ находиться на востокъ, около Уральскихъ горъ, соприкасаться съ частью Симова¹⁴⁰. Кончивъ перечисленіе народовъ по Византіицу Амартолу — Смиатовъ, Хамитовъ и Яфетитовъ, Русскій летописецъ прибавляетъ отъ себя перечисленіе сѣверныхъ народовъ, которыхъ не нашель у Грека: также въ Яфетовой части, говоритъ онъ, сидятъ: Русь — здѣсь подъ этимъ именемъ летописецъ разумѣетъ всѣ славянскія племена, находящіяся подъ властью Русскихъ Князей; потомъ перечисляетъ чужіе народы, племени Финскаго и Латышскаго, которые въ его время давали дань Руси: Чудь, Меря, Мурома, Вель, Мордва, Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора, Яль, Угра, Литва, Зимьгола, Корсь, Сѣтгола, Ливь. Дошедши въ этомъ перечисленіи до береговъ Балтійскаго моря, летописецъ переходитъ къ независимымъ отъ Руси разноплеменнымъ народамъ, обитавшимъ на берегахъ его: Ляхи, Пруссы, Чудь живутъ на берегахъ моря Варяжскаго, говоритъ онъ. Здѣсь онъ идетъ вѣрно отъ запада къ востоку, или сѣверовостоку, разумѣя подъ прибрежными Ляхами Поморянь, отъ нихъ къ востоку помѣщая Пруссовъ, потомъ Чудь, т. е. Финскія племена, живущія въ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинціяхъ, Ингерманландіи и Финляндіи. Идя далѣе къ сѣверовостоку, летописецъ, по своимъ понятіямъ, переходитъ на противоположный, сѣверный, Скандинавскій берегъ Балтійскаго моря, и говоритъ, что по Варяжскому же морю сидятъ Варяги — вотъ сюда къ востоку, до предѣла Симова; по тому же морю сидятъ и къ западу, до земли Англійской и Волошской. Не останавливаясь здѣсь, летописецъ хочетъ перечислить всѣ Европейскіе народы, принадлежащіе къ племени Яфетову, и начинаетъ такъ свое перечисленіе: Варяги, Свен (Шведы), Уриане (Норвежцы), Готъ, (Русь по нѣкотор. спис.), Агняне (Англичане), Галичане (быть можетъ, жители Валліса, *raus des Gals*), Волъхва (вѣроятно общее названіе Романскихъ народовъ), Римляне, Нѣмцы, Корвалли (быть можетъ, Французы, западные Каролинги, какъ ду-

маетъ Кругъ), Веньдицы (Венеціане), Фрягове (кажется, въ тѣсномъ смыслѣ, Генуезцы). Слѣдовательно, кого же лѣтописецъ разумѣетъ подѣ именемъ Варяговъ? Ясно, что это имя у него есть общее: Варяги живутъ по Балтійскому морю къ востоку, до предѣла Симова, и къ западу, по тому же морю живутъ до земли Англійской: вотъ границы Варяговъ! Мы знаемъ, и лѣтописецъ знаетъ, что въ этихъ предѣлахъ живутъ Шведы, Норвежцы, Готы: лѣтописецъ ихъ именно и называетъ до Англичанъ. И такъ Варяги лѣтописца суть Скандинавы; если скажутъ, что лѣтописецъ разумѣлъ также южный берегъ Балтійскаго моря, гдѣ жили и Славяне, то онъ уже назвалъ ихъ прежде—«Ляхове, Пруси и Чудь присѣдять морю Варяжскому,» и потомъ совершенно молчитъ объ нихъ при исчисленіи народовъ Варяжскихъ. Второе мѣсто лѣтописи: послы отъ соединенныхъ племенъ Славянскихъ и Финскихъ пошли за море къ Варягамъ—Руси: эти Варяги, прибавляетъ лѣтописецъ, зовутся Русь, точно такъ, какъ другіе Варяги зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами ¹⁴¹.

На приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи ¹⁴² основывается мнѣніе о Скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ—Руси, и основывается крѣпко; вотъ почему это мнѣніе древнѣйшее, древнѣйшее въ наукѣ, древнѣйшее въ народѣ ¹⁴³. Свидѣтельство Русскаго лѣтописца подтверждается свидѣтельствами иностранными: извѣстіемъ, находящимся въ Бертинскихъ лѣтописяхъ, что народъ Росъ принадлежитъ къ племени Свеоновъ ¹⁴⁴; извѣстіемъ Ліутпранда, епископа Кремонскаго, о тождествѣ Руссовъ съ Норманнами ¹⁴⁵; извѣстіемъ Арабскихъ писателей о нетождествѣ Варяговъ, Руси и Славянъ ¹⁴⁶; наконецъ въ пользу Скандинавскаго происхожденія Варяговъ—Руси свидѣлствуютъ имена первыхъ нашихъ князей, членовъ дружины ихъ, и Русскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, какъ они читаются у Константина Багрянороднаго. Подѣ этого мнѣнія, основаннаго на очевидности, нѣкоторые хотѣли и хотѣть дать мѣсто предположенію, что князь Варяго—Русскіе и дружина ихъ были происхожденія Славянскаго, и указываютъ преимущественно на Поморье (Померанію), какъ

на мѣсто, откуда могъ быть вызванъ Рюрикъ съ братьями; но для чего нужно подобное предположеніе въ наукѣ? существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ. Скажутъ: Славяне должны были обратиться къ своимъ же Славянамъ, не могли призывать чужихъ, — но имѣеть ли право историкъ настоящаго понятія о національности приписывать предкамъ нашимъ IX-го вѣка? Мы видимъ, что племена Германское и Славянское, чѣмъ ближе къ языческой древности, тѣмъ сходнѣе между собою въ понятіяхъ религіозныхъ, нравахъ, обычаяхъ; исторія не провела еще между ними рѣзкихъ разграничивающихъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ национальныхъ отвращеній. Послѣдующая наша исторія объясняетъ какъ нельзя лучше призваніе Варяжскихъ князей: послѣ Новгородцы и Псковитяне охотно принимаютъ къ себѣ на столы князей Литовскихъ; да и вообще въ нашихъ предкахъ мы не замѣчаемъ вовсе національной нетерпимости: Нѣмецъ, Ляхъ, Татаринъ, Бурятъ становились полноправными членами Русскаго общества, если только принимали христіанство по ученію Православной Церкви: это была единственная основа національнаго различія, за которую наши предки держались крѣпко; но въ половинѣ IX-го вѣка ея не существовало: поклонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ. Съ другой стороны съ Варягами Скандинавскими у нашихъ сѣверныхъ Славянъ была связь издавна, издавна были они знакомы другъ съ другомъ. Наконецъ, если бы Новгородцы и Кривичи, по нашимъ настоящимъ понятіямъ, непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ Славянина, то не надобно забывать, что въ союзъ съ ними были племена Финскія, у которыхъ не могло быть этого желанія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще о значеніи названій — Варяги и Русь. Сличивъ различныя толкованія ученыхъ, можно вывести вѣрное заключеніе, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество, и принужденныхъ искать сча-

стія на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ ¹⁴⁸; это названіе, какъ видно, образовалось на западѣ, у племенъ Германскихъ; на востокѣ, у племенъ Славянскихъ, Финскихъ, у Грековъ и Арабовъ такимъ же общимъ названіемъ для подобныхъ дружинъ было Русь (Рось), означая, какъ видно, людей — мореплавателей, приходящихъ на корабляхъ, моремъ, входящихъ по рѣкамъ внутрь странъ, живущихъ по берегамъ морскимъ ¹⁴⁹. Прибавимъ сюда, что названіе Русь было гораздо болѣе распространено на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и что, по всѣмъ вѣроятностямъ, Русь на берегахъ Чернаго моря была извѣстна прежде половины IX вѣка, прежде прибытія Рюрика съ братьями ¹⁵⁰.

Таковы, по нашему мнѣнію, вѣроятнѣйшіе выводы, какіе можно добыть изъ многочисленныхъ толковъ о Варягахъ и Русахъ.

V. name of Rus' known in R before 861

ГЛАВА IV.

**ПРИЗВАНІЯ ВАРЯГОВЪ-РУСИ СЪВЕРНЫМИ ИЛИЖИ НАМИ СЛАВЯНСКИМИ И ФИНСКИМИ;
ОЗОРЪ СОСТОЯНІЯ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ, ПРИМУЩЕСТВЕННО СЛАВЯНСКИХЪ,
ВЪ ЭТОХУ ПРИЗВАНІИ ДАНИЙ.**

Мы видѣли, что въ половинѣ IX вѣка область нынѣшней Россіи, въ слѣдствіе природнаго вліянія, раздѣлялась главнымъ образомъ на двѣ части: племена, жившія на юговостоцѣ, находились въ подчиненности отъ азіатскаго племени, стоявшаго лагеремъ на Дону и Волгѣ; племена, жившія на сѣверозападѣ, должны были подчиниться знаменитымъ морскимъ королямъ, предводителямъ европейскихъ дружинъ, вышедшихъ съ береговъ Скандинавіи: «Брали дань Варяги изъ-за моря на Чуди, Славянахъ Новгородскихъ, Мери, Веси и на Кривичахъ ¹⁵¹, а Козары брали на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, брали, по горностаю ¹⁵² и бѣлкѣ отъ дыма ¹⁵³.» Лѣтописецъ говоритъ о Варягахъ, что они просто брали дань, а о Козарахъ, что они брали по горностаю и бѣлкѣ—знакъ, что о дымахъ на югѣ лѣтописецъ имѣлъ подробнѣйшія свѣдѣнія, чѣмъ о событіяхъ на сѣверѣ. Далѣе, подъ 862 годомъ, лѣтописецъ говоритъ, что племена, платившія дань Варягамъ, изгнали послѣднихъ за море, не дали имъ дани, и начали сами у себя владѣть. Изъ этихъ словъ должно заключить, что Варяги не брали только дань съ сѣверныхъ племенъ, но владѣли у нихъ; иначе лѣтописецъ не могъ сказать, что, послѣ ихъ изгнанія, племена начали сами у себя владѣть, и владѣли дурно, не мо-

гли установить внутренняго порядка: не было между ними правды, продолжаетъ лѣтописецъ, всталъ родъ на родъ, начались усобицы. Въ такихъ обстоятельствахъ племена собрались и сказали: «Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву.» Порѣшивши такъ, пошли они за море къ Варягамъ, къ Руси, и сказали имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами.» Собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собою всю Русь и пришли.

При изображеніи нравовъ и обычаевъ Славянъ вообще, замѣчено уже было, что родовой бытъ условливалъ между ними вражду, на которую такъ прямо указываютъ писатели иностранные, знавшіе Славянъ; нашъ лѣтописецъ подтверждаетъ ихъ показанія: какъ скоро, говоритъ онъ: племена начали владѣть сами собою, то не стало у нихъ правды, то-есть, безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. При столкновеніяхъ между родами, при общихъ дѣлахъ рѣшителями споровъ должны были старшины родовъ. Но могли ли они рѣшать споры безпристрастно? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ; при враждебныхъ столкновеніяхъ между членами родовъ, каждый старшина обязанъ былъ не выдавать своего родича; кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Разумѣется, для ея рѣшенія родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утвердить право. Исторія племени и города, которые имѣли такое важное значеніе въ описываемыхъ событіяхъ, исторія Славянъ Ильменскихъ, Новгорода Великаго, представляетъ лучшее доказательство сказанному. Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли; но концы съ своими старостами напомнили о родахъ, изъ которыхъ могло составиться первоначальное народонаселеніе ¹⁵⁴, и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды: какъ прежде возставалъ родъ на родъ такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сто-

року того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ и потому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ, третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чужаго рода ¹⁵⁵. Установленіе наряда, нарушеннаго усобицами родовъ, было главною, единственною цѣлю призванія князей; на нее лѣтописецъ прямо и ясно указываетъ, не упоминая ни о какихъ другихъ побужденіяхъ, и это указаніе лѣтописца совершенно согласно со всѣми обстоятельствами, такъ что мы не имѣемъ никакого права дѣлать свои предположенія. Но кромѣ прямого и яснаго свидѣтельства лѣтописца, призваніе князей, какъ нельзя лучше, объясняется рядомъ подобныхъ явленій въ послѣдующей исторіи Новгорода. Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; лѣтописцы позднѣйшіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ или самъ удалялся изъ Новгорода, то граждане послѣднаго немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли жить безъ князя, по выраженію лѣтописца ¹⁵⁶; есть извѣстіе, что одинъ изъ Великихъ Князей хотѣлъ наказать Новгородцовъ тѣмъ, что долго не посылалъ къ нимъ князя ¹⁵⁷. У внука Рюрика Новгородцы просятъ князя, и въ случаѣ отказа, грозятъ найти другаго. Вотъ что сказали они однажды сыну Великаго Князя Ростислава Мстиславича: «Не хотимъ тебя, мы призвали твоего отца для установленія наряда, а онъ вѣсто того усилилъ безпокойства ¹⁵⁸.» Сравнимъ теперь это свидѣтельство съ извѣстіемъ о призваніи первыхъ князей, и увидимъ, что цѣль призванія одна и та же въ обоихъ случаяхъ: князь призывается для установленія наряда внутренняго, какъ судья, миротворецъ.

Обратимъ теперь вниманіе на нѣкоторыя другія обстоятельства, встрѣчающіяся въ лѣтописи при разсказѣ о призваніи кня-

зей. Первое обстоятельство—это соединеніе племенъ Славянскихъ и Финскихъ; что произвело этотъ союзъ? Безъ всякаго сомнѣнія, означенныя племена были приведены въ связь завоеваніемъ Варяжскимъ, какъ въ послѣдствіи остальные разрозненныя Славянскія племена были приведены въ связь князьями изъ дома Рюрика. Эта тѣсная связь между Чудью, Весью, Славянами Ильменскими и Кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи Варяговъ, и потомъ въ призваніи князей. Этому же завоеванію, этому столкновенію съ чуждымъ началомъ сѣверныя племена были обязаны, по всѣмъ вѣроятностямъ, и относительно большею степенью общественнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, стремленія къ нему: послѣ изгнанія Варяговъ они не хотятъ возвратиться къ разрозненному родовому быту, и не вида выхода изъ него при эгоизмѣ родовъ, соглашаются призвать власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужаго рода. Эта бѣлая степень общественнаго развитія у сѣверныхъ племенъ ясно окажется въ послѣдствіи: мы увидимъ, что сѣверныя племена будутъ постоянно торжествовать надъ южными. Второе обстоятельство въ разсказѣ о призваніи князей—это ихъ расселеніе: старшій братъ, Рюрикъ поселился у Славянъ Ильменскихъ, второй—Синеусъ между Чудью и Весью на Бѣлѣозерѣ, третій, Труворъ у Кривичей въ Изборскѣ. Но касательно города, въ которомъ сѣлъ сначала Рюрикъ, чтенія списковъ лѣтописи разногласятъ: одни говорятъ въ Новгородѣ; другія въ Ладогѣ. По извѣстному правилу, что труднѣйшее чтеніе предпочитается легчайшему, особенно если оно находится въ большемъ числѣ лучшихъ списковъ, мы должны принять извѣстіе о Ладогѣ ¹⁶⁰. Почему Рюрикъ избралъ Ладогу, а не Новгородъ, объясненіе найти не трудно: положеніе Ладоги относительно начала великаго воднаго пути, относительно близости моря, важнѣе положенія Новгорода; Ладога находится ближе къ устью Волхова; Рюрику нужно было удержаться при непосредственномъ сообщеніи съ заморьемъ въ случаѣ, если бы дѣло его пошло не такъ успѣшно въ новой странѣ; недавнее изгнаніе Варяговъ должно было научить его осторожности; въ

нѣкоторыхъ извѣстіяхъ сказано, что князья боялись сначала суровости призывавшихъ племенъ; съ другой стороны Рюрику нужно было также обезопасить себя и свою область отъ нападѣнія другихъ Варяговъ, и вотъ онъ прежде всего строитъ крѣпость въ Ладогѣ, недалеко отъ устья Волхова и селится здѣсь ¹⁶¹. Наконецъ остается послѣдній вопросъ: какое значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ нашей исторіи? Призваніе первыхъ князей имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссійское, и съ него справедливо начинаютъ Русскую исторію. Главное, начальное явленіе въ основаніи государства, это соединеніе разрозненныхъ племенъ чрезъ появленіе среди нихъ сосредоточивающаго начала, власти. Сѣверныя племена, Славянскія и Финскія соединились и призвали къ себѣ это сосредоточивающее начало, эту власть. Здѣсь, въ сосредоточеніи нѣсколькихъ сѣверныхъ племенъ, положено начало сосредоточенію и всѣхъ остальныхъ племенъ; потому что призванное начало пользуется силою первыхъ сосредоточившихся племенъ, чтобъ посредствомъ нихъ сосредоточивать и другія ¹⁶²: соединенныя впервые силы начинаютъ дѣйствовать.

Таково было явленіе, имѣвшее мѣсто въ сѣверовосточной Европѣ въ половинѣ IX-го вѣка, въ 862 году, какъ сказано въ лѣтописи ¹⁶³. Въ другихъ странахъ Европы въ это время происходили также явленія великой важности. Знаменитая роль Франкскаго племени и вождей его кончалась въ началѣ IX-го вѣка, когда оружіемъ Карла Великаго политическія идеи Рима и Римская церковь покорили себѣ окончательно варварскій Германскій міръ, и вождь Франковъ былъ провозглашенъ Императоромъ Римскимъ. Духовное единство западной Европы было скрѣплено окончательно, съ помощію Рима; теперь выступило на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, Германцами, на почву Имперіи, теперь начинается матеріальное распаденіе Карловой монархіи, начинаютъ вырабатываться отдѣльныя національности, начинаютъ образовываться отдѣльныя государства, члены западноевропейской конфедераціи; IX-й вѣкъ есть вѣкъ образованія государствъ какъ для восточной, такъ и

для западной Европы, вѣкъ великихъ историческихъ опредѣленій, которыя дѣйствуютъ во все продолженіе новой европейской исторіи, дѣйствуютъ до сихъ поръ. Въ то время, когда на западѣ совершается трудный, болѣзненный процессъ разложенія Карловой монархіи и образованія новыхъ государствъ, новыхъ національностей, Скандинавія, старинная колыбель народовъ, высылаетъ многочисленныя толпы своихъ пиратовъ, которымъ нѣтъ мѣста на родной землѣ; но континентъ уже занятъ, Скандинавамъ уже нѣтъ болѣе возможности двигаться къ югу сухимъ путемъ, какъ двигались ихъ предшественники; имъ открыто только море, они должны довольствоваться грабежемъ, опустошеніемъ морскихъ и рѣчныхъ береговъ. Въ Византіи происходитъ также важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются: въ 842 году, въ годъ восшествія на престолъ Императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинаетъ свое лѣтосчисленіе, прекращаются богословскіе споры, окончательно утверждается догматъ, который передается славянскимъ народамъ, начавшимъ въ то время принимать христіанство; тогда же является переводъ священнаго писанія на Славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳодія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратимся къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить на себя наше особенное вниманіе. Исторія западныхъ Славянъ начинается чуть-чуть проясняться со второй половины V-го вѣка, по смерти Аттилы и уничтоженія гунскаго могущества. Народныя преданія Чеховъ знаютъ также о переселеніи этого племени изъ краевъ южныхъ въ землю Кельтическихъ Бойевъ и Германскихъ Маркомановъ. По своему положенію Чехи должны были съ самаго начала войти во враждебныя столкновенія съ Германцами, сперва съ Туриями, а потомъ съ Франками, подчинившими себя Туринговъ. Не безопасны съ запада, Чехи были мало безопасны и съ востока: долина Дуная не переставала еще наполняться Азіатскими выходцами: Авары, которые оставили по себѣ такую черную память между нашими юговосточными Славянскими племенами, не

менѣе тяжки были и для Чеховъ; освободителемъ послѣднихъ отъ Аварскаго ига является Само, одинъ изъ загадочныхъ средневѣковыхъ героевъ, о которыхъ наука не можетъ произнести вѣрнаго приговора, которыхъ оспариваютъ другъ у друга разныя народности, тогда какъ въ эту эпоху броженія народныхъ элементовъ въ Европѣ всего менѣе обращалось вниманія на народность. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Само былъ Франкскій купецъ, торговавшій съ восточными племенами; извѣстіе очень согласное съ тогдашнимъ состояніемъ общества, когда купцами были всегда люди отважные, легко перемѣнявшіе характеръ купца на характеръ воина; этотъ первоначальный характеръ купца далъ Само средства сблизиться съ племенемъ, отвага указала въ немъ достойнаго предводителя противъ Аваровъ. Въ 627 году Славяне избрали освободителя Само въ короли; такъ основалось на западѣ первое Славянское владѣніе, сердцемъ котораго была земля Чешская. Уже при Само начинаются враждебныя столкновенія Чеховъ съ королями Франкскими; конецъ жизни и правленія Самова еще менѣе извѣстенъ, тѣмъ его происхожденіе и первые подвиги. Народныя преданія Чешскія знаютъ о Крокѣ, котораго золотой столъ стоялъ въ Вышеградѣ надъ Влтавою (Молдавою). Крокъ оставилъ по себѣ трехъ вѣщихъ дочерей; младшую изъ нихъ, Любушу народъ выбралъ на отцовское мѣсто; Любуша отдала руку свою и власть надъ Чехами Пршемыслу, который пахалъ, когда пришли къ нему послы отъ Любуши съ этимъ предложеніемъ. Пршемыслъ былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ Чешскихъ; княженіе его относятъ къ первой четверти VIII вѣка. Изъ событій Чешской исторіи послѣ Пршемысла до самой половины IX-го вѣка мы не знаемъ ничего вѣрнаго, кромѣ враждебныхъ столкновеній Славянъ съ Нѣмцами, то-есть съ Имперією Франковъ. Меровинговъ смѣнили Карловинги. Германскія племена соединились въ одну массу; духъ единства, принятый Германскими вождями на старинной почвѣ Римской Имперіи, не переставалъ одушевлять ихъ, руководить ихъ поступками; потомокъ Геристала принялъ титулъ Римскаго Им-

ператора; располагая силами западной Европы, Карлъ Великій двинулся на восточную съ проповѣдію Римскихъ началъ, единства политическаго и религіознаго. Чтоже могла противопоставить ему восточная Европа? Народы, жившіе въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненные и враждебные другъ другу. Замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ раздѣленія и несогласія Славянскихъ племенъ отличительную черту Славянской народности; разрозненность и вражда племенъ Славянскихъ были необходимыми слѣдствіями ихъ формы быта быта родоваго, а эта форма быта не есть исключительная принадлежность Славянскаго племени; черезъ нее проходятъ все народы съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ оставляетъ ее прежде, а другой послѣ, въ слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ; такъ народы Германскаго племени оставили формы родоваго быта прежде въ слѣдствіе переселенія на Римскую почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, а Славяне, оставаясь на востокъ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ первоначальныхъ формахъ быта. Карлъ Великій, вождь Германскаго ополченія, носилъ титулъ Римскаго Императора, былъ единымъ владыкою соединенныхъ Германскихъ племенъ; но исторіи извѣстно, чего стоило Германскому племени это соединеніе! Покрытый кровію Саксонцевъ, Карлъ двинулся противъ Славянъ; легко было предвидѣть, что новый Цезарь получитъ такіе же успѣхи надъ младенчествующими народами восточной Европы, какіе старый Цезарь получилъ нѣкогда, при покореніи варварскаго народонаселенія Европы западной. Изъ Славянскихъ племенъ, соприкасавшихся съ Германцами, кромѣ Чеховъ, были Бодричи или Ободриты, жившіе въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ; потомъ южнѣе, между Одеромъ и Эльбою Лутичи или Велеты, между Лутичами и Чехами жили Сербы въ нынѣшней Саксоніи и Лузаци. Между Лутичами и Бодричами шли сильныя усобицы; съ другой стороны, Бодричи были во враждѣ съ Саксонцами; это обстоятельство заставило ихъ войти въ союзъ съ Карломъ противъ послѣднихъ, какъ общихъ враговъ, и

помогать Франкамъ въ борьбѣ съ ними. Карлъ, въ благодарность за помощь, обратилъ свое оружіе противъ Лутичей подь предлогомъ, что они обижаютъ союзниковъ его, Бодричей: такъ Германскій вождь началъ искусно пользоваться Славянскимъ бытомъ и его слѣдствіями. Бодричи и Сербы охотно помогали Нѣмцамъ покорять единоплеменниковъ своихъ, Лутичей, которые принуждены были признать себя данниками Карла. Это было въ концѣ VIII-го вѣка, въ началѣ IX-го уже видимъ войны Карла съ Чехами. Послѣдніе, подобно всѣмъ своимъ сошеженникамъ, не давали врагу битвъ въ чистомъ полѣ, но отбивались порознь въ лѣсахъ и горахъ; войска Карла, опустошивши страну, должны были возвращаться безъ рѣшительныхъ, какъ видно, успѣховъ. Не смотря однако на это, торжество Нѣмцевъ было вѣрно надъ разрозненными Славянами. Если извѣстія о дани Чеховъ Карлу Великому могутъ быть оспориваемы, то вѣрно, что Моравы уже были подчинены ему. Во второй четверти IX-го вѣка въ Моравіи мы видимъ князя Моймира, который принялъ христіанство, и считается основателемъ Моравскаго государства; въ то же время встрѣчаемъ извѣстіе о начаткахъ христіанства у Чеховъ: четырнадцать Леховъ, или знатныхъ пановъ Чешскихъ приняли христіанство въ Регенсбургѣ у короля Людовика Нѣмецкаго; но, въ борьбѣ двухъ племенъ, основнымъ различіемъ которыхъ была вѣра, для Славянина отвергнуть вѣру своего народа значило отложиться отъ послѣдняго, перейти подь знамена враговъ: вотъ почему Чешскіе Лехи, какъ скоро приняли христіанство, такъ уже оставили князя своего и поддались королю Нѣмецкому, изъ подь власти котораго трудно было высвободиться. Такъ Людовикъ Нѣмецкій, подозрѣвая Моймира Моравскаго въ намѣреніи усилиться, свергнулъ его съ престола, который отдалъ племяннику его Ростиславу. Но Ростиславъ, не смотря на то, что обязанъ былъ властію Людовику, шелъ по слѣдамъ дяди Моймира, только шелъ съ бѣльшимъ успѣхомъ: ему удалось отбиться отъ Людовика; онъ могъ объявить себя прямо врагомъ послѣдняго, и принимать подь свое покровительство всѣхъ недовольныхъ королею, даже собственныхъ сыновей

его. Но князь Моравскій долженъ былъ понимать, что для независимаго состоянія Славянскаго государства прежде всего была необходима назависимая Славянская церковь, что съ Нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ, что съ Латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со вѣшной, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію Славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на Славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить Славянское богослуженіе и основать независимую Славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ Нѣмецкимъ: она была слишкомъ слаба для этого,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ Императору Михайлу съ просьбою о Славянскихъ учителяхъ, и въ Моравіи являются знаменитые братья — Кирилль и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ Славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Призывъ Кирилла и Меѳодія, полагаемый въ 862 году, совпадаетъ со временемъ основанія Русскаго государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться дѣломъ святыхъ братьевъ.

Ближайшими къ Россіи изъ западныхъ Славянскихъ племенъ были тѣ, которыя послѣ вошли въ составъ государства Польскаго. Область этихъ Ляшскихъ племенъ простиралась съ севера къ югу отъ Балтійскаго моря до горъ Карпатскихъ, съ востока къ западу отъ рѣкъ Бобра, Нарева, Буга, Вислоки до Одера, Бобра (въ Селезіи) и Чешско-Моравскаго хребта; но главное гнѣздо государства Польскаго было на рѣкѣ Вартѣ около Гнѣзна и Познаня. Вѣроятная исторія Польши начинается въ одно время съ Русскою, то-есть, въ половинѣ IX-го вѣка: къ 860 году относятъ тотъ переворотъ, по которому Семовитъ,

сынъ земледѣльца Паста, свергнуть съ престола родъ Попела и самъ сталъ княжить; съ этихъ поръ начинается распространене Польскихъ владѣній. Но въ началѣ нашей исторіи гораздо ближе Польскихъ Славянъ были къ Руси Славяне Болгарскіе. Исторія находитъ Славянъ въ древней Мизіи, въ нынѣшней Болгаріи, во второй половинѣ VII-го вѣка, тогда какъ до сихъ поръ Восточная Имперія имѣла дѣло съ Славянами, нападавшими на нее съ сѣвернаго берега Дуная; въ 677 году Болгары, народъ единоплеменный съ Гуннами и Аварами, покорилъ семь Славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи, и утвердился здѣсь; скоро побѣдители такъ смѣшались съ побѣжденными, что составили съ ними одинъ народъ Славянскій; съ этихъ поръ начинается рядъ войнъ Болгарскихъ владѣтелей съ императорами Греческими до самой половины IX-го вѣка, когда Болгарскій князь Борисъ принялъ христіанство, крестившись подъ именемъ Михаила отъ руки Славянскаго апостола Меѳодія, который послѣ этого отправился съ братомъ Кирилломъ въ Моравію. Въ тѣсной связи съ исторіей Болгарскихъ Славянъ находится исторія Славянъ Сербскихъ. Къ VII-му вѣку относятъ переселеніе Славянъ изъ сѣверныхъ краевъ въ Иллирію: изъ послѣдующей исторіи этихъ племенъ до половины IX-го вѣка мы знаемъ только нѣсколько именъ Сербскихъ жупановъ или старѣйшинъ и нѣсколько извѣстій о войнахъ ихъ съ князьями Болгарскими.

ГЛАВА V.

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ — РЮРИКЪ, ОЛЕГЪ, ИГОРЬ.

До нашего начального летописца дошло очень мало преданий о княженіи Рюрика. Онъ знаетъ только, что по прошествіи двухъ лѣтъ отъ призванія, младшіе братья, Синеусъ и Труворъ, умерли, и всю власть принялъ одинъ старшій Рюрикъ; эта власть простиралась уже на Кривичей западно-Двинскихъ, то есть, Полочанъ на югъ, на Мерю и Мурому на сѣверовостокъ. Если Мера, платившая прежде дань Варягамъ, и неупомянутая въ разсказѣ о призваніи, точно въ немъ не участвовала, то должно быть, что ее снова покорилъ Синеусъ съ Бѣлазера, по старому Варяжскому пути, а за Мерею впервые покорена и Муромъ; на югъ перейденъ волокъ между Ловатю и Западною Двиною, присоединенъ Полоцкъ. О войнахъ есть извѣстіе, что призванные князья начали воевать всюду; о правительственныхъ мѣрахъ читаемъ, что Рюрикъ роздалъ города мужамъ своимъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «Раздая волости мужемъ своимъ и города рубити»¹⁶⁴. Такъ съ Рюрика началась уже эта важная дѣятельность нашихъ князей — построеніе городовъ, сосредоточеніе народонаселенія. Касательно опредѣленія отношеній между призваннымъ княземъ и призвавшими племенами сохранилось преданіе о смутѣ въ Новгородѣ, о недовольныхъ, которые жаловались на поведеніе Рюрика и его родичей или единоземцевъ, и въ главѣ которыхъ былъ какой-то Вадишъ; этотъ Вадишъ былъ убитъ Рюрикомъ вмѣстѣ со многими Новгородцами, его совет-

никами¹⁶⁶. Сохранилось преданіе, что по смерти братьевъ Рюрикъ оставилъ Ладогу, пришелъ къ Ильмену, срубилъ городъ надъ Волховомъ, прозвалъ его Новгородомъ, и сѣлъ тутъ княжить. Это мѣсто лѣтописи прямо показываетъ, что собственный Новгородъ былъ основанъ Рюрикомъ; и такъ какъ здѣсь онъ остался жить, и послѣ него здѣсь же жили посадники княжескіе и князья, то изъ этого легко объясняется, почему Новгородъ затмилъ собою старій городъ, какъ бы тотъ имъ назывался¹⁶⁶. И послѣ переселенія Рюрика къ Ильмену, смуты, какъ видно, продолжались; такъ сохранилось преданіе, что отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ бѣжало много Новгородскихъ мужей¹⁶⁷. Если и здѣсь обратимъ вниманіе на послѣдующія событія Новгородской исторіи, то найдемъ сходныя явленія: и послѣ почти каждый князь долженъ былъ бороться съ извѣстными сторонами, и если побѣждалъ, то противники бѣжали изъ Новгорода къ другимъ князьямъ — или на югъ въ Русь, или въ Суздальскую землю, смотря по обстоятельствамъ. Всего же лучше преданіе о неудовольствіи Новгородцевъ и поступкѣ Рюрика съ Вадимомъ и съ совѣтниками его объясняется рассказомъ лѣтописи о неудовольствіи Новгородцевъ на Варяговъ, нанятыхъ Ярославомъ, объ убійствѣ послѣднихъ и мести княжеской убійцамъ.

Преданіе говоритъ, что много людей перебѣжало изъ Новгорода въ Кіевъ: здѣсь на южномъ концѣ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки образовалось въ то же время другое Варяго-русское владѣніе. Было, говоритъ преданіе, у Рюрика двое мужей, не родныхъ ему; они выпросились у него идти къ Царю-граду съ родомъ своимъ, и когда шли внизъ по Днѣпру, то увидѣли на горѣ городокъ, и спросили у тамошнихъ жителей, чей онъ? Имъ отвѣчали, что были три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, построили этотъ городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ теперь дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ остались въ городкѣ, собрали около себя много Варяговъ и начали владѣть землею Полянъ. Это преданіе совершенно согласно съ обстоятельствами описываемаго времени: Варягамъ былъ давно извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное; давно они усажи-

вадись между племенами, жившими у его начала; дѣло невозможное, чтобы, зная начало пути, Варяги не стали пробираться тотчасъ же по немъ внизъ къ Черному морю; летописецъ указываетъ путь изъ Варягъ въ Греки, прежде нежели начинается рассказъ о событіяхъ, непосредственно за рассказомъ о разделеніи племенъ Славянскихъ; тутъ же у него вставлено сказаніе о путешествіи Апостола Андрея по этому пути; Аскольдъ и Диръ прямо запрашиваются у Рюрика въ Грецію, и идутъ известною дорогою. Вотъ почему и прежде согласились мы допустить, что Варяги—Русь, зная начало великаго воднаго пути ранѣе прихода Рюрикова, знали и конецъ его ранѣе этого времени, что шайки ихъ давно усаживались на берегахъ Чернаго Азовскаго морей, и оттуда опустошали окрестныя страны, и что такъ ясно указываютъ свидѣтельства Арабовъ и нѣкоторыхъ другія. Но, какъ видно, до сихъ поръ Варяги являлись на великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное только въ видѣ малочисленныхъ дружинъ, искавшихъ службы при дворѣ Императора, или мелкой добычи на берегахъ Имперіи, безъ мысли и безъ средствъ основать прочное владѣніе въ земляхъ, лежащихъ по восточному пути. Такъ Аскольдъ и Диръ отпросились у Рюрика въ Грецію, съ родомъ своимъ только! Вотъ почему они не хотѣли, да и не могли утвердиться нигдѣ по восточному пути до самого того мѣста, начиная съ котораго Днѣпръ поворачиваетъ на востокъ, въ степь. Здѣсь среди Славянскаго племени Полянъ, платившихъ дань Козарамъ, въ городкѣ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ остановились. Какъ видно, Кіевъ въ то время былъ притономъ Варяговъ, всякаго рода искателей приключеній; въ послѣдствіи были Тмутаракань и Берладъ; видно и тогда, какъ послѣ, во времена Константина Багрянороднаго, Кіевъ былъ сборнымъ мѣстомъ для Варяговъ, собиравшихся въ Черное море. Аскольдъ и Диръ здѣсь остановились: около нихъ собралось много Варяговъ; сюда же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, перемѣжало изъ Новгорода много людей, недовольныхъ Рюрикомъ. Аскольдъ и Диръ стали вождями довольно многочисленной шайки; окрестныя Поляне должны были подчиниться имъ; есть извѣстныя

что они дрались съ степными варварами¹⁶⁸, съ сосѣдними славянскими племенами—Древлянами и Угличами¹⁶⁹, съ Дунайскими Болгарами¹⁷⁰. Если примемъ извѣстіе, что Варяги Аскольдъ и Диръ засѣли въ Полянскомъ городкѣ Кіевѣ, то не имѣемъ права отвергать приведенныя извѣстія: владѣлецъ украинскаго городка необходимо долженъ былъ вести войны съ степными варварами и съ окольными Славянскими племенами: и прежде болѣе воинственные Древляне и Угличи обижали болѣе покойныхъ Полянъ¹⁷¹; наконецъ столкновения съ Дунайскими Болгарами были естественны по самому пути, которымъ обыкновенно Русь ходила въ Грецію. Ставши вождями довольно многочисленной дружины, Аскольдъ и Диръ вздумали сдѣлать набѣгъ на Византію, исполнить завѣтную мысль Варяга, съ какою они отправились изъ Новгорода: на 200 ладьяхъ приплыла Русь къ Царюграду; но попытка не удалась: буря, вставшая, по Греческимъ свидѣтельствамъ, въ слѣдствіе чудеснаго заступленія Богородицы, разбила Русскія лодки, и немногіе изъ дружины Аскольдовой возвратились съ своими князьями назадъ въ Кіевъ. Въ слѣдъ за этимъ извѣстіемъ Византія сообщаетъ другое о принятіи христіанства Русскими, о посылкѣ къ нимъ епископа изъ Царяграда: такъ уже рано обнаружилось значеніе Кіева въ нашей исторіи, слѣдствіе столкновений Кіевской Руси съ Византією¹⁷². Даже прежде еще Аскольдова похода, обыкновенно относимаго къ 866 году, мы встрѣчаемъ извѣстія о нападеніяхъ Руси на Греческія области и о принятіи христіанства нѣкоторыми изъ Русскихъ вождей: таково извѣстіе, находящееся въ житіи Святаго Стефана Сурожскаго, о нападеніи на Сурожъ Русскаго князя Бравалина, и о крещеніи его тамъ; извѣстіе это относится къ началу IX вѣка; подобное же извѣстіе находимъ въ жизнеописаніи Святаго Георгія, епископа Амастрійскаго¹⁷³.

Но владѣніе, основанное Варяжскими выходцами въ Кіевѣ, не могло имѣть надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкою искателей приключеній, которые могли храбро драться съ сосѣдами, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, но не могли по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду осно-

вать какой-нибудь прочный порядокъ вещей среди племенъ живших по великому водному пути. Это могли сдѣлать только сѣверные князья, имѣвшіе для того достаточную матеріальную силу и привязанные къ странѣ правительственными отношеніями къ племенамъ, ихъ призвавшимъ. Въ 869 году, по счету летописца, умеръ Рюрикъ, оставивъ малолѣтнаго сына Игоря, котораго отдалъ на руки родственнику своему Олегу. Последний какъ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ малолѣтнаго князя получилъ всю власть Рюрика и удерживалъ ее до конца жизни своей. Если Рюрикъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ на югъ по восточному пути, перейдя изъ Ладоги въ Новгородъ, то преемникъ его двинулся гораздо далѣе и дошелъ до конца пути. Движеніе это было однако довольно медленно: три года, по счету летописца, пробылъ Олегъ въ Новгородѣ до выступленія въ походъ на югъ; потомъ онъ двинулся по водному восточному пути, собравши войско изъ Варяговъ и изъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ—Чуди, Славянъ (Ильменскихъ), Мери, Веси, Кривичей. Это обстоятельство есть самое важное въ нашей начальной исторіи. Мы видѣли, что Варягамъ давно былъ извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго Моря въ Черное, давно ходили они по нему, но ходили малыми дружинами, не имѣли ни желанія, ни средствъ утвердиться на этомъ пути, смотрѣли на него, какъ на путь только, имѣя въ виду другую цѣль. Но вотъ на сѣверномъ концѣ этого пути изъ нѣсколькихъ племенъ составляетъ владѣніе, скрѣпленное единствомъ власти; повинаясь общему историческому закону, новорожденное владѣніе, въ слѣдствіе сосредоточенія своихъ силъ чрезъ единство власти, стремится употребить въ дѣло эти силы, подчинить своему вліянію другія общества, другія племена, менѣе сильныя. Князь сѣвернаго владѣнія выступаетъ въ походъ, но это не вождь одной Варяжской шайки дружины; въ его рукахъ силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; онъ идетъ по обычному Варяжскому пути, но идетъ не съ цѣлью одного грабежа, не для того только, чтобъ пробраться въ Византію пользуясь своею силою, онъ подчиняетъ себѣ всѣ встрѣчающіяся ему на пути племена, закрѣпляетъ себѣ на всегда всѣ находи-

дѣлся на пость мѣста, города, его походъ представляетъ распро-
страненіе одного владѣнія на счетъ другихъ, владѣнія сильнаго
на счетъ слабѣйшихъ. Сила сѣвернаго князя основывается на
его правительственныхъ отношеніяхъ къ сѣвернымъ племенамъ,
соединившимся и призвавшимъ власть: отсюда видна вся важ-
ность призванія, вся важность тѣхъ отношеній, которыя утвер-
дились на сѣверѣ между Варяжскими князьями и призвавшими
племенами.

Перешедши волокъ и достигши Днѣпра, Олегъ утверждаетъ
въ землѣ Днѣпровскихъ Кривичей, закрѣпляетъ себѣ ихъ городъ
Смоленскъ, сажаетъ здѣсь своего мужа, разумѣется не одного,
но съ дружиною, достаточною для удержанія за собою новаго
владѣнія¹⁷⁴. Изъ Смоленска Олегъ пошелъ внизъ по Днѣпру,
пришелъ въ землю Сѣверянъ, взялъ городъ ихъ Любечъ, и при-
крѣпилъ его къ своему владѣнію, посадивъ и здѣсь мужа сво-
его. Какъ достались Олегу эти города, долженъ ли былъ онъ упо-
треблять силу, или покорились они ему добровольно — объ этомъ
нельзя ничего узнать изъ лѣтописи. Наконецъ Олегъ достигъ
Кіева, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ; здѣсь, по преданію, онъ
оставилъ большую часть своихъ лодокъ назади, скрылъ ратныхъ
людей на тѣхъ лодкахъ, на которыхъ подплылъ къ Кіеву, и
послалъ сказать Асколду и Диру, что земляки ихъ, купцы, иду-
щіе въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря, хотятъ повидаться
съ ними. Аскольдъ и Диръ пришли, но тотчасъ же были окруже-
ны ратными людьми, повискакавшими изъ лодокъ; Олегъ будто
бы сказалъ Кіевскимъ князьямъ: «Вы не князья, ни роду княже-
скаго, а я роду княжескаго,» и, указывая на вынесеннаго въ это
время Игоря, прибавилъ: «вотъ сынъ Рюриковъ.» Аскольдъ и
Диръ были убиты и погребены на горѣ. — Разумѣется, историкъ
не имѣетъ обязанности принимать преданіе съ тѣми подробностями,
въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ оно достигло до перваго лѣто-
писца и записано имъ. Въ этомъ преданіи видно какъ-будто на-
мереніе оправдать Олега, дать сѣвернымъ князьямъ Рюрикова рода
право на владѣніе Кіевомъ, гдѣ засѣли мужи Рюрика, не князья,
но ильвншіе права владѣть городомъ независимо. Олегъ представ-

ленъ не завоевателемъ, но только княземъ, возстановляющимъ свое право, право своего рода, нарушенное дерзкими дружинниками. Быть можетъ, само преданіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ были члены дружины Рюриковой, явилось въ слѣдствіе желанія дать Рюрикову роду право на Кіевъ ¹⁷⁵. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи встрѣчаемъ также подробности о непріязненныхъ отношеніяхъ Аскольда и Дира къ Рюрику: такъ есть извѣстіе, что они по неудовольствію оставили сѣвернаго князя, не давшаго имъ ни города, ни села ¹⁷⁶; что потомъ, утвердись въ Кіевѣ, воевали Полочанъ и надѣлали имъ много зла ¹⁷⁷: очень вѣроятно, что они могли нападать на южные, ближайшіе къ нимъ предѣлы владѣній Рюриковыхъ. Также замѣчено было уже извѣстіе о бѣгствѣ Новгородцевъ, недовольныхъ Рюрикомъ, въ Кіевъ къ Асколду и Диру.

Какъ бы то ни было, убивъ Аскольда и Дира, Олегъ утвердился въ Кіевѣ, сдѣлавъ его своимъ стольнымъ городомъ; по свидѣтельству лѣтописца, Олегъ сказалъ, что Кіевъ долженъ быть матерью городамъ Русскимъ ¹⁷⁸. Понятно въ смыслѣ преданія, что Олегъ не встрѣтилъ сопротивленія отъ дружины прежнихъ владѣльцевъ Кіева: эта дружина и при благоприятныхъ обстоятельствахъ была бы не въ состояніи померяться съ войсками Олега, тѣмъ болѣе, когда такъ мало ея возвратилось изъ несчастнаго похода Греческаго; часть ея могла пристать къ Олегу, недовольные могли уйти въ Грецію. Понятно также, почему Олегъ остался въ Кіевѣ: кромѣ пріятности климата, красоты мѣстоположенія и богатства страны, сравнительно съ сѣверомъ, тому могли способствовать другія обстоятельства: Кіевъ, какъ уже было замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самыя большія притоки свои справа и слѣва, Припеть и Десну, поворачиваетъ на востокъ, въ степи, жилище кочевыхъ народовъ. Здѣсь, слѣдовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острогъ новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же, при началѣ степей, должно было быть, и, вѣроятно, было прежде сборное мѣсто для Русскихъ лодокъ, отправлявшихся въ Черное море. Такимъ образомъ два конца великаго воднаго пути, на сѣверѣ и

сторонѣ Ладожскаго озера и на югѣ со стороны степей, соединились въ одномъ владѣніи. Отсюда видна вся важность этого пути въ нашей исторіи: по его берегамъ образовалась первоначальная Русская государственная область; отсюда же понятна постоянная, тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, какую мы видимъ въ послѣдствіи; понятно, почему Новгородъ всегда принадлежалъ только старшему князю, великому князю Кіевскому.

Первымъ дѣломъ Олега въ Украинѣ было построение городовъ, острожковъ, сколько для утвержденія своей власти въ новыхъ областяхъ, столько же и для защиты со стороны степей. Потому нужно было опредѣлить отношенія къ старымъ областямъ, къ племенамъ, жившимъ на сѣверномъ концѣ воднаго пути, что было необходимо въ слѣдствіе новаго поселенія на югѣ; главная форма, въ которой выражались отношенія этихъ племенъ къ князю, была дань, и вотъ Олегъ. установилъ дани Славянамъ (Ильменскимъ), Кривичамъ и Мери; Новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривенъ для содержанія наемной дружины изъ Варяговъ, которые должны были защищать сѣверныя владѣнія. Сперва, какъ видно, эта стража состояла исключительно изъ Варяговъ, потомъ, когда эта исключительность исчезла, то вмѣсто Варяговъ встрѣчаемъ уже общее названіе гридей; наемная плата увеличивалась по обстоятельствамъ, такъ послѣ раздавалось гридямъ уже тысяча гривенъ вмѣсто трехъ сотъ; прекратилась эта выдача денегъ со смертію Ярослава I, вѣроятно потому, что съ этого времени Новгородцы не могли болѣе опасаться нападеній ни съ которой стороны, а можетъ быть также между ними и князьями сдѣланы были другаго рода распоряженія относительно внѣшней защиты.

Построивъ города и установивъ дани у племенъ сѣверныхъ, Олегъ, по преданію, начинаетъ подчинять себѣ другія племена Славянскія, жившія къ востоку и западу отъ Днѣпра. Прежде всего Олегъ идетъ на Древлянъ, у которыхъ давно шла вражда съ Полянами; Древляне не поддались добровольно Русскому князю; ихъ нужно было примучить, чтобъ заставить платить дань, которая состояла въ черной кунницѣ съ жилья. Въ слѣдующемъ,

по счету летописца, году (884) Олегъ пошелъ на Сѣверянъ побѣдилъ ихъ, и наложилъ дань легкую; эта легкость должна объясняться малымъ сопротивленіемъ Сѣверянъ, которые платили дань Козарамъ и слѣдовательно могли легко согласити платити ее Русскому князю; съ своей стороны Олегъ долженъ былъ наложить на нихъ только легкую дань, чтобы показати имъ выгоду Русской зависимости предъ Козарскою; онъ, и преданію, говорилъ Сѣверянамъ: «Я врагъ Козарамъ, а вы не вамъ.» Радимичи, платившіе также дань Козарамъ, въ слѣдующемъ году не оказали никакого сопротивленія Олегу; онъ послалъ спросити у нихъ: «Кому даете дань?» тѣ отвѣчали «Козарамъ. — «Не давайте Козарамъ, велѣлъ сказать имъ Олегъ, а давайте лучше мнѣ,» и Радимичи стали платити Русскому князю тѣ же два шляга отъ рала, которые давали Козарамъ. Но не такъ легко было справиться съ тѣми племенами, которыя прежде были независимы, не платили никому дани, и хотѣли и теперь платити ее Руси: мы видѣли сопротивленіе Древлянъ; потомъ, слишкомъ въ двадцать лѣтъ, по счету летописца, Олегу удалось покорити Дульбовъ, Хорватовъ и Тиверцевъ, но Угличей не удалось¹⁸⁰. Только въ 907 году Олегъ собрался въ походъ на Грековъ: оставивъ Игоря въ Кіевѣ, онъ пошелъ со множествомъ Варяговъ, Славянъ (Новгородцевъ, Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дульбовъ и Тиверцевъ, пошелъ на коняхъ и въ корабляхъ, кораблей было 2,000, на каждомъ кораблѣ 40 человекъ. Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности принимать буквально этотъ счетъ; для него важны только тѣ преданія, съ каковыми оно хранилось въ народѣ, и изъ которыхъ видно, что предпріятіе было совершено соединенными силами всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси, сѣверныхъ и южныхъ, не было набѣговъ Варяжской шайки: отсюда объясняется робость Грековъ, удача предпріятія. Когда Русскіе корабли явились предъ Константинополемъ, говоритъ преданіе¹⁸¹, то Греки заперли гавань, заперли городъ. Олегъ вышелъ безпрепятственно на берегъ, корабли были выволочены, ратные разсыялись

крестностями Царяграда, и начали опустошать ихъ: много по-
 щили Грековъ, много палатъ разбили и церковей пожгли; плѣн-
 ныхъ съкли мечами, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали
 въ море. Преданіе прибавляетъ, что Олегъ велѣлъ поставить
 свои на колеса, и флотъ, при попутномъ вѣтрѣ, двинулся
 вперёдъ по сушѣ къ Константинополю. Говоря просто,
 Олегъ приготовился къ осадѣ города: Греки испугались, и по-
 сланцы сказали ему: «Не губи городъ; мы беремся давать тебѣ
 то, какую хочешь.» Олегъ остановился; тоже преданіе раз-
 сказываетъ, что Греки послали ему кушанье и напитки съ от-
 вѣтомъ, что Олегъ догадался о коварствѣ и не коснулся прислан-
 ныхъ, и что тогда Греки въ испугѣ говорили: это не Олегъ, но
 какой-то Димитрій, посланный на насъ Богомъ. Приведенный раз-
 сказываетъ замѣчательнѣе по тому представленію, которое имѣли о
 характерѣ Грековъ и о характерѣ вѣщаго Олега: самый хитрый
 изъ народовъ не успѣлъ обмануть мудраго князя! Олегъ, про-
 славившись дѣломи, отправилъ къ императору пословъ—Карла,
 Яроа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали
 по 12 гривенъ на корабль, да еще уклады на Русскіе города:
 Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и
 другіе, потому что въ тѣхъ городахъ сидѣли Олеговы мужи;
 Олегъ требовалъ также, чтобъ Русь, приходящая въ Царьградъ
 брать съѣстныхъ припасовъ, сколько захочетъ; гости (куп-
 цы) имѣютъ право брать съѣстные припасы въ продолженіе шести
 мѣсяцевъ, хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, овощи; могутъ мыться въ
 банѣ сколько хотятъ; а когда пойдутъ Русскіе домой, то брать
 у Царя Греческаго на дорогу съѣстное, якоря, канаты,
 веревки, и все нужное. Императоръ и вельможи его приняли
 предложеніе, только съ слѣдующими измѣненіями: Русскіе, пришед-
 шие не для торговли, не берутъ мѣсячины; князь долженъ за-
 щитить своихъ Русскимъ грабить села въ странѣ греческой;
 Русскіе, пришедши въ Константинополь, могутъ жить только у
 Святой Марыи, Императоръ пошлетъ переписать ихъ имена, и тогда
 они будутъ брать свои мѣсячины— сперва Кіевляне, потомъ
 Черниговцы, Переяславцы и другіе; входить въ городъ будутъ

они одними воротами, вмѣстѣ съ чиновникомъ императорскимъ, безъ оружія, не болѣе 50 человекъ, и пусть торгуютъ, какъ имъ надобно, не платя никакихъ пошлинъ. Изъ этихъ условій видна недовѣрчивость Грековъ къ Русскимъ, которые любилъ при удобномъ случаѣ, перемѣнять характеръ купцовъ на характеръ воиновъ. Императоры Леонъ и Александръ цѣловали крестъ въ соблюденіи договора; привели также къ присягѣ Олега мужей его; тѣ клялись по Русскому закону, оружіемъ, Перуномъ, богомъ своимъ, Волосомъ, скотыимъ богомъ, и такимъ образомъ утвердили миръ. Преданіе прибавляетъ, будто Олегъ велѣлъ Руси шить паруса шелковые, а Славянамъ полотняные, будто воины повѣсили щиты свои на воротахъ Цареградскихъ въ знакъ побѣды и когда пошли они домой, то Русь пошла паруса шелковые, а Славяне полотняные; но вѣтеръ разодралъ ихъ; тогда Славяне сказали: примемся за свои холстинные паруса; не дано Славянамъ парусовъ полотняныхъ. Это преданіе любопытно потому, что въ немъ видно различіе между Русью и Славянами, различіе въ пользу первой. Подъ именемъ Русей здѣсь должно принимать не Варяговъ вообще, но дружинну княжескую, подъ Славянами остальныхъ ратныхъ людей изъ разныхъ племенъ: естественно, что корабль княжескій и дружина везшіе бояръ и слугъ княжескихъ, были красивѣе, чѣмъ корабли простыхъ воиновъ. Олегъ, заключаетъ преданіе, возвратившись въ Кіевъ съ золотомъ, дорогими тканями, овощами, винами, всякимъ узорочьемъ; народъ удивился такому успѣху, и призвалъ князя вѣщимъ, то есть, кудесникомъ, волхвомъ.

Допустивъ къ себѣ Русскихъ на продолжительное житье въ Константинополь, Греческій дворъ долженъ былъ урядиться съ Кіевскимъ княземъ, какъ поступать при необходимыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ подданными Имперіи; вотъ почему въ 911 году, слѣдовательно, по счету лѣтописца, черезъ четыре года, Олегъ послалъ въ Царьградъ мужей своихъ утвердить миръ и положить рядъ между Греками и Русью, на основаніи прежняго ряда, заключеннаго тотчасъ послѣ похода¹⁵². Посланы были отправлены тѣ же пять мужей, которые заключали и во

ный договоръ — Карлъ, Фарлофъ, Велмудъ (Веремудъ), Рулавъ, Стемиръ (Стеמידъ), но съ прибавкою еще девяти: Инегельдъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Фрелафъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Бидульфость. Не смотря на искаженіе именъ, легко замѣтить, что почти всѣ они звучатъ не по-славянски: славянскіе звуки можно уловить только въ двухъ — Велмудъ (Велемудръ) и Стемиръ. Причина такому явленію можетъ заключаться въ томъ, что большинство дружины Олеговой состояло въ это время еще изъ Скандинавовъ, или, быть-можетъ, означенные Варяги потому были отправлены въ Константинополь, что подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, уже бывали тамъ прежде, знали Греческіе обычаи, языкъ. Эти мужи посланы были отъ великаго князя Олега, отъ всѣхъ подручныхъ ему князей (знакъ, что, кромѣ Олега и Игоря, существовали еще другіе родичи Рюриковы), бояръ, и отъ всей подручной ему Руси. Послы заключили слѣдующій договоръ: 1) При каждомъ преступленіи должно основываться на ясныхъ показаніяхъ; но при заподозрѣніи свидѣтельства пусть сторона подозрѣвающая клянется въ томъ, что свидѣтельство ложно; пусть всякій клянется по своей вѣрѣ, и пусть приметъ казнь, если клялся ложно. — За явныя слѣдуетъ исчисленіе преступленій и соотвѣтственныхъ имъ наказаній: 2) Если Русинъ убьетъ христіанина, то-есть Грека, или христіанинъ Русина, то преступникъ пусть умретъ на мѣстѣ; если же убьетъ и оставитъ имѣніе, то оно отдается родственникамъ убитаго, за исключеніемъ той части, которая, по закону, слѣдуетъ женѣ убійцы; если же преступникъ убьетъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ пойманъ и казненъ смертію. 3) За ударъ мечомъ или чѣмъ бы то ни было виноватый платитъ пять литръ серебра по Русскому закону; если будетъ не въ состояніи заплатить означенной суммы, то пусть дастъ сколько можетъ, пусть снести съ себя то самое платье, которое на немъ, и клянется по обрядамъ своей вѣры, что не имѣетъ никого, кто бы могъ заплатить за него, и тогда искъ прекращается. 4) Если Русинъ украдетъ что-либо у христіанина, или христіанинъ у

Русина, и воръ будетъ пойманъ на кражѣ, то въ случаѣ сопротивленія, хозяинъ украденной вещи можетъ убить его безъ наказанія и взять свое назадъ. Если же воръ отдается безъ сопротивленія, то его должно связать и взять съ него втри за похищенное. 5) Если кто изъ христіанъ или Русскихъ начнетъ мучить, допытываясь, гдѣ имущество, и насиліемъ или возьметъ что-нибудь, то долженъ заплатить втрое противъ взятаго. 6) Если корабль Греческій будетъ выброшенъ вѣтромъ на чужую землю, и случится при этомъ кто-нибудь изъ Русскихъ, то они должны охранять корабль съ грузомъ, отославъ его назадъ въ землю христіанскую, провожать его чрезъ всекое страшное мѣсто, пока достигнетъ мѣста безопаснаго: если же противные вѣтры или мели задержатъ корабль на одной мѣстѣ, то Русскіе должны помочь гребцамъ и проводить ихъ съ товарами по здорову, если случится близко тутъ земля Греческая; если же бѣда приключится близъ земли Русской, то корабль проводить въ послѣднюю, грузъ продается, и вырученное Русь принесетъ въ Царьградъ, когда придетъ туда для торговли или посольствомъ; если же кто на кораблѣ томъ будетъ прибитъ или убитъ Русью, или пропадетъ что-нибудь, то преступники подвергаются вышеозначенному наказанію. 7) Если въ какой-нибудь странѣ будутъ держать Русскаго или Греческаго невольника, и случится въ той странѣ кто-нибудь изъ Русскихъ или изъ Грековъ, то послѣдній обязанъ выкупить невольника и возвратитъ его на родину, за что получить искупительную цѣну или общую цѣну невольника¹⁸³; военноплѣнные также возвращаются на родину, плѣнившій получаетъ общую цѣну невольника. 8) Тѣ изъ Русскихъ, которые захотятъ служить Императору Греческому, вольны это сдѣлать. 9) Если случится, что Русскіе невольники придутъ на продажу изъ какой-нибудь страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники въ Русь, то они продаются по 20 золотыхъ и отпускаются на родину. 10) Если рабъ будетъ украденъ изъ Руси, или уйдетъ самъ или будетъ насильственно проданъ, и если господинъ раба начнетъ жаловаться, и справедливость жалобы будетъ подтвер-

дела самимъ работъ, то послѣдній возвращается въ Русь; также гости Русскіе, потерявши раба, могутъ искать его и взять обратно; если же кто не позволитъ у себя дѣлать обыска, то стѣжъ самымъ уже проигрываетъ свое дѣло. 11) Если кто изъ Русскихъ, служащихъ христіанскому царю, умретъ; не распорядившись имѣніемъ, и не будетъ около него никого изъ родныхъ, то имѣніе отсылается къ ближнимъ его въ Русь. Если же распорядится, то имѣніе идетъ къ назначенному въ завѣщаніи наслѣднику, который получить его отъ своихъ земниковъ, ходящихъ въ грецію. 12) Если взявшійся доставить это имѣніе, утаитъ его и не возвратится съ нимъ въ Русь, то, не жалобъ Русскихъ, возвращается насильно въ отечество. Такъ точно должны поступать и Русскіе относительно Грековъ.

Императоръ одарилъ Русскихъ пословъ золотомъ, дорогими тканями, платьемъ и, по обычаю, приставилъ къ нимъ людей, которые должны были водить ихъ по церквамъ цареградскимъ, показывать богатства ихъ, также страсти Христовы, мощи святыхъ, при чемъ излагать ученіе вѣры. Послы возвратились къ Олегу въ 912 году; осеью этого года князь умеръ. Было преданіе, что передъ смертію Олегъ ходилъ на сѣверъ, въ Новгородъ и Ладогу: въ этомъ преданіи нѣтъ ничего невѣроятнаго; оно же прибавляетъ, что Олегъ и похороненъ въ Ладогѣ¹⁸⁴; все указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ, связь необходимую. Сѣверъ хотѣлъ имѣть у себя могилу вѣщаго преемника Рюрика, югъ у себя: по южному преданію, Олегъ похороненъ въ Кіевѣ, на горѣ Щековицѣ¹⁸⁵; въ лѣтописи находимъ также преданіе о самой смерти Олега. Спрашивалъ онъ волхвовъ кудесниковъ, отъ чего ему умереть? И сказалъ ему одинъ кудесникъ: «умереть тебѣ, князь, отъ любимаго коня, на которомъ ты всегда ѣдишь.» Олегъ подумалъ: «такъ иногда же не сяду на этого коня и не увижу его,» — и велѣлъ кормить его, но не подводить къ себѣ, и такъ не трогалъ его нѣсколько лѣтъ, до самаго Греческаго похода. Возвратившись въ Кіевъ, жилъ Олегъ четыре года, на пятый вспомнилъ о конѣ, призвалъ конюшаго и спросилъ: «Гдѣ тотъ конь мой,

что. я поставил кормить и беречь?» Конюший отвѣчалъ: «Онъ уже умеръ.» Тогда Олегъ началъ смѣяться надъ кудесникомъ и бранить его: «Эти волхвы вѣчно лгутъ, говорилъ онъ: — вотъ конь-то умеръ, а я живъ: побѣду-ка я посмотрѣть его кости. Когда князь прѣѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости конскія и черепъ голый, то сошелъ съ лошади и наступилъ ногою на черепъ, говоря со смѣхомъ: «Такъ отъ этого-то чрепа мнѣ придется умереть!» Но тутъ выползла изъ черепи змѣя, и ужалила Олега въ ногу: князь разболѣлся и умеръ¹⁸⁶.

При разборѣ преданій объ Олегѣ мы видимъ, что въ народномъ пониманіи представлялся онъ не столько храбрымъ воителемъ, сколько вѣщимъ княземъ, мудрымъ или хитрымъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, значило одно и то же: хитростію Олегъ овладѣваетъ Кіевомъ, ловкими переговорами подчиняетъ себѣ безъ насилій племена, жившія на восточной сторонѣ Днѣпра; подъ Цариградомъ хитростію пугаетъ Грековъ, не дается въ обманъ самому хитрому народу, и прозывается отъ своего народа вѣщимъ. Въ преданіи онъ является также и княземъ-нарядникомъ земли: онъ располагаетъ дани, строитъ города; при немъ впервые почти все племена, жившія по восточному водному пути, собираются подъ одно знамя, получаютъ понятіе о своемъ единствѣ, впервые съединенными силами совершаютъ дальній походъ. Таково преданіе объ Олегѣ: историкъ не имѣетъ никакого права заподозрить это преданіе, отвергнуть значеніе Олега, какъ собирателя племенъ¹⁸⁷.

По счету лѣтописца, преемникъ Олеговъ Игорь, сынъ Рюрика, княжилъ 33 года (902—935), и только пять преданій записано въ лѣтописи о дѣлахъ этого князя; для княженія Олега высчитано также 33 года (879—912). Въ лѣтописи сказано, что Игорь остался по смерти отца младенцемъ; въ преданіи о занятіи Кіева Олегомъ, Игорь является также младенцемъ, котораго не могли даже вывести, а вынесли на рукахъ; если Олегъ княжилъ 33 года, то Игорю, по смерти его, должно было быть около 35 лѣтъ¹⁸⁸. Подъ 903 годомъ упоминается о женитьбѣ Игоря: Игорь выросъ, говоритъ лѣтописецъ, хе

днѣ по Олѣгѣ, слушался его, и привели ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу. Во время похода Олегова подѣ Царьградъ, Игорь оставался въ Кіевѣ. Первое преданіе объ Игорѣ, занесенное въ лѣтопись, говоритъ, что Древляне, примученные Олѣгомъ, не хотѣли платить дани новому князю, затворились отъ него¹⁸⁹, то есть не стали пускать къ себѣ за данью ни князя, ни мужей его. Игорь пошелъ на Древлянъ, побѣдилъ, и наложилъ на нихъ дань больше той, какую они платили прежде Олѣгу. Потомъ лѣтописецъ знаетъ русское преданіе и Греческое извѣстіе о походѣ Игоря на Константинополь: въ 941 году Русскій князь пошелъ моремъ къ берегамъ Имперіи, Болгары дали вѣсть въ Царьградъ, что идетъ Русь; высланъ былъ противъ нея протовестіарій Теофанъ, который пожегъ Игоревы лодки Греческимъ огнемъ. Потерпѣвъ пораженіе на морѣ, Руссы пристали къ берегамъ Малой Азіи и, по обычаю, сильно опустошали ихъ; но здѣсь были застигнуты и разбиты патрикіемъ Вардою и domestикомъ Іоанномъ, бросились въ лодки и пустились къ берегамъ Фракіи; на дорогѣ были нагнаны, опять разбиты Теофаномъ, и съ малыми остатками возвратились назадъ въ Русь¹⁹⁰. Дома бѣглецы оправдывались тѣмъ, что у Грековъ какой-то чудесный огонь, точно молнія небесная, которую они пускали на Русскія лодки и жгли ихъ. Но на сухомъ пути что было причиною ихъ пораженія? Эту причину можно открыть въ самомъ преданіи, изъ котораго видно, что походъ Игоря не былъ похожъ на предпріятіе Олега, совершенное соединенными силами многихъ племенъ; это былъ скорѣе набѣгъ шайки, малочисленной дружины¹⁹¹. Что войска было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи, показываютъ слова лѣтописца, который тотчасъ, послѣ описанія похода, говоритъ, что Игорь, пришедши домой, началъ собирать большое войско, послалъ за море наемать Варяговъ, чтобъ идти опять на Имперію. Второй походъ Игоря на Грековъ лѣтописецъ помѣщаетъ подѣ 944 годомъ; на этотъ разъ онъ говоритъ, что Игорь, подобно Олѣгу, собралъ много войска, Варяговъ, Русь, Полянъ, Славянъ,

Кривичей, Тиверцевъ, нанялъ Печенеговъ, взявши у нихъ заложниковъ, и выступилъ въ походъ на ладьяхъ и коняхъ, чтобъ отомстить за прежнее пораженіе. Корсунцы послали сказать Императору Роману: «Идетъ Русь съ безчисленныиъ множествомъ кораблей, покрыли все море корабли.» Болгары послали также вѣсть: «Идетъ Русь; наняли и Печенѣговъ.» Тогда, по преданію, Императоръ послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ своихъ съ иросьбою: «Не ходи, но возьми дань, которую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ ней.» Императоръ послалъ и къ Печенегамъ дорогія ткани и много золота. Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ съ нею думать о предложеніяхъ императорскихъ; дружина сказала: «если такъ говорить царь, то чего же намъ еще больше? не бившись, возьмемъ золото, серебро и паволоки! Какъ знать, кто одолѣетъ, мы или они? вѣдь съ моремъ нельзя заранѣе уговориться, не по землѣ ходимъ, а по глубинѣ морской, одна смерть всѣмъ.» Игорь послушался дружины, приказалъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю, взялъ у Грековъ золото и паволоки на себя и на все войско, и пошелъ назадъ въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ 945 году былъ заключенъ договоръ съ Греками также, какъ видно, для подтвержденія краткихъ и, быть можетъ, изустныхъ условій, заключенныхъ тотчасъ по окончаніи похода¹⁹². Для этого, по обычаю, отправились въ Константинополь послы и гости: послы отъ великаго князя и отъ всѣхъ его родственниковъ и родственницъ¹⁹³. Они заключили миръ вѣчный, до тѣхъ поръ пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ. Кто помыслитъ изъ Русскихъ нарушить такую любовь сказано въ договорѣ, то крещенный приметъ мечь отъ Бога Вседержителя, осужденіе на гибель въ сей вѣкъ и въ будущій; некрещенные же не получаютъ помощи ни отъ Бога ни отъ Перуна, не ущитятся щитами своими, будутъ постыжены мечами своими, стрѣлами и инымъ оружіемъ, будутъ рабами въ сей вѣкъ и въ будущій. Великій князь Русскій бояре¹⁹⁴ его посылаютъ къ великимъ царямъ Греческимъ корабли, сколько хотять, съ послами и гостями, какъ поставятъ

мство. Прежде послы носили печати золотыя, а гости серебряныя; теперь же они должны показать грамоту отъ князя своего, въ которой онъ долженъ написать, что послалъ столько-то кораблей: поэтому Греки и будутъ знать, что Русь пришла съ миромъ. А если придутъ безъ грамоты, то Греки будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока не обощиются съ княземъ Русскимъ; если же Русскіе будутъ противиться задержать вооруженною рукою, то могутъ быть перебиты, и князь не долженъ взыскивать за это съ Грековъ; если же убѣгутъ назадъ въ Русь, то Греки отпишутъ объ этомъ къ Русскому князю и онъ поступитъ съ бѣглецами какъ ему вздумается. — Это ограниченіе новое, его нѣтъ въ Олеговомъ договорѣ. — После повторенія Олеговыхъ условій о мѣстѣ жительства и удержанія Русскихъ пословъ и гостей, прибавлена слѣдующая статья: къ Русскимъ будетъ приставленъ человекъ отъ правительства Греческаго, который долженъ разбирать спорныя дѣла между Русскими и Греками. Русскіе купцы, вошедши въ городъ, не имѣютъ права покупать паволоки дороже 50 золотниковъ¹⁹⁵; всѣ купленные паволоки должны показывать Греческому чиновнику, который кладетъ на нихъ клеймо: этого ограниченія мы не находимъ въ договорѣ Олеговомъ. По этому договору, Русскіе не могли зимовать у Св. Мамы: въ Олеговомъ договорѣ этого условія также нѣтъ; впрочемъ и этотъ князь требовалъ содержанія гостямъ только на 6 мѣсяцевъ. — Если убѣжить рабъ изъ Руси, или отъ Русскихъ, или у Св. Мамы, и если найдется, то владѣльцы имѣютъ право взять его назадъ; если же не найдется, то Русскіе не могутъ вѣстаться, христіане и не-христіане — каждый по своему закону, что рабъ дѣйствительно убѣжалъ въ Грецію, и тогда, какъ постановлено прежде¹⁹⁶, возьмутъ цѣну раба — паволоки. Если рабъ Греческій уйдетъ къ Русскимъ съ оружьемъ, то должно возвратитъ и раба и принесенное имъ имущество, за что возвратившіе получаютъ два золотника въ награду. Въ случаѣ покражи, воръ съ обѣихъ сторонъ будетъ наказанъ, по Греческому закону, и возвратитъ не только

украденное, но и цѣну его; если же украденная вещь отыщется въ продажѣ, то и цѣну должно отдать двойную. — Въ Олеговомъ договорѣ ничего не сказано о наказаніи вора, а только о возвращеніи украденнаго; въ Игоревомъ — Греки даютъ силу своему закону, требующему наказанія преступнику¹⁹⁷. — Если Русскіе приведутъ плѣнниковъ христіанъ, то за юношу или дѣвицу добрую платятъ имъ 10 золотниковъ, за среднихъ лѣтъ челоуѣка 8, за старика и дитя 5; своихъ плѣнниковъ выкупаютъ Русскіе за 10 золотниковъ; если же Грекъ купилъ Русскаго плѣнника, то беретъ за него цѣну, которую заплатилъ, цѣлуя крестъ въ справедливости показанія. Князь Русскій не имѣетъ права воевать область Корсунскую и ея города: эта страна не покоряется Руси. — Въ случаѣ нужды съ обѣихъ сторонъ обязываются помогать войскомъ. Въ случаѣ, если Русскіе найдутъ Греческій корабль, выброшенный на какой-нибудь берегъ, то не должны обижать находящихся на немъ людей; въ противномъ случаѣ преступникъ повиненъ закону Русскому и Греческому: — здѣсь опять Греческій законъ подлѣ Русскаго; положительная обязанность Олегова договора замѣнена здѣсь отрицательною — только не трогать Грековъ. — Русскіе не должны обижать Корсунцевъ, ловящихъ рыбу въ устьѣ Днѣпровскомъ; Русскіе не могутъ зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьи и у Св. Евѣріа; но когда придетъ осень, должны возвращаться домой въ Русь. Греки хотятъ, чтобы Князь Русскій не пускалъ Черныхъ (Дунайскихъ) Болгаръ воевать страну Корсунскую. Если Грекъ обидитъ Русскаго, то Русскіе не должны самоуправствомъ казнить преступника; наказываетъ его Греческое правительство¹⁹⁸. Слѣдующія за тѣмъ условія, какъ поступать въ уголовныхъ случаяхъ, сходны съ условіями Олегова договора.

Послы Игоревы пришли домой вмѣстѣ съ послами Греческими: Игорь призвалъ послѣднихъ къ себѣ и спросилъ: «что вамъ говорилъ царь?» Тѣ отвѣчали: «царь послалъ насъ къ тебѣ: онъ радъ миру, хочетъ имѣть любовь съ княземъ Русскимъ»

твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, а цари послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ». Игорь обѣщаль имъ это. На другое утро онъ призвалъ пословъ и повелѣ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ; здѣсь Русскіе покладаи оружіе свое, щиты, золото, и такимъ образомъ присягалъ Игорь и всѣ люди его, сколько было некрещеной Руси; христіанъ же приводили къ присягѣ въ церкви Св. Іліи: это была соборная церковь, потому что многіе Варяги уже были христіане. Игорь отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и воскомъ.

Такъ рассказываетъ лѣтописецъ о войнѣ и мирѣ съ Греками; для насъ договоръ Игоря и рассказъ лѣтописца замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что договоръ Игоря не такъ выгоденъ для Руси, какъ былъ прежде договоръ Олеговъ; ясно видѣнъ перевѣсъ на сторонѣ Грековъ; въ немъ больше стѣсненій, ограниченій для Русскихъ; подлѣ закона русскаго имѣетъ силу законъ греческій. Потомъ остаются въ договорѣ чисто Славянскія имена между родичами князя и купцами Русскими. Далѣе встрѣчаемъ замѣчательное выраженіе — Русская земля, которое попадаетъ здѣсь въ первый разъ: знакъ большей твердости въ отношеніяхъ къ странѣ, тѣснѣйшей связи съ нею. Наконецъ и въ договорѣ и въ рассказѣ лѣтописца ясно обнаруживаются слѣдствія походовъ на Византію, связи съ Греками: Русь раздѣляется на языческую и христіанскую; въ Кіевѣ видимъ соборную церковь Св. Іліи.

Кромѣ столкновеній съ Греками, въ лѣтопись занесено преданіе о столкновеніяхъ Игоря съ кочующими степными народами, съ Печенѣгами. Мы видѣли, что Олегъ утвердилъ столъ князей Русскихъ на степной границѣ; слѣдовательно постоянною обязанностію новаго владѣнія будетъ борьба съ степными варварами. Въ это время господствующимъ народомъ въ степяхъ Донскихъ и Волжскихъ были Козары, бравшіе дань со многихъ племенъ Славянскихъ; мы видѣли, что Олегъ заставилъ эти племена платить дань себѣ, а не Козарамъ, въ слѣд-

стве чего надобно было бы ожидать враждебнаго столкновения Руси съ послѣдними; но, какъ видно, до лѣтописца не дошло преданіе объ немъ. Если въ самомъ дѣлѣ столкновения не было, или было весьма слабое, то это должно приписать тому, что Козары были заняты тогда сильною борьбою съ Печенѣгами. Съ давнихъ поръ народы Турецкаго племени, подъ именемъ Хангаровъ, кочевали въ Средней Азіи и распространялись на западъ до Яика и Волги, гдѣ именно историческія извѣстія застаютъ ихъ подъ именемъ Печенѣговъ. Печенѣги граничили къ западу съ Козарами, а къ востоку съ другими Турецкими ордами, кочевавшими въ нынѣшнихъ Киргизъ-Кайсацкихъ степяхъ, и носившими названіе Узовъ или Гузовъ, то есть, Свободныхъ. Какъ легко угадать, между Печенѣгами и западными сосѣдями ихъ, Козарами возникла кровавая борьба въ VIII и IX столѣтіи. Козары съ трудомъ оборонялись отъ ихъ нападений; наконецъ заключивши союзъ съ Узами, напали съ двухъ сторонъ на Печенѣговъ. Тогда большая часть послѣднихъ оставила свое прежнее отечество, двинулась на западъ, ударила и погнала предъ собою Угровъ, подданныхъ Козарскихъ, которые и побѣжали далѣе на западъ. Немудрено, что при такихъ потрясеніяхъ, происходившихъ въ степяхъ, юная Русь могла оставаться нѣкоторое время спокойною на берегахъ Днѣпра; при Олегѣ палатки Венгровъ явились у Кіева; но о столкновенияхъ этого народа съ Русью до лѣтописца не дошло преданій. Скоро впрочемъ по слѣдамъ Угровъ явились на границахъ Руси побѣдители ихъ Печенѣги, грозившіе большею опасностію преемникамъ Олега. Подъ 915 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ первое извѣстіе о появленіи Печенѣговъ въ предѣлахъ Руси; на этотъ разъ Игорь заключилъ съ ними миръ, и они отправились къ Дунаю; но черезъ пять лѣтъ Русскій князь долженъ былъ уже силою отражать варваровъ; потомъ видимъ Печенѣговъ союзниками его въ Греческомъ походѣ.

Подъ 946 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ послѣднее преданіе объ Игорѣ. Какъ пришла осень, рассказываетъ онъ, то дружина стала говорить князю: «Отроки Свѣнелда богаты ору-

жизнь и платьемъ, а мы наги; пойдн, князь, съ нами въ дань: и ты добудешь, и мы ¹⁹⁹.» Послушался ихъ Игорьъ, пошелъ за данью къ Древлянамъ, началъ брать у нихъ больше прежняго, дѣлалъ имъ насилія и дружина его также. Взявши дань, Игорьъ пошелъ въ свой городъ; на дорогѣ, подумавъ, сказалъ дружинѣ: «Идите съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще.» Отпустивъ большую часть дружины домой, Игорьъ съ небольшимъ числомъ ратниковъ возвратился, чтобъ набрать еще больше дани. Древляне, услыхавъ, что Игорьъ опять идетъ, начали думать съ княземъ своимъ Маломъ: «Повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ всё стадо, пока не убьютъ его, такъ и этоу: если не убьемъ его, то всѣхъ насъ раззорить.» Порѣшивши такъ, они послали сказать Игорю: «Зачѣмъ идешь опять? Вѣдь ты взялъ всю дань?» Но Игорьъ не послушался ихъ; тогда Древляне, вышедши изъ города Коростена, убили Игоря и всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Такъ, по преданію, погибъ Игорь ²⁰⁰.

Разсмотрѣвъ занесенныя въ лѣтопись преданія объ Игорѣ, мы видимъ, что преемникъ Олега представленъ въ нихъ княземъ недѣятельнымъ, вождемъ неотважнымъ. Онъ не ходитъ за данью къ прежде подчиненнымъ уже племенамъ, не покоряетъ новыхъ, дружина его бѣдна и робка, подобно ему: съ большими силами, безъ боя возвращаются они назадъ изъ Греческаго похода, потому что не увѣрены въ своемъ мужествѣ и боятся бури. Но къ этимъ чертамъ Игорева характера въ преданіи прибавлена еще другая—корыстолюбіе, недостойное, по тогдашнимъ понятіямъ, хорошаго вождя дружины, который дѣлалъ все съ нею: а Игорьъ, отпустивъ дружину домой, остался почти одинъ у Древлянъ, чтобъ взятою еще данью не дѣлиться съ дружиною; здѣсь также объясненіе, почему и первый походъ на Грековъ былъ предпринятъ съ малымъ войскомъ, да и во второмъ не всѣ племена участвовали.

Мы читали въ преданіи, что дружина Игорева указывала на свою бѣдность и на богатство отроковъ свѣнелдовыхъ; есть извѣстія, объясняющія намъ причину этого богатства: воевода

Свѣнелдъ взялъ на себя обязанность князя ходить за данью къ племенамъ, и воевать съ тѣми, которые не хотѣли платить ея. Такъ Свѣнелдъ кончилъ дѣло, начатое Олегомъ: ему удалось примучить Угличей; Игорь обложилъ ихъ данью въ пользу Свѣнелда. Война съ Угличами была не легка: подъ городомъ ихъ Перестѣченомъ Свѣнелдъ стоялъ три года, и едва взялъ его²⁰¹. Но въ то время, какъ Свѣнелдъ продолжалъ дѣло Олегово, примучивалъ племена на берегахъ Днѣпра, нѣкоторые отряды Руссовъ, по Византійскимъ извѣстіямъ, бились, подъ императорскими знаменами, въ Италиі²⁰², а другіе, по восточнымъ преданіямъ, пустошили берега Каспійскаго моря²⁰³. Въ 913 или 914 году, 500 русскихъ судовъ, изъ которыхъ на каждомъ было по сту человекъ, вошли въ устье Дона и, приплывъ къ казарской стражѣ, послали къ Кагану съ просьбою о пропускѣ черезъ его владѣнія на Волгу и въ море, обѣщая ему за это половину добычи, какую они возьмутъ съ народовъ прикаспійскихъ. Получивъ позволеніе, они поплыли вверхъ по Дону, потомъ переложили суда свои на Волгу, устьемъ ея вышли въ Каспійское море, и начали опустошать западные его берега до самой бласти Азербайжанской, били мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили богатства. Частыя битвы съ жителями не причиняли имъ большаго вреда; опустошивши берега, они обыкновенно искали убѣжища на островахъ. Наконецъ жители собрали силы и, сѣвъ на лодки и купеческія суда, отправились къ этимъ островамъ, но Руссы поразили ихъ. Проживъ много мѣсяцевъ на морѣ, награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ устью Волги, и отсюда послали къ царю Козарскому условленную часть добычи. Но мусульмане, составлявшіе гвардію Кагана, и другіе, жившіе въ его странѣ, обратились къ нему съ просьбою: «Позволь намъ, говорили они, раздѣлаться съ этимъ народомъ: онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ, мусульманъ, проливалъ кровь ихъ, поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей.» Каганъ не въ силахъ былъ удержать ихъ; онъ могъ только извѣстить Русскихъ о враждебныхъ

змышлахъ мусульманъ. Последніе отправились въ походъ вѣстѣ со многими христіанами; жителями Итиля; у нихъ было 15,000 войска; Руссы вышли изъ лодокъ къ нимъ на встрѣчу. Бой продолжался три дня сряду; наконецъ мусульмане побѣдили: изъ Руссовъ одни были побиты, другіе потонули, часть была истреблена Буртасами (Мордвою) и Болгарами волжскими. — Подъ 943 или 944 годокъ у восточныхъ писателей находимъ извѣстіе о другомъ походѣ Руссовъ: на этотъ разъ они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куру и внезапно явились передъ Бердаа, столицею Аррана, или нынѣшняго Карабага. Бердаа, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ прикавказскихъ, принадлежалъ Армянамъ еще въ V вѣкѣ, былъ возобновленъ Арабами въ 704 году, а въ X вѣкѣ считался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Халѣата. Градоначальникъ Бердаа выступилъ противъ Руссовъ и былъ разбитъ ими. Вступивъ въ Бердаа, Руссы объявили, что жизнь гражданъ будетъ пощажена, и вели себя умѣренно. Войска мусульманскія собрались опять и вторично были разбиты. Во время сраженія чернь Бердаа, вышедши изъ города, стала бросать въ Руссовъ каменьями и ругать ихъ сильно. Послѣ такого поступка разсерженные Руссы объявили, чтобъ въ теченіе недѣли всѣ жители Бердаа вышли изъ города; но такъ какъ многіе остались послѣ срока, то Руссы часть ихъ перебили, часть взяли въ плѣнъ, и собравши самыхъ богатыхъ въ мечеть, объявили, что тѣ, которые не выкупятъ себя, будутъ преданы смерти; когда тѣ не хотѣли заплатить по двадцати драхмъ, то обѣщаніе и было исполнено. Потомъ Руссы разграбили городъ, взяли въ рабство женъ и дѣтей, разбили еще разъ тридцатитысячный мусульманскій отрядъ, и сдѣлали набѣгъ на окрестности Мераги (недалеко отъ Тебриза). Но излишнее употребленіе плодовъ въ Бердаа произвело заразительную болѣзнь между Руссами, отъ которой погибло большое ихъ число. Наконецъ правителю Азербайджана, Мерзебану удалось побѣдить Руссовъ хитростію, заманивъ ихъ въ засаду, и остатокъ ихъ осадить въ крѣпости Бердаа, Шегристанѣ. Ослабленные болѣзнями, Руссы ночью вышли изъ крѣ-

пости, достигли береговъ Кура, съѣли на суда, и отправились назадъ. Враги не смѣли ихъ преслѣдовать. — Если приметъ извѣстія о давнемъ пребываніи части Руссовъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, то очень легко можемъ приписать имъ и означенные походы; сильныя пораженія, претерпѣнныя ими въ это время, объяснять намъ ихъ исчезновеніе, или, лучше сказать ихъ подчиненіе князьямъ кievскимъ.

ГЛАВА VI.

ОЛЬГА, СВЯТОСЛАВЪ; СОВѢТІЯ ПО СМЕРТИ СВЯТОСЛАВА ДО УТВѢЖДЕНІЯ
ВЛАДИМИРА ВЪ КИЕВѢ.

(946 — 980.)

Древляне должны были ожидать мести отъ родныхъ Игоря, отъ Руси изъ Кіева. Игорь оставилъ сына младенца, Святослава; да жену Ольгу²⁰⁴; воспитателемъ (корнильцемъ) Святослава былъ Асмудъ, воеводою знаменитый Свѣнельдъ. Ольга не дожидаясь совершеннолѣтія сына, и отомстила сама Древлянамъ, какъ требовалъ законъ. Народное преданіе, занесенное въ лѣтописи, такъ говоритъ о мести Ольгиной. Убивъ Игоря, Древляне стали думать: «Вотъ мы убили Русскаго князя; возьмемъ теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его Святославомъ сдѣлаемъ, что хотимъ.» Порѣшивши такимъ образомъ, Древляне послали двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ въ лодѣ²⁰⁵. Узнавъ, что пришли Древляне, Ольга повзала ихъ къ себѣ и спросила: за чѣмъ они пришли? Послы отвѣчали: «Послала насъ Древлянская земля сказать тебѣ: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, а наши князья добры, распасли Древлянскую землю; что бы тебѣ пойти за мужа за нашего князя Мала?» Ольга сказала имъ на это: «Люба мнѣ ваша рѣчь; вѣдь въ самомъ дѣлѣ мнѣ мужа своего не воскресить! но мнѣ хочется почтить васъ завтра предъ своими людьми; теперь вы ступайте назадъ въ свою лодью и разлѣгтесь тамъ съ важностію; а какъ завтра утромъ я приплю за вами, то вы скажете посланнымъ: не ѣдемъ на коняхъ, идемъ пѣшкомъ, а несите насъ

въ лодѣ! Они васъ и понесутъ.» Когда Древлѣне ушли назадъ въ свою лодку, то Ольга велѣла на загородномъ теремномъ дворѣ выкопать большую, глубокую яму, и на другое утро послала за гостями, велѣвъ сказать имъ: «Ольга зоветъ васъ на великую честь.» Древлѣне отвѣчали: «Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, и пѣшкомъ не ѣдемъ, несите насъ въ лодѣ!» Кіевляне сказали на это: «Мы люди невольные; князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя,» — и понесли ихъ въ лодѣ, а Древлѣне сидя важничали²⁰⁶. Когда принесли ихъ на теремный дворъ, то бросили въ яму, какъ есть въ лодѣ. Ольга нагнулася къ нимъ и спросила: «Довольны ли вы честью?» Древлѣне отвѣчали: «Охъ, хуже намъ Игоревой смерти!» Княгиня велѣла засыпать ихъ живыхъ, и засыпала. Послѣ этого Ольга послала сказать Древлѣнамъ: «Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите къ себѣ, то пришлите мужей нарочитыхъ, чтобъ мнѣ придти къ вамъ съ великою честью, а то пожалуй Кіевляне меня и не пустать.» Древлѣне выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю, и послали въ Кіевъ. По прїѣздѣ новыхъ пословъ, Ольга велѣла вытопить баню, и когда Древлѣне вошли туда и начали мыться, то двери за ними заперли и зажгли избу: послы сгорѣли. Тогда Ольга послала сказать Древлѣнамъ: «Я уже на дорогѣ къ вамъ, наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили мужа моего, и поплачу надъ его могилою и отпраздную тризну.» Древлѣне послушались, свезли много меду и заварили. Ольга съ небольшою дружиною; налегкѣ, пришла къ Игоревой могилѣ, поплакала надъ нею, и велѣла своимъ людямъ насыпать высокой курганъ, а когда насыпали, то велѣла праздновать тризну. Древлѣне съѣли пить, а Ольга велѣла отрокамъ своимъ служить имъ; когда Древлѣне спросили Ольгу: «А гдѣ же наша дружина, что посылали за тобою?» то она отвѣчала: «Идутъ за мной вмѣстѣ съ дружиною мужа моего.» Когда Древлѣне опьянѣли, то Ольга велѣла отрокамъ своимъ пить за ихъ здоровье²⁰⁷, а сама отошла прочь, и приказала дружинѣ стѣчь Древлѣнъ. Перебили ихъ 5,000; Ольга возвратилась въ Кіевъ и начала пристраивать войско на остальныхъ Древлѣнъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала большое и храброе войско, взяла съ собою сына Святослава, и пошла на Древлянскую землю. Древляне вышли на встрѣчу; когда оба войска сошлись, то Святославъ сунулъ копьемъ въ Древлянъ, копье пролетѣло между ушей коня и ударило ему въ ноги, потому что Князь былъ еще ребенокъ. Свѣнелдъ и Асмудъ сказали тогда: «Князь уже началъ; потянемъ, дружина, за Княземъ!» Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились по городамъ. Ольга съ сыномъ пошла на городъ Искоростень, потому что здѣсь убили мужа ея, и обступила городъ. Коростенцы бились крѣпко, зная, что они убили Князя, и потому не будетъ имъ милости, когда сдадутся. Цѣлое лѣто простояла Ольга подъ городомъ и не могла взять его; тогда она придумала вотъ что сдѣлать: послала сказать въ Коростень: «изъ чего вы сидите? Всѣ ваши города сдались мнѣ, взяли платитъ дань, и спокойно теперь обрабатываютъ свои поля; а вы одни хотите лучше помереть голодомъ, чѣмъ согласиться на дань.» Древляне отвѣчали: «Мы рады были бѣ платитъ дань; но вѣдь ты хочешь мстить за мужа?» Ольга велѣла имъ сказать на это: «Я уже отомстила за мужа не разъ, въ Кіевѣ, и здѣсь на тризнѣ, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать понемногу, и помирившись съ вами, пойду прочь.» Древляне спросили: «Чего же ты хочешь съ насъ? ради давать медомъ и мѣхами.» Ольга отвѣчала: «Теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, и потому требую отъ васъ немного: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья; я не хочу накладывать на васъ тяжелой дани, какъ дѣлалъ мой мужъ, а прошу съ васъ мало, потому что вы изнемогли въ осадѣ.» Древляне обрадовались, собрали отъ двора по три голубя, и послали ихъ къ Ольгѣ съ поклономъ. Ольга велѣла имъ сказать: «Вы уже покорились мнѣ и моему дитяти; такъ ступайте въ свой городъ; а я завтра отступлю отъ него, и пойду назадъ къ себѣ домой.» Древляне охотно пошли въ городъ, и всѣ жители его очень обрадовались, когда узнали Ольгино намѣреніе. Между тѣмъ Ольга раздала каждому изъ своихъ ратныхъ людей по голубю, другимъ по воробью, и велѣла, завернувъ въ маленькія тряпочки

сѣру съ огнемъ, привязать къ каждой птицѣ, и какъ смеркнется, пустить ихъ на волю. Птицы, получивъ свободу, полетѣли въ свои гнѣзда, голуби по голубятнямъ, воробьи подъ стрѣхи, и вдругъ загорѣлись гдѣ голубятни, гдѣ клѣти, гдѣ вежи, гдѣ одрины²⁰⁸, и не было ни одного двора, гдѣ бы не горѣло, а гасить было нельзя, потому что всѣ дворы загорѣлись вдругъ. Жители, испуганные пожаромъ, побѣжали изъ города, и были перехватаны воинами Ольги. Такимъ образомъ городъ былъ взятъ и выжженъ; старѣйшинъ городскихъ Ольга взяла себѣ; изъ остальныхъ нѣкоторыхъ отдала въ рабы дружинѣ, другихъ оставила на мѣстѣ платить дань. Дань наложена была тяжкая: двѣ части ея шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ къ Ольгѣ, потому что Вышгородъ принадлежалъ ей²⁰⁹.

Таково преданіе объ Ольгиной мести: оно драгоцѣнно для историка, потому что отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени, поставившія мечь за убійство близкаго человѣка священной обязанностію: видно, что и во времена составленія лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественныхъ отношеній мечь за родича была подвигомъ по преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигѣ возбуждалъ всеобщее, живое вниманіе, и потому такъ свѣжо и украшенно сохранился въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, питаетъ глубокое уваженіе къ обычаямъ, его охраняющимъ, и прославляетъ, какъ героевъ, тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ. Въ нашемъ древнемъ обществѣ, въ описываемую эпоху его развитія, обычай мести былъ именно этимъ охранительнымъ обычаемъ, замѣнявшимъ правосудіе; и тотъ, кто свято исполнялъ обязанность мести, являлся необходимо героемъ правды, и чѣмъ жесточе была мечь, тѣмъ больше удовлетворенія находило себѣ тогдашнее общество; тѣмъ больше прославляло мстителя, какъ достойнаго родича; а быть достойнымъ родичемъ значило тогда, въ переводѣ на наши понятія, быть образцовымъ гражданиномъ. Вотъ почему въ преданіи показывается, что мечь Ольги была достойною мещію. Ольга;

мудрѣйшая изъ людей, прославляется именно за то, что умѣла изобрѣсти достойную мечь: она, говоритъ преданіе, подошла къ ямѣ, гдѣ лежали Древлянскіе послы, и спросила ихъ: «нравится ли вамъ честь?» Тѣ отвѣчали: «охъ, пуще намъ Игоревой смерти!» Преданіе, согласно съ понятіями времени, заставляетъ Древлянъ оцѣнивать поступокъ Ольги: «Ты хорошо умѣешь мстить; наша смерть люте Игоревой смерти.» Ольга не первая женщина, которая въ средневѣковыхъ преданіяхъ прославляется неумолимою мстительностію: это явленіе объясняется изъ характера женщины, равно какъ изъ значенія мести въ тогдашнемъ обществѣ: женщина отличается благочестіемъ въ религиозномъ и семейномъ смыслѣ; обязанность же мести за родного человѣка была тогда обязанностію религиозною, обязанностію благочестія.

Характеръ Ольги, какъ онъ является въ преданіи, важенъ для насъ и въ другихъ отношеніяхъ: не въ однихъ только именахъ находимъ сходство Ольги съ знаменитымъ преемникомъ Рюрика, собирателемъ племенъ; какъ Олегъ, такъ и Ольга отличаются въ преданіи мудростію по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. хитростію, ловкостію: Олегъ хитростію убиваетъ Аскольда и Дира, хитростію пугаетъ Грековъ, наконецъ мерехитряетъ этотъ лукавѣйшій изъ народовъ: Ольга хитростію мститъ Древлянамъ, хитростію беретъ Коростень; наконецъ въ Царѣградѣ перехитряетъ Императора. Но не за одну эту хитрость Олегъ прослылъ вѣщимъ, Ольга мудрѣйшею изъ людей: въ преданіи являются они также какъ нарядники, заботящіеся о строѣ земскою; Олегъ установилъ дани, строилъ города, Ольга объѣхала всю землю, повсюду оставила слѣды своей хозяйственной распорядительности. Преданіе говоритъ, что немедленно послѣ мести надъ Древлянами, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ землѣ, устанавливая уставы и уроки; на становища ея и ловища, т. е. на мѣста, гдѣ она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена лѣтописца. Подъ именемъ устава должно разумѣть всякое опредѣленіе, какъ что нибудь дѣлать ²¹⁰; подъ именемъ урока всякую обязанность, которую

должны выполнять къ определенному сроку, будетъ ли то уплатить известной суммы денегъ, известнаго количества какихъ-нибудь вещей, или какая-нибудь работа. Послѣ распоряженій въ землѣ Древлянской, Ольга пошла на сѣверъ къ Новгороду, по рѣкѣ Мстѣ установила погосты и дани, по рѣкѣ Лугѣ оброки и дани ловища ея, говоритъ лѣтописецъ, находятся по всей землѣ, вездѣ встрѣчаются слѣды ея пребыванія ²¹¹, мѣста, которыя отъ нея получили свое имя, погосты, ею учрежденные; такъ во времена лѣтописца показывали ея сани во Псковѣ, по Днѣпру Деснѣ перевѣсища; село ея Ольжичи существовало такъ во времена лѣтописца. Мы знаемъ, что Русскіе Князья въ Ноябрь мѣсяцъ отправлялись съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ на полюдье, и проводили у нихъ зиму: обязанность племенъ содержать князя и дружину во время этого полюдья называлась, кажется, оброкомъ. Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества это былъ для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу; разумеется, что для этого князь не могъ останавливаться при каждомъ жилищѣ, онъ останавливался въ какомъ-нибудь удобномъ для себя мѣстѣ, куда окружное народонаселеніе и позывалось къ нему для своихъ надобностей. Естественно, что для большаго удобства въ мѣста княжеской стоянки, гощенія, эти погосты могли быть определены навсегда, могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены княжіе прикащики (тіуны), и такимъ образомъ этимъ погосты могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ, и передать свое имя округамъ; въ послѣдствіи здѣсь могли быть построены церкви, около церкви собирались торги и т. д. Хотя лѣтописецъ упоминаетъ о распоряженіяхъ Ольги только въ землѣ Древлянской и въ отдельныхъ предѣлахъ Новгородской области; однако, какъ видно изъ путешествія ея съ хозяйственною, распорядительною цѣлью, обнимало всѣ тогдашнія Русскія владѣнія: по всей землѣ оставила она слѣды свои, повсюду виднѣлись учрежденные погосты ²¹².

Какъ женщина, Ольга была способнѣе ко внутреннему порядку, хозяйственной дѣятельности: какъ женщина, она была способнѣе къ принятію Христіанства. Въ 955 году, по счету лѣтописца, вѣрнѣе въ 957 ²¹³, отправилась Ольга въ Константинополь и крестилась тамъ, при Императорахъ Константинѣ Багрянородномъ и Романѣ и патріархѣ Поліевктѣ. При описаніи этого событія, лѣтописецъ основывается на томъ преданіи, въ которомъ характеръ Ольги остается до конца одинакъ: и въ Константинополѣ, во дворцѣ императорскомъ, какъ подъ стѣнами Коростена, Ольга отличается ловкостію, находчивостію, хитростію; перехитряетъ Императора, какъ прежде перехитрила Древлянъ. Императоръ, говоритъ преданіе, предложилъ Ольгѣ свою руку; та не отреклась, но прежде требовала, чтобъ онъ былъ ея воспріемникомъ; Императоръ согласился, но когда послѣ таинства повторилъ свое предложеніе, то Ольга напомнила ему, что по Христіанскому закону, воспріемникъ не можетъ жениться на своей крестницѣ: «Ольга! ты меня перехитрила!» воскликнулъ изумленный Императоръ, и отпустилъ ее съ богатыми дарами. Императоръ Константинъ Багрянородный ²¹⁴ оставилъ намъ описаніе пріемовъ, сдѣланныхъ Русскою Княгинѣю при Византійскомъ дворѣ; церемоніи, соблюденныя при этихъ пріемахъ не могли польстить честолюбію Ольги: въ нихъ слишкомъ рѣзко давали чувствовать то разстояніе, которое существовало между особами Императорскаго дома и Русскою Княгинею; такъ напр. Ольгѣ давали мѣсто на-ряду съ знатными Гречанками: она сама должна была выговариваться изъ ихъ среды, привѣтствуя Императрицу только легкиѣ поклономъ, тогда какъ Гречанки падали ницъ. Изъ этихъ извѣстій о пріемѣ Ольги мы узнаемъ, что съ нею былъ священникъ, знатная женщины, служанки, послы, гости, переводчики и священникъ; вычислены и подарки, полученные ею и ея спутниками: одинъ разъ подарили ей съ небольшою суммою сорокъ, въ другой—около двадцати ²¹⁵ червонцевъ. Извѣстія о подаркахъ очень важны: они могутъ показать намъ,

Исторія Россіи Т. I. 7

какъ мы должны понимать лѣтописныя извѣстія, гдѣ говорится о многихъ дарахъ, о множествѣ золота, серебра и проч.

О побужденіяхъ, которыя заставили Ольгу принять Христіанство и принять его именно въ Константинополь, не находимъ ничего ни въ извѣстныхъ спискахъ нашей лѣтописи, ни въ извѣстіяхъ иностранныхъ. Очень легко могло быть, что Ольга отправилась въ Царь-городъ язычницею, безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополь величіемъ Греческой религіи, и возвратилась домой Христіанкою. Мы видимъ, что вездѣ въ Европѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, варвары не смотря на то, что опустошали области Имперіи и брали дань съ повелителей обоеихъ Римовъ, питали всегда благоговѣйное уваженіе къ Имперіи, къ блестящимъ формамъ ея жизни, которыя такъ поражали ихъ воображеніе; таковы бывають постоянно отношенія народовъ необразованныхъ къ образованнымъ. Это уваженіе варваровъ къ Имперіи способствовало также распространенію между ними Христіанства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь въ Константинополь, но также и любопытство посмотреть чудеса образованнаго міра; сколько дивныхъ разсказовъ приносили къ своимъ очагамъ бывальцы въ Византію! Какъ въ слѣдствіе этого возвышался тотъ, кто былъ въ Константинополь, и какъ у другихъ разгоралось желаніе побывать тамъ! Послѣ этого странно было бы, чтобъ Ольга, которая считалась мудрейшею изъ людей, незахотѣла побывать въ Византіи. Она отправляется туда. Чтò же прежде всего должно было обратить ея вниманіе? Разумеетсяъ то, что всего рѣзче отличало Грековъ отъ Руси — религія; извѣстно, что Греки обыкновенно сами обращали вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію, показывали имъ храмы, священныя сокровища; разумеетсяъ, при этомъ и основныя догматы вѣры были объясняемы искусными толковниками. Если многіе изъ мужчинъ, воиновъ Русскихъ, принимали Христіанство въ Греціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обратилась къ нему Ольга, во первыхъ какъ женщина, въ характерѣ которой было къ тому менѣе

прелитствій, чѣмъ въ характерѣ Князей — воиновъ, во вторыхъ, какъ мудрѣйшая изъ людей, могшая слѣдовательно яснѣе другихъ понять превосходство Греческой вѣры предъ Русскою. Но кромѣ этого трудно отвергать, что Ольга была уже въ Кіевѣ знакома съ Христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу: это предубѣжденіе въ пользу Христіанства могло сильно содѣйствовать къ принятію его въ Царѣ-градѣ; но отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко. Есть извѣстіе ²¹⁶, что Ольга еще въ Кіевѣ была расположена къ Христіанству, видя добродѣтельную жизнь исповѣдниковъ этой религіи, даже вошла съ ними въ тѣсную связь и хотѣла креститься въ Кіевѣ, но не исполнила своего намѣренія, боясь язычниковъ. Принимая первую половину извѣстія, мы не можемъ допустить второй: опасность отъ язычниковъ не уменьшалась для Ольги и въ томъ случаѣ, когда она принимала крещеніе въ Константинополѣ; утаить обращеніе, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было очень трудно, и при томъ Ольга, какъ видно, вовсе не хотѣла таиться: это было несовмѣстно ни съ ревностію новообращенной, ни съ характеромъ Ольги; не хотѣла она таиться и равнодушно смотрѣть, какъ сынъ ея, вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ, слѣдовательно, лишаются вѣчнаго спасенія. Такъ, по возвращеніи въ Кіевъ, Ольга начала уговаривать сына Святослава къ принятію Христіанства: но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; впрочемъ, кто хотѣлъ креститься, тому не запрещали, а только смѣялись надъ нимъ. Въ этомъ извѣстіи мы находимъ прямое указаніе, что Христіанство распространялось въ Кіевѣ, тогда какъ прежніе Христіане изъ Варяговъ могли принимать Греческую вѣру въ Константинополѣ. Надъ принимавшими Христіанство начали смѣяться въ Кіевѣ; но на прежнихъ Христіанъ при Игорѣ, какъ видно, не обращали вниманія; слѣдовательно, хотя не было явнаго преслѣдованія, однако насмѣшки были уже началомъ преслѣдованія и знакомъ усиленія Христіанства, этого обращеніе Ольги могло быть и причиною и слѣдствіемъ; можно замѣтить, что новая религія начала принимать видное

положеніе, обратила на себя вниманіе древней религіи, и это враждебное вниманіе выразилось насмѣшками. Борьба начиналась: Славянское язычество, принятое и Руссами, могло противопоставить Христіанству мало положительнаго, и потому должно было скоро преклониться предъ нимъ; но Христіанство само по себѣ безъ отношенія къ Славянскому язычеству, встрѣтило сильное сопротивленіе въ характерѣ сына Ольгина, который не могъ принять христіанства по своимъ наклонностямъ, а не по привязанности къ древней религіи. Ольга, по свидѣтельству лѣтописи, часто говорила ему: «Я узнала Бога и радуюсь; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться.» Святославъ не слушался и отвѣчалъ на это: «Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться.» Ольга возражала: «Если ты крестишься, то и всѣ стануть то же дѣлать.» Святославу нечего было отвѣчать на это; не насмѣшекъ дружины боялся онъ; но собственный характеръ его противился принятію Христіанства: онъ не послушался матери, говоритъ лѣтописецъ, и жилъ по обычаю языческому (творилъ норovy поганскіе). Эта самая невозможность отвѣчать на возраженіе матери должна была раздражать Святослава, о чемъ свидѣтельствуеъ и лѣтопись, говоря, что онъ сердился на мать. Ольга даже ожидала большихъ опасностей со стороны язычниковъ, что видно изъ ея словъ Патриарху: «Народъ и сынъ мой въ язычествѣ: дай мнѣ Богъ уберечься отъ всякаго зла!»

Мы видѣли, что преданіе провожаетъ Ольгу въ Константинополь и заставляеъ мудрѣйшую изъ всѣхъ людей Русскихъ перехитрить Грека: тогда не знали лучшаго доказательства мудрости. Преданіе провожаетъ мудрую Княгиню и домой, въ Кіевъ, заставляеъ ее и здѣсь постыдить Греческаго Императора, охотника до даровъ и вспомогательнаго войска, и отмстить ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ Константинопольской гавани, и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игорева договора, что Греки, опасаясь буйства Русскихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ

стороны, выговорили себѣ право не впускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера новоприбывшихъ, имена которыхъ должны были находиться на княжескомъ листѣ; эти мѣры предосторожности, какъ видно, очень раздражали Русскихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ Императору. Когда Ольга, говорить лѣтописецъ, возвратилась въ Кіевъ, то Царь Греческій прислалъ сказать ей: «Я тебя много дарилъ, потому что ты говорила мнѣ: возвращусь на Русь, пришлю тебѣ богатые дары—рабовъ, воску, мѣховъ, пришлю и войско на помощь.» Ольга велѣла отвѣчать ему: «Когда ты столько же постоишь у меня на Почайнѣ, сколько я стояла у тебя въ гавани Цареградской, тогда дамъ тебѣ обещанное ²¹⁷.»

Ольга воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говорить лѣтописецъ. Когда Князь Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ, ходя легко, какъ барсъ, много воевалъ. Идя въ походъ, возовъ за собой не возилъ, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ; шатра у него не было, а спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивши сѣдло подъ голову; такъ вели себя и всѣ его воины. Онъ посылалъ въ разные стороны, къ разнымъ народамъ, съ объявленіемъ: «хочу на васъ идти!» Начальныя слова преданія о Святославѣ показываютъ наборъ дружины, удалцовъ, которые, какъ обыкновенно тогда водилось, прослышавъ о храбромъ вождѣ, стекались къ нему отовсюду за славою и добычею. Поэтому Святославъ совершалъ свои подвиги съ помощію одной своей дружины, а не соединенными силами всѣхъ подвластныхъ Руси племенъ: и точно при описаніи походовъ его, лѣтописецъ не вычисляетъ племенъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Святославъ набиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ, которые были во всемъ на него похожи: такъ можно сказать объ отборной дружинѣ, а не о войскѣ многочисленной, составленномъ изъ разныхъ племенъ. Самый способъ веденія войны показываетъ, что она велась съ не-

большою отборною дружиною, которая позволяла Святославу обходиться безъ обозу и дѣлать быстрые переходы: онъ воевалъ, ходя легко, какъ барсъ, т. е. дѣлалъ необыкновенно быстрые переходы, прыжками, такъ сказать, подобно названному звѣрю.

При князьяхъ предшественникахъ Святослава не было тронуту одно только Славянское племя на востокъ отъ Днѣпра; то были Вятичи. Съ нихъ—то и началъ Святославъ свои походы; узнавъ, что это племя платило дань Козарамъ, Святославъ бросился на послѣднихъ, одолѣвъ ихъ Кагана, взявъ его главный городъ на Дону, Бѣлую Вѣжу; потомъ побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ, жителей Прикавказья. Къ 968 году относятъ восточные писатели походъ Руссовъ на Волжскихъ Болгаръ, разграбленіе главнаго города ихъ (Болгаръ), который былъ складкою товаровъ, привозимыхъ изъ окрестныхъ странъ; потомъ Русь, внизъ по Волгѣ, спустилась до Казерана²¹⁸, разграбила и этотъ городъ, равно какъ Итиль и Семендеръ²¹⁹. Все это согласно съ Русскимъ преданіемъ о походѣ Святослава на Волгу, и битвахъ его съ Козарами, Ясами и Касогами²²⁰. Такъ отмстилъ Святославъ Приволжскому народонаселенію за недавніе пораженія Руссовъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, ко времени этихъ походовъ Святослава относится подчиненіе Тмутаракани²²¹ Русскому Князю. На возвратномъ пути съ востока, Святославъ, говоритъ лѣтопись, побѣдилъ Вятичей и наложилъ на нихъ дань. Съ этого времени начинаются подвиги Святослава, мало имѣющіе отношенія къ нашей исторіи. Греческій Императоръ Никифоръ, угрожаемый войною съ двухъ сторонъ, и со стороны Арабовъ и со стороны Болгаръ, рѣшился, по обычаю, вооружить противъ варваровъ другихъ варваровъ, послалъ Патриція Калокира къ Русскому князю нанять его за 15 кентинарій золота²²², и привести воевать Болгарію. Калокиръ, говорятъ Греческіе историки²²³, подружился съ Святославомъ, прельстилъ его подарками и обѣщаніями: уговорились—Святославу завоевать Болгарію, оставить ее за собою, и помогать Калокиру въ достиженіи Императорскаго престола, за что Калокиръ обѣщалъ Святославу несмѣтныя сокровища изъ Императорской казны.

Въ 967 году Святославъ съ своею дружиною, отправился въ Болгарію, завоевалъ ее, и остался жить тамъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ; онъ княжилъ въ Переяславцѣ, говоритъ летописецъ, а Русь оставалась безъ князя; въ Кіевѣ жила престарѣлая Ольга съ малолѣтними внуками, а подлѣ была степь, откуда безпрестанно можно было ожидать нападенія кочевыхъ варваровъ. И вотъ пришли Печенѣги; оборонить было некому; Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками. Безчисленное множество Печенѣговъ оступило городъ, нельзя было ни выйти изъ него, ни ѣсти послать, и жители изнемогали отъ голода и жажды. На противоположной сторонѣ Днѣпра, говоритъ преданіе, собрались ратные люди въ лодкахъ, но не смѣли напасть на Печенѣговъ, и не было сообщенія между ними и Кіевлянами. Тогда послѣдніе встужили и стали говорить: «нѣтъ ли кого, кто бъ могъ пройти на ту сторону и сказать нашимъ, что если они завтра не нападутъ на Печенѣговъ, то мы сдадимся:» и вотъ вызвался одинъ молодой человекъ: «я, сказалъ онъ, пойду;» «иди!» закричали ему всѣ. Молодой человекъ вышелъ изъ города съ уздою, и, ходя между Печенѣгами, спрашивалъ: «не видалъ ли кто его лошади?» Онъ умѣлъ говорить по-Печенѣжски, и потому варвары приняли его за одного изъ своихъ. Когда онъ пошелъ къ рѣкѣ, то сбросилъ съ себя платье, и поплылъ; Печенѣги догадались объ обманѣ, начали стрѣлять по немъ, но не могли уже попасть, онъ былъ далеко, и Русскіе съ той стороны выѣхали въ лодкѣ къ нему на встрѣчу и перевезли на другой берегъ. Онъ сказалъ имъ: «Если не подступите завтра къ городу, то люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ.» Воевода, именемъ Претичъ, сказалъ на это: «Подступимъ завтра въ лодкахъ, какъ-нибудь захватимъ княгиню съ княжатами, и умчимъ ихъ на эту сторону; а не то Святославъ погубитъ насъ, какъ воротится.» Всѣ согласились, и на другой день, на разсвѣтъ, сѣдши въ лодки, громко зазвучали трубами; люди въ городѣ радостно откликнулись имъ. Печенѣги подумали, что князь пришелъ, отбѣжали отъ города, а тѣмъ временемъ Ольга со внуками успѣла сѣсть въ лодку и

перѣхать на другой берегъ. Увидавъ это, Печенѣжскій князь возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу, и спросилъ у него: «Кто это пришелъ?» Претичь отвѣчалъ: «люди съ той стороны.» Печенѣгъ опять спросилъ у Претича: «а ты Князь ли?» Воевода отвѣчалъ: «Я мужъ княжой, и пришолъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ, безчисленное множество войска.» Онъ сказалъ это, чтобъ пригрозить ему. Тогда князь Печенѣжскій сказалъ воеводѣ: «Будь мнѣ другомъ.» Тотъ согласился. Оба подали другъ другу руки, и размѣнялись подарками: Князь Печенѣжскій подарилъ Претичу коня, саблю, стрѣлы; Претичь отдалъ ему броню, щитомъ и мечемъ. Послѣ этого Печенѣги отступили отъ города, но стали не въ далекои разстояніи отъ него; лѣтописецъ говоритъ, что Русскимъ нельзя было коней напоить: на Лыбеді стояли Печенѣги²²⁴. Таково преданіе, внесенное въ лѣтопись; такъ народная память передавала это событіе. Изъ характеристическихъ чертъ времени въ этомъ преданіи мы замѣтимъ описаніе подарковъ, которыми обмѣнялись Претичь и Князь Печенѣжскій: въ различіи оружія рѣзко выразилось различіе между Европою и Азією, между Европейскимъ и Азіатскимъ вооруженіемъ: степной кочевникъ, всадникъ по преимуществу, даритъ коня и скинское оружіе—саблю, стрѣлы; воевода Русскій даритъ ему оружіе воина Европейскаго, большею частію оборонительное: броню, щитъ и мечъ.

Кіевляне, продолжаетъ преданіе, послали сказать Святославу: «Ты, Князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, отъ своей же отрекся, чуть-чуть насъ не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми: если не придешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; не ужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери старухи, ни дѣтей малыхъ?» Услыхавъ объ этомъ, Святославъ немедленно сѣлъ на коней съ дружиною, пришелъ въ Кіевъ, поздоровался съ матерью и дѣтьми, разсердился на Печенѣговъ, собралъ войско, и прогналъ варваровъ въ степь. Но Святославъ недолго нажилъ въ Кіевѣ: по преданію, онъ сказалъ матери своей и боярамъ: «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу

жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ : тамъ середина земли моей ; куда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе : отъ Грековъ золото, ткани, вина, овощи разныя ; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и коней, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ.» Ольга на это отвѣчала ему : « Ты видишь , что я уже больна , куда же это ты отъ меня уходишь ? Когда похоронишь меня , то иди куда хочешь.» Черезъ три дня Ольга умерла, и плакались по ней сынъ, внуки и люди всѣ плачемъ великимъ. Ольга запретила праздновать по себѣ тризну, потому что у ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

Здѣсь очень важно для насъ выраженіе Святослава о Переяславцѣ : « то — есть середина въ землѣ моей.» Какимъ образомъ Переяславецъ могъ быть серединою земли Святославовой. Это выраженіе можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ : 1) Переяславецъ въ землѣ моей есть срединное мѣсто, потому что туда изъ всѣхъ странъ свозится все доброе ; Переяславецъ слѣд. названъ серединою не относительно положенія своего среди владѣній Святослава, но какъ средоточіе торговли. 2) Второе объясненіе намъ кажется легче : Святославъ своею землею считалъ только одну Болгарію, прибрѣтенную имъ самимъ, Русскую же землю считалъ, по понятіямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Святославъ спѣшилъ окончить свое княженіе на Руси : онъ посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, другаго Олега въ землѣ Древлянской. Это вовсе не значить, чтобъ этими волостями ограничивались владѣнія Русскихъ князей : уже при Олегѣ все теченіе Днѣпра до Кіева было въ Русскомъ владѣніи, въ Смоленскѣ и Любечѣ сидѣли мужи Кіевского Князя ; Ольга ѣздила и рядила землю до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Новгородской области ; слѣд. дѣленіе Святослава означаетъ, что у него было только двое способныхъ къ управленію сыновей, а не только двѣ волости — Кіевская и Древлянская ; остальные же волости оба брата должны были подѣлить между собою, какъ послѣ Ярославичи, усѣвшись около Днѣпра, подѣлили между собою волости отдаленнѣйшія. Какъ послѣ Ярославичи тѣснились всѣ въ привольной родинѣ своей,

••

около Днѣпра и Кіева, около собственной Руси, не любя волостей сѣверныхъ и восточныхъ, такъ и теперь оба сына Святославова садятся на югъ, не далеко другъ отъ друга, и не хотятъ идти на сѣверъ. Но если Князья не любили сѣвера, то жители сѣверной области, Новгородцы не любили жить безъ Князя, или управляться посадникомъ изъ Кіева, особенно когда Древляне получили своего Князя. Новгородцы и послѣ любили, чтобъ у нихъ былъ свой князь, знавшій ихъ обычай; до сихъ поръ они терпѣли посадника Кіевскаго, потому что во всей Руси былъ одинъ Князь; но теперь, когда Древляне получили особаго Князя, Новгородцы также хотятъ имѣть своего. После ихъ, по преданію, пришли къ Святославу и стали просить себѣ князя: «Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ князя.» Святославъ отвѣчалъ имъ: «Если бы кто къ вамъ пошелъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя ²²⁵.» Ярополкъ и Олегъ были спрошены — хотятъ ли идти въ Новгородъ? и, по изложеннымъ выше причинамъ, отказались. Тогда Добрыня внушилъ Новгородцамъ: «Просите Владиміра.» Владиміръ былъ третій сынъ Святослава, рожденный отъ Малуши, ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: «дай намъ Владиміра;» Князь отвѣчалъ имъ: «возьмите.» Новгородцы взяли Владиміра къ себѣ, и пошелъ Владиміръ съ Добрынею, дядею своимъ въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ.

Здѣсь останавливаетъ насъ вопросъ: почему Святославъ не далъ никакой волости младшему сыну своему Владиміру самъ, сначала, и уже послѣ отправилъ его къ Новгородцамъ, по требованію послѣднихъ? Лѣтописецъ какъ будто спѣшитъ объяснить причину явленія; Владиміръ, говоритъ онъ, былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной, слѣд. рабыни, ибо, по древнему уставу, человекъ и вольный, ставшій ключникомъ, по этому уже самому превращался въ раба. И такъ Владиміръ былъ не совсѣмъ равноправный братъ Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если было различіе между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо долженство-

было существовать различіе и между дѣтьми тѣхъ и другихъ. Но если многоженство не исключало неравноправности дѣтей, то, по крайней мѣрѣ, много ослабляло ее: было различіе между дѣтьми наложницъ— правда, но все не такое различіе, какое, по нашимъ понятіямъ, существуетъ между дѣтьми законными и незаконными. На это малое различіе указываетъ уже то явленіе, что Новгородцы приняли Владиміра, какъ Князя, и послѣдъ не полагается между нимъ и братьями никакого различія. Здѣсь, естественно, нѣ было силу не столько различіе между законностью и незаконностью матери, сколько знатность и низость происхожденія: разумѣется ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать на ряду съ другою его женою, какою-нибудь княжною, или дочерью знатнаго боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая впрочемъ у него родовскихъ правъ; Владиміръ былъ Князь, но при случаѣ, когда нужно было сравнить его съ остальными братьями, могли поставить на видъ низкое происхожденіе его матери; такъ пошла Полоцкая княжна Рогнеда, выбирая между двумя женихами, Ярополкомъ и Владиміромъ, говоритъ, что она не хочетъ идти замужъ за Владиміра, какъ сына рабыни. Обратило вниманіе на это обстоятельство было очень естественно, ибо при многоженствѣ, женщины знатнаго происхожденія старались, какъ можно рѣзче, отдѣлить себя отъ наложницъ своихъ мужей, и презрѣніе, которое питали къ наложницамъ, старались переносить и на дѣтей ихъ. Святославъ сначала не далъ волости Владиміру, и потомъ отпустилъ его въ Новгородъ, могиши въ самомъ дѣлѣ испугаться угрозы Новгородцевъ, что они откинутся отъ его рода и найдутъ себѣ другого князя. Добрыня хлопоталъ объ этомъ, надѣясь во время малолѣтства Владимірова занимать первое мѣсто въ Новгородѣ и надѣясь, чтобы послѣ старшіе братья дали младшему хорошую долю; Новгородцы же приняли малолѣтнаго Владиміра, потому что онъ все-таки былъ независимый князь, а не посаженный, при томъ же надѣялись воспитать у себя Владиміра въ

своимъ обычаѣ: они и послѣ любили имѣть у себя такого Князя, который бы выросъ у нихъ.

Княженіе Святослава кончилось на Руси; онъ отдалъ все свои владѣнія здѣсь сыновьямъ, и отправился въ Болгарію навсегда. Но на этотъ разъ онъ не былъ такъ счастливъ, какъ прежде: Болгары встрѣтили его враждебно; еще опаснѣшаго врага нашелъ себя Святославъ въ Іоаннѣ Цимискіѣ, Византійскомъ Императорѣ. У нашего Лѣтописца читаемъ преданіе о подвигахъ Святослава въ войнѣ съ Греками; это преданіе, не смотря на невѣрный свѣтъ, который брошенъ имъ на событія, важно для насъ потому, что представляетъ яркую картину дружинной жизни, очерчиваетъ характеръ знаменитнаго вождя дружины, около котораго собралась толпа подобныхъ ему сподвижниковъ. По преданію, Святославъ пришелъ въ Переяславецъ; но Болгары затворились въ городѣ, и не пустили его туда. Мало того, они вышли на стѣчу противъ Святослава, стѣча была сильная, и Болгары стали было уже одолевать; тогда Святославъ сказалъ своимъ: «Уже намъ видно здѣсь погибнуть; потянемъ мужески, братья и дружина!» Къ вечеру Святославъ одолѣлъ, взялъ городъ копьемъ (приступомъ), и послалъ сказать Грекамъ: «хочу на васъ идти, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ.» Греки отвѣчали: «Намъ не совладѣть съ вами; возьми лучше съ насъ дань на себя и на дружину свою, да скажите, сколько васъ, такъ мы дадимъ на каждого человѣка.» Греки говорили это, желая обмануть Русь, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что Греки лживы и до сихъ поръ. Святославъ отвѣчалъ: «Насъ 20,000;» десять — то тысячъ онъ прибавилъ, потому что Русскихъ было всего 10,000: Греки собрали 100,000 на Святослава, и не дали дани; Святославъ пошелъ на нихъ, но Русь испугалась, видя множество вражяго войска; тогда Святославъ сказалъ дружинѣ: «Намъ некуда дѣться; волею и неволею пришлось стать противъ Грековъ: такъ не посраимъ Русской земли, но ляжемъ костями, мертвымъ не стыдно; если же побѣдимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда; станемъ же крѣпко, я пойду пе-

редь вамъ, и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ.» Дружина отвѣчала: «Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы сложимъ.» Русь ополчилась, была съча большая, и Святославъ обратилъ въ бѣгство Грековъ, послѣ чего пошелъ къ Константинополю, воюя и разбивая города, которые и до сихъ поръ лежатъ пусты, прибавляетъ лѣтописецъ. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату, и сказалъ имъ: «Что намъ дѣлать: не можемъ стать противъ него!» Бояре отвѣчали: «Пошли къ нему дары, испытаемъ его, на что онъ больше похвастится — на золото или на ткани дорогія?» Царь послалъ и золото и ткани, а съ ними мужа мудраго, которому наказалъ: «Смотри хорошенько ему въ лице.» Святославу объявили, что пришли Греки съ поклономъ; онъ велѣлъ ихъ ввести; Греки пришли, поклонились, разложили передъ нимъ золото и ткани; Святославъ, смотря по сторонамъ, сказалъ отрокамъ своимъ: «спрячьте это.» Послы возвратились къ царю, который созвалъ опять бояръ, и стали рассказывать: «Какъ пришли мы къ нему, и отдали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, а велѣлъ спрятать.» Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: «Поиспытай-ка его еще, пошли ему оружіе.» Послали Святославу мечъ и разное другое оружіе; онъ принялъ, началъ хвалить и любоваться, и послалъ поклонъ царю. Послы возвратились съ этимъ къ послѣднему; и тогда бояре сказали: «Лютъ долженъ быть этотъ человекъ, что на богатство не смотритъ, а оружіе беретъ; дѣлать нечего, станемъ платить ему дань,» — и Царь послалъ сказать Святославу: «Не ходи къ Царю-городу, но возьми дань, сколько хочешь;» потому что Русскіе были уже недалеко отъ Царьграда. Греки принесли дань; Святославъ взялъ и за убитыхъ, говоря: «родъ ихъ возметь.» Кромѣ дани Святославъ взялъ много даровъ, и возвратился въ Переяславецъ съ большою честію. Видя однако, что дружины осталось мало, Святославъ началъ думать: «Что какъ обманомъ перебьютъ дружину мою и меня: пойду лучше въ Русь, приведу больше дружины.» Принявши такое намереніе, онъ отправилъ къ царю въ Доростолъ пословъ,

которые должны были сказать ему отъ имени своего князя: «хочу держать съ тобою миръ твердый и любовь.» Царь обрадовался и послалъ къ нему дары больше первыхъ. Святославъ, принявъ дары, началъ говорить дружинѣ: «Если не заключимъ мира съ царемъ, и царь узнаеть, что насъ мало, и Греки оступять насъ въ городъ, а Русская земля далеко, Печенѣги съ нами въ войнѣ, то кто намъ поможетъ? заключимъ лучше миръ съ царемъ. Греки уже взялись платить намъ дань, и того будетъ съ насъ; если же они перестанутъ платить дань, то собравши побольше войска, поидемъ опять къ Царюгороду.» Рѣчь эта полюбилась дружинѣ, и лучшіе мужи отправились отъ Святослава къ Царю въ Доростоль. Заключенъ былъ миръ и написанъ договоръ; договоръ этотъ также внесенъ въ лѣтопись: Святославъ обязался не воевать Греческихъ областей ни самъ, ни подучать на это другой какой-нибудь народъ, не воевать ни страны Корсунской, ни Болгарской; и если другой какой-нибудь народъ вздумаетъ идти на Грековъ, то Русскій Князь обязался воевать съ нимъ²²⁶.

Преданіе, основанное безъ сомнѣнія, на разсказахъ Свенельда и немногихъ товарищей его, возвратившихся въ Кіевъ послѣ гибели Святославова, согласно съ Византійскими лѣтописцами относительно гордаго вызова Святославова Грекамъ: «хочу на васъ идти, и взять вашъ городъ, какъ взялъ этотъ;» но эти слова у Византійцевъ Святославъ сказалъ въ отвѣтъ на мирныя предложенія Императора; очень согласно съ своимъ положеніемъ Святославъ велитъ сказать Цимискію, что Русь не поденьщики, которые питаются трудами рукъ своихъ²²⁷. Самое начало войны было уже, по Византійцамъ, несчастливо для Руси: полководецъ Цимискія, Вардъ Склиръ разбилъ отрядъ Святославова войска, составленный, кромѣ Руси, изъ Венгровъ и Болгаръ. Не смотря однако на это, и по Византійцамъ видно, что Святославъ не думалъ унывать; Русскіе отряды сильно раззоряли области Имперіи, что означено у лѣтописца разрушеніемъ городовъ. Цимискій видѣлъ, что необходимо всѣми силами государства напасть на Святослава, и

вытѣснить его изъ Болгаріи. Онъ вступилъ съ огромными войсками въ эту землю, и началась война на жизнь и на смерть, какъ видно изъ словъ самихъ Византійцевъ, которые отдають справедливость отчаянной храбрости Святославовой дружины ²²⁸. Но эта храбрость не помогла противъ безмѣрно большаго числа враговъ, предводимыхъ полководцемъ искуснымъ и храбрымъ, среди враждебныхъ Болгаръ, противъ которыхъ Святославъ, по словамъ Византійцевъ, употреблялъ крайне насильственные мѣры. Русскій князь принужденъ былъ просить мира у Императора съ условіемъ очистить Болгарію. Послѣ мира происходило свиданіе обоихъ вождей; для насъ важно описаніе Святославовой наружности, оставленное Львомъ Діакономъ: «Святославъ пришылъ на мѣсто свиданія въ лодкѣ по Дунаю, при чемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, глаза голубые, густыя брови, мало волосъ на бородѣ, и длинныя, косматые усы. Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхожденіе. Шея у него была плотная, грудь широкая, и всѣ прочіе члены очень стройныя. Вся наружность представляла что-то ирраціональное и свирѣпое. Въ однои ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ Русскихъ. — Изъ сличенія нашихъ лѣтописныхъ извѣстій съ извѣстіями Византійцевъ оказывается одно, что Святославъ потерпѣлъ неудачу, долженъ былъ заключить невыгодный для себя миръ съ Императоромъ, причемъ обязался оставить Болгарію и возвратиться въ Русь. Что же касается до противорѣчій между Русскими и Греческими извѣстіями, то ясно, что въ лѣтописное извѣстіе вошли рассказы Свѣнелда и его уцѣлѣвшихъ товарищей, которые, передавая объ однихъ подвигахъ своихъ, умолчали о неудачахъ ²²⁹.

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ пошелъ въ лодкахъ къ Днѣпровскимъ порогамъ; отцовскій воевода Свѣнелдъ говоритъ ему: «Ступай, князь, въ обходъ на коняхъ, потому

что стоять Печенѣги въ порогахъ.» Святославъ не послушалъ его, и пошелъ въ лодяхъ; между тѣмъ Переяславцы послали сказать Печенѣгамъ: «идеть Святославъ въ Русь съ большимъ богатствомъ и малою дружиною.» Получивъ эту вѣсть, Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ приплылъ къ нимъ, то уже нельзя было пройти. Князь сталъ зимовать въ Бѣлобережь²³⁰; съѣстные припасы вышли, и сдѣлался большой голодъ, такъ что платили по полугривнѣ за лошадиную голову. Въ началѣ весны, Святославъ пошелъ опять въ пороги; но здѣсь былъ встрѣченъ Курею, княземъ Печенѣжскимъ, и убитъ; изъ черепа его сдѣлали чашу, оковали ее золотомъ, и пили изъ нея²³¹. Свѣнелдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку.

Это преданіе, какъ оно занесено въ лѣтопись, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: почему Святославъ, который такъ мало былъ способенъ къ страху, испугался Печенѣговъ и возвратился назадъ зимовать къ Бѣлобережью; если испугался въ первый разъ, то какую надежду имѣлъ къ безпрепятственному возвращенію послѣ, весною; почему онъ могъ думать, что Печенѣги не будутъ сторожить его и въ это время; наконецъ, если испугался Печенѣговъ, то почему не принялъ совѣта Свѣнелдова, который указывалъ ему обходный путь степью? Другой вопросъ: какимъ образомъ спасся Свѣнелдъ? Во-первыхъ мы знаемъ, какимъ безчестіемъ покрывался дружинникъ, оставившій своего вождя въ битвѣ, пережившій его и отдавшій тѣло его на поруганіе врагамъ; этому безчестію наиболѣе подвергались самые храбрѣйшіе, т. е. самые приближенные къ вождю, князю, а кто былъ ближе Свѣнелда къ Святославу? Дружина обѣщала Святославу, что гдѣ ляжетъ его голова, тамъ и они всѣ головы свои сложатъ; дружина, не знавшая страха среди многочисленныхъ полчищъ греческихъ, дрогнула предъ Печенѣгами? и неужели Свѣнелдъ не постыдился бѣжать съ поля, не захотѣлъ лечь съ своимъ княземъ? Во-вторыхъ, какимъ образомъ онъ могъ спастись? мы знаемъ, какъ затруднительны бывали переходы Русскихъ черезъ пороги, когда они принуж-

дены бывали тащить на себя лодки и обороняться отъ враговъ, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтобъ главный по Князь вождь могъ спастись отъ тучи облежавшихъ варваровъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратить вниманіе на характеръ и положеніе Святослава, какъ они выставлены въ преданіи. Святославъ завоевалъ Болгарію и остался тамъ жить; вызванный оттуда вѣстію объ опасности своего семейства, нехотя поѣхалъ въ Русь; здѣсь едва дождался смерти матери, отдалъ волости сыновьямъ и отправился навсегда въ Болгарію, свою страну. Но теперь онъ принужденъ снова ее оставить, и возвратиться въ Русь, отъ которой уже отрекся, гдѣ уже княжили его сыновья; въ какомъ отношеніи онъ находился къ нимъ, особенно къ старшему Ярополку, сидѣвшему въ Кіевѣ? Во всякомъ случаѣ ему необходимо было лишить послѣдняго данной ему власти, и занять его мѣсто; при томъ, какъ должны были смотрѣть на него Кіевляне, которые и прежде упрекали его за то, что онъ отрекся отъ Руси? Теперь онъ потерялъ ту страну, для которой пренебрегъ Русью, и пришелъ бѣглецомъ въ родную землю. Естественно, что такое положеніе должно было быть для Святослава нестерпимо; не удивительно, что ему не хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и онъ остался зимовать въ Бѣлорежѣ, пославъ Свѣнелда степью въ Русь, чтобъ тотъ привелъ ему оттуда побольше дружины, съ которою можно было бы снова выступить противъ Болгаръ и Грековъ, что онъ именно и обѣщалъ сдѣлать передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи. Но Свѣнелдъ волею и неволею мѣшкалъ на Руси, а голодъ не позволялъ Святославу медлить болѣе въ Бѣлорежѣ; идти въ обходъ степью было нельзя: кони были всѣ съѣдены, по необходимости должно было плыть Днѣпромъ чрезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги. Что Святославъ самъ отправилъ Свѣнелда степью въ Кіевъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоаннинова лѣтопись²³².

Таковы преданія о дѣятельности и смерти Святослава. Олегъ и Ольга соединены въ преданія однимъ характеромъ: оба

представляются нарядниками земли, мудрыми, въщили; Игору между ними является воиномъ неотважнымъ, княземъ недѣятельнымъ, вождемъ дружины корыстолюбивымъ. Святославъ представленъ образцомъ воина, и только воина, который съ своею отборною дружиною покинулъ Русскую землю для подвиговъ отдаленныхъ, славныхъ для него, и бесполезныхъ для родной земли; эти отношенія Святослава къ Руси преданіе выставило въ рѣчахъ пословъ Кіевскихъ, отправленныхъ къ Святославу въ Болгарію. Можно сказать, что Святославъ никогда не имѣлъ на Руси значенія Князя: сначала это значеніе имѣла его мать, Ольга, потомъ сыновья его. Утвержденіе Святослава въ Болгаріи, успѣхи его въ войнѣ съ Греками могли имѣть важныя слѣдствія для новорожденной Руси; но историкъ не имѣетъ права разсуждать о томъ, что могло быть; онъ имѣетъ право только сказать, что неудача Святославова проистекла отъ недостаточности его средствъ, отъ того, что онъ оторвался отъ Руси, дѣйствовалъ только съ одною отборною дружиною, а не устремилъ на Грецію соединенныя силы всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси; только въ послѣднемъ случаѣ предпріятіе Святослава могло имѣть важное, рѣшительное вліяніе на судьбы восточной Европы. Олегъ и Ольга преданія дѣйствуютъ преимущественно хитростію, и перехитряютъ самихъ Грековъ; Святославъ отличается поведеніемъ противоположнымъ; онъ не нападаетъ на враговъ хитростію, но посылаетъ сказать имъ: иду на васъ! И когда однажды онъ вздумалъ было схитрить съ Греками, то его неловкая хитрость обратилась во вредъ ему самому.

Каковы бы ни были причины и обстоятельства смерти Святославой, Ярополкъ остался старшимъ въ родѣ Княжескомъ, Свѣнелдъ при немъ въ большой силѣ. Для объясненія послѣдующихъ явленій, мы не должны упускать изъ виду возраста дѣтей Святославовыхъ: Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ²² слѣд. при немъ долженъ былъ находиться воспитатель; кто былъ этотъ воспитатель, въ какомъ отношеніи былъ къ нему Свѣнелдъ, и какъ получилъ важное значеніе — объ этомъ глго

писецъ ничего не знаетъ. Мы не должны только забывать, что Ярополкъ былъ малолѣтенъ, слѣд. дѣйствовалъ подъ чужимъ вліяніемъ. Единственнымъ событіемъ Ярополкова Княженія, внесеннымъ въ лѣтопись, была усобица между сыновьями Святослава. Мы знаемъ, что охота, послѣ войны, была господствующею страстію средневѣковыхъ варваровъ: вездѣ князья предоставляли себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, рассказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: сынъ Свѣнелда, именемъ Лютъ, выѣхалъ изъ Кіева на охоту, и, погнавшись за звѣремъ, вѣхалъ въ лѣса, принадлежавшіе къ волости Олега, князя Древлянскаго; по случаю, въ это же время охотился здѣсь и самъ Олегъ; онъ встрѣтился съ Лютомъ, спросилъ, кто это такой, и узнавъ, что имѣлъ дѣло съ сыномъ Свѣнелдовымъ, убилъ его. Здѣсь впрочемъ, не смотря на предложенное нами выше общее объясненіе поступка Олегова, насъ останавливаетъ одна частность: Олегъ, говоритъ преданіе, освѣдомился — кто такой позволитъ себѣ охотиться вмѣстѣ съ нимъ, и узнавъ, что это сынъ Свѣнелдовъ, убилъ его. За чѣмъ преданіе связываетъ части дѣянія такъ, что Олегъ убиваетъ Люта тогда, когда узнаетъ въ немъ сына Свѣнелдова? Если бы Олегъ простилъ Люту его дерзость, узнавъ, что онъ сынъ Свѣнелда, знаменитаго боярина старшаго брата, боярина отцовскаго и дѣдовскаго, тогда дѣло было бы ясно; но лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ убилъ Люта, именно узнавши, что онъ сынъ Свѣнелда; при этомъ вспомнимъ, что Древлянскому князю было не болѣе 13 лѣтъ! слѣд. воля его была подчинена вліянію другихъ, вліянію какого-нибудь сильнаго боярина, въ родѣ Свѣнелда. Какъ бы то ни было, за это возникла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнелдъ хотѣлъ отомстить Олегу за сына, и потому не переставалъ твердить Ярополку: «поди на брата и возьми волость его.» Черезъ два года, т. е. когда Ярополку было 16, а Олегу 15 лѣтъ, Кіевскій Князь пошелъ ратью на Древлянскаго: послѣдній вышелъ къ нему на встрѣчу съ вой-

скомъ, и Ярополкъ побѣдилъ Олега. Олегъ побѣжалъ въ городъ, называемый Овручь: на мосту, перекинутаго черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, бѣглецы стѣснились и сталкивали другъ друга въ ровъ, при чемъ столкнули и Олега; людей попадало много, за ними попадали лошади, которыя и передавили людей. Ярополкъ вошелъ въ городъ Олега, взялъ на себя власть его, и послалъ искать брата. Долго искали князя, и не могли найти. Тогда одинъ Древланинъ сказалъ: «Я видѣлъ, какъ вчера столкнули его съ моста.» Стали вытаскивать трупы изъ рва съ утра до полудни, наконецъ нашли Олега подъ трупами, внесли въ княжій домъ, и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, началъ надъ нимъ плакаться и сказалъ Свѣнелду: «порадуйся теперь, твое желаніе исполнилось». Заключали ли въ себѣ эти слова упрекъ, или Ярополкъ хотѣлъ ими просто объявить старику, что желаніе его удовлетворено, хотя первое правдоподобіе по связи съ плачемъ—во всякомъ случаѣ преданіе признаетъ, что дѣло совершено пренужденно подъ вліяніемъ Свѣнелда, и очень естественно, что князь не дѣйствовалъ самостоятельно: ему было только 16 лѣтъ!

Ярополкъ, какъ сказано выше, взялъ братнюю волость. Третій Святославичъ, Владиміръ, узналъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался братняго властолюбія, и бѣжалъ за море, а Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, и сталъ владѣть одинъ на Руси.

Черезъ три года Владиміръ возвратился съ Варягами въ Новгородъ, и прогналъ оттуда Ярополковыхъ посадниковъ, приказавъ имъ сказать брату: «Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ.» Наступательное движеніе Владиміра противъ Ярополка было естественно: Владиміръ не могъ надѣяться, чтобъ старшій братъ спокойно снесъ изгнаніе своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода; Владиміру нужно было предупредить его, тѣмъ болѣе, что у него теперь были наемные Варяги, а Ярополкъ не собрался съ силами; Варяговъ надобно было употребить въ дѣло, отпустить ихъ ни съ чѣмъ было

невыгодно и опасно, оставить ихъ у себя въ Новгородѣ было бы невыгоднѣе и опаснѣе; отпустивши ихъ, дожидаться, пока Ярополкъ, собравши всѣ силы юга, двинется противъ Новгорода — было безразсудно. Но прежде начатія борьбы обоимъ князьямъ было важно пріобрѣсти себѣ союзника во владѣтеля Полоцкѣ: въ это время въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогволодъ, пришедшій изъ-за моря; каковы были отношенія этого Рогволода къ правнукамъ Рюрика, изъ лѣтописи опредѣлить было трудно. Дочь этого Рогволода, Рогнѣда, была сговорена за Ярополка. Владиміръ, чтобъ склонить Полоцкаго державца на свою сторону, чтобъ показать, что послѣдній ничего не потеряетъ, если Кіевскій князь будетъ низложенъ, послалъ отъ себя свататься также за дочь Рогволодову. Лѣтописецъ говоритъ, что Рогволодъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ отдалъ дѣло на рѣшеніе дочери, и Рогнѣда отвѣтила, что она не хочетъ выйти замужъ за сына рабы, т. е. Владиміра, но хочетъ за Ярополка. Когда отроки Владиміра рассказали ему Рогнѣдинъ отвѣтъ, то онъ собралъ большое войско изъ Варяговъ, Новгородцевъ, Чуди и Кривичей, и пошелъ на Полоцкъ. Здѣсь мы видимъ опять не набѣгъ дружины, а войско однихъ Варяговъ, но походъ, въ которомъ участвовали и дружины въ походъ Олега, всѣ сѣверныя племена. Въ то время, когда Рогнѣду готовились вести за Ярополка, Владиміръ напалъ на Полоцкъ, убилъ Рогволода съ двумя сыновьями, и женился на Рогнѣдѣ. При этомъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи находимъ извѣстіе, что виновникомъ всѣхъ предпріятій былъ Добрыня, дядя Владиміровъ, что онъ послалъ сватать Рогнѣду за Владиміра, онъ послѣ тордаго отказа Полоцкой княжны повелѣлъ племянника и войско противъ Рогволода, позоромъ отомстилъ Рогнѣдѣ за ея презрительный отзывъ о матери Владиміра, убилъ ея отца и братьевъ. Въ самомъ дѣлѣ странно было бы предположить, чтобъ Владиміръ, будучи еще молодъ, по прямому указанію преданія²³⁴, могъ дѣйствовать во всемъ самостоятельно при жизни Добрыни, своего сватателя и благодѣтеля, потому что, какъ мы видѣли, онъ

ему преимущественно былъ обязанъ Новгородскимъ княженіемъ. И такъ, говоря о дѣйствіяхъ Владиміра, историкъ долженъ предполагать Добрыню. О характеръ Добрыни мы имѣемъ право заключать по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи: видно, что это былъ старикъ умный, ловкій, рѣшительный, но жесткій; на его жесткость указываетъ приведенное свидѣтельство о поступкѣ съ Рогнѣдою и отцемъ ея; сохранилось также извѣстіе объ его жестокихъ, насильственныхъ поступкахъ съ Новгородцами при обращеніи ихъ въ христіанство, слѣд. если замѣчается жестокость и насильственность въ поступкахъ молодаго Владиміра, то мы никакъ не можемъ приписывать это одному его характеру, не обращая вниманія на вліяніе Добрыни. Что же касается до поступка Добрыни съ Рогволодомъ и его дочерью, то онъ очень понятенъ: Рогнѣда, отказывая Владиміру, какъ сыну рабы, оскорбила этимъ сколько его, столько же и Добрыню, котораго сестра была именно эта раба: черезъ нее онъ былъ дядя князю; словами Рогнѣды была преимущественно опозорена связь, родство Владиміра съ Добрынею, и вотъ послѣдній мститъ за этотъ позоръ жестокимъ позоромъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Рогнѣды народная память сохранила слѣдующее преданіе. Когда Владиміръ утвердился въ Кіевѣ, то набралъ себѣ много другихъ женъ, а на Рогнѣду не обращалъ вниманія. Рогнѣда не могла перенести такого поведенія мужа, тѣмъ болѣе, что, по самому происхожденію своему, имѣла право если не на исключительность, то, по крайней мѣрѣ, на первенство. Однажды, когда Владиміръ пришелъ къ ней и заснулъ, она хотѣла зарѣзать его ножомъ, но онъ вдругъ проснулся и схватилъ ее за руку; тутъ она начала ему говорить: «Ужъ мнѣ горько стало: отца моего ты убилъ и земли его полонилъ для меня; а теперь не любишь меня и младенца моего.» Въ отвѣтъ Владиміръ велѣлъ ей одѣться во все княжеское платье, какъ была она одѣта въ день свадьбы своей; сѣсть на богатой постели и дожидаться его: онъ хотѣлъ придти и убить жену. Рогнѣда исполнила его волю, но дала обнаженный мечъ въ руки сыну своему Изяславу, и наказала ему:

«смотри, когда войдетъ отецъ, то ты выступи, и скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?» Владиміръ, увидавъ сына, и услышавъ его слова, сказалъ: «А кто жъ тебя зналъ, что ты здѣсь?» бросилъ мечъ, велѣлъ позвать бояръ и рассказалъ имъ все какъ было. Бояре отвѣчали ему: «Ужъ не убивай ее ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и дай ей съ сыномъ.» Владиміръ построилъ городъ и далъ имъ, назвавъ городъ Изяславлемъ. Съ тѣхъ поръ, заключаетъ преданіе, внуки Рогволодовы враждуютъ со внуками Ярославовыми.

Изъ Полоцка Владиміръ двинулся съ большимъ войскомъ на Ярополка; тотъ не былъ въ состояніи сопротивляться ему, и затворился въ Кіевѣ, а Владиміръ окопался на Дорогожичи, между Дорогожичемъ и Капичемъ²³⁵. Это безсиліе Ярополка легко объяснить: храбрая дружина ушла съ Святославомъ въ Болгарію, много ли возвратилось съ Свѣнелдомъ? Ярополкъ могъ и съ малою дружиною одержать верхъ въ спибкѣ съ еще меньшею дружиною брата своего Олега; но ему нельзя было выйти съ нею противъ войска Владимірова, которое лѣтописецъ не одинъ разъ называетъ многочисленнымъ, состоявшимъ изъ наемныхъ Варяговъ и сѣверныхъ племенъ. Притомъ извѣстно, что народонаселеніе нашихъ древнихъ областей не охотно принимало участіе въ княжескихъ усобицахъ; даѣе надобно замѣтить, что сѣверное народонаселеніе — Новгородцы, Чудь и Кривичи, котораго ратники были подъ знаменами Владиміра, сражалось за этого князя по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ послѣ Новгородцы съ такимъ усердіемъ отстаивали Ярослава противъ Святополка; Владиміръ былъ ихъ Князь, у нихъ выросшій; съ его низложеніемъ они должны будутъ опять подчиниться посадникамъ Ярополка; но возвращеніе послѣднихъ не могло быть выгодно для Новгородцевъ, ибо трудно предположить, чтобъ Владиміръ выгналъ ихъ безъ вѣдома и согласія послѣднихъ, которые поэтому не могли быть въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Кіевскому князю; замѣтимъ еще и то, что сѣверное народонаселеніе — Новгородцы, Чудь и Кривичи — издавна было гораздо тѣснѣе соединено между собою, чѣмъ

южное: мы видимъ эти племена дѣйствующими за одно при изгнаніи Варяговъ, въ призваніи князей, слѣд. имѣемъ право думать, что они относительно яснѣе понимали свои выгоды и дружнѣе могли отстаивать своего Князя, чѣмъ племена южныя, недавно только оружіемъ князей приведенныя въ нѣкоторую связь и зависимость отъ одной общей власти. И такъ Ярополкъ, будучи не въ состояніи биться съ Владиміромъ на чистомъ полѣ, затворился въ Кіевѣ съ людьми своими и съ Блудомъ, воеводою. Этотъ Блудъ является главнымъ совѣтникомъ князя, главнымъ дѣйствователемъ во время событія; князь беспрекословно исполняетъ его внушенія, что и понятно, если вспомнимъ возрастъ Ярополка, если вспомнимъ, что и при Владимірѣ роль Блуда исполнялъ Добрыня. Слѣд. Владиміру или Добрынѣ нужно было имѣть дѣло съ Блудомъ, а не съ Ярополкомъ. И вотъ Блудъ отъ имени Новгородскаго Князя получилъ предложеніе покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Переманить Блуда можно было только обещаніемъ, что онъ ничего не потеряетъ, что и при Владимірѣ онъ будетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣлъ при Ярополкѣ, т. е. значеніе наставника, отца при молодомъ князѣ; Владиміръ велѣлъ сказать ему: «помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца, и получишь отъ меня большую честь.» Въ лѣтописи помѣщены тутъ же слова Владиміра, въ которыхъ онъ оправдываетъ поведеніе свое относительно брата: «Не я, говоритъ онъ, началъ избивать брата, но онъ, я пришелъ на него, побоявшись такой же участи»²³⁶. Блудъ велѣлъ отвѣчать Владиміру, что онъ будетъ всеѣмъ сердцемъ помогать ему. Лѣтописецъ старается сложить всю вину на Блуда. По его разсказу, Блудъ сталъ обманывать Ярополка, безпрестанно ссылаясь съ Владиміромъ, совѣтуя ему приступать къ городу, а самъ придумывалъ, какъ бы убить Ярополка; но посредствомъ гражданъ нельзя было убить его. Тогда Блудъ замыслилъ погубить князя лестью: онъ не пускалъ его на вылазки изъ города, и говорилъ: «Кіевляне ссылаются съ Владиміромъ, зовутъ его на приступъ, обѣщаются предать

«Иди ему; побѣги лучше за городъ.» Ярополкъ послушался, бѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городъ Роднѣ, на устьѣ рѣки Рси. Владиміръ вошелъ въ Кіевъ, и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ сдѣлался большой голодъ, такъ что на долго стала пословица: бѣда какъ въ Роднѣ. Тогда Блудъ началъ говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у брата твоего? Ты ихъ не перебороть, мирись съ братомъ.» Ярополкъ согласился и на это; а Блудъ послалъ сказать Владиміру: «Твое слово сбылось: приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его.» Владиміръ, получивши вѣсть, вышелъ изъ оптовскій теремный дворъ, и сѣлъ тутъ съ дружиною; а Блудъ началъ посылать Ярополка: «Ступай къ брату, и скажи ему: что мнѣ дашь, то и возьму.» Ярополкъ пошелъ, хотя и былъ изъ дружины, именованъ Варяжко, говорилъ ему: «Не бойся, князь, убьютъ тебя; бѣги лучше къ Печенѣгамъ, и приди отъ нихъ войско.» Но Ярополкъ не послушалъ его, пошелъ къ Владиміру, и какъ сталъ входить въ двери, то два раза прокололи его мечами, а Блудъ затворилъ двери, и не далъ своимъ идти за нимъ. Такъ былъ убитъ Ярополкъ. Варяжко, видя, что князь убитъ, бѣжалъ съ двора къ Печенѣгамъ, и много разъ приходилъ съ ними на Владиміра, такъ что тотъ едва успѣлъ перезвать его къ себѣ, поклявшись не делать ему никакого зла. Слѣдовательно изъ начальной Кіевской лѣтописи оказывается, что Владиміръ былъ одолженъ своею бѣдою во первыхъ тому, что Ярополкъ не имѣлъ достаточно войска, чтобъ стать противъ него въ чистомъ полѣ; во вторыхъ изъиѣнѣ Блуда, который, страшая князя вѣроломствомъ своимъ, не пускалъ его на вылазки, и потомъ уговорилъ совершенно оставить Кіевъ.

При разказѣ объ этомъ событіи нельзя умолчать объ известномъ отрывкѣ изъ Іоакимовой Новгородской лѣтописи, сохранившемъ у Татищева; не заключаая въ себѣ никакого противорѣчія начальной Кіевской лѣтописи, лѣтопись Іоакимова главнымъ причиною Владимірова торжества выставляетъ борьбу христіанства съ язычествомъ; если бы даже это объясненіе было

выдуманно, то и тогда нужно было бы упомянуть о немъ, или о догадкѣ, очень остроумной и вѣроятной. Известно, что отецъ Владиміра, Святославъ, по своему характеру, не склонился на увѣщанія св. Ольги, и что поклонники Христу при немъ подвергались ругательствамъ отъ поклонниковъ Идуна, хотя собственно гоненія не было. Но во время Русской войны, по свидѣтельству Іоакима, Святославъ перемѣнилъ свое поведеніе относительно христіанъ: повѣривъ вѣщаніямъ окружающихъ его язычниковъ, будто виновники неудачъ военныхъ были христіане, находившіеся въ дружбѣ князь воздвигъ на нихъ гоненіе, при чемъ не пощадилъ и своего брата Глѣба²³⁷, и послалъ въ Кіевъ приказъ разрушить христіанскіе храмы. Но, отказавшись отъ принятія христіанства самъ, Святославъ между тѣмъ оставилъ сыновей своихъ при бабкѣ христіанкѣ: ясно, какія внушенія должны были послѣдовать отъ нея молодые князья. Въ Іоакимовской лѣтописи читаемъ, что Ярополкъ былъ кротокъ и милостивъ, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, боясь народа, то, крайней мѣрѣ, другимъ не препятствовалъ. Тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно любили князя, приверженнаго къ враждебной религіи: это нерасположеніемъ къ Ярополку воспользовался Владиміръ (е. Добрыня) и успѣлъ отнять жизнь и владѣніе у брата Ярополка, по словамъ Іоакимовой лѣтописи, послалъ увѣщивать брата къ миру, и вмѣстѣ войско въ землю Кривска. Владиміръ испугался и хотѣлъ было уже бѣжать къ Новгороду, но дядя его Добрыня, зная, что Ярополкъ не любилъ язычниковъ, удержалъ племянника, и послалъ въ Ярополковъ съ дарами къ воеводамъ, перезывая ихъ на сторону Владиміра. Воеводы обѣщали передаться и исполнили свое обѣщаніе. Битва при рѣкѣ Дручѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Смоленска. Послѣдующія событія описаны согласно съ начальною Русскою лѣтописью.

Если мы примемъ во вниманіе рассказъ Іоакимовской лѣтописи, то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые

то княженія: торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь ознаменовываетъ начало своего правленія сильною ревностью къ язычеству, ставитъ кумиры на высотахъ Кіевскихъ; дядя его поступалъ точно также въ Новгородѣ. Судя по высказанію лѣтописца, никогда въ Русской землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія, хотя, какъ кажется, не слѣдуетъ принимать этихъ выраженій буквально: началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, говоритъ лѣтописецъ, и поставилъ кумиры на холмѣ, внѣ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, Волхова у него серебряная, усъ золотой, Хорса Дажбога, Дажбога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и приносили жертвы бѣсамъ, осквернилась кровью земля Русская и тѣмъ тотъ. — Намъ извѣстно, что Славяне-язычники сильно сопротивлялись на христіанскую религію за то, что она не допускала многоженства²³⁹; въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію:° кромѣ пяти законныхъ женъ, было у него 10 наложницъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 200 въ селѣ Рустовѣ. Онъ былъ несеть блуда, по выраженію лѣтописца: приводилъ къ себѣ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ на растлѣніе, и тѣмъ словомъ, былъ женолюбивъ какъ Соломонъ.

Но въ то время, какъ Владиміръ угождалъ язычникамъ, буйство наемныхъ Варяговъ ставило его въ затруднительное положеніе относительно Кіева. Мы видѣли, что торжество надъ язычникомъ, во всякомъ, случаѣ, досталось ему дешево: если была битва въ странѣ Смоленской, то въ собственной Руси не покорилось ему безъ сопротивленія. Не смотря на то, варяги думали, что торжествомъ своимъ Владиміръ обязанъ имъ, и поступали буйно съ гражданами, какъ съ завоеванными; они говорили Владиміру: «Городъ-то нашъ, мы его взяли, такъ мы хотимъ братъ окупъ на народѣ, по 2 гривны съ челоуѣка.» Владиміръ отвѣчалъ: «Пождите мѣсяць, пока соберутъ деньги.» Варяги ждали, ждали, и не получили денегъ. Тогда они ска-

зали князю: «обмануль ты насъ: такъ отпусти въ Грецію.» Владиміръ согласился; онъ выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города, а прочіе пошли въ Константинополь. Но почему же Варяги не попробовали силою взять денегъ? историки догадываются, что Владиміръ именно назначилъ мѣсячный срокъ, дабы взять свои мѣры, увеличить собственно Русское войско; съ одной стороны это могло быть и такъ; съ другой, хорошимъ средствомъ для Владиміра сдѣлать Варяговъ безопасными было и то, о чемъ говоритъ лѣтописецъ, а именно: князь воспользовался срокомъ, чтобъ склонить на свою сторону лучшихъ Варяговъ, предводителей, привязавъ ихъ къ себѣ и къ Руси выгодами; толпа худшіе люди, оставшись безъ предводителей, не смѣли предпринять ничего; такимъ образомъ Владиміръ ослабилъ Варяговъ, раздѣливши ихъ. Варяги просили Владиміра: «Покажи намъ путь въ Грецію.» Это могло значить, что Варяги просили у Князя пропускныхъ листовъ, безъ которыхъ Греческое правительство не принимало Варяговъ, по договорамъ. Владиміръ точно отправилъ посольство къ Императору на счетъ Варяговъ; послы должны были сказать ему: «Идутъ къ тебѣ Варяги, не держи ихъ въ городѣ; не то натворятъ они тебѣ бѣды, какъ и здѣсь; расточи ихъ въ разныя стороны, а самъ не пускай ни одного.» Выраженіе: надѣлаютъ они тебѣ бѣды какъ и здѣсь, показываетъ, что Варяги буйствовали въ Киевѣ.

Касательно внѣшнихъ отношеній при Ярополкѣ есть извѣстіе о побѣдѣ этого князя надъ Печенѣгами, о вступленіи Печенѣжскаго князя Идея въ службу къ Ярополку, который далъ ему города и волости, о заключеніи мира съ Греками на условіяхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ, о приходѣ пословъ папскихъ.

ГЛАВА VII.

ВЛАДИМИРЪ СВЯТЫЙ, КРОСЛАВЪ 1-Й.

(980—1054.)

мы видѣли, что торжество Владимира надъ Ярополкомъ сопровождалось торжествомъ язычества надъ христіанствомъ; но это торжество не могло быть продолжительно: Русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ восточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ; ревность Владимира и Добрыни въ началѣ ихъ вѣсти, устроеніе изукрашенныхъ кумировъ, частыя жертвы выстекали изъ желанія поднять сколько-нибудь язычество, въ ему средства хотя что-нибудь противопоставить другимъ религій, подавляющимъ его своимъ величіемъ; но эти самыя попытки, эта самая ревность и вела прямо къ паденію язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность. У насъ на Руси, въ Кіевѣ произошло тоже самое, что и болѣе обширныхъ размѣрахъ произошло въ Имперіи, при Юліанѣ: ревность этого Императора къ язычеству всего болѣе способствовала къ окончательному паденію послѣдняго, потому что Юліанъ истощилъ всѣ средства язычества, извлекъ изъ него все, что оно могло дать для умственной и нравственной жизни человѣка, и тѣмъ всего рѣзче выказалась его несостоятельность, его бѣдность предъ христіанствомъ. Такъ обыкновенно бываетъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни цѣ-

лыхъ обществъ : вотъ почему и не удивительно видѣть , какъ иногда самые страстные ревнители вдругъ , неожиданно подаютъ предметъ своего поклоненія и переходятъ на враждебную сторону , которую защищаютъ съ удвоенною ревностію это происходитъ именно отъ того , что въ ихъ сознаниіи истинными средствами прежняго предмета поклоненія .

Подъ 983 годомъ , въ началѣ княженія Владиміра , дѣтосецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи : Владиміръ послѣ похода на Ятвяговъ , возвратился въ Кіевъ , и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми ; старцы и боги сказали : « Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ : на кого и на дѣть , того принесемъ въ жертву богамъ . » Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ , который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру ; былъ у него сынъ , прекрасный и смѣлый и душою : на этого-то молодого Варяга и палъ жребій . Посланные отъ народа (объ участіи Князя не говорится) пришли къ старому Варягу и сказали ему : « палъ жребій на твоего сына , богамъ угодно взять его себѣ , и мы хотимъ принести его имъ въ жертву . » Варягъ отвѣчалъ : « у насъ не боги , а дерево ; нынче есть , а завтра сгниетъ , ни бѣды ни пьютъ , ни говорятъ , но сдѣланы руками человѣческими ; а Богу одному , Которому служатъ Греки и кланяются . Который сотворилъ небо и землю , звѣзды и луну , и солнце , и человѣка , далъ ему жить на землѣ ; а эти боги что сдѣлали сами дѣланные ; не дамъ сына своего бѣсамъ ! » Посланные рассказали эти рѣчи народу ; толпа взяла оружіе , пошла къ Варягову дому и разломала заборъ вокругъ него ; Варягъ бѣжалъ на сѣняхъ съ сыномъ . Народъ кричалъ ему : « дай сына своего богамъ . » Онъ отвѣчалъ : « если они боги , то пусть сами шлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына , а вы чѣмъ хлопчете ? » Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы , которая бросилась къ Варягамъ , подскла подъ ними сѣни и убила ихъ . Не смотря на то , что смѣлый Варягъ палъ жертвою торжествующаго , по видимому , язычества , событіе это могло не произвести сильнаго впечатлѣнія : язычеству , ку

рать сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торже-
 ственно наругались; проповѣдь была произнесена громко; на-
 радъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла,
 а страшныя слова остались: ваши боги дерево; Богъ одинъ,
 которому кланяются Греки, Который сотворилъ все, — и без-
 плътны стояли кумиры Владимира передъ этими словами, и что
 могла, въ самомъ дѣлѣ, Славянская религія сказать въ свою
 защиту, что могла отвѣчать на высокіе запросы, заданные ей
 проповѣдниками другихъ религій? Самые важныя изъ нихъ
 были вопросы о началѣ міра и будущей жизни. Что вопросъ
 о будущей жизни дѣйствовалъ могущественно и на языческихъ
 племенъ, какъ на другихъ народовъ, видно изъ преданія о
 томъ, какъ царь Болгарскій обратился въ христіанство вслѣд-
 ствіе впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго
 суда. По Русскому преданію, тоже самое средство употребилъ
 у насъ Греческій проповѣдникъ и произвелъ также сильное
 впечатлѣніе на Владимира; послѣ разговора съ нимъ, Влади-
 мѣръ, по преданію, созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ,
 говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ
 народовъ, каждый хвалить свою вѣру; на послѣдокъ пришли и
 магометане, хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много гово-
 рятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ
 слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру
 перейдетъ, то, умерши, воскреснетъ, и не умретъ послѣ во-
 сресненія; если же въ другой законъ вступить, то на томъ свѣтѣ
 пойдетъ въ огнѣ горѣть. Магометанскіе проповѣдники также
 говорили о будущей жизни; но самое чувственное представле-
 ніе ея уже подрывало довѣренность: въ душѣ самаго простаго
 люда есть сознаніе, что тотъ свѣтъ не можетъ быть по-
 нятъ на этотъ, при чемъ раздражала исключительность извѣст-
 ныхъ сторонъ чувственности, противорѣчіе, по которому одно
 воззрѣніе допускалось неограниченно, другія совершенно за-
 прещались. Владиміру, по преданію, нравился чувственный рай
 магометовъ, но онъ никакъ не соглашался допустить обрѣза-
 нія, отказаться отъ свиного мяса и отъ вина: «Руси есть ве-

селье пить, говорилъ онъ , не можетъ быть безъ того.» Чѣ вопросъ о началѣ міра и будущей жизни сильно занималъ и языческіе народы сѣвера, и могущественно содѣйствовалъ рѣшительному пространенію между ними христіанства, могшаго дать имъ удовольствительное рѣшеніе на него, это видно изъ преданія о принятіи христіанства въ Британіи: къ одному изъ королей Англій Саксонскихъ явился проповѣдникъ христіанства; король позвалъ дружину на совѣтъ , и одинъ изъ вождей сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Быть можетъ, ты припомнишь князь , что случается иногда въ зимнее время , когда ты сидишь за столомъ съ дружиною , огонь пылаетъ , въ комнатѣ тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ иногда въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленькая птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мгновеніе этого перелета для нея пріятно, она не чувствуетъ боли ни дождя, ни бури; но это мгновеніе кратко, вотъ птица улетѣла изъ комнаты, и опять прежнее ненастье бьетъ и несчастную. Такова и жизнь людская на землѣ, и ея мгновенное теченіе , если сравнить его съ продолжительностію времени которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время и мрачно, и безпокойно для насъ; оно мучитъ насъ невозможностію познать его ; такъ если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибудь вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то стоитъ принять его»²⁴⁰ Отсюда понятно для насъ значеніе преданія о проповѣдникѣ разныхъ вѣръ , приходившихъ къ Владимиру , вѣрность этого преданія времени и обществу²⁴¹. Видно, что все было приготовлено для переворота въ нравственной жизни новорожденного Русскаго общества на югъ, что религія, удовлетворявшая разсѣянными, особо живущими племенамъ, не могла болѣе удовлетворять Кіевлянамъ, познакомившимся съ другими религіями; они употребили всѣ средства для поднятія своей старой вѣры на уровень съ другими , и всѣ средства оказались тщетными; чужія вѣры и особенно одна тяготила явно своимъ превосходствомъ; это обстоятельство и необходимость защищать старую вѣру естественно должно было вести къ раздраженію, которое

въ свою очередь, влекло къ насильственнымъ поступкамъ, но это не помогло. При старой вѣрѣ нельзя было оставаться, нужно было рѣшиться на выборъ другой. Последнее обстоятельство, т. е. выборъ вѣры, есть особенность Русской истории: ни одному другому Европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религіями, но не такъ было на востоцѣ Европы, на границахъ ея съ Азіею, гдѣ сталкивались не только различные народы, но и различныя религіи, а именно Магометанская, іудейская и христіанская; Казарское царство, расположенное на границахъ Европы съ Азіею, представляетъ собою это смѣшеніе разныхъ народовъ и религій; Казарскимъ Каганамъ, по преданію, также предстоялъ выборъ между тремя религіями²⁴²: они выбрали іудейскую: для Азіатцевъ былъ допущенъ деизмъ послѣдней. Но Казарское царство пало, и вотъ на границахъ также Европы съ Азіею, но уже на другой сторонѣ, ближе къ Европѣ, образовалось другое владѣніе, Русское, съ Европейскимъ народонаселеніемъ; Кагану Русскому предлежавъ выборъ между тремя религіями, опять повторилось преданіе о проповѣдникахъ различныхъ вѣръ, и о выборѣ лучшей; на этотъ разъ лучшею оказались іудейская: Евронейскій смыслъ избралъ христіанство. Преданіе очень вѣрно выставило также причину отверженія Іудеи Владиміромъ: когда онъ спросилъ у нихъ: гдѣ ваша земля? они сказали, что Богъ въ гнѣвѣ расточилъ ихъ по странамъ земли, то Владиміръ отвѣчалъ: «какъ вы учите другихъ, сами отвергнуты Богомъ и расточены?» Вспомнимъ, что у средневѣковыхъ Европейскихъ народовъ было вкорененное понятіе, что политическое бѣдствіе народа есть наказаніе Божіе за грѣхи, въ слѣдствіе чего питалось отвращеніе къ преступляющему народу.

Магометанство, кромя видимой бѣдности своего содержанія, могло соперничать съ христіанствомъ по самой отдаленности отъ насъ. Христіанство было уже давно знакомо въ Кіевѣ въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ Константинополемъ, который порождалъ Руссовъ величіемъ религіи и гражданственности. Бы-

вальцы въ Константинополѣ, послѣ тамошнихъ чудесъ, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на бѣдное Русское язычество и превозносить вѣру Греческую. Рѣчи ихъ имѣли большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшіе во многихъ различныхъ странахъ, и на востокѣ, и на западѣ, видѣвшіе много разныхъ вѣръ и обычаевъ, и, разумѣется, имъ нигдѣ не могло такъ нравиться, какъ въ Константинополѣ; Владиміру не нужно было посылать бояръ извѣдывать вѣры разныхъ народовъ: не одинъ Варягъ могъ удостовѣрить его о преимуществахъ вѣры Греческой передъ всѣми другими. Митрополитъ Иларіонъ, котораго свидѣтельство, какъ почти современное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, Иларіонъ ни слова не говоритъ о посольствахъ для извѣдыванія вѣръ, но говоритъ, согласнѣе съ дѣломъ, что Владиміръ постоянно слышалъ о Греческой землѣ, сильной вѣрою, о величій тамошняго богослуженія²⁴³; бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, что, по преданію, у лѣтописца говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣръ: «Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ: всякій человекъ какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго; такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше и останемся.» Эти слова находили подтвержденіе и между городскими старцами, и между тѣми изъ бояръ Владиміра, которые не бывали въ Константинополѣ: у нихъ было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: «если бы дурень былъ законъ Греческій, говорили они, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она была мудре всѣхъ людей». Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ изъ Кіева малолѣтнимъ и воспитанъ въ Новгородѣ, на сѣверѣ, гдѣ было сильно язычество, а христіанство едва ли знакомо; онъ привелъ въ Кіевъ съ сѣвера тамошнее народонаселеніе — Варягъ, Славянъ Новгородскихъ, Чудь, Кривичей, все ревностнѣйшихъ язычниковъ, которые своимъ прибытіемъ легко дали перевѣсъ Кіевскимъ язычникамъ надъ христіанами, что и было причиною явленія

иишкѣ мѣсто въ началѣ княженія Владимірова; но потомъ
 дни и мѣсто взяли свое: ближайшее знакомство съ хри-
 стианствомъ, съ Греціею, приливъ бывальцевъ въ Констан-
 нополь, должны были ослабить языческую ревность и склонить
 его въ пользу христіанства. Такимъ образомъ все было готово
 къ принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая: «по-
 ходу еще не много», говорилъ Владиміръ, по свидѣтельству
 знаменитаго летописца Кіевского. Удобный случай представился
 въ войнѣ съ Греками; преданіе тѣсно соединяетъ походъ на
 Грековъ съ принятіемъ христіанства, хочетъ выставить, что
 первый былъ предпринятъ для втораго: Владиміръ спросилъ у
 женой: «гдѣ принять намъ крещеніе?» тѣ отвѣчали: «гдѣ тебѣ
 угодно». И по прошествіи года, Владиміръ выступилъ съ войскомъ
 на Корсунь. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отби-
 вались, не смотря на изнеможеніе; Владиміръ объявилъ имъ, что
 если они не сдадутся, то онъ будетъ три года стоять подѣ
 городомъ. Когда эта угроза не подѣйствовала, Владиміръ велѣлъ
 дѣлать валъ около города; но Корсуняне подкопали го-
 родскую стѣну, и уносили присыпаемую Русскими землю къ
 себѣ въ городъ; Русскіе сыпали еще больше, и Владиміръ
 продолжалъ стоять. Тогда одинъ Корсунянинъ, именемъ Анастасъ,
 явился въ Русскій станъ ко Владиміру стрѣлу, на которой
 было написано: «за тобою, съ восточной стороны лежатъ ко-
 паны, отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ, перекопай и
 увидишь ее». Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на
 небо, и сказалъ: «если это сбудется, я крещусь». Извѣстіе
 о ходу событій: это не первый примѣръ, что князь язы-
 чнаго народа принимаетъ христіанство при условіи побѣды,
 побѣду долженъ подучить съ помощью новаго божества. Влади-
 міръ тотчасъ велѣлъ копать противъ трубъ, вода была пе-
 рекопана; Херсонцы изнемогли отъ жажды и сдались. Влади-
 міръ вошелъ въ городъ съ дружиною, и послалъ сказать
 вѣстники императорамъ — Василю и Константину: «Я взялъ
 вамъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣви-
 чьствѣ; если не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ горо-»

домъ будетъ то же, что съ Корсунемъ.» Испуганные и огорченные такимъ требованіемъ императоры велѣли отвѣчать Владиміру: «Не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можешь выдать сестры своей за тебя.» Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланнымъ: «Скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, любя мнѣ ваша вѣра и служенье, о которыхъ мнѣ рассказывали посланные нами мужи.» Цари обрадовались этимъ словамъ, умолили сестру свою Анну выдти за Владиміра, и послали сказать ему: «Крестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру.» Но Владиміръ велѣлъ отвѣчать: «Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня.» Цари послушались и послали сестру свою вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами; Аннѣ очень не хотѣлось идти: «иду точно въ полонъ, говорила она, — лучше бы мнѣ здѣсь умереть»; братья утѣшали ее: «А что если Богъ обратитъ тобою Русскую землю въ покаяніе, а Греческую землю избавитъ отъ лютой рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь Грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же.» И едва уговорили ее идти. Анна сѣла въ корабль, простилась съ роднею, и поплыла съ горемъ въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время, продолжаетъ прѣданіе, Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ; тогда царевна велѣла сказать ему: «если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй, если же не крестишься, то и не вылечишься.» Владиміръ сказалъ въ это: «если въ самомъ дѣлѣ такъ случится, то поистинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій», и объявилъ, что готовъ къ крещенію. Епископъ Корсунскій, съ царевнинными священниками огласивъ, крестили Владиміра, и когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ; удивясь такому внезапному исцѣвленію, Владиміръ сказалъ; «теперь только я узналъ истиннаго

Бога! Видя это, и изъ дружины его многіе крестились. Послѣ крещенія совершенно былъ бракъ Владиміра съ Анною.

Все это преданіе очень вѣрно обстоятельству въ своихъ подробностяхъ, и потому не можетъ быть отвергнуто. Пренія вѣра была во Владиміръ поколеблена, онъ видѣлъ превосходство христіанства, видѣлъ необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлилъ, ждалъ случая, ждалъ знаменія; онъ могъ отправиться и въ Корсунскій походъ съ нагнѣніемъ креститься въ случаѣ удачи предпріятія, могъ повторить обѣщаніе, когда Анастасъ открылъ ему средство къ успѣху, и потомъ опять медлилъ, пока увѣщанія царевны Анны не убѣдили его окончательно ²⁴⁴.

Владиміръ вышелъ изъ Корсуни съ царицею, взялъ съ собою Анастаса, священниковъ Корсунскихъ, мощи Св. Климента и Фива, сосуды церковныя, иконы, взялъ два мѣдныхъ истукана ²⁴⁵, и четыре мѣдныхъ коня; Корсунъ отдалъ Грекамъ назадъ въ вѣно за жену свою, по выраженію дѣтописца. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Корсунъ же явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять новою Русскою церковію, — извѣстіе очень вѣроятное, потому что Константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимаго для утвержденія новаго порядка вещей на сѣверѣ ²⁴⁶. По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ сымоуей своихъ ²⁴⁷ и людей близкихъ. Въ слѣдъ за тѣмъ велѣлъ низпровергнуть идоловъ. Этимъ должно было приступить къ обращенію народа, низпроверженіемъ прежнихъ предметовъ почитанія нужно было показать ихъ ничтожество; это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ почти у всѣхъ проповѣдниковъ, и дѣйствительно было таковымъ; кроме того, ревность новообращеннаго не могла позволить Владиміру удерживать хотя на нѣкоторое время идоловъ, стоящихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ города и которыхъ, вѣроятно, не переставали приносить жертвы; притомъ, если не всѣ, то большая часть истукановъ напоминали Владиміру его собственный грѣхъ, потому что онъ самъ ихъ поставилъ. Изъ низпровергну-

тыхъ идоловъ однихъ разсѣкли на части, другихъ сожгли²⁴⁸, а главнаго Перуна привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, причежь двѣнадцать человекъ были истукана палками: это было сдѣлано, прибавляетъ лѣтописецъ, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ идоломъ прельщалъ людей: такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе. Когда волокли идола въ Днѣпръ, народъ плакалъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, то представлены были люди, которые должны были отталкивать его отъ берега, до тѣхъ поръ пока пройдетъ пороги. За тѣмъ приступлено было къ обращенію Кіевского народа: митрополитъ и священники ходили по городу съ проповѣдію; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, и самъ князь участвовалъ въ этомъ дѣлѣ²⁴⁹. Многіе съ радостію крестились; но больше оставалось такихъ, которые не соглашались на это; между ними были двоякаго рода люди: одни не хотѣли креститься не по сильной привязанности къ древней религіи, но по новости и важности дѣла, колебались точно такъ же, какъ, по преданію, колебался прежде и самъ Владиміръ²⁵⁰; другіе же не хотѣли креститься по упорной привязанности къ старой вѣрѣ: они даже не хотѣли и слушать о проповѣди²⁵¹. Видя это, князь употребилъ средство посильнѣе: онъ послалъ повѣстить по всему городу, чтобъ на другой день всѣ некрещенные шли къ рѣкѣ, кто же не явится, будетъ противникомъ князю. Услыхавъ этотъ приказъ, многіе пошли охотою, именно тѣ, которые прежде медлили по нерѣшительности, колебались, ждали только чего нибудь рѣшительнаго, чтобъ креститься: не понимая еще сами превосходства новой вѣры предъ старою, они естественно должны были основывать превосходство первой на томъ, что она принята высшими: «Если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ее», говорили они. Нѣкоторые шли къ рѣкѣ по принужденію²⁵², нѣкоторые же ожесточенные приверженцы старой вѣры, слыша строгій приказъ Владиміра, бѣжали въ степи и лѣса²⁵³. На другой день послѣ объявленія княжескаго приказа, Владиміръ вышелъ съ священниками

паричными и Корсунскими на Днѣпръ, куда сошло множество народа: всѣ вошли въ воду, и стояли одни по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали на рукахъ младенцевъ, а крещенные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно уча некрещенныхъ, какъ вести себя во время совершенія таинства, а также и занимая мѣсто ихъ восприемниковъ ²⁵⁴, священники на берегу читали молитвы ²⁵⁵.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства Владиміромъ и распространенія его въ Русской землѣ было разукрепленіе, построеніе церквей: Владиміръ тотчасъ послѣ крещенія велѣлъ строить церкви, и ставить ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры: такъ поставлена была церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна и прочихъ боговъ ²⁵⁶. Владиміръ велѣлъ ставить церкви и опредѣлять къ нимъ священниковъ также и по другимъ городамъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Здѣсь останавливаются насъ два вопроса — по какимъ городамъ и областямъ и въ какой мѣрѣ было распространено христіанство при Владимірѣ, и потомъ — откуда явились при церквахъ священнослужители? Есть извѣстія, что митрополитъ съ епископами, присланными изъ Царяграда, съ Добрынею, дядею Владиміровичемъ и съ Анастасомъ, ходили на сѣверъ и крестили народъ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверхъ по Днѣпру, волокомъ и Ловатью, до сѣвернаго конца этого пути — Новгорода Великаго. Здѣсь были крещены многіе люди, построена церковь для новыхъ христіанъ; но съ перваго раза христіанство было распространено далеко не между всѣми жителями; изъ Новгорода, по всѣмъ вѣроятностямъ, путили воднымъ, Шексинскимъ, проповѣдники отправились къ востоку, до Ростова. Этимъ кончилась дѣятельность перваго митрополита Михаила въ 990 году; въ 991 онъ умеръ; легко представить, какъ смерть его должна была опечалить Владиміра въ его новомъ положеніи; князя едва могли утѣшить другіе епископы и бояре; скоро впрочемъ былъ призванъ изъ Царяграда новый митрополитъ Леоъ; съ помощію поставленнаго

нигъ въ Новгородѣ епископа Іоакима Корсунянина, язычество здѣсь сокрушено окончательно; вотъ любопытное извѣстіе объ этомъ изъ тагъ-называемой Іоакимовой лѣтописи: «Когда въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить, то собрали вѣче, и поклялись всѣ не пускать его въ городъ, не давать идоловъ на низпроверженіе; и точно, когда Добрыня пришелъ, то Новгородцы разметали большой мостъ, и вышли противъ него съ оружіемъ; Добрыня сталъ было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли, вывезли двѣ камнестрѣльныя машины (пороки) и поставили ихъ на мосту; особенно уговаривалъ ихъ не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами ихъ, какой-то Богомилъ, прозванный за краснорѣчіе Соловьемъ. Епископъ Іоакимъ съ священниками стояли на торговой сторонѣ; они ходили по торгамъ, улицамъ, учили людей сколько могли, и въ два дни успѣли окрестить нѣсколько сотъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ, Новгородскій тысяцкій Угоняй, ѣздя всюду, кричалъ: «лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе»; народъ на той сторонѣ Волхова разсвирѣпѣлъ, раззорилъ домъ Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ жену и еще нѣкоторыхъ изъ родни. Тогда тысяцкій Владиміровъ, Путята, приготовивъ лодки и выбравъ изъ Ростовцевъ пять сотъ человекъ, ночью, перевезся выше крѣпости на ту сторону рѣки и вошелъ въ городъ безпрепятственно, ибо всѣ думали, что это свои ратники. Путята дошелъ до двора Угоняева, схватилъ его и другихъ лучшихъ людей и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась, то народа собралось до 5,000, обступили Путяту и начали съ нимъ злую сѣчу, а нѣкоторые пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить дома христіанъ. На разсвѣтѣ приспѣлъ Добрыня со всѣми своими людьми, и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу; Новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча перестала. Тогда самые знатные люди пришли къ Добрынѣ просить мира. Добрыня собралъ войско, запретилъ грабежъ; но тотчасъ велѣлъ сокрушить идоловъ, деревянныхъ сечь, а каменныхъ из-

юнавъ , побросать въ рѣку. Мушны и женщины , видя это , съ воплемъ и слезами просили за нихъ , какъ за своихъ боговъ . Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ : « нечего вамъ жалѣть о тѣхъ , которые себя оборонить не могутъ ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать ? » и послалъ всюду съ объявленіемъ , чтобъ шли креститься . Посадникъ Воробей , сынъ Стояновъ , воспитанный при Владимірѣ , человекъ краснорѣчивый , пошелъ на торгъ , и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собою , а кто не хотѣлъ , тѣхъ воины тащили , и крестились , мушны выше моста , а женщины ниже . Тогда многіе язычники , чтобъ отбыть отъ крещенія , объявляли , что крещены ; для этого Іоакимъ велѣлъ всѣмъ крещенымъ надѣть на шею кресты , а кто не будетъ имѣть на себѣ креста , тому не вѣрить , что крещенъ , и крестить . Разметанную церковь Преображенія построили снова . Окончивъ это дѣло , Путята пошелъ въ Кіевъ ; вотъ почему есть бранная для Новгородцевъ пословица . « Путята крестилъ мечемъ , а Добрыня огнемъ ²⁵⁷ . »

Такимъ образомъ христіанство при Владимірѣ , какъ видно , было распространено преимущественно по узкой полосѣ , прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кіевъ ; къ востоку же отъ Днѣпра , по Окѣ и верхней Волгѣ , даже въ самомъ Ростовѣ , не смотря на то , что проповѣдь доходила до этихъ мѣстъ , христіанство распространялось очень слабо ; мы увидимъ въ послѣдствіи , что иноки Печерскаго монастыря будутъ проповѣдниками христіанства у Вятичей и Мери , и будутъ мучениками тамъ ; летописецъ прямо говоритъ , что въ его время Вятичи сохраняли еще языческіе обычаи , наконецъ Иларіонъ , современникъ сына Владимірова , называетъ Русскихъ христіанъ малымъ стадомъ Христовымъ ²⁵⁸ . Самому Князю принадлежитъ распространеніе христіанства на западъ отъ Днѣпра , въ странахъ , которыя онъ долженъ былъ посѣщать по отношеніямъ своимъ въ Польшѣ ; есть извѣстіе , что въ 992 году онъ ходилъ съ Епископами на югозападъ , училъ , крестилъ людей , и въ землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ и деревянную церковь Богородицы ²⁵⁹ .

Мы видѣли, по какимъ областямъ и городамъ было распространено христіанство при Владимірѣ; теперь обратимся къ другому вопросу: откуда первоначальная Русская церковь получила себѣ священнослужителей? Митрополитъ и епископы были присланы изъ Царяграда, въ Кіевѣ если прежде были христіане, была церковь, то были разумѣется и священники; Владиміръ привелъ изъ Корсуны тамошнихъ священниковъ и священниковъ, пріѣхавшихъ съ царевною Анною. Но все этого числа было недостаточно для крещенія и наученія людей въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, и вотъ есть извѣстіе, совершенно согласное съ обстоятельствами, что присланы были священники изъ Болгаріи, которые были способны учить народъ на понятномъ для него языкѣ; есть даже извѣстіе, что и первые епископы и даже митрополитъ Михаилъ былъ изъ Болгаръ²⁶⁰. Но сколько бы ни пришло священниковъ Греческихъ и Болгарскихъ, все ихъ было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своихъ Русскихъ священниковъ, что не могло произойти иначе, какъ чрезъ распространеніе книжнаго ученія. Такое распространеніе было предпринято немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Кіевѣ, ибо въ немъ митрополитъ и Князь видѣли единственное средство утвердить вѣру. Отцы и матери были мало утверждены, оставить дѣтей при нихъ значило мало подвинуть христіанство, ибо они воспитывались бы болѣе въ языческихъ понятіяхъ и обычаяхъ; чтобъ сдѣлать ихъ твердыми христіанами, необходимо было ихъ на время оторвать отъ отцевъ плотскихъ и отдать духовнымъ; притомъ, какъ выше замѣчено, только однимъ этимъ средствомъ можно было пріобрѣсть и священниковъ изъ Русскихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ велѣлъ²⁶¹ отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ книжное ученье: матери плакали по нимъ, какъ по мертвыхъ, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ и причту.

Въ непосредственномъ отношеніи къ принятію христіанства

находится также слѣдующее извѣстіе, сообщаемое лѣтописью: въ княженіе Владиміра умножились разбой, и вотъ епископы сказали В. Князю: «разбойники размножились, за чѣмъ не казнишь ихъ?» Владиміръ отвѣчалъ: «боюсь грѣха». Епископы возразили на это: «ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло». Владиміръ послушался, отвергъ виры, и началъ казнить разбойниковъ; но потомъ тѣже епископы, вмѣстѣ съ старцами, сказали ему: «ратъ сильная темеръ; если придется вира, то пусть пойдетъ на оружіе и на коней». Владиміръ отвѣчалъ: «пусть будетъ такъ»; и сталъ онъ жить опять по устроению отцовскому и дѣдовскому. Это извѣстіе показываетъ намъ вліяніе духовенства прямо уже на строй общественный: не въ церковныхъ дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанства совѣтуется Владиміръ съ епископами; но о томъ, какъ наказывать преступниковъ; вмѣстѣ съ старцами епископы предлагаютъ Князю о томъ, куда употребить виры, заботятся о внѣшней безопасности, и Князь соглашается съ ними.

Теперь обратимся ко внѣшней дѣятельности Владиміра. Къ его княженію относится окончательное подчиненіе Русскому Князю племень, жившихъ на востокъ отъ великаго воднаго пути. Олегъ наложилъ дань на Радимичей, Святославъ на Вятчей, но или не всѣ отрасли этихъ племень пришли въ зависимость отъ Русскаго князя, или, что всего вѣроятнѣе, эти болѣе отдаленныя отъ Днѣпра племена воспользовались уходомъ Святослава въ Болгарію, малолѣтствомъ, а потомъ междоусобіемъ сыновей его, и перестали платить дань въ Кіевъ. Какъ бы то ни было, подъ 981 годомъ встрѣчаемъ у лѣтописца извѣстіе о походѣ на Вятчей, которые были побѣждены и обложены такою же данью, какую прежде платили Святославу — ясное указаніе, что послѣ Святослава они перестали платить дань. На слѣдующій годъ Вятчи снова заратылись, и снова были побѣждены. Такая же участь постигла и Радимичей въ 986 году: лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ году Владиміръ

пошелъ на Радимичей, а передъ собой послалъ воеводу, прозваніемъ Волчій Хвостъ: этотъ воевода встрѣтилъ Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ²⁶², и побѣдилъ ихъ; отъ чего, прибавляетъ лѣтописецъ, Русь смѣется надъ Радимичами, говоря: «Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Кромѣ означенныхъ походовъ и ближайшія Славянскія племена, упоминаются еще войны съ чужими народами: съ Ятвягами въ 953 году; лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ на Ятвяговъ, побѣдилъ и взялъ землю ихъ; но послѣднія слова вовсе не означаютъ покоренія страны: Ятвяговъ трудно было покорить за одинъ разъ, и потому Владиміра должны были вести постоянную, упорную многолѣтнюю борьбу съ этими дикарями. Въ Скандинавскихъ сагахъ встрѣчаемъ извѣстіе, что одинъ изъ Норманскихъ выходцевъ, находившійся въ дружинѣ Владиміра, приходилъ, отъ имени этого князя, собирать дань съ жителей Эстоніи: и смотря на то, что сага смѣшиваетъ лица и годы, извѣстіе объ Эстонской дани, какъ нисколько не противорѣчащее обстоятельству, можетъ быть принято; но нельзя рѣшить, когда Рускіе изъ Новгорода впервые наложили эту дань, при Владиміри, т. е. при Добрынь, или прежде²⁶³. Встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстія о войнахъ Владиміра съ Болгарами, съ какими — Дунайскими или Волжскими — на это разные списки лѣтописей даютъ разнорѣчивые отвѣты: вѣроятно было походъ и къ тѣмъ и къ другимъ, и послѣ перемѣшаны по одинаковости народнаго имени. Подъ 987 годомъ находимъ извѣстіе о первомъ походѣ Владиміра на Болгаръ; въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи не упомянуто, на какихъ именно, въ другихъ прибавлено, что на Низовыхъ или Волжскихъ, въ своде Татищева говорится о Дунайскихъ и Сербахъ²⁶⁴. Какъ бы то ни было, для насъ важны подробности преданія объ этомъ походѣ, занесенныя въ лѣтопись. Владиміръ пошелъ на Болгаръ съ дядею своимъ Добрынею, въ лодкахъ, а Торки шли на коняхъ берегомъ; изъ этого видно, что Русь предпочитала лодки конямъ, и что конницу въ княжескомъ войскѣ составляли пограничные степные народцы, о которыхъ теперь въ

первый раз встрѣчаемъ извѣстіе, и которые потомъ постоянно являются въ зависимости или полузависимости отъ Русскихъ князей. Болгары были побѣждены; но Добрыня, осмотрѣвъ плѣнниковъ, сказалъ Владиміру: «такіе не будутъ намъ давать дани: они всё въ сапогахъ; пойдемъ искать лапотниковъ». Въ этихъ словахъ преданія выразился столѣтній опытъ. Русскіе князья успѣли наложить дань, привести въ зависимость только тѣ племена Славянскія и Финскія, которыя жили въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненныя, бѣдныя, что выражается названіемъ лапотниковъ; изъ народовъ же болѣе образованныхъ, составлявшихъ болѣе крѣпкія общественныя тѣла, богатыхъ промышленностію, не удалось покорить ни одного: въ свѣжей памяти былъ неудачный походъ Святослава въ Болгарію. Въ преданіи видимъ опять важное значеніе Добрыни, который даетъ совѣтъ о прекращеніи войны, и Владиміръ слушается; оба народа дали клятву: «тогда только мы нарушимъ миръ, когда камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть». Подъ 994 и 997 годами упоминаются удачныя походы на Болгаръ²⁶⁵: въ первый разъ не сказано на какихъ, во второй означены именно Волжскіе. Мы не будемъ отвергать извѣстій о новомъ походѣ на Болгаръ Дунайскихъ, если примемъ въ соображеніе извѣстія Византійцевъ о помощи противъ Болгаръ, которую оказалъ Владиміръ родственному двору Константинопольскому²⁶⁶. Важно также извѣстіе о торговомъ договорѣ съ Болгарами Волжскими въ 1006 году. Владиміръ, по ихъ просьбѣ, позволилъ имъ торговать по Окѣ и Волгѣ, давъ имъ для этого печати; Русскіе купцы, съ печатями отъ посадниковъ своихъ, также могли свободно ѣздить въ Болгарскіе города; но Болгарскимъ купцамъ позволено было торговать только съ купцами по городамъ, а не ѣздить по селамъ и не торговать съ тунами, вирниками, огнищанами и смердами²⁶⁷.

Ко временамъ Владиміровымъ относится первое столкновеніе Руси съ западными Славянскими государствами. Мы оставили послѣднія въ половинѣ IX вѣка, когда Моравскіе князья обнаружили попытку основать у себя народную церковь, и когда

исторія Польши начала проясняться съ появленіемъ новой княжеской династіи Пястовъ. Между тѣмъ борьба Моравовъ съ Нѣмцами продолжалась еще съ большимъ ожесточеніемъ; Чехи и Сербы принимали въ ней также участіе; Моравы вели войну по старому Славянскому обычаю: они давали врагу свободно опустошать открытыя мѣста, и врагъ, опустошивъ землю и не покоривъ народа, долженъ былъ возвращаться безъ всякаго успѣха и гибнуть съ голоду на дорогѣ. Но Ростиславъ, непобѣжденный Нѣмцами, былъ схваченъ и выданъ Карломану, сыну и наслѣднику Людовика Нѣмецкаго, племянникомъ своимъ Святополкомъ, который, чтобъ имѣть себѣ опору и обезпеченіе, поддался Нѣмецкому королю; Ростиславу выкололи глаза и заперли въ одинъ Нѣмецкій монастырь. Гибель Ростислава однако не надолго переменяла ходъ дѣлъ; Святополкъ наслѣдовалъ его стремленія, и борьба возобновилась съ новою силою, при чемъ Святополкъ началъ уже наступательныя движенія на Нѣмецкія области. При Святополкѣ яснѣетъ и исторія Чеховъ, потому что въ это время принялъ христіанство князь Чешскій Буривой отъ Св. Меодія. Не Моравія однако и не западнымъ Славянамъ вообще суждено бычю основать Славянскую имперію съ независимою Славянскою церковію. Въ последнее десятилѣтіе IX вѣка на границахъ Славянскаго міра явились Венгры. Политика дворовъ Византійскаго и Нѣмецкаго съ самаго начала обратила этотъ народъ въ оружіе противъ Славянъ: Греки обратили ихъ противъ Болгаръ, Нѣмцы противъ Моравской державы. Арнульфъ Каринтійскій, побочный сынъ Карломана, соединившись съ Венграми, пошелъ на Святополка; Моравы, по обычаю, засѣли въ укрѣпленіяхъ, и дали плѣнить землю свою врагамъ, которые и должны были только этимъ удовольствоваться. Но въ 894 г. умеръ Святополкъ, и съ нимъ рушилось могущество первой Славянской державы. Въ то время, когда западнымъ Славянамъ нужно было сосредоточить всѣ свои силы для отпора двумъ могущественнымъ врагамъ, Моравскія владѣнія раздѣлились на три части между тремя сыновьями Святополка. Братская вражда погубила дѣло

Мойшира, Ростислава и Святополка; сыновья Чешскаго Бури-
 воя отдѣлились отъ Моравіи и поддались Ариульфу Нѣмецкому,
 и съ 906 года прекращаются всѣ извѣстія о Моравіи: страна
 стала добычею Венгровъ; подробностей о паденіи перваго Сла-
 вянскаго Государства нѣтъ нигдѣ. Разрушеніе Моравской дер-
 жавы и основаніе Венгерскаго государства въ Панноніи имѣли
 важныя слѣдствія для Славянскаго міра: Славяне южные были
 отдѣлены отъ сѣверныхъ; уничтожено было центральное вла-
 дѣніе, которое начало соединять ихъ, гдѣ произошло столкно-
 веніе, загорѣлась сильная борьба между востокомъ и западомъ,
 между Германскииъ и Славянскииъ племенемъ, гдѣ съ помощію
 Византіи основалась Славянская церковь; теперь Моравія пала,
 и связь Славянъ съ югомъ, съ Греціею рушилась: Венгры стали
 между ними, Славянская церковь не могла утвердиться еще,
 какъ была постигнута бурей, отторгнута отъ Византіи, кото-
 рая одна могла дать питаніе и укрѣпленіе младенчествующей
 церкви. Такииъ образомъ, съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи
 съ востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоятель-
 ности, западные Славяне должны были по необходимости при-
 нять къ западу и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніи.
 Но мало того, Мадырскимъ нашествіемъ прекращалась связь
 западныхъ Славянъ съ Византіею, прекращалась также и не-
 посредственная связь ихъ съ Римомъ, и они должны были при-
 нять христіанство и просвѣщеніе изъ рукъ Нѣмцевъ, кото-
 рые оставались для нихъ теперь единственными посредниками;
 зная объясняется естественная связь западныхъ Славянъ съ
 Нѣмецкою имперіею, невозможность вывутаться изъ этой связи
 для государственной и народной независимости. Христіанское
 стало синонимомъ Нѣмецкому, Славянское языческому, вар-
 варскому; отсюда то явленіе, что ревностные христіане между
 западными Славянами являются вмѣстѣ ревностными гонителями
 своего, Славянскаго, и тянутъ народъ свой къ западному, т. е.
 Нѣмецкому; отсюда же обратное явленіе, что защитники сво-
 его являются свирѣпыми врагами христіанства, которое при-
 носило съ собою подчиненіе Нѣмцамъ; отсюда несчастная борьба

Полабскихъ Славянъ противъ христіанства, т. е. протявъ Нѣмецъ, въ которой они не могли получить помощи отъ христіанскихъ единоплеменниковъ своихъ, и должны были пасть.

Послѣ паденія Моравской державы, на первомъ планѣ въ исторіи западныхъ Славянъ являются Чехи. Чехи были обязаны мирнымъ распространеніемъ христіанства у себя тому, что князь ихъ Буривой принялъ Евангеліе чрезъ Моравовъ отъ Св. Мессодія, чрезъ своихъ Славянскихъ проповѣдниковъ. Славянская церковь слѣд. началась было и у Чеховъ, но, послѣ паденія Морави, не могла долѣ держаться. Чехи не могли высвободиться изъ подъ государственной зависимости отъ Нѣмецкой имперіи: внукъ Буривой, Св. Вячеславъ обязался платить Генриху Птицелову ежегодно 500 гривенъ серебра и 120 воловъ; невозможность поддержать христіанство безъ помощи Нѣмецкаго духовенства, и невозможность успѣшной борьбы съ Мадьярами безъ помощи Нѣмецкаго императора, дѣлали зависимость Чеховъ отъ имперіи необходимою. Вячеславъ погибъ отъ брата своего Болеслава 1-го, который сначала думалъ было о возможности возвратить независимость Чехамъ отъ имперіи, но послѣ многолѣтней борьбы съ императоромъ Оттономъ I-мъ увидалъ необходимость подчиниться ему. Между тѣмъ, въ началѣ второй половины X вѣка, Венгры, потерпѣвшіе сильное пораженіе отъ Оттона при Лехѣ, и добытые Болеславомъ Чешскимъ, прекратили свои опустошительные набѣги на Европейскія государства, поселились въ предѣлахъ прежде занятыхъ ими земель и, принявъ христіанство, вошли въ общество Европейскихъ народовъ. Княженіе Болеслава I-го замѣчательно внутренними переиѣнами у Чеховъ, а именно, усиленіемъ власти верховнаго князя надъ остальными князьями, носившими названіе Леховъ; до сихъ поръ эти Лехи называются у писателей *reguli* или *duces*, и верховный князь изъ рода Пршемыслова являлся не болѣе, какъ старшимъ между ними; но при Болеславѣ I-мъ, какъ видно, отношенія переиѣнились въ пользу власти верховнаго князя; на средства, какими Болеславъ I-й достигъ этой переиѣны, можетъ намекать про-

звание его Грозный или Укрутный. Подчиняясь на западъ имперіи, Чешскія владѣнія начинаютъ однако при Болеславѣ расширяться къ юговостоку, чему особенно способствуетъ обезсмысленіе Мадьяровъ; такъ присоединяется къ Чехамъ нынѣшняя Моравія и земля Словаковъ, между Дунаемъ и Карпатами; на сѣверъ отъ Карпатъ также видимъ Чешскія владѣнія. Еще болѣе распространилась область Чеховъ въ княженіе Болеслава II Благочестиваго, сына Грознаго; никогда потомъ границы Чешскаго государства не были такъ обширны, ибо все государство Святополка принадлежало теперь Чехамъ. Не смотря однако на распространеніе Чешскихъ предѣловъ, въ церковномъ отношеніи Чехи принадлежали къ епархіи Регенсбургскаго архіепископа: послѣ этого нечего удивляться политической зависимости Чеховъ отъ Нѣмецкой имперіи, ибо церковныя отношенія тогда господствовали надъ политическими. Только при Болеславѣ II, въ 973 году, основано было особое Пражское епископство, гдѣ первымъ епископомъ былъ Саксонскій монахъ Дитмаръ; преемникомъ его былъ знаменитый Войтехъ, родомъ изъ знатной Чешской фамиліи; не смотря однако на это, никто такъ не старался о скрѣпленіи Чешской церкви съ западомъ, никто такъ не старался объ искорененіи Славянскаго богослуженія, какъ Войтехъ. Такой характеръ дѣятельности условливался самою борьбою ревнителя христіанства, какимъ былъ Войтехъ съ языческими нравами и обычаями, которые въ его глазахъ были Славянскіе; въ подобной борьбѣ средина рѣдко соблюдается: отечествомъ для ревностнаго епископа была не Богемія, но западъ, страны христіанскія, тогда какъ Богемія была исполнена еще языческихъ воспоминаній, возбуждавшихъ только вражду Войтеха; церковная пѣснь на Славянскомъ языкѣ звучала въ его ушахъ языческою богослужебною пѣснію, и потому была противна; слово: Богъ наименовало ему Славянскаго идола, только слово Deus заключало для него понятіе истиннаго Бога. — Смертію Болеслава II-го (999 г.) кончилось могущество Чеховъ и перешло къ Ляхамъ. При распространеніи своихъ владѣній на западъ Пясты

встрѣтились съ Нѣмцами, императоры которыхъ также распространяли свои владѣнія на счетъ Славянъ при-Эльбскихъ; легко было предвидѣть послѣдствія этого столкновенія: четвертый Пясть, Мечиславъ или Мешко, уже является вассаломъ императора, платитъ ему дань; въ 965 году Мечиславъ женился на Дубравкѣ, дочери Чешскаго князя Болеслава I-го, и по ея старанію принялъ христіанство; но въ это время Славянская церковь никла у Чеховъ, и потому не могла укорениться въ Польшѣ; отсюда новыя крѣпкія узы связали Польшу съ Западомъ, съ Нѣмецкою имперіею: въ Познани была учреждена епископская кафедра для Польши, и подчинена архіепископу Магдебургскому. Второй бракъ Мстислава на Одѣ, дочери Нѣмецкаго маркграфа Дитриха, еще болѣе укрѣпилъ Нѣмецкое вліяніе въ Польшѣ. Тѣсная связь этой страны съ западною церковію и имперіею отняла у сѣверныхъ Славянъ послѣдній оплотъ ихъ независимости отъ Нѣмецкаго ига: теперь Польскій князь въ союзѣ съ Нѣмцами начинаетъ наступательныя движенія противъ своихъ языческихъ единоплеменниковъ. При Мечиславѣ начинаются первыя враждебныя столкновенія Руси съ Польшею: подъ 981 годомъ лѣтописецъ нашъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ, и занялъ города ихъ — Перемышль, Червень и другіе. Чешскіе историки утверждаютъ, что эти города не могли быть отняты у Поляковъ, но у Чеховъ, потому что позднѣйшая земля Галицкая до Буга и Стыри къ востоку принадлежала въ это время Чехамъ²⁶⁸; они основываются на грамотѣ, данной Пражскому епископству при его заложеніи, гдѣ границами его къ востоку поставлены рѣки Бугъ и Стырь въ землѣ Хорватской. Но, во первыхъ, въ грамотѣ границы означены очень смутно; видно, что писавшій ее имѣлъ плохія географическія понятія о странѣ²⁶⁹; во вторыхъ, былъ обычай расширять какъ можно далѣе предѣлы епископствъ; заложенныхъ въ смежности съ языческими народами. Нѣкоторые ученые²⁷⁰ справедливо замѣчаютъ также, что Русскій лѣтописецъ умѣетъ отличать Ляховъ отъ Чеховъ, и потому не могъ смѣшать ихъ, и принимаютъ, что Владиміръ отнялъ Червенскіе

города не у Чеховъ и не у Поляковъ, но покорилъ малочисленными, до тѣхъ поръ свободными Славянскія племена, и сталъ чрезъ это соседомъ Чеховъ. Но разсуждать такимъ образомъ значитъ опять не принимать свидѣтельствъ нашего лѣтописца, который также хорошо умѣетъ отличать Хорватовъ отъ Ляховъ, какъ послѣднихъ отъ Чеховъ, и прямо говорить, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ, и у нихъ взялъ Червенскіе города; всего вѣроятнѣе, что Чешскія владѣнія ограничивались областію, лежащею около Кракова, о чемъ твердитъ грамота, и не простиралась за Вислоку, что страна по Сану и далѣе на востокъ была занята Хорватами, которые были подчинены уже при Олегѣ, но при Игорѣ, Святославѣ и преимущественно при сыновьяхъ его имѣли возможность свергнуть съ себя подчиненность, подобно Радимичамъ и Вятичамъ; мы видимъ, что сначала главная дѣятельность Владиміра состоитъ въ подчиненіи тѣхъ племенъ, которыя прежде находились въ зависимости отъ Руси; Хорваты были въ томъ числѣ; но въ то время, какъ Русь, въ слѣдствіе недѣятельности Игоря, далекихъ походовъ Святослава на востокъ и югъ, малолѣтства и усобицы сыновей его, теряла племена, жившія вдалекѣ отъ Днѣпра, Польша при первыхъ Пястахъ распространяла свои владѣнія, слѣд. очень вѣроятно, что Пясты заняли земли Хорватовъ, свергнувшихъ съ себя зависимость отъ Руси, или сами Ляхи перемѣнили эту зависимость на зависимость отъ Польши; и такимъ образомъ Владиміръ, возвращая прежнее состояніе своихъ предшественниковъ, долженъ былъ имѣть дѣло уже съ Ляхами. Но завоеваніемъ Червенскихъ городовъ дѣло не кончилось на западѣ; лѣтописецъ упоминаетъ въ 992 году еще о походѣ Владиміра на Хорватовъ, а по нѣкоторымъ спискамъ въ это время Владиміръ воевалъ съ Мечиславомъ «за многія противности его», и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду за Вислою: поводомъ къ раздору могли быть постоянно Хорваты и Червенскіе города. Война 990 — 992 года могла быть ведена въ союзѣ съ Болеславомъ II Чешскимъ, который также воевалъ съ Мечиславомъ. Какъ видно по нѣкоторымъ

извѣстіямъ, война продолжалась въ первый годъ княженія Болеслава Храбраго, наследовавшаго отцу своему Мечиславу въ 992 г.²⁷¹. При Болеславѣ Польша начала было усиливаться уже на счетъ сосѣднихъ народовъ; ей выпадалъ было жребій стать въ челѣ Славянскихъ государствъ для отпора Нѣмцамъ; но неуиѣнне Поляковъ вести себя среди единоплеменныхъ народовъ и связь западныхъ Славянъ съ Германскою имперіею посредствомъ церкви не допустили Польшу принять значеніе Моравіи для Славянскаго міра. Послѣ Мечислава осталось четверо сыновей: Болеславъ и Владивой отъ Дубровки Чешской, и трое отъ Оды—Мечиславъ, Святополкъ и Болеславъ. Первымъ дѣломъ Болеслава Старшаго было изгнаніе младшихъ братьевъ, съ которыми, по Славянскому обычаю, онъ долженъ былъ владѣть сообща, и ослѣпленіе двоихъ другихъ родственниковъ, съ цѣлію достигнуть единовластія. Потомъ Болеславъ распространилъ свои владѣнія на сѣверѣ до Балтійскаго моря, чрезъ подчиненіе себѣ Поморянъ и Пруссавъ; между тѣмъ въ 999 году умеръ Чешскій князь Болеславъ II Благочестивый; Болеславъ Польскій воспользовался этимъ, чтобъ напасть на Краковъ и его область и присоединить ихъ къ Польшѣ; вѣроятно также, что онъ захватилъ въ это время Моравію и земли Словаковъ до Дуная: Войтехъ или Адальбертъ, не могши ужиться съ Чехами, прибылъ къ Болеславу; тотъ отправилъ его на проповѣдь къ Пруссавъ, которые умертвили проповѣдника; но гробъ Войтеха принесъ Болеславу свою выгоду, ибо Императоръ Оттонъ III, другъ и читель Адальберта, явился въ Гнѣзно, чтобъ поклониться праху его, и основалъ здѣсь новое архіепископство, въ слѣдствіе чего Польша освобождалась отъ Нѣмецкой зависимости въ церковномъ отношеніи; но это освобожденіе не могло уже теперь принести пользы, Латинская церковь уже успѣла укорениться въ Польшѣ, а потому борьба съ имперіею, которую скоро послѣ началъ Болеславъ, такъ не могла принести плодовъ: Польскій князь, какъ видно, имѣлъ въ виду набрать сколько можно болѣе пограничныхъ волостей, а не утвердить независимость и равновѣсіе Славянскаго міра.

съ Германскимъ. Между тѣмъ волненіа у Чеховъ доставили Болеславу случай утвердить свою власть и въ этой странѣ. По смерти Болеслава II вступилъ на престолъ сынъ его, Болеславъ III Рыжій, князь, по отзыву современниковъ, чрезвычайно жестокой. Рыжій началъ свое княженіе тѣмъ же, чѣмъ и родственникъ его, Болеславъ Польскій: онъ велѣлъ одного изъ своихъ братьевъ сконить, другаго удушить въ банѣ; но обоимъ удалось бѣжать въ Баварію. Избавившись отъ братьевъ, Рыжій не могъ избавиться отъ могущественныхъ вельможъ, Леховъ, изъ которыхъ главными въ это время были Вршовцы; Вршовцамъ удалось при Болеславѣ II-мъ выгнать Войтеха, теперь они свергли Рыжаго, призвавъ на его мѣсто Владивоя, брата Болеслава Польскаго, который какъ сынъ Дубровки, принадлежалъ также къ дому Пршемыслову, и какъ видно, изгнанникомъ жилъ при дворѣ Чешскомъ. Чтобъ удержаться на престолѣ, Владивой отправился въ Регенсбургъ къ императору Генриху, и отдалъ ему Богемію, которую получилъ опять въ видѣ лена. Но Владивой княжилъ только нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ его смерти Чехи призвали изгнанныхъ Рыжимъ Болеславичей — Яромира и Одриха. Однако Рыжій не думалъ уступать и обратился съ просьбою о помощи къ Храброму, который вторгся съ войскомъ въ Богемію, изгналъ Яромира и утвердилъ Рыжаго на престолѣ. Послѣдній, получивъ снова власть, думалъ только о томъ, какъ бы отомстить своимъ врагамъ. Чехи обратились съ просьбою о защитѣ опять къ Болеславу Польскому. Тотъ только этого и ждалъ: по извѣстіямъ современниковъ, онъ все это предвидѣлъ и нарочно велъ дѣло къ тому, чтобъ утвердить свою власть у Чеховъ. Подъ предлогомъ нужнаго совѣщанія, онъ заманилъ къ себѣ Рыжаго на границу, схватилъ его, ослѣпилъ и заточилъ внутри своихъ владѣній. Вступивъ въ Прагу въ видѣ освободителя, Болеславъ Храбрый обнаружилъ намѣреніе утвердиться здѣсь. Такое усиленіе могущества Польскаго князя, разумѣется, должно было возбудить сильныя опасенія въ императорѣ, который послалъ требовать отъ Болеслава ленной присяги за Богемію. Боле-

славъ отвергнулъ требованіе и началъ войну. Неизвѣстно, какой исходъ имѣла бы борьба новаго Святополка съ Нѣмцами, если бы на этотъ разъ сами Поляки не ослабили могущество своего князя и съ тѣмъ вмѣстѣ единство и могущество западныхъ Славянъ: они позволяли себѣ поступать съ Чехами какъ съ побѣжденными врагами; вотъ почему, когда императоръ Генрихъ II послалъ въ Богемію войско, въ челѣ котораго находились Чешскіе князья—Яромиръ и Одрихъ, то вся страна встала противъ Поляковъ и приняла съ радостию родныхъ князей изъ Нѣмецкихъ рукъ; Болеславъ храбрый принужденъ былъ бѣжать, и въ нѣсколько дней не осталось въ Богеміи ни одного Поляка. Такимъ образомъ Нѣмцамъ удалось разъединить два главныхъ западно-Славянскія владѣнія — Богемію и Польшу, и привязать первую еще тѣснѣе къ себѣ: въ послѣдующей борьбѣ съ Болеславомъ Польскимъ императоръ постоянно пользуется Чешскою помощію, и несмотря на всѣ старанія Болеслава, примиреніе между двумя народами было невозможно. Въ 1012 году Одрихъ выгналъ брата Яромира, и сталъ единовластителемъ Чешской земли. Въ такомъ состояніи находились западныя Славянскія государства при смерти Владиміра Св. Мы видѣли, что въ первый годъ княженія Болеслава у него продолжалась война съ Владиміромъ, которая, однако, какъ видно, скоро кончилась²⁷², потому что Болеславъ, занятый отношеніями къ Нѣмцамъ и Чехамъ, не могъ съ успѣхомъ вести еще войну на востокъ. Миръ съ Русью скрѣпленъ былъ даже родственнымъ союзомъ съ княземъ Кіевскимъ: дочь Болеслава вышла за Святополка, князя Туровскаго, сына Владимірова. Но этотъ первый родственныи союзъ князей Польскихъ съ Русскими повелъ къ большому раздору между ними. Болеславъ, какъ видно, лучшимъ средствомъ для собственнаго усиленія считалъ внутреннія смуты у сосѣдей; какъ воспользовался ими у Чеховъ, также хотѣлъ воспользоваться и на Руси. Вмѣстѣ съ дочерью Болеслава прибылъ ко двору Туровскаго князя Рейнбернъ, епископъ Колобрежскій (Колберскій), который сблизился съ Святополкомъ, и началъ, съ вѣдома Болес-

слава, подучать его къ возстанію противъ отца Владиміра: успѣхъ этого возстанія былъ важенъ для Болеслава въ политическомъ и для западной церкви въ религіозномъ отношеніи, ибо съ помощію Святополка юная Русская церковь могла быть отторгнута отъ восточной. Но Владиміръ узналъ о враждебныхъ замыслахъ, и заключилъ Святополка въ темницу вмѣстѣ съ женою и Рейнберномъ²⁷³. Необходимымъ слѣдствіемъ должна была быть война съ Болеславомъ, который въ 1013 году успѣшилъ заключить миръ съ Нѣмцами, и нанявши отрядъ войска у послѣднихъ, равно какъ и у Печенѣговъ, двинулся на Русь. Кромѣ опустошенія страны мы не имѣемъ никакихъ другихъ извѣстій о слѣдствіяхъ Болеславаго похода, во время котораго возникла распря между Поляками и Печенѣгами, и Болеславъ велѣлъ истребить своихъ степныхъ союзниковъ. Вѣроятно это обстоятельство и воспрепятствовало продолженію войны, тѣмъ болѣе, что все вниманіе Болеслава было постоянно обращено на западъ, и онъ могъ удовольствоваться освобожденіемъ Святополка. Съ Чехами и Венграми были мирныя сношенія при Владимірѣ²⁷⁴. Были пересылки и съ папою, слѣдствія которыхъ однако неизвѣстны²⁷⁵.

Гораздо съ большими подробностями дошли до насъ преданія о борьбѣ съ степными варварами, Печенѣгами: борьба эта занимала народъ гораздо сильнѣе, чѣмъ отдаленныя воинскія предпріятія, потому что въ ней дѣло шло о самыхъ близкихъ его интересахъ, о собственности, свободѣ, жизни. Въ 992 году пришли Печенѣги изъ-за Сулы; Владиміръ вышелъ къ нимъ навстрѣчу на Трубежъ подлѣ Переяславля; Русскіе стали на одной сторонѣ рѣки, Печенѣги на другой, но ни тѣ, ни другіе не смѣли перейти на сторону противную. Тогда князь Печенѣжскій подѣхалъ къ рѣкѣ, кликнулъ Владиміра и сказалъ ему: «выпусти своего мужа, а я своего, пусть борятся. Если твой мужъ ударитъ моимъ, то не будемъ воевать три года; если же нашъ ударитъ, то будемъ воевать три года.» Владиміръ согласился, и возвратясь въ станъ, послалъ биричей кликать кличъ по всѣмъ палаткамъ (товарамъ): «нѣтъ ли кого, ктобъ

взялся биться съ Печенѣгомъ?» И никто нигдѣ не отозвался. На другой день пріѣхали Печенѣги и привели своего бойца, а съ Русской стороны никого не было. Началь тужить Владиміръ, послалъ опять по всѣмъ ратникамъ, — и вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: «Князь! есть у меня одинъ сынъ меньшей дома; съ четырьмя вышелъ я сюда, а тотъ дома остался; изъ дѣтства никому еще не удавалось имъ ударить; однажды я его журилъ, а онъ мялъ кожу: такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками». Князь обрадовался, послалъ за силачемъ, и рассказалъ ему, въ чемъ дѣло; тотъ отвѣчалъ: «я не знаю, смогу ли сладить съ Печенѣгомъ; пусть меня испытаютъ: нѣтъ ли гдѣ быка большаго и сильнаго?» Нашли быка, разъярили его горячимъ желѣзомъ и пустили; когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукою. Владиміръ сказалъ: «можешь бороться съ Печенѣгомъ». На другой день пришли Печенѣги и стали кликать: «гдѣ же вашъ боецъ, а нашъ готовъ!» Владиміръ велѣлъ вооружиться своему, и оба выступили другъ противъ друга. Выпустили Печенѣги своего, великана страшнаго, и когда выступилъ боецъ Владиміровъ, то Печенѣгъ сталъ смѣяться надъ нимъ, потому что тотъ былъ средняго роста; разиѣрили мѣсто между обоими полками и пустили борцовъ: они схватились и стали крѣпко жать другъ друга; Русскій наконецъ сдавилъ Печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю; раздался крикъ въ полкахъ, Печенѣги побѣжали, Русскіе погнали за ними. Владиміръ обрадовался, заложилъ городъ на бродѣ, гдѣ стоялъ, и назвалъ его Переяславлемъ, потому что борецъ Русскій перенялъ славу у Печенѣжскаго; князь сдѣлалъ богатыря вмѣстѣ съ отцемъ знатными мужами.

Въ 995 году пришли Печенѣги къ Василеву; Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, не выдержалъ натиска, побѣжалъ и сталъ подъ мостомъ, гдѣ едва спасся отъ враговъ. Въ 997 году Владиміръ пошелъ къ Новгороду за войскомъ, потому что война, говоритъ лѣтописецъ, была сильная и безпрестанная; а Печенѣги, узнавъ, что князя нѣтъ,

пришли и стали около Бѣлгорода; въ лѣтописи сохранилось слѣдующее любопытное преданіе о спасеніи этого города, не единственное между преданіями разныхъ народовъ. Когда Печенѣги обступили Бѣлгородъ, то сдѣлался въ немъ большой голодъ; Владиміръ не могъ подать помощи, потому что у него не было войска, а Печенѣговъ было множество. Когда осада все продолжалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался и голодъ, то Бѣлгородцы собрались на вѣче, и сказали: «намъ приходится помирать съ голоду, а отъ князя помощи нѣтъ; что жъ развѣ лучше намъ помирать? сядимся Печенѣгамъ; кого убьютъ, а кого и въ живыхъ оставить; все равно—умираемъ же съ голода». На томъ и порѣшили. Но одного старика не было на вѣчѣ; когда онъ спросилъ, за чѣмъ собирались, и ему сказали, что на другой день люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ, то онъ послалъ за городскими старѣйшинами, и спросилъ у нихъ: «что это я слышалъ, вы хотите передаться Печенѣгамъ?» тѣ отвѣчали: «чтожъ дѣлать, не стерпятъ люди голода». Тогда старикъ сказалъ имъ: «послушайтесь меня, не сдавайтесь еще три дня, и сдѣлайте то, что я велю». Тѣ съ радостію общались слушаться, и онъ сказалъ имъ: «сберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей;» все это сыскали. Старикъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать кисельный растворъ, потомъ велѣлъ выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить въ нее раствору; велѣлъ выкопать другой колодезь, и вставить въ него также кадку; велѣлъ потомъ искать меду, нашли лукошко меду въ княжей медушѣ, изъ него старикъ велѣлъ сдѣлать сыту и вылить въ кадки, что стояла въ другомъ колодезѣ. На другой день онъ велѣлъ послать за Печенѣгами; горожане пошли и сказали имъ: возьмите къ себѣ нашихъ заложниковъ, и пошлите своихъ челоувѣкъ десять къ намъ въ городъ, пусть посмотрятъ, что тамъ дѣлается. Печенѣги обрадовались, думая, что Бѣлгородцы хотятъ имъ сдаться, взяли у нихъ заложниковъ, а сами выбрали лучшихъ мужей и послали въ городъ посмотреть что тамъ такое. Когда они пришли въ городъ, то люди сказали имъ: «зачѣмъ вы себя губите, можно ли вамъ перестоять насъ?»

Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ корнь отъ земли идетъ, не вѣрите — смотритъ своими глазами». За тѣмъ привели ихъ къ одному колодезю и черпнули раствору, сварили кисель, пришли съ нимъ къ другому, почерпнули сыты, и начали есть, прежде сами, а потомъ дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: «и повѣрять наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ пришли и рассказали все что видѣли Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, разиѣнились заложниками, отступили отъ города и пошли домой²⁷⁶.

Безпрерывныя нападенія степныхъ варваровъ заставили Владимира подумать объ укрѣпленіи Русскихъ владѣній съ востока и юга; «худо, что мало городовъ около Кіева», сказалъ онъ и велѣлъ строить города по рѣкамъ — Деснѣ, Остру, Трубецѣ, Сулѣ и Стугнѣ; но для насъ при этомъ извѣстіи важно еще другое, какъ составилось народонаселеніе этихъ новопостроенныхъ городовъ: Владиміръ началъ набирать туда лучшихъ мужей отъ Славянъ, т. е. Новгородцевъ, Кривичей, Чудей, Вятичей. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти новые города были въ началѣ не иное что, какъ военные острожки, подобныя нашимъ линейнымъ укрѣпленіямъ, необходимому для защиты отъ варварскихъ нападеній, то намъ объяснится значеніе слова: лучше мужи, т. е. Владиміръ набралъ храбрѣйшихъ мужей, способныхъ для военнаго поселенія. Такимъ образомъ, во-первыхъ, мы видимъ, что пограничные города южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, которое, какъ видно, считалось храбрѣйшимъ; слѣд. сѣверное народонаселеніе дало средство князьямъ къ подчиненію себѣ юга, а оно же дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ Русскихъ владѣній отъ степныхъ варваровъ; во-вторыхъ, эти извѣстія уясняютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окраины или Украины: изначала это сбродное, созданное отовсюду народонаселеніе изъ самыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняется отчасти и казачество на югѣ, и беспокойный духъ сѣверскихъ

народонаселенія, ибо сюда непрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей. Изъ самыхъ близкихъ къ Кіеву городовъ были построены Владиміромъ Василевъ на Стугиѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ; Бѣлгородъ онъ особенно любилъ и населялъ его: «отъ иныхъ городовъ много людей свелъ въ него», говоритъ летописецъ. Какъ происходило это населеніе и переселеніе? Вѣроятно всего, жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т. е. самыя удалыя, которыя было скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также Нѣмецкій миссіонеръ Брунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: «Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Брунъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяць, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могли убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: «я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, къ моему безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» (Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе.) — Брунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человекъ и склонить старшинъ Печенѣжскихъ къ миру съ Русью; когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына

въ заложники, и вмѣстѣ съ этимъ княземъ отправился епископъ, посвященный Бруномъ. Участь его неизвѣстна ²⁷⁶.

Вотъ всѣ преданія, дошедшія до насъ о дѣятельности Владиміра.

Въ 1014 году сынъ его Ярославъ, посаженный отцемъ въ Новгородъ, отказался присылать въ Кіевъ ежегодно по двѣ тысячи гривенъ, какъ дѣлали всѣ посадники Новгородскіе, раздававшіе еще тысячу гривенъ гридямъ въ Новгородъ. Владиміръ сказалъ: «исправляйте дороги и мостите мосты»; онъ хотѣлъ идти самъ на Ярослава; но разболѣлся и умеръ 15 Іюня слѣдующаго 1015 года. Дѣятельность Владиміра, какъ она высказывается въ преданіяхъ, отличается отъ дѣятельности его предшественниковъ. Онъ часто ведетъ войну, но онъ ведетъ ее для того, чтобъ подчинить Руси снова тѣ племена, которыя воспользовались удаленіемъ отца его, усобицами братьевъ, и перестали платить дань: такъ воюетъ онъ съ Радимичами, Вятичами, Хорватами. Онъ пользуется опытомъ отцовскимъ, совѣтомъ старика дяди, и отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностію. Онъ воюетъ съ Греками, но не пускается по-варяжски съ легкимъ флотомъ опустошать берега Имперіи: онъ хочетъ овладѣть ближайшимъ къ его волости городомъ Греческимъ, Корсунемъ, который такъ легко и безопасно было присоединить къ Русскимъ владѣніямъ; впрочемъ преданіе тѣсно связываетъ этотъ походъ съ намѣреніемъ принять христіанство. Но главная черта дѣятельности Владиміра состоитъ въ защитѣ Русской земли, въ постоянной борьбѣ съ степными варварами. Святославъ заслужилъ упрекъ, что для чужой земли покинулъ свою, которую едва было не овладѣли варвары: Владиміръ, на оборотъ, стоялъ всегда самъ насторожъ противъ этихъ варваровъ, и устроилъ сторожевую линію изъ ряда городовъ или укрѣпленій по близкимъ къ степи рѣкамъ. Понятно, какое впечатленіе на народъ должна была произвести такая разница между поведеніемъ отца и сына. Но кромѣ того личный характеръ Владиміра былъ способенъ также возбудить сильную народную при-

взависимость. Владиміръ вовсе не былъ княземъ воинственнымъ, не отличался удаляю, подобно отцу своему, въ крайности рѣшался на бѣгство передъ врагомъ, спѣшилъ укрыться въ безопасномъ мѣстѣ; преданіе, сохранившееся въ пѣсняхъ, также не приписываетъ ему личной отваги, выставляетъ его вовсе не охотникомъ до проявленій дикой силы. Но Владиміръ имѣлъ широкую душу, которая въ молодости могла повести его къ измѣнствамъ, освященнымъ впрочемъ языческими понятіями, и которая въ лѣтахъ зрѣлыхъ, особенно подъ вліяніемъ христіанскимъ, сдѣлала его краснымъ солнцемъ для народа. Владиміръ не любилъ жить одинъ; онъ любилъ дружину, говоритъ лѣтописецъ, думалъ съ нею о строехъ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; любя думать съ дружиною, Владиміръ любилъ пировать съ нею; о пирахъ его остались преданія и въ лѣтописяхъ, и въ пѣсняхъ. Такъ, празднуя освященіе церкви Преображенія въ Василевѣ и вмѣстѣ избавленіе свое отъ Печенѣговъ, Владиміръ велѣлъ сварить триста варъ меду, созвалъ бояръ, посадниковъ, старшинъ изо всѣхъ городовъ, всякихъ людей множество, и бѣднымъ роздалъ 300 гривенъ; праздновалъ съ Преображенія 8 дней, князь возвратился въ Кіевъ къ Успеневу дню, и здѣсь опять задалъ большой праздникъ, созвалъ безчисленное множество народа. Такіе праздники по случаю торжествъ религіозныхъ имѣли тогда важное значеніе: они замѣняли для народа празднества языческія, очень много содѣйствовали къ тому, что новая религія входила въ жизнь народа; вмѣсто Коледы народъ сходилъ теперь праздновать Преображеніе и освященіе церкви; кто приходилъ на это торжество, тотъ былъ христіаниномъ; вотъ почему лѣтописецъ прибавляетъ послѣ описанія праздника: «Видя людей христіанъ, Владиміръ радовался душою и тѣломъ, и дѣлалъ такіе праздники по всѣмъ годамъ.» Праздники имѣли еще другое значеніе: на нихъ сзывались старѣйшины изо всѣхъ городовъ, и такимъ образомъ скрѣплялась связь, единство, общеніе между Русскими волостями. Для дружины и старшинъ Кіевскихъ были устроены на дворѣ княжескомъ пирыкаждую не-

дѣлю, былъ ли самъ князь въ городѣ или нѣтъ; приходили на дворъ княжескій, въ гридницу пировать бояре и гриди, сотскіе и десятскіе и нарочитые мужи. Бывало тутъ множество мяса, отъ скота и звѣрины, было много всего. И вотъ бывало, какъ подопьютъ, рассказываетъ лѣтописецъ, то начнутъ роптать на князя, говоря: «какое житіе наше горькое: кормитъ насъ съ деревянныхъ ложекъ, а не съ серебряныхъ!» Владиміръ, услыхавъ ропотъ, велѣлъ исковать ложки серебряныя для дружины, и сказалъ: «серебромъ и золотомъ не найду дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ доискались его дѣдъ мой и отецъ». Какое вліяніе христіанство имѣло на широкую душу Владиміра, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: Владиміръ любилъ слова книжныя, и услыхавъ однажды какъ читали въ Евангеліи: блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ, и потомъ: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ; далѣе: не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ, идѣже тля тлѣтъ и татѣе подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлѣтъ, ни татѣе крадутъ; и слыша псаломъ: блаженъ мужъ милуя и дая, а у Соломона: вдая нищему, Богу взаимъ даетъ, — услыхавъ это, Владиміръ велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на княжой дворъ, брать кушанье и питье, и деньги изъ казны. Но этого мало; онъ сказалъ: «драхмы и большыя не могутъ доходить до моего двора», и велѣлъ сдѣлать телеги, куда клали хлѣбъ, мясо, рыбу, овощъ разный, медъ въ бочкахъ, квасъ, и возили по городу, спрашивая: «гдѣ большыя и нищія, которые не могутъ ходить?» такимъ и раздавали. Есть извѣстіе, что въ господскіе праздники Владиміръ ставилъ три трапезы: одну духовенству, другую нищимъ, третью себѣ и боярамъ.

Обыкновенное содержаніе старинныхъ пѣсенъ составляютъ пиры Владиміра, на которые собирались богатыри. Время Владиміра было благопріятно для богатырства: дружина не уходила съ княземъ въ далекія страны искать славы и добычи; при Святославѣ напр. трудно было выказаться богатырямъ, и внести свои подвиги въ народную память, потому что князь

былъ въ челѣ дружины, и былъ самъ богатырь изъ богатырей, дружинники были только похожи на него; притомъ подвиги ихъ совершались въ далекихъ странахъ: если и были пѣвцы въ дружинѣ при князьяхъ, то пѣсни ихъ мало могли найти сочувствія въ народѣ, для котораго ихъ содержаніе было чуждо. Но при Владимірѣ другое дѣло: дружина была храбрая, дѣла ей было много, шла безпрестанная борьба съ варварами, и эта борьба происходила на глазахъ Русскаго народа и шла за самыя близкіе его интересы: отраженіе Печенѣговъ, поимка какого нибудь страшнаго разбойника была для него поважнѣе блистательныхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи; при томъ же самъ князь Владиміръ не былъ богатыремъ изъ богатырей; отсюда богатырство дружинниковъ выказывалось рѣзче, отдѣльные предпріятія часто поручались мужамъ изъ дружины княжеской, которые такимъ образомъ могли выказаться. Предметъ пѣсенъ по большей части борьба богатырей съ степными варварами, Печенѣгами, которые послѣ получили въ пѣсняхъ имя Татаръ. Упоминаются еще подвиги богатырей противъ разбойниковъ; лѣтопись также говоритъ объ умноженіи разбойниковъ, и сохранилось имя одного изъ нихъ, Могута, который былъ пойманъ въ 1008 году и покался въ домѣ у Митрополита ²⁷⁷. Можно думать, что разбойники умножились въ слѣдствіе бѣгства тѣхъ закоренѣлыхъ язычниковъ, которые не хотѣли принимать христіанства; разумѣется они должны были бѣжать въ отдаленныя лѣса и жить на счетъ враждебнаго имъ общества; отсюда можетъ объясниться религіозное уваженіе, соединенное съ намятью о нѣкоторыхъ богатыряхъ Владимірова времени, напр. объ Ильѣ Муромцѣ, которому приписываются подвиги противъ разбойниковъ на отдаленномъ Финскомъ сѣверѣ, гдѣ измѣство долго находило себѣ убѣжище. Въ лѣтописи сохранились имена слѣдующихъ богатырей Владимірова времени: Яна Усмовича или Усмошвеца (кожевника, отъ усніе — кожа и шью). который убилъ Печенѣжскаго богатыря, и потомъ упоминается также подъ 1004 годомъ, какъ побѣдитель Печенѣговъ; Александра Поповича, разбившаго Печенѣговъ, приведенныхъ ка-

кимъ—то измѣнникомъ Володаремъ, котораго лѣтопись упрекаетъ въ забвеніи благодарній князя своего Владиміра ²⁷⁸; потомъ Поповичъ разбилъ Печенѣговъ вмѣстѣ съ Усмошвецемъ въ 1001 и 1004 году; Рагдая удалаго, ходившаго на триста воиновъ: его смерть показана подъ 100 годоѡмъ ²⁷⁹; Андриха Добрянкова, отравленнаго слугами въ 1004 году ²⁸⁰.

Въ лѣтописи находимъ имена двѣнадцати сыновей Владиміра, но безъ опредѣленія, въ какомъ порядкѣ они одинъ за другимъ слѣдовали по старшинству: въ одномъ мѣстѣ, при исчисленіи женъ Владиміровыхъ, молодые князья поставлены по матерямъ; въ другомъ, гдѣ говорится о разсылкѣ сыновей по областямъ, они слѣдуютъ въ другомъ порядкѣ. Постараемся, по нѣкоторымъ даннымъ, опредѣлить порядокъ старшинства между ними.

Въ Новгородѣ былъ отправленъ Вышеславъ: мы знаемъ, что сюда посылался обыкновенно старшій въ семьѣ великаго князя; изъ этого можемъ заключить, что Вышеславъ былъ старшій сынъ Владиміра, тѣмъ болѣе, что въ извѣстіи о разсылкѣ по областямъ онъ поставленъ первымъ ²⁸¹. Но въ предшествующемъ исчисленіи женъ Владиміровыхъ ²⁸² Вышеславъ поставленъ послѣ сыновей Рогнединыхъ и Гречанки, вдовы Ярополковой, и названъ сыномъ Чехини: если Вышеславъ былъ старшій, то долженъ былъ родиться отъ перваго брака Владимірова, заключеннаго или въ Новгородѣ или во время пребыванія Владиміра въ Скандинавіи, когда ему было лѣтъ 18; но странно, что Чехиня зашла такъ далеко на сѣверъ; Іоакимовская лѣтопись и здѣсь объясняетъ дѣло удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называетъ Оловою, женою Варяжскою ²⁸³. Потомъ слѣдуетъ сынъ Рогнеды, Изяславъ, получившій волость дѣда своего по матери, Полоцкѣ. Тотчасъ послѣ брака на Рогнедѣ Владиміръ женился на вдовѣ брата своего Ярополка, и потому рожденнаго отъ послѣдней Святополка имѣемъ право поставить въ третьихъ послѣ Вышеслава и Изяслава; этотъ Святополкъ получилъ Туровскую волость, и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшимъ въ родѣ, на что ясно указываютъ слова Св. Бориса:

« Не подниму я рукъ на брата старшаго ²⁸⁴. » За Святотополкомъ мы должны дать мѣсто Ярославу, также, по лѣтописангь, сыну Рогнѣды; Ярославъ получилъ сперва Ростовъ, а потомъ, по смерти старшаго Вышеслава, переведенъ въ Новгородъ. — Этотъ переводъ Ярослава въ Новгородъ мимо старшаго Святотополка Туровскаго объясняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святотопокъ въ это время былъ подъ гнѣвомъ отца и даже въ заключеніи. Всеволодъ, также сынъ Рогнѣды, получилъ Владиміръ Волынской; Святославъ и Мстиславъ, которыхъ мать въ начальной Кіевской лѣтописи названа Чехинею другою, въ отличіе отъ мнимой матери Вышеслава ²⁸⁵, получили — первый землю Древлянскую, второй Тмутаракань. Мать Святослава Іоакимовская лѣтопись называетъ Малфридою; что это имя одной изъ женъ Владиміровыхъ не вымышлено, доказательствомъ служить извѣстіе начальной Кіевской лѣтописи подъ 1002 годомъ о смерти Малфриды, которая здѣсь соединена съ Рогнѣдою ²⁸⁶; мать же Мстислава Іоакимъ называетъ Аделью или Адилью. Второго сына Адели, Станислава этотъ же лѣтописецъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, отсылаетъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ ²⁸⁷. Теперь остается опредѣлить мать и возрастъ Бориса и Глѣба. Въ начальной Кіевской лѣтописи матерью ихъ названа Болгарыня, волостью перваго Ростовъ, втораго Муромъ. Но ясно, что здѣсь упоминается уже второе распоряженіе, потому что при первомъ распредѣленіи волостей Ростовъ былъ отданъ Ярославу; поэтому въ нѣкоторыхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ у Татищева, прибавлено ²⁸⁸, что сначала Борисъ получилъ Муромъ, а Глѣбъ Суздаль. Не смотря на это, молчаніе древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ ихъ молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвизда ведетъ насъ къ заключенію, что во время первой разсылки сыновей Владиміровыхъ по волостямъ, всѣ эти князья или были очень малы, или нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, еще не родились ²⁸⁹. Любопытно, что въ лѣтописи Іоакима матерью Бориса и Глѣба названа Анна Царевна, при чемъ Татищевъ соглашается

свидѣтельство Кіевскаго лѣтописца о Болгарскомъ происхожденіи матери Борисовой гѣмъ, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою Императоровъ Василя и Константина, которыхъ тетка, дочь Романа была въ супружествѣ за царемъ Болгарскимъ ²⁹⁰. Если бѣ такъ было, то для насъ уяснилось бы предпочтеніе, которое оказывалъ Владиміръ Борису, какъ сыну царевны и рожденному въ Христіанскомъ супружествѣ, на которое онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведеніе Ярослава, который, считая себя при невгодѣ Святополка, старшимъ, и видя предпочтеніе, которое оказывалъ отецъ Борису, не хотѣлъ быть посадникомъ послѣдняго въ Новгородѣ, и потому спѣшилъ объявить себя независимымъ. Какъ бы то ни было, Борисъ единогласно описывается челоѣкомъ въ самой цвѣтущей юности: «аки цвѣтъ въ юности своей..... брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще.» Если предположимъ, что онъ былъ первымъ плодомъ брака Владимірова съ Анною, то въ годъ отцовой смерти ему было 25 лѣтъ; но по описанію можно судить, что онъ былъ гораздо моложе. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Борисъ свѣтился царски, желая, быть-можетъ, указать на его царственное происхожденіе по матери. Отецъ любилъ его болѣе другихъ сыновей и держалъ при себѣ, въ чемъ видно было намѣреніе передать ему старшій столъ Кіевскій. Мы должны сказать также нѣсколько словъ о волостяхъ сыновей Владиміровыхъ; сравнивъ эти волости съ волостями сыновей Ярославовыхъ, мы замѣчаемъ, что такъ какъ у Владиміра было вдвое болѣе сыновей, чѣмъ у Ярослава, то и волости первыхъ должны быть гораздо болѣе размельчены: Новгородская волость была раздѣлена на двѣ — Новгородскую и Псковскую; здѣсь начало отдѣленія Пскова отъ Новгорода. Ростовъ является самостоятельнымъ столомъ, Муромъ также; въ Кіевскомъ княжествѣ являются двѣ особыя волости — Древлянская земля и Туровъ. Но странно, что размельчая такъ волости на сѣверѣ и западѣ, Владиміръ не далъ волостей на востокъ отъ Днѣпра, ибо не упоминается ни о Черниговѣ, ни о Переяславлѣ, какъ особыхъ волостяхъ. Мстиславъ сидѣлъ въ

Тугоракани, но Черниговъ не могъ принадлежать ему, онъ его завоевалъ въ послѣдствіи уже при Ярославѣ.

Владиміръ умеръ на Берестовѣ; окружающіе скрыли его смерть, потому что Святополкъ былъ въ Кіевѣ; и въ ночь уже, продавъ полъ между двумя клѣтми, на канатахъ спустили на землю тѣло, обвернутое въ коверъ, положили на сани, привезли въ Кіевъ, и поставили въ Десятинной церкви. Когда въ городѣ узнали объ этомъ, то безчисленное множество народа собилось въ церковь, и начали плакаться по немъ — знатные²⁹¹, какъ по заступникъ земли своей, убогіе какъ о заступникъ и кормилецъ своемъ; положили тѣло въ мраморный гробъ, и съ камнемъ похоронили. По всѣмъ вѣроятностямъ, хотѣли утаить смерть Владиміра для того, чтобъ Святополкъ узналъ объ ней не прежде гражданъ Кіевскихъ, ибо тогда ему труднѣе было вѣстовать. Какъ скоро въ Кіевѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ Владиміра, то Святополкъ сѣлъ на отцовскомъ мѣстѣ, созвалъ князей и началъ раздавать имъ подарки — это уже служило знакомъ, что онъ боится соперничества и желалъ приобрести расположение гражданъ; граждане принимали подарки, говорили лѣтописецъ, но сердце ихъ не было съ Святополкомъ, потому что братья ихъ находились на войнѣ съ Борисомъ. Слѣд. граждане были равнодушны; они опасались одного, что какъ вдругъ братья ихъ провозгласятъ княземъ Бориса, а Святополкъ потребуетъ отъ нихъ помощи противъ послѣдняго? ихъ пугало это междоусобіе. Борисъ, не нашедши Печенѣговъ, былъ уже на возвратномъ пути, и стоялъ на рѣкѣ Альтѣ, когда пришла къ нему вѣсть о смерти отцовской. Бывшая съ Борисомъ дружина Владимірова, бояре, старые думцы предпочитали Бориса всѣмъ его братьямъ, потому что онъ постоянно находился при нихъ, привыкъ съ ними думать думу, тогда какъ другіе князья привели бы съ собой другихъ любимцевъ, что и сдѣлалъ Святополкъ, если обратимъ вниманіе на намекъ лѣтописца о поведеніи послѣдняго: «Лютъ бо граду тому, въ немъ же князь уи, любяи вино пити съ гуслями и съ младыми совѣтниками.» Вотъ почему отцовская дружина уговаривала Бориса идти на столъ

Кіевскій; но молодой князь отвѣчалъ, что не подниметь руки на старшаго брата, который будетъ ему вмѣсто отца: тогда войско разошлось, оставя Бориса съ малымъ числомъ приближенныхъ слугителей. Святополкъ очень хорошо понималъ опасность, могущую грозить ему со стороны Бориса, и потому на первыхъ порахъ хотѣлъ и съ нимъ поступить также какъ съ гражданами, послалъ сказать ему, что хочетъ имѣть съ нимъ любовь, и придастъ еще къ волости, которую тотъ получилъ отъ отца; узнавъ же, что войско разошлось отъ Бориса, онъ рѣшился на убійство послѣдняго. Мы не станемъ объяснять этого поступка Святополкова желаніемъ отомстить за смерть отца своего Ярополка, во первыхъ уже потому, что это объясненіе кажется намъ натянутымъ само по себѣ; во вторыхъ основывается на странномъ толкованіи словъ лѣтописца, который, желая объяснить себѣ звѣрскій поступокъ Святополка, предполагаетъ, что онъ былъ отъ двоихъ отцовъ, тогда какъ кромѣ этого предположенія нѣтъ въ разсказѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобъ Святополкъ не былъ сыномъ Владиміра; вводитъ какое-то усыновленіе для предотвращенія мести странно, когда мы знаемъ, что дядя безъ всякаго усыновленія считался отцомъ племяннику; потомъ еще новое предположеніе, что это усыновленіе охраняло Владиміра отъ мести, но не охраняло отъ нея сыновей его и проч.! Давняя ненависть Святополка къ Борису, какъ сопернику, которому отецъ хотѣлъ оставить старшій столъ мимо его; явное расположеніе дружины и войска къ Борису, который могъ воспользоваться имъ при первомъ случаѣ, хотя теперь и отказался отъ старшинства; наконецъ что, быть-можетъ, важнѣе всего, примѣръ сосѣднихъ государей, съ однимъ изъ которыхъ Святополкъ находился въ тѣсной связи, объясняютъ какъ нельзя легче поведеніе Святополка: вспомнишь, что незадолго предъ тѣмъ въ сосѣднихъ Славянскихъ странахъ—Богеміи и Польшѣ обнаружилось стремленіе старшихъ князей отдѣлываться отъ родичей насильственными средствами; первымъ дѣломъ Болеслава Храбраго Польскаго, по восшествіи на престолъ, было изгнаніе младшихъ братьевъ, ослѣпленіе другихъ

родичей; первомъ дѣломъ Болеслава Рыжаго въ Богеміи—было склоненіи одного брата, покушеніе на жизнь другаго, а Святополкъ былъ зять Болеслава Польскаго; почему же то, что объясняется само собою въ Польской и Чешской исторіи, въ Русской требуетъ для своего объясненія какого-то кодекса родовыхъ правъ?

Автописецъ такъ рассказываетъ объ убіеніи Бориса. Святополкъ ночью пришелъ въ Вышгородъ, тайно призвалъ какого-то Путшу и Вышегородскихъ боярцевъ — Тальца, Еловита и Лешька, и спросилъ ихъ: «привержены ли они къ нему всѣмъ сердцемъ»? Путша съ Вышегородцами отвѣчали: «можемъ головы свои сложить за тебя». Тогда онъ сказалъ имъ: «не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса». Тѣ обѣщались исполнить его желаніе какъ можно скорѣе. Здѣсь останавливаетъ насъ одно обстоятельство: почему Святополкъ обратился къ Вышегородскимъ боярцамъ съ предложеніемъ убить Бориса? Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что, по освобожденіи изъ темницы, Владиміръ уже не отдалъ Святополку волости Туровской, какъ ближайшей къ границамъ Польскимъ, а посадилъ его гдѣ-нибудь подлѣ Кіева, чтобъ удобнѣе наблюдать за его поведеніемъ, и что новая волость была именно Вышгородъ, куда теперь Святополкъ и обратился къ старымъ своимъ слугамъ, которые были готовы сложить за него свои головы.

Путша съ товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши къ шатру Борисову, услышали, что князь поетъ заутреню: не смотря на осторожность, Святополкъ не могъ утаить своихъ замысловъ, и Борисъ зналъ, что собираются погубить его. Убійцы дождались, пока князь, помолившись легъ въ постель, и тогда бросились на шатеръ, начали тыкать въ него копьями, пронзили Бориса и вмѣстѣ слугу его, который хотѣлъ защитить господина собственнымъ тѣломъ; этотъ отрокъ былъ родомъ Венгръ, именемъ Георгій; Борисъ его очень любилъ и далъ ему большую золотую гривну, въ которой тотъ и служилъ ему; убили тутъ же и другихъ многихъ отроковъ

Борисовыхъ, а у этого Георгія отсѣкли голову, потому что не могли скоро снять гривны съ шеи; Бориса, еще дышавшаго, убійцы завернули въ шатерное полотно, положили на возъ и повезли; но Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, послалъ двухъ Варяговъ прикончатъ его, что тѣ и сдѣлали, пронзивъ его мечемъ въ сердце; тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ, и положили въ церкви Св. Василя. За этотъ убійство слѣдовало другое; у Бориса оставался единоутробный братъ Глѣбъ, сидѣвшій въ Муромѣ. «Бориса я убилъ; какъ бы убить Глѣба?» говоритъ Святополкъ въ разсказѣ летописца; но Глѣбъ былъ далеко, и потому Святополкъ послалъ сказать ему: «пріѣзжай поскорѣй сюда: отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ». Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиною. Когда онъ пришелъ на Волгу, къ устью Тмы, то конь его споткнулся на полѣ во рвѣ и намялъ ему немного ногу; послѣ чего князь пришелъ къ Смоленску; отсюда поплылъ въ баркѣ и остановился въ виду города на Смядинѣ. Въ это время настигъ его посланный отъ брата Ярослава изъ Новгорода: «Не ходи, велѣлъ сказать ему Ярославъ: отецъ умеръ, а брата твоего Святополкъ убилъ». Глѣбъ сильно тужилъ по отцѣ, но еще больше по братѣ. Между тѣмъ явились и убійцы, посланные отъ Святополка; они овладѣли Глѣбовою баркою, и обнажили оружіе; Глѣбовы отроки потеряли духъ; тогда главный изъ убійцъ Горястръ велѣлъ немедленно зарѣзать Глѣба, что и было исполнено поваромъ послѣдняго; этого повара звали Торчинъ: имя указываетъ на происхожденіе. Сперва тѣло Глѣба бросили на берегъ между двумя колодами, потомъ свезли въ Вышгородъ и положили вмѣстѣ съ братомъ, уже въ княженіе Ярослава²⁹². Страдальческая кончина и прославленіе двухъ братьевъ-друзей не остались безъ сильнаго вліянія въ послѣдующей исторіи. Русская земля и преимущественно родъ княжескій пріобрѣли святыхъ покровителей «молитвенниковъ за новыя люди христіанскія и сродники своя, земля благословила ихъ кровію!» Но кто же эти новыя свѣтильники? это два князя, погибшіе

отъ роднаго брата, который хотѣлъ единовластія! Можно думать, что святость Бориса и Глѣба и проклятіе, тяготѣвшее надъ Святополкомъ, не разъ удерживали въ послѣдствіи братоубійственныя руки; мы увидимъ, какъ послѣ стѣсненный князь останавливалъ притѣснителя напоминаніемъ, что онъ хочетъ быть вторымъ Святополкомъ. Святые Борисъ и Глѣбъ и проклятый убійца ихъ Святополкъ были безпрестанно въ памяти князей, и разумѣется, духовенство не пропускало случая напоминать имъ объ нихъ²⁹³. Съ другой стороны, Борисъ палъ жертвою уваженія къ родовымъ понятіямъ, погибъ отъ того, что не хотѣлъ поднять руки на старшаго брата, и своею смертію освятилъ эти родовыя понятія: примѣръ его долженъ былъ сдерживать попытки младшихъ пользоваться обстоятельствами и вооружаться противъ старшихъ для отнятія у нихъ этого старшинства²⁹⁴.

Ближайшій къ Кіеву князь, Святославъ, сидѣвшій въ землѣ Древланской, узнавъ о гибели Бориса и Глѣба, не сталъ спокойно дожидаться такой же участи, и бѣжалъ въ Венгрію; но Святополкъ послалъ за нимъ въ погоню, и Святославъ былъ убитъ въ Карпатскихъ горахъ. Тогда, по словамъ лѣтописца, Святополкъ началъ думать: «Перебью всѣхъ братьевъ, и приму одинъ всю власть на Руси.» Но гроза пришла на него съ сѣвера. Ярославъ Новгородскій для защиты отъ отца призвалъ къ себѣ заморскихъ Варяговъ; тѣ стали обижать Новгородцевъ и женъ ихъ: тогда Новгородцы встали и перебили Варяговъ на дворѣ какого-то Парамона. Ярославъ разсердился и задумалъ отомстить хитростію главнымъ изъ убійцъ; онъ послалъ сказать имъ, что на нихъ не сердится болѣе, позвалъ ихъ къ себѣ и велѣлъ умертвить; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, убито было 1000 человекъ, а другіе убѣжали. Но въ ту же ночь пришла къ нему вѣсть изъ Кіева отъ сестры Предславы: «Отецъ умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, послалъ и на Глѣба, берегись его.» Ярославъ сталъ тужить по отцѣ, по братѣ и по Новгородцамъ, которыхъ перебилъ вовсе не во время. На другой день онъ собралъ остальныхъ Новгородцевъ

на вѣче въ погѣ и сказалъ: «Ахъ, любимая моя дружина, что вчера избилъ, а нынче была бы надобна, золотомъ бы купишь», и утерши слезы, продолжалъ: «отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и убиваетъ братьевъ, помогите мнѣ на него.» Новгородцы отвѣчали: «Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако можемъ по тебѣ бороться.» Причину такого рѣшенія Новгородцевъ объяснить легко. Предпріятіе Ярослава противъ Владиміра было въ выгодѣ Новгородцевъ, освобождавшихся отъ платежа дани въ Кіевъ: отказаться помочь Ярославу, принудить его къ бѣгству, значило возобновить прежнія отношенія къ Кіеву, принять опять посадника Кіевского князя, простаго мужа, чего очень не любили города, а между тѣмъ Ярославъ, если убѣжитъ, то можетъ возвратиться съ Варягами, какъ Владиміръ прежде, и уже конечно не будетъ благосклоненъ къ гражданамъ, выгнавшимъ его отъ себя, тогда какъ въ случаѣ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ, они были въ правѣ ожидать, что Ярославъ не заставитъ ихъ платить дани въ Кіевъ, уже потому, что самъ прежде отказался платить ее. Что же касается до поступка Ярославова съ убійцами Варяговъ, то мы должны смотрѣть на его слѣдствія по отношеніямъ и понятіямъ того времени: изъ лѣтописнаго разсказа мы видимъ уже всю неопредѣленность этихъ отношеній: Новгородцы ссорятся съ Варягами; дѣло доходитъ до драки, въ которой граждане бьютъ Варяговъ, князь хитростію зазываетъ къ себѣ виновниковъ убійства и бьетъ ихъ въ свою очередь. Въ понятіяхъ Новгородцевъ слѣд. все это было очень естественно, и потому трудно было имъ за это много сердиться; у насъ нѣтъ никакого основанія принимать убійство Варяговъ за дѣло цѣлаго города. это была частная ссора и схватка, на что указываетъ опредѣленіе мѣста — дворъ Парамоновъ; число жертвъ мести Ярославовой явно преувеличено: трудно было обманомъ зазвать такое количество людей, еще труднѣе перерѣзать ихъ безъ сопротивленія въ оградѣ княжескаго двора; мы видимъ, что не всѣ знатные Новгородцы были перерѣзаны, оставались бояре и старосты, которые послѣ собираютъ деньги для найма Варяговъ.

Отвѣчали на вѣщъ тѣ, которые остались въ живыхъ; остались въ живыхъ тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, а тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, были по этому самому равнодушны къ дѣлу. Поступокъ Ярослава былъ совершенно въ понятіяхъ того времени: князь долженъ былъ какиниъ бы то ни было способомъ схватить убійцъ Варяжскихъ и отдать ихъ на мѣсть Варягамъ, родственникамъ убитыхъ. И такъ если это было частное дѣло и обыкновенное, то цѣлому городу не для чего было много обращать на него вниманія; Ярославъ жалѣеть не о томъ, что перебилъ Новгородцевъ, но о томъ только, что этимъ убійствомъ отнялъ у себя воиновъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ были ему очень нужны, и Новгородцы отвѣчаютъ въ этомъ же смыслѣ: «хотя наши братья и перебиты, но у насъ все еще достаточно народа, чтобъ биться за тебя.» И этотъ отвѣтъ можетъ также служить объясненіемъ дѣлу: откажись Новгородцы сражаться за Ярослава, онъ принужденъ былъ бы призвать новыя толпы Варяговъ, слѣд. Новгородцы должны были подвергнуться новымъ неприятностямъ со стороны послѣднихъ, и потому они предпочитаютъ уже сами идти съ Ярославомъ на Святополка. Сюда должно прибавить, что поведеніе Святополка также не могло возбудить къ нему расположенія въ гражданахъ: съ Ярославомъ легко было помириться; Новгородцы разсердились на Варяговъ и побили ихъ, Ярославъ имѣлъ полное право разсердиться на Новгородцевъ за это и перебить ихъ — дѣло обоюдное; но трудно было доброжелательствовать князю, который началъ свое правленіе убійствомъ родныхъ братьевъ. Впрочемъ это мѣсто лѣтописи нуждается еще въ другомъ объясненіи: почему Ярославъ такъ испугался слѣдствій своего поступка съ Новгородцами? для чего такъ жалѣлъ объ избитіи дружины? вѣдь она была нужна ему и прежде, ибо онъ готовился къ войнѣ съ отцемъ; для чего же онъ не подумалъ объ этомъ прежде убіенія Новгородцевъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ зналъ о медленныхъ сборахъ Владимира, о его болѣзни, которая мѣшала ему спѣшить походомъ, могъ надѣяться на борьбу Святополка съ Борисомъ, которая надолго

Исторіи Россіи Т. I. 10

оставила бы его въ покой. Но теперь дѣла перемѣнились: Владиміръ умеръ, Святполкъ началъ княжить, убилъ Бориса, посылалъ убить Глѣба, хочетъ бить всѣхъ братьевъ, подобно соседнимъ государямъ; опасность слѣд. наступила страшная для Ярослава; сестра писала: берегись; оставаться въ бездѣйствіи значило жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ убійцы, нужно было или бѣжать за море, или выступить немедленно противъ Святполка, предупредить его; однимъ словомъ, поступить по призыву отца своего Владиміра.

Послѣ того какъ Новгородцы рѣшились выступить въ походъ, Ярославъ собралъ оставшихся у него Варяговъ, по однимъ извѣстіямъ тысячу, по другимъ шесть тысячъ, да Новгородцевъ 40,000, и пошелъ на Святполка, призвавши имя Божіе; онъ говорилъ: «не я началъ избивать братьевъ, но Святполкъ; да будетъ Богъ отмстникъ крови братьевъ моихъ, потому что безъ вины пролита кровь праведныхъ Бориса и Глѣба; пожалуй и со мной тоже сдѣлаешь.» Мы слышимъ здѣсь тѣже самыя слова, которые лѣтописецъ влагаетъ и въ уста Владиміру, шедшему противъ Ярополка, съ тѣмъ только различіемъ, что христіанинъ Ярославъ призываетъ Бога въ мстители неповинной крови и отдаетъ свое дѣло на судъ Божій. Святполкъ, узнавъ, что Ярославъ идетъ на него, собралъ множество войска изъ Руси и Печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу; онъ сталъ по ту сторону Днѣпра, а Ярославъ по эту. Ярославъ безъ сомнѣнія прибылъ въ лодкахъ, а Святполкъ пришелъ изъ-за Дѣсны съ Печенѣгами. Въ третій разъ Днѣвръ видѣлъ враждебное движеніе сѣверной Руси на южную; оба первые раза при Олегѣ и Владиміръ сопротивленія было мало со стороны юга, но теперь онъ собралъ свои силы, и какъ сѣверъ явился съ естественными своими союзниками Варягами, такъ югъ соединился съ Печенѣгами. Три мѣсяца, а по другимъ извѣстіямъ только три недѣли ²⁹⁵ стояли враги по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; и тѣ, ни другіе не смѣли перевестись и напасть. Былъ въ то время обычай поддразнивать враговъ, чтобъ побудить ихъ начать дѣло къ своей невыгодѣ: видя, что главная сила Ярослава

состояла изъ Новгородцевъ, горожанъ и сельчанъ, воевода Святополкъ²⁹⁶, вѣдь подлѣ берега, бранилъ Новгородцевъ, называлъ ихъ ремесленниками, а не воинами. «Эй вы плотники, кричалъ онъ имъ, за чѣмъ пришли сюда съ хромимъ своимъ княземъ? вѣтъ мы васъ застаимъ рубить намъ хоромы.» Новгородцевъ сильно разсердился насмѣшнѣ, и они скавали Ярославу: «завтра перевеземъ на нихъ, а если кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ.»

Въ лагерѣ у Святополка Ярославъ имѣлъ пріятеля, къ которому послалъ ночью спросить «что дѣлать? меду мало варено, а дружины много;» тотъ отвѣчалъ, что пусть Ярославъ къ вечеру отдастъ медъ дружинѣ; Новгородскій князь догадался, что ночью должно сдѣлать нападеніе. Была заморозъ; Святополкъ стоялъ между двумя озерами, и всю ночь пилъ съ дружиною; а Ярославъ передъ разсвѣтомъ исполнилъ свое войско, и перевезся на другой берегъ, при чемъ Новгородцы, высадившись изъ лодокъ, оттолкнули ихъ отъ берега, чтобъ отнять у себя всякую возможность къ побѣгу; Ярославъ приказалъ дружинѣ повязать головы платками, чтобъ въ сѣтъ узнавать своихъ. Враги сошлись, была сѣча злая; Печенѣги, стоявшіе за озеромъ не могли помочь Святополку, который былъ притиснутъ съ своею дружиною къ озеру, принужденъ вступить на ледъ, ледъ обломился, и Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ, проживя на сѣверѣ 28 лѣтъ²⁹⁷. Новгородцы были отпущены домой и одѣлены щедро: старосты получили по 10 гривенъ, смерды по гривнѣ, а горожане всѣ по 10).

Но Святополкъ былъ живъ, и потому Ярославъ не могъ успокоиться. Для Болеслава Польскаго открылись такіе же теперѣ выды на востокъ, какіе онъ имѣлъ прежде на западъ; на Руон, какъ прежде у Чеховъ, семейные раздоры приглашали его къ посредничеству и къ утверженію своего вліянія, гнѣвъ болѣе, что теперѣ Болеславъ долженъ былъ помочь своему зятю. Онъ воспользовался благоприятнымъ случаемъ: по

его наущенію Печенѣги напали на Кіевъ: подѣ самымъ городомъ была злая сѣча; едва къ вечеру Ярославъ могъ прогнать варваровъ ²⁹⁸. Съ своей стороны, Ярославъ выступилъ къ Польскимъ границамъ, заключивъ союзъ съ врагомъ Болеславовымъ, Императоромъ Генрихомъ II-мъ; но походъ Русскаго князя кончился неудачною осадю Бреста²⁹⁹; походъ Императора противъ Болеслава также не удался, онъ принужденъ былъ заключить съ нимъ миръ, и желая избавиться отъ опаснаго врага, обратить его дѣятельность на востокъ, самъ совѣтовалъ ему вооружиться противъ Русскаго Князя. Въ 1017 году Болеславъ выступилъ въ походъ, усиливъ свое войско 300 Нѣмцевъ, 500 Венгровъ, и 1000 Печенѣговъ, и 22 Юля достигъ береговъ Буга, раздѣлявшаго Польскія владѣнія отъ Русскихъ; Ярославъ ждалъ его на другомъ берегу съ Русью (жителями южной Руси), Варягами и Славянами (Новгородцами). Здѣсь повторилось тоже явленіе, какое видѣли на берегахъ Днѣпра у Любеча; воевода Ярославовъ Будый, взидъ по берегу, началъ смѣяться надъ Болеславомъ; онъ кричалъ ему: «вотъ мы тебѣ проткнемъ палкою брюхо твое толстое!». Былъ Болеславъ, говорить летопись, великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ съ трудомъ могъ сидѣть; но за то былъ смѣшленъ. Не вытерпѣвъ онъ насмѣшки, и обратившись къ дружинѣ своей, сказалъ: «если вамъ это ничего, такъ я одинъ погибну» — сѣлъ на коня, и бросился въ рѣку, а за нимъ и все войско. Полки Ярослава, вовсе не ожидая такого внезапнаго нападенія, не успѣли приготовиться и обратились въ бѣгство; Ярославъ ушелъ въ Новгородъ только самъ—пять; а Болеславъ съ Святополкомъ почти безпрепятственно вошли въ Кіевъ, 14 Августа³⁰⁰. Въ городѣ нашли они мачиху, жену и сестеръ Ярославовыхъ, изъ которыхъ за одну (Преславу) сватался прежде Болеславъ, получилъ отказъ и теперь въ отищеніе взялъ еѣ къ себѣ въ наложницы³⁰¹. Часть своего войска онъ отпустилъ назадъ, другую велѣлъ развести по Русскимъ городамъ на покорѣ. Но и въ Кіевѣ повторились тѣ же явленія, какія мы видѣли въ Прагѣ у Чеховъ, и, какъ видно,

но тѣмъ же причинамъ. Русскіе вооружились противъ Поляковъ и стали убивать ихъ; лѣтописецъ приписываетъ это приказу Сватополка, но очень вѣроятно извѣстіе³⁰², что Поляки вели себя и на Руси также, какъ въ Богеміи, и возбудили противъ себя возстаніе; очень вѣроятно также, что и Сватополкъ, наскучивъ непріятнымъ гостемъ, слишкомъ долго заживнился въ Кіевѣ на его счетъ, не былъ противъ народной вѣсти Полякамъ. Это заставило Болеслава уйти изъ Кіева; примѣръ Чешскихъ событій научилъ его быть осторожнѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ: половину войска онъ отослалъ домой, разосланные по Русскимъ городамъ Поляки истреблены, трудно было противиться, если бы вспыхнуло возстаніе; притомъ же вѣроятно онъ слышалъ уже о новыхъ приготовленіяхъ Ярослава. Но Болеславъ ушелъ не безъ выгоды: онъ захватилъ себѣ все имущество Ярослава, къ которому приставилъ Анастаса: хитрый Грекъ умѣлъ подольститься къ каждому сильному и мѣнялъ отечество, смотря по выгодамъ; Болеславъ ему ввѣрился лестью, говоритъ лѣтопись. Польскій Князь повелъ также съ собою бояръ Ярославовыхъ, двухъ сестеръ его, и множество плѣнниковъ взятыхъ въ бою³⁰³, на дорогѣ Болеславъ захватилъ и Червенскіе города, приобрѣтеніе Владиміра Св.; впрочемъ вѣроятно, что эти города были уступлены ему Сватополкомъ въ награду за помощь.

Между тѣмъ Ярославъ, явившись въ Новгородъ безъ войска, хотѣлъ бѣжать за море; но граждане вмѣстѣ съ посадникомъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, разсѣкли княжескія лодки, приготовленныя для бѣгства, и объявили: «хотимъ еще битися съ Болеславомъ и Сватополкомъ.» Такая рѣшительность понятна: имъ нечего было теперь ожидать хорошаго отъ Сватополка, а защищаться отъ него безъ князя было также невыгодно. Они начали собирать деньги—съ простаго человѣка по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ, съ бояръ по 18 гривенъ, привели Варяговъ, дали имъ эти деньги, и такимъ образомъ у Ярослава набралось много войска³⁰⁴, и онъ двинулся противъ Сватополка; тотъ былъ разбитъ, бѣжалъ къ

Песенъгаиъ, и привелъ огромныя толпы ихъ противъ Ярослава въ 1019 году. Ярославъ вышелъ навстрѣчу, и сѣхалъ на рѣкѣ Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Мѣсто благопріятствовало Ярославу по воспоминанію о преступленіи Святоника; летописецъ говоритъ, что Ярославъ молилъ Бога объ отмщеніи новому Канну. Онъ же говоритъ, что свѣча была зла, какой еще не бывало на Руси; свѣчилось схватываясь руками, трижды сходившись биться, по удельямъ текла кровь ручьями; къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святоникъ бѣжалъ въ пограничный польскій городъ Брестъ, гдѣ, вѣроятно, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ; по скандинавскимъ преданіямъ, онъ палъ отъ руки Варяга Эймунда, служившаго въ войска Ярослава, а по русскимъ, погибъ злою смертію въ пустыни между Польшею и Богеміею³⁰⁶. Ярославъ съѣлъ въ Кіевѣ, утерпѣвъ съ дружиною, по выраженію летописца, показавъ побѣду и трудъ великій.

Такимъ образомъ отъверное народонаселеніе въ четвертый разъ доставило побѣду своему князю надъ югомъ. Съ Святоникомъ дѣло было кончено; но были еще другія братья и родственники у Ярослава; изъ 12 сыновей Владиміра въ живыхъ оставались теперь только Ярославъ, Мстиславъ, Судиславъ, да племянникъ Брячиславъ, сынъ Изяслава Полоцкаго. Соперниковъ у Ярослава по старшинству не могло быть: Брячиславъ Полоцкій, хотя внукъ отъ старшаго сына Владимірова, никогда не могъ надѣяться на старшинство, потому что отецъ его умеръ, не будучи старшимъ; Мстиславъ и Судиславъ были младшіе братья Ярославу; но всѣ они, какъ члены одного рода, имѣли право на равное распределеніе волостей; мы увидимъ, что до самаго прекращенія родовыхъ отомщеній между князьями, младшіе изъ нихъ настаиваютъ на право общаго наследства всѣхъ родичей послѣ каждаго умершаго князя, то есть, на новое распределеніе волостей; теперь 8 сыновей Владиміра умерло, и старшій изъ живыхъ Ярославъ не далъ изъ нихъ волостей ничего младшимъ. Имъ надобно было самимъ поискать, какъ обыкновенно выражались князья,

и вотъ явился опасный искатель волостей съ юговостока, мвѣ Ткуторакани, Мстиславъ. Изъ всѣхъ сыновей Владимира Мстиславъ больше другихъ похожъ былъ на дѣда своего Святослава, былъ князь-вождь дружины по преимуществу; жизнь ли въ Ткуторакани и постоянная борьба съ окрестными варварскими народами развила такой характеръ въ Мстиславѣ, или уже волость приходилась по праву — Мстиславъ явился богатыремъ, который любилъ только свою дружину, ничего не щадилъ для нея, до остальнаго же народонаселенія ему не было дѣла. Онъ былъ славенъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ князь богатырь, единоборецъ. Однажды, говоритъ летописецъ, пошелъ онъ войною на Касоговъ; Касожскій князь Редедя вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ и оказалъ ему: «за чѣмъ губить дружину, схватимся мы сами бороться; одолѣешь ты, возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей и землю мою; — я одолѣю, возьму все твое.» Мстиславъ согласился, и сталъ бороться съ Редедю; борались крѣпко и долго, Редедя былъ великъ и силенъ. Мстиславъ уже началъ измогать, и видя бѣду, сказалъ: «Пречистая Богородица! помоги мнѣ; если я его одолѣю, то острою церковь въ твое имя.» Сказавши это, онъ ударилъ Редедю объ землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его, потомъ пошелъ въ его землю, взялъ его имѣніе, жену, дѣтей, и наложилъ дань на Касоговъ. Обѣтъ былъ также исполненъ: церковь Богородицы, построенная Мстиславомъ, стояла въ Ткуторакани еще во времена летописца. Такой то князь, въ 1023 г. явился въ Русскихъ предѣлахъ искать волостей послѣ умершихъ братьевъ; говорятъ, что онъ уже и прежде требовалъ ихъ у Ярослава, и тотъ давалъ ему Муромъ, но Мстиславу было этого мало. Ярославъ былъ въ Новгородѣ, когда Мстиславъ пришелъ къ Кіеву; Кіевляне однако не приняли его, и онъ принужденъ былъ съѣсть въ Черниговѣ. Между тѣмъ Ярославъ, утравившись на Сѣверѣ, волнуемомъ остатками единства, послалъ по заморскихъ Варяговъ, и къ нему пришелъ слѣпой Якутъ съ дружиною. Ярославъ отправился съ Якутомъ на Мстислава, и встрѣтился съ нимъ у Листвена³⁰⁷.

Мстиславъ съ вечера исполнилъ свое войско: поставилъ Сѣверянъ въ срединѣ прѣтивъ Варяговъ Ярославовыхъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ. Ночь была темная и бурная, съ дождемъ и грозою; Мстиславъ сказалъ дружинѣ: «пойдемъ на нихъ»; Сѣверяне сошлись съ Варягами, и когда Варяги уже истомились въ битвѣ съ Сѣверянами, то Мстиславъ вдругъ напалъ на нихъ съ своею свѣжею дружиною; битва усилилась: какъ блеснетъ молнія, такъ и освѣтитъ оружіе; и гроза была велика, и сѣча сильная и страшная, по словамъ лѣтописи. Наконецъ Ярославъ побѣжалъ съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ: онъ пришелъ въ Новгородъ, а Якунъ пошелъ за море, потерявши у Листвена и золотую свою луду, или верхнюю одежду³⁰⁸. Утромъ, на другой день битвы, Мстиславъ объѣхалъ поле, и сказалъ своимъ: «какъ не порадоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ³⁰⁹, а дружина моя цѣла.» Эта дружина состояла изъ Козаръ и Касоговъ!

Не смотря на побѣду, Мстиславъ не хотѣлъ добывать Кіевъ мимо старшаго брата; онъ послалъ сказать Ярославу: «сиди въ своемъ Кіевѣ, ты старшій братъ, а мнѣ будетъ эта сторона,» т. е. восточный берегъ Днѣпра. Но Ярославъ не смѣлъ идти въ Кіевъ на этотъ зовъ и держалъ тамъ своихъ посадниковъ, а самъ жилъ въ Новгородѣ. Только въ слѣдующемъ 1025 году, собравши большое войско, пришелъ онъ къ Кіеву и заключилъ миръ съ Мстиславомъ у Городца³¹⁰; братья раздѣлили Русскую землю по Днѣпру, какъ хотѣлъ Мстиславъ: онъ взялъ себѣ восточную сторону съ главнымъ столомъ въ Черниговѣ, а Ярославъ западную съ Кіевомъ. «И начали жить мирно, въ братолюбствѣ, говоритъ лѣтопись, перестала усобица и мятель, и была тишина великая въ землѣ.»

Въ 1032 году умеръ сынъ Мстислава, Евстаеій, которая имя странно выдается между славянскими именами князей, а въ 1035 году умеръ и самъ Мстиславъ на охотѣ: лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ дебелъ тѣломъ, красноватъ лицомъ, съ большими глазами, храбръ на рати, милостивъ, очень любилъ дружину; имѣнья, питья и кушанья не щадилъ для нея. Видно,

что этотъ князь своимъ богатырствомъ поразилъ вниманіе народа, и долго жилъ въ его памяти; ни объ одномъ изъ князей въ дошедшихъ до насъ спискахъ не встрѣчаемъ мы такихъ подробностей, на примѣръ о наружномъ видѣ.

По смерти Мстислава, Ярославъ взялъ всю его волость, и былъ самовластцень въ Русской землѣ, по выраженію лѣтописца. Но видно Судиславу Псковскому не нравилось, что Ярославъ не дѣлится съ нимъ выморочными волостями братьевъ, или, по крайней мѣрѣ, Ярославу казалось, что не правится: въ самый годъ Мстиславовой смерти Ярославъ посадилъ Судислава въ тюрьму во Псковѣ; лѣтописи прибавляютъ; что его оклеветали предъ старшимъ братомъ.

Стастливѣе былъ племянникъ Ярослава, Брячиславъ Полоцкій. Въ 1021 году онъ нечаянно напалъ на Новгородъ, побралъ въ плѣнъ гражданъ, взялъ ихъ имѣнье, и пошелъ назадъ къ Полоцку. Но Ярославъ узналъ о замыслахъ его, выступилъ послѣшно изъ Кіева и, настигнувъ племянника на рѣкѣ Судожирѣ, обратилъ его въ бѣгство, отнявши всѣхъ плѣнниковъ Новгородскихъ³¹¹. Не смотря однако на эту побѣду, Ярославъ видѣлъ, что надобно что-нибудь прибавить Брячиславу къ его волости, иначе Новгородъ никогда не будетъ безопасенъ: онъ далъ ему два города—Витебскъ³¹² и Усвятъ, если только онъ не далъ ихъ за жену свою, похищенную извѣстнымъ Эймундомъ, какъ говорятъ скандинавскія преданія.

Такъ кончились отношенія Ярослава къ братьямъ и племяннику; обратимся теперь къ отношеніямъ вѣнскимъ. Съ Скандинавіею продолжалась по прежнему тѣсная связь; враждебныхъ отношеній не могло быть: съ 1024 года царствовалъ въ Швеціи Король Олофъ (Schoskönig), котораго упрекали тѣмъ, что онъ потерялъ завоеванія Упсальскаго Короля Эриха, сына Эймундова, на восточномъ берегу Балтійскаго моря, въ Финляндіи, Кареліи, Эстляндіи, Курляндіи³¹³. По Скандинавскимъ преданіямъ, на дочери этого Олофа, Ингигердъ, былъ женатъ Ярославъ. По смерти Олофа Короленъ въ Швеціи былъ Агундъ³¹⁴ Яковъ, котораго все вниманіе обращено было на

отношенія Датскія и Норвежскія. Онъ поддерживалъ въ Норвегii родственника своего Олофа Святаго противъ могущественнаго Кнута, Короля Датскаго и Англійскаго; ревность Олофа къ распространенію Христіанства возбудила противъ него много враговъ, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ отечества; въ изгнаніи онъ жилъ одно время при дворѣ Ярослава, и сынъ его, Магнусъ Добрый былъ здѣсь воспитанъ. Родственникъ Ингигерды, пріѣхавшій съ нею въ Русь, и сдѣланный посадникомъ въноваго ея города Альдейгаборга (быть-можетъ Ладоги), Ярль Рагнвальдъ имѣлъ двухъ сыновей—Ярловъ-Ульва и Ейлифа, которые наследовали отцовскую должность; третій сынъ его Стенкиль былъ королемъ Шведскимъ, равно какъ и сынъ послѣдняго Инге, проведеншій часть своей молодости въ Россіи у дяди Ейлифа. Къ княженію Ярослава относятся первыя положительныя извѣстія о столкновеніяхъ Русскихъ съ Финскими племенами: подъ 1032 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что какой то Ульбъ (очень быть можетъ, что Ульфъ, сынъ Рагнвальда), ходилъ изъ Новгорода на Желѣзныя ворота³¹⁵; но, какъ видно, походъ былъ неудаченъ, потому что изъ дружины Ульбовой мало возвратилось народу. 80 верстъ къ югу отъ Устьсысольска, у села Водча, находится городокъ, по Зырянски К а р и л ь, т. е. городской холмъ; преданіе и теперь называетъ это мѣсто Желѣзными воротами³¹⁶. Въ 1042 году Владиміръ, сынъ Ярослава, посаженный отцемъ въ Новгородъ, ходилъ на Ямъ, побѣдилъ это племя, но потерялъ коней въ дорогъ отъ мора. Приведа въ связь это извѣстіе съ предыдущимъ, можно думать, что походъ Владиміра былъ предпринятъ по слѣдамъ Ульбовымъ въ ту же сторону, на сѣверовостокъ, къ берегамъ сѣверной Двины; такимъ образомъ мы получили вѣрное извѣстіе о началѣ утвержденія Русскихъ владѣній въ этихъ странахъ³¹⁷. Еще ранѣе, въ 1030 году самъ Ярославъ утвердилъ свою власть на западномъ берегу Чудскаго озера; это утвержденіе произошло обычнымъ образомъ, построеніемъ города: основанъ былъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ. Изъ походовъ на западные дикіе народы упоминается походъ

на Ятвяговъ, и въ первый разъ походъ на Литву: эти походы были предприняты, какъ видно, съ цѣлю не покоренія, а только отраженія набѣговъ.

Важнѣе были отношенія къ Польшѣ: въ 1025 году, послѣ королевской коронаціи своей, умеръ Болеславъ Храбрый. Ему наследовалъ сынъ его, Мечиславъ II-й, неспособный удерживать отцовскія приобрѣтенія. Мечиславъ, по обычаю, началъ тѣмъ, что выгналъ брата своего Оттона или Безпрема; тотъ обратился къ сосѣднимъ государямъ съ просьбою о помощи, въ слѣдствіе чего Венгры отняли у Польши землю Словаковъ и часть Моравіи; скоро потеряна была и вся Моравія. Мы видимъ, что у Чеховъ младшій князь Олдрихъ выгналъ старшаго брата Яромира и сталъ единовластителемъ. Сынъ Олдриха, Брячиславъ въ 1028 году выступилъ противъ Поляковъ, и отнялъ у нихъ остальную часть Моравіи, прогналъ изъ другой, и соединилъ снова Моравію съ Богемією. Мечиславъ принужденъ былъ уступить Чехамъ Моравію, Нѣмцамъ Лужицей и подѣлиться съ братомъ Польшею; но этотъ братъ не былъ такъ уживчивъ, какъ Русскій Мстиславъ: онъ выгналъ Мечислава въ свою очередь, но скоро былъ убитъ своими за тиранство. Мечиславъ возвратился на престолъ, однако не могъ поправить своихъ дѣлъ, и призналъ себя вассаломъ Императора Конрада II. Если западные сосѣди воспользовались смертію Храбраго, чтобъ отнять у Польши его завоеванія, то и Русскій Князь долженъ былъ также воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Еще при жизни Болеслава, въ 1022 году, управившись съ Брячиславомъ Полоцкимъ, Ярославъ ходилъ осаждать Брестъ, удачно, или нѣтъ — неизвѣстно: возгорѣвшаяся въ это время борьба съ Мстиславомъ Тмутараканскимъ не могла позволить Ярославу продолжать свои непріязненные движенія на Польшу; но поширившись съ Мстиславомъ въ 1030 году, Ярославъ снова предпринимаетъ походъ на Польшу, и беретъ Бѣльзъ³¹⁸. Въ слѣдующемъ 1031 году оба брата — Ярославъ и Мстиславъ собрали много войска и выступили въ Польшу, взяли опять города Червенскіе, и повоевали Поль-

скую землю, много Ляховъ привели и раздѣлили между собою, говорить летописецъ. Дурно было положеніе Польши при Мечиславѣ II, но еще хуже стало по его смерти, послѣдовавшей въ 1034 году. Дружина княжеская имѣла возможность усилиться при слабости Мечиславѣ, и еще болѣе по смерти послѣдняго, когда вдова его, Рикса, урожденная принцесса Пфальцская, приняла опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, Казимиромъ. Рикса не имѣла силы дать значеніе ослабленной при Мечиславѣ княжеской власти, сдерживать стремленія вельможъ, и окружила себя своими единоплеменниками, которымъ дала большое значеніе въ государствѣ, въ ущербъ природнымъ Полякамъ. Это оскорбило народное чувство послѣднихъ; Рикса была изгнана, и опека надъ малолѣтнимъ Княземъ перешла въ руки вельможъ, по неимѣнію другихъ родичей. Здѣсь мы видимъ начало того значенія Польскаго вельможества, съ какимъ оно является во всей послѣдующей исторіи этой страны. Когда Казимиръ выросъ, и вельможи стали бояться, чтобъ онъ, взявши власть въ руки, не отомстилъ имъ за мать и вообще не уменьшилъ бы приобрѣтеннаго ими значенія, то они выгнали и его. Польша увидала въ челѣ своей олигархію; знатнѣйшіе роды изгнали слабѣйшіе или подчинили ихъ себѣ; но не могли ужиться между собою въ мирѣ, и тѣмъ погубили свое дѣло, произвели анархію, которой слѣдствіемъ было то, что нисшее народонаселеніе, смерды или кметы возстали противъ шляхты, начали истреблять господъ своихъ, брать ихъ женъ и имущество себѣ. Но возстаніе противъ шляхты было вѣстѣ и возстаніемъ противъ Христіанства, которое не успѣло пустить въ народѣ глубокихъ корней, а между тѣмъ десятины и другія церковныя подати, строгость, съ какою духовенство требовало немедленной перемѣны древнихъ, языческихъ обычаевъ на новые, раздражали кметовъ и заставляли ихъ стремиться къ сверженію и этого ига; епископы, священники были изгнаны или убиты, монастыри и церкви сожжены, церковныя сокровища разграблены. Такимъ страннымъ положеніемъ Польши воспользовались опять сосѣди; у Чеховъ по смерти Ол-

дриха (1037 г.) вступилъ на престолъ сынъ его, уже извѣстный прежними счастливыми войнами съ Польшею, Брячиславъ I-й, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и дѣятельныхъ князей Чешскихъ. Брячиславъ напалъ на Польшу, и брагъ города ея и цѣлыя области безъ сопротивленія. Но это усиленіе Чеховъ на счетъ Польши спасло послѣднюю; политика Германскихъ Императоровъ не могла допустить усиленія одного Славянскаго владѣнія на счетъ другаго, ей нужно было раздѣленіе и вражда между ними, и потому Императоръ Генрихъ III объявилъ войну Брячиславу и принялъ въ свое покровительство Казимира. Послѣ упорнаго сопротивленія, Брячиславъ принужденъ былъ признать свою подчиненность Имперіи, отказаться отъ дальнѣйшихъ видовъ на Польшу, но удержалъ свое завоеваніе—землю Вратиславскую (Бреславскую) въ Силезіи. Между тѣмъ Казимиръ, вошедши съ нѣмецкимъ отрядомъ въ Польшу, былъ съ радостію принятъ тою частію народонаселенія, которая утомилась смутами анархіи и жаждала возстановленія порядка: порядокъ былъ возстановленъ по ту сторону Вислы, но въ Мазовіи Моеиславъ, одинъ изъ дружинниковъ прежняго князя Мечислава, пользуясь анархіею, объявилъ себя независимымъ, вооружился противъ Казимира, призывавъ на помощь языческихъ Пруссавъ, Литву и Славянъ Поморскихъ; этотъ союзъ намекаетъ, что въ борьбѣ Моеислава противъ Казимира боролось язычество съ христіанствомъ. Но Казимиръ въ этой борьбѣ нашелъ себѣ сильнаго союзника въ Русскомъ Князѣ. Еще въ 1041 году, вслѣдъ за походомъ противъ Литвы, Ярославъ предпринималъ походъ въ Мазовію на лодкахъ. Быть можетъ уже тогда былъ заключенъ союзъ съ Казимиромъ, но можно полагать также, что походъ въ Мазовію былъ предпринятъ въ слѣдствіе союза Моеислава съ Литовцами, врагами Ярослава, и уже союзъ съ Казимиромъ былъ слѣдствіемъ вражды противъ Моеислава. Въ 1043 году Казимиръ вступилъ въ родство съ Ярославомъ, женился на сестрѣ его, Доброгнѣвѣ или Маріи, получилъ за нею богатое приданое, но вмѣсто вѣна отдалъ Ярославу 800 плѣнниковъ, взятыхъ Болеславомъ изъ

Руси. Слѣдствіемъ такого тѣснаго союза было то, что въ томъ же году упоминается о двукратномъ походѣ Ярослава въ Мазовію³¹⁹; въ 1047 году Русскій Князь оправился опять съ войскомъ на помощь Казимиру противъ Монслава; послѣдній былъ разбитъ и убитъ, Мазовія подчинилась снова Пястамъ. Союзъ съ Польшею былъ скрѣпленъ еще бракомъ Изяслава, одного изъ сыновей Ярославовыхъ, на сестрѣ Казимировой. Есть извѣстія, болѣе или менѣе вѣроятныя, о брачныхъ союзахъ Ярославова семейства съ другими владѣльческими домами въ Европѣ, о бракѣ Гаральда Норвежскаго на Ярославовой дочери Елисаветѣ, Короля Венгерскаго Андрея на Анастасіи, Генрихаго 1-го Французскаго на Аннѣ; о бракѣ Всеволода Ярославича на царицѣ греческой, дочери Константина Мономаха; также о бракѣ двоихъ неизвѣстныхъ по имени сыновей Ярославовыхъ на двухъ Нѣмецкихъ княжнахъ.

Ко времени Ярослава относится послѣднее враждебное столкновеніе съ Византіею³²⁰. Греческая торговля была очень важна для Руси, была однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія народа и казны княжеской; ея поддержаніе и послѣ было одною изъ главныхъ заботъ нашихъ князей, должно было быть и одною изъ главныхъ заботъ Ярослава. Греки поссорились съ Русскими купцами, и одинъ изъ послѣднихъ былъ даже убитъ въ этой ссорѣ. Русскій Князь не могъ позволить подобныхъ поступковъ, и въ 1043 году отправилъ на Грековъ старшаго сына своего Владиіира, давши ему много войска, и воеводу или тысяцкаго своего, Вышату. Владиіиръ пошелъ въ лодкахъ, но на пути отъ Дуная въ Царьградъ³²¹ поднялась буря, разбила Русскіе корабли, и между прочимъ корабль князя Владиіира, такъ что послѣдній долженъ былъ пересѣсть уже на корабль одного изъ воеводъ Ярославовыхъ, Ивана Творимирича. Остальные воины, числомъ 6,000, кромя дружины, были выкинуты на берегъ; они хотѣли возвратиться въ Русь, но никто изъ дружины не хотѣлъ идти съ ними въ начальникахъ. Тогда Вышата сказалъ: «Я пойду съ ними; живъ ли останусь, погибну ли — все лучше вмѣстѣ съ своими.» Когда

Греки узнали, что Русскіе корабли разбиты бурей, то Императоръ Константинъ Мономахъ послалъ за ними погоню; Владиміръ возвратился, разбилъ Греческіе корабли, и пришелъ назадъ въ Русь. Но не такъ былъ счастливъ. Вышата: его отрядъ былъ окруженъ Греками при городѣ Варнѣ, взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Константинополь, гдѣ многихъ Русскихъ ослѣпили; только черезъ три года, когда заключили миръ, отпущенъ былъ Вышата въ Русь къ Ярославу. Чѣмъ обнаруживалась вражда въ продолженіи трехъ лѣтъ, неизвѣстно. Вѣроятно Ярославъ постыжился прекратить вражду съ Греками, занятый болѣе важнымъ предпріятіемъ относительно Польши; вѣроятно также, что слѣдствіемъ и условіемъ прекращенія вражды былъ бракъ сына Ярослава Всеволода на царевнѣ Греческой: въ 1053 году летописецъ упоминаетъ о рожденіи сына Всеволодова Владиміра отъ царицы Грекини.

О набѣгахъ Печенѣжскихъ, кромѣ упомянутыхъ выше при борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, древнѣйшіе списки летописи сообщаютъ извѣстіе подъ 1036 годомъ. Находясь въ это время въ Новгородѣ, Ярославъ узналъ, что Печенѣги осаждаютъ Кіевъ; онъ собралъ много войска, Варяговъ и Новгородцевъ и вступилъ въ Кіевъ. Печенѣговъ было безчисленное множество; Ярославъ вышелъ изъ города и расположилъ свое войско такъ: Варяговъ поставилъ по срединѣ, Кіевлянъ на правомъ крылѣ, а Новгородцевъ на лѣвомъ; и началась битва впередъ крѣпостью. Послѣ злой сѣчи едва къ вечеру успѣлъ Ярославъ одолѣть Печенѣговъ, которыхъ погибло множество отъ меча и перетонуло въ рѣкахъ во время бѣгства³²². Послѣ этого пораженія ния Печенѣговъ хотя и не исчезаетъ совершенно въ летописи, однако нападенія ихъ на Русь прекращаются.

Относительно внутренней дѣятельности Ярослава упоминаются распоряженія въ Новгородѣ. Самъ Ярославъ, княжа здѣсь, отказавши платить дань въ Кіевъ, ясно, что онъ не могъ установить снова этотъ платежъ, ставши княземъ Кіевскимъ, тѣмъ болѣе, что Новгородцы оказали ему такія услуги; вотъ почему онъ далъ имъ финансовую льготную грамоту, на которую они

ссылаются въ послѣдствіи при столкновеніяхъ съ князьями. Въмѣсто себя Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сначала сына своего Илью, а потомъ, по смерти его, другаго сына Владиміра, и по смерти послѣдняго третьяго сына Изяслава. Въ связи съ этими распоряженіями Ярослава находится извѣстіе о заточеніи и смерти Константина, сына Добрыни: Ярославъ, сказано въ лѣтописи, разсердился на него, заточилъ въ Ростовъ, и потомъ на третій годъ велѣлъ убить въ Муромѣ. Быть можетъ, Константинъ хотѣлъ большаго для Новгородцевъ за ихъ услугу, чѣмъ сколько давалъ Ярославъ; быть можетъ также, Константинъ, какъ дядя в. князя, какъ сынъ Добрыни, хотѣлъ большаго для себя ³²³.

Изъ дѣлъ церковныхъ въ княженіе Ярослава замѣчательно поставленіе митрополита Иларіона Русина, независимо отъ Византійскаго патріарха, соборомъ Русскихъ епископовъ, что было слѣдствіемъ недавней вражды съ Греками. Какъ видно, поведеніе прежняго митрополита Теофонта во время этой вражды было таково, что Ярославъ хотѣлъ на будущее время предохранить себя отъ подобнаго въ случаѣ новаго разрыва ³²⁴.

Въ 1054 году умеръ Ярославъ. Онъ, какъ видно, не заслужилъ такой пріятной памяти въ народѣ, какъ отецъ его; не смотря на то и его дѣятельность имѣетъ важное значеніе въ нашей начальной исторіи; въ Скандинавскихъ сагахъ Ярослава называютъ скупымъ, но этотъ отзывъ можетъ служить ему только въ похвалу: и отецъ его, который вовсе не былъ скупъ, не любилъ однако удовлетворять жадности норманскихъ наемниковъ, которые особенно любили пріобрѣтать; раздача большой суммы денегъ Новгородцамъ скорѣе будетъ свидѣтельствовать о щедрости Ярослава. По отзыву лѣтописи, Ярославъ былъ на своемъ мѣстѣ: «онъ былъ хромоногъ; но умъ у него былъ добрый, и на рати былъ храбръ;» прибавлена еще замѣчательная черта, что былъ онъ христіанинъ и самъ книги читалъ ³²⁵. Послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно для преемника Владимірова. Въ приведенномъ извѣстіи значеніе христіанина тѣсно связано въ Ярославлѣ съ чтеніемъ книгъ; Вла-

днѣрь не читалъ самъ книгъ, онъ могъ только слушать Св. Писаніе; сынъ его Ярославъ самъ читалъ книги, былъ представителемъ новаго поколѣнія грамотныхъ христіанъ, выученныхъ при Владиміръ, которые могли находить для себя утверженіе въ вѣрѣ въ книгахъ священныхъ. Уже при Владиміръ Греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіанства считало грамотность, ученіе книгъ: сынъ Владиміра самъ читалъ книги, самъ былъ утвержденнымъ христіаниномъ, и потому, разумеется, въ его княженіе христіанство и грамотность должны были распространяться, И точно, по свидѣтельству лѣтописи, христіанство начало преимущественно распространяться при Ярославі; при немъ начали также умножаться монахи. Ярославъ, говоритъ лѣтопись, любилъ церковныя уставы, очень любилъ поповъ, но больше всего монаховъ; книги читалъ часто, ночью и днемъ, собралъ много писцовъ: они переводили книги съ Греческаго на Славянскій, и переписали много книгъ, много онъ и купилъ ихъ. Отецъ его Владиміръ распахалъ землю и умягчилъ, т. е. просвѣтилъ крещеніемъ, Ярославъ насыпалъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы, прибавляетъ лѣтописецъ, пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Сравненіе очень важное: въ немъ ясно указано значеніе дѣятельности Владиміра и Ярослава и постепенность движенія: при одномъ имѣло мѣсто крещеніе, при другомъ надлежащее наставленіе въ вѣрѣ³²⁶. При книгахъ нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые могли бы учить народъ неграмотный. Ярославъ строилъ церкви по городамъ и мѣстамъ неогороженнымъ, ставилъ при нихъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ собственнаго имущества, приказывая имъ учить людей и приходитъ часто къ церквамъ. При Ярославі въ Новгородѣ было сдѣлано тоже, что при Владиміръ въ Кіевѣ: князь велѣлъ собрать у старостъ и священниковъ дѣтей (300 человекъ) и учить ихъ книгамъ.

Кромѣ этой дѣятельности княженіе Ярослава важно еще въ другихъ отношеніяхъ: подобно отцу Владиміру, Ярославъ не

былъ княземъ только въ значеніи вожди дружины, который строится въ дальнія стороны за завоеваніями, славю и добычею; Ярославъ, какъ видно, былъ болѣе княземъ-народникомъ страны. Онъ любилъ церковныя уставы, былъ знакомъ съ ними: неудивительно, что къ его времени относится и первый писанный уставъ гражданскій, такъ называемая Русская Правда. Подобно отцу Владимиру, Ярославъ слѣдовалъ совѣту Добрыни, что народы, ходящіе въ сапогахъ, не будутъ охотно давать дани, и потому не любилъ войны съ ними, а преимущественно обращалъ свое оружіе на варваровъ — Чудь, Литву, Ятвяговъ³²⁷. Мы не знаемъ, каковы собственно расчетами руководился Ярославъ въ Польскихъ отношеніяхъ; но знаемъ, что онъ, возвративъ свое, принялъ сторону порядка и христіанства, не захотѣлъ усиливать варварства, и любовью надъ Момсавомъ Мазовецкимъ нанесъ послѣднему сильный ударъ. Наконецъ Ярославъ, подобно отцу своему и вѣщецу Олегу, населялъ пустынные прѣстранства, строилъ города: отъ языческаго имени его получилъ названіе Ярославль на Волгѣ, отъ христіанскаго Юрьевъ (Дерптъ) въ землѣ Чудской; онъ огородилъ острожками южную границу Руси со степью: въ 1031 поселилъ плѣнныхъ Поляковъ по рѣкѣ Роси, въ слѣдующемъ началъ ставить здѣсь города.

ГЛАВА VIII.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Мы видели въ началѣ нашего разсказа, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился князь, призванный для установленія наряда въ землѣ, взволнованной родовыми усобицами; теперь предстоитъ намъ вопросъ: въ какихъ же отношеніяхъ нашолся призванный къ призвавшимъ, какъ опредѣлилось значеніе князя? Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратиться къ понятіямъ племенъ, призвавшихъ власть.—Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общою жизнію въ слѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достигнуть только тогда, когда этотъ старшина, князь не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужаго рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединить какое либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ. Изъ этого значенія князя уяснится намъ кругъ его власти,

его отношенія къ призвавшимъ племенамъ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ о строѣ земскоѣ, о ратахъ, объ уставѣ земскоѣ; вожди на войнѣ, онъ былъ судьей во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ, его дворъ — мѣсто суда, его слуги — исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемена, всякій новый уставъ проистекалъ отъ него; такъ Владиміръ, по предложеніи епископовъ, а потомъ епископовъ и старцевъ, дѣлаетъ постановленіе относительно виръ; Ярославъ даетъ грамоты Новгородцамъ — Правду и уставъ относительно податей; князь собираетъ дань, распоряжается ею. Но если кругъ власти призваннаго князя былъ такой же, какой былъ кругъ власти у прежняго родоначальника, то въ первое время на отношеніяхъ князя къ племенамъ отражалась еще вся неопредѣленность прежнихъ родовыхъ отношеній, которой слѣдствія мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ городовыхъ общинъ къ князю, о чемъ и будетъ рѣчь въ свое время. Теперь же мы должны обратиться къ вопросу: что стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племень? Соединеніе многихъ родовъ въ одну общину, въ главѣ которой стоялъ одинъ общій князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей, общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно, что тѣ члены родовъ, которымъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженіемъ и представительствомъ; такъ долго мы видимъ городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ, они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ, съ ними совѣтуется князь. Но въ концѣ разсмотрѣннаго періода жизнь общинная получила уже такое развитіе, что необходимо условливала распаденіе родовъ на отдѣльныя семьи, при чемъ прежнее представительное значеніе старшинъ въ цѣломъ родѣ исчезаетъ, и когда князю нужно

объявить, предложить чтонибудь общипѣ, то собираются не одни старцы, собирается цѣлая община, является общенародное вѣче. Первое общенародное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владимира и поведеніи Святополка. Тѣ изслѣдователи, которые предполагаютъ долговременное существованіе прежнихъ Славянскихъ князей или родоначальниковъ, и тѣ, которые предполагаютъ переходъ этихъ старшинъ въ бояръ съ земскимъ значеніемъ, забываютъ, что родовой бытъ Славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наследственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линіи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линіи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству: слѣдовательно одна какаянибудь линія не могла выдвинуться впередъ передъ другими, какъ скоро родовая связь между ними рушилась; ни одна линія не могла получить большаго значенія по своему богатству, потому что при родовой связи имѣніе было общее, какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну между равными въ правахъ своихъ линіями; ясна, слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ Славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по пенаследственности этого званія; если старшина рода переходилъ въ дружину княжескую, то онъ сохранялъ свое родовое значеніе только при жизни, сынъ его не наследовалъ этого значенія, оно переходило къ какому-нибудь четверюродному дядѣ его, и если онъ выдѣлялся изъ рода, то доля имущества его была равна долѣ каждаго другаго родича. Вотъ почему славянскіе князья исчезаютъ съ приходомъ князей Варяжскихъ: нельзя искать ихъ и въ боярахъ по той же самой причинѣ, то есть потому, что достоинство старшинъ у Славянъ не было наследственнымъ въ одной родовой линіи. Отсюда объясняется и то явленіе, что въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ непосредственныя отношенія князей

къ городскому народонаселенію, къ общинѣ. Мѣсто князя, во время его отсутствія, или въ тѣхъ городахъ, гдѣ князь не жилъ, заступалъ посадникъ, мужъ изъ дружины княжеской. Этотъ намѣстникъ княжескій, въ отношеніи народа, не замѣнилъ вполне князя, уваженія и послушанія къ нему было меньше и на войнѣ, и въ мирѣ, слѣдовательно цѣль установленія наряда достигалась не вполне; отсюда стремленіе имѣть своего князя, замѣчаемое въ Новгородѣ.

Не должно думать, чтобы во все продолженіе періода отношенія племенъ къ князю были всегда и вездѣ одинакія. Сознаніе о необходимости новаго порядка вещей, власти одного общаго князя изъ чужаго рода явилось на сѣверѣ; сѣверныя племена призывали князя какъ нарядника; здѣсь слѣдовательно новый порядокъ вещей долженъ былъ приняться и развиваться преимущественно; здѣсь должно было начаться опредѣленіе княжескихъ отношеній; вотъ почему въ Новгородѣ мы видимъ и нѣкоторое движеніе въ слѣдствіе этого начавшагося опредѣленія. Потому мѣстопребываніе князя переносится на югъ, въ Кіевъ; на сѣверѣ остаются посадники до самаго Владимира. Мы видимъ, что большому вліанію княжеской власти подчинена сначала только озерная Новгородская область и потомъ довольно узкая полоса земли по берегамъ Днѣпра, гдѣ въ городахъ Смоленскѣ и Любечѣ еще со временъ Олега сидѣли мужи княжіе. Отношенія къ князю племенъ, жившихъ далѣе къ востоку и западу отъ Днѣпра, какъ видно, ограничивались вначалѣ платежемъ дани, для собиранія которой самъ князь съ дружиною ѣздилъ къ нимъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Русскіе князья съ своею дружиною выходили изъ Кіева при наступленіи Ноября мѣсяца, и отправлялись на полюдь, или уѣзжали въ земли подчиненныхъ имъ племенъ Славянекихъ, и тамъ проводили зиму³²⁸. Обычай полюдья удержался надолго послѣ: князь объѣзжалъ свою волость, вершилъ дѣла судныя, оставленныя до его пріѣзда и бралъ дары, обогащавшіе казну его. Такой обычай княжескихъ объѣздовъ для вершенія судебныхъ дѣлъ необходимо условливается самимъ

состояніемъ юнаго общества: такъ мы встрѣчаемъ его въ древней Скандинавской и въ древней Польской исторіи³²⁹; ясно слѣдовательно, что это обычай общій, а не частный Скандинавскій, привнесенный Варягами въ Русь. Любопытно, что въ приведенномъ свидѣтельствѣ Вагрянороднаго, полюдье отдѣлено отъ зимняго пребыванія князя и дружины его у Славянскихъ племенъ: изъ этого различія видно уже, что къ некоторымъ ближайшимъ и болѣе подчиненнымъ племенамъ князь отправлялся для суда, къ другимъ же, отдаленнѣйшимъ только для собранія даней мѣхами и другими сырыми произведеніями, составлявшими предметъ заграничной торговли; что князь самъ ходилъ за данью къ племенамъ, это ясно показываетъ преданіе о судьбѣ Игоря у Древлянъ. Болѣе отдаленныя племена принуждены были платить дань Русскому князю, и платили ее тогда, когда тотъ приходилъ за нею съ войскомъ; но этия, какъ видно, и ограничивались всѣ отношенія; племена еще жили по прежнему, особыми родами, каждый родъ имѣлъ своего старшину или князя, который владѣлъ у него, судилъ и радилъ; у Древлянъ были свои князья въ то время, когда они платили дань Киевскому князю; изъ этихъ князей одинъ былъ Малъ, котораго они прочли въ мужа Ольгѣ.

Дань, за которою ходилъ самъ князь, была первоначальнымъ видомъ подчиненности племени одной общей власти, связи съ другими соподчиненными племенами. Но при такомъ видѣ подчиненности, сознаніе объ этой связи, разумѣется, было еще очень слабо: племена платили дань и Козарамъ, и все оставались по прежнему въ раздѣленіи другъ съ другомъ. Гораздо важнѣе для общей связи племенъ и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общинами средоточіемъ, была обязанность возить повозы, обязанность, въ слѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное княземъ мѣсто, ибо съ этия подчиненность племенъ, участіе ихъ въ общей жизни принимали болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовала сознанію о единствѣ та обязанность племенъ, по которой они должны были участвовать въ походахъ княже-

скихъ на другія племена, на чужіе народы: здѣсь члены различныхъ племенъ, находившихся до того времени въ весьма слабомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, участвовали въ одной общей дѣятельности подъ знаменами Русскаго князя, составляли одну дружину; здѣсь нагляднымъ образомъ приобрѣтали они понятіе о своемъ единствѣ и, возвратясь домой, передавали это понятіе своимъ родичамъ, рассказывая имъ о томъ, что они сдѣлали вмѣстѣ съ другими племенами подъ предводительствомъ Русскаго князя. Наконецъ выходу племенъ изъ своего, родового быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ, и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ въ единный, общій для всей земли средоточіемъ способствовало построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, переходъ его съ сѣвера на югъ.

Мы коснулись непосредственнаго вліянія княжеской власти на образованіе юнаго общества; но это вліяніе сильно обнаружилось еще посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ княземъ. Съ самаго начала мы видимъ около князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вносятъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родоюю связью, но товариществомъ; дружина, предшествовавшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумеется, по самой близости, туземцамъ; съ появленіемъ дружины среди Славянскихъ племенъ, для ихъ членовъ открытъ свободный и почетный выходъ изъ родового быта въ бытъ основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получили возможность личною доблестью

приобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось известною степенью на родовой гѣствицѣ; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было возникнуть понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; началось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ родѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, ограничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и къ землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ на западѣ и тѣже самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго князя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлію завоеванія какой-нибудь страны, приобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь князь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина нисколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вождь былъ только первый между равными: «Мы спрашаемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина³³⁰, и куда поедетъ тебя твоя судьба, туда пойдѣмъ и мы за тобою; но если будетъ приобрѣтено общими нашими силами, то должно быть поделено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго», и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою-нибудь страной, то каждый членъ варварскаго ополченія приобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его работанія³³¹. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто и у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ земли; значенія князя известной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; съ нимъ приходитъ дружина, которая постоянно пополняется новыми членами, пришельцами и туземцами; но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ

западныхъ: они не могли явиться для того, чтобъ дѣлить земли ими незавоеванную, они могли явиться только для того, чтобъ служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны; тѣ же изъ нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобъ получать города села, какъ напримѣръ Аскольдъ и Дирь, обманывались въ свои надежды, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣстѣ. Рюрикъ раздастъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ мужей своихъ въ занятыхъ имъ городахъ — Смоленскъ и Либець: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣсто князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ правительственный отъ характера владѣльческаго: мы и послѣ будемъ постоянно видѣть вездѣ княжихъ посадниковъ, наместниковъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственнымъ. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя племена были разсыяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ; волею или неволею соглашались они платить дань — и только имъ нельзя было подѣлить между членами дружины; мы знаемъ, какъ покорялъ Олегъ племена: одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили Казарамъ, а другихъ накладывалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ принуждалъ, то есть, силою заставлялъ платить себѣ дань, но опять только дань. Большое различіе, когда дружина займетъ страну цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, и когда займетъ страну пустынную, рѣдко населенную, построитъ острожекъ, и станетъ ходить изъ него къ племенамъ и мѣхамъ. Земли было много у Русскаго князя, онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ, но дѣло въ томъ, выгодно ли были дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія³³²; имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ, и идти съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать свою дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ, получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всѣхъ

его витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ: такъ между послани Игоря мы встрѣчаемъ Ятвѣга; Святославъ отовсюду собиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ; Владиміръ выбралъ изъ своихъ Варяговъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города; сѣверныя саги говорятъ о знатныхъ витязяхъ Скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!

Скажитесь, какъ васъ по имени зовуть:

А по имени вамъ мочно мѣсто дать,

По изотчеству можно пожаловати ³³³.

Въ сагахъ читаемъ, что при Владиміръ княгиня жена его имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: князь и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину ³³⁴. Подтверженіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Иванъ Годинович!

Возьми ты у меня Князя сто человекъ

Русскихъ могучихъ богатырей,

У Княгини ты бери другое сто ³³⁵.

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина: дружина Игоря говорила: «Кто съ моремъ совѣщанъ?» и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были въ походи на него: «Гдѣ ляжетъ твою голова, тамъ и всѣ мы ляжемъ свои сложимъ», говорили они ему, потому что оставивъ поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для добраго дружинника ³³⁶. И хорошій вождь считалъ стыднымъ покинуть войско въ опасности; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысяцкій Вышата со-

шелъ на берегъ къ выброшеннымъ бурю воинамъ, и сказалъ: «Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною ³³⁷». Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя — пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: «отроки Свѣнелдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ нами въ дань ³³⁸. Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда приобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питъѣ и пищѣ ей не отказывалъ ³³⁹. Лѣтописецъ, съ сожалѣніемъ вспоминая о старомъ времени, говоритъ о прежнихъ князьяхъ ³⁴⁰: «Тѣ князья не собирали много имѣнія, вирь и продажъ неправедныхъ не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчасъ отдавали дружинѣ на оружіе. Дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны; въ битвахъ говорили другъ другу: «Братья! потянемъ по своему князю и по Русской землѣ!» Не говорили князю: «мало мнѣ ста гривенъ»; не наряжали женъ своихъ въ золотые обручи, ходили жены ихъ въ серебрѣ; — и вотъ они расплодили землю Русскую». — При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кругу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о стрѣбъ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ ³⁴¹. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, потому что дружина станетъ смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками Князя: два послѣднія извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина ³⁴²,

какъ назывались младшіе ея члены, не бояре? — Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, употреблялось слово мужъ. Мужъ, мужи значило человекъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника: мужъ свой, мужъ его³⁴⁵. Но, какъ видно, слово мужъ имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ втораго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ; это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени: Князь Игорь Сѣверскій, попавшись въ плѣнъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска: «Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующие, гдѣ рядъ полчный?» И такъ бояре были лучшіе, старшіе въ дружину, совѣтники, думцы Князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, бывше определенное названіе для этого разряда дружинниковъ было гриди³⁴⁶, гридь, гридьба, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Комната во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась гридницею: такъ говорится о Владимірѣ: «Онъ учредилъ на дворѣ въ гридницѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, сощкіе и десяцкіе, и нарочитые мужи, при Князѣ и безъ Князя³⁴⁷.» Мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ, жившихъ при Князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ болярцы³⁴⁸. Въ Русской Правдѣ и въ Новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе огищанина, подававшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Единственное средство объяснить это названіе — посмотреть, какъ оно замѣняется въ другихъ спискахъ Правды и въ другихъ лѣтописяхъ: въ другихъ спискахъ Правды оно замѣняется постоянно выраженіемъ: княжъ мужъ, и въ этомъ значеніи противопоставляется смерду; въ лѣтописи Новгородской читаемъ: «Позвалъ (Ростиславъ) Новгородцевъ на порядъ: огищанъ, гридь³⁴⁹.» Въ другой, не Новгородской лѣтописи читаемъ: «Князь Мстиславъ, со-

бравъ Ростовцевъ — бояръ, гридьбу³⁵⁰.» Слѣдовательно то, что въ Новгородѣ были огнищане, въ другихъ мѣстахъ были бояре, то есть, старшіе члены дружины, которыхъ мѣсто прежде гридей; при этомъ должно замѣтить, что названіе огнищанинъ было обширнѣе, чѣмъ бояринъ: огнищанинъ нѣкоторыхъ списковъ Правды совѣщаетъ мужа княжа и тиуна княжа другихъ списковъ, а потому и въ Новгородѣ существовало также названіе бояринъ. Объясненіе того, почему огнищанинъ соединялъ и боярина и тиуна княжа, равно какъ объясненіе корня слову: огнищанинъ найдетъ также въ Русской Правдѣ; здѣсь читаемъ: «За убійство тиуна огнищаного и конюшаго платить 80 гривенъ.» Если тиунъ конюшій означаетъ смотрителя за конюшнею княжескою: то тиунъ огнищаный долженъ означать смотрителя за огнищемъ или домою княжескимъ; огнищанинъ же долженъ означать человѣка, который живетъ при огнищѣ княжескомъ, домочадца княжескаго, человѣка, близкаго къ князю, его думца, боярина, въ переводѣ на наши понятія придворнаго человѣка³⁵¹. Объясненіемъ слова огнищанинъ служитъ также позднѣйшее дворянинъ, означающее человѣка, принадлежащаго ко двору, дому княжескому, а не имѣющаго свой дворъ или домъ, слѣдовательно и подъ огнищаниномъ нѣтъ нужды разумѣть человѣка, имѣющаго свое огнище. Эти-то домочадцы или огнищане княжескіе имѣли то преимущество предъ остальнымъ народонаселеніемъ, что за ихъ голову убійца платилъ двойную пеню, или виру, именно 80 гривенъ вмѣсто 40. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ князь высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому. Къ огнищанамъ, какъ видно изъ Правды, принадлежалъ тиунъ князь, но не вообще, а только огнищаный и конюшій. Тиунъ въ готскомъ переводѣ Библіи Улфи являлся въ формѣ *dius* и въ значеніи *diakonos* — домочадецъ, слуга, рабъ. Званіе тиуна, какъ оно является въ нашихъ древнихъ памятникахъ, можно означить словомъ приставникъ, съ неопредѣ-

леннымъ значеніемъ: приставникъ, который смотрѣлъ за домомъ, за конюшнею, за судомъ³⁵², за сборомъ доходовъ княжихъ, за селомъ княжимъ; тиуны могли быть у князя и боярина; они могли быть и свободные; если примуть на себя эту должность съ рядомъ, но это было уже исключеніе. Сельскій тиунъ княжій или ратайный, если былъ холопъ, то за него положена была вира въ 12 гривенъ, если же былъ свободный человекъ, но рядовичъ, то есть такой тиунъ, который, вступая въ должность, не вошелъ въ холопство, но порядился, вошелъ съ рядомъ, то за такого вира была только въ 5 гривенъ, потому что для Князя было гораздо важнѣе потерять своего холопа, чѣмъ вольнаго рядовича; тѣже самыя виры брались за тиуновъ холопей и рядовичей боярскихъ. Вообще Князь увеличивалъ виру за своего служителя, смотря по важности послѣдняго. Что касается до отроковъ Князя, то они составляли его домашнюю прислугу; они, по лѣтописямъ, служатъ за столомъ Князю и гостямъ его³⁵³; убираютъ вещи по княжому приказу³⁵⁴; Князь посылаетъ ихъ съ порученіями³⁵⁵, и т. п.

Кромѣ дружины, войско составлялось также изъ жителей городовъ и селъ, набравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются отъ дружины подъ именемъ воиновъ (воевъ) въ тѣсномъ смыслѣ; такъ читаемъ въ разсказѣ о убіеніи святаго Бориса: Сказала ему отцовская дружина: «вотъ у тебя дружина отцовская и воины (вои)³⁵⁶.» Другое мѣсто, изъ котораго также видѣнъ двойственный составъ княжескаго войска, встрѣчаемъ въ разсказѣ о походѣ Владиміра Ярославича на Грековъ: «Прочіе воины Владиміра были выкинуты на берегъ, числомъ 6000, и хотѣли возвратиться въ Русь, но не пошелъ съ ними никто изъ дружины княжеской³⁵⁷.» Но мы не должны ожидать отъ лѣтописца постоянно рѣзкаго различія въ названіяхъ — дружина и вои: если онъ говоритъ, что Князь взялъ съ собою много воевъ изъ разныхъ племенъ, то онъ не прибавитъ, что онъ взялъ съ собою дружину и воевъ: подразумевается, что дружина должна идти съ княземъ, и въ такихъ случаяхъ вездѣ дружина включается въ число воевъ;

съ другой стороны, отъ дружины не было производнаго дружинникъ, дружинники, и потому вмѣсто этого производнаго употреблялось также вои; вои значило вообще всѣ военные, вооруженные люди. На оборотъ, дружина означала въ обширномъ смыслѣ совокупность всѣхъ военныхъ, вооруженныхъ людей, войско, и въ тѣсномъ смыслѣ приближенныхъ къ князю людей, которыхъ военное дѣло было постояннымъ занятіемъ. Это двойное значеніе дружины всего виднѣе въ разсказѣ о войнѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Ярославомъ: «Мстиславъ съ вечера исполнилъ дружину, и поставилъ Сѣверянъ въ чело противъ Варяговъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по краямъ...» Мстиславъ, на другое утро, увидя лежащія трупы Сѣверянъ и Варяговъ, сказалъ: «Какъ не радоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ, а дружина моя цѣла³⁵⁸.» Кромѣ собирательнаго дружина въ смыслѣ войска, арміи употреблялось еще слово: полкъ³⁵⁹. Слово дружина имѣла еще не военное значеніе, въ которомъ можетъ переводиться словомъ: свои, наши; напримѣръ Древляне спросили Ольгу: «Гдѣ же наша дружина?» то есть послы, которыхъ они прежде отправили въ Кіевъ³⁶⁰.

Было сказано, что вои, то есть недружина, набирались изъ народонаселенія городского и сельскаго: такъ набирали войско изъ племенъ Олегъ, Игорьъ, Владиміръ; такъ Ярославъ вывелъ противъ Святополка горожанъ Новгородскихъ и сельскихъ жителей съ ихъ старостами. Видно и въ этотъ періодъ, какъ въ послѣдующій, Князь объявлялъ о походѣ въ городъ, народу, собравшемуся на вѣчъ; здѣсь рѣшали выступить — и сельское народонаселеніе выступало по рѣшенію городского вѣча. Какъ видно, отецъ выходилъ въ походъ со старшими сыновьями, сколько бы ихъ ни было, а младшій (также взрослый уже) оставался дома для охраненія семейства³⁶¹. По окончаніи похода, войско, набранное изъ городского и сельскаго народонаселенія, распускалось; оно пользовалось добычею; князья выговаривали у побѣжденныхъ дань въ его пользу: Олегъ требуетъ съ Грековъ по 12 гривенъ на ключъ, то есть на каждую лодку:

безъ различія между дружиной и воини, набранными изъ разныхъ племенъ. Дружина, разумѣется, имѣла ту выгоду, что участвовала въ ежегодныхъ даняхъ съ Грековъ и съ своихъ племенъ вообще во всѣхъ доходахъ княжескихъ. Ярославъ, побѣдивъ Святополка, награждалъ щедро помогшихъ ему Новгородцевъ, сельчанъ однако меньше, чѣмъ горожанъ: горожанинъ былъ сравненъ съ сельскимъ старостою. Но ясно, что когда народонаселеніе призывалось не къ далекой наступательной войнѣ, а къ защитѣ своей земли отъ нападенія враговъ, напримѣръ Печенѣговъ, то не могло быть рѣчи о награжденіи; воины могли довольствоваться только добычею, если, прогнавъ врага, отбили обозъ, брали плѣнниковъ; дань съ побѣжденных бралась и на долю убитыхъ ратниковъ, и пладъ къ ихъ родственникамъ. Сельчане приходили въ походъ съ своими старостами; горожане, относительно военной службы, раздѣлялись, какъ видно, на десятки, сотни: таково было обыкновенно военное дѣленіе у народовъ. Въ лѣтописи упоминаются десяцкіе, соцкіе; безъ всякаго сомнѣнія, былъ высшій начальникъ надъ этими отдѣлами, долженствовавшій носить соотвѣтственное названіе тысяцкаго; этого названія мы не встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей въ описываемое время, встрѣчаемъ одно неопредѣленное названіе воеводы; но въ слѣдующемъ періодѣ мы встрѣтимъ, что тысяцкій называется также воеводою³⁶², въ слѣдствіе чего подъ воеводою перваго періода можно разумѣть тысяцкаго. Тысяцкій, по соображеніи всѣхъ извѣстій объ этомъ санѣ, былъ воеводою земскихъ, гражданскихъ полковъ, выбиравшійся княземъ изъ дружины. Если Янъ, сынъ Вышаты, былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, въ 1089 году; то нѣтъ сомнѣнія, что отецъ его Вышата занималъ ту же должность прежде, при Ярославі; подтвержденіе этому находимъ въ лѣтописи³⁶³: въ 1037 году послалъ Ярославъ сына своего Владиміра на Грековъ, и далъ ему много войска, а воеводство поручилъ Вышатѣ отцу Янову; когда поднялась буря, и прочіе воины, то есть земскіе полки были выброшены на берегъ, то никто изъ дружины княже-

ской не хотѣлъ идти съ ними; одинъ Вышата вызвался: «я пойду съ ними, сказалъ онъ: останусь живъ — съ ними вѣсть, погибну — вѣсть съ своими (съ дружиною).» Поступокъ Вышаты объяснится, если обратимъ вниманіе на то, что этотъ воевода былъ тысяцкій, что ему было поручено отъ Князя воеводство надъ земскими полками, и онъ, по совѣсти, не могъ оставить ихъ безъ предводителя. Изъ этого же извѣстія видимъ, что земское ополченіе нуждалось въ предводителѣ изъ членовъ дружины.

При святомъ Владимірѣ мы видимъ, что во время тяжелой оборонительной войны противъ Печенѣговъ, князь отправился разъ на сѣверъ, чтобъ набрать полки изъ тамошняго народонаселенія, ходилъ по верховныи вои, какъ говорится въ летописи³⁶⁴. Кроме дружины и земскихъ полковъ, составленныхъ изъ городского и сельскаго народонаселенія, были еще наемныя войска, составлявшіяся изъ Варяговъ, Печенѣговъ и Торковъ; Варяги обыкновенно составляли пѣхоту, Печенѣги и Торки конницу; въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными Варяги занимались первыми, Печенѣги вторыми, слѣдовательно первыми помогала Европа, вторымъ Азія. Дружина Мстислава Тмутараканскаго состояла изъ Козаръ и Касоговъ. Надобно замѣтить, что Печенѣги ни разу не дали побѣды князьямъ, напавшимъ ихъ. Новгородцы и Варяги дали торжество Владиміру надъ Ярополкомъ, Ярославу надъ Святополкомъ; южно-Русское, Кіевское народонаселеніе не дало побѣды Святополку при Любечѣ; но сѣверное народонаселеніе дало торжество Мстиславу надъ Варягами Ярослава, выдержавши натискъ послѣднихъ; при этомъ не забудемъ, что въ пограничныхъ сѣверскихъ городкахъ со временъ Владиміра жили сѣверные переселенцы. Дружина не могла быть многочисленна; дружина Игоря, если была даже многочисленна, то пострадала много отъ греческаго похода, а потомъ, безъ сомнѣнія, большая часть ея ушла съ Святославомъ; этотъ князь долженъ былъ кончить войну съ Греками по недостатку дружины, которой очень не много должно было

возвратиться съ Свѣшльдомъ въ Кіевъ; что у Ярополка было мало дружины, доказываетъ также торжество Владимира. Ярославъ перебилъ свою Новгородскую дружину за Варяговъ; Кіевская дружина должна была слѣдовать за Святполкомъ; нельзя предполагать, чтобъ много ея осталось послѣ поражений послѣдняго; при Ярославлѣ слѣдовательно имѣлъ мѣсто новый наборъ дружины. Дружина жила при князѣ, другаго постоянного войска не было, а между тѣмъ предстояла безпрестанная нужда въ защитѣ границъ, угрожаемыхъ врагами: для этого также нанимались Варяги. Такъ Новгородцы со временъ Олега держать мира дѣля отрядъ Варяговъ, которымъ даютъ опредѣленную сумму денегъ; послѣ, какъ видно, этотъ отрядъ уже пересталъ набираться изъ Варяговъ, или, по крайней мѣрѣ, исключительно изъ нихъ, и слыветъ подѣ именемъ гридей; по Скандинавскимъ сагамъ извѣстно, что изгнанникъ Олафъ былъ у Кіевского князя начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ ³⁶⁵; такое значеніе имѣлъ вѣроятно Ярмъ Рагивальдъ на сѣверѣ при Ярославлѣ ³⁶⁶. — Войска въ битвахъ располагались обыкновенно тремя отдѣленіями; большой полкъ или чело, и два крыла; въ чело ставили Варяговъ наемниковъ ³⁶⁷; если не было наемниковъ, то земскіе полки, а дружину по крыламъ, сохраняя ее для рѣшительнаго нападенія. Когда рѣка раздѣляла враждебныя войска, и ни одно изъ нихъ не хотѣло первое переправиться, то употреблялись поддразниванія: такъ Святполковъ воевода поддразнивалъ Новгородцевъ, воевода Ярославовъ Польскаго Болеслава. Передъ выступленіемъ въ походъ трубили. Войска сходились (сступались) и расходились по нѣскольку разъ въ битвахъ, въ ожесточенныхъ схваткахъ брали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Было въ обычаѣ рѣшать войны единоборствомъ; боролись въ собственномъ смыслѣ слова, безъ оружія, схватывали другъ друга руками, и старались задушить противника, или повалить, ударить имъ о землю. Естественно, что въ пустынной, малонаселенной странѣ, наполненной непроходимыми лѣсами, болотами, озерами, рѣками, самый удобный путь для войскъ былъ водный;

водою ходили на ближайшія племена Славянскія, на Грековъ, на Болгаръ, на Мазовшанъ. Если говорится, что Святославъ ходилъ въ походъ безъ возовъ, то разумѣется, что въ сухопутныхъ походахъ обыкновенно возили возы съ припасами и шатрами, потому что одинъ Святославъ съ своими богатырями спалъ на открытомъ воздухѣ, подоставши подъ себя конскій потникъ и положивши сѣдло подъ голову. Когда въ походъ шли на лодьяхъ по рѣкамъ, то лошадей не брали, а конница, обыкновенно наемная, шла берегомъ; въ сухопутныхъ походахъ употреблялись лошади: Святославъ спалъ на конскомъ потникѣ, клалъ сѣдло въ головы, слѣдовательно, онъ ходилъ въ походъ на лошади, равно какъ и вся дружина его; иначе трудно объяснить ту быстроту, съ какою онъ, по лѣтописцу, ходилъ на враговъ. Во время сраженія Ярополка съ Олегомъ дрались на лошадяхъ ³⁶⁸. Въ 1042 году Владиміръ Ярославичъ ходилъ на Ямь на лошадяхъ же ³⁶⁹. Но при этомъ очень вѣроятно, что Русскіе, привыкши ходить въ лодьяхъ и биться пѣши, не были отличными всадниками, какъ свидѣлствуютъ Византійцы. О трудностяхъ сухопутныхъ походовъ можно судить по тому, что нужно было гораздо раньше исправлять дороги и мостить мосты. Города брали съ большимъ трудомъ, обыкновенно принуждали къ сдачѣ голодомъ или хитростію: Ольга цѣлый годъ стояла подъ Коростеномъ, и взяла его только хитростію; Владиміръ осадилъ Ярополка въ Роднѣ, но не бралъ города, а полагался на голодъ и предательство Блуда; Владиміръ не могъ взять Корсуни, грозился стоять три года, и принудилъ жителей къ сдачѣ, отнявши у нихъ воду. Только разъ Святославу удалось взять копьемъ (приступомъ) Переяславецъ Дунайскій. Оружіе состояло изъ мечей, копій, стрѣлъ, ножей, сабель, брони, щитовъ. Объ камнестрѣльныхъ машинахъ упоминаетъ Іоакимова лѣтопись въ рассказѣ о сраженіи Новгородцевъ съ Добрынею при Владимірѣ; но Византійцы также упоминаютъ объ нихъ. Употреблялись при войскѣ знамена, или стяги.

Обратимся къ остальному народонаселенію, городскому и

льскому. Мы видѣли, что прежніе города Славянскихъ пле-
 мей были не иное что, какъ огороженные села, жители кото-
 рыхъ занимались земледѣліемъ³⁷⁰. Это занятіе всего болѣе спо-
 собствуетъ сохраненію родового быта: по смерти общаго родо-
 вальника сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать
 родовую связь, чтобъ соединенными силами обрабатывать землю.
 Какъ же скоро среди народонаселенія являются другіе про-
 мыслы, мѣна, торговля, какъ скоро для членовъ рода является
 возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склон-
 ностямъ, является возможность посредствомъ собственной, само-
 стоятельной дѣятельности приобрѣсть больше другихъ членовъ
 рода, то съ тѣмъ вѣстѣ необходимо должно являться стремле-
 ніе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной дѣятельности;
 следовательно, если въ концѣ описываемаго періода мыви димъ
 различныя занятія, торговлю въ городахъ, то необходимо должны
 предположить ослабленіе родового быта. Различіе занятій и мѣна
 развивались уже тѣмъ, что среди городовъ явился новый эле-
 ментъ народонаселенія — воинскіе отряды, дружины князей; въ
 некоторыхъ городахъ поселились князья, въ другихъ — мужи
 ближе съ воинскими отрядами: этотъ приплывъ народонаселе-
 ния съ средствами къ жизни, но не промышленнаго само по
 себѣ, необходимо долженъ былъ породить торговлю и промы-
 шленность. Но замѣтимъ, что мы говоримъ все это о горо-
 дахъ и именно о такихъ, гдѣ наиболѣе развивались промышлен-
 ность и торговля; въ селахъ же и городахъ, сохранявшихъ
 прежнему характеру огороженныхъ селъ, безъ всякаго сомнѣ-
 нія, формы прежняго быта удерживались еще очень и очень долго.
 Ослабленію родового быта въ новыхъ городахъ, построенныхъ
 развалинъ, содѣйствовало то, что эти города обыкновенно напол-
 нились народонаселеніемъ, собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ,
 преимущественно съ сѣвера; переселенцы эти были вообще
 не пригодны для принятія новыхъ формъ быта, новыхъ условій
 общественной жизни, чѣмъ живущее разсѣянно, отдѣльными ро-
 дами сельское народонаселеніе; въ городахъ сталкивались чуже-
 зычны, для которыхъ необходимы были новыя правительствен-

ныя отношенія, новая гражданская связь. Наконецъ, ослабленію и паденію родового быта въ городахъ вообще должно было много содѣйствовать новое военное дѣленіе на десятки и сотни, надъ которыми поставлялись независимые отъ родовыхъ старшинъ начальники — десятскіе, соцкіе; что эти начальники сохраняли свое вліяніе и во время мира, доказательствомъ служить важное вліяніе, гражданское значеніе тысяцкаго: эти новыя формы соединенія, новыя чисто гражданскія отношенія необходимо должны были наносить ударъ старымъ формамъ быта. Появленіе города пробуждало жизнь и въ ближайшемъ къ нему сельскомъ народонаселеніи: въ городѣ образовывался правительственный центръ, къ которому должно было тянуть окружное сельское народонаселеніе; сельчане, которые прежде разъ въ годъ входили въ сношенія съ княжескою властію при платежѣ дани, теперь входили въ сношенія съ нею гораздо чаще, потому что въ ближайшемъ городѣ сидѣлъ мужъ князь, посадникъ; потомъ, какъ скоро городское народонаселеніе получило другой характеръ, чѣмъ прежде, то между нимъ и окружающимъ сельскимъ народонаселеніемъ необходимо должна была возникнуть торговля, въ слѣдствіе различія занятій. Съ другой стороны, подлѣ городовъ начали появляться села съ народонаселеніемъ инаго рода: князья, ихъ дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя ихъ рабами, купленными, или взятыми въ плѣнъ, также наймитами. Прибавимъ, что сосредоточенію народонаселенія около городовъ способствовало также церковное управленіе, учрежденіе въ городахъ епископскихъ кафедръ, которымъ были подвѣдомственны всѣ церкви въ окружности. Такъ посредствомъ городовъ, этихъ правительственныхъ колоній, наносился ударъ родовой особности, въ какой прежде жили племена, и вмѣсто племенныхъ названій, въ концѣ періода, мы встрѣчаемъ уже областныя, заимствованныя отъ главныхъ городовъ. Города въ описываемый періодъ упоминаются слѣдующіе: Новгородъ, Ладога, Бѣлозерскъ, Изборскъ, Псковъ, Юрьевъ, Ростовъ, Ярославль, Муромъ, Суздаль, Смоленскъ, Полоцкъ, Любечъ, Черниговъ, Лиственъ, Городецъ, Переяславъ,

Редя, Вышгородъ, Бѣлгородъ, Василевъ, Витичевъ, Искоростень, Овручъ, Туровъ, Владимиръ Волинскій, Курскъ Тмуторакань, Черемышль, Червень и другіе безыменные. Изъ этихъ городовъ Псковъ, Юрьевъ, Владимиръ Волинскій, Ярославль достоверно построены князьями; многіе изъ остальныхъ, по всей вѣроятности, построены также ими; нѣтъ сомнѣнія, что и кромѣ означенныхъ городовъ нѣкоторые, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, получили начало въ описываемый періодъ.

Въ противоположность князю, все остальное народонаселеніе носило названіе смердовъ. Въ Русской Правдѣ все княжеское, княжіе люди, княжая собственность постоянно противопоставляется смердѣму. Но какъ въ названіи мужа и дружины, такъ и въ названіи смерда мы не можемъ съ самаго начала искать точности, опредѣленности; смердъ означалъ простаго человѣка, и слѣдовательно это названіе могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; такъ смердъ противопоставляется мужу княжому; такъ сельское народонаселеніе, воля именовъ смердовъ, противопоставляется городскому. Въ противоположность мужу княжому простой человѣкъ назывался также людинъ. Вообще сельское народонаселеніе въ описываемое время считалось ниже городскаго; это прямо видно изъ свидѣтельства о томъ, какъ Ярославъ одѣлялъ своихъ воиновъ косъ побѣды надъ Святополкомъ: старостамъ (сельскимъ) далъ по 10 гривенъ, смердамъ по гривнѣ, а Новгородцамъ всѣмъ по десяти: сельскій староста приравненъ къ простому горожанину³⁷¹. Подлѣ свободныхъ людей, горожанъ и сельчанъ, находилъ рядъ людей зависимыхъ. Первая степень зависимости было закупничество или наймитство. Закупникъ или наймитомъ назывался работникъ, нанявшійся на извѣстный срокъ и за извѣстную плату, которую, какъ видно, онъ получалъ впередъ, въ видѣ займа. Если наймитъ бѣжалъ отъ господина до срока, то становился за это ему полнымъ (обельнымъ) холопомъ, Обелью. Наймитъ былъ обязанъ платить господину за всякій вредъ въ хозяйствѣ, причиненный его нерадѣніемъ; господинъ могъ бить наймита за вину; но если прибѣгъ безъ

вины, то платитъ за обиду какъ свободному, наймтъ въ этомъ случаѣ воленъ идти къ князю или судьямъ жаловаться. Если бы господинъ вздумалъ продать наймита какъ обель, то наймтъ получалъ полную свободу безъ обязанности выплаты господину взятое впередъ, а послѣдній долженъ былъ еще платитъ за обиду опредѣленную сумму. За преступленія найми передъ правительствомъ отвѣчалъ господинъ, при чемъ закупень становился ему обельнымъ холопомъ. Полное или обельное холопство происходило кромѣ того слѣдующими способами: рожденіемъ отъ холопа; если кто купитъ холопа за какую бы то ни было цѣну, хотя бы даже за полгривну, поставитъ свидетелей при куплѣ и отдастъ деньги предъ самимъ холопомъ; если кто женится на рабѣ безъ ряду, безъ условій съ господиномъ ея, то поступаетъ къ послѣднему въ полные холопы; если же женится съ условіями, то они имѣютъ силу; если же и поидеть къ кому въ тѣны или ключники также безъ ряду, наконецъ невозможность заплатить долгъ вела должника тамъ въ рабство къ заимодавцу. Значеніе холопа увеличивалось, смотря по значенію господина и по той пользѣ, какую онъ приносилъ; такъ за убійство сельскаго старосты или тѣна княжескаго боярскаго платилось по 12 гривень, за простаго холопа, равно какъ за холопа, принадлежащаго простому человѣку, смертью платилось только пять гривень; за ремесленника и за ремесленницу, за пѣстуна и за кормилицу платилось опять 12 гривень, за женщину-рабу шесть. За вредъ, причиненный холопомъ, отвѣчалъ господинъ; если холопъ осмѣливался бить свободного человѣка, то, по уставу Ярославову, лишался жизни. Въ Русской Правдѣ находимъ положеніе, что за убійство чужаго холопа безъ вины убійца платилъ господину цѣну убитаго, а князю 12 гривень продажи, пени, какъ за всякую порчу, истребленіе чужой собственности; какъ видно, господинъ имѣлъ право безнаказанно убить своего холопа, какъ безнаказанно могъ истребить всякую другую свою собственность. Произведеніе или приобрѣтеніе раба составляли собственность его господина. Холопъ не могъ быть свидѣтелемъ при слѣдствіи дѣла; пр

нуждѣ позволялось сослаться назакупа. — Кроме означенныхъ состояній, встрѣчаемъ еще особый разрядъ людей подъ именемъ изгоевъ. Изъ одного позднѣйшаго свидѣтельства³⁷² узнаемъ, какіе люди принадлежали къ этому разряду: сынъ священника, не умѣющій грамотѣ, холопъ, выкупившійся изъ холопства, накопецъ задолжавшій купецъ. Изъ этого видно, что изгоемъ вообще былъ человѣкъ, почему-либо не могущій оставаться въ прежнемъ состояніи, и не примкнувшій еще ни къ какому новому.

Князья были призваны для правды, въ слѣдствіе того, что особые роды не могли безпристрастно разбирать дѣла при враждебныхъ столкновеніяхъ своихъ членовъ; не было у нихъ правды, говоритъ лѣтописецъ. Какъ разбирались роды, намъ неизвѣстно, но безъ всякаго сомнѣнія между ними бывали случаи мирнаго разбирательства и соглашенія, и эти случаи служили примѣромъ; но эти случаи, какъ видно, были довольно рѣдки, большею же частію столкновенія оканчивались враждебно, возстаніемъ рода на родъ, что и повело къ мысли о необходимости третьяго судьи. Если поэтому главное значеніе князя было значеніе судьи, разбирателя дѣлъ, исправителя кривдъ, то одною изъ главныхъ заботъ его былъ уставъ земскій, о которомъ онъ думалъ съ дружиною, старцами городскими, а послѣ принятія христіанства съ епископами, — и вотъ Ярославу первому приписывается подобный писанный уставъ, подъ именемъ Русской Правды. Названіе Русской Правды получилъ этотъ уставъ, какъ видно, для отличія отъ уставовъ греческихъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли такое сильное вліяніе на юридическій бытъ Руси³⁷³. Русская Правда первыми строками своими напоминаетъ намъ о древнемъ бытѣ племенъ, какъ представляетъ его лѣтописецъ; но въ то же время указываетъ и на измѣненія, происшедшія въ этомъ бытѣ послѣ призванія князей. При родовомъ, особномъ бытѣ главная обязанность родичей состояла въ защитѣ другъ друга, въ мести другъ за друга; и если цѣлый родъ, какъ бы онъ ни былъ обширенъ и

развѣтвленъ, составлялъ одно, одинъ союзъ, подъ властію одного родоначальника, то всѣ члены его, въ какихъ бы ни было степеняхъ, имѣли одинаково эту обязанность. Въ Русской Правдѣ установлено, что въ случаѣ убійства родственникъ убитаго долженъ мстить убійцѣ; но эта обязанность ограничена извѣстными ближайшими степенями родства—знакъ, что родовой бытъ началъ уже ослабѣвать, что распространенію родовыхъ отношеній уже положена преграда. По Ярославову уставу, въ случаѣ убійства, братъ долженъ былъ мстить за брата, отецъ за сына и на оборотъ, дядя за племянника съ братней и сестриной стороны. Въ случаѣ, если не было мстника въ означенныхъ степеняхъ родства, то убійца платилъ князю пенью, виру, смотря по значенію убитаго, былъ ли то мужъ княжъ, или слуга княжій, котораго способности князь дорого цѣнилъ³⁷⁴, или простой человекъ: въ первомъ случаѣ убійца платилъ двойную виру (80 гривенъ), во второмъ простую (40 гривенъ); за женщину платилось полвиры. Такъ спустя полтора вѣка послѣ призванія князей, въ судномъ уставѣ еще сохранена месть, родовое самоуправство, остатокъ родовой личности, самостоятельности; но при этомъ мы видимъ во первыхъ, что родовая месть ограничена ближайшими степенями родства, во вторыхъ, что въ случаѣ отсутствія родича-мстителя, убійца долженъ вознаградить общество за убійство одного изъ его членовъ. Но если правительство брало съ убійцы денежную пенью, денежное вознагражденіе, то было ли въ обычаѣ, что родичь-мститель могъ отказаться отъ своего права мстить убійцѣ, взявъ съ него денежное вознагражденіе? На этотъ вопросъ Русская Правда не даетъ намъ отвѣта; изъ ея молчанія позволительно предположить, что подобныя соглашенія были мало употребительны, могли считаться постыдными для родичей; у Германцевъ они употреблялись, но не всегда: такъ въ одной сагѣ читаемъ, что отецъ, отвергая денежный окупъ за убійство сына своего, говоритъ: «Я не хочу моего убитаго сына носить въ денежномъ кошелькѣ»³⁷⁵. Обративъ вниманіе на большую крѣпость родовой связи у нашихъ племенъ въ опи-

сываемое время, чѣмъ у Германцевъ, можно допустить, что подобныя чувства были у насъ господствующими.

Мы видѣли, что послѣ родовой мести существовала также общественная пеня въ томъ случаѣ, когда не будетъ мстителя; но если при послѣднемъ обстоятельствѣ убійство будетъ совершено, и убійца скроется, то правительство чрезъ это лишается виры; для предотвращенія такого лишенія въ означенномъ случаѣ вира платилась цѣлымъ округомъ, вервью³⁷⁶, гдѣ совершенно убійство; такая вира называлась общею или дикою вирою. Вервь не платила въ томъ случаѣ, когда находили въ ней только кости, свидѣтельствовавшія о давности преступленія, не платила также за мертвеца, о которомъ никто не зналъ. Это установленіе дикой виры встрѣчаемъ мы и въ другихъ новорожденныхъ обществахъ, въ которыхъ правительственный организмъ еще незрѣлъ; при такомъ состояніи общества, полицейскія обязанности обыкновенно поручаются отдѣльнымъ округамъ, которые и отвѣчаютъ за всякій беспорядокъ, въ нихъ случившійся. Подъ дикою вирою разумѣлось также общее поручительство, по которому всѣ или нѣкоторые жители верви обязывались, въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ совершитъ убійство, помогать ему въ платежѣ виры. Существовалъ ли обычай дикой виры въ описываемое время, или явился позднѣе? Обязанность верви схватить и представить убійцу, или платить за него виру въ случаѣ, если не отыщутъ его, безспорно явилась вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о вирахъ; труднѣе рѣшить, когда явился обычай дикой виры въ видѣ сотоварищества для вспоможенія убійцѣ платить виру; если этотъ обычай существовалъ въ описываемое время, то долженъ былъ особенно усилиться послѣ Ярослава, когда мечь была окончательно замѣнена вирами. Правда различаетъ разбойничество, когда человекъ убилъ другаго безъ всякой вражды, отъ убійства по враждѣ, въ пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла имѣть мѣста; за разбойника люди не платили, но отдавали его съ женою и дѣтьми князю на потокъ (изгнаніе), домъ его отдавался на разграбленіе. Различіе разбойничества отъ убій-

ства въ ссорѣ, но враждѣ, должно было существовать въ описываемое время: трудно себя представить, чтобъ безразличность между этими двумя дѣйствіями могла удержаться долго послѣ принятія христіанства, когда уже при Владимірѣ мы видимъ, что епископы настаиваютъ на необходимости казнить разбойниковъ, съ испытаніемъ однако: уже этотъ совѣтъ духовенства испытывать, обращать вниманіе на обстоятельства и побужденія, велѣ необходимо къ означенному въ Правдѣ различенію между разбоемъ и убійствомъ въ ссорѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ: кромѣ того естественно было для общины требовать, чтобъ человѣкъ явно вредный, грозящій каждому гибелью, былъ исключаемъ изъ общины, не могъ въ ней долѣе оставаться. Также должна была община изначала смотрѣть и на зажигательство двора или гумна: зажигатель долженъ былъ заплатить за вредъ, причиненный пожаромъ, и потомъ осуждался также на потокъ, а дощъ его отдавался на разграбленіе.

Относительно увѣчій такое же постановленіе, какъ и относительно убійства: обиженный можетъ отомстить за себя обидчику тѣмъ же, ударъ за ударъ, увѣчье за увѣчье; если же не можетъ мстить, то беретъ себѣ денежное вознагражденіе и плату дѣкарю; въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляется, что князь получаетъ при этомъ пеню или продажу. Увѣчье и вознагражденіе за него различались смотря потому, какимъ образомъ оно будетъ нанесено; также смотря потому, могъ ли излѣчиться поврежденный членъ или нѣтъ, и по важности члена; обидою считалось дѣйствіе, въ которомъ обнаруживалось намѣреніе нанести побои или увѣчье.— Относительно, кражи похищенный обязанъ былъ возратить похищенное, и платить известную сумму за обиду, смотря по цѣнности украденнаго; исключеніе составляетъ въ нѣкоторыхъ спискахъ коневыи тать, котораго мѣръ выдавалъ князю на потокъ. Въ числѣ похищеній чужой собственности полагался уводъ, укрывательство бѣглаго холопа, помощь, оказанная ему во время бѣгства, нерадѣніе при поимкѣ. Упоминаются случаи порчи, истребленія

чужой собственности. Большую пеню платили за повреждение межевых знаков. Убийство вора не считалось убийством, если было совершенно при самом воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ; но считалось убийствомъ, если воръ былъ убитъ связанный или во время бѣгства.

Правда (слѣдованіе дѣла, исправленіе зла) происходила слѣдующимъ образомъ: обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей своей обиды; но ясные знаки побоевъ, увѣчья признавались достаточнымъ свидѣтельствомъ; свидѣтель долженъ былъ говорить слово въ слово, какъ самъ жалующійся; прежде всего спрашивалось, кто первый началъ драться, и зачинщикъ платилъ пеню. Если придетъ жаловаться человекъ съ ясными признаками побоевъ, но явятся свидѣтели, которые покажутъ, что онъ самъ былъ зачинщикомъ драки, то онъ ничего не получаетъ съ противника, и самъ не платитъ: побои вѣняются ему въ платежъ. Свидѣтель долженъ быть человекъ свободный; если не будетъ свободнаго, то по нуждѣ можно сослаться на боярскаго тиуна; въ маломъ искѣ по нуждѣ можно сослаться на закупня; впрочемъ истецъ могъ взять и холопа въ свидѣтели, но въ такомъ случаѣ, если отвѣтчикъ, послѣ испытанія желѣзомъ оправдается, то истецъ платитъ ему за то, что поклепалъ его по рѣчамъ холопа. Если не найдется свидѣтель, а обвиненіе будетъ въ убійствѣ, то обвиненный долженъ былъ подвергнуться испытанію желѣзомъ; это испытаніе употреблялось при обвиненіи въ воровствѣ, если поличнаго не было, и если цѣна украденной вещи была не менѣе полпривны золота: если же меньше, то употреблялось испытаніе водою; если же цѣна похищеннаго была менѣе двухъ гривенъ серебра, то обвиненный присягалъ въ своей невинности. Обычай испытанія желѣзомъ и водою у сосѣднихъ Руси народовъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, въ слѣдствіе чего мы и рѣшили отнести этотъ обычай къ описываемому времени. Какъ у насъ, такъ и у сосѣднихъ народовъ желѣзо предписывалось только въ тяжкихъ обвиненіяхъ³⁷⁷. Въ Ботеміи подсудимый обязанъ былъ простоять извѣстное время на

раскаленною желѣзъ, либо держать на немъ два пальца дл
тѣхъ поръ, пока совершитъ предписанную присягу. У Сербом
обвиненный долженъ былъ опустить руку въ раскаленный ко
тель, либо, выхвативъ желѣзо изъ огня при дверяхъ хра
отнести его къ алтарю. Подвергшійся испытанію водою долженъ
былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки; если о
при этомъ робѣлъ и иѣшался, то проигрывалъ дѣло. Здѣ
начало пытки³⁷⁸. Когда обокраденный объявитъ немедленно
своей пропажѣ во всеуслышаніе на торгу, то по отысканіи
своей вещи имѣлъ право взять ее у кого нашелъ безъ всякихъ
судебныхъ формъ, и тотъ, у кого найдена вещь, обязанъ зап
титъ хозяину за обиду, а князю продажу. Если же обокраден
не повѣститъ о своей пропажѣ на торгу, и увидитъ ее у
го-нибудь другаго, то не можетъ сказать ему: «это мое,»
обязанъ вести его на сводъ, чтобъ тотъ указалъ, гдѣ взя
вещь. Сводъ въ одномъ городѣ продолжался до конца, ес
же переходилъ черту города, то останавливался на треть
отвѣтчикъ, который долженъ былъ платить истцу деньги,
самъ бралъ вещь и отыскивалъ снова похитителя; при отыск
ваніи раба сводъ шелъ во всякомъ случаѣ только до треть
отвѣтчика, который отдавалъ истцу своего раба вмѣсто ук
деннаго, а самъ отыскивалъ настоящаго вора. Свода изъ сво
его города въ чужую землю не было; но отвѣтчикъ могъ та
ко представить свидѣтелей или мытника (сборщика торговы
податей), при которыхъ купилъ искъ, послѣ чего истецъ бра
свою вещь, не получая никакого вознаграженія за то, что вещь
съ нею пропало, а отвѣтчикъ терялъ свои деньги. Тоже о
мое происходило, когда отвѣтчикъ хотя и могъ посредство
двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника доказать, что о
дѣйствительно купилъ вещь или раба, но не знаетъ, у
именно; по отысканіи же своего продавца, онъ могъ взять
него свои деньги, и послѣдній обязанъ былъ удовлетвори
перваго истца за то, что у него пропало вмѣстѣ съ кра
нымъ. Если хозяинъ замѣтитъ покражу, а воръ уже убѣжал
то съ свидѣтелями и съ чужими людьми онъ гонится по сѣ

манъ вора; если слѣдъ приведетъ къ селу или шатру (товару), и жители села или владѣтели шатра не отведутъ отъ себя слѣду, не пойдутъ на слѣдъ или станутъ отбиваться, то должны платить в цѣну украденной вещи и продажу князю; если же слѣдъ исчезнетъ на большой дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни людей, ни жилищъ ихъ, то никто не платитъ. Въ разныхъ спискахъ Правды встрѣчаемъ уставы о процентахъ (рѣзѣ), существовавшіе во Владиміра Мономаха и при немъ изданные, о поклажѣ (рѣчь имущества на сохраненіе); о долговыхъ взысканіяхъ: если займодавецъ станетъ требовать съ должника своихъ денегъ, а тотъ запрется, что не бралъ, то займодавецъ выводитъ свидѣтелей которые, если присягнуть, что искъ его правый, то должникъ платитъ взятыя деньги и кромя того за обиду; въ некоторыхъ же спискахъ говорится: «если кто чего взыщетъ в другомъ, и послѣдній начнетъ запираться, то идти ему на разводъ предъ 12 мужей». Если купецъ, взявши въ долгъ деньги, потерпитъ убытокъ отъ кораблекрушенія, рати или огня, то займодавцы не имѣютъ права требовать съ него денегъ вѣдугъ: онъ выплачиваетъ имъ по немногу; если же должникъ пропьется или пробыется (вѣроятно если истеряетъ имущество на виры или платежи за побой), или своимъ нерадѣніемъ погубитъ чужое имущество, то отъ займодавцевъ зависитъ — ждать уплаты или продать должника. Если послѣдній будетъ долженъ множить, то займодавцы могутъ вести его на торгъ и продать; выученными деньгами прежде всего удовлетворяются иностранцы — купцы, гости, остальное дѣлятъ свои займодавцы; если же должникъ будутъ княжія деньги, то князь удовлетворяется прежде всѣхъ.

О наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ слѣдующія статьи: если умретъ простой человекъ, смердь, и сыновей у него не будетъ, то имущество его переходитъ къ князю; если останутся у него дочери, то давать часть на нихъ, какую — не сказано: впрочемъ она зависѣла отъ князя; если же дочери будутъ за мужемъ, то не давать имъ части. Если умретъ бояринъ или дружинникъ, то имѣніе нейдетъ къ князю; но если не бу-

детъ сыновей, то дочери возьмутъ. Послѣ призванія князей въ городахъ община замѣнила родъ, родоначальника замѣнилъ князь — Рюриковичъ, имѣніе бездѣтнаго смерда переходило къ общинѣ, въ распоряженіе князя, дочь наследовала по старому обычаю, ибо ея назначеніе было оставить свой родъ для чужаго, незамужняя женщина не могла быть самостоятельной владѣлицею, самостоятельнымъ членомъ общины, какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода. Что имѣніе могло идти только къ сыновьямъ, а не въ боковыя линіи, это было необходимо въ описываемое время: родичъ, выдѣлившійся изъ рода, прерывалъ съ послѣднимъ всякую связь: ни онъ не имѣлъ права вступаться въ общую родовую собственность, ни остальные родичи также не имѣли права вступаться въ его имущество. Такое рѣзкое выдѣленіе было необходимымъ слѣдствіемъ твердости родовой связи: кто нарушалъ эту связь, тотъ нарушалъ ее совершенно, становился совершенно чужимъ, ничего средняго быть не могло. Такимъ образомъ означенное положеніе Русской Правды о наследствѣ служитъ признакомъ только-что начавшагося перехода отъ родового быта, когда еще не работали отношенія по одной кровной связи, безъ всякаго отношенія къ единству рода, и къ общему владѣнію родовой собственностью: можно выразиться такъ, что это положеніе Русской Правды знаменуетъ переходъ отъ родовыхъ отношеній къ родственнымъ. Такъ какъ выдѣлы изъ родовъ по означеннымъ выше причинамъ должны были происходить въ описываемый періодъ, преимущественно въ городахъ, то мы и почли приличнымъ упомянуть здѣсь о положеніи Русской Правды относительно наследства, тѣмъ болѣе, что положеніе ея о наследствѣ послѣ дружинника безспорно носить признаки глубокой древности. Мы замѣтили, что имущество простаго человека, смерда, шло къ князю, потому что князь Рюриковичъ замѣнилъ для смерда прежняго князя — родоначальника: но вовсе не таково было отношеніе дружинника къ князю. Дружинникъ былъ вольный слуга князя: первоначальную дружину составляли пришлецы, Варяги, которые могли оставаться въ службѣ князя

сколько хотѣли; они получали содержаніе отъ князя за свою службу; они не входили вмѣстѣ со смердами въ составъ общины, они составляли особое отъ общины тѣло, которое община содержала для собственной защиты; отсюда община, казна общественная или княжеская не могла брать имущества умершаго дружинника, которое представляло не иное что какъ жалованье, полученное дружинникомъ за службу князю и землѣ; вольный дружинникъ, вступая въ службу къ князю, никакъ не могъ согласиться, чтобъ добытое имъ имущество на службѣ по его смерти отнималось у его дочерей и переходило къ общинѣ, къ которой онъ могъ имѣть только временное отношеніе; при этомъ очень часто могло случаться, что имущество это было имъ накоплено въ другихъ странахъ, на службѣ другому князю, другой землѣ. Мы назвали этотъ обычай, относительно боярскаго наслѣдства, древнимъ, отнесли его къ описываемому періоду именно потому, что онъ предполагаетъ особенность дружинника, какъ пришлеца, могущаго быть только временнымъ слугою княжескимъ: это же отношеніе особенно было сильно въ началѣ нашей исторіи. Изъ остальныхъ положеній о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ читаемъ о правѣ отца при смерти дѣлить домъ свой дѣтямъ; если же умереть безъ завѣщанія (безъ ряда), то имѣніе идетъ всѣмъ дѣтямъ, которыя обязаны дать часть по душѣ умершаго; дворъ отцовскій всегда идетъ меньшему сыну. Сестра при братьяхъ не получала наслѣдства, но послѣдніе обязывались выдать ее замужъ. Жена, если остается жить съ дѣтьми, имѣетъ право на часть наслѣдства; но когда мужъ назначилъ или далъ ей особый участокъ изъ своего имущества, то она уже не наслѣдуетъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Мать можетъ раздѣлить свое имущество между всѣми сыновьями, или же отдать его какому-нибудь одному, даже одной дочери; но если она умереть, не распорядившись, то наслѣдство послѣ нея получаетъ тотъ, у кого она жила въ домѣ, кто ее кормилъ, и у кого она умерла. Изъ дѣтей отъ двухъ разныхъ отцовъ тѣ и другія получаютъ только наслѣдство послѣ своего отца; а если они отъ разныхъ матерей, то наслѣдство послѣ своей матери. Если мать мало-

лѣтнихъ сиротъ пойдетъ замужъ, то они съ наслѣдствомъ своимъ поступаютъ въ опеку къ ближайшему родственнику; отчимъ также могъ быть опекуномъ. Опекунъ бралъ имѣніе малолѣтнихъ передъ добрыми людьми и въ послѣдствіи обязанъ былъ возвратитъ его въ цѣлости, вмѣстѣ съ приплодомъ, отъ скота и челяди, имѣя право удержать у себя только проценты или торговую прибыль, въ награду за свои попеченія. Если жена, давши слово сидѣть по смерти мужа съ дѣтьми, растеряетъ имущество послѣднихъ и пойдетъ за-мужъ, то должна выплатитъ дѣтямъ все ею потерянное. Жена имѣетъ право оставаться по смерти мужа въ его домѣ съ дѣтьми, и послѣдніи не смѣютъ этому противиться. О незаконныхъ дѣтяхъ встрѣчаемъ слѣдующее положеніе: «если будутъ у мужа дѣти отъ рабы, то они не имѣютъ доли въ наслѣдствѣ, но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью.» Очень важно было бы знать время появленія этого устава. Вѣроятно духовенство съ самаго начала старалось полагать различіе между законными и незаконными дѣтьми; но сомнительно, соблюдалось ли строго это различіе во времена Ярослава. Любопытно, что уставъ обращаетъ вниманіе на дѣтей отъ рабы, признаетъ ихъ, хотя несовершенно; хотя лишаетъ ихъ наслѣдства, однако даетъ имъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Полное признаніе незаконности ихъ не допустило бы уставъ обратитъ на нихъ вниманіе.

На комъ лежала обязанность приводить судебный приговоръ въ исполненіе, то есть, подвергать виновнаго наказанію, собирать пени, получать судебныя пошлины, взыскивать частное вознагражденіе, и какія средства можно было употреблять въ случаѣ сопротивленія со стороны осужденнаго? — на все это нѣтъ достаточныхъ указаній въ Русской Правдѣ. Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о важномъ значеніи при судѣ тѣна княжескаго, отъ котораго зависѣло рѣшитъ дѣло право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пеню, откуда заключаемъ, что тѣнъ былъ приставникомъ княжескимъ при судѣ, обязаннымъ смотрѣть за исполненіемъ устава. Кроме того при судопроизводствѣ упоминаются еще слуги кня-

жескіе съ разными названіями — ябедника, вирника, метельника, мечника (кажется одно и тоже), дѣтскаго, отрока (кажется одно и тоже); встрѣчаемъ и писца; въ пользу этихъ лицъ установлены были особыя судныя пошлины; кромѣ того во время слѣдствія дѣла они получали содержаніе на счетъ жителей того мѣста, гдѣ производилось слѣдствіе. Наконецъ въ Правдѣ встрѣчаемъ статьи, которыми опредѣляется пеня за то, если подвергнуть мукѣ, тѣлесному истязанію огнищанина, тиуна, мечника или простаго человѣка, смерда, безъ княжескаго приказанія, слѣдовательно эти люди могли подвергаться тѣлесному истязанію по приказу княжескому. Какъ поступалъ князь съ людьми, входившими въ столкновеніе съ его властію, видно изъ поведенія Ярослава съ дядею его, Новгородскимъ посадникомъ Константиномъ Добрыничемъ.

Разсмотрѣвъ содержаніе Русской Правды, во сколько при настоящей, очень неудовлетворительной обработкѣ этого памятника, можно имъ воспользоваться, мы обратимся теперь къ нравамъ эпохи, какъ они представляются намъ Правдою и лѣтописью. Кровавая месть, частая возможность убійства въ ссорѣ, на пирахъ, поступки Игоря съ Древянами и Древянъ съ нимъ, ищеніе Ольги, умноженіе разбоевъ при Владимірѣ, поступки Добрыни въ Полоцкѣ съ семьєю Рогволода, потомъ съ Ярополкомъ, поведеніе Святополка — вотъ нравы языческаго общества. Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами; сила физическая на первомъ планѣ — ей весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ — вотъ герой эпохи. Въ битвахъ личная, матеріальная сила преобладаетъ, отсюда видимъ частыя единоборства, въ которыхъ оружіе не употребляется: борются обыкновенно схватывая другъ друга, желая раздавить и ударить объ землю: оружіе — это уже человѣческое, искусственное, замѣняющее животненную силу; при владѣніи оружіемъ требуется ловкость, искусство. Съ выдѣлкою оружія въ древности соединяли всегда

понятіе о мудрости, хитрости; въ сѣверныхъ преданіяхъ оружіе куютъ обыкновенне карлы волшебники: эти существа лишены матеріальной силы, и не смотря на то, оружіе, произведеіе ихъ искусства, ихъ духовной дѣятельности, дѣлаетъ героевъ непобѣдимыми. Но должно замѣтить, что одну животненную силу и единоборство любятъ употреблять преимущественно восточные варвары: такъ Печенѣги вызываютъ на единоборство Русскаго; такъ Редедя, князь Касожскій, вызываетъ Мстислава; азіатскія понятія высказываются въ томъ, что вожди въ поединкахъ рискуютъ счастіемъ, свободою семейства и подданныхъ. Высшую богатырскую природу, высшія стремленія выставляетъ Европа, Русь въ лицѣ Святослава. Преданіе не говоритъ объ его страшной физической силѣ, оно говоритъ о крѣпости духа, которая заставляла тѣло переносить всякаго рода лишенія; это герой дѣятельности, движенія: онъ ходитъ легко, какъ барсъ; онъ противоположенъ тѣмъ сказочнымъ богатырямъ, которые не двигаются отъ избытка матеріальной силы. Святославъ собственно не богатырь; онъ вождь дружины, которая похожа на него; онъ любитъ оружіе, онъ отказывается отъ поединка съ Цимисхіемъ: онъ первый между дружинниками, бьется въ челѣ ихъ, но не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Святославу вторитъ Вышата: «Живъ ли буду — съ дружиною; погибну ли — вмѣстѣ съ нею». — Вообще въ преданіяхъ, занесенныхъ въ лѣтопись, безъ труда можетъ замѣтить эту борьбу Востока съ Западомъ, Азіи съ Европою: борьба происходитъ за Дономъ, часто за Днѣпромъ, подлѣ самаго Кіева; но вездѣ видимъ характеристическія черты борющихся сторонъ: со стороны Азіи выходитъ громадный Печенѣгъ, со стороны Руси — Янъ Усмошвецъ, человекъ по наружности очень обыкновенный, незначительностію своего вида возбуждаетъ насмѣшки великана; но побѣждаетъ его. Редедя, князь Касожскій вызываетъ Мстислава на поединокъ; Мстиславъ чувствуетъ уже, что противникъ одолеваетъ его, и однако Русскій князь побѣждаетъ Азіатца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. — Но какъ бы

то ни было, мы видимъ повсюду проявленія матеріальной силы, на первое мѣсто, ей почетъ отъ князя до простолюдина; чрезъ нее простолюдинъ можетъ сдѣлаться великимъ мужемъ, какъ дѣлался Янъ Усмошвецъ, она вѣрное средство для пріобрѣтенія славы и добычи. При господствѣ матеріальной силы, при необузданности страстей, при стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, въ постоянномъ употребленіи матеріальной силы — нравы не могли быть мягки; когда силою можно взять все, когда право силы есть высшее право, то конечно сильный не будетъ сдерживаться предъ слабымъ: «съ дружиною пріобрѣту серебро и золото», говоритъ Владиміръ, и тѣмъ указываетъ на главное, вѣрнѣйшее средство къ пріобрѣтенію серебра и золота; они пріобрѣтались оружіемъ, пріобрѣтались сильнымъ на счетъ слабого. Князья идутъ на Грековъ, чтобъ взять золото, драгоценности; если съ дружиною можно было пріобрѣсть богатство, то богатство необходимо было для содержанія дружины; хорошимъ княземъ считался тотъ, который ничего не щадилъ для дружины; дружина Игоря требуетъ, чтобъ князь шелъ съ нею въ дань; Игорь и дружина его прямо объявляютъ, что цѣль ихъ похода — золото, что если Греки дадутъ имъ его, то имъ больше ничего не нужно; дружина Владиміра жалуется, что князь корнитъ ее съ деревянныхъ ложекъ. Славные подвиги нужны были для богатства, богатство нужно было для совершенія славныхъ подвиговъ: обѣ страсти питали одна другую. Но при этомъ мы видимъ однако, что въ образцѣ тогдашняго героя чистое корыстолюбіе, страсть къ богатству для богатства было осуждено: такъ Святославъ не обращаетъ вниманія на богатые подарки императора, и любитъ однимъ оружіемъ; простота, презрѣніе къ роскоши выставлены въ Святославѣ какъ достоинство; добрый князь не можетъ быть скупымъ, онъ не щадитъ ничего для дружины: таковъ Владиміръ и сынъ его Мстиславъ. — Не смотря на уваженіе къ силѣ, она не считалась единственно возвоеннымъ средствомъ къ торжеству; хитрость цѣнилась также высоко, считалась мудростію; перехитрить, переключить

каты было тоже подвигъ. — Легко понять, что всѣ прирединныя стремленія сильного не знали границъ при возможности удовлетворить имъ: таково женолюбіе язычника Владиміра. Богатыри послѣ подвиговъ силы не знали другихъ наслажденій кромѣ матеріальныхъ: «Руси есть веселіе пити», говорятъ Владиміръ; въ преданіи съ восторгомъ говорится о количествѣ блюдъ на пирахъ этого князя.

Мы видѣли, какъ законъ слабо сдерживалъ проявленія матеріальной силы, позволяя частную месть или выкупъ деньгами. Представляла ли славянская языческая религія какое-нибудь противоборство имъ? кажется никакого. Одно только нравственное противоборство могла представить власть родительская; многобъитенъ разсказъ старика, отца Усмошвецова: однажды, говоритъ онъ, я бранилъ своего младшаго сына, и тотъ въ сердцахъ разорвалъ воловью кожу. Вотъ вѣрная картина быта богатырь принужденъ выслушать укоры стараго отца; матеріальная сила кипитъ, просится вонъ, но сдерживается, и оканчивается только въ бессмысленномъ гнѣвѣ на невинную вещь. Игорь покорствуеетъ Олегу, ходитъ по немъ, какъ сынъ; Святославъ сердится на мать за совѣты принять христіанство, и отговаривается дружиною; Владиміръ повинуется дядѣ Добрыни, посылаетъ сказать Блуду, что будетъ имѣть его вмѣсто отца — большаго выраженія для чести и власти не было. — Преобладаніе матеріальной силы, разумѣется, не могло условливать уваженія къ слабѣйшему полу вообще; но при отсутствіи опредѣленій, женщина могла, пользуясь иногда своимъ преимуществомъ духовнымъ, а иногда даже и силою матеріальною, играть важную роль; мудрѣйшею изъ людей въ описываемый періодъ является женщина — Ольга, которая правитъ Русью во время малолѣтства Святослава, да и послѣ совершеннолѣтія. Женщины провожаютъ мужей своихъ на битвы; пѣсни, содержаніе которыхъ относится ко временамъ Владиміра, упоминаютъ о женщинахъ чародѣйкахъ. По свидѣтельству тѣхъ же пѣсней, женщины участвовали вмѣстѣ съ мужчинами въ пирахъ княжескихъ, похваляясь своею хитростію, мудростію; стыдливости мало.

въ ихъ бесѣдахъ, выходы матеріальной силы и тутъ на первомъ планѣ³⁷⁹. — Владиміръ совѣтуется съ своею женою Анною о церковномъ уставѣ; княгини имѣютъ свои волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберетъ храбрѣйшихъ дружинниковъ. Рогволодъ Полоцкій отдаетъ дочери на рѣшеніе, за кого она хочетъ выдти замужъ; Предслава переписывается съ Ярославомъ о поступкахъ Святополковыхъ. — Въ такомъ состояніи застало нравы новорожденнаго Русскаго общества христіанство, о вліяніи котораго будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ обычаямъ. Мы не знаемъ, какіе обряды совершались при рожденіи ребенка; знаемъ изъ лѣтописи и изъ Правды, что къ дѣтямъ приставлялись кормилицы или воспитатели, упоминаются также кормилицы; трудно рѣшить, въ какомъ значеніи принимались послѣднія, въ одномъ ли нашемъ тѣсномъ значеніи женщинъ, кормящихъ грудью ребенка, или въ обширномъ значеніи нянекъ, точно такъ какъ воспитатели, пѣстуны мужчинъ назывались кормилицами. Князья женились рано: Владиміръ, будучи очень молодъ, сватался на Рогнѣдъ, но уже прежде былъ женатъ на матери Вышеслава. Изъ подробностей брачныхъ обычевъ мы знаемъ только четыре: сватовство — женихъ обращался къ отцу невесты съ предложеніемъ; невеста въ день свадьбы одѣвалась въ лучшее платье, княжна во всю утварь царскую; упоминается объ обычаяхъ разуванія мужа молодою женою, обычай, который находимъ одинаково у племенъ Славянскихъ и Литовскихъ; наконецъ знаемъ, что за жену платилось вѣно. — Мертвыхъ пегребали на горахъ, насыпали курганы надъ могилами, совершали тризны. Византійскій историкъ такъ описываетъ погребеніе воиновъ Святославовыхъ³⁸⁰: «Ночью, при появленіи полной луны, непріатели (Руссы) вышли изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, расположенныхъ у стѣны; въ то же время они умертвили, по своему обычаю, множество цѣльныхъ мужчинъ и женщинъ, утопили въ Дунаѣ грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ. Арабскіе писатели говорятъ, что Сла-

вяне и Руссы жгли своихъ мертвецовъ съ разными пожитками, животными и женами. — Жилища носили разныя названія, упоминаются терема: такъ въ Кіевѣ былъ каменный теремъ княжескій съ дворомъ; онъ состоялъ изъ разныхъ покоевъ, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пировъ и, вѣроятно, для совѣта. Подъ именемъ терема въ обширномъ смыслѣ разумѣли, какъ видно, то, что мы теперь называемъ дворцомъ, большое, видное по своей красотѣ зданіе. Общее названіе для дома было хоромы, состоявшія изъ теплаго жилья — избъ (истба, истопка) и холодныхъ, лѣтнихъ покоевъ — клѣтей. Загородные, лѣтніе дворы, какъ напримѣръ Берестовскій Святаго Владиміра, состояли, разумѣется, изъ однихъ холодныхъ покоевъ, или клѣтей. Клѣти соединялись другъ съ другомъ сѣнями, переходами или помостами, какъ видно изъ описанія кончины Святаго Владиміра³⁸¹; въ хоромахъ напередѣ придѣлывались сѣни или крыльца на столпахъ, что видно изъ описанія мученической кончины двухъ Варяговъ³⁸². Около хоромахъ были дворы, огороженные заборомъ³⁸³. Кромѣ клѣтей упоминаются одрины, спальни (отъ одръ; ложе), вежи (чердаки, вышки), голубятни (голубники³⁸⁴); изъ службъ упоминаются бани и медуши (гдѣ берегли медъ). Изъ утварей встрѣчаемъ названія — одръ (кровать); столъ въ значеніи княжескаго сѣдалища, что теперь престолъ; обыкновенно лавки въ пѣсняхъ называются бесѣдами; въ лѣтописи упоминается Пасынча бесѣда. Упоминаются ковры, которыми, вѣроятно, покрывали болѣе столы и лавки, чѣмъ полы. Изъ названій платья встрѣчаемъ порты въ обширномъ и тѣсномъ значеніи: изъ верхняго платья упоминаются корзны и луды (епанчи); къ одеждамъ отнесли мы перегибы и сустуги, въ которыхъ величались древлянскіе послы; упоминаются убрusy — платки. Обувь употреблялась таже, что и теперь — сапоги и лапти. Матеріаломъ для одежды служили ткани, паволоки греческія, льняныя и шерстяныя самодѣльныя, мѣха. По описанію Льва Діакона, Святославъ, при свиданіи съ Цимисхіемъ, какъ видно, былъ въ одной рубашкѣ; въ одномъ ухѣ вдѣта была золотая

серьга съ двумя жемчужинами и рубиношъ; о корзнѣ, плащѣ или кафтанѣ, который надѣвался въ одинъ рукавъ, а на другое плечо только накидывался, говоритъ Арабскій писатель Ибнъ-Фоцланъ; такъ носить верхнюю одежду любятъ до сихъ поръ нашъ народъ. По свидѣтельству Арабовъ, Русскія женщины носили на груди маленькія коробочки изъ разныхъ дорогихъ и недорогихъ металловъ, смотря по достатку мужа; на коробочкѣ было кольцо, къ кольцу привязывался большой ножъ; на шеѣ женщины носили золотыя и серебряныя цѣпи, также ожерелья изъ зеленого бисера. Носить усы и бороду было въ обычаѣ: Русская Правда упоминаетъ о ихъ поврежденіи; о святомъ Борисѣ говорится, что у него, какъ у юноши, усъ и борода были малые. — Изъ конской сбруи упоминаются въ лѣтописи сѣдла и узды. Для ѣзды употреблялись возы въ смыслѣ нынѣшнихъ повозокъ, и кола въ смыслѣ нынѣшнихъ дрогъ или дровень. Названіе сани употреблялось одинаково для зимне- и лѣтней повозки³⁸⁵. — Въ пищу употребляли хлѣбъ, мясо дикихъ животныхъ и домашняго скота, между прочимъ конское, рыбу, овощи, сыры, кисели изъ пшеницы, отрубей, овса, кисельный растворъ назывался цѣжью (отъ цѣдить³⁸⁶); кисель ѣли съ сытою. У князей были повара; мясо варили въ котлахъ, пекли на угольяхъ; посуда была: кади, лука (лукошки), ведра, котлы³⁸⁷, корчаги, бочки, ложки (деревянныя и серебряныя), ножи; упоминаются колодцы. Пили вино, медъ, квасъ. Изъ увеселеній упоминаются охота, рыбная ловля и пиры. Если принимать свидѣтельство Русской Правды для описываемаго времени, то охота была псовая, ястребиная и соколиная; животныя эти дорого цѣнились. Любили бани, преимущественно, какъ видно, на сѣверѣ; южные жители смѣялись надъ пристрастіемъ сѣверныхъ къ банямъ³⁸⁸.

Занятія жителей составляли: земледѣліе³⁸⁹; жители городовъ воздѣлывали нивы и земли свои. На скотоводство указываютъ слова Древлянъ: «если повадится волкъ къ овцамъ, то выносить стадо»; Константинъ Багрянородный говоритъ, что Руссы покупаютъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ у Печенѣговъ, по-

*
* *

тому что эти животныя не разводятся въ Россіи. Слова эти можно понимать такъ, что количество рогатаго скота и овецъ, питаемыхъ племенами, было недостаточно для потребленія собственно Руссовъ, которые должны были покупать скотъ у Печенѣговъ. Въ Русской Правдѣ упоминаются: кони, волы, бараны, козы, свиньи; мясо послѣднихъ животныхъ, какъ видно, особенно любили ³⁹⁰. Птицеводство: въ Русской же Правдѣ упоминаются цѣнныя птицы: голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди. Упоминаются овощи,— слѣдовательно можно заключать объ огородничествѣ. Рыболовство, звѣрловство, пчеловодство подразумѣваются. Изъ ремеслъ встрѣчаемъ указаніе на плотничество, которымъ занимались особенно Новгородци и вообще жители сѣверныхъ областей, рубившіе лодки въ лѣсахъ своихъ, и привозившіе ихъ на продажу въ Кіевъ; о рубленіи городовъ, мощеніи мостовъ упоминаетъ и лѣтопись, и Правда; о кожевничествѣ упоминаетъ лѣтопись въ разсказѣ о Янѣ Усмошвецѣ; безъ сомнѣнія, разныя грубыя ткани для обыкновенной одежды выдѣлывались также дома, равно какъ необходимая посуда, деревянная и глиняная, напримѣръ о дѣланіи горшковъ въ Новгородѣ есть прямое указаніе ³⁹¹. Касательно искусствъ въ до-христіанское время упоминается только объ одномъ каменномъ зданіи, теремѣ княжескомъ въ Кіевѣ, построенномъ безъ сомнѣнія Греческими мастерами, потому что и послѣ каменьщики и зодчіе выписывались изъ Византіи; неизвѣстно, дома или на чужбинѣ дѣлались истуканы Владиміровы. Собственно же говоря, искусство начинается на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ: Владиміръ послалъ въ Грецію за мастерами, которые построили въ 989 году Десятинную церковь въ Кіевѣ. По извѣстію лѣтописей, изъ Греціи пришли каменосѣчцы и зиждители палатъ каменныхъ ³⁹². Ярославъ построилъ каменную крѣпость въ Кіевѣ и соборную церковь Святой Софіи (митрополію), которую украсилъ золотомъ, серебромъ и сосудами; сынъ его Владиміръ въ Новгородѣ построилъ также крѣпость и соборъ Святой Софіи; при Ярославѣ же въ Кіевѣ построены монастыри Святаго Георгія и Святой Ирины ³⁹³.

Дитмаръ говоритъ, что въ его время въ Кіевѣ было 400 церквей и 8 торговъ ³⁹⁴; Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя ³⁹⁵, число церквей крайне преувеличено или цифра искажена ³⁹⁶; но общаго впечатлѣнія и отзвонъ нельзя отвергнуть.

Кіевъ былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ тому, что служилъ складкою товаровъ между южною и сѣвѣрною Европою; обратимся же теперь къ торговлѣ, путемъ которой были Русскія области въ описываемое время. Мы видѣли занятія племень: была ли въ числѣ ихъ торговля? существовала ли мѣна произведеній между племенами до появленія среди нихъ Варяговъ-Руси? Повсемѣстная почти одинаковость произведеній въ странѣ, обитаемой Славянскими племенами, сильно препятствовала мѣнѣ: что могли вымѣнивать другъ у друга Поляне и Сѣверяне, Древляне и Дреговичи, Кривичи и Радимичи? Образъ жизни ихъ былъ одинаковъ; одинакія занятія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію: у Древлянъ былъ хлѣбъ, медъ, воскъ, звѣриныя кожи; то же было у Полянъ и другихъ племень. Но съ призваніемъ Варяжскихъ князей, съ появленіемъ ихъ дружины, дѣла начали перемѣняться; среди земледѣльческаго народонаселенія, добывавшаго все нужное безъ раздѣленія занятій, сосредоточенныхъ въ семьѣ, явилась воинская дружина, образовались, слѣдовательно, два различныхъ слоя народонаселенія, съ различными занятіями — и является мѣна: Константинъ Багрянородный говоритъ, что Славянскія племена, подчиненныя Руссамъ, зимою рубятъ въ лѣсахъ своихъ лодки — однодеревки; отдѣлываютъ ихъ, и весною, какъ ледъ растаетъ, спускаютъ въ ближнія озера, и потомъ дагѣ по Днѣпру въ Кіевъ; здѣсь вытаскиваютъ ихъ на берегъ и продаютъ Руссамъ, которые покупаютъ только однѣ лодки и весла, уклучины же и другія снасти дѣлаютъ сами изъ старыхъ судовъ. Вотъ начало внутренней торговли! Но любопытно, какъ и здѣсь еще раздѣленіе занятій было неполно: Руссы покупали только остовы лодокъ у Славянъ, снасти же дѣлали сами. Не смотря на то, это явленіе очень важно для

историка: сѣверныя Славянскія племена, эти знаменитые плотники уже промышляютъ, рубятъ лодки, сплавляютъ ихъ, доходятъ до Кіева; Днѣпръ связываетъ сѣверъ и югъ Русскихъ владѣній; сѣверныя племена двигаются, воспитываютъ въ себѣ духъ предприимчивости; они сперва только помогаютъ внѣшней торговлѣ, готовятъ лодки для торговцевъ; но это приготовленіе скоро повлечетъ ихъ самихъ къ торговлѣ болѣе дѣтельной и внѣшней.

Если внутренняя торговля явилась съ прибытіемъ Варяговъ—Руси, то и внѣшняя должна была явиться вмѣстѣ съ ними же. Жилища Славянскихъ племенъ—Новгородцевъ, Кривичей, Сѣверянъ, Полянъ находились на пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, изъ Варягъ въ Греки: здѣсь и основалось главное Русское владѣніе, концами котораго и вмѣстѣ главными пунктами, соединяющими сѣверъ и югъ, были Новгородъ и Кіевъ; Русское владѣніе тогда только получило полноту, когда Новгородскіе князья овладѣли и Кіевомъ; Кіевъ и Новгородъ не могли долгое время существовать отдѣльно; природа неразрывно соединила эти два города, и во все продолженіе нашей древней исторіи они находились въ неразрывномъ союзѣ; разстояніе между ними было путемъ; огромность этого разстояніи уменьшалась при удобствѣ сообщенія, потому что этотъ путь былъ водный. Новгородъ и Кіевъ—двѣ главныя стоянки на оконечностяхъ этого пути; историческая жизнь народовъ всегда загарается тамъ, на тѣхъ концахъ ихъ областей, гдѣ они сталкиваются съ другими народами историческими; для Славянскихъ племенъ мѣстомъ столкновенія съ историческими народами были концы великаго воднаго пути на сѣверѣ и югѣ—Новгородъ и Кіевъ; посредниками этого столкновенія были Варяги—Русь: они—то были первыми посредниками между сѣверомъ и югомъ Европы и въ торговомъ отношеніи; другимъ, побочнымъ путемъ, была Западная Двина,—и здѣсь другое, менѣе важное Русское владѣніе—Полоцкое княжество.—Но какой же характеръ носила первоначально эта торговля? Разумѣется, мы не можемъ перенести на нее понятія настоящаго времени о

торговлѣ. Торговля въ тѣ времена была тѣсно связана съ пиратствомъ: Варягъ являлся на извѣстный берегъ подѣ видомъ торговли, и дѣйствительно начиналъ торговать съ жителями; но при первомъ удобномъ случаѣ изъ купца онъ становился пиратомъ, и грабилъ тѣхъ, съ которыми прежде велъ мѣну. На этотъ двойственный характеръ древнихъ Русскихъ купцовъ лучше всего указываютъ договоры Грековъ съ нашими первыми князьями: въ нихъ Византійское правительство постоянно выговариваетъ для себя мѣры противъ буйства Руссовъ. Но, каковъ бы ни былъ характеръ послѣднихъ, они торговали съ Греціею, привозили туда товары сѣвера, и брали въ обмѣнъ товары юга.

Чѣмъ же торговали Руссы въ Константинополѣ? Главнымъ предметомъ торговли, съ ихъ стороны, были невольники; ихъ скованныхъ веди они во время труднаго перехода черезъ пороги; о невольникахъ находимъ особыя статьи въ договорахъ³⁹⁷. Кромѣ рабовъ Русскими товарами въ Константинополѣ считались воскъ и мѣха³⁹⁸; тѣ же товары — рабы, воскъ, медъ и мѣха, шли изъ Руси въ Болгарію, привозились въ Переяславецъ Дунайскій; на нихъ Русь вымѣнивала въ Константинополѣ и Переяславцѣ — Греческія паволоки, вино, плоды, золото (какъ товаръ), серебро и лошадей, привозимыхъ изъ Венгріи. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какъ добывали Руссы свои сѣверные товары? Конечно, они могли вымѣнивать ихъ у туземцевъ на какія-нибудь произведенія Греческой промышленности, малѣйшія для Грека, драгоцѣнныя для Радимича; но главнымъ источникомъ пріобрѣтенія были дани, и потомъ охота, которою дружина княжеская могла заниматься зимою во время пребыванія своего у племенъ. Мы знаемъ, что дань туземныхъ племенъ изначала состояла въ шкурахъ пушныхъ звѣрей; въ Ноябрь князья съ дружиною выходили на полюдь, или отправлялись къ подчиненнымъ племенамъ, разумѣется за данью: мы это знаемъ изъ исторіи Игоря; въ этихъ походахъ добывали и князь, и дружина. Возвратясь въ Апрельъ въ Кіевъ, князь и дружина привозили съ собою множество мѣховъ, ко-

торые надлежало сбыть съ рукъ, и вотъ немедленно послѣ прѣзда въ Кіевъ часть дружины отправлялась въ лодкахъ по Днѣпру и морю въ Константинополь и въ Болгарію. Воскъ и медь могли получаться тѣмъ же путемъ: мы знаемъ, что Древяне обязывались давать Ольгѣ медь. Рабовъ могла получать Русь съ сѣвера: Скандинавскіе пираты, опустошали берега почти всей Европы, могли доставлять большое количество невольниковъ въ Новгородъ, мѣнять ихъ Руссамъ на товары Греческіе и восточные, а безспорно и сами, въ видѣ гостей, спускались по восточному водному пути въ Константинополь. Рабовъ собственнымъ Руссамъ для торговли могли доставлять войны ихъ съ разными народами и съ племенами Славянскими въ томъ случаѣ, когда они должны были примучивать послѣдніе: такъ Ольга отдала Древянъ въ рабство мужамъ своимъ; но мы знаемъ, что такіе случаи бывали рѣдко. Разумѣется, что за раздачею дружинъ, у князя оставалось еще много мѣховъ, меду, воску, и что значительнѣйшую часть товаровъ, которыми торговали Руссы, составляло имущество княжеское.

Не въ одинъ Константинополь или Переяславецъ отправлялись Руссы съ означенными товарами; они ѣздили съ ними также на востокъ, въ города Козарскіе. Руссы входили изъ Азовскаго моря въ устье Дона, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ до пограничной Козарской прѣпости Серкель или Бѣлой Вѣжи³⁹⁹, перетаскивали здѣсь суда на сушу, и, пройдя съ ними небольшою волокѣю до Волги, спускались по этой рѣкѣ къ Итилю, столицѣ Козарской, находившейся около нынѣшней Астрахани. Главнымъ товаромъ, который Руссы привозили въ Итиль, были также мѣха. Потребность въ мѣхахъ усиливалась на востокъ съ распространеніемъ богатства и роскоши въ блестящее царствованіе Гаруна-аль-Решиды. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до насъ дошло извѣстіе, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела въ моду шубы, подбитыя Русскими горностаями или соболями; кромѣ мѣховъ, Руссы привозили на Волгу также и рабовъ. Въ обмѣнъ за означенные товары, Руссы могли брать у Арабовъ дорогіе камни, бисеръ,

особенно зеленаго цвѣта (нити его составляли любимое ожерелье Русскихъ женщинъ, которыхъ мужья раззорялись, платя верѣдко по диргею — отъ 15 до 20 копѣекъ серебромъ за каждую бисеринку), золотыя и серебряныя издѣлія, цѣпочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговики, бляхи для украшенія одежды и конской сбруи, быть-можетъ также шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино. Но, какъ видно, Руссы сильно ждали вымѣнивать на свои товары Арабскія монеты, диргеи, которые вездѣ и во всякомъ значеніи имѣли большую цѣнность. Посредствомъ этого пути, Арабскія монеты распространялись по разнымъ мѣстамъ тогдашнихъ Русскихъ областей; какъ рѣдкія, всегда цѣнныя вещи, какъ украшенія, переходили онѣ изъ рода въ родъ, изъ рукъ въ руки, закапывались въ землю вмѣстѣ съ жертвецами, зарывались въ видѣ кладовъ, и такимъ образомъ дошли до насъ⁴⁰⁰. По не одному пути мѣны могло дойти въ Россію большое количество монетъ⁴⁰¹; значительное количество ихъ должно было достаться Руссамъ во время счастливаго похода Святославова на Козарь, Буртасовъ и Болгарь Волжскихъ и вообще на востокъ, когда раззорены были тамошнія торговыя мѣста; Арабскія монеты могли быть завозимы въ Русскія области также Болгарами. Мы замѣтили уже, что значительнѣйшая часть товаровъ должна была принадлежать князю, слѣдовательно, значительнѣйшая часть вымѣненнаго на эти товары должна была возвратиться въ казну княжескую; отсюда монеты могли переходить къ дружинѣ; дружинники были люди вольные, хотѣли — служили князю, не хотѣли — шли домой, если родомъ были изъ Скандинавіи, и уносили съ собою служебную плату; они же были и купцами. Мы знаемъ также, что князья наши часто нанимали Варяговъ для одного какого-нибудь похода; разумеется, наемники брали плату свою преимущественно серебромъ, и такимъ образомъ диргеи изъ казны княжеской переходили къ наемнымъ Варягамъ: отсюда, кромѣ торговли, объясняется, почему на Скандинавскомъ берегу и на прилежащихъ къ нему островахъ находятъ такъ много кладовъ съ

восточными монетами. Одною торговлею объяснить этого нельзя, ибо какъ предположить, чтобъ количество и цѣнность товаровъ Скандинавскихъ такъ превышали количество и цѣнность товаровъ Русскихъ, Греческихъ и восточныхъ, шедшихъ чрезъ Россію, что липекъ долженъ былъ оплачиваться деньгами? Замѣтимъ также, что кромѣ зарытія монетъ въ могилы, клады въ понятіяхъ народа обыкновенно соединяются съ представленіемъ о разбойникахъ, зарывшихъ въ землю награбленное; что разбой въ описываемый періодъ были сильны, на это имѣемъ ясное свидѣтельство въ лѣтописяхъ и преданіяхъ; такимъ образомъ можетъ объясниться происхожденіе большихъ кладовъ, какъ напримѣръ близъ Великихъ Лукъ найденъ кладъ въ семь слишкомъ тысячъ цѣлковыхъ. Предполагая разбойничество какъ одну изъ средствъ накопленія большихъ кладовъ, мы не отвергаемъ возможности накопленія значительныхъ капиталовъ и посредствомъ торговли; но здѣсь замѣтимъ, что никакъ нельзя утверждать, будто клады, въ которыхъ находятся куфическія монеты, напримѣръ X вѣка, непременно были зарыты въ этомъ вѣкѣ; монеты X-го вѣка, могли зайти на Русь въ этомъ вѣкѣ, но могли оставаться здѣсь въ обращеніи и въ сохраненіи и въ послѣдующіе вѣка, переходить изъ рода въ родъ, наконецъ скопляться разными средствами въ однѣхъ рукахъ и зарываться въ землю чрезъ много вѣковъ спустя послѣ ихъ перваго появленія: такимъ образомъ, отъ большихъ кладовъ съ куфическими монетами X-го вѣка никакъ еще нельзя заключать о большихъ торговыхъ капиталахъ въ этомъ вѣкѣ на Руси.

Кромѣ Руссовъ, посредниками торговли между Европою и Азіею въ описываемое время были Болгары Волжскіе. Въ рукахъ этихъ Болгаръ была торговля съ сосѣдними народами сѣверо-востока и сѣверозапада; чтобъ не допускать Арабскихъ купцовъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ послѣдними, они представляли ихъ Арабамъ людоедами⁴⁰². Болгарскіе купцы ѣздили въ страну Веси на лодьяхъ, вверхъ по Волгѣ и Шекснѣ, для закупки мѣховъ; любопытны подробности, находимыя у Арабскихъ писателей о мѣновой торговлѣ Болгаръ съ Весью:

Болгары прїѣзжали въ опредѣленное мѣсто, оставляли тамъ товары, помѣтивъ ихъ какими-нибудь знаками, и удалялись. Въ это время туземцы раскладывали рядомъ свои произведенія, которые считали равноцѣнными, и также удалялись. Если Болгарскіе купцы, по возвращеніи, находили мѣну выгодною, то брали съ собой туземные товары и оставляли свои, въ противномъ случаѣ они опять уходили на время, и это значило, что они требовали прибавки; туземцы подбавляли того или другаго товара до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяли Болгаръ. У Арабовъ такая торговля шла мѣною. Разсказъ Арабовъ замѣчательнъ для насъ потому еще, что объясняетъ разсказъ Новгородскаго купца, Гюряти Роговича, занесенный въ лѣтопись ⁴⁰³. Такъ и позднѣе торговали Болгары съ Югрою ⁴⁰⁴. Но кромѣ Веси, по извѣстію Арабскихъ писателей, Болгарскіе купцы доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю. Это извѣстіе подтверждается извѣстіями нашихъ лѣтописей о приходѣ Болгарскихъ проповѣдниковъ Магометанства въ Кіевъ, подтверждается и важнымъ извѣстіемъ, сохранившимся у Татищева, о договорѣ, заключенномъ при Владимірѣ съ Болгарами: это извѣстіе драгоцѣнно для насъ потому, что въ немъ находится первое положительное упоминаніе о купцахъ, какъ отдѣльномъ разрядѣ людей, и городахъ, какъ торговыхъ средоточіяхъ. Примѣръ Византіи и стеченіе иностранныхъ купцовъ въ Кіевъ дали понять выгоду торговли для казны княжеской, въ которую собирались торговая пошлины, и вотъ Кіевскій князь обзываетъ Болгаръ не покупать товаровъ въ селахъ у тиуновъ и другихъ лицъ, но покупать ихъ въ городахъ. Здѣсь ясно видны два рода торговли, первоначальную, по которой всякій сбывалъ всякому излишекъ своей собственности, и торговлю въ настоящемъ смыслѣ, которая, въ слѣдствіе правительственныхъ распоряженій, начинаетъ вытѣснять первоначальную ⁴⁰⁵. Русская Правда знаетъ купцовъ также, какъ отдѣльный разрядъ людей. — Кромѣ Грековъ, Арабовъ, Болгаръ Волжскихъ и Дунайскихъ, Русскіе производили мѣну съ ближайшими соседями своими, степными народами, Печенѣгами, которые доста-

вляли рогатый скотъ, лошадей, овецъ. Изъ словъ Святослава видно, что въ Переяславцѣ Дунайскомъ Русскіе купцы могли производить мѣну съ купцами Чешскими и Венгерскими. Нѣтъ сомнѣнія, что торговля изъ Новгорода съ сѣверовосточными Финскими племенами существовала уже въ описываемое время, и что изъ Новгорода же купцы съ мѣхами, восточными и Греческими товарами начали являться и въ городахъ Балтійскихъ Славянъ. — Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о деньгахъ, одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ нашихъ древностяхъ; по недостатку точныхъ извѣстій, мы отлагаемъ его рѣшеніе до слѣдующаго періода.

Обозрѣвъ матеріальныя силы новорожденнаго Русскаго общества, обратимся теперь къ новому, духовному началу, явившемуся въ концѣ описываемаго періода, началу, богатому нравственнымъ и гражданскимъ вліяніемъ. Какъ слабо было прежде въ языческомъ обществѣ вліяніе волхвовъ, такъ могущественно явилось теперь вліяніе христіанскаго духовенства. Немедленно послѣ принятія новой вѣры, мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято отъ Византіи; Русская земля составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; для Русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство Византійское: отсюда понятно и гражданское вліяніе Имперіи на юное Русское общество. — Мы видѣли, какъ было принято христіанство и какъ распространялось; видѣли, что оно, принялось скоро въ Кіевѣ, на югѣ, гдѣ было уже и прежде давно знакомо, но медленно, съ большими препятствіями распространялась оно на сѣверѣ и востокѣ: первые епископы Ростова — Феодоръ и Ларіонъ, принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ⁴⁰⁶; въ концѣ описываемаго періода язычество нисколько не уступало и ревности третьяго епископа Ростовскаго, Святаго Леонтія, который, видя невозможность дѣйствовать на взрослое поколѣніе, окръпшее въ язычествѣ, обратился къ дѣтямъ, сталъ привлекать ихъ къ себѣ ласкою и учить вѣрѣ. Мы видимъ язычество господ-

ствующимъ и у племенъ средней Руси, на Окѣ до самыхъ ея извоьевъ. Оставаясь глухими къ увѣщаніямъ христіанскихъ проповѣдниковъ, жители сѣвера тѣмъ легче слушали старыхъ волхвовъ своихъ: такъ читаемъ въ лѣтописи, что въ 1024 году встали волхвы въ Суздальской землѣ во время голода, и начали убивать старыхъ женщинъ, говоря, что они скрываютъ у себя въ тѣлѣ съѣстные припасы. Былъ мятежъ большой по всей той странѣ, такъ что самъ великій князь Ярославъ принужденъ былъ туда отправиться: онъ переловилъ волхвовъ, однихъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ, другихъ казнилъ, говоря: «Богъ за грѣхи наказываетъ землю голодомъ, моромъ, засуху, или какою-нибудь другою казною, а человекъ не знаетъ ничего ³⁰⁷.» И на югѣ языческіе обычаи, преданія, повѣрья еще очень сильны между христіанами; такъ читаемъ въ лѣтописи подъ 1044 годомъ: «Въ этотъ годъ умеръ Брячиславъ, князь Полоцкій, и Всеславъ, сынъ его, сѣлъ на столѣ; этого Всеслава мать родила отъ волхвованья, потому что когда она родила его, то была у него язва на головѣ, и волхвы сказали ей: навязи ты на эту язву волшебную повязку, которую пусть носить онъ до смерти своей; Всеславъ точно носить ее до сихъ поръ; поэтому онъ такъ и кровожаденъ ⁴⁰⁸.»

Самымъ лучшимъ средствомъ къ торжеству новой вѣры надъ старою признано было — дѣйствовать на новое, молодое поколѣніе: такъ при Владимірѣ и при Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ гражданъ, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры; мы видѣли, что такъ дѣйствовалъ и святой Леонтій на сѣверѣ; возможность выучиться грамотѣ существовала и въ другихъ городахъ, что видно изъ житіе святаго Феодосія ⁴⁰⁹. Эта мѣра скоро принесла свои плоды, скоро обозначилась дѣятельность молодого, грамотнаго поколѣнія, получившаго изъ книгъ яснѣйшее понятіе о новой вѣрѣ. Представителями этого молодого, грамотнаго поколѣнія въ семьѣ княжеской были сыновья святаго Владиміра — Борисъ, Глѣбъ Ярославъ. Христіанство прежде всего должно было подѣйствовать на самыхъ мягкихъ, вѣжныя отношенія, отношенія родственныя; это всего яснѣе можно

видѣть на Борисѣ и Глѣбѣ. Изъ дѣтей Владиміровыхъ они больше всѣхъ были похожи на отца своего мягкостію природы: по этому одному уже не удивительно, что у Владиміра было къ нимъ болѣе сочувствія, что онъ особенно любилъ Бориса; и вотъ эта мягкая природа двухъ братьевъ легко воспринимаетъ вліяніе христіанства, они являются образцами братской любви. «Не хочу поднять руки на старшаго брата», говоритъ Борисъ, и падаетъ жертвою уваженія своего къ родственнымъ отношеніямъ, освященнымъ религіею. Отсюда понятно значеніе Бориса и Глѣба въ нашей исторіи: они были первомучениками въ этой нравственной борьбѣ новаго христіанскаго общества съ старымъ языческимъ. Братъ ихъ Ярославъ является представителемъ новаго поколѣнія въ другихъ отношеніяхъ: онъ самъ любитъ читать книги, собираетъ ихъ, распространяетъ грамотность въ землѣ, является просвѣщеннымъ христіаниномъ въ борьбѣ своей съ язычествомъ, что видно изъ приведеннаго отзыва его о волхвахъ. Послѣ сыновей Владиміровыхъ представителемъ новаго, грамотнаго поколѣнія является первый Русскій митрополитъ Іларіонъ, который умѣлъ понять превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ и умѣлъ показать другимъ это превосходство. Какъ молодое поколѣніе оцѣнило новое сокровище, приобрѣтенное имъ съ христіанствомъ, и какъ было благодарно людямъ, которые способствовали ему къ приобрѣтенію этого сокровища — видно изъ отзыва лѣтописца о дѣятельности Владиміра и Ярослава: «Подобно тому, какъ еслибы кто-нибудь распахалъ землю, а другой посеялъ, а иные стали бы пожинать и ѣсть пищу обильную: такъ и князь Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ просвѣщеніемъ; сынъ его Ярославъ насыялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; изъ книгъ учимся путямъ покаянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это рѣки, напоющія вселенную, это исходнища мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина, ими утѣшаемся въ печали, онъ узда воздержанія. ⁴¹⁰»

Дѣйствія книжнаго ученія, ближайшаго знакомства съ новою вѣрою не замедлили обнаружиться въ цѣломъ рядѣ христіанскихъ подвижниковъ. Для упроченія христіанства мало было имѣть дѣтей изъ домовъ полуязыческихъ родителей; нужно было, чтобъ нѣкоторые изъ новаго поколѣнія отторглись совершенно отъ общества, сильно пропитаннаго язычествомъ; для упроченія христіанства нужно было, чтобъ оно распространилось не только, но самымъ дѣломъ; нужно было, чтобъ въ нѣкоторыхъ избранныхъ обнаружилось дѣйствіе новаго ученія, и чтобы вошли бы на проповѣдь не съ огнемъ и мечемъ, какъ Іеронимъ или Путята; но съ величіемъ подвига христіанскаго. Не господствѣ матеріальной силы, предъ которою все преклонилось, нуженъ былъ рядъ подвижниковъ, которые показали бы подвиги, превышавшіе подвиги богатырей, которые показали бы господство духа надъ плотію, показали бы чудеса мужества и отвага рода, борьбу, болѣе изумительную, и приобрѣли бы славу своими подвигами благоговѣніе къ себѣ и къ тому ученію, которое даетъ силы къ подобнымъ подвигамъ. Монашество, по которымъ извѣстіямъ, явилось на Руси очень рано: такъ есть преданіе, что еще первый Кіевскій митрополитъ Михаилъ послѣдовалъ въ Кіевъ монастырь на горѣ противъ холма Перунова; такъ же иностранное извѣстіе, что Кіевскій митрополитъ Іереміаха Святполка и Болеслава Храбраго въ монастырѣ святыни Софій ⁴¹¹; при Ярославѣ построены монастыри Георгіевскій и Ірининскій. Но эти монастыри не были такіе, какіе надобны были тогда для упроченія христіанства, ихъ монахи не были настоящими подвижниками. «Много монастырей, говоритъ летописецъ, поставлено отъ царей и бояръ на богатомъ иждивеніи, не таковы эти монастыри, какъ тѣ, которые поставлены на бѣдѣ, постомъ, молитвою, бдѣніемъ ⁴¹².» Когда новое поколѣніе короче познакомило съ новою вѣрою, тогда между нѣкоторыми изъ него обнаружилось то же самое стремленіе, какое было сильно и между язычниками Русскими, стремленіе посѣщать Грецію, съ тою однако разницею, что прежніе Руссы язычники ходили въ Грецію для выгодной службы въ полкахъ

Имперіи, для торговли, для грабежа, а теперь Русские христиане стали ходить не для материальных выгод, но для того, чтобы получить утверждение въ вѣрѣ. Такъ явился на Аѳонѣ одинъ изъ Русскихъ христианъ, житель города Любеча, по имени Антипа, и постригся въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей подъ именемъ Антонія: недалеко отъ монастыря Есѣнгмен, подлѣ морскаго берега, показываютъ пещеру перваго Русскаго инока ⁴¹³. Греческій Игуменъ понялъ всю пользу, какую подвиги Антонія могутъ принести на Руси, и отпустилъ его назадъ на родину. Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ тамошніе монастыри, и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ такой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ; онъ былъ одинокъ среди Кіевскихъ монаховъ, и рѣшился жить одинъ. На берегу Днѣпра, на высокой горѣ, покрытой лѣсомъ, Антоній нашелъ пещеру, выкопанную Иларіономъ, первымъ митрополитомъ изъ Русскихъ, когда еще онъ былъ священникомъ въ ближнемъ княжескомъ селѣ Берестовѣ; Иларіонъ уединялся въ пещеру временно, Антоній навсегда поселился въ ней; но онъ не долго пробылъ одинъ. Прославленіе подвиговъ Антонія и собраніе къ нему другихъ подвижниковъ не относится къ описываемому времени; но къ нему относится юность другаго знаменитаго подвижника, преемника Антоніева; подробности жизни этого новаго Русскаго челоѣка драгоцѣнны для пополненія картины тогдашняго быта новорожденной Руси. Этотъ подвижникъ, прославившійся послѣ подъ именемъ Θεодосія, былъ также родомъ изъ Приднѣпровья, изъ города Василева; но родители его скоро перешли въ Курскъ, гдѣ и протекла его юность. Мальчикъ нашелъ себѣ здѣсь челоѣка, у котораго могъ выучиться грамотѣ, сталъ читать книги, переселился мыслями въ другой міръ и нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобъ немедленно начать приложеніе читаннаго къ дѣлу: онъ не пропускалъ службы церковной, дома работалъ вмѣстѣ съ рабами. Но въ домѣ у богатой матери ему было скучно, тѣсно; его томила жажда подвижничества, желаніе видѣть тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ постоянно мыслію, мѣста, гдѣ происходило то, о чемъ онъ читалъ въ

книгахъ, о чемъ слышалъ въ церкви. Разъ, тайкомъ отъ матери, присталъ онъ къ паломникамъ и ушелъ съ ними изъ города. Мать Θεодосія была похожа на тѣхъ Русскіхъ матерей, которыя, по словамъ лѣтописца, плакали по сыновьяхъ своихъ, какъ по мертвыхъ, когда Владиміръ велѣлъ отдавать ихъ въ ученіе; борьбу двухъ поколѣній — стараго, полуязыческаго и новаго, христіанскаго, просвѣщеннаго книжнымъ ученіемъ, всего лучше показываютъ намъ отношенія святаго Θεодосія къ матери. Последняя, узнавъ о побѣгѣ сына, догнала его, прибила, и держала нѣкоторое время въ оковахъ, чтобъ не вздумалъ уйти опять. Θεодосій остался, и по прежнему ходилъ въ церковь; но въ церкви обѣдню служили не такъ часто, какъ-бы ему хотѣлось, — по недостатку просвиры: Θεодосій сталъ печь просвиры. Мать оскорбилась такимъ занятіемъ сына, бранила, била его, и заставила уйти въ другой городъ: здѣсь онъ пріютился у священника, и по прежнему пекъ просвиры. Мать нашла его и тутъ, и взяла назадъ домой; но другіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на дивное поведеніе молодого чловека: городской посадникъ далъ ему средство удовлетворять своей благочестивой склонности, позволилъ ему жить у своей церкви. Θεодосію было мало безпрепятственной молитвы, мало рубища, въ которомъ онъ постоянно ходилъ, отдавая лучшее платье нищимъ: онъ надѣлъ вериги. Мать увидала по случаю кровь на бѣлѣ сына, нашла, что это отъ веригъ и сорвала ихъ съ плечей Θεодосія, который уже послѣ не могъ надѣвать ихъ. Наконецъ борьба между стремленіемъ къ христіанскому подвижничеству и уваженіемъ къ родительской власти кончилась; пораженный евангельскими словами: «Иже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ,» Θεодосій рѣшился, во что бы то ни стало, покинуть материнскій домъ, и ушелъ въ Кіевъ, чтобъ вступить въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Но какіе это были монастыри, видно изъ того, что ни въ одинъ изъ нихъ не приняли Θεодосія, явившагося въ видѣ бѣднаго скитальца; не такіе монастыри нужны были Θεодосію и новорожденной Руси. Θεодосій нашелъ наконецъ

убѣжище по своему желанію: онъ нашелъ пещеру Антонія. «Сынъ! говорилъ ему Антоній: трудно будетъ тебѣ жить со мною въ этой тѣсной пещерѣ; ты еще молодъ.» Но подъ видомъ юноши передъ нимъ стоялъ мужъ, окрѣпленный въ борьбѣ, претерпѣвшій столько тѣсноты въ просторѣ, столько лишеній въ довольствѣ, что никакая тѣснота и никакія лишенія не были для него болѣе страшными. Антоній принялъ Θεодосія: подвиги обоихъ мы еще увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ.

Показавъ, какъ юная Русская церковь приготавлилась дѣйствовать въ лицѣ представителей новаго поколѣнія, уже воспитаннаго въ христіанствѣ, мы обратимся теперь ко внѣшнему образу церкви, ея управленію и средствамъ. Еще во времена Олега Греки полагали въ Россіи особую епархію, шестидесятую, въ числѣ подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; съ принятія христіанства святымъ Владиміромъ въ чель церковнаго управленія стоялъ митрополитъ; первые митрополиты были избраны и поставлены патріархомъ Константинопольскимъ, послѣдній, Иларіонъ, соборомъ Русскихъ епископовъ. Кромѣ митрополита упоминаются епископы; какъ видно, епископы были въ Новгородѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Владиміръ Волинскомъ, вѣроятно были и въ другихъ городахъ. Ближайшіе къ Кіеву епископы собирались въ этотъ городъ: нужно было ихъ присутствіе около новообращенной власти, дѣятельность которой они должны были теперь направлять согласно съ новыми потребностями общества. Мы видѣли сильное вліяніе епископовъ относительно земскаго устава при Владимірѣ; митрополитъ Иларіонъ прямо говоритъ о частыхъ совѣтахъ Владиміра съ епископами, говоритъ, что князь съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа. При такомъ значеніи духовенства, когда Епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касающемся наряда въ странѣ, при такомъ ихъ вліяніи трудно предположить, чтобы кругъ дѣятельности ихъ оставался не опредѣленнымъ, и чтобъ это опредѣленіе не послѣдовало по образцу Византійскому; вотъ

потому такъ трудно отвергнуть уставы о церковныхъ судахъ, приписываемые святому Владимиру и сыну его Ярославу⁴¹⁴. Эти уставы естественно должны быть составлены по образцу церковныхъ уставовъ Греко-Римскихъ; но такъ какъ состояніе этихъ обществъ — Греко-Римскаго и Русскаго въ описанное время было различно, то и въ церковныхъ уставахъ Русскихъ мы должны необходимо встрѣтить различіе отъ церковныхъ уставовъ Греко-Римскихъ: въ обществѣ Греко-Римскомъ отношенія семейныя издавна подчинялись гражданскимъ законамъ, тогда какъ въ Русскомъ новорожденномъ обществѣ государство оставалось еще неприкосновеннымъ; но церковь, по своей задачѣ своей дѣйствовать на нравственность, должна была прежде всего обратить вниманіе на отношенія семейныя, которыя по этому самому и подчинились церковному суду. Такъ примѣръ нарушеніе святости власти родительской въ Римскомъ правѣ предоставлено мірскому суду, а въ уставѣ святого Владимира церковному, равно тяжбы между сыновьями первого о наслѣдствѣ и тяжбы между мужемъ и женою объ имѣніи. Справедливо замѣчаютъ также, что статьи объ опекахъ и наслѣдствѣ, находящіяся въ Русской Правдѣ, большею частію заимствованы изъ Греко-Римскаго законодательства, перешедшаго въ наше мірское законодательство посредствомъ духовенства. Поврежденіе церквей и могилъ въ томъ видѣ, какъ оно определено уставомъ святаго Владимира, мы не найдемъ въ Греческихъ законахъ, ни въ гражданскихъ, ни въ церковныхъ, потому что такого рода преступленія были только мѣстныя Русскія⁴¹⁵. Въ слѣдствіе также юности общества церковь на себя взяла подъ свое покровительство и судъ надъ людьми, чьихъ значеніе было тѣсно связано съ религіею, на примѣръ, монашину, паломника, прощенника (человѣка, исцѣленнаго чумою), людей, которые содержались при церквахъ и монастыряхъ для поданія помощи страждущимъ, пришлецовъ, которые, вѣроятно, пользовались гостепріимствомъ при церквахъ и монастыряхъ, людей, отпущенныхъ на волю господами ради

спасенія души, увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, которые такъ преимущественно жили при церквахъ.

Справедливо замѣчаютъ, что какъ вообще утверженіе христіанства на Руси послѣдовало только постепенно, то и утверженіе суда церковнаго по дѣламъ семейнымъ могло совершиться также въ теченіе извѣстнаго времени; но началъ утверженія того и другаго мы должны необходимо отнести къ описываемому періоду. Легко понять, какое вліяніе должна была оказать церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленія чистоты нравственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ⁴¹⁶. Духовенство съ своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство, и блюла особенно за ея нравственностію, возвысила ея значеніе, поднимать въ уровень съ отцемъ, что ясно видно изъ отношеній женщины по имуществу⁴¹⁷. Духовенство блюло, чтобъ родители не женили сыновей, не отдавали дочерей замужъ насильно, преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, сравниваютъ его къ звѣрю⁴¹⁸. Лѣтописецъ жалуется, что у языческихъ Славянъ позволялось срамословіе въ семейномъ кругу, духовенство начинаетъ преслѣдовать срамословіе. Семья, до сихъ поръ замкнутая и независимая, подчиняется надзору чуждой власти, христіанство отнимаетъ у отцовъ семействъ жрецкій характеръ, который они имѣли во времена языческія; подотцовъ природныхъ являются отцы духовные; что прежде принадлежало суду семейному, теперь подлежитъ суду церковному. Но понятно, что древнее языческое общество не вдругъ уступило новой власти свои права, что оно боролось съ нею и боролось долго; долго, какъ увидимъ, христіане только по имени не хотѣли допускать новую власть вмѣшиваться въ свои семейныя дѣла; долго требованія христіанства имѣли силу только въ верхнихъ слояхъ общества, и съ трудомъ проникали внизъ въ массу, гдѣ язычество жило еще на дѣлѣ, въ своихъ обы-

чяхъ. Мы видѣли, что въ слѣдствіе родового быта у восточныхъ Славянъ не могло развиваться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе; не имѣя ничего противопоставить христіанству, язычество легко должно было уступить ему общественное мѣсто; но, будучи религією рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Язычникъ Русскій, не имѣя ни храма, ни жрецовъ, безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, оставаясь въ тоже время съ прежнимъ храмомъ—домомъ, съ прежнимъ жрецомъ—отцемъ семейства, съ прежними законными обѣдами, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Борьба, вражда древняго языческаго общества противъ вліянія новой религіи и ея служителей, выразилась въ суевѣрныхъ примѣтахъ, теперь безсмысленныхъ, но имѣвшихъ смыслъ въ первые вѣка христіанства на Руси: такъ появленіе служителя новой религіи закоренѣлый язычникъ считалъ для себя враждебнымъ, зловѣщимъ, потому что это появленіе служило знакомъ къ прекращенію нравственныхъ безпорядковъ, къ подчиненію его грубаго произвола нравственно—религіозному закону. Бѣжалъ закоренѣлый язычникъ, увидавъ издали служителя церкви, врага его прежняго языческаго быта, врага его прежнихъ боговъ, врага его домашнихъ духовъ покровителей. Не имѣя силы дѣйствовать положительно противъ новой религіи, язычество дѣйствовало отрицательно, удаленіемъ отъ ея служителей; это удаленіе, разумеется, поддерживалось стариками, ревнивыми къ своей власти, отъ которой они должны были отказаться въ пользу старцевъ церкви, пресвитеровъ и епископовъ.

Касательно содержанія церкви въ лѣтописи находимъ извѣстіе, что святой Владиміръ далъ въ пользу Богородичной церкви въ Кіевѣ отъ имѣнія своего и отъ доходовъ десятую часть, отъ чего и церковь получила названіе Десятинной⁴¹⁹; о Ярославѣ говорится, что онъ строилъ церкви и опредѣлялъ къ нимъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ казны своей: это уже можетъ показывать, что приношенія прихожанъ не могли быть достаточны для содержанія церквей въ то время

стадо было малое, по словам Иларіона. Изъ житія святаго Феодосія узнаемъ, что въ Курской церкви служба не могла часто совершаться по недостатку просвирь; изъ того же источника узнаемъ, что градоначальникъ или посадникъ въ Курскѣ имѣлъ свою церковь. Пособіемъ для церковнаго содержанія могли служить пени, взимаемая за преступленія по церковному суду, какъ это означено въ уставѣ Ярослава. Отъ средствъ, находившихся въ распоряженіи церквей и монастырей, зависѣло призрѣніе, которое находили около нихъ бѣдные, увѣчные и странники; о частной благотворительности, которая условливалась христіанствомъ, находимъ ясныя указанія въ преданіяхъ о дѣлахъ Владиміровыхъ.

Мы видѣли тѣсную связь грамотности съ христіанствомъ, слышали отзывъ инока лѣтописца о пользѣ книжнаго ученія, слѣдили за дѣятельностію новаго, грамотнаго поколѣнія христіанъ: теперь посмотримъ, не обнаружилась ли эта дѣятельность въ словѣ, и не дошло ли до насъ какихъ-нибудь литературныхъ памятниковъ изъ разсматриваемаго періода? Дошли до насъ отъ этого времени, сочиненія перваго Кіевскаго митрополита изъ Русскихъ—Иларіона; его сочиненія заключаются въ Слово о законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и благодати и истинѣ, явившихся чрезъ Иисуса Христа, съ присовокупленіемъ Похвалы Кагану нашему Владиміру и Изложенія Вѣры. Кромѣ того въ сборникѣ XIV или XV вѣка открыто слово святаго Иларіона, митрополита Кіевскаго⁴²⁰. Для насъ особенно важны два первыхъ сочиненія, какъ непосредственно относящіяся къ нашему предмету. Естественнo ожидать, что первымъ словомъ церковнаго пастыря послѣ введенія христіанства будетъ прославленіе новаго порядка вещей, указаніе тѣхъ благъ, которыя народъ приобрѣлъ посредствомъ новой вѣры. И точно; въ словѣ Иларіона мы находимъ указаніе на это превосходство новой вѣры предъ старою: «Уже не зовемся болѣе идолослужителями, но христіанами, говоритъ онъ, мы болѣе уже не безнадежныи, но уповаемъ въ жизнь вѣчную; не строимъ болѣе капищъ, но

жиждень церкви Христовы; не закалаемъ бѣсамъ другъ друга, но Христось закалается за насъ и дробится въ жертву Богу и Отцу.» Но эта противоположность христіанства съ прежнимъ Русскимъ язычествомъ не составляетъ главнаго содержанія слова, въ которомъ преимущественно показывается противоположность и превосходство христіанства предъ іудействомъ, благодати Христовой предъ закономъ Моисеевымъ, какъ истины предъ тѣнью, сыновства предъ рабствомъ, общаго, всечеловѣческаго предъ частнымъ, народнымъ. Такое содержаніе Иларіонова сочиненія объясняется тѣмъ, что онъ, по собственнымъ словамъ его, писалъ не къ невѣдущимъ людямъ, но къ насытившимся сладости книжныя: обращаясь же къ новому поколѣнію грамотныхъ христіанъ, Иларіонъ не имѣлъ нужды выставлять много превосходство христіанской религіи предъ старымъ Русскимъ язычествомъ: это превосходство было для нихъ ясно; Иларіону надобно было приступить къ другому, болѣе важному вопросу объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому, о винѣ пришествія Христова на землю; первый вопросъ, предложенный Владиміромъ Греческому проповѣднику, былъ: «для чего Богъ сошелъ на землю, и принялъ страсть?» Этотъ же вопросъ нужно было прежде всего уяснить и новому поколѣнію. Основываясь на приведенныхъ словахъ: «не къ невѣдущимъ бо пишетъ, но прѣзлиха насыщшемся сладости книжныя», мы даже позволимъ себѣ догадку, что слово Иларіона о законѣ и благодати есть посланіе митрополита къ самому великому князю Ярославу, потому что о послѣднемъ всего приличнѣе можно было сказать, что онъ насытился сладости книжныя, если сравнимъ отзывы лѣтописей объ этомъ князѣ: «И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, и пресвитеры любяше повѣлику, и книги прочитая». Или: «Ярославъ же сей любяше книги зѣло». Объяснивши превосходство христіанской вѣры надъ іудейскою и языческою, Иларіонъ естественно переходитъ къ прославленію того князя, которому суждено было быть апостоломъ на Руси: такимъ образомъ оба сочиненія Слово о

законъ и благодати и Похвала Владиміру составляютъ одно цѣлое.

Но кромѣ приведеннаго памятника мы должны обратить вниманіе на изустно сохранившіяся произведенія народной фантазіи, которыхъ начала, первый древнѣйшій складъ относится къ описываемому времени; таковы наши древнія народныя пѣсни и сказки, въ которыхъ упоминается о Владимірѣ, о подвигахъ его богатырей. Главное содержаніе этихъ пѣсень и сказокъ составляютъ подвиги богатырей, защищавшихъ Русскую землю отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: первыми являются степные кочевники, приходящіе съ востока на Русскую землю, на стольный городъ Владиміра, вторыми разбойники. По характеру своему эти пѣсни и сказки раздѣляются на такія, въ которыхъ преобладаетъ древній языческій элементъ, и на такія, въ которыхъ уже видны слѣды христіанскаго вліянія. Характеръ перваго изъ означенныхъ отдѣловъ соотвѣтствуетъ вполнѣ характеру эпохи, какъ онъ изображенъ нами въ своемъ мѣстѣ. Герой пѣсни или сказки — богатырь, обладающій страшною матеріальною силою: вотъ онъ является ко двору княжескому, всѣ глядятъ на молодца, дивуются, ему наливаютъ чару зелена вина въ полтора ведра, онъ принимаетъ чару единой рукой, выпиваетъ ее единымъ духомъ; броситъ онъ горсть песку по высокому терему — полтерема спшибетъ; закричатъ богатыри зычнымъ голосомъ — съ теремовъ верхи повалятся, съ горницъ охлопья попадаютъ, въ погребахъ питья всколеблется. Вотъ подвиги любимаго народнаго богатыря Ильи Муромца⁴²¹: Илья идетъ въ послахъ отъ князя Владиміра къ хану кочевой орды, и заводитъ съ нимъ ссору; ханъ велитъ связать ему руки бѣлыя, плюетъ ему въ ясны очи:

И тутъ Илья за бѣду стало,
 За великую досаду показалось,
 Что плюетъ Калинь (ханъ) въ ясны очи;
 Вскочилъ въ полдрева стоячаго,
 Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,
 Не допустятъ Илью до добра коня,

И до его—то до палицы тяжкія,
 До мѣдны литы въ три тысячн.
 Схватилъ Илья Татарина за ноги,
 Которой вздмль въ Кіевъ градъ,
 И зачалъ Татариномъ помахивати:
 Куда ни махнеть, тутъ и улицы лежать,
 Куда отвернетъ съ — переулками,
 А самъ Татариноу приговариваетъ:
 «А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
 А жиловать, собака, не изорвется.....»

Но не одна чудовищная, матеріальная сила дѣйствуетъ въ богатыряхъ; въ нихъ дѣйствуетъ также сила чародѣйская. Мы видѣли занесенное въ лѣтопись преданіе о томъ, что Полоцкій князь Всеславъ Брячиславичъ родился отъ волшебства (волхованья); пѣсня рассказываетъ въ подробности это преданіе⁴²², какъ родился богатырь Волхъ Всеславьевичъ отъ лютаго змѣя. Когда минуло Волху десять годовъ, сталъ учиться онъ премудростямъ: первой мудрости учился — обертываться яснымъ соколомъ; другой мудрости учился — обертываться сърниъ волкомъ; третьей мудрости учился онъ — обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога. На двѣнадцатомъ году начинаетъ онъ набирать дружину; живо и согласно съ лѣтописью представляетъ намъ пѣсня дружинный бытъ: сталъ себѣ Волхъ прибирать дружину, прибиралъ три года, и набралъ себѣ дружины семь тысячъ; самъ онъ, Волхъ, въ пятнадцать лѣтъ, и вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.... Волхъ поилъ, кормилъ дружину храбрую, обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодецвъ. — Особенно отличаются мудростью, хитростью, то есть чародѣйствомъ, вѣдовствомъ женщины, знаменитыя вѣдьмы Кіевскія: такова Марина Игнатьевна⁴²³, которая водится съ Змѣемъ Горынчищемъ. Осердясь на богатыря Добрыню, Марина привораживаетъ его къ себѣ:

Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
 Набирала Марина беремя дровъ,
 А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
 Клала дровца въ печку муравленную

Со тѣми слѣды горячими,
 Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
 И сама она дровамъ приговариваетъ:
 «Сколь жарко дрова разгораются
 Со тѣми слѣды молодецкими,
 Разгоралось бы сердце молодецкое.»

Чары дѣйствуютъ на Добрыню: онъ влюбляется въ вѣдму, прогоняетъ отъ нея соперника своего, Змѣя Горынчища, за что Марина обертываетъ его гнѣдымъ туромъ. — Такова Авдотья Лиховидьевна, которая искала мудрости надъ мужемъ своимъ, Потокъ Михайло Ивановичемъ: она взяла съ него слово, что если она умретъ прежде него, то ему зарыться съ нею въ могилу живому; и вотъ черезъ полтора года Лиховидьевна умираетъ; и Потокъ, вѣрный своему слову,

Съ конемъ и збруею ратною
 Опустился въ тое жъ могилу глубокую,
 И заворочали потолокомъ дубовымъ
 И засыпали песками желтыми,
 А надъ могилою поставили деревянный крестъ, —
 Только мѣсто оставили веревкъ одной,
 Которая была привязана къ колоколу соборному.
 И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичъ,
 Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
 Съ полудни до полуночи.
 И для страху, добывъ огня,
 Зажигалъ свѣчи воску яраго.
 И какъ пришла пора полуночная
 Собиралися къ нему все гады змѣйные,
 А потомъ пришелъ большой змѣй,
 Онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ:
 А Потокъ Михайло Ивановичъ
 На то-то не робокъ былъ,
 Вынималъ саблю острую,
 Убиваетъ змѣя лютаго
 И ссѣкаетъ ему голову,
 И тою головою змѣйною

Учалъ тѣло Авдотьино мазати.

Въспоры она еретница

Изъ мертвыхъ пробуждалася.

Такъ отразился матеріальный, языческій бытъ юной Руси на произведеніяхъ народной фантазіи; теперь посмотримъ, какъ отразилось на нихъ вліяніе христіанства. Это вліяніе замѣтно отразилось въ пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ; противникомъ Алеши является Тугаринъ Змѣевичъ, богатырь съ чудовищною матеріальною силою и чародѣй: отечество Змѣевичъ, способность палить огнемъ и склонность къ сладострастію указываютъ на его нечистое происхожденіе. Алеша Поповичъ не отличается чудовищною матеріальною силою, но ловко владѣетъ оружіемъ. За столомъ княжескимъ Тугаринъ Змѣевичъ ѣстъ и пьетъ по-богатырски: по цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ, глотаетъ цѣликомъ по лебедю, по цѣлой чашѣ охлестываетъ, которая чаша въ полтретья ведра, и безстыдно ведетъ себя съ женщинами; все это не нравится Алешѣ, онъ сравниваетъ Тугарина съ прожорливымъ животнымъ; здѣсь уже природа человѣческая вооружается противъ животной. Приготавливаясь къ битвѣ съ Тугариномъ, Алеша не спитъ всю ночь, молится со слезами, чтобъ Богъ послалъ ему въ помощь тучу грозную съ дождемъ и градомъ; Алешины молитвы доходны ко Христу: Богъ посылаетъ тучу съ дождемъ и градомъ, крылья у Тугарина обмокли, и онъ свалился на землю, принужденъ бороться обыкновеннымъ способомъ; Алеша побѣждаетъ его, но побѣждаетъ не матеріальною силою, а хитростью: сошедшись съ Тугариномъ, Алеша говоритъ ему: «ты хочешь драться со мною одинъ на одинъ, а между тѣмъ ведешь за собою силу несмѣтную;» Тугаринъ оглянулся назадъ; этимъ мгновеніемъ воспользовался Алеша, подскочилъ и отрубилъ ему голову. Любопытно видѣть, какъ подъ вліяніемъ христіанства передѣлывались преданія о любимомъ народномъ богатырѣ, Ильѣ Муромцѣ: мы встрѣтили уже разъ Илью въ борьбѣ съ кочевую ордою, когда онъ, вмѣсто оружія, челоукомъ билъ

*
* *

людей; но вотъ слышится объ немъ же другое преданіе, составившееся подѣ новымъ вліяніемъ: тридцать лѣтъ сидитъ Илья сиднемъ, не владѣетъ ни руками, ни ногами, и получаетъ богатырскую силу чудомъ, какъ даръ Божій за христіанскій подвигъ, за желаніе утолить жажду двухъ странниковъ⁴²⁴; дальнѣйшіе подвиги его отмѣчены также смиреніемъ, благодушіемъ. Противъ язѣческаго поклоненія матеріальной силѣ христіанство выставило поклоненіе силѣ духовной, небесной, предъ которою матеріальная, земная сила ничто, противъ которой не устоитъ никакой богатырь. Мы видѣли, какъ это понятіе отразилось въ преданіи объ Алешѣ Поповичѣ и Ильѣ Муромцѣ; но всего рѣзче высказалось оно въ преданіи о томъ, какъ богатыри, побѣдивъ несмѣтную басурманскую силу, обезумѣли отъ гордости, и вызвали на бой силу небесную, которая росла все болѣе и болѣе подѣ ударами богатырей, и наконецъ заставила ихъ окаменѣть отъ ужаса⁴²⁵. Такъ подѣ вліяніемъ христіанства начало упраздняться поклоненіе матеріальной силѣ.

Мы уже имѣли случай упоминать о томъ, какъ въ древнихъ богатырскихъ пѣсняхъ нашихъ, сквозь позднѣйшіе слои проглядываетъ слой древнѣй, отражающій въ себѣ бытъ первоначальнаго періода нашей исторіи; мы видимъ, какъ въ нихъ отразился особенно бытъ дружины; справедливо замѣчаютъ⁴²⁶, что старинные богатыри Русскіе принадлежатъ разнымъ сословіямъ, сходятся ко двору княжескому съ разныхъ концовъ Руси: таковъ постоянно характеръ дружины, который долго держался у насъ въ чистотѣ. Укажемъ еще на нѣкоторыя черты, напоминающія время: извѣстенъ древній обычай давать кораблямъ видъ разныхъ звѣрей, драконовъ и т. п.; и вотъ въ пѣснѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ такъ, между прочимъ, описанъ его корабль:

Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.

Эта же пѣсня напоминаетъ о Греческой торговлѣ, о судахъ, приходившихъ въ Кіевъ съ греческими товарами:

Говорилъ Соловей таково слово:
 «Гой еси вы, гости корабельщико,
 И всѣ цѣловальники любимые!
 Какъ буду я въ городѣ въ Кіевѣ,
 У ласкова князя Владиміра,
 Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
 Чѣмъ свѣта жаловати?»
 Отвѣчаютъ гости корабельщико,
 И всѣ цѣловальники любимые:
 «Ты славной, богатой гость,
 Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
 Есть, сударь, у васъ золота казна,
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Вторые сорокъ бурнастыхъ ⁴²⁷ лисицъ;
 Есть, сударь, дорога камка,
 Что не дорога камочка — узоръ хитеръ:
 Хитрости были Царя-града,
 А и мудрости Іерусалима,
 Замыслы Соловья Будиміровича;
 На златъ, серебръ не погнѣваются.»
 Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ градъ,
 Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
 Сходни бросали на крутъ бережокъ .... ⁴²⁸

Мы знаемъ изъ лѣтописи, что Новгородцы славились плотничествомъ; пѣсня говоритъ, что они славились умѣньемъ строгать стрѣлы:

....тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
 Колоты они были изъ трость-дерева,
 Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ ⁴²⁹.

Лѣтописецъ знаетъ о Дунайскомъ городкѣ Кіевцѣ, который основанъ будто бы нашимъ же Кіемъ Полянскимъ; пѣсня знаетъ также Кіевецъ:

Чурила живеть не въ Кіевѣ,
 А живеть ояъ пониже малаго Кіевца ⁴³⁰.

Мы знаемъ, что дружинники переходили отъ одного владѣльца къ другому, служили то въ одной, то въ другой странѣ; та-

ковы и богатыри пѣсни, таковъ знаменитый Дунай Ивановичъ, который говорить о себѣ:

Служилъ я, Дунай, во семи Ордахъ,
Въ семи Ордахъ, семи королямъ⁴³¹.

Въ Галицкой Руси теперъ еще поется объ этихъ дружинникахъ, о нашихъ старинныхъ Руссахъ, которые собирались идти на тихій Дунай, служить Царю Болгарскому, или въ Константинополь къ Императору:

«Въ чистомъ полѣ шатеръ стоитъ; въ шатрѣ сидятъ добры молодцы, сидятъ они, думу думаютъ: какъ пойдемъ мы къ кузнецу доброму, покуемъ себѣ мѣдные челна, мѣдные челна. золотыя весла; какъ пустимся мы на тихій Дунай, вдоль Дуная подъ Царьгородъ. Ой чуемъ тамъ добраго пана, что платитъ щедро за службу молодецкую: даетъ, что годъ, по сту червонныхъ; по сту червонныхъ, да по вороному коню; по вороному коню, да по сабелькѣ; по сабелькѣ, да по кафтанчику; по кафтанчику, да по шапочкѣ; по шапочкѣ, да по красной дѣвицѣ⁴³²».

Мы видѣли вліяніе христіанства на древнія наши богатырскія преданія, видѣли, какъ подъ этимъ вліяніемъ передѣлывался характеръ богатырей, характеръ ихъ поступковъ. Но есть еще цѣлый рядъ произведеній народной фантазіи, которые отзываются также глубокою древностію, и которыя своимъ существованіемъ обязаны уже почти исключительно новой религіи: мы говоримъ о духовныхъ нашихъ пѣсняхъ или стихахъ, которые обыкновенно поются слѣпыми нищими. Мы видѣли въ преданіи о принятіи Владиміромъ христіанства, что Князя всего болѣе поразилъ рассказъ Греческаго проповѣдника о началѣ и концѣ міра; мы видѣли также, что эти вопросы занимали сильно языческіе народы сѣвера; и вотъ народная фантазія овладѣваетъ этими вопросами и рѣшаетъ ихъ по своему, подъ непосредственнымъ однако вліяніемъ христіанства. Такъ произошли важнѣйшіе стихи — о Голубиной книгѣ и о Страшномъ судѣ. Въ первой пѣсни говорится, какъ изъ грозной тучи

вышла исполнинская книга, какъ изъ многочисленнаго собора всякаго рода людей никто не могъ разогнуть ее, какъ могъ это сдѣлать одинъ Царь Давидъ, совопросникомъ котораго о тайнахъ творенія является нашъ Владимиръ. Здѣсь можно видѣть связь пѣсни съ преданіемъ о томъ, какъ Владимиръ спрашивалъ у Греческаго проповѣдника о содержаніи Ветхаго и Новаго Завѣта ⁴³³.

Разсмотрѣвъ событія начального періода и внутреннее состояніе общества въ это время, постараемся выискнуть въ главныхъ, характеристическія черты эпохи. Прежде всего представляются намъ племена, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ и живущія подъ формами родового быта. На сѣверѣ племена эти, по всѣмъ вѣроятностямъ въ слѣдствіе столкновенія съ другими историческими народами, сознаютъ необходимость выйти изъ родового быта, для чего призываютъ власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужаго рода. Соединенныя посредствомъ новаго начала силы дѣйствуютъ; князь сѣверныхъ племенъ пользуется силами послѣднихъ, и подчиняетъ себѣ остальные племена на всемъ огромномъ пространствѣ великой восточной равнины. Племена эти, въ слѣдствіе означеннаго подчиненія, сосредоточенія, постепенно переходятъ изъ родового быта въ областной; въ городахъ, въ слѣдствіе дѣятельности правительственнаго начала, въ слѣдствіе переселеній и новаго раздѣленія жителей, родовой бытъ ослабѣваетъ. Между тѣмъ является новое могущественное начало — церковь: князья сѣверныхъ племенъ движутся на югъ, по великому водному пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, утверждаютъ свое пребываніе въ Кіевѣ, откуда начинаются частыя сношенія съ Византією; въ слѣдствіе этихъ сношеній является на Руси христіанство, торжествуетъ надъ язычествомъ въ Кіевѣ, и отсюда мало-по-малу распространяется во всѣ стороны. Вліяніе церкви, духовенства, на общественный строй оказывается немедленно, особенно при необходимомъ столкновеніи съ семейнымъ началомъ; ясно на-

чинають обнаруживаться дѣйствія новой религіи въ концѣ періода, когда выступаетъ новое поколѣніе грамотныхъ христіанъ. — Главныя условія, которыя опредѣляли при этомъ дальнѣйшій ходъ Русской исторіи, были, во первыхъ, природа страны, во вторыхъ, бытъ племенъ, вошедшихъ въ составъ новаго общества, въ третьихъ, состояніе сосѣднихъ народовъ и государствъ. Равнинность страны, а главное — величина и обиліе рѣкъ условили быстрое очертаніе огромной государственной области, первоначальныя основы которой положены по великому водному пути изъ сѣверной Европы въ южную, изъ Балтійскаго моря въ Черное; путь шель, по выраженію летописца, отъ Варяговъ къ Грекамъ: этимъ условились два явленія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на жизнь Русскаго общества: отъ Варяговъ пришло правительственное начало, отъ Грековъ — христіанство. — Бытъ племенъ родовой условилъ явленія, побудившія къ призванію князей, онъ условилъ и отношенія между призваннымъ началомъ и призвавшими его; князь могъ явиться не иначе, какъ въ значеніи родоначальника; по отсутствію наследственности родоваго старшинства въ одной линіи, старшины родовъ не могли выдвинуться на первый планъ съ ограничивающимъ княжескую власть значеніемъ, и дружина необходимо получаетъ характеръ только служебный ⁴³⁴. Природа страны и бытъ племенъ условили и особенную форму распространенія Русской государственной области, именно колонизацію, которую мы замѣчаемъ съ самаго начала; при этомъ замѣчаемъ также, что движеніе отправляется преимущественно съ сѣвера на югъ, замѣчаемъ бѣльшій приливъ жизненныхъ началъ на сѣверъ: три раза вступаетъ сѣверъ въ борьбу съ югомъ, и три раза остается побѣдителемъ; но сѣверъ не только даетъ побѣду князьямъ своимъ надъ князьями юга, онъ посылаетъ часть своего народонаселенія на постоянную защиту юга отъ степныхъ варваровъ. — Третьимъ главнымъ условіемъ, опредѣлившимъ изначала ходъ Русской исторіи, назвали мы отношенія къ сосѣднимъ государствамъ и народамъ. Русское государство образовалось на дѣвственной почвѣ, на которой исто-

рія, цивілізація другого народа не оставила никакихъ слѣдовъ; никакихъ преданій, никакихъ учрежденій не досталось въ наслѣдство юному Русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь съ одними собственными средствами. Но при такихъ обстоятельствахъ важно было то, что новорожденное общество, находясь на краю восточной Европы, въ слѣдствіе отдаленности, уединенія своего, избѣгло чуждыхъ сильныхъ вліяній со стороны народовъ, поставленныхъ въ болѣе благоприятныя обстоятельства относительно гражданственности. Западныя Славянскія государства основались также на дѣйственной почвѣ, но они немедленно должны были подчиниться вліянію чужаго племени, Германскаго, которое дѣйствовало съ помощію Римскихъ началъ, усвоенныхъ имъ на почвѣ имперіи. Это могущественное вліяніе чуждой народности, противъ котораго Славянская народность не могла выставить сильнаго сопротивленія, нанесло при самомъ началѣ рѣшительный ударъ самостоятельности западныхъ Славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, при самомъ началѣ условило ихъ будущую судьбу. Но вліяніе Германскаго племени прекратилось Польшею, не могло достигнуть Россіи въ слѣдствіе самой ея отдаленности, уединенія; свободная отъ вліянія чуждыхъ племенъ, Русь могла сохранить свою Славянскую народность; она приняла христіанство отъ Византіи, которая въ слѣдствіе этого обнаружила сильное вліяніе на жизнь юнаго Русскаго общества, но это вліяніе не было нисколько вредно для Славянской народности послѣдняго, потому что Восточная Имперія, по самой слабости своей, не могла насильственно втѣснять Русскую жизнь въ формы своего быта, навязывать Русскимъ свой языкъ, высылать къ нимъ свое духовенство, свои колоніи; Византійская образованность дѣйствовала не чрезъ свой собственный органъ, но чрезъ органъ Русской народности, чрезъ Русскій языкъ, и такимъ образомъ, вмѣсто утушенія, содѣйствовала только къ утверженію Славянской народности на Руси; Греція обнаруживала свое вліяніе на Русь не во столько, во сколько сама хотѣла обнаруживать его, но во столько, и въ такихъ фор-

махъ , въ какихъ сами Русскіе хотѣли принимать ея вліаніе; ни свѣтская, ни духовная власть Восточной Имперіи не могли имѣть рѣшительнаго вліанія на явленія древней Русской жизни, не могли выставить начала, равносильнаго господствовавшимъ въ ней началамъ, которыя потому и развивались свободно и независимо; Византійскія государственныя понятія, проводимыя на Руси чрезъ духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушенію нѣкоторыхъ формъ жизни, когда эти формы были уже рѣшительно поколеблены въ слѣдствіе внутреннихъ причинъ. Безопасная отъ насильственнаго вліанія имперій Римско-Греческой и Римско-Германской, древняя Русь была безопасна отъ насильственнаго вліанія и другихъ сосѣднихъ народовъ: Польша, и во времена могущества своего, постоянно сдерживалась Западомъ, принуждена была постоянно смотрѣть въ ту сторону, при томъ же силы двухъ юныхъ государствъ были одинаковы: Польшѣ не удалось утвердить своего вліанія на востокъ и при Болеславѣ Храбромъ. тѣмъ менѣе она могла имѣть средствъ къ тому послѣ его смерти. Дикіе Литовцы и Ятвяги могли только безпокоить Русскія границы своими набѣгами. Въ Швеціи, въ слѣдствіе появленія тамъ христіанства, началось разложеніе древнихъ языческихъ формъ жизни, сопровождаемое внутренними волненіями, уничтожившими для народа и князей его возможность дѣйствовать наступательно на сосѣднія страны. Съ востока, отъ степей Азій, нѣтъ также сильныхъ напоровъ, могущихъ вырвать съ корнемъ основы новорожденнаго общества, какъ нѣкогда наплывъ Гунскій уничтожилъ въ этихъ странахъ владѣніе Готеовъ. Такъ съ самаго начала уже оказывалось, что изъ всѣхъ Славянскихъ государствъ одному Русскому суждено было самостоятельное существованіе въ Европѣ.

Въ заключеніе мы должны обратиться къ вопросу, который такъ долго господствовалъ въ нашей исторической литературѣ, именно къ вопросу о Норманскомъ вліаніи. Участіе Скандинавскихъ племенъ, или Варяговъ, въ начальномъ періодѣ нашей исторіи несомнѣнно, ясно съ перваго взгляда. Первоначальною

областію Русскаго государства былъ путь отъ Варяговъ въ Грецію, и безспорно, что этотъ путь открытъ Варягами задолго до половины IX вѣка; безспорно также, что явленіе, знаменующее въ исторіи сѣверо-восточной Европы половину IX вѣка, соединеніе сѣверныхъ племенъ Славянскихъ и Финскихъ подъ одну власть, произошло въ слѣдствіе столкновенія этихъ племенъ съ племенемъ Скандинавскимъ, въ слѣдствіе владычества Варяговъ въ этихъ странахъ. Первые призванные князья были изъ рода Варяжскаго, первая дружина состояла преимущественно изъ ихъ соплеменниковъ; путемъ Варяжскимъ движутся сѣверныя князья на югъ; въ борьбѣ съ югомъ, съ Греками, восточными степными варварами, Польшею, Русскіе князья постоянно пользуются Варяжскою помощію; Варяги первые купцы, первые посредники между сѣвernoю и южною Европою и Азіею, между Славянскими племенами и Греками, они же главнымъ образомъ посредничаютъ и при введеніи христіанства въ Русь. Но при этомъ должно строго отличать вліяніе народа отъ вліянія народности: вліяніе Скандинавскаго племени на древнюю нашу исторію было сильно, ощутительно, вліяніе Скандинавской народности на Славянскую было очень незначительно. При столкновеніи двухъ народовъ, при опредѣленіи степени ихъ вліянія одного на другой, должно обратить прежде всего вниманіе на слѣдующія обстоятельства: одинъ народъ господствуетъ ли надъ другимъ, одинъ народъ стоитъ ли выше другаго на ступеняхъ общественной жизни, наконецъ формы быта одного народа, его религія, нравы, обычаи рѣзко ли отличаются отъ формъ быта другаго, религіи, нравовъ, обычаевъ?

Мы видимъ, что у насъ Варяги не составляютъ господствующаго народонаселенія относительно Славянъ, не являются какъ завоеватели послѣднихъ, слѣдовательно не могутъ надать Славянамъ насильственно своихъ формъ быта, сдѣлать ихъ господствующими, распоряжаться, какъ полновластные хозяева, въ землѣ. Мы видимъ, что при Владимірѣ въ совѣтахъ о строѣ земскомъ подлѣ бояръ являются старцы, слѣдовательно, если мы даже предположимъ, что сначала, тотчасъ послѣ призванія,

дружина преимущественно состояла изъ Варяговъ, то ея вліяніе не могло быть исключительно, потому что превѣшивалось вліяніемъ старцевъ, представителей Славянскаго народонаселенія; что было въ стольномъ городѣ княжескомъ, то самое должно было быть и въ другихъ городахъ, гдѣ мѣсто князя занимали мужи княжіе. Варяги, составившіе первоначально дружину князя, жили около послѣдняго, такъ сказать, стояли подвижнымъ лагеремъ въ странѣ, а не врѣзывались сплошными колоніями въ туземное народонаселеніе; многіе изъ нихъ находились только во временной службѣ у Русскихъ князей, уходили отъ нихъ на службу къ императору Греческому или возвращались назадъ домой; наконецъ, по самому характеру дружинниковъ, они не могли переходить въ Русь съ женами; тѣ изъ нихъ, которые оставались здѣсь навсегда, женились въ Славянкахъ, дѣти ихъ были уже полу-Варягами только, внуки совершенно Славянами.

Варяги не стояли выше Славянъ на ступеняхъ общественной жизни, слѣдовательно не могли быть среди послѣднихъ господствующимъ народомъ въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ; наконецъ, что всего важнѣе, въ древнемъ языческомъ бытѣ Скандинаво-Германскихъ племенъ мы замѣчаемъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ Славянъ; оба племени не успѣли еще выработать тогда рѣзкихъ отгѣнъ въ своихъ народностяхъ, и вотъ горсть Варяговъ, поселившись среди Славянскихъ племенъ, не находятъ никакихъ препятствій слиться съ большинствомъ.

Такъ должно было быть, такъ и было. Въ чемъ можно замѣтить сильное вліяніе Скандинавской народности на Славянскую? Въ языкѣ? По послѣднимъ выводамъ, добытымъ филологіею, оказывается, что въ Русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія сомнительнаго или дѣйствительно Германскаго⁴³⁵. Послѣ того какъ древнѣйшій памятникъ нашего законодательства, такъ называемая Русская Правда, сличена была съ законодательными памятниками другихъ Славянскихъ народовъ, не можетъ быть рѣчи не только о томъ,

Русская Правда есть Скандинавскій законъ, но даже о
 влiянiи въ ней Скандинавскаго элемента. Даже тѣ
 слѣдователи-юристы, которые предполагають нѣсколько зна-
 чительное влiянiе Скандинавскаго элемента въ Русской Правдѣ,
 сдѣлають однако въ послѣдней собранiе обычаевъ преимущественно
 римскихъ и частiю только Германскихъ⁴³⁶. Но для яснаго
 пониманiя событiй перваго перiода нашей исторiи, мало еще
 сказать, что степень влiянiя народности пришлагаго элемента
 и народность туземнаго была незначительна; нужно тотчасъ
 обратиться къ вопросу, и слѣдить, какому влiянiю съ самаго
 начала сталъ подвергаться пришлый элементъ отъ туземнаго,
 въ новой среды, въ которой онъ нашелся, надобно слѣдить
 обоими элементами въ ихъ взаимодействiи, а не брать каж-
 дый порознь, заставляя ихъ дѣйствовать отъ начала до конца
 въ полной особности, съ ихъ первоначальнымъ, чистымъ ха-
 рактеромъ, какой они имѣли до своего соединенiя. Если Рю-
 рикъ былъ Скандинавъ, морской король, то слѣдуетъ ли от-
 казать, что внуки и правнуки его, князья многихъ племенъ, вла-
 дѣльцы обширной страны, должны также носить характеръ мор-
 скихъ королей? Развѣ новая среда, въ которой они стали
 жить, нисколько не могла содѣйствовать къ измѣненiю
 ихъ характера? Говорять, что наши князья, отъ Рюрика до
 Ярослава вклучительно были истые Норманны; но въ чемъ же
 состоитъ ихъ норманство? Въ томъ, что они обнаруживаютъ за-
 хватительный духъ? Но такимъ духомъ обыкновенно отличаются
 князья новорожденныхъ обществъ: одновременно съ Русскимъ
 возмужаетъ другое Славянское государство—Польское; первые
 князья не Норманны, не смотря на то они обнаруживаютъ свою
 хватительность тѣмъ же, чѣмъ и первые Рюриковичи, распро-
 страненiемъ первоначальной области посредствомъ завоеванiя.
 Первые Рюриковичи обнаруживаютъ свое Норманское про-
 изхожденiе, быть можетъ, тѣмъ, что совершаютъ походы пре-
 имущественно водою, на лодьяхъ? Но причина этого явленiя
 заключается не въ Норманскомъ происхожденiи князей, а въ
 природѣ страны, малонаселенной, покрытой непроходимыми лѣ-

сами, болотами, въ которой слѣдовательно самый удобный путь былъ водный; дружины, распространявшія Русскія владѣнія за Уральскимъ хребтомъ въ XVII вѣкѣ, не были Норманны, но по природѣ страны дѣйствовали также, какъ послѣдніе, совершали свои походы воднымъ путемъ. Обычай нашихъ князей ходить на полюдь не есть Норманскій, онъ необходимъ и въ всѣхъ новорожденныхъ обществахъ: такъ мы видимъ его и у Польскіхъ. Военное дѣленіе на десятки, сотни и т. д. есть общее у народовъ различнаго происхожденія. Дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность Германскаго племени; Болеславъ Польскій живетъ съ своею дружиною точно также, какъ Владиміръ Русскій съ своею.

Сдѣлавши всѣхъ первыхъ князей нашихъ морскими королями, назвавши ихъ всѣхъ истыми Норманнами, опредѣливши такимъ образомъ ихъ общій характеръ, точку зрѣнія на нихъ изслѣдователи необходимо должны были оставить въ сторонѣ ихъ главное значеніе относительно той страны, относительно тѣхъ племенъ, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать, должны были оставить въ сторонѣ различіе характеровъ каждаго изъ нихъ, и какое вліяніе это различіе производило на судьбу страны. Обративъ преимущественно вниманіе на элементъ пришлый, на Варяговъ, изъ характера ихъ отношеній къ князю и землѣ исключительно старались опредѣлить главный характеръ нашей исторіи, позабывъ, что характеръ дружины условился отношеніями призванныхъ князей къ призванному народонаселенію, и что эти отношенія условливались бытомъ послѣдняго. Утверждая, что у насъ имѣло мѣсто призваніе, а не завоеваніе, не замѣтили противорѣчія, когда Варягамъ дали характеръ завоевательный, заставивъ всѣ явленія отражать на себѣ исключительно ихъ народность, заставивъ дѣйствовать одно пришлое начало, поразивъ совершеннымъ бездѣйствіемъ туземное. Таковы вредныя слѣдствія того односторонняго взгляда, по которому Варяги были исключительными дѣйствителями въ начальномъ періодѣ нашей исторіи⁴³⁷.

Но если вліяніе Норманской народности было незначительно, то, по признанію самыхъ сильныхъ защитниковъ норманна, вліяніе Варяговъ было болѣе наружное, если такое наружное вліяніе могли одинаково оказать и дружины Славянъ морскихъ, столько же храбрыя и предприимчивыя, какъ и дружины Скандинавскія, то ясно, что вопросъ о національно-м Варяговъ-Руси теряетъ свою важность въ нашей исторіи.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Полное Собрание Русскихъ лѣтописей Т. I, стр. 9: «И раздая (Рюрикъ) мужемъ своимъ волости и города рубити». Тамъ же стр. 10: «Се же Олегъ нача города ставити». Тамъ же: «И нача (Владиміръ) ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугвѣ; и нача нарубати мужи лучшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады» Стр. 65: Ярославъ Польскими плѣнниками населяетъ мѣста по рѣкѣ Рси; стр. 113: Василько хочетъ покорить Болгаръ Дунайскихъ и посадить ихъ у себя. Исторія Россійская Татищева, кн. III, стр. 76: «Зачалъ (Юрій) строить во области своей многіе города.... созывая людей отовсюда, которымъ не малую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ кромѣ Русскихъ селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли». Новымъ поселенцамъ вездѣ давались большія льготы, см. Акты Истор. 1, № № 13, 25, 28, 36, 49, 81, 88 и проч.

2) Herodot. Halic. I. IV, с. 82.

3) Полн. Собр. Русск. лѣтоп. I, стр. 108: «Ярославъ же стояше на Медвѣдици въ сторожихъ». Ярославъ Святославичъ долженъ былъ сторожить границу Ростовской области отъ прихода Мстислава Новгородскаго.

4) См. сводную Новгородскую грамоту въ моемъ изслѣдованіи: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ: «А что ти, княже, пошло на Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой държати, на своей части държати; а Новгородцы на своей части държати».

5) Легко замѣтить, что первоначальная граница Новгородской и Ростовской области именно шла по водораздѣлу между Мстою, Тверцою, Медвѣдицею и Мологою, и что движеніе, переходъ Новгородскаго народонаселенія и владѣній въ область Волги совершился съ сѣверозапада, тамъ, гдѣ волюки такъ ничтожны, между Пашею, Соминою, Сясью. Движеніе шло Чагодошею, и потомъ Мологою вверхъ до водораздѣла и внизъ до Весеьгонска. На эти границы областей всего лучше указываютъ границы Новгородскаго нарѣчія.

6) См. ниже въ главѣ о Финнахъ.

7) См. Ходаковского «Пути Сообщенія въ древней Россіи» (Русскій Историческій Сборникъ, Т. I. стр. 13 и слѣд.).

8) Воскресен. лѣтоп. годъ 1021. Впрочемъ послѣ, при ослабленіи Полоцкихъ князей, Витебскъ подпадалъ опять власти Ростиславичей.

9) Полн. Собр. Русск. лѣтоп. Т. II, стр 7: «Приходи Володимерь (Мономахъ) на Глѣба (князя Минскаго): Глѣбъ бо бѣше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ.

10) Какъ видно, до впаденія въ Бугъ рѣки Нура на сѣверѣ.

11) Г. Погодинъ (Розыск. о гор. и пред. древн. русск. Княж. Ж. М. В. Д.) несправедливо отчисляетъ Курскъ къ Переяславскому княжеству: этотъ городъ былъ при Великихъ Князяхъ Мстиславѣ и Ярополкѣ Владиміровичахъ только во временномъ владѣніи у Мономаховичей, прежде же и послѣ принадлежалъ Черниговскимъ Ольговичамъ. Время, въ которое овладѣли Мономаховичи Курскомъ и другими Посемскими городами, означено въ Лаврентьевскомъ спискѣ, стр. 130: «Мстиславъ же съ Ярополкомъ совокуписта воѣ, хотяще ити на Всеволода (Ольговича, Черниговскаго) про Ярослава; и Всеволодъ посла съ Половцѣ. И приде ихъ 7 тысящъ съ Селукомъ (и съ Ташемъ), и стаща у Ратмирѣ Дубровы за Выремъ. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша ихъ опять, Ярополчи бо бяхуть посадницы по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ». Потомъ, когда начался усобицы между Мономаховичи, Ольговичи, пользуясь случаемъ, стали требовать у Ярополка Курска и Посемскихъ городовъ (Ипатьев. 13): «Ольговичи начаша просити у Ярополка: что ны отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ». Ярополкъ, проигравъ Супойскую битву, принужденъ былъ уступить Ольговичамъ требуемое; что здѣсь дѣло шло именно о Курскѣ съ Посемьемъ, доказываетъ то, что съ этихъ поръ Курскъ находится во власти Черниговскихъ князей; такъ въ Новгород. 1-й стр. 7, читаемъ; «Святославъ Ольговиць съвкупилъ всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глѣба, Куряны съ Половцы»; въ Ипатьев. стр. 17: «Иде Святославъ Курьску». Что Курскъ съ Посемьемъ принадлежалъ Ольговичамъ, свидѣтельствуетъ также слѣдующее мѣсто (Ипатьев. 45): «И посла (Юрій Долгорукій) по Володимира по Давидовича Чернигову, и приѣха Володимиръ къ Гюргеви и поклонися ему? и Святославъ Ольговичъ нача ему молвити: «держиши отчину мою, и тогда взя Курскъ и съ Посемьемъ». См. въ моемъ сочин. Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикава дома, стр. 144, 145, примѣч. Послѣ г. Погодинъ (И. З. и Д. Т. IV, стр. 441) старался доказать принадлежность Курска къ Переяславскому княжеству извѣстіемъ подъ 1096 годомъ, что Изяславъ Владиміровичъ Мономашичь пришелъ въ Муромъ изъ Курска; но изъ ближайшаго рассмотрѣнія обстоя-

мать, открывается, что Изяславъ долженъ былъ занять и Курскъ, власть Святославичей, точно также, какъ занялъ Муромъ, потому что, по известію Татищева (II, 157), онъ былъ выгнанъ Давидомъ Святославичемъ изъ Смоленска; въ такомъ случаѣ, разумѣется, онъ долженъ былъ броситься на волости Святославичей, сперва на Курскъ, потомъ на Муромъ. Я не могу, какъ дѣлаетъ г. Погодинъ, допустить, чтобы Любеньскомъ съѣздѣ могли быть еще какія-нибудь другія распоряженія, кромѣ означенныхъ въ лѣтописи, ибо основаніемъ распорядка прямо ставлены — отчинность и распоряженія в. кн. Всеволода, и если Курскъ отданъ былъ тогда Святославичамъ, то ясно, что онъ ихъ отчинный городъ, иначе это прямо противорѣчило бы основанію распорядка; Смоленскъ Курска давать было также не для чего, ибо Смоленскъ переходилъ къ Мономаху, какъ отцовскій городъ, на основаніи распоряженія; вознаграждать Олега было также не для чего, потому что по лѣтописи, лишенный всѣхъ своихъ волостей, князь доволенъ былъ и тѣмъ, что его вводили въ отцовское владѣніе.

2) Великій, въ отличіе отъ Малаго Ростова, или Ростовца. См. Полн. р. русск. лѣтоп. Т. I, стр. 75.

3) П. с. р. лѣтоп. Т. I, стр. 75.

4) Отъ сѣверной части средняго Урала, къ сѣверозападу, между рѣчками Печоры и притоками верхней Камы, идетъ холмистая равнина, которая называется Увалами. Увалы раздѣляются на двѣ части, южную и сѣверную. Сѣверная тянется къ сѣверозападу, раздѣляетъ рѣчные системы — Печоры и Двины, и теряется въ болотахъ у сѣвернаго океана. Западная часть Уваловъ идетъ между истоками Печоры и Камы, раздѣляетъ область Сѣверной Двины отъ области верхней Волги, и тянется на сто миль къ западу между городами — Вологдою на сѣверѣ и Костромою съ Ярославлемъ на югѣ. Увалы простираются до Белоозера, потомъ поворачиваютъ къ югозападу, и на востокѣ отъ Новгорода примыкаютъ къ Валдайскимъ возвышенностямъ.

5) Изъ Рязанскихъ городовъ на Донской системѣ до половины XIII вѣка упоминается только Воронежъ, подъ 1177 годомъ; но сомнительно, упоминается ли здѣсь городъ: въ Лаврентьевскомъ спискѣ стоитъ: «Вавше (Рязанцы) въ Вороножь»; но въ древнѣйшемъ Ипатьевскомъ: «Вавше Воронажь»: неизвѣстно слѣдовательно, какой предлогъ былъ подлинникъ — въ или на, причемъ послѣдній означалъ бы только рѣку Воронежъ, на которой князь Ярополкъ могъ стоять съ Рязанскимъ княземъ для наблюденія за Половцами, тѣмъ болѣе, что для означеннаго движенія къ городу употребительнѣе былъ мѣстный падежъ безъ предлога: «Вхавше Воронажю». Въ концѣ XIII вѣка упоминаются на

Исторіи Россіи Т. I.

Донской системѣ два княжества, принадлежавшія Святославичамъ Черниговскимъ.

16) Ливны, Лебедянь, Елецъ, Воронежъ называются въ XVII вѣкѣ степными или польскими городами.

17) Говоря о важномъ значеніи рѣкъ въ нашей исторіи, мы должны замѣтить еще одно обстоятельство, а именно, что рѣки, теперь мелководныя и несудоходныя, въ древности были многоводны и способны къ судоходству; такъ напр. Стугна, теперь небольшая рѣка въ 60 верстѣ длины, впадающая въ Днѣпръ съ правой стороны у Триполя, въ настоящее время совершенно не судоходна, но прежде была очень важна: по ней св. Владиміръ строилъ города, и въ ней находятъ остатки большихъ судовъ. И въ другихъ малороссійскихъ рѣкахъ, которыя теперь несудоходны, находятъ остатки большихъ судовъ изъ глубокой древности, напр. въ Сулѣ, Ворсклѣ, Хоролѣ и другихъ. Утверждаютъ, что рѣка Трубежъ въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ пересохла на десять верстѣ; въ Трубежѣ также находятъ остатки большихъ судовъ, хотя теперь эта рѣка и несудоходна.

18) *Geographie der Griechen und Römer* von F. A. Ukert, 111, 18.

19) Геродотъ, IV, 12, 13.

20) Поля. собр. р. лѣтоп. I, стр. 107: «Се же хоцю сказати, яко слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яке сказа ми Гюрятя Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яке суть дань дающе Новгороду; и пришедше отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра-же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему: дивно мы находимъ чюдо, его же нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота, яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, или сѣкиру, дають скорою противу».

21) Ukert, III, 28. — Въ Аѳинахъ былъ полицейскій отрядъ изъ Скиевъ.

22) *Ap. Athen.* 1, p. 6.

23) XI, 493.

24) .... regio; pars ultima mundi, quam fugere homines Dique. *Ovid. Trist.* IV; 4, 38.

25) См. книгу IV-ю вообще.

26) Чтò касается хронологіи Геродота, то на нее нельзя обращать большаго вниманія (См. Ukert, 5, 268).

27) Strabo, VII, 306.

28) Дюдоръ Сицилійскій говоритъ (II, 43), что Сарматы были мидійская колонія, выведенная скинскими царями на берега Дона. Плиний (Hist. nat. VI, с. 7 § 19) подтверждаетъ это извѣстie — Sarmatae Medorum, ut ferunt, soboles. Бѣкъ подтверждаетъ это теперь лингвистически. Inscript. gr. II, pars XI, p. 110.

29) Dionis. Chrysostomi Orationes, LXXX.

30) Гротъ въ своей Греческой Исторіи (History of Greece, vol. IV, p. 362) произнесъ, думаемъ, вполне вѣрное сужденіе объ этомъ походѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Here (на берегахъ Дуная) we reenter the world of reality, at the north bank of the Danube, the place where we before quitted it. All that is reported to have passed in the interval, if tried by the teste of historical matter of fact, can be received as nothing better than a perplexing dream. It only acquires value when we consider it as an illustrative fiction, including, doubtless, some unknown matter of fact, but framed chiefly to exhibit in action those unattackable Nomads who formed the northeastern barbarous world of a Greek, and with whose manners Herodotus was profoundly struck. The protracted and unavailing chase ascribed to Darius who can neither overtake his game nor use his arms, and who hardly even escapes in safety, embodies in detail this formidable attribute of the Scythian Nomads. That Darius actually marched into the country, there can be no doubt. Nothing else is certain, except his ignominious retreat out of it to the Danube; for of the many different guesses, by which critics have attempted to cut down the gigantic sketch of Herodotus in to a march with definite limits and direction, not one rests upon any positive grounds, or carries the least conviction. We can trace the pervading idea in the mind of the historian, but cannot find out what were his substantive data.»

31) См. Шафар. Слав. Древн. переводъ О. Бодянскаго, Т. I, кн. I, стран. 104.

32) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 3: «По многѣхъ же времянѣхъ сѣи суть Словѣни по Дунаевѣ, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ племемъ Морава, и прозвашася Морава: а друзіи Чеси нарѣкошася; а се тже Словѣни Хровате Бѣли, и Сербъ, и Хорутане. Волхомъ бо пришедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ Словѣни же они пришедши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, и Мазовшане, ини Поморяне. Также и ти Словѣни пришедше и сѣдоша по Двѣпру и проч.

- 33) Plinii Hist. Nat. l. IV. c. 13; VI, c. 7. Taciti Germ.
 34) Ptolem. Geogr. l. III, c. 5; l. V, c. 9. Marciani peripl. in Geogr. veter. script. graec. minor. ed. Hudson, 1, 54 — 57.
 35) De Gethar. orig. et reb. ges. c. 5.
 36) Procop. Caesariensis, de bello gothico, l. III, c. 14; l. IV, c. 4, 5.
 37) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 3.
 38) Тамъ же, стр. 5.
 39) Тамъ же.

40) Тамъ же, стр. 4: «Ини же не свѣдуще рекоша, якъ Кій есть перевозникъ былъ: у Кіева бо быше перевозъ тогда съ оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ.» Мы не рѣшаемся ничего сказать о словѣ Кіевъ; замѣтимъ только на счетъ производствъ Щеговицы и Хоревыцы: Щекъ, отсюда Щегова (гора), и отсюда уже Щеговица; по этому же образцу должно быть производимо и слово Хоревыца: Хоръ, Хорева, Хоревыца, но Х о р напоминаетъ божество Хорса.

41) Тамъ же.

42) Шафар. Слов. Древн. II, 1, стр. 184; 185.

43) Зябловскаго — Землеопис. Росс. Импер. III. 37 — Сходство имени Кривичей съ именемъ литовскаго первосвященника Криве есть случайное, и не можетъ вести ни къ какимъ сближеніямъ. Литовское: K i r b a, топь, трясина. Отсюда вѣроятно произошло названіе Кривичей. Лѣтописецъ говоритъ: «разидошася по землѣ, и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.» Стало быть Дреговичи и Кривичи получили названіе свое отъ мѣстности, ими занятой. Мѣстность эта и теперь обильна топями, трясиными, а топь, трясина называется въ западной Россіи дрегва, дрягва, по-Литовски K i r b a. Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Импер. Академіи Наукъ листъ 7-й.

44) Нельзя согласиться съ Шафарикомъ, который непременно хотѣть помѣстить между Русскими Славянами Сербовъ, основываясь на свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго; но очевидно, что Сербы Константина суть Сѣверяне, ибо какъ предположить, чтобъ нашъ лѣтописецъ ничего не зналъ о Серблахъ, а Константинъ о Сѣверянахъ? — Ясно, что Константинъ, зная также о Серблахъ, какъ о Славянскомъ племени, по легкости и созвучью слова, назвалъ этимъ именемъ нашихъ Сѣверянъ. — Шафарикъ говоритъ: «Сербы не были и не могутъ быть инымъ народомъ, какъ только Сербами.» Но если такъ, то и Константиновъ Милниска не можетъ быть другимъ городомъ, какъ только Милнискою, тогда какъ мы знаемъ, что это — Смоленскъ.

45) Никон. Дѣт. 1, 41: «И бѣ у него (у Игоря) воевода именовъ Свентеадъ, и премучи Угличи, и возложи на ня дань Игорь, и даде Свентеаду: и не дадеся ему единъ градъ именовъ Пересѣченъ, и седе околю его три лѣта, и едва взять его. И быша сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ, и посемъ придоша межи воннѣ дестръ, и седоша тамо.» — Г. Надеждинъ (Записки Одес. Истор. Общ. 1, стр. 235), нашедши въ Бессарабской области, въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, деревню Пересѣчени или Пересѣчину, думаетъ, что отыскалъ мѣсто жительства древнихъ Угличей или Уличей; онъ основывается на томъ, что беретъ Чернаго моря, между устьями Днѣпра и Дуная, представляетъ своею географическою фигурою настоящей уголь, и даже до нынѣ называется Угломъ по преимуществу: турецко-татарское имя Буджакъ, которое означаетъ теперь всю нижнюю или степную часть Бессарабской области, значить именно уголь; славянскіе туземцы называли это мѣсто угломъ еще въ VII вѣкѣ, по свидѣтельству Византійцевъ. Для объясненія приведеннаго извѣстія о при-Днѣпровскихъ жилищахъ Угличей, г. Надеждинъ прибѣгаетъ къ слѣдующему предположенію (стр. 253): «Угличи были жители нынѣшней Бессарабіи, именно нижней, степной ея части; называвшейся угломъ. Но, подобно своимъ преемникамъ Печенѣгамъ, Половцамъ и Татарамъ, они не ограничивались этимъ угломъ; они простирались по Днѣстру и за Днѣстръ далеко въ глубь степей, до Буга по крайней мѣрѣ, какъ указываетъ ясно лѣтописецъ. Но Бугъ, какъ извѣстно, соединяется съ Днѣпромъ, слѣдовательно справедливы слова разсматриваемаго нами мѣста, что они «быша сѣдяще внизъ по Днѣпру,» гдѣ ихъ должны были въ первый разъ замѣтить Кіевскіе Руссы, путешествовавшіе Днѣпромъ до Греціи.» — Но, не прибѣгая къ предположеніямъ вспомнимъ, что въ старину изгибы морскихъ береговъ, заливы, лиманы обыкновенно назывались луками или углами, лукоморьемъ, такъ напр. Лукоморскіе Половцы суть приморскіе Половцы, слѣдовательно подъ именовъ Угличей разумѣлось племя, жившее въ лукоморѣ, у морскаго залива, будь то въ низовьяхъ Днѣпра, или другой какой-нибудь рѣки; что Угличи были именно лукоморскіе жители, на это указываетъ другая форма ихъ имени — Улучи, какъ читается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. — Г. Надеждинъ понимаетъ приведенное мѣсто о бѣгствѣ Угличей съ Днѣпра на Днѣстръ такъ: «И быша сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ (до нашествія Печенѣговъ, бывшаго при Олегѣ) и посемъ преддоша вежи свои (т. е. передвинули свои вежи, свои жилища) на Днѣстръ и сѣдоша тамо.» — Но такое толкованіе намъ кажется слишкомъ вольно: изъ словъ лѣтописца нельзя предположить никакого печенѣжскаго движенія, бывшаго причиною переселенія Угличей съ Днѣпра на Днѣстръ:

онъ прямо говорить, что Угличи были примучены Свѣнелдомъ и осаждены въ Пересѣченѣ, по взятіи котораго они удалились за Двѣстръ и поселились тамъ. — Для соображенія при именахъ — Уличи и Тиверцы г. Микуцкій сообщилъ мнѣ Литовскія слова: ула-скала и тирай-степь.

46) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 4.

47) Семья (отъ со-имаю) означала первоначально жену, супругу (со-прягаю, со-имаю), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: семьяца твоя такая-то; семьянитъся значило соединяться: въ крестоприводныхъ грамотахъ налагается обязанность не семьянитъся ни съ кѣмъ на государя.

48) Изъбрашася три братья съ роды своими, т. е. родственниками своими.

49) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 10: «Приплу подъ Угорское (Олеги), похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: «яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ къ родамъ своимъ.»

50) Отъ рода Русскаго, отъ рода Варяжска.

51) См. Изслѣдов. А. Тюринна: Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси, стр. 28.

52) Слово князь или конязь происходитъ отъ корня конъ, предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же конъ есть санскритскій — джан — рождать, и князь въ Санскрит. имѣетъ себѣ соответственныя: джанака, джанатри, откуда Латинское *genitor* (См. изслѣдов. Э. Буслаева о вліяніи Христ. на Слав. яз. стр. 164). — Отсюда древнее названіе новобрачныхъ князь и княгиня, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. «Се Кій княжаше въ родѣ своемъ.... И по сихъ братьи держати начаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ.» Или: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю.»

53) Гельмольда lib. 11, cap. XII: *Statim enim ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas, aut decrepitem aetas, haeredis curae delegatur, plena humanitate fovendus.*

54) Краледворская рукопись, Snem.

55) *Les Slaves de Turquie*, par M. Cyprien Robert, 1, p. 78, 79. См. также въ словарѣ Юнгмана подъ словомъ *Starosta*, и въ словарѣ Вука Стефановича.

56) О родовомъ бытѣ у Славянъ, кромѣ своихъ писателей, свидѣ-

наступают также иностранные: Прокопій говоритъ, что они не пови-
 нются одному властителю, но изъ начала живутъ при народномъ пра-
 вленіи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, кото-
 рый говоритъ, что у Славянъ много царьковъ, ибо, съ одной стороны,
 князья, старшины родовъ могутъ являться съ характеромъ правителей,
 съ другой—равенство этихъ родоначальниковъ другъ передъ другомъ,
 и эти ихъ сходки, или вѣча, представлялись для Грека демократіею;
 въ Маврикіи, упоминая о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что
 Славяне не знаютъ правительства; Прокопій прибавляетъ, что у Сла-
 вянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Арабскіе пи-
 сатели о Славянахъ подтверждаютъ показанія Греческихъ. — Ср. мою
 статью: Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимуще-
 ственно восточныхъ, во времена языческія, помѣщ. въ 1-й книгѣ Архива
 историко-юридич. свѣд., изд. Н. Калачевымъ; равно изслѣдованіе А.
 Фриша: *Обществ. жизнь и проч.*

87) Мономахъ говоритъ въ поученіи (Полн. Собр. Р. Л. 1, стр. 402):
 «Кто же чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или
 бѣдъ, или согъ. аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ; ти бо
 исходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ,
 лю злымъ».

88) Гельмольдъ, который оставилъ намъ это извѣстіе (lib. I, cap.
 XXII), смотритъ на это, какъ на кражу; но очень вѣроятно, что въ
 древнѣмъ Славянскомъ, часто состоявшемъ изъ одного рода, вовсе не
 было кражи, ибо каждый родичъ считалъ себя въ правѣ уго-
 стить странника, на общій счетъ цѣлаго рода.

89) Имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи;
 рабъ значило малый, юный, доказательствомъ служить произ-
 водное робенокъ или ребенокъ, также производный глаголъ отъ
 рабъ, или рабъ — робѣю, умалюсь духомъ; отрокъ означаетъ маль-
 чика и раба. Въ древнемъ родовомъ обществѣ, сирота былъ самое
 частное существо, сирота былъ первый нищій, первый рабъ.
 Отсюда сирота значить рабъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, а
 въ некоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ и теперь сирота означаетъ
 нищаго.

90) Полн. Собр. Р. Л. 1, стр. 6.

91) См. томъ III, примѣч. 29.

92) Бытъ русскаго народа, соч. А. Терещенки, ч. II, стр. 517, 518.
 Можно любопытно сравнить понятія племенъ, живущихъ и теперь при
 томъ же формахъ быта, при какихъ исторія застаеъ Славянъ; такъ
 ср. читаемъ въ отчетѣ г. Кастрена (Bericht an die Kaiserliche Aka-
 demie, Bulletin, T. IV, 1847): «Fragen wir den Samojedischen Sanger,

wie er das so tief verachtete Weib das Ziel einer edlen Unternehmung (похищение) werden lässt, so antwortet er ohne Bedenken mit folgenden Worten: «Schon seit den Zeiten der Väter ist bei uns die Sitte in Ehren gehalten worden, dass wir uns Frauen nie aus unserem eigenen, sondern aus einem anderen, fremden, nicht verwandten Stamme nehmen. Nun lebten die verschiedenen Stamme früher gewöhnlich in einem feindlichen Verhältnisse zu einander, und daher hielt es oft schwer, auf gutlichem Wege in den Besitz einer Frau zu gelangen. Dies konnte wenigstens nicht ohne ein Brautgeld geschehen, welches ausserordentlich hoch war, in Folge der ehemals gebräuchlichen Vielweiberei und des dadurch verursachten Mangels an unverheiratheten Weibern. Um sich besonders diesen Tribut zu entziehen, hat der Starke bei uns sich ein Weib mit dem Recht der Faust genommen».

63) См. о состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В. соч. В. Шульгина, выпускъ 1-й, стр. 18, примѣч. 30. — Мы не можемъ согласиться съ авторомъ этого сочиненія, что у насъ вѣно не могло означать цѣну за невѣсту, которая давалась женихомъ отцу послѣдней. Онъ ссылается на чтеніе Лаврентьевскаго списка лѣтописи, въ которомъ, какъ было замѣчено прежде и мною (см. Архивъ Калачова, Очеркъ правовъ и проч.), ясно указывается на приданое: вечеромъ приводили невѣсту къ жениху «а завѣтра приношаху по ней, что вдадуче»; но есть другое чтеніе Ипатьевскаго, древнѣйшаго списка, которое скорѣе указываетъ на куплю, чѣмъ на приданое: «А завѣтра приношаху что на ней вдадуче». Кромѣ этой разности въ чтеніи мы находимъ и въ лѣтописи прямое указаніе на вѣно, какъ на цѣну дѣвушки, платимую женихомъ роднымъ невѣстѣ: Владиміръ (женясь на Аннѣ) «вдасть за вѣно Грекомъ Корсунъ царицы дѣля»; Казимиръ (женясь на сестрѣ Ярослава) «вдасть за вѣно людіе 800». Г. Шульгинъ хочетъ видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ только дружелюбное расположеніе государей, дѣленіе, которое Владиміръ и Казимиръ могли дѣлать и не дѣлать, ни чѣмъ не обязанные къ тому брачнымъ обычаемъ: «Если и предположить, говоритъ г. Шульгинъ, что Владиміръ заплатилъ Корсунемъ за жену, то въ такомъ случаѣ Императоры Василій и Константинъ являются продавцами своей сестры, и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русскій, то продажу ихъ должны будемъ признать обычаемъ христіанской Греціи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру какъ язычницъ, но Казимиръ, породнясь съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему цѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ, съ своей стороны помогаль ему усмирять мятежи въ Мазовіи». Но для насъ важно не то, какъ смотрѣли на означенныя дѣйствія сами дѣйствующія лица, но то, какъ смотрѣлъ на нихъ лѣтописецъ, который въ отдачѣ Владиміромъ

руся, а Казимиромъ пѣнныхъ, видитъ вѣно, слѣдовательно вѣно начало то, что женихъ давалъ за невѣсту роднымъ послѣдней. Значеніе вѣна какъ цѣны объясняется производнымъ глаголомъ вѣнити — *wedere*, напр. «Не пять ли птицъ вѣниться пѣняземя двѣма». Miksch, *Radices linguae slovenicae*, p. 14. См. также въ Архивѣ Кацова дополнение, сдѣланное Буслаевымъ къ Сказаніямъ Русскаго народа, изд. Сахаровымъ, 1, стр. 5 и слѣд. — Наконецъ, что вѣно означаетъ куплю, видно изъ слѣдующаго мѣста въ переводѣ правилъ Іоанна митрополита: «Одѣждающихъ любодѣянія и прелюбодѣянія епитимією чинится, и въскищеніемъ, ли нужею съ женами живущихъ. и о вѣвахъ и о рабыняхъ дающихъ самѣмъ чрезъ вѣно владущихъ». См. у Розенкампа о Кормчей книгѣ, стр. 111.

64) Въ азбуковникахъ толкуется: «Вѣно, написаніе: егда кто обручитъ себѣ невѣсту и творитъ писаніемъ крѣпость промежь себя, и писаніе наричется вѣно».

65) На обычай похищать дѣвицъ на игрищахъ указываетъ рассказъ Мана о древнемъ украинскомъ обычаѣ похищенія дѣвицъ на праздникахъ (*Description d'Ukraine*, p. 63). На это же указываетъ обычай раскольниковъ: между нѣкоторыми расколами бракъ не считается дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Это обыкновеніе было въ употребленіи еще не давно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, званное Кирмашъ, плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой женихъ, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмаша и пошелъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу: объѣзжалъ три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Люценскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ считался дѣйствителенъ.» (Терещенко — Бытъ русск. нар. II, 28). На этотъ языческій обрядъ, сохраненный раскольниками, указываетъ извѣстіе газетъ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣнчать людей около дѣрева (Ригельманъ — Исторія Донскаго войска, въ Чтеніяхъ Моск. Общ.). Слова лѣтописца: «Брака у нихъ не бываше, но умыкну у воды дѣвица», находится въ связи съ словами митрополита Іоанна: «Въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ и тамъ не велить тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ». (Волова — Описаніе Румянц. муз. стр. 321). На употребленіе воды при языческихъ бракахъ указываютъ также правила Іоанна митрополита, въ которыхъ говорится объ языческомъ обрядѣ плесканія, употреблявшемся

при свадьбахъ простыхъ людей (Русск. Достоп. I, 101). Указаніе на обычай похищенія цѣлою толпою пріятелей похитителя, съ присягою стоять другъ за друга, брать за брата, см. въ Этногр. Сбор. I, 255.

66) Митрополитъ Іоаннъ въ правилахъ говорить: «То же створи, иже безъ труда и бе-сраха и бе-срама двѣ женѣ имѣють». Рус. Дост. 1, 91.

67) Срамословіе въ нихъ предъ отци и предъ снохами.

68) На основаніи восточныхъ свидѣтельствъ думаютъ, будто Славяне вѣрили, что женщина вступала въ рай только посредствомъ мужчины: если умиралъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войти въ рай. — Мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обрато, т. е. что мужчина нуждался въ женской душѣ для входа въ рай: иначе, для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выйти за другаго и войти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ.

69) «Если бы сожженіе вдовъ строго соблюдалось, замѣчаетъ г. Шульгинъ (стр. 66), то почему наши лѣтописи молчатъ объ немъ? почему наше духовенство не нападаетъ на него?» — Впрочемъ г. Шульгинъ напрасно думаетъ, что у Норманновъ самосожженіе вдовъ требовалось закономъ.

70) Въ рукописныхъ бесѣдахъ Іоанна Лѣтвичника слово тризна переведено подвигъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № СС). Въ новомъ родскомъ словарѣ XV вѣка тризна переведено: страдальство, подвигъ (Сахар. Сказ. Р. Н. т. II). У западныхъ Славянъ слово тризна въ смыслѣ поминовенія по усопшемъ, употребляется только у Вещерада; собственно это слово означало также бой, поединокъ; тризнище-мѣсто боя, тризникъ — подвижникъ; тризнити по-чешски значитъ бить, а тризновать — не только бить, но и насмѣхаться — тоже следовательно, что наше трунить; въ Словацкомъ — трузнитися, тризнитися значитъ веселиться. Отъ Литовскаго слова *triesti* — ристать происходитъ древне Литовское *triesina*, тризна, т. е. скачка, ристаніе. — Статья Микуцаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи листъ 7-й.

71) Теофилактъ (Stritt. Mem. pop. 11, 61), описывая впаденіе Присла въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Дуная, говоритъ, что онъ напалъ на князя ихъ врасплохъ, когда тотъ, празднуй поминки и братѣ своемъ, былъ пьянъ и народъ его забавлялся пѣснями; см. также у нашего лѣтописца описаніе тризны Ольги по Игорѣ.

72) Въ житіи Св. Константина Муромскаго: «Невѣрнии людие видѣху сѣя, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю погребеніе творять, яко погребѣму благовѣрному князю Михаилу въ знакъ на востокъ лицемъ, а на

глы холмохъ не сыпаху, но равно со землею; ни тризница; ни дыни (?) не дѣяху, ни битвы, ни ножи кроенія не творяху, ни лица драгїя».

73) Не должно думать, чтобъ этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ Славянскимъ, былъ занесенъ Варягами изъ Скандинавіи: приведенное мѣсто изъ житія Константина Муромскаго ясно указываетъ на него у Финновъ; онъ существовалъ и у Славянскихъ племенъ, не знавшихъ Варяговъ, напр. у Поляковъ (Dlugossi Histor. Polon. T. I, p. 53, 57); въ Краледворской рукописи упоминается также закапываніе въ могилы.

74) Сварогъ, индѣйское сварга, сложено изъ двухъ частей: свар — небо, свѣтъ, и изъ окончанія га, означающаго хожденіе; слѣд. сварга имѣетъ смыслъ пребывания на небѣ или хожденія по небу (см. Θ. Буслаява — О вліянїи христ. на Слав. языкъ, стр. 50). — Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ слѣдующее о Сварогѣ: «И бысть по потоцѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремїя, по немъ Феоста, иже и Саварога нарекоша Егуптяне; царствующу сему Феостѣ въ Егуптѣ, во время царства его, спадоша клецѣ съ небесѣ, нача ковати оружье». Славянскій Сварогъ объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древнемъ Феостомъ или Ееестомъ, Вулканомъ, египетскимъ Фтасъ; Ееестъ есть богъ молніи, ковачъ небеснаго, божественнаго оружія, въ его царствованіе «спадоша клецѣ съ небесѣ, нача ковати оружье»; но богъ молніи, богъ оружія есть Перунъ. — Что Сварогъ — Перунъ, богъ молніи, былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздаятелемъ всего, на это ясно указываетъ одна сербская пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молніи:

«Стаде муня даре дијелити:
Даде Богу небесне висине,
Свѣтом Петру Петровске вругине,
А Јовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муніе и стријеле».

На связь Сварога—Перуна съ оружіемъ, указываетъ обычай клясться предъ Перуномъ, полагая оружіе (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 23); вмѣстѣ съ оружіемъ мали и золото, приговаривая: «Аще ли отъ тихъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ: да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружемъ да исѣчени будемъ». Слова: «да будемъ золоти яко золото» объясняютъ такъ: «иссохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня». (См. Буслаява О вл. христ. стр. 13). Сварогъ—Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся божествомъ воителемъ, котораго оружіе особенно было направлено противъ злыхъ духовъ:

вѣроятно дѣйствию послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, прекращавшееся послѣ грозы. Такъ и теперь простолюдины, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайныя чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молніею, стараются скрыться въ какое нибудь отверстіе. Такъ точно воителемъ представляется Индійскій Индра громовержецъ, низпосылающій дождь на землю; воюетъ онъ противъ злыхъ духовъ, которые небесную воду скрываютъ въ густыхъ облакахъ; Индра разсѣкаетъ эти черныя облака и такимъ образомъ слышается дождь. См. подробн. въ Dunker's Geschichte des Alterthums t. II. p. 17. Касательно происхожденія слова: Перунъ, замѣчаютъ, что Литовскій глаголъ *perieti* означаетъ: производить посредствомъ теплоты, рождать. Отъ Санскритскаго корня *rag* произошли у Славянъ двѣ формы: дѣйствительная Перунъ, и страдательная парень, рожденный, сынъ. — Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Академіи, листъ 7-й.

75) Въ приведенномъ выше мѣстѣ Ипатьевского списка лѣтописи читаемъ далѣе: «И по семъ (т. е. по Сварогѣ) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ.... Солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ». Братомъ Солнца, сыномъ Свароговымъ, называется также и огонь: «Огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ». (Востокова Опис. Рум. Муз. 228).

76) Очень естественно, имя Лада и Лады давалось также любовникамъ и супругамъ, которыхъ небесная чета — Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразомъ; употребляется же ласкательное: мой свѣтъ!

77) По-древански дѣдъ *lgolga*, т. е. *ljolja*; отсюда Богъ называется по-литовски *lgolga*, т. е. нашъ дѣдъ. См. Добровскаго *Slovanka*, 1, 13. На значеніе солнца, какъ отца народа, указываетъ извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко,	Твои дѣтки плачуть,
Выгляни въ окошечко,	Пить, ѣсть просятъ.

По-литовски *didis* или *didelis*, по-латышски *lels* значить великій. Кромѣ божества эпитетомъ великій вѣроятно означался и родоначальникъ; съ Литовскимъ *didis* и Латышскимъ *lels* совпадаютъ Славянскія слова: дѣдъ, дядя; лѣля у Полабцевъ отецъ, лѣла по-церковнославянски тетка. — Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Академіи, листъ 7-й. У Арійцевъ Солнце (*Surja*) представляется также какъ производитель и питатель людей. См. означ. соч. Дункера, стр. 20.

78) О тождествѣ Хорса и Дажбога см. статью О. Бодянскаго въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1846, № 2.

79) См. статью профессора Срезневскаго — объ обожаніи Солнца у

Древнихъ Славянъ (Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1846, 51) — Волось первоначально могъ быть божествомъ солнца, но какъ объяснить, что онъ является подлѣ двухъ именъ божествъ солнца (Хорса и Дажбога), съ совершенно особымъ характеромъ, какъ скотій богъ въ противоположность Перуну, богу людей? Намъ кажется, что Волось принялъ преимущественно характеръ скотьяго бога, потерявъ значеніе солнца, въ слѣдствіе финскаго вліянія: у Финновъ есть божество, которое считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ, кромѣ человѣка; это божество носитъ общее имя Сторъ-юнкара, что значитъ Великій господинъ (Mone Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, 1, 36); Самоѣды и теперь боятся называть свое верховное божество его настоящимъ именемъ (Num, Nom, Nar), и охотнѣе употребляютъ эпитотъ Jile u m b a e r t j e, т. е. хранитель скота (Кастрена—Отчетъ Академіи, Bullet. t. IV, 1847). У Финновъ животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ, какого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ; слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Аврамій разрушилъ кумирь Велесовъ на Финскомъ сѣверѣ, въ Ростовѣ; св. Власій, смѣившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь на Финскомъ же сѣверѣ (Снегирева Р. простонар. пр. 111, 156); наконецъ въ Словѣ о полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Боянъ называется волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключить, что пѣвцы находились подъ особеннымъ покровительствомъ этого божества; здѣсь замѣтимъ, что по-фински гупа значитъ и пѣсль и письмо, и матерія, и символъ, что витія въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣснотворецъ; витѣство употреблялось въ смыслѣ колдовства (Буслаева — О вліяніи христ. 172 и слѣд.), колдовствомъ же особенно отличались Финны.

80) См. Келпена — Библиогр. листы, № 7, стр. 88. — Кромѣ Перуна и Хорса-Дажбога, въ Кіевѣ, во времена Владиміра, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ какъ богъ вѣтровъ, можно заключать изъ Слова о полку Игореву, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми внуками; объ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго. По мнѣнію покойнаго Прейса (См. Донесеніе его г. Министру Нар. Просвѣщ. изъ Праги, отъ 26 Декабря 1840, Ж. М. Н. Пр. 4841, часть XXIX), чтеніе Сема (Сима) и Регла должно быть предпочтено чтенію Симарглы; Сима и Регла Прейсъ считаетъ за одно съ Ассирійскими божествами *Брул* и *Асмад*, какъ они читаются въ Библии (кн. Царствъ IV, 17. 30). Симаъ оказывается божествомъ огня. Мокошь считаетъ Прейсъ божествомъ женскаго рода, Астартою, при чемъ указываетъ

на древнее слово *мокачный*, употребленное нѣсколько разъ у Данила Паломника.

81) Это видно изъ того, что въ Хорутанскомъ нарѣчїи колдовати (колядovati) до сихъ поръ значить приносить жертву, каддоваць — жрецъ, каддовница — жертвенникъ (см. Срезнев. Свят. и обр. яз. богослуж. древ. Слав. стр. 66). Во время коляды на столъ кладутъ рукоять плуга, для того чтобъ мыши и кроты не портили нивы; этимъ обрядомъ объясняется старинное преданіе о плугѣ: въ навечерїи Божьявненїя кликали плугу. Сообщ. пр. Буслаев.

82) Dlugossi Hist. Pol. 1, 36. — Изъ пѣсенъ колядныхъ замѣчательна слѣдующая:

Уродилась коляда
 Наканунѣ Рождества
 За рѣкою за быстрою.
 Въ тѣхъ мѣстахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скамьи стоять,
 Скамьи стоять дубовыя,
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
 Добры молодцы, красны дѣвицы,
 Поютъ пѣсни коледушки;
 Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
 Онъ точитъ свой булатной ножъ,
 Возлѣ котла козель стоитъ:
 Хотятъ козла зарѣзати

83) На отношеніе масляницы къ солнцу указываетъ слѣдующее обновеніе: на огромныхъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ сверху столба, утвержденного посреди саней (см. Снег. Русск. пр. пр. 11, 127, 128); колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца (Grimm. D. Mythol. 1, 578); притомъ на сѣверѣ во время масляницы поютъ также коляду, что указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца.

84) См. подробности у Снегирева Р. П. П. 111, 28, и Терещенки: Б. Р. Н. V, 16.

85) Ср. Гримма D. Mythol. 1, 583 и слѣд. — Что касается названїя Купалы, то проф. Буслаевъ сообщилъ намъ слѣдующее словопроизводство: «Корень *куп* имѣетъ значеніе блага, яраго, откуда купавый—бѣлый. Какъ ярый соединяетъ въ себѣ понятіе благо и купчаго: такъ и при купалѣ оказывается глаголь *кыпѣти*, *кыпати* (звуки *у* и *ы* чередуются). Какъ съ смысломъ яраго соединяется понятіе желанїя: такъ и при нашемъ *кыпѣти* находимъ Латинское

сиріо; наконецъ какъ буй, ярый- дикій, переходитъ въ значеніе неукротимаго, грознаго, бѣшенаго, гнѣвнаго, такъ и сир въ Санскритѣ имѣеть значеніе: яриться, злиться; кромѣ того сир въ Санскритѣ имѣеть значеніе: блистать.

86) Терещенко Б. Р. Н. V, 79.

87) Естественно ожидать, что у народа, потерявшаго уже смыслъ совершаемыхъ имъ обрядовъ, должно происходить, съ теченіемъ времени, смѣшеніе послѣднихъ; такъ чучело Мары смѣшивается уже съ чучеломъ Купалы, хотя пѣсня обличаетъ различіе:

Ходыли дивочки около Мореночки,
Коло мое водыло Купала;
Гратыми сонечко на Ивана и проч.

88) Купало между чернью называется Ярилою въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ. См. Снегирева Р. П. П. 1, 179.

89) Схожахуся на игрица, на плясанье, и на вся бѣсовская игрица, и ту умыкываху жены собѣ, съ нею же кто свѣщащася.» Игра горѣлки всего лучше напоминаетъ это умыкываніе «съ нею же свѣщащася.» Въ Стоглавѣ (вопросъ 24) читаемъ: «Русалии о Іоаннѣ днѣ, въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на nocturne плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и егда ночь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, акн бѣсннн, умываються водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ дома своя, и падають акн мертви отъ великаго хлопотанія.» О празднованіи купальской ночи см. Посланіе игумена Елизаровской обители Памфила въ 1505 г. въ Дополнен. къ Актамъ историч. Т. I, № 22; также въ Чтеніяхъ Моск. Ист. Общ. № 4, 1846 года. Указаніе на сговоръ между молодыми людьми см. въ Этногр. Сбор. 1, 49.

90) «Молятся роду и рожаницамъ....» — «беззаконная трапеза, мѣнная роду и рожаницамъ,» читаемъ въ древнихъ христіанскихъ поученіяхъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI). Хорутане вѣрятъ, что всякій челоуѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу. Важное мѣсто о родѣ и роженицахъ найдено профессоромъ Шевыревымъ въ одномъ сборникѣ въ библіотекѣ Кириллова монастыря. (См. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь, 11, 33): «Оттуда же извыкоша елени класти требы, артемиду і артемидѣ. рекше роду і рожаницѣ. таціи же егуптяне. Тако і до Словѣнъ доіде се слово і ти начаша требы класти. роду и роженицамъ преже Перуна бога ихъ. а переже того клали требу упиремъ і берегинямъ.» — Изъ этого извѣстія видимъ, что поклоненіе роду

и рожаницамъ смѣнило поклоненіе Упырямъ и Берегинямъ; перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно и то же: Упырь соотвѣтствуетъ роду, Берегиня — рожаницѣ; но извѣстно, что упырь есть мертвецъ. Изъ этого же извѣстія видно, что треба, покормъ, жертва, преимущественно назначалась для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма упырямъ и берегинямъ уже перешли къ жертвѣ Перуну; — «И бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ.» Сборникъ Рум. Муз. № CCCLXXIV.

91) Дѣти бѣгаютъ рода.

92) См. мою статью въ 1-й кн. Архива, изд. Калачовымъ; тамъ же подробнѣе о Домовомъ, изслѣдованія гг. Буслаева и Аванасьева. — Къ доказательствамъ связи между домовымъ и душою усопшаго преда прибавимъ, что домовый въ видѣ Бадняка является у южныхъ Славянъ въ домъ вечеромъ 24 Декабря, когда въ первый праздникъ новорожденнаго солнца мертвые уже вставали изъ гробовъ. Для сравненія и объясненія приведемъ Финикійскую генеалогію Санхоніатона, какъ сохранилась она у Евсевія: отъ Вѣтра и жены его Ночи произошли *Δαίμονες καὶ Πράτορες*; первые смертные люди, а отъ нихъ родъ и рожаница — *γένοις καὶ γένοις*, которые населили Финикію. Ясно слѣд., что родъ и рожаница у Финикійцевъ были предки, первая чета, отъ которой пошло племя. У насъ при раздробленіи родовъ и при особовости каждаго, каждый родъ имѣлъ и чтилъ своего особаго рода и рожаницу или рожаницъ, потому что у каждаго родоначальника было по нѣскольку женъ; потомъ, при дальнѣйшемъ дробленіи родовъ, при образованіи семей, домовъ, родъ перешелъ естественно въ домового. Кольно значить родъ, племя, и старшій въ семьѣ, что вполнѣ объясняетъ таковое же значеніе рода. Опытъ Обл. Сл. стр. 88.

93) На это указываетъ слѣд. причитаніе: «Ужь ты солнце, солнце, ясное! ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки; чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать; не съ тоской вѣковать. Ужь ты мѣсяць, мѣсяць ясный! ты взойди, взойди съ вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретѣваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ,» и проч. См. Сахарова Сказ. Русск. Нар. 11, 23.

94) Въ старину первый блинъ отдавался нищимъ на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окно для душъ родительскихъ, при чемъ приговариваютъ: «Честные наши родители! вотъ для вашей душки блинокъ.» (Снегирева 11, 120; Сахарова 11, 72.) — Обряды, какіе наблюдаютъ въ приготовленіи бли-

новъ, указываютъ на религиозное значеніе этого кушанья: выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодези и озера, когда появятся звѣзды; приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ; призывается мѣсяць выглянуть въ окно и подуть на опару. У Арійцевъ роды имѣли священную обязанность предлагать трапезы своимъ мертвецамъ по-крайней-мѣрѣ въ каждое новомѣсячіе. Дункеръ II, стр. 25 и 26.

95) Ср. Литовское Rauda погребальная пѣсня. — Праздникъ поминовенія усопшихъ по-литовски — Chautury; слово халтура осталось у насъ до сихъ поръ съ тѣмъ же значеніемъ. Ст. Kraszewskiego — Litwa, starozytne dziejè.

96) Зарывають красныя яйца въ выкопанныя надъ могилкой ямки; въ Бѣлоруссіи на могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанья и приветствуютъ покойниковъ: «Святые радзицели! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушать». Ср. Поля. Собр. Р. Л. II, 104: «Михалка князя (Юрьевича) удариша ратніи двѣма копыи въ стегно, а третьимъ въ руку, но Богъ молитвою отца его избави отъ смерти.» Князь Юрій Долгорукій никогда не былъ причтенъ церковію къ лику святыхъ. — У другихъ народовъ тоже: въ «Indiculus superstitionum et paganiarum ad consilium Liptinense» читаемъ объ обычаяхъ считать всѣхъ умершихъ святыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ называютъ праѣда праведникомъ. Этногр. Сбор. I, 178, 290.

97) Буслаева — О вл. христ. на Слав. яз. стр. 15, 20.

98) Мура у славянскаго народонаселенія Турецкой Имперіи есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, или безъ обрѣзанія. См. статью Княжескаго — Болгарскія повѣрья, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 годъ.

99) Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ Заручайская Криница, или Сухомлинская, иначе родникъ Ярославовъ, впадающій въ Десну: на срубѣ этой Криницы, на разсвѣтѣ, въ зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ Криницы, прекрасныя дѣвушки съ русыми волосами, которые онѣ расчесываютъ (Снегирева I, 172). Касательно связи душъ усопшихъ съ водою въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ очень важны замѣчанія Ходаковского (см. Русск. Ист. Сборн. т. 191, стр. 370 и слѣд.). Авторъ, говоря о сопкахъ или древнихъ могилахъ, замѣчаетъ: «Сколько я могъ видѣть оныхъ, всѣ насыпаны по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, и даже параллельно по излучинамъ и изгибамъ оныхъ. Въ поляхъ, удаленныхъ отъ воды, нигдѣ не случалось мнѣ замѣтить оныхъ. Можетъ быть причиною тому, что первѣйшія осядлости были только на порѣчьяхъ и на озерьяхъ; во-вторыхъ, что совершеніе похоронныхъ обрядовъ не могло обойтись

тогда безъ воды, которая по такому жь случаю была потребна въ Достолѣ Святославу Игоревичу, и которая служить путемъ для усопшихъ въ вѣчное обиталище, по мнѣнію, сохранившемуся въ разныхъ странахъ славянскихъ у простаго народа». Тамъ же читаемъ: «Въ южной Руси праздникъ: Навскій день заключается тѣмъ, что бросаютъ на воду шелуху отъ крашенныхъ яицъ для донесенія покойнымъ о торжествѣ св. Пасхи». Въ связи замѣтимъ, что въ народѣ есть мнѣніе, будто не надобно оставлять въ цѣлости яичной скорлупы: иначе русалки сдѣлаютъ изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ. — Вспомнимъ о приготовленіи блинной опары у воды. Въ сказкѣ о трехъ побратимахъ говорится о русалкѣ, которая живетъ на томъ особенномъ свѣтѣ, куда путь или черезъ широкое море, или черезъ нору сквозь землю. — Русская Бесѣда, III, Смѣсь, стр. 100. Днемъ, посвященнымъ памяти усопшихъ, какъ видно, была пятница. См. Этногр. Сборн. I, 215. Отсюда новыя повѣрья относительно пятницы, стр. 326.

100) Maciejowski-Perwotne dzieje Polski i Litwy, стр. 465. О пребываніи душъ на деревьяхъ см. Краледворскую рукопись. — Въ житіи Муромскаго князя Константина читаемъ (Карамз. I, примѣч. 236): «Кони закалающе, и по мертвыхъ ременные плетенія древолазная съ ними въ землю погребаютъ».

101) «Се же есть первое, тѣло свое хранить мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вопремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ». Калайдовича, Іоан. Екс. Болгар. с. 211.

102) Cosm. prag. p. 197.

103) Мы упоминали уже о томъ, что масляница была также праздникомъ въ честь умершимъ; доказательствомъ этому, кромѣ употребленія блиновъ, служить еще связь семика съ масляницей, связь, сохранившаяся у народа: Семикъ считается пріятелемъ масляницы; на лубочныхъ картинахъ онъ принимаетъ ее и величаетъ. Очень вѣроятно, что до христіанства радуница соединялась съ масляницей. Въ семикъ погребали и поминали убогихъ; изъ Стоглава (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую субботу (на русальной недѣлѣ) по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакали по гробамъ съ великимъ кричаньемъ, «и егда учнутъ скоморохи, и гудцы, и прегудницы играти, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити». Битье въ ладони есть обычай русалокъ.

104) Пѣсня говорить:

«Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли
Свалилися, забилися».

важно выраженіе земляночки, указывающее на русалокъ, какъ жительницъ земныхъ нѣдръ.

1495) «Женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись надѣ половинны, и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Съ разгѣвались попеременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Съ открывалась война. Соломенную чучелу, русалку, дѣвицы прижимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, напали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Бойцы на улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растеряннѣе чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распутныя косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ». Сахар.

94.

1496) Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: «Предивно бысть Полоцкѣ: мечтъ ны бываше въ ноци тутѣмъ, станяше по улици, яко челоуѣци вѣще бѣсн; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абы не видѣнъ будаше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и смяху изъязвити изъ хоромъ. По семь же начаша въ дне являтися вѣщихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и по уязвляху люди Полоцкыя и его область; тѣмъ и челоуѣци глаголаху: яко навѣе бѣють Полочаны». Изъ послѣднихъ словъ видно, въ понятіяхъ народа злые духи, бѣсы, преимущественно представались мертвецами. — О связи мертвеца съ карликомъ, навѣя съ пѣвцомъ см. у Буслаева О вліяніи Христ. стр. 64. Изъ этого сближенія словъ ны видимъ, что духи въ видѣ карликовъ, славянскіе людки, были такое же, какъ души умершихъ; это представленіе, что души умершихъ имѣютъ форму челоуѣка, только въ уменьшенномъ видѣ, осталось и теперь порѣ въ живописи.

1497) Такъ было и у народовъ италійскихъ и азіатскихъ: Юпитеръ являлся иногда женскаго пола, Венера мужскаго. Creuzer's Symbolik, 835.

1498) Ср. образцовое разсужденіе объ этомъ митрополита Платона въ Церковной Исторіи.

1499) Во время Игоря стоялъ въ Кіевѣ Перунъ на холмѣ, но не въ видѣ, ибо лѣтописецъ прямо говоритъ: «Заутра призва Игорь слы, и иде на холмъ, где стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и шиты золото». Нельзя было не сказать лѣтописцу, что они вошли въ храмъ Перуна, тѣмъ болѣе, что христіанская церковь св. Іліи должна была напомнить ему о храмѣ. О Владимірѣ говорится, что онъ поставилъ

кумиры на холму внѣ двора теремнаго, и нисколько не говорится храмахъ. Въ разсказѣ о введеніи христіанства читаемъ: «Яко при (Владиміръ), повелѣ кумиры испровреци, овы ости, а другіе оти предати; Перуна же повелѣ привязати коневн къ хвосту, и влещи горы, и проч.» — Ни слова о раззореніи храмовъ. — Въ Новгородѣ Добрыня поставилъ кумира надъ Волховомъ, но не храмъ. Слова грѣбище и капище, употребленныя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, древнихъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ, не могутъ означать храмовъ; грѣбище — мѣсто, гдѣ приносилась жертва, треба; капище происходитъ отъ капь, образъ (по капи нашею и по образу, см. Miklosich, В. I. sl. p. 117); слѣдовательно можетъ означать и самого идола, и тамъ вмѣстѣ идола, навѣсъ, шатеръ; что капище не могло означать храма, видно изъ словъ лѣтописца о принесеніи Владиміромъ съ собою двухъ мѣдныхъ капищъ изъ Херсона.

110) Какъ это происходило, показываетъ и теперь еще существующій обычай: въ Малороссіи, въ щедрый или богатый вечеръ, 31 декабря, каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книнеи, пироги, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу предъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа исполнить законъ отца семейства долженъ съѣсть на покути, за грудой всякаго печенія. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «Дежъ нашъ батько?» онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хибажъ вы мене не бачили?» и на слова ихъ: «Не бачимо, тату,» говоритъ: «Дай же Боже, щобъ и той рокъ не побачили.» Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ (Срезневскій Свят. и Обр. стр. 77, 78). У западныхъ Славянъ гдѣ, при большемъ развитіи общественнаго богослуженія, существовали храмы и жрецы, роль отца семейства въ описанномъ обрядѣ занимаетъ жрецъ. Саксонъ Грамматикъ (824, 825), описавъ праздникъ въ честь Святювида, когда жрецъ перемѣняетъ вино въ роги и прибавляетъ: «Къ этому же возношенію принадлежалъ и пирогъ съ виной, круглый (коровой) и величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ — видѣли они его? Когда тѣ отвѣчали, что видятъ, то онъ изъявлялъ желаніе, чтобъ на слѣдующій годъ его вовсе не было видно за пирогомъ.»

111) См. Constant. Por. de Adm. imp. стр. 9. Карамз. I, примѣч. Касторскаго Начерт. Слав. Миѣ. 134. Поля. Собр. Р. Лѣт. II, 234. Мятн. Слов. XII в. стр. 19. Крамевдор. рукоп.

112) Кешена — Библиогр. листы № 7; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. 257; Полное Собр. Законовъ № 3771; Левъ Діак. IX, 8; Памятн. Слав. XII в.

413) Продолж. Древ. Росс. Вивл. I: «Ты, рече, Перунице, досити-а пили и ялъ.»

414) И тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ домятъ, молене то брашно даютъ и ѣдятъ, ставятъ кумиромъ трапезы котѣйныя и коняго обѣда иже нарицається беззаконная трапеза, мѣнимая роду рожаницамъ.» — У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстія о родныхъ законныхъ обѣдахъ; думаемъ, что здѣсь должно искать не брата или братовщина.

415) Можно думать, что средне-вѣковъй обычай сожигать еретиковъ также остатокъ языческихъ понятій. Мы не согласны приписывать обычай человѣческихъ жертвъ у Славянъ чуждому влиянію, ибо думать, что этотъ обычай общъ всемъ языческимъ народамъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; разумѣется, человѣческія жертвы должны быть въ большемъ употребленіи у народовъ воинственныхъ, чѣмъ у мирныхъ, потому что, какъ уже сказано, въ жертву приносились взятые въ плѣнъ непріатели; такъ мы видимъ человѣческія жертвы у воинственныхъ сѣверозападныхъ племенъ Славянскихъ, особенно когда разгорѣлась религіозная борьба съ христианами; такъ и въ Кіевѣ мы видимъ человѣческую жертву при Владимірѣ, во время борьбы двухъ религій. — Видятъ также указаніе на человѣческія жертвы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца: «Привожаху сыны своя и дщери, и жряху омы, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьюи земля русская и холмъ отъ» (Поли. Собр. Р. Лѣт. 1, 34). — Но здѣсь лѣтописецъ повторилъ тѣже слова, которыя вложилъ въ уста философу, послѣдшему для обращенія Владиміра: «Посемъ же дьяволъ въ болшее прельщеніе вверже человекѣи, и начаша кумиры творити, ови сѣвныи, ови мѣдяны, а друзіи мраморяны, а иныя златы и сребряны; привожаху сыны своя и дщери, и закалаху предъ ними, и осквернився земля осквернена.» (Тамъ же, 39). — Ср. Гельмольда: «Convenerunt viri et mulieres cum parvulis mactantque diis suis hostias de bovibus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis.»

416) О словопроизводствѣ волхвъ и жрецъ см. у Буслаева: О вл. вѣст. стр. 22, 23. — Miklosich, Rad. I. sl. p. 40.

417) Финны знаютъ двѣ магіи — бѣлую и черную; черная, адское искусство, отклоняющее людей отъ свѣта солнечнаго, враждебное Байвѣ, божеству солнца; этимъ объясняется слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Прииде къ Новгородцю прити въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя именованъ отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывать бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибѣ имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же

боятся. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ грамины тое; онъ же начать опять призывать бѣсы, бѣси же метавше нѣ, повѣдаша, что ради пришелъ естъ. По семъ же почя прашати его: что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста? Онъ же рече: то естъ знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то каци суть бози ваши, гдѣ живутъ? Онъ же рече, въ безднахъ; суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ, ваши бо Ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людей, то възносимъ суть на небо, аще ли отъ вашихъ умираеть, то носимъ къ нашимъ богамъ въ бездну». На это же Финское вѣрованіе указываетъ другое извѣстіе летописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области; они говорили, что человекъ созданъ слѣдующимъ образомъ: «Богъ мывься въ мовницы и вспотивься, отерся ветьхомъ и верже съ небесе на землю, и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человекъ? и створи дьяволъ человекъ, а Богъ душу въ не вложи; тѣмже аще умреть человекъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу». Доброе или бѣлое волшебство проистекаетъ изъ существа женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, естъ мужское.

118) Шафар. Древ. Т. I, кн. II, стр. 45 и слѣд.

119) Germ. cap. 46.

120) III, с. 5.

121) De reb. Get. с. 23: Thiudos, Vasina, Broncas (Beormas), Merens, Mordens, Sremniscans.

122) Sjögren. — Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, s. 272, 339.

123) Geijer — Geschichte Schwedens, 1. 95.

124) Tac. Germ. с. XLVI.

125) Kruse — Ur-Geschichte des esthnischen Volksstammes, s. 24 et sq. — Объ обычаяхъ Финскаго народонаселенія, имѣющихъ необыкновенное сходство съ Русскими, см. Sjögren — Ueber die finnische Bevölkerung des St. Peterb. Gouvernements. И здѣсь, и тамъ, напримѣръ, выкупъ приданого, одинакія повѣрья и предосторожности противъ вліянія колдуновъ при свадьбѣ, также свекровь встрѣчаетъ молодую въ выроченной шубѣ; въ такомъ же употребленіи баня; молодой называется княземъ или королемъ; умершимъ волшебникамъ также втыкають колъ въ спину; вѣрять въ домовыхъ, русалокъ, недавно еще приносились жертвы подъ деревьями. — Такое сходство обычаевъ съ осторожностію должно приписывать заимствованію у одного племени другимъ, хотя взаимное вліяніе двухъ сосѣднихъ племенъ другъ на друга безспорно. Съ такою же осторожностію должно обходиться и съ языкомъ, утверждать о заимствованіяхъ, тогда какъ и здѣсь всего легче можетъ имѣть

мѣсто общее сродство; сравнимъ, напримѣръ Славянскій кумиръ съ Чудскимъ *Kummardama*, *Kumartaas* — *adogare*; капъ (*forma*, *idolum*), капище съ мадьярскимъ *Kép*, *bàlvànr* — *Kép* (*imago idolum*); гобина съ мадьярскимъ *gabona* (*fruges*), одерень, дерноватый съ Финскимъ *deren* (*figmus*).

126) Древн. Шафарика, Т. I, кн. II, стр. 276 и слѣд.

127) *Larrenberg — Urkund.* 1, 105. Письмо папы Григорія VII къ датскому королю Гаральду 1080 году: «*Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare.*» Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 44: И въздвиже (дьяволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чядь; и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и поидоша на владычьнъ дворъ, рекуче: того дѣла стоять тепло дѣлго,» и проч. — Тамъ же, IV, 198: «А тогда бляше моръ въ Псковѣ великъ, и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Александровичу: «тебе ради моръ сей у насъ.» и выѣха Князь Данило изо Пскова.» — О поступкахъ волхвовъ съ женщинами см. выше.

128) См. о Литовскомъ племени подробнѣе: *Voigt—Geschichte Preussens*, t. I;—*Narbutt Dzieje starożytnie narodu litewskiego*, t. 1.

129) Точнѣйшее опредѣленіе границъ Галиндіи см. у Фойгта, т. I, стр. 495.

130) *Voigt — I*, 611.

131) Шафар. Т. I, кн. II, стр. 125.

132) Таково мнѣніе Шафарика; впрочемъ это мнѣніе высказалъ уже и Татищевъ, II, примѣч. 167.

133) *Iordanis*, с. 17.

134) *Ibid.* с. 23.

135) *Ibid.* с. 24; *Ammiani Marcell.* XXXI, 2; *Sidonii Apollin. Carm.* II, v. 245 — 262.

136) *Iordanis, de reb. Get.* с. 48.

137) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1. 5.

138) *Stritter, Memor. Popul.* 1.

139) *Fraehn — De Chasaris*, p. 15: *Duplex eorum genus exstat. Alteri nomen est Kara Chasar (i. e. Chasari nigri); hi fusco colore sunt, sed propter fusci intensionem ad nigredinem vergente, ita ut species Indorum esse videantur. Genus alterum albo colore est atque pulchritudine et forma insigne.* Доказательства, взятая отъ языка, свидѣтельствуютъ преимущественно въ пользу смѣшенія турецкаго съ финскимъ племенемъ; см. Клапрота (*Memoires relatifs à l'Asie*, p. 155); Френа (*Mémoire de l'Asa-*

demie de S.-Petersb. 1832, p. 548); Григорьева — Обзоръ политической исторіи Хозаровъ, 1835; Языкова — Опытъ исторіи Хозаровъ (въ Трудѣхъ Императорской Россійской Академіи, ч. I, 1840 года); Kunik — Die Berufung der Schwedischen Rotsen, II, s. 247 et squ. — Въ религиозномъ отношеніи замѣчательнъ слѣдующій поступокъ Кара (Fraehn—de Chas. p. 18): «Anno trecentesimo decimo (= 922 p. C.) Res accepto nuncio Muhammedanos ecclesiam (Christianam), quae in terra Babundsch erat, diruisse, turrim (templi muhammedani) destrui praesensque sacros morte affici jussit, addens: nisi timerem, ut in Muhammedanorum terris ulla superstes relineretur ecclesia, ipsum hoc templum etiam destruerem.»

140) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 2, 3. — Fraehn-Ibn-Fozlans und anderer Araber Berichte, s. 182, 183, 198. Арабскій писатель Бируни (X—XI в.) продолжаетъ Варяжское море до области Булгарь, а Дшаршани (1409 г.) до Китайскихъ границъ.

141) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 8. — Что касается земли Англійской то ея названіе не можетъ вводить въ сомнѣніе, ибо съ одной стороны Варяги—Норманны живутъ собственно до Англійской земли; но съ другой стороны, они издавна поселились на берегахъ Англии, завоевывали ее, наконецъ завоевали окончательно изъ Нормандіи Французской; наконецъ, что кажется намъ всего вѣроятнѣе, лѣтописецъ смѣшиваетъ древнія жилища Англовъ съ новыми въ Британіи, смѣшиваетъ Датчанъ съ Англичанами въ слѣдствіе тѣсной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами.

142) Говорю на приведенныхъ мѣстахъ только, потому что изъ другихъ мѣстъ лѣтописи, гдѣ упоминаются Варяги, нѣкоторыя важны только для показанія, что Варяги жили на берегахъ Балтійскаго моря, но пискомъ не могутъ противорѣчить тому мнѣнію, что подъ Варягами разумѣются всѣ Прибалтійскіе жители, слѣдовательно и Славяне.

143) Новгородцы, сносясь съ Шведскимъ королемъ объ избраніи брата его на Русскій престолъ, говорили: «А прежніе государи наши и король ихъ царской отъ ихъ же Варяжскаго княженья, отъ Рюрика и до великаго государя Федора Ивановича былъ». Дополн. къ акт. истор. т. № 162.

144) Annal. Bertin, an. 8 — 39; ap. Murator. Scriptor. rer. Ital., t. I, p. 525.

145) Histor. c. 46.

146) См. у Fraehn-Ibn-Fozlans etc.

147) Извѣстія другихъ Византійцевъ только не противорѣчаютъ мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ: Варягами въ Византіи назывались дружины изъ пришлецовъ съ далекаго сѣвера, съ остро-

Туде; это впрочемъ не противорѣчитъ мнѣнію, что у другихъ народовъ Варягами могли называться и другіе жители Сѣвера, иного происхожденія, чѣмъ Скандинавы; если въ дружинахъ съ Туде были Славяне сѣверные, то Византіецъ не имѣлъ обязанности упоминать объ этомъ обстоятельстве: мы знаемъ неточность Византіецевъ относительно этнографическихъ опредѣленій, и знаемъ различіе между южными, извѣстными Византійцамъ, Славянами, и сѣверными. — Позднѣйшія извѣстія нашихъ лѣтописей, гдѣ подъ Варягами разумѣются Скандинавы, Нѣмцы даже не противорѣча мнѣнію о Скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ, не противорѣчатъ мнѣнію и о Славянскомъ: сперва подъ Варягами юги разумѣтся всѣ жители Балтійскаго побережья; потомъ, съ пріятія христіанства, начало господствовать различіе религіозное, и Варягами на сѣверѣ начали называть тѣхъ, кого на югѣ разумѣли подъ Латышами, то есть, всѣхъ не Греческаго закона, всѣхъ безъ различія происхожденія; наконецъ оѣмеченіе Славянъ Прибалтійскихъ заставило считать Нѣмцами всѣ народы сѣверо-западной Европы, носившіе прежде имя Варяговъ.

148) Warg, иначе wrag въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ означалъ изгнанника, изверженника изъ извѣстнаго округа, exul, rago exulsus; подобный челоѣкъ у Англо-Саксовъ назывался wraessa, въ исконѣ салическомъ wargus. Послѣ это названіе начало означать изгнанника и преступника вмѣстѣ: отсюда у Готевъ — wargjan condemnare, exterminare, tractare ut sceleratum; у Шведовъ werg значить юкъ, какъ разбойникъ между звѣрями; wrang trux, ferox. Итакъ wrag, wraes, wrang древнихъ Германцевъ, warg, fres, franc новыхъ было однозначительно съ англосаксонскимъ utlagh; w a r g, w r a g значилъ волкъ, разбойникъ или изгнанникъ на всѣхъ языкахъ Сѣвера (ср. Славянское врагъ, Финское wagas). Будемъ ли смотрѣть на Варяговъ какъ на *Μαρκυα-φαιδεραιος*, Waeringar; будемъ ли производить слово отъ w a r g ѡйна, или отъ Славянскаго варяю и сравнивать съ *Δρομῆται* — заключеніе будетъ одно, что Варягъ означалъ дружинника, воина по преимуществу, а извѣстно, что въ средніе вѣка дружины составлялись преимущественно изъ людей, носившихъ названіе w a r g u s; слѣдовательно, еслибы даже между этими двумя слова не было связи филологической, то есть исторической. — Кругъ производитъ Варяговъ отъ w a r j a и сравниваетъ съ *Δρομῆται*; Тредиаковскій уже давно производилъ отъ Варяю, только въ смыслѣ предварителя, старожилы. Максимовичъ считаетъ wargang русскимъ врагъ, но объ этомъ сближеніи уже давно писалъ монахъ Кульчинскій въ своемъ сочиненіи: Specimen ecclesiae Ruthenicae. Отъ значенія изгнанника легкій переходъ къ значенію скитальца, пришлеца, чужаго: «Omnes wargangangi. qui de exte-

ris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Langobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint.» Edict. regis Rotharis. стр. 390

149) Византиец Симеонъ Логоветъ объясняетъ прямо слово: Ρῶς словомъ *Ῥορῆται*, а *Ῥορῆται* происходитъ отъ *Ῥορῆων* корабль. Корень смянъ съ приведеннымъ значеніемъ найдемъ въ языкахъ Славянскомъ, Германскомъ, Финскомъ и другихъ многихъ; мѣстныхъ названій, подобныи образомъ звучащихъ, найдемъ много: но не думаемъ, чтобы изслѣдователь имѣлъ право выводить дружину Рюрика непременно изъ какого нибудь подобнаго мѣста.

150) Арабскій писатель Табари (Dorn, Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, Mémoires de l'Académie des sciences de S. Petersburg. t. IV, 1841; t. VI, 1844) упоминаетъ о Руссахъ и въ стѣ съ Козарами подъ 642 годомъ по Р. Хр. — Обыкновенно думаютъ, что Греки въ первый разъ познакомились съ Руссами только послѣ Аскольдова похода; но могъ ли патриархъ Фотій, въ окружномъ посланіи своемъ 867 года, отзываться о Руссахъ такимъ образомъ: τὸ πρῶτον πολλοὶ πολλὰς ἐρulloύμενον? Въ Паралипоменонѣ Зонары жительство Руссовъ полагается на берегахъ Чернаго моря (Чтенія Москов. Истор. Общ. годъ третій, № 1); тамъ же полагаютъ Русь и Арабскіе писатели (Fraehn, Ibn-Foszlän Berichte): по Муккадези, Руссы живутъ на островѣ Вабія; число ихъ простирается до 100,000, у нихъ нѣтъ ни хлѣбопашества, ни скотоводства. По словамъ Димешки, Руссы получили свое имя отъ города Руси (Rusija), находящагося на сѣверномъ берегу названнаго отъ нихъ моря, то есть Чернаго. На этомъ морѣ семь острововъ, обитаемыхъ разбойниками Руссами. Едризид упоминаетъ также о городѣ Русѣ: «Отъ города Матерхы до города Русы 27 миль; послѣдній лежитъ на большой рѣкѣ, вытекающей изъ горы Кукайя.» По Али-бенъ-Сандъ-Махреби Русія, главный городъ Руссовъ, находится на берегахъ Азовскаго моря. Ибнъ-ель-Варди, при исчисленіи городовъ на Черномъ морѣ, называетъ Русія. Такія сдѣланныя свидѣтельства оспаривать трудно, а главное — нѣтъ нужды: древнее пребываніе Руссовъ на Черномъ морѣ только объяснитъ намъ нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія, не противорѣча ни одному изъ нихъ.

151) Въ лѣтописи: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чудь и на Словѣнхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ.» Въмѣсто всѣхъ Кривичѣхъ я читаю Веси и Кривичѣхъ, ибо если Мери платила дань, то не могла не платить Веси; что Веси платила дань и потомъ участвовала въ призваніи князей, доказательствомъ служитъ поселеніе у нихъ на Бѣлѣозерѣ одного изъ братьевъ — Синеуса; потомъ, какъ видно,

всѣ племена, платившія дань Варягамъ, вошли въ составъ Рюрикова владѣнія; но не всѣ Кривичи вошли сюда, ибо Смоленскъ былъ взятъ только при Олегѣ. Что касается до Чуди, то подъ этимъ именемъ должно разумѣть Вотъ или Водь, жителей древней Вожской Пятины въ Новгородской области, которыхъ и теперь Русскіе сосѣди ихъ не иначе называютъ, какъ Чудья. См. Коерпен, *Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St. Petersburgischen Gouvernements* въ *Mélanges russes*, Т. 1, 2 livr. 1849.

152) Г. П. Савельевъ справедливо замѣтилъ: «Слово бѣлка показываетъ, что оно только въ позднѣйшее время перенесено на звѣря, котораго мы теперь такъ называемъ и который никогда не бываетъ бѣлымъ; говоря, что «Хозары имаху на Полянѣхъ и на Сѣверехъ и на Вятчехъ по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма», Несторъ разумѣлъ конечно вѣшль, а не горностаевъ.» — Мухаммедан. Нумизмат. стр. CCVII.

153) Дымъ означаетъ обитаемое жилище, гдѣ топятъ, слѣдовательно живутъ; домъ просто еще ничего не значилъ; нужно, чтобъ онъ былъ обитаемъ, важенъ былъ признакъ обитаемости — дымъ. Былъ обычай для наказанія или вынужденія чего-нибудь разламывать печь, и такимъ образомъ дѣлать домъ неудобнымъ къ обитанію; отсюда важность печи, очага въ домѣ.

154) См. мое изслѣдованіе: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 7, 8. См. также *Studien zur gründlich. Kenntniss der Vorzeit Russlands*, S. 304. — Пиша мое изслѣдованіе о Новгородѣ, я не могъ достать изслѣдованія Неймана о томъ же предметѣ, помѣщеннаго въ названной книгѣ, которая составляетъ библиографическую рѣдкость. Послѣ доставши книгу, я нашелъ, что во многомъ сошелся со мнѣніями Неймана, и потому теперь спѣшу возвратить ему честь первенства.

155) Никон. 1, 14. «Потомъ же Славяне, Чудь и Кривичи и проч. видяще великое нестроеніе въ землѣ своей, придоша въ чувство и соуть сотвориша, еже избрати себѣ князя отъ иного рода.»

154) Полн. Собр. Р. Лѣт. II, стр. 17.

157) Тамъ же.

158) Тамъ же, Т. III. стр. 11. Возражаютъ: если бы Новгородцы призвали первыхъ князей для наряда внутренняго, какъ судей, то Рюрикъ не сѣлъ бы въ Ладогѣ. — Но какое право имѣеть историкъ непрежнно предполагать, что Новгородъ въ это время имѣлъ тоже значеніе, какое послѣ? Лѣтописецъ, говоря о призваніи князей, упоминаетъ постоянно названіе племени — Словене, не говоря ни слова о Новгородѣ, чего не могъ бы онъ сдѣлать, еслибъ Новгородъ и тогда уже имѣлъ первенствующее значеніе. См. стр. 98.

159) Можно было бы объяснить явление такимъ образомъ: въ выражении: всталъ родъ на родъ, подъ родомъ разуметь отдѣльные племена — Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей; эти племена, покороны Варягамъ, какъ скоро освободились; то завели усобицы, для прекращенія которыхъ не нашли другаго средства, какъ подчиниться князю изъ чужаго рода, ибо въ противномъ случаѣ Варяги снова могли бы легко подчинить себѣ враждующія племена. — Но, во первыхъ, странно было бы предположить, чтобъ отдѣльные племена, имѣя крѣпкое, удовлетворительное внутреннее устройство, захотѣли подчиниться чуждой власти потому только, что не могли сладить съ сосѣдями. Это было бы дѣйствительно примѣръ, неслыханный въ исторіи; если Новгородцы поссорились съ Чудью, на примѣръ, и начали усобицу, положимъ даже, что въ одно время они начали усобицу съ Кривичами, то соединенные Кривичи и Чудь конечно могли заставить Новгородцевъ уступить ихъ желанію и безъ призыва чуждой силы; далѣе, могли ли племена, говоря о взаимныхъ войнахъ своихъ другъ съ другомъ, сказать, что во всей ихъ землѣ нѣтъ наряда, если бы внутри каждаго племени онъ былъ? наконецъ, что всего важнѣе, мы видимъ изъ послѣдующей исторіи, что въ Новгородѣ на примѣръ князь былъ необходимъ для установленія внутренняго наряда, а не для соглашенія съ сосѣдями; замѣтимъ, что относительно послѣднихъ и вообще чужихъ народовъ Новгородцы вели себя обыкновенно очень осторожно, миролюбиво, старались сколько можно болѣе избѣгать враждебныхъ столкновеній. — Предполагать новое завоеваніе историкъ не имѣетъ никакого права, ибо это значило бы строить исторію, не обращая никакого вниманія на свидѣтельство лѣтописца. — Нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ призваніе необходимою внѣшней защитой для призывавшихъ племенъ; такъ г. Погодинъ, согласно съ Миллеромъ и Шлецеромъ, говоритъ (Изсл., Зам. и Лекц. III, стр. 57): «Главная цѣль Новгородцевъ была — имѣть защитниковъ отъ Варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ. Доказательство: къ нимъ пошло цѣлое колено — войско. Для чего бы Новгородцамъ въ противномъ случаѣ брать себѣ на содержаніе столько народа? Звать цѣлое войско княжить — нелѣпость. Еслибъ имъ нуженъ былъ только князь, то взяли бы его одного безъ его племени. Но они звали князей въ слѣдствіе междоусобія? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи Варяговъ, въ слѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ быть, что всякое племя желало первенствовать; прекратить междоусобіе — это была временная нужда, а безопасность — всегдашняя.» Отвѣчаемъ: къ нимъ пошло цѣлое колено — войско, говоритъ г. Погодинъ; но извѣстно ли намъ число людей, пришедшихъ съ Рюрикомъ? развѣ можно принимать буквально извѣстіе: пояща по себѣ всю Русь?

Летописецъ XI вѣка естественно долженъ былъ предположить, что Рюрикъ вывелъ съ собою всю Русь, зная, что Русь были Варяги; и въ тоже время не будучи въ состояніи отыскать между Варяжскими народами особеннаго народа Руси, подобнаго Шведамъ, Норвежцамъ, Готамъ. — «Еслибъ имъ нуженъ былъ только князь, говорить г. Погодинъ, то взяли бы его одного безъ его племени». — Но если бы князья одни не пошли къ чужому народу, на кротость котораго, какъ видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій, вовсе не надѣялись? «Онижъ бояхусь звѣринаго ихъ обычая и права, и едва избрашася три братья,» читаемъ въ Никоновомъ спискѣ (1, 15). — «Прекратить междоусобіе — это была временная нужда,» говорить г. Погодинъ. — Выше было показано, что усобицы среди Славянъ не были случайнымъ явленіемъ, но были характеристическою чертою ихъ быта. Любопытно, что г. Погодинъ въ другомъ мѣстѣ (II, стр. 371, 373), слѣдуя Шафарику, представляетъ сварливость Славянъ, неумѣнье ужиться другъ съ другомъ. Но еслибъ даже междоусобіе и было случайнымъ явленіемъ, да было такъ сильно, что прекратить его не предвидѣлось никакихъ средствъ, то и тогда призваніе князей для одной цѣли внутренняго наряда будетъ понятно. Правда, что разрозненный родовой бытъ и вражда между родами препятствовали племенамъ не только дружно нападать, но даже и съ успѣхомъ защищаться отъ чуждыхъ нападений; но это было слѣдствіемъ вражды между родами; нужно было прежде всего уничтожить эту вражду, эти усобицы, утвердить нарядъ, — тогда при общемъ согласіи и спокойствіи необходимо являлась возможность дружной и успѣшной защиты; нужно было уничтожить причину, слѣдствіе уничтожалось само собою.

160) См. объ этомъ статью въ Сѣверн. Арх. 1826 года.

161) I, 8: «И придоша къ Словеномъ первѣе, и срубиша городъ Ладогу, и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ.»

162) Нѣкоторые изслѣдователи не хотятъ признавать всей важности этого событія, не хотятъ называть его всероссійскимъ. Такъ г. Погодинъ говорить (Изсл. З. Л. III, 69): «Событіе это, каково оно бы ни было, какую бы оно ни имѣло связь съ другими, принадлежитъ одному Новгороду. Еще болѣе: преемникъ Рюрика оставилъ тотчасъ Новгородъ, оставилъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то есть, Новгородцы остались платить дань Варягамъ, какъ они платили ее въ 859 году; Варяги—Русь ушли въ другую сторону, и при благоприятныхъ обстоятельствахъ удержали право новгородской дани; Новгородъ, напротивъ, отдѣлился съ самаго начала, и составилъ особое цѣлое, отъ котораго черезъ сто лѣтъ отпирался уже самъ Святославъ. Это почти отрѣзанный ломоть, островъ въ русской исторіи. Въ Новгородѣ, какъ въ одной части будущаго русскаго государства, мы видимъ те-

перь, при Рюрикѣ, новую гражданскую форму, и то на время, точно какъ подобная форма тогда же показала въ Кіевѣ, или послѣ во Владимірѣ. Вотъ и все. Слѣдовательно началомъ государства этого событія съ Карамзинымъ назвать нельзя. Какъ же вѣрнѣе назвать это происшествіе? По моему, въ слѣдствіе предложенныхъ изысканій, это происшествіе должно быть названо, всего приличнѣе вѣрнѣе: прибытіе Норманновъ въ нашу Славянскую землю, Норманновъ, которые въ послѣдствіи, въ теченіе шести вѣковъ, ославяниваясь, будутъ дзвать, по мѣрѣ своего размноженія, гражданскую форму поселеніямъ племенъ Славянскихъ. Чѣмъ же соединяется оно, хотя нѣсколько, съ послѣдующими происшествіями? Почему начинаютъ имъ Россійскую исторію? Какую долю имѣеть это происшествіе въ основаніи русскаго государства? Главная, существенная связь этого происшествія, связь съ будущей исторіей, есть не Новгородъ, а Рюрикъ, какъ родоначальникъ будущей династіи, государь, добровольно приглашенный, слѣдовательно пришедшій съ чувствами дружелюбными, а не враждебными. Здѣсь начало династіи, — и вотъ почему преимущественно это особое событіе безсмертно въ Русской исторіи, есть часть ея. Это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала. Воздадимъ здѣсь честь и Новгороду, старшему сыну Россіи: онъ призвалъ того князя, котораго роду предназначено было великое дѣло — преобразовать въ гражданскомъ отношеніи весь этотъ славянскій патріархальный міръ, сообщить исподоволь гражданскую форму всѣмъ частямъ Россіи, довести ее до нынѣшняго состоянія, и составить величайшее государство въ мірѣ».

Мы привели это мнѣніе для того, чтобъ его опроверженіемъ подкрѣпить наше собственное мнѣніе, высказанное въ текстѣ. Во первыхъ, событіе призванія принадлежитъ не одному Новгороду. Если странно давать здѣсь главную роль Финнамъ, то также странно приписывать все одному Новгороду, одному племени Ильменскихъ Славянъ, не обращая вниманія ни на Чудь, ни на Кривичей, которые имѣли въ призваніи одинакое участіе. Событіе принадлежитъ слѣдовательно не Новгороду, а, съ одной стороны, тремъ племенамъ, сосредоточившимся около призванной власти, и посредствомъ своего сосредоточенія, давшимъ этой власти средства къ сосредоточенію остальныхъ племенъ; съ другой стороны, это событіе всероссійское, потому что здѣсь положено начало сосредоточенію и наданію гражданскихъ формъ, что съ этого времени и мѣста непрерывно продолжается въ теченіе вѣковъ. Г. Погодинъ вооружается противъ этой непрерывности, но вооружается вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ. Онъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе. Отвѣчаемъ: вы признаете фактъ призванія, какъ онъ разсказывается въ лѣтописи, при-

знаете, что князь былъ необходимъ призывавшимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, положить какъ защитникъ только? Но если князь былъ необходимъ для известнаго народа, и князь покинулъ этотъ народъ, то что долженъ дѣлать послѣдній? Или подвергнуться всѣмъ невыгодамъ прежняго состоянія, или призвать другаго князя; Новгородъ не призываетъ новаго князя, а такъ какъ князь для него необходимъ, то слѣдовательно въ Новгородѣ остается прежній князь или его намѣстникъ. Это со стороны призывавшихъ племень. Теперь со стороны Олега: онъ не могъ, удаляясь на югъ, оставить сѣверный конецъ своего пути не закрѣпленнымъ для себя, слѣдовательно онъ не могъ отказаться отъ Новгорода. Мы до сихъ поръ довольствовались одними соображеніями, теперь обратимся къ свидѣтельствамъ. Олегъ оставилъ совершенно Новгородъ, сѣверныя племена, которыми владѣлъ Рюрикъ, а между тѣмъ идя на югъ, онъ собираетъ войско изъ этихъ племень, Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей; утвердившись на югѣ, Олегъ налагаетъ дань на эти племена, на Славянъ, Кривичей, Мерю, — на Новгородцевъ налагаетъ особую дань въ пользу Варяговъ; идя въ походъ на Грековъ, собираетъ войско опять изъ этихъ же племень; заключая миръ съ Греками, требуетъ укладовъ на сѣверные города; Игорь собираетъ войско также изъ этихъ племень; Ольга ходила къ Новгороду, и установила погосты въ его области. — Г. Погодинъ видитъ въ событіи только приходъ Норманновъ въ нашу Славянскую землю: но здѣсь дѣло не въ Норманнахъ, не въ народности пришлецовъ, но въ характерѣ, съ какимъ они пришли. Г. Погодинъ говоритъ, что Норманны, пришедши въ Новгородъ, дали ему новую гражданскую форму, и потомъ ославяниваясь и размножаясь, будутъ давать гражданскую форму поселеніямъ племень Славянскихъ; но въ такомъ случаѣ поселеніе Норманновъ у сѣверныхъ, первыхъ племень и сообщеніе имъ гражданской формы развѣ не будетъ начало исторіи и начало государства? — На стр. 74 г. Погодинъ говоритъ: «Олегъ оставилъ Новгородъ, кажется, навсегда, безъ мысли о возвращеніи. Въ противномъ случаѣ на что бы увозить ему съ собою младенца Игоря?» — Но какъ бы онъ, въ противномъ случаѣ, выполнилъ родственную обязанность, возложенную на него Рюрикомъ, отдавшимъ ему сына на руки? — Сказавши на стр. 74, что Святославъ воспитывался въ Новгородѣ, показавши слѣдовательно тѣсную связь Новгорода съ Киевомъ, тѣсную связь рода Русскихъ князей съ Новгородомъ, на стр. 75 и 76 г. Погодинъ утверждаетъ, что Святославъ не хотѣлъ звать Новгорода, съ презрѣніемъ говоритъ: Кто къ вамъ пойдетъ?» Г. Погодинъ утверждаетъ тамъ же, что при Святославѣ Новгородъ, кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ ему: но развѣ дань не есть самое лучшее доказательство принадлежности? Князь распоряжается въ городѣ,

налагаетъ дань, говорить: столько-то платите мнѣ, столько-то Варягамъ, — и городъ однако не принадлежитъ ему?! Да и что намъ извѣстно объ отношеніяхъ другихъ городовъ, кромѣ дани? Потому и Кіевъ не принадлежалъ князю, ибо о Кіевѣ мы ничего не знаемъ, даже относительно дани.

163) П. С. Р. Л. I, стр. 8.

164) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 9, вар.

165) Никон. 1, 16: «Того же лѣта (863) оскорбишася Новгородци глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ совѣтниковъ его.» — Степ. кн. 1, 79. Вадимъ, водимъ можетъ быть и нарицательное имя: въ некоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ оно означаетъ коноводъ, передовой, проводникъ. См. Опытъ Областнаго Словаря, стр. 26.

166) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 9, вар. «И пришедь ко Илмерю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва и Новгородъ, и сѣде ту княжа.» — Объ Ярославѣ сказано: «заложи Ярославъ городъ великій Кмьскъ (1, 65); о самомъ Рюрикѣ прежде сказано, что онъ срубилъ городъ Ладогу, при чемъ должно разумѣть одни укрѣпленія въ городахъ, давно существовавшихъ; но въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ не сказано, что князя давали имена городамъ Кіеву и Ладогѣ, что прямо сказано о Новгородѣ: «И прозва и Новъгородъ.» — Скажутъ, что прежде лѣтописецъ говоритъ о построеніи Новгорода Славянами. Но въ томъ же лѣтописцѣ находимъ и извѣстіе о построеніи Новгорода Рюрикомъ. Единственное средство согласить противорѣчія — это предположить, что старый городъ былъ построенъ Славянами, а новый получилъ бытіе и названіе при Рюрикѣ.

167) Никон. I, 17.

168) Тамъ же: «Избиша множество Печенѣвъ Оскольдъ и Диръ.» — Отрицать возможность появленія Печенѣговъ въ Придвѣпровѣ въ время Аскольда и Дира нѣтъ основанія.

169) См. Воскресен. и др. списки.

170) Никон. 1, 16: «Убиенъ бысть отъ Болгаръ Оскольдъ сынъ.»

171) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 7: «По смерти братьѣвъ сея быша обидими (Поляне) Древлянами, инѣми околними.

172) См. подробности и указанія источниковъ у арх. Макарія въ его Исторіи Христіанства въ Россіи, стр. 261 и слѣд.

173) Подробности и разборъ сказаній см. въ приведенной выше книгѣ арх. Макарія, стр. 166 и слѣд., стр. 169 и слѣд. — Принимать извѣстіе о чудѣ св. Стефана за позднѣйшее и заимствованное непременно изъ сказанія о чудѣ св. Георгія, мы не видимъ достаточнаго основанія: не

всегда сходныя сказанія заимствуются другъ отъ друга; въ противномъ случаѣ надобно было бы допустить, что нашъ начальный Лѣтописецъ читалъ Геродота, и взялъ изъ него рассказъ объ известной хитрости, которую приписалъ нашимъ Бѣлгороджанамъ; потомъ въ подробностяхъ сказавъ о случившемся въ Сурожѣ и Амасгридѣ мы находимъ большое различіе; наконецъ главное, что заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей отвергать самостоятельность извѣстія о сурожскомъ происшествіи, это предположеніе, что Русскихъ набѣговъ на Припоптійскія страны не могло быть раньше 866 года; но мы не можемъ принять этого предположенія.

174) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: «И приде къ Смоленску, съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой.» — Въмѣсто съ Кривичи должно читать въ Кривичи: переписчикъ не повялъ, что значить въ Кривичи, тогда какъ прежде сказано, что Олегъ уже шелъ съ Кривичами, и потому написалъ: съ Кривичи.

175) Стараніе связать Кіевъ съ сѣверомъ и Новгородомъ, видно также въ другомъ преданіи, по которому основатели Кіева — Кій, Щекъ и Хоривъ, были разбойники въ Новгородской области; Новгородцы посадили ихъ съ сестрою Лыбедью и 27-ю товарищами въ темницу и хотѣли повѣсить, но князь изъ жалости далъ имъ свободу и проч. Синодал. Библиот. Книга о древности Россійскаго государства, № 529. — Какъ видно, сказка эта произошла отъ смѣшенія двухъ преданій — объ основателяхъ Кіева и о первыхъ Варяжскихъ князьяхъ его.

176) Арханг. стр. 4.

177) Никон. 1, 16.

178) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: «Се буди мати градомъ Рускимъ.» «Бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью.» — Любопытно, что по смыслу этого извѣстія, Варяги и Славяне прозываются Русью только по утвержденіи въ Кіевѣ.

179) Тамъ же стр. 56: «Ярославу же суцу Новѣгородъ, и урокомъ дающу Кіеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородъ грядемъ раздаваху: а тако даяху посадници Новѣгородстия, а Ярославъ сего не даяше отцю своему.»

180) Любопытно, что въ числѣ покоренныхъ Олегомъ племенъ не упоминаются Дреговичи; не упоминаются они съ Полочанами и при исчисленіи племенъ, ходившихъ съ Олегомъ въ Грецію; по всѣмъ вѣроятностямъ Дреговичи были еще прежде покорены изъ Полоцка тамошнимъ державцемъ, по крайней мѣрѣ сѣверная ихъ половина; вотъ почему княжество Минское, образовавшееся въ ихъ странѣ, принадлежало къ Полоцкому. Въ Іоакимов. Лѣтоп. Дреговичи упомянуты въ числѣ племенъ, призвавшихъ Рюрика съ братьями.

*
*
*

181) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 12. Означимъ спивку въ лѣтописи: «И стави Олегъ вои» — до: «дабы не воевалъ Грецькой земли.» Вставка эта ясна, потому что содержитъ тоже самое извѣстiе, которое опять повторяется въ текстѣ съ противорѣчiемъ: сперва говорится, что Олегъ потребовалъ по 12 гривенъ на человѣка, а потомъ, что по 12 гривенъ на ключъ, что гораздо правдоподобнѣе. (Ключъ вм. лодка, корабль; ключекъ назывался багоръ, или крюкъ, которыми привлекали лодки къ берегу; въ житiи Бориса и Глѣба Румян. Муз. сказано: «Имше корабль ключи и привлекоша къ себѣ»). Думаемъ, что можно согласиться со мнѣнiемъ проф. Срезневскаго, который во второмъ извѣстiи объ условiяхъ видитъ цѣлую грамоту, занесенную въ лѣтопись (Извѣстiя II-го Отдѣл. Академiи, л. 20). Только не думаемъ, чтобъ грамота была занесена въ лѣтопись самимъ начальнымъ лѣтописцемъ: во 1) по противорѣчiю двухъ извѣстiй; во 2) вставка договоровъ въ лѣтопись съ уничтоженiемъ разсказа начального лѣтописца, ясна изъ словъ, помѣщенныхъ подъ 6420 годомъ: «Посла Олегъ мужи свои построить мира и положить ряды межъ Греки и Русью; и посла, глаголя равно другаго свѣщанiя» и проч. Дѣльясъ очевидно, что здѣсь послѣ глаголя слѣдовалъ разсказъ начального лѣтописца о томъ, что говорилъ Олегъ своимъ посламъ, но этотъ разсказъ прерванъ насильственно вставкою договора. — Г. Срезневскiй думалъ также, что слово: Равно въ выраженiи: равно другаго свѣщанiя есть переводъ Греческаго τὸ ἴσον, paricula charta, сорiа, противень. Это мнѣнiе развито особенно г. Лавровскимъ въ сочиненiи: О Византийскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. Это объясненiе равно можетъ быть принято вполне; но жаль, что филологи не обратили вниманiя на слова: «при тѣхъ же царехъ,» которыя оставляютъ въ полной силѣ прежнее мнѣнiе, что наши договоры предполагаютъ другiе договоры, старыя.

182) Тамъ же, стр. 13: Равно другаго свѣщанiя, бывшаго при тѣхъ же царехъ.

183) «Отъ тѣхъ аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ину страну, оже обрящется или Русинъ или Гречинъ, да не купять (искупять) и възратять и скупшное (искупленное) лице въ свою страну.» — Предъ этимъ рѣчь шла о корабляхъ, застигнутыхъ бѣдою въ чужой землѣ; на Русскихъ и на Грековъ, которые могли случиться въ это время тутъ, налагалась обязанность охранять и провожать корабль изъ чужой земли домой; теперь говорится о пѣвникахъ Русскихъ и Греческихъ, проданныхъ въ чужую землю: на Русскихъ и Грековъ, которые могли случиться въ этой землѣ, налагается также обязанность выкупать невольниковъ союзнаго народа и

возвращать ихъ въ отечество. Смыслъ ясенъ изъ самой связи пунктовъ.

184) Архангел. 10: «По семъ иде Ольга къ Новугороду, оттудѣ въ Ладугу.» Стр. 11: «и есть могила его въ Ладозѣ.»

185) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 16.

186) Тамъ же.

187) Въ Иоакимовой лѣтописи Олегъ названъ княземъ урманскимъ или норвежскимъ; въ Скандинавскихъ сагахъ онъ является подъ именемъ Оддра Норвежскаго витязя, который прославился своими подвигами на востокѣ, княжилъ на Руси, умеръ, по предсказанію колдунь, отъ любимаго коня.... См. *Antiquités russes*, t. I, p. 93 et sqq.

188) Въ Воскресен. спискѣ о рожденіи Игоря упомянуто подъ 866 годомъ, въ Никон. подъ 865; но о 13 или 14-лѣтнемъ мальчикѣ нельзя сказать: дѣтескъ вельми! Степенная книга даетъ Игорю два года во время отцовской смерти.

189) Я предпочитаю чтеніе затворишася чтенію заратишася, которое есть очевидно позднѣйшее, на что прямо указываетъ предлогъ отъ, идущій къ затворишася и неидущій къ заратишася; притомъ же затворишася гораздо вѣрнѣе изображаетъ тогдашнія отношенія племенъ къ князю.

190) См. Византіецевъ Симеона Логоета, Льва Грамматика съ неизвѣстнымъ продолжателемъ Багрянороднаго, Григоріемъ монахомъ Кедринимъ и Зонарою. Мемог. popul. — Russica.

191) По лѣтописи Болгары послали сказать Императору, что Русь идетъ на 10,000 скедій; но Лиутпрандъ показываетъ число лодокъ — 1000 (V, 6), а Левъ Грамматикъ число войска въ 10,000 (Мемог. popul. II. 967); но можемъ ли мы принять и послѣднее показаніе безошибочнымъ?

192) И въ договорѣ Игоря, какъ въ Олеговомъ, видимъ выраженіе: «Равно другаго свѣщанья.»

193) Иворъ, посолъ Игоря великаго князя; Вуефастъ Святослава сына Игорева; Искусевы — Ольги княгини; Слуды Игоря, племянника великаго князя отъ сестры (см. Карамз. I, примѣч. 347); Улѣбъ — Владислава; Каницаръ — Предславинъ; Шихбернъ — Сфандры, жены Улѣбовой (вѣроятно вдовы, ибо имя Улѣба не упомянуто); Прастѣнъ — Турдовъ; Либіаръ Фастовъ; Гримъ Сфирновъ; Прастѣнъ — Акуна, племянника Игорева отъ сестры; Кары — Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевисковъ, Воиковъ; Истръ — Аминодовъ; Прастѣнъ — Берновъ; Ятыгъ — Гунаревъ; Шибридъ — Аддановъ, Коллековъ, Стеггетюновъ, Сѣяровъ; Алвадъ — Гудовъ; Фудри — Туадовъ; Мутуръ — Утинъ. Потомъ слѣдуютъ гости или купцы: Адуны, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ,

Фрутанъ, Гомоль, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстенъ, Бруны, Роальдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Руальдъ, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьксаръ, Вузмъвъ, Синко, Боричъ. — Между именами людей, отъ которыхъ идутъ послы, мы не видимъ ни Свѣнъльда; ни Асмуда, тогда какъ Свѣнъльдъ играетъ первую роль; это ведетъ къ заключенію, что всѣ поименованные въ договорѣ были изъ князя, то есть, изъ рода Игорева въ разныхъ степеняхъ и линіяхъ, мужской и женской.

194) Въ договорахъ названія — князь и бояринъ употребляются безъ различія одно вмѣсто другаго; списки, въ свою очередь, также смѣшиваютъ оба названія; гдѣ въ одномъ стоитъ: князя, тамъ въ другомъ бояре.

195) Да не имѣютъ волости, купити паволоки лише по 50 золотникъ. — По свидѣтельству Лиутпранда, самыя дорогія ткани было запрещено вывозить изъ Константинополя иностранцамъ. — Карамзинъ, приводя самъ свидѣтельство Лиутпранда (I, примѣч. 350), не смотря на то, переводитъ статью договора такъ: «Всякая ткань, купленная Русскими цѣною выше 50 золотниковъ (или червонцевъ), должна быть ему (чиновнику) показана, чтобы онъ приложилъ къ ней печать свою.»

196) Еще указаніе на прежнія условія, на которыхъ помирился Игорь.

197) Я здѣсь не привимаю чтенія Лавр. списка: «По уставу и по закону Русскому», ибо въ Русскомъ законѣ нѣтъ наказанія вору. Другіе списки имѣютъ только: «По уставу Грецкому».

198) Ци аще ключитя проказа никака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать (да не имате) власти казнити ея но повелѣнемъ царства нашего да прииметь, якоже будетъ створилъ.» — И въ слѣдъ за этимъ слѣдуетъ условіе, что въ случаѣ убійства, родственники убитаго не имѣютъ права умертвить убійцу, но держать его только, чтобы потомъ правительство имѣло возможность казнить его смертію: «Аще убьетъ хрестейнинъ Русина, или Русина хрестейнина, и да держимъ будетъ створивый убійство отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ.» Тогда какъ въ Олеговомъ договорѣ прямо сказано, что убійца долженъ умереть на мѣстѣ.

199) За годъ только Игорь возвратился изъ Греческаго похода, взыски сь Грековъ золото и паволоки и на вся воя, а между тѣмъ дружинники его жалуются, что они наги. Или распредѣленіе событій по годамъ у летописца не вѣрно, или описаніе похода и его слѣдствій не вѣрно, а можетъ быть, и то и другое.

200) Византиецъ Левъ Діаконъ говоритъ, что Древляне, привязавъ Игоря къ двумъ деревьямъ, разорвали его.

201) Никон. I, 44.

202) *Memor. popul. t. II, p. 973.*

203) См. статьи Григорьева — о древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ (*Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, 5*). — Также статьи Куника въ *Bulletin de l'Acad. de Pétersb.: sur la première expédition Caspienne des Russes Normands en 914, d'après la chronique inédite de l'Arménien Mosé Caghancatovatsi. — Sur l'expédition des Russes Normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizâmi, Ibn-ab-Athir et Ainy.*

204) Изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно — что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей. Это обстоятельство опять указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ при первыхъ князьяхъ.

205) Коростень, нынѣ Искорость, мѣстечко на рѣкѣ Ушѣ; Ушь впадаетъ въ Днѣпръ у Чернобыля.

206) Они же сѣдяху въ переги-бѣхъ въ великихъ сустугахъ горящися. — Карамзинъ (I, примѣч. 370): «Перегибами назывались, кажется, нѣкоторыя особенныя лодки. Сустуги могутъ значить кривлянье.» — Но въ лѣтописи нѣсколько разъ повторено, что Древліане прѣхали въ одной лодкѣ; что сустугъ можетъ значить кривлянье, нельзя заключить ни изъ чего. Гораздо скорѣе оба слова могутъ означать одежду, отъ перегибаю и стягиваю.

207) На стр. 71 перваго тома Полн. Собр. Р. Лѣт. читаемъ: «Единою же пьющу Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопанъ: «княже! хочу на тя пити.» Слѣдовательно пить на кого-нибудь значить пить за чье-нибудь здоровье, и слѣдовательно приказаніе Ольги отрокамъ пить за здоровье Древліанъ, которыхъ готовились умертвить, означало также насмѣшку.

208) См. ниже описаніе жилищъ въ главѣ о народномъ бытѣ.

209) Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаѣ давать княгинямъ въ посмертное владѣніе города, обычай, употребительный послѣ. Какъ видно, былъ обычай также, что дань (или нѣкоторая ея часть) съ покореннаго племени шла тому князю или тому мужу княжескому, который наложилъ ее: такъ извѣстно, что Углича платила дань въ пользу Свѣтльда, ихъ примучившаго. Ольга, принимавшая такое сильное участіе въ окончательномъ покореніи Древліанъ, имѣла полное право и на дань Древліанскую: а если удовольствовалась третьею частию, такъ потому, что распоряжалась именемъ своего малолѣтнаго сына. Далѣе насъ останавливаютъ выраженія: «двѣ части дани идеа Киеву, а третья Вышегороду къ Ользѣ.» Для чего вмѣсто лицъ мѣста? почему не: князю Святославу, княгинѣ Ольгѣ? — Естественно употребить имя стольнаго города, вмѣсто имени князя, ибо князья мѣняются,

столицы же остаются, следовательно именами ихъ гораздо удобнѣе выражать извѣстную, постоянную подчиненность, извѣстныя постоянныя отношенія; такъ послѣ напимѣръ сказано, что всѣ посадники Новгородскіе платили ежегодно извѣстную сумму денегъ въ Кіевъ, то-есть великимъ князьямъ Кіевскимъ. Но въ разбираемомъ мѣстѣ показывается отношеніе не постоянное, а временное, условленное личностію Ольги, и не смотря на то, дань шла въ Вышгородъ, хотя извѣстно, что Ольга жила въ Кіевѣ: такъ послѣ во время нашествія Печенѣговъ, мы видимъ ее въ этомъ городѣ съ внучатами; следовательно должно предположить, что казна Ольги хранилась въ Вышгородѣ. Какъ послѣ видимъ, что князья имѣютъ свои дворы въ разныхъ мѣстахъ, куда собираютъ много всякаго добра; такъ, вѣроятно, и въ Вышгородѣ у Ольги былъ подобный дворъ; куда собирались запасы изъ мѣстъ, ей принадлежавшихъ; тамъ же должна была складываться и Древлянская дань; а въ чемъ состояла эта дань, намъ извѣстно: въ мѣхахъ и медѣ.

210) Эверсъ (Recht der Rus. стр. 59) думаетъ, что подъ именемъ уставовъ разумѣются здѣсь вообще всѣ учрежденія, предпріятыя Ольгою въ землѣ Древлянской, гдѣ, по отвѣденіи старшинъ въ плѣтъ, по уничтоженіи следовательно всѣхъ прежнихъ отношеній, нужно было установить совершенно новый порядокъ вещей, дать новый уставъ, какъ жить, какъ дѣлать. — Но здѣсь должно замѣтить, что мщеніе Ольги постигло собственно одинъ Искоростень, тогда какъ у Древлянъ былъ другіе города, предавшіеся добровольно, и нетронутые Ольгою: «Послѣ ко граду (Ольга) глаголюще: что хочете досѣдѣти? а всѣ гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и земли своя.» — Итакъ слова Эверса могутъ относиться только къ Искоростеню, но не къ цѣлой Древлянской землѣ.

211) Такъ, по смыслу извѣстія, перевозу я слово: знаменія.

212) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 25: Иде Вольга Новгороду и уставя по Мстѣ повосты (погосты) и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей землѣ; знаменья и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и естъ село ея Ольжичи и доселѣ.» Слово: повосты читается только въ Лаврентіевскомъ спискѣ, въ остальныхъ погосты. Есть еще другой вариантъ: въ Архангел. спискѣ вмѣсто: по Мстѣ, читается: помости и погосты. Эверсъ (Recht der Rus. 62) даетъ предпочтеніе послѣднему чтенію: «Въ высочайшей степени невѣроятно, говорить онъ, чтобы великая княгиня предпріяла означенныя учрежденія по Лугѣ, такъ далеко на сѣверѣ,» и потому принимаетъ по Лузѣ за поаднѣйшее прибавленіе. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Луги, Эверсъ обра-

идется ко Мстѣ, и спрашиваетъ: почему именно берега этой рѣки должны были быть одни предметомъ законодательныхъ заботъ Ольги; почему той же чести не удостоились берега другихъ рѣкъ, напримѣръ, Ловати и Великой? — Но, во-первыхъ, нельзя выбрасывать такъ легко цѣлыя извѣстія изъ лѣтописи, какъ выбросилъ Эверсъ о Лугѣ, потому только, что оно затрудняло; лучшіе списки имѣютъ: по Мстѣ и Лугѣ, и нельзя найти причины, почему бы это извѣстіе вставлено было позже; слѣдовательно историку остается только объяснить, почему распоряженія Ольги коснулись береговъ этихъ двухъ рѣкъ? Взглянувши на карту, мы видимъ, что Луга съ своими берегами составляетъ крайнее владѣніе Новгородской области на сѣверозападѣ, а Мста въ противоположную сторону на сѣверовостокѣ: вспомнимъ, что верховье Мсты и слѣдующій за нимъ волокъ, отдѣлявшій озерную область отъ области верхней Волги, былъ по этому самому границею Новгородской и Ростовской областей, предѣломъ Новгородскихъ владѣній; вспомнимъ, что дѣятельность первыхъ князей до Ольги должна была касаться преимущественно великаго восточнаго пути изъ Варягъ въ Греки; до странъ, лежащихъ къ западу и востоку, она мало могла касаться. Олегъ установилъ дани на сѣверѣ у Славянъ, Кривичей и Мери; но вѣроятно, эти дани удобно собирались только съ народонаселенія, живущаго близъ великаго пути, которое, такъ сказать, находилось подъ руками у Руси; народонаселеніе же дальнѣйшихъ странъ къ востоку и западу могло пользоваться большею независимостію и отбивать отъ дани, и здѣсь слѣдовательно нужно было сдѣлать для нея точнѣйшія опредѣленія. Наконецъ можетъ быть и то, что эти мѣста при низовьяхъ Луги и, при верховьяхъ Мсты были недавно заняты Русскими изъ Новгорода, и потому требовали уреченія. — Въ извѣстіи объ Ольгиныхъ учрежденіяхъ на сѣверѣ останавливаетъ насъ также вариантъ: погосты и повосты, очень легко могшій произойти: полустертая буква *в* образуетъ легко *з*, нѣсколько замазанное *з*, легко можетъ показаться за *в*. Монахъ Лаврентій самъ признается, что ему трудно было разбирать рукопись, съ которой онъ списывалъ, потому что книги были ветшаны; окончаніе погосты прямо указываетъ на то, что это слово испорчено изъ повосты; другое дѣло, еслибъ было повозы: повозомъ называлась обязанность подчиненныхъ племей доставлять дань или оброкъ въ назначенное отъ князя мѣсто: такъ читаемъ у лѣтописца о Радимичахъ: «и платятъ дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.» Но это слово, очень легко объясняясь въ первой половинѣ извѣстія: уставы по Мстѣ повозы и дани, остается безъ смысла во второй половинѣ: «ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повозы.» Итакъ остается принять: погосты. Къ извѣстіямъ объ Ольгиныхъ уставахъ относится также слѣдующее,

находимое только въ сводѣ лѣтописей Татищева (II, 45, 329): «Тогда жь отрѣши княжее, а уложила брать отъ жениха по чернѣ купѣ какъ князю, такъ боярину, отъ его подданнаго.» Обыкновенно объясняютъ княжее чрезъ *ius primaе noctis*. — Противъ этого объясненія возражаютъ, что подобный обычай не согласовался съ извѣстными нравственными понятіями Славянскихъ племенъ. — Но здѣсь прежде всего нужно обратить вниманіе на то, надъ кѣмъ имѣлось это право? надъ народонаселеніемъ княжескихъ и боярскихъ земель, народонаселеніемъ, составленнымъ изъ военнопленныхъ или купленныхъ рабовъ: могли ли Славянскія воззрѣнія дѣйствовать на отношенія этого народонаселенія?

213) Истор. Христ., арх. Макар. стр. 312.

214) Метог. popul. II, 976 — 979.

215) Карамз. I, примѣч. 380.

216) Татищ. II, стр. 41 прим. 130.

217) Въ западныхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что послы отъ Ольги, княгини русской, крестившейся въ Константинополѣ, приходили къ Императору Оттону I-му съ просьбою прислать епископа и пресвитеровъ для обращенія Руси; Оттонъ послалъ въ Русь епископомъ Адалберта, который однако былъ изгнанъ съ безчестіемъ. (См. Шендеров. Нестор. III, 469.) Много было разныхъ толковъ и объясненій этому извѣстію; но дѣло ясно изъ самыхъ словъ свидѣтельства: «*Legati Helенаe, reginae Rugorum, quae sub Romano Imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est, fecte, ut post claruit, ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti petebant.*» — Послы обманули, какъ послѣ оказалось; ясно, что они принадлежали къ числу такихъ Варяговъ, которые по нѣскольку разъ принимали крещеніе для того только, чтобы получать дары; на этотъ разъ, чтобы получить хорошій приемъ и дары отъ ревностнаго къ распространенію вѣры Оттона, они объявили себя послами Елены Русской и просили епископа и священниковъ для Русскаго народа.

218) *Moitié de la ville d'Itil située à l'Est du Volga. Charmoy, Relation de Masoudy etc.* p. 323.

219) Семендеръ находился между Дербентомъ и Волгою, около нынѣшняго Тарху. Онъ не уступалъ обширностію Итилю, окруженъ былъ плодовитыми садами и виноградниками. Въ самомъ городѣ находились мечети для мусульманъ, христіанскія церкви и синагоги Евреевъ. См. Мухам. Нумизмат. стр. LVII.

220) Въ преданіяхъ Атыхейцевъ есть слѣды извѣстій о походахъ Святослава на Ясовъ и Касоговъ. См. газету Кавказъ 1849 года.

221) Мѣсто этого княжества безспорно должно искать на берегахъ

Черного и Азовскаго морей, тамъ, гдѣ восточные писатели указываютъ древнее обиталище Руси.

222) Около 132,600 голландскихъ червонцевъ. См. Черткова — описание войны Великаго князя Святослава Игоревича, примѣч. 39.

223) Левъ Діаконъ, кн. V, стр. 77 — 81.

224) Это объясняется послѣдующимъ извѣстіемъ, что Святославъ, возвратясь, прогнавъ Печенѣговъ въ степь; значить они находились не въ степи, а гдѣ-нибудь подлѣ Кіева.

225) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 29: Въ се же время придоша люде Новгородстѣи, просяще князя собѣ: «Аще не поидете къ намъ, то нальземъ князя собѣ»; и рече къ нимъ Святославъ: «а бы пошелъ кто къ вамъ.» И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. — Въ словахъ Святослава нѣтъ никакого презрительнаго смысла, какой хотять видѣть нѣкоторые изслѣдователи; за чтó Святославу было презирать Новгородцевъ? Онъ просто отвѣчалъ имъ: «да гдѣжь мнѣ взять вамъ князя; у меня только двое сыновей: еслибъ который изъ нихъ пошелъ къ вамъ?» На такой естественный смыслъ Святославовыхъ словъ прямо указываетъ слѣдующее извѣстіе, что Ярополкъ и Олегъ отказались: значить, Святославъ ихъ спросилъ — не хочеть ли кто изъ нихъ идти въ Новгородъ? Мстиславъ Храбрый вовсе не презиралъ Новгородъ, однако братья насилу уговорили его идти туда княжить, и оставить любимый югъ. Любопытно дополнительное извѣстіе Никон. списка. «Володимерь бо бѣ отъ Малки, ключницы Ольгины. И бѣ роженіе Володимеру въ Будутинѣ веси; тамо бо въ гнѣвѣ отслала ея Ольга, село бо бѣше ея тамо, и умираючи даде его св. Богородицѣ. Но чье было село Будутино: Ольгино или Малушино? Если Малушино, то нѣтъ ничего удивительнаго, что, умирая, она отдала его св. Богородицѣ, ибо она могла умереть послѣ крещенія земли.

226) Договоръ начинается: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣнальдѣ, писано при Феодилѣ сиккелѣ.» Здѣсь можно думать, что слова: «Равно другаго свѣщанья,» означаютъ договоръ, заключенный Святославомъ съ Никифоромъ.

227) Leo Diac. I. VI, p. 102—111. — Cedreni hist. compendium. t. II; Zonarae Annales, t. II, l. XVII.

228) Левъ Діак. кн. VIII: «Руссы сражались храбро и отчаянно; они давно приобрѣли славу побѣдителей надъ всѣми сосѣдними народами, и почитали величайшимъ несчастіемъ быть побѣжденными императоромъ и лишиться этой славы.» — Слѣдовательно показаніе Византийца согласно съ лѣтописнымъ очеркомъ Святославова характера.

229) Нѣкоторые думаютъ, что въ нашей лѣтописи былъ рассказъ

о неудачахъ , начиная со вступленія Цимисхія въ Болгарію , но что этотъ разсказъ намѣренно выпущенъ позднѣйшими переписчиками , и полагають пропускъ между словами : «Возвратися въ Переяславецъ съ похвалою великою» и — «Видѣвъ же мало дружины,» и проч. (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 30). Но позднѣйшихъ переписчиковъ нашихъ никакъ нельзя упрекнуть въ обычаѣ выпускать разсказы о неудачахъ своихъ соотечественниковъ : они такъ благоговѣли къ труду переписыванія лѣтописей , что не могли позволить себѣ подобныхъ выпусковъ , да и странно предполагать въ нихъ сильное сочувствіе къ подвигамъ такого отдаленнаго и языческаго князя , когда они не жертвовали истинною и для славы князей , болѣе любимыхъ , на примѣръ Владиміра. Потомъ , на какомъ основаніи обвинять позднѣйшихъ переписчиковъ въ выпускѣ , и начальнаго составителя лѣтописи заставлять вписывать разсказъ о пораженіяхъ ? Въ разсказѣ лѣтописца есть пропускъ , безспорно : но кому же принадлежитъ онъ ? позднѣйшимъ переписчикамъ или начальному составителю , или наконецъ первоначальнымъ разсказчикамъ , изъ словъ которыхъ образовалось преданіе ? Разумѣется , сравнивъ интересы всѣхъ троихъ , мы должны будемъ заключить , что пропускъ долженствовалъ быть сдѣланъ первоначальными разсказчиками — Святнѣльдомъ съ товарищи , а не лѣтописцами , составителями или переписчиками. Внѣшній составъ разсказа нисколько не обличаетъ выпуска : Святославъ , возвратясь въ Переяславецъ съ побѣдою и богатыми дарами , начинаетъ разсуждать : «что если избобѣютъ дружину мою вѣчаянно , хитростію ? лучше мириться и идти домой?» Какъ бы онъ могъ разсуждать такимъ образомъ послѣ страшныхъ пораженій и при голодѣ , который онъ терпѣлъ ? Какая тутъ хитрость , когда Греки нанесли ему явно сильное пораженіе ? Ясно , что вторая половина лѣтописнаго разсказа тѣсно связана съ первою , и выпуска никакого быть не можетъ. Наконецъ пристрастнаго разсказа во второй половинѣ мы должны ожидать уже по первой : если въ первой половинѣ выставляются одни побѣды Руссовъ и умалчивается о пораженіяхъ , то ясно , что будетъ умолчано о нихъ и во второй.

230) Подлѣ Килійскаго устья Дуная. См. статью Венелина — О соляномъ озерѣ Halmiris , въ чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. № 6 , годъ 1847.

231) И пища по немъ. — Если мы предпочтемъ это чтеніе , какъ труднѣйшее , то должны будемъ предположить какой-нибудь язычскій обычай.

232) Татищ. I, стр. 37.

233) По преданію , Святославъ по смерти отца остался малюткою (дѣтескъ) ; въ лѣтописи годомъ рожденія Святослава означенъ 942-й

Полн. Собр. Р. Л. I, 19); слѣдовательно въ 946 году, въ годъ смерти Горевои, Святославу было 4 года; не имѣемъ права отвергать преданіе, съ которымъ, какъ видно, сообразовался лѣтописецъ. Такъ совершеннолѣтіе Святослава и начало подвиговъ онъ полагаетъ въ 964 году, то есть, на 22-мъ году возраста — самая пора! Положимъ, что Святославъ могъ имѣть сына, будучи 19 лѣтъ, слѣдовательно въ 970 году, въ годъ распредѣленія волостей, Ярополку могло быть 9 лѣтъ, Мегу 8; что Владиміръ былъ малъ въ то время, объ этомъ имѣемъ предѣленное извѣстіе: онъ былъ, какъ малолѣтній, посланъ съ дядею Юрбнею въ Новгородъ; такимъ образомъ съ кормильцами могли быть посажены и другіе братья. Слѣдовательно въ годъ смерти Святославою, въ 972 году, Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ. Противъ этого вывода возражаютъ, приводя извѣстіе лѣтописи, что Святославъ приелъ Ярополку жену, плѣнную Греческую монахиню, слѣд. въ 970 году Ярополку не могло быть только 9 лѣтъ. — Но если мы встрѣчаемъ въ источникахъ два противорѣчивыя свидѣтельства, то должно или выбрать одно изъ двухъ, или, если можно, согласить ихъ; если бы не было возможности согласить двухъ вышеприведенныхъ извѣстій лѣтописи, то все мы предпочли бы преданіе о малолѣтствѣ Святослава по смерти отца, и о томъ, что онъ родился въ 942 году, ибо на этомъ преданіи основываются извѣстія о правленіи Ольги; возражатели не подумавъ, что, отвергая основаніе нашего вывода, они тѣмъ самымъ отвергаютъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ извѣстій; но дѣло въ томъ, что выборъ и нуженъ, ибо извѣстія легко согласить: изъ послѣдующихъ извѣстій мы знаемъ, что князья женили малолѣтнихъ дѣтей своихъ; и Святославъ могъ назначить для Ярополка Греческую плѣнницу, необыкновенной красоты, ибо если даже предположимъ ее совершеннолѣтнею въ 970 году, то разница лѣтъ при многоженствѣ ничего не значила. Мы взяли обыкновенный, общій возрастъ — 19 лѣтъ; но возьмемъ теперь исключеніе, самый меньшій возрастъ, въ который Святославъ могъ имѣть сына, возьмемъ 15 лѣтъ, тогда въ годъ распредѣленія волостей Ярополку будетъ 13, въ годъ отцовой смерти — 15 лѣтъ, другимъ братьямъ еще меньше — все еще необходимы кормильцы.

234) Полн. Собр. Р. Л. I, 131: яко Роговолоду держащую и владѣющую и князю Полотскую землю, а Володимеру сущу Новгородѣ, Гатьску сущу еще и погану, и бѣ у него Добрыня воевода, и храборъ, и нарядивъ мужъ. и съ посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Володимера.... Слышавъ же Володимеръ, разгѣвася о той рѣчи, оже рече: «не хочю я за робиича,» пожалися Добрыня и исполнися ярости.... и Добрыня поноси ему (Роговолоду) и дщери его, на-

рекъ ей робичица. и повелъ Володимеру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерью.

235) Дорогожичи между Вышгородомъ и Киевомъ; см. Полн. Собр. Р. Л. II, 100: Сняшася братья Вышегородѣ, и пришедше стаха на Дорогожичи подъ святымъ Кирилломъ. — «Кириловскій монастырь съ 1787 года составляетъ казенный домъ для содержанія увѣчныхъ и престарѣлыхъ инвалидовъ» (Берлинскаго—описание Киева, 116).

236) Эверсъ предполагаетъ, что Владиміръ считалъ своею обязанностию отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый изслѣдователь, обращая вниманіе только на отношенія Владиміра къ Олегу, упустилъ изъ виду отношеніе Владиміра къ Ярополку. Точно, по понятіямъ того времени Владиміръ долженъ былъ мстить за смерть брата, но кому? Принимая въ расчетъ родовыя отношенія, мы должны обращать вниманіе на совокупность этихъ отношеній, и не брать каждую порознь. Здѣсь дѣло идетъ между родными братьями, членами одной семьи; на каждого родича была возложена обязанность мести, и мечь была единственнымъ средствомъ защиты отъ насилій въ то время, когда каждый родъ смотрѣлъ на себя, какъ на отдѣльное цѣлое, когда каждый зналъ только свой родъ, и соблюдалъ только одни его интересы; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разныхъ родовъ, то ясно, что она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ; здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ дядѣ, братъ брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу; здѣсь всѣ дѣла рѣшались властію родоначальника или общимъ родовымъ судомъ. Такъ напримѣръ, когда Святополкъ Изяславичъ, наговорами Давида Игоревича, согласился на ослѣпленіе Василья; цѣлый родъ вооружился противъ него, родичи говорили, что если Василья действительно виновать, то Святополкъ долженъ былъ доказать предъ цѣлымъ родомъ его вину, и потомъ наказать. — Но могъ ли Владиміръ, оставшись вдвоемъ съ Ярополкомъ представителями рода, взять на себя право судить и наказывать старшаго брата? уже сама исключительность положенія не допускала опредѣленности правъ; Владиміръ могъ дѣйствовать только по чувству самосохраненія, если бы могъ дѣйствовать самостоятельно; но дѣйствовалъ Добрыня, который, выставивъ со стороны Владиміра чувство самосохраненія, стремился убить Ярополка, чтобъ сдѣлать своего племянника и питомца княземъ всей Русской земли. — Вотъ почему преданіе, говоря о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, молчитъ о правѣ или обязанности перваго отомстить за смерть Олега, тогда какъ прямо говорятъ, что Святополкъ у-

Ярославъ Ярополка къ войнѣ съ Олегомъ, желая отомстить за смерть своего сына. — Противъ нашего мнѣнія приводятъ слова Ярослава, сказанныя имъ о Святославѣ: «Не язъ почохъ избивати братью, но онъ; будетъ отмѣстникъ Богъ крове братья моего..., но суди ми Господи правдѣ.» Но здѣсь Ярославъ руководится другими, новыми христіанскими понятіями: съ своей стороны онъ, подобно Владиміру, выдѣляетъ только право защищаться, предупреждаетъ собственную пощель и считаетъ свое дѣло правымъ, молитъ Бога, какъ Мстителя за пролитую кровь, Карателя преступленій, помочь ему въ правомъ дѣлѣ. Приводятъ также событіе изъ конца XII вѣка, гдѣ братъ убійствомъ мститъ за убійство роднаго брата другому родичу; но конецъ XIII вѣка былъ уже временемъ распаденія родового быта. Приводятъ также желаніе князя Святослава Черниговскаго отомстить Всеволоду Рудольскому за обиду; но здѣсь нѣтъ никакого соотношенія съ нашимъ мнѣніемъ: линии Святослава и Всеволода (Ольговичи и Мономаховичи) давно уже находились въ открытой борьбѣ, родовая связь давно была между ними расторгнута; здѣсь дѣло шло между двумя независимыми дѣльцами, и дѣло шло не объ убійствѣ (см. Изслѣдов. А. Тюринина — цѣств. жизнь и проч. стр. 46, 47.)

237) Что у Святослава были если не родные, то двоюродные братья, указываетъ упоминовеніе племянниковъ Игоря въ договорѣ съ Греками, племянника Ольги при описаніи угощеній ея Константиномъ Багрянороднымъ; всего легче допустить, что этотъ племянникъ послѣдовалъ въ утрадѣ примѣру тетки, принявъ христіанство.

238) Татищ. I, стр. 38.

239) См. Краевд. рукоп. Zaboј, Slavoj, Ludiek.

240) Bedae Hist. I, II, с. 13.

241) Время письменнаго составленія преданія можно опредѣлить. Если говорить Владиміру: «Разъгнѣвася Богъ на отцы наши, и расшлѣ ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша нечестивомъ.» Палестина была предана не христіанамъ, но язычникамъ Римлянамъ, а въ описываемое время находилась во владѣніи Магометъ; слѣдовательно преданіе составлено окончательно и занесено въ рукопись въ то время, когда крестоносцы владѣли Іерусалимомъ. Откуда, откуда заимствованы мѣста, не находящіяся въ Библии, см. описаніе Русской Лѣтописи, соч. Сухомлинова, стр. 54 и слѣд.

242) См. Іудейско-Казарское преданіе въ отвѣтѣ Казарскаго царя къ Испанскому Еврею Равви Хисдай. — Чтенія Истор. Общ. 1847, т. 6.

243) Илар. въ прибавл. къ Твор. Св. Отц. 240. Паче же слышано о немъ всегда о благовѣрней земли Греческѣй, христомобивѣй же и

сильнѣй вѣроу, какъ единого Бога въ Троици чтутъ и кланяются; какъ въ нихъ дѣются силы и чудеса и знаменія; како церкви людей испу- нени, како веси и гради благовѣрни вси въ молитвахъ пригъжати; вси Богови предстоятъ.

244) Внося въ лѣтопись это преданіе, которое, какъ видно, состав- ляло одно цѣлое съ преданіемъ о проповѣдникахъ и объ извѣдываніи вѣрѣ (Владиміръ говоритъ императорамъ, что онъ уже испыталъ ихъ вѣру чрезъ посланныхъ отъ него мужей), лѣтописецъ выбралъ ея изъ нѣсколькихъ другихъ преданій, основываясь на свидѣльствѣ до- стовѣрныхъ людей, стариковъ, помнившихъ событіе, какъ наприимѣръ старецъ Янгъ. Другія преданія говорили, что Владимиръ крестился въ Кіевѣ, иныя, что въ Василевѣ, а нѣкоторые указывали на другія мѣста. Въ Торжественникѣ Румянц. Муз. подъ № ССССХХХV находится слѣ- дующее извѣстіе, котораго нѣтъ въ лѣтописяхъ: «Шедъ (Владиміръ) вѣа Корсунь градъ, князя и княгиню уби, и дщерь ихъ за Жидьбер- номъ. Не распутивъ полковъ и посла Ольга воеводу своего съ Жильбер- номъ въ Царьградъ къ царемъ просить за себя сестры ихъ.»

245) Никон. I, 92. И два болвана мѣдяны. Лѣтоп. Перевял. Суздаль. Яко жены образомъ медяны суще.

246) Тамъ же, I, 91.

247) Разумѣется, что Владимиръ, какъ отецъ, которому дорого бы- ло спасеніе дѣтей своихъ, прежде всего долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобъ семейство его было просвѣщено христіанствомъ; да и во всякомъ случаѣ естественно было Владимиру начать обращеніе съ сво- его семейства, и потомъ перейти къ остальнымъ; вотъ почему мы при- нимаемъ извѣстіе Татищевского свода (II, 74): «Какъ скоро Влади- міръ къ Кіеву пришелъ, немедленно учинилъ совѣтъ съ Митрополи- томъ, крестилъ 12 сыновей своихъ и вельможъ.» Съ этимъ согласны и Никон. и Степ. кн. Но въ Никон. испровеженіе идоловъ поставлено прежде крещенія сыновей, а у Татищева послѣ. Въ такъ называемой Тверской лѣтописи, находящейся въ Импер. Публич. Библиот., читаемъ слѣдующее преданіе о Рогнѣдѣ: «Посла (Владиміръ послѣ крещенія) къ женѣ своей Рогнѣдѣ, глаголя сице: азъ убо нынѣ крещенъ есмь, и прияхъ вѣру и законъ Христіанокій, подобаше ми едину жену имѣ- ти, ею же поялъ въ христіанствѣ. Избери убо себѣ отъ вельможъ ко- ихъ его же хочещи, да съчетаю ты ему. Она же отвѣщавши рече ему: или ты единъ хочещи царствіе земное и небесное въсприяти, а мнѣ ма- ло временныхъ сихъ и будущаго дати не хочещи. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же бывъ царицею, не хо- щю раба быти земному царю, ни князю, но уневѣститися хоццю Хри- стови, и въсприиму ангельскій образъ. Сынъ же ея Ярославъ сѣдаше у

ней, бѣ бо естествомъ таково отъ роженія. И слыша глаголы и отвѣты матери своей къ Володимеру, и въздохнувъ съ плачемъ глагола матери своей: О мати моя! воистину царица еси царицамъ и госпожа господамъ.... И отъ сего словесе Ярославъ вста на ногу свою, а прежде бо бѣ не ходилъ. • Рогнѣда постриглась и названа Анастасією.

248) Повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другія огневи предати (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. 1, 50). — Осѣчи относится, думаемъ, къ каменнымъ кумирамъ, огневи предати къ деревяннымъ.

249) Татищ. II, 74; Никон. I, 92. Я принимаю здѣсь извѣстія позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ по естественности разсказа: всякій согласится, что такъ должно было быть, что прежде надобно было предложить народу крещеніе, объяснить ему сколько-нибудь, въ чемъ состоитъ перемѣна, во что онъ долженъ отнынѣ вѣровать, и потомъ уже, когда явились упрямые, употребить приказъ съ угрозою, а не прямо заставлять идти всѣхъ къ рѣкѣ и дѣлать неизвѣстно что, какъ описывается въ сокращенныхъ лѣтописяхъ, хотя и дошедшихъ до насъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

250) Тат. II, 74: Множайшіе, размышляя, отлагали день за день.

251) Тамъ же.

252) Иларіонъ, стр. 241: И не бысть ни единогожь противящася благочестному его повелѣнію. Да еще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещалася: понеже бѣ благовѣріе его со властію сопряжено. — Въ Никон. стр. 92 почти тоже: И бѣ слово его со властію.

253) Какъ аспиды глухіе, затыкая уши свои, по выраженію лѣтописца. Тат. II, 75.

254) Иначе, думаемъ, нельзя понимать этихъ словъ: свершеніи же бродяху. Совершенъ въ вѣрѣ есть обычное выраженіе для крестившихся уже. Свершеніе не можетъ относиться къ возрасту, ибо прежде было сказано, что одни стояли по шею, другіе по грудь; надъ которыми совершалось таинство, должны были стоять, а не бродить.

255) На берегу — прибавлено въ Никон.: и несомнѣнно такъ.

256) Выраженіе, что князь велѣлъ строить церкви тамъ, гдѣ прежде стояли кумиры, и потомъ одинъ только примѣръ построенія на холму Перуновомъ, показываетъ, что лѣтописецъ не знаетъ другихъ мѣстъ въ Киевѣ, гдѣ еще стояли кумиры.

257) Мы, согласно съ Никон. лѣт. (1, 103, 105), приняли двѣ проповѣди для Новгорода: первую митрополита Михаила, вторую уже при митрополитѣ Леонѣ, Іоакима Корсулянина. Подробное сказаніе Іоакима нисколько не противорѣчитъ извѣстіямъ Никон. лѣтоп., хотя Іоакимъ разсказываетъ только объ одномъ обращеніи; но изъ его разсказа ясно, что онъ предполагаетъ другую проповѣдь, о которой молчитъ, ибо въ ней

не участвовалъ. На первую проповѣдь указываетъ прямо извѣстiе о христіанахъ въ Новгородѣ и о церкви Преображенія. Ясно также, что Добрыня съ Путятюю явились во второй разъ въ Новгородъ изъ Ростова, на что указываетъ ростовскій полкъ у Тысяцкаго Путяты.

• 258) Стр. 241: Не взгнушайся, аще и мало стадо.

259) Татищ. II, 78. Въ Никон. (1, 104) Владиміръ Волинскій смѣшанъ съ Клязменскимъ. — Татищ. въ примѣч. 196 говоритъ: «О построеніи Владиміра манускрипты № 1, 3 и 4 скажутъ, что построенъ на Волини, или въ Червенской Руси, но въ другихъ, не зная онаго, написали, яко бы на Клязмѣ, которой отъ Георгія сына Мономахова построенъ, и есть доказательство, что его Симонъ въ 1175 году пригородомъ Суздальскимъ именуеть. На Волини же во Владиміръ епископія при Владиміръ была, а на Клязмѣ до Георгія нигдѣ не упоминается, особливо въ войнѣ Мстислава съ Ольгомъ, если бы былъ, то бъ конечно надлежало мнѣ ити, и его упомянуть.»

260) Татищ. I, 38; II, 79. Іоакимов. лѣтопись называетъ Михаиломъ Богариномъ, Никон. — Сириномъ (1, 92).

261) См. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, стр. 89 и слѣд. Авторъ вооружается противъ Карамзина за то, что послѣдній представляетъ это дѣло какъ заведеніе училищъ съ болѣе обширною цѣлю, именно для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Обвиненіе, по нашему мнѣнію, несправедливое: во-первыхъ, Карамзинъ имѣлъ полное право сказать, что Владиміръ, введя грамотность, положилъ тѣмъ начало народному просвѣщенію въ Россіи; во-вторыхъ, авторъ приводитъ только и разсматриваетъ конецъ разсужденія Карамзина, опустивъ начало, гдѣ содержится мысль, вполне вѣрная: «Язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка, говоритъ Карамзинъ. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принудить совѣсти (?); но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтити Христіанъ. Чтобъ утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, Великій князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи.» Автору статьи, помѣщенной въ Studien, непременно хочется ограничить мѣру Владиміра одною цѣлю — приготовленіемъ священниковъ: но такое одностороннее толкованіе будетъ противно всѣмъ извѣстіямъ лѣтописей, ибо они говорятъ именно, что митрополитъ присовѣтовалъ эту мѣру для утвержденія вѣры, не упоминая о приготовленіи священнослужителей. Мысль просвѣщать книжнымъ ученіемъ для утвержденія въ вѣрѣ не могла быть нова для митрополита, присланнаго изъ Царьграда, который является главнымъ дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ. Авторъ означенной статьи воору-

жется противъ Карамзина за то, что послѣдній говоритъ объ училищѣ, тогда какъ, по его мнѣнію, училища заведено не было, а дѣтей отдали учиться по церквамъ у священниковъ; это мнѣніе справедливо, тѣмъ болѣе, что у Татищева (II, 76) читаемъ прямо то же самое: «Владимиръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное.» Здѣсь читаемъ, что нѣкоторые матери старались дарами откупать дѣтей отъ ученія.

262) Пищань рѣчка, въ 6 верстахъ отъ мѣстечка Пропойска; течетъ отъ запада къ востоку, и впадаетъ въ Сожъ. — Щекатова Георг. Словарь.

263) Antiquités Russes, I, 276, 278.

264) Карамз. I, примѣч. 436; Арцыбаш. I, примѣч. 206; Татищ. II, стр. 63. У Татищ.: «Владимиръ собралъ воинство великое, и Добрыню дѣя своего призвавъ съ Новгородцы, пошелъ на Болгаръ и Сербы; а самыми войска русскія, Торковъ, Вольнянъ и Червенскихъ послалъ прямо въ землю Болгарскую, объявить имъ многія ихъ нарушенія прежнихъ отца и брата договоровъ, — и причиненныя подданнымъ его людямъ, требуя отъ нихъ награжденія. Болгары же, не хотя платить того, но совокупившись со Сербы, вооружились противъ ему, и по востокѣмъ сраженіи побѣдилъ Владимиръ Болгаровъ и Сербовъ, и побили землю ихъ; но по просьбѣ ихъ учинилъ миръ съ ними, возвратился со славою въ Кіевъ, взятое же раздѣлил на войско, и отпустилъ въ дома ихъ.» — Самыя подробности разказа не позволяютъ отвергать его, особенно если мы поостережемся отвергнуть свидѣтельство Іоакимовой лѣтописи о крещеніи Владимира, непосредственно послѣ похода въ Болгарію и о содѣйствіи Болгаръ этому дѣлу; замѣтимъ, что и въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописи, разказъ объ крещеніи Владимира начинается непосредственно послѣ разказа о походѣ на Болгаръ. Замѣтимъ также, что слова — Низовые или Волжские обличаютъ составителя или переписчика лѣтописи, живущаго на северѣ, слѣдовательно позднѣйшаго, знавшаго только сосѣдей своихъ — Волжскихъ Болгаръ.

265) Никон. I, 106, 107.

266) Тамъ же, 110; Татищ. II, 87. Мемог. Popul. II, 1009, 1010.

267) Татищ. II, 89: «А по селамъ не ѣздитъ тіуномъ, вѣрникомъ, жившимъ и смердинъ продавать и отъ нихъ не купить.» — Вѣрность этого извѣстія не можетъ подлежать сомнѣнію: печати прямо указываютъ на греческій обычай, къ которому Русскіе привыкли въ Византіи; подробности указываютъ на древность.

268) Palacky, Dějiny narodu českého, I, 260.

Исторія Россіи Т. I.

269) Тамъ же стр. 255: Deinde ad aquilonalem hi sunt termini: Pevane, Chrovati et altera Chrovati (слѣдовательно Хорваты составляютъ границу).... Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Zür cum Krakova civitate, provinciaeque cui Vag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Krakova est.

270) Roepell, Geschichte Polens, I, 144.

271) Татищ. II, 77. Здѣсь, быть можетъ, кому-нибудь покажется подозрительнымъ извѣстie, что разбитый Мечиславъ едва уцѣлъ въ Крковъ, тогда какъ этотъ городъ еще не принадлежалъ ему; но онъ могъ захватить его временно, ибо въ то же время шла у него война съ Болеславомъ Чешскимъ. Извѣстie, находящееся у Татищева, подтверждается иностранными свидѣтельствами: Annal. Hildesh. ap. Leibnitz, Scriptae reg. brunsvic. I, 720, anno 992: «Otto rex cum valida suorum manu iterum Braunanburg adiit.... Bolizlaus vero Misachonis filius per se ipsum ad dominum regem venire nequaquam valens (imminebat quippe illi grande contra Rusianos bellum) suos satis fideliter milites in ministerium regis direxerat.

272) Въ Никон. (I, 104) подъ 922 годомъ упоминается о посланнѣ къ Владимиру отъ Болеслава.

273) Dithmari ep. Merseburg. Chronic. VII, 244.

274) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 54. Никон. I, 105.

275) Никон. I, 92, 106, 111. — У Татищева (II, 78) сказано, что патриархъ цареградскій, узнавъ о сношеніяхъ съ папою, увѣщевалъ Владимира прекратить ихъ, указывая на безнравственность папъ и отступленіе ихъ отъ обычаевъ вселенской церкви. — Есть извѣстie, что Императоръ Оттонъ III присылалъ въ Русь миссіонера Бруно, который будто бы склонилъ къ своему ученію нѣкоторыхъ Русскихъ; но прибывшій греческій епископъ совершенно уничтожилъ его успѣхи. См. Макарія — Исторія Христіанства въ Россіи, стр. 342, 343.

276) Кромѣ того въ Никон. списокъ упоминается о набѣгахъ Печенѣжскихъ въ 990 году: Печенѣги надѣлали много зла, но Владимиръ побѣдилъ ихъ; подъ 992 также побѣда; подъ 1001 побѣда богатырей. Видно, что въ сокращенныхъ спискахъ упомянуты только набѣги, въ чему-нибудь особенно замѣчательные: одинъ по битвѣ богатыря, другой по основанію церкви, третій по чудесному избавленію Бѣлгородъ. Есть также извѣстia въ Никоновскомъ списокѣ, что нѣкоторые печенѣжскіе и болгарскіе князья приходили креститься ко Владимиру (I, 92, 95, 103); есть извѣстie о смерти Печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками (I, 112). Наконецъ во всѣхъ спискахъ упоминается о набѣгѣ Печенѣговъ въ самое время Владиміровой кончины. — О Бруно и его извѣстii см. Русская Бесѣда, 1856, № 1.

- 277) Никон. I, 112. Христіан. Чтен. 1849, II, 323.
- 278) Тамъ же, 110.
- 279) Тамъ же, 111.
- 280) Тамъ же, 112.
- 281) Полн. Собр. Р. Л. I, 52.
- 282) Тамъ же, стр. 34.
- 283) Татищ. I, 40.
- 284) Полн. Собр. Р. Л. I, 57.
- 285) Тамъ же, стр. 34: Отъ Чехиѣвъ Вышеслава, а отъ другое Святослава и Мьстислава.
- 286) Тамъ же, стр. 55: Преставися Магьредь. Въ се же гьго преставися и Рогьгьдъ, мать Ярославля. — Ясно, что здѣсь говорится о двухъ жєнщинахъ, женахъ Владиміра. Татищ. II, 87: Преставися Магьреда, Чехиня, мать Святославля.
- 287) Соф. Врем. I, 87; Никон. I, 93; Соф. 80.
- 288) II, примѣч. 191.
- 289) Лѣтоп., содерж. Росс. Ист. отъ 852 — 1596 г. стр. 40: А трєхъ себя остави: бѣ бо млади, Станиславъ, Судиславъ, Позвиздъ.
- 290) II, примѣч. 184. Извѣстіе о томъ, что Борисъ и Глѣбъ были новья царевны Анны, находится не въ одной Іоакимовой лѣтописи. Оно находится въ такъ называемой Тверской лѣтописи, хранящейся въ Император. Публич. Библиотекѣ: «Быша у него (Владиміра) водивше рекше болшіа: Рогьгьдъ иже посади на Либеды въ селѣ идеже нынѣ словеть селце Предславино.... а отъ другіе Чехини Святослава и Станислава, Судислава, Болеслава. А отъ царевны отъ Анны Глѣба».
- 291) Такъ перевожу я здѣсь слово боляре, ибо здѣсь ясно, что они возполагаются убогимъ, и потому означаютъ вообще не убогихъ, а богатыхъ и знатныхъ.
- 292) Никон. I, 128.
- 293) Въ одномъ сборникѣ XV вѣка находится слѣдующее слово на имя Св. Бориса и Глѣба: «Слышите, князи, противящєся старѣйшей князю, и рать въздвижуца и поганя на свою братю возводяще! Не имать ти естъ Богъ на страшнемъ судици, како Святый Борисъ и Глѣбъ претерпѣсте брату своему нетокмо отъятие власти, но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете, и за малу обиду брату смертоносную въздвижете; помощь приимете отъ поганыхъ князю братю.» См: въ Москвит. № 12, годъ 1843. Или: «Видители, князи, коль высоко покореніе еже стежаста святая къ старѣйшему князю, си аще бо быста супротивлася ему едва быста такому дару Божию сподоблена отъ Бога, мнози бо суть нынѣ дѣтєски князи не-

покаряющихся старѣйшимъ и сопротивляющимся имъ и убиваемы суть ти не суть такой благодати сподоблены якоже святая сія. (Опис. Рум. Муз. стр. 204).

294) Повѣсть о смерти Бориса и Глѣба явно вставлена въ лѣтопись послѣ; иначе лѣтописецъ не сталъ бы снова повторять (въ концѣ стр. 60): Святополкъ же оканны нача княжити Киевѣ и проч.

295) Татищ. II, 97.

296) По нѣкоторымъ лѣтописямъ это былъ старинный воевода Владиміровъ; Волчій Хвостъ, побѣдитель Радимичей. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 209.

297) И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28 (Лавр.); бѣже тогда Ярославъ лѣтъ 28 (въ прочихъ спискахъ): — Ярославъ не могъ быть тогда (въ 1016 г.) 28 лѣтъ отъ роду, ибо это значило бы, что онъ родился въ 988 году, въ годъ принятія Владиміромъ христіанства и женитьбы на Аннѣ, тогда какъ мы знаемъ, что у Ярослава было много младшихъ братьевъ, рожденныхъ не отъ Анны, слѣдовательно рожденныхъ до принятія христіанства; онъ не могъ жить 28 лѣтъ въ Новѣгородѣ, ибо это значило бы, что онъ былъ отправленъ въ Новгородъ въ 988 году, но мы знаемъ, что въ этомъ году онъ былъ посланъ въ Ростовъ, а не въ Новгородъ, гдѣ княжилъ старшій братъ его Вышеславъ, умершій по Татищеву, въ 1010 году (II, 89), слѣдовательно лѣтописецъ подъ пребываніемъ въ Новгородѣ считалъ все время его пребыванія и съверъ, начиная отъ 988 года, подъ которымъ онъ помѣстилъ разсказъ сыновей Владиміровыхъ по волостямъ, полагаемую преданіемъ тотчасъ послѣ крещенія. Счетъ лѣтъ всей жизни Ярославовой (76 лѣтъ) также не вѣренъ, ибо если бы онъ умеръ въ 1054 году 76 лѣтъ, то онъ долженъ былъ бы родиться въ 978 году; но въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы быть сыномъ Рогнеды, а главное, былъ бы старше Святополка, въ случаѣ чего признаніе Св. Борисомъ послѣдняго старшимъ не имѣло бы смысла.

298) Dithmar. Mers. VII; 264; 265: «Urbs autem Kitava nimis valde ab hostibus Pedeneis hortatu Bolizloui crebra impugnatione conctitur et incendio gravi minoratur.» — О Киевскомъ пожарѣ упоминаютъ наши лѣтописи подъ 1017 годомъ (Полн. Собр. Р. Л. I, 62): подъ тѣмъ же годомъ упоминается о приходѣ Печенѣговъ подъ Киевъ и злой сѣчь съ ними. (Тамъ же, III, 210).

299) Карамз. II, примѣч. 40.

300) Одну изъ женъ Владиміровыхъ, неизвѣстно какую: Анна умерла прежде Владиміра, въ 1011 году.

301) О свѣтовствѣ за дочерей Владиміровыхъ см. Татищ. II, 90.

302) Татищ. II, 99.

303) Принимаю древнѣйшее чтеніе Ипат. ср. съ бою вмѣсто позднѣйшаго съ собою. Здѣсь говорится о плѣнникахъ, вѣзтыхъ при Бугѣ и въ томъ городѣ, который, по Дитмару, былъ взятъ приступомъ и жители его отданы въ рабство.

304) Мы слѣдовали въ своемъ разсказѣ Русскимъ лѣтописямъ и Дитмару. О распространенныхъ и украшенныхъ разсказахъ Польскихъ лѣтописцевъ см. у Карамзина II, примѣч. 10 и слѣд.; также у Roerell, Geschichte Polens, I, 7 Beilage.

305) Въ Новгородской лѣтописи сказано, что Ярославъ послѣ первой побѣды надъ Святополкомъ отпустилъ всѣхъ Новгородцевъ домой; въ Киевской (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 62) говорится, что въ походѣ противъ Болеслава были и Славяне, то есть Новгородцы; но ясно, что это не могли быть тѣ самые, которые привели Ярослава въ Киевъ: старосты, смерды и собственно граждане Новгородскіе не могли такъ долго оставаться на югѣ, вдали отъ семействъ своихъ; слѣд. если извѣстіе справедливо, то это былъ небольшой отрядъ верхнихъ воевъ, вытребованный Ярославомъ на помощь, или отрядъ охотниковъ, оставшихся на югѣ, чтобъ участвовать въ войнѣ Ярослава съ Польшею.

306) Полн. Собр. Р. Л. I, 62, 63. Какъ видно, это преданіе распространено и украшено въ послѣдствіи.

307) Теперь село на рѣчкѣ Руднѣ, впадающей въ Сновъ съ правой стороны, къ сѣверовостоку отъ Чернигова, верстахъ въ 40; верстахъ въ 25 отъ него есть другое село Малый Листвинъ (Арцыб. I, 16, 86).

308) Луда. Это слово принадлежитъ столько же Славянскому, сколько Германскому языку: въ Хорват. значить покровъ; luditi покрывать. См. Срезневск. Мысли объ исторіи Русскаго языка.

309) Ясно слѣдовательно, что у Ярослава были только одни Варяги, а Славянъ (Новгородцевъ) не было.

310) Былъ Городецъ подлѣ Кіева; былъ и недалеко отъ Чернигова (въ 26 верстахъ); вѣрнѣе, что миръ былъ заключенъ въ Киевскомъ. См. Арцыб. I, 16, 89.

311) Указываютъ на рѣку Судому или Судиму въ Псковской губерніи Порховскаго уѣзда. См. Арцыб. I, 15, 81.

312) Никон. I, 129: «А Брячиславъ бѣжане къ Полотску. И оттолкъ нѣтъ Кіева призва его къ себѣ, и вда ему два града; Свячь и Вибдескъ, и рече ему: буди же со мною одинъ.» — Выраженіе «буде же со мною одинъ» † можетъ показывать желаніе Ярослава заключить союзъ съ Брячиславомъ противъ Мстислава.

313) Geijer, Geschichte Schwedens, I, стр. 124, 126.

314) Думаютъ, что это лице могло быть тождественно съ Ягуномъ Сильнымъ Русскаго преданія. Вѣроятно однако, что это былъ простой

переводъ Скандинавскаго Накии, Наконъ; Наадеи — одноглазый, но странно было бы въ самомъ дѣлѣ видѣть слѣпаго въ вождѣ Варяжской дружины. См. Kunik, die Beruf. der Schwed. Rodsen, II, 172.

315) Воскрес. 1, 184; Никон. 1, 132; Соф. Врем. 1, 152.

316) Sjögren, Mém. de l'Acad. de S.-Petersb. VI Série, t. I, livr. 6, 1832. p. 513.

317) Тамъ же, 2 livr. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. стр. 272. На границѣ Устюжскаго уѣзда, въ сѣверо-восточномъ углу его, при устьѣ Вычегды въ Двину, жилъ, по народнымъ преданіямъ, народъ Гамъ или Емь.

318) Бельзъ — въ Сѣверовосточной Галиціи, при рѣкѣ Солокиѣ, впадъ въ Бугъ.

319) Никон. I, 138.

320) Византійскія извѣстія говорятъ, что по смерти Владиміра Св. какой-то родственникъ его прибылъ на лодкахъ въ Византію, сперва объявилъ намѣреніе вступить въ императорскую службу, потомъ тайно ушелъ изъ гавани, разбилъ Греческое войско, но былъ истребленъ Греками съ 800 товарищей. Быть можетъ, это былъ одинъ изъ сыновей Владиміровыхъ, изъ которыхъ многіе пропали безъ вѣсти; одинъ, Всеволодъ, погибъ въ Скандинавіи, по тамошнимъ извѣстіямъ.

321) По Греческимъ извѣстіямъ, императоръ два раза предлагалъ Владиміру миръ, обѣщаясь вознаградить за оскорбленіе, но Владиміръ слишкомъ много запрашивалъ (по 3 фунта золота на человѣка). Тогда Греки вступили въ морскую битву съ Русскими и зажгли ихъ корабли, къ этому несчастію присоединилась еще буря.

322) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 65: «Исступишася на мѣстѣ, идеже стоитъ нынѣ святая Софья, митрополія русская, бѣ бо тогда поле въ града.» — Слѣд. въ 1036 году церкви Св. Софіи еще не было, и подъ слѣдующимъ 1037 годомъ читаемъ: «Заложилъ Ярославъ городъ великій Кіевъ, у него же града суть златая врата; заложилъ и церковь Св. Софью, митрополію,» и проч. — Но въ другихъ спискахъ (Никон., Соф. врем. Воскрес. и др.) заложение церкви Св. Софіи отнесено къ 1017 году, послѣ перваго нашествія Печенѣговъ и битвы подъ Кіевомъ. Ясно, что это извѣстіе происходитъ отъ смѣшенія двухъ извѣстій о набѣгѣ Печенѣговъ, послѣ котораго была заложена крѣпость и церковь Св. Софіи. Теперь вопросъ: было ли два набѣга Печенѣжскихъ и двѣ битвы подъ Кіевомъ, или одинъ только, и если одинъ, то въ какое время — въ 1017 или въ 1036 году? По внимательномъ разсмотрѣніи двухъ извѣстій мы пришли къ мысли, что составители лѣтописныхъ сборниковъ, напримѣръ Никоновскаго, имѣли передъ глазами двѣ лѣтописи совершенно разныхъ редакцій, изъ которыхъ въ одной было

помѣщено извѣстіе о набѣгѣ Печенѣговъ въ 1017 году и построеніе послѣ того крѣпости и церкви, а въ другой, какъ въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ спискахъ, помѣщенъ былъ набѣгъ только подъ 1036 годомъ: составители позднѣйшихъ сборниковъ внесли въ нихъ и то и другое извѣстіе, не замѣтивъ противорѣчія, что во второмъ извѣстїи говорится о несуществованїи церкви Св. Софіи во время битвы. Теперь въ двухъ древнихъ лѣтописей, которая правильнѣе помѣщаетъ свое извѣстіе? та ли, которая помѣщаетъ набѣгъ Печенѣжскій въ 1017, или та, которая помѣщаетъ его въ 1036 году? Надобно думать, что первая, потому что съ нею согласенъ Дитмаръ относительно Печенѣжскаго набѣга. Въ Никон. (I, 129) еще подъ 1020 годомъ упоминается о набѣгѣ Печенѣжскомъ.

323) Владиміръ, старшій сынъ Ярослава, родился въ 1020 году, но Ярославу было тогда около 40 лѣтъ; не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ женатъ до Ингигерды; ясно, что Илья былъ отъ перваго брака и былъ уже въ 1019 году въ такомъ возрастѣ, въ какомъ могъ быть посаженъ на столъ Новгородскомъ, тѣмъ болѣе, что Владиміръ сажалъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ: посаженіе Ильи могло оскорбить Константина. Мы замѣтимъ также, что въ лѣтописи не упоминается объ участїи Новгородцевъ въ борьбѣ Ярослава съ Мстиславомъ.

324) Никон. I, 139, 140. Здѣсь прямо говорится, что Ярославъ поставилъ Русскаго митрополита «соблюдающагося отъ вражды и лукавства, якоже быша тогда.» Карамзинъ (II, примѣч. 49) неправильно толкуетъ слова Никонов. Сборника, какъ будто бы Русинъ былъ поставленъ потому, что въ то время была война съ Греками, и указываетъ, что во время поставленія войны не было. Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о современности поставленія Иларіонова и войны съ Греками; здѣсь просто сказано, что были съ Греками брани и нестроенія при Ярославѣ, и потому этотъ князь рѣшился поставить своего митрополита, чтобъ на будущее время избѣгать тѣхъ неспрїятностей, которыя были во время войны.

325) Это выраженіе лѣтописи отзывается глубокою древнѣстію.

326) Нельзя заключать, чтобъ Ярославъ самъ писалъ или умѣлъ писать, прямо сказано только, что онъ умѣлъ читать. Единственное число прекладаше (книги) замѣняется въ спискахъ множественнымъ прекладаша, но и единственное число нисколько еще не доказательство, что онъ самъ переводилъ и писалъ: оно могло быть очень легко употреблено вмѣсто: велѣлъ переводить и писать; мы говоримъ, что такой-то построилъ домъ, зная, что не самъ онъ строилъ, но архитекторъ и плотники.

327) Кромѣ походовъ на Чудь, Литву и Ятвяговъ, Никонъ упоминаетъ о походѣ на Ясовъ.

328) De administr. imper. c. IX Memor. popul. II, 985. Egrēduntur Ciabo, et in Oppida (?) proficiscuntur quae Gyra appellantur (αἰετῶνται εἰς τὰ πόλεις ἀ λευγαί Gyra) aut in sclabica loca Berbianorum Drangubitarum etc. У Дюканжа: Gyra — Circulationes, Circuitiones; въ члности Гирою называли выѣздъ чиновника изъ главнаго мѣста его служенія въ другія мѣста его же вѣдомства, собственно по дѣламъ службы, напр. объѣздъ провинціальнымъ начальникомъ городовъ своей провинціи. См. статью проф. Неволіна — о значеніи слова Гира, въ Финскомъ Вѣстн. 1847 № 8. Любопытно выраженіе въ летописи Переславы Суздальскаго при исчисленіи народовъ, платящихъ дань Русѣ «исконніи данници и конокрѣмци.»

329) Bandtkie — Historia pravae Polskiego, стр. 47.

330) Такъ говорили Мадыры при избраніи своего вождя Алмоса — Anonymus Belae R. notarius, c. V. VI. Ap. Schwandtner, Script. rer. Hung. I, 9.

331) См. Gaupp, die Germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen.

332) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы члены княжей дружины вовсе могли имѣть сель, населенныхъ военнопленными, купленными рабами или наймитами.

333) Древн. Русск. стихотвор. Кирши Данил. стр. 187.

334) Antiquités Russes t. I, p. 279. — Тоже видимъ у Польскихъ князей: каждый гость, хотѣвшій вступить въ службу къ князю, принимался съ радостію. См. Gallus p. 75.

335) Древ. Русск. стихотвор. стран. 138.

336) Ср. у Тацита: (Germ.) jam vero infame in omnem vitam et probrosum superstitem principi suo ex acie secessisse.

337) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

338) Срав. Тацита: Exigunt enim principis sui liberalitate illum beatorum equum, illam cruentam victricemque frameam. — Тоже явлено и въ дружинѣ Польскихъ князей; срав. Gallus, p. 71: не слугою, а сыномъ княжескимъ называлъ Болеславъ Храбрый дружинника, предложившаго служить ему изъ чужой страны, и если дружинникъ терять лошадь или другую какую-нибудь вещь, то князь снабжалъ его лихвою.

339) Gallus, p. 64. 39. У Болеслава Храбраго кромѣ столовъ для мелкихъ дворянъ ежедневно накрывалось 40 столовъ для знатнѣйшихъ дружинниковъ. Въ они, даже самые мелкіе дружинники являлись съ тяжелыми золотыми кольцами.

340) Соф. Врем. I, 10.

341) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 90.

342) Слово дружина происходитъ отъ другъ, а другъ отъ Санскритскаго дру — иду, слѣдую (удрать — убѣжать), см. Бусл. о вліяніи христ. на Славянскій языкъ, стр. 194. Слѣд. дружина есть товарищество, сборъ людей, идущихъ вмѣстѣ, по одной дорогѣ, откуда дорога или драга значить не только *via*, но и толпа, собирающаяся куда-нибудь, множество, свита (см. тамъ же стр. 51). Мы прибавимъ, что и Французское *route* въ древнемъ языкѣ значить дружина, отрядъ. Если наша дружина происходитъ отъ дру идти, то нѣтъ препятствія и Польское шляхта привести въ связь съ стариннымъ словомъ шляхъ — дорога, путь.

343) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 9: «и бяста у него два мужа, не племени его, но боярина.» Изъ этого ясно, что подъ мужами вообще разумѣлись и бояре. Или: «и посади мужъ свой,» значить посадилъ одного изъ своихъ, одного изъ дружины (I, 13); «А Ольга водила и мужей его на роту» (1, 19); «посла Игорь мужи своя къ Роману,» и т. д.

344) Слово бояринъ Славянское; о боярахъ Болгарскихъ упоминаетъ Феофанъ подъ 764 годомъ. У Сербовъ и другихъ племень находимъ также это слово. См. Срезнев. мысли объ исторіи Русск. языка стр. 131, и слѣд. съ Греческаго словомъ бояринъ или боляринъ переводится *ἀρχων*, см. древній переводъ Греческаго Василикона, изъ библ. Гр. Толстаго, привед. у Розенкампа: О кормчей книгъ, стр. 133.

345) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 131.

346) Грѣдь слово Славянское, Хорутанское грида значить громада, сборище, толпа, слѣд. дружина, см. у Срезнев. въ приведенномъ сочиненіи, стр. 139.

347) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 54.

348) Тамъ же, I, 57: Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшо и Вышегородскыѣ болярцѣ.

349) Тамъ же III, 14.

350) Тамъ же I, 161.

351) У западныхъ Славянъ огнищанинъ означалъ отпущенника (*libertus*), слѣд. въ обширномъ смыслѣ это слово означало первоначально домохозяина, но не раба, а свободнаго, какими именно были древніе отпущенники, находившіеся въ тѣсной связи съ домомъ прежняго господина, и однако переставшіе быть рабами.

352) Что тиунъ не былъ исключительно казначеемъ, какъ того хотятъ нѣкоторые, довольно привести слѣдующее: «Константинъ князь Полоцскій, нарицаемый безруки.... молвить попу: тиунъ неправду судить, мзду имѣеть, люди продаетъ (продажа имѣеть число судебное значеніе), мучить.... И рече погъ.... избираеть (князь) тиуна или

♦♦

кого волостеля мужа добра, праведна, по закону Божию вся творяща и судъ вѣдуща.» См. Розенкампа: О кормчей книгѣ, стр. 217.

353) «По семь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними.» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 24.) Тамъ же: «Яко улишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне.» Здѣсь прямо отличаются отроки — слуги отъ дружины.

354) Тамъ же I, 30: «Придоша (Греческіе послы) и поклонишася ему (Святославу), положиша предъ нимъ золото и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: схороните».

355) Тамъ же I, 32: «И придоша отроки Володимерови, и повѣдаше ему всю рѣчь Рогънѣдину». — Еще прямые указанія, что отроки составляли домашнюю прислугу князя I, 57 и слѣд. «и се слышавше вои, разошася отъ него (св. Бориса), Борисъ же стояше съ отроки своими.... И прободоша Бориса и слугу его, падша на немъ, прободоша съ нимъ; бѣ бо се любимъ Борисомъ. Бяше отрокъ съ родомъ сынъ утрескъ».

356) Тамъ же I, 55.

357) Тамъ же I, 66.

358) Тамъ же I, 64.

359) Тамъ же I, 98.

360) Тамъ же I, 19.

361) Тамъ же I, 53: «И приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: княже! суть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырьми есмь вышелъ, а онъ дома».

362) Подъ 1089 годомъ: «Воеводство держашу Киевскыя тысящи Яневи.»

363) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

364) Тамъ же I, 54. Что подъ именемъ верховныхъ или верхнихъ воевъ разумѣлись не Варяги (какъ думаетъ г. Погодинъ), но жители Русскихъ сѣверныхъ (относительно) земель, показываютъ извѣстія позднѣйшія, напр. подъ 1185 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 132): «и Великій князь Всеволодичъ Святославъ шелъ бяшетъ въ Корчевъ, и сбирашетъ отъ верхнихъ земель вои.» Или подъ 1148 годомъ (стр. 39): «А Ростиславъ да дары Изяславу что отъ верхнихъ земель и отъ Варягъ.» Здѣсь прямо верхнія земли отличаются отъ Варягъ.

365) Antiquités russes I, 278. Rex Valdimar eum praefectum constituit copiarum, quas ad regnum suum tuendum dimittere solebat.

366) Тамъ же, стр. 333.

367) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 64, 65.

368) Тамъ же I, 32: «падаху людье мнози, и удавиша кони чловѣци».

369) Тамъ же I, 66: «И потроша кони у вой Володимеръ».

370) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 25. Ольга говорить Древлянамъ: «А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы свои и землѣ своя.»

371) Тамъ же III: — Смердъ слово Славянское: въ Польскомъ Кошубскомъ Smird значитъ бѣдный селянинъ.

372) Мѣсто, найденное г. Бѣляевымъ въ уставѣ Великаго Князя Всеволода, хранящемся въ библиотекѣ г. Погодина. См. Исслѣдованія М. Погодина т. III стр. 408.

373) См. подробности въ сочиненіи профессора Калачова — Исслѣдованіе о Русской правдѣ, 1846 г.

374) Такъ напр. Великій Князь Изяславъ взялъ двойную виру за убійство своего стараго конюха, что записано въ Правдѣ уже какъ правило на будущее время: «А конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко оставилъ Изяславъ въ своемъ конюшѣ, егоже убилъ Дорогобудьцы.

375) Müller — Sagabibliothek, I, 344.

376) Вербъ — слово Славянское, означаетъ и физически и нравственно связь, вервь, веревка, союзъ, въ Сербскомъ врѣвникъ значитъ родной, въ хорут. свать Смотр. Срезнев. Мысли объ исторіи Русскаго языка. Врѣвникъ происходитъ отъ физич. вервь, веревка, какъ ужикъ отъ уже — веревка. Мы думаемъ, что наше общинное вервь получило названіе отъ верви, веревки, которую обыкновенно употребляли при земельномъ измѣреніи: «отняли, государь, у насъ деревенку въ карзинѣ курьи, дворъ и дворище; а пашни, государь, въ ней пять веревокъ» (Акты Юридическіе № 23); или въ правой грамотѣ 1535 года: «Ставь предъ судьями, старецъ Іона и отвѣтчики Панкратъ и его товарищи тако рекли: дайте господине намъ цѣловальника Гаврина Ивойлова земли вервити.... и старецъ Іона Панкрата и ево товарищовъ вду третехъ въ ихъ увервилъ: а во се господине память веревная передъ нами.... Память веревщикомъ вывервили въ Архангельской деревни поддружицадцаты веревки Горнихъ земель и Юрмолскихъ земель всихъ.» — Подобный обычай былъ въ употребленіи у многихъ народовъ: Израильтяне, Греки, Германцы, Скандинавы мѣрили земли также вервями: Ис. Навин. 17, 5, 14; Herod. I, 66, Strinnholm — Wikingszuge, I, 125. Какъ у насъ ния орудія мѣры вервь перешло и къ отмѣренной землѣ, такъ точно видимъ и у Евреевъ; въ книгѣ Исуса Навина читаемъ (17, 14): «Противу рѣша же сынове Іосифовы Исусу, глаголюще: почто наслѣдствовалъ еси насъ жребіемъ единымъ и ужемъ единымъ.» То же самое видимъ и у Римлянъ: у нихъ для измѣренія земель употреблялся шесть или жердь — pertica (perche), pertica же означаетъ и отмѣренную землю. — Вира также слово Славянское: въ Хорутанскомъ вира зна-

чить вольная оцѣнка, вольный переходъ, завирити — обязать задаткомъ; вировати — обвинить.

377) См. переводъ статьи Палацкаго — Сравненіе законовъ царя Стефана Душана, въ чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1846, № 2.

378) Рядъ земскаго Чешскаго права говорить ясно: *Credo quod juri recipiendi candens ferrum plus fuit institutum propter terrorem et poenam quam propter aliquam temptationem Dei, ut a talibus (criminibus) eo perterriti facilius cessarent.*

379) Древнія Росс. стихотворенія К. Данилова, стр. 67.

У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы....
Промежду собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя, —
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилась съ дѣтяти княженецкими,
Она больно Марина упивалась,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
А и я де обернула десять молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдыми турами» и проч.

Или, стр. 148.

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестной пирь,
Было столованье почестной столъ,
Много было у князя Владиміра
И князей и бояръ и княженецкихъ женъ.

380) Leo Diac. I. IX. Тѣло Владиміра спустили на землю на каменныхъ, проломавши полъ; такой обычай видимъ въ древней Скандинавіи. См. Weinhold's Altnordisches Leben, 476.

381) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 54: «Ночью же межю (двѣма) клѣти проймавше помость, и ужи свѣсиша на землю».

382) Тамъ же, стр. 35: «Онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ... и кликнуша и посѣкоша сѣни подъ ними».

383) Тамъ же: «И роуяша дворъ около его».

384) Тамъ же стр. 25: «Голуби же и воробьева полетѣша въ гнѣзды своя, ови въ голубники, воробьева же подъ стрѣхи; и тако възгараху голубники, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины».

385) Въ разсказѣ о кончинѣ Св. Владиміра говорится, что тѣло его повезли на саняхъ въ Кіевъ — 15 Іюля.

386) А цѣжь не составляла особаго кушанья, какъ думаютъ нѣкоторые.

387) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 55: «И приведоша я къ владыю, идѣ же цѣжь и почерпоша ведромъ и льяша въ латки.» — Въ другихъ спискахъ правильнѣе: «и льяша въ котлы», ибо въ латкахъ нельзя варить киселя.

388) И приде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють, хвощются, и удивися имъ.... и рече: «Дивно видѣхъ Словенскую землю; идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережгутъ е рамяно, совлокутъся и будутъ назн, и облѣются квасомъ усніянымъ, и возмутъ на ся прутье младое, быются сами и того ся добьютъ, егда влѣзуть ли живи, и облѣются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими нивимъ же, но сами ся мучать, и то творять не мовенъе себѣ, а мученъе.»

389) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 25; «Дѣлають нивы своя и земли своя.»

390) Тамъ же, стр. 36: «Но се ему (Владиміру) бѣ не любо обрѣзанъе удовъ, и неяденъе мясъ свинныхъ.»

391) Соф. Врем. I, 88: «Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци вести въ городъ.»

392) Никон. I, 130.

393) Любопытно извѣстіе о построеніи церкви Св. Георгія: «Блаженный и приснопамятны всея Руския земля князь Ярославъ, нареченный во святѣмъ крещеніи Георгій, сынъ Владимѣръ крестившаго землю Рускую, братъ же святаго мученика Бориса и Глѣба: се всхотѣ создати церковь въ свое имя Святого Георгія, да еже всхотѣ и створи; и яко начаша здати ю, и не бѣ многа дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва туна: почто не много у церкви стражущихъ? Тунъ же рече: понеже дѣло властелское, боятся людье трудъ подымше наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то авъ сице створю. И повелѣ куны возити на телегахъ въ коморы златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ да возмутъ кождо по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ.» См. Кіевлянинъ, кн. III, стр. 66. Печатный Прологъ, 26 Ноябрь.

394) Chron. p. 426: «in magna hac civitate.... plus quam quadringenta habentur ecclesiae et mercatus VIII; у Annalista Saxo, ann. 1018 означено только 300 церквей.

395) Hist. Eccles. I. II, с. 13.

396) Никон. I, 124. И погорѣ градъ и церквей много, яко до седми

соть. Здѣсь также явное преувеличеніе. — И въ Москвѣ говорятъ сорокъ сороковъ церквей, и точно считаютъ церкви сороками, но сороковъ вовсе не сорокъ.

397) О торговлѣ Русскихъ рабами въ Константинополѣ читаемъ въ чудесахъ Св. Николая: «И возьмъ литру золота, 70 и два златникъ, и всѣдъ на конь доѣха до торгу, идѣже Русьстін купци приходяще челядь продають.» См. Москвитянинъ 1845 г. № 12, статью: Нѣкоторые памятники Славянской письменности.

398) Ихъ требуетъ Императоръ отъ Ольги.

399) Мухам. Нумизматика Савельева, стр. XXIII.

400) Fraehn, Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischem Gelde in Russland, въ русскомъ переводѣ у Савельева Мухам. Нумизматика.

401) Авторъ Мухам. Нумизматики говоритъ: «За всѣ исчисленные товары (привозимые Руссами и Булгарами) Арабы, Персіяне и Хазарцы платили имъ наличными монетами царствующей династіи, или произведеніями своего края. Монеты были исключительно серебряныя, величиною отъ нашего двухъ-зотога до пяти-алтыннаго. Привозимыхъ товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за мѣстныя произведенія, и денежный балансъ оставался на сторонѣ Волги.» Можно сомнѣваться еще въ томъ, чтобъ товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за произведенія, привозимыя Русскими и Булгарами: въ обмѣнъ за мѣха, невольничковъ, яantarъ и цыновки, представлялся цѣлый рядъ Азіатскихъ товаровъ, имѣвшихъ всегда и вездѣ высокую цѣну (см. перечисленіе ихъ въ текстѣ); самъ авторъ приводитъ при этомъ извѣстіе, что за каждую бисерину зеленого бисера Русскіе платили по диргему, и раззорялись такимъ образомъ въ угоду женѣ своихъ. Далѣе, послѣ исчисления Азіатскихъ товаровъ, авторъ говоритъ: «Все это, какъ видимъ, преимущественно предметы роскоши, тогда мало извѣстной на сѣверовостокѣ Европы, и поэтому нисколько не удивительно, что потребленіе ихъ въ Россіи и при Балтійскомъ краѣ далеко уступало цѣнности мѣховъ, потребныхъ для Азіи.» — Но прежде самъ авторъ сказалъ, что и мѣха на Востокѣ составляли также предметъ роскоши, что шубы были почетнымъ одѣніемъ владѣтельныхъ и знатныхъ лицъ; не думаемъ, чтобы Азіатскія драгоцѣнности были мало извѣстны на сѣверовостокѣ Европы: самъ авторъ приводитъ извѣстіе, что Руссы раззорялись на зеленый бисеръ, другое извѣстіе говоритъ, что на мертвецѣ Русскомъ была парчевая одежда; если въ кладахъ вмѣстѣ съ Арабскими монетами находятъ и выше исчисленные вещи, то ясно, что онѣ были столько же извѣстны. Замѣтимъ также, что Руссы относительно мѣховою торговлѣю не пользовались монополіею, но имѣли сильныхъ соперниковъ въ Булгарахъ и

Буртасахъ: самъ авторъ говоритъ, что дороже всего цѣнились мѣха черныхъ или чернобурыхъ лисицъ, которыя называли Буртасскими по имени народа Буртасовъ; слѣд. чрезъ руки Руссовъ шли не самыя дорогіе мѣха.

402) Мухам. Нумизмат. XVII.

403) См. примѣчан. 20.

404) Мухам. Нумизм. СХХХ и слѣд. Авторъ замѣчаетъ, что Весь Бѣлозерская была такъ образована, что не имѣла нужды вести нѣмую торговлю. Но мы не имѣемъ основанія предполагать, что она была образованнѣе нынѣшнихъ Зырянъ, которые сохраняютъ тотъ же обычай (см. тамъ же); по незнанію языковъ другъ друга, необходимо должна была вестись нѣмая торговля.

405) На торговую связь съ Болгарами указываетъ лѣтописное извѣстіе подъ 1024 годомъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 64): «Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ (Суздальской), идоша по Волгѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожина.» Здѣсь указаніе и на путь по Волгѣ; впрочемъ здѣсь о купцахъ говорить нельзя, ибо прямо сказано: вси людье.

406) Исторія Русск. Церкви епископа Рижскаго Филарета, періодъ I-й, стр. 30.

407) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 64.

408) Тамъ же стр. 67. — О волшебныхъ повязкахъ или наузахъ см. статью Проф. Буслаева, въ Архивѣ историко-юридич. свѣд. изд. Н. Калачовымъ, стр. 2, отдѣлен. IV.

409) «Къ симъ же и датися веля на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель.»

410) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 66.

411) См. о началѣ монашества въ Россіи; въ прибавленіи къ Твореніямъ Св. Отцевъ, годъ VIII, кн. 4.

412) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.

413) См. о началѣ монашества въ Россіи въ приведенномъ выше мѣстѣ.

414) См. статью Проф. Неволина о церковномъ судѣ въ Россіи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1847 года.

415) «Крестъ посякутъ или на стѣнахъ рѣжють»; вариантъ: «или на стѣнахъ трески емлютъ, и со креста.» Объясненіе въ переводѣ Герберштейна: Et qui ad incantandum de imaginibus sanctorum aut statuae crucis quisquam avulserint.

416) Тайныя роды убійствъ посредствомъ волшебства, зелейничества.

417) Отношенія матери къ дѣтямъ всего лучше указаны въ отно-

шеніяхъ матери Св. Феодосія къ сыну: по смерти мужа она наследовала всю его власть надъ сыномъ.

418) Такъ напр. если онъ гусается.

419) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 53. Въ церковномъ уставѣ: «Создавъ церковь Св. Богородица десятинную и дахъ ей десятину по всей землѣ Русьстей: изъ княженія въ Соборную церковь отъ всего княжа судъ десятую вѣкъшу, а и съ торгу десятую недѣлю, а и съ домовъ на всяко гѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита.»

420) Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ, годъ 2-й, книга 2.

421) Древн. Рос. стихотв. стр. 249.

422) Тамъ же стр. 45.

423) Тамъ же стр. 62.

424) См. это преданіе въ исторіи Русской Словесности Проф. Шенурова, вып. I, стр. 193.

425) Тамъ же стр. 199.

426) Тамъ же стр. 216.

427) Не Буртасскихъ ли?

428) Древн. Рос. стихотвор. стр. 3, 4.

429) Тамъ же стр. 24.

430) Тамъ же стр. 159.

431) Тамъ же стр. 96.

432) См. у Маѣвскаго въ Polska. — Я въ своемъ вольномъ переводѣ соединилъ двѣ пѣсни, сходныя другъ съ другомъ въ главныхъ чертахъ; вотъ онѣ:

1.

Iszly molodci rano zcercowci
 Oj iszly iszly radu radyly,
 Radu radyly ne jednakoju,
 Ne jednakoju, a trojakoju:
 Oj chodmoz my do kowalczyka
 Do kowalczyka do zolotnika,
 Pokujmoz sobi midiani czowna,
 Midiani czowna, zoloti wesla,
 Oj pustimez na tychyj Dunaj
 Doliw Dunajem pid Carchorod,
 Oj czuemo tam dobroho pana
 Szczo platyt dobre za zasluzenku
 Oj daje na rik po sto czerwonych
 Po sto czerwonych po konykowy,
 Po konykowy, taj po szabelci
 Taj po szabelci, po pari sukon,
 Po pari sukon, tai po szapoczi,
 Taj po szapoczi, taj po panoczczi.

2.

Oj w czystim poly blysko dorohy
 Stajal namet, bili szowkowi:
 A w tych nametach vse hromadowe
 Radonku radiat koby wradyly:
 Oj ne sprawlaimo na żony szuby
 Na żony szuby na doczky zloto
 Ale sprawlajmo midiani czowna,
 Midiani czowna sribruji wesla,
 Ta puszkajmo na kraja Dunaja,
 Czuiemoz my tam dobroho pana,
 Dobroho pana, a pana Petra
 Szczu platyt dobre za zaslużenku,
 Oj daje na rik po stu czerwonych,
 Po konykowy po woronomu,
 Po żupanowy po kitajewu,
 Po jasni strilci po krasny diwci.

Въ прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Академіи Наукъ напечатана была про Василису Даниловую, въ которой можно найти намекъ на похищеніе Владиміра до крещенія, какъ объ немъ свидѣтельствуешь г-то-сь; потомъ можно найти слѣды смутнаго преданія объ усобицахъ между Кіевомъ и Черниговомъ; любопытно, что Кіевская рать называется силою Русскою.

433) Подробности о духовныхъ стихахъ см. въ исторіи Русской Словесности Проф. Шевырева, вып. 1-й, стр. 235 и слѣд.

434) Много говорятъ о завоеваніи и незавоеваніи, полагають главное отличие исторіи Русской отъ исторіи западныхъ европейскихъ государствъ въ томъ, что тамъ было завоеваніе одного племени другимъ. у насъ его не было. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, одностороненъ: проводя параллель между западными европейскими Государствами и нашимъ Русскимъ, преимущественно обращаютъ вниманіе на Францію, Англію, упуская изъ виду Германію, Скандинавскія государства ближайшія къ намъ государства Славянскія: здѣсь одно племя не было завоевано другимъ, и между тѣмъ исторія этихъ государствъ столько же различна отъ исторіи нашего, сколько различна отъ нея исторія Франціи и Англіи. Ясно, слѣдовательно, что въ одномъ отсутствіи завоеванія нельзя искать объясненій главному различію; прежде всего можно искать его въ первоначальныхъ отношеніяхъ призваннаго начала въ призвавшихъ, отношеніяхъ, условленныхъ первоначальнымъ бытомъ племени: дойдя эти племена въ родовомъ бытѣ до кланскаго устройства, нѣтъ наследственное старшинство, ставъ эти наследственные старшины родовъ съ земскимъ значеніемъ около князя — исторія приняла бы

совершенно другой видъ, хотя бы также не было завоеванія. Дружина имѣла у насъ другой характеръ, чѣмъ на Западѣ, но этотъ характеръ могъ бы измѣниться, если бы у насъ на Руси произошли такія же явленія, какія имѣли мѣсто въ Польшѣ послѣ Болеслава Храбраго, еслибы Русскіе дружинники приобрѣли скоро значеніе богатыхъ земельныиъ владѣльцевъ и областныхъ правителей: а это значеніе они могли приобрести и безъ завоеванія, въ слѣдствіе одного служебнаго своего характера, въ слѣдствіе пожалованій княжескихъ. И такъ рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ, различіе ощутительное въ самомъ началѣ, не можетъ объясняться только отсутствіемъ завоеванія, но многими различными причинами, дѣйствующими и въ началѣ, и во все продолженіе исторіи: на всѣ эти причины историкъ долженъ обращать одинакое вниманіе, если не хочетъ заслужить упрекъ за односторонность.

435) См. Срезневскаго — Мысли объ исторіи Русскаго языка. Слова, которыя до сихъ поръ считались Скандинавскими, оказываются числ. Славянскими, таковы: безмѣнь, вервь, вира, верста, Господь, гость, гридь, дума, Князь, луда, людъ, мечь, мыто, навь, нети, обѣль, огищанинь, смердъ, теремъ, якорь.

436) Михайлова — Исторія образованія и развитія системы Русскаго гражданского судопроизводства, стр. 22.

437) Такъ какъ подобный взглядъ преимущественно выраженъ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина, то мы не можемъ здѣсь не обратить на нихъ вниманія. Въ послѣсловіи къ третьему тому своихъ Изслѣдованій г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: «Варяги, въ продолженіи періода, разсмотрѣннаго нами (862—1054), были почти совершенно отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ — они жили вмѣстѣ, но не сплавились, не составили одного народа; это были двѣ рѣки, которыя пали одна въ другую, но еще не слили водъ своихъ. Варяги имѣютъ свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляютъ ее. Такъ я и рассматривалъ ихъ. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было болѣе наружное: они образовали государство. Укажу для пояснительнаго сравненія на нынѣшніи Нѣмцевъ и Латышей съ Чудью въ остзейскихъ губерніяхъ. Славяне платили дань, работали и только, а впрочемъ жили по прежнему. Вліяніе Славянъ на Варяговъ было болѣе внутреннее, которое обнаружилось вполне уже въ слѣдующемъ періодѣ. Тогда оба эти племени соединились въ одинъ народъ, т. е. Варяги сдѣлались Славянами, приняли ихъ языкъ, хотя и оставались ихъ правительствомъ. Тогда получаютъ они одну общую исторію.»

Варяги имѣютъ свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляютъ ее. Славяне платили дань, работали только, а впрочемъ

жили по прежнему: вот основная мысль г. Погодина! Начальная Русская история есть История Варяговъ, по его мнѣнію; посмотримъ, вѣренъ ли этотъ взглядъ. Начальная Русская история открывается тѣмъ, что нѣсколько племенъ Славянскихъ и Финскихъ соединяются и призываютъ князя изъ Варяговъ, князь приходитъ съ дружиною, составленною изъ его соплеменниковъ. Кто соединился, кто положилъ основы государству, кто призвалъ правительственное начало? Славяне и Финны, или Варяги? чья же история начинается здѣсь? Самъ г. Погодинъ утверждаетъ, что Варяги явились у насъ съ характеромъ не завоевательнымъ, а служебнымъ, кому же они пришли служить? Князю племенъ Славянскихъ и Финскихъ, они пришли служить исторіи этихъ племенъ, участвовать только въ ней, а не составлять ее исключительно. Князь племенъ сѣверныхъ—Славянскихъ и Финскихъ движется на югъ, подчиняетъ себѣ, сосредоточиваетъ тамъ живущія племена; чьими же силами совершаетъ онъ это? Силами однихъ Варяговъ? Нѣтъ, силами всѣхъ сѣверныхъ племенъ; князь идетъ на Византию — съ одними Варягами? нѣтъ, со всѣми Славянскими племенами. Въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными при Владимірѣ и Ярославѣ, сѣверныя племена даютъ торжество своимъ князьямъ надъ южными; Варяги участвуютъ въ этой борьбѣ какъ наемники только, такъ такъ съ другой стороны участвуютъ въ ней Печенѣги. Во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ—нужно ли переимѣнить вѣру, нужно ли измѣнить законъ, туземное народонаселеніе чрезъ своихъ старцевъ дѣйствуетъ наравнѣ съ дружиною; значить ли это, что Славяне только работали и платили дань? однимъ словомъ и въ событіяхъ внѣшнихъ, въ походахъ, завоеваніяхъ, и въ жизни внутренней, Славяне составляютъ свою исторію, Варяги являются въ ней только участниками, служебниками. Славяне только работали и платили дань, а впрочемъ жили по прежнему, говорить г. Погодинъ. Какъ! быть Славянскихъ племенъ не измѣнился нисколько послѣ призванія князя въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ? За чѣмъ же они призывали князя, какъ не за тѣмъ, чтобы выйти изъ прежняго быта въ новый. Вся переменна ограничилась тѣмъ, по словамъ г. Погодина, что прежде одни Славяне платили дань Варягамъ, а другіе Кочеврамъ, теперь же всѣ начали платить однимъ Варягамъ. Далѣе г. Погодинъ говоритъ, что слитіе Варяговъ съ Славянами произошло уже въ слѣдующемъ періодѣ. Но вопросъ состоитъ въ томъ, кому было сдаться, много ли было этихъ Варяговъ, которые величаются племенемъ и противопоставляются племени Славянскому? Варяги находились въ дружинѣ княжеской, но самъ г. Погодинъ (III стр. 401) говоритъ, что первоначальная дружина, первые бояре, внуки Варяговъ, пришедшихъ съ Рюрикомъ, положили головы свои въ войнахъ Свято-

слава; Владиміръ привелъ съ сѣвера толпу наемныхъ Варяговъ, изъ которыхъ выбралъ только нѣсколько мужей, давши имъ держать пограничные острожки (такъ обыкновенно употребляли Варяговъ для пограничной стражи), остальныхъ выпроводилъ въ Грецію; но при князѣ должна была находиться дружина, которая противопоставлялась наемнымъ Варягамъ; изъ кого же набрана была эта новая дружина, эти знаменитые богатыри Владиміровы? Что эта новая дружина состояла преимущественно изъ туземцевъ, указываютъ имена богатырей, какъ они занесены въ лѣтопись, какъ сохранились въ пѣсняхъ и сказкахъ; при Ярославі видимъ двухъ главныхъ воеводъ — Выпату, имя славянское, и Творимирича, у этого даже и отечество Славянское.

Отправившись отъ невѣрной мысли объ исключительной дѣятельности Варяговъ во все продолженіе первыхъ двухъ вѣковъ нашей Исторіи, г. Погодинъ естественно старается объяснить всѣ явленія изъ Норманскаго быта. Посылаетъ Рюрикъ мужей своихъ рубить города, чтобы удобнѣе держать въ подчиненіи окружныя племена — это Норманскій обычай, какъ будто всѣ народы не поступали одинаково при подобныхъ обстоятельствахъ, Русскіе въ Сибири, Испанцы въ Америкѣ и проч. Сажаетъ князь вмѣсто себя мужей по городамъ — это ярлы Скандинавскіе, посаженные творить судъ и собирать дань: какъ будто славянскіе князья не могли точно также распорядиться. Рюрику наследуетъ сынъ или родственникъ — Скандинавскій обычай: въ Скандинавіи благородство уважалось очень много, какъ будто въ другихъ странахъ оно не уважалось, и какъ будто призваніемъ племенамъ не необходимо была наследственность въ одномъ родѣ Рюрика для избѣжанія прежнихъ усобицъ? При желаніи видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ, г. Погодину естественно не нравится частое упоминовеніе лѣтописца объ участіи Славянскихъ племенъ въ походахъ княжескихъ, и потому онъ, въ слѣдъ за Полевымъ, не хочетъ принимать словъ лѣтописца въ строгомъ смыслѣ; но спрашивается, что тутъ въ извѣстіи лѣтописца невѣроятнаго, не естественнаго для всякаго, кто будетъ смотрѣть прямо, безпристрастно на ходъ событій, безъ упорства видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ? На какомъ основаніи можно осмѣливаться не принимать этихъ извѣстій лѣтописца въ строгомъ смыслѣ? Г. Погодинъ говоритъ, что нигдѣ болѣе въ древней лѣтописи нѣтъ слѣдовъ заключать, чтобы туземцы, т. е. земледѣльцы употреблялись на войну: но мы въ текстѣ показали противное на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Пропустивъ безъ вниманія мѣсто Русской лѣтописи, гдѣ говорится о томъ, что войско Ярослава состояло и изъ смердовъ, г. Погодинъ не захотѣлъ умолчать о тождественномъ извѣстіи Скандинавскаго источника, Эймундовой Саги, гдѣ говорится, что

въ Ярославѣ собралась ближняя рать изъ вольныхъ поселянъ; какъ же
 бы? Г. Погодинъ не усумнился утвердить, что если у насъ были
 вольные поселяне, то разумеется Варяги—Русь, которые поселились у
 насъ и заняли пустопорожнюю землю. Но откуда взято, что Варяги
 жили у насъ въ качествѣ земледѣльцевъ, и какъ предположить,
 чтобы не было свободнаго сельскаго народонаселенія у Славянъ? по-
 этому этого нужно предположить, что все народонаселеніе страны Иль-
 мьскихъ Славянъ сосредоточивалось въ одномъ Новгородѣ? Важное
 замечаніе для г. Погодина представляю также то обстоятельство,
 что Варяги—Скандинавы кланяются Славянскимъ божествамъ, и вотъ,
 чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ дѣлаетъ Перуна, Волоса и дру-
 гія Славянскія божества—Скандинавскими. Благодаря той же послѣ-
 довательности Русская Правда является Скандинавскимъ закономъ,
 а нравы и обычаи Русскіе объясняются нравами и обычаями Скли-
 навскими.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

ГЛАВА I-я.	Природа Русской государственной области и ея влияніе на исторію.....	1
ГЛАВА II-я.	Быть и судьба народовъ, населявшихъ нынѣшнюю Русскую государственную область, до явствен- наго появленія въ ней племенъ Славянскихъ..	26
ГЛАВА III-я.	Славяне и другія племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, ихъ бытъ и судьба до половины IX вѣка.....	42
ГЛАВА IV-я.	Призваніе Варяговъ—Руси сѣверными племенами Славянскими и Финскими; обзоръ состоянія Европейскихъ народовъ, преимущественно Сла- вянскихъ, въ эпоху призванія князей.....	91
ГЛАВА V-я.	Первые князья — Рюрикъ, Олегъ, Игорь.....	102
ГЛАВА VI-я.	Ольга, Святославъ; событія по смерти Святослава до утвержденія Владиміра въ Кіевѣ.....	127
ГЛАВА VII-я.	Владиміръ Святый, Ярославъ I-й.....	173
ГЛАВА VIII-я.	Внутреннее состояніе Русскаго общества въ пер- вый періодъ его существованія.....	235
	Примѣчанія.....	311

ИСТОРИЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ

(Печатано съ изданія 1856 года.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 19 Октября, 1861 года.

Цензоръ И. Безсомыкинъ.

ГЛАВА I.

О КНЯЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ВООБЩЕ.

Завѣщаніе Ярослава I-го. Неразрывность рода. Значеніе старшаго въ родѣ или Великаго Князя. Права на старшинство. Потеря этихъ правъ. Отчина. Отношеніе волостей младшаго князя къ старшему.

По смерти Ярослава I-го осталось пять сыновей, да внуки отъ старшаго сына: его Владимира; въ Полоцкѣ княжили потомки старшаго сына Владимира Святлаго; Изяслава; всѣ эти князья получаютъ извѣстныя волости, размножаются; отношенія ихъ другъ къ другу являются на первомъ мѣстѣ въ разсказѣ летописца; каково же рода были эти отношенія?

Въ западной Латино-Германской Европѣ господствовали въ это время феодальныя отношенія; права и обязанности феодальныя владѣльцевъ относительно главнаго владѣльца въ странѣ, намъ извѣстны; въ другія Славянскія страны между старшими князьями и меньшими господствуютъ тѣ же отношенія, какія и у насъ въ Русь; но ни у насъ, ни въ другихъ Славянскихъ земляхъ не осталось Намѣстника, въ которомъ бы изложены были всѣ права и обязанности князей между собою и къ владѣльцу князю; намъ остается одно предположеніе узнать что необходимо между княжескихъ отношеній искать въ летописяхъ — имѣть въ виду каковыя нибудь указанія на эти права и обязанности князей, послушать, не скажутъ ли намъ чего нибудь сами князья о тѣхъ привадахъ которыми они руководились въ своихъ отношеніяхъ.

Общимъ предначальникомъ почти всѣхъ княжескихъ племенъ (или) былъ Ярославъ I-й; которому приписываютъ пер-

вый письменный уставъ гражданскій, такъ называемую Русскую правду; посмотримъ, не далъ ли онъ какого-нибудь устава и дѣтамъ своимъ, какъ вести себя относительно другъ друга? Къ счастью лѣтописецъ исполняетъ наше желаніе, у него находимъ предсмертныя слова, завѣщаніе Ярослава своимъ сыновьямъ. По словамъ лѣтописца, Ярославъ передъ смертію сказалъ имъ слѣдующее: «Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами, онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они приобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга; свой столъ—Кіевъ поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу: слушайтесь его, какъ меня слушались, пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня.—Раздавши остальные волости другимъ сыновьямъ, онъ наказалъ имъ не выступать изъ предѣловъ этихъ волостей, не выгонять изъ нихъ другъ друга, и обратясь къ старшему сыну, Изяславу, прибавилъ: «Если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному.»

Вотъ всѣ наставленія, всѣ права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ Государя всей страны; выставляются на видъ одна связь родственная, одни обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ помину. Любите другъ друга и не ссорьтесь, говоритъ Ярославъ сыновьямъ, потому что вы дѣти одного отца и одной матери; но когда князья не будутъ больше дѣтьми одного отца и одной матери, когда они будутъ двоюродные, троюродные, четверюродные и т. д. братья, то по какимъ побужденіямъ будутъ они любить другъ друга и не ссориться? Когда связь кровная, родственная ослабѣетъ, исчезнетъ, то чѣмъ замѣнится она? Замѣны нѣтъ, но за то родовая связь крѣпка: не забудемъ, что Ярославичи владѣютъ среди тѣхъ племенъ, которыя такъ долго жили подъ формами родового

быта, такъ недавно стали освобождаться отъ этихъ формъ. Пройдетъ вѣкъ, полтора вѣка, князья разможатся, племена (линіи) ихъ разейдутся, и, не смотря на то, всѣ они будутъ называть себя братьями, безъ различія степеней родства; въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ отношеніяхъ мы не встрѣтимъ названій: двоюродный или троюродный братъ, Русскій языкъ до сихъ поръ не выработалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, какъ выработали языки другихъ народовъ. Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ, слѣдовательно каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ родъ князей Русскихъ, не смотря на все свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками, и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей¹, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ², раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ³. Младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду⁴, и ходить въ его послушаньи, являться къ нему по первому зову⁵, выступать въ походъ когда велить⁶. Для обозначенія отношеній младшихъ князей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стрелки старшаго⁷, имѣлъ его господиномъ, былъ въ его волѣ⁸, смотрѣлъ на него⁹.

Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: младшій долженъ былъ имѣть старшаго отцемъ въ правду, слушаться его какъ отца, старшій обязанъ былъ любить младшаго какъ сына, имѣть весь родъ какъ душу свою¹⁰; всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовію съ обѣихъ сторонъ, родственною любовію между

четвероюродными, например! Но какъ скоро это условіе меззало, то вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другаго отношенія, кромѣ родового, не было; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ; если же они вѣдали противное, то вооружались: «Ты намъ, братъ, старшій, говориши онъ тогда:—но если ты насъ, обижаешь, не даешь долостей, то мы сами будемъ искать ихъ¹¹»; или говорили: «якъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣетъ жить¹²». Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей, отъ него полученныхъ; и послалъ сказать ему: «Ты насъ гонишь изъ Русской земли, берешь нашей вины... Мы до сихъ поръ чтимъ тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не идешь къ князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми¹³», — и прибѣгаютъ къ суду Божію, т. е. къ войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознаніе тѣхъ отношеній, какихъ наши древніе князья хотѣли между собою и своимъ старшимъ, потому что здѣсь они противопоставляютъ эти отношенія другимъ, какихъ они не хотѣли: обращаясь съ нами, какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками; — а здѣсь ядро и доны родковыя отношенія противопоставляются государственнымъ. Такъ высказывали сами князья сознаніе своихъ взаимныхъ отношеній; теперь посмотримъ, какъ выражалось понятіе о княжескихъ отношеніяхъ въ остальномъ народонаселеніи, какъ выражалъ его летописецъ, представитель своихъ грамотныхъ современниковъ: однажды младшій князь не послушался старшаго, завелъ съ нимъ вражду; летописецъ, осуждая младшаго, говоритъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязанностей; но какъ же, шестнадцать лѣтъ эти обязанности: «дурно поступилъ этотъ князь, говоритъ Мст., поднявши вражду противъ дяди своего, и потомъ противъ тестя своего¹⁴». Въ глазахъ летописца князь дурно поступилъ, потому что нарушилъ родовыя обязанности относительно дяди и тестя, — и только.

Въ случаяхъ, когда выгоды младшихъ не затрогивались, то они обходились очень почтительно съ старшимъ; если старшій

лаврашии какъ по совету князя старому, то князь старшій считалъ это для
 себя большою честью, и поврился «Брати! ты меня старше:
 — какъ раниши, такъ я оты и буду», и тогда именовалъ твое
 — волю: «риже ты двавши яви чести», «риши явше мове и ни
 — уи родо избытии думалъ»¹⁷, и проч. Но другое дѣло, когда за-
 — трагивались выгоды младшихъ князей, еслибы старшій взду-
 — малъ оставить: въ названіи жели отцомъ: и какъ отецъ, и нѣю
 — права: на названіи: ваетъ, — то, разуветен, младшій: «бывае бы
 — онъ: разв: хоршій: отецъ: наказываетъ: безъ: ваны: дѣтей: бво-
 — нхъ: обиди: вину, и тогда: «оказалъ. Тамъ, узнавши: обь: «свѣ-
 — кланіи: Василья: Мономаха: и: Святослави: послали: «казати
 — «Святославу, своему: старшему: «бачишь: ты: обидилъ: своего
 — брата? еслибы: даже: онъ: былъ: виноватъ, то и тогда ты долженъ
 — былъ: обличитъ: его: передъ: нами: и, доказавъ: вину, наказати
 — его»¹⁸. Старшій: раздавалъ: волости: младшимъ; когда: онъ: былъ
 — действително: отецъ, то распоряжался: втомъ: раздѣчю: по: про-
 — зволу, распоряжался: при: жизни, завѣщавалъ, «чтобъ: и: по
 — смерти: его: было: такъ, а: не: иначе; но: когда: старшій: былъ
 — только: отецъ: названный, то онъ: не: могъ: распоряжаться: по
 — произволу, потому: что: при: малѣйшей: обидѣ: младшій: считалъ
 — себя: въ: правѣ: вооруженно: рукою: доставитъ: себя: должне,
 — вообще: старшій: не: предпринималъ: ничего: безъ: совѣта: съ: млад-
 — шими, а: крайней: стрѣ: съ: ближайшими: къ: себе: по: старшин-
 — ству: эти: обь: «свѣ: кланіи: множественныя: формы: въ: летописи:
 — «осид: мля, «виги: али: и: проч., которыми: означаются: распоря-
 — женія: «свѣ: родо; обыкновенно: старшій: князь, по: занятіи
 — главного: стола, дѣ: в: галъ: рядъ: съ: младшею: братьею: касательно
 — распределеніи: волостей»¹⁹. Князья: собирались: также: думать: вмѣ-
 — стѣ: о: земскихъ: уставахъ²⁰, определяли: известныя: правила, съ:
 — которыми: должны: были: «сообразоваться: въ: своемъ: поведеніи»²¹.
 — Несеть, когда: права: разныхъ: князей: на: старшинство: запута-
 — ны, то иногда: князья: условивались: если: кто-нибудь: изъ: нихъ
 — получитъ: старшинство, то: долженъ: отдать: другому: какую-ни-
 — будь: волость»²².

Единство: княжескаго: рода: поддерживалось: тѣмъ, что: каждый
 — членъ: этого: рода, въ: свою: очередь, надвигался: достигнуть: стар-
 — шинства: и: соединеннаго: съ: старшинствомъ: владѣніи: главнымъ:
 — столомъ: Киевскимъ. Основаніемъ: старшинства: было: старшин-

ство физическое, при чемъ дѣда имѣлъ преимущество предъ племянниками, старшій братъ предъ младшими, тещъ передъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурыми, старшій шурина предъ младшими зятьями²¹; и хотя во время господства родовыхъ отношеній между князьями, встрѣчаемъ борьбу племянниковъ отъ старшаго брата съ младшими дядьми, однако племянники при этомъ никогда не смѣли выставлять своихъ родовыхъ правъ, и притязаній ихъ, основывавшіяся на случайныхъ обстоятельствахъ, должны были, исключая только одного случая, уступать правамъ дѣдей самыхъ младшихъ. Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родоваго старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотреть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ; онъ становился отцемъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьмъ своимъ, переходили во второй высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отцомъ и точно дядья называютъ ихъ братьями; но другіе ихъ двоюродные братья оставались по прежнему внуками малолѣтними (внукъ—унукъ, юнукъ, малолѣтній по преимуществу), потому что надъ ними по прежнему стояли двѣ стѣны: старшій дядя считался отцемъ ихъ отцамъ, слѣдовательно для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда; умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцемъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственные дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ въ совершеннолѣтніе, и такимъ образомъ, мало по малу, всѣ молодые князья чрезъ старшинство своихъ отцовъ, достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на стѣни внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда теперь понятно, почему сынъ не могъ

достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: «какъ прады наши лѣствицею восходили на великое княженіе Кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣстичнымъ восхожденіемъ²²». Но когда въ этой лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ изгоевъ²³.

Каждый членъ рода княжескаго, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ достигать старшинства, получать старшій столъ Кіевскій, который такимъ образомъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; но другія волости оставались ли постоянно въ наследственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ, или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ князьямъ различныхъ племенъ, при ихъ движеніи къ старшинству лѣстичнымъ восхожденіемъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, какъ поступали князья въ началѣ, когда различными случайными обстоятельства не нарушали еще чистоты ихъ отношеній. Когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наследство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волини: ясный знакъ отсутствія наследственности волостей, и движенія князей изъ одной волости въ другую по старшинству, лѣстичнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославъ Ярославичъ по изгнаніи брата получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ Кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ. Извѣстная волость могла сдѣлаться наследственнымъ достояніемъ какой-нибудь одной княжеской линіи только въ томъ случаѣ, когда князь, по вышеназваннымъ причинамъ, терялъ возможность двигаться къ старшинству лѣстичнымъ восхожденіемъ: тогда, получивъ отъ родичей какую-нибудь волость, онъ и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переходъ изъ одной волости въ другую условливался возможностью движенія къ старшинству, несуществовавшею для изгоевъ; такъ образовались особыя волости Полоцкая, Галицкая, Рязанская, послѣ Туровская; линія втора-

го Ярославича, Святослава, известная больше подъ племеннымъ названіемъ Ольговичей, также вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, подверглась было тяжкой для князей участи изгойства, и по этому самому Черниговская волость принимала было характеръ особаго, выдѣленнаго княжества, но Ольговичамъ удалось наконецъ принудить Мономаховичей признать свои права старшинства, и необходимымъ слѣдствіемъ этого признанія было возстановленіе родовой общности приднѣпровскихъ волостей для обѣихъ линій: Ольговичъ сѣвъ. въ Кіевѣ, а Мономаховичъ на его мѣсто въ Черниговѣ.

Не смотря на то'однако, мы встречаемъ въ летописи слово отчина: князья, неисключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей: въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли его смыслѣ, какъ наследственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году князья, внуки Ярославови собрались вѣсть и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ волость отца своего Изяслава — Кіевъ, Владимиръ Мономахъ отцовскую волость Переяславль, Святославици — Черниговъ: но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово отчина въ смыслѣ наследственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Кіевъ былъ столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ; но если вѣдь Кіевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наследственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ счтать отчинами Мономаха и Святославичей въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточной сторонѣ Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи—дядя Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичъ говорятъ Изяславу Давыдовичу: «Унасъ двѣ отчины, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда; ты, братъ, Давыдовичъ, а я Ольговичъ: такъ ты, братъ, возьми отца своего Давыдово, а что Ольгово, то намъ дай, мы тѣмъ и подѣлимся»,—вслѣдствіе чего, Давыдовичъ остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно также отчиною, какъ и для Давыдовича; потому что отецъ его, Всеволодъ Оль-

говичъ княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичъ получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. И такъ, что же такое разумѣлось подъ отчиною? Отчиною для князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенною волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣствицѣ, родовыми счетами.

Теперь остается вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ князей къ старшему? Мы видѣли, что отношенія между старшимъ и младшими были родовыя, младшіе князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшаго, а такое воззрѣніе должно было опредѣлять и отношенія ихъ къ послѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ князю; послѣдній по этому не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, князя всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или наследственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева, являются отдѣльными землями, и въ то же время составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, вслѣдствіе того, что князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода своего ²⁴.

ГЛАВА II.

СОБЫТІЯ ПРИ ЖИЗНИ СЫНОВЕЙ ЯРОСЛАВА I-ГО.

(1054—1093).

Линія Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи. Распоряженія послѣднихъ на счетъ своихъ волостей. Движенія Ростислава Владиміровича и гибель его. Движенія Всеслава Полоцкаго и изгнѣе его. Намѣстіе Половцовъ. Пораженіе Ярославичей. Возстаніе Кіевлянъ и бѣгство В. Кнзя Изяслава изъ Кіева. Возвращеніе его и вторичное изгнаніе. Вторичное возвращеніе Изяслава и смерть его въ битвѣ противъ обдѣленныхъ племянниковъ. Характеръ первыхъ усобицъ. Княженіе Всеволода Ярославича въ Кіевѣ. Новая движенія обдѣленныхъ князей. Усобицы на Волини. Борьба съ Всеволодомъ Полоцкимъ. Смерть В. Кнзя Всеволода Ярославича. Печальное состояніе Руси. Борьба съ Половцами, Торками, Фнискими и Литовскими племенами, Болгарами, Поляками. Дружина Ярославичей.

По смерти Ярослава I-го ²⁵ княженіе цѣлымъ родомъ на долго утвердилось въ Руси; въ это время области, занятыя первыми Варяго-Русскими Князьями, раздѣлялись между двумя линіями, или племенами Рюрикова рода: первую линію составляло потомство Изяслава, старшаго сына Св. Владиміра. Мы видѣли, что этому Изяславу отецъ отдалъ Полоцкое княжество, волость дѣда его по матери Рогволода. Изяславъ умеръ при жизни отца, не будучи старшимъ въ родѣ, или В. княземъ, слѣдовательно потомство его не могло двигаться къ старшинству, мѣнять волость, и потому должно было ограничиться одною Полоцкою волостью, которая утверждена за нимъ при Ярославѣ. Вторую линію составляло потомство Ярослава Владиміровича, которое и начало владѣть всеми остальными Русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старшій изъ нихъ,

Изяславъ сталъ къ прочимъ братьямъ въ отца мѣсто; младшіе братья были: Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь; у нихъ былъ еще племянникъ Ростиславъ, сынъ старшаго Ярославича, Владиміра; этотъ Ростиславъ, также вслѣдствіе преждевременной смерти отца, не могъ надѣяться получить старшинство; онъ самъ и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую дастъ имъ судьба или старшіе родичи. Ярославичи распорядились такъ своими родовыми волостями: четверо старшихъ помѣстились въ области Дѣвпрской; трое на югъ: Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславѣ; четвертый, Вячеславъ поставилъ свой столъ въ Смоленскѣ, пятый, Игорь во Владиміръ Волинскомъ²⁷. Что касается до отдаленнѣйшихъ отъ Дѣвпра областей на сѣверѣ и востокѣ, то видишь, что окончательно Новгородъ сталъ въ зависимости отъ Кіева; вся область на востокъ отъ Дѣвпра, включительно до Муромъ съ одной стороны и Тмутаракани съ другой, стала въ зависимости отъ князей Черниговскихъ; Ростовъ, Суздаль, Белоозеро и Поволжье отъ князей Переяславскихъ²⁸. Мы сказали окончательно, потому что Белоозеро напр. принадлежало одно время Святославу²⁹; Ростовъ также не вдругъ достался Всеволоду Переяславскому: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему, Ростиславу Владиміровичу. — Такъ владѣло Русскими областями Ярославово потомство. Но еще былъ живъ одинъ изъ сыновей Св. Владиміра, Судиславъ, 22 года томившійся въ темницѣ³⁰, куда былъ посаженъ братомъ Ярославомъ. Племянники въ 1058 году освободили забытаго, какъ видно, бездѣтнаго и потому неопаснаго старика, взявши однако съ него клятву не затѣвать ничего для нихъ предосудительнаго. Судиславъ воспользовался свободою для того только, чтобъ постричься въ монахи, послѣ чего скоро и умеръ, въ 1063 году.

Ярославъ, завѣщая сыновьямъ братскую любовь, долженъ былъ хорошо помнить поступки брата своего Святослава, и какъ будто приписывалъ вражду между Владиміровичами тому, что они были отъ разныхъ матерей: послѣднее обстоятельство заставило Владиміра предпочитать младшихъ сыновей, а это предпочтеніе и повело къ ненависти и братоубійству. Ярославичи были все отъ одной матери; Ярославъ не далъ предпочтенія лю-

блицу своему, третьему сыну Всеволоду, увѣщавалъ его дожидаться своей очереди, когда Богъ дастъ ему получить старшій столъ послѣ братьевъ, правдою, а не насиліемъ²¹,—и точно у братьевъ долго не было новода къ ссорѣ. Въ 1056 году умеръ Вячеславъ: братья перевели на его мѣсто въ Смоленскъ Игоря назъ Владимира; а во Владимиръ перевели изъ Ростова племянника Ростислава Владиміровича²². Въ 1059 году умеръ въ Смоленскъ Игорь Ярославичъ; какъ распорядились братья его столомъ — не извѣстно; извѣстно только то, что на былъ доволенъ ихъ распоряженіями племянникъ ихъ изгой, Ростиславъ Владиміровичъ. Безъ надежды получить когда-либо старшинство, Ростиславъ, быть можетъ, тяготился всегдашней зависимоствю отъ дадей; онъ былъ добръ на рати, говоритъ летописецъ; его мѣнила Тмутаракань, то застенное приволье, гдѣ толпились остатки разноплеменныхъ народовъ, изъ которыхъ храброму вождю всегда можно было набрать себѣ храбрую дружину, гдѣ княжилъ знаменитый Мстиславъ, откуда съ воинственными толпами прикавказскихъ народовъ приходилъ онъ на Русь и заставилъ старшаго брата подѣлиться половиною отцовскаго наслѣдства. Заманчива была такая судьба для храбраго Ростислава, изгой, который только оружіемъ могъ достать себѣ хорошую волость, и нигдѣ кромѣ Тмутаракани не могъ онъ добыть нужныхъ для того средствъ. По смерти Вячеслава, Ярославичи перевели Игоря въ Смоленскъ, а на его мѣсто во Владимиръ Волинскій перевелъ племянника Ростислава; но теперь Игорь умеръ въ Смоленскъ; Ростиславъ могъ надѣяться, что дядья переведутъ его туда, но этого не послѣдовало; Ростиславъ могъ оскорбиться. Какъ-бы то ни было, въ 1064 году онъ убѣжалъ въ Тмутаракань, и не одинъ: съ нимъ бѣжали двое родовитыхъ, извѣстныхъ людей — Порѣй и Вышата, сынъ Остромира, посадника Новгородскаго: Изяславъ, оставляя Новгородъ, посадилъ здѣсь вмѣсто себя этого Остромира²³. Порѣй и Вышата были самая извѣстная лица; но, какъ видно, около Ростислава собралось не малое число искателей счастья, или недовольныхъ; онъ имѣлъ возможность, пришедши въ Тмутаракань, изгнать оттуда двоюроднаго брата своего, Гльба Святославича, и сѣсть на его мѣсто. Отецъ Гльба, Святославъ пошелъ на Ростислава; тотъ не хотѣлъ поднять рукъ на дядю, и вышелъ изъ города, куда Святославъ ввелъ опять сына свое-

го; но какъ скоро дѣла умель домашь, Ростиславъ вторично выгналъ Глѣба, и на этотъ разъ утвердился въ Тмутаракани. Онъ сталъ ходить на соседніе народы, Касоговъ и другихъ, и брать съ нихъ дань. Греки возмущались такого соседа, и послали къ нему Корсунскаго начальника (котопана). Ростиславъ принялъ котопана безъ всякаго подозрѣнія и чествовалъ его, какъ мужа знатнаго и посла. Однажды Ростиславъ пировалъ съ дружиною; котопанъ былъ тутъ, и, взявши чашу, сказалъ Ростиславу: «князь! хочу пить за твое здоревье;» тотъ отвѣчалъ: «пей.» Котопанъ вынулъ положенну, другую подаль князю, но прежде дотронулся до края чаши, и выпустилъ въ нее ядъ, скрытый подъ ногтями: по его расчету князь долженъ былъ умереть отъ этого яда въ осьмой день. Послѣ вечера котопанъ отправился назадъ въ Корсунь, и объявилъ, что въ такой-то день Ростиславъ умретъ, что и случилось: летописецъ прибавляетъ, что этого котопана короуници себиди камнями ²⁴. Ростиславъ, по свидѣтельству того же летописца, былъ добръ на рати, высокъ ростомъ, красавъ лицомъ и милостивъ къ убегимъ ²⁵. Мѣсто его въ Тмутаракани занялъ опять Глѣбъ Святославичъ.

Греки и Руссіе князья избавились отъ храбраго изгоя; но когда нечего было боятся съ юго-востока, встала рать съ сѣверо-запада: тамъ поднялся также потопокъ изгоя, Всеславъ, князь Полоцкій, немилостивый на кровопролиты, о которомъ шла молва, что рожденъ былъ отъ волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть можетъ, пользуясь тѣмъ, что вниманіе дѣдей было обращено на югъ, Всеславъ началъ враждебныя дѣйствія: въ 1065 году осаждалъ безуспѣшно Шоковъ; въ 1066 году, по примѣру отца, подступилъ подъ Новгородъ, полонилъ жителей, снялъ и колокола у св. Софій: «вещка была бѣда въ тотъ часъ!» прибавляетъ летописецъ: «и паникадила снялъ ²⁶!» Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрали войско и пошли на Всеслава, въ страшные холода. Они пришли къ Минску, жители котораго затворились въ крѣпости: братья взяли Минскъ, мужичи изрубили, женъ и дѣтей отдали на шить (въ плѣнъ) ратникамъ, и пошли къ рѣкѣ Нѣмизъ ²⁷, гдѣ встрѣтила Всеслава въ началѣ Марта ²⁸; не смотря на сильный снѣгъ, произошла злая сѣча, въ которой много пало народу; наконецъ

Ярославичи одолѣли, и Всеславъ бѣжалъ. Лѣтомъ, въ Іюль мѣсяцѣ, Изяславъ Святославъ и Всеволодъ послали звать Всеслава къ себѣ на переговоры, поцѣловавши крестъ, что не сдѣлаютъ ему зла; Всеславъ повѣрилъ, переехалъ Днѣпръ, вошелъ въ шатеръ Изяслава—и былъ схваченъ, Изяславъ привелъ его въ Кіевъ и посадилъ въ заключеніе вмѣстѣ съ двумя сыновьями ³⁹.

Казалось, что Ярославичи, избавившись отъ Ростислава и Всеслава, на долго останутся теперь спокойны; но вышло иначе. На небѣ явилась кровавая звѣзда, предвѣщавшая кровопролитіе, солнце стало, какъ мѣсяцъ, изъ рѣки Сѣтолн выволокли рыбаки страшнаго уroda: не къ добру все это, говорилъ народъ, и вотъ пришли иноплеменники. Въ степяхъ къ востоку отъ Днѣпра произошло въ это время обычное явленіе: господство одной кочевой орды смѣнилось господствомъ другой: Узы, Куманы или Половцы ⁴⁰, народъ Татарскаго происхожденія и языка ⁴¹, заняли мѣсто Печенѣговъ, поразивши послѣднихъ. Въ первый годъ по смерти Ярослава Половцы съ ханомъ своимъ Болушемъ показали въ предѣлахъ Передславскаго княжества; но на первый разъ заключили миръ со Всеволодомъ и ушли назадъ въ степи. Ярославичи, безопасны пока съ этой стороны, и незанятые еще усобицами, хотѣли нанести окончательное пораженіе пограничнымъ варварамъ, носившимъ названіе Торковъ; до смерти Ярослава I-го лѣтописецъ не упоминалъ о непріязненныхъ столкновеніяхъ нашихъ князей съ ними; разъ только мы видѣли наемную конницу ихъ въ походѣ Владиміра на Болгаръ. Но въ 1059 году Всеволодъ уже ходилъ на Торковъ и побѣдилъ ихъ ⁴²; потомъ въ 1060 году трое Ярославичей, вмѣстѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, собрали, по выраженію лѣтописца, войско безчисленное, и пошли на коняхъ и въ лодьяхъ на Торковъ. Торки, услышавши объ этомъ, испугались и ушли въ степь; князья погнались за бѣглецами, многихъ побили, другихъ плѣнили, привели въ Русь и посадили по городамъ; остальные погибли въ степяхъ отъ сильной стужи, голода и мора ⁴³. Но степи скоро выслали мстителей за Торковъ. Въ слѣдующій же годъ пришли Половцы воевать на Русскую землю; Всеволодъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, Половцы побѣдили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ враговъ говоритъ лѣтописецъ. Въ 1068 году опять множество Половцевъ пришло на Русскую землю:

въ этотъ разъ всѣ три Ярославича вышли къ нимъ на встрѣчу, на рѣку Альту, потерпѣли поражение и побѣжали — Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, Святославъ въ Черниговъ. Кіевляне, возвратившись въ свой городъ, собрали (15-го сентября) вѣче на торгу, и послали сказать князю: «Половцы разсыались по землѣ: дай намъ, князь, оружіе и коней, хотишь еще биться съ ними.» Изяславъ не послушался; тогда народъ всталъ противъ тысяцкаго Коснячка: воевода городскихъ и сельскихъ полковъ, онъ не умѣлъ дать имъ побѣды; теперь не принимаетъ ихъ стороны, не хочетъ идти съ ними на битву, отговариваетъ князя дать имъ оружіе и коней ⁴⁴. Толпа отправилась съ вѣча на гору, пришла на дворъ Коснячковъ, но не нашла тысяцкаго дома; отсюда пошли ко двору Брячиславу ⁴⁵, остановились здѣсь подумать, сказали: «пойдемъ, высадимъ своихъ ⁴⁶ изъ тюрьмы,» и пошли, раздѣлившись на двое: половина отираилась къ тюрьмѣ, а другая по мосту ко двору княжескому. Изяславъ сидѣлъ на стѣнѣхъ съ дружиною, когда толпа народу подошла и начала споръ съ княземъ; народъ стоялъ внизу, а Изяславъ разговаривалъ съ нимъ изъ окна. Какъ видно слышались уже голоса, что надобно искать себѣ другаго князя, который бы повелъ народъ биться съ Половцами, потому что одинъ изъ бояръ—Туки, братъ Чудиновъ, сказалъ Изяславу: «видишь, князь, люди взвыли: пошли-ка, чтобъ покрѣиче стерегли Всеслава.» Въ это время другая половина народа, отворивши тюрьму, пришла также ко двору княжескому; тогда дружина начала говорить: «худо, князь! пошли къ Всеславу, чтобъ подозвали его обманомъ къ окошку, и закололи.» Изяславъ на это не согласился, — и чего боялась дружина, то исполнилось: народъ съ крикомъ двинулся къ Всеславовой тюрьмѣ. Изяславъ, увидавъ это, побѣжалъ съ братомъ Всеволодомъ съ своего двора; а народъ, выведши Всеслава изъ тюрьмы, поставилъ его среди двора княжескаго, т. е. провозгласилъ княземъ, при чемъ нѣкоторые Изяслава все пограбили, взяли безчисленное ⁴⁷ множество золота и серебра. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу.

Между тѣмъ Половцы опустошали Русь, дошли и до Чернигова; Святославъ собралъ нѣсколько войска и выступилъ на нихъ къ Сновску ⁴⁸; Половцевъ было очень много; но Святославъ не оробѣлъ, выстроилъ полки и сказалъ имъ: «Пойдите

- въ бѣству: намъ: не буда больше сдѣлать». Черниговцы ударили
 - Святослава одолѣвъ, хотя у него было только три тысячи, а у
 - Половцевъ 12,000; юдн изъ нихъ были пѣхотѣ, другіе докопѣ-
 - ли въ рѣкѣ Снѣгѣ, а князья ихъ Русскіе звали рунаемъ. |
 Ужн семи мѣсяцевъ сидѣлъ Воеславъ въ Кіевѣ; когда весною
 1069 года явился Изяславъ звать съ Болеславомъ, кородемъ
 Польскимъ, въ Русскихъ предѣлахъ: Всеславъ пошелъ къ нимъ
 - на встречу; но изъ Бѣлгорода ночью тайкомъ отъ Кіевлянъ,
 - бѣжалъ въ Полоцкъ, збротиво; бои стали между двухъ огней,
 - потому что остальные Ярославичи не могли ему благоприятство-
 - вать въ борьбѣ съ Изяславомъ. Такъ этому народу удалось
 - только дотронуться хвѣемъ до золотого стола Кіевского, и
 - обернувшись волкомъ, побѣжалъ онъ ночью изъ Бѣлгорода, за-
 - кутанный въ синюю мѣлу¹⁹. Кіевляне, оставшись безъ князя,
 - возвратились въ свой городъ, собрали вече; и послали сказать
 - Святославу и Всеволоду²⁰ Ярославичамъ: «Мы дурно сдѣлали,
 - что прогнаемъ своего князя, а вотъ онъ теперь ведетъ на насъ
 - Польскую землю; ступайте въ городъ отца вашего: ежели вы
 - хотите, то намъ нѣчего больше дѣлать: заждемъ города и
 - уйдемъ въ Греческую землю». Святославъ отвѣчалъ имъ: «Мы
 - пошлемъ къ брату: ежели пойдетъ съ Ляхами губить насъ, то мы
 - поидемъ противъ него: ратьва, но дадимъ и згубить отъ Бѣлгорода
 - города; ежели же хочеть придти къ миромъ, то пусть приходитъ
 - съ малою дружиною»: Кіевляне утѣшались; а Святославъ и Все-
 - воладъ послали сказать Изяславу: «Воеславъ бѣжалъ: такъ ве-
 - води Давроу къ Кіеву, противника у: тебѣ нѣтъ; ежели же не
 - перестанешь сердиться и захочешь погубить городъ, то знай,
 - что намъ жалъ отцовскаго стола»: Выслушавши рѣчи братьевъ,
 - Изяславъ повелѣлъ съ собою только Болеслава да не большаго от-
 - рѣдъ Поляковъ, а впередъ послалъ въ Кіевъ сына своего Моти-
 - слава, Мстислава, возведши въ городъ, велѣлъ избить тѣхъ,
 - которые освободили Воеслава, всего семидесять человекъ, дру-
 - гихъ ославить, нѣкоторые при этомъ погуби невинно: Кіевъ
 - самъ Изяславъ приближалъ къ городу; то Кіевляне встрѣтили
 - его съ помозомъ, и юнѣ сѣлъ онъ на своемъ столѣ; (2 Маѣ).
 - Поляки Болеслава II-го подверглись той же участи, какъ и
 - предъ икъ, приходившіе въ Русь съ Болеславомъ II-мъ: иль
 - распустили на покорахъ по волостямъ, гдѣ живши начали тайно

губастихъ; а съидеть чело: **Болеславъ**: возвратися въ свою землю: **Съ** извѣстити оновращеніи: **Изяславъ** отъогрися, — пошлюму: слышавъ: известіа: о томъ, что агого: князи пероуеа: туръ: съ: **Подеа** на гору: **Казимиръ**: съхъ: **Иварилъ**:; которые: выехали изъ: туръ: **Всѣслава**, **Изяславъ**: не: маючи: возвратитися: противъ: послѣдняго: **Игнать**: съхъ: **Илоцка**, посадиа: тамъ: сына: своего: **Мстислава**:; а: когда: тоа: умеръ, то: послалъ: не: его: жь: а: другаго: **Святополка**: **Всѣславъ**:; сказана: въ: летописи; бѣжалъ, но не: прибавило; куда; впрочемъ: это: объяснено: въ: слѣдующемъ: известіи, что: **Всѣславъ** въ: 1069: году: явился: передъ: **Новгородомъ**; съ: полками: **Финскаго** племени: **Воданъ**: **Вожанъ**: **Среды**: которыхъ: слѣдательно: нашегъ: вѣ: урбиниче: и: помощъ. Въ: это: время: въ: **Новгородѣ**: княжилъ: **Еакъ**;; сыны: **Святослава** **Нернѣвскаго**, который: ма: видѣли: въ: **Тмутаракани**: **Новгородомъ** постарали: противъ: **Вожанъ** полкъ; и: **Богъ** пособилъ: **Новгородцамъ**: они: забили: **Вожанамъ**: а:ранину: съчу:; послѣдникъ: мало: множество, а: самого: князя: **Всѣслара** **Новгородомъ**: отпустили: ради: Бога: **И**: тыся: агого: **Норалжия**: **Всѣславъ**: не: отказался: отъ: борьбы; въ: храбруму: князю: отовсюду: стекались: бегущи:; онъ: успѣлъ: набрать: дружину, выгналъ: **Святополка**: изъ: **Помѣка**, и: тогда: былъ: необходимъ: другимъ: **Изяславичемъ** у: **Болотичскѣ**;; однако, вѣрнъ: видно; успѣлъ: удержатъ: на: отковскомъ: мѣстѣ. **Изяславъ** завелъ: съ: ними: переговоры: — о: чемъ, неизвестно; известно: только: то, что: эти: переговоры: послужили: поводомъ: къ: вторичному: изгнанію: **Изяслава**,; теперь: уже: родными: братьями:; это: вторичное: изгнаніе: необходимо: имѣть: связь: съ: первымъ: **Изяславъ**: возвратилъ: въ: **Кіевъ**: по: условіи, которыя: предискази: ему: братья:; въ: городѣ: не: могли: любить: **Изяслава**, и: въ: тоже: время: не: могли: не: питать: расположенія: къ: **Святославу**;; который: одержалъ: гнѣвъ: брата:; и: оторысь: горстью: дружины: думалъ: поразить: толпы: **Половцевъ**,; очистить: отъ: нихъ: **Русь**:; сыны: **Изяслава**, **Мстиславъ**: **Казимиръ**: **Кіевлянъ**,; освободившихъ: **Всѣслава**,; виновныхъ: вибѣтъ: съ: виновными, но: тамъ: да: о: еще: не: окончилось;; гоненія: продолжались, и: гонимые: находили: убѣжище: въ: **Черниговѣ**: у: **Святослава**: **Тамъ**: св.: **Антоній**,; основатель: **Мечерскаго**: монастыря,; и: подкрепнувший: гнѣву: великаго: князя: **Казимиръ**: **Всѣслава**,; били: ночью: взаты: и

укрыть въ Черниговѣ Святославомъ. Если бы даже Святославъ дѣлалъ это единственно изъ любви и уваженія къ святоупуку, то Изяславъ, съ своей стороны, не могъ не оскорбиться причиню брата къ челоуѣку, въ которомъ онъ видѣлъ врага своего. Эти обстоятельства должны были возбуждать въ Святославѣ влстолюбивые замыслы, питать надежду на ихъ успѣхъ, а въ Изяславѣ возбуждать вражду къ брату: и вотъ между Ярославичами началась вражда, они не ходятъ уже вмѣстѣ въ походы, какъ ходили прежде; Изяславъ одинъ воюетъ съ Всеславомъ, одинъ встунаетъ съ нимъ на переговоры; по самой природѣ отношеній между князьями, послѣдній поступокъ Изяслава долженъ былъ возбудить негодованіе и подозрѣніе въ братьяхъ; Святославъ началъ говорить Всеволоду: «Изяславъ сносится съ Всеславомъ на наше лихо; если не предупредимъ его, то прогнать онъ насъ»,—и успѣлъ возбудить Всеволода на Изяслава. Лѣтописецъ обвиняетъ во всемъ Святослава, говоритъ, что онъ хотѣлъ больше власти, обманулъ Всеволода; какъ бы то ни было, младшіе братья вооружились противъ старшаго; Изяславъ въ другой разъ принужденъ былъ выйти изъ Кіева, гдѣ сѣлъ Святославъ, отдавши Всеволоду Черниговскую волость; что въ Кіевѣ всѣ были за Святослава, доказываетъ удаленіе Изяслава безъ борьбы; лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ и Всеволодъ сѣли сперва на столѣ въ селѣ Берестовѣ, и потомъ уже, когда Изяславъ выѣхалъ изъ Кіева, Святославъ перешелъ въ этотъ городъ.

Изяславъ съ сыновьями отправился опять въ Польшу; какъ видно, на этотъ разъ онъ вышелъ изъ Кіева не торюнась, успѣлъ взять съ собою много имѣнія; онъ говорилъ: «съ золотомъ найду войско;» позабывши слова дѣда Владиміра, что съ дружиною добываютъ золото, а не съ золотомъ дружину. Изяславъ ролдалъ Польскимъ вельможамъ богатые подарки; они подарки взяли, по помощи не дали никакой ⁵⁷, и даже выслали его изъ своей страны. Чтобъ объяснить себѣ это явленіе, мы должны бросить взглядъ на состояніе западныхъ Славянскихъ государствъ въ это время. Мы видѣли, что вмѣшательство Болеслава Храбраго въ дѣла Богеміи кончилось также неудачно для него какъ и вмѣшательство въ споры между Русскими князьями. Поляки были изгнаны изъ Богеміи, родные князья—Яроміръ и Олдрахъ стали

княжить въ странѣ, но не долго княжилъ криво. Одрихъ, по словамъ старой Чешской пѣсни, былъ «воинъ славный, въ котораго Богъ вложилъ мочь и крѣпость, въ буйную голову далъ разумъ свѣтлый.» Въ 1012 году онъ выгналъ Яромира: за что—ю знаетъ ни пѣся, ни лѣтопись. Императору Конраду II-му не нравилось однако единовластіе у Чеховъ: не разъ вызывалъ онъ Одриха къ себѣ, и когда тотъ наконецъ явился къ нему, ю былъ заточенъ въ Регенсбургъ. Яромиръ началъ опять княжить въ Богеміи сообща съ племянникомъ Брячиславомъ, сыномъ Одриховымъ: а между тѣмъ императоръ предложилъ своему плѣннику возвратиться на родину и княжить тамъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ; Одрихъ присягнулъ, что уступитъ брату половину земли, но, какъ скоро возвратился домой, то велѣлъ убить Яромира.—По смерти Одриха единовластителемъ земли сталъ сынъ его, Брячиславъ I-й. Мы видимъ, какъ этотъ дѣтельный князь воспользовался невзгодою Польши по смерти Болеслава Храбраго и расширилъ свои владѣнія на счетъ Пяловъ, за что и слыветъ возстановителемъ Чешской славы. По смерти Брячислава I-го въ Богеміи мы встрѣчаемъ такіа же влєнія, какія видимъ и у насъ на Руси съ того же самаго времени, именно съ 1054 года, со смерти Ярослава I-го: мы видимъ, что и въ Богеміи начинается владѣть цѣлый родъ княжескій съ переходомъ главнаго стола къ старшему въ цѣломъ юдѣ. По смерти Брячислава I-го, Великимъ княземъ, т. е. старшимъ въ родѣ (*Dux principalis*) становится старшій сынъ его, Спитигивъ II-й; остальные Брячиславичи были: Вратиславъ, Конрадъ, Яромиръ и Оттонъ. Какъ у насъ Ярославичи, такъ и въ Богеміи Брячиславичи не долго жили въ согласіи: торой Брячиславичъ, Вратиславъ долженъ былъ сначала искать бѣжища въ Венгріи отъ преслѣдованій старшаго брата; однако юслѣ, помирившись съ послѣднимъ, возвратился на родину и въ 1061 году наследовалъ въ старшинствѣ Спитигиву. По смерти Вратислава II-го, по извѣстному обычаю, мимо сыновей его, наследовалъ старшинство братъ его Конрадъ I-й, но княжилъ только восемь мѣсяцевъ: это былъ послѣдній изъ Брячиславичей, и по смерти его, въ 1092 году, выступаетъ второе поколѣніе, нуки Брячислава I-го. Въ Польшѣ Казимиру Возстановителю (*Restaurator*) наследовалъ въ 1058 году сынъ его, Болеславъ

Ней Ожидши Задца годъ: перещъ ивъзъ умеръ императоръ Рима
 рихъ III-й; оумна, последовавшя во время малолѣтства сына
 проемилна его Генриха IV-го; потому борьбы егогого съ
 съ ивъснжнми князьями т съ напою виддо обзвободили Поляки
 отъ вѣдннн: востернн, и Болославъ Сибннн; помзтасъ этою сво-
 бодою, имвлъ: возможность съ: чествомъ и: выгодою для: Мошнн
 установить свои: отношеня къ: сосѣдннмъ: странамъ. Мнцвдн
 ли, что съ: его: помзшю; Мнцвднн: получвлъ: вѣннги Кннн; съ: по-
 мощю: ме: Болославъ: увнвлъ: овладѣть: престоломъ: и: Вонгерскн
 король: Беда, геннофа: и: цторого: нудержалнсь: въ: Венгрнн; фннн
 благодаря: Польскому: оружю. Съ: Чехамн: Болославъ: велъ: полн
 постоянную: войну; въ: то: время: какъ: дайтъ: Мнцвднн: вторично
 явлнся: къ: Польскому: двору. (1075 г.), Болославъ: воевалъ: съ:
 Вреставаломъ: Нешоннн, который: находнлся: въ: тѣсннн; съ:
 южн: съ: императоромъ: Генрихомъ: IV-мъ; обѣлн: втроятно, что
 эти: обстоителства: не: дозволятъ: Болославу: податъ: даношн: Рус-
 скому: князю; кочернн, будучи: ирннужденъ: оставнть: Нольнн
 прннлтъ: совѣтъ: Дѣда, Марнграфа: Саксонскаго: и: вѣхалъ: въ:
 Мнннцъ: проснть: заступленя: у: врага: Болослава; и: императоръ:
 Генрихъ: IV-го.⁴⁵ Такимъ: образомъ: княжескн: междуособнн:
 Руси: доставлялн: случаи: Ннмцнскому: императору: распрнстрннн
 свое: влннн; и: на: эту: страну; но, во: прнннн; благодаря: ютдн
 ленности: Руси; это: влннн: ннкогда: не: могло: быть: очень: сильнн
 во: вторыхъ, обстоителствн, въ: кочернн; находнлся: обпер:
 императоръ, бнлн: такого: рода; что: помоглн: даже: и: Польскн: нн
 свободѣтсн: изъ: подъ: его: влннн. Прннлвъ: отъ: Мнцвднн: бѣгн-
 тне: дары, Генрихъ: IV-й: вѣдвалъ: къ: Свнцославу: съ: требонннн
 возвратнть: Кннн: старшому: брату; и: съ: угрозою: обѣлн: въ: слу-
 чай: сопротивленя. Разннваясь, что: дѣло: долнно: бннн; и: ютдн
 ннннннн: одною: угрозою. Мнннннн: поворннн; что: когда: Нн-
 мнннн: послн: прннлн: къ: Свнцославу, то: онъ, жонн: не: хватнл:
 передъ: нннн, показатъ: ннъ: свою: казну; и: будто: бы: послн, увн-
 далъ: ннннннн: во: лета; серебра: и: дорогнхъ: тканей; по: ютдн
 старнн: слава: Владимнра, Сннннн; сннн: ннннн: ннннннн; въ:
 тому: ннн: лонннн: мнннн: друнннн: луннн; гнн: ннн: нннн: долн-
 катъ: нн: болннн: этого: ннн. Мннннн: прннннннн; что: бѣгатн:
 Свнцославу; нннннн: рогонн: въ: Кннн; фннн: Цднннннн; рѣзн:
 пагонн: рннн: по: смерти: влнннннн. Ннн: нннн: съ: ннннннн:

можно видѣть, что сарацины и ближайшіе сосѣди въ поуст-
дочности снотруни. На поведеіе старшихъ Ярославичей, ко-
торые не сдѣлали примѣру дѣда и коюдо: богатства, полага-
ли на себя всю надежду, тогда какъ добрый князь, по господство-
ваніи утѣдѣ и бѣдѣ, не долженъ былъ ничего сиречь для
себя, но все раздавать дружинѣ, при помощи которой онъ ни-
когда не могъ имѣть недостатка въ богатствѣ.

Князь Ярославъ обратился за помощію къ императору Генри-
ху IV-му, врагу Болеслава Омблгоу, по Святославъ, по един-
ству выгоды. Дошлось бытъ свѣшныи заключеніемъ союза къ
Польскимъ князьямъ и тогда имъ видимо, что молодые князья —
Олегъ Святославичъ и Владимиръ Всеволодовичъ ходили на по-
мощь къ полякамъ: воевали Мѣховъ, сарацинскую имперію
сиречь⁶⁰. Изяславъ, не получивъ успеха при дворѣ Генриха,
обратился къ другому князю западъ, князю Григорію VII-му,
и отправилъ въ Римъ князя своего сына, предѣлю возвратити ему
столь многио съ. Папга какъ въ Мейнцѣ Изяславъ обещалъ
признать зависимость свою отъ императора, такъ въ Римѣ емиръ
его обещалъ подчинити аристократическому престолу. Слѣдствіемъ
этихъ переговоровъ было то, что Григорій писалъ къ Болеславу
стѣдующаго: еднѣ сокровища, взятыя у Изяслава⁶⁰. Бытъ
можетъ, напослѣдствіи князь Польскаго князя подати помощи
Изяславу противъ братьевъ, которую тотъ князю не дѣлалъ
ствительно подати. Для объясненія этого подтунга мы не нуж-
даемся, и прочее, въ предположеніи о папскихъ увѣщаніяхъ:
есть извѣстіе, которое одною обясняетъ его совершенно удовле-
творительно. По этому извѣстію⁶¹, Чешскій князь Вратиславъ,
узнавъ о концѣ Болеслава съ Младшими Ярославичами, о дѣлѣ
кнѣжнѣ Ольгѣ и Владимірѣ Чешскими принцами, прислалъ къ
Болеславу просити ядра, и получилъ его за 1,000 Гривенъ и
серебра. Болеславъ послалъ сказать объ этомъ Олегу и Влади-
миру: но те вразуми обѣщали ему, что не могутъ безъ стыда от-
дать ядра, и вѣрнее возвратити ядра въ Чехію, но сдѣлавши,
и пошла впередъ вѣдать о вѣрности, и ходили въ земли Чешскія
свои четыре старца, там ер опустошили. Но Вратиславъ Чешскій
прислалъ князю своимъ предложеніемъ о мирѣ, Русскіи князья,
взявши свою часть и 1000 Гривенъ и серебра, и помирался. Нѣтъ
сомнѣнн, что это предѣлю Болеслава, который

потому и рѣшился помочь въ другой разъ Изяславу. Между тѣмъ умеръ Святославъ въ 1076 году. Всеволодъ сѣлъ на его мѣсто въ Кіевѣ зимою, а на лѣто долженъ былъ выступить противъ Изяслава, который шелъ съ Польскими полками; на Волини встрѣтились братья, и заключили миръ: Всеволодъ уступилъ Изяславу старшинство и Кіевъ, а самъ остался по прежнему въ Черниговѣ. Помощь Полаковъ не могла быть безкорыстна, и потому очень вѣроятны извѣстія, по которымъ Изяславъ поплатился за нее Червенскими городами.

Миръ между Ярославичами не принесъ мира Русской землѣ: было много племянниковъ, которые хотѣли добыть себѣ волостей. Всеславъ Полоцкій не хотѣлъ сидѣть спокойно на своемъ столѣ, началъ грозить Новгороду, какъ видно, пользуясь смертію Святослава и предполагаемою усобицею между Изяславомъ и Всеволодомъ. Смиръ послѣдняго Владиміръ ходилъ зимою 1076 года къ Новгороду на помощь его князю Глѣбу, безъ сомнѣнія противъ Всеслава⁶². Лѣтомъ, послѣ примиренія и ряда съ Изяславомъ, Всеволодъ виѣстъ съ сыномъ Владиміромъ ходилъ подъ Полоцкъ; а на зиму новый походъ: ходилъ Мономахъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Святополкомъ Изяславичемъ, подъ Полоцкъ и обожгли этотъ городъ; тогда же Мономахъ съ Половцами опустошилъ Всеславу волость до Одрьска⁶³; здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о наемномъ войскѣ изъ Половцевъ для междоусобной войны.

На сѣверозападѣ нужно было постоянно сторожить чародѣя Всеслава; а съ юго-востока начали грозить новыя войны, и не отъ однихъ степныхъ варваровъ, но отъ обдѣленныхъ князей, которые приводили послѣднихъ. Мы видѣли, что кромѣ Владиміра Новгородскаго умерли еще двое младшихъ Ярославичей, Вячеславъ и Игорь, оставя сыновей, которымъ, по обычаю, отчинъ не дали и другими волостями не надѣлили; изгоня подросли, и стали сами искать себѣ волостей. Въ то время, какъ Святославъ умеръ, а Всеволодъ выступилъ противъ Изяслава, Борисъ, смиръ Вячеслава Смоленскаго, воспользовался удаленіемъ дяди, и сѣлъ въ Черниговъ; но могъ держаться тамъ только 8 дней и убѣжалъ въ Тмутаракань, гдѣ княжилъ одинъ изъ Святославичей, Романъ. Послѣ Святослава осталось пять сыновей: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ. При жизни

отца Глѣбъ сидѣлъ въ Новгородѣ, Олегъ во Владимирѣ Волинскомъ, Романъ въ Тмутаракани, о Давидѣ не извѣстно, Ярославъ былъ очень молодъ⁶⁴. Романъ Тмутараканскій принялъ Бориса Вячеславича; но за нимъ долженъ былъ дать убѣжище и роднымъ братьямъ, потому что Изяславъ не хотѣлъ дать волостей дѣтямъ Святославовымъ. Глѣбъ былъ изгнанъ изъ Новгорода⁶⁵, Олегъ выведенъ изъ Владимира; Глѣбъ погибъ далеко на сѣверѣ, въ странахъ Чуди Заволоцкой; Олегъ ушелъ сначала было въ Черниговъ, къ дядѣ Всеволоду, отъ котораго могъ ждаты больше милости, чѣмъ отъ Изяслава; но и Всеволодъ или не хотѣлъ, или не могъ надѣлать Святославича волостью, и тотъ отправился къ братьямъ въ Тмутаракань, извѣстное убѣжище для всѣхъ изгнанниковъ, для всѣхъ недовольныхъ. Выгнавши племянниковъ, Ярославичи распорядились волостями въ пользу своихъ дѣтей: Святополка Изяславича посадили въ Новгородъ, брата его Ярополка въ Вышгородъ, Владимира Всеволодовича Мономаха въ Смоленскъ. Но изгнанные князья не могли жить праздно въ Тмутаракани: въ 1078 году Олегъ и Борисъ привели Половцевъ на Русскую землю и пошли на Всеволода; Всеволодъ⁶⁶ вышелъ противъ нихъ на рѣку Сожицу (Оржицу), и Половцы побѣдили Русь, которая потеряла много знатныхъ людей: убитъ былъ Иванъ Жирславичъ, Тукій, Чудиновъ братъ, Порфѣй и многіе другіе. Олегъ и Борисъ вошли въ Черниговъ, думая, что одолѣли; Русской землѣ они тутъ много зла надѣлали, говорить лѣтописецъ. Всеволодъ пришелъ къ брату Изяславу въ Кіевъ и рассказалъ ему свою бѣду; Изяславъ отвѣчалъ ему: «Братъ! не тужи, вспомни, что со мною самимъ случилось! во первыхъ разѣ не выгнали меня и имѣнья моего не разграбили? потомъ въ чемъ я провинился, а былъ же выгнанъ вами братьями своими? не скитался ли я по чужимъ землямъ ограбленный, а зла за собою не зналъ никакого. И теперь, братъ, не станемъ тужить: будетъ ли намъ часть въ Русской землѣ, то обоемъ, лишимся ли ея, то оба же вмѣстѣ: я сложу свою голову за тебя». Такими словами онъ утѣшилъ Всеволода, и велѣлъ собирать войско отъ мала до велика; другаго не осталось больше ничего дѣлать, потому что Святославичи конечно не оставили бы въ покоѣ Изяслава, главнаго врага своего. Изяславъ выступилъ въ по-

ходъ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ. Послѣдній находился въ Смоленскѣ, когда узналъ о вторженіи изгнанныхъ князей; поспѣшилъ на помощь къ отцу и оружіемъ проложилъ себѣ путь сквозь Половецкіе полки къ Переяславлю, гдѣ нашелъ Всеволода, пришедшаго съ битвы на Сожицѣ. Ярославичи съ сыновьями пошли къ Чернигову, жители котораго затворились отъ нихъ, хотя Олега и Бориса не было въ городѣ; есть извѣстіе, что они ѣздили въ Тмутаракань собирать новое войско⁶⁷. Черниговъ имѣлъ двойныя стѣны; князья приступили къ внѣшней оградѣ (городу); Мономахъ отбилъ восточныя ворота⁶⁸, и внѣшній городъ былъ сожженъ, послѣ чего жители убѣжали во внутренній. Но Ярославичи не имѣли времени приступить къ послѣднему, потому что пришла вѣсть о приближеніи Олега и Бориса; получивши ее, Изяславъ и Всеволодъ рано утромъ отошли отъ Чернигова и отправились на встрѣчу къ племянникамъ, которые совѣтовались, что имъ дѣлать? Олегъ говорилъ Борису: «Нельзя намъ стать противъ четырехъ князей; пошлемъ лучше къ дядьямъ съ просьбою о мирѣ»; Борисъ отвѣчалъ: «Ты стой—смотри только, я одинъ пойду на нихъ на всѣхъ». Пошли и встрѣтились съ Ярославичами у села на Нѣжатинѣ Нивѣ⁶⁹; полки сошлись, и была съча злая: во-первыхъ убили Бориса, сына Вячеславова; Изяславъ стоялъ съ пѣшими полками, какъ вдругъ нахалъ одинъ изъ непріятельскихъ воиновъ, и ударилъ его въ плечо копьемъ: рана была смертельная. Не смотря на убіеніе двухъ князей съ обѣихъ сторонъ, битва продолжалась; наконецъ Олегъ побѣждалъ и едва могъ уйти въ Тмутаракань (3-го октября 1078 года). Тѣло Изяслава взяли, привезли въ лодкѣ и поставили противъ Городца, куда на встрѣчу вышелъ весь городъ Кіевъ; потомъ положили тѣло на сани и повезли, священники и монахи провожали его съ пѣніемъ; но нельзя было слышать пѣнія за плачемъ и воплемъ великимъ, потому что плакалъ по немъ весь городъ Кіевъ; Ярополкъ шелъ за тѣломъ и причиталъ съ дружиною: «батюшка, батюшка! не безъ печали ты пожилъ на этомъ свѣтѣ; много напасти принялъ отъ людей и отъ своей братьи; и вотъ теперь погибъ не отъ брата, а за брата сложилъ голову». Принесли и положили тѣло въ церкви Богородицы, въ гробѣ мраморномъ⁷⁰. По словамъ летопис-

ца, Изяславъ былъ красивъ лицомъ, высокъ и полонъ, правомъ незлобивъ, кривду ненавидѣлъ, правду любилъ; лести въ немъ не было, прямой былъ человекъ и не мстительный. Сколько зла сдѣлали ему Кіевляне! самого выгнали, домъ разграбили, а онъ не заплатилъ имъ зломъ за зло; если же кто скажетъ: онъ казнилъ Всеславовыхъ освободителей—то вѣдь не онъ это сдѣлалъ, а сынъ его. Потомъ братья прогнали его, и ходилъ, блуждалъ онъ по чужой землѣ; а когда съѣлъ на своемъ столѣ, и Всеволодъ прибѣжалъ къ нему побѣжденный, то Изяславъ не сказалъ ему: «А вы что мнѣ сдѣлали?» не заплатилъ зломъ за зло, а утѣшилъ, сказалъ: «ты, братъ, показалъ ко мнѣ любовь, ввелъ меня на столъ мой и назвалъ старшимъ: такъ и я теперь не помню первой злобы; ты мнѣ братъ, а я тебѣ, и положу голову свою за тебя», что и случилось; не сказалъ ему: «Сколько вы мнѣ зла сдѣлали, а вотъ теперь пришла и твоя очередь!» не сказалъ: «ступай куда хочешь», но взялъ на себя братнюю печаль и показалъ любовь великую.—Смерть за брата, прекрасный примѣръ для враждующихъ братій, заставилъ лѣтописца, и, можетъ быть, всѣхъ современниковъ, удивиться надъ участіемъ Изяслава при господствѣ непосредственныхъ чувствъ. Однако и лѣтописецъ спѣшитъ опровергнуть возраженіе на счетъ казни виновниковъ Всесловова освобожденія, и складываетъ всю вину на сына Изяславова, Мстислава: значитъ это возраженіе существовало въ его время; монахъ Кіевопечерскаго монастыря долженъ былъ знать и о послѣдующихъ гоненіяхъ, напр. на св. Антонія; Всеволоду Изяславъ простилъ, потому что и прежде, какъ видно, этотъ Ярославичъ былъ мало виноватъ, да и послѣ загладилъ свою вину; наконецъ собственная безопасность принуждала Изяслава вооружиться противъ племянниковъ; но дѣтямъ Святославовымъ, конечно невиннымъ въ дѣлѣ отца, Изяславъ не могъ простить и отнялъ у нихъ волости, себѣ и Русской землѣ на бѣду.

Какъ бы ни было, первый старшій или Великій князь послѣ Ярослава палъ въ усобицѣ. Всѣ усобицы, которыя мы видимъ при старшинствѣ Изяслава, происходили отъ того, что осиротѣлые племянники не получали волостей. При отсутствіи отчиннаго права относительно отдѣльныхъ волостей, дядя смотрѣлъ на осиротѣлыхъ племянниковъ какъ на изгоевъ, обязанныхъ, по

своему сиротскому положенію, жить изъ милости старшихъ, быть довольными всѣмъ, что дадутъ имъ послѣдніе, и потому или не давали имъ вовсе волостей, или давали такія, какими тѣ не могли быть довольны. Но если дядя считали для себя выгоднымъ отсутствіе отчиннаго права, то не могли находить для себя это выгоднымъ осиротѣлые племянники, которые, лишась преждевременною смертію отцевъ надежды на старшинство въ родѣ, хотѣли, по крайней мѣрѣ, достать то, чѣмъ владѣли отцы, или хотя другую, но болѣе или менѣе значительную волость, чтобъ не быть лишенными Русской земли. Такимъ образомъ мы видимъ, что первыя усобицы на Руси произошли отъ отсутствія отчиннаго права въ отдѣльныхъ волостяхъ, отъ стремленія осиротѣлыхъ князей—изгоевъ установить это право, и отъ стремленія старшихъ не допустить до его установленія. Князьямъ изгоямъ легко было доискиваться волостей: Русь граничила съ степью, а въ степи скитались разноплеменные варварскія орды, среди которыхъ легко было набрать войско обѣщаніемъ добычи; вотъ почему застѣпный Тмутаракань служитъ постояннымъ убѣжищемъ для изгоевъ, которые возвращаются оттуда съ дружинами отыскивать волостей.

Мы видѣли дѣятельность изгоя Ростислава, сына Владимірова; у него остались сыновья въ томъ же положеніи, слѣдовательно съ тѣми же стремленіями; мы видѣли судьбу изгоя—Бориса Вячеславича; у него, какъ видно, не было ни братьевъ, ни сыновей; но были сыновья у Игоря Ярославича — тоже изгон; къ числу ихъ Изяславъ захотѣлъ присоединить еще и дѣтей Святославовыхъ, тогда какъ послѣдніе имѣли основаніе не считать себя изгоями: ихъ отецъ былъ старшимъ, умеръ на главномъ столѣ. Если Изяславъ могъ считать это старшинство незаконнымъ, и мстить дѣтямъ своего гонителя отнятіемъ у нихъ волостей, то Всеволодъ не имѣлъ на это никакого права: Изяславъ былъ изгнанъ не однимъ Святославомъ, но Святославомъ и Всеволодомъ вмѣстѣ; Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава справедливымъ, признавалъ старшинство Святослава до самой смерти послѣдняго: на какомъ же основаніи онъ могъ считать сыновей Святославовыхъ изгоями, лишить ихъ волостей? Не смотря на то, Всеволодъ, враждуя съ Святославичами за недавнее изгнаніе, и пользуясь правомъ побѣды, не думалъ пригля-

шать ихъ въ Русь, и тѣмъ готовилъ для себя и для потомковъ своихъ новую усобицу ⁷¹.

Всеволодъ, сѣвъ въ Кіевъ, на столѣ отца своего и брата, взялъ себѣ всѣ волости Русскія, посадилъ сына своего Владимира въ Черниговъ, а племянника Ярополка Изяславича во Владимиръ Волинскомъ, придавъ къ нему Туровъ. Но обдѣленные князья не могли долго оставить его въ покоѣ. Въ 1079 году явился Романъ Святославичъ съ Половцами у Воина ⁷²; Всеволодъ вышелъ на встрѣчу, сталъ у Переяславля и успѣлъ заключить миръ съ Половцами, разумѣется, давши имъ вѣрное вмѣсто невѣрнаго, обѣщаннаго Романомъ. Половцы не только не сдѣлали для Романа того, зачѣмъ пришли, но даже убили его на возвратномъ пути вслѣдствіе ссоры, которую завелъ Романъ съ ихъ князьями за обманъ, какъ говоритъ одно очень вѣроятное извѣстіе. Впрочемъ изъ послѣдующихъ извѣстій лѣтописи видно, что виновниками убійства Романова были собственно не Половцы, а Козары, знакъ, что Романово ополченіе были сбродное изъ разныхъ народовъ, и что Козары, послѣ разрушенія своего царства, существовали еще какъ особый народъ и играли нѣкоторую роль на степныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Убивъ Романа, Козары и Половцы, разумѣется, не могли жить въ мирѣ съ братомъ его Олегомъ, и потому, какъ сказано въ лѣтописи, они заточили его за море, въ Царьградъ, откуда его отправили на островъ Родось; нѣтъ сомнѣнія, что Козары и Половцы могли сдѣлать это не иначе какъ съ согласія императора, для котораго вѣроятно Русскіе изгои были также опасными сосѣдями: это ясно видно изъ судьбы Ростиславовой; очень вѣроятно, что заточеніе Олега произошло и не безъ вѣдома Всеволода, который воспользовался имъ, и послалъ въ Тмутаракань своего посадника Ратибора.

Но Тмутаракань недолго оставалась безъ изгоевъ; черезъ годъ бѣжали туда изъ Владимиро-Волинскихъ волостей сынъ Игоря Ярославича Давидъ, и сынъ извѣстнаго уже намъ Ростислава Владиміровича—Володаръ; они выгнали Ратибора и сѣли въ Тмутаракани; но сидѣли недолго: чрезъ годъ возвратился туда изъ изгнанія Олегъ, схватилъ Давида и Володаря, сѣлъ опять въ Тмутаракани, перебилъ Козаръ, которые были совѣтниками на убіеніе Романа и на его собственное изгнаніе, а Давида

и Володаря отпустилъ. Лишенные убѣжища въ Тмутаракани, эти князья должны были думать о другихъ средствахъ какъ бы добыть себѣ волостей. Въ 1084 году Ростиславичи ⁷⁶, по словамъ лѣтописца, выбѣжали отъ Ярополка, слѣдовательно ясно, что они жили у него во Владимирѣ безъ волостей; выбѣжали, не сказано куда, потомъ возвратились съ войскомъ, и выгнали его изъ Владимира ⁷⁷. Съ кѣмъ возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, какъ могли безземельные князья выгнать Ярополка изъ его волости? На всѣ эти вопросы не даетъ отвѣта лѣтопись; но и ея краткія извѣстія могутъ показать намъ, какъ легко было тогда добыть дружину; ясно также, что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не приобрѣтя себѣ многочисленныхъ и сильныхъ приверженцевъ во Владимирѣ. Всеволодъ послалъ противъ Ростиславичей сына своего Мономаха, который прогналъ ихъ изъ Владимира и посадилъ здѣсь опять Ярополка. Въ лѣтописи объ этомъ сказано такъ, какъ будто бы все сдѣялось вдругъ; но изъ собственныхъ словъ Мономаха видно, что борьба съ Ростиславичами кончилась не скоро, потому что онъ ходилъ къ Изяславичамъ за Микулинъ, въ нынѣшнюю Галицію и потомъ два раза ходилъ къ Ярополку на Броды, весною и зимою ⁷⁸. Счастливецъ Ростиславичей былъ Давидъ Игоревичъ: онъ ушелъ съ своею дружиною въ Днѣпровскія устья, захватилъ здѣсь Греческихъ купцовъ, отнялъ у нихъ всѣ товары; но отъ Греческой торговли зависѣло богатство и значеніе Кіева, слѣдовательно богатство казны великокняжеской, и вотъ Всеволодъ принужденъ былъ прекратить грабежи Давида обѣщаніемъ дать волость, и точно назначилъ ему Дорогобужъ ⁷⁹ на Волини. Но этимъ распоряженіемъ Всеволодъ не прекратилъ, а еще болѣе усилилъ княжескія распри: Ярополкъ Изяславичъ, князь Волинскій, въ отдачу Дорогобужа Давиду видѣлъ обиду себѣ, намѣреніе Всеволода уменьшить его волость, и потому началъ злоститься на Всеволода ⁸⁰, собирать войско, по наущенію злыхъ совѣтниковъ, прибавляетъ лѣтописецъ ⁸¹. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ послалъ противъ него сына своего Владимира, и Ярополкъ, оставя мать въ Луцкѣ ⁸², бѣжалъ въ Польшу. Луцкъ сдался Мономаху, который захватилъ здѣсь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имѣнье, а во Владимирѣ посадилъ Давида Игоревича. Въротно въ это время Червенскіе города,

область послѣдующаго Галицкаго княжества были утверждены за Ростиславичами, потому что послѣ мы видимъ старшаго изъ нихъ Юрику княземъ въ Перемышль; очень вѣроятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у Поляковъ, союзниковъ Ярополковыхъ⁸³, не безъ согласія Всеволода. Но въ слѣдующемъ году Ярополкъ пришелъ изъ Польши, заключилъ миръ съ Мономахомъ и сѣлъ опять въ Владимиръ; вѣроятно такому обороту дѣлъ много содѣйствовала прежняя дружба Мономахова къ Ярополку; благодарность стараго Всеволода къ отцу его Изяславу, и нежеланіе ссориться съ сыновьями послѣдняго, изъ которыхъ старшій долженъ былъ получить старшинство по смерти Всеволодовой. Ярополкъ однако недолго пользовался возвращенною волостію: посидѣвъ нѣсколько дней во Владимирѣ, онъ поѣхалъ въ Звенигородъ⁸⁴, одинъ изъ городовъ Галицкихъ; когда князь дорогою лежалъ на возу, то какой-то Нерадецъ, какъ видно находившійся въ дружинѣ и ѣхавшій подлѣ на лошади, ударилъ его саблею; Ярополкъ приподнялся, вынулъ изъ себя саблю, и громко закричалъ: «охъ, этотъ врагъ меня покончилъ!» Нерадецъ бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, а Ярополкъ умеръ отъ раны; отроки взяли его тѣло, и повезли сперва во Владимиръ, а потомъ въ Кіевъ, гдѣ и погребли его въ церкви св. Петра, которую самъ началъ строить. Въ Кіевѣ сильно плакали на похоронахъ Ярополка; лѣтописецъ также жалѣетъ объ этомъ князѣ, говоритъ, что онъ много принималъ бѣдъ, безъ вины былъ изгнанъ братьями, обиженъ, разграбленъ, и наконецъ принялъ горькую смерть; былъ онъ, по словамъ лѣтописца, тихъ, кротокъ, смиренъ, братолюбивъ, давалъ каждый годъ десятину въ Богородичную Кіевскую церковь отъ всего своего имѣнія, и просилъ у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глѣба; Богъ услышалъ его молитву, заключаетъ лѣтописецъ. О причинѣ убійства лѣтописецъ говоритъ глухо: Нерадецъ, по его словамъ, убилъ Ярополка, будучи наученъ отъ дьявола и отъ злыхъ людей; вспомнимъ сказанное нами прежде, что Ростиславичи могли овладѣть Владимиромъ только съ помощію приверженцевъ своихъ, слѣд. людей непризнанныхъ Ярополку; люди, желавшіе прежде его изгнанія, теперь не могли охотно видѣть его возстановленіе. Но убійца бѣжалъ къ Ростиславичу въ Перемышль: это одно обстоятельство

могло заставить современниковъ сильно заподозрить Ростиславичей, если они и не были совершенно убѣждены въ дѣйствительномъ участіи послѣднихъ въ дѣлѣ Нерадца; послѣ Давидъ Игоревичъ прямо говорилъ, что Ярополкъ былъ убитъ Ростиславичами. Съ перваго разу кажется, что Ростиславичи или одинъ изъ нихъ. Рюрикъ, не имѣли достаточнаго основанія рѣшиться на подобное дѣло; скорѣе казалось бы можно было заподозрить Давида Игоревича, и по характеру послѣдняго, да и потому, что онъ больше всѣхъ терялъ съ возстановленіемъ Ярополка на Владимірскомъ столѣ. Но объ участіи Давида нѣтъ ни малѣйшаго намека въ лѣтописи; самъ Давидъ послѣ, говоря Святополку объ убіеніи брата его, не могъ выдумать объ участіи Ростиславичей и объявить объ этомъ Святополку за новость; если бы современники подозрѣвали Давида, то и лѣтописецъ самъ, и Святополкъ Изяславичъ, и Кіевляне на вѣчѣ, и князья на съѣздѣ непременно бы упомянуть объ этомъ по случаю злодѣяства Давидова надъ Василькомъ. Если лѣтописецъ не указываетъ прямо на Ростиславичей, то это доказываетъ, что у современниковъ не было достаточныхъ уликъ противъ нихъ; но не безъ намѣренія лѣтописецъ выставляетъ бѣгство Нерадца къ Рюрику въ Перемышль. Что касается до побужденій, то мы не знаемъ подробностей: знаемъ только то, что Ростиславичи жили у Ярополка, приобрѣли средства выгнать его изъ Владимира, но потомъ сами были выгнаны въ его пользу; здѣсь очень легко могло быть положено начало смертельной вражды; Ростиславичи могли думать, что никогда не будутъ безопасны въ своей волости, пока врагъ ихъ будетъ сидѣть во Владимірѣ; обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: посидѣвши мало времени во Владимірѣ, Ярополкъ отправился къ Звенигороду; мы не знаемъ, за чѣмъ предпринялъ онъ это путешествіе? мы не знаемъ еще, кому принадлежалъ въ это время Звенигородъ? очень вѣроятно, что Ростиславичамъ; очень вѣроятно, что выраженіе лѣтописца: «Иде Звенигороду» означаетъ походъ воинскій. Наконецъ, что касается до характера Рюрика Ростиславича, то мы знаемъ объ немъ только то, что онъ выгналъ Ярополка изъ Владимира, и потомъ принялъ къ себѣ его убійцу: эти два поступка нисколько не ругаются намъ за его нравственность⁸⁵.

Въ томъ же 1046 году Всеволодъ самъ предпринималъ походъ къ Перемышлю на Ростиславичей, и походъ этотъ не могъ быть безъ связи съ предшествовавшими событіями. Но съ Ростиславичами, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, трудно было воевать: походъ кончился ничѣмъ, потому что Ростиславичи остались по прежнему въ своей волости⁸⁶. Такъ кончились пока смуты на Волыни; но, кромѣ этихъ смуть и борьбы на востокѣ съ Святославичами, шла еще борьба со Всеславомъ Полоцкимъ. По принятіи Всеволодомъ старшинства, Всеславъ обжегъ Смоленскъ, т. е. пожегъ посады около крѣпости или города; Мономахъ изъ Чернигова погнался за нимъ наспѣхъ о двухъ коняхъ (т. е. дружина взяла съ собою по парѣ коней для перемѣны); по чародѣя Всеслава трудно было настичь: Мономахъ не засталъ его подъ Смоленскомъ, и пошелъ по его слѣдамъ въ Полоцкую волость, повоевалъ и пожегъ землю⁸⁷. Потомъ въ другой разъ пошелъ Мономахъ съ Черниговцами и Половцами къ Минску, нечаянно напалъ на городъ, и не оставилъ у него ни челядина, ни скотины, по его собственному выраженію.

Въ 1093 году умеръ послѣдній изъ Ярославичей, Всеволодъ, 64 лѣтъ. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ князь былъ измлада боголюбивъ, любилъ правду, былъ милостивъ къ нищимъ, чтилъ епископовъ и священниковъ, но особенно любилъ монаховъ, давалъ имъ все потребное; былъ также воздерженъ, и за то любимъ отцемъ своимъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ Кіевѣ Всеволоду было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ въ Переяславлѣ; хлопоталъ онъ все съ племянниками, которые просили волостей: одинъ просилъ той, другой этой, онъ все ихъ мирилъ и раздавалъ волости. Къ этимъ заботамъ присоединились болѣзни, старость, и сталъ онъ любить молодыхъ, совѣтоваться съ ними, а молодые старались отдалять его отъ прежней, старой дружины; до людей перестала доходить княжая правда, тіуны начали грабить, братъ несправедливо пени при судѣ; а Всеволодъ ничего этого не зналъ въ своихъ болѣзняхъ. — Намъ нѣтъ нужды разумѣть здѣсь подъ молодыми и именно молодыхъ лѣтами: трудно предположить, что Всеволодъ, на старости лѣтъ, покинулъ своихъ ровесниковъ, и окружилъ себя юношами; если обратимъ вниманіе на послѣдующія явленія, то можемъ легче объяснить

смыслъ словъ лѣтописца: подъ молодыми людьми разумѣются у него люди новые; новая дружина, приведенная изъ Переяславля и Чернигова противопоставляется дружинѣ первой; князья, перемѣщаясь изъ одной волости чь другую, съ младшаго стола на старшій, приводили съ собою свою дружину, которую, разумѣется, предпочитали дружинѣ, найденной въ новомъ княжествѣ, оставшейся послѣ прежняго князя; отсюда происходила невыгода во-первыхъ для народа, потому что пришлецы не соблюдали чуждой для нихъ области, и старались наживать на счетъ гражданъ; во-вторыхъ, для старыхъ бояръ, которыхъ пришлецы отстраняли отъ важныхъ должностей, отъ княжескаго расположенія, заѣзжали ихъ, по мѣстническому позднѣйшему выраженію. Каково было грабительство тиуновъ княжескихъ при Всеволодѣ, свидѣтельствуютъ слова лучшихъ Кіевлянъ, что земля ихъ оскудѣла отъ рати и отъ продажъ. — Такъ сошло съ поприща первое поколѣніе Ярославичей: при первомъ уже изъ нихъ начались усобицы вслѣдствіе изгнанія о сиротѣлыхъ племянниковъ; при первомъ уже изъ нихъ былъ нарушенъ порядокъ преемства, и это нарушеніе увеличило число изгоевъ и слѣдовательно усилило усобицы, жертвою которыхъ пало три князя; переходы князей изъ волости въ волость, — вслѣдствіе родовыхъ счетовъ, показали уже народу всю невыгоду такого порядка вещей, особенно въ княженіе Всеволода, когда повые дружинники разорили Кіевскую землю, земля раззорялась также ратью, набѣги степныхъ варваровъ не прекращались, и въ челѣ Половцевъ народъ видѣлъ Русскихъ князей, приходившихъ искать волостей въ Русской землѣ, которую безнаказанно пустошили ихъ союзники; начались тѣ времена, когда по землѣ сѣялись и росли усобицы, и въ княжихъ крамолахъ сокращался вѣкъ людской, когда въ Русской землѣ рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля себѣ трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу⁸⁸.

Изъ внѣшнихъ отношеній на первомъ планѣ, какъ прежде, такъ и теперь, была борьба съ степными варварами, изъ которыхъ главное мѣсто занимали Половцы. Мы упоминали о войнахъ съ ними по поводу княжескихъ усобицъ; но кромѣ того они часто набѣгали и безъ всякаго повода⁸⁹. Въ удачныхъ битвахъ съ этими варварами за Русскую землю началъ славиться и

приобрѣтать народную любовь сынъ Всеволода, знаменитый Мономахъ: 12 удачныхъ битвъ выдержалъ онъ съ Половцами въ одно княженіе отца своего; если Половцы помогали Русскимъ князьямъ въ ихъ усобицахъ, за то и Мономахъ иногда ходилъ на варваровъ, ведя съ собою варваровъ же изъ другихъ племенъ ⁹⁰. Мы видѣли, что Ярославичи, свободные еще отъ усобицъ, нанесли сильное пораженіе Торкамъ, заставили часть ихъ поселиться въ предѣлахъ Руси, и признать свою зависимость отъ нея; но въ 1080 году Торки, поселенные около Переяславля и потому названные въ летописи Переяславскими, вздумали возвратить себѣ независимость и заратились; Всеволодъ послалъ на нихъ сына своего Мономаха, и тотъ побѣдилъ Торковъ. На сѣверъ шла борьба съ Финскими и Литовскими племенами. Къ первымъ годамъ княженія Изяславова относится побѣда его надъ Голядами; слѣдовательно народонаселеніе нынѣшняго Можайскаго и Гжатскаго уѣздовъ не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось въ сторонѣ отъ главныхъ путей, по которымъ распространялись Русскія владѣнія ⁹¹. Въ 1055 году Посадникъ Остромиръ ходилъ съ Новгородцами на Чудь и овладѣлъ тамъ городомъ Осекъ Декипивъ, т. е. Солнечная рука; въ 1060 году самъ Изяславъ ходилъ на Сосоловъ и заставилъ ихъ платить дань; но скоро они выгнали Русскихъ сборщиковъ дани, пожгли городъ Юрьевъ и околныя селенія до самаго Пскова; Псковичи и Новгородцы вышли къ нимъ на встрѣчу, сразились и потеряли 1000 чловѣкъ, а Сосоловъ пало безчисленное множество. На сѣверо-востокъ было враждебное столкновеніе съ Болгарами, которые въ 1088 году взяли Муромъ.

На западъ Ростиславичи боролись съ Поляками; особенно въ этой борьбѣ сталъ знаменитъ третій братъ—Василько. Мы видѣли, что Болеславъ II-й Смѣлый, пользуясь смутами въ имперіи, умѣлъ возстановить прежнее значеніе Польши, которое потеряла она по смерти Болеслава I-го Храбраго; но, будучи счастливъ въ борьбѣ со внѣшними врагами, Болеславъ Смѣлый не могъ осилить внутреннихъ: принятіе королевскаго титула, стремленіе усилить свою власть на счетъ пановъ, строгіе поступки съ ними, умерщвленіе Краковскаго епископа Станислава, возбуждали ненависть пановъ и духовенства, слѣдствіемъ чего было

изгнаніе Болеслава Смѣлаго, и возведеніе на престолъ брата его, слабаго Владислава Германа. Владиславъ ввѣрился во всемъ Палатину Сецеху, который корыстолюбіемъ и насильственными поступками возбудилъ всеобщее негодованіе. Недовольные встали подъ предводительствомъ побочнаго сына Владиславова. Збигнева; въ эту усобицу вмѣшались Чехи, и съ другой стороны Владиславъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ Поморскими Славянами. Легко понять, что при такихъ обстоятельствахъ Польша не только не могла обнаружить своего вліянія на дѣла Руси, но даже не могла съ усиліемъ бороться противъ Василька Ростиславича, который съ Половцами пустошилъ ея области.

Мы разсмотрѣли внутреннія и внѣшнія отношенія на Руси при первомъ поколѣніи Ярославичей, видѣли дѣятельность князей; въ заключеніе обратимъ вниманіе на другихъ дѣателей, на мужей изъ дружины княжеской, имена которыхъ кое-гдѣ попадаются въ лѣтописи. Прежде всего мы встрѣчаемъ или Остромира, посадника Новгородскаго; сынъ его, Вышата убѣждалъ съ Ростиславомъ Владиміровичемъ въ Тмутаракань; объ немъ больше нѣтъ извѣстій. Но вмѣстѣ съ Вышатою спутникомъ Ростислава названъ также какой-то Порѣй; Порѣй былъ убитъ на Сожицѣ противъ Половцевъ въ 1078 году; если это тотъ самый Порѣй, то значитъ, что по смерти Ростислава, онъ перешелъ въ дружину Всеволода. Мы видѣли, что въ 1067 году въ Кіевѣ при Изяславѣ былъ тысяцкимъ Коснячко, вѣроятно бѣжавшій вмѣстѣ съ Изяславомъ; этотъ же Коснячко былъ съ Изяславомъ при установленіи Правды; состороны Святослава, изъ Чернигова былъ при этомъ дѣлѣ Перенѣгъ, со стороны Всеволода изъ Переяславля Никифоръ; если Коснячко былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, то можемъ заключать, что Перенѣгъ имѣлъ въ то время такую же должность въ Черниговѣ, Никифоръ въ Переяславѣ; если такъ, то любопытно, что для установленія Правды собираются тысяцкіе, имѣвшіе близкое отношеніе къ городскому народонаселенію. Не знаемъ, кто былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ послѣ перваго возвращенія Изяслава, при Святославѣ, и послѣ втораго возвращенія Изяслава; но при Всеволодѣ (въ 1089 г.) эту должность занималъ Янъ, сынъ Вышаты, знаменитаго тысяцкаго во времена Ярослава; какъ видно, этотъ же самый Янъ ходилъ при

Святославъ за данью на сѣверъ. Потомъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи имена двухъ братьевъ Чудина и Туки; имена указываютъ на Финское происхожденіе; Чудинъ послѣ перваго возвращенія Изяславова держалъ Вышгородъ (1072 г.); Туки является дѣйствующимъ во время перваго изгнанія Изяславова: онъ совѣтовалъ Изяславу стеречь крѣпче Всеслава; изъ этого видно, какъ будто онъ принадлежалъ къ дружинѣ Кіевского князя; но потомъ, послѣ втораго возвращенія Изяславова, мы видимъ его въ дружинѣ Всеволода : онъ выходитъ вмѣстѣ съ этимъ княземъ противъ Половцевъ и погибаетъ въ битвѣ при Сожицѣ, значить онъ перешелъ изъ дружины Изяслава въ дружину Всеволода; впрочемъ могло быть, что онъ явился дѣйствующимъ лицомъ въ означенномъ Кіевскомъ событіи, принадлежа къ дружинѣ Всеволода, который прибѣжалъ въ Кіевъ съ поля битвы вмѣстѣ съ Изяславомъ; въ такомъ случаѣ любопытно, что одинъ братъ служилъ Изяславу, а другой Всеволоду. Въ битвѣ при Сожицѣ былъ убитъ еще Иванъ Жирславичъ, также мужъ изъ дружины Всеволода. При послѣднемъ, во время княженія его въ Кіевѣ, видимъ Ратибора, котораго онъ назначилъ посадникомъ въ Тму-таракань. Къ чьей дружинѣ принадлежалъ Бернъ, упоминаемый при перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба — трудно рѣшить; вѣроятно къ дружинѣ Святослава Черниговскаго.

ГЛАВА III.

СОБЫТІЯ ПРИ ВНУКАХЪ ЯРОСЛАВА I-ГО

(1093 — 1125).

Прежнія причины усобицъ. Характеръ Владиміра Мономаха. Онъ уступаетъ старшинство Святополку Изяславичу. Характеръ послѣдняго. Нашествіе Половцевъ. Олегъ Святославичъ въ Черниговъ. Борьба съ нимъ Святополка и Владиміра. Неудача Олега на Сѣверъ. Посланіе Мономаха къ Олегу. Сѣздъ князей въ Любечъ и прекращеніе борьбы на востокъ. Новая усобица на западъ вслѣдствіе ослѣпленія Василька Ростиславича. Прекращеніе ея на Витичевскомъ сѣздѣ. Распоряженія на счетъ Новгорода Великаго. Судьба Ярослава Ярополковича, племянника В. Князя. Событія въ Полоцкомъ княжествѣ. Войны съ Половцанин. Борьба съ другими сосѣдними варварами. Связь съ Венгрією. Смерть В. Князя Святополка. Кіевляне избираютъ Мономаха въ князья себя. Война съ Минскимъ княземъ Глебомъ и съ Волынскимъ Ярославомъ. Отношенія къ Грекамъ и Половцанъ. Смерть Мономаха. Дружина при внукахъ Ярослава 1-го.

Не прошло полвѣка по смерти Ярослава Стараго, какъ уже первое поколѣніе въ потомствѣ его смѣнилось вторымъ, сыновья внуками. Мы видѣли начало усобицъ при первомъ поколѣніи, видѣли ихъ причины въ стремленіи осиротѣлыхъ князей добыть себѣ часть въ Русской землѣ, которой не давали имъ дядья; усобицы усилились, когда Изяславъ былъ изгнанъ братьями, когда, возвратившись по смерти Святослава, онъ отнялъ прежнія волости у сыновей послѣдняго, которые должны были искать убѣжища въ отдаленномъ Тмутаракани, и, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Муромъ. Съ выступленіемъ на попріище внуковъ Ярославовыхъ, причины усобицъ оставались прежнія, и потому должно было ожидать тѣхъ же самыхъ явленій, какими ознаменовано и правленіе сыновей Ярославовыхъ.

Владимір Мономахъ ⁹³ съ братомъ Ростиславомъ были въ Кіевѣ во время смерти и погребенія отца своего; лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ началъ размышлять: «если сяду на столъ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что этотъ столъ былъ прежде отца его»; и размысливъ, послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль. Если Мономахъ единственнымъ препятствіемъ къ занятію Кіевского стола считалъ старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что онъ не видалъ никакихъ другихъ препятствій, именно не предполагалъ препятствія со стороны гражданъ Кіевскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желаніи имѣть его своимъ княземъ ⁹⁴. Нѣтъ сомнѣнія, что уже и тогда Мономахъ успѣлъ пріобрѣсть народную любовь, которою онъ такъ славенъ въ нашей древней исторіи. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лице съ характеромъ чисто охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей: но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпѣвшее отъ нихъ, требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свой родственныя обязанности, не которовался (не спорилъ) съ братьею, мирялъ враждебныхъ родичей, вносилъ умными совѣтами нарядъ въ семью: и вотъ Мономахъ во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія: по свидетельству современниковъ, всѣ дивились, какъ онъ исполнялъ обязанности, требуемыя церковію ⁹⁵. Для сдержанія главнаго зла, усобицъ, нужно было, чтобъ князья соблюдали клятву, данную другъ другу: Мономахъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался переступить крестнаго цѣлованія. Народъ испыталъ уже при другихъ князьяхъ бѣдствіе отъ того, что люди не доходила княжая правда, тиуны и отроки грабили безъ

вѣдома князя: Мономахъ не давалъ сильнымъ обижать ни худаго смерда, ни убогой вдовицы, самъ оправливалъ (давалъ правду, судъ) людей. При грубости тогдашнихъ нравовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, при чемъ подвергнувшійся ему платилъ жизнью: Мономахъ наказывалъ дѣтямъ своимъ, чтобъ они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ. Другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе: Мономахъ отличался цѣломудріемъ. Обществу сильно не нравилось въ князѣ корыстолюбіе; съ неудовольствіемъ видѣли, что внуки и правнуки Св. Владиміра отступаютъ отъ правилъ этого князя, копятъ богатство, собирая его съ тѣгостію для народа: Мономахъ и въ этомъ отношеніи былъ образцомъ добрыхъ князей: съ ранней молодости рука его простиралась ко всѣмъ, по свидѣтельству современниковъ *; никогда не пряталъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, но раздавалъ ихъ обѣими руками; а между тѣмъ казна его была всегда полна, потому что при щедрости онъ былъ образцемъ добраго хозяина, не смотрѣлъ на служителей, самъ держалъ весь нарядъ въ домѣ. Больше всѣхъ современныхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, ласковаго князя Владиміра: «Если поѣдете куда по своимъ землямъ (наказываетъ Мономахъ дѣтямъ), не давайте отрокамъ обижать народъ ни въ селахъ, ни на полѣ, чтобъ васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете, напоите, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, добрый или простой человекъ или посоль; не можете одарить его, угостите хорошею, напоите, накормите: гость по всѣмъ землямъ прославляетъ человека либо добрымъ, либо злымъ». Что дѣтямъ наказывалъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ, и когда они ѣли и пили досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ. Кромѣ усобицъ княжескихъ, земля терпѣла отъ безпрестанныхъ нападеній Половцевъ: Мономахъ съ ранней молодости стоялъ на сторожѣ Русской земли, бился за нее съ погаными, приобрѣлъ имя добраго страдальца (труженика) за Русскую землю по преимуществу. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха, его изумительная дѣятельность не могли не возбудить сильнаго сочувствія, особенно когда эти подвиги совершались на пользу землѣ. Большую часть жизни провелъ онъ

внѣ дома, большую часть ночей проспалъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покою ни ночью, ни днемъ, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, оправливалъ (судилъ) людей, ѣздилъ на охоту, или такъ куда-нибудь, въ полдень ложился спать, и потомъ слова начиналъ ту же дѣятельность. Дитя своего вѣка, Мономахъ сколько любилъ пробовать свою богатырскую силу на Половцахъ, столько же любилъ пробовать ее и на дикихъ звѣряхъ, былъ страстный охотникъ: дикихъ коней въ пущахъ вязалъ живыхъ своими руками; туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь на боку мечъ оторвалъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадыю: «Не бѣгаль я для сохраненія живота своего, не щадилъ головы своей», говоритъ онъ самъ: «Дѣти! не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужское дѣло; ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ; Божье блюдо лучше человѣческаго!» Но съ этою отвагою, удалю, ненасытною жаждою дѣятельности, въ Мономахѣ соединился здравый смыслъ, смѣтливость, умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу; изъ всего можно замѣтить, что онъ былъ сынъ добраго Всеволода и вмѣстѣ сынъ царевны Греческой. Изъ родичей Мономаха были и другіе не менѣ храбрые князья, не менѣ дѣятельные, какъ напр. чародѣй Всеславъ Полоцкій, Романъ и Олегъ Святославичи; но храбрость, дѣятельность Мономаха всегда совпадала съ пользою для Русской земли; народъ привыкъ къ этому явленію, привыкъ вѣрить въ доблести, благоразуміе, благонамѣренность Мономаха, привыкъ считать себя спокойнымъ за его щитомъ, и потому питалъ къ нему сильную привязанность, которую перенесъ и на все его потомство. Наконецъ послѣ личныхъ доблестей не безъ вліянія на уваженіе къ Мономаху было и то, что онъ происходилъ по матери отъ царской крови; особенно, какъ видно, это было важно для Митрополитовъ Грековъ⁸⁷, и вообще для духовенства.

Кіевляне должны были желать, чтобъ Мономахъ занялъ отцовское мѣсто; они могли желать этого тѣмъ болѣе, что Моно-

махъ былъ имъ хорошо извѣстенъ, и извѣстенъ съ самой лучшей стороны, тогда какъ Святополкъ Изяславичъ жилъ постоянно на отдаленномъ сѣверѣ, и только недавно, по смерти брата Ярополка, перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, безъ сомнѣнн для того, чтобъ быть поближе къ Кіеву, на случай скорой смерти Всеволода. Но мы видѣли причины, которыя заставляли Мономаха отказаться отъ старшаго стола: онъ опасался, что Святополкъ не откажется отъ своихъ правъ и будетъ доискиваться ихъ оружіемъ; Мономахъ долженъ былъ хорошо знать, къ чему ведутъ подобныя нарушенія правъ; долженъ былъ также опасаться, что если Святополкъ будетъ грозить ему съ запада, то съ востока Святославичи также не оставятъ его въ покоѣ. Кіевляне не могли не уважить основаніе, на которомъ Владиміръ отрекся отъ ихъ стола, не могли не сочувствовать уваженію къ старшинству и притомъ не имѣли права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера; и когда онъ явился изъ Турова въ Кіевъ, по приглашенію Мономаха, то граждане вышли къ нему съ поклономъ, и приняли его съ радостію. Но радость ихъ не могла быть продолжительна: характеръ сына Изяслава представлялъ разительную противоположность съ характеромъ сына Всеволодова: Святополкъ былъ жестокъ, корыстолюбивъ и властолюбивъ безъ ума и твердости; сыновья его были похожи на отца. Кіевляне немедленно испытали неспособность своего новаго князя ⁹⁸. Въ это время пошли Половцы на Русскую землю; услышавши, что Всеволодъ умеръ, они отправили пословъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, т. е. съ предложеніемъ купить у нихъ миръ: Мономахъ говоритъ дѣтямъ, что онъ въ свою жизнь заключилъ съ Половцами девятнадцать мировъ, при чемъ передавалъ имъ много своего скота и платья. Святополкъ, по словамъ лѣтописца, посоветовался при этомъ случаѣ не съ большею дружиною отца и дяди своего, т. е. не съ боярами Кіевскими, но съ тѣми, которые пришли съ нимъ, т. е. съ дружиною, которую онъ привелъ изъ Турова или, вѣроятнѣе, изъ Новгорода; мы видимъ здѣсь следовательно опять ясную жалобу на заѣздъ старыхъ бояръ пришлою дружиною новаго князя, явленіе необходимое при отсутствіи отчичности, наслѣдственности волостей; по совѣту своей дружины, Святополкъ велѣлъ посадить Половецкихъ пословъ въ тюрь-

му: или жалѣли скота и платья на покупку мира, или стыдились печатъ новое княженіе этою покупкою. Половцы, услышавши о заключеніи пословъ своихъ, стали воевать, пришло ихъ много, и обступили Торческій городъ⁹⁹, т. е. городъ заселенный Торками. Святополкъ испугался, захотѣлъ мира, отпустилъ Половцкихъ пословъ; но уже теперь сами Половцы не хотѣли мира и продолжали воевать. Тогда Святополкъ началъ собирать войско; умные люди говорили ему: «не выходи къ нимъ, мало у тебя войска»; онъ отвѣчалъ: «у меня 800 своихъ отроковъ, могутъ противъ нихъ стать»; несмысленные подстрекали его: «ступай князь!» а смышленные говорили: «хотя бы ты пристроилъ и восемь тысячъ, такъ и то было бы только въ пору; наша земля оскудѣла отъ рати и отъ продажъ; пошли-ка лучше къ брату своему Владиміру, чтобъ помогъ тебѣ». Святополкъ послушался и послалъ къ Владиміру; тотъ собралъ войско свое, послалъ и къ брату Ростиславу въ Переяславль, велъ ему помогать Святополку, а самъ пошелъ въ Кіевъ. Здѣсь, въ Михайловскомъ монастырѣ, свидѣлся онъ съ Святополкомъ и начались у нихъ другъ съ другомъ распри да которы; смышленные мужи говорили имъ «что вы тутъ спорите, а поганые губятъ Русскую землю; жася уладитесь, а теперь ступайте противъ поганыхъ, либо съ миромъ, либо съ войною». Владиміръ хотѣлъ мира, а Святополкъ хотѣлъ рати; наконецъ уладились, поцѣловали крестъ, и вошли втроемъ — Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, къ Треполю¹⁰⁰. Когда они пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, то прежде чѣмъ переходить ее, созвали дружину на совѣтъ, и начали думать. Владиміръ говорилъ: «Врагъ грозенъ; остановимся здѣсь и будемъ съ нимъ мириться». Къ совѣту этому пристали смышленные мужи, Янъ и другіе; но Кіевляне говорили: «хотимъ биться, пойдемъ на ту сторону рѣки»; они осилили и рать перешла рѣку, которая тогда сильно наводнилась. Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, исполчивши дружину, пошли: на правой сторонѣ шелъ Святополкъ, на лѣвой Владиміръ, по срединѣ Ростиславъ; ливнули Треполь, прошли и валъ, и вотъ показались Половцы, съ стрѣльцами впереди. Наши стали между двумя валами, поставили стяги (знамена) и пустили стрѣльцовъ своихъ впередъ изъ валовъ; а Половцы подошли къ валу, поставили также стяги свои, налегли прежде всего на Святополка, и сломили отрядъ

его. Святополкъ стоялъ крѣпко; но когда побѣжали люди, то побѣжалъ и онъ. Потомъ Половцы наступили на Владиміра; была у нихъ брань лютая; наконецъ побѣжалъ и Владиміръ съ Ростиславомъ; прибѣжавъ къ рѣкѣ Стугнѣ, стали переправляться въ бродъ, и при этой переправѣ Ростиславъ утонулъ передъ глазами брата, который хотѣлъ было подхватить его, но едва самъ не утонулъ; потерявши брата и почти всю дружину, печальный Владиміръ пришелъ въ Черниговъ, а Святополкъ сперва вбѣжалъ въ Треполь, затворился, пробылъ тутъ до вечера, и ночью пришелъ въ Кіевъ. Половцы, видя, что одолѣли, пустились воевать по всей землѣ, а другіе возвратились къ Торческому городу. Торки противились, боролись крѣпко изъ города, убивали много Половцевъ; но тѣ не переставали налегать, отнимали воду, и начали изнемогать люди въ городѣ отъ голода и жажды; тогда Торки послали сказать Святополку: «если не пришлешь хлѣба, то сдадимся»; Святополкъ послалъ; но обозу нельзя было прокрасться въ городъ отъ Половцевъ. Девять недѣль стояли они подъ Торческомъ, наконецъ раздѣлились: одни остались продолжать осаду, а другіе пошли къ Кіеву; Святополкъ вышелъ противъ нихъ на рѣку Желань¹⁰¹; полки сошлись, и опять Русскіе побѣжали; здѣсь погибло ихъ еще больше, чѣмъ у Треполя; Святополкъ пришелъ въ Кіевъ самъ третьей только, а Половцы возвратились къ Торческу. Лукавые сыны Измаиловы, говоритъ лѣтописецъ, жгли села и гумна, и много церквей запалили огнемъ; жителей били, оставшихся въ живыхъ мучили, уводили въ плѣнъ; города и села опустѣли; на поляхъ, гдѣ прежде паслись стада коней, овецъ и воловъ, теперь все стало пусто, нивы поросли—на нихъ живутъ звѣри. Когда Половцы съ побѣдою возвратились къ Торческу, то жители, изнемогши отъ голода, сдались имъ. Половцы, взявши городъ, запалили его, а жителей, раздѣливши, повели въ вежи къ сердо болямъ и сродникамъ своимъ, по выраженію лѣтописца. Печальныя, изнуренныя голодомъ и жаждою, съ осунувшимися лицами, почернѣвшимъ тѣломъ, нагіе, босые, исколотые терновникомъ, шли Русскіе плѣнники въ степи, со слезами рассказывая другъ другу, откуда кто родомъ—изъ какого города или изъ какой веси.

Святополкъ, видя, что нельзя ничего взять силою, помирился съ Половцами, разумѣется, заплативши имъ сколько хотѣли, и женился на дочери хана изъ Тугоркана. Но въ томъ же 1094 году Половцы явились опять, и на этотъ разъ ими предводительствовалъ Олегъ Святославичъ изъ Тмутаракани: жестокое поражение, потерпѣнное двоюродными братьями въ прошломъ году отъ Половцевъ, дало Олегу надежду получить не только часть въ Русской землѣ, но и всѣ отцовскія волости, на которыя онъ съ братьями имѣлъ полное право: внуки Ярослава находились тееръ другъ къ другу по роду и слѣдовательно по волостямъ, точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находились прежде жновья, а считать себя изгоемъ Олегъ не хотѣлъ. Онъ припелъ къ Чернигову, гдѣ осадилъ Мономаха, въ острогъ; окрестности города, монастыри были выжжены; восемь дней билась съ Половцами дружина Мономахова, и не пустила ихъ въ острогъ; наконецъ Мономахъ пожалѣлъ христіанской крови, горящихъ селъ, монастырей, сказалъ: «не хвалиться поганымъ» и отдалъ Олегу Черниговъ, столъ отца его, а самъ пошелъ на столъ своего отца, въ Переяславль. Такъ описываетъ самъ Мономахъ, свои побужденія; намъ трудно рѣшить, на сколько присоединялся къ нимъ еще расчетъ на невозможность долгаго сопротивленія съ маленькою дружиною, въ которой, по выѣздѣ его изъ Чернигова, не было и ста человекъ, считая вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; мы видѣли, что большую часть дружины потерялъ онъ въ битвѣ при Стугнѣ, гдѣ пали всѣ его бояре; попавшихся въ плѣнъ онъ послѣ выкупилъ ¹⁰², но ихъ было, какъ видно, очень мало. Съ этою-то небольшою дружиною вхалъ Мономахъ изъ Чернигова въ Переяславль черезъ полки Половецкіе; варвары облизывались на нихъ какъ волки, говоритъ самъ Мономахъ, но напасть не смѣли. Олегъ съѣлъ въ Черниговѣ, а Половцы пустились окрестную страну: князь не противился, онъ самъ велѣлъ имъ воевать, ибо другимъ нечѣмъ ему было заплатить союзникамъ, доставившимъ ему отцовскую волость. «Это уже въ третій разъ, говоритъ лѣтописецъ, навелъ онъ поганыхъ на Русскую землю; прости Господи ему этотъ грѣхъ, потому что много христіанъ было погублено, а другіе взяты въ плѣнъ и расточены по разнымъ землямъ.» На Руси Олегу этого не простили, и сколько любили Мономаха, какъ добраго страдальца за Рус-

скую землю, защищавшаго ее отъ поганныхъ, столько же не любили Олега, опустошавшаго ее съ Половцами; видѣли гибельныя слѣдствія войнъ Олеговыхъ, забыли обиду ему нанесенную, забыли, что онъ принужденъ былъ самъ добывать себѣ отцовское мѣсто, на которое не пускали его двоюродные братья ¹⁰³.

Незавидно было жить Мономаху въ Переяславѣ: « три лѣта и три зимы, говоритъ онъ, прожилъ я въ Переяславѣ съ дружиною, и много бѣдъ натерпѣлись мы отъ рати и отъ голода ». Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и безъ того уже раззоренную; Мономаху удалось разъ побить ихъ, и взять плѣнниковъ ¹⁰⁴. Въ 1095 году пришли къ нему два Половецкихъ Хана, Итларь и Китанъ на миръ, т. е. торговаться, много ли Переяславскій князь дастъ за этотъ миръ? Итларь съ лучшими людьми вошелъ въ городъ, а Китанъ сталъ съ войскомъ между валами, и Владиміръ отдалъ ему сына своего Святослава въ заложники за безопасность Итлара, который стоялъ въ домѣ боярина Ратибора. Въ это время пришелъ къ Владиміру изъ Кіева отъ Святополка бояринъ Славата за какимъ-то дѣломъ; Славата подучилъ ¹⁰⁵ Ратибора и его родню ¹⁰⁶ пойти къ Мономаху и убѣдить его согласиться на убійство Итлара. Владиміръ отвѣчалъ имъ: « Какъ могу я это сдѣлать, давши имъ клятву? » Тѣ сказали ему на это « Князь: не будетъ на тебѣ грѣха: Половцы всегда даютъ тебѣ клятву, и все губятъ Русскую землю,—льютъ кровь Христіанскую ». Владиміръ послушался, и ночью послалъ отрядъ дружины и Торковъ къ валамъ: они выкрали сперва Святослава, а потомъ перебили Китана и всю дружину его. Это было въ субботу вечеромъ; Итларь ночевалъ на дворѣ Ратиборовомъ, и не зналъ, что сдѣлалось съ Китаномъ. На другой день въ воскресенье, рано утромъ, Ратиборъ приготовилъ вооруженныхъ отроковъ, и велѣлъ имъ вытопить избу, а Владиміръ прислалъ отрока своего сказать Итларю и дружинѣ его: « Обувшись и позавтракавши въ теплой избѣ у Ратибора, прѣзжайте ко мнѣ ». Итларь отвѣчалъ: « хорошо! » Половцы вошли въ избу и были тамъ заперты; а между тѣмъ Ратиборовцы влезли на крышку, проломали ее, и Ольбегъ Ратиборовичъ, натянувъ лукъ, ударилъ Итлара стрѣлою прямо въ сердце; перестрѣляли и всю дружину его. Тогда Святополкъ и Владиміръ послали въ Черниговъ къ Олегу звать его съ собою вмѣстѣ на По-

юлцевъ; Олегъ обѣщался идти съ ними и пошелъ, но не вмѣстѣ: ясно было, что онъ не довѣрялъ имъ¹⁰⁷; быть можетъ, поступокъ съ Итларемъ былъ одною изъ причинъ этого недовѣрія. Святополкъ и Владиміръ пошли къ Половцамъ на вежи, взяли ихъ, поплѣнили скотъ, лошадей, верблюдовъ, рабовъ, и привели ихъ въ свою землю¹⁰⁸. Недовѣріе Олега сильно разсердило дворянскихъ братьевъ; послѣ похода они послали сказать ему: «ты не шель съ нами на поганыхъ, которые сгубили Русскую землю; а вотъ теперь у тебя сынъ Итларевъ; убей его, либо отдай намъ: онъ врагъ Русской землѣ.» Олегъ не послушался, и встала между ними ненависть. Вѣроятно въ связи съ этими событіями было движеніе на сѣверѣ брата Олега, Давида, о которомъ до сихъ поръ дошедшіе до насъ списки лѣтописи ничего не говорили; только въ сводѣ лѣтописей Татищева читаемъ, что остальные Святославичи при Всеволодѣ имѣли волость въ Муромѣ—извѣстіе очень вѣроятное; по смерти же Всеволода, какъ видно, Мономахъ принужденъ былъ отречься не отъ одного Чернигова въ пользу Олега, но долженъ былъ уступить также и Смоленскъ Давиду. Въ концѣ 1095 года, когда загорѣлась снова вражда между Олегомъ и братьями его, Святополкомъ и Владиміромъ, послѣдніе отправились къ Смоленску, вывели оттуда Давида, и дали ему Новгородъ¹⁰⁹, откуда сынъ Мономаха, Мстиславъ, посаженный дѣдомъ Всеволодомъ еще по удаленіи Святополка, былъ переведенъ въ Ростовъ: вѣроятно они не хотѣли, чтобъ волости Святославичей соприкасались другъ съ другомъ, при чемъ братья могли легко дѣйствовать соединенными силами; въ Смоленской волости, которая должна была раздѣлять волости Святославичей, Святополкъ и Владиміръ должны были посадить кого-нибудь изъ своихъ, и вотъ есть извѣстіе, что Владиміръ посадилъ здѣсь сына своего Изяслава¹¹⁰. Но Давидъ, можетъ быть по соглашенію съ братомъ, не долго жилъ въ Новгородѣ, и отправился опять въ Смоленскъ, впрочемъ, какъ видно, съ тѣмъ, чтобъ оставить и Новгородъ за собою же, потому что когда Новгородцы, въ его отсутствіе, послали въ Ростовъ за Мстиславомъ Владиміровичемъ, и посадили его у себя, то Давидъ немедленно выступилъ опять изъ Смоленска къ Новгороду; но на этотъ разъ Новгородцы послали сказать ему: «не ходи къ намъ,» и онъ принужденъ былъ возвратиться съ дороги опять

въ Смоленскъ. Изгнанный имъ отсюда Изяславъ бросился на волости Святославичей, сперва на Курскъ, а потомъ на Муромъ, гдѣ схватилъ посадника Олега, и утвердился съ согласіемъ гражданъ. Въ слѣдующемъ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали сказать Олегу: «пріѣзжай въ Кіевъ, урядимся о Русской землѣ, предъ епископами, игуменами, мужами отцевъ нашихъ, и людьми городскими, чтобъ послѣ намъ можно было сообща оборонять Русскую землю отъ поганыхъ.» Олегъ велѣлъ отвѣчать: «Не пойду на судъ къ епископамъ, игуменамъ да смердамъ.» Если прежде онъ боялся идти въ походъ вмѣстѣ съ братьями, то могъ ли онъ рѣшиться ѣхать въ Кіевъ, гдѣ зналъ, что духовенство, дружина и граждане дурно расположены къ нему? могъ ли онъ отдать свое дѣло на ихъ рѣшеніе? При томъ князь, который привыкъ полагаться во всемъ на одинъ свой мечъ, имъ доставать себѣ управу, считалъ унижительнымъ идти на судъ предъ духовенство и простыхъ людей. Какъ бы то ни было, гордый отвѣтъ Олега возбудилъ къ нему еще сильнѣйшее нерасположеніе въ Кіевѣ: лѣтописецъ сильно укоряетъ Черниговскаго князя за смыслъ буйный, за слова величавыя, укоряетъ и злыхъ совѣтниковъ Олега. Святополкъ и Владиміръ послали послѣ этого объявить ему войну. «Ты нейдешь съ нами на поганыхъ, велѣли они сказать ему, нейдешь къ намъ на совѣтъ: значитъ мыслишь на насъ недоброе и поганымъ помогать хочешь: пусть же Богъ разсудитъ насъ!» Князья выступили противъ Олега къ Чернигову; Святославичъ выбѣжалъ передъ ними и заперся въ Стародубъ, вѣроятно для того, чтобы быть ближе къ братнимъ волеямъ и получить оттуда скорѣе помощь. Святополкъ и Владиміръ осадили Стародубъ, и стояли подъ нимъ 33 дня; приступы были сильные, но изъ города крѣпко отбивались; наконецъ осажденные изнемогли; Олегъ вышелъ изъ города, запросилъ мира, и получилъ его отъ братьевъ, которые сказали ему: «ступай къ брату своему Давыду, и пріѣзжайте оба вмѣстѣ въ Кіевъ, къ столу отцовъ и дѣдовъ нашихъ: то старшій городъ во всей землѣ, въ немъ слѣдуетъ собираться намъ и улаживаться.» Олегъ обѣщался пріѣхать, цѣловалъ крестъ и отправился изъ Стародуба въ Смоленскъ; но Смоленяне не захотѣли принять его, и онъ принужденъ былъ ѣхать въ Рязань.

Видя, что Святославичи не думают прїѣзжать въ Кіевъ на уряженіе, Святполкъ съ Владиміромъ пошли было къ Смоленску на Давида, но помирились съ нимъ; а между тѣмъ Олегъ съ Давыковыми полками пошелъ изъ Рязани къ Мурому на Изяслава, сына Мономахова. Изяславъ, узнавши что Олегъ идетъ на него, послалъ за Суздальцами, Ростовцами, Бѣлозерцами, и собралъ много войска. Олегъ послалъ сказать ему: «ступай въ волость отца своего, въ Ростовъ, а это волость моего отца, хочи здѣсь сѣсть, и урядиться съ твоимъ отцемъ; онъ выгналъ меня изъ отцовскаго города, а ты неужели и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего же хлѣба ^{117?}» Изяславъ не послушался его, надѣясь на множество войска; Олегъ же, прибавляетъ лѣтописецъ, надѣялся на свою правду, потому что былъ онъ теперь правъ. Это замѣчаніе лѣтописца очень любопытно: Олегъ лишился Чернигова и Муромъ вслѣдствіе войны, которую начали противъ него двоюродные братья, слѣд. по понятіямъ современниковъ, самая война была несправедлива: въ противномъ случаѣ лѣтописецъ не оправилъ бы Олега, потому что тогда отнятіе волости было бы только достойнымъ наказаніемъ за его неправду. Передъ стѣнами Муромъ произошла битва между Олегомъ и Изяславомъ; въ лютой сѣчѣ Изяславъ былъ убитъ, войско его разбѣжалось—кто въ лѣсъ, кто въ городъ. Олегъ вошелъ въ Муромъ, былъ принятъ гражданами, перехваталъ Ростовцевъ, Бѣлозерцовъ, Суздальцевъ, поковалъ ихъ, и устремился на Суздаль; Суздальцы сдались; Олегъ усмирилъ городъ: однихъ жителей взялъ въ плѣнъ, другихъ разсѣялъ по разнымъ мѣстамъ, имѣнье у нихъ отнял. Изъ Суздаля пошелъ къ Ростову: и Ростовцы сдались; такимъ образомъ онъ захватилъ всю землю Муромскую и Ростовскую, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ это время пришелъ къ нему посолъ отъ Мстислава Владиміровича изъ Новгорода: «ступай изъ Суздаля въ Муромъ, велѣлъ сказать ему Мстиславъ: въ чужой волости не сиди; а я съ дружиною пошлемъ къ отцу моему, и помирю тебя съ нимъ; хотя ты и брата моего убилъ—что же дѣлать! въ битвахъ и цари и бояре погибаютъ». Олегъ не захотѣлъ мириться, онъ думалъ взять и Новгородъ, и послалъ брата своего Ярослава въ сторожахъ, на рѣку Медвѣдицу, а самъ сталъ на полѣ у Ростова. Мстиславъ, посовѣтовавшись съ Новгородцами, послалъ

отъ себя въ сторожахъ Добрыню Рагуѣловича, который прежде всего перехваталъ Олеговыхъ данниковъ (сборщиковъ дани). Когда Ярославъ узналъ, что данники перехвачены, то въ ту же ночь бросился бѣжать къ Олегу съ известіемъ, что Мстиславъ идетъ. Олегъ отступилъ къ Ростову, Мстиславъ за нимъ; Олегъ двинулся къ Суздалью, Мстиславъ пошелъ за нимъ и туда; Олегъ зажегъ Суздаль, и побѣжалъ къ Мурому; Мстиславъ пришелъ въ Суздаль, и, остановившись здѣсь, послалъ опять съ миромъ къ Олегу, велѣлъ сказать ему: «я моложе тебя; пересылайся съ отцемъ моимъ, да выпусти дружину, а я во всемъ тебя послушаю». Причина такой скромности со стороны Мстислава заключалась въ томъ, что онъ былъ крестный сынъ Олегу. Послѣдній видѣлъ, что ему трудно одолѣть Мстислава силою, и потому рѣшился дѣйствовать хитростію: послалъ къ Мстиславу съ мирнымъ отвѣтомъ, и когда тотъ, понадевшись на миръ, распустилъ дружину по селамъ, Олегъ неожиданно явился на Клязьмѣ; Мстиславъ обѣдалъ въ то время, когда ему дали знать о приближеніи Олега, который думалъ, что племянникъ, застигнутый въ расплохъ, побѣжитъ; однако Мстиславъ не побѣжалъ: къ нему въ два дня собралась дружина—Новгородцы, Ростовцы и Бѣлзерцы; онъ выстроилъ ее передъ городомъ, и когда явился Олегъ, то ни тотъ, ни другой не хотѣли начать нападеніе, и стояли другъ передъ другомъ четыре дня; а между тѣмъ Мономахъ прислалъ на помощь къ Мстиславу другаго сына своего, Вячеслава съ Половцами. На пятый день Олегъ выстроилъ дружину и двинулся къ городу; Мстиславъ пошелъ къ нему на встрѣчу, и отдавъ стягъ (знамя) Мономаховъ Половчину Куную, отдалъ ему также пѣшій полкъ и поставилъ его на правомъ крылѣ. Сошлись биться: полкъ Олеговъ противъ полка Мстиславова, полкъ Ярославовъ противъ полка Вячеславова. Мстиславъ съ Новгородцами перешелъ пожаръ, схватился съ врагами на рѣкѣ Колакѣ и началъ одолѣвать, а между тѣмъ Кунуй съ пѣшими зашелъ въ тылъ Олегу и поднялъ стягъ Владиміровъ: ужасъ напалъ тогда на Олега и на все войско его, которое браслось бѣжать. Олегъ прибѣжалъ въ Муромъ, затворилъ здѣсь брата Ярослава, а самъ пошелъ въ Рязань. Мстиславъ по его слѣдамъ пришелъ къ Мурому, заключилъ миръ съ жителями, взялъ своихъ людей, Ростовцевъ и Суздальцевъ, захвачен-

внхъ прежде Олегомъ, и пошелъ на послѣдняго къ Рязани; Олегъ выбѣжалъ и отсюда, а Мстиславъ договорился и съ Рязанцами, которые выдали ему также плѣнниковъ. Изъ Рязани послалъ онъ въ третій разъ къ Олегу съ мирными предложеніями: «Не бѣгай, но шли къ братьи съ просьбою о мирѣ: не лишать тебя Русской земли; а я пошлю къ отцу своему просить за тебя». Олегъ обѣщалъ послушаться его; Мстиславъ возвратился къ Суздаю, оттуда въ Новгородъ, и точно послалъ къ Мономаху просить за своего крестнаго отца.

Мономахъ, получивъ письмо отъ сына, написалъ къ Олегу: «Пишу къ тебѣ, потому что принудилъ меня къ тому сынъ твой крестный: прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту; нишетъ: уладимся и помиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него местники, но положимся во всемъ на Бога: они станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы Русской земли не погубимъ. Увидавъ такое смиреніе сына своего, я умилился и утѣшился Бога, подумалъ: сынъ мой въ юности своей и въ безуміи такъ смирится, на Бога все возлагаетъ; а я что дѣлаю? грѣшникъ я человекъ, грѣшникъ всѣхъ людей! послушался я сына своего, написалъ къ тебѣ грамоту: примешь ли ея добромъ или съ поруганьемъ—увиду по твоей грамотѣ. Я первый написалъ къ тебѣ, ожидая отъ тебя смиренья и покаянья. Господь нашъ не человекъ, а Богъ всей вселенной, что хочетъ—все творитъ въ мгновенье ока; а претерпѣлъ же хульню, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владѣя животомъ и смертью; а мы что люди грѣшныя? нынѣ живы, а завтра мертвы; нынѣ въ славу и въ чести, а завтра въ гробъ и безъ памяти: другіе раздѣлятъ по себѣ собранное нами. Посмотри, братъ, на отцевъ нашихъ: много ли взяли съ собою, кромѣ того что сдѣлали для своей души? Тебѣ бы слѣдовало, братъ, прежде всего прислать ко мнѣ съ такими словами. Когда убили дитя мое и твое¹¹² предъ тобою, когда ты увидалъ кровь его и тѣло увянувшее, какъ цвѣтокъ только что распустившійся, какъ агнца заколениаго, подумать бы тебѣ, стоя надъ нимъ: «увы, что я сдѣлалъ! для неправды свѣта сего суетнато взялъ грѣхъ на душу, отцу и матери причинилъ слезы! сказать бы тебѣ было тогда по Давидовски: азъ знаю грѣхъ мой, предо мной есть вину! Богу бы тебѣ тогда покаяться, а ко мнѣ написать грамоту утѣшную,

да сноху прислать, потому что она ни въ чемъ не виновата, ни въ добръ, ни въ злѣ: обнялъ бы я ее и оплакалъ мужа ея и свадьбу ихъ вмѣсто пѣсенъ брачныхъ; не видалъ я ихъ первой радости, ни вѣнчанья, за грѣхъ мой; ради Бога пусти ее ко мнѣ скорѣе: пусть сидитъ у меня какъ горлица на сухомъ деревѣ жалующись, а меня Богъ утѣшитъ. Такимъ ужъ видно путемъ пошли дѣти отцевъ нашихъ: судъ ему отъ Бога пришелъ. Если бы ты тогда сдѣлалъ по своей волѣ, Муромъ взялъ бы, а Ростова не занималъ, и послалъ ко мнѣ, то мы уладились бы; но разсуди самъ: мнѣ ли было первому къ тебѣ посылать, или тебѣ ко мнѣ; а что ты говорилъ сыну моему: «шли къ отцу», такъ я десять разъ посылалъ. Удивительно ли, что мужъ умеръ на рати, умирали такъ и прежде наши прадѣды: не искать было ему чужаго, и меня въ стыдъ и въ печаль не вводитъ ¹¹³: это научили его отроки, для своей корысти, а ему на гибель. Захочешь покаяться предъ Богомъ, и со мною помириться, то напиши грамоту съ правдою и пришли съ нею посла или пола: такъ и волость возьмешь добромъ, и наше сердце обратишь къ себѣ и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде: я тебѣ ни врагъ, ни местникъ. Не хотѣлъ я видѣть твоей крови у Стародуба; но не дай мнѣ Богъ видѣть крови и отъ твоей руки, и ни отъ котораго брата, по своему попущенію; если я лгу, то Богъ меня вѣдаетъ и крестъ честной. Если тотъ мой грѣхъ, что ходилъ на тебя къ Чернигову за дружбу твою съ погаными, то каюсь. Теперь подлѣ тебя сидитъ сынъ твой крестный съ малымъ братомъ своимъ, ѣдятъ хлѣбъ дѣдовскій ¹¹⁴, а ты сидишь въ своей волости: такъ рдись, если хочешь, а если хочешь ихъ убить, они въ твоей волѣ; а я не хочу лиха, добра хочу брати и Русской землѣ. Что ты хочешь теперь взять насильемъ, то мы смилловавшись давали тебѣ и у Стародуба, отчину твою ¹¹⁵; Богъ свидѣтель, что мы радились съ братомъ твоимъ, да онъ не можетъ рдиться безъ тебя; мы не сдѣлали ничего дурнаго, но сказали ему: посылай къ брату, пока не уладимся; если же кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ, то пусть душа его на томъ свѣтѣ не увидитъ мира отъ Бога. Я къ тебѣ пишу не по нуждѣ: нѣтъ мнѣ никакой бѣды; пишу тебѣ для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта.»

Изъ этого письма видно, что Мономахъ первый писалъ къ Олегу. Крайность, до которой былъ доведенъ послѣдній оружіемъ Мстислава и смыслъ письма Мономахова должны были наконецъ показать Олегу необходимость искренно сблизиться съ двоюродными братьями, и вотъ въ 1097 г. князья: Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Давидъ Святославичъ и братъ его Олегъ съѣхались на устроеніе мира въ городъ Любечъ, слѣд. въ Черниговской волости, по ту сторону Днѣпра: быть можетъ, это была новая уступка подозрительности Олеговой. Князья говорили: «зачѣмъ губимъ Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? а Половцы землю нашу несутъ розно, и ради, что между нами идутъ усобицы; теперь же съ этихъ поръ станемъ жить въ одно сердце и блюсти Русскую землю.» Кромѣ Василька Ростиславича сидѣли все двоюродные братья, внуки Ярославовы; урядиться имъ было легко: стоило только раздѣлить между собою волости точно также, какъ онѣ были раздѣлены между ихъ отцами, которыхъ мѣста они теперь занимали; вся вражда пошла оттого, что Святославичамъ не дали тѣхъ волостей, какими они имѣли полное право владѣть по своему положенію въ родѣ, какъ сыновья второго Ярославича. И вотъ князья объявили, что пусть каждое племя (линія) держитъ отчину свою: Святополкъ—Кіевъ вмѣстѣ съ тою волостію, которая значала и до сихъ поръ принадлежала его племени, съ Туровымъ; Владиміръ получилъ всѣ волости Всеволодовы, т. е. Переяславль, Смоленскъ, Ростовскую область, Новгородъ также остался за сыномъ его Мстиславомъ; Святославичи—Олегъ, Давидъ и Ярославъ—Черниговскую волость; теперь остались изгой—Давидъ Игоревичъ и Ростиславичи; относительно ихъ положено было держаться распоряженій Великаго князя Всеволода: за Давидомъ оставить Владиміръ Волинскій, за Володаремъ Ростиславичемъ Перемышль, за Василькомъ—Теребовль. Уладившись, князья цѣловали крестъ: «Если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другаго, говорили они, то мы всѣ встанемъ на зачинщика и крестъ честной будетъ на него же; всѣ повторяли: «Крестъ честной на него и вся земля Русская.» Послѣ этого князья поцѣловались и разъѣхались по домамъ.

Мы видѣли, что отсутствіе отчинности, непосредственной наслѣдственности волостей было главною причиною усобицъ, возникшихъ при первомъ поколѣніи Ярославичей и продолжавшихся при второмъ; на Любецкомъ съѣздѣ князья отстранили эту главную причину, стараясь ввести каждаго родича во владѣніе тѣми волостями, которыя при первомъ поколѣніи принадлежали отцу его. И точно борьба на востокъ съ Святославичами за волость Черниговскую прекратилась Любецкимъ съѣздомъ; не кончилась борьба на западѣ, на Волини: тамъ сидѣли вмѣстѣ визои — Ростиславичи и Давидъ Игоревичъ. Младшій изъ Ростиславичей, Василько, князь Теревольскій отличался необыкновенно предпримчивымъ духомъ; онъ уже былъ извѣстенъ своими войнами съ Польшею, на опустошеніе которой водилъ Половцевъ; теперь онъ затѣвалъ новые походы: на его зовъ шли къ нему толпы Берендѣевъ, Печенѣговъ, Торковъ; онъ хотѣлъ идти съ ними на Польшу, повоювать и отмстить ей за Русскую землю, за походы обоихъ Болеславовъ; потомъ хотѣлъ идти на Болгаръ Дунайскихъ, и заставить ихъ переселиться на Русь; наконецъ хотѣлъ идти на Половцевъ, и либо найти себѣ славу, либо голову свою сложить за Русскую землю. Понятно, что сосѣдство такого князя не могло нравиться Давиду, особенно когда послѣдній не зналъ настоящихъ намѣреній Василька, слышалъ только о его военныхъ приготовленіяхъ, слышалъ о приближеніи варварскихъ полковъ, и могъ думать, что воинственный Василько прежде всего устремитъ ихъ на его волости: извѣстна была вражда Ростиславичей къ прежнему Волинскому князю, Ярополку, извѣстно было подозрѣніе, которое лежало на нихъ въ смерти послѣдняго. Нашлись люди, которые возможность перемѣнили въ дѣйствительность; странно могло казаться, что двое доблестившихъ князей, Мономахъ и Василько не воспользуются своею доблестію, своею славою для возвышенія, усиленія себя на счетъ князей менѣе достойныхъ, и вотъ трое мужей изъ дружины Давидовой, Турикъ, Лазарь и Василь начали говорить своему князю, что Мономахъ сговорился съ Василькомъ на него и на Святополка, что Мономахъ хочетъ сѣсть въ Кіевъ, а Василько на Волини. Давидъ испугался: дѣло шло о потерѣ волости, объ изгнаніи, которое онъ уже испыталъ; вѣроятность была въ словахъ мужей его; притомъ же мы не знаемъ, какія еще

доказательства приводили они, не знаемъ, въ какой степени поведеніе Мономаха и Василька въ самомъ Любечѣ могло подать поводъ къ толкамъ: въ то время, когда князья мирились и рядились, дружинники ихъ наблюдали и толковали, и Богъ вѣсть, до чего могли дотолковаться. Какъ бы то ни было, летописецъ, и какъ видно, вообще современники складывали главную вину на мужей Давидовыхъ, а его обвиняли только за то, что, поддавшись страху, поспѣшилъ повѣрить живымъ словамъ. Онъ пріѣхалъ изъ Любеча въ Кіевъ вмѣстѣ съ Святополкомъ, и разсказалъ ему за вѣрное, что слышалъ отъ мужей своихъ: «Кто убилъ брата твоего Ярополка? говорилъ онъ ему, а теперь мыслить и на тебя и на меня, стоворился съ Владиміромъ, промышляя о своей головѣ!» Святополкъ смутился, не зналъ, вѣрить или нѣтъ; онъ отвѣчалъ Давиду: «если правду говоришь, то Богъ тебѣ будетъ свидѣтель, если же изъ зависти, то Богъ тебѣ судья.» Потомъ жалость взяла Святополка по братѣ, да и о себѣ сталъ думать: «Ну какъ это правда?» Давидъ постарался увѣрить его, что правда, и стали вмѣстѣ думать о Василькѣ; тогда какъ Василько съ Владиміромъ не имѣли ни о чемъ понятія. Давидъ началъ говорить Святополку: «Если не схватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ.» Святополкъ согласился. Въ это время пріѣхалъ Василько въ Кіевъ, и пошелъ помолиться въ Михайловскій монастырь, гдѣ и поужиналъ, а вечеромъ возвратился въ свой обозъ. На другой день утромъ прислалъ къ нему Святополкъ съ просьбою чтобъ не ходилъ отъ его имянинъ ¹¹⁶; Василько велѣлъ отвѣчать, что не можетъ дожидаться, боится не было бы рати дома. Давидъ прислалъ къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ: «Не ходи, не ослушайся старшаго брата!» Но Василько и тутъ не согласился. Тогда Давидъ сказалъ Святополку: «Видишь: не хочеть тебя знать, находясь въ твоей волости; что же будетъ, когда придетъ въ свою землю? увидишь, что займетъ города твои Туровъ, Пинскъ и другіе, тогда помянешь меня; созови Кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ.» Святополкъ послушался, и послалъ сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до имянинъ, то зайди хотя нынче, повыдаемся и посидимъ вмѣстѣ съ Давидомъ.» Василько рѣшился придти, и уже сѣлъ на лошадей и поѣхалъ, какъ встрѣтился одинъ ему изъ слугъ его и сказалъ

«не ъзди, князь: хотять тебя схватить.» Василько не повѣрилъ, думалъ—«какъ меня схватить? а крестъ то мнѣ цѣловали, общались, что если кто на кого первый поднимется, то всѣ будутъ на зачинщика и крестъ честной;» подумавъ такимъ образомъ, онъ перекрестился, сказалъ: «воля Господня да будетъ!» и продолжалъ путь. Съ малою дружиною пріѣхалъ онъ на княжій дворъ; Святополкъ вышелъ къ нему на встрѣчу, ввелъ въ избу; пришелъ Давидъ, и сѣли. Святополкъ сталъ опять упрасивать Василька: «останься на праздникъ.» Василько отвѣчалъ: «никакъ не могу, братъ; я уже и обозъ отправилъ впередъ.» А Давидъ во все время сидѣлъ какъ нѣмой. Потомъ Святополкъ началъ упрасивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополкъ вышелъ, сказавши: «посидите вы здѣсь, а я пойду, распоряджусь;» Василько сталъ разговаривать съ Давидомъ: но у того не было ни языка, ни ушей: такъ испугался! и посидѣвши немного, спросилъ слугъ: «гдѣ братъ Святополкъ?» ему отвѣчали: «стоитъ на сѣняхъ.» Тогда онъ сказалъ Васильку: «я пойду за нимъ; а ты братъ, посиди.» Но только что Давидъ вышелъ, какъ Василька заперли, заковали въ двойные оковы, и приставили сторожей на ночь. На другой день утромъ Святополкъ созвалъ бояръ и Кіевлянъ, и рассказалъ имъ все, что слышалъ отъ Давида, что вотъ Василько брата его убилъ, а теперь сговорился съ Владиміромъ, хотять его убить, а города его побрать себѣ. Бояре и простые люди отвѣчали: «тебѣ, князь, надобно беречь свою голову; если Давидъ сказалъ правду, то Василька должно наказать; если же сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ.» Узнали объ этомъ игумены, и начали просить Святополка за Василька; Святополкъ отвѣчалъ имъ: «вѣдь это все Давидъ;» а Давидъ, видя, что за Василька просятъ и Святополкъ колеблется, началъ получать на ослѣпленье. «Если ты этого не сдѣлаешь,» говорилъ онъ Святополку, отпустишь его, то ни тебѣ ни княжить, ни мѣ.» Святополкъ, по свидѣтельству лѣтописца, хотѣлъ отпустить Василька, но Давидъ никакъ не хотѣлъ, потому что сильно опсадся Теремовальскаго князя. Кончилось тѣмъ однако, что Святополкъ выдалъ Давиду Василька. Въ ночь перевезли его изъ Кіева въ Бѣлгородъ на телегѣ, въ оковахъ, посадили съ телегой, ввели въ маленькую избу и посадили; оглядѣвшихся, Василько

увидаль, что овчаръ Святополковъ, родомъ Торчинъ, именовъ Беренди, точить ножъ; князь догадался, что хотять ослѣпить его, и съвозонилъ къ Богу съ плачемъ великимъ и стономъ.» И вотъ вошли посланные отъ Святополка и Давида, Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополковъ, да Димитрій, конюхъ Давидовъ и начали разстилать коверъ, потомъ схватили Василька и хотѣли повалить; но тотъ боролся съ ними крѣпко, такъ что вдвоемъ не могли съ нимъ сладить, и позвали другихъ, тѣмъ удалось повалить его и связать. Тогда сняли доску съ печи и положили ее на грудь, а по концамъ ея сѣли Сновидъ и Димитрій, и все не могли удержаться, подошло двое другихъ, взяли еще доску съ печи и сѣли: кости затрещали въ груди у Василька; тогда подошелъ Торчинъ съ ножемъ, хотѣлъ ударить въ глазъ, и не попалъ, перерѣзалъ лице; наконецъ вырѣзалъ оба глаза одинъ за другимъ, и Василько обезнамятълъ. Его подняли вмѣстѣ съ ковромъ, положили на телѣгу какъ мертваго, и повезли во Владимиръ; переѣхавши Воздвиженскій мостъ, Сновидъ съ товарищами остановились, сняли съ Василька кровавую сорочку и отдали попадѣ вымыть, а сами сѣли обѣдать; попадья, вымывши сорочку, надѣла ее опять на Василька, и стала плакаться надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Василько очнулся и спросилъ: «гдѣ я?» попадья отвѣчала: «въ городѣ Воздвиженскѣ ¹¹⁷.» Тогда онъ спросилъ воды, и напившись, опаматовался совершенно; пощупалъ сорочку и сказалъ: «зачѣмъ сняли ее съ меня; пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ смерть принялъ и сталъ передъ Богомъ.» Между тѣмъ Сновидъ съ товарищами пообѣдали, и повезли Василька скоро во Владимиръ, куда пріѣхали на шестой день. Пріѣхалъ съ нимъ туда и Давидъ, какъ будто поймалъ какую добычу, по выраженію лѣтописца; къ Васильку приставили стеречь 30 человекъ съ двумя отроками княжескими.

Мономахъ, узнавъ, что Василька схватили и ослѣпили, ужаснулся, заплакалъ и сказалъ: «такого зла никогда не бывало въ Русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ ¹¹⁸», и тотчасъ послалъ сказать Давиду и Олегу Святославичамъ: «Приходите къ Городцу, исправимъ зло, какое случилось теперь въ Русской землѣ и въ нашей братии: бросили между насъ ножъ; если это оставимъ такъ, то большее зло встанетъ, начнетъ уби-

вать братъ брата и погибнетъ земля Русская: враги наши Половцы придутъ и возьмутъ ее». Давидъ и Олегъ также сильно огорчились, плакали, и, собравши немедленно войско, пришли къ Владиміру. Тогда отъ всѣхъ троихъ послали они сказать Святополку: «зачѣмъ это ты сдѣлалъ такое зло въ Русской землѣ, бросилъ ножъ между нами? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? если бы онъ былъ въ чемъ виноватъ, то ты обличилъ бы его передъ нами, и тогда по винѣ наказалъ его; а теперь скажи, въ чемъ онъ виноватъ, что ты ему это сдѣлалъ?» Святополкъ отвѣчалъ: «Мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичъ, что Василько брата моего убилъ Ярополка, хотѣлъ и меня убить, волость мою занять, сговорился въ Владиміромъ, чтобъ съѣсть Владиміру въ Кіевѣ, а Васильку на Волыни; мнѣ по неволѣ было свою голову беречь, да и не я ослѣпилъ его, а Давидъ: онъ повезъ его къ себѣ, да и ослѣпилъ на дорогѣ». Послы Мономаха и Святославичей возражали: «Нечего тебѣ оправдываться тѣмъ, что Давидъ его ослѣпилъ: не въ Давидовѣ городѣ его взяли и ослѣпили, а въ твоёмъ», и поговоривъ такимъ образомъ, ушли. На другой день князья хотѣли уже переходить Днѣпръ и идти на Святополка, и тотъ уже думалъ бѣжать изъ Кіева; но Кіевляне не пустили его, а послали къ Владиміру мачиху его, жену покойнаго В. Князя Всеволода, да Митрополита Николая; тѣ отъ имени гражданъ стали умолять князей не воевать съ Святополкомъ: «Если станете воевать другъ съ другомъ, говорили отъ, то поганые обрадуются, возьмутъ землю Русскую, которую пріобрѣли дѣды и отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростью поборали по Русской землѣ, да и другія земли пріискивали, а вы хотите погубить и свою землю». Владиміръ расплакался, и сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ отцы и дѣды наши соблюли землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее», и склонился на просьбу. Княгиня и Митрополитъ возвратились назадъ и объявили въ Кіевѣ, что миръ будетъ¹¹⁹; и точно князья начали пересылаться и уладились; Владиміръ и Святославичи сказали Святополку: «Такъ какъ это все Давидъ надѣлалъ, то ступай ты, Святополкъ на Давида, либо схвати его, либо выгони». Святополкъ взялся исполнить ихъ волю.

Между тѣмъ Василька все держали подъ стражею во Владимірѣ; тамъ же находился въ это время и лѣтописецъ, именовъ

Василій, оставившій намъ извѣстія объ этихъ событіяхъ. Въ одну ночь, говоритъ онъ, прислалъ за мною князь Давидъ; я пришелъ и засталъ около него дружину; князь велѣлъ мнѣ сѣсть, и началъ говорить: «Этой ночью промолвилъ Василько сторожамъ своимъ: «слышу, что идетъ Владиміръ и Святополкъ на Давида; если бы меня Давидъ послушалъ, то я бы послалъ боярина своего къ Владиміру, и тотъ бы возвратился»; — такъ сходи-ка ты, Василій, къ тескѣ своему Васильку, и скажи ему, что если онъ пошлетъ своего мужа и Владиміръ воротится, то я дамъ ему городъ какой ему любъ: либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль¹²⁰. Я пошелъ къ Васильку и рассказалъ ему всѣ рѣчи Давидовы; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я этого не говорилъ, но надѣюсь на Бога, пошлю, чтобъ не проливали ради меня крови; одно мнѣ удивительно: даетъ мнѣ свой городъ, а мой городъ Теребовль, вотъ моя волость!» Потомъ сказалъ мнѣ: «Иди къ Давиду и скажи ему, чтобъ прислалъ ко мнѣ Кульмѣя, я его хочу послать ко Владиміру.» Но, какъ видно, Давидъ побоялся поручить переговоры челоуѣку, котораго выбралъ Василько, и послалъ того же Василю сказать ему, что Кульмѣя нѣтъ. Въ это свиданіе Василько выслалъ слугу, и началъ говорить Василю. «Слышу, что Давидъ хочетъ отдать меня Ляхамъ; видно мало еще насытился моей крови, хочетъ больше, потому что я Ляхамъ много зла надѣлалъ, и хотѣлъ еще больше надѣлать, отомстить имъ за Русскую землю; если онъ выдастъ меня Ляхамъ, то смерти не боюсь; но вотъ что скажу тебѣ: въ правду Богъ навелъ на меня эту бѣду за мое высокоумье: пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендѣи, Печенѣги и Торки; вотъ я и началъ думать: какъ придутъ они ко мнѣ, то скажу братьямъ, Володарю и Давиду: дайте мнѣ дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь; думалъ я пойти зимою на Польскую землю, а лѣтомъ взять ее и отомстить за Русскую землю; потомъ хотѣлъ перенять Болгаръ Дунайскихъ, и посадить ихъ у себя, а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и у Владиміра на Половцевъ, и либо славу себѣ найти, либо голову свою сложить за Русскую землю; а другаго помышленія въ сердцѣ моемъ не было ни на Святополка, ни на Давида; клянусь Богомъ и его пришествіемъ, что не мыслялъ зла братьи ни въ чемъ, но за мое высокоумье низложилъ меня Богъ и смирилъ.»

Весною, передъ Свѣтлымъ днемъ, Давидъ выступилъ въ походъ, чтобъ взять Василькову волость; но у Бужска ¹³¹ на границѣ былъ встрѣченъ Володаремъ, братомъ Васильковымъ; Давидъ не посмѣлъ стать противъ него, и заперся въ Бужскъ; Володарь осадилъ его здѣсь, и послалъ сказать ему: «зачѣмъ сдѣлалъ зло и не каешься, опомнись, сколько зла ты надѣлалъ?» Давидъ началъ складывать вину на Святополка: «Да развѣ я это сдѣлалъ, развѣ въ моемъ городѣ? я и самъ боялся, чтобъ и меня несхватили, и не сдѣлали со мною того же; я по неволѣ долженъ былъ пристать, потому что былъ въ его рукахъ.» Володарь отвѣчалъ: «Про то вѣдаетъ Богъ, кто изъ васъ виноватъ; а теперь отпусти мнѣ брата, и я помирюсь съ тобою.» Давидъ обрадовался, выдалъ Василька Володарю, помирились и разошлись. Но миръ небылъ продолжителенъ: Давидъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ¹³², не хотѣлъ возвратить Ростиславичамъ городовъ, захваченныхъ въ ихъ волости тотчасъ по ослѣпленіи Василька, вслѣдствіе чего тою же весною они припиди на Давида къ Всеволожу, а Давидъ заперся во Владимирѣ; Всеволожъ былъ взять копьемъ (приступомъ) и зажженъ, и когда жители побѣжали отъ огня, то Василько велѣлъ ихъ всѣхъ перебить; такъ онъ отомстилъ свою обиду на людяхъ неповинныхъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Потомъ Ростиславичи двинулись ко Владимиру, осадили здѣсь Давида, и послали сказать гражданамъ: «Мы пришли не на городъ вашъ, и не на васъ, а на враговъ своихъ—Турыка, Лазаря и Василя, которые напустили Давида: послушавшись ихъ, онъ сдѣлалъ такое зло; выдайте ихъ, а если хотите за нихъ биться, то мы готовы.» Граждане собрали вѣче и сказали Давиду: «Выдай этихъ людей, не бьемся за нихъ, а за тебя станемъ биться; если же не хочешь, то отворимъ городскіе ворота, и тогда промышлай о себѣ.» Давидъ отвѣчалъ: «нѣтъ ихъ здѣсь:» онъ послалъ ихъ въ Луцкъ; Владимирцы послали за ними туда; Турыкъ бѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь возвратились въ Турійскъ ¹³³. Владимирцы, узнавши, что они въ Турійскѣ, закричали Давиду: «Выдай ихъ Ростиславичамъ, а не то сейчасъ же сдадимся.» Давидъ послалъ за Василемъ и Лазаремъ, и выдалъ ихъ; Ростиславичи заключили миръ, и на другое утро велѣли повѣсить и разстрѣлять выданныхъ, послѣ чего отошли отъ города. Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ: «это уже во второй разъ отомстилъ Василько, чего не слѣдовало дѣлать: пусть бы Богъ былъ мстителемъ.»

Осенью 1097 года обѣщался Святополкъ братьямъ идти на Давида и прогнать его, и только черезъ годъ (1099) отправился въ Брестъ на границу для совѣщанія съ Поляками: имѣемъ право принять извѣстіе ¹²⁴, что прежде онъ боялся напасть на Давида, и рѣшился на это тогда только, когда увидалъ, что Владимірскій князь побѣжденъ Ростиславичами; но и тутъ прежде хотѣлъ заключить союзъ съ Поляками; заключилъ договоръ и съ Ростиславичами, поцѣловалъ къ-нимъ крестъ на миръ и любовь. Давидъ, узнавъ о прибытіи Святополка въ Брестъ, отправился и самъ къ Польскому князю Владиславу Герману за помощью; такимъ образомъ Поляки сдѣлались посредниками въ борьбѣ. Они обѣщались помогать и Давиду, взявши съ него за это обѣщаніе 50 гривенъ золота, причемъ Владиславъ сказалъ ему: «Ступай съ нами въ Брестъ, зоветь меня Святополкъ на сеймъ; тамъ и помиримъ тебя съ нимъ.» Давидъ послушался, и пошелъ съ нимъ; но союзъ съ Святополкомъ показался Владиславу выгоднѣе: Кіевскій князь далъ также ему богатые дары, договорился выдать дочь свою за его сына; поэтому Владиславъ объявилъ Давиду, что онъ никакъ не могъ склонить Святополка къ миру, и совѣтовалъ ему идти въ свою волость, обѣщаясь впрочемъ прислать къ нему на помощь войско, если онъ подвергнется нападенію отъ двоюродныхъ братьевъ. Давидъ съѣлъ во Владимірѣ, а Святополкъ, уладившись съ Поляками, пришелъ сперва въ Пинскъ, откуда послалъ собирать войска; потомъ въ Дорогобужъ, гдѣ дождался полковъ своихъ, съ ними вмѣстѣ двинулся на Давида ко Владимиру, и стоялъ подъ городомъ семь недѣль; Давидъ все не сдавался, ожидая помощи отъ Поляковъ; наконецъ, видя, что ждать нечего, сталъ проситься у Святополка, чтобъ тотъ выпустилъ его изъ города. Святополкъ согласился, и они поцѣловали другъ другу крестъ, послѣ чего Давидъ выѣхалъ въ Червень, а Святополкъ въѣхалъ во Владиміръ. Изъ этого разсказа видно, что Давидъ при договорѣ уступилъ Владиміръ Святополку, а самъ удовольствовался Червенею ¹²⁵. Выгнавши Давида изъ Владимира, Святополкъ началъ думать на Володаря и на Василька; говорилъ: «они сидятъ въ волости отца моего и брата,» и пошелъ на нихъ. Ходъ этой войны очень хорошо обнаруживаетъ передъ нами характеръ Святополка: сначала онъ долго боялся напасть на Давида; пошелъ, когда тотъ

потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ Ростиславичами, но прежде обезопасилъ себя со стороны Поляковъ; доставши наконецъ Владимиръ, вспомнилъ, что все Волынское княжество принадлежало къ Кіевскому, при отцѣ его Изяславѣ, и что послѣ здѣсь сядѣлъ братъ его Ярополкъ, а на Любецкомъ съѣздѣ положено всѣмъ владѣть отчинами: и вотъ Святополкъ идетъ на Ростиславичей, забывши недавній договоръ съ ними и клятву. Но Ростиславичей трудно было вытѣснить изъ ихъ волости: они выступили противъ Святополка, взявши съ собою крестъ, который онъ цѣловалъ къ нимъ, и встрѣтили его на границахъ своихъ владѣній, на Рожни полѣ ¹²⁶; передъ началомъ битвы Василько поднялъ крестъ и закричалъ Святополку: «Вотъ что ты цѣловалъ; сперва ты отнял у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; такъ пусть будетъ между нами этотъ крестъ,» и послѣ ходила молва, что многіе благочестивые люди видѣли, какъ надъ Василькомъ возвышался крестъ. Битва была сильная, много пало съ обѣихъ сторонъ, и Святополкъ, увидавши наконецъ, что брань люта, побѣжалъ во Владимиръ; а Володаръ и Василько, побѣдивши, остановились и сказали: «довольно съ насъ, если стоимъ на своей межѣ,» и не пошли дальше ¹²⁷. Святополкъ между тѣмъ прибѣжалъ во Владимиръ съ двумя сыновьями—Мстиславомъ и Ярославомъ, съ двумя племянниками, сыновьями Ярополка, и Святославомъ, или Святошею, сыномъ Давида Святославича; онъ посадилъ во Владимирѣ сына своего Мстислава, другаго сына, Ярослава послалъ въ Венгрію, уговаривать короля идти на Ростиславичей, а самъ побѣжалъ въ Кіевъ. Ярославу удалось склонить Венгровъ къ нападенію на волость Володаря: король Коломанъ пришелъ съ двумя епископами, и сталъ около Перемышля, по рѣкѣ Вагру, а Володаръ заперся въ городѣ. Въ это время возвратился Давидъ изъ Польши, куда бѣжалъ изъ Червена передъ началомъ непріятельскихъ дѣйствій Святополка съ Ростиславичами; какъ видно, онъ не нашелъ помощи въ Польшѣ; общая опасность соединила его теперь съ Ростиславичами, и потому, оставивши жену свою у Володаря, онъ отправился нанимать Половцевъ; на дорогѣ встрѣтился съ знаменитымъ ханомъ ихъ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на Венгровъ. Въ полночь, когда все войско спало, Бонякъ всталъ, отъѣхалъ отъ стана, и началъ выть по-волчьи, и вотъ откликнулся ему одинъ волкъ, за нимъ много дру-

ихъ; Бонякъ прїѣхалъ и сказалъ Давиду: «завтра будетъ намъ юбѣда надъ Венграми.» Утромъ на другой день Бонякъ выступилъ свое войско: у него было 300 человекъ, да у Давида 100; онъ раздѣлилъ всѣхъ на три полка, и пустилъ впередъ Алтунопу на Венгровъ съ отрядомъ изъ 50 человекъ, Давида поставилъ подъ стягомъ, а свой полкъ раздѣлилъ на двѣ половины, по 50 человекъ въ каждой. Венгры расположились заступами или заставами, т. е. отрядами, стоявшими одинъ за другимъ; отрядъ Алтунопы пригналъ къ первому заступу, пустилъ стрѣлы и побѣжалъ; Венгры погнались за нимъ, и когда бѣжали мимо Боняка, тотъ ударилъ имъ въ тылъ; Алтунопа въ это время также вернулся; такимъ образомъ Венгры очутились между двумя непріятельскими отрядами и не могли возвратиться къ своимъ; Бонякъ сбилъ ихъ въ мячъ, точно такъ какъ соколъ сбиваетъ галокъ, по выраженію лѣтописца. Венгры побѣжали, много ихъ потонуло въ рѣкахъ Вагръ и Санъ, потому что бѣжали горою подлѣ Сана и спихивали другъ друга въ рѣку; Половцы гвались за ними и сѣкли ихъ два дня, убили епископа и многихъ бояръ ¹²⁸. Ярославъ, сынъ Святополка, убѣжалъ въ Польшу, а Давидъ, пользуясь побѣдою, занялъ города: Сутѣйскъ, Червень ¹²⁹, пришелъ внезапно на Владимиръ, и занялъ посады; но Мстиславъ Святополчичъ заперся въ крѣпости засадою или заставою (гарнизonomъ), состоявшею изъ Берестьянъ, Пинянъ, Выгошевцевъ ¹³⁰. Давидъ осадилъ крѣпость, и часто приступалъ къ ней; однажды, когда осажденные перестрѣливались съ осаждающими, и летѣли стрѣлы какъ дождь, князь Мстиславъ хотѣлъ также выстрѣлить, но въ это время стрѣла, пройдя въ скважину стѣннаго юсчатаго забрала, ударила ему подъ пазуху, отъ чего онъ въ ту же ночь умеръ. Три дня таили его смерть, въ четвертый объявили на бѣгъ; народъ сказалъ: «вотъ князя убили; если теперь сдадимся, то Святополкъ погубитъ всѣхъ насъ;» и послали сказать ему: «сынъ твой убитъ, а мы изнемогаемъ отъ голода; если не придеши, то народъ хотѣтъ передаться.» Святополкъ послалъ къ нимъ воеводу своего Путяту; когда тотъ пришелъ съ войскомъ въ Луцкъ, гдѣ стоялъ Святоша Давыдовичъ, то засталъ у него посланцевъ Давида Игоревича: Святоша поклялся послѣднему, что дастъ знать, когда пойдетъ на него Святополкъ; но теперь, испугавшись Путяты, схватилъ пословъ Давидовыхъ, и самъ

пошелъ на него съ Кіевскимъ воеводою. Въ полдень пришли Святоша и Путята ко Владимиру, напали на соннаго Давида, начали рубить его дружину ¹²¹, а Владимирцы сдѣлали вылазку изъ крѣпости съ другой стороны; Давидъ побѣжалъ съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ, а Святоша и Путята взяли городъ, посадили въ немъ посадника Святополкова Василя, и разошлись, Святоша въ Луцкъ, а Путята въ Кіевъ. Между тѣмъ Давидъ побѣжалъ къ Половцамъ, опять встрѣтился на дорогѣ съ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ осаждать Святошу въ Буцкъ; Святоша заключилъ съ ними миръ, и ушелъ къ отцу въ Черниговъ; а Давидъ взялъ себѣ Луцкъ, оттуда пошелъ ко Владимиру, выгналъ изъ него Святополкова посадника Василя и сѣлъ опять на прежнемъ столѣ своемъ, отпустивши племянника Мстислава на море перенимать купцовъ.

Подъ 1100 годомъ сообщаетъ лѣтописецъ это извѣстіе объ отправленіи Мстислава на море, и тотчасъ же говоритъ о новомъ сѣздѣ всѣхъ князей въ Увѣтичахъ или Витичевѣ ¹²²: собрались — Святополкъ, Владиміръ, Олегъ и Давидъ Святославичи; пришелъ къ нимъ и Давидъ Игоревичъ, и сказалъ: «зачѣмъ меня призвали? вотъ я! кому на меня жалоба?» Владиміръ отвѣчалъ ему: «ты самъ присылалъ къ намъ: хочу, говоритъ братъ, притти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришелъ и сидишь съ братьею на одномъ коврѣ, что жъ жалуешься? на кого тебѣ изъ насъ жалоба?» Давидъ не отвѣчалъ на это ничего. Тогда всѣ братья встали, сѣли на коней и развѣхались: каждый сталъ особо съ своею дружиною, а Давидъ сидѣлъ одинъ: никто не допустилъ его къ себѣ, особо думали о немъ. Подумавши, послали къ нему мужей своихъ — Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогоста и Ратибора, Давидъ и Олегъ — Торчина; посланцы сказали Давиду отъ имени всѣхъ князей: «не хотимъ тебѣ дать стола Владимирскаго, потому что ты бросилъ ножъ между нами, чего прежде не бывало въ Русской землѣ; мы тебя ни заключимъ, ни сдѣлаемъ тебѣ никакого другаго зла, ступай садись въ Бужскъ и въ Острогъ, Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чарторыйскъ ¹²³, Владиміръ двѣсти гривенъ, Давидъ и Олегъ также двѣсти гривенъ». После этого рѣшенія, князья послали сказать Володарю Ростиславичу: «возьми брата своего Василька къ себѣ и пусть будетъ вамъ одна во-

дость — Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька къ намъ, мы его будемъ кормить; а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте». Но Ростиславичи не послушались и каждый изъ нихъ остался при своемъ. Князья хотѣли было идти на нихъ и слюю принудить согласиться на общее рѣшеніе; но Мономахъ отрекся идти съ ними, не захотѣлъ нарушить клятвы, данной прежде Ростиславичамъ на Любецкомъ съѣздѣ ¹²⁴.

Здѣсь должно дополнить опущенную лѣтописцемъ связь событій: мы видѣли, что Давидъ остался побѣдителемъ надъ Святополкомъ, удержалъ за собою Владимиръ; Святополкъ, не имѣя возможности одолѣть его, долженъ былъ обратиться къ остальнымъ двоюроднымъ братьямъ, поручившимъ ему наказать Давида, который, съ своей стороны, вѣроятно прежде, при неблагоприятныхъ для себя обстоятельствахъ, присылалъ также къ нимъ съ просьбою о защитѣ отъ Святополка. Въ Витичевѣ, 10-го августа, какъ сказано въ лѣтописи, братья заключили миръ между собою, т. е. какъ видно, посредствомъ мужей своихъ рѣшили собраться всѣмъ въ томъ же мѣстѣ, и дѣйствительно собрались 30-го августа ¹²⁵. Къ Давиду было послано приглашеніе явиться: онъ не смѣлъ ослушаться, потому что не могъ надѣяться восторжествовать надъ соединенными силами всѣхъ князей, какъ прежде восторжествовалъ надъ Святополкомъ; притомъ же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, князья посылали къ нему съ любовію, общаясь утвердить за нимъ Владимиръ ¹²⁶; и точно надъ нимъ произнесли мягкій приговоръ: схватить князя, добровольно явившагося на обратское совѣщаніе, было бы вѣроломствомъ, которое навсегда могло уничтожить возможность подобныхъ съѣздовъ; отпустить его безъ волости значило продолжать войну: Давидъ доказалъ, что онъ умѣлъ изворачиваться при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и потому рѣшили дать ему достаточную волость, наказавши только отнятіемъ Владимирскаго стола, который былъ отданъ Святополку, какъ отчина, на основаніи Любецкаго рѣшенія, при чемъ Святополкъ далъ еще Давиду Дорогобужъ, гдѣ тотъ и умеръ. Такъ кончилась посредствомъ двухъ княжескихъ съѣздовъ борьба, начавшаяся при первомъ преемникѣ Ярослава, и продолжавшаяся почти полвѣка; изгоня и потомки изгоевъ нигдѣ не могли утвердиться на цѣлыхъ отчинахъ; изъ нихъ только одни Ростиславичи успѣли укрѣпить

за собою отдѣльную волость и въ послѣдствіи дать ей важное историческое значеніе; но потомство Вячеслава Ярославича сошло со сцены при первомъ поколѣніи; потомство Игоря при второмъ: послѣ оно является въ видѣ князьковъ не значительныхъ волостей безъ самостоятельной дѣятельности; полноправными родичами явились только потомки трехъ старшихъ Ярославичей, послѣ тщетной попытки включить въ число изгоевъ потомство втораго изъ нихъ, Святослава; его дѣти послѣ долгой борьбы получили отцовское значеніе, отцовскую волость. Но легко было усмотрѣть неравенство въ распределеніи волостей между тремя линиями, преимущество, которое получилъ сынъ Всеволода и вслѣдствіе личныхъ достоинствъ, и вслѣдствіе благоприятныхъ обстоятельствъ: Мономахъ держалъ въ своей семьѣ Переяславскую, Смоленскую, Ростовскую и Новгородскую волости; Святополкъ только послѣ Витическаго сѣзда получилъ Владимиръ Волинскій; но Великій Новгородъ, который былъ всегда такъ тѣсно связанъ съ Кіевомъ, Новгородъ принадлежалъ не ему; всѣхъ меньше была волость Святославичей: они ничего не получили въ прибавокъ къ первоначальной отцовской волости, при томъ же ихъ было три брата. Святополку, какъ видно, очень не нравилось, что Новгородъ не находится въ его семьѣ; но отнять его у Мономаха безъ вознагражденія было не лзя; вотъ почему онъ рѣшился пожертвовать Волинью для пріобрѣтенія Новгорода, и уговорился съ Мономахомъ, что сынъ послѣдняго Мстиславъ перейдетъ во Владимиръ Волинскій, а на его мѣстѣ, въ Новгородѣ сядетъ Ярославъ, сынъ Святополковъ, княжившій до сихъ поръ во Владимирѣ. Но тутъ Новгородцы въ первый разъ воспротивились волѣ князей: зависимость Новгорода отъ Кіева была тѣмъ невыгодна для жителей перваго, что всѣ перемѣны и усобицы, происходившія на Руси, должны были отражаться и въ ихъ стѣнахъ: мы видѣли, что изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣну и въ Новгородѣ: здѣсь является княземъ сынъ Святослава—Глѣбъ, но послѣдній, въ свою очередь, долженъ былъ оставить Новгородъ вслѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ туда сына своего Святополка. Святополкъ, въ концѣ княженія Всеволодова, покинулъ Новгородъ для Турова, чтобъ быть ближе къ Кіеву; и Всеволодъ послалъ въ Новгородъ внука своего Мстислава. Потомъ

Святополкъ и Мономахъ выводятъ Мстислава и посылаютъ на его мѣсто Давида Святославича; Давидъ также оставилъ Новгородъ, и на его мѣсто прїѣхалъ туда опять Мстиславъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 47 лѣтъ, отъ 1054 до 1101 г., въ Новгородѣ шесть разъ смѣнялись князья: двое изъ нихъ ушли сами, остальные выводились вслѣдствіе смѣны Великихъ князей или ряду ихъ съ другими. Теперь, въ 1102 году, князья опять требуютъ у Новгородцевъ, чтобъ они отпустили отъ себя Мстислава Владиміровича и приняли на его мѣсто сына Святополкова; Новгородцы рѣшительно отказываются; при этомъ вѣроятно они знали, что не исполняя волю Святополкову, они тѣмъ самымъ исполняютъ волю Мономахову, въ противномъ случаѣ они не могли противъ воли послѣдняго удержать у себя его сына, не могли поссориться съ двумя сильнѣйшими князьями Руси, и сидѣть въ это время безъ князя. Въ Кіевѣ, на княжомъ дворѣ, въ присутствіи Святополка, произошло любопытное явленіе: Мстиславъ Владиміровичъ пришелъ туда въ сопровожденіи Новгородскихъ посланцевъ; посланцы Мономаха объявили Святополку: «вотъ Владиміръ прислалъ сына своего, а вотъ сидятъ Новгородцы; пусть они возьмутъ сына твоего и вѣдутъ въ Новгородъ, а Мстиславъ пусть идетъ во Владимиръ». Тогда Новгородцы сказали Святополку: «Мы, князь, присланы сюда, и вотъ что намъ вѣрно сказать: не хотимъ Святополка, ни сына его: если у твоего сына двѣ головы, то пошли его; этого (т. е. Мстислава) далъ намъ Всеволодъ, мы его вскормили себѣ въ князья, а ты ушелъ отъ насъ». Святополкъ много спорилъ съ ними; но они поставили на своемъ, взяли Мстислава и повели его назадъ въ Новгородъ. Указаніе на распоряженіе Всеволода вѣроятно имѣло тотъ смыслъ въ устахъ Новгородцевъ, что сами князья на Любецкомъ съѣздѣ рѣшили сообразоваться съ послѣдними распоряженіями его; слова, что они вскормили себѣ Мстислава, показываютъ желаніе имѣть постоянного князя, у нихъ выросшаго, до чего именно не допускали ихъ родовые счеты и усобицы князей; наконецъ выраженіе: «а ты ушелъ отъ насъ»—показываетъ неудовольствіе Новгородцевъ на Святополка за предпочтеніе Турова ихъ городу, и указаніе, что, оставивъ добровольно Новгородъ, онъ тѣмъ самымъ лишился на него всякаго права.

Послѣ Витичевского сѣзда прекратились старыя усобицы вслѣдствіе изгойства; но немедленно же начались новыя, потому что и второе поколѣніе Ярославичей имѣло уже своихъ изгоевъ: у Святополка былъ племянникъ—Ярославъ, сынъ брата его Ярополка. Въ 1101 году онъ затворился въ Брестѣ отъ дяди Святополка—ясный знакъ, что дядя не хотѣлъ давать ему волостей, и Ярославъ насильно хотѣлъ удержать за собою хотя Брестъ. Святополкъ пошелъ на него, заставилъ сдаться и въ оковахъ привелъ въ Кіевъ. Митрополитъ и игумены умолили Святополка оставить племянника ходить на свободѣ, взявши съ него клятву при гробѣ Бориса и Глѣба, вѣроятно въ томъ, что онъ не будетъ больше посягать на дядины волости, и становитъ жить спокойно въ Кіевѣ. Но въ слѣдующемъ году Ярославъ ушелъ отъ дяди; за нимъ погнался двоюродный братъ его, Ярославъ Святополчичъ, обманомъ схватилъ его также за Брестомъ; на Польскихъ границахъ¹²⁷, и въ оковахъ привелъ къ отцу; на этотъ разъ Ярополковича уже не выпускали на свободу, и онъ умеръ въ заточеніи въ томъ же году¹²⁸.

Знаменитый чародѣй, Всеславъ Полоцкій на старости уже не беспокоилъ Ярославичей, и далъ имъ возможность убраться съ своими дѣлами; онъ умеръ въ 1101 г. Съ его смертію кончилась сила Полоцкаго княжества: между сыновьями его (ихъ было человекъ семь), тотчасъ же, какъ видно, начались несогласія, въ которыя вмѣшались Ярославичи: такъ въ 1100 году встречаемъ извѣстіе, что Святополкъ посылалъ на Минскѣ на Глѣба, воеводу своего Путягу, Владиміръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ ходилъ вмѣстѣ съ Давидомъ Всеславичемъ, знакъ, что походъ былъ предпринятъ для выгоды послѣдняго, котораго и прежде видимъ въ связи съ Ярославичами: походъ впрочемъ кончился ничѣмъ.

Таковы были междукняжескія отношенія при первомъ старшемъ князѣ изъ втораго поколѣнія Ярославичей. Теперь взглянемъ на отношенія внѣшнія. Мы видѣли, какъ народъ въ Руси боялся княжескихъ усобицъ болѣе всего потому, что ими могутъ воспользоваться поганые, Половцы; видѣли, что и для самихъ князей этотъ страхъ служилъ также главнымъ побужденіемъ къ миру. Южная Русь, какъ Европейская Украина, должна была, подобно Греческимъ припонтійскимъ колоніямъ

древности, стоять всегда на сторожѣ вооруженною. Мы видѣли, какъ несчастно въ этомъ отношеніи началось княженіе Святополка, который первый подалъ примѣръ брачныхъ союзовъ съ ханами Половецкими. Послѣ убіенія Итлара и удачнаго похода Русскихъ князей въ степи, Половцы въ томъ же 1095 г. явились на рѣкѣ Рси, границѣ собственной Руси съ степью, и осадили Юрьевъ, одинъ изъ городовъ, основанныхъ здѣсь Ярославомъ Первымъ, и названный по его имени; варвары цѣлое лѣто стояли подъ городомъ и едва его не взяли; Святополкъ омирилъ ихъ, оказано въ лѣтописи, т. е. заплатилъ имъ за миръ; не смотря на то, они все оставались въ предѣлахъ Руси, не уходили за Рось въ степи; Юрьевцы вида это, и наскучивъ жить въ безпрестанномъ страхѣ, выбѣжали изъ своего города, и пришли въ Кіевъ, а Половцы сожгли пустой Юрьевъ — явленіе замѣчательное, показывающее тогдашнее состояніе Украины или южной Руси. Святополкъ велѣлъ строить новый городъ на Витичевскомъ холму, въ 56 верстахъ отъ Кіева, при Дѣвпрѣ, назвалъ его Святополчемъ и велѣлъ съѣсть въ немъ Юрьевцамъ съ своимъ епископомъ; нашлись и другіе охотники селиться здѣсь изъ разныхъ близкихъ къ степи мѣстъ, которыхъ также гналъ страхъ Половецкій. Въ слѣдующемъ 1096 году, пользуясь отсутствіемъ Святополка и Мономаха, воевавшихъ на сѣверѣ съ Святославичами, Половцы уже не ограничились опустошеніемъ пограничныхъ городковъ, но ханъ ихъ, Бонякъ, пріобрѣтшій червуну знаменитость въ нашихъ лѣтописяхъ, явился подъ Кіевомъ, опустошилъ окрестности, сжегъ княжескій загородный домъ на Берестовѣ; а на восточной сторонѣ Дѣвпра другой ханъ Куря опустошилъ окрестности Переяславля¹³⁹. Усыпхъ Боняка и Куря прельстилъ и тестя Святополкова, Тугоркана: онъ также пришелъ къ Переяславлю и осадилъ его; но въ это время князья уже возвратились изъ похода; они выступили противъ Половцевъ къ Переяславлю и поразили ихъ, причемъ Тугорканъ съ сыномъ и другими князьями былъ убитъ: Святополкъ велѣлъ поднять тѣло Тугорканово и погребсти въ селѣ Берестовѣ. Но въ то время, какъ Русскіе князья были заняты на восточной сторонѣ Дѣвпра, шелудивый хищникъ Бонякъ явился опять нечаянно передъ Кіевомъ; Половцы едва не вѣхали въ самый городъ, сожгли близнія деревни, мона-

стыри, въ томъ числѣ и монастырь Печерскій: «Пришли, говорятъ лѣтописецъ—очевидецъ, къ намъ въ монастырь, а мы всѣ спали по кельямъ послѣ заутрени; вдругъ подняли крикъ около монастыря, и поставили два стяга передъ воротами; мы бросились бѣжать задомъ¹⁴⁰ монастыря, другіе взобрались на полати; а безбожныя дѣти Измаиловы высѣкли ворота и пошли по кельямъ, выламывая двери, вынося изъ келій все, что имъ понадо- лось; потомъ выжгли Богородичную церковь, вошли въ при- творъ у Θεодосіева гроба, взяли иконы; зажгли двери, ругаясь Богу и закону нашему.» Тогда же зажгли дворъ Красный, что поставилъ В. Князь Всеволодъ на холму Выдубецкомъ.

Послѣ Витичевского сѣзда, окончившаго усобицы, князья получили возможность дѣйствовать наступательно противъ Половцевъ: въ 1101 году Святополкъ, Мономахъ, и трое Свято- славичей собрались на рѣкѣ Золотчѣ, на правомъ берегу Днѣпра, чтобъ идти на Половцевъ; но тѣ прислали пословъ ото всѣхъ хановъ своихъ ко всей братии, просить мира; Русскіе князья сказали имъ: «если хотите мира, то сойдемся у Сакова¹⁴¹;» Половцы явились въ назначенное мѣсто, и заключили миръ, при чемъ взяты были съ обѣихъ сторонъ заложники. Но заключивши миръ, Русскіе князья не переставали думать о походѣ на варваровъ; мысль о походѣ на поганыхъ лѣтописецъ называетъ обыкновенно мыслию доброю, внушеніемъ Божиимъ. Въ 1103 году Владиміръ сталъ уговаривать Святополка идти весною на поганыхъ¹⁴²; Святополкъ сказалъ объ этомъ дружинѣ, дружина отвѣчала: «не время теперь отнимать поселянъ отъ поля», послѣ чего Святополкъ послалъ сказать Владиміру: «Надобно намъ гдѣ-нибудь собраться и подумать съ дружиною;» согласившись съѣхаться въ Долобскъ (при озерѣ того же имени), выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, съѣхались и сѣли въ одномъ шатрѣ—Святополкъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею; долго сидѣли молча, наконецъ Владиміръ началъ: «Братъ! ты старшій, начини же говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ?» Святополкъ отвѣчалъ: «лучше ты, братецъ, говори первый?» Владиміръ сказалъ на это: «Какъ мнѣ говорить? противъ меня будетъ и твоя и моя дружина, скажутъ: хочеть погубить поселянъ и пашни; но дивлюсь я одному, какъ мы поселянъ жалѣете и лошадей ихъ, а того не подумаете, что

станеть поселяннѣхъ весною пахать на лошади, и придетъ Полоцкннъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жону, и дѣтей, да и гумно зажжетъ; объ этомъ вы не подумаете!» Дружина отвѣчала: «Въ самомъ дѣлѣ такъ;» Святополкъ прибавилъ: «Я готовъ,» и всталъ; а Владиміръ сказалъ ему: «Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты Русской землѣ!» Они послали также и къ Святославичамъ звать ихъ въ походъ: «Пойдемъ на Половцевъ, либо живы будемъ, либо мертвы;» Давидъ послушался ихъ, но Олегъ велѣлъ сказать, что не здоровъ. Кромѣ этихъ старыхъ князей пошли еще четверо молодыхъ: Давидъ Всеславичъ Полоцкій, Мстиславъ, племянникъ Давида Игоревича Волынскаго (изгой), Вячеславъ Ярополчичъ, племянникъ Святополка (также изгой) и Ярополкъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха. Князья пошли съ пѣхотою и конницею: пѣшіе ѣхали въ лодкахъ по Днѣпру, конница шла берегомъ. Пронесши пороги, у Хортицкаго острова пѣшіе высадились на берегъ, конные съѣли на лошадехъ, и шли степью четыре дня. Половцы, услышавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думать; одинъ изъ хановъ, Урусоба, сказалъ: «пошлемъ просить мира у Руси; они станутъ съ нами биться крѣпко, потому что мы много зла надѣлали ихъ землѣ». Молодые отвѣчали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этихъ, пойдемъ въ ихъ землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?» А Русскіе князья и всѣ ратники въ это время молились Богу, давали обѣты, кто кутью воставить, кто милостыню раздать нищимъ, кто въ монастырь послать нужное для братіи. Половцы послали впереди въ сторожахъ Алтунону, который славился у нихъ мужествомъ; Русскіе послали также передовой отрядъ провѣдать непріятеля: онъ встрѣтился съ отрядомъ Алтуноны, и истребилъ его до одного человѣка; потомъ сошлись главные полки, и Русскіе побѣдили, перебили 20 хановъ, одного Белдюза взяли живьемъ и привели къ Святополку; Белдюзъ началъ давать за себя окупъ—золото и серебро, коней и скотъ; Святополкъ послалъ его ко Владиміру, и тотъ спросилъ плѣнника: «Сколько разъ вы клялись не воевать, и потомъ все воевали Русскую землю? Зачѣмъ же ты не учишь сыновей своихъ и родичей соблюдать клятву, а все проливалъ кровь христіанскую? такъ будь же кровь твоя:

на головѣ твоей»; и велѣлъ убить его; Болдюза разсѣкли на части. Потомъ собрались все братья, и Владиміръ сказалъ: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны: Господь избавилъ насъ отъ враговъ, покорилъ ихъ намъ, сокрушилъ главы змѣевы, и далъ ихъ брашно людемъ Русскимъ». Взяли тогда наши много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, вежи со всякою рухлядью и рабами, захватили Печенѣговъ и Торковъ, находившихся подъ властію Половцовъ, и пришли въ Русь съ полономъ великимъ, славою и побѣдою. Святополкъ думалъ, что надолго избавились отъ Половцемъ, и велѣлъ возобновить городъ Юрьевъ, сжженный ими передъ тѣмъ.

Но живъ былъ страшный Бонякъ: черезъ годъ онъ подалъ о себѣ вѣсть, пришелъ къ Зарубу, находившемуся на западной сторонѣ Дыпра, противъ Трубежскаго устья, побѣдилъ Торковъ и Берендѣевъ. Въ слѣдующемъ 1106 году Святополкъ долженъ былъ выслать троихъ воеводъ своихъ противъ Половцевъ, опустошавшихъ окрестности Зарѣчьска; воеводы отняли у нихъ полонъ. Въ 1107 году Бонякъ захватилъ конскіе табуны у Переяславля; потомъ пришелъ со многими другими ханами, и сталъ около Лубенъ¹⁴³, на рѣкѣ Сулѣ. Святополкъ, Владиміръ, Олегъ, съ четырьмя другими князьями ударили на нихъ внезапно съ крикомъ; Половцы испугались, отъ страха не могли и стага поставить, и побѣжали: кто успѣлъ схватить лошадь — на лошади, а кто пѣшкомъ; наши гнали ихъ до рѣки Хорола и взяли станъ непріятельскій; Святополкъ пришелъ въ Печерскій монастырь къ заутренѣ на Успеневъ день и съ радостію здоровался съ братією послѣ побѣды. Не смотря однако на эти успѣхи, Мономахъ и Святославичи — Олегъ и Давидъ въ томъ же году имѣли съѣздъ съ двумя ханами, и взяли у нихъ дочерей замужъ за сыновей своихъ. Походъ троихъ князей — Святополка, Владиміра и Давида въ 1110 году кончился ничемъ: они возвратились отъ города Воина¹⁴⁴, по причинѣ стужи и конскаго падежа¹⁴⁵; но въ слѣдующемъ году, думою и похотѣніемъ Мономаха, князья вздумали навѣстить Половцевъ на Дону, куда еще прежде, въ 1109 году Мономахъ посылалъ воеводу своего Дмитра Иворовича, который и захватилъ тамъ Половецкія вежи. Пошли — Святополкъ, Владиміръ и Давидъ съ сыновьями, пошли они во второе воскресенье Великаго поста,

въ пятницу дошли до Сулы, въ субботу были на Хоролѣ, гдѣ бросили сани; въ крестопоклонное Воскресенье пошли отъ Хорола и достигли Псела; оттуда пошли и стали на рѣкѣ Голтѣ, гдѣ дождались остальныхъ воиновъ, и пошли къ Ворсклѣ; здѣсь въ среду цѣловали крестъ со многими слезами, и двинулись далѣе, перешли много рѣкѣ, и во вторникъ на шестой недѣлѣ достигли Дона. Отсюда, надѣвши брони и выстроивши полки, пошли къ Половецкому городу Шаруканю, при чемъ Владиміръ велѣлъ священникамъ своимъ ѣхать передъ полками и пѣть молитвы; жители Шаруканя вышли на встрѣчу князьямъ, поднесли имъ рыбу и вино; Русскіе переночевали тутъ, и на другой день въ среду, пошли къ другому городу, Сугрову и зажгли его; въ четвергъ пошли съ Дона, а въ пятницу, 24-го Марта собралась Половцы, изрядили полки свои и двинулись противъ Русскихъ. Князья наши возложили всю надежду на Бога, говорить лѣтописецъ, и сказали другъ другу: «помереть намъ здѣсь; станемъ крѣпко!» перецѣловались, и, возведши глаза на небо, призывали Бога вышняго. И Богъ помогъ Русскимъ князьямъ: послѣ жестокой битвы Половцы были побѣждены, и пало ихъ много. Весело на другой день праздновали Русскіе Лазарево Вокресенье и Благовѣщеніе, а въ Воскресенье пошли далѣе. Въ Страстной понедѣльникъ собралось опять множество Половцевъ, и обступили полки Русскіе на рѣкѣ Салницѣ. Когда полки Русскіе столкнулись съ полками Половецкими, то раздался точно громъ, брань была лютая, и много падало съ обѣихъ сторонъ; наконецъ выступили Владиміръ и Давидъ съ своими полками; увидавши ихъ, Половцы бросились бѣжать, и падали предъ полкомъ Владиміровымъ невидимо поражаемые ангеломъ: многіе люди видѣли, какъ головы ихъ летѣли, сѣкаемые невидимою рукою. Святполкъ, Владиміръ и Давидъ прославили Бога, давшаго имъ такую побѣду на поганыхъ; Русскіе взяли полна много—скота, лошадей, овецъ; и колодишковъ много побрали руками. Побѣдители спрашивали плѣнныхъ: «какъ это васъ была такая сила, и вы не могли бороться съ нами, а тотчасъ побѣжали?» тѣ отвѣчали: «какъ намъ съ вами биться? другіе вздять надъ вами въ броняхъ свѣтлыхъ и страшныхъ и помогаютъ вамъ». Это ангелы, прибавляетъ лѣтописецъ, отъ Бога посланные помогать Христіанамъ; ангелъ вло-

жилъ въ сердце Владимиру Мономаху возбудить братьевъ своихъ на иноплеменниковъ. Такъ, съ Божіею помощію, пришли Русскіе князья домой, къ своимъ людямъ со славою великою, и разнеслась слава ихъ по всемъ странамъ дальнимъ, дошла до Грековъ, Венгровъ, Дяховъ, Чеховъ, дошла даже до Рима.

Мы привели извѣстіе лѣтописца о Донскомъ походѣ князей на Половцевъ со всеми подробностями, чтобъ показать, какое великое значеніе имѣлъ этотъ походъ для современниковъ. Времена Святослава Стараго вышли изъ памяти, а послѣ никто изъ князей не ходилъ такъ далеко на востокъ, и на кого же? на тѣхъ страшныхъ враговъ, которыхъ Кіевъ и Переяславль не разъ видѣли подъ своими стѣнами, отъ которыхъ бѣгали цѣлые города; Половцы побѣждены не въ волостяхъ Русскихъ, не на границахъ, но въ глубинѣ степей своихъ; отсюда понятно религіозное оупевленіе, съ какимъ рассказано событіе въ лѣтописи: только ангелъ могъ внушить Мономаху мысль о такомъ важномъ предпріятіи, ангелъ помогъ Русскимъ князьямъ побѣдить многочисленныя полчища враговъ; слава похода разнеслась по дальнимъ странамъ; понятно, какъ она разнеслась на Руси, и какую славу заслужилъ главный герой предпріятія, тотъ князь, которому ангелъ вложилъ мысль возбудить братьевъ къ этому походу; Мономахъ явился подъ особеннымъ покровительствомъ неба; предъ его полкомъ, сказано, падали Половцы, невидимо поражаемые ангеломъ. И надолго остался Мономахъ въ памяти народной, какъ главный и единственный герой Донскаго похода, долго ходило преданіе о томъ, какъ билъ онъ Донъ золотымъ шелокомъ, какъ загналъ окаянныхъ Агарянь за Желѣзныя ворота ¹⁴⁶.

Такъ славно воспользовались князья, т. е. преимущественно Мономахъ прекращеніемъ усобицъ. Мы видѣли, что для Руси борьба съ Половцами и отношенія княжескія составляли главный интересъ; но изъ отдаленныхъ концовъ, съ сѣвера, запада и востока доходилъ слухъ о борьбѣ Русскихъ людей съ другими варварами, окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ. Новгородцы съ княземъ своимъ Мстиславомъ ходили на Чудь, къ западу отъ Чудскаго озера ¹⁴⁷. Полоцкіе и Волынскіе князья боролись съ Ятвягами и Латышами; иногда поражали ихъ, иногда терпѣли поражение ¹⁴⁸; наконецъ на востокъ младшій Святославичъ Ярославъ бился несчастно съ Мордвою ¹⁴⁹; какъ видно, онъ княжилъ въ Муромѣ.

При Святополкѣ начинается связь нашей исторіи съ исторіею Венгріи. Мы видѣли, какое значеніе для западныхъ Славянскихъ народовъ имѣло вторженіе Венгровъ и утвержденіе ихъ въ Панноніи на развалинахъ Моравскаго государства. Любопытно читать у императора Льва Мудраго описаніе, какимъ образомъ Венгры вели войну, потому что здѣсь находимъ мы объясненіе нашихъ лѣтописныхъ извѣстій о Венграхъ, равно какъ и о Половцахъ: «Венгры, говоритъ Левъ, съ младенчества привыкаютъ къ верховой вѣдѣ, и не любятъ ходить пѣшкомъ; на плечахъ носятъ они длинные копья, въ рукахъ луки, и очень искусны въ употребленіи этого оружія. Привыкнуши стрѣляться съ непріителемъ, они не любятъ рукопашнаго боя; больше нравится имъ сражаться издали. Въ битвѣ раздѣляютъ они свое войско на малые отряды, которые стѣнуютъ въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга». Мы видѣли, что именно такъ, заступами расположили они свое войско въ битвѣ съ Давидомъ Игоревичемъ и Бонякомъ Половецкимъ. Въ концѣ X вѣка прекращаетъ эта кочевая орда свои опустошительные набѣги на сосѣдей, и начинаетъ привыкать къ осѣлости, гражданственности, которая проникла къ Венграмъ вмѣстѣ съ Христіанствомъ: въ 994 году князь Гейза вмѣстѣ съ сыномъ своимъ принялъ крещеніе; этотъ сынъ его, св. Стефанъ хотѣлъ дать новой религіи окончательное торжество, для чего повѣстилъ, чтобъ всякій Венгерецъ немедленно престился; но слѣдствіемъ такого приказа было сильное возстаніе язычниковъ, которое кончилось только послѣ пораженія, претерпѣннаго ими въ кровопролитной битвѣ противъ войска княжескаго. По смерти бездѣтнаго Стефана, перваго короля Венгріи, начинаются усобицы между разными князьями изъ Арпадовой династіи: этими усобицами пользуются императоры Нѣмекіе, чтобъ сдѣлать Венгерскихъ королей своими вассалами; пользуются вельможи, чтобъ усилить свою власть на счетъ королевской, наконецъ пользуется язычество, чтобъ возстать еще нѣсколько разъ противъ христіанства. Только въ концѣ XI вѣка, при короляхъ Владиславѣ Святомъ и Коломанѣ, Венгрія начинаетъ отдыхать отъ внутреннихъ смуть и вмѣстѣ усиливаться на счетъ сосѣдей, вышниваться въ ихъ дѣла: вотъ почему мы видѣли Коломана въ союзѣ съ Святополкомъ противъ Давида и Ростиславичей. Союзъ Коломана съ Святополкомъ былъ даже

скрѣпленъ бракомъ одного изъ королевичей Венгерскихъ на Предславѣ, дочери князя Кіевскаго. Самъ Коломанъ, не задолго предъ смертію, женился на дочери Мономаховой, Евфиміи; но черезъ годъ молодая королева была обвинена въ невѣрности и отослана къ отцу въ Русь, гдѣ родила сына Бориса, такъ долго послѣ безпокоившаго Венгрію своими притязаніями. Коломанъ умеръ въ началѣ 1114 года, оставивъ престолъ сыну своему, Стефану II-му.

Въ началѣ 1113 года видѣли въ Кіевѣ солнечное затмѣніе: небесное знаменіе предвѣщало смерть Святополкову, по словамъ лѣтописца: князь умеръ 16 апрѣля, не долго переживши Давида Игоревича, умершаго въ маѣ 1112. По Святополкѣ плакали бояре и дружина его вся, говоритъ лѣтописецъ, но о плачѣ народномъ не упоминаетъ ни слова; княгиня его раздала много богатства по монастырямъ, попамъ, нищимъ, такъ что всѣ дивились: никогда не бывало такой милостыни; Святополкъ былъ благочестивъ: когда шелъ на войну или куда-нибудь, то заходилъ прежде въ Печерскій монастырь поклониться гробу св. Феодосія и взять молитву у игумена; не смотря на то лѣтописецъ не прибавилъ ни слова въ похвалу его, хотя любитъ сказать что-нибудь доброе о каждомъ умершемъ князѣ. Въ житіяхъ святыхъ Печерскихъ находимъ дополнительныя извѣстія, которыя объясняютъ намъ причину молчанія лѣтописца: однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки Печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ; Святополкъ, узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобъ продавать ее самому дорогою цѣною; игуменъ Іоаннъ обличалъ ревностно его корыстолюбіе и жестокость: князь заточилъ обличителя, но потомъ возвратилъ изъ опасенія вооружить противъ себя Мономаха. Сынъ Святополка Мстиславъ былъ похожъ на отца: однажды разнеслась вѣсть, что двое монаховъ нашли кладъ въ пещерѣ; Мстиславъ мучилъ безъ пощады этихъ монаховъ, выпытывая у нихъ, гдѣ кладъ. Этотъ Мстиславъ былъ рожденъ отъ наложницы ¹⁵⁰, которая, по некоторымъ извѣстіямъ ¹⁵¹, имѣла сильное вліяніе на безхарактернаго Святополка. При немъ, говоритъ авторъ житій, много было насилія отъ князя людямъ; дома вельможъ безъ вины искоренилъ, имѣніе у многихъ отнялъ; великое было тогда нестроеніе и грабежъ незаконный ¹⁵².

Таково было княженіе Святополка для Кіевлянъ. Легко понять, что племя Изяславово потеряло окончательно народную любовь на Руси; дѣти Святослава никогда не пользовались ею: мы видѣли, какую славу имѣлъ Олегъ Гориславичъ въ народѣ; въ последнее время онъ не могъ поправить ее, не участвуя въ самыхъ знаменитыхъ походахъ другихъ князей. Старшій братъ его, Давидъ ¹⁵³ былъ лице незначительное; если онъ сдѣлалъ менѣ зла Русской землѣ, чѣмъ братъ его, то, какъ видно, потому, что былъ менѣ его дѣятеленъ; но если бы даже Давидъ и имѣлъ большое значеніе, то оно исчезало предъ значеніемъ Мономаха, который во все княженіе Святополка стоялъ на первомъ планѣ; отъ него одного только народъ привыкъ ждать всякаго добра; мы видѣли, что въ лѣтописи онъ является любимцемъ неба, дѣйствующимъ по его внушенію и главнымъ зачинателемъ добрыхъ предпріятій; онъ былъ старшимъ на дѣлѣ; любопытно, что лѣтописецъ, при исчисленіи князей, постоянно даетъ ему второе мѣсто послѣ Святополка, впереди Святославичей: могли ли они послѣ того надѣяться получить старшинство по смерти Святополковой? При тогдашнихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, когда княжилъ цѣлый родъ, странно было бы ожидать, чтобъ Святополково мѣсто занято было кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ Мономаха. Мы видѣли, какъ поступили Новгородцы, когда князья хотѣли вывести изъ ихъ города любимаго ими Мстислава; также поступаютъ Кіевляне по смерти Святополка, желая видѣть его преемникомъ Мономаха. Они собрали вече, рѣшили, что быть княземъ Владимиру и послали къ нему объявить объ этомъ ¹⁵⁴: «ступай, князь, на столъ отцовскій и дѣдовскій», говорили ему послы. Мономахъ, узнавъ о смерти Святополка, много плакалъ, и не пошелъ въ Кіевъ: если по смерти Всеволода онъ не пошелъ туда, уважая старшинство Святополка, то ясно, что и теперь онъ поступалъ по тѣмъ же побужденіямъ, уважая старшинство Святославичей. Но у Кіевлянъ были свои расчеты: они разграбили дворъ Путяты Тысацкаго за то, какъ говоритъ одно извѣстіе ¹⁵⁵, что Путята держалъ сторону Святославичей, потомъ разграбили дворы соцкихъ и жидовъ: эти слова лѣтописи подтверждаютъ то извѣстіе, что Святополкъ изъ корыстолюбія далъ большія льготы жидамъ, которыми они пользовались въ ущербъ народу, и тѣмъ возбудили противъ себя

всеобщее негодованіе. Послѣ грабежа Кіевляне послали оягъ къ Владиміру съ такими словами: «Приходи, князь, въ Кіевъ; если же не придешь, то знай, что много зла сдѣлается: ограбить уже не одинъ путянинъ дворъ или соцкихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ». Владиміръ, услыхавши объ этомъ, пошелъ въ Кіевъ; навстрѣчу къ нему вышелъ митрополитъ съ епископами и со всеми Кіевлянами, принявъ его съ честью великою, всѣ люди были рады, и мятежъ утихъ.

Такъ послѣ перваго же старшаго князя во второмъ поколѣніи нарушенъ уже былъ порядокъ первенства вслѣдствіе личныяхъ достоинствъ сына Всеволодова; племя Святославова потеряло старшинство, должно было ограничиться одною Черниговскою волостію, которая такимъ образомъ превращалась въ отдѣльную отъ остальныхъ Русскихъ владѣній отчину, подобно Полоцкой отчинѣ Изяславичей. На первый разъ усобицы не было: Святославичамъ нельзя было спорить съ Мономахомъ; но они затаили обиду свою только на время.

Въ непосредственной связи съ приведенными обстоятельствами избранія Мономахова находится извѣстіе, что Владиміръ тотчасъ по вступленіи на старшій столъ, собралъ мужей своихъ, Олегъ Святославичъ прислалъ также своего мужа, и порѣшили ограничить росты ¹⁵⁶: очень вѣроятно, что жиды, съ позволенія Святополкова, пользовались неумѣренными ростами, за что и всталъ на нихъ народъ ¹⁵⁷.

Святославичи не предъявляли своихъ правъ, съ ними не было войны; не смотря на то и княженіе Мономаха не обошлось безъ усобицъ. Мы видѣли еще при Святополкѣ походъ князей на Глеба Всеславича Минскаго; этотъ князь, какъ видно, наследовалъ духъ отца своего и дѣда и вражду ихъ съ Ярославичами: онъ не побоялся подняться на сильнаго Мономаха, опустошилъ часть земли Дреговичей, принадлежавшую Кіевскому княжеству, сжегъ Слуцкъ ¹⁵⁸, и когда Владиміръ посылалъ къ нему съ требованіемъ, чтобъ унялся отъ насилій, то онъ не думалъ раскаиваться и покориться, но отвѣчалъ укоризнами. Тогда Владиміръ, въ 1116 году, надѣясь на Бога и на правду, по выраженію лѣтописца, пошелъ къ Минску съ сыновьями своими, Дави-

домъ Святославичемъ и сыновьями Олеговыми. Сынъ Мономаха, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, взялъ Оршу и Копысь; Давидъ съ другимъ сыномъ Мономаховымъ, Ярополкомъ, княжившимъ въ Переяславѣ, на отцовскомъ мѣстѣ, взяли Друцкъ приступомъ, а самъ Владиміръ пошелъ къ Минску и осадилъ въ немъ Глѣба. Мономахъ рѣшился взять Минскъ, сколько бы ни стоялъ подъ нимъ, и для того велѣлъ у стана строить теплое жилье (избу); Глѣбъ, увидавъ приготовленіе къ долгой осадѣ, испугался и началъ слать пословъ съ просьбами; Владиміръ, не желая, чтобъ христіанская кровь проливалась великимъ постомъ, далъ ему миръ: Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Владиміру и обѣщался во всемъ его слушаться; тотъ, давши ему наставленіе, какъ впередъ вести себя, возвратилъ ему Минскъ, и пошелъ назадъ въ Кіевъ; но сынъ его Ярополкъ Переяславскій не думалъ возвращать свой плѣнь, жителей Друцка; тяготясь болѣе другихъ князей малонаселенностію своей степной волости, такъ часто опустошаемой Половцами, онъ вывелъ ихъ въ Переяславское княжество, и срубилъ для нихъ тамъ городъ Желни ¹⁰⁹. Минскій князь, какъ видно, не долго исполнялъ наказъ Владиміровъ: въ 1120 году у Глѣба отняли Минскъ и самого привели въ Кіевъ, гдѣ онъ въ томъ же году и умеръ ¹⁰⁰.

Другая усобица происходила на Волыни. Мы видѣли, что Владиміръ жилъ дружно съ Святополкомъ; послѣдній хотѣлъ еще болѣе сирѣпить эту дружбу, которая могла быть очень выгодна для сына его Ярослава, и женилъ послѣдняго на внучкѣ Мономаховой, дочери Мстислава Новгородскаго. Но самый этотъ бракъ, если не былъ единственною, то по крайней мѣрѣ, одною изъ главныхъ причинъ вражды между Ярославомъ и Мономахомъ. Подъ 1118 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Мономахъ ходилъ войною на Ярослава къ Владиміру Волынскому, виѣсть съ Давидомъ Святославичемъ, Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами. Послѣ двухмѣсячной осады, Ярославъ покорился, ударилъ челомъ передъ дядею; тотъ далъ ему наставленіе, велѣлъ приходить къ себѣ по первому зову, и пошелъ назадъ съ миромъ въ Кіевъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи прибавлено, что причиною похода Мономахова на Ярослава было дурное обращеніе послѣдняго съ женою своею ¹⁰¹, извѣстіе очень вѣроятное,

если у Ярослава были наследственные отъ отца наклонности. Но есть еще другое извѣстiе, также очень вѣроятное, что Ярославъ былъ подучаемъ Поляками ко враждѣ съ Мономахомъ и особенно съ Ростиславичами. Мы видѣли прежде вражду послѣднихъ съ Поляками, которые не могли простить Васильку его опустошительныхъ нападеній и завоеваній; Ярославъ, подобно отцу, не могъ забыть, что волость Ростиславичей составляла нѣкогда часть Волинской волости: интересы слѣд. были одинакіе и у Польскаго и у Волинскаго князя; но кромѣ того ихъ соединяла еще родственная связь. Мы видѣли, что еще на Брестскомъ съѣздѣ между Владиславомъ Германомъ и Святополкомъ было положено заключить брачный союзъ: дочь Святополкову Сбыславу выдать за сына Владиславова, Болеслава Кривоустаго; но бракъ былъ отложенъ по малолѣтству жениха и невѣсты. Въ 1102 году умеръ Владиславъ Германъ, еще при жизни своей раздѣлиши волости между двумя сыновьями — законнымъ Болеславомъ, и незаконнымъ Збигнѣвомъ. Когда вельможи спрашивали у него, кому же изъ двоихъ сыновей онъ даетъ старшинство, то Владиславъ отвѣчалъ: «Мое дѣло раздѣлить волости, потому что я старъ и слабъ; но возвысить одного сына передъ другимъ илѣ дать имъ правду и мудрость можетъ только одинъ Богъ. Мое желаніе—чтобъ вы повиновались тому изъ нихъ, который окажется справедливѣе другаго и доблестнѣе при защитѣ родной земли». Эти слова, приводимыя Польскимъ лѣтописцемъ, очень замѣчательны: они показываютъ всю неопредѣленность въ понятіяхъ о порядкѣ наследства, какая господствовала тогда въ Славянскихъ государствахъ. Лучшимъ между братьями оказался Болеславъ, который вовсе не былъ похожъ на отца, отличался мужествомъ, дѣятельностію. Болеславъ остался вѣренъ отцовскому договору съ Святополкомъ, женился на дочери послѣдняго — Сбыславѣ ¹⁰², и вслѣдствіе этого родственнаго союза Ярославъ Волинскій постоянно помогалъ Болеславу въ усобицѣ его съ братомъ Збигнѣвомъ ¹⁰³; нѣтъ ничего страннаго, слѣдовательно, что князья Польскій и Волинскій рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ противъ Ростиславичей. Но могъ ли Мономахъ спокойно смотрѣть на это, тѣмъ болѣе, что онъ находился съ Ростиславичами въ родственной связи: сынъ его Романъ былъ женатъ на дочери Володаря: ясно, что онъ долженъ былъ вступиться

за послѣдняго и за брата его; сначала, говоритъ то же извѣстіе, онъ посылалъ уговаривать Ярослава, потомъ звалъ его на судъ предъ князей¹⁶⁴, наконецъ, когда Ярославъ не послушался, пошелъ на него войною, исходъ которой мы изложили по дошедшимъ до насъ лѣтописямъ. Въ нихъ встрѣчаемъ еще одно важное извѣстіе, что передъ походомъ на Ярослава, Мономахъ перезвалъ изъ Новгорода старшаго сына своего Мстислава и посадилъ его подлѣ себя, въ Бѣгородѣ: это могло заставить Ярослава думать, что Мономахъ хочетъ по смерти своей передать старшинство сыну своему, тогда какъ Мономахъ могъ это сдѣлать именно вслѣдствіе непріязненнаго поведенія Ярослава. Принужденная покорность послѣдняго не была продолжительна: скоро онъ прогналъ свою жену, за что Мономахъ выступилъ вторично противъ него: разумѣется Ярославъ могъ рѣшиться на явный разрывъ только собравши значительныя силы, и въ надеждѣ на помощь Польскую и Венгерскую, потому что и съ королемъ Венгерскимъ онъ былъ также въ родствѣ; но собственные бояре отступили отъ Волинскаго князя; и онъ принужденъ былъ бѣжать сперва въ Венгрію, потомъ въ Польшу. Мономахъ посадилъ во Владимирѣ сперва сына своего Романа, а потомъ, по смерти его, другаго сына Андрея. Что эти событія были въ связи съ Польскою войною, доказательствомъ служитъ походъ новаго Владимирскаго князя Андрея съ Половцами въ Польшу, въ 1120 году. Въ слѣдующемъ году Ярославъ съ Поляками подступилъ было къ Червеню; Мономахъ принялъ мѣры для безопасности пограничныхъ городовъ: въ Червени сидѣлъ знаменитый мужъ его Оома Ратиборовичъ, который и заставилъ Ярослава возвратиться ни съ чѣмъ. Для Поляковъ, какъ видно, самымъ опаснымъ врагомъ былъ Володаръ Ростиславичъ, который не только водилъ на Польшу Половцевъ, но былъ въ союзѣ съ другими опасными ея врагами, Поморянами и Прусаками. Не будучи въ состояніи одолѣть его силою, Поляки рѣшились схватить его хитростію. Въ то время при дворѣ Болеслава находился знаменитый своими похождениями Петръ Власть, родомъ, какъ говорятъ, изъ Даніи. Въ совѣтъ, который держалъ Болеславъ по случаю вторженій Володаря, Власть объявилъ себя противъ открытой войны съ этимъ княземъ, указывая на связь его съ Половцами, Поморянами, Прусаками, которые всѣ въ одно вре-

мя могли напасть на Польшу, и совѣтовалъ схватить Ростиславича хитростію, при чемъ предложилъ свои услуги. Болеславъ принялъ предложеніе, и Власть отправился къ Володарю въ сопровожденіи тридцати человекъ, выставилъ себя изгнанникомъ, заклятымъ врагомъ Польскаго князя, и успѣлъ приобрести полную довѣренность Ростиславича. Однажды оба они выѣхали на охоту; князь, погнавшись за звѣремъ, удалился отъ города, дружина его разсѣялась по лѣсу, подлѣ него остался только Власть съ своими; они воспользовались благопріятною минутою, бросились на Володаря, схватили и умчали къ Польскимъ границамъ ¹⁴⁵. Болеславъ достигъ своей цѣли: Василько Ростиславичъ отдалъ всю свою и братнюю казну, чтобъ освободить изъ плѣна Володаря; но, что было всего важнѣе, Ростиславичи обязались дѣйствовать за одно съ Поляками противъ всѣхъ враговъ ихъ: иначе мы не можемъ объяснить присутствія обонхъ братьевъ въ Польскомъ войскѣ, во время похода его на Русь въ 1123 году. Въ этотъ годъ Ярославъ пришелъ подъ Владимиръ съ Венграми, Поляками, Чехами, обонми Ростиславичами — Володаремъ и Василькомъ; было у него множество войска, говоритъ летописецъ. Во Владимирѣ сидѣлъ тогда сынъ Мономаховъ Андрей, самъ Мономахъ собиралъ войска въ Кіевской волости, отправивъ напередъ себя ко Владимиру старшаго сына Мстислава съ небольшимъ отрядомъ; но и тотъ не успѣлъ придти, какъ осада была снята. Въ воскресенье, рано утромъ подѣхалъ Ярославъ самъ третей къ городскимъ стѣнамъ, и началъ кричать Андрею и гражданамъ: «это мой городъ; если не отворитесь, не выдете съ поклономъ, то увидите: завтра приступлю къ городу и возьму его». Но въ то время, когда онъ еще ѣздилъ подъ городомъ, изъ послѣднаго вышли тихонько два Поляка, безъ сомнѣнія находившіеся въ службѣ у Андрея ¹⁴⁶, что тогда было дѣло обыкновенное, и спрятались при дорогѣ; когда Ярославъ возвращался отъ города мимо ихъ, то они вдругъ выскочили на дорогу и ударили его копьемъ; чуть-чуть живаго успѣли примчать его въ станъ, и въ ночь онъ умеръ. Король Венгерскій Стефанъ II-й рѣшился было продолжать осаду города; но вожди отдѣльныхъ отрядовъ его войска воспротивились этому, объявили, что не хотятъ безъ цѣли проливать крови своихъ воиновъ, вслѣдствіе чего всѣ союзники Ярославовы разошлись по домамъ,

отправивъ пословъ ко Владимиру съ просьбою о мирѣ и съ дарами. Лѣтоишецъ распространяется объ этомъ событіи: «такъ умеръ Ярославъ, говоритъ онъ, одиноко при такой силѣ; погибъ за великую гордость, потому что не имѣлъ надежды на Бога, а надѣялся на множество войска; смотри теперь, что взяла гордость? Разумѣйте, дружина и братья, но комъ Богъ: по гордомъ или по смиренномъ? Владимиръ, собирая войско въ Кіевъ, плакался передъ Богомъ о насильи и гордости Ярославовой; и была великая помощь Божія благовѣрному князю Владимиру, за честное его житіе и за смиреніе; а тотъ молодой гордился противъ дѣда своего, и потомъ опять противъ тестя своего Мстислава.» Эти слова замѣчательны во-первыхъ потому, что въ нихъ высказывается современный взглядъ на между княжескія отношенія: Ярославъ, въ глазахъ лѣтописца, виноватъ тѣмъ, что, будучи молодой, гордился передъ дядею и тестемъ — чисто родовыя отношенія, за исключеніемъ всякихъ другихъ. Во-вторыхъ, очень замѣчательны слова объ отношенія Ярослава къ Мстиславу: Ярославъ выставляется молодымъ предъ Мстиславомъ, порицается за гордость предъ нимъ: не заключаютъ ли эти слова намекъ на столкновеніе правъ тестя и зятя на старшинство: не заключалась ли гордость Ярослава преимущественно въ томъ, что онъ, будучи молодой и зять Мстиславу, вздумалъ выставить права своя передъ нимъ, какъ сынъ старшаго изъ внуковъ Ярославовыхъ? Намъ кажется это очень вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было однако, и самая старшая линія въ Ярославовомъ потомствѣ потеряла право на старшинство смертію Ярослава; если и послѣдній, по мнѣнію лѣтописца, былъ молодой предъ Мстиславомъ, то могли ли соперничать съ нимъ младшіе братья Ярославовы, Изяславъ и Брячиславъ: оба они умерли въ 1127 году¹⁶⁷; потомство Святополково вмѣстѣ съ Волыною лишилось и Турова, который также отошелъ къ роду Мономахову; за Святополковичами остался здѣсь, какъ увидимъ послѣ, одинъ Клецкъ. Некошечъ замѣтимъ, что Мономаху и племени его вездѣ благопріятствовало народное расположеніе: Ярославъ не могъ противиться Мономаху во Владимирѣ: бояре отступили отъ него, и когда онъ пришелъ съ огромнымъ войскомъ подъ Владимиръ, то граждане не думали отступить отъ сына Мономахова.

Такъ кончились при Владимірѣ междукняжескія отношенія и соединенныя съ ними отношенія Польскія. Касательно другихъ Европейскихъ государствъ при Мономахъ останавливаемъ насъ на историческія извѣстія объ отношеніяхъ Греческихъ. Дочь Мономаха, Марія была въ замужствѣ за Леономъ, сыномъ императора Греческаго Диогена; известны обычныя въ Византіи перевороты; которые возвели на престолъ домъ Комненовъ въ ущербъ дома Диогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія, не безъ совѣта и помощи тестя своего, Русскаго князя, вздумалъ въ 1116 году вооружиться на Алексѣя Комнена и добыть себѣ какую-нибудь область; нѣсколько Дунайскихъ городовъ уже сдались ему; но Алексѣй подослалъ къ нему двухъ Арабовъ, которые коварнымъ образомъ умертвили его въ Доростолѣ. Владиміръ хотѣлъ, во крайней мѣрѣ, удержать для внука своего Василя пріобрѣтенія Леонова, и послалъ воеводу Ивана Войтишича; который послалъ посадниковъ по городамъ Дунайскимъ; но Доростолъ захваченъ былъ уже Греками: для его взятія ходилъ сынъ Мономаховъ Вячеславъ съ воеводою Ѡмою Ратиборовичемъ на Дунай; но припужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха ¹⁶⁸. По другимъ извѣстіямъ, Русское войско имѣло успѣхъ во Фракіи, опустошило ее, и Алексѣй Комненъ, чтобъ избавиться отъ этой войны, прислалъ съ мирными предложеніями къ Мономаху Неофита, Митрополита Ефесскаго и другихъ знатныхъ людей, которые поднесли Кіевскому князю богатые дары — Крестъ изъ Животворящаго древа, вѣнецъ царскій, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотыя цѣпи и проч., при чемъ Неофитъ возложилъ этотъ вѣнецъ на Владиміра и назвалъ его царемъ ¹⁶⁹. Мы видѣли, что царственное происхожденіе Мономаха по матери давало ему большое значеніе, особенно въ глазахъ духовенства; въ памятникахъ письменности XII-го вѣка его называютъ царемъ ¹⁷⁰: какую связь имѣло это названіе съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ — было ли его причиною или слѣдствіемъ — рѣшить трудно; замѣтимъ одно, что извѣстіе это не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; очень вѣроятно также, что въ Кіевѣ воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ дать любимому князю и дѣтямъ его еще болѣе правъ на то значеніе, которое они пріобрѣли въ ущербъ старшимъ линиямъ. Какъ бы то ни было, мы не видимъ послѣ возоб-

новленія военныхъ дѣйствій съ Греками, и подъ 1122 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ брачномъ союзѣ внуки Мономаховой, дочери Мстислава съ однимъ изъ князей династіи Комненовъ ¹⁷¹.

Мы въ правѣ ожидать, что Половцамъ и другимъ степнымъ ордамъ стало не легче, когда Мономахъ сѣлъ на старшемъ столѣ Русскомъ. Узнавши о смерти Святополка, Половцы явились было на восточныхъ границахъ ¹⁷²; но Мономахъ, соединившись съ Олегомъ, сыновьями своими и племянниками, пошелъ на нихъ и принудилъ къ бѣгству. Въ 1116 году видимъ опять наступательное движеніе Русскихъ: Мономахъ послалъ сына своего Ярополка, а Давидъ сына своего Всеволода на Донъ, и князья эти взяли у Половцевъ три города. Рядъ удачныхъ походовъ Русскихъ князей, какъ видно, ослабилъ силъ Половцевъ, и далъ подчиненнымъ Торкамъ и Печенѣгамъ надежду освободиться отъ ихъ зависимости: они встали противъ Половцевъ и страшная рѣзня происходила на берегахъ Дона: варвары сѣклись два дни и двѣ ночи, послѣ чего Торки и Печенѣги были побѣждены, прибѣжали въ Русь, и были поселены на границахъ. Но движенія въ степяхъ не прекращались: въ слѣдующемъ году пришли въ Русь Бѣловѣжцы, также жители Донскихъ береговъ; такъ Русскія границы населялись варварскими народами разныхъ названій, которые будутъ играть важную роль въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ; но сначала, какъ видно, эти гости были очень безпокойны, не умѣли отвыкнуть отъ своихъ степныхъ привычекъ и уживаться въ ладу съ осѣдлымъ народонаселеніемъ: въ 1120 г. Мономахъ принужденъ былъ выгнать Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги бѣжали сами. Ярополкъ послѣ того ходилъ на Половцевъ за Донъ, но не нашелъ ихъ тамъ: не даромъ преданіе говоритъ, что Мономахъ загналъ ихъ на Кавказъ.—Новгородцы и Псковичи продолжали воевать съ Чудью на западъ отъ Чудскаго озера: въ 1116 г. Мстиславъ взялъ городъ Оденне, или Медвѣжью голову, погостовъ побралъ безчисленное множество, и возвратился домой съ большимъ половомъ; сынъ его Всеволодъ въ 1122 году ходилъ на Финское племя Ямь, и побѣдилъ его; но дорога была трудна по дороговизнѣ хлѣба ¹⁷³. На сѣверо-востокъ борьба съ иноплеменниками шла также удачно: прежде мы встрѣчали извѣстія о пораженіи

яхъ, которыя претерпѣвали Муромскія волости отъ Болгаръ и Мордвы; но теперь подъ 1120 годомъ читаемъ, что сынъ Мономаховъ, Юрій, посаженный отцемъ въ Ростовской области, ходилъ по Волгѣ на Болгаръ, побѣдилъ ихъ полки, взялъ большой полонъ, и пришелъ назадъ съ честью и славой.

Такъ во всѣхъ концахъ Русскихъ волостей оправдались надежды народа на благословенное княженіе Мономаха. Послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія въ Кіевѣ, въ 1125 году умеръ Мономахъ, просвѣтившій Русскую землю, какъ солнце, по выраженію лѣтописца: слава его прошла по всѣмъ странамъ, особенно же былъ онъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ (труженикъ) за Русскую землю. Духовенство плакало по немъ, какъ по святомъ и добромъ князѣ: потому что много почиталъ онъ монашескій и священническій чинъ, давалъ имъ все потребное, церкви строилъ и украшалъ; когда входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ; потому-то Богъ и исполнялъ все его прошенія и жилъ онъ въ благополучіи; весь народъ плакалъ по немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери ¹⁷⁴.

Разсмотрѣвши дѣятельность втораго поколѣнія Ярославичей, взглянемъ и на дѣятельность дружинниковъ княжескихъ. Мы видѣли, что съ приходомъ Святополка изъ Турова въ Кіевъ, въ послѣднемъ городѣ явились двѣ дружины: старая, бывшая при Изяславѣ и Всеволодѣ, и новая, приведенная Святополкомъ. Мы замѣтили, что лѣтописецъ явно отдаетъ предпочтеніе старой предъ новою: члены первой являются у него людьми разумными, опытными, члены второй называются несмысленными. Любопытно замѣтить также при этомъ, что члены старой дружины, люди разумные держатся постоянно Мономаха и его думы. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ у лѣтописца является Янъ Вышатичъ, котораго дѣятельность видѣли мы при первомъ неволѣнн; въ послѣдній разъ является Янъ подъ 1106 годомъ, когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Путятою и Иваномъ Захарыичемъ, прогналъ Половцевъ и отнял у нихъ полонъ. Въ свѣдѣ за этия встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Яна, старца добраго, жившаго лѣтъ 90: «жилъ онъ по закону Божию, говоритъ лѣтописецъ, не хуже первыхъ праведниковъ, отъ него и я слышалъ много разсказовъ, которые и внесъ въ лѣтопись.» Трудно рѣшить, разу-

мѣлъ ли здѣсь лѣтописецъ нашего Вышатича, или другаго ка-кого—нибудь Яна: кажется въ первомъ случаѣ онъ прибавилъ бы что—нибудь и о его гражданскихъ подвигахъ. Горазде чаще упо-минается имя брата Янова, Путаты, который былъ тысяцкимъ при Святполкѣ въ Кіевѣ; мы видѣли, что при Всеволодѣ былъ Кіевскимъ тысяцкимъ Янъ: какимъ образомъ эта должность перешла къ младшему брату отъ старшаго при жизни послѣд-няго — мы не знаемъ; любопытно одно, что это званіе сохра-няется въ семьѣ Вышаты, тысяцкаго Ярославова. Дѣятельность Путаты мы видѣли въ войнѣ Святполка съ Давидомъ Волин-скимъ, на Витичевскомъ сѣздѣ, въ походѣ на Половцевъ въ 1106 году; наконецъ по смерти Святполка видимъ, что народъ грабитъ домъ Путаты за приверженность его къ Святославичамъ; можно думать, что не столько личная привязанность къ этому роду могла руководить поведеніемъ Путаты, сколько привязан-ность къ обычному порядку старшинства, нарушеніе котораго неминуемо влекло за собою смуту и усобицы. Кромѣ братьевъ Вышатичей—Яна и Путаты, изъ мужей Святполковыхъ, бояръ Кіевскихъ, упоминаются: Василь, Славата, Иванко Захарьичъ, Козаринъ. Послѣ Всеволода мужъ его Ратиборъ, котораго мы видѣли посадникомъ въ Тмутаракани, не остался въ Кіевѣ, но перешелъ къ Мономаху, у котораго въ Переяславѣ пользова-лся большимъ значеніемъ, что видно изъ разсказа объ убійствѣ Половецкихъ хановъ; потомъ мы видимъ его на Витичевскомъ сѣздѣ; наконецъ, когда Мономахъ занялъ старшій столъ, Ра-тиборъ сдѣлался тысяцкимъ въ Кіевѣ, на мѣсто Путаты: въ этомъ званіи онъ участвуетъ въ перемѣнѣ устава о ростахъ вмѣстѣ съ Прокопіемъ Бѣлогородскимъ тысяцкимъ, Станиславомъ (Тукіе-вичемъ) Переяславскимъ, и еще двумя мужчинами — Нажиромъ и Мірославомъ; здѣсь въ другой разъ замѣчаемъ, что перемѣна въ земскомъ уставѣ дѣлается въ совѣтѣ тысяцкихъ разныхъ го-родовъ. Встрѣчаемъ имена двоихъ сыновей Ратиборовыхъ — Ольбега и Оомы; кромѣ нихъ еще имена двоихъ воеводъ Моно-маховыхъ — Дмитра Иворовича и Ивана Войтишича, перваго въ походѣ на Половцевъ за Донъ, втораго на Грековъ къ Ду-наю; наконецъ Орогоста, дѣйствовавшаго вмѣстѣ съ Ратибо-ромъ на Витичевскомъ сѣздѣ. Изъ Черниговскихъ бояръ Свя-тославичей встрѣчаемъ имена: Торчина при разсказѣ о Вити-

чевскомъ съѣздѣ, и Иванка Чудиновича, бывшаго при перемѣнѣ устава о ростахъ; если этотъ Иванко сынъ Чудина, боярина Изяславова, то любопытно, что сынъ очутился въ дружинѣ Святославичей. Изъ волинскихъ бояръ встрѣчаемъ имена Турка, Лазаря и Василя, выставленныхъ главными виновниками ослѣпленія Василька. Что касается до происхожденія членовъ княжеской дружины, то имена Торчина, боярина Святославичей Черниговскихъ и Козарина, боярина Святополкова, ясно на него указываютъ; имена прислуги княжеской — Торчина, овчара Святополкова, Бяндука, отрока Мономахова, Кульмѣя, Улая и Колчка, отроковъ Давида Волинскаго, могутъ указывать также на варварское происхожденіе.

ГЛАВА IV.

СОБЫТІЯ ПРИ ПРАВНУКАХЪ ЯРОСЛАВА I-го. БОРЬБА ДЯДЕЙ СЪ ПЛЕМЯННИКАМИ ВЪ РОДѢ МОНОМАХА, И БОРЬБА СВЯТОСЛАВНЧЕЙ СЪ МОНОМАХОВИЧАМИ—ДО СМЕРТИ ЮРІЯ ВЛАДИМІРОВИЧА ДОЛГОРУКАГО.

(1125 — 1157).

Сыновья Мономаха; Мстиславъ В. Князь. Уеобица между Святославичами Черниговскими. Княжество Муромское. Присоединеніе Полоцка къ волостямъ Мономаховичей. Войны съ Половцами, Чудью и Литвою. Смерть В. Князя Мстислава Владиміровича. Братъ его Ярополкъ Великийъ княземъ. Начало борьбы дядей съ племянниками въ племени Мономаховомъ. Святославичи Черниговскіе вышнваются въ эту борьбу: Событія въ Новгородѣ Великомъ. Смерть Ярополка Владиміровича. Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій изгоняетъ Вячеслава Владиміровича изъ Кіева и утверждается здѣсь. Отношенія между Мономаховичами; война съ ними Всеволода Ольговича. Отношенія его къ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ. Ростиславичи Галицкіе. Война В. Князя Всеволода съ Владиміромъ Володаревичемъ Галицкимъ. Князья Городенскіе, Полоцкіе, Муромскіе. Событія въ Новгородѣ Великомъ. Вышательство Русскихъ князей въ дѣла Польскія. Морской разбой Шведовъ. Борьба Русскихъ съ Финнами и Половцами. Предсмертныя распоряженія В. Князя Всеволода Ольговича. Смерть его. Изгнаніе изъ Кіева Игоря Ольговича. Изяславъ Мстиславичъ Мономашичъ княжить въ Кіевѣ. Падѣнъ Игоря Ольговича. Раздоръ между Святославичами Черниговскими. Союзъ Изяслава Мстиславича съ Давидовичами Черниговскими; союзъ Святослава Ольговича съ Юріемъ Владиміровичемъ Мономашичемъ, княземъ Ростовскимъ противъ Изяслава Мстиславича. Первое упоминовеніе о Москвѣ. Отступленіе Давидовичей Черниговскихъ отъ Изяслава Мстиславича. Кіевляне убиваютъ Игоря Ольговича. Миръ Изяслава Мстиславича съ Святославичами Черниговскими. Сынъ Юрія Ростовскаго, Ростиславъ переходитъ къ Изяславу Мстиславичу. Изяславъ въ Новгородѣ Великомъ; походъ его на волости дяди Юрія. Изгнаніе Ростислава Юрьевича изъ Кіева. Движеніе отца его Юрія на югъ. Побѣда Юрія надъ племянникомъ Изяславомъ и занятіе Кіева. За Изяслава вступаются Венгры и Поляки; Галицкій князь Владимірко за Юрія. Подвиги сына Юріева, Андрея. Огъ хлопочетъ о мирѣ между отцомъ своимъ и Изяславомъ Мстиславичемъ. Непродолжительность

нира. Изяслав изгоняет Юрія изъ Кіева, но долженъ уступить старшинство другому дядѣ, Вячеславу. Война Изяслава съ Владиміромъ Галицкимъ. Юрій изгоняет Вячеслава и Изяслава изъ Кіева. Изяславъ съ Венграми опять изгоняет Юрія изъ Кіева и опять отдаетъ старшинство Вячеславу, подъ именемъ котораго княжить въ Кіевѣ. Продолженіе борьбъ Изяслава съ Юріемъ. Битва на рѣкѣ Рутѣ и поражение Юрія, который принужденъ оставить югъ. Два другихъ неудачныхъ похода его на югъ. Война Изяслава Мстиславича въ союзѣ съ Венгерскимъ королемъ противъ Владиміра Галицкаго. Клятвопреступленіе и смерть Владиміра. Война Изяслава съ сыномъ Владиміромъ, Ярославомъ. Смерть Изяслава; его характеръ. Вячеславъ вызываетъ къ себѣ въ Кіевъ брата Изяславова, Ростислава изъ Смоленска. Смерть Вячеслава. Ростиславъ уступаетъ Кіевъ Изяславу Давидовичу Черниговскому. Юрій Ростовскій заставляетъ Давидовича выѣхать изъ Кіева и самъ окончательно утверждается здѣсь. Усобицы между Святославичами въ Черниговской волости и Мономаховичами на Волынѣ. Союзъ князей противъ Юрія. Смерть его. Событія Полоцкія, Муромскія и Рязанскія, Новгородскія. Борьба съ Половцями и Финскими племенами. Дружина.

По смерти Мономаха на Кіевскомъ столѣ сѣлъ старшій сынъ его Мстиславъ; соперниковъ ему быть не могло: Олегъ и Давидъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха; въ Черниговѣ сидѣлъ младшій братъ ихъ Ярославъ; но этотъ незначительный князь не могъ удержать старшинства и въ собственномъ родѣ; еще менѣе могъ спорить съ Мстиславомъ Брячиславъ Святополковичъ, княжившій неизвѣстно въ какомъ городкѣ въ Пинскихъ волостяхъ. Но и болѣе сильные соперники не могли быть страшны Мстиславу при народномъ расположеніи къ роду Мономахову, тѣмъ болѣе, что Мстиславъ походилъ во всемъ на знаменитаго отца своего. Не даромъ летописецъ, начиная разсказъ о княженіи Мстислава, говоритъ, что этотъ князь еще въ молодости побѣдилъ дядю своего Олега ¹⁷⁵: такимъ образомъ въ личныхъ достоинствахъ Мономахова сына старались находить оправданіе тому, что онъ отстранялъ старшее племя Святославо ¹⁷⁶.

Кромѣ Мстислава, послѣ Мономаха оставалось еще четверо сыновей: Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, Андрей; Ярополкъ еще при отцѣ получилъ столъ Переяславскій ¹⁷⁷ и остался на немъ при братѣ; Ярополкъ былъ на своемъ мѣстѣ, потому что отличался храбростію, необходимою для Переяславскаго князя, обязаннаго постоянно биться съ степными варварами. Третій братъ Вячеславъ княжилъ сперва въ Смоленскѣ, а потомъ переведенъ былъ въ Туровъ; Георгій издавна княжилъ въ Ростовской области ¹⁷⁸; Андрей во Владимирѣ на Волынѣ. Въ Новго-

родъ сидѣлъ старшій сынъ Мстислава Всеволодъ; въ Смоленскѣ третій сынъ его Ростиславъ; гдѣ же былъ второй, Изяславъ? должно думать, что гдѣ нибудь подлѣ Кіева: онъ также отличался храбростію и потому нуженъ былъ отцу для рати: скоро нашлась ему и волюсть и дѣятельность.

Въ Черниговѣ произошло важное явленіе: сынъ Олега, Всеволодъ напалъ въ расплохъ на дядю своего Ярослава, согналъ его съ старшаго стола, дружину его перебилъ и разграбилъ. Въ самомъ занятіи Кіевского стола Мстиславомъ мимо Ярослава Святославича, который приходился ему дядею, Всеволодъ могъ уже видѣть примѣръ и оправданіе своего поступка: если Ярославъ потерялъ старшинство въ цѣломъ родѣ, то могъ ли онъ сохранять его въ своей линіи? Какъ бы то ни было, Мстиславъ не хотѣлъ сначала терпѣть такого нарушенія старшинства дядей, тѣмъ болѣе, что, какъ видно, онъ обязался клятвеннымъ договоромъ поддерживать Ярослава въ Черниговѣ. Вѣсть съ братомъ Ярополкомъ Мстиславъ собралъ войско, чтобъ идти на Всеволода; тотъ не могъ одинъ противиться Мономаховичамъ и послалъ за Половцами; а дядю Ярослава отпустилъ изъ неволи въ Муромъ. Половцы явились на зовъ Всеволода въ числѣ 7000, и стали за рѣкою Выремъ¹⁷⁹ у Ратмировой Дубравы: но послы ихъ, отправленные къ Всеволоду, были перехвачены на рѣкѣ Локвѣ¹⁸⁰ и приведены къ Ярополку, потому что послѣдній успѣлъ захватить все теченіе рѣки Сейма, посадилъ по всѣмъ городамъ своимъ посадниковъ, а въ Курскѣ племянника Изяслава Мстиславича. Половцы, не получая вѣсти изъ Чернигова, испугались и побѣжали назадъ; это извѣстіе очень замѣчательно: оно показываетъ, какъ варвары стали робки послѣ Задонскихъ походовъ Мономаха, сыновей и воеводъ его. Послѣ бѣгства Половцевъ Мстиславъ еще больше началъ стѣснять Всеволода: «Что взялъ? говорилъ онъ ему: навелъ Половцевъ, что же, помогли они тебѣ?» Всеволодъ сталъ упрашивать Мстислава, подучивалъ его бояръ, подкупалъ ихъ дарами, чтобъ просили за него, и такимъ образомъ провелъ все лѣто. Зимой пришелъ Ярославъ изъ Мурома въ Кіевъ, и сталъ также кланяться Мстиславу и упрашивать. «Ты мнѣ крестъ цѣловалъ, пойди на Всеволода»; а Всеволодъ, съ своей стороны, еще больше упрашивалъ. Въ это время въ Кіевскомъ Андреевскомъ

монастырь был игумномъ Григорій, котораго очень любилъ Владиміръ Мономахъ, да и Мстиславъ и весь народъ очень почиталъ его. Этотъ—то Григорій все не давалъ Мстиславу встать ратью на Всеволода за Ярослава; онъ говорилъ: «Лучше тебѣ нарушить клятву, чѣмъ пролить кровь христіанскую.» Мстиславъ не звалъ, что ему дѣлать? Митрополита тогда не было въ Кіевѣ, такъ онъ созвалъ соборъ изъ священниковъ, и передалъ дѣло на ихъ рѣшеніе: тѣ отвѣчали: «На насъ будетъ грѣхъ клятвopреступленія». Мстиславъ послушался ихъ, не исполнивъ своего обѣщанія Ярославу, и послѣ раскаявался въ томъ всю жизнь. На слова Григорія и на приговоръ собора можно смотрѣть какъ на выраженіе общаго народнаго мнѣнія: граждане не терпѣли княжескихъ усобицъ и вообще войнъ, неприносящихъ непосредственной пользы, не имѣвшихъ цѣлю защиты края; но какая охота была Кіевлянамъ проливать свою кровь за нелюбимаго Святославича? Со стороны же Мстислава, кромѣ рѣшенія духовенства, побужденіемъ къ миру со Всеволодомъ могла служить также и родственная связь съ нимъ: за нимъ была дочь его. Какъ бы то ни было, племянникъ удержалъ за собою старшій столъ вопреки правамъ дяди: но эта удача была какъ увидимъ, первою и послѣднею въ нашей древней исторіи. Для Мономаховичей событіе это не осталось впрочемъ безъ матеріальной выгоды: они удержали Курскъ и все Посемье, и это пріобретеніе было для нихъ очень важно, потому что затрудняло сообщеніе Святославичей съ Половцами. Ярославъ долженъ былъ идти назадъ въ Муромъ, и остаться тамъ навсегда; потомуки его явились уже изгоями относительно племени Святославова, потеряли право на старшинство, должны были ограничиться одною Муромскою волостію, которая, вслѣдствіе этого, отдѣлилась отъ Черниговской. Такимъ образомъ и на востокъ отъ Днѣпра образовалась отдѣльная княжеская волость, подобная Полоцкой и Галицкой на западѣ.

Покончившій съ Черниговскими, въ томъ же 1127 году Мстиславъ послалъ войско на князей Полоцкихъ: есть извѣстіе, что они не переставали опустошать пограничныя волости Мономаховичей ¹⁶¹. Мстиславъ послалъ войска четырьмя путями: братъ его—Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Владимира; сына Давида Игоревича, Всеволодка ¹⁶², зятя Мономахова изъ Города

и Вячеслава Ярославича ¹⁰⁰ изъ Клецка: этимъ четверымъ князь-мъ велѣлъ идти къ Изяславию; Всеволоду Ольговичу Черниговскому велѣлъ идти съ братьями на Стрѣжевъ къ Борисову, туда же послалъ известнаго воеводу своего Ивана Войтишича съ Торговию; свой полкъ отправилъ подъ начальствомъ сына Изяслава къ Лагожску ¹⁰¹, а другаго сына, Ростислава съ Смоленянами на Друцкъ. Въ Полоцкѣ сидѣлъ въ это время тотъ самый Давидъ Всеславичъ, котораго прежде мы видѣли въ союзѣ съ Ярославичами противъ Глѣба Минскаго; за сыномъ его Брючиславомъ, жившимъ какъ видно, въ Изяславѣ, была дочь Мстислава Кіевского. Минскъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, отошелъ къ Ярославичамъ еще при Мономахъ, который отвелъ въ неволю князя то Глѣба; иначе Мстиславъ не направилъ бы войско свое мимо Минска на города дальнѣйшіе; быть можетъ Всеславичи не могли забыть потери Минска, и это было главнымъ поводомъ къ войнѣ. Мстиславъ всѣмъ отправленнымъ князьямъ назначилъ рокомъ одинъ день, въ который они должны были напасть на указанная мѣста. Но Изяславъ Мстиславичъ опередилъ одну братью и приблизился къ Лагожску; зять его Брючиславъ, князь Изяславскій, велъ въ это время Лагожскую дружину на помощь отцу своему Давиду; но, узнавъ на серединѣ пути, что Изяславъ у города, такъ перепугался, что не зналъ что дѣлать, куда идти, и пошелъ прямо въ руки къ шурина, которому принадлежалъ и Лагожскую дружину; Лагожане, видя своихъ въ рукахъ Изяслава, сдались ему; пробывъ здѣсь два дня, Изяславъ отправился къ дядьямъ своимъ, Вячеславу и Андрею, которые каждали Изяславъ. Жители этого города, видя, что князь ихъ Лагожане взяты Изяславомъ, и не терпятъ никакой бѣды, объявили Вячеславу, что сдадутся, если онъ покланется не давать ихъ на щитъ (на разграбленіе) воинамъ. Вячеславъ согласился, и вечеромъ Вратиславъ, тысяцкій князя Андрея и Иванко, тысяцкій Вячеславовъ, послали въ городъ своихъ отроковъ: но югда на разсвѣтъ остальные ратники узнали объ этомъ, то бросились всѣ въ городъ и начали грабить: едва князья съ своими дружинами успѣли уберечь нѣкоторыя дочери Великаго князя Мстислава, жены Брючиславовой, и то должны были биться съ своими. Между тѣмъ, съ другой стороны, шелъ къ Полоцку старшій сынъ Мстислава, Всеволодъ, князь Новгородскій ¹⁰²; тогда Полочане

выгнали отъ себя Давида съ сыновьями, взяли брата его Рогволода ¹⁸⁶, и послали просить Мстислава, чтобъ онъ утвердилъ его у нихъ княземъ; Мстиславъ согласился. Не даромъ однако современники не умѣли объяснить себѣ этой наследственной и непримиримой вражды Полоцкихъ князей къ потомству Ярослава, и прибѣгали къ помощи преданія о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ: какъ при Мономахѣ, такъ и теперь при сынѣ его дѣло могло кончиться только изгнаніемъ Изяславичей изъ волостей ихъ. Во время Половецкаго нашествія въ 1129 году Мстиславъ, собирая князей, послалъ звать и Полоцкихъ на помощь противъ ² варваровъ; Рогволода, пріятнаго Ярославичамъ, какъ видно, не было уже въ это время въ живыхъ, и старшинство, по прежнему, держалъ Давидъ, который съ братьями и племянниками да и дерзкій, насмѣшливый отвѣтъ на зовъ Мстислава ¹⁸⁷. Половецкая война помѣшала Великому князю немедленно наказать Всеславича; но когда Половцы были прогнаны, то онъ вспомнилъ обиду, и послалъ за Кривскими князьями, какъ продолжалъ еще называть Полоцкихъ владѣльцевъ: Давида, Ростислава и Святослава Всеславичей, вмѣстѣ съ племянниками ихъ Рогволодовичами, посадили въ три лодки и заточили въ Царьградъ: безъ всякаго сомнѣнія Половчане выдали князей своихъ, не желая подвергать страны своей опустошеніямъ. По городамъ Полоцкимъ, говоритъ лѣтописецъ, Мстиславъ посажалъ своихъ посадниковъ, но послѣ мы видимъ тамъ сына его Изяслава, переведеннаго изъ Курска ¹⁸⁸.

Изъ вѣдѣнныхъ событій, по прежнему, записана въ лѣтописи борьба съ Половцами и другими сосѣдними варварами. Половчане обрадовались смерти Мономаховой и немедленно явились къ предѣлахъ Переяславскаго княжества. Мы видимъ, что Русскій князь, во время счастливыхъ походовъ своихъ въ степи, взяли у Половцевъ часть подвластныхъ имъ Торковъ и Печенѣговъ; видимъ, что эти варвары послѣ сами убѣжали отъ Половцевъ изъ Русскіе предѣлы, и были поселены здѣсь. Разумѣется, Половчанамъ хотѣлось возвратитъ ихъ назадъ, и вотъ лѣтописецъ говоритъ, что они именно являлись для того, чтобъ перехватить Русскіихъ Торковъ. Но въ Переяславѣ сидѣлъ Ярополкъ, достойный храбрости сынъ Мономаха, привыкшій подъ отцовскими стягами громить варваровъ въ степяхъ ихъ: узнавши о впадѣніи и жон

вѣреніи Половцевъ, Ярополкъ велѣлъ вогнать Торковъ и все остальное народонаселеніе въ города; Половцы пріѣхали, но ничего не могли сдѣлать, и, узнавъ, что Ярополкъ въ Переяславль, пошли воевать Посулье (мѣста по рѣкѣ Сулѣ). Ярополкъ, благовѣрнаго князя корень и благовѣрная отрасль, по выраженію лѣтописца, не дожидаясь помощи отъ братьевъ, съ одними Переяславцами пошелъ въ слѣдъ за Половцами, настигъ ихъ на правомъ берегу рѣки Удаи ¹⁸⁹, призвалъ имя Божіе и отца своего, ударилъ на поганныхъ и одержалъ побѣду: помогъ ему Богъ и молитвы отца его, продолжаетъ лѣтописецъ. Послѣ этого нападенія Половцевъ мы встрѣтили извѣстіе объ нихъ при описаніи Черниговскихъ и потомъ Полоцкихъ происшествій. — Мстиславъ не забылъ той борьбы, которую велъ онъ сидя на столѣ Новгородскомъ, именно борьбы съ Чудью, и въ 1130 году послалъ на нее сыновей своихъ—Всеволода, Изяслава и Ростислава; лѣтописецъ говоритъ подробно, въ чемъ состоялъ походъ: самихъ враговъ перебили, хоромы пожгли, женъ и дѣтей привели домой. Но не такъ былъ счастливъ Чудскій походъ одного Всеволода Новгородскаго въ слѣдующемъ году: сотворилась пакость великая, говоритъ лѣтописецъ: перебили много добрыхъ мужей Новгородскихъ въ Клину: Клинь — это Русскій переводъ Эстонскаго слова *Waija* или *Wagja*, какъ называлась часть нынѣшняго Дерптскаго уѣзда въ XIII вѣкѣ ¹⁹⁰. — Что Половцы были для юго-восточной Руси, то Литва была для западной, преимущественно для княжества Полоцкаго. Присоединивши къ волюстямъ своего рода и это княжество, Мстиславъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ его врагами; вотъ почему въ послѣдній годъ его княженія лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ на Литву: Мстиславъ ходилъ съ сыновьями своими, съ Ольговичами и зятемъ Всеволодомъ Городенскимъ. Походъ былъ удаченъ: Литву ожгли, по обмыкновенію; но на возвратномъ пути Кіевскіе полки пошли отдѣльно отъ княжеской дружины; Литовцы настigli ихъ и побили много народу.

Въ 1132 году умеръ Мстиславъ: его княженіе, бывшее совершеннымъ подобіемъ отцовскаго, утвердило въ народѣ вѣру въ достоинство племени Мономахова. Этотъ Мстиславъ великій, говоритъ лѣтописецъ, наследовалъ потъ отца своего, Владиміра Мономаха великаго. Владиміръ самъ собою постоялъ на Дону,

и много пота утеръ за землю Русскую, а Мстиславъ мужей своихъ послалъ, загналъ Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Янгъ; и такъ избавлялъ Богъ Русскую землю отъ поганныхъ. Здѣсь такъ же видимъ выраженіе главнаго современнаго интереса—борьбы съ степными варварами. Народъ могъ надѣяться, что долго будетъ спокоенъ отъ ихъ нашествій, потому что Мстиславу наследовалъ по всѣмъ правамъ братъ его Ярополкъ, благовѣрная отрасль, который былъ извѣстенъ своею храбростью, своими счастливыми походами въ степи. У Ярополка не было соперниковъ: онъ былъ единственный князь, который могъ сѣсть на старшій столъ по отчинѣ и дѣдинѣ; онъ крѣпко сидѣлъ въ Кіевѣ и потому еще, что люди Кіевскіе послали за нимъ¹⁹¹. Но ихъ надежды на Ярополка не сбылись: спокойствіе Руси кончилось смертію Мстислава; съ начала княженія Ярополкова начались усобицы, усобицы въ самой семьѣ знаменитаго князя братолюбца; Святославичи воспользовались ими, и Кіевляне должны были терпѣть на своемъ столѣ князя недобраго племени. Усобица, начавшаяся по смерти Мстислава великаго, носитъ характеръ, отличный отъ прежнихъ усобицъ. Прежнія усобицы происходили главнымъ образомъ отъ изгойства, отъ того, что осиротѣлые при жизни дѣдовъ или старшихъ дядей князья исключались не только изъ старшинства, не только не получали отцовскихъ волюстей, но даже часто и никакихъ. Этимъ исключеніемъ изъ старшинства лучше всякихъ поэтическихъ преданій объясняется непримиримая вражда Полоцкихъ Изяславичей къ потомкамъ Ярослава, объясняются движенія Ростислава Владиміровича, судьба и поведеніе сыновей его: борьбы съ изгоями на востокъ и на западъ, съ Вячеславичемъ, Игоревичами, Святославичами—наполняютъ время княженія Изяславова, Всеволодова, Святполкова. Всѣ эти борьбы, благодаря послѣднимъ распоряженіямъ князей—родичей на сѣздахъ, прекратились; но теперь начинается новая борьба, борьба племянниковъ, сыновей отъ старшаго брата съ младшими дядьми. Мы видѣли первый примѣръ этой борьбы въ Черниговѣ, гдѣ сынъ Олегъ, Всеволодъ согналъ дядю своего Ярослава съ старшаго стола. Мстиславъ допустилъ такое нарушеніе права дядей, хотя расказывалъ въ этомъ во всю жизнь; по смерти его одно опасеніе подобнаго явленія произвело сильную усобицу въ собственномъ племени его.

Мстиславъ оставилъ княженіе брату своему Ярополку, говорить лѣтописецъ; ему же передалъ и дѣтей своихъ съ Богомъ на руки; Ярополкъ былъ бездѣтенъ и тѣмъ удобнѣе могъ заботиться о порученныхъ ему сыновьяхъ старшаго брата. Мстиславъ при жизни своей уговорился съ братомъ, чтобъ тотъ, немедленно по принятіи старшаго стола, перевелъ на свое мѣсто въ Переяславль старшаго племянника, Всеволода Мстиславича изъ Новгорода; старшіе Мономаховичи, какъ видно изъ словъ лѣтописца, выставляли основаніемъ такого распоряженія волю отца своего, а объ этой волѣ заключали они изъ того, что Мономахъ далъ имъ Переяславль обоимъ вмѣстѣ¹⁹²; — но при тогдашнихъ понятіяхъ это еще не значило, чтобъ они имѣли право оставить этотъ городъ въ наслѣдство сыновьямъ своимъ мимо другихъ братьевъ. Переяславль былъ стольнымъ городомъ Всеволода и Мономаха, и по выдѣленіи Чернигова въ особую, непремѣнную волость Святославичей, считался старшимъ столомъ послѣ Кіева для Мономахова племени: съ Переяславскаго стола Момахъ, Мстиславъ и Ярополкъ перешли на Кіевскій. Точно ли хотѣли старшіе Мономаховичи переводомъ Всеволода въ Переяславль дать ему преимущество передъ дядьми, возможность наслѣдовать Ярополку въ Кіевъ, для чего, кромѣ занятія старшаго Переяславскаго стола нужно было познакомить, сблизить его съ южнымъ народонаселеніемъ, котораго голосъ былъ такъ важенъ, рѣшительнъ въ то время — на это историкъ не имѣетъ права отвѣчать утвердительно. Какъ бы то ни было, младшіе Мономаховичи, по крайней мѣрѣ, видѣли въ переводѣ племянника на Переяславскій столъ шагъ къ старшинству мимо ихъ, особенно когда передъ глазами былъ примѣръ Ярослава Святославича Черниговскаго, согнаннаго съ старшаго стола племянникомъ, при видимомъ потворствѣ старшихъ Мономаховичей — Мстислава и Ярополка. Вступились въ дѣло младшіе Мономаховичи, Юрій Ростовскій и Андрей Волинскій, потому что старшій по Ярополкъ братъ ихъ, Вячеславъ Туровскій былъ неспособенъ дѣйствовать впереди другихъ по безхарактерности и недалекости умственной. По словамъ лѣтописца, Юрій и Андрей прямо сказали: «братъ Ярополкъ хочетъ по смерти своей дать Кіевъ Всеволоду, племяннику своему,» и спѣшили предупредить послѣдняго: утромъ въѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и до обѣда

еще былъ выгнанъ дядею Юріемъ, который однако сидѣлъ въ Переяславѣ не болѣе восьми дней, потому что Ярополкъ, помни клятвенный уговоръ свой съ покойнымъ братомъ, вывелъ Юріа изъ Переяслава и посадилъ здѣсь другаго Мстиславича, Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ, давши ему клятву поддержать его на новомъ столѣ¹⁹³: вѣроятно Всеволодъ уже не хотѣлъ въ другой разъ мѣнять вѣрную волость на невѣрную. Въ Полоцкѣ, вмѣсто Изяслава, остался третій Мстиславичъ — Святополкъ; но Полочане, не любившіе, подобно Новгородцамъ, когда князь покидалъ ихъ волость для другой, сказали: «А! Изяславъ бросаетъ насъ!» — выгнали брата его Святополка и взяли себѣ одного изъ прежнихъ своихъ князей, Василька Святославича, внука Всеславова, неизвѣстно, какимъ образомъ оставшагося на Руси или возвратившагося изъ заточенія. Тогда Ярополкъ, видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрымъ Изяславомъ, умѣвшимъ вездѣ пріобрѣсть народную любовь, отходитъ отъ Мономахова рода, уладился съ братьями: перевелъ Изяслава неволею опять въ Минскъ, единственную волость, оставшуюся у Мономаховичей отъ Полоцкаго княжества; потомъ, чтобъ утѣшить его, придалъ ему еще Туровъ и Пинскъ, далъ ему много даровъ богатыхъ; а Вячеслава изъ Турова перевелъ въ Переяславль.

Такимъ образомъ младшіе Мономаховичи были удовлетворены: Переяславль перешелъ по порядку къ самому старшему брату по Ярополкъ, законному его преемнику и въ Кіевѣ. Но спокойствіе въ семьѣ Мономаха и на Руси было скоро нарушено Вячеславомъ: нашелъ ли онъ, или лучше сказать, бояре его, Переяславскую волость невыгодною для себя, стало ли страшно ему сидѣть на Украинѣ, подлѣ Торковъ и Половцевъ, — только онъ покинулъ новую волость; на первый разъ однако, дошедши до Днѣпра¹⁹⁵, возвратился назадъ; говорятъ, будто Ярополкъ послалъ сказать ему: «что ты все скитаешься, не посидишь на одномъ мѣстѣ, точно Половчинъ¹⁹⁶?» Но Вячеславъ не послушался старшаго брата: бросилъ Переяславль въ другой разъ, пошелъ въ Туровъ, выгналъ отсюда Изяслава, и сѣлъ на его мѣсто. Тогда Ярополкъ долженъ былъ рѣшиться на новый рядъ: онъ склонился на просьбу Юріа Ростовскаго и далъ ему Переяславль, съ тѣмъ однако, чтобы тотъ уступилъ ему свою прежнюю волость;

Юрій согласился уступить Ростовскую область, но не всю: вѣроятно онъ оставлялъ себѣ на всякій случай убѣжище на сѣверѣ; вѣроятно также, что Ярополкъ для того бралъ Ростовскую землю у Юрія, чтобъ отдать ее Изяславу. Этою сдѣлкой онъ могъ надѣяться успокоить братьевъ, помѣстя ихъ всѣхъ около себя на Руси, и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, отдаленную сѣверную область. Но онъ уже не былъ болѣе въ состояніи исполнить свое намѣреніе: вражда между дядьми и племянниками разгорѣлась; Изяславъ, дважды изгнанный, рѣшился не дожидаться болѣе никакихъ новыхъ сдѣлокъ между дядьми, а отдать дѣло, по тогдашнимъ понятіямъ, на судъ Божій, т. е. поковать его оружіемъ ¹⁹⁷. Онъ ушелъ въ Новгородъ къ брату Всеволоду, и уговорилъ его идти съ Новгородцами на область Юрія. Тогда-то Святославичи увидѣли, что пришла ихъ пора: они заключили союзъ съ недовольными Мстиславичами (сами предложили имъ его или приняли отъ нихъ предложеніе—изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей неизвѣстно ¹⁹⁸), послали за Половцами и начали вооружаться противъ Мономаховичей: «Вы первые начали насъ губить,» говорили они имъ. Тогда народъ увидалъ, что прошло счастливое время Мономаха и Мстислава; встала опять усобица; Черниговскіе, по отцовскому обычаю, привели Половцевъ на Русскую землю, и что всего хуже, съ ними пришли сыновья Мстислава Великаго—Изяславъ съ братомъ Святополкомъ. Ярополкъ съ братьями — Юріемъ и Андреемъ выступилъ противъ Всеволода Ольговича, переправился чрезъ Днѣпръ, взялъ села около Чернигова. Всеволодъ не вышелъ противъ нихъ биться, потому что Половцы еще не пришли къ нему; Ярополкъ, поставъ нѣсколько дней у Чернигова, возвратился въ Кіевъ и распустилъ войско, не уладившись со Всеволодомъ: вѣроятно онъ думалъ, что довольно напугать его. Но вышло иначе: когда ко Всеволоду пришли съ юга Половцы, а съ сѣвера Мстиславичи, то онъ вошелъ съ ними въ Переяславскую волость, началъ воевать села и города, бить людей, дошелъ до Кіева, зажегъ Городецъ ¹⁹⁹. Половцы опустошили все на восточномъ берегу Днѣпра, перебивъ и перехватывъ народъ, который не могъ перевезтись на другой, Кіевскій берегъ, потому что Днѣпръ покрытъ былъ пловучими льдинами; взяли и скота безчисленное множество; Ярополку, по причинѣ тѣхъ же льдовъ, нельзя было пере-

вестись на ту сторону и прогнать ихъ. Три дня стоялъ Всеволодъ за Городцемъ въ бору, потомъ пошелъ въ Черниговъ, откуда началъ пересылаться съ Мономаховичами и заключилъ миръ; гораздо вѣроятнѣе впрочемъ то извѣстіе, по которому заключено было только перемиріе до общаго съѣзда²⁰⁰, потому что немедленно за этимъ лѣтописецъ начинаетъ говорить о требованіяхъ Ольговичей, чтобъ Ярополкъ возвратилъ имъ то, что ихъ отецъ держалъ при его отцѣ: «Что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отцѣ, того и мы хотимъ; если же не дадите, то не жалѣйте послѣ; если что случится, вы будете виноваты, на васъ будетъ кровь». Безъ сомнѣнія Ольговичи просили города Курска и всего Посемья, взятыхъ у нихъ Мономаховичами тотчасъ послѣ изгнанія Ярослава Всеволодомъ. Въ отвѣтъ на это требованіе Ярополкъ собралъ войско Кіевское, а Юрій Переяславское и 50 дней стояли у Кіева; потомъ помирились со Всеволодомъ, и отдали Переяславль младшему брату своему Андрею Владиміровичу, а прежнюю его волость — Владиміръ Волинскій племяннику Изяславу Мстиславичу. По всему видно впрочемъ, что это распоряженіе было не слѣдствіемъ, но причиною мира съ Ольговичами: дядя, чтобъ отвлечь племянниковъ отъ Святославичей, отнять у послѣднихъ предлогъ къ войнѣ и правду въ глазахъ народа, удовлетворили Изяслава, отдавши ему Волинь; Юрій Ростовскій, видя вѣроятно, какъ спорны Русскіе столы и какъ незавидна Переяславская волость, безпрестанно подвергавшаяся нападеніямъ Ольговичей и Половцевъ, не хотѣлъ болѣе мѣнять на нее своей сѣверной, вѣрной волости; занятіе же Переяславля младшимъ братомъ не могло быть для него опасно: никогда еще младшій братъ не возставалъ противъ правъ старшаго, тогда какъ былъ примѣръ, что племянникъ отъ старшаго брата возставалъ противъ младшаго дяди. (1134 годъ).

Что Ольговичи принуждены были мириться по неволѣ, будутъ оставлены Мстиславичами, доказательствомъ служитъ ихъ нападеніе на Переяславскую область въ слѣдующемъ 1135 году. Всеволодъ со всею братьею пришелъ къ Переяславию, стоялъ подъ городомъ три дня, бился у воротъ; но узнавши, что Ярополкъ идетъ на помощь къ брату, отступилъ къ верховью рѣки Супоя, и тамъ дождался Кіевскаго князя. Мы замѣтили уже, что Ярополкъ былъ въ отца отвагою: завидя врага, не могъ удер-

жаться и ждать, пока подойдут другіе полки на помощь, но бросаясь на него съ одною своею дружиною; мы видѣли, что такая удача сошла для него благоподучно, принесла даже большую славу въ битвѣ съ Половцами при началѣ Мстиславова княженія. Точно также вздумалъ онъ поступить и теперь: не дождавшись Кіевскихъ полковъ, съ одною своею дружиною и съ братьею, даже не выстроившись хорошенько, ударилъ на Ольговичей, думая, «гдѣ имъ устоять противъ нашей силы!» Сначала бились крѣпко съ обѣихъ сторонъ; но скоро побѣжали Всеволодовы Половцы, и лучшая дружина Мономаховичей съ тысяцкимъ Кіевскимъ погналась за ними, оставя князей своихъ биться съ Ольговичами на мѣстѣ. Послѣ злой сѣчи Мономаховичи должны были уступить Черниговскимъ поле битвы и когда тысяцкій съ боярами, поразивши Половцевъ, пріѣхали назадъ, то уже не застали князей своихъ и попались въ руки побѣдителямъ Ольговичамъ, обманутые Ярополковымъ стягомъ, который держали послѣдніе ²⁰¹. Кромѣ лучшихъ мужей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, Ярополкъ потерялъ въ числѣ убитыхъ племянника Василька Леоновича, Греческаго Царевича, внука Мономахова по дочери. Возвратясь за Днѣпръ, Кіевскій князь началъ набирать новое войско, а Всеволодъ перешелъ Десну и сталъ противъ Вышгорода ²⁰²; но, постоявши 7 дней у Днѣпра, не рѣшился переправиться, пошелъ въ Черниговъ, откуда сталъ пересылаться съ Кіевскимъ княземъ о мирѣ, безъ всякаго однако успѣха. Это было въ концѣ лѣта; зимою Ольговичи съ Половцами перешли Днѣпръ и начали опустошать всю Кіевскую область, доходили до самаго Кіева, стрѣлялись черезъ Лыбедь; изъ городовъ впрочемъ удалось имъ взять только два, да и тѣ пустыя: мы видѣли уже обычай Украинскихъ жителей покидать свои города при нашествіи непріятелей ²⁰³. Ярополкъ, по словамъ лѣтописца, собралъ множество войска изъ всѣхъ земель, но не вышелъ противъ враговъ, не началъ кровопролитія; онъ побоялся суда Божія, смирился предъ Ольговичами, хулу и укоръ принялъ на себя отъ братьи своей и отъ всѣхъ, исполняя заповѣдь: любите враги ваша; онъ заключилъ съ Ольговичами миръ, отдалъ имъ то, чего прежде просили, т. е. отчину ихъ, города по Сейму. Трудно рѣшить, чтѣ собственно заставило Ярополка склониться на уступку: былъ ли онъ изъ числа тѣхъ людей, на которыхъ неу-

дача послѣ продолжительныхъ успѣховъ сильно дѣйствуетъ, или въ самомъ дѣлѣ духовенство и преимущественно митрополитъ Михаилъ ²⁰⁴, постарались прекратить войну, столь гибельную для края ²⁰⁵, и Ярополкъ дѣйствительно заслужилъ похвалы лѣтописца за Христіанскій подвигъ смиренія для блага народа; быть можетъ то и другое вмѣстѣ; не забудемъ также, что успѣхъ битвы не могъ быть вѣренъ: мы знаемъ, что Всеволодъ Ольговичъ вовсе не отличался безрасчетною отвагою, уступалъ, когда видѣлъ превосходство силъ на сторонѣ противника, и если теперь не уступилъ, то это значило, что силы Ярополка вовсе не были такъ велики, какъ выставляетъ ихъ лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ силами Ольговичей. (1135 г.).

Миръ не могъ быть продолжителенъ: главная причина вражды Ольговичей къ Мономаховичамъ—исключеніе изъ старшинства, существовала во всей силѣ, и при этомъ еще Черниговскіе испытали возможность успѣшной войны съ Мономаховичами, особенно при раздѣленіи послѣднихъ. Изгнаніе брата Всеволодова, Святослава изъ Новгорода было поводомъ къ новой войнѣ въ 1138 году. Ольговичи опять призвали Половцевъ и начали воевать Переяславскую волость по рѣкѣ Сулѣ; Андрей Владиміровичъ не могъ имъ сопротивляться, и, не видя помощи отъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать изъ Переяслава. Но Ольговичи, узнавъ, что Андрею нѣтъ помощи отъ братьевъ, успокоили его льстивыми словами, по выраженію лѣтописца: изъ этого извѣстія имѣемъ право заключать, что Ольговичи хотѣли поссорить Андрея съ братьями и привлечь на свою сторону, показывая ему, какъ мало заботятся объ немъ братья. Вѣсть о задержкѣ Святослава Ольговича въ Смоленскѣ, на дорогѣ его изъ Новгорода, еще болѣе усилила войну; братъ его Всеволодъ призвалъ множество Половцевъ, взялъ Прилукъ, и собирався уже старымъ путемъ къ Кіеву, какъ узналъ объ огромныхъ приготовленіяхъ Мономаховичей, и поспѣшилъ отступить въ свою волость, къ Чернигову. Ярополкъ созвалъ братьевъ и племянниковъ, собралъ кромѣ Кіевлянъ и Переяславцевъ, также рать изъ верхнихъ земель, Суздальцевъ, Ростовцевъ, Полочанъ и Смольнянъ; Ростиславичи Галицкіе и Король Венгерскій прислали ему также помощь, наконецъ присоединились къ нему многочисленныя толпы пограничныхъ варваровъ, Бере-

вдѣвъ; съ такими силами Ярополкъ уже не сталъ дожидаться Ольговича въ Кіевской волости, но отправился къ нему въ Черниговскую; Всеволодъ испугался, и хотѣлъ было уже бѣжать къ Половцамъ, какъ Черниговцы остановили его: «Ты хочешь бѣжать къ Половцамъ, говорили они, а волость свою погубить: но къ чему жъ ты тогда послѣ воротиться? лучше отложи свое высокоумье и проси мира; мы знаемъ Ярополково милосердіе: онъ не радуется кровопролитію, Бога ради онъ помирится, онъ соблюдаетъ Русскую землю». Всеволодъ послушался, и сталъ просить мира у Ярополка: тотъ, по выраженію летописца, будучи добръ, милостивъ нравомъ, богобоязливъ подобно отцу своему, поразмыслилъ о всемъ хорошенько, и не захотѣлъ кровопролиться, а заключилъ миръ у Моравска²⁰⁶, на правомъ берегу Десны. Потомъ заключенъ былъ новый договоръ между нимъ и Ольговичами, неизвѣстно, на какихъ условіяхъ²⁰⁷ (1136—1139).

Такъ кончались усобицы на югѣ при старшинствѣ Ярополковомъ; но эти усобицы сильно отозвались также на сѣверѣ, въ Новгородѣ Великомъ. Мы видѣли, какъ при Святополкѣ Новгородцы настояли на томъ, чтобы княземъ у нихъ оставался выросшій въ Новгородѣ Мстиславъ Владиміровичъ. Однако они недолго жили съ этимъ любимымъ княземъ: Мономахъ въ 1116 году вызвалъ его на югъ, и въ Новгородѣ остался сынъ его Всеволодъ. Молодость князя и смерть двухъ посадниковъ, случившаяся почти въ одинъ годъ²⁰⁸, какъ видно, подали поводъ къ смятеніямъ въ городѣ; нѣкоторые бояре и сотскій Ставръ ограбили какихъ-то двухъ гражданъ; неизвѣстно впрочемъ, какого рода былъ этотъ грабежъ, потому что иногда грабежъ происходилъ вслѣдствіе суднаго приговора, и потому трудно рѣшить, виновны ли были Ставръ и бояре въ насиліи, или только въ несправедливости. Какъ бы то ни было, Мономахъ и Мстиславъ вызвали всѣхъ бояръ Новгородскихъ въ Кіевъ: товарищи Ставра были заточены, другіе отпущены назадъ въ Новгородъ, послѣ того какъ дали клятву, вѣроятно въ томъ, что впередъ не будетъ подобныхъ происшествій. Кѣмъ былъ избранъ въ то время посадникъ Константинъ Моисѣевичъ, неизвѣстно: вѣроятно Кіевскимъ княземъ, если обратимъ вниманіе на обстоятельства. На

слѣдующій годъ онъ умеръ, и на его мѣсто пришелъ посадничать изъ Кіева Борисъ, разумѣется, присланный Мономахомъ²⁰⁹. По смерти послѣдняго, въ Кіевѣ посадили сына его Мстислава, а въ Новгородѣ внука Всеволода: относительно обоихъ въ лѣтописи употребляется одинаковое выраженіе: посадиша, въ смыслѣ: граждане хотѣли, просили, призван. Новгородцы посадили у себя Всеволода вторично, потому что во вступленіи своемъ на старшій столъ Мстиславъ могъ перенести его куда-нибудь поближе къ себѣ въ Русь, по примѣру отцовскому; какъ видно въ это время Новгородцы взяли со Всеволодомъ клятву не разлучаться съ ними. На слѣдующій годъ Всеволодъ ходилъ къ отцу въ Кіевъ, но пришелъ опять въ Новгородъ къ столу; въ тотъ же годъ дали посадничество Мірославу Гуртиничу, при чемъ лѣтописецъ не упоминаетъ о смерти прежняго посадника Бориса; къ кому относится выраженіе: въ дѣша посадничество—къ князьямъ ли—Мстиславу и Всеволоду, или къ гражданамъ—рѣшить трудно. Черезъ годъ, не упоминаая о смерти Мірослава, лѣтопись говоритъ о назначеніи ему преемника, Давида Дмитріевича, шурина Великаго князя Мстислава²¹⁰, и сына прежде бывшаго посадника. Этотъ посадникъ умеръ въ томъ же 1128 году, и на его мѣсто въ 1129 г., пришелъ изъ Кіева Даниилъ; но въ 1130 опять лѣтопись упоминаетъ о назначеніи новаго посадника Петрилы, съ выраженіемъ: даша, и въ тоже время говоритъ о походѣ Всеволода на Чудь, и о побѣдѣ его въ Кіевѣ къ отцу: имѣла ли связь смѣна посадника съ этими событіями—рѣшить трудно. Такъ было при старшинствѣ Мстислава. Тотчасъ по смерти его начались смуты. Всеволодъ, не смотря на клятву не разлучаться съ Новгородцами, прельстился столомъ Переяславскимъ, и уѣхалъ въ Русь, не оставивши, какъ видно, князя въ Новгородѣ. Мы увидѣли разъ, какъ Новгородцы обижались, когда князя мѣняли ихъ городъ на другой; кромѣ того, что перемѣна князя нарушала нарядъ въ городъ, Новгородцевъ должно было оскорблять и то, что князь, отдавая преимущество какому-нибудь Турову или Переяславу, тѣмъ самымъ унижалъ значеніе стола Рюрикова, ибо и между самими князьями, какъ увидимъ, не исчезла память, что Новгородъ былъ старѣйшимъ столомъ въ Русской землѣ. Легко понять теперь, что когда Всеволодъ, прогнанный

Юриемъ изъ Переяслава, явился назадъ въ Новгородъ, то нашелъ здѣсь сильное волненіе—встанъ великую въ людяхъ, по выраженію лѣтописца; пришли Псковичи и Ладожане въ Новгородъ, и Всеволодъ долженъ былъ выѣхать изъ него ²¹¹; потомъ однако граждане скоро одумались, и возвратили его назадъ. Можно впрочемъ съ вѣроятностію полагать, что Всеволодъ былъ принятъ не такъ уже какъ прежде, что здѣсь положено начало условіямъ или рядамъ Новгородцевъ съ князьми; вѣроятно также съ этого времени и посадникъ перемѣняетъ свой характеръ чиновника княжескаго на характеръ чиновника народнаго, отъ вѣча избираемаго, хотя и не безъ участія князя; въ это время, по крайней мѣрѣ, избрали посадниковъ для пригородовъ—Мірослова для Пскова и Рагуила для Ладоги; это извѣстіе можетъ навести на мысль, что Псковичи и Ладожане затѣмъ и приходили въ Новгородъ, чтобъ требовать назначенія себѣ новыхъ посадниковъ. Есть также прямое извѣстіе, что съ этихъ поръ Всеволодъ неимѣлъ надлежащаго значенія въ Новгородѣ, не могъ заставить его жителей выслать въ Кіевъ обычную Печерскую дань, за которою великой князь Ярополкъ долженъ былъ послать другаго племянника Изяслава: послѣднему удалось взять дань ²¹².

Между тѣмъ дѣла на югѣ запутывались все болѣе и болѣе. Въ 1134 году явился въ Новгородъ Изяславъ Мстиславичъ, съ тѣмъ чтобъ уговоривать брата и гражданъ идти войною на дядю Юрія, добыть для Мстиславичей хотя Ростовскую волость, если имъ нѣтъ части въ Русской землѣ. Начали толковать о Суздальской войнѣ Новгородцы, и убили мужей своихъ, свергнули ихъ съ моста, говорить лѣтописецъ. Изъ этихъ словъ видно, что послѣ предложенія, сдѣланнаго Всеволодомъ о Суздальскомъ походѣ, вѣче было самое бурное: одни хотѣли защищать Мстиславичей, достать имъ волость, другіе нѣтъ; большинство оказалось на сторонѣ первыхъ, положено идти въ походъ, а несогласное меньшинство отвѣдало Волхова. Мстиславичи съ посадникомъ Петрилою отправились на войну; но едва достигли они до рѣки Дубны ²¹³, какъ несогласія городскаго вѣча повторились въ полкахъ: противники похода противъ дядей въ пользу племянниковъ, противъ сына Мономахова въ пользу внуковъ его—опять подняли голосъ, и на этотъ разъ

пересилили, заставили князя возвратиться, и тутъ же, отнявъ посадничество у Петрила, какъ видно желавшаго войны, отдали его Ивану Павловичу. Такъ посадники уже начали смѣняться вслѣдствіе перевѣса той или другой враждебной стороны; видно также, что къ противникамъ войны принадлежали люди вообще нерасположенные ко Всеволоду, нехотѣвшіе принять его по возвращеніи изъ Переяславля. Но въ Новгородѣ ждало ихъ пораженіе: здѣсь противники ихъ опять пересилили, и опять Всеволодъ со всею Новгородскою областю пошелъ на Ростовскую землю въ жестокіе морозы и метели, не смотря на увѣщанія митрополита Михаила, который пришелъ тогда въ Новгородъ: «Не ходите, грозилъ имъ митрополитъ, меня Богъ послушаетъ;» Новгородцы задержали его и отправились: на Ждановой горѣ встрѣтились они съ Ростовскими полками, и потерпѣли пораженіе, потеряли храбраго посадника своего Ивана, также Петрилу Николянча, быть можетъ его предшественника, и много другихъ добрыхъ мужей, а Суздальцевъ пало больше, прибавляетъ Новгородскій лѣтописецъ; но Ростовскій говоритъ, что его земляки побѣдили Новгородцевъ, побили ихъ множество и возвратился съ побѣдою великою. Новгородцы, возвратясь домой, выпустили митрополита, и выбрали посадникомъ стараго Мірослава Гюратинича.

Испытавъ вредныя для себя слѣдствія княжескихъ усобицъ, Новгородцы въ 1135 году отправили посадника своего Мірослава въ Русь мирить Мономаховичей съ Ольговичами: но онъ возвратился, не сдѣлавъ ничего, потому что сильно взмалась вся земля Русская, по выраженію лѣтописца. Князья не помирились при посредничествѣ Новгородцевъ, но каждый сталъ переманивать ихъ на свою сторону, давать имъ слѣдовательно право выбора. Новгородцы не замедлятъ воспользоваться этимъ правомъ, но кого же выберутъ они? кому Богъ поможетъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Богъ помогъ Ольговичамъ при Супоѣ, и противники Мономаховича Всеволода воспользовались этимъ, чтобъ возстать противъ него. Въ 1136 году, Новгородцы призвали Псковичей и Ладожанъ и стали думать, какъ бы выгнать князя своего Всеволода; подумавши, посадили его въ епископскомъ дворѣ съ женою, дѣтьми и тещею, приставили сторожей стеречь его день и ночь съ сружіемъ, по 30 человекъ

на день, и не выпускали до тѣхъ поръ, пока пріѣхалъ новый князь, Святославъ Ольговичъ изъ Чернигова. Вины Всеволода такъ означены въ лѣтописи: 1) не блюдетъ смердовъ; 2) зачѣмъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславль? 3) въ битвѣ при Ждановой горѣ врёждѣ всѣхъ побѣждалъ изъ полку; 4) виѣшиваетъ Новгородъ въ усобицы: сперва велѣлъ приступить къ Ольговичамъ, а теперь велитъ отступить. — Но изгнаніе сына Мстиславова и пріятіе Ольговича не могли пройти спокойно въ Новгородѣ, потому что оставалась сильная сторона, приверженная въ Мстиславичамъ: Новгородъ разодрался, какъ разодралась Русская земля, по выраженію лѣтописца. Въ годъ прібытія Святослава Ольговича (1136) уже встрѣчаемъ извѣстіе о смутѣ: какого-то Юрія Жирславича, вѣроятно приверженца Всеволодова, сбросили съ моста. Но у Мстиславича оставалось много другихъ приверженцевъ: они рѣшились умертвить Святослава, стрѣляли въ него, но безъ успѣха. Тогда нѣсколько добрыхъ мужей и въ томъ числѣ посадникъ Константинъ, (избранный на мѣсто Мірослава Гюратинича, умершаго въ 1135 году)²¹⁴, побѣжали ко Всеволоду въ Вышгородъ, гдѣ пріютилъ его дядя Ярополкъ; вмѣсто Константина избрали посадникомъ Якуна Мірославича, вѣроятно сына прежняго посадника, Мірослава Гюратинича. Новгородскіе бѣглецы сказали Всеволоду, что у него много пріятелей въ Новгородѣ и Псковѣ, которые ждутъ только его появленія: «Ступай, князь, хотятъ тебя опять». Всеволодъ отправился съ братомъ Святополкомъ, и точно былъ принятъ въ Псковѣ; когда онъ ѣхалъ мимо Полоцка, то Василько, тамошній князь, самъ вышелъ къ нему на встрѣчу и проводилъ съ честію, ради заповѣди Божіей забылъ все зло, которое сдѣлалъ отецъ Всеволодовъ Мстиславъ всему роду ихъ; Всеволодъ былъ въ его рукахъ теперь, но онъ и не подумалъ мстить ему за отцовское зло; оба цѣловали другъ другу крестъ не поминать прошлаго. Когда въ Новгородѣ узнали, что Всеволодъ во Псковѣ, хочеть сѣсть и у нихъ, то всталъ сильный мятежь; большинство не захотѣло Мстиславича, пріятели его принуждены были бѣжать къ нему во Псковъ; большинство разграбило ихъ дома; стали искать между оставшимися боярами, нѣтъ ли между ними пріятелей Всеволодовыхъ, съ заподозрѣнныхъ взяли полторы тысячи гривенъ, и дали эти деньги купцамъ на

сборы къ войнѣ; между виноватыми пострадали и невинные. Можно замѣтить, что къ сторонѣ Всеволодовой преимущественно принадлежали бояре, между которыми искали и находили его пріятелей; а къ противникамъ его преимущественно принадлежали простые люди, что видно также изъ главнаго обвиненія: не блюдетъ смердовъ. Святославъ Ольговичъ собралъ всю землю Новгородскую, призвалъ на помощь брата Гѣтба съ жителями города Курска и съ Половцами, и пошелъ выгонять Всеволода изъ Пскова: но Псковичи съ перваго раза уже показали стойкость, какою отличались послѣ, тѣмъ болѣе, что выгодно было для нихъ получить особаго князя и освободиться такимъ образомъ отъ вліянія старшаго города; они не покорились Новгородцамъ, не выгнали отъ себя Всеволода, но приняли мѣры предосторожности на случай нападенія, сдѣлали повсюду засѣки. Святославъ и Новгородцы увидали, что война будетъ трудная, успѣхъ не вѣрный, и потому возвратились съ дороги, говоря: «Не хотимъ проливать крови братьевъ своихъ; пусть Богъ все управитъ своимъ промысломъ»⁴¹⁵.» Всеволодъ умеръ въ томъ же 1137 году; Псковичи взяли на его мѣсто брата его Святополка, а между тѣмъ Новгородцы испытывали большія непріятности: Мономаховичи и союзники ихъ сердились на нихъ за то, что они держали у себя Ольговича, и потому прекратили съ ними торговлю: не было мира ни съ Суздалемъ, ни съ Смоленскомъ, ни съ Кіевомъ, ни съ Полоцкомъ; отъ прекращенія подвозовъ сдѣлалась дороговизна въ съѣстныхъ припасахъ. Но и здѣсь враждебное раздѣленіе, происшедшее въ княжескомъ родѣ, помогло Новгороду выйти изъ затруднительнаго положенія. Мы видѣли, что причиною торжества Ольговичей было раздѣленіе въ самой семьѣ Мономаха, раздвоеніе между старшими племянниками и младшими дядьми; пользуясь этимъ раздвоеніемъ, Ольговичи будутъ имѣть случай давать силу своимъ утраченнымъ правамъ, получать старшинство в Кіевѣ. Это тройное раздѣленіе потомства Ярослава очень важно относительно Новгородской исторіи: съ одной стороны частая смѣна Великихъ князей изъ трехъ враждебныхъ линій заставляла Новгородцевъ, признававшихъ зависимость свою всегда отъ старшаго Ярославича, сообразоваться съ этою смѣною и также перемѣнять своихъ князей, что усматривало внутреннѣе

волненія, производимыя приверженцами изгоняемыхъ князей и врагами ихъ; съ другой стороны, давала Новгороду возможность выбора изъ трехъ линій, что необходимо усиливало произволь вѣча, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало его значеніе, его требованія, давало Новгородцамъ видъ народа вольнаго. Такъ Новгородъ, сообразуясь съ перемѣною, послѣдовавшею на югѣ въ пользу Ольговичей, смѣняетъ Мономаховича; будучи приведенъ этого смѣною въ затруднительное положеніе, онъ находитъ средство выйти изъ него безъ вреда себѣ и униженія: онъ можетъ примириться съ Мономаховичами, не имѣя нужды принимать опять Мстиславича; онъ можетъ отдаться въ покровительство Юрія Ростовскаго, взять себѣ въ князья его сына: Юрій защититъ его отъ Ольговичей, какъ ближайшій сосѣдъ, и примиритъ съ Мономаховичами, избавивъ отъ униженія принять Святополка, т. е. признать торжество Псковичей: наконецъ признаніе Юрьевича примиряло въ Новгородѣ всѣ стороны: для приверженцевъ племени Мономахова онъ былъ впускъ его, для враговъ Всеволода онъ не былъ Мстиславичемъ; расчетъ былъ вѣренъ, и Ростиславъ Юрьевичъ призванъ на столъ Новгородскій, а Святославу Ольговичу указанъ путь изъ Новгорода.

Усобицы заняли все вниманіе князей въ княженіе Ярополково, и не было походовъ на враговъ внѣшнихъ: Половцы опомнились отъ ударовъ, нанесенныхъ ими при Мономахѣ и Мстиславѣ, и опять получили возможность пустошить Русскую землю; въ 1138 г., они опустошили Курскую волость; союзные отряды ихъ являлись даже въ области Новгородской. Чудь также воспользовалась смутами, возникшими въ Новгородѣ, и не только перестала платить дань, но, собравшись, овладѣла Юрьевымъ и перебила тамошнихъ жителей. Въ 1133 году Всеволодъ, по вторичномъ утверженіи въ Новгородѣ, предпринималъ походъ на Чудь и отнялъ у ней опять Юрьевъ²¹⁴.

Въ 1139 году умеръ Ярополкъ. Въ лѣтописи замѣчаемъ сильную привязанность къ этому князю, который напоминалъ народу отца своего мужествомъ, славою удачныхъ походовъ на Половцевъ и, какъ видно, нравственными качествами. Мы видѣли, что излишняя отвага, самонадѣянность были губительны при Сувѣ для Ярополка и всего его племени; мы видѣли также, что несчастный уговоръ его съ старшимъ братомъ былъ причи-

ною усабиць, раздиравшихъ Русскую землю во все время его старшинства; но прежде нежели станемъ обвинять Ярополка въ недостаткѣ умѣнья или твердости, вспомнимъ о неопредѣленности родовыхъ отношеній, о слабой подчиненности младшихъ членовъ рода старшему, особенно когда старшій былъ не отецъ и даже не дядя, но братъ, и то не самый уже старшій; младше братья и племянники считали себя въ полномъ правѣ вооруженною рукою противиться распоряженіямъ старшаго, если имъ казалось, что эти распоряженія клонятся къ ихъ невыгодѣ; мы видѣли всю затруднительность положенія Ярополка: что ему было дѣлать съ страннымъ Вячеславомъ, который двигался изъ одной волости въ другую, и сталъ, по лѣтописи, главнымъ виновникомъ усабицы? Въ народѣ видѣли это несчастное положеніе великаго князя, его благонамѣренность и потому не утратили прежней любви къ благовѣрной отрасли знаменитаго Мономаха.

По смерти Ярополка преемникомъ его на старшемъ столѣ былъ, по всѣмъ правамъ, братъ его Вячеславъ, который вступилъ въ Кіевъ безпрепятственно. Но какъ скоро Всеволодъ Ольговичъ узналъ о смерти Ярополка, и что въ Кіевѣ на его мѣстѣ сидитъ Вячеславъ, то немедленно собралъ небольшую дружину, и съ братьями, роднымъ Святославомъ и двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ, явился на западной сторонѣ Днѣпра и занялъ Вышгородъ; отсюда, выстроивъ полки, пошелъ къ Кіеву, сталъ въ Копыревѣ концѣ, и началъ зажигать дворы въ этой части города, пославши сказать Вячеславу: «Иди добромъ изъ Кіева». Вячеславъ отправилъ къ нему митрополита съ такимъ отвѣтомъ: «Я, братъ, пришелъ сюда на мѣсто братьевъ своихъ, Мстислава и Ярополка, по завѣщанію нашихъ отцевъ; если же ты, братъ, захотѣлъ этого стола, оставя свою отчину, то пожалуй я буду меньше тебя, пойду въ прежнюю свою волость, а Кіевъ тебѣ¹¹⁷». И Всеволодъ вошелъ въ Кіевъ съ честію и славою великою, говоритъ лѣтописецъ. Такимъ образомъ Ольговичу, мимо стараго, отцовскаго обычая, удалось овладѣть старшимъ столомъ. Какія же были причины такого страннаго явленія? Какимъ образомъ Мономаховичи позволили Святославу внуку занять Кіевъ не по отчинѣ? Въ это время племя Мономахово было въ самомъ затруднительномъ положеніи, именно было безъ главы, и вражда

шла между его членами. Старшимъ въ этомъ племени оставался Вячеславъ; но мы видѣли его характеръ, дѣлавшій его неспособнымъ блюсти выгоды рода, поддерживать въ немъ единство, нарядъ. Дѣятельнѣе, способнѣе его былъ слѣдующій братъ, Юрій Ростовскій; но, какъ младшій, онъ не могъ дѣйствовать отъ своего имени, мимо Вячеслава; притомъ его мало знали на югѣ; а это было очень важно относительно народонаселенія; да и когда узнали его, то нашли, что онъ мало похожъ на отца своего и двухъ старшихъ братьевъ. Добрымъ княземъ слылъ послѣдній Мономаховичъ—Андрей, но какъ самый младшій онъ также не могъ дѣйствовать въ челѣ племени. Князь, который по своимъ личнымъ доблестямъ одинъ могъ быть представителемъ Мономахова племени для народа—это былъ Изяславъ Мстиславичъ Владимиро-Волинскій, теперь старшій сынъ старшаго изъ Мономаховичей: необыкновенно храбрый, щедрый къ дружинѣ, пріятливый ка народу, Изяславъ былъ образцемъ князя, по тогдашнимъ понятіямъ, напоминалъ народу своего знаменитаго дѣда, и былъ потому въ его глазахъ единственною отраслю добраго племени. Но мы видѣли, какъ Изяславъ былъ поставленъ во враждебныя отношенія къ старшимъ членамъ рода, къ дядьямъ своимъ, отъ которыхъ не могъ ждать ничего хорошаго ни для себя, ни для дѣтей своихъ. Находясь, съ одной стороны, во враждѣ съ родными дядьми, съ другой Изяславъ былъ въ близкомъ свойствѣ со Всеволодомъ Ольговичемъ, который былъ женатъ на старшей его сестрѣ, и, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ старшій зять, заступалъ мѣсто старшаго брата и отца. Всеволодъ видѣлъ, что только вражда между членами Мономахова племени могла доставать ему старшинство, и потому спѣшилъ привлечь на свою сторону самаго доблестнаго изъ нихъ, Изяслава, что ему было легко сдѣлать по близкому свойству и по прежнимъ связямъ: онъ могъ хвалиться передъ Изяславомъ, что только благодаря ему, тотъ могъ помириться съ дядьми и получить отъ нихъ хорошую волость. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Всеволодъ послалъ сказать Изяславу: «Послѣ отца твоего Кіевъ принадлежитъ тебѣ (это могъ сказать Всеволодъ, выгнавшій дядю); но дядья твои не дадутъ тебѣ въ немъ сѣсть: самъ знаешь, что и прежде васъ отовсюду выгоняли, и еслибъ не я, то никакой волости вамъ бы не досталось: поэтому теперь я

хочу Кіевъ взять, а васъ буду держать какъ родныхъ братьевъ, и не только теперь дамъ вамъ хорошія волости, по по смерти моей Кіевъ отдамъ тебѣ; только вы не соединяйтесь съ дядями своими на меня». Изяславъ согласился, и утвердили договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. Этимъ только извѣстіемъ можно объяснить равнодушіе Кіевлянъ при занятіи Ольговичемъ ихъ города, тогда какъ они могли съ успѣхомъ сопротивляться его малой дружинѣ. Безъ сомнѣнія Всеволодъ явился къ Кіеву съ такими ничтожными силами, зная, что сопротивленія не будетъ. Но уладивши дѣло относительно шурьевъ своихъ, Мстиславичей, Всеволодъ долженъ былъ улаживаться съ собственнымъ племенемъ, родными и двоюродными братьями — Ольговичами и Давидовичами. Чтобъ имѣть себѣ и въ тѣхъ и въ другихъ помощь при овладѣніи Кіевомъ, Всеволодъ, по извѣстіямъ лѣтописи²¹⁹, родному Игорю и двоюродному Владимиру обѣщаль послѣ себя Черниговъ, но сѣвши въ Кіевъ, отдалъ Черниговъ Владимиру Давидовичу; и такимъ образомъ перессорилъ родныхъ братьевъ съ двоюродными. Но по другимъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ²²⁰, онъ обѣщаль, что какъ скоро овладѣетъ Кіевомъ, то выгонитъ Мономаховичей изъ ихъ волостей, которыя отдастъ роднымъ братьямъ, а двоюродные останутся въ Черниговѣ; боясь же теперь дѣйствовать противъ Мономаховичей, чтобъ не заставить ихъ соединиться противъ себя, онъ не могъ сдержатъ обѣщанія роднымъ братьямъ, и радъ былъ, перессоривъ ихъ съ двоюродными: иначе трудно себѣ представить, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ обмануть братьевъ, обѣщая всѣмъ одно и то же.

Не смотря однако на всѣ хитрости Всеволода и на то, что онъ хотѣлъ сначала шадить Мономаховичей, только разъединивъ ихъ, послѣдніе не хотѣли спокойно уступать ему старшинства. Первый, какъ слѣдовало ожидать, началъ Юрій: онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ къ племяннику Ростиславу Мстиславичу, который былъ всегда почитителенъ къ дядьямъ, и потому могъ быть посредникомъ между ними и братьями своими. Изъ лѣтописи можно заключить, что переговоры между Мономаховичами сначала шли успѣшно; потому что когда Всеволодъ сталъ дѣлать имъ мирныя предложенія, а Изяслава Мстиславича звалъ къ себѣ въ Кіевъ на личное свиданіе, то Мономаховичи не захотѣли вступить съ нимъ ни въ какія соглашенія, продолжали перессо-

даться между собою, собираясь идти на него ратью²²¹. Тогда Всеволодъ рѣшился предупредить ихъ. напасть на каждого по одиночкѣ, отнять волости и раздать ихъ братьямъ по уговору: онъ надѣялся на свою силу, говорить лѣтописецъ, самъ хотѣлъ всю землю держать. — Пославши двоюроднаго брата своего, Изяслава Давидовича, и Галицкихъ князей, внуковъ Ростиславовыхъ съ Половцами на Изяслава Волинскаго и дядю его Вячеслава Туровскаго, Всеволодъ самъ съ роднымъ братомъ Святославомъ пошелъ къ Переяславлю на Андрея. Онъ хотѣлъ посадить здѣсь Святослава, и, ставши на Днѣпрѣ, послалъ сказать Андрею: «ступай въ Курскъ». Согласиться Андрею на это требованіе, взять незначительную; отдаленную Черниговскую волость, и отдать во враждебное племя Переяславль, столъ дѣдовскій и отцовскій, значило не только унижить себя, но и нанести безчестіе цѣлому племени, цѣлой линіи Мономаховой, отнять у ней то значеніе, тѣ преимущества и волости, которыя были утверждены за нею Владиміромъ и двумя старшими его сыновьями; Ольговичи были исключены изъ старшинства, должны были ограничиться одними Черниговскими волостями, вслѣдствіе чего всѣ остальные Русскія волости стали исключительною отчиною Мономаховичей, а теперь Ольговичи насиліемъ, мимо отцовскаго обычая, хотятъ отнять у нихъ полученныя отъ отца волости, и дать вмѣсто ихъ свои Черниговскія, худшія! вспомнимъ, какъ послѣ члены родовъ боялись занять какое-нибудь мѣсто, котораго не занимали ихъ старшіе, чтобъ не нанести порухи роду, и для насъ не удивителенъ будетъ отвѣтъ Андрея; подумавши съ дружиною, онъ велѣлъ сказать Всеволоду: «Лучше мнѣ умереть съ дружиною на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ взять Курское княженіе; отецъ мой сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславлѣ, и я хочу на своей отчинѣ умереть; если же тебѣ, братъ, еще мало волостей, мало всей Русской земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду изъ своей волости. Это не въ диковину будетъ нашему роду; такъ и прежде бывало: развѣ Святосполкъ не убилъ Бориса и Глѣба за волость? но самъ долго ли пожилъ? и здѣсь жизни лишился, да и тамъ вѣчно мучится». Всеволодъ не пошелъ самъ къ Переяславлю, но послалъ туда брата Святослава, который встрѣтился на дорогѣ съ дружиною Андреевою и былъ разбитъ:

побѣдители гнались за ними до мѣста Корани^{***}, далѣе Андрей не велѣлъ преслѣдовать. На другой день Всеволодъ помирился съ Переяславскимъ княземъ—на какихъ условіяхъ неизвѣстно; вѣроятно Андрей обѣщался отстать отъ союза съ своими, признать старшинство Всеволода, а тотъ оставить его въ Переяславѣ. Андрей уже поцѣловалъ крестъ, но Всеволодъ еще не успѣлъ, какъ въ ночь загорѣлся Переяславль. Всеволодъ не воспользовался этимъ несчастіемъ, и послалъ на другой день сказать Андрею: «Видишь, я еще креста не цѣловалъ, такъ еслибъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ зло, могъ бы: Богъ мнѣ давалъ васъ въ руки, сами зажгли свой городъ; что мнѣ было годно, тобъ я и могъ сдѣлать; а теперь ты цѣловалъ крестъ; исполнишь свою клятву—хорошо, не исполнишь—Богъ тебѣ будетъ судья». Помирившись съ Андреемъ, Всеволодъ пошелъ назадъ въ Кіевъ.

Между тѣмъ война шла на западъ: сначала войско, посланное противъ Изяслава ко Владимиру, дошедши до рѣки Горыни, испугалось чего-то, и возвратилось назадъ; потомъ Галиціе князья призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича для переговоровъ, но не могли уладиться: быть можетъ они хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Волынскаго князя и распространить свою волость на его счетъ. Поляки, помогая Всеволоду, повоевали Вольты; Изяславъ Давидовичъ Туровскую волость; но дѣло этимъ и кончилось: и дядя и племянникъ остались на своихъ столахъ. Съ сѣвера однако не было сдѣлано никакихъ движеній въ ихъ пользу, ни изъ Суздаля, ни изъ Смоленска; Юрій, будучи въ последнемъ городѣ, послалъ къ Новгородцамъ звать ихъ на Всеволода; но тѣ не послушались, и сынъ его Ростиславъ прибѣжалъ изъ Новгорода къ отцу въ Смоленскъ; тогда Юрій, разсердившись, возвратился назадъ въ Суздальскую область и оттуда захватилъ у Новгородцевъ Торжокъ: вотъ единственная причина, которую находимъ въ лѣтописи для объясненія недѣтельности Юрія; Ростиславъ одинъ не отважился идти на помощь къ своимъ, которые, будучи предоставлены собственнымъ силамъ, принуждены были отправить пословъ къ Всеволоду съ мирными предложеніями; Всеволодъ сперва было не хотѣлъ заключать мира на предложенныхъ ими условіяхъ; но потомъ разсудилъ, что ему нельзя быть безъ Мономаховичей, согласился на ихъ условія и цѣловалъ крестъ. Какія были эти условія, лѣто-

писецъ не говоритъ; какъ видно договорились, чтобы каждому изъ Мономаховичей остаться при своихъ волостяхъ. Почему Всеволодъ думалъ, что ему нельзя обойтись безъ Мономаховичей, довольно ясно: при Черниговской, Галицкой и Польской помощи ему не удалось силою лишить волости ни одного изъ нихъ, не смотря на то, что южные были оставлены съверными, дѣйствовали порознь, только оборонительно: народное расположение было на ихъ сторонѣ.

Мономаховичи были разъединены враждою, чѣмъ единственно и держался Всеволодъ въ Кіевѣ; но за то и между Ольговичами была постоянная размолвка. Святославъ Ольговичъ, призванный въ другой разъ въ Новгородъ, опять не могъ ужиться съ его жителями, и бѣжалъ оттуда въ Стародубъ; Всеволодъ вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ, но братья не уладились о волостяхъ; Святославъ пошелъ въ Курскъ, которымъ владѣлъ вмѣстѣ съ Новгородомъ Сѣверскимъ; чѣмъ владѣлъ Игорь—неизвѣстно; потомъ скоро Всеволодъ далъ Святославу Бѣлгородъ²²². Игорь продолжалъ враждовать съ Давыдовичемъ за Черниговъ, ходилъ на него войною, но заключилъ миръ. Смерть Андрея Владиміровича Переяславскаго, случившаяся въ 1142 г., подала поводъ къ новымъ перемѣщеніямъ и смутамъ: Всеволоду, какъ видно, не ловко было сидѣть въ Кіевѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ волостями Мономаховичей; и потому онъ послалъ сказать Вячеславу Туровскому: «Ты сидишь въ Кіевской волости, а она мнѣ слѣдуетъ: ступай въ Переяславль, отчину свою». Вячеславъ не имѣлъ никакого предлога нейти въ Переяславль, и пошелъ; а въ Туровѣ посадилъ Всеволодъ сына своего Святослава. Это распоряженіе должно было озлобить Ольговичей: тяжело стало у нихъ на сердцахъ, говоритъ лѣтописецъ: волости даетъ сыну, а братьевъ ничѣмъ не надѣлилъ. Тогда Всеволодъ позвалъ къ себѣ рядиться всѣхъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ; они пришли и стали за Днѣпромъ: Святославъ Ольговичъ, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца; прямо въ Кіевъ слѣдовательно не поѣхали, вели переговоры черезъ Днѣпръ; Святославъ поѣхалъ къ Игорю, и спросилъ: «Что тебѣ даетъ братъ старшій?» Игорь отвѣчалъ: «даетъ намъ по городу: Брестъ и Дрогичинъ²²³, Черторыйскъ и Клецкъ, а отчины своей, земли Вятичей, не даетъ». Тогда Святославъ по-

цѣловаль крестъ съ Игоремъ, а на другой дѣнь цѣловали и Давидовичи на томъ, чтобы стоять всему племени за одно противъ неправды старшаго брата; сказали при этомъ: «Кто изъ насъ отступится отъ крестнаго цѣлованія, тому крестъ отомститъ». Когда послѣ этого Всеволодъ прислалъ звать ихъ на обѣдъ, то онѣ не поѣхали и велѣли сказать ему: «Ты сидишь въ Кіевѣ; а мы просимъ у тебя Черниговской и Новгородской (Сѣверской) волости, Кіевской не хотимъ». Всеволодъ никакъ не хотѣлъ уступить имъ Вятичей, вѣрно приберегалъ ихъ на всякой случай своимъ дѣтямъ, а все давалъ имъ тѣ четыре города, о которыхъ было прежде сказано. Братья велѣли сказать ему на это: «Ты намъ братъ старшій: но если не дашь, такъ мы сами будемъ вѣкать»; и, разсорившись со Всеволодомъ, поѣхали ратью къ Переяславию на Вячеслава: вѣрно надѣялись также легко выгнать его изъ этого города, какъ братъ ихъ Всеволодъ выгналъ его изъ Кіева; но обманулись въ надеждѣ, встрѣтили отпоръ у города, а между тѣмъ Всеволодъ послалъ на помощь Вячеславу воеводу Лазаря Саковского съ Печенѣгами и Кіевлянами; съ другой стороны Изяславъ Мстиславичъ, услыхавъ, что Черниговскіе пришли на его дядю, поспѣшилъ отправиться съ полкомъ своимъ къ Переяславию и разбилъ ихъ: четверо князей не могли устоять противъ одного, и побѣжали въ свои города; а между тѣмъ явился Ростиславъ съ Смоленскимъ полкомъ и повоевалъ Черниговскую волость по рѣкѣ Сожѣ²²⁵; тогда Изяславъ, услыша, что братъ его выгналъ Черниговскихъ, бросился на волость ихъ отъ Переяслава, повоевалъ села по Деснѣ и около Чернигова, и возвратился домой съ честью великою. Игорь съ братьями хотѣлъ отомстить за это: поѣхали въ другой разъ къ Переяславию, стали у города, бились три дня и опять, ничего не сдѣлавши, возвратились домой. Тогда Всеволодъ вызвалъ изъ монастыря брата своего двоюроднаго, Святошу (Святослава-Николая Давидовича, постригшагося въ 1106 году) и послалъ къ братьямъ, велѣвъ сказать имъ: «Братья мои! возьмите у меня съ любовью, что вамъ даю — Городецъ²²⁶, Рогачевъ, Брестъ, Дрогичинъ, Клецкъ; не воюйте больше съ Мстиславичами». На этотъ разъ, потерявши смѣлость отъ неудачъ подъ Переяславемъ, они исполнили волю старшаго брата, и когда онъ позвалъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, то всѣ явились на зовъ. Но Всеволоду,

который сохранилъ свое пріобрѣтеніе только вслѣдствіе разединенія, вражды между остальными князьями, не нравился союзъ между братьями; чтобъ разсорить ихъ, онъ сказалъ Давидовичамъ: «отступите отъ моихъ братьевъ, я васъ надѣлю»; тѣ прельстились обѣщаніемъ, нарушили клятву, и перешли отъ Игоря и Святослава на сторону Всеволода. Всеволодъ обрадовался ихъ разлученію, и такъ распорядился волостями: Давидовичамъ далъ Брестъ, Дрогичинъ, Вщижъ и Ормину²²⁷, а роднымъ братьямъ далъ — Игорю — Городецъ Остерскій и Рогачевъ, а Святославу — Клецкъ и Черторыйскъ. Ольговичи помирились поневолѣ на двухъ городахъ, и подняли снова жалобы, когда Вячеславъ, по согласію съ Всеволодомъ, помѣнялся съ племянникомъ своимъ Изяславомъ: отдалъ ему Переяславль, а самъ взялъ опять прежнюю свою волость Туровъ, откуда Всеволодъ вывелъ своего сына во Владимиръ; понятно, что Вячеславу не нравилось въ Переяславль, гдѣ уже его не разъ осаждали Черниговскіе, тогда какъ храбрый Изяславъ могъ отбиться отъ какого угодно врага. Не понравилось это перемѣщеніе Ольговичамъ; стали роптать на старшаго брата, что поблажаетъ шурьямъ своимъ Мстиславичамъ: «это наши враги, говорили они, а онъ осаждался ими около, намъ на безголовье и безмѣстье, да и себѣ». Они наскучивали Всеволоду просьбами своими идти на Мстиславичей; но тотъ не слушался: это все показываетъ, что прежде точно Всеволодъ обѣщалъ братьямъ помѣстить ихъ въ волостяхъ Мономаховскихъ; но теперь Ольговичи должны были видѣть, что исполненіе этого обѣщанія вовсе не легко, и настаиваніе на это можетъ показывать только ихъ нерасчетливость, хотя очень понятны ихъ раздражительность и досада на старшаго брата. Изяслава Мстиславича однако, какъ видно, безпокоила вражда Ольговичей; изъ поведенія Всеволода съ братьями онъ очень ясно видѣлъ, что это за человекъ, можно ли на него въ чемъ-нибудь положиться? могъ ясно видѣть, что Всеволодъ только по нуждѣ терпитъ Мономаховичей въ хорошихъ волостяхъ, и потому рѣшился попытаться, нельзя ли помириться съ дядею Юріемъ. Онъ самъ отправился къ нему въ Суздаль; но не могъ уладиться, и поѣхалъ изъ Суздаля сперва къ брату Ростиславу въ Смоленскъ, а потомъ къ брату Святославу въ Новгородъ, гдѣ и зимовалъ.

Таковы были отношенія между двумя главными линиями Ярославова потомства, при старшинствѣ внука Святославова; обратимся теперь къ другимъ. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Ростиславичи, которые начали тогда носить названіе князей Галицкихъ. Извѣстные намъ Ростиславичи—Володаръ и Василько умерли оба въ 1124 году; послѣ Володаря осталось два сына—Ростиславъ²²⁸ и Владиміръ, извѣстный больше подъ уменьшительнымъ именемъ Владимірка; послѣ Василька—Григорій и Иванъ. Изъ князей этихъ самымъ замѣчательнымъ явился второй Володаревичъ, Владимірко: не смотря на то, что отовсюду былъ окруженъ сильными врагами, Владимірко умѣлъ не только удержаться въ своей волости, но и успѣлъ оставить ее своему сыну могущественнымъ княжествомъ, котораго союзъ или вражда получили большую важность для народовъ сосѣднихъ. Будучи слабымъ между многими сильными, Владимірко не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли: большею частію дѣйствовалъ ловкостію, хитростію, не смотрѣлъ на клятвы. Призвавъ на помощь Венгровъ, онъ всталъ на старшаго брата своего Ростислава въ 1127 году; но Ростиславу помогали двоюродные братья Васильковичи и Великій князь Кіевскій—Мстиславъ Владиміровичъ. Съ Ростиславомъ ему не удалось сладить; но когда умеръ Ростиславъ, равно какъ оба двоюродные братья Васильковичи, то Владимірко взялъ себѣ обѣ волости—Перемышльскую и Теробовльскую, и не подѣлился съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Ростиславичемъ, княжившимъ въ Звенигородѣ. Усобицы, возникшія на Руси по смерти Мстислава Великаго, давали Владиміру полную свободу дѣйствовать. Мы видѣли, что въ войнѣ Всеволода Ольговича съ Мономаховичами, Владиміръ съ однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, Иваномъ Васильковичемъ²²⁹, помогалъ Всеволоду; но отношенія перемѣнились, когда на столѣ Волынскомъ, вмѣсто Изяслава Мстиславича, сѣлъ сынъ Всеволодовъ—Святославъ; князь съ такимъ характеромъ и стремленіями, какъ Владимірко, не могъ быть хорошимъ сосѣдомъ; Святославъ и отецъ его также не были уступчивы, и потому не удивительно читать въ лѣтописи подъ 1144 годомъ, что Всеволодъ разсорился съ Владиміркомъ за сына, начали искать другъ на другѣ вины, и Владимірко отослалъ въ Кіевъ крестную грамоту. Всеволодъ пошелъ на него съ обоими

родными братьями, съ двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ, Мономаховичами — Вячеславомъ Туровскимъ, двумя Мстиславичами — Изяславомъ и Ростиславомъ, съ сыномъ Святославомъ, двумя сыновьями Всеволода Городенскаго, съ Владиславомъ Польскимъ княземъ; нудили многоглаголиваго Владимірка неволею пріѣхать ко Всеволоду поклониться; но тотъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и привелъ къ себѣ на помощь Венгровъ. Всеволодъ пошелъ къ Теревовлю; Владимірко вышелъ къ нему на встрѣчу, но биться не могли, потому что между ними была рѣка Сереть, и оба пошли по берегамъ рѣки къ Звенигороду ³²⁰. Всеволодъ, къ которому пришелъ двоюродный братъ, Изяславъ Давидовичъ съ Половцами, сталъ объ одну сторону Звенигорода, а Владимірко по другую; мелкая рѣка раздѣляла оба войска. Тогда Всеволодъ велѣлъ чинить гати; войска его перешли рѣку и зашли въ тылъ Владимірку, отрѣзавъ его отъ Перемышля и Галича. Видя это, Галичане встосковались: «Мы здѣсь стоимъ, говорили они, а тамъ женъ нашихъ возьмутъ» Тогда ловкій Владимірко нашелся, съ какой стороны начать дѣло: онъ послалъ сказать брату Всеволодову Игорю: «Если помиришь меня съ братомъ, то по его смерти помогу тебѣ състь въ Кіевѣ.» Игорь прельстился обѣщаніемъ и началъ хлопотать о мирѣ, приступая къ брату то съ мольбою, то съ сердцемъ: «Не хочешь ты мнѣ добра, за чѣмъ ты мнѣ назначилъ Кіевъ послѣ себя, когда не даешь друга сыскать.» Всеволодъ послушался его, и заключилъ миръ. Владимірко выѣхалъ къ нему изъ стана, поклонился и далъ за трудъ 1,400 гривенъ серебра: прежде онъ много поговорилъ, а послѣ много заплакалъ, прибавляеть лѣтописецъ. Всеволодъ, поцѣловавшись съ Владиміркомъ, сказалъ ему: «Се цѣль еси, къ тому не согрѣшай;» и отдалъ ему назадъ два города, Ушицу и Микуличъ, захваченные Изяславомъ Давидовичемъ. Серебра себѣ Всеволодъ не взялъ одинъ всего, но раздѣлилъ со всею братьею. Неудача Владимірка ободрила внутреннихъ враговъ его, приверженцевъ племянника, Ивана Ростиславича. Когда зимою Всеволодъ отправился на охоту ³²¹, то жители Галича послали въ Звенигородъ, за Иваномъ и ввели его къ себѣ въ городъ ³²². Владимірко, услыхавъ объ этомъ, пришелъ съ дружиною къ Галичу, бился съ осажденными три недѣли и все не могъ взять

города, какъ однажды ночью Иванъ задумалъ сдѣлать вылазку, но зашелъ слишкомъ далеко отъ города, и былъ отрѣзанъ отъ него полками Владиміровыми; потерявъ много дружины, онъ пробился сквозь вражье войско, и бросился къ Дунаю, а оттуда степью въ Кіевъ къ Всеволоду; Владиміръ вошелъ въ Галич, многихъ людей перебилъ, а иныхъ показнилъ казнью злою, по выраженію лѣтописца. Быть можетъ, покровительство, оказанное Всеволодомъ Ростиславичу послужило поводомъ къ новой войнѣ между Кіевскимъ и Галицкимъ князьями: въ 1146 году Владиміръ взялъ Прилукъ ²²¹, пограничный Кіевскій городъ. Всеволодъ опять собралъ братьевъ и шурьевъ, соединился съ Новгородцами, которые прислали отрядъ войска подъ воеводою Неревиномъ, съ Поляками и дикими Половцами, и осадилъ Звенигородъ со множествомъ войска; на первый день осады поженъ былъ острогъ, на другой Звенигородцы собрали войско и рѣшили сдаться, но не хотѣли сдаваться воевода, Владиміровъ бояринъ, Иванъ Халдѣевичъ; чтобъ настрашать гражданъ, онъ схватилъ у нихъ три челоуѣка, убилъ ихъ, и разсѣкши каждаго по поламъ, выбросилъ вонъ изъ города. Онъ достигъ своей цѣли: Звенигородцы испугались, и съ тѣхъ поръ начали биться безъ лести. Видя это, Всеволодъ рѣшился взять городъ приступомъ; на третій день все войско двинулось на городъ; бились съ зари до поздняго вечера, зажгли городъ въ трехъ мѣстахъ; но граждане утушили пожаръ. Всеволодъ принужденъ былъ снять осаду и возвратился въ Кіевъ; какъ видно впрочемъ, продолженію войны много помѣшала болѣзнь его.

Относительно другихъ княжескихъ линій встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Всеволода Давидовича Городенскаго, въ 1146 году; послѣ него осталось двое сыновей, Борисъ и Глѣбъ, и двѣ дочери, изъ которыхъ одну великій князь Всеволодъ отдалъ за двоюроднаго брата своего Владиміра Давидовича, а другую Юрія Ярославича. Здѣсь въ первый разъ упоминается этотъ Юрій, сынъ Ярослава Святополчича, слѣдовательно представитель Изяславовой линіи; гдѣ онъ княжилъ, неизвѣстно. Полоцкіе князья воспользовались смутами, ослабившими племя Мономаховъ, и возвратились изъ изгнанія въ свою волость. Мы видѣли, что при Ярополкѣ княжилъ въ Полоцкѣ Василько Святославичъ; въ возвращеніи двохъ другихъ князей Полоцкихъ изъ изгнанія

записецъ упоминаетъ подъ 1139 годомъ. Ярославичи обѣихъ днѣй—Мономаховичи и Ольговичи теперь вмѣсто вражды входили въ родственные союзы съ Полоцкими: такъ Всеволодъ женилъ сына своего Святослава на дочери Васильда; а Изяславъ Мстиславичъ отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича. Въ днѣи Ярослава Святославича Муромскаго, умеръ сынъ его Святославъ въ 1144 году; его мѣсто заступилъ братъ его Ростиславъ, пославши сына своего Глѣба княжить въ Рязань.

Что касается до Новгорода, то легко предвидѣть, что при расприцахъ между Мономаховичами и Ольговичами въ немъ не могло быть спокойно. По изгнаніи Вячеслава Всеволодомъ изъ Кіева, при торжествѣ Ольговичей, Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять вовлекались въ междоусобіе, должны были поднять оружіе противъ великаго князя Кіевского, отъ котораго обязаны были зависѣть. Мы видѣли, что Юрій Ростовскій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане отказались поднять руки на великаго князя, какъ прежде отказались идти противъ Юрія; отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ князя; а между тѣмъ разсерженный Юрій взялъ Торжокъ. Въ такой крайности Новгородцы обратились ко Всеволоду, должны были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. поднять опять у себя всѣ потухшія было вражды. Новгородцы принуждены были дать клятву Святославу²²⁴; въ чемъ она состояла, неизвѣстно; но еще до пріѣзда Святослава въ Новгородъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, произведенномъ безъ сомнѣнія врагами Святослава, приверженцами Мономаховича. Святославъ не забылъ также враговъ своихъ, бывшихъ причиною его изгнанія, вслѣдствіе чего Новгородцы начали вставать на него на вѣчахъ, за его злобу, по выраженію лѣтописца. Святославу самому скоро наскучило такое положеніе; онъ пожелалъ сказать Всеволоду: «Тяжко мнѣ, братъ, съ этими людьми, не могу съ ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда.» Всеволодъ рѣшился отправить сына своего Святослава, и пожелалъ сказать объ этомъ Новгородцамъ известнаго уже намъ Ивана Войтинича; но, вѣроятно для того, чтобъ ослабить сторону Мономаховскую и приготовить сыну спокойное княженіе,

велѣлъ Войтищичу выпросить у Новгородцевъ лучшихъ кумѣ и прислать ихъ въ Кіевъ, что и было исполнено: такъ заточенъ былъ въ Кіевъ Константинъ Микулинничъ, который былъ посадникомъ прежде при Святославѣ и потомъ бѣжалъ къ Всеволоду Мстиславичу; въ слѣдъ за Константиномъ отосланы были въ оковахъ въ Кіевъ еще шестеро гражданъ. Но эти мѣры, какъ видно, только усилили волненія. На вѣчахъ начали бить Святославовыхъ пріятелей за его насилія; кумъ его, тысяцкий, дѣлъ ему знать, что собираются схватить и его; тогда Святославъ тихонько ночью убѣжалъ изъ Новгорода вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ; но Якуна схватили, привели въ Новгородъ вмѣстѣ съ братомъ Прокопиемъ, чуть не убили до смерти, раздѣли до нитки, и сбросили съ моста. Ему посчастливилось однако приобрести въ берегу; тогда уже больше его не стали бить, но взяли съ него 1000 гривенъ, да съ брата его сто гривенъ, и заточили обоихъ въ Чудь, приковавши руки къ шеѣ; но послѣ перевелъ ихъ къ себѣ Юрій Ростовскій и держалъ въ милости. Между тѣмъ епископъ Новгородскій съ другими послами пріѣхалъ въ Кіевъ и сказалъ Всеволоду: «Дай намъ сына твоего, а Святослава брата твоего не хотимъ.» Всеволодъ согласился и отправилъ къ нимъ сына Святослава; но когда молодой князь былъ уже на дорогѣ въ Черниговъ, Новгородцы перемѣнили мнѣніе, и объявили Всеволоду: «Не хотимъ ни сына твоего, ни брата никого изъ вашего племени, хотимъ племени Владимірова; дай намъ шурина твоего Мстиславича.» Всеволодъ, услыжавъ это требованіе, воротилъ епископа съ послами, и задержалъ ихъ у себя. Не желая передать Новгорода Владимірову племени, Всеволодъ призвалъ къ себѣ шурьевъ своихъ—Свитополка и Владиміра, далъ имъ Брестъ, и сказалъ: «О Новгородъ не хлюпчите, пусть ихъ сидятъ одни, пусть берутъ себѣ князя, какъ хотятъ.» 9 мѣсяцевъ сидѣли Новгородцы безъ князя, что они не могли терпѣть, по выраженію летописца; притомъ не сдѣлалась дороговизна, хлѣбъ не шелъ къ нимъ ни откуда. При такихъ обстоятельствахъ естественно унала сторона, такъ сильно дѣйствовавшая противъ Святослава, и воспрѣжествовала сторона противная; но эта сторона перемѣнила теперь направленіе: мы видѣли, что Юрій Ростовскій привялъ къ себѣ Якуна и держалъ его въ милости; въ Суздаль

дво бѣжаци и другіе пріятель Святослава и Якуна — Судила, Мажата, Страшко; ясно, что Юрій милостивымъ пріемомъ привлекутъ ихъ всѣхъ на свою сторону; теперь, когда сторона дѣхъ усилилась, и они были призваны въ Новгородъ, а Судила былъ избранъ даже посадникомъ, то легко понять, что они стали дѣйствовать въ пользу своего благодѣтеля Юрія, тѣмъ болѣе, что теперь не оставалось другаго средства, какъ обратиться къ послѣднему и вотъ Новгородцы послали за Юріемъ; тотъ самъ къ нимъ не поѣхалъ, а отправилъ сына своего Ростислава. Тогда Всеволодъ увидалъ, что ошибся въ своемъ расчетѣ, сильно разсердился на Юрія, захватилъ его городъ, Городецъ на Острѣ и другіе, захватилъ коней, рогатый скотъ, овецъ, всякое добро, какое только было у Юрія на югѣ; а между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ послалъ сказать сестрѣ своей, женѣ Всеволодовой: «выпроси у зятя Новгородъ Великій брату своему Святополку». Она стала просить мужа, и тотъ наконецъ согласился: разумѣется, но одна просьба жены заставила его согласиться на это: ему выгодноѣ было видѣть въ Новгородѣ шурина своего Мстиславича, чѣмъ сына Юрьева; притомъ изгнаніе послѣдняго въ пользу перваго усиливало еще больше вражду между Юріемъ и племянниками, что было очень выгодно для Всеволода. — Когда въ Новгородѣ узнали, что изъ Кіева идетъ къ нимъ Святополкъ Мстиславичъ съ епископомъ и лучшими людьми, задержанными прежде Всеволодомъ, то сторона Мстиславичей подвиглась опять, тѣмъ болѣе, что теперь надобно было выбрать изъ двухъ одно: удержать сына Юрьева, и войти во вражду съ великимъ княземъ и Мстиславичами, или принять Святополка и враждовать съ однимъ Юріемъ. Рѣшились на послѣднее: Святополкъ былъ принятъ, Ростиславъ отправленъ къ отцу, и Новгородъ успокоился. Таковы были внутреннія отношенія во время старшинства Всеволода Ольговича; обратимся теперь къ внѣшнимъ. Мы оставили Польшу подъ правленіемъ Болеслава III Кривоустаго; княженіе Болеслава было одно изъ самыхъ блистательныхъ въ Польской исторіи по удачнымъ войнамъ его съ Поморянами, Чехами, Нѣмцами. Мы видѣли также востоянную борьбу его съ братомъ Збигнѣвомъ, противъ котораго онъ пользовался Русскою помощію. Очень важно было для Руси, что дѣятельность этого энергическаго князя отвлекалась преимущественно на

западъ, сдерживалась домашнею борьбою съ братьевъ, и что современниками его на Руси были Мономахъ и сынъ его Мстиславъ, которые могли дать всегда сильный отпоръ Польскому случаю вражды съ ея княземъ: такъ кончилось ничѣмъ вмешательство Болеслава въ дѣла Волишскія, когда онъ принялъ сторону Изяславовой линіи, ему родственной. По смерти Мстислава Великаго, когда начались смуты на Руси, герой Польскій устарѣлъ, да и постоянно отвлекался западными отношеніями, а по смерти Болеслава усобицы между сыновьями его не только помѣшали имъ воспользоваться Русскими усобицами, но даже заставили ихъ дать мѣсто вмешательству Русскихъ князей въ свои дѣла. Болеславъ умеръ въ 1139 году, оставивъ пятерыхъ сыновей, между которыми начались тѣ же самыя родовыя отношенія, какія мы видѣли до сихъ поръ между князьями Русскими и Чешскими. Старшій изъ Болеславичей сидѣлъ на главномъ столѣ въ Краковѣ; меньшіе братья имѣли свои волости и назывались къ старшему только въ родовыхъ отношеніяхъ. Легко понять, какое слѣдствіе для Польши должны были имѣть подобныя отношенія между князьями, когда значеніе вельможъ усилло уже такъ усилиться. Владиславъ II, старшій между Болеславичами былъ самъ человѣкъ кроткій и миролюбивый; но не такъова была жена его, Агнесса, дочь Леопольда, герцога Австрийскаго. Нѣмецкой принцессѣ казались дикими родовыя отношенія между князьями, ея гордость оскорблялась тѣмъ, что мужъ не считался только старшимъ между братьями; она называла его полукняземъ и полумужчиною за то, что онъ терпѣлъ подлѣ себя столько равноправныхъ князей. Владиславъ поддался увѣщаніямъ и насмѣшкамъ жены: онъ началъ требовать дани съ вельможъ, принадлежавшихъ братьямъ, забирать города послѣднихъ и обнаруживалъ намѣреніе совершенно изгнать ихъ изъ Польши. Но вельможи и прелаты встали за младшихъ братьевъ; Владиславъ принужденъ былъ бѣжать въ Германію; старшинство принялъ второй послѣ него братъ, Болеславъ IV, Кудрый. Въ этихъ усобицахъ принималъ участіе Всеволодъ Ольговичъ, по родству съ Владиславомъ, за старшимъ сыномъ котораго Болеславомъ, была дочь его Звенислава или Велеслава. Въ 1142 году Всеволодъ посылалъ сына своего Святослава, двоюроднаго брата Изяслава Давидовича и Владимірка Галицкаго.

помощь Владиславу противъ меньшихъ братьевъ; Русскіе полки ю смасли Владислава отъ изгнанія; нашъ лѣтописецъ самъ признается, что они удовольствовались только опустошеніемъ страны, побравши въ плѣтъ больше мирныхъ, чѣмъ ратныхъ людей. Въ походѣ на Владимірка Владиславъ былъ въ войскѣ Всеволодомъ; въ 1145 году, на зовъ Владислава, не перестававшаго хлопотать о возвращеніи стола то на Русь, то у Нѣмцевъ, отправился на меньшихъ Болеславичей Игорь Ольговичъ съ братьями: въ средній земли Польской, говоритъ лѣтописецъ, встрѣнились они съ Болеславомъ Кудрявымъ и братомъ его Мечиславомъ (Мешко); Польскіе князья не захотѣли биться, пріѣхали къ Игорю въ поклономъ, и помирились на томъ, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владѣніе, а Игорю съ братьями дали городъ Визну²²⁶, послѣ чего Русскіе князья возвратились домой и привели съ собою большой полонъ; тѣмъ и кончились Польскія отношенія.—Шведскому князю, который въ 1142 году приходилъ въ 60 шнекахъ на заграничныхъ купцовъ, шедшихъ въ трехъ лодьяхъ, не удалось овладѣть послѣдними; купцы отбились отъ Шведовъ, убитыи у нихъ полтора ста человекъ.—Съ Финскими племенами продолжалась борьба по прежнему: въ 1142 году приходила Емь изъ Финляндіи и воевала область Новгородскую; но ни одного человекъ изъ нихъ не возвратилось домой: Ладожане истребили у нихъ 400 человекъ; въ слѣдующемъ году упоминается о походѣ Корълы на Емь. О Половецкихъ нашествіяхъ не встрѣчаемъ извѣстій въ лѣтописяхъ: подъ 1139 годомъ читаемъ, что приходила вся половецкая земля, всѣ князья Половецкіе на миръ; ходилъ къ нимъ Всеволодъ изъ Кіева и Андрей изъ Переяслава къ Малотину²²⁷ и помирились: разумеется миръ этотъ можно было только купить у варваровъ. По слѣдамъ видимъ, что Половцы участвуютъ въ походѣ Всеволода на Гамчъ.

Мы видимъ, что еще во время Галицкаго похода Игорь Ольговичъ упоминалъ объ обѣщаніи брата Всеволода оставить ему послѣ себя Кіевъ; въ 1145 Всеволодъ въ присутствіи братьевъ своихъ, родныхъ и двоюродныхъ, и шурина Изяслава Мстиславича, прямо объявилъ объ этомъ распоряженіи своемъ: «Владиміръ Мономахъ, говорилъ онъ, посадилъ послѣ себя на старшомъ столѣ сына своего Мстислава, а Мстиславъ брата своего

Ярополка: такъ и я, если Богъ меня возьметъ, отдаю Кіевъ тебѣ брату своему Игорю». Преемство Мстислава послѣ Мономаха и преемство Ярополка послѣ Мстислава нарушило въ глазахъ Ольговича старый порядокъ, по которому старшинство въ Кіевѣ принадлежали всегда самому старшему въ родѣ; такъ какъ Мономаховичи первые нарушили этотъ обычай въ пользу своего племени, то теперь онъ, Всеволодъ считаетъ себя въ правѣ поступить точно также, отдать Кіевъ послѣ себя брату; хотя Игорь и не былъ послѣ него самымъ старшимъ въ цѣломъ родѣ Ярославовомъ. Изяславъ Мстиславичъ сильно вооружился противъ этого распоряженія; но дѣлать было нечего, по нуждѣ цѣловалъ онъ крестъ, что признаетъ старшинство Игоря. Когда всѣ братья, продолжаетъ летописецъ, съѣли у Всеволода на съѣзѣхъ, то онъ началъ говорить: «Игорь! цѣлуй крестъ, что будешь любить братьевъ; а вы, Владиміръ, Святославъ и Изяславъ, цѣлуйте крестъ Игорю, и будьте довольны тѣмъ, что вамъ дастъ по своей волѣ, а не по нуждѣ.» И всѣ братья цѣловали крестъ. Когда въ 1146 году Всеволодъ больной возвратился изъ Галицкаго похода, то остановился подъ Вышгородомъ на островѣ велѣлъ позвать къ себѣ лучшихъ Кіевлянъ, и сказала имъ: «я очень боленъ; вотъ вамъ братъ мой Игорь, возьмите его себѣ въ князья;» тѣ отвѣчали: «возьмемъ съ радостію.» Игорь отправился съ ними въ Кіевъ, созвалъ всѣхъ гражданъ, и всѣ цѣловали ему крестъ, говоря, «ты намъ князь;» но они обманывали его, прибавляетъ летописецъ. На другой день повѣхалъ Игорь въ Вышгородъ, и Вышгородцы также цѣловали ему крестъ. Всеволодъ былъ еще все живъ: онъ послалъ зятя своего Болослава Польскаго къ Изяславу Мстиславичу, а боярина Мірослава Андреевича къ Давидовичамъ спросить: стоятъ ли онъ въ крестномъ цѣлованіи Игорю? и тѣ отвѣчали, что стоятъ. 1-го августа умеръ Всеволодъ, князь умный, дѣятельный, гдѣ дѣло шло объ его личныхъ выгодахъ, умѣвшій пользоваться обстоятельствами, но не разбиравшій средствъ при достиженіи цѣли.

Послѣ братнихъ похоронъ Игорь повѣхалъ въ Кіевъ, онъ созвалъ всѣхъ Кіевлянъ на гору, на дворъ Ярославовъ, и онъ всѣ присягнули ему. Но потомъ вдругъ собрались всѣ у Туровской божицы и послали сказать Игорю: «Князь! прѣзжай къ намъ». Игорь, вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ, повѣхалъ, оста-

повида съ дружиною, а брата Святослава послалъ на вѣче. Кіевляне стали жаловаться на тиуна Всеволодова, Ратшу, и на другаго тиуна Вышгородскаго, Тудора, говорили: «Ратша погубилъ у насъ Кіевъ, а Тудоръ Вышгородъ; такъ теперъ, князь Святославъ, цѣлуй крестъ намъ и съ братомъ своимъ, что если кого изъ насъ обидятъ, то ты разбирай дѣло». Святославъ отвѣчалъ: «Я цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насидія, будетъ вамъ тиунъ по вашей волѣ». Сказавши это, онъ сошелъ съ лошади, и цѣловалъ крестъ на вѣчѣ; Кіевляне также всѣ сошли съ лошадей, и цѣловали крестъ, говоря: «братъ твой князь и ты»; клялись и съ дѣтьми не мыслить зла ни противъ Игоря, ни противъ Святослава. Послѣ этого Святославъ, взявши лучшихъ мужей, поѣхалъ съ ними къ Игорю, и сказалъ ему: «Братъ! я поклялся имъ, что ты будешь судить ихъ справедливо и любить». Игорь сошелъ съ лошади, и цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на братней, послѣ чего князь поѣхалъ обѣдать. Но Кіевляне бросились съ вѣча на Ратшинъ дворъ грабить, и на мечниковъ: Игорь выслалъ къ нимъ брата Святослава съ дружиною, и тотъ едва утишилъ ихъ. Въ то же самое время Игорь послалъ сказать Изяславу Мстиславичу: «Брата нашего Богъ взялъ; стоишь ли въ крестномъ цѣлованіи?» Изяславъ не далъ отвѣта и даже не отпустилъ посла назадъ, потому что Игорь не сдержалъ обѣщанія, даннаго Кіевлянамъ, и тѣ послали сказать Изяславу въ Переяславль: «Поди, князь, къ намъ: хотимъ тебя». Изяславъ принялъ приглашеніе, собралъ своихъ ратныхъ людей, и пошелъ изъ Переяславля; когда онъ перешелъ Днѣпръ у Заруба, то прислало къ нему все южнорусское варварское народонаселеніе, Черные Клобуки и всѣ жители пограничныхъ городовъ на рѣкѣ Роси (все Поросье); южнорусы говорили: «Ты нашъ князь; Ольговичей не хотимъ; ступай скорѣе, а мы съ тобою». Изяславъ пошелъ къ Дерново-ну и тутъ соединился съ нимъ всѣ Черные Клобуки и Поршане (жители городовъ по Роси); туда же прислали къ нему Блгородцы и Василевцы съ тѣми же рѣчами: «Ступай, ты нашъ князь, Ольговичей не хотимъ»; скоро явились новые послы изъ Кіева и сказали: «Ты нашъ князь, ступай, не хотимъ переходить къ Ольговичамъ точно по наслѣдству²⁴⁰; гдѣ увидимъ твой стягъ, тутъ и мы будемъ готовы съ тобою». Эти слова очень

важны: они показываютъ, что современники не были знакомы съ понятіями о наследственности въ одной линіи. Изяславъ собралъ все свое войско въ степи, христіанъ и поганыхъ, и сказалъ имъ: «Братья! Всеволода я считалъ по правдѣ братомъ старшимъ, потому что старшій братъ и зять мнѣ какъ отецъ; а съ этими какъ меня Богъ управитъ и сила крестная: либо голову свою положу передъ вами, либо достану столъ дѣдовскій и отцовскій». Сказавши это, онъ двинулся къ Кіеву, а между тѣмъ Игорь послалъ къ двоюроднымъ братьямъ своимъ, Давидовичамъ, спросить у нихъ, стоятъ ли они въ крестномъ дѣлованіи? Тѣ хотѣли дорого продать свою вѣрность клятвѣ, и запросили у него волостей много; Игорь, въ крайности, далъ имъ все, лишь бы только шли къ нему на помощь; и они отправились. Но еще важнѣе было для Игоря уладиться съ дружиною, привязать ее къ себѣ: онъ призвалъ къ себѣ главныхъ бояръ: Ульба, Ивана Войтишича, Лазаря Саковского, и сказалъ имъ: «Какъ были у брата моего, такъ будете и у меня»; а Ульбу сказалъ: «держи ты тысячу (т. е. будь тысяцкимъ), какъ у брата моего держалъ». Изъ этого видно, что при каждой перемѣнѣ князя бояре боялись лишиться прежняго значенія, и теперь Игорь спѣшитъ увѣрить ихъ, что они ничего не потеряютъ при немъ. Но Ольговичъ опоздалъ: эти бояре уже передались Изяславу; они могли видѣть всеобщее нерасположеніе къ Игорю, видѣть, что вся Русь становится подъ стягъ Мономахова внука, и спѣшили отстать отъ проиграннаго дѣла. Они послали сказать Изяславу: «Ступай, князь, скорѣе: идутъ Давидовичи Игорю на помощь». Кромѣ означенныхъ бояръ въ Святославовомъ полку передались на сторону Мстиславича Василь Полочанинъ и Мірославъ (Андреевич) внукъ Хиличь; они вѣтеромъ собирали Кіевлянъ и совѣтовались, какъ бы обмануть Игоря; а къ Изяславу послали сказать: «Ступай, князь: мы уговорились съ Кіевлянами; бросимъ стягъ Ольговича, и побѣдимъ съ полкомъ своимъ въ Кіевъ». Изяславъ подошелъ къ Кіеву и сталъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ у вала, подлѣ Надова озера; а Кіевляне стояли особо у Ольговой могилы огромною толпою. Скоро Игорь и все войско его увидали, что Кіевляне послали къ Изяславу и взяли у него тысяцкаго со стягомъ; а вслѣдъ за тѣмъ Берендѣи переѣхали чрезъ Лыбедь,

и захватили Игоревъ обозъ передъ Золотыми воротами и подъ огородами. Видя это, Игорь сказалъ брату Святославу и племяннику Святославу Всеволодичу: «Ступайте въ свои полки, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ»; велѣлъ ѣхать въ свои полки также и Ульбу тысяцкому съ Иваномъ Войтишичемъ. Но какъ скоро прѣехали они въ свои полки, то бросили стяги, и поскакали къ Жидовскимъ воротамъ. Ольговичъ съ племянникомъ не смутились отъ этого, и пошли противъ Изяслава; но имъ нельзя было проѣхать къ нему Надовымъ озеромъ; они пошли вѣрхомъ и попали въ самое невыгодное мѣсто между двумя канавами изъ озера и изъ сухой Лыбеди: Берендѣи заѣхали имъ въ задъ, и начали съчь ихъ саблями; а Изяславъ съ сыномъ Мстиславомъ и дружиною заѣхали съ боку; Ольговичи побѣжали, Игорь заѣхалъ въ болото, конь подъ нимъ увязъ, а идти онъ немогъ, потому что былъ боленъ ногами; братъ его Святославъ бѣжалъ на устьѣ Десны, за Днѣпръ, а племянникъ Святославъ Всеволодичъ прибѣжалъ въ Кіевъ, и спрятался въ Иринскомъ монастырѣ, гдѣ его и взяли; дружину Ольговича гнали до самага Днѣпра, до устья Десны и до Кіевского перевоза.

Изяславъ съ великою славою и честью вѣхалъ въ Кіевъ; множество народа вышло къ нему на встрѣчу; игумены съ монахами и священниками со всего Кіева въ ризахъ; онъ прѣехалъ къ св. Софїи, поклонился Богородицѣ и сѣлъ на столъ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Когда привели къ нему Святослава Всеволодовича, то онъ сказалъ ему: «Ты мнѣ родной племянникъ», и началъ водить его подлѣ себя; бояръ, вѣрныхъ Ольговичамъ, перехватили много—Данила Великаго, Юрья Прокопича, Ивора Юрьевича, внука Мірославова и другихъ, и пустили ихъ, взявши окупъ. Черезъ четыре дня схватили въ болотѣ Игоря и привели къ Изяславу; который сначала послалъ его въ Выдубицкій монастырь, а потомъ, сковавши, велѣлъ посадить въ Переяславскій Ивановскій; тогда же Кіевляне съ Изяславомъ разграбили дома дружины Игоревой и Всеволодовой, села, скотъ, взяли много имѣнья въ домахъ и монастыряхъ. Такимъ образомъ старшій столъ перешелъ опять въ родъ Мономаха, но перешелъ къ племяннику мимо двухъ дядей; причины этого явленія мы уже видѣли прежде: племянникъ Изяславъ личною доблестію превосходилъ дядей, былъ представителемъ Мономахова пле-

мени въ глазахъ народа. Самъ Изяславъ сначала не хотѣлъ нарушать право дяди Вячеслава; отправившись въ походъ противъ Игоря Ольговича, онъ объявилъ, что идетъ возвратитъ старшій столъ Вячеславу. Но дѣла перемѣнились, когда онъ дѣйствительно овладѣлъ Кіевомъ; если жители этого города заставили Мономаха нарушить старшинство Святославичей, то нѣтъ сомнѣнія, что они же заставили и внука его Изяслава нарушить старшинство дяди Вячеслава: желая избавиться отъ Ольговичей, они прямо послали къ Изяславу, ему говорили: «ты нашъ князь!» Послѣ увидимъ, что призывая его вторично къ себѣ, они прямо скажутъ ему, что не хотятъ Вячеслава; когда Юрій хотѣлъ было также уступить Кіевъ Вячеславу, то бояре сказали, что онъ напрасно это дѣлаетъ, ибо Вячеславу все равно не удержать же Кіева: таково было общее мнѣніе о старшемъ изъ Мономаховичей; Юрій подчинился этому общему мнѣнію, долженъ былъ подчиниться ему и племянникъ его Изяславъ. Но если Русь не хотѣла Вячеслава, признавая его неспособнымъ, то не такъ смотрѣли на дѣло собственные бояре Вячеславовы, которые управляли слабымъ княземъ, и хотѣли управлять Кіевомъ при его старшинствѣ. Послушавши бояръ, Вячеславъ сталъ распоряжаться какъ старшій: захватилъ города, которые отняты были у него Всеволодомъ²⁴¹; захватилъ и Владимиръ Волынской, и посадилъ въ немъ племянника, Владимира Андреевича, сына покойного Переяславскаго князя. Но Изяславъ поспѣшилъ увѣрить его, что не онъ старшій: онъ послалъ на дядю брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича; тѣ взяли у Вячеслава Туровъ, схватили въ немъ епископа Іоакима и посадника Жирослава. Въ Туровѣ посадилъ Изяславъ сына своего Ярослава, старшій сынъ его Мстиславъ съѣзъ въ Переяславль. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго Ростислава Смоленскаго: но вѣроятно этотъ князь не хотѣлъ мѣнять вѣрное на невѣрное и самъ отказался отъ Переяславля: здѣсь онъ безпрестанно долженъ былъ отбиваться отъ Черниговскихъ и отъ Половцевъ: притомъ украинское Переяславское княжество вѣроятно было бѣдище Смоленскаго; наконецъ въ предшествовавшія смуты Переяславль много потерялъ изъ прежняго своего значенія: мы видѣли, что Юрій Ростовскій отказался отъ него въ пользу млад-

шаго брата Андрея; дядя Вячеславъ въ пользу племянника Изяслава. — У племянника отъ сестры, Святослава Всеволодича, Изяславъ взялъ Владимиръ Волинскій, и вмѣсто того далъ ему пять городовъ на Волини²⁴². Города въ землѣ южныхъ Дреговичей, которые Всеволодъ Ольговичъ роздалъ по братьямъ своимъ, остались за Давидовичами.

Такъ устроились дѣла въ собственной Руси; между тѣмъ Святославъ Ольговичъ съ малою дружиною прибѣжалъ въ Черниговъ, и послалъ спросить у двоюродныхъ братьевъ, Давидовичей, хотятъ ли они сдержать клятву, которую дали пять дней тому назадъ? Давидовичи отвѣчали, что хотятъ. Тогда Святославъ, оставя у нихъ мужа своего Коснятка, поѣхалъ въ свои волости уставляя людей, то есть взять съ нихъ присягу въ вѣрности, сперва въ Курскъ, а потомъ въ Новгородъ Сѣверскій. Но какъ скоро Святославъ уѣхалъ, Давидовичи начали думать втайнѣ отъ его боярина; Коснятко, узнавъ, что они замышляютъ схватить Святослава, послалъ сказать ему: «Князь! думаютъ о тебѣ, хотятъ схватить: когда они за тобой придутъ, то не ѣзди къ нимъ.» Давидовичи боялись, что теперь Ольговичи, лишенные надежды получить волости на западной сторонѣ Днѣпра, будутъ добиваться волостей Черниговскихъ, и положили соединиться съ Мстиславичемъ противъ двоюродныхъ братьевъ; они послали сказать Изяславу: «Игорь какъ до тебя былъ золъ, такъ и до насъ: держи его крѣпко;» а къ Святославу послали сказать: «Ступай прочь изъ Новгорода Сѣверскаго въ Путивль, а отъ брата Игоря отступись.» Святославъ отвѣчалъ: «Не хочу ни волости, ничего другаго, только отпустите мнѣ брата;» но Давидовичи все настаивали: «цѣлуй крестъ, что не будешь ни просить, ни искать брата, а волость держи.» Святославъ заплакалъ и послалъ къ Юрію въ Суздаль: «Брата моего Всеволода Богъ взялъ, а Игоря Изяславъ взялъ; пойдѣ въ Русскую землю въ Кіевъ, помилосердуй, сыщи мнѣ брата; а я здѣсь, съ помощію Божіею, буду тебѣ помогать.» Въ самомъ дѣлѣ Святославъ дѣйствовалъ: послалъ къ Половецкимъ ханамъ, дядьямъ жены своей²⁴³, за помощію, и тѣ прислали ему немедленно 300 человекъ. Въ то же время прибѣжалъ къ нему отъ дяди изъ Муромъ Владимиръ Святославичъ, внукъ Ярославовъ: мы видѣли, что по смерти Святослава Ярославича

въ Муромѣ сълзъ братъ его Ростиславъ, а въ Рязань послалъ сына своего Глѣба; это уже самое распоряженіе обижало сына Святослава Владиміра, который, неполучивъ, быть можетъ, и вовсе волостей, прибѣжалъ теперь къ Святославу Ольговичу: въ слѣдъ за нимъ прибылъ въ Новгородъ Сѣверскій и другой изгнанникъ—Иванъ Ростиславичъ Галицкій, который носитъ названіе Берладника: Молдавскій городъ Берладъ былъ, подобно Тмутаракани, притономъ всѣхъ бѣглецовъ, князей и простыхъ людей; Иванъ также находилъ въ немъ убѣжище и дружину²⁴⁴. Между тѣмъ Давидовичи спѣшили кончить дѣло съ опаснымъ Ольговичемъ; по словамъ лѣтописца, они говорили: «Мы начали злое дѣло; такъ уже окончимъ братоубійство: пойдемъ, искоренимъ Святослава, и переймемъ волость его;» они видѣли, что Святославъ употребить все средства для освобожденія брата; помнили, что и при жизни Всеволода Игорь съ братомъ не давали имъ покоя, требуя Чернигова и волостей его, и сдерживались только общаніемъ Кіева и волостей заднѣпровскихъ: а теперь—что будетъ ихъ сдерживать? отсюда понятна раздражительность Давидовичей. Они стали проситься у Изяслава идти на Святослава къ Новгороду Сѣверскому. Изяславъ ходилъ къ нимъ на съѣздъ, гдѣ порѣшили—Давидовичамъ вмѣстѣ съ сыномъ Изяславовымъ Мстиславомъ, Переяславцами и Берендѣями идти къ Новгороду Сѣверскому; Изяславъ сказалъ имъ: «Ступайте; если Святославъ не выбѣжитъ передъ вами изъ города, то осадите его тамъ; когда вы устанете, то я съ свѣжими силами приду къ вамъ, и стану продолжать осаду, а вы пойдете домой». Давидовичи отправились къ Новгороду, стали у вала и два раза приступали къ двумъ воротамъ; бились у нихъ сильно, какъ вдругъ получили вѣсть отъ Мстислава Изяславича, чтобъ не приступали безъ него къ городу, потому что такъ отецъ его велѣлъ. Давидовичи послушались, дождались Мстислава, и все вмѣстѣ пустили стрѣльцовъ своихъ къ городу, христіанъ и Берендѣевъ; и сами стали полками и начали биться; граждане были сильно стѣснены: ихъ втиснули въ острожные ворота, при чемъ они много потеряли убитыми и ранеными. Бой продолжался до самаго вечера, но городъ не былъ взятъ; осаждающіе отступили, стали въ селѣ Мелтековѣ, и пославши отсюда, заграбили стада Игоревы и Святославовы въ лѣсу по

рѣкъ Рахнѣ, кобылъ 3,000, да ковей 1.000; послали и по окрестнымъ селамъ жечь хлѣбъ и дворы.

Въ это время пришла вѣсть, что Юрій Ростовскій заключилъ союзъ съ Святославомъ и идетъ къ нему на помощь. Услыхавъ, что дядя поднялся на него, Изяславъ Мстиславичъ отправилъ степью гонца въ Рязань къ Ростиславу Ярославичу съ просьбою, чтобъ навалъ на Ростовскую область, и такимъ образомъ отвлекъ бы Юрія; Ростиславъ согласился: мы видѣли, что враждебный ему племянникъ находился у Святослава Ольговича, союзника Юріева, и ему слѣдовало вступить въ союзъ съ врагами послѣдняго; да и безъ того Ярославичи Муромскіе едва ли могли быть въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Ольговичамъ, изгнавшимъ отца ихъ изъ Чернигова. Юрій былъ уже въ Козельскѣ, когда узналъ, что Ростиславъ Рязанскій воюетъ его волость: это извѣстіе заставило его возвратиться, и отпустить къ Святославу только сына Ивана; когда тотъ пришелъ въ Новгородъ къ Святославу, то послѣдній далъ ему Курскъ съ волостями по рѣкѣ Сейму: какъ видно Ольговичъ рѣшился не щадить ничего, отдавать послѣднее, лишь бы только удержать въ союзѣ Юрія, и съ его помощію достигнуть своей цѣли, освободить брата. Отдавши половину волости Юрьевичу, Святославъ, по думѣ бояръ своихъ, попробовалъ еще разъ разжалобить Давидовичей, и послалъ священника своего сказать имъ: «Братья! землю мою вы повоевали, стада мои и братнія взяли, хлѣбъ пожгли и всю жизнь мою (все имѣнье, всѣivotы) погубили: теперь вамъ остается убить меня.» Давидовичи отвѣчали по прежнему, чтобъ оставилъ брата; Святославъ на это отвѣчалъ также по прежнему: «Лучше мнѣ помереть, чѣмъ оставить брата; буду искать его, пока душа въ тѣлѣ.» Давидовичи продолжали пустошить волости Ольговичей; взяли сельцо Игорево, гдѣ онъ устроилъ себѣ дворъ добрый; было тутъ въ погребахъ наготовлено много вина и меду и всякаго тяжелаго товару, желѣза и мѣди, такъ что нельзя было всего и вывезти; Давидовичи велѣли все это покласть на возы и потомъ велѣли зажечь дворъ и церковь св. Георгія и гумно, гдѣ было 900 головъ. Потомъ услыхавъ, что Изяславъ Мстиславичъ идетъ къ нимъ на помощь изъ Кіева, они пошли къ Путивлю, и приступили къ городу, пославши сказать жителямъ: «Не бейтесь; кня-

немся св. Богородицею, что не дадимъ васъ въ полонъ.» Но Путивльцы не послушались и крѣпко бились до тѣхъ поръ, пока пришелъ Изяславъ Мстиславичъ съ силою Кіевскою; тогда Путивльцы послали къ нему сказать съ поклономъ: «Мы тебя только дожидались, князь: цѣлуй намъ крестъ.» Изяславъ поцѣловалъ крестъ, и только вывелъ отъ нихъ прежняго посадника и посадилъ своего: этотъ поступокъ Путивльцевъ очень замѣчательнъ: онъ показываетъ довѣренность ко внуку Мономахову и недовѣріе ко внукамъ Святославовымъ у самихъ жителей Черниговскихъ волостей; неудивительно, что на той сторонѣ Дѣпра такъ не любили Святославичей. Въ Путивль Изяславъ и Давидовичи взяли дворъ Святославовъ, и все добро, какое нашли тамъ, раздѣлили на четыре части, взяли 500 берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; взяли всю утварь изъ церкви Вознесенія, и 700 человекъ рабовъ. Узнавши, что Путивль взятъ, имѣние его пограблено, и что Изяславъ идетъ на него, хотеть осадить въ Новгородѣ, Святославъ позвалъ на совѣтъ князей Ивана Юрьича, Ивана Ростиславича Берладника, дружину, Половцевъ дикихъ, дядей своихъ, и спрашивалъ, что дѣлать? Тѣ отвѣчали ему: «Князь! ступай отсюда, не мѣшкай; здѣсь тебѣ не при чемъ оставаться: нѣтъ ни хлѣба, ничего; ступай въ лѣсную землю: тамъ тебѣ близко будетъ пересылаться съ отцемъ своимъ Юріемъ.» Святославъ послушался и побѣжалъ изъ Новгорода въ Корачевъ съ женою и дѣтьми и съ женою брата своего Игоря; изъ дружины—одни пошли за нимъ, другіе оставили его.

Новгородцы Сѣверскіе дали знать Изяславу и его союзникамъ, что Святославъ убѣжалъ отъ нихъ; это извѣстіе сильно раздосадовало Давидовичей: они знали, что пока Святославъ будетъ на свободѣ, до тѣхъ поръ не перестанетъ отыскивать свободы брату; въ сердцахъ Изяславъ Давидовичъ сказалъ братьямъ: «Пустите меня за нимъ; если ему самому удастся уйти отъ меня, то жену и дѣтей у него отниму, имѣние его возьму!»—и, взявши съ собою три тысячи конной дружины, безъ воевъ, на легкѣ отправился въ погоню за Ольговичемъ, которому не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ или семью и дружину свою отдать въ плѣнъ, или голову свою сложить. Подумавъ съ союзными князьями. Половцами и дружиною, онъ вышелъ на встрѣчу къ Дави-

довичу, и разбилъ его. Изяславъ Мстиславичъ и Владиміръ Давидовичъ шли съ полками въ слѣдъ за Изяславомъ Давидовичемъ, и, остановившись въ лѣсу, сѣли было обѣдать, какъ вдругъ пригналъ къ нимъ одинъ мужъ съ вѣстію, что Изяславъ разбитъ Ольговичемъ. Эта вѣсть сильно раздосадовала Изяслава Мстиславича, который, по выраженію лѣтописца, былъ храбръ и крѣпокъ на рать; онъ выстроилъ свое войско и пошелъ на Святослава къ Корачеву; на дорогѣ встрѣчали его бѣглецы изъ дружины Изяслава Давидовича и присоединялись къ войску; самого Давидовича долго не было, наконецъ и онъ явился въ полдень; князья шли весь этотъ день до ночи, и остановились почевать не далеко отъ Корачева: а Святославъ, узнавъ о ихъ приходѣ, ушелъ за лѣсъ въ землю Вятичей. Тогда Изяславъ Мстиславичъ сказалъ Давидовичамъ: «Какихъ хотѣли вы волостей, тѣ я вамъ добылъ: вотъ вамъ Новгородъ Сѣверскій и все Святославовы волости; что же будетъ въ этихъ волостяхъ Игоревы — рабы, или товаръ какой, то мое; а что будетъ Святославовыхъ рабовъ и товара, то раздѣлимъ на части». — Урадившись такимъ образомъ, Изяславъ возвратился въ Кіевъ; а между тѣмъ Игорь Ольговичъ сильно разболѣлся въ тюрьмѣ, и прислалъ сказать ему: «Братъ! я очень болѣнъ, и прошу у тебя постриженія; хотѣлъ я этого, когда еще былъ княземъ; а теперь въ нуждѣ я сильно разболѣлся, и не думаю, что останусь въ живыхъ». Изяславъ сжалился и послалъ сказать ему: «Если была у тебя мысль о постриженіи, то ты воленъ; а я тебя и безъ того выпускаю для твоей болѣзни». Надъ Игоремъ розняли верхъ тюрьмы, и вынесли больнаго въ келью; восемь дней онъ не пилъ, ни ѣлъ, но потомъ ему полегчѣло, и онъ постригся въ Кіевскомъ Фодоровскомъ монастырѣ въ схимѣ.

Между тѣмъ въ землѣ Сѣверской и у Вятичей по прежнему шла война между Давидовичами и Ольговичами. Изяславъ Мстиславичъ, уходя въ Кіевъ, имѣлъ не осторожность оставить съ Давидовичами Святослава Всеволодовича, роднаго племянника Святославова, котораго выгоды были тѣсно связаны съ выгодами дяди, съ выгодами племени Ольговичей: окончательное пораженіе дяди Святослава, окончательное торжество Давидовичей отнимало у него навсегда надежду княжить въ Черниговѣ, на что онъ имѣлъ со временемъ полное право, какъ сынъ старшаго изъ Оль-

говичей. Вотъ почему онъ долженъ былъ поддерживать дядю, и точно вмѣсто преслѣдованія увѣдомлялъ его о движеніяхъ непріятельскихъ ²⁴⁶. Не смотря на отступленіе Ивана Берладника, который, взявши у Святослава 200 гривенъ серебра и 12 золота, перешелъ къ Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, дѣла Ольговича поправились, потому что Юрій Ростовскій прислалъ ему на помощь Бѣлозерскую дружину. Святославъ уже хотѣлъ идти съ нею на Давидовичей, какъ вдругъ опасно занемогъ сынъ Юрьевъ, Иванъ; Ольговичъ не поѣхалъ отъ больнаго, и дружины не отпустилъ. Давидовичи, съ своей стороны, услыхавъ, что Святославъ получилъ помощь отъ Юрія, не посмѣли идти на него, но созвавши лучшихъ Вятичей, сказали имъ: «Святославъ такой же врагъ и вамъ, какъ намъ: старайтесь убить его какъ нибудь обманомъ и дружину его перебить, а имѣнье его вамъ», — послѣ чего сами пошли назадъ. Двое сыновей Юрьевыхъ — Ростиславъ и Андрей дѣйствовали успѣшно съ другой стороны: заставили Рязанскаго князя Ростислава бѣжать къ Половцамъ: но въ это время умеръ братъ ихъ Иванъ у Святослава, который послѣ того перешелъ на устье рѣки Протвы. Сюда прислалъ утѣшать его Юрій: «Не тужи о моемъ сынѣ, велѣлъ онъ сказать ему; если этого Богъ взялъ, то другаго къ тебѣ пришлю»; тогда же прислалъ онъ и богатые дары Святославу — ткани и мѣха, дарилъ и жену его и дружину. (1146 г.)

Весною Юрій съ союзникомъ своимъ началъ наступательное движеніе: самъ вошелъ въ область Новгородскую, взялъ Торжокъ и землю по Мстѣ; а Святославъ пошелъ на Смоленскую волость, взялъ Голядей, на верховьяхъ Протвы, и обогатилъ дружину свою полономъ, послѣ чего получилъ зовъ отъ Юрія пріѣхать къ нему въ Москву, имя которой здѣсь впервые упомянуто. Святополкъ поѣхалъ къ нему съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и съ небольшою дружиною; Олегъ поѣхалъ напередъ и подарилъ Юрію барса (вѣроятно кожу этого звѣря). Дружески поздоровались Юрій съ Ольговичемъ, и начали пировать; на другой день Юрій сдѣлалъ большой обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его, Владиміра Рязанскаго и всю дружину. Но одними дарами дѣло не ограничилось: Юрій обѣщалъ Святославу прислать сына на помощь, и обѣщаніе было исполнено. Получивши также наемное войско отъ По-

ловцевъ, Святославъ началъ съ успѣхомъ наступательныя движенія: послалъ Половцевъ воевать Смоленскую волость, и они опустошили земли у верховьевъ Угры; тогда посадники Давидовичей бросились бѣжать изъ городовъ Вятичскихъ, и Святославъ занялъ послѣдніе; а между тѣмъ изъ степей пришли къ нему новыя толпы Половцевъ, да съ Сѣвера Глѣбъ, сынъ Юрія Ростовскаго. Изяславъ Давидовичъ не смѣлъ долѣе оставаться въ Новгородъ Сѣверскомъ, ушелъ къ брату Владиміру въ Черниговъ, и Давидовичи вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ отправили къ Ольговичу пословъ, которые должны были сказать ему: «Не жалуйся на насъ, будемъ всѣ за одно, позабудь нашу злобу; цѣлуй къ намъ крестъ, и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то все отдадимъ назадъ». Изъ этого видно, что Святославъ Всеволодовичъ уже успѣлъ снестись съ Давидовичами; безъ сомнѣнія онъ былъ здѣсь главнымъ дѣйствителемъ, тѣмъ болѣе, что прежнее усердіе его къ дядѣ Ольговичу давало ему возможность быть посредникомъ. Какъ видно, уже тогда между Давидовичами и Всеволодовичемъ положено было заманить Изяслава Мстиславича на восточный берегъ Днѣпра, потому что, прося мира и союза у Ольговича, Давидовичи въ то же время послали сказать Изяславу: «Братъ! Святославъ Ольговичъ занялъ нашу волость Вятичи: пойдемъ на него; когда его прогонимъ, то пойдемъ на Юрія въ Суздаль, и либо помиримся тамъ съ нимъ, либо будемъ биться». Изяславъ согласился; но Всеволодовичу нужно было прежде него быть на восточномъ берегу Днѣпра, чтобъ окончательно устроить свое дѣло; для этого онъ пріѣхалъ къ Изяславу и сталъ проситься у него въ Черниговъ: «Батюшка, говорилъ онъ, отпусти меня въ Черниговъ, тамъ у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьевъ, у Изяслава и Владиміра». — «И прекрасно ты это придумалъ, отвѣчалъ ему Изяславъ: ступай скорѣе». Всеволодовичъ поѣхалъ, и дѣло было окончательно улажено: уговорились перезвать Изяслава Кіевскаго на ту сторону Днѣпра и схватить его обманомъ, послѣ чего, видя медленность Кіевскаго князя, Давидовичи послали торопить его: «Земля наша погибаетъ, а ты нейдешь», велѣли сказать ему. Изяславъ созвалъ бояръ своихъ, всю дружину и Кіевлянъ, и сказалъ имъ: «Я уговорился съ братьями своими Давидовичами и Святославомъ Всеволодови-

чемъ: хотимъ пойти на дядю Юрія и на Святослава Ольговича къ Суздаю, за то, что дядя принялъ врага моего Святослава. Братъ Ростиславъ придетъ также къ намъ съ Смоленянами и Новгородцами». Кіевляне отвѣчали на это: «Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ²⁴⁶ не вѣрь и въ путь съ ними вмѣстѣ не ходи». Изяславъ отвѣчалъ: «Не лъзя: они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ, не могу никакъ отложить похода; собирайтесь». Тогда Кіевляне сказали: «Ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимірово племя рукъ поднять; вотъ еслабъ на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми». Изяславъ отвѣчалъ на это: «Тотъ будетъ добрый человекъ, кто за мною пойдетъ; набралось много такихъ добрыхъ людей, и онъ выступилъ съ ними въ походъ, оставивъ въ Кіевѣ брата Владиміра. Переправившись за Днѣпръ и ставши между Черниговскою и Переяславскою волостію, Изяславъ послалъ въ Черниговъ боярина своего Ульба разузнать, что тамъ дѣлается. Ульбъ скоро возвратился съ вѣстію, что Давидовичи и Всеволодовичъ оступили отъ него и соединились съ Ольговичемъ; тогда же Черниговскіе пріятель Изяслава прислали сказать ему: «Князь! не двигайся никуда съ мѣста: ведутъ тебя обманомъ, хотятъ убить, либо схватить вмѣсто Игоря; цѣловали крестъ Ольговичу, послали и къ Юрію съ крестомъ: задумали и съ нимъ на тебя».

Изяславъ возвратился, и отправилъ пословъ въ Черниговъ сказать Давидовичамъ: «Мы замыслили путь великій, и утвердились крестнымъ цѣлованіемъ, по обычаю дѣдовъ и отцевъ нашихъ; утвердимся еще, чтобъ въ походѣ послѣ не было никакой ссоры, никакого прешатствія». Тѣ отвѣчали: «Что это намъ безъ нужды еще крестъ цѣловать? вѣдь мы уже поклялись Изяславу; въ чемъ же провинились?» Посолъ сказалъ на это: «Какой жетуть грѣхъ еще крестъ поцѣловать по любви? то намъ на спасеніе». Но Давидовичи никакъ не соглашались; Изяславъ, отпуская посла, наказалъ ему, что если Черниговскіе не стануть въ другой разъ крестъ цѣловать, то скажи имъ все, что мы слышали; и вотъ посолъ объявилъ Давидовичамъ отъ имени своего князя: «Дошелъ до меня слухъ, что ведете меня обманомъ: поклялись Святославу Ольговичу схватить меня на дорогѣ, либо убить за Игоря; такъ, братья, было дѣло, или не такъ?» Давидовичи же

посла ничего отвѣчать на это; только молча переглядывались другъ съ другомъ; наконецъ Владиміръ сказалъ послу: «выйди вонъ, несиди; мы тебя онять позовемъ». Долго они думали вмѣстѣ, потомъ послали посла и велѣли ему передать Изяславу: «Братъ! точно мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу; жаль намъ стало брата нашего Игоря; онъ уже чернецъ и схимникъ, выпусти его, тогда будемъ подлѣ тебя вѣдять; развѣ тебѣ было бы любо, еслибъ мы брата твоего держали?» Въ отвѣтъ на это Изяславъ послалъ бросить имъ договорныя грамоты, при чемъ велѣлъ сказать: «Вы клялись быть со мною до самой смерти, и я отдалъ вамъ волости обонхъ Ольговичей; прогналъ съ вами Святослава, волость его вамъ добылъ, далъ вамъ Новгородъ и Путивль, имѣнье его мы взяли и раздѣлили на части, Игореве я взялъ себя; а теперь, братья, вы клятву свою нарушили, привели меня сюда обманомъ, хотѣли убить; да будетъ со мною Богъ и сила животворящаго креста, стану управляться какъ мнѣ Богъ дастъ». Тогда же Изяславъ послалъ сказать брату своему Ростиславу въ Смоленскъ: «Братъ! Давидовичи крестъ намъ кѣловали и думу думали идти вмѣстѣ на дядю нашего; но все обманывали, хотѣли убить меня; Богъ и сила крестная объявали ихъ умыселъ; а теперь уже, братъ, гдѣ было имъ думали идти на дядю, то уже не ходи, ступай сюда ко мнѣ; а тамъ наряди Новгородцевъ и Смоленанъ, пусть сдерживаютъ Юрія, и къ присяжникамъ своимъ пошли, въ Рязань и всюду». Распорядясь на счетъ брата Ростислава, Изяславъ послалъ въ Кіевъ къ другому брату Владиміру, къ митрополиту Климу и къ Лазарю тысяцкому, чтобъ они созвали Кіевлянъ на дворъ къ св. Софїи, и пусть тамъ посолъ его скажетъ народу княжеское слово и объявитъ обманъ Черниговскихъ. Кіевляне сошлись всѣ отъ мала до велика, и когда стали на вѣчъ, то посолъ Изяславовъ началъ говорить имъ: «Князь вашъ вамъ кланяется и велѣлъ вамъ сказать: я вамъ прежде объявлялъ, что задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давидовичами идти на дядю Юрія, и звалъ васъ съ собою въ походъ; но вы мнѣ тогда сказали, что не можете на Владимірово плеча рукъ поднять, на Юрія, а на Ольговичей однихъ пошли бы и съ дѣтьми; такъ теперь вамъ объявляю: Давидовичи и Всеволодичъ Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послали

и къ Юрію, а меня хотѣли или схватить, или убить за Игоря; но Богъ меня заступилъ и крестъ честной, что во мнѣ цѣловали. Такъ теперь, братья Кіевляне, чего сами хотѣли, что мнѣ обещали, то и сдѣлайте: ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь все отъ мала до велика: у кого есть конь, тотъ на конѣ, у кого нѣтъ, тотъ въ лодѣ. Вѣдь они не меня одного хотѣли убить, но и васъ всехъ искоренить». Кіевляне отвѣчали на это: «Ради, что Богъ сохранилъ тебя нанѣ отъ большой бѣды¹¹⁷; идемъ за тобой и съ дѣтьми». Но въ это самое время кто-то изъ толпы сказалъ: «По князе-то мы своемъ пойдѣмъ съ радостію; но прежде надобно вотъ о чемъ промыслить: какъ прежде при Изяславѣ Ярославичѣ злые люди выпустили изъ заточенія Всеслава, и поставили княземъ себѣ, и за то много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ не въ заточеніи, а въ Федоровскомъ монастырѣ; убьемъ его и пойдѣмъ къ Чернигову за своимъ княземъ; покончимъ съ ними». Народъ, услышавши это, бросился къ Федоровскому монастырю. Напрасно говорилъ имъ князь Владиміръ: «братъ мой не велѣлъ вамъ этого дѣлать, Игоря стерегутъ крѣпко; пойдѣмъ лучше къ брату, какъ онъ намъ велѣлъ». Кіевляне отвѣчали ему: «Мы знаемъ, что добромъ не кончатъ съ этимъ племенемъ, ни вамъ, ни намъ». Митрополитъ также ихъ удерживалъ, и Лазарь тысяцкій, и Рагуило, Владиміровъ тысяцкій; но они ничего не послушали, и съ воплемъ ягнулись на убійство. Тогда князь Владиміръ сѣлъ на коня и погналъ къ Федоровскому монастырю; на мосту не могъ онъ проѣхать за толпами народа, и повернулъ направо мимо Глѣбова двора; но этотъ крюкъ заставлялъ его потерять время; Кіевляне пришли прежде его въ монастырь, бросились въ церковь, гдѣ Игорь стоялъ у обѣдни и петалили его съ криками: «побейте! побейте!» Въ монастырскихъ воротахъ встрѣтился имъ Владиміръ; Игорь, увидавъ его, спросилъ: «Охъ, братъ! куда это меня ведутъ?» Владиміръ бросился съ лошади, и одѣлъ Игоря своимъ корзномъ, уговаривая Кіевлянъ: «Братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря!» Но толпа не слушала, и начали бить Ольговича; нѣсколько ударовъ пришлось и на долю Владиміра, который держался близко послѣдняго, защищая его. Владиміру однако, съ помощію боярина Михаила, удалось ввести Игоря въ дворъ своей матери, и затво-

рять за собою ворота. Не толпа; избивши Михаила, оторвавши на немъ крестъ съ щипами, выломала ворота, и, увидавши Игоря на стѣнѣхъ, разбила снаи, стащила съ нихъ Игоря и повергла его безъ чувствъ на землю; потомъ привязали ему веревку къ ногамъ и потащали съ Мстиславова двора, чрезъ Бабинъ торжокъ на княжь дворъ, и тамъ его прикончали; отсюда, положивши на дровни, повезли на Подоль и бросили на торгу. Владиміръ, услыхавъ, что тѣло Игоря лежитъ на торгу, послалъ туда двоихъ тысящнихъ, Лазаря и Рагуйла; тѣ пріѣхали и сказали Кіевлянамъ: «Вы уже убили Игоря, такъ похоронимъ тѣло его». Кіевляне отвѣчали: «Не мы его убили; убили его Давидовичи и Всеволодичъ, которые замыслили зло на нашего князя, хотѣли убить его обманомъ; но Богъ за нашего князя и св. Софія». Тогда Лазарь велѣлъ взять Игоря и положить въ Михайловской церкви, въ Новгородской божницѣ; а на другой день похоронили его въ Семеновскомъ монастырѣ.

Изяславъ стоялъ на верховьяхъ Супоя, на границахъ Черниговскаго княжества, когда пришла къ нему вѣсть объ убійствѣ Игоря; онъ заплакалъ и сказалъ дружинѣ: «Если бы я зналъ, что это случится, то отослалъ бы его подальше, и сберегъ бы его; теперь мнѣ неуйти отъ людскихъ рѣчей: стануть говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и не научалъ; Богъ разсудитъ дѣло». Дружина отвѣчала: «Нечего тебѣ заботиться о людскихъ рѣчахъ; Богъ знаетъ, да и всѣ люди знаютъ, что не ты его убилъ, а братья его; крестъ къ тебѣ цѣловали и потомъ нарушили клятву, хотѣли убить тебя». Изяславъ сказалъ на это: «Если уже такъ случилось, то дѣлать нечего: вѣзмъ намъ тамъ быть и судиться предъ Богомъ»; но все не пересталъ жаловаться на Кіевлянъ. — Между тѣмъ война продолжалась. Изяславъ, какъ видно, прежде всего успѣвшій овладѣть Курскомъ и городами по Сейму, чтобъ прервать связь Черниговскихъ съ Половцами: въ Курскѣ уже сидѣлъ оный его Мстиславъ, когда къ этому городу пришелъ Святославъ Ольговичъ съ Глебомъ Юрьичемъ. Мстиславъ объявилъ жителямъ Курска, что непріятель близко; тѣ отвѣчали точно также, какъ прежде Кіевляне отвѣчали отцу его: «ради биться съ дѣтми за тебя противъ Ольговичей, но на племя Владимірово, на Юрьевича не можемъ поднять рукъ». Услыхавъ

такой отвѣтъ, Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а жители Курска послали къ Глѣбу Юрьевичу и взяли у него себѣ посадника; какъ видно, Ольговичъ уступилъ и Глѣбу ту самую волость, т. е. Курскъ съ Посемьемъ, которую прежде отдалъ брату его Ивану; вотъ почему Глѣбъ посадилъ своихъ посадниковъ также по рѣкамъ Сейму и Вырю, гдѣ заключилъ союзъ со многими Половецкими ордами. Впрочемъ нѣкоторые города по Вырю остались вѣрны Изяславу, не смотря на угрозы Черниговскихъ, что они отдадутъ ихъ въ плѣнъ Половцамъ; одинъ изъ этихъ городовъ Вяхань съ успѣхомъ выдержалъ осаду; другой — Попашъ былъ взятъ. Услыхавъ о движеніи Черниговскихъ и Юрьевича, Изяславъ собралъ большое войско, полки дяди Вячеслава и Волинскію, и пошелъ къ Переяславлю, гдѣ пришелъ къ нему вѣсть отъ брата Ростислава, что тотъ уже на походѣ: «Подожди меня, велѣлъ сказать ему Ростиславъ: я Любечъ пожегъ, много воевалъ и зла Ольговичамъ много надѣлалъ; сойдемся вмѣстѣ, и посмотримъ, что намъ дальше дѣлать». Получивъ эту вѣсть, Изяславъ пошелъ потихоньку, поджидая брата, и сталъ на урочищѣ Черная Могила, куда пришелъ къ нему Ростиславъ съ полками Смоленскими. Оба брата стали думать съ дружиною и Черными Клобуками, куда бы имъ пойти теперь. Ростиславъ говорилъ: «Теперь Богъ насъ соединилъ въ одномъ мѣстѣ, а тебя избавилъ отъ великой бѣды: такъ медлить намъ нечего, пойдемъ прямо къ нимъ, гдѣ будетъ ближе, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ». Мнѣніе было принято, и князья пошли на Сулу. Когда въ станѣ Черниговскихъ князей узнали, что Изяславъ идетъ на нихъ, то большая часть Половцевъ покинула ночью станъ и ушла въ степь; оставленные Давидовичи и Ольговичи пошли къ Чернигову; Изяславъ хотѣлъ пересѣчь имъ дорогу у города Всеволожа²⁴⁶, но уже не засталъ здѣсь Черниговскихъ: они прошли Всеволожъ. Мстиславичи не пошли за ними дальше, но взяли нащипъ (разграбили) Всеволожъ, въ которомъ находились тогда жители изъ двухъ другихъ городовъ, какъ видно менѣе укрѣпленныхъ: мы уже видѣли этотъ обычай на украинѣ, по которому вдругъ города пустѣли при вѣсти о приближеніи непріятеля. Когда въ другихъ городахъ узнали, что Всеволожъ взятъ, то и они вдругъ опустѣли: жители ихъ бросились бѣжать изъ Чернигову²⁴⁷; Мсти-

славичи послали за ними въ погоню и нѣкоторыхъ перехватили, а другіе ушли; пустыя города Изяславъ велѣлъ зажечь. Только жители города Глѣбля не успѣли убѣжать, и счастливо отбились отъ Мстиславичей, которые пошли оттуда въ Кіевъ, сказавши дружинѣ своей—Кіевлянамъ и Смолнѣямъ: «Собирайтесь всѣ; когда рѣки установятся, тогда пойдемъ къ Чернигову, и какъ насъ съ ними Богъ управитъ». Поживши весело нѣкоторое время въ Кіевѣ, Мстиславичи рѣшили разлучиться; Изяславъ говорилъ Ростиславу: «Братъ! тебѣ Богъ далъ верхнюю землю: ты тамъ и ступай противъ Юрія; тамъ у тебя Смолняне, Новгородцы и другіе присяжники, удерживай съ ними дядю; а я здѣсь останусь, и буду управляться съ Ольговичами и Давидовичами». Ростиславъ отправился въ Смоленскъ.

Когда рѣки стали, то Черниговскіе начали наступательное движеніе: они послали дружину свою съ Половцами, и повоевали мѣста на правомъ берегу Днѣпра²⁵⁰; а союзникъ ихъ Глѣбъ Юрьевичъ занялъ Городецъ Остерскій, принадлежавшій прежде отцу его²⁵¹. Изяславъ послалъ звать его къ себѣ въ Кіевъ, и Глѣбъ сначала было обѣщался пріѣхать, но потомъ раздумалъ, потому что вошелъ въ сношенія съ Переяславцами, часть которыхъ была почемуто недовольна Изяславомъ или сыномъ его Мстиславомъ, княжившимъ у нихъ, и звала Глѣба, обѣщаясь предать ему городъ. Глѣбъ немедленно пошелъ на нихъ зовъ; на разсвѣтъ, когда Мстиславъ съ дружиною еще спалъ, пригнали къ нему сторожа и закричали: «Вставай, князь! Глѣбъ пришелъ на тебя!» Мстиславъ вскочилъ, собралъ дружину и выступилъ изъ города противъ Юрьича; оба, увидавъ другъ друга, не рѣшились вступить въ битву; Глѣбъ стоялъ до утра другаго дня; и возвратился; Мстиславъ же, соединясь съ остальною дружиною и Переяславцами, погнался за нимъ, настигъ, захватилъ часть его войска; но самому Глѣбу удалось уйти въ Городецъ. Изяславъ, услыжавъ объ этихъ попыткахъ противъ Переяслава, собралъ дружину, Берендѣевъ, и пошелъ къ Городцу; Юрьичъ послалъ обѣщать объ этомъ въ Черниговъ: «Идетъ на меня Изяславъ, померьте мнѣ!» велѣлъ онъ сказать тамошнимъ князьямъ; а между тѣмъ Изяславъ пришелъ и осадилъ Городецъ; не видя ни откуда помощи, Юрьичъ черезъ три дня поклонился Изяславу, и повернулся съ нимъ: какъ видно, тотъ оставилъ за нимъ отцов-

скій городъ. Но Глѣбъ не былъ за это ему благодаренъ: какъ скоро Изяславъ возвратился въ Кіевъ, онъ опять послалъ сказать Черниговскимъ: «Я по неволѣ цѣловалъ крестъ Изяславу: онъ обступилъ меня въ городъ, а отъ васъ не было помощи; но теперь опять хочу быть вмѣстѣ съ вами ³⁵²». Въ 1148 году Изяславъ наконецъ собралъ всю свою силу, взялъ полкъ у дяди Вячеслава и полкъ Владимирскій, призвалъ отрядъ Венгровъ на помощь, соединился съ Берендями, перешелъ Днѣпръ, и сталъ въ осьми верстахъ отъ Чернигова ³⁵³. Три дня стоялъ онъ подъ городомъ, дожидаясь, не выйдутъ ли Ольговичи и Давидовичи на битву, но никто не выходилъ; а онъ между тѣмъ велъ жечь всѣ ихъ села ³⁵⁴. Наскучивъ дожидаться, Изяславъ сталъ говорить дружинѣ: «Вотъ мы села ихъ пожгли всѣ, имѣнье взяли, а они къ намъ не выходятъ; пойдемъ лучше къ Любечу, гдѣ у нихъ вся жизнь». Когда Изяславъ подошелъ къ Любечу, то Давидовичи и Ольговичи съ Рязанскими князьями и Половцами явились также сюда и оба войска стали другъ противъ друга на берегамъ рѣки; Изяславъ выстроилъ войско и пошелъ было противъ Черниговскихъ, но рѣка помѣшала; только стрѣльцами съ обѣихъ сторонъ можно было стрѣляться черезъ нее. Ночью пошелъ сильный дождь, и Днѣпръ началъ вадуваться. Тогда Изяславъ началъ говорить дружинѣ и Венграмъ: «здесь эта рѣка мѣшаетъ биться, а тамъ Днѣпръ разливается: пойдемъ лучше за Днѣпръ». Только что успѣли перейти Днѣпръ, какъ на другой день ледъ тронулся; Изяславъ дошелъ благополучно до Кіева, но Венгры обломились на озерѣ и нѣсколько ихъ потонуло.

Не смотря однако на то, что походъ Изяслава, предпринятый съ такими большими сборами, кончился, повидимому, ничѣмъ, Черниговскіе не могли долго вести борьбы: опустошая села ихъ, Изяславъ действительно отнималъ у нихъ всю жизнь, по тогдашнему выраженію; ничѣмъ было содержать дружинъ, ничѣмъ было платить Половцамъ; жители городовъ не охотно помогали князьямъ въ ихъ усобицахъ; Юрій ограничился только присылкою сына, самъ не думалъ идти на югъ, а безъ даянъ силы Черниговскихъ вовсе не были въ уровеньъ съ силами Мстиславичей. Въ такихъ обстоятельствахъ они послали сказать Юрію: «Ты крестъ цѣловалъ, что пойдешь съ нами на Изяслава»

ва, и не пошелъ; а Изяславъ пришелъ, за Десною города наши пожегъ и землю повоевалъ; потомъ въ другой разъ пришелъ къ Чернигову, и села наши пожегъ до самаго Любеча, и всю жизнь нашу повоевалъ; а ты ни къ намъ не пошелъ, ни на Ростислава не наступилъ; теперь, если хочешь идти на Изяслава, такъ ступай, и мы съ тобою; если же не пойдешь, то мы будемъ правы въ крестномъ цѣлованіи: нельзя намъ однимъ гибнуть отъ рати». Не получивъ отъ Юрія благопріятнаго отвѣта, они обратились къ Изяславу Мстиславичу съ мирными предложеніями, послали сказать ему: «То бывало и прежде при дѣдахъ и при отцахъ нашихъ; миръ стоитъ до рати, а рать до мира; не жалуйся на насъ, что мы первые встали на рать: жаль было намъ брата нашего Игоря; мы того только и хотѣли, чтобъ ты выпустилъ его; а такъ какъ теперь онъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ и всѣмъ намъ быть, то Богъ всѣхъ насъ и разсудитъ; а здѣсь намъ до какихъ поръ губить Русскую землю? чтобъ намъ уладиться»? Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Братья! доброе дѣло Христіанъ блюсти; но вы всѣ вмѣстѣ совѣтовались, такъ и я пошлю къ брату Ростиславу, подумаемъ, и тогда пришлемъ отвѣтъ». — Немедленно отправилъ Изяславъ пословъ къ брату съ такими словами: «Присылали ко мнѣ братя — Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ: мира просятъ; а я съ тобою хочу посовѣтоваться, какъ намъ обоемъ будетъ годно; хочешь мира? хотя они и зло намъ сдѣлали, но теперь мира просятъ у насъ; но если хочешь войны—скажи, какъ хочешь, я на тебя во всемъ полагаюсь». Уже изъ этихъ словъ Ростиславъ могъ понять, что самъ старшій братъ хочетъ мира и потому велѣлъ отвѣчать ему: «Братъ! кланяюсь тебѣ; ты меня старше, ты какъ хочешь, такъ и дѣлай, а я всюду готовъ съ тобою; но если ты уже мнѣ дѣлаешь такую честь, спрашиваешь моего совѣта, то я бы такъ думалъ: ради Русскихъ земель и ради Христіанъ — миръ лучше; они встали на рать, но что взяли? а теперь, братъ, ради Христіанъ и всей Русской земли помирись, если только общаются, что за Игоря всякую вражду отложить, и впередъ не задумаютъ сдѣлать съ тобою того, что хотѣли прежде сдѣлать; если же не перестанутъ злобиться за Игоря, то лучше съ ними воевать, какъ Богъ управитъ». Получивъ этотъ отвѣтъ, Изяславъ послалъ къ Черни-

говскимъ епископа Българодскаго Феодора и Печерскаго игумена Феодосія съ боярами сказать имъ: «Вы мнѣ крестъ цѣловали, что вамъ брата Игоря не искать, но клятву свою нарушили, и много надѣлали мнѣ досадъ; но теперь я все это забываю для Русской земли и Христіанъ; если вы сами ко мнѣ пришли просить мира, и раскаиваетесь въ томъ, что хотѣли сдѣлать, то цѣлуйте крестъ, что отложите всякую вражду за Игоря, и не задумаете впередъ того, что прежде хотѣли сдѣлать со мною». Черниговскіе поклялись отложить вражду за Игоря, блюсти Русскую землю, быть всѣмъ за одинъ братъ; Курскъ съ Посемьемъ остались за Владиміромъ Давидовичемъ.

Въ это время явился къ Изяславу старшій изъ сыновей Юрія, Ростиславъ, котораго мы видѣли въ Новгородѣ; Ростиславъ объявилъ, что онъ разсорился съ отцемъ, который не хотѣлъ дать ему волости въ Суздальской землѣ, и потому онъ пришелъ къ Изяславу съ поклономъ: «Отецъ меня обидѣлъ, говоритъ Юрьевичъ Кіевскому князю, волости мнѣ не далъ: и вотъ я пришелъ сюда, поручивши себя Богу да тебѣ; потому что ты старше всѣхъ насъ между внуками Владиміра; хочу трудиться за Русскую землю и подѣл тебя ѣздить». Изяславъ отвѣчалъ ему: «всѣхъ насъ старше отецъ твой³⁵⁵, но онъ не умѣетъ съ нами жить; а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою всю и весь родъ свой имѣть въ правду, какъ душу свою; если отецъ тебѣ волости не далъ, такъ я тебѣ даю». И далъ ему тѣ пять городовъ, которые прежде держалъ Святославъ Всеволодичъ; кромѣ того Ростиславъ получилъ Городецъ Остерскій, гдѣ Изяславъ не хотѣлъ видѣть брата его Глѣба, которому послалъ сказать: «Ступай къ Ольговичамъ; ты къ нимъ пришелъ, такъ пусть тебѣ и дадутъ волость³⁵⁶». У этого Городца Остерскаго съѣхался осенью Изяславъ Мстиславичъ съ Давидовичами; Ростиславъ Юрьевичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Кіевскимъ княземъ; Ольговичи — ни дядя, ни племянникъ не пріѣхали. Изяславъ сказалъ Давидовичамъ: «вотъ братъ Святославъ и племянникъ не пріѣхали, а вы всѣ клялись мнѣ, что кто будетъ до меня золь, на того вамъ быть вмѣстѣ со мною; дядя мой Юрій изъ Ростова обижаетъ мой Новгородъ, дани у Новгородцевъ поотнималъ, по дорогамъ проѣзду имъ нѣтъ; хочу пойти и управиться съ нимъ либо миромъ, либо ратью; а вы крестъ цѣловали, что будете вмѣстѣ со мною».

Владимиръ Давидовичъ отвѣчалъ: «Это ничего, что братъ Святославъ и племянникъ твой не пріѣхали, все равно, мы здѣсь²⁹⁷; а мы всѣ клялись, что гдѣ твои будутъ обиды, такъ намъ быть съ тобою». Князья уладились, что какъ скоро ледъ станетъ на рѣкахъ, идти на Юрія къ Ростову: Изяславъ пойдетъ изъ Смоленска, а Давидовичи и Ольговичъ изъ земли Вятичей, и всѣмъ сойтись на Волгѣ. Послѣ ряду князья весело пообѣдали вмѣстѣ и разъѣхались. Возвратясь въ Кіевъ, Изяславъ сказалъ Ростиславу Юричу: «Ступай въ Бужскъ и побудь тамъ, постереги Русскую землю, пока я схожу на отца твоего, и помирюсь съ нимъ или какъ-нибудь иначе съ нимъ управлюсь».

Въ Кіевѣ оставилъ Изяславъ брата Владиміра, въ Переяславлѣ сына Мстислава, и пошелъ въ Смоленскъ къ брату Ростиславу, куда велѣлъ полкамъ идти за собою. Въ Смоленскѣ Мстиславичи провели вмѣстѣ время весело, пируя съ дружиною и Смолнянами, дарили другъ друга богатыми дарами: Изяславъ дарилъ Ростислава товарами, которые идутъ изъ Русской земли и изъ всѣхъ царскихъ (греческихъ) земель, а Ростиславъ Изяслава товарами, которые шли изъ верхнихъ (сѣверныхъ) земель и отъ Варяговъ. Готовясь къ войнѣ, братья пытались однако кончить дѣло мирными переговорами, и отправили посла къ дядѣ Юрію; но тотъ, вмѣсто отвѣта, задержалъ посла. Тогда, приказавши брату Ростиславу идти съ полками по Волгѣ и дожидаться при устьѣ Медвѣдицы, Изяславъ пошелъ съ небольшою дружиною въ Новгородъ. Новгородцы услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, сильно обрадовались, и вышли къ нему на встрѣчу, одни за день, другіе за три дня пути отъ города. Въ это время книжилъ въ Новгородѣ уже не братъ Изяславовъ Святополкъ, но сынъ Ярославъ: Изяславъ велѣлъ имъ помѣняться волостями, вывелъ Святополка во Владимиръ Волинскій изъ Новгорода «злобы его ради», какъ говоритъ Новгородскій летописецъ. Въ воскресенье вѣхалъ Изяславъ въ Новгородъ съ великою честію; встрѣченъ былъ сыномъ Ярославомъ и болярами, и поѣхалъ съ ними къ св. Софіи къ обѣдни; послѣ обѣдни, князья послали подвойскихъ и биричей кликать кличь по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика: обѣдали весело, и съ честію разошлись по домамъ. На другой день въ понедѣльникъ послалъ Изяславъ на Ярославовъ дворъ,

велѣлъ звонить къ вѣчу, и когда сошлись Новгородцы и Псковичи на вѣче, то онъ сказалъ имъ: «Братья! сынъ мой я въ присылали ко мнѣ жаловаться, что дядя мой Юрій обижаетъ васъ; и вотъ я, оставя Русскую землю, пришелъ сюда на него, для васъ, ради вашихъ обидъ; думайте, гадайте, братья, какъ на него пойти, и какъ — мириться ли съ нимъ, или ратью покончить дѣло?» Народъ отвѣчалъ: «Ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! рады съ тобою идти всюду мстить за свои обиды; пойдемъ всѣ; только одни духовные останутся Бога молить». И въ самомъ дѣлѣ Новгородцы собрали въ походъ всю свою волость, пошли Псковичи и Корѣла. Пришедши на устье Медвѣдицы, Изяславъ ждалъ брата Ростислава четыре дни; потомъ, когда Ростиславъ пришелъ съ полками Русскими и Смоленскими, то всѣ вмѣстѣ пошли внизъ по Волгѣ, пришли къ городу Константинову на устьѣ большой Нерли, и, не получая вѣстей отъ Юрія, стали жечь его города и села, и воевать по обѣимъ сторонамъ Волги; отсюда пошли къ Угличу и потомъ на устье Мологи. Здѣсь получили они вѣсть, что Владиміръ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ стоятъ въ землѣ Вятичей, ожидая, что будетъ между Юріемъ и Изяславомъ, и нейдутъ къ устью Медвѣдицы, какъ обѣщали; Изяславъ сказалъ при этомъ брату: «Пусть ихъ къ намъ нейдутъ; былъ бы съ нами Богъ», и отпустилъ Новгородцевъ и Русь воевать къ Ярославлю; когда тѣ возвратились съ большою добычею, то уже стало тепло, была Вербная недѣля, вода на Волгѣ и Мологѣ поднялась по брюхо лошади; оставаться долѣе было не лзя, и Мстиславичи пошли назадъ: Ростиславъ въ Смоленскъ, а Изяславъ въ Новгородъ, и оттуда въ Кіевъ; изъ дружины Русской одни пошли съ Ростиславомъ, а другіе куда кому угодно²⁵¹: этотъ походъ стоилъ Ростовской землѣ 7000 жителей, уведенныхъ въ плѣнъ войсками Мстиславичей. (1149 г.)

Въ Кіевѣ ждали Изяслава непріятныя вѣсти: бояре донесли ему на Ростислава Юрьича, будто тотъ много зла замыслилъ, подговорилъ противъ него Берендѣевъ и Кіевлянъ; если бы Богъ помогъ его отцу, то онъ пріѣхалъ бы въ Кіевъ, взялъ Изяславовъ домъ и семью: «отпусти его къ отцу, говорили бояре князю: это твой врагъ, держишь его на свою голову». Изяславъ немедленно послалъ за Юрьевичемъ, и когда тотъ

пріѣхалъ, то пришли къ нему. Изяславы бояре и сказали отъ имени своего князя: «Братъ! ты пришелъ ко мнѣ отъ отца, потому что отецъ тебя обидѣлъ, волости тебѣ не далъ; я тебя принялъ какъ брата, и волости тебѣ далъ, чего и родной отецъ тебѣ не далъ, да еще велѣлъ Русскую землю стеречь; а ты, братъ, за это хотѣлъ, если бы отцу твоему Богъ помогъ, въѣхать въ Кіевъ, взять мой домъ и семью?» Ростиславъ велѣлъ отвѣчать ему: «Братъ и отецъ! Ни на умъ, ни на сердцѣ у меня того не было; если же кто донесъ на меня тебѣ, князь ли который, то я готовъ съ нимъ перевѣдаться; мужъ ли который изъ христіанъ или поганыхъ, то ты старше меня, ты меня съ нимъ и суди». Изяславъ велѣлъ сказать ему на это: «Суда у меня ты не проси; я знаю, ты хочешь меня поссорить съ христіанами или съ погаными; ступайка къ отцу своему». Ростислава посадили въ барку только съ четырьмя отроками, и отправили вверхъ по Днѣпру; дружину его взяли, а имѣнье отняли. Ростиславъ, пришедши къ отцу въ Суздаль, ударилъ передъ нимъ челомъ, и сказалъ: «Я слышалъ, что хочеть тебя вся Русская земля и Черныя Клобуки; жалуются, что Изяславъ и ихъ обезчестилъ, ступай на него». Эти слова могутъ показывать, что доносъ на Ростислава былъ основателенъ, что Ростиславъ сносился съ недовольными, или, по крайней мѣрѣ, они сносились съ нимъ. Юрій сильно огорчилъ позоръ сыновній; онъ сказалъ: «Такъ ии мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской землѣ!» собралъ силу свою, нанялъ Половцевъ и выступилъ въ походъ на племянника. Это рѣшеніе можно объяснить и не однимъ гнѣвомъ на позорное изгнаніе сына: мы видѣли, какъ медленно, нерѣшительно дѣйствовалъ до сихъ поръ Юрій, не смотря на то, что могъ надѣяться на успѣхъ, будучи въ союзѣ съ Черниговскими; теперъ же могъ онъ спѣшить на югъ, въ полной увѣренности, что найдетъ тамъ болѣе сильныхъ союзниковъ, послѣ того какъ Ростиславъ обстоятельно увѣдомилъ его о неудовольствіи гражданъ и варварскаго пограничнаго народонаселенія на Изяслава, если даже предположимъ, что самъ Ростиславъ и не былъ главнымъ виновникомъ этого неудовольствія.

Какъ бы то ни было, Юрій былъ уже въ землѣ Вятичей, когда Владиміръ Давидовичъ Черниговскій прислалъ сказать Изяславу: «Слѣдъ идетъ на тебя, приговляйся къ войнѣ». Изяславъ сталъ

собирать войско, и вмѣстѣ съ Давидовичами отправилъ пословъ въ Новгородъ Сѣверскій къ Святославу Ольговичу напомнить ему о договорѣ. Святославъ не далъ посламъ сначала никакого отвѣта, и задержалъ на цѣлую недѣлю, приставивъ сторожей къ ихъ шатрамъ, чтобъ никто не приходилъ къ нимъ; а самъ между тѣмъ послалъ спросить Юрія: «Въ правду ли ты идешь? скажи навѣрное, чтобъ мнѣ не погубить напраску своей волости». Юрій велѣлъ отвѣчать ему: «Какъ мнѣ идти въ правду? племянникъ приходилъ на меня, волость мою повоевалъ и пожегъ, да еще сына моего выгналъ изъ Русской земли, волости ему не далъ, осрамилъ меня; либо стыдъ этотъ съ себя сложу, за землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу». Получивъ отъ Юрія такой отвѣтъ, Святославъ не хотѣлъ прямо нарушить клятвы, данной прежде Изяславу, и чтобъ найти предлогъ, велѣлъ сказать ему чрезъ его же пословъ: «Возврати мнѣ братнино имѣніе, тогда буду съ тобою». Изяславъ немедленно отвѣчалъ ему: «Братъ! крестъ честный ты цѣловалъ ко мнѣ, что вражду всякую за Игоря и имѣнье его отложишь; а теперь, братъ, ты опять вспомнилъ объ этомъ, когда дядя идетъ на меня? либо соблюди клятву вполне, будь со мною;—а не хочешь, такъ ты уже нарушилъ крестное цѣлованіе. Я безъ тебя и на Волгу ходилъ, да 'развѣ мнѣ худо было? Такъ и теперь былъ бы со мною Богъ, да крестная сила». Святославъ соединился съ Юріемъ; они послали и къ Давидовичамъ звать ихъ на Изяслава; но тѣ отвѣчали Юрію: «Ты клялся быть съ нами, а между тѣмъ Изяславъ пришелъ, землю нашу повоевалъ и города наши пожегъ; теперь мы цѣловали крестъ къ Изяславу: не можемъ душою играть».

Юрій, видя, что Давидовичи не хотятъ быть съ нимъ, пошелъ на старую Бѣлувѣжу, и стоялъ тамъ мѣсяцъ, дожидаясь Половцевъ и покоренія отъ Изяслава; но, не получивъ отъ послѣдняго никакой вѣсти, пошелъ къ рѣкѣ Супою. Сюда пріѣхалъ къ нему Святославъ Всеволодичъ, по неволѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, не желая отступить отъ роднаго дяди, Святослава Ольговича; сюда же пришло къ Юрію и множество Половцевъ дикихъ. Тогда Изяславъ послалъ въ Смоленскъ сказать брату Ростиславу: «Мы съ тобой уговорились, что когда Юрій минуетъ Черниговъ, то тебѣ идти ко мнѣ; теперь Юрій Черниговъ уже миновалъ:

приходи, посмотримъ оба вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ». Ростиславъ двинулся съ полками къ брату; а Юрій подступилъ къ Переяславлю, все дожидаясь, что тутъ по крайней мѣрѣ Изяславъ пришлетъ къ нему съ поклономъ. Но тотъ не хотѣлъ кланяться дядѣ: «Если бъ онъ пришелъ только съ дѣтьми, говорилъ онъ, то взялъ бы любую волость; но когда привелъ на меня Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то хочъ съ нимъ биться». Изъ этихъ словъ ясно видно, что Изяславъ придумывалъ только предлоги; предлоги были нужны, потому что Кіевляне не хотѣли сражаться съ сыномъ Мономаховымъ и теперь, какъ прежде: если бъ даже и не было на югѣ того неудовольствія на Изяслава, о которомъ объявлялъ отцу Ростиславъ Юрьевичъ, то и тогда трудно было Кіевлянамъ поднять руки на Юрія, во-первыхъ, какъ на сына Мономахова, во-вторыхъ, какъ на дядю, старшаго, который по общему современному сознанию имѣлъ болѣе права, чѣмъ Изяславъ; притомъ же Кіевляне до сихъ поръ не имѣли сильныхъ причинъ враждовать противъ Юрія, и потому говорили Изяславу: «Миришь, князь, мы неидемъ». Изяславъ все уговаривалъ ихъ: «Пойдемте со мною; ну хорошо ли мнѣ съ съ нимъ мириться, когда я не побѣжденъ, когда у меня есть сила?» Кіевляне пошли наконецъ, по, разумѣется, не охотно, что не могло предвѣщать добра Изяславу, хотя силы его и были значительны: къ нему пришелъ Изяславъ Давидовичъ на помощь, пришелъ и братъ Ростиславъ съ большимъ войскомъ. Изяславъ рѣшился перейти Днѣпръ и приблизиться къ Переяславлю, подъ которымъ и встрѣтился съ дядиными полками; передовые отряды — Черные Клобуки и молодая дружина Изяслава имѣли дѣло съ Половцами Юрія, и отогнали ихъ отъ города; когда же сошлись главные полки, то цѣлый день стояли другъ противъ друга; только стрѣльцы съ обѣихъ сторонъ бились между ними; а въ ночь Юрій прислалъ сказать племяннику: «Братъ ²⁰⁰! ты на меня приходилъ, землю мою повоевалъ, и старшинство снялъ съ меня; а теперь, братъ и сынъ, ради Русской земли и христіанъ, не станемъ проливать христіанской крови, но дай мнѣ посадить въ Переяславѣ сына своего, а ты сиди себѣ царствуя въ Кіевѣ; если же не хочешь такъ сдѣлать, то Богъ насъ разсудитъ». Изяславу не понравилось это предложеніе, онъ задержалъ посла, и вывелъ все войско свое изъ города на поле.

На другой день, когда онъ отслушалъ обѣдню въ Михайловской церкви и уже хотѣлъ выйти изъ нея, епископъ Евѣмій со слезами сталъ упрасивать его: «князь! помирись съ дядею; много спасенія примешь отъ Бога, и землю свою избавишь отъ великой бѣды». Но Изяславъ не послушался; онъ надѣялся на множество войска, и отвѣчалъ епископу: «своею головою добылъ я и Кіевъ и Переяславль», и выѣхалъ изъ города. Опять до самыхъ вечеренъ стояли противные полки другъ противъ друга, раздѣленные рѣкою Трубежомъ; Изяславъ съ братьями, Ростиславомъ и Владиміромъ, и съ сыновьями, Мстиславомъ и Ярополкомъ, созвали бояръ и всю дружину, и начали думать, переправятся ли первымъ за Трубежь и ударить на Юрія? Мнѣнія раздѣлились: одни говорили Изяславу: «князь! не переправляйся за рѣку; Юрій пришелъ отнимать твои земли, трудился, трудился, и до сихъ поръ ни въ чемъ не успѣлъ, и теперь уже оборотился назадъ, въ ночь непременно уйдетъ; а ты, князь, не ѣзди за нимъ». Другіе говорили противное: «Ступай, князь! Богъ тебѣ отдастъ врага въ руки, нельзя же упускать его». Къ несчастію Изяславъ прельстился послѣднимъ мнѣніемъ, выстроилъ войско и перешелъ рѣку. Въ полдень на другой день переметчикъ поскакалъ изъ войска Юрьева, оттуда погнались за ними; сторожа Изяславовы переполошились, закричали: «рать!» и Мстиславичи повели полки свои впередъ; Юрій съ Ольговичами, увидавъ это движеніе, также пошли къ нимъ на встрѣчу, и, пройдя валъ, остановились; остановились и Мстиславичи, и опять дѣло кончилось одною перестрѣлкою, потому что когда наступилъ вечеръ, то Юрій оборотилъ полки, и пошелъ назадъ въ свой станъ. Изяславъ опять началъ думать съ братьями и дружиною, и опять мнѣнія раздѣлились; одни говорили: «не ходи, князь! пусти ихъ въ станъ; теперь вѣрно, что битвы не будетъ»; но другіе говорили: «уже они бѣгутъ передъ тобою; ступай скорѣе за ними!» И на этотъ разъ Изяславъ принялъ послѣднее мнѣніе, и двинулся впередъ; тогда Юрій съ Ольговичами возвратились, и устроили войска: сыновей своихъ Юрій поставилъ по правую, Ольговичей по лѣвую сторону. На разсвѣтъ 23-го августа полки сошлись, и началась злая сѣча: первые побѣжали Поршане (жители городовъ Поросскихъ, къ которымъ должно относить и Черныхъ Клубуковъ), за ними Изяславъ Давидовичъ, а за Давидовичемъ и Кіе-

яне; Переяславцы изменили: мы видѣли, что они и прежде сносились съ сыномъ Юрьевымъ, теперь снесли съ отцемъ, и во время битвы, не вступили въ дѣло, крича: «Юрій намъ князь свой, его было намъ искать издалека²⁶¹». Видя измену и бѣгство, дружины Мстиславичей смялись: въ началѣ дѣла Изяславъ съ дружиною схватился съ Святославомъ Ольговичемъ и съ половиною полка Юрѣва, проѣхалъ сквозь нихъ, и, будучи уже за ними, увидалъ, что собственные полки его бѣгутъ; тутъ онъ побѣжалъ и самъ, переѣхалъ Днѣпръ у Канева, и самъ-третьей явился въ Кіевъ. Измѣна Переяславцевъ и бѣгство Поршанъ всего лучше показываютъ справедливость извѣстія, принесеннаго отцу Ростиславомъ Юрьичемъ; да и кромѣ того несчастный исходъ битвы для Изяслава можно было предвидѣть: этотъ князь вступилъ въ борьбу за свои личныя права противъ всеобщаго нравственнаго убѣжденія; Кіевляне, уступая этимъ личнымъ правамъ, пошли за сыномъ Мстиславовымъ противъ Юрія, но пошли неохотно, съ видимымъ колебаніемъ, съ видимою внутреннею борьбою, а такое расположеніе не могло дать твердости и побѣды.

На другое утро Юрій вошелъ въ Переяславль, и пробывъ здѣсь три дня, отправился къ Кіеву, и сталъ противъ Михайловскаго монастыря, по луку. Мстиславичи объявили Кіевлянамъ: «Дядя пришелъ: можете ли за насъ биться»? Тѣ отвѣчали: «Господа наши князья! не погубите насъ до конца: отцы наши и братья и сыновья, одни взяты въ плѣнъ, другіе избиты и оружіе съ нихъ снято, возьмутъ и насъ въ полонъ; побѣжайте лучше въ свою волость; вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; гдѣ потомъ увидимъ ваши стяги, будемъ готовы съ вами». Услыхавъ такой отвѣтъ, Мстиславичи разѣхались—Изяславъ во Владимиръ, Ростиславъ въ Смоленскъ; а дядя ихъ Юрій вѣхалъ въ Кіевъ: множество народа вышло къ нему на встрѣчу, съ радостью великою, и сѣлъ онъ на столѣ отца своего, хвала и слава Бога, какъ говоритъ лѣтописецъ. Прежде всего Юрій наградилъ своего союзника — Святослава Ольговича: онъ послалъ въ Черниговъ за Владиміромъ Давидовичемъ, и велѣлъ ему отдать Святославу Курскъ съ Посемьемъ, а у Изяслава Давидовича Ольговичъ взялъ землю южныхъ Дреговичей. Потомъ Юрій началъ раздавать волости сыновьямъ своимъ: старшаго сына Ростис-

слава посадилъ въ Переяславль, Андрея въ Вышгородъ, Бориса въ Бѣлгородъ, Глѣба въ Каневъ, Василька въ Суздаля.

Между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ, прїѣхавъ во Владимиръ, посла за помощью къ роднѣ³³³ своей — королю Венгерскому, князьямъ Польскимъ и Чешскимъ, прося ихъ, чтобъ сѣли на коней сами и пошли къ Кіеву, а если самимъ нельзя, то чтобъ отпустили полки свои съ меньшею братією или съ воеводами. Король Венгерскій, Гейза II-й сначала отказался, велѣлъ сказать Изяславу: «теперь у меня рать съ Императоромъ Греческимъ; когда буду свободенъ, то самъ пойду къ тебѣ на помощь, или полки свои отпущу». Польскіе князья велѣли отвѣчать: «Мы не далеко отъ тебя; одного брата оставимъ стеречь свою землю, а вдвоемъ къ тебѣ поѣдемъ»; Чешскій князь также отвѣчалъ, что готовъ самъ идти съ полками. Но Изяславу было мало однихъ обѣщаній; онъ опять отправилъ пословъ въ Венгрію, Польшу и Богемію, съ большими дарами; послы должны были говорить князьямъ: «Помоги вамъ Богъ за то, что взялись мнѣ помогать; садитесь, братья, на коней съ Рождества Христова». Тѣ обѣщались; и король Венгерскій послалъ десятитысячный вспомогательный отрядъ, велѣлъ сказать Изяславу: «отпускаю къ тебѣ полки свои, а самъ хочу идти на Галицкаго князя, чтобъ не дать ему на тебя двинуться; ты между тѣмъ управляйся съ тѣми, кто тебя обидѣлъ; когда у тебя войско истомится, то я пришлю новое, еще больше, или и самъ сяду на коня»; Болеславъ Польскій самъ поѣхалъ съ братомъ Генрихомъ, а Мечислава оставили стеречь землю отъ Пруссовъ. Между тѣмъ Изяславъ, приготавливаясь къ войнѣ, и зная теперь, какъ трудно идти противъ общаго убѣжденія въ правахъ дядей предъ племянниками, обратился къ старику Вячеславу, который сидѣлъ тогда въ Пересопницѣ³³⁴, и послалъ сказать ему: «Будь мнѣ вмѣсто отца, ступай, садись въ Кіевъ, а съ Юріемъ не могу жить; если же не хочешь принять меня въ любовь, и не пойдешь въ Кіевъ на столъ, тоя пожгу твою волость». Вячеславъ испугался угрозъ, и послалъ сказать брату Юрію: «Венгры уже идутъ; Польскіе князья сѣли на коней; самъ Изяславъ готовъ выступить: либо мирись съ нимъ, дай ему, чего онъ хочетъ, либо приходи ко мнѣ съ полками, защити мою волость; прїѣзжай, братъ, посмотримъ на мѣстѣ, что намъ Богъ дастъ — добро или зло; а если, братъ, не поѣдешь, то на немъ

не жалуйся». Юрій собралъ свое войско и выступилъ изъ Кіева съ дикими Половцами; а Изяславъ съ своими союзниками двинулся изъ Владимира. Въ Пересопницу къ Вячеславу собрались сперва племянники его—Ростиславъ и Андрей Юрьичи, потомъ пришелъ самъ Юрій, Владимірко Галицкій прислалъ свои полки, самъ также подвинулся къ границѣ, и тѣмъ наугаль Поляковъ и Венгровъ; страхъ Польскихъ князей еще увеличился, когда они получили вѣсть отъ брата, что Прусы идутъ на ихъ землю. Изяславу эта вѣсть была очень не по сердцу, потому что Поляки не могли теперь оставаться долѣе; положено было отъ имени союзныхъ князей послать къ Вячеславу и Юрію съ такими словами: «Вы намъ всѣмъ вмѣсто отцовъ; теперь вы заратились съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а мы по Богѣ всѣ христіане, братья между собою, и намъ всѣмъ надобно быть вмѣстѣ за одно; такъ мы хотимъ, чтобъ вы уладились съ своимъ братомъ и сыномъ. Изяславомъ, вы бы сидѣли въ Кіевѣ — сами знаете, кому изъ васъ приходится тамъ сидѣть, а Изяславу пусть останется Владимиръ да Луцкъ, и что еще тамъ его городовъ, да пусть Юрій возвратитъ Новгородцамъ всѣ ихъ данни». Вячеславъ и Юрій велѣли отвѣчать имъ: «Богъ помози нашему зятю королю, и нашему брату Болеславу, и нашему сыну Генриху, за то что между нами добра хотите; но если вы велите намъ мириться, то не стойте на нашей землѣ, животовъ нашихъ и селъ не губите; но пусть Изяславъ идетъ въ свой Владимиръ и вы всѣ ступайте также въ свои земли; тогда мы будемъ вѣдаться съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ». Союзники успѣли исполнить это требованіе, разъѣхались въ свои земли, а Мономаховичи начали улаживаться съ племянникомъ; дѣло остановилось за тѣмъ, что Изяславъ непременно хотѣлъ возвращенія всѣхъ даней Новгородцамъ, на что Юрій никакъ не соглашался: особенно уговаривалъ его не мириться Юрій Ярославичъ, правнукъ Изяслава I-го, котораго имя мы уже разъ прежде встрѣтили: не извѣстно, былъ ли этотъ Юрій обиженъ какъ-нибудь Изяславомъ, или просто думалъ найти свою выгоду въ изгнаніи Мстиславичей изъ Волыни. Какъ бы то ни было, дядя Юрій слушался его совѣтовъ, тѣмъ болѣе, что теперь союзники Изяславовы ушли и ему казалось, что не трудно будетъ управиться съ племянникомъ: «Прогоню Изясла-

ва, возьму всю его волость», говорилъ онъ, и двинулся съ братомъ Вячеславомъ и со всѣми своими дѣтьми къ Луцку. Двое старшихъ сыновей его, Ростиславъ и Андрей шли впередъ съ Половцами, и остановились почевать у Муравицы²⁰⁴; вдругъ ночью Половцы отъ чего-то переполошились, и побѣжали назадъ; но Андрей Юрьичъ, который находился на переди, не испугался и устоялъ на своемъ мѣстѣ, не послушался дружины, которая говорила ему: «Что это ты дѣлаешь, князь! повзжай прочь. осрамимся мы». Дождавшись разсвѣта, и вида, что всѣ Половцы разбѣжались, Андрей отступилъ къ Дубну къ братьямъ и Половцамъ, ожидавшимъ помощи отъ Юрія; потомъ услыжавъ, что Юрій идетъ, подступили всѣ къ Луцку, гдѣ затворился братъ Изяславовъ, Владиміръ. Когда они приближались къ городу, то изъ воротъ его вышелъ отрядъ пѣхоты, и началъ съ ними перестрѣливаться; остальные Юрьичи никакъ не думали, что Андрей захочетъ ударить на эту пѣхоту, потому что и стагъ его не былъ поднять: не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, говоритъ летописецъ, — искалъ онъ похвалы отъ одного Бога; и вотъ вдругъ онъ вѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскую толпу. дружина его за нимъ, и началась жаркая схватка. Андрей переломилъ копьѣ свое, и подвергся величайшей опасности: непріятельскіе ратники окружили его со всѣхъ сторонъ; лошадь подъ нимъ была ранена двумя копьями, третье попало въ сѣдло, а со стѣнъ городскихъ сыпались на него камни, какъ дождь; уже одинъ Нѣмецъ хотѣлъ просунуть его рогатиною; но Богъ спасъ его. Самъ Андрей видѣлъ бѣду, и думалъ: «будетъ мнѣ такая же смерть, какъ Ярославу Святополчичу»; помолился Богу, призвалъ на помощь св. Феодора, котораго память праздновалась въ тотъ день, вынулъ мечъ и отбился. Отецъ, дядя и всѣ братья обрадовались, увидя его въ живыхъ, а бояре отцовскіе осыпали его похвалами, потому что онъ дрался храбрѣе всѣхъ въ томъ бою. Конь его, сильно раненый, только успѣлъ вынести своего господина, и палъ: Андрей велѣлъ погребсти его надъ рѣкою Стыремъ. — Шестъ недѣль потомъ стоялъ Юрій у Луцка; осажденные изнемогли отъ недостатка воды; Изяславъ хотѣлъ идти къ нимъ на помощь изъ Владимира, но Галицкій князь загородилъ ему дорогу. Однако послѣдному, какъ видно, хотѣлось продолженія борьбы между Мономаховичами, а не окончательнаго торжества

одного соперника надъ другимъ; ему выгоднѣе было, чтобъ со-
сѣдняя Владимірская волость принадлежала особому князю; вотъ
почему когда Изяславъ прислалъ сказать ему: «Помири меня съ
дядею Юріемъ, я во всемъ виноватъ передъ Богомъ и передъ нимъ»,
то Владимірко сталъ просить Юрія за Изяслава. Юрій Ярославичъ
и старшій сынъ Юрія Долгорукаго, Ростиславъ питавшій ненависть
къ Изяславу за изгнаніе изъ Руси, не давали мириться; но второй
Юрьичъ, Андрей взялъ сторону мира, и началъ говорить отцу:
«Не слушай Юрія Ярославича, помирись съ племянникомъ, не
губи отчины своей». Вячеславъ также хлопоталъ о мирѣ; у
этого были свои причины: «Братъ! говорилъ онъ Юрію, мирись;
ты непомирившись прочь пойдешь, а Изяславъ мою волость
пожжетъ!» Юрій наконецъ согласился на миръ: племянникъ
уступилъ ему Кіевъ, а онъ возвратилъ ему всѣ дани Новгород-
скія. Изяславъ пріѣхалъ къ дядьмъ въ Пересопницу; и здѣсь
уговорились возвратитъ другъ другу все захваченное послѣ Пе-
реяславской битвы, какъ у князей, такъ и у бояръ ихъ. Послѣ
этого Юрій возвратился въ Кіевъ, и хотѣлъ было уступить этотъ
столъ по старшинству Вячеславу; но бояре отсовѣтовали ему:
«Брату твоему не удержать Кіева, говорили они: не достанется
онъ ни тебѣ, ни ему». Тогда Юрій вывелъ изъ Вышгорода сына
своего Андрея, и посадилъ тамъ Вячеслава.

Между тѣмъ (1150 г.) Изяславъ отправилъ бояръ своихъ и
тіуновъ искать въ Кіевѣ у Юрія имѣнья и стадъ, пограбленныхъ
на войнѣ; бояре также поѣхали отыскивать свое — одни сами,
другіе послали тіуновъ своихъ; но когда посланные опознали
свое, и начали требовать его назадъ, то Юрій не отдалъ, и воз-
вратились они ни съ чѣмъ къ Изяславу. Тотъ послалъ къ дядь-
мъ съ жалобою: «Исполните крестное цѣлованіе, а не хотите,
такъ я не могу оставаться въ обидѣ». Дядья не отвѣчали, и
Мстиславичъ снова вооружился, призываемый, какъ говорятъ,
Кіевлянами. Въ Пересопницѣ сидѣлъ въ это время вмѣсто Вя-
чеслава сынъ Юрія Глѣбъ, который стоялъ тогда выше города
на рѣкѣ Стублѣ въ шатрахъ; Изяславъ неожиданно пришелъ на
него, взялъ станъ, дружину, лошадей; Глѣбъ едва успѣлъ убѣ-
жать въ городъ, и послалъ съ поклономъ къ Изяславу: «Какъ
мнѣ Юрій отецъ, такъ мнѣ и ты отецъ, и я тебѣ кланяюсь: ты съ
моимъ отцемъ самъ вѣдаешься, а меня пусти къ отцу и кланись

Богородицей, что не схватишь меня, а отпустишь къ отцу: такъ я къ тебѣ самъ прїѣду и поклонюсь». Изяславъ поклялся, и хотѣлъ сказать ему: «Вы мнѣ свои братья, объ васъ и рѣчи нѣтъ; обижаетъ меня отецъ твой и съ нами не умѣетъ жить». Угостивъ Глѣба обѣдомъ, Изяславъ отправилъ его съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, который, проводивъ его за Корчеськъ, сказалъ ему: «Ступай, братъ, къ отцу; а эта волость отца моего и мѣсто по Горынь». Глѣбъ поѣхалъ къ отцу, а Изяславъ въ слѣдъ за нимъ отправился къ Чернымъ Клобукамъ, которые съѣхались къ нему всѣ съ большею радостью. Юрій до сихъ поръ ничего не зналъ о движеніяхъ Изяслава, и услыхавъ, что онъ уже у Черныхъ Клобуковъ, побѣжалъ изъ Кіева, переправился за Днѣпръ и сѣлъ въ своемъ городкѣ Остерскомъ; только что успѣлъ Юрій выѣхать изъ Кіева, какъ на его мѣсто явился старшій Вячеславъ, и расположился на дворѣ Ярославовомъ. Не Кіевляне, услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, вышли къ нему на встрѣчу большою толпою и сказали: «Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ сѣлъ на его мѣсто; но мы его не хотимъ; ты нашъ князь, поѣзжай къ св. Софїи, сядь на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ». Изяславъ, слыша это, послалъ сказать Вячеславу: «Я тебя звалъ на Кіевскій столъ, но ты тогда не захотѣлъ; а теперь, когда братъ твой выѣхалъ, такъ ты сядишь? Ступай теперь въ свой Вышгородъ». Вячеславъ отвѣчалъ: «хоть убей меня на этомъ мѣстѣ, не съѣду». Изяславъ въѣхалъ въ Кіевъ, поклонился св. Софїи, оттуда поѣхалъ на дворъ Ярославовъ со всѣми своими полками и со множествомъ Кіевлянъ; Вячеславъ въ это время сидѣлъ на сѣняхъ, и многіе начали говорить Изяславу: «князь! возьми его и съ дружиной»; а другіе уже начали кричать: «Подсѣчемъ подъ нимъ сѣни»; но Изяславъ остановилъ ихъ: «Сохрани меня Богъ, говорилъ онъ: я не убійца своей братьи; дядя мнѣ вмѣсто отца, я самъ пойду къ нему», — и, взявши съ собою немного дружины, пошелъ на сѣни къ Вячеславу, и поклонился ему. Вячеславъ всталъ, поцѣловался съ племянникомъ и когда оба сѣли, то Изяславъ сталъ говорить: «Батюшка! кланяюсь тебѣ, нельзя мнѣ съ тобою ридиться, видишь, какая сила стоитъ народу, много лиха противъ тебя замышляютъ; поѣзжай въ свой Вышгородъ, оттуда и будемъ ридиться». Вячеславъ отвѣчалъ: «Ты меня самъ, сынъ,

звалъ въ Кіевъ, а я цѣловалъ крестъ брату Юрію; теперь уже если такъ случилось, то Кіевъ тебѣ, а я поведу въ свой Вышгородъ», и, сошедши съ сѣней, уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ сѣлъ здѣсь, и послалъ сына Мстислава въ Каневъ, велѣвъ ему оттуда добыть Переяславля. Мстиславъ послалъ на ту сторону Днѣпра къ дружинѣ и къ варварскому пограничному народонаселенію, которое называлось Турпѣями, перезывал ихъ къ себѣ. Въ Переяславлѣ сидѣлъ въ это время Ростиславъ Юрьичъ; онъ послалъ къ отцу въ Городокъ за помощью, и когда тотъ прислалъ къ нему брата Андрея, то оставивъ послѣдняго въ Переяславлѣ, погнался за Турпѣями, настигъ ихъ у Днѣпра, перехваталъ и привелъ назадъ въ Переяславль. Между тѣмъ Юрій соединился съ Давидовичами и Ольговичами; а съ запада явился къ нему на помощь сватъ его ²⁶⁶ Владиміръ Галицкій. Услышавъ о приближеніи Владимірка, Изяславъ послалъ сказать сыну, чтобъ ѣхалъ къ нему скорѣе съ Берендѣями, а самъ съ боярами поѣхалъ въ Вышгородъ къ Вячеславу, и сказалъ ему: «Ты мнѣ отецъ; вотъ тебѣ Кіевъ, и какую еще хочешь волость возьми, а остальное мнѣ дай». Вячеславъ сначала отвѣчалъ на это съ сердцемъ: «А зачѣмъ ты мнѣ не далъ Кіева тогда, заставилъ меня со стыдомъ изъ него выѣхать; теперь, когда одно войско идетъ изъ Галича, и другое изъ Чернигова, такъ ты мнѣ Кіевъ даешь». Изяславъ говорилъ на это: «Я къ тебѣ посылалъ, и Кіевъ отдавалъ тебѣ, объявлялъ, что съ тобою могу быть, только съ братомъ твоимъ Юріемъ мнѣ нельзя управиться; но тебя люблю какъ отца, и теперь тебѣ говорю: ты мнѣ отецъ и Кіевъ твой, поѣзжай туда». Размягчили старика эти слова, любо стало, и онъ поцѣловалъ крестъ на гробъ Бориса и Глѣба, что будетъ мнѣтъ Изяслава сыномъ, а Изяславъ поклонился мнѣтъ его отцомъ; цѣловали крестъ и бояре ихъ, что будутъ хотѣть добра между обоими князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ. Изяславъ поклонился св. мученикамъ Борису и Глѣбу, потомъ отцу своему Вячеславу, и сказалъ ему: «Я ѣду къ Звенигороду противъ Владиміра; а ты, батюшка, самъ не трудись; отпусти только со мною дружину свою, самъ же поѣзжай въ Кіевъ, коли тебѣ угодно». Вячеславъ отвѣчалъ: «Всю дружину свою отпускаю съ тобою.»

Уладивши дѣло съ дядею, Изяславъ поѣхалъ опять въ Кіевъ, ударилъ въ трубы, созвалъ Кіевлянъ и пошелъ противъ Влади-

мірка: «кто ко мнѣ ближе, на того и пойду прежде», говорилъ онъ. Сначала Изяславъ сталъ у Звенигорода; потомъ, слыша о приближеніи Галичанъ, перешелъ къ Тумащу, куда пришли къ нему Черные Клобуки, затворивши женъ и дѣтей своихъ въ городахъ на Поросьи. На другой день на разсвѣтъ Изяславъ выстроилъ войско и повелъ его противъ Владимірка, который стоялъ у верховьевъ рѣки Ольшаницы; стрѣльцы начали уже перестрѣливаться черезъ рѣку, какъ вдругъ Черные Клобуки, увидавъ, что Галичанъ очень много, испугались, и стали говорить Изяславу: «Князь! сила у Владимірка велика, а у тебя дружины мало; какъ вздумаетъ онъ перейти черезъ рѣку, то намъ плохи придется; не погуби насъ, да и самъ не погибни; ты нашъ князь; когда силенъ будешь, и мы тогда съ тобою, а теперь не твое время, поѣзжай прочь». Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Лучше намъ, братья, помереть здѣсь, чѣмъ такой стыдъ взять на себя»; но Кіевляне начали тоже говорить, и побѣжали; Черные Клобуки бросились за ними къ своимъ вежамъ; оставшись съ одною дружиною, Изяславъ также пошелъ назадъ въ Кіевъ. Къ счастью его, Владимірко никакъ не могъ подумать, что противное войско побѣжало безъ битвы, рѣшъ это хитростію, и не велѣлъ своимъ гнаться за Изяславомъ, который поэтому благополучно доѣхалъ до Кіева; пострадалъ только задній отрядъ дружины, часть котораго была захвачена, а другая перебита Галичанами. Изяславъ засталъ въ Кіевѣ дядю Вячеслава; потолковавши другъ съ другомъ, они сѣли вмѣстѣ обѣдать, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Юрій со всѣми Черниговскими у Кіева, и уже множество Кіевлянъ поѣхали въ лодкахъ къ Юрію, а другіе стали перевозить его дружину на эту сторону. Видя это, Вячеславъ и Изяславъ сказали: «Теперь не наше время», и поѣхали изъ Кіева—Вячеславъ въ Вышгородъ, а Изяславъ во Владимиръ, занявши мѣста по рѣкѣ Горынѣ, и посадивши сына Мстислава въ Дорогобужѣ.

На другой день Владимірко Галицкій подошелъ къ Кіеву, и сталъ у Ольговой могилы; сюда пріѣхалъ къ нему Юрій со всѣми Черниговскими, и здоровались не сходя съ коней. Введя Юрія въ Кіевъ, Владимірко объѣхалъ всѣ святыни Кіевскія, былъ и въ Вышгородѣ у Бориса и Глѣба, и потомъ, разставшись пріятельски съ Юріемъ въ Печерскомъ монастырѣ, отправился назадъ въ Галичь. Услыхавъ объ его приближеніи, Мсти-

славъ Изяславичъ бросился бѣжать изъ Дорогобужа въ Луцкъ къ дядѣ Святополку; Владимірко, побравши города по Горынѣ, и отдавши ихъ Мстиславу Юрьичу, котораго взялъ съ собою изъ Кіева²⁶⁷, подошелъ было къ Луцку, но не могъ взять его, и ушелъ въ Галичъ, а Мстиславъ Юрьичъ остался въ Пересопницѣ; но скоро потомъ Юрій отдалъ этотъ городъ вмѣстѣ съ Туровомъ и Пинскомъ сыну Андрею, который и сѣлъ въ Пересопницѣ; цѣль этого перемѣщенія и предпочтенія Пересопницы Турову ясна: Андрей, самый храбрый изъ Юрьевичей, долженъ былъ оберегать границу со стороны Волыни, откуда Юрій ждалъ нападенія отъ племянника. Зимой Изяславъ прислалъ въ Пересопницу просить Андрея: «Братъ! помирн меня съ отцемъ: мнѣ отчины нѣтъ ни въ Венгріи, ни въ Польшѣ, а только въ Русской землѣ; выпроси мнѣ у отца волость по Горынѣ». Онъ послалъ въ Пересопницу какъ будто за этимъ, а между тѣмъ наказалъ послу разсмотрѣть хорошенько весь нарядъ Андреевъ и какъ городъ стоитъ: ему уже удалось разъ напасть здѣсь въ распахъ на брата Андреева Глѣба, тоже хотѣлось теперь сдѣлать и съ Андреемъ; но у этого было все крѣпко, и дружина большая. Не подозрѣвая хитрости, Андрей сталъ опять просить отца за Изяслава, но Юрій не хотѣлъ ничего дать племяннику; тогда Изяславъ сталъ думать: «дядя мнѣ волости не даетъ, не хочетъ меня въ Русской землѣ, а Владиміръ Галицкій, по его приказу, волость мою взялъ, да еще собирается придти на меня къ Владимиру», и, подумавъ такимъ образомъ, послалъ брата Владиміра сказать зятю своему, королю Венгерскому: «Ты мнѣ самъ говорилъ, что Владимірко не смѣетъ головы высунуть; но я выгналъ Юрія изъ Кіева, Юрій передо мною бѣгаетъ, а Владиміръ, согласившись съ Ольговичами, пришелъ, да погналъ меня изъ Кіева; теперь, братъ, исполни свое обѣщаніе, сядь на коня». Король немедленно собралъ всю свою силу и сѣлъ на коня, пославши сказать Изяславу: «Я ужъ выступилъ съ братомъ твоимъ Владиміромъ, выступай и ты; узнаетъ Владимірко, кого затронулъ!»

Но у Владимірка были пріятели въ Венгріи; они дали ему знать, что король идетъ на него, и Галицкій князь, бросивъ обозъ свой у Бѣльза, гдѣ стоялъ тогда, поскакалъ съ дружиною въ Перемишлю, гдѣ уже король началъ воевать. Владимірко

видѣлъ, что ему не лѣзя бороться съ Венграми, и началъ отпра-
 лать къ архіепископу, да еще къ двумъ епископамъ Венгер-
 скимъ и къ боярамъ съ просьбою, чтобъ уговорили короля во-
 вратиться, не жалѣлъ золота, и достигъ своей цѣли. Король
 послушался подкупленныхъ епископовъ и бояръ, и сталъ го-
 ворить: «Теперь уже не время воевать, рѣки замерзаютъ; вой-
 скова когда рѣки установятся, тогда пойдемъ опять». Отпуская Вла-
 димира Мстиславича въ Кіевъ, король наказалъ ему: «Отцу твоему
 и своему брату Изяславу поклонись и скажи ему: царь
 Греческій встаетъ ратью, и потому этою зимою и весной
 не лѣзя мнѣ сѣсть на коня для тебя; но твой щитъ и мой щитъ
 будутъ розно: если мнѣ самому не лѣзя, то помощь пошлю
 10,000, больше ли, сколько хочешь; а лѣтомъ, Богъ дастъ,
 въ твоей волѣ буду, отомстимъ за свои обиды». — Изяславъ
 выслушавъ эти рѣчи отъ Владиміра, отправилъ его назадъ въ
 Венгрію: «Братъ! говорилъ онъ ему: Богъ тебѣ помоги, ты
 потрудишься для моей и своей чести; ты былъ въ Венгріи у
 своего короля, вѣдаешь тамъ всю мысль ихъ и думу; такъ не
 рудиться бы тебѣ, братъ, и теперь, поѣхать туда опять для
 чести и своей». Владиміръ отвѣчалъ: «Я, братъ, этимъ не
 гочусь; для твоей чести и для чести брата Ростислава съ радос-
 стію поѣду». Владиміру было наказано говорить королю: «Если
 царь всталъ ратью и тебѣ самому нельзя пріѣхать ко мнѣ,
 то отпусти помощь, какъ обѣщался, а мнѣ Богъ поможетъ
 на Юрія, на Ольговичей и на Галицкаго князя; твоя обида—моя,
 а моя—твоя». Король отпустилъ съ Владиміромъ десятитысяч-
 ный отрядъ, съ которымъ Изяславъ и отправился опять къ Ки-
 еву, потому что звали его бояре Вячеславы, Берендѣи и Кіе-
 вяне. На дорогѣ у Пересопницы получивъ вѣсть, что Влади-
 мірко Галицкій идетъ за нимъ съ войскомъ, Изяславъ собралъ
 на совѣтъ дружину: «Князь! говорили бояре: самъ видишь, что
 намъ пришлось плохо: ты идешь на Юрія, а сзади за тобой
 идетъ Владиміръ; очень трудно будетъ намъ справиться!» Из-
 славъ отвѣчалъ имъ: «Вы за мною изъ Русской земли выжи-
 сь своихъ и животныхъ лишились, да и я своей дѣдины и от-
 чины не могу покинуть: либо голову свою сложу, либо отчину
 свою добуду и ваши всѣ животы; если нагонитъ меня Влади-
 міръ, то значитъ Богъ даетъ мнѣ съ намъ судъ; встрѣтитъ ли

нии Юрій, и съ тѣмъ судъ Божій вижу; какъ Богъ разсудитъ, ахъ и будетъ.»

Отпустивъ брата Святополка оберегать Владимиръ, Изяславъ пошелъ впередъ къ Дорогобужу съ братомъ Владиміромъ, сыномъ Мстиславомъ, съ княземъ Борисомъ Городенскимъ, внукомъ извѣстнаго Давида Игоревича, и съ Венграми. Дорогобужанцы вышли къ нему на встрѣчу, съ крестами и поклонились; Изяславъ сказалъ имъ: «вы люди дѣда моего и отца, Богъ вамъ помочъ»; Дорогобужанцы сказали на это: «Съ тобою, князь, чужеземцы, Венгры; какъ бы они не надѣлали зла нашему городу». Изяславъ отвѣчалъ: «я вожу Венгровъ и всякихъ другихъ чужеземцевъ не на своихъ людей, а на враговъ; не бойтесъ ничего». Миновавъ Дорогобужъ, Изяславъ перешелъ Горынь; жители Корсуни вышли къ нему также съ радостію и съ поклоненіемъ; Изяславъ миновалъ и ихъ городъ, не желая, какъ видно, мучать жителей приводомъ иноземной рати, и подавать поводъ къ враждебнымъ столкновеніямъ. Между тѣмъ Владимірко Галицкій соединился съ Андреемъ Юрьичемъ, котораго вызвалъ изъ Пересопницы, и скоро къ Изяславу пришла вѣсть, что князь Галицкій, Андрей Юрьичъ и Владиміръ Андреевичъ (изгой, младшаго изъ Мономаховичей) переправляются съ большими силами черезъ Горынь; когда Мстиславичи переправлялись черезъ рѣки Случъ и Ушу, то на противоположномъ берегу рѣчной уже показались непріятельскіе стрѣльцы, и стали биться объ рѣку; а иные поудалѣе перебирались даже съ одного берега на другой; одинъ изъ Галицкихъ стрѣлковъ былъ захваченъ, приведенъ къ Изяславу, и на спросъ: «Гдѣ твой князь?» отвѣчалъ: «Вотъ за городомъ Ушескомъ первый лѣсъ, гдѣ онъ остановился; узнавъ, что ты близко, непосмѣлъ пойти черезъ лѣсъ, говоритъ: какъ пойдешь сквозь лѣсъ, то нападутъ на насъ, а сила наша далеко вазади, подождемъ ее здѣсь». — Узнавъ это, Изяславъ сказалъ своимъ: «пойдемъ на него навздъ». Но дружина отвѣчала: «Князь! не лзя тебѣ на него идти, передъ тобою рѣка, да еще злая, какъ же ты хочешь на это вхаты? онъ же стоитъ лѣсомъ заложившись! Это уже ставъ теперь, а поѣзжай къ своимъ въ Кіевъ; гдѣ насъ Владимірко нагонитъ, тамъ и будемъ биться; самъ же ты такъ прежде говорилъ, что если и Юрій встрѣтится, то и съ нимъ будемъ

биться. А теперь, князь, не мѣшай, ступай: когда будешь на Тетереvъ, то вся тамошняя дружина къ тебѣ прїдетъ; а если Богъ дастъ, дойдешь до Бѣлгорода, то еще больше дружины къ тебѣ прїдетъ, больше будетъ у тебя силы.»

Изяславъ послушался, пошелъ впередъ, Владимїрко за нимъ; когда Изяславъ сталъ у Святославовой кривицы, то его стороны увидѣли Галицкіе огни; Изяславъ велѣлъ раскласть большіе огонь, чтобъ обмануть непрїтеля, а самъ въ ночь двинулся къ городу Мичьску, гдѣ встрѣтило его множество народа, съ береговъ Тетерева, съ криками: «Ты нашъ князь!» Перешедъ съ Тетерева, Изяславъ далъ себѣ и конямъ отдыхъ, и потомъ пошелъ ко Вздвигенску, гдѣ держалъ совѣтъ съ дружиною: «Владимїрко ѣдетъ за нами, говоритъ онъ, такъ скажите, здѣсь намъ остановиться и ждать его, или уже не жалѣть силъ, и ступить въ ночь дальше? если здѣсь остановимся и будемъ дожидаться Владимїра, то не дождаться бы намъ съ другой стороны Юрія: тогда будетъ намъ трудно; лучше уже по возможности не давать себѣ отдыха, ѣхать; какъ будемъ въ Бѣлгородѣ, Юрій непременно побѣжитъ; тогда мы побѣдемъ въ свой Кїевъ, а какъ въ сильный Кїевскій полкъ вѣдемъ, то уже и знать будутъ за меня биться; если же нельзя будетъ ѣхать на Бѣлгородъ, то побѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ, а какъ прїдемъ къ Чернымъ Клобукамъ и съ ними соединимся, то уже нечего намъ будетъ бояться ни Юрія, ни Владимїра». Венгры отвѣчали на это: «Мы у тебя гости; если надвѣнешься на Кїевлянъ, то тебѣ лучше знать своихъ людей; лошади подъ нами; добре дѣло, когда другъ прїбудетъ и новая сила, побѣдемъ въ ночь». Тогда Изяславъ сказалъ брату Владимїру: «Ступай ты напередъ къ Бѣлгороду; мы все отпустимъ съ тобою свою младшую дружину, и пойдѣмъ за вами въ слѣдъ; если прїдешь къ Бѣлгороду и станешь съ тобою биться, то ты дай намъ знать, а самъ бѣйся завтра до обѣда; я же между тѣмъ либо переѣду на Абрамовку, либо вѣду къ Чернымъ Клобукамъ, и, соединившись съ ними, пойду на Юрія къ Кїеву; а если ты займешь Бѣлгородъ, то дай намъ также знать, и мы къ тебѣ побѣдемъ». Владимїръ прїѣхалъ къ Бѣлгороду, а тамошній князь Борисъ Юрьичъ спокойно пировалъ на сѣнницѣ съ дружиною, да съ полами Бѣлгородскими: если бы мытникъ (сборщикъ податей) не устерелъ

не развелъ моста, то князя захватили бы. Владимірова дружина, подъѣхавъ къ мосту, затрубила въ трубы; Борисъ вскочилъ въ испугъ и ускакалъ съ дружиною изъ города, а горожане бѣжали къ мосту, кланяясь Владиміру и крича: «Ступай, князь, Борисъ бѣжалъ», и тотчасъ же опять навели мостъ. Съѣхавъ въ Бѣлгородъ, Владиміръ послалъ, какъ было улажено, гонца къ брату: «Я въ Бѣлгородъ въѣхалъ, а Борисъ выбѣжалъ; ничего не зналъ о моемъ приходѣ, и Юрій ничего не знаетъ: ступай скорѣе». Изяславъ тотчасъ же поѣхалъ къ нему, свѣта переправилъ полки черезъ мостъ, и оставивъ въ Бѣлгородѣ Владиміра на случай пріѣзда Галицкаго князя, самъ съ дружиною отправился къ Кіеву. Между тѣмъ Борисъ прибѣжалъ къ отцу съ вѣстью, что рать идетъ; Юрій былъ въ это время на княземъ дворѣ, въ испугъ не нашелся за что приняться, съѣлъ лодку, перешелъ на другой берегъ и спрятался въ Городкѣ, Кіевляне вышли съ радостію на встрѣчу къ Изяславу. Есть весьма вѣроятное извѣстіе, что Юрій поведеніемъ своимъ возбуждалъ у нихъ сильное негодованіе, разсердилъ и Черныхъ Клязмовъ, которые вмѣстѣ съ Кіевлянами и стали звать къ себѣ Изяславича. Перехвативши дружину Юрьеву, Изяславъ поѣхалъ къ св. Софіи, а оттуда на Ярославовъ дворъ, куда позвалъ къ себѣ Венгровъ и Кіевлянъ; было тутъ большое веселье: пировали Венгры, славные всадники, удивляли Кіевскій народъ своимъ искусствомъ въ ристаніи.

Между тѣмъ Владимірко и Андрей Юрьичъ, ничего не зная, жили у Мичьска, какъ вдругъ пришла имъ вѣсть, что Юрій въ Городкѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ; сильно раздосадовало это Владимірка, онъ сказалъ князьямъ Андрею и Владиміру Андреевичу: «Я понимаю, какъ это княжить свать мой: рать идетъ на него въ Волини, какъ объ этомъ не узнать? и вы, сыновья его, сидите одинъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ— какъ же вы не устерегли? если такъ княжите съ отцемъ своимъ, то управляйтесь сами, какъ хотите, а я не могу одинъ идти на Изяслава; онъ хотѣлъ вчера со мною биться, идучи на вашего отца, а на меня оборачиваясь; теперь же у него вся Русская дружина, я немогу одинъ на него ѣхать!» Причина изумительная въ самомъ дѣлѣ успѣха Изяславова заключалась не столько въ смелости Юрія и сыновей его, сколько во всеобщемъ не-

расположеніи къ нимъ народа, и въ стараніи многихъ вводити ихъ въ эту оплошность²⁶⁶.

Владимірко выполнилъ свою угрозу, оставилъ дѣло Юриемъ пошелъ назадъ въ Галичь; онъ хотѣлъ однако чѣмъ-нибудь вознаградить себя за походъ, и потому объявилъ жителямъ племени Мичьска: «дайте мнѣ серебра, сколько хочу, а не то возьму васъ на щить»; у нихъ не было столько серебра, сколько онъ запрашивалъ, и потому они принуждены были вынимать серебро изъ ушей женъ и дочерей своихъ, снимать ожерелья съ шеи, и слили все это и отдали Владимірку, который пошелъ отъ Галичи дальше и по всѣмъ городамъ на дорогѣ бралъ также серебро по самой своей граници; а сынъ Юрьевъ Андрей и племянникъ Владиміръ Андреевичъ поѣхали на устье Припети, и оттуда поѣхали отцу въ Городецъ Остерскій. Между тѣмъ Изяславъ, на другой же день, какъ вѣхалъ въ Кіевъ, послалъ сказать дядѣ Вячеславу: «Батюшка! кланяюсь тебѣ; если Богъ отца моего Моисея слава взялъ, то ты у меня отецъ, кланяюсь тебѣ; согрѣшилъ предъ тобою сначала тогда, а теперь каюсь; и снова, когда Богъ далъ побѣдить Игоря у Кіева, то я на тебѣ чести не пожелалъ же, и потомъ опять у Тумаща; но теперь, батюшка, и всемъ томъ каюсь передъ Богомъ и передъ тобою: если ты мой батюшка, простишь, то и Богъ проститъ; отдаю тебѣ, батюшка, Кіевъ, поѣзжай, сядь на столъ дѣда и отца своего!» Этими словами Изяславъ призналъ полное господство права по родовому старшинству, право дядей предъ сыновьями старшаго брата, право, противъ котораго ничего ни могли сдѣлать ни личное достоинство, ни уваженіе и любовь народа. Вячеславъ велѣлъ отвѣчать племяннику: «Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что на мнѣ честь положилъ, давно бы тебѣ такъ сдѣлать; если ты мнѣ честь воздалъ то и Богу честь воздалъ; ты говоришь, что я твой отецъ, а я тебѣ скажу, что ты мой сынъ; у тебя отца нѣтъ, у меня сына нѣтъ, ты мой сынъ, ты мой и братъ». Здѣсь старшій дядя ясно также выразилъ господствующее представленіе, что сыновья отъ старшаго брата считаются братьями дядьямъ своимъ, хотя и младшими. Дядя и племянникъ цѣловали крестъ, но не разлучались ни въ добръ, ни въ злѣ (1150 г.).

Послѣ ряду съ племянникомъ Вячеславъ вѣхалъ въ Кіевъ (1151 г.), и поклонившись св. Софїи, позвалъ къ себѣ на обѣдъ

дя своего Изяслава, всѣхъ Кіевлянъ и Венгровъ: и дядя и
 мянникъ оказали большую честь послѣднимъ, богато одарили
 съ сосудами, платьемъ, лошадьми, паволоками, и всякими да-
 ми. На другой день послѣ пира Вячеславъ послалъ сказать
 Изяславу: «Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что воздалъ мнѣ честь,
 съ отцу; а я вотъ тебѣ скажу: я уже старъ, и всѣхъ рядовъ
 не могу рядить; останемся оба въ Кіевѣ; а какой намъ придется
 съ рядить, между христіанами или погаными, то пойдемъ оба
 съ мѣсту; дружина и полки будутъ у насъ общіе, ты ими ряди;
 а намъ можно будетъ обоимъ ѣхать, оба побѣдемъ, а гдѣ
 князя, тамъ ты одинъ побѣдешь, съ моимъ полкомъ и съ сво-
 емъ». Изяславъ съ великою радостію и съ великою честію пок-
 нился отцу своему, и сказалъ: «Батюшка, кланяюсь тебѣ;
 съ мы уговорились, такъ намъ дай Богъ и быть до конца жи-
 вѣ». На третій день оба князя отпустили Венгровъ домой, и
 съ слѣдъ за ними отправили сына Изяславова Мстислава, кото-
 рый долженъ былъ сказать королю: «Ты намъ то сдѣлалъ, что
 не можешь сдѣлать только братъ родному брату, или сынъ отцу;
 а намъ Богъ быть съ тобою неразлучно во всемъ; гдѣ будетъ
 для насъ обида, тамъ дай намъ Богъ быть самимъ и мстить за твою
 обиду, или, если не самимъ, такъ братьямъ нашимъ и сыновьямъ;
 а намъ тебѣ нечѣмъ больше заплатить за твое добро, какъ
 только своею головою; теперь же докончи доброе дѣло: самого
 князя не зовемъ, потому что у тебя война съ Греками; но отпу-
 сти къ намъ войско на помощь, или такое же, какое теперь
 у тебя, а хорошо если и побольше, потому что Юрій силенъ: Да-
 видовичи и Ольговичи съ нимъ, и Половцы дикіе, которыхъ при-
 нимаютъ золотомъ; теперь, братъ, этою весною помоги намъ;
 а этою же весною мы управимся съ своимъ дѣломъ, то, пой-
 дешь съ войскомъ къ тебѣ на помощь, а если ты управишься съ
 своимъ дѣломъ, то будь намъ помощникъ; остальное все
 скажутъ тебѣ твои мужи и братъ твой Мстиславъ, какъ
 съ Богъ помогу, какъ встала за насъ вся Русская земля и
 князь Клобуки». Отрядивъ Мстислава въ Венгрію, Вячеславъ
 послалъ въ то же время бояръ своихъ въ Смоленскъ сказать
 Мстиславу Мстиславичу: «Братъ! Богъ соединилъ насъ съ тво-
 емъ братомъ, а съ моимъ сыномъ Изяславомъ; добывъ Русскую
 землю, онъ на мнѣ честь положилъ, посадилъ меня въ Кіевѣ; а

я, сынъ, тебѣ скажу: какъ мнѣ сынъ братъ твой Изяславъ, и ты; потрудись прїѣхать сюда къ намъ, чтобъ всѣмъ подумать о томъ, что впередъ дѣлать». Изяславъ, съ своей стороны, послалъ сказать Ростиславу: «Ты меня, братъ, не нуждаешь положить честь на дядѣ и на отцѣ; и вотъ Богъ привелъ меня опять въ Русскую землю, то я посажу дядю нашего въ Кіевѣ, для тебя и для всей Русской земли, теперь я скажу тебѣ: тамъ у тебя въ Новгородѣ сынъ твой сынъ же крестный Ярославъ, тамъ же у тебя и Смоленскъ; такъ урядивши все въ верхнихъ земляхъ у себя, прїѣзжай намъ сюда, посмотримъ вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ».

Изяславъ съ дядею не ошибались, призывая къ себѣ отовсюду союзниковъ: Юрій не думалъ оставлять ихъ въ покоѣ, и началъ сказать Давидовичамъ и Ольговичамъ: «Изяславъ уже въ Кіевѣ, ступайте ко мнѣ на помощь». Святославъ Ольговичъ выступилъ немедленно, соединился въ Черниговѣ съ Владимиромъ Давидовичемъ и на лодкахъ приплыли вмѣстѣ въ Городокъ къ Юрію. Но другой Давидовичъ, Изяславъ перешелъ на сторону Вячеслава и Изяслава: какъ видно этотъ Давидовичъ въ неволю былъ до сихъ поръ съ Юріемъ, на котораго сердился за отнятіе Дреговичскихъ земель въ пользу Святослава Ольговича. Скоро прїѣхалъ въ Кіевъ и Ростиславъ Мстиславичъ съ войсками Смоленскими; а между тѣмъ Юрій выступилъ съ союзниками изъ Городка, и сталъ у Днѣпра, при устьѣ рѣчки Радухи, куда пришло къ нему на помощь много дикихъ Половцевъ. Въ этотъ разъ Изяславъ былъ остороженъ, недалъ неприятельской войску переправиться чрезъ Днѣпръ, и потому съ обѣихъ сторонъ начали биться въ лодкахъ, отъ Кіева до устья Десны. Въ этой рѣчной битвѣ Юрій не могъ получить успѣха, потому что Изяславъ, по выраженію лѣтописца, дивно исхитрилъ свои лодки: гребцовъ на нихъ не было видно, видны были только одни весла, потому что лодки были покрыты досками, и на эти крышкѣ стояли ратники въ броняхъ и стрѣляли, а кормилъ было по двое на каждой лодкѣ: одинъ на носу, а другой кормилъ: куда хотять, туда и пойдуть, необорачивая лодки. Видя, что нельзя переправиться черезъ Днѣпръ противъ Кіева, Юрій съ союзниками рѣшили идти внизъ къ Витичевскому берегу; но, не смѣя пустить лодокъ мимо Кіева, пустили ихъ въ

Долобское озеро, оттуда волокли берегомъ въ рѣку Золотчу, и по Золотчѣ уже впустили ихъ въ Днѣпръ, а Половцы шли по лугу. Но Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ, съ Изяславомъ Давыдовичемъ, съ Городенскимъ княземъ Борисомъ, съ Киевлянами и Черными Клобуками шли рядомъ съ ними по западной сторонѣ Днѣпра, по нагорному берегу, а лодки плыли по рѣкѣ, такъ что когда войско Юрія достигло Витичевского брода, то уже тамъ стояла Киевская рать, и опять началась рѣчная битва на переправу. Тогда Юрій позвалъ къ себѣ союзниковъ и сказалъ: «Стоимъ мы здѣсь, и чего стоимся? лучше постараемся захватить у нихъ Зарубскій бродъ и перейти на ту сторону». Все согласилось, и отпустили къ броду сыновей Юрьевыхъ съ Доловцами, да Святослава Всеволодовича; а сами, выстроивши лодки, пошли подлѣ лодокъ берегомъ. Между тѣмъ передовойрядъ ихъ прѣхалъ къ Зарубскому броду, который стерегъ бояринъ Изяславовъ Шварнъ съ небольшою дружиною: Половцы, вида, что сторожей мало, бросились на лошадахъ и въ полномъ вооруженіи въ рѣку, подлѣ ихъ прикрытіемъ переѣхали. Русскіе въ лодкахъ; а Шварнъ испугался, и побѣжалъ къ своему князю; по замѣчанію летописца, вся бѣда произошла отъ того, что при бродѣ былъ не князь, а бояринъ, тогда какъ боярина не всѣ слушались. Переправившись чрезъ Днѣпръ, Юрьевичи послали сказать отцу: «Ступай скорѣе, мы уже перешли Днѣпръ; чтобъ не ударилъ на насъ однихъ Изяславъ?» Юрій пошелъ немедленно къ Зарубу, и также переправился. Получивъ вѣсть объ этой переправѣ, Мстиславичи возвратились въ Киевъ, и начали думать, что теперь дѣлать? Оба Мстиславича хотѣли идти на встрѣчу къ дядѣ и биться; но дружина всѣхъ князей не соглашалась; особенно отговаривали отъ этого Черные Клобуки, они говорили Изяславу: «Князь! нельзя намъ идти къ нимъ, потому что наши ратники не всѣ на коняхъ; если къ нимъ поѣдешь, а они передъ тобою поѣдутъ къ Руси; тогда тебѣ надобно будетъ оставить свою пѣхоту, и вѣхать за ними съ одною конницею. По нашему надобно вотъ что сдѣлать: пусть вы всѣ въ Киевъ, а къ намъ приставьте брата своего Владимира: мы поѣдемъ съ нимъ къ своимъ вежамъ, заберемъ скотъ, дѣтей, стада, и пойдёмъ тогда къ Киеву; побудьте тамъ только до вечера, мы къ вамъ придемъ непременно, хо-

тимъ за отца вашего Вячеслава, за тебя, за брата твоего Ростислава и за вашу братью головы свои сложить; либо чашу вашу отыщемъ, либо изобремъ съ вами, а Юрій не хотѣлъ. Мстиславичи съ дядею послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ, отрядили брата Владиміра за вежами съ Торками, Коуями, Берендѣями и Печенѣгами (имена варварскихъ народцевъ, слывшихъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ), а сами пошли къ Треполю, и, переночевавши здѣсь, въ солнечномъ восходѣ отправились къ Кіеву; въ городъ не вошли, а стали около него — Изяславъ Мстиславичъ передъ Золотыми воротами, Изяславъ Давидовичъ между Золотыми и Жидовскими воротами; Ростиславъ съ сыномъ Романомъ передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лядскихъ воротъ; Кіевляне конные и пѣшіе, стали между князьями. Скоро пришелъ и Владиміръ съ Черными Клобуками, съ вежами и стадами ихъ; союзники надѣлали вреда не меньше враговъ, вламывались въ монастыри, жгли села, огороды все посылки; Мстиславичи хотѣли Владиміру пойти съ Берендѣями, вежами и стадами къ Ольговой могилѣ и стать отъ нея до Ивановскаго огорода, и потомъ до Щековицы; а Коуи, Торки и Печенѣги стали отъ Золотыхъ воротъ до Лядскихъ, и потомъ до Клова, Берестова, Угорскихъ воротъ и Днѣпра. Такимъ образомъ князья, дружина, Кіевляне и Черные Клобуки рѣшили не ходить къ неприятелю на встрѣчу, но подпустить его къ себѣ и биться подъ Кіевомъ; Изяславъ говорилъ: «Если Богъ намъ поможетъ, отобьемъ ихъ, то вѣдь они не птицы: перелетѣвши Днѣпръ, долетятъ съестъ гдѣ-нибудь; а когда поворотятъ отъ насъ, тогда уже и Богъ насъ съ ними управитъ».

Но старикъ Вячеславъ прежде битвы хотѣлъ попытаться кончить дѣло миромъ; онъ сказалъ племянникамъ: «Теперь, братья, мы готовы биться; но вѣдь Юрій мнѣ братъ, хотя и младшій; хотѣлось бы мнѣ послать къ нему и свое старшинство оправить; когда намъ будетъ съ нимъ Божій судъ, то Богъ и правду призритъ.» Племянники согласились, и Вячеславъ, воззвавши къ себѣ своего боярина, сказалъ ему: «ступай къ брату Юрію, кланяйся ему отъ меня; а вы, братья и сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, слушайте, передъ вами отражаю; такъ ты вотъ что скажи отъ меня Юрію: я вамъ обоимъ, Изяславу и

ребѣ много разъ говорилъ: не проливайте крови христіанской, не губите Русской земли; васѣ удерживалъ отъ войны, о себѣ не заботился, что меня оба вы обидѣли, и не одинъ разъ; а ядѣ у меня полки есть и сила есть, Богъ мнѣ далъ; но я для Русской земли и для Христіанъ не поминалъ того, какъ Изяславъ, влуди битися съ Игоремъ, говорилъ: я Кіева не себѣ ищю, но отцу моему Вячеславу, онъ старшій братъ; а какъ Богъ ему помогъ, то онъ Кіевъ себѣ, да еще Туровъ и Пинскъ у меня отнялъ, — это меня Изяславъ обидѣлъ; а ты, братъ, влуди къ Переяславу битися съ племянникомъ, тоже говорилъ: я Кіева не себѣ ищю, есть у меня старшій братъ Вячеславъ, не равно мнѣ, что и отецъ, ему ищю Кіева; а какъ Богъ тебѣ помогъ, то и ты Кіевъ себѣ, да еще Пересопницу и Дорогобужъ у меня отнялъ, обидѣлъ меня, одинъ Вышгородъ мнѣ далъ; а я не всемъ томъ не искалъ управы, для Русской земли и для христіанъ, не передо мною въ васѣ правды не было, а передъ Богомъ; я еще и васѣ удерживалъ отъ войны, но вы меня не слушали; ты мнѣ тогда говорилъ: младшему не могу поклониться; но вотъ Изяславъ, хотя два раза слова своего не сдерживалъ, но то теперь, добывши Кіевъ, поклонился мнѣ, честь мнѣ воздалъ, въ Кіевѣ меня посадилъ, и отцомъ себѣ назвалъ, а я его иномъ; ты говорилъ: младшему не поклонюсь; а я тебя старше не мало, а много: я уже былъ бородатъ, когда ты родился^{***}; если же хочешь на мое старшинство поѣхать, то какъ насѣ Богъ разсудитъ.» Юрій отвѣчалъ на это: «я тебѣ, братъ, кланюсь, рѣчи твои правы: ты мнѣ вѣсто отца; но если хочешь ю мною рядиться, то пусть Изяславъ поѣдетъ во Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ, тогда мы съ тобою урядимся.» Вячеславъ послалъ опять сказать ему: «У тебя семеро сыновей, и я икъ отъ тебя не отгоняю, а у меня только два — Изяславъ и Ростиславъ, да еще другіе младшіе; я, братъ, тебѣ вотъ что скажу: для Русской земли и для христіанъ, ступай въ свой Переяславъ и въ Курскъ, съ сыновьями, а тамъ у тебя еще Ростиславъ Великій, Ольговичей отпусти домой, тогда и станемъ рядиться, а крови христіанской не будемъ проливать; если же хочешь пойти по своему замыслу, то этой Пречистой Госпожѣ съ Богомъ Своимъ и Богомъ нашимъ судитъ насѣ въ этотъ вѣкъ и въ будущій.» Говоря эти слова, Вячеславъ показывалъ на об-

разъ Богородицы, вистѣвшій на Золотыхъ воротахъ. Юрій, давши на это никакого отвѣта, на другой день явился съ войскомъ у Кіева и сталъ по ту сторону Лыбеди. Начали перестрѣливаться объ рѣку, и перестрѣливались до вечера, а нѣкоторые изъ войска Юрьева перешли Лыбедь; Андрей Юрьевичъ здѣсь, какъ прежде у Луцка, занесся впередъ и проскакалъ почти до самыхъ непріятельскихъ полковъ; одинъ Половецъ свалилъ подъ нимъ коня и воротилъ назадъ, браня своихъ, зачѣмъ всѣ отстали отъ князя. Изяславъ видя, что непріятельскіе отряды переезжаютъ Лыбедь, велѣлъ ударить на нихъ выборной всѣхъ полковъ дружинъ, которая и вмяла непріятеля въ рѣку, гдѣ онъ потерялъ много убитыми и взятыми въ плѣнъ; между прочими убили и Савенча Боняковича, дикаго Половчина, который хвастался: «хочу ударить мечемъ въ Золотыя ворота, какъ отецъ мой въ нихъ ударилъ»; послѣ этого ни одинъ человекъ уже не переезжалъ больше чрезъ Лыбедь. и Юрій, оборонивъ полки, пошелъ прочь: дали ему вѣсть, что свать его Владиміръ идетъ къ нему на помощь изъ Галича; такъ онъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Мстиславичи подѣхали къ дядѣ Вячеславу и сказали: «они прочь поѣхали, пойдемъ за ними;» но Вячеславъ удержалъ ихъ: «это уже начало намъ Божіей помощи», говорилъ онъ; они съюда пріѣхали и ничего не успѣли сдѣлать, только стыда добыли; а вамъ нечего спѣшить; Богъ дастъ наступимъ вечеромъ, а пожалуй даже и завтра, подумавши.» Тогда Изяславъ обратился къ Борису Городенскому и сказалъ ему: «Они вѣрно пойдутъ къ Бѣлгороду, ступайка, братъ, туда и боромъ;» и Борисъ отправился.

Юрій въ самомъ дѣлѣ подошелъ къ Бѣлгороду, и послалъ сказать гражданамъ: «вы мои люди: отворите мнѣ городъ.» Бѣлгородцы отвѣчали: «А Кіевъ тебѣ развѣ отворилъ ворота наши князья Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ.» Услыхавъ такой отвѣтъ, Юрій пошелъ дальше; а между тѣмъ Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ выступили за нимъ изъ Кіева, чтобъ предупредить соединеніе его съ Владиміромъ; равнодушнѣе Кіевлянъ или нежеланіе ихъ поднимать руки на Мономаховичей просили; они сказали Мстиславичамъ: «пусть идутъ всѣ, но можетъ хоть что-нибудь взять въ руки; а кто не пойдетъ, и дай намъ того, мы его сами побьемъ:» — такая ревность слу-

вить законъ сильнаго нерасположенія къ Юрію. Всѣ пошли къ радостию по своимъ князьямъ, говоритъ лѣтописецъ, на коняхъ и пѣши, многое множество. На дорогѣ Изяславъ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, который прислалъ сказать ему: «король, твой зять, отпустилъ къ тебѣ помощь, какой прежде не бывало, многое множество; я уже съ ними прошелъ горы; если мы будемъ тебѣ скоро надобны, то дай знать, мы скорѣе пойдемъ.» Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: «мы уже идемъ на судъ Божій, а вы намъ всегда нужны; ступайте, какъ можно скорѣе.» У рѣки Рута настигли Мстиславичи Юрія; мирныя переговоры, начатыя было снова, остались тщетными, потому что Давыдовичи и Половцы не дали мириться: понятно, что тѣ и другіе много теряли съ примиреніемъ всѣхъ Мономаховичей. Юрію же хотѣлось вступить въ битву до прихода Владимірка: та же самая причина заставляла Изяслава какъ можно скорѣе начать враженіе. Когда всѣ уже были готовы, вдругъ мгла покрыла все поле, такъ что можно было видѣть только до конца копья, потомъ пошелъ дождь, къ полудню туманъ разсѣялся, и враги увидали, что озеро раздѣляетъ ихъ; Юрій отступилъ, перешелъ рѣчку Малый Рутецъ, и остановился на ночь; Мстиславичи съ идеею не отставали отъ него, и остановились ночевать на перекрѣ стѣнъ отъ непріятельскихъ шатровъ. На другой день на зарѣ въ станѣ у Юрія ударили въ бубны, затрубили въ трубы, воины стали готовиться къ бою; скоро тѣ же звуки раздались и въ станѣ Мстиславичей. Выстроивши полки, Юрій съ сыновьями и союзниками пошелъ на верхъ Рутца, Мстиславичи также двинулись противъ него; но Юрій, дошедши до верховьевъ Рутца, возвратилъ полки и пошелъ къ Большому Руту: онъ не хотѣлъ биться, но хотѣлъ зайти за Руть, и тамъ дожидаться Владимірка. Мстиславичи, увидавъ его отступленіе, послали въ слѣдъ за нимъ стрѣльцовъ своихъ, Черныхъ Клобуковъ в Русь, которые начали наѣзжать на задніе отряды, стрѣляться съ ними и сжигать возы. Тогда Юрій, видя, что непріятель не даетъ ему перейти за Руть, принужденъ былъ остановиться и вступить въ битву. Сынъ его Андрей, какъ старшій между братьями, (Рославъ умеръ въ 1150 году въ Переяславѣ), началъ рдить мѣховскіе полки; на другой сторонѣ Мстиславичи подѣхали къ лѣдѣ Вячеславу, и сказали ему: «ты много хотѣлъ добра, но

братъ твой не согласился; теперь, батюшка, хотишь голову сложить за тебя, или честь твою найти.» Вячеславъ отвѣчалъ имъ: «Братья и сыновья! отъ роду неохотникъ я былъ до вѣселоу вопрошанія; братъ мой довелъ до того, что вотъ стоимъ на этомъ мѣстѣ, Богъ насъ разсудитъ.» Племянники поклонились ему, поѣхали въ свои полки; Изяславъ разослалъ повѣстить по своимъ войскамъ: «смотрите на мой полкъ! какъ онъ пойдетъ, такъ и вы всѣ ступайте.» Личь только съ обѣихъ сторонъ начали сдвигаться на битву, Андрей Юрьевичъ, схвативъ копьѣ, повисъ напереди и прежде всѣхъ столкнулся съ неприятелями; конь его было изломано, щитъ оторванъ, шлемъ съелъ съ головы; конь, раненый въ ноздри, началъ соваться подъ нимъ въ разныя стороны; съ противной стороны тоже самое сдѣлалъ Изяславъ Мстиславичъ и подвергся той же опасности: онъ възвѣдал прежде всѣхъ въ неприятельскіе полки, изломалъ копьѣ, получилъ рану въ руку и въ стегно, и слетѣлъ съ павшаго коня. Послѣ общей схватки и злой сѣчи войска Мстиславичей побѣдили; степные союзники Юрьевы, Половцы любили пускать туго стрѣль издали, и мало приносили пользы въ схваткахъ: не выстрѣливши ни одной стрѣлы изъ колчановъ, они пустились бѣжать первые, за ними Ольговичи, а за Ольговичами побѣжали и Юрьевы съ дѣтьми; много дружины ихъ было побито, взято въ плѣны; потонуло въ топкомъ Рутѣ; въ числѣ убитыхъ былъ Владимиръ Давидовичъ, князь Черниговскій, въ числѣ плѣнныхъ много князей Половецкихъ. Когда побѣдители возвратились съ погони на поле битвы, то изъ кучи раненыхъ одинъ началъ привставать; толпа пѣшихъ Кіевлянъ подбѣжала къ нему и хотѣла убить, какъ вдругъ онъ сказалъ: «я князь!» — «ну такъ тебя-то намъ и надобно» отвѣчалъ одинъ изъ Кіевлянъ, думая, что это Юрьевичъ или Ольговичъ, и началъ сѣчь его мечомъ по шлему; тогда раненый сказалъ: «я Изяславъ, князь вашъ,» и снялъ шлемъ: Кіевляне узнали его, схватили съ радостію его руки, какъ царя и князя своего, по выраженію лѣтписца; воскликнули: «Киреемексонъ!» И во всѣхъ полкахъ была большая радость, когда при побѣдѣ узнали еще, что и князь живъ. Мстиславичъ былъ очень слабъ, вселъ кровію; но услыша, что Изяславъ Давидовичъ плачетъ надъ братомъ своимъ Владиміромъ, собралъ силы, сѣлъ на коня и поѣхалъ туда: погнавъ

виѣсть; долго плакавши, онъ сказалъ Давидовичу: «уже намъ его не воскресить; такъ взявши тѣло, поѣзжайка лучше въ Черниговъ, я тебѣ помощь дамъ.» Мстиславичи отпустили съ нимъ Романа, сына Ростиславова съ дружиною; до вечера Давидовичъ съ Романомъ были уже въ Вышгородѣ, въ ночь перевезлись черезъ Днѣпръ, а утромъ на другой день прѣехали въ Черниговъ, гдѣ Изяславъ, похоронивши брата, сѣлъ на столъ. Между тѣмъ Юрій съ сыновьями перѣехалъ Днѣпръ у Треполя и остановился въ Переяславлѣ; Половцы ушли въ степи, а Ольговичи переправились за Днѣпръ выше Заруба и бѣжали въ Городецъ. Святославъ Ольговичъ былъ очень толстъ, сильно усталъ; потому, прѣхавши въ Городецъ, не могъ уже ѣхать дальше, и отправилъ къ Чернигову одного племянника, Святослава Всеволодича; тотъ, прѣхавши къ перевозу на Десну, узналъ, что Изяславъ Давидовичъ уже въ Черниговѣ, и поскакалъ тотчасъ же назадъ, пославъ сказать дядѣ, чтобъ ѣхалъ въ Новгородъ Сѣверскій, а Черниговъ уже занятъ. Съ другой стороны Владимірко Галицкій шелъ къ свату своему Юрію на помощь, но узнавши на дорогѣ, что Юрій разбитъ, поспѣшно пошелъ назадъ. Такъ Мстиславичамъ нечего было бояться съ запада, и они съ торжествомъ вступили съ дадею въ Кіевъ, гдѣ начали жить очень весело и очень дружно.

Но дядя Юрій все сидѣлъ въ Переяславлѣ; Изяславу нельзя было позволить ему оставаться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, и онъ съ дадею Вячеславомъ сталъ собираться на него, а брата Ростислава отпустилъ въ Смоленскъ. Въ это время пришла къ нему непріятная новость съ запада: Владимірко Галицкій, возвращаясь домой, узналъ, что Мстиславъ Изяславичъ ведетъ отрядъ Венгровъ на помощь отцу своему, и рѣшился напасть на него. Мстиславъ, ничего не зная, сталъ у Сапогиня близъ Дорогобужа, откуда Владиміръ Андрѣевичъ (посаженный здѣсь, какъ видно Владиміромъ³⁷⁰) прислалъ къ нему много вина, и велѣлъ сказать, что Владимірко идетъ на него; Мстиславъ сталъ пить съ Венграми, и во время пира объявилъ имъ о приближеніи Галицкаго князя; пьяные Венгры отвѣчали: «пусть его приходитъ имъ съ нимъ побьемся.» Въ полночь, когда все улеглось въ ставкѣ, сторожа прибѣжали къ Мстиславу съ вѣстію, что идетъ Владимірко. Мстиславъ съ дружиною сѣли на коней, и начали

будить Венгровъ, но тѣ послѣ попойки лежали какъ мертвые; нельзя было никакъ ихъ добудиться; на разсвѣтъ Владиміръ сѣлъ на станъ и перебилъ почти всѣхъ Венгровъ, немного только взялъ въ плѣнъ, а Мстиславъ съ дружиною убѣжалъ въ Луцкъ. Когда Изяславъ въ Кіевѣ получилъ вѣсть, что сынъ его побѣжденъ, и Венгры перебиты, то сказалъ поговорку, которую летописецъ и прежде слыхалъ отъ него: «Не идетъ мѣсто къ говѣ, а голова къ мѣсту; но дажь бы только Богъ здоровье мнѣ и королю; а Владимірку будетъ месть.» Но прежде надобно было раздѣлаться съ Юріемъ, и Вячеславъ съ племянниками — Изяславомъ и Святополкомъ и съ Берендѣями пошли къ Переяславлю, бились здѣсь два дня, на третій пѣхота ворвалась въ городъ и зажгла предмѣстья. Тогда Вячеславъ съ Изяславомъ послали сказать Юрію: «Кланяемся тебѣ; иди въ Суздаль, а сына посади здѣсь въ Переяславль: съ тобою не можемъ быть здѣсь, приведешь на насъ опять Половцевъ.» Юрій въ это время не могъ ждать скоро ни откуда помощи, хотя пересылался и съ Владиміромъ и съ Половцами: изъ дружины его одни были убиты, другіе взяты въ плѣнъ; и потому онъ послалъ сказать брату и племяннику: «пойду въ Городокъ, и побывъ тамъ, пойду въ Суздаль;» тѣ велѣли отвѣчать ему, что можетъ оставаться въ городкѣ мѣсяць, а потомъ чтобъ шель въ Суздаль; если же не пойдетъ, то они осадятъ его въ Городкѣ точно также, какъ теперь въ Переяславль. Юрію было нечего дѣлать, неволею цѣловалъ крестъ съ сыновьями, что пойдетъ черезъ мѣсяць въ Суздаль, и не будетъ искать Кіева подъ Вячеславомъ и Изяславомъ; долженъ былъ также отказаться отъ союза съ Святославомъ Ольговичемъ, и не могъ включить его въ договоръ. Оставивъ въ Переяславль сына Глеба, онъ пошелъ въ Городокъ, а старшій сынъ его Андрей отпросился идти напередъ въ Суздаль: «намъ здѣсь, батюшка; говорилъ онъ, нечего больше дѣлать, уйдемъ за тепло.» Святославъ Ольговичъ, слыша, что Юрій уладился съ братомъ и племянникомъ, послалъ въ Черниговъ къ Изяславу Давидовичу сказать ему отъ своего имени и отъ имени племянника Святослава Всеволодича: «Братъ! миръ стоитъ до рати, и рать до мира; вѣдь мы тебѣ братья, прими насъ къ себѣ; отчины у насъ двѣ: одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давида, — ты Давидовичъ, а я Ольговичъ; такъ ты,

зять, возьми отцовское Давидовское, а что Ольгово, то отдай намъ, мы тѣмъ и подѣлимся.» Изяславъ поступилъ по-христiански, говоритъ лѣтописецъ, принялъ братьевъ и отчину имъ отдалъ, но, какъ видно, съ условiемъ, отстать отъ Юрія и быть вмѣстѣ съ Мстиславичами. Юрій не могъ разстаться съ Русскою землею, нарушилъ клятву, пробылъ въ Городкѣ болѣе мѣсяца; но Изяславъ хотѣлъ сдержать свое слово, и явился осаждать его въ Городкѣ съ Берендѣями, Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ, Святославомъ Всеволодовичемъ и вспомогательнымъ отрядомъ Святослава Ольговича; послѣднiй не пошелъ однако самъ противъ своего стараго союзника. Юрій затворился въ Городкѣ и долго отбивался; наконецъ стало ему тяжело, помощи не было ни откуда; онъ долженъ былъ цѣловать крестъ, и поидеть въ Суздаль, и на этотъ разъ дѣйствительно пошелъ, оставивъ въ Городкѣ сына Глѣба: Переяславль, какъ видно, былъ у него отнятъ за прежнее нарушенiе клятвы; Изяславъ посадилъ въ немъ послѣ сына своего Мстислава. Юрій пошелъ въ Суздаль на Новгородъ Сѣверскiй, захватилъ къ старому прiятелю Святославу Ольговичу, принять былъ отъ него съ честью, и получилъ все нужное для дороги.

Быть можетъ это прiятельское свиданiе Юрія съ Ольговичемъ было одною изъ причинъ, заставившихъ Изяслава Мстиславича съѣхаться въ 1152 году съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ и Святославомъ Всеволодовичемъ. На этомъ съѣздѣ рѣшено было избавиться отъ опаснаго притона²⁷¹, который былъ у Юрія на Руси между Черниговскою и Переяславскою волостiю, вслѣдствiе чего князья разрушили Городокъ и сожгли его вмѣстѣ съ Михайловскою церковiю. Услыхавъ объ этомъ, Юрій вздохнулъ отъ сердца, по выраженiю лѣтописца, и началъ собирать войско; пришелъ къ нему Рязанскiй князь Ростиславъ Ярославичъ съ братьею, съ полками Рязанскими и Муромскими; соединился съ нимъ и Святославъ Ольговичъ Сѣверскiй; наконецъ пришло множество Половцевъ, всѣ орды, что между Волгою и Дономъ; Юрій сказалъ: «Они мой Городецъ пожгли и церковь, такъ я имъ отожду за это», и пошелъ прямо къ Чернигову. Между тѣмъ, услыхавъ о дядиномъ походѣ, Изяславъ Мстиславичъ послалъ сказать брату Ростиславу въ Смоленскъ: «Тамъ у тебя Новгородъ сильный и Смоленскъ; собравшись, постереги

свою землю; если Юрій пойдетъ на тебя, то я къ тебѣ пойду, а если минуетъ твою волость, то приходи ты сюда ко мнѣ». Когда Ростиславъ узналъ, что дядя миновалъ Смоленскую область и пошелъ прямо на Черниговъ, то отправился немедленно и самъ туда же, опередилъ Юрія, и вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ затворился въ Черниговѣ, къ которому скоро явились Юрьевы Половцы, и стали жечь окрестности. Осажденные князья, вида множество Половцевъ, велѣли жителямъ всѣмъ перебраться въ ночь изъ острога въ кремль (дѣтинецъ); а на другое утро подошли къ городу Юрій и Святославъ Ольговичъ со всѣми своими полками; Половцы бросились къ городу, разломали острогъ, зажгли всѣ предмѣстія и начали биться съ Черниговцами, которые держались крѣпко. Видя это, осаждающіе князья стали думать: «не крѣпко станутъ биться дружина и Половцы, если не поѣдемъ съ ними сами»; Андрей Юрьичъ, по обычаю своему, вызвался первый идти впередъ: «я начну дѣль свой», сказалъ онъ, взявъ дружину, поѣхалъ подъ городъ, ударилъ на осажденныхъ, которые вздумали сдѣлать вылазку, и втопталъ ихъ въ городъ; другіе князья, ободренные примѣромъ Андрея, также стали ѣздить подлѣ города, и напуганные Черниговцы уже не смѣли болѣе дѣлать вылазокъ. Уже 12 дней стоялъ Юрій подъ Черниговомъ, какъ пришла къ нему вѣсть о приближеніи Изяслава Мстиславича съ дядею Вячеславомъ; Половцы, храбрые когда надобно было жечь Черниговскія предмѣстія и стрѣляться издали съ осажденными, теперь первые струсили, и начали отъѣзжать прочь. Юрій и Ольговичъ, вида бѣгство Половцевъ, принуждены были также отступить отъ Чернигова; Юрій пошелъ на Новгородъ Сѣверскій, оттуда къ Рыльску, изъ Рыльска хотѣлъ идти уже въ Суздаль, какъ былъ остановленъ Святославомъ Ольговичемъ: «Ты хочешь идти прочь, говорилъ ему Святославъ, а меня оставить, погубивши мою волость, потравивши Половцами весь хлѣбъ; Половцы теперь ушли, а за ними въ слѣдъ явится Изяславъ, и погубитъ остальную мою волость за союзъ съ тобою», Юрій обѣщался оставить ему помощь, и оставилъ сына Василька съ 50 человекъ дружины! Ольговичъ не обманулся въ своихъ опасеніяхъ: Изяславъ Мстиславичъ стоялъ уже на рѣкѣ Альтѣ со всѣми своими силами; отпустивши старика Вячеслава въ Кіевъ, а сына Мстислава съ

Черными Клобуками на Половецъ, вѣроятно для того, чтобъ отвлечь ихъ отъ поданія помощи Сѣверскому князю, Изяславъ самъ отправился къ Новгороду Сѣверскому, гдѣ соединились съ нимъ Изяславъ Давидовичъ, Святославъ Всеволодовичъ и Романъ, сынъ Ростислава Смоленскаго. Когда острогъ былъ взятъ и осажденные вбиты въ крѣпость, то на третій день послѣ осады Святославъ Ольговичъ прислалъ къ Изяславу съ поклономъ и съ просьбою о мирѣ; Изяславъ сначала не хотѣлъ слушать его просьбы, но потомъ раздумавъ, что время уже подходитъ къ веснѣ, помирился ²⁷², и пошелъ назадъ къ Чернигову, гдѣ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, что тотъ разбилъ Половецъ на рѣкахъ Угль и Самаръ, самихъ прогнавъ, вежи ихъ, лошадей, скотъ побралъ, и множество душъ христіанскихъ избавилъ изъ неволи и отпустилъ по домамъ. Послѣ этого, въ 1154 г., Юрій еще разъ собрался на Русскую землю, и опять неудачно; на дорогѣ открылся въ его войскѣ сильный конскій падежъ; пришедши въ землю Вятичей, онъ остановился, не доходя Козельска; здѣсь пришли къ нему Половцы; онъ подумавъ, и, отпустивъ сына Глѣба къ Половцамъ въ стень, самъ возвратился въ Суздаль. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Юрій принужденъ былъ къ возвращенію тѣмъ, что Половецъ пришло гораздо меньше, чѣмъ сколько онъ ожидалъ, и вотъ онъ отправилъ сына Глѣба въ степи для найма еще другихъ варваровъ ²⁷³.

Такъ кончилась борьба Юрія съ Изяславомъ. Мы видѣли, что въ этой борьбѣ главнымъ союзникомъ Ростовскаго князя на востокъ былъ Святославъ Ольговичъ, который теперь долженъ былъ принять миръ на всей волѣ Изяславовой; но еще болѣе дѣятельнаго союзника имѣлъ Юрій на западѣ въ сватѣ своемъ, князѣ Галицкомъ Владимірѣ: на этого Изяславъ долженъ былъ еще болѣе сердиться, чѣмъ на Ольговича; мы видѣли, какъ онъ обѣщалея отомстить ему за поражение Венгровъ. Еще въ 1151 году, собираясь выгнать Юрія изъ Городка, Изяславъ послалъ сказать королю Венгерскому: «Владимірѣ Галицкій дружину мою и твою избилъ; такъ теперь, братъ, тебѣ надобно подумать объ этомъ; не дай Богъ намъ этого такъ оставить, дай Богъ намъ отомстить за дружину; собирайся, братъ, у себя, а я здѣсь, и какъ намъ съ нимъ Богъ дастъ». Король отвѣчалъ, что онъ уже собирается; но Изяславъ боялся, чтобъ сборы не были долги,

и послалъ сына Мстислава въ Венгрію торопить зятя; Гейза назначилъ срокъ, когда собираться, и послалъ сказать Изяславу: «Я уже сажусь на коня, и сына твоего Мстислава беру съ собою; садись и ты на коня». Изяславъ тотчасъ собралъ дружину, взялъ съ собою весь полкъ Вячеславовъ, всѣхъ Черныхъ Клобуковъ, лучшихъ Кіевлянъ, всю Русскую дружину, и пошелъ на Галичь; на дорогѣ у Дорогобужа соединился съ нимъ родной братъ Владиміръ, у Пересопницы двоюродный Владиміръ Андреевичъ и другой родной Святополкъ изъ Владирира²⁷⁴; Изяславъ велѣлъ Святополку оставаться въ своемъ городѣ, и, взявъ его полкъ, пошелъ далѣе. Перешедши рѣку Санъ, онъ встрѣтилъ королевскаго посла, который пріѣхалъ съ сотнею ратныхъ и сказалъ Изяславу: «Зять твой король тебѣ кланяется и велѣлъ сказать, что онъ уже пятый день дожидается тебя, ступай скорѣе». Изяславъ пошелъ немедленно впередъ, и на другой день послѣ обѣда подошелъ къ Венгерскому стану, расположенному за Ярославлемъ. Король съ дружиною выѣхалъ къ нему навстрѣчу: они обнялись, говоритъ лѣтописецъ, съ великою любовію и съ великою честію, и, вошедши въ королевскій шатеръ, стали думать, какъ бы на другой день рано вѣхатъ битися къ рѣкѣ Сану. На разсвѣтѣ король ударилъ въ бубны, выстроилъ полки и послалъ сказать Изяславу: «Ступай съ своими полками подлѣ моего полку; гдѣя стану, тамъ и ты становись, чтобъ намъ выстъ можно было обо всемъ думать». Союзники пришли къ Сану ниже Перемышля; на противоположномъ берегу уже стоялъ Владимірко, нос коро долженъ былъ отодвинуться далѣе отъ нати-ска Венгровъ; передъ началомъ битвы Изяславъ сказалъ своей дружинѣ: «Братья и дружина! Богъ никогда Русской земли и Русскихъ сыновъ въ безчестьи не оставлялъ; вездѣ они честь свою брали; теперъ, братья, поревнуемъ тому: дай намъ Богъ въ этихъ земляхъ и передъ чужими народами честь свою взять». Сказавши это, Изяславъ бросился со всѣми своими полками въ бродъ; Венгры, вида, что Русскіе уже переправляются, бросись также въ бродъ, съ разныхъ сторонъ вѣхали въ полки Галицкіе и обратили ихъ въ бѣгство; самъ Владимірко, убѣгалъ отъ Венгровъ, попался было къ Чернымъ Клобукамъ, и едва самъ-другъ успѣлъ скрыться въ Перемышль; этотъ городъ былъ бы тогда непременно взятъ, потому что некому было отстаивать

вать его, но къ счастью для Владимірка, за городомъ на лугу находилась княжій дворъ, гдѣ было много всякаго добра: туда ринулось все войско, а о городѣ позабыли. Владимірко между тѣмъ, вида бѣду, сталъ посылать къ королю, просить мира; ночью послалъ, по старому обычаю, къ архіепископу и къ воеводамъ королевскимъ, притворился, что жестоко раненъ, лежатъ при смерти, и потому велѣлъ сказать имъ: «Просите за меня короля: я жестоко раненъ, каюсь предъ нимъ, что тогда огорчилъ его, перебивши Венгровъ, и что теперь опять сталъ противъ него; Богъ грѣхи отпускаетъ, пусть и король проститъ меня, и не выдаетъ Изяславу, потому что я очень боленъ; если меня Богъ возьметъ, то отдаю королю сына моего на руки; я королеву отцу много послужилъ своимъ копьемъ и своими полками, за его обиду и съ Ляхами бился; пусть король припомнитъ это и проститъ меня». Много даровъ, золота, серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, платья выслалъ Владимірко архіепископу и вельможамъ Венгерскимъ, чтобъ просилъ короля не губить его, не исполнять желаніе королевы, сестры Изяславовой. На другой день Гейза съѣхался съ Изяславомъ и сказалъ ему: «Батюшка! кланяюсь тебѣ: Владиміръ прислалъ ко мнѣ: молится и кланяется, говоритъ, что сильно раненъ и не останется живъ; что ты скажешь на это»? Изяславъ отвѣчалъ: «Если Владиміръ умретъ, то это Богъ убилъ его за клятвopреступленіе намъ обоимъ; исполнилъ ли онъ тебѣ хотя что-нибудь изъ того, что обѣщалъ? мало того, опозорилъ насъ обоихъ; такъ какъ ему теперь вѣрить? два раза онъ нарушалъ клятву; а теперь самъ Богъ отдалъ намъ его въ руки, такъ возьмемъ его вѣсть съ волостью». Особенно говорилъ противъ Владимірка и выставилъ всѣ вины его Мстиславъ Изяславичъ, который былъ сердитъ на Галицкаго князя за Дорогобужское дѣло. Но король не послушался ихъ, потому что былъ уже уговоренъ архіепископомъ и вельможами, подкупленными Владиміркомъ; онъ отвѣчалъ Изяславу: «Не могу его убить: онъ молится и кланяется, и въ винѣ своей прощенья просить; но если теперь, поцѣловавъ крестъ, нарушитъ еще разъ клятву, тогда уже либо я буду въ Венгерской землѣ, либо онъ въ Галицкой». Владимірко прислалъ и къ Изяславу съ просьбою: «Братъ! кланяюсь тебѣ и во всемъ каюсь, во всемъ я виноватъ; а теперь, братъ, прими меня къ

себѣ и проси, да и короля понудь, чтобъ меня принялъ; а мнѣ дай Богъ съ тобою быть». Изяславъ самъ по себѣ не хотѣлъ и слышать о мирѣ; но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможамъ, поневоля долженъ былъ начать переговоры: король требовалъ отъ Владимірка клятвы въ томъ, что онъ возвратитъ всѣ захваченные имъ Русскіе города Изяславу, и будетъ всегда въ союзѣ съ послѣднимъ, при всякихъ обстоятельствахъ, счастливыхъ или несчастныхъ; когда король хотѣлъ послать бояръ своихъ къ Владимірку съ крестомъ, который тотъ долженъ былъ поцѣловать, то Изяславъ говорилъ, что не для чего заставлятъ цѣловать крестъ человека, который играетъ клятвами; наэто король отвѣчалъ: «Этосамый тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ Богъ нашъ; Богу угодно было, чтобъ онъ достался предку моему св. Стефану; если Владимірко поцѣлуеъ этотъ крестъ, нарушитъ клятву и останется живъ, то я тебѣ, батюшка, говорю, что либо голову свою сло-жу, либо добуду Галицкую землю; а теперь не могу его убить». Изяславъ согласился, но сынъ его Мстиславъ сказалъ: «вы поступаете какъ должно по-христіански, честному кресту вѣрите и съ Владиміркомъ миритесь; но я вамъ передъ этимъ честнымъ крестомъ скажу, что онъ непременно нарушитъ свою клятву; тогда ты, король, своего слова не забудь, и приходи опять съ полками къ Галичу»; король отвѣчалъ: «ну право же тебѣ говорю, что если Владимірко нарушитъ клятву, то какъ до сихъ поръ отецъ мой Изяславъ звалъ меня на помощь, такъ тогда уже я позову его къ себѣ на помощь». Владимірко цѣловалъ крестъ, что исполнить королевскія требованія; цѣловалъ онъ крестъ лежа, показывая видъ, что изнемогъ отъ ранъ, тогда какъ ранъ на немъ никакихъ не было.

Простившись съ королемъ, Изяславъ пошелъ назадъ въ Русскую землю, и когда былъ во Владимірѣ, то послалъ посадниковъ²⁷⁵ своихъ въ города, которые Владимірко обѣщалъ ему возвратитъ; но посадники пришли назадъ: Владимірко не пустил ихъ ни въ одинъ городъ. Изяславъ продолжалъ путь въ Кіевъ, только послалъ сказать королю: «ни тебѣ, ни мнѣ теперь уже не вѣроятнаго назадъ, я только объявляю тебѣ, что Владимірко нарушилъ клятву; такъ не забудь своего слова». Владимірко сдѣлалъ нарушить и другое условіе мира: узнавъ, что сватъ его

Юрій идетъ на племянника; онъ также выступилъ противъ Изяслава, но возвратился, когда дали ему вѣсть, что тотъ идетъ къ нему на встрѣчу. Управившись съ дядею, Изяславъ послалъ въ Галичь боярина своего Петра Бориславича, который былъ свидѣтелемъ клятвы Владимірковой предъ крестомъ св. Стефана. Петръ долженъ былъ сказать Галицкому князю отъ имени Изяслава: «ты намъ съ королемъ крестъ цѣловалъ, что возвратишь Русскіе города, и не возвратилъ; теперъ я всего того не поминую; но если хочешь исполнить свое крестное цѣлованіе и быть съ нами въ мирѣ, то отдай мнѣ города мои; а не хочешь отдать, то клятву свою ты нарушилъ, и мы съ королемъ будемъ перевѣдываться съ тобою, какъ намъ Богъ дастъ». Владимірко отвѣчалъ на это послу: «скажи отъ меня Изяславу вотъ что: «ты нечаянно напалъ на меня самъ и короля навелъ; такъ если буду живъ, то либо голову свою сложу, либо отомщу тебѣ за себя». Петръ сказалъ ему на это: «Князь! вѣдь ты крестъ цѣловалъ Изяславу и королю, что все исправишь и будешь съ ними въ союзѣ; такъ ты нарушилъ крестное цѣлованіе». Владимірко отвѣчалъ: «Вотъ еще: что мнѣ этотъ маленькій крестыкъ!»—«Князь! возразилъ ему Кіевскій бояринъ: хотя крестъ и малъ, да сила его велика на небеси и на землѣ; вѣдь тебѣ король объявлялъ, что это самый тотъ крестъ, на которомъ Христось былъ распятъ: да и то было тебѣ говорено, что если поцѣловавъ этотъ крестъ, ты слова своего не удержишь, то живъ не останешься; слышалъ ли ты обо всемъ этомъ отъ королевскаго посла?» Владимірко отвѣчалъ: «Да, помню, досыта вы тогда наговорились; а теперъ ступай вонъ, поѣзжай назадъ къ своему князю». Петръ, положивъ предъ нимъ крестныя грамоты, пошелъ вонъ, и когда собрался ѣхать, то не дали ему ни повозки, ни корма, такъ что онъ принужденъ былъ отправиться на своихъ лошадяхъ. Петръ съѣзжалъ съ княжего двора, а Владимірко шелъ въ то время въ церковь къ вечернѣ, и вида, что Петръ уѣзжаетъ, сталъ смѣяться надъ нимъ: «смотрите-ка, Русскій-то бояринъ поѣхалъ, побравши всѣ волости!» Когда вечерня отошла; и Владимірко, возвращаясь изъ церкви, дошелъ то того самаго мѣста, гдѣ смѣялся надъ Петромъ, то вдругъ сказалъ: «что это какъ будто кто меня ударилъ по плечу!» и не могъ двинуть больше ногами: еслибъ не подхватили его, то упалъ бы съ лѣстни-

цы; понесли его въ горенку, положили въ укропъ; къ вечеру стало ему хуже, а къ ночи умеръ. Между тѣмъ Петръ Бориславичъ, выѣхавши изъ Галича, остановился ночевать въ селѣ Большовѣ²⁷⁶: вдругъ на разсвѣтѣ скачетъ къ нему гонецъ изъ Галича: «Князь не велѣлъ тебѣ ѣхать дальше, дождайся пока прилетѣть за тобою». Петръ, ничего не зная о Владимірковой смерти, сталъ тужить, что ему надобно ѣхать назадъ въ городъ и вѣрно придется вытерпѣть тамъ разныя притѣсненія; и точно еще до обѣда прискакалъ къ нему новый гонецъ съ приказомъ отъ князя ѣхать въ городъ; Петръ отправился, и когда въѣхалъ на княжій дворъ, то къ нему на встрѣчу вышли изъ сѣней слуги княжіе всѣ въ черномъ; онъ удивился—что бы это такое значило? вошелъ на сѣни, смотритъ—на княжомъ мѣстѣ сидитъ сынъ Владимірковъ Ярославъ въ черномъ платьѣ и въ черной шапкѣ, также и всѣ бояре въ черномъ. Петру поставили стулъ, и когда онъ сѣлъ, то Ярославъ, взглянувши на него, залился слезами. Петръ сидѣлъ въ недоумѣніи, смотря на всѣ стороны; наконецъ спросилъ: да что же это такое значить? тутъ ему объявили, что ночью князь умеръ. «Какъ умеръ? возразилъ Петръ: когда я повѣхалъ, онъ былъ совсѣмъ здоровъ!» Ему отвѣчали, что былъ здоровъ, да вдругъ схватился за плечо, началъ съ того изнемогать и умеръ. «Воля Божія», сказалъ на это Петръ, «намъ всѣмъ тамъ быть». Тогда Ярославъ началъ говорить Петру: «Мы позвали тебя для того, что вотъ Богъ сотворилъ волю свою; повѣжай ты теперь къ отцу моему Изяславу, поклонись ему отъ меня и скажи: Богъ взялъ моего отца, такъ ты будь мнѣ вмѣсто него; ты съ покойникомъ самъ вѣдался, что тамъ между васъ было, уже Богъ разсудилъ васъ; Богъ отца моего къ себѣ взялъ, а меня оставилъ на его мѣсто, полкъ и дружина его у меня, только одно копье поставлено у его гроба, да и то въ моихъ рукахъ; теперь кланяюсь тебѣ, батюшка! прими меня какъ сына своего Мстислава: пусть Мстиславъ ѣздитъ подлѣ твоего стремена съ одной стороны, а я буду ѣздить по другой сторонѣ со всѣми своими полками». Петръ съ этимъ и отправился.

Ярославъ, или по нѣкоторымъ извѣстіямъ²⁷⁷ бояре его, только манили Изяслава, чтобъ выиграть время, а въ самомъ дѣлѣ и не думали возвращать ему городовъ, захваченныхъ Владиміркомъ. Это заставило Кіевского князя пойти въ другой разъ на

Галичь (1153 г.); съ нимъ пошли сынъ его Мстиславъ съ Переяславцами, полкъ Изяслава Давидовича Черниговскаго и всѣ Черныя Клобуки; а на дорогѣ присоединились къ нему братья—Владимиръ изъ Дорогобужа, Святополкъ изъ Владимира, Владимиръ Андренчъ изъ Бреста ²⁷⁶. У Теребовля встрѣтился Изяславъ съ полками Ярославовыми, и передъ битвою Галицкіе бояре сказали своему князю: «Ты, князь, молодъ, отъѣзжай прочь и смотри на насъ: отецъ твой насъ кормилъ и любилъ, такъ мы хотимъ за честь твоего отца и за твою сложить свои головы; ты у насъ одинъ; если съ тобой что случится, то что намъ тогда дѣлать? такъ ступай—ка, князь, къ городу, а мы станемъ биться съ Изяславомъ, и кто изъ насъ останется живъ, тотъ прибѣжить къ тебѣ, и затворится съ тобою въ городѣ. Злая съча продолжалась уже отъ полудня до вечера, когда сдѣлалось въ обѣихъ ратяхъ смятеніе: не видно было, которые побѣдили. Изяславъ гналъ Галичанъ, а братья его бѣжали отъ нихъ; Изяславъ побралъ въ плѣнъ Галицкихъ бояръ, а Галичане Изяславовыхъ. Время шло уже къ ночи, когда Кіевскій князь остановился съ небольшою дружиною на мѣстѣ боя, и поднялъ Галицкіе стяги; Галичане побѣжали къ нимъ, думая, что тутъ свои, и были перехватаны; но въ ночь Изяславу стало страшно: дружины у него осталось мало, плѣнниковъ было больше чѣмъ дружины, а между тѣмъ изъ Теребовля Ярославъ могъ напасть на него; подумавши, Изяславъ велѣлъ перебить плѣнниковъ, оставя только лучшихъ мужей, и выступилъ назадъ къ Кіеву, потому что братья и дружина его разбѣжалась, не съ кѣмъ было продолжать походъ. Былъ послѣ этого плачь великій по всей землѣ Галицкой, говоритъ лѣтописецъ.

Этимъ печальнымъ походомъ заключилась дѣятельность Изяслава. Въ 1154 году, женившись во второй разъ на царевнѣ Грузинской, Изяславъ схоронилъ брата Святополка, а потомъ скоро самъ занемогъ и умеръ. Лѣтописецъ называетъ его честнымъ, благовѣрнымъ, христіанскимъ, славнымъ; говоритъ, что плакала по немъ вся Русская земля и всѣ Черныя Клобуки, какъ по царю и господню своему, а больше какъ по отцу; причина такой любви народной ясна: при необыкновенной храбрости (въ которой равнялся съ нимъ, быть можетъ, изъ князей одинъ Андрей Юрьевичъ), не уступая никому перваго мѣста въ

битвѣ, гоня враговъ и въ то время, когда полки его бывали разбиты, Изяславъ отличался также искусствомъ, былъ хитеръ въ воинскія выдумки; но будучи похожъ на знаменитаго дѣда съ его храбростію, отвагою, онъ напоминалъ его также дѣтскою стію къ народу: мы видѣли, какъ онъ обращался съ нимъ въ Кіевѣ, въ Новгородѣ; непріятное правленіе дяди Юрія только отъбѣнило добрыя качества Изяслава, заставило смолкнуть всѣмъ нерасположеніе, какое у кого было къ нему, и мы видѣли, какъ ревностно бились за него и граждане и Черные Клобуки, прежде равнодушные. Поговорка его: «Не идетъ мѣсто къ головѣ; а голова къ мѣсту», показываетъ его стремленіе, его положеніе, и, во всѣмъ вѣроятностямъ, служила для него оправданіемъ этихъ стремленій и происшедшей отъ нихъ новизны положенія его: поговорка эта оправдываетъ стремленіе дать личнымъ достоинствамъ силу предъ правомъ старшинства. Дѣйствительно Изяславъ въ сравненіи съ своими старшими, дядьями, былъ въ родѣ Мономаховомъ единственною головою, которая шла въ мѣсту. Но мы видѣли, что Изяславъ долженъ былъ уступить; ему не удалось дать преимущества личнымъ достоинствамъ своимъ и даже другому праву своему, праву завоевателя, перваго пріобрѣтателя старшей волости; не смотря на то, что онъ головою добылъ Кіевъ, онъ принужденъ былъ наконецъ признать старшинство и права дяди Вячеслава, котораго голова уже никакъ не шла къ мѣсту; а преждевременная смерть Изяслава нанесла окончательный ударъ притязаніямъ племянниковъ и Мстиславовой линіи: изъ братьевъ Изяславовыхъ ни одинъ не былъ способенъ замѣнить его; дѣятельнѣе, предпримчивѣе дядей былъ сынъ его Мстиславъ, но онъ не могъ дѣйствовать единственно родныхъ дядей и противъ нихъ; его положеніе было одинаково съ положеніемъ отца, только гораздо затруднителнѣе; замѣтимъ еще, что преждевременная смерть отца Изяслава, отказавшагося отъ старшинства въ пользу дяди, въ глазахъ многихъ должна была отнимать у молодаго Мстислава право считаться отчичемъ на столѣ Кіевскомъ.

Старый дядя Вячеславъ плакалъ больше всѣхъ во племянникѣ, за щитомъ котораго онъ только что успокоился: «Сынъ! причиталъ старикъ надъ его гробомъ: это было мое мѣсто; но видно передъ Богомъ ничего не сдѣлаешь! Въ Кіевѣ всѣ пл-

люди, а на той сторонѣ Днѣпра сильно радовались смерти Изяславовой и не тратили времени. Изяславъ Давидовичъ Черниговскій немедленно поѣхалъ въ Кіевъ; но на перевозѣ у Днѣпра встрѣтилъ его посолъ отъ старика Вячеслава, съ вопросомъ: «Зачѣмъ пріѣхалъ, кто тебя звалъ? ступай назадъ въ свой Черниговъ». Изяславъ отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ плакаться надъ братомъ покойникомъ, а не былъ при его смерти, такъ позвожь теперь хети на гробѣ его поплакать». Но Вячеславъ, по совѣту съ Мстиславомъ Изяславичемъ и боярами своими, не пустилъ его въ Кіевъ. Трудно рѣшить, на сколько было справедливо подозрѣніе Мстислава и Кіевскихъ бояръ; для оправданія ихъ мы должны припомнить, что въ 1153 году Изяславъ Давидовичъ шель съвѣдъ съ Святославомъ Ольговичемъ, гдѣ двоюродные братья обѣщали другъ другу стоять за одно. Въ Кіевѣ съ нетерпѣніемъ дожидались пріѣзда Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, и между тѣмъ рѣшились разъединить Черниговскихъ, привлекиши на свою сторону Святослава Всеволодыча, которому легче всего было стать на сторонѣ Мстиславичей и по родству, да и потому, что изъ всѣхъ Черниговскихъ онъ одинъ былъ отличъ относительно старшинства и Кіева. Къ нему-то старикъ Вячеславъ послалъ сказать: «Ты Ростиславу сынъ любимый, также и мнѣ; пріѣзжай сюда, побудь въ Кіевѣ, пока пріѣдетъ Ростиславъ, а тогда все вмѣстѣ урядимся о волостяхъ». Всеволодычъ, не сказавшись дядькамъ своимъ, поѣхалъ въ Кіевъ, и дождался тамъ Ростислава, которому все очень обрадовались, по словамъ летописца: и старикъ Вячеславъ, и вся Русская земля и все Черныя Клобуки. Вячеславъ, увидавъ племянника, сказалъ ему: «Сынъ! я уже старъ, всѣхъ рядовъ не могу рядить; даю ихъ тебѣ, какъ братъ твой держалъ и рядилъ; а ты почитай меня, какъ отца и уважай, обходись, какъ братъ твой со мною обходился; вотъ мой полкъ и дружина моя, ты ихъ ряди». Ростиславъ поклонился и сказалъ: «Очень радъ, господни батюшка, почитаю тебя, какъ отца господина, и буду уважать тебя, какъ братъ мой Изяславъ уважалъ тебя и въ твоей волѣ былъ». Кіевляне, посадивши у себя Ростислава, также сказали ему: «Какъ братъ твой Изяславъ обходился съ Вячеславомъ, такъ и ты обходись, а до твоей смерти Кіевъ твой».

Первымъ дѣломъ Ростислава было урядиться съ сестричемъ своимъ (племянникомъ отъ сестры), Святославомъ Всеволодичемъ; онъ сказалъ ему: «Даю тебѣ Туровъ и Пинскъ за то, что ты пріѣхалъ къ отцу моему Вячеславу и волости мнѣ обрелъ, за то и надѣляю тебя волостію»; Святославъ принялъ это надѣленіе съ радостію. Нужно было богатою волостію привязать къ себѣ сына Всеволодова, потому что на той сторонѣ Днѣпра дядя его уже дѣйствовали заодно съ Юріемъ Суздальскимъ; еще до пріѣзда Ростислава въ Кіевъ, они стали пересылаться съ Юріемъ, слѣдствіемъ чего было движеніе сына Юрьева Глѣба со множествомъ Половцевъ на Переяславль: мы видали, что этотъ князь былъ посланъ отцемъ въ кочевья привести какъ можно болѣе варваровъ. Переяславля взять Глѣбу не удалось; но онъ взялъ Пиратинъ на рѣкѣ Удаѣ. Ростиславъ и Святославъ Всеволодичъ выступили къ Днѣпру и стали собирать дружину, какъ пригналъ къ нимъ посолъ отъ Мстислава Изяславича Переяславскаго съ вѣстію, что Половцы уже у города, и стрѣляются съ жителями; тогда Ростиславъ немедленно отрядилъ сына своего Святослава въ Переяславль, куда тотъ и усилъ пробраться. На другой день Половцы начали крѣпче приступать къ городу; но когда узнали, что къ Мстиславу пришла подмога, то испугались, и ушли за Сулу. Узнавъ о бѣгствѣ Половцевъ, Ростиславъ, по совѣту съ братьею, рѣшился, не заходя въ Кіевъ, идти прямо на Изяслава Давидовича Черниговскаго: «Нужно намъ, говорилъ Ростиславъ, предупредить Юрія, либо прогнать его, либо миръ заключить». Кіевскіе полки и Торки, подъ начальствомъ трехъ князей — Ростислава, Святослава Всеволодича и Мстислава Изяславича перешли уже Днѣпръ у Вышгорода и хотѣли идти къ Чернигову, какъ вдругъ прискакалъ къ Ростиславу гонецъ изъ Кіева, и объявилъ: «Отецъ твой Вячеславъ умеръ». «Какъ умеръ?» сказалъ Ростиславъ: «когда мы поѣхали, онъ былъ здоровъ»? Гонецъ отвѣчалъ: «Въ эту ночь нировалъ онъ съ дружиною и пошелъ спать здоровъ; но какъ легъ, такъ больше уже не вставалъ». Ростиславъ тотчасъ же поскакалъ въ Кіевъ, похоронилъ дядю, роздалъ все имѣніе его духовенству и нищимъ, и поручивъ остальные дѣла всѣмъ матери своей, вдовѣ Мстиславовой, отправился опять на ту сторону Днѣпра. Пріѣхавши къ войску, онъ началъ думать съ племянниками и дружи-

ново — идти или нѣтъ на Черниговъ? бояре совѣтовали не ходить: «Дядя твой Вячеславъ умеръ, говорили они, а ты еще съ людьми Кіевскими не утвердился; лучше повзжай въ Кіевъ, утвердись тамъ съ людьми, и тогда если дядя Юрій придетъ на тебя, то захочешь помириться съ нимъ, помирнись, а не захочешь, будешь воевать». Любопытно, что Кіевскіе бояре хотять, чтобъ Ростиславъ ѣхалъ въ Кіевъ и урядился съ его жителями, тогда какъ послѣдніе уже прежде объявили ему, что Кіевъ принадлежитъ ему до самой смерти; притомъ Ростиславъ только что пріѣхалъ изъ Кіева; если бы граждане хотѣли объявить ему что-нибудь новое, то объявили бы послѣ похоронъ Вячеславовыхъ. Должно думать, что боярамъ самимъ хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и урядить тамъ свои дѣла по смерти стараго князя; быть можетъ имъ хотѣлось заставить Кіевлянъ утвердиться съ Ростиславомъ на счетъ новой дружины его Смоленской. Какъ бы то ни было, Ростиславъ не послушался бояръ, и пошелъ къ Чернигову, пославши напередъ сказать Изяславу Давидовичу: «Цѣлуй крестъ, что будешь сидѣть въ своей отчинѣ, въ Черниговѣ, а мы будемъ въ Кіевѣ». Изяславъ отвѣчалъ: «Я и теперъ вамъ ничего не сдѣлалъ; не знаю, зачѣмъ вы на меня пришли; а пришли, такъ уже какъ намъ Богъ дастъ». Но вѣдь онъ подвелъ Глѣба Юрьевича съ Половцами, и былъ съ нимъ вмѣстѣ у Переяславля, замѣчаетъ лѣтописецъ. На другой день Давидовичъ соединился съ Глѣбомъ и Половцами, и вышелъ противъ Мстиславичей; Ростиславъ, увидавъ множество враговъ, а у себя небольшую дружину, испугался, и сталъ пересылаться съ Изяславомъ на счетъ мира, отдавалъ ему подъ собою Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславль. Такое недостойное поведеніе, трусость, неумѣнье блюсти выгоды племени сильно раздосадовали Мстислава Изяславича: «Такъ не будетъ же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева», сказалъ онъ дядѣ, и повернулъ коня въ Переяславль; Ростиславъ, оставленный племянникомъ, былъ обойденъ Половцами, и послѣ двухдневной битвы, обратился въ бѣгство; преслѣдуемый врагами, онъ потерялъ коня, сынъ Святославъ отдалъ ему своего, а самъ сталъ отбиваться отъ Половцевъ, и такимъ образомъ далъ отцу время уйти.

Ростиславъ переправился за Днѣпръ ниже Любеча и поѣхалъ въ Смоленскъ; Мстиславъ Изяславичъ съ двоюроднымъ братомъ

Святославомъ Ростиславичемъ ускикалъ въ Переяславль, здѣсь взялъ жену и уѣхалъ въ Луцкъ; а Святославъ Всеволодичъ былъ захваченъ Половцами; Изяславъ Давидовичъ съ женою выручили его изъ плѣна, и другихъ Русскихъ много выручили, и много добра сдѣлали, говоритъ лѣтописецъ: если кто изъ плѣнниковъ убѣгалъ въ городъ, тѣхъ не выдавали назадъ. Быть можетъ Давидовичъ съ намѣреніемъ поступалъ такъ, желая приобрести расположеніе жителей Русской земли, которыхъ нелюбовь ко всему его племени онъ долженъ былъ знать хорошо. Отъ послала сказать Кіевлянамъ: «хочукъ вамъ воѣхать». Кіевляне были въ самомъ затруднительномъ положеніи: повинутые Ростиславомъ, они видѣли приближеніе Половцевъ, отъ которыхъ могли спасти ихъ только немедленное принятіе Давидовича, и они послали сказать ему: «Ступай въ Кіевъ, чтобъ насъ не взяли Половцы, ты нашъ князь, пріѣзжай». Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ на столъ, а Глебъ Юрьевича послалъ княжить въ Переяславль, окрестности котораго были сильно опустошены союзниками ихъ Половцами. Но Юрія Ростовскаго не лзя было удовлетворить однимъ Переяславлемъ: только что услышалъ онъ о смерти Изяславовой и о пріѣздѣ другаго Мстиславича въ Кіевъ, какъ уже выступилъ въ походъ и приблизился къ Смоленску, имѣя теперь дѣло преимущественно съ тамопшимъ княземъ; тутъ пришла къ нему вѣсть, что Вячеславъ умеръ, Ростиславъ побѣжденъ, Давидовичъ сидитъ въ Кіевѣ, а Глебъ въ Переяславлѣ. Ростиславъ между тѣмъ, прибѣжавши въ Смоленскъ, успѣлъ собрать войско и вышелъ противъ дяди; но мы видѣли, что Ростиславъ не былъ похожъ на брата отвагою, видѣли также, что онъ не былъ охотникомъ и до споровъ съ дядьми, и потому послалъ къ Юрію просить мира: «Батюшка! велѣлъ онъ сказать ему: кланяюсь тебѣ: ты и прежде до меня былъ добръ и я до тебя; и теперь кланяюсь тебѣ, дядя мнѣ вмѣсто отца». Юрій отвѣчалъ: «Правду говоришь, сынъ: съ Изяславомъ я не могъ быть; но ты мнѣ свой братъ и сынъ». Послѣ этой пересылки дядя съ племянникомъ поцѣловали крестъ на всей любви, по выраженію лѣтописца, и Юрій отправился къ Кіеву, а Ростиславъ въ Смоленскъ; вѣроятно, что необходимость слѣзнуть въ Кіевъ и большое войско Ростислава также имѣли вліяніе на миролюбіе дяди. Не далеко отъ Стародуба встрѣтилъ Юрія свать

его и старый союзник Святославъ Ольговичъ, пріѣхалъ къ нему и Святославъ Всеволодичъ съ повинною: «Совсѣмъ обезумѣлъ я, говорилъ онъ Юрію, прости». По просьбѣ дяди Ольговича Юрій помирился съ Всеволодовичемъ, заставивъ его поклясться не отступать отъ себя и отъ дяди, послѣ чего всѣ трое пошли къ Чернигову. Не доходя еще до города, Святославъ Ольговичъ послалъ въ Кіевъ сказать Давидовичу: «Ступай, братъ, изъ Кіева, идетъ на тебя Юрій; вѣдь мы оба съ тобою позвали его». Но Давидовичъ не слушался; тогда Святославъ въ другой разъ послалъ къ нему изъ Чернигова: «Ступай изъ Кіева, идетъ туда Юрій; а я тебя Черниговъ уступаю ради христіанскихъ душъ». Изяславъ все не хотѣлъ выйти изъ Кіева, потому что этотъ городъ сильно поправился ему, говоритъ лѣтописецъ. Наконецъ самъ Юрій послалъ сказать ему: «Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ». Безъ права и безъ особеннаго народнаго расположенія Давидовичъ не могъ болѣе оставаться въ Кіевѣ; и потому послалъ сказать Юрію: «развѣ я самъ поѣхалъ въ Кіевъ? посадили меня Кіевляне; Кіевъ твой, только не дѣлай мнѣ зла».

Юрій помирился съ нимъ (1156 г.) и вошелъ въ Кіевъ съ четырьмя старшими сыновьями, которыхъ посажалъ около себя: Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Туровѣ, Глѣба въ Переяславѣ, Василька на Поросьѣ. На Волини сидѣли Мстиславичи: Владиміръ съ племянниками—Мстиславомъ и Ярославомъ: первый, какъ видно, успѣлъ помириться съ Юріемъ, общаясь дѣйствовать за одно съ нимъ противъ племянниковъ, на которыхъ Юрій послалъ стараго союзника своего и врага Мстиславичей, Юрія Ярославича съ внуками брата его Вячеслава²⁷⁹; они прогнали Мстислава изъ Пересопницы въ Луцкъ; но и здѣсь онъ не могъ долго оставаться спокойнымъ: Юрій велѣлъ идти на Луцкъ зятю своему Ярославу Галицкому; тогда Мстиславъ, оставивъ брата Ярослава въ Луцкѣ, самъ ушелъ въ Польшу за помощью; Галицкій князь вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ подошелъ къ Луцку, но, постоявши нѣсколько времени подъ городомъ, ушелъ, ничего не сдѣлавъ ему. Юрій не могъ продолжать войны съ Изяславичами, потому что Черниговскій Давидовичъ, въ надеждѣ на вражду Юрія съ остальными Мономаховичами и на нерасположеніе къ нему народа въ Русѣ, не оставлялъ своихъ притязаній: немедленно по пріѣздѣ въ

Черниговъ онъ уже началъ уговаривать Святослава Ольговича къ войнѣ съ Юріемъ; но тотъ удовольствовался тѣмъ, что отобралъ у племянника Святослава Всеволодовича три города (Сновскъ, Корачевъ, Воротыискъ), давши ему въ замѣнъ нѣкіе-то три похуже, и не захотѣлъ вооружиться противъ стараго союзника; Юрій вѣроятно зналъ о замыслахъ Давидовича съ другой стороны безпокоили его Половцы; и потому онъ послалъ въ Смоленскъ сказать Ростиславу Мстиславичу: «Сини прїѣзжай сюда, а то мнѣ не съ кѣмъ удержать Русской земли». Ростиславъ прїѣхалъ къ нему и устроилъ миръ между дядей и племянниками своими, причемъ Владиміръ Мстиславичъ и Ярославъ Изяславичъ имѣли личное свиданіе съ Юріемъ; но Мстиславъ Изяславичъ не поѣхалъ изъ страха, что Кіевскій князь схватитъ его. Уладившись теперь съ своими, Юрій послалъ сказать Давидовичу рѣшительно: «Приходи къ намъ на миръ, а не придешь, такъ мы къ тебѣ придемъ». Давидовичъ, вида, что всѣ Мономаховичи въ соединеніи, испугался, и прїѣхалъ вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ на сѣздъ, гдѣ уладились. Юрій далъ имъ по городу на западной сторонѣ Днѣпра: Давидовичу Корецкъ на Волини, Ольговичу Мозырь въ Туровской области; кромѣ того Юрій женилъ сына своего Глѣба на дочери Изяслава Черниговскаго.

Казалось, что послѣ этого миръ долженъ былъ водвориться во всѣхъ волостяхъ Русскихъ; но вышло иначе: въ разныхъ концахъ обнаружилась борьба съ тѣмъ же характеромъ, съ какимъ велась оно незадолго прежде, обнаружались усобицы между племянниками и дядьми: такъ въ Черниговской волости племянникъ Изяславовъ Святославъ, сынъ старшаго брата его Владиміра, вѣроятно будучи недоволенъ волостію, полученною отъ дяди, выбѣжалъ изъ Березаго (въ окрестностяхъ Чернигова) во Вщижь, захватилъ всѣ города по Деснѣ, и отступивъ отъ роднаго дяди, отдался въ покровительство Ростислава Мстиславича Смоленскаго; Святославъ Всеволодовичъ также всталъ противъ дядей; послѣдніе пошли было противъ племянниковъ, но заключили съ нимъ миръ, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Въ то же время подобное явленіе обнаружилось на Волини: мы видѣли, что здѣсь сидѣлъ Владиміръ Мстиславичъ съ двумя племянниками — Мстиславомъ и Ярославомъ Изяславичами: Мсти-

мать, по примѣру отца, думая, что голова Владиміра пойдетъ въ старшему мѣсту, ибо Владиміръ хотя былъ ему и дядя, но вѣроятно даже моложе его лѣтами²⁰⁰, и притомъ былъ сыномъ матици Изяславовой, второй жены Мстислава Великаго, почему называется въ лѣтописи относительно Изяславичей не дядею (примемъ), но мачешичемъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, Мстиславъ попалъ нечаянно на дядю во Владиміръ, захватилъ и жену, мать, все имѣніе, а самого прогналъ въ Венгрію. Юрій, самъ будучи младшимъ дядею, долженъ былъ вступить за Владиміра, и дѣйствительно пошелъ на Мстислава (1157 г.) и затемъ своимъ Ярославомъ Галицкимъ, сыновьями, племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ, княжившимъ, какъ мы видали въ Брестѣ, и съ Берендѣями; Черниговскіе также хотѣли ѣхать имъ идти, но, по совѣту Ярослава Галицкаго, Юрій не взялъ ихъ съ собою. Скоро оказалось, что Юрій началъ эту войну не за Владиміра Мстиславича, но за другаго племянника своего, Владиміра Андреевича, потому что далъ клятву покойному брату своему Андрею, и потомъ сыну его — добыть для послѣдняго Владиміръ Волинскій. Взять нечаянно этотъ городъ Юрій не удалось; онъ началъ осаду, во время которой Владиміръ Андреевичъ отпросился у Юрія воевать другіе города, и когда подъѣхалъ къ Червеню, то началъ говорить жителямъ: «Я пришелъ къ вамъ не ратью, потому что вы были люди много отцу моему, и я вамъ свой княжичъ, отворитесь». Въ отѣтъ одинъ изъ жителей пустилъ стрѣлу и угодилъ въ горло Владиміру; рана была впрочемъ не опасна, и Владиміръ успѣлъ помстить Червенцамъ страшнымъ опустошеніемъ ихъ волости. Восемь дней стоялъ Юрій у Владиміра, не видя ни малѣйшаго свѣха; есть даже извѣстіе, что Мстиславъ сдѣлалъ вылазку, и нанесъ сильное пораженіе Галицкимъ полкамъ²⁰¹; тогда Юрій, посоветовавшись съ сыновьями и дружиною, пошелъ назадъ въ Цѣвъ, а Ярославъ въ Галичь; Мстиславъ шелъ въ слѣдъ за Юріемъ до самаго Дорогобужа, пожигая села, и много зла навѣвалъ, говоритъ лѣтописецъ. Пришедши въ Дорогобужъ, Юрій казалъ въ утѣшеніе Владиміру Андреевичу: «Сынъ! мы цѣловали крестъ съ твоимъ отцемъ, что кто изъ насъ останется живъ, тотъ будетъ отцемъ для дѣтей умершаго, и волости за нимъ удержать, а потомъ я и тебѣ поклялся имѣть тебя сыномъ

и Владимира искать тебѣ; теперь, если Владимира подобылъ, то вотъ тебѣ волость — Дорогобужь, Пересопница и всѣ Погорнскіе города».

Нападеніе Юрія на племянниковъ и не въ пользу брата окончаніе у нихъ волости въ пользу Владимира Андреевича должно было разсердить Ростислава Смоленскаго, обязаннаго заботиться о выгодахъ племени Мстиславова. Это помогло Изяславу Давидовичу Черниговскому уговорить его начать войну противъ Юрія; разумѣется, что Мстислава Волынскаго не нужно было уговаривать къ союзу противъ дѣда. Давидовичъ попытался было уговорить къ тому же и Святослава Ольговича, но понапрасну, тотъ отвѣчалъ: «Я крестъ цѣловалъ Юрію, не могу безъ причины встать на него». Отказъ Ольговича не помѣшалъ однако союзникамъ порѣшить походомъ противъ Юрія: Изяславъ долженъ былъ выступить съ полками Черниговскими и Смоленскими, которыми начальствовалъ Романъ, сынъ Ростиславовъ; въ то же время Мстиславъ Изяславичъ долженъ былъ ударить на Юрія съ запада; но въ тотъ самый день, когда Давидовичъ хотѣлъ двинуться къ Кіеву, оттуда прискакалъ къ нему гонецъ съ вѣстію: «Ступай, князь, въ Кіевъ: Юрій умеръ» — это посольство отъ Кіевлянъ служитъ доказательствомъ, что они знали о намѣреніи союзниковъ и были готовы къ принятію Давидовича; иначе не послали бы прямо къ нему съ вѣстію о смерти Юрія и съ приглашеніемъ пріѣхать княжить у нихъ. Изяславъ, получивъ эту вѣсть, заплакалъ и сказалъ: «Благословенъ еси, Господи, что рассудилъ меня съ нимъ смертію, а не кровопролитіемъ». 10-го мая (1157 г.) Юрій пировалъ у осменника Петрилы ^{***}, въ ночь занемогъ, и черезъ пять дней умеръ. Въ день похоронъ (16-го мая) надѣлалось много зла, говоритъ лѣтописецъ: разграбили дворъ Юрьевъ Красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ, который онъ самъ звалъ раемъ, также дворъ Василька сына его въ городѣ; перебили Суздальцевъ во городахъ и селамъ, имѣніе ихъ разграбили: эти дѣйствія Кіевлянъ служатъ яснымъ знакомъ нерасположенія ихъ къ Юрію и его Суздальской дружинѣ, которую онъ привелъ съ сѣвера ^{***}.

Смертію Юрія кончилось третье поколѣніе Ярославичей. Главнымъ характеромъ княжескихъ отношеній въ ихъ время, была, какъ мы видѣли, борьба младшихъ дядей съ племянника-

ни отъ старшаго брата, кончившаяся торжествомъ дядей, т. е. торжествомъ права всѣхъ родичей на старшинство; въ это же время успѣли возстановить свое право на старшинство объ линіи Святославичей — Ольговичи и Давидовичи. Изъ событій въ отдѣльныхъ княжествахъ мы упоминали о дѣятельности Владимірка Галицкаго и сына его Ярослава; видѣли дѣятельность потомковъ Изяслава Ярославича — Юрія Ярославича и внуковъ Вячеслава Ярославича, при чемъ однако ничего не знаемъ о ихъ волостяхъ; изъ потомковъ Давида Игоревича встрѣчали извѣстія о внукѣ его Борисѣ Всеволодовичѣ, князѣ Городецкомъ. Мы видѣли, что Изяславичи Полоцкіе по смерти Мстислава возвратились изъ изгнанія въ свою волость, успѣли овладѣть и Минскомъ: послѣ Василька Святославича, княжилъ въ Полоцкѣ Рогволодъ Борисовичъ, женатый на дочери Изяслава Мстиславича; во все продолженіе борьбы въ Днѣпровской области не слышно о Полоцкихъ князьяхъ, хотя по родственному союзу Рогволодъ и могъ бы помогать Изяславу Мстиславичу, знакъ, что онъ не имѣлъ къ тому или средствъ, или времени. Въ 1151 году Полочане, не безъ участія князей, схватили Рогволода, отослали въ Минскъ, держали его здѣсь въ большей нуждѣ, а къ себѣ приняли, вѣроятно изъ Минска, Ростислава, сына извѣстнаго намъ Глѣба Всеславича; но, какъ видно, Полочане боялись, чтобы торжествующій тогда Изяславъ Мстиславичъ не вступился за зятя своего Рогволода, и потому отдались въ покровительство Изяславова врага, Святослава Ольговича Сѣверскаго: Глѣбовичъ поклялся Святославу почитать его отцемъ и ходить въ его послушаньи. Быть можетъ, этотъ союзъ Ольговича съ Полоцкимъ княземъ, врагомъ зятя Изяславова Рогволода, былъ не безъ вліянія на враждебныя дѣйствія Изяслава противъ Юрія, пріятеля Святославова: мы видѣли, что тотчасъ послѣ этого союза Изяславъ раззоряетъ Городецъ Юрія. — Въ областяхъ Муромскихъ и Рязанскихъ мы видѣли борьбу между дядею Ростиславомъ Ярославичемъ и племянникомъ Владиміромъ Святославичемъ: племянникъ дѣйствовалъ за одно съ Ольговичемъ и Юріемъ, дядя съ Мстиславичами противъ Юрія, за что и былъ изгнанъ въ степи къ Половцамъ сыновьями послѣдняго; когда онъ возвратился, не знаемъ; знаемъ только то, что въ 1147 году князья Рязанскіе являются рогни-

кам и Ростислава Мстиславича Смоленскаго, т. е. признають его за отца и ходять въ его послушаніи²²⁴; но въ 1152 году тотъ же самый Ростиславъ Ярославичъ Муромскій съ братьями шелъ вмѣстѣ съ Юріемъ на его племянниковъ; въ 1154 году видимъ опять вражду Юрія съ Ростиславомъ: возвратясь изъ-подъ Козельска, Юрій выгналъ Ростислава изъ его волости и отдалъ ее сыну своему Андрею: но Ростиславъ скоро явился опять съ Половцами; напалъ на Андрея ночью, перебилъ его дружину; самъ Андрей объ одномъ сапогѣ бѣжалъ изъ Рязани въ Муромъ, а оттуда въ Суздаль; наконецъ въ 1155 году опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій цѣловалъ крестъ съ Рязанскими князьями на всей любви: они всѣ смотрѣли на Ростислава, имѣли его себѣ отцемъ. — Въ Новгородѣ мы оставили княземъ Святополка Мстиславича, посадникомъ, какъ видно, оставался по прежнему Судила: Святополкъ, принявши Новгородомъ изъ рукъ Всеволода Ольговича, не могъ свергнуть стараго пріятеля Ольговичей; только черезъ годъ или больше, въ 1144 году читаемъ извѣстіе, что посадничество было дано Нѣжатѣ Твердятичу, также товарищу Судилу. Смерть Всеволода Ольговича и утверженіе въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича не могло перемѣнить хода дѣлъ въ Новгородѣ: Святополкъ оставался по прежнему тамъ княземъ; только отняли посадничество у Нѣжаты, стараго пріятеля Ольговичей, и дали его Константину Микулиничу, старому приверженцу Мстиславичей, за что онъ и страдалъ въ заточеніи у Ольговича въ Кіевѣ. Въ 1147 году, по смерти Константина, посадникомъ избранъ опять Судила Ивановичъ, какъ видно успѣвшій примириться со стороною Мономаховичей. Между тѣмъ шла война у Новгорода съ сосѣдомъ Юріемъ Ростовскимъ: въ 1147 году Святополкъ со всею областію Новгородскою выступилъ противъ дяди, но возвратился отъ Торжка за распутьемъ. Въ слѣдующемъ году архіепископъ Нифонтъ отправился въ Суздаль къ Юрію за миромъ: Юрій принялъ его съ любовію, освободилъ по его просьбѣ всѣхъ Новоторжцевъ и гостей, и отпустилъ ихъ съ честію въ Новгородъ, но мира не далъ. Въ томъ же году, какъ мы видѣли, Изяславъ вывелъ изъ Новгорода брата Святополка, злобы его ради, и прислалъ на его мѣсто сына Ярослава. По нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ²²⁵,

Изяславъ вывелъ Святополка за то, что тотъ позволилъ Новгородцамъ безъ его вѣдома сноситься съ Юріемъ о мирѣ; быть можетъ это желаніе Новгородцевъ помириться съ Юріемъ было въ связи съ избраніемъ Судилы, пріятеля Ростовскаго князя. Мы видѣли подробности пріѣзда Изяславова въ Новгородъ и вхожда его съ Новгородцами на Ростовскую землю. Должно быть пребываніе ласковаго Мстиславича надолго оставило въ Новгородѣ пріятную память, потому что во время борьбы его съ дядею Юріемъ на югѣ, не смотря на неоднократное торжество послѣдняго, Новгородцы продолжали держать Ярослава Изяславича и враждовать, въ ущербъ себѣ, съ Ростовскимъ княземъ: такъ въ 1149 году небольшой отрядъ Новгородцевъ пошелъ за данью въ Двинскую область; Юрій, узнавши, что Новгородцевъ не много, послалъ перехватать ихъ извѣстнаго Ивана Берладника, находившагося тогда, какъ видно, въ его службѣ, но Ивану не удалось перехватить Новгородцевъ: они отбились, при чемъ много легло съ обѣихъ сторонъ, впрочемъ Суздальцевъ гораздо больше, по замѣчанію Новгородскаго лѣтописца. Но, держа Изяславича во время неудачъ отца его, Новгородцы вдругъ выгнали его въ 1154 году; о причинахъ лѣтописецъ молчитъ; видно только одно, что Ярославъ нарушилъ нарядъ, т. е. былъ причиною борьбы сторонъ, для примиренія которыхъ Новгородцы призываютъ изъ Смоленска Ростислава Мстиславича—знакъ, что они не хотѣли разрывать съ Мстиславичами и Кіевскимъ княземъ: не могъ Ростиславъ безъ согласія старшаго брата занять Новгородъ. Но и Ростиславъ не установилъ наряда; позванный въ Кіевъ по смерти Изяславовой, онъ оставилъ въ Новгородѣ сына Давида при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при сильномъ неудовольствіи на послѣднія его распоряженія; Новгородцы, говорятъ лѣтописецъ, разсердились на Ростислава за то, что онъ не установилъ у нихъ порядка, но еще больше надѣлалъ смуты, и показали по немъ путь сыну его, взявши къ себѣ въ князья Мстислава, сына Юріева; утвержденіе самого Юрія на столѣ Кіевскомъ утвердило и сына его на столѣ Новгородскомъ. Но мы видѣли, что Юрій не долго было спокоенъ въ Кіевѣ, не долго спокойствіе могло сохраняться и въ Новгородѣ: союзъ всѣхъ Мстиславичей и Давидовича противъ Юрія, какъ видно, послу-

жель знакомъ къ возстанію стороны Мстиславичей и въ Новгородѣ; еще въ 1156 году отнято было посадиничество у Судни, и отдано старому Якуну Мірославичу; въ 1157 году, всталъ злая распря между жителями Новгорода, вооружились противъ князя Мстислава Юрьевича, и начали выгонять его, но Юрьевичъ успѣлъ уже приобрѣсти приверженцевъ: торговая сторона вооружилась за него, и едва дѣло не дошло до кровопролитія. Пріѣздъ двоихъ Ростиславичей, Святослава и Давида и бѣгство Юрьевича дало торжество сторонѣ Мстиславичей. Черезъ три дня пріѣхалъ въ Новгородъ самъ Ростиславъ изъ Смоленска, и на этотъ разъ успѣлъ примирить стороны: зла не было никакого, говоритъ лѣтописецъ: уѣзжая изъ Новгорода, Ростиславъ оставилъ здѣсь сына Святослава, а Давида посадилъ въ Торжкѣ, какъ видно для обереганія границы со стороны Суздальской.

Касательно внѣшнихъ отношеній по прежнему продолжалась борьба съ пограничными варварами, на югъ съ Половцами, и съверь съ Финскими племенами. Усобица Юрія съ племянникомъ Изяславомъ давала Половцамъ средства жить на счетъ Руси. Мы видѣли, что по утвержденіи Юрія въ Кіевѣ, въ 1159 году, Поросье получило особаго князя, сына его Василька; Половцы не замедлили навѣститъ послѣдняго въ новой волости; но Василько съ Берендѣями разбилъ ихъ, и пріѣхалъ къ отцу со славою и честью, по выраженію лѣтописца. Скоро послѣ этого Юрій отправился къ Каневу на съѣздъ съ ханами Половецкими: они начали просить освобожденія плѣнниковъ своихъ, взятыхъ Берендѣями въ послѣдней битвѣ; но Берендѣи не отдали, и сказали Юрію: «Мы умираемъ за Русскую землю съ твоимъ сыномъ, и головы свои складываемъ за твою честь». Юрій не захотѣлъ насильно взять у нихъ плѣнниковъ, потому что опасна было раздражить эту пограничную стражу; онъ обдарилъ Половцевъ и отпустилъ ихъ; это любопытное извѣстіе показываетъ намъ отношенія пограничныхъ варваровъ къ князьямъ, за честь которыхъ они складывали свои головы. Въ томъ же году Половцы опять пришли на границу за миромъ; Юрій пошелъ толковать съ ними о мирѣ такъ, какъ обыкновенно ходили на добрую войну: взялъ съ собою обонхъ Мстиславичей Ростислава и Владимира, Ярослава Изяславича, отрядъ Галицкаго войска, и по-

малъ сказать Половцамъ: «Ступайте ко мнѣ на миръ». Половцы рѣхали сначала въ небольшомъ числѣ, поглядѣть только, много ли у Русскихъ войска, и сказали Юрію: «Завтра придемъ къ вамъ всѣ»; но въ ночь всѣ убѣжали.—На сѣверѣ въ 1149 году Лины (Ямь) пришли ратью на Новгородскую волость, на Водскую пятину; Новгородцы съ Водью вышли къ нимъ на встрѣчу въ числѣ 500 человекъ, и не упустили ни одного человека изъ ширителей: всѣхъ перебили или побрали въ плѣнъ.

Что касается бояръ, дѣйствовавшихъ въ разсмотрѣнный періодъ времени, то изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли у Мономаха, Давидъ Войтшичъ продолжалъ служить и сыну Мономахову Мстиславу, ходилъ съ Торками на Полоцкихъ князей; оставался въ Кіевѣ и при Всеволодѣ Ольговичѣ, который посылалъ его устанавливать нарядъ въ Новгородѣ, но вмѣстѣ съ другими главными боярами, дѣйствовалъ противъ брата его Игоря въ пользу внука Мономахова. Мы видѣли при Момахѣ Переяславскимъ тысяцкимъ Станислава; въ разсказѣ о Супойской битвѣ при Ярополкѣ, летописецъ говоритъ, что въ числѣ убитыхъ бояръ находился Станиславъ Добрый Тукіевичъ: имѣемъ право принять этого Станислава за прежняго Переяславскаго тысяцкаго и считать его сыномъ Тукія, Чудинова брата, известнаго намъ прежде. Вмѣстѣ съ Станиславомъ въ Супойской битвѣ палъ и тысяцкій Кіевскій Ярополковъ—Давидъ Яруновичъ; по его смерти неизвестно, кто былъ тысяцкимъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ эту должность исправлялъ Ульбъ, дѣйствовавшій противъ Игоря Ольговича въ пользу Изяслава Мстиславича, и потомъ ѣздившій посломъ отъ Изяслава Мстиславича къ Давидовичамъ въ 1147 году; вмѣстѣ съ Ульбомъ дѣйствовали за одно и Лазарь Саковскій, бывшій Тысяцкимъ послѣ Ульба, Василій Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичъ) Хилчъ шукъ; мы встрѣчали имя Василя при Святополкѣ, известное время Василь былъ посадникомъ этого князя во Владимірѣ Волыскомъ; если это тотъ самый, то ему могло быть въ 1146 году лѣтъ 75, 80; имя Мірослава видѣли мы въ числѣ бояръ, участвовавшихъ въ составленіи устава Мономахова. Послѣ торжества Изяслава надъ Игоремъ, взяты были бояре, преданные Ольговичимъ; нѣтъ права утверждать, что эти бояре были именно Черниговскіе бояре Ольговичей, они могли быть и старин-

ные Кіевскіе, но преданные Ольговичамъ; ихъ имена: Давидъ Великій, Юрій Прокопъичъ, Иворъ Юрьевичъ, внукъ Мірослава. Что касается до отчества второго изъ нихъ—Юрія Прокопъича, то мы видѣли Прокопія, Бѣлгородскаго тысяцкаго убитымъ при составленіи Мономахова устава о ростахъ. Въ 1146 году при осадѣ Новгорода Свѣрскаго Давидовичамъ Мстиславомъ Изяславичемъ, упоминаются въ числѣ убитыхъ Дмитрій Жирославичъ и Андрей Лазаревичъ; если послѣдній былъ съ Мстиславомъ, то могъ быть сыномъ Лазаря Саковскаго. Въ 1147 году, по случаю убійства Игоря Ольговича, упоминаются въ Кіевѣ извѣстный уже Лазарь Саковскій, вмѣстѣ теперь должность тысяцкаго, и Рагуило Добрыничъ (быть можетъ сынъ Добрыни или Добрынка, боярина въ дружинѣ Изяслава Мстиславича), тысяцкій Владиміра Мстиславича, и другой бояринъ его Михаилъ, помогавшій своему князю защищать Игоря отъ убійцъ; послами отъ Изяслава въ Кіевъ съ вѣстью объ измѣнѣ Черниговскихъ князей были—Добрыню и Радко. Любопытно, что Лазарь былъ тысяцкимъ еще при жизни прежняго тысяцкаго Улѣба, который находился въ это время въ войскѣ вмѣстѣ съ княземъ Изяславомъ; быть можетъ отказъ Кіевлянъ идти съ Изяславомъ противъ Юрія былъ причиною отреченія Улѣбова отъ должности тысяцкаго. Подъ 1151 годомъ упоминается воевода Изяслава Мстиславича—Шварно, который не умѣлъ уберечь Зарубскаго брода; подъ слѣдующимъ годомъ видимъ Изяслава боярина Петра Борисовича, который ѣздилъ посломъ къ Владиміру Галицкому. Наконецъ по случаю смерти Юрія Долгорукаго летопись упоминаетъ о законѣ—то Петрилъ-Осменикъ, у котораго Юрій пировалъ передъ кончиною.—Изъ бояръ Вячеслава Владиміровича Туровскаго упоминается подъ 1127 годомъ тысяцкій его Иванко, находившій вмѣстѣ съ своимъ княземъ на Полоцкую волость при князѣ Мстиславѣ. Быть можетъ это лице тождественно съ извѣстнымъ намъ прежде Иванкомъ Захарычемъ, потому что рѣдъ упоминается имя сына этого Иванка, Жирослава Ивановича въ 1146 году Вячеславъ, по наученію бояръ своихъ, началъ распорядиться какъ старшій, не обращая вниманія на племянника Изяслава,—послѣдній отнялъ у него за это Туровъ, гдѣ вмѣстѣ съ епископомъ Іоакимомъ захваченъ былъ посаженъ

Жирославъ: по связи разсказа можно заключать, что этотъ Жирославъ былъ однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Вячеслава; послѣ, неизвѣстно какимъ образомъ, Жирославъ освободился изъ плѣна, и мы видимъ уже его въ дружинѣ Юрія Ростовскаго; онъ пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, Глѣбомъ на югъ, и подучалъ его захватить Переяславль, представляя, что Переяславцы охотно передадутся ему; быть можетъ онъ же былъ во-зводою Половецкаго отряда въ войнѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году; наконецъ въ 1155 году Юрій посмалъ Жирослава выгнать Мстислава Изяславича изъ Пересопницы.—Изъ Волынскихъ бояръ Андрея Владиміровича упоминается тысяцкій его Вратиславъ. Изъ Галицкихъ бояръ упоминаются Иванъ Халдѣевичъ, такъ дѣятельно защищавшій Звенигородъ отъ Всеволода Ольговича, въ 1146 году; потомъ Избыгивъ Ивачевичъ, съ которымъ самъ-другъ бѣжалъ Владимірко съ поля битвы въ Черемышль въ 1152 году; наконецъ Кснيتينъ или Константинъ Остролавичъ подъ 1157 годомъ въ посольствѣ отъ Ярослава къ Юрію Долгорукому. Изъ бояръ Святослава Ольговича Сѣверскаго упомянуть Коснатко, хлопотавшій по дѣламъ своего князя у Давидовичей въ Черниговѣ въ 1146 году; потомъ Петръ Нльчъ, бывшій бояриномъ еще у Олега Святославича; онъ умеръ въ 1147 году 90 лѣтъ, не будучи въ состояніи уже отъ старости садиться на коня; лѣтописецъ называетъ его добрымъ старцемъ^{***}, тиunami Всеволода Ольговича были въ Кіевѣ Ратша, а въ Вышгородѣ Тудоръ, которые такъ раздражили народъ своими грабительствами. Изъ Ростовскихъ бояръ упоминается подъ 1130 годомъ Ростовскій тысяцкій Юрій. Въ битвѣ Глѣба Юрьевича съ Мстиславомъ Изяславичемъ у Переяславля въ 1148 году послѣдній всталъ въ плѣнъ какого-то Станиславича, который былъ казнень казнью злою, вѣроятно за крамолу съ Переяславцами; быть можетъ это былъ сынъ Переяславскаго тысяцкаго Станислава Тужіевича, о которомъ мы говорили выше; Станиславичъ въ это время передался на сторону Юрія, за что и былъ казнень казнью злою.

ГЛАВА V.

СОБЫТІЯ ОТЪ СМЕРТИ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ДО ВЗЯТІЯ КІЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО:

(1157—1169).

Изяславъ Давидовичъ вторично княжить въ Кіевъ; причини этого явленія. Перемѣненіе въ Черниговской волости. Неудачный походъ князей на Туровъ. Изяславъ Давидовичъ заступается за Галицкаго изгнанника Івана Берладника: Это вооружаетъ противъ него многихъ князей. Неудачный походъ Изяслава на князя Ярослава Галицкаго и Мстислава Изяславича Волынскаго. Онъ принужденъ оставить Кіевъ, куда Мстиславъ Изяславичъ Волынский переноситъ дядю своего Ростислава Мстиславича изъ Смоленска. Уговоръ дяди и племянника на счетъ двухъ кнуропоантовъ—соперниковъ. Война съ Изяславомъ Давидовичемъ. Смерть послѣдняго. Ссора В. Князя Ростислава съ племянникомъ, Мстиславомъ Валынскимъ. Смерть Святослава Ольговича Черниговскаго и смута по этому случаю на восточной сторонѣ Днѣпра. Смерть В. Князя Ростислава; характеръ его. Мстиславъ Изяславичъ княжить въ Кіевъ. Неудовольствіе князей на него. Войско Андрея Боголюбскаго изгоняетъ Мстислава изъ Кіева и осуждаетъ этотъ городъ. Смерть Івана Берладника. Смуты Полоцкія. Событія въ Новгородѣ Великомъ. Борьба Новгородцевъ со Шведами. Война Андрея Боголюбскаго съ Кнѣзими Болгарами. Борьба съ Половцами. Дружина.

Въ другой разъ Святославичъ, теперь племени Давидова получилъ родовое старшинство и Кіевъ; успѣхомъ своимъ Изяславъ Давидовичъ былъ обязанъ тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ, какія дали возможность получить Кіевъ и двоюродному брату его Всеволоду Ольговичу: старшимъ въ племени Мономаховомъ былъ Ростиславъ Мстиславичъ, нисколько не похожій на доблестнаго брата своего, могшій съ успѣхомъ дѣйствовать только при послѣднемъ, и рѣзко обнаружившій свою незначительность, когда пришлось дѣйствовать одному, въ чести родичей; бѣгство его предъ полками Изяслава Давидовича по

смерти Васославовой могло ли ручаться за успѣхъ вторичной его борьбы съ тѣмъ же княземъ? нѣтъ сомнѣнія, что заключая союзъ противъ Юрія съ Черниговскимъ княземъ, Ростиславъ отказался отъ старшинства въ пользу послѣдняго, который, по родовымъ счетамъ, точно приходился ему дядею; Мстиславъ Изяславичъ, самый даровитый и дѣятельный князь въ племени Мстиславичей, не могъ дѣйствовать одинъ ни въ пользу дяди противъ воли послѣдняго, тѣмъ менѣе въ свою собственную пользу: примѣръ отца показывалъ ему, что нельзя затрогивать господствующихъ вѣнатій о правахъ дядей, особенно старшихъ. И вотъ послѣдствіе этихъ-то причинъ Изяславъ Давидовичъ въ другой разъ въѣхалъ въ Кіевъ, теперь уже по согласію всѣхъ Мономаховичей: о сынѣ Юрія, Андрѣ Боголюбскомъ не было, по крайней мѣрѣ, ничего слышно. Но перемѣщеніе Давидовича на столъ Кіевскій не могло не повлечь за собою перемѣненій въ Черниговской волости: по родовымъ счетамъ Черниговъ долженъ былъ перейти къ Святославу Ольговичу, не только старшему по Изяславѣ въ племени Святославровѣмъ, но и въ цѣломъ родѣ Ярославичей, и вотъ Ольговичъ, съ племянникомъ своимъ Святославомъ Всеволодичемъ явился передъ Черниговомъ, но не былъ впущенъ туда роднымъ племянникомъ Изяслава, Святославомъ Владиміровичемъ, котораго дядя, отъѣзжая въ Кіевъ, оставилъ здѣсь со всѣмъ полкомъ своимъ; итѣописецъ говоритъ оставилъ, а не посадилъ — знакъ, что Изяславъ не передалъ ему Чернигова во владѣніе, но не хотѣлъ только, какъ видно, впускать туда Ольговича, съ которымъ былъ не въ ладахъ, потому что послѣдній не согласенъ идти съ нимъ вмѣстѣ на Юрія. Ольговичи, не впущенные въ Черниговъ, отступили отъ города, и стали за Савною рѣкою, на прѣтвѣноположномъ берегу которой скоро показались полки Изяслава Давидовича, пришедшаго вмѣстѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ. Дѣло не дошло однако до битвы: Давидовичу трудно было ударжать Черниговъ за собою, страшно отдать племяннику вмѣсто дяди: оба дѣйствія одинаково сильно противорѣчили современнѣмъ понятіямъ; вотъ почему Давидовичъ сталъ пересылаться съ Ольговичемъ, и положили на томъ, что Черниговъ достанется послѣднему, а Сѣверская область Святославу Всеволодовичу; но Святославу Ольговичу досталось не

вся Черниговская волость: большую часть ее удержалъ Изяславъ за собою и за родными племянниками Святославомъ Владимировичемъ; Мозырь, уступленный прежде Юрію Святославу, также отошелъ къ Кіевской волости.

На западъ, въ области Туровской произошло также любопытное явленіе: мы видали, что Юрій, утвердившись въ Кіеве, отдалъ Туровъ сыну своему Борису; по смерти отца, при общемъ нерасположеніи къ нему на югъ, Борисъ не могъ удержаться въ Туровѣ, и былъ смѣненъ здѣсь кнѣземъ Юріемъ Ярославичемъ, представителемъ Изяславовой линіи; очевъ вероятно даже, что Юрій выгналъ Бориса²⁶⁷. Но ни Давидовичи, ни Мстиславичи не хотѣли позволить этому изгою владѣть такою важною волостію, тѣмъ болѣе что, какъ видно, они прежде уговорились отдать ее младшему Мстиславичу—Владиміру, а не въ высшему стола. Велѣдствіе этого Изяславъ отправился къ Ярославича къ Турову; съ нимъ пошелъ Владиміръ Мстиславичъ, Ярославъ Изяславичъ изъ Луцка, Ярополкъ Андреевичъ отъ брата изъ Дорогобужа, Рюрикъ Ростиславичъ отъ отца изъ Смоленска, пошли Полоцкій и Галицкій отряды; но пошелъ Мстиславъ Изяславичъ Волынской: вѣрно не хотѣлъ онъ добывать сильной волости враждебному дядѣ, который въ случаѣ удачи похода долженъ былъ сдѣлаться опаснымъ ему сообщникомъ. Туровская и Пинская волость были опустошены; но Юрій былъ крѣпко на вылазкахъ изъ Турова. Не смотря на то, онъ видѣлъ, что ему одному не устоять противъ союзниковъ и присылалъ съ просьбою къ Изяславу: «Братъ! прими меня къ себѣ въ любовь!» Изяславъ не соглашался, хотѣлъ непременно взять Туровъ и Пинскъ, но, престоивши 10 недѣль понапрасну, принужденъ былъ отступить, потому что въ войскѣ открылся какой надежъ; изгой Ярославичъ остался спокойно княжить въ Туровѣ, а Владиміръ Мстиславичъ по прежнему безъ волости.

Въ слѣдующемъ 1158 году встала смута въ Галичѣ, подавши поводъ къ изгнанію Изяслава Давидовича изъ Кіева, и переходу послѣдняго опять въ родъ Мономаховъ. Не разъ упоминали мы объ изгнанномъ Галицкомъ князѣ, Иванѣ Ростиславичѣ Берладникѣ, который принужденъ былъ служить разнымъ князьямъ Русскимъ; въ послѣдній разъ мы видали его на отворѣ, въ службѣ Юрія Долгорукаго, который посылалъ его порознь

Новгородцевъ. Когда Юрій окончательно утвердился въ Кіевѣ, то, нуждаясь въ помощи отца своего, Ярослава Галицкаго, согласился выдать ему несчастнаго Берладника, котораго уже и привели въ окопахъ изъ Суздаля въ Кіевъ, гдѣ дожидались его посланцы Ярослава съ большою дружиною. Но духовенство возмутилось противъ такого гнуснаго поступка; митрополитъ и всѣ епископы сзывали Юрія: «Грѣшишь тебя, цѣловавши крестъ, держать Ивана въ такой нуждѣ, да еще теперь хочешь выдать его на убійство». Юрій послушался, не выдалъ Берладника Галичанамъ, только отправилъ его назадъ въ Суздаль въ оковы. Но Изяславъ Давидовичъ Черниговскій, узнавъ, что Берладника ведутъ опять въ Суздаль, послалъ перехватить его на дорогѣ и привести къ себѣ. По смерти Юрія, когда Изяславъ занялъ его мѣсто въ Кіевѣ, Берладникъ оставался здѣсь на свободѣ, имѣлъ полную возможность сноситься съ недовольными Галичанамъ. Легко понять, что Ярославъ не могъ оставаться при этомъ покойнымъ: онъ началъ искать двоюроднаго брата своего Ивана, говорить лѣтписецъ, и подмовилъ всѣхъ князей Русскихъ, короля Венгерскаго, Польскихъ князей, чтобъ были ему помощниками на Ивана; трудно теперь объяснить, что заставило всѣхъ этихъ князей и короля согласиться на просьбу Ярослава? что возбуждало ихъ ненависть противъ несчастнаго Берладника? развѣ то, что взявши деньги у одного князя, онъ переходилъ къ другому, потомъ къ третьему; быть можетъ также Ярославъ, подобно еписку, дѣйствовалъ хитро, каждому князю умѣлъ обещать что-нибудь выгодное. Какъ бы то ни было, одинъ Изяславъ Давидовичъ продолжалъ защищать Берладника, и когда явились къ нему послы отъ всѣхъ почти князей Русскихъ (Ярослава Галицкаго, Святослава Ольговича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича, Святослава Всеволодовича), отъ Венгерскаго короля и князей Польскихъ съ требованіемъ выдачи Берладника, то Изяславъ перессорилъ ихъ всѣхъ, и отступилъ съ рѣшительнымъ отказомъ. Берладникъ однако неутрачилъ почти всеобщаго союза князей противъ себя, убѣжалъ въ степь къ Половцамъ, занялъ съ ними подунайскіе города, перехватилъ два судна Галицкія, взял много товару, и началъ преслѣдовать Галицкихъ разбойниковъ. Собралши много Половцевъ, присоединивши къ нимъ

еще 6000 Берладниковъ, такихъ же изгнанниковъ, которыхъ некъ онъ самъ, Иванъ повелъ съ ними въ Галицкую область, захватилъ городъ Кучеванну, и осадилъ Ушицу: засада (гарнизонъ) Ярославова крѣпко билась изъ города, но скоро начали пересанивать черезъ стѣну къ Ивану, и первоначально ихъ 300 человекъ; Половци хотѣли взять городъ, но Иванъ не позволилъ, за что варвары озлобились на него и ушли, а между тѣмъ Изяславъ прислалъ звать его съ своимъ войскомъ въ Кіевъ, готовясь къ войнѣ. Монашескіи князья, главнымъ изъ которыхъ на дѣлѣ былъ Мстиславъ Изяславичъ Волынской, открылся теперь удобный случай изгнать Давидовича изъ Кіева, и опять перевести этотъ городъ въ свое племя: все князья были сердиты на Изяслава за отказъ выдать Берладника, и вотъ Мстиславъ и Владиміръ Андреевичъ согласились съ Ярославомъ Галицкимъ идти на Кіевскаго князя. Изяславъ, видя бѣду, сѣвшилъ, но крайней мѣрѣ, примириться съ собственными племенемъ, и послалъ сказать Святославу Ольговичу, что уступаетъ ему два города, Мозырь и Чичерскъ въ Кіевской волости. Святославъ велѣлъ отвѣчать ему: «Нраву сказать, братъ, я сердился на тебя за то, что не отдаешь мнѣ всей Черниговской волости, но лиха тебѣ не хотѣлъ; а если теперь хочешь на тебя идти, то избави меня Богъ волоститься (помогать тебѣ изъ волости): ты мнѣ братъ, дай мнѣ Богъ съ тобою помить въ добръ». Въ Лутавѣ (4 версты отъ Остра) съѣхались все Святославичи — Ольговичъ, съ сыновьями и роднымъ племянникомъ Всеволодовичемъ, Давидовичъ съ своимъ племянникомъ, Владиміровичемъ, была любовь великая: между ними три дня и дары большіе, по выраженію летописца; они немедленно отправили пословъ въ Галичь и на Волынь объявить темоничимъ князьямъ о своемъ тѣсномъ союзѣ, и это объявленіе достигло цѣли: Ярославъ и Мстиславъ отложили походъ. Но Изяславъ видѣлъ, что онъ можетъ быть покосенъ только на короткое время; вѣста приходилъ къ нему изъ Владиміра; что Ярославъ Галицкій и Мстиславъ Волынской вслѣдуютъ идти къ Кіеву, и потому онъ рѣшился предупредить ихъ; обогонителства были благоприятны, потому что Берладникъ получилъ приглашеніе отъ Галичанъ: «Только покажутся твои знамена, то мы тотчасъ же отступимъ отъ Ярослава;» привязавши они го-

говорить ему. Только свергнувши Ярослава, и посадивши на его место Берладника, Давидович могъ спокойно сидѣть въ Кіевѣ, и потому послалъ сказать Ольговичамъ, чтобъ шли къ нему съ войскомъ на помощь. Но Черниговскій князь не умѣлъ или не хотѣлъ понять необходимости войны для Изяслава, и посылалъ не разъ говорить послѣднему: «Братъ! кому ищешь воювати — брату или сыну? лучшебъ тебѣ не начинать первому; а если пойдуть на тебя съ похвальбою, то и Богъ будетъ съ тобою, и я, и племянники мои». Мало того, когда Изяславъ, не послушавшись этихъ увѣщаній, выступилъ въ походъ, то въ Васильевѣ явился къ нему посолъ отъ Святослава съ такими словами: «Братъ не велитъ тебѣ начинать рати, велитъ тебѣ возвратиться». Справедливо раздосадованный, Изяславъ не удержался, и съ сердцемъ отвѣчалъ послу: «Скажи брату, что не возвращусь, когда уже пошелъ, да прибавь еще: если ты самъ нейдешь ко мною и сына не отпускаешь, то смотри: когда, Богъ дастъ, усязю въ Галичъ, то уже не жалуйся тогда на меня, какъ начнешь ползти изъ Чернигова къ Новгороду Сѣверскому». Святославъ сильно разобидѣлся этими словами: «Господи! говорилъ онъ: Ты видишь мое смиреніе: я на свои выгоды не смотрѣлъ, хотѣлъ только одного, чтобъ кровь христіанская не лилась, и отчина моя не гибла, взялъ Черниговъ съ семью городами пустыми, въ которыхъ сидятъ только псаря да Половцы, а всю волость Черниговскую онъ за собою держитъ, да за своимъ племянникомъ; и того ему мало: велитъ мнѣ изъ Чернигова выйти; ну, братъ, Богъ разсудитъ насъ и кресть честный, который ты цѣловалъ, что не искать подо мною Чернигова никакими образомъ; а я тебѣ не лиха хотѣлъ, когда запрещалъ идти на войну, хотѣлъ я добра и тишины Русской землѣ».

Между тѣмъ Изяславъ, отойдя немного отъ Кіева, остановился, чтобъ дожидаться племянника, котораго послалъ за Половцами, и когда тотъ пришелъ, то двинулся къ Бѣлгороду, уже взятому союзными князьями, Волинскимъ и Галицкимъ. Изяславъ осадилъ ихъ въ городѣ, и не сомнѣвался въ успѣхѣ, имея 20,000 Половцевъ, какъ язмѣна Берендѣевъ перемѣнила все дѣло: или надѣясь выиграть съ перемѣною, или действительно добродетелью сыну любимаго князя своего Изяслава, они вошли въ сношеніи съ осажденными, послали сказать Мстиславу: «Отъ

насъ теперь зависить, князь, и добро твое и зло; если хочешь насъ любить, какъ любилъ насъ отецъ твой, и дашь намъ во городу лучшему, то мы отступимъ отъ Изяслава ²⁶⁷. Мстиславъ обрадовался такому предложенію, и въ ту же ночь поцѣловалъ крестъ, что исполнить всѣ ихъ желанія, послѣ чего Берендѣи не стали медлить, и въ полночь поскакали съ крикомъ къ Выгороду. Изяславъ понялъ, что варвары затѣяли недоброе, съѣлъ на коня и поскакалъ къ ихъ стану; но увидавъ, что станъ горитъ, возвратился назадъ, взялъ племянника Святослава Владиміровича съ безземельнымъ Владиміромъ Мстиславичемъ, и побѣжалъ къ Днѣпру на Вышгородъ; въ Гомель дождался жещи, и бросился въ землю Вятичей, которую занялъ за то, что Святославъ Всеволодовичъ ни самъ не пришелъ къ нему на помощь, ни сына не отпустилъ; Святославъ отомстилъ дядѣ на боярахъ его, велѣлъ побрать всюду ихъ имѣніе, женъ и взялъ на нихъ окупъ.

Освобожденный Берендѣями отъ осады, Мстиславъ съ двумя союзниками вошелъ въ Кіевъ, захватилъ имѣніе дружины Изяславовой, отправилъ его къ себѣ во Владиміръ Волынскій, и послалъ въ Смоленскъ звать дядю Ростислава на старшій столъ, потому что прежде похода еще союзники цѣловали крестъ — искать Кіева Ростиславу. Но послѣдній повиналъ затруднительность своего положенія въ Кіевъ, гдѣ его, послѣ бѣгства передъ Давидовичемъ, не могли много любить и много уважать; на первомъ мѣстѣ здѣсь стоялъ дѣятельный и храбрый племянникъ, который теперь, подобно отцу своему, добылъ головою Кіева, и только по необходимости уступаетъ его дядѣ; Ростиславъ могъ думать, что племянникъ захочетъ смотрѣть на него, какъ прежде Изяславъ смотрѣлъ на стараго дядю Вячеслава: оказывать наружное уваженіе, называть отцемъ, и между тѣмъ на дѣлѣ быть настоящимъ княземъ—правителемъ; вотъ почему Ростиславъ послалъ сказать союзнымъ князьямъ: «Если зовете меня въ правду съ любовію, то я пойду въ Кіевъ на свою волю, чтобъ вы имѣли меня отцемъ себѣ въ правду и въ моемъ послушаніи ходили; и прежде всего объявляю вамъ: не хочу видѣть Климъ митрополитомъ, потому что онъ не взялъ благословенія отъ св. Софїи и отъ Патріарха». Но Мстиславъ крѣпко держался за Климъ и никакъ не хотѣлъ признать митрополитомъ Грета

Константина, за то, что послѣдній проклиналъ отца его, Изяслава. Тогда Ростиславъ послалъ въ Вышгородъ старшаго сына своего Романа, уговариваться съ Мстиславомъ на счетъ митрополита: послѣ долгихъ и крѣпкихъ рѣчей князья положили — съести обонхъ, и Кляма и Константина, и принять новаго митрополита изъ Константинополя.

Уладившись съ племянникомъ, Ростиславъ въѣхалъ въ Кіевъ въ 1159 году, и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ; а Мстиславъ получилъ изъ Кіевскихъ волостей Бѣлгородъ, Торческъ, Триполь. Имѣя одного врага въ Изяславѣ Давидовичѣ, князья Кіевскіе и Черниговскіе должны были необходимо соединиться, и дѣйствительно скоро съѣхались въ Моравскѣ на великую любовь, по выраженію лѣтописца; князья обѣдали другъ у друга безо всякаго извѣта и дарились: Ростиславъ дарилъ Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, бѣлыми волками, рыбьими зубьями; Святославъ отдалъ Ростиславу барсомъ и двумя борзыми конями въ кованныхъ сѣдлахъ; лѣтописецъ счелъ нужнымъ прибавить, что князья — Мономаховичъ и Ольговичъ угощали другъ друга безо всякаго извѣта; страненъ и подозрителенъ казался этотъ союзъ въ Кіевѣ, не ждали здѣсь ничего добраго отъ Святослава Ольговича, постоянного врага Мстиславичей, постоянного союзника Юрьева, не думали, чтобъ онъ могъ забыть убійство брата своего Игоря. Чтобъ успокоить Кіевлянъ и Берендѣевъ, Ростиславъ долженъ былъ взять къ себѣ Всеволода, сына Святослава Всеволодовича²²², въ замѣнъ своего сына Рюрика, котораго отправилъ къ Святославу, въ Черниговъ на помощь противъ Давидовича. Послѣдній не остался сидѣть спокойно въ землѣ Вятичей: онъ набралъ множество Половцевъ, и сталъ съ ними по Деснѣ; но принужденъ былъ ограничиться однимъ опустошеніемъ селъ, потому что войска Ольговича не пустили его черезъ рѣку. Не смотря на то однако оба Святослава — и дядя и племянникъ видѣли недостаточность своихъ силъ, и послали въ Кіевъ за новою помощію: Ростиславъ отправилъ къ нимъ Ярославъ Изяславича Луцкаго, Владимира Андреевича Дорогобужскаго и Галицкій отрядъ; Давидовичъ испугался и ушелъ съ Половцами въ степь; но на дорогѣ догналъ его гонецъ отъ Черниговскихъ крѣпостей, которые велѣли сказать ему: «Не уходи, князь, ни-

куда: брать твой Святославъ боленъ, а племянникъ его пошелъ въ Новгородъ Сѣверскій, отпустивши дружину». Получивъ эту вѣсть, Изяславъ немедленно поскакалъ къ Чернигову, а Святославъ Ольговичъ ничего не зная, и стоялъ спокойно передъ городомъ въ палаткахъ съ женою и дѣтьми, какъ вдругъ пришелъ сказать ему, что Изяславъ уже переправляется черезъ Десну, и Половцы жгутъ села; Святославъ тотчасъ же выстроилъ полки, послалъ возвратить съ дороги Владимира Андреевича и Рюрика, и тѣ явились въ тотъ же день, вмѣстѣ съ Галичанами. Такимъ образомъ Изяславу не удалось напасть въ располхъ на Ольговича: тотъ ждалъ съ многочисленными и выстроенными полками, а Берендѣи между тѣмъ напали на Половцевъ и убили ихъ; видя, что Половцы бѣгутъ раненные, а другіе тонутъ въ Деснѣ, Изяславъ спросилъ: «что это значитъ»? и, получивъ въ отвѣтъ, что у города стоятъ сильныя полки, бросился опять за Десну и потомъ въ степь, а союзники стали опустошать занятія имъ волости; но Изяславъ скоро опять явился съ толпами Половцевъ, изъ Черниговской прошелъ въ Смоленскую волость, и страшно опустошилъ ее. Половцы повели въ плѣнъ больше 10,000 человекъ, не считая убитыхъ.

Видя противъ себя и Мстиславича и Ольговича, Изяславъ обратился къ сѣверному князю, Андрею Юрьевичу, сидѣвшему во Владимірѣ Клязменскомъ: Изяславъ послалъ просить у него дочери въ замужество за племянника своего Святослава Владиміровича, князя Вишижскаго, и вмѣстѣ помощи, потому что женихъ былъ осажденъ въ своемъ городѣ Ольговичами, дядею и племянникомъ, и Рюрикомъ Ростиславичемъ. Андрей отправилъ къ нему на помощь сына своего Изяслава со всеми своими полками и муромскою помощію; вѣсть о приближеніи большой Ростовской силы заставляла сначала Ольговича отступить отъ Вишижа; но когда Андреевы полки ушли назадъ въ Ростовскую землю, то Ольговичи съ союзниками опять обступили Вишижъ, стояли около него пять недѣль и заставили Владиміровича отстать отъ союза съ роднымъ дядею, признать старшинство двоюроднаго, Ольговича, имѣть его вмѣсто отца и ходить въ его волѣ.

Не смотря однако на всѣ неудачи, Изяславъ не думалъ еще уступать; въ Кіевѣ и въ степной Украинѣ смотрѣли съ неудовольствіемъ и подозрительностію на тѣсный союзъ Ростислава

въ Ольговичемъ; этимъ нерасположеніемъ ногъ воспользоваться Давидовичъ, чтобъ разорвать союзъ Кіевского князя съ Черниговскимъ, союзъ, отнимавшій у него всякую надежду на успѣхъ; есть извѣстіе, что онъ действительно воспользовался имъ, успѣлъ подкупить бояръ Кіевскихъ и Черниговскихъ, которые изались перессорить князей своихъ; но сначала имъ это не удалось: князья не вѣрили навѣтамъ, переслались между собою, и еще крѣпче утвердили союзъ свой²⁰⁰. Чтобъ сблизить, помирить Ольговича съ Кіевлянами и пограничнымъ варварскимъ народонаселеніемъ, принимавшимъ такое важное участіе въ дѣлахъ важной Руси, Ростиславъ послалъ сказать Черниговскому князю: «Отпусти ко мнѣ сына своего Олега, пусть ознакомится съ лучшими Кіевлянами, Берендѣями и Тюрками». Святославъ, ничего не подозревая, отпустилъ сына, который былъ принятъ очень хорошо Ростиславомъ, два дня сряду обѣдалъ у него; но на третій день, выѣхавши изъ стана на охоту²⁰⁰, Олегъ встрѣтилъ одного Кіевского боярина, который сказалъ ему: «Князь! есть у меня до тебя важное дѣло: поклянись, что никому ничего не скажешь»; Олегъ поклялся, и бояринъ объявилъ ему, чтобъ онъ остерегался, потому что хотятъ его схватить. Олегъ повѣрилъ, и, подъ предлогомъ материнской болѣзни, сталъ проситься у Ростислава назадъ въ Черниговъ; тотъ сначала не хотѣлъ отпустить его, но потомъ отпустилъ; надобно замѣтить, что льтописецъ совершенно оправдываетъ Ростислава, и складываетъ всю вину на бояръ: князь, говоритъ онъ, не имѣлъ на сердцѣ никакого злаго умысла; все это сдѣлали злые люди, не хотѣвшіе видѣть добра между братьею²⁰¹. Когда Олегъ пріѣхалъ назадъ въ Черниговъ, то не сказалъ ничего отцу, но тайнѣ сердился на него, и сталъ проситься въ Курскъ; Святославъ ничего не зная, отпустилъ его туда; на дорогѣ Олега встрѣтили послы Давидовича съ дружелюбными рѣчами, съ приглашеніемъ вступить въ союзъ съ ихъ княземъ, съ извѣстіемъ, что двоюродные братья его, Святославъ и Ярославъ Всеволодовичи уже приступили къ этому союзу. Олегъ объявилъ обо всемъ этомъ своимъ боярамъ, и тѣ отвѣчали: «Князь! развѣ это хорошо, что хотѣли схватить тебя въ Кіевѣ, а Черниговъ отдадутъ подъ отцомъ твоимъ; послѣ этого вы оба правы въ крестномъ цѣлованіи къ нимъ». Олегъ послушался, и вступилъ въ союзъ съ Давидомъ, безъ отцовскаго свѣта.

Когда старикъ Святославъ узналъ, что племянники Всеволодовичи и родной сынъ его Олегъ соединились съ Изяславомъ, то съ большимъ горемъ разсказалъ объ этомъ боярамъ своимъ; но тѣ отвѣтаютъ ему: «удивительно намъ, князь, что жалуешься на племянниковъ и на Олега, а жизни своей не бережешь; уже это не ложь, что Романъ Ростиславичъ изъ Смоленска посылалъ пона своего связать Изяславу: отдастъ тебѣ битюшка Черниговъ, живи со мною въ мирѣ; а потомъ самъ Ростиславъ хотѣлъ схватить сына твоего въ Кіевѣ; ты, князь, волость свою погубилъ, держась за Ростислава, а онъ тебѣ очень лѣнливо помогаетъ». Такимъ образомъ Святославъ не волю отведенъ былъ отъ Ростиславовой любви къ Изяславу, говоритъ летописецъ. Давидовичъ спѣшилъ пользоваться выгоднымъ оборотомъ дѣлъ, собралъ большія толпы Половцевъ, соединился со Всеволодовичами сѣверскимъ, съ роднымъ племянникомъ Владиміровичемъ, съ Олегомъ Святославичемъ; но отецъ послѣдняго, не смотря ни на что, не пошелъ вмѣстѣ съ Изяславомъ, остался въ Черниговѣ. Давидовичу хотѣлось поднять на Ростислава зятя своего, Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславѣ; но тотъ не поѣхалъ съ нимъ, вслѣдствіе чего союзники подошли къ Переяславу, простояли подъ нимъ двѣ недѣли, и ничего не сдѣлали. Этимъ временемъ воспользовался Ростиславъ, собралъ большое войско, выступилъ къ Днѣпру и находился въ Тринолѣ, когда Изяславъ, узнавши о его приближеніи, обратился въ бѣгство, и всѣ Половцы его ушли въ степь; вѣроятно бѣгство Половцевъ, которые не любилъ сражаться съ многочисленными войсками, и заставило Давидовича бѣжать предъ Ростиславомъ. Но какъ скоро послѣдній, возвратясь въ Кіевъ, распустилъ войско, то Изяславъ опять собралъ союзныхъ себѣ князей и Половцевъ, перешелъ замерзшій Днѣпръ за Вышгородомъ, и явился у Кіева. Здѣсь съ Ростиславомъ былъ только одинъ двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ; послѣ кровопролитной схватки, которая показала летописцу вторымъ принестьемъ, Изяславъ началъ одолевать, и Половцы пробивались уже сквозь частоколъ въ городъ, когда дружина Ростиславова сказала своему князю: «Князь! братьевъ твоихъ еще нѣтъ, нѣтъ ни Берендѣевъ, ни Торковъ, а у неприятелей сила большая; ступай лучше въ Бѣлгородъ, и тамъ подждай помощи». Ростиславъ послушался, поѣхалъ въ Бѣлгородъ съ

полками и съ княгинею, и въ тотъ же день пришелъ къ нему племянникъ Ярославъ Изяславичъ Лудий съ братомъ Ярополкомъ, а Владимиръ Андреевичъ отправился въ Торческъ за Торками и Берендѣями. Давидовичъ вошелъ въ третій разъ въ свой любимый Кіевъ, простилъ всѣхъ гражданъ, попавшихся въ плѣнъ, и пошелъ немедленно осаждать Бѣлгородъ Ростиславовъ; но Святославъ Черниговскій опять прислалъ ему сказать, чтобъ мирился: «Если даже и не помирятся съ тобою, во всякомъ случаѣ ступай за Днѣпръ; когда будешь за Днѣпромъ, то вся твоя правда будетъ». Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: «Братья мои, возвратившись за Днѣпръ, пойдутъ въ свои волости; а мнѣ куда возвращаться? Къ Половцамъ нельзя мнѣ идти, а у Выря не хочу помирать съ голоду; лучше мнѣ здѣсь умереть». Четыре недѣли понапрасну простоялъ онъ около Бѣлгородскаго кремля; а между тѣмъ Мстиславъ Изяславичъ изъ Владимира шелъ на выручку къ дядѣ, съ Галицкою помощію; съ другой стороны шелъ Рюрикъ Ростиславичъ съ Владимиромъ Андреевичемъ и Василькомъ Юрьичемъ изъ Торческа, вѣдя съ собою толпы пограничныхъ варваровъ — Берендѣевъ, Коуевъ, Торковъ, Печенѣговъ; у Котельницы соединились они съ Мстиславомъ, и пошли вмѣстѣ къ Бѣлгороду^{***}. На дорогѣ Черные Клобуки стали проситься у Мстислава вѣхать напередъ: «Мы посмотримъ, князь, говорили они, велика ли рать?» Мстиславъ отпустилъ ихъ, а между тѣмъ дикіе Половцы Изяславовы съ своей стороны также подстерегали непріятельское войско, и, прискакавши къ Изяславу, сказали ему что идетъ рать огромная. Давидовичъ испугался и, не издавши самъ Мстиславовыхъ полковъ, побѣжалъ отъ Бѣлгорода; осажденные князья вышли тогда изъ города, и дождавшись своихъ избавителей, погнались вмѣстѣ за Черниговскими; Торки нагнали ихъ, стали бить и брать въ плѣнъ; одинъ изъ Торковъ, Вонборъ Негечевичъ^{***}, нагналъ самого Изяслава, и ударилъ его по головѣ саблею; другой Торчинъ прокололъ его въ стегно, и повалилъ съ лошади; при последнемъ издыханіи уже пашелъ къ Мстиславу и отправилъ въ Кіевскій Семеновскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ; тѣло его отослали въ Черниговъ^{***}. (1160—1161 г.).

Въ другой разъ Ростиславъ получилъ Кіевъ, благодаря княгинику своему Мстиславу, и это уже самое обстоятельство могло

вести къ спорѣ между князьями: Мстиславъ могъ считать себя въ правѣ предъявлять большія требованія за свои услуги, тѣмъ болѣе, что онъ, подобно отцу, держась пословицы: *нейдетъ сто къ головѣ, а голова къ мѣсту*, не отличался сыновнею некорностію передъ дядьями; мы видѣли, какъ прежде поступилъ онъ съ Ростиславомъ, когда тотъ вздумалъ было, ему въ ущербъ, мириться съ Давидовичемъ. Ростиславъ, съ своей стороны, хотѣлъ походить на дядю своего Вячеслава: мы видѣли, что онъ пошелъ въ Кіевъ только на условіи быть настоящимъ старшиною въ родѣ. Вотъ почему неудивительно намъ читать въ лѣтописи, что скоро послѣ вторичнаго вступленія Ростислава въ Кіевъ, Мстиславъ выѣхалъ изъ этого города въ сердцахъ на дядю, что между ними были крупныя рѣчи. Въ то же время одинъ изъ сыновей Ростиславовыхъ, Давидъ, безъ отцовскаго впрочтомъ приказа, поѣхалъ въ Торческъ и схватилъ тамъ посадника Мстиславова, котораго привелъ въ Кіевъ: было необходимо занять Торческъ, для того чтобъ отрѣзать Мстиславу сообщеніе съ Черными Клобуками; въ Бѣлгородъ Ростиславъ отправилъ другаго сына своего Мстислава. Волинскому князю трудно было одному бороться съ дядею; онъ хотѣлъ пріобрѣсть союзниковъ, но придумалъ для этого странное средство: съ войскомъ двинулся къ Пересопницѣ, приказывая Владимиру Андреевичу отступить отъ Ростислава; Владиміръ не послушался, и Мстиславъ принужденъ былъ возвратиться назадъ²⁰²; а между тѣмъ Ростиславъ помирился съ Ольговичами, и дядею и племянниками²⁰³, помирился и съ Юріемъ Ярославичемъ, которому, благодаря враждѣ и слабости Мономаховичей, удалось утвердиться въ Туровѣ. Остался еще одинъ безземельный князь, младшій братъ Ростислава, Владиміръ Мстиславичъ; мы видѣли, что онъ былъ прогнанъ изъ Волыни племянникомъ Мстиславомъ, потомъ находился въ войскѣ Изяслава Давидовича и вмѣстѣ съ послѣднимъ бѣжалъ отъ Бѣлгорода за Днѣпръ; что случилось съ нимъ послѣ того, неизвестно; но подъ 1162 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ князей—Рюрика Ростиславича, Святополка, сына Юрія Туровскаго, обоихъ Влеволодовичей Сѣверскихъ—Святослава и Ярослава, Святослава Владиміровича Вищжскаго, Олега Святославича и Полоцкихъ князей къ Слуцку²⁰⁴ на Владиміра Мстиславича; когда и какъ послѣдній овладѣлъ этимъ городомъ—неиз-

вѣстно. Видя, что нельзя противиться такому большому войску, Владиміръ отдалъ городъ союзнымъ князьямъ, а самъ отправился къ брату Ростиславу въ Кіевъ: тотъ далъ ему Триполь съ четырьмя городами. Наконецъ въ слѣдующемъ 1163 году Ростиславъ заключилъ миръ и съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ: вѣроятно послѣдній, видя, что всѣ остальные князья въ дружбѣ съ дядею, сталъ посговорчивѣе; Ростиславъ возвратилъ ему Торческъ и Бѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ.

Но въ то время, какъ все успокоилось на западной сторонѣ Днѣпра, встала смута на восточной послучаю смерти Святослава Ольговича, послѣдовавшей въ 1164 году. Черниговъ, по всѣмъ правамъ, принадлежалъ послѣ него племяннику отъ старшаго брата, Святославу Всеволодовичу; но вдова Ольговича, по согласію съ епископомъ Антоніемъ и лучшими боярами мужа своего, три дня таила смерть послѣдняго, чтобъ имѣть время послать за сыномъ своимъ Олегомъ и передать ему Черниговъ; Олегу велѣли сказать: «Ступай, князь, поскорѣе, потому что Всеволодовичъ не ладно жилъ съ отцемъ твоимъ и съ тобою, не замыслилъ бы какого лиха?». Олегъ успѣлъ пріѣхать прежде Святослава, который узналъ о дядиной смерти отъ епископа Антонія: мы видѣли, что этотъ Антоній былъ въ заговорѣ съ княгинею и даже цѣловалъ Спасителевъ образъ съ клятвою, что никому не откроетъ о княжеской смерти, при чемъ еще тысящій Юрій сказалъ: «Негодилось бы намъ давать епископу цѣловать Спасовъ образъ, потому что онъ святитель, а подозрѣвать его было намъ нельзя, потому что онъ любилъ своихъ князей»; и епископъ отвѣчалъ на это: «Богъ и его Матерь мнѣ свидѣтели, что самъ не пошлю къ Всеволодовичу никакимъ образомъ, да и вамъ, дѣти, запрещаю, чтобъ не погнутаь вамъ душею и не быть предателями, какъ Іуда». Такъ говорилъ онъ на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому что былъ родомъ Грекъ, прибавляетъ лѣтописецъ: первый поцѣловалъ онъ Спасовъ образъ, первый и нарушилъ клятву, послалъ къ Всеволодовичу грамоту, въ которой писалъ: «Дядя твой умеръ; послани за Олегомъ; дружина по городамъ далеко; княгиня сидитъ съ дѣтьми безъ памяти, а имѣнья у нея множество; ступай поскорѣе, Олегъ, еще не пріѣхалъ, такъ ты урядишься съ нимъ на всей своей вѣдѣ». Святославъ, прочтя грамоту, немедленно от-

правиль сына въ Гомель, по другимъ городамъ послалъ посадниковъ, а самъ собрался ѣхать въ Черниговъ, но, услышавъ, что Олегъ предупредилъ его, сталъ пересылаться съ нимъ, улаживаясь насчетъ волостей; Олегъ уступилъ ему Черниговъ, а себя взялъ Новгородъ Сѣверскій; Всеволодовичъ цѣловалъ также крестъ, что надѣлится изъ своихъ волостей братьевъ Ольговыхъ, Игоря и Всеволода, но не исполнилъ клятвы. Олегъ, какъ видно, на первый разъ смолчалъ; но скоро представился новый случай къ ссорѣ: въ 1167 году умеръ князь Вицкскій Святославъ Владиміровичъ, представитель старшей линіи въ Святославовомъ родѣ, имѣвшій по этому болѣе Ольговичей права на Черниговъ, но, какъ видно, не хотѣвшій вступать въ споръ по болѣзни или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ. Выморочную волость должны были подѣлить между собою остальные родичи^{***}; но Святославъ не далъ ничего Олегу, отдалъ лучшую волость родному брату своему Ярославу, а во Вицкѣ посадилъ сына. Тогда Ростиславъ Кіевскій, видя, что Святославъ обижаетъ Олега, вступился за послѣдняго, тѣмъ болѣе, что за нимъ была его дочь^{***}, и нѣсколько разъ посылалъ уговаривать Всеволодовича, чтобъ надѣлилъ Олега какъ слѣдуетъ; а между тѣмъ Стародубцы, недовольные почему-то Всеволодовичемъ, послали также звать къ себѣ Олега; тотъ было поѣхалъ, но былъ предупрежденъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, и гражданамъ нельзя было исполнить своего намѣренія; тогда Олегъ, въ сердцахъ на неудачу, побралъ въ плѣнъ множество сельскихъ жителей около Стародуба. Святославъ хотѣлъ отомстить ему тѣмъ, что послалъ брата Ярослава съ Половцами къ Новгороду Сѣверскому; но это войско, не дошедши 15 верстъ отъ города, возвратилось назадъ. Олегъ не могъ самъ продолжать военныхъ дѣйствій, потому что сильно занемогъ, и потому легко согласился на предложеніе Ростислава помириться съ Черниговскимъ княземъ, взявши у послѣдняго четыре города.

Такимъ образомъ Ростиславу удалось умирить всѣхъ князей и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра; оставалось урядить дѣла на сѣверѣ. Въ 1168 году онъ отправился туда, захвативъ напередъ къ зятю своему, Олегу Сѣверскому; Смолѣнцы, лучшіе люди начали встрѣчать его еще за 300 верстъ отъ своего города, потомъ встрѣтили его внуки, за ними сынъ Романъ,

епископъ, тысящій и мало не весь городъ вышелъ къ нему на встрѣчу: такъ всѣ обрадовались его приходу, и множество даровъ надавали ему. Изъ Смоленска Ростиславъ отправился въ Горопецъ, откуда послалъ въ Новгородъ къ сыну Святославу, чтобъ прїѣзжалъ съ лучшими гражданами къ нему въ Великія Луки, потому что болѣзнь не позволяла ему ѣхать дальше. Урядившись съ Новгородцами, взявши много даровъ у нихъ и у сына, онъ возвратился въ Смоленскъ совсѣмъ больной; сестра Ротнда начала просить его, чтобъ остался въ Смоленскѣ и легъ въ юстроеной имъ церкви, но Ростиславъ отвѣчалъ: «Не могу здѣсь лечь, везите меня въ Кіевъ; если Богъ пошлетъ по душу на дорогѣ, то положите меня въ отцовскомъ благословеніи у св. Феодора; а если, Богъ дастъ, выздоровлю, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ». Передъ смертію онъ говорилъ духовнику своему, священнику Семену: «Отдашь ты отвѣтъ Богу, что не юпустилъ меня до постриженія». Ростиславъ постоянно имѣлъ эту мысль, часто и говорилъ Печерскому игумену Поликарпу: «Тогда мнѣ пришла мысль о постриженіи, какъ получилъ я вѣсть изъ Чернигова о смерти Святослава Ольговича». Съ тѣхъ поръ онъ все твердилъ игумену: «Поставь мнѣ келью добрую, боюсь напрасной смерти». Но Поликарпъ отговаривалъ ему: «Вамъ Богъ такъ велѣлъ быть, говорилъ игумень: правду блюсти на томъ свѣтѣ, судъ судить праведный и стоять въ крестномъ цѣюваніи». Ростиславъ отвѣчалъ на это. «Отецъ! княженіе и міръ не могутъ быть безъ грѣха, а я уже не мало пожилъ на этомъ свѣтѣ, такъ хотѣлось бы поревновать святымъ». Поликарпъ не хотѣлъ больше противиться, и отвѣчалъ: «Если уже ты такъ сильно этого хочешь, князь, то да будетъ воля Божія». Ростиславъ сказалъ на это: «Подожду еще не много; есть у меня кое-какія дѣла». — Теперь всѣ дѣла были устроены, и больной Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы лечь тамъ или постричься, какъ на дорогѣ изъ Смоленска, будучи въ сестриномъ селѣ Зарубѣ, почувствовалъ приближеніе смерти и послалъ за духовникомъ; самъ прочелъ отходную, и умеръ въ полной памяти, отирая платкомъ слезы.—И этотъ Мстиславичъ представляетъ также замѣчательное явленіе между древними князьями нашими: далеко уступая старшему брату своему Изяславу въ дѣятельности, отвагѣ и распорядительности ратной, Ростиславъ

отличался охранительнымъ характеромъ: постоянно почтительный предъ старшимъ братомъ, покорный его волѣ, онъ былъ почителенъ и передъ дядьми, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на борьбу съ ними старшаго брата, уговаривалъ его уступить имъ; и когда самому пришла очередь быть старшимъ въ родѣ, то потребовалъ отъ младшихъ такого же повиновенія, какое самъ оказывалъ своимъ старшимъ. Принявши старшинство, онъ не уступилъ пылкому племяннику своему Мстиславу въ требованіяхъ, какъ по всему видно, неумѣренныхъ; но и его послѣ, и всѣхъ остальныхъ младшихъ родичей ни въ чемъ не обидѣлъ, всѣхъ старался примирить, всѣхъ надѣлилъ волостями, такъ что при концѣ его жизни повсюду водворилось спокойствіе (1168 г.).

По смерти Ростислава старшинство въ родѣ принадлежало прежде всего Святославу Всеволодовичу Черниговскому по старшинству племени; но Мономаховичи не хотѣли признавать этого старшинства; въ племени Мономаховомъ старшимъ по лннн былъ послѣдній сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ Мстиславичъ; но этотъ князь, какъ мы видѣли, былъ мачешичъ и вѣроятно моложе своего племянника лѣтами, былъ изгнанъ Мстиславомъ даже изъ Волыни: могъ ли онъ надѣяться, что послѣдній уступитъ ему Кіевъ; наконецъ послѣ Владиміра на старшинство въ родѣ имѣлъ право сынъ Юрія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій; но сѣверныхъ князей вообще не любили на югѣ, и Андрей поведеніемъ своимъ относительно братьевъ не могъ нисколько уменьшить этого нерасположенія. Вотъ почему, по смерти Ростислава, взоры всѣхъ обратились на смѣлаго племянника его, князя Владимірскаго на Волыни, который два раза уже овладевалъ Кіевомъ, два раза уступалъ его родному и старшему дядѣ, но кромѣ послѣдняго не могъ уступить никому другому. Не смотря однако на это, спорность правъ Мстислава, спорность самой отчинности его (ибо отецъ его умеръ не будучи собственно старшимъ въ родѣ), давала родичамъ его надежду, что Изяславичъ щедро наградитъ ихъ за уступку ему старшинства, дастъ имъ все, чего они сами захотятъ; но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ: Мстиславъ, подобно дядѣ Ростиславу, хотѣлъ быть старшимъ на дѣлѣ, а не по имени только. Получивъ приглашеніе ѣхать въ Кіевъ отъ брата—Владиміра Мстиславича, Рюрика и Давида Ростиславичей, также особое приглашеніе отъ Кіев-

ъ и особое отъ Черныхъ Клобуковъ, Мстиславъ отправилъ еденно въ Кіевъ племянника Василька Ярополчича съ своію тїною. Здѣсь въ Кіевѣ прїатели Мстислава рассказали плѣнку, что князя Владиміръ Мстиславичъ и Андреевичъ, такъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій и Ростиславичи цѣловали стѣ, что будутъ стоять за одно и возьмутъ у Мстислава воги по своей волѣ: Владиміръ Мстиславичъ возьметъ въ приукъ Триполю Торческъ со всѣмъ Поросьемъ, Владиміръ Андвичъ Брестъ, Ярославъ Владиміръ. Василько немедленно узнать объ этомъ дядѣ Мстиславу, и тотъ, передавши вѣсть сошкамъ своимъ—Ярославу Галицкому, Всеволодовичамъ Гороскимъ и князьямъ Польскимъ, выступилъ съ своими полками и Галицкою помощію къ Кіеву. Какъ видно, главою княжескаго овора былъ Владиміръ Мстиславичъ, давній врагъ своего плеиника; вотъ почему, услыжавъ о приближеніи послѣдняго къ ву, онъ бросился бѣжать съ семьєю изъ Триполя въ Вышгоъ, гдѣ и затворился вмѣстѣ съ Ростиславичами. Мстиславъ кду тѣмъ вошелъ въ Кіевъ, урядился съ братьями, дружиною іевлянами, и въ тотъ же день отправился осаждать Вышгоъ; послѣ крѣпкихъ схватокъ между осаждающими и осажними, князя начали пересылаться, и уладились наконецъ на гъ волостей, послѣ чего Мстиславъ вторично вошелъ въ Кіи и сѣлъ на столѣ Ярославовомъ, на столѣ отца своего и дѣъ своихъ.

То легко понять, что князя, особенно старые, обманувшись вонихъ надеждахъ, затаили горечь въ сердцѣ; особенно злоя на племянника Владиміръ Мстиславичъ, и тотчасъ послѣуже началъ затѣвать новые замыслы противъ Мстислава; ннъ! Давида Ростиславича, Василь Настасьичъ, узнавши объ замыслахъ, объявилъ объ нихъ своему князю, а тотъ разлъ все Мстиславу. Когда Владиміръ увидалъ, что умыселъ его лся, то прїехалъ въ Кіевъ оправдываться предъ племяннъ. Почти въ одно время сѣхались они въ Печерскомъ тырѣ; Мстиславъ вошелъ въ игуменскую келью, а Влау велѣлъ сѣсть въ экономской, и послалъ спросить его: ѣ! зачѣмъ ты прїехалъ? я за тобой не посылалъ.» Влау велѣлъ отвѣчать: «Братъ! слышалъ я, что злые люди наили тебѣ на меня.» — «Говорилъ мнѣ братъ Давидъ,» —

велѣлъ отвѣчать на это Мстиславъ. Послали къ Давиду въ Вышгородъ; Давидъ прислалъ Василя для улики, приставили къ нему тысяцкаго и еще другаго боярина, и начался судъ. Черезъ три дня Мстиславъ опять пріѣхалъ въ Печерскій монастырь; Владиміръ прислалъ двоихъ бояръ своихъ, которые начали спорить съ Василемъ; но за послѣдняго явился новый свидѣтель. Дѣло это наконецъ наскучило Мстиславу; онъ сказалъ дядѣ: «Браты! ты крестъ цѣловалъ и еще губы у тебя не обсохли; вѣдь это отцовское и дѣдовское утвержденіе; кто нарушаетъ клятву, тому Богъ будетъ судья; такъ теперъ, если ты не думалъ никакого зла и не думаешь, то цѣлуй крестъ.» Владиміръ отвѣчалъ: «Съ радостію, братецъ, поцѣлую; все это на меня выдумали ложь,» — поцѣловалъ крестъ, и поѣхалъ въ Котельницу. Но въ томъ же году стѣлъ онъ опять сноситься съ Черными Клобуками, подучать ихъ на племянника; и когда варвары дали ему слово дѣйствовать за одно, то онъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ; но дружина отвѣчала ему: «Ты, князь, задумалъ это самъ собою: такъ не ѣдемъ по тебѣ, мы ничего не знали.» Владиміръ разсердился и, взглянувъ на молодыхъ дружинниковъ, сказалъ: «вотъ у меня будутъ бояре,» и поѣхалъ къ Берендѣямъ, съ которыми встрѣтился ниже Ростовца. Но варвары, увидавши, что онъ пріѣхалъ одинъ, встрѣтили его словами: «Ты намъ сказалъ, что всѣ братья съ тобою за одно: гдѣ же Владиміръ Андреевичъ, гдѣ Ярославъ и Давидъ? да и дружины—то у тебя нѣтъ; ты насъ обманулъ: такъ и намъ лучше въ чужую голову, чѣмъ въ свою» — и начали пускать во Владиміра стрѣлы, изъ которыхъ двѣ и попали въ него. Владиміръ сказалъ тогда: «Сохрани Богъ вѣрнѣ поганому, а я уже погибъ и душою и жизнію,» и побѣжалъ къ Дорогобужу, потерявъ своихъ отроковъ, которыхъ перебили Черные Клобуки. Но Владиміръ Андреевичъ раззорилъ мостъ на рѣкѣ Горынѣ и не пустилъ къ себѣ Мстиславича, который принужденъ былъ обратиться къ востоку, и чрезъ землю Радимичей пустился въ Суздальскую область къ Андрею Боголюбскому; и послѣдній не принялъ его къ себѣ, а послалъ сказать ему: «ступай въ Рязань къ тамошнему князю, а я тебя надѣлю³⁰⁰.» Владиміръ послушался, и отправился въ Рязань. Мстиславъ Кіевскій не хотѣлъ послѣ того терпѣть, чтобъ и мать Владимірова оставалась гдѣ-нибудь на Руси, и велѣлъ сказать ей: «ступай за

Дивяпръ въ Городокъ, а оттуда иди куда хочешь; не могу жить съ тобою въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой всегда ловить головы моей, вѣчно нарушаетъ клятвы.» Она отправилась въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу.

Казалось, что съ удаленіемъ дяди Владиміра на дальній сѣверо-востокъ, Мстиславъ долженъ былъ успокоиться; но вышло иначе. Мы видѣли, что князья не могли распорядиться волостями такъ, какъ имъ хотѣлось при вступленіи на старшій столъ Мстислава; это оставило горечь во всѣхъ сердцахъ, которая должна была обнаруживаться при всякомъ удобномъ случаѣ. Послѣ удачнаго похода на Половцовъ въ 1168 году князья разсердились на Мстислава за то, что онъ тайкомъ отъ нихъ отпускалъ слугъ своихъ раззорять Половецкія вежи; скоро послѣ этого Мстиславъ снова собралъ всю братью въ Кіевѣ и предложилъ новый походъ въ степи. Рѣчь его полюбилась всѣмъ князьямъ, они выступили въ походъ и остановились у Канева. Въ это время двое изъ дружины, Бориславичи, родные братья, Петръ и Несторъ, начали говорить Давиду Ростиславичу злыя рѣчи на Мстислава: послѣдній прогналъ ихъ отъ себя за то, что холопы ихъ покрали его лошадей изъ стада, и положили на нихъ свои пятна (клеина): такъ теперь Бориславичи хотѣли отомстить ему клеветою. Давидъ повѣрилъ имъ и началъ говорить брату Рюрику: «Братъ! пріятели говорятъ мнѣ, что Мстиславъ хочетъ насъ схватить.» «А за что? за какую вину? отвѣчалъ Рюрикъ;—давно ли онъ къ намъ крестъ цѣловалъ?» чтобъ увѣрить больше Ростиславичей, клеветники сказали имъ: «Мстиславъ положилъ схватить васъ у себя за обѣдомъ; такъ если онъ начнетъ звать васъ на обѣдъ, то значить, что мы сказали правду». И точно Мстиславъ, ничего не зная, позвалъ на обѣдъ Рюрика и Давида. Тѣ послали сказать ему въ отвѣтъ на зовъ: «Поцѣлуй крестъ, что не замыслишь на насъ никакого лиха, такъ поѣдемъ къ тебѣ.» Мстиславъ ужаснулся, и сказалъ дружинѣ: «Что это значить? братья велѣтъ мнѣ крестъ цѣловать, а я не знаю за собою никакой вины!» дружина отвѣчала: «Князь! не вѣрно велѣтъ тебѣ братья крестъ цѣловать; это вѣрно какіе-нибудь злые люди, завидующи твоей любви къ братьи, пронесли злое слово. Злой человекъ хуже бѣса; и бѣсу того не выдумать, что злой человекъ замыслить; а ты правъ предъ Богомъ и предъ людьми:

вѣдъ тебѣ безъ насъ нельзя было ничего замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей братьѣ; пошли сказать имъ, что ты крестъ цѣлуешь, но чтобъ они выдали тѣхъ, кто васъ ссорить.» Давидъ не согласился выдать Бориславичей: «Кто жъ мнѣ тогда что-нибудь скажетъ послѣ, если я этихъ выдамъ,» говорилъ онъ. Не смотря на то, Мстиславъ цѣловалъ крестъ, и Ростиславичи оба поцѣловали; однако сердце ихъ не было право съ нимъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Въ то же самое время Владиміръ Андреевичъ началъ припрашивать волости Мстислава; тотъ понялъ, что Владиміръ припрашиваетъ нарочно, чтобъ имѣть только случай къ ссорѣ, и послалъ сказать ему: «Братъ Владиміръ! давно ли ты крестъ цѣловалъ ко мнѣ волость взялъ?» Владиміръ въ сердцахъ уѣхалъ въ свой Дорогобужъ. Этимъ всеобщимъ нерасположеніемъ южныхъ князей къ Мстиславу воспользовался Андрей Боголюбскій, чтобъ предъявить права свои на старшинство и на Кіевъ: онъ также не любилъ Мстислава, какъ отецъ его Юрій не любилъ отца Мстиславова Изяслава, и точно также, какъ прежде отецъ его, началъ открытую войну, удостовѣрившись, что найдетъ союзниковъ на югѣ. Ждали только повода; поводъ открылся, когда Мстиславъ исполнилъ просьбу Новгородцевъ, и отправилъ къ нимъ на княженіе сына своего Романа; тогда всѣ братья стали сноситься другъ съ другомъ и утвердились крестомъ на Мстислава, объявивши старшимъ въ родѣ Андрея Юрьевича. Боголюбскій выслалъ сына своего Мстислава и воеводу Бориса Жидиславича съ Ростовцами, Владимирцами, Суздальцами; къ этому ополченію присоединилось 11 князей: Глѣбъ Юрьевичъ изъ Переяславля, Романъ изъ Смоленска, Владиміръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ Ростиславичъ изъ Овруча, братья его — Давидъ и Мстиславъ изъ Вышгорода; Сѣверскіе — Олегъ Святославичъ съ братомъ Игоремъ; наконецъ младшій братъ Боголюбскаго, знаменитый въ послѣдствіи, Всеволодъ Юрьевичъ и племянникъ отъ старшаго брата, Мстиславъ Ростиславичъ. Не пошелъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, не желая, какъ видно, отнимать Кіевъ у Мстислава въ пользу князя, старшинства котораго не могъ онъ признать; не пошелъ и одинъ изъ родныхъ братьевъ Боголюбскаго, Михаилъ Юрьевичъ; его Мстиславъ отправилъ съ Черными Клобуками въ Новгородъ на

помощь сыну своему Роману; но Ростиславичи—Рюрикъ и Давидъ, узнавши, что рать Боголюбскаго и роднаго брата ихъ Романа уже приближается, послали въ погоню за Михаиломъ и схватили его, не далеко отъ Мозыря, благодаря измѣнѣ Черныхъ Клобуковъ.

Зналъ ли Мстиславъ о собиравшейся на него грозѣ, или нѣтъ, трудно рѣшить; скорѣе можно предположить, что не зналъ, иначе не послалъ бы онъ Черныхъ Клобукомъ съ Юрьевичемъ въ Новгородъ. Въ Вышгородѣ соединились всѣ князья—непріятеля Мстислава и отсюда пошли и обступили Кіевъ. Мстиславъ затворился въ городѣ и крѣпко бился изъ него: любовь къ сыну Изяславову, и еще больше, быть можетъ, нелюбовь къ Юріеву, заставила Кіевлянъ въ первый разъ согласиться выдержать осаду; лѣтописецъ не говоритъ, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ, какъ прежде, вышелъ на встрѣчу къ осаждавшимъ князьямъ, или всѣ вѣчемъ говорили Мстиславу: «Ступай, князь, теперь не твое время;» одни только Черные Клобуки, по обычаю, начали предательствовать. Послѣ трехъ-дневной осады, дружины осаждавшихъ князей успѣли ворваться въ городъ; тогда дружина Мстиславова сказала своему князю: «Что стоишь? побѣжай изъ города; намъ ихъ не перемочь;» Мстиславъ послушался, и побѣжалъ на Василевъ; отрядъ Черныхъ Клобуковъ гнался за нимъ, стрѣлялъ въ задъ, побралъ въ плѣнъ много дружины; но самому Мстиславу удалось соединиться съ братомъ Ярославомъ и пробраться вмѣстѣ съ нимъ во Владимиръ Волынской. Въ первый разъ ²⁰¹ Кіевъ былъ взятъ вооруженною рукою, при всеобщемъ сопротивленіи жителей, и въ первый разъ мать городовъ Русскихъ должна было подвергнуться участи города, взятаго на щитъ; два дни побѣдители грабили городъ, не было никому и ничему помилованія: церкви жгли, жителей — однихъ били, другихъ вязали, женъ разлучали съ мужьями и вели въ плѣнъ, младенцы рыдали, смотря на матерей своихъ; богатства непріятеля взяли множество, церкви всѣ были пограблены; Половцы зажгли было и монастырь Печерскій, но монахамъ удалось потушить пожаръ; были въ Кіевѣ тогда, говоритъ лѣтописецъ, на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, печаль неутѣшная и слезы непрестанныя.—Но не старшій сынъ Юрія, во имя котораго совершенъ былъ походъ, взятъ и раззоренъ столичный городъ

отцовъ, не Боголюбскій сѣлъ въ Кіевъ; сынъ его Мстиславъ посадилъ здѣсь дядю, Глѣба Переяславскаго, который отдалъ Переяславъ сыну своему Владимиру; старшій въ родѣ князь остался жить на сѣверѣ, въ далекомъ Владимірѣ Клязменскомъ, и сынъ его Мстиславъ пошелъ назадъ къ отцу съ великою честію и славою, говоритъ лѣтописецъ; но въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ: съ проклятіемъ.

Изъ событій въ особыхъ княжествахъ по смерти Юрія Долгорукаго мы упоминали, какъ потомству Изяслава Ярославича удалось утвердиться въ Туровѣ; потомство Игоря Ярославича продолжало княжить въ Городнѣ. Ярославъ Галицкій освободился наконецъ отъ опаснаго соперника своего, Ивана Берладника: подъ 1161 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Берладникъ умеръ въ Солунѣ; есть слухъ, прибавляетъ онъ, что смерть приключилась ему отъ отравы. Въ Полоцкѣ происходили большія смуты. Мы видѣли, что въ 1151 году Полочане выгнали князя Рогволода Борисовича и взяли на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, который вошелъ въ сыновнія отношенія къ Святославу Ольговичу. Но, какъ видно, Ростиславъ въ послѣдствіи позабылъ о своихъ обязанностяхъ относительно Черниговскаго князя, потому что послѣдній принималъ къ себѣ изгнанника Рогволода, и даже въ 1158 году далъ ему свои полки для отысканія волостей. Пріѣхавши въ Слуцкъ, Рогволодъ началъ переселаться съ жителями Друцка; тѣ обрадовались ему, стали звать къ себѣ: «Пріѣзжай, князь, не мѣшкай, рады мы тебѣ; если придется, станемъ биться за тебя и съ дѣтьми». И въ самомъ дѣлѣ больше трехъ сотъ лодокъ выѣхало къ нему на встрѣчу, съ честью ввели его Дручане въ свой городъ, а Глѣба Ростиславича выгнали, дворъ и дружину его разграбили. Когда Глѣбъ пришелъ къ отцу Ростиславу въ Полоцкъ, и когда узнали здѣсь, что Рогволодъ сидитъ въ Друцкѣ, то сильный маетежъ всталъ между Полочанами, потому что многіе изъ нихъ захотѣли Рогволода, и съ большимъ трудомъ могъ Ростиславъ установить людей. Обдаривши ихъ богато и приведа ко кресту, онъ пошелъ со всею братьею на Рогволода къ Друцку, но встрѣтилъ сильный отпоръ: Дручане бились крѣпко, и много падало людей со обѣихъ сторонъ; тогда Ростиславъ, вида, что не возьметъ ничего силою, помирился съ Рогволодомъ, придалъ ему

волостей, и возвратился домой. Но дело этимъ не кончилось: въ томъ же году Полочане сговорились выгнать Ростислава, позабывши, что говорили ему при крестномъ цѣлованіи: «Ты нашъ князь, и дай намъ Богъ съ тобою пожить». Они послали тайкомъ въ Друцкъ сказать Рогволоду Борисовичу: «князь нашъ! согрѣшили мы предъ Богомъ и предъ тобою, что встали на тебя безъ вины, имѣнье твое и дружины твоей все разграбили, а самаго схвативши, выдали Глѣбовичамъ на великую мучу; если ты позабудешь все то, что мы тебѣ сдѣлали своимъ безуміемъ, и поцѣлуешь къ намъ крестъ, то мы твои люди, а ты нашъ князь; Ростислава отдадимъ тебѣ въ руки, дѣлай съ нимъ что хочешь». Рогволодъ поклялся, что забудетъ все прошлое; но, какъ обыкновенно водилось въ городахъ, у Ростислава между Полочанами были также пріятели, которые дали ему знать, что остальные собираются схватить его. Положено было позвать его обманомъ на братовщину къ Святой Богородицѣ къ Старой, на Петровъ день, и тутъ его схватить; но Ростиславъ предувѣдомленный, какъ сказано выше, пріятелями, поддѣлъ броню подъ платьемъ, и заговорщики не смѣли напасть на него тутъ, но на другой день опять послали звать его къ себѣ на вѣче: «Пріѣзжай къ намъ, князь! велѣли они сказать ему: намъ съ тобою нужно кой о чемъ переговорить». Ростиславъ отвѣчалъ посланцъ: «Вѣдь я вчера былъ у васъ: чтожъ вы со мною ни о чемъ не говорили?» Не, смотря однако на прѣжнее предувѣдомленіе, онъ поѣхалъ на этотъ разъ въ городъ, (а жилъ онъ тогда на загородномъ дворѣ въ Бѣлчицѣ, въ трехъ верстахъ отъ Полоцка, на другомъ берегу Двины). Но не успѣлъ Ростиславъ еще доѣхать до города, какъ встрѣтилъ отрока своего, который сказалъ ему: «Не ѣзди, князь! въ городъ на тебя вѣче, уже дружину твою бьютъ, и тебя хотятъ схватить». Ростиславъ возвратился, собралъ дружину на Бѣлчицѣ, и пошелъ полкомъ въ Минскъ, къ брату Володарю, опустошая Полоцкую волость, забирая скотъ и челядь. Рогволодъ, по зову Полочанъ, пріѣхалъ княжить на его мѣсто, и не хотѣлъ оставить Глѣбовичей въ покорѣ: собралъ большое войско изъ Полочанъ, выпросилъ у Ростислава Смоленскаго на помощь двухъ сыновей его, Романа и Рюрика съ боаринномъ Витязомъ, полками Смоленскими, Новгородскими и Псковскими, и пошелъ

сперва къ Изяславу гдѣ затворился Всеволодъ Глѣбовичъ; этотъ Всеволодъ прежде былъ большимъ пріателемъ Рогволоду, и потому, понадеявшись на старую дружбу, повѣхалъ въ ставъ къ Борисовичу и поклонился ему; Рогволодъ принялъ его хорошо, но не отдалъ назадъ Изяслава, который слѣдовалъ, какъ отчина, Брячиславу Васильковичу, а далъ вмѣсто того Стрѣжевъ; потомъ Рогволодъ отиравился къ Минску; но, простоявши подѣ городомъ 10 дней безъ успѣха, заключилъ съ Ростиславомъ миръ и возвратился домой. Глѣбовичи, уступя на время силѣ, скоро начали опять дѣйствовать противъ остальныхъ двоюродныхъ братьевъ: въ 1159 году овладѣли опять Изяславою, схватили тамъ двоихъ Васильковичей, Брячислава и Володара, и заключили ихъ въ Минскѣ. Это заставило Рогволода опять идти на Минскѣ, Ростиславъ Мстиславичъ изъ Кіева прислалъ ему на помощь 600 Торковъ; Рогволодъ шесть недѣль стоялъ около города и заключилъ миръ на всей своей волѣ, т. е. заставилъ освободить Васильковичей; но Торки, потерявши лошадей и сами помирая съ голоду, возвратились пѣшкомъ на югъ, не дождавшись мира. Потомъ летописецъ опять упоминаетъ о новомъ походѣ Рогволода на Ростислава къ Минску и о новомъ мирѣ. Въ 1161 году Рогволодъ предпринималъ первый походъ на одного изъ Глѣбовичей, Володара, княжившаго теперь въ Городцѣ; Володаръ не сталъ биться съ нимъ днемъ, но сдѣлалъ вылазку ночью и съ Литвою нанесъ осаждавшимъ сильное поражение; Рогволодъ убѣжалъ въ Слуцкѣ и, пробывъ здѣсь три дня, пошелъ въ старую свою волость—Друцкѣ, а въ Полоцкѣ не посмѣлъ явиться, погубивши столько тамошней рати подѣ Городцемъ; Полочане посадили на его мѣсто одного изъ Васильковичей, Всеслава. Изъ Полоцкихъ волостей мы встрѣчаемъ упоминовеніе о Минскѣ, Изяславѣ, Друцкѣ, Городцѣ, какъ объ отдѣльныхъ столахъ княжескихъ; мы видимъ выше, что Ярославъ I-й уступилъ Полоцкому князю Брячиславу Витепскъ¹⁰²; теперь подѣ 1165 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Витепскѣ сѣлъ Давидъ Ростиславичъ Смоленскій, отдавши прежнему Витепскому князю Роману два Смоленскихъ города — Васильевъ и Красный. Между тѣмъ Глѣбовичи не могли равнодушно видѣть, что Полоцкѣ вышелъ изъ ихъ племени, и отъ Борисовича перешелъ къ Васильковичу; въ 1167 году Во-

Володарь Глѣбовичъ Городецкій пошелъ на Полоцкъ; Всеславъ Вяславичъ вышелъ къ нему на встрѣчу; но Володарь, не давши ему собраться и выстроить хорошенько полки, ударилъ внезапно на Полочанъ, многихъ убилъ, другихъ побралъ руками, и заставилъ Всеслава бѣжать въ Витепскъ, а самъ пошелъ въ Полоцкъ, и уладился съ тамошними жителями, цѣловалъ съ ними крестъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Утвердившась здѣсь, Володарь пошелъ къ Витепску на Давида и Всеслава, стагъ на берегу Двины и началъ битися обрѣку съ неприятелями; Давидъ не хотѣлъ вступать съ нимъ въ рѣшительное сраженіе, поджидая брата своего Романа съ Смольянами, какъ вдругъ въ одну ночь ударилъ страшный громъ, ужасъ напалъ на все войско Полоцкое, и дружина стала говорить Володарю: «чего стоишь, князь, не ѣдешь прочь? Романъ переправляется черезъ рѣку, а съ другой стороны ударитъ Давидъ». Володарь испугался и побѣжалъ отъ Витепска; на другое утро, узнавъ о бѣгствѣ врага, Давидъ послалъ за нимъ погоню, которая однако не могла настичь самого князя, а переловила только многихъ ратниковъ его, заблудившихся въ лѣсу; Всеславъ впрочемъ отправился по слѣдамъ Володаревымъ въ Полоцку и опять успѣлъ занять этотъ городъ.

Мы видѣли, что въ Новгородѣ нарядъ былъ установленъ Ростиславомъ, который въ 1158 году посадилъ здѣсь сына своего Святослава, а въ Торжкѣ другаго сына Давида. Скоро самъ Ростиславъ былъ позванъ племянникомъ на столъ Кіевскій, и слѣдовало ожидать, что это обстоятельство упрочитъ тишину въ Новгородѣ; но вышло противное. Андрей Боголюбскій, вступившись за Изяслава Давидовича, вошедши съ нимъ въ родственную связь, захотѣлъ нанести Ростиславу чувствительный ударъ на сѣверъ, и послалъ сказать Новгородцамъ: «Будь вамъ вѣдоме: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ¹⁰²». Услыхавъ грозное слово, Новгородцы не знали, что дѣлать; начались волненія и частыя вѣча. Не желая оскорбить Кіевского князя, они начали сперва дѣйствовать полумѣрами, надѣясь, что Святославъ догадается и самъ выѣдетъ отъ нихъ. Такъ они стали преслѣдовать его, чтобъ вывелъ брата Давида изъ Торжка, потому что содержаніе двухъ князей тяжело для нихъ области. Святославъ пополнилъ ихъ требованіе, но разсердился и не оставилъ города.

Тогда надобно было приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ; но должно забывать также, что въ Новгородѣ существовала сторона, противная Мстиславичамъ, и которая должна была теперь сильно дѣйствовать при этихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Святославъ сидѣлъ на Городищѣ, у св. Благовѣщенія, какъ вдругъ пригналъ къ нему вѣстникъ и сказалъ: «Князь! большое зло дѣлается въ городѣ, хотятъ тебя люди схватить.» Святославъ отвѣчалъ: «А какое я имъ зло сдѣлалъ? развѣ они не цѣловали крестъ отцу моему, что будутъ держать меня княземъ пока я живъ, да вчера и мнѣ самому всѣ цѣловали образъ Богородицы?» Не успѣлъ онъ еще сказать этого, какъ толпа народа нахлынула, схватили его, заперли въ избѣ, книгу послали въ монастырь, дружинѣ поковали, имѣніе разграбили; потомъ отправили Святослава въ Ладогу, приставивши къ нему крѣпкую стражу. Когда Ростиславъ въ Кіевѣ узналъ, что сына его схватили въ Новгородѣ, то велѣлъ перехватать всѣхъ Новгородцевъ и пометать ихъ въ Пересѣченское подземелье, гдѣ въ одну ночь померло ихъ четырнадцать человекъ; узнавши объ этомъ несчастіи, Ростиславъ сталъ сильно тужить, и велѣлъ остальныхъ выпустить изъ подземелья и развести по разнымъ городамъ. Между тѣмъ Новгородцы послали къ Андрею просить у него сына къ себѣ на княженіе; онъ не далъ имъ сына, давалъ брата своего Мстислава, а Новгородцы не хотѣли Мстислава, потому что онъ уже прежде у нихъ княжилъ; наконецъ уладились такъ, что въ Новгородъ поѣхалъ Мстиславъ Ростиславичъ, племянникъ Андреевъ отъ старшаго брата; а Святославу удалось бѣжать изъ Ладоги въ Полоцкъ, откуда Рогволодъ Борисовичъ проводилъ его къ роднымъ въ Смоленскъ. Сѣна князя, какъ обыкновенно бывало, повлекла сѣну посадника: вмѣсто Якуна Мірославича выбранъ былъ Нѣжата. Но это не положило конца Новгородскимъ смутамъ: скоро Андрей урядился съ Ростиславомъ; князья уговорились, чтобы Новгородъ опять перешелъ къ сыну Кіевского князя—Святославу. Мы видимъ, что Новгородцы не любили брать князей, которые прежде были у нихъ, по очень естественной причинѣ: такой князь не могъ установить наряда, добротства своимъ прежнимъ притателямъ, преслѣдуя враговъ, усиліями которыхъ былъ изгнанъ. Но что они могли сдѣлать теперь противъ согласной воли двухъ

сильнѣйшихъ князей на Руси? Они принуждены были принять Святослава на всей волѣ его. Это выраженіе въ первый разъ упомянуто здѣсь летописцемъ: если Святославъ былъ принятъ на всей волѣ его, то мы должны прямо заключить, что предшественники его были принимаемы на всей волѣ Новгородской, т. е. что прежде Святослава начали заключаться между Новгородомъ и князьями условія, изложеніе которыхъ мы видимъ въ послѣдующихъ грамотахъ. Иначе и быть не могло въ смутное время, послѣдовавшее за смертію Мстислава Владиміровича; вторичное принятіе Всеволода Мстиславича, послѣ бѣгства его изъ Переяславля, можно считать временемъ, когда возникли первыя условія, первый рядъ Новгородцевъ съ княземъ; вторичное принятіе Святослава, когда онъ данъ былъ Новгородцамъ противъ воли ихъ силою двухъ соединенныхъ князей, нарушало установившійся было обычай; это лишеніе пріобрѣтенныхъ льготъ произвело сильную ненависть Новгородцевъ къ Святославу, которая видна будетъ изъ послѣдующихъ событій. Первымъ слѣдствіемъ перемѣны князя была смѣна посадника: Нѣжата былъ избранъ послѣ изгнанія Святослава, вслѣдствіе торжества непріязненной послѣднему стороны; теперь, послѣ вторичнаго принятія Святослава, Нѣжата былъ свергнутъ, и должность его отдана Захарію. Но, какъ надобно было ожидать, силою посаженный князь не могъ сидѣть спокойно въ Новгородѣ. Мы видѣли, что Ростиславъ Кіевскій еще при концѣ жизни своей долженъ былъ отправиться на сѣверъ для установленія спокойствія въ Новгородѣ: онъ зналъ, что Новгородцы дурно живутъ съ его сыномъ. Въ Великихъ Лукахъ имѣлъ Ростиславъ свиданіе съ лучшими Новгородцами, и взялъ съ нихъ клятву не искать другаго князя кромѣ сына его Святослава, только смертію разлучиться съ нимъ²⁰⁴. Но въ самый годъ смерти Ростислава, недобольные уже начали собирать тайныя вѣча на сына его. Пріятель послѣдняго вѣрнулся къ нему на городище и сказалъ: «Князь! народъ собирается на вѣча по ночамъ, хотятъ тебя схватить; промышлай о себѣ.» Святославъ объявилъ объ этомъ дружинѣ; та отвѣчала: «Только что теперь цѣловали всѣ они тебя крестъ послѣ отцовой смерти; но что же съ ними дѣлать? кому изъ князей были они вѣрны? станемъ промышлять о себѣ, не то махнутъ объ насъ другіе промышлять». Святославъ выхалъ изъ

города, засвѣвъ въ Великихъ Лукахъ, и послалъ отсюда сказать Новгородцамъ, что не хотятъ у нихъ княжить. Тѣ въ отвѣтъ поцѣловали образъ Богородицы съ клятвою не хотѣть Святослава, и пошли прогонять его изъ Лукъ; Святославъ выѣхалъ въ Торопецъ, оттуда отправился на Волгу, и, получивъ помощь отъ Андрея Суздальскаго, пожегъ Новый Торгъ; братья его, Романъ и Мстиславъ пожгли Луки, изъ Лучанъ одни заперлись въ крѣпости, другіе ушли во Псковъ; собрался на Новгородъ Андрей Суздальскій съ Смоленянами и Полочанами, пути всѣ заняли, пословъ перехватили, не дали имъ послать вѣсти въ Кіевъ къ тамошнему князю Мстиславу Изяславичу, чтобъ отпугнулъ къ нимъ сына; Андрей съ Ростиславичами хотѣли силой помѣстить опять Святослава въ Новгородъ: «нѣтъ вамъ другого князя, кромѣ Святослава», говорили они. Это извѣстіе лѣтописца показываетъ намъ, что Новгородцы входили въ переговоры съ Андреемъ и просили себѣ князя отъ его руки, только не Святослава. Но упорство Андрея пуще ожесточило Новгородцевъ: они убили пріятелей Святославовыхъ: Захарію посадника, Нерезина, знатнаго боярина, котораго мы видѣли уже разъ воеводою, Нязду бирича, обвинивши всѣхъ тронхъ въ перевѣтъ къ Святославу; наконецъ отыскали путь на югъ чрезъ владѣнія Полоцкихъ князей, Глѣбовичей, враждебныхъ Ростиславичамъ Смоленскимъ по вышеописаннымъ отношеніямъ, и Давиславъ Лазутиничъ съ дружиною отправился въ Кіевъ къ Мстиславу за сномъ его, а другой воевода Якутъ (вѣроятно Мирославичъ, старшій посадникъ) отправился на встрѣчу къ Святославу, шедшему къ Русѣ съ братьями, Смоленянами и Полочанами. Непрители не дошли до Русы, возвратились назадъ, ничего не сдѣлавши, а Новгородцы выбрали Якута въ посадника, и стали съ нимъ дожидаться прихода Романа Мстиславича съ юга. Въ 1168 году Романъ пришелъ, и рады были Новгородцы своему хотѣнію, говорятъ ихъ лѣтописецъ. Получивъ желаннаго князя, Новгородцы пошли съ нимъ [мести за свои обиды: пошли споры съ Псковичами къ Полоцку, опустошили всю волость и возвратились не дойдя тридцати верстъ до города; потомъ Романъ ходилъ на Смоленскую волость, къ Торонцу, пожегъ дома, взял имущество плѣнниковъ. Но мы видѣли, какъ послалъ Романа въ Новгородъ усмирить грозу, обиравшую надъ отцомъ его Мстисла-

вомъ, какъ заставляла раздраженныхъ Ростиславичей тѣсно соединиться съ Андреемъ, чтобъ отомстить Кіевскому князю, вытѣснявшему ихъ сыномъ изъ Новгорода; изгнаніе отца изъ Кіева не могло предвѣщать сыну долгаго княженія въ Новгородъ.

При сильныхъ внутреннихъ волненіяхъ, происходившихъ во время вторичнаго княженія Святослава Ростиславича, Новгородцы должны были выдержать довольно значительную внѣшнюю борьбу съ Шведами. Со временъ Рюрика Шведы не беспокоили Русскихъ владѣній²⁰⁵ и было замѣчено²⁰⁶, что такою безопасностью сѣверозападные Русскія волости были обязаны внутреннимъ волненіямъ, происходившимъ въ Швеціи вслѣдствіе принятія христіанства, которое повело къ разложенію древнихъ языческихъ формъ жизни. Тестъ Ярослава I-го, король Олофъ (Schosskönig), принявши христіанство, не могъ болѣе называться Упсальскимъ королемъ, потому что это названіе означало верховнаго жреца; такимъ образомъ онъ потерялъ свое значеніе въ верхней Швеціи, жители которой болѣею частію были язычники. По прекращеніи рода Упсальскихъ королей, происшедшихъ отъ знаменитаго Сигурда Ринга, избранъ былъ королемъ Стенкиль, сынъ извѣстнаго намъ яра Рагнвальда, ревностный христіанинъ; его избраніе показывало уже господство христіанской стороны; не смотря на то, когда христіанскіе проповѣдники убѣждали его раззорить языческій храмъ въ Упсалѣ, то онъ отвѣчалъ имъ, что слѣдствіемъ такого поступка будетъ ихъ смерть, а его изгнаніе. По смерти Стенкиля, послѣдовавшей въ 1066 году, въ Швеціи встала сильная усобица: два короля, оба носившіе одно имя — Ериха, стали спорить о престолѣ, и оба пали въ этой войнѣ вмѣстѣ со всеми знатнѣйшими Шведами; язычество опять такъ усилилось во время усобицы, что ни одинъ епископъ не хотѣлъ ѣхать въ Швецію, боясь преслѣдованій. Борьба продолжалась до половины XII вѣка (1150 г.), т. е. до вступленія на престолъ Ериха Святаго, который далъ окончательное торжество христіанству. Но усобицы между разными претендентами на престолъ продолжались: Ерихъ св. лишился жизни въ битвѣ съ Датскимъ принцемъ Магнусомъ, который имѣлъ притязанія на Шведскій престолъ по родству съ домомъ Стенкиля; Магнусъ черезъ годъ былъ также убитъ, и ему наследовалъ Готскій король Карлъ Сверкерсонъ, первый, который

носитъ названіе короля Шведовъ и Готовъ; онъ оставилъ себѣ память короля мудраго и благонамѣреннаго, при немъ было усобицъ, вслѣдствіе чего Шведы получили возможность къ наступательному движенію на сосѣдей; подъ 1164 годомъ летописецъ Новгородскій говоритъ: „что они пришли подъ Ладогу; Ладожане пожгли свои хоромы, затворились въ кремль посадникомъ Нѣжатою, и послали звать князя Святослава Новгородцами на помощь. Шведы приступили къ крѣпости, но были отражены съ большимъ урономъ, и отступили къ рѣкѣ Вѣроной¹⁰⁷, а на пятый день пришелъ князь Святославъ съ Новгородцами и посадникомъ Захаріею, ударилъ на Шведовъ и разбилъ ихъ: изъ 55 шнекъ Шведы потеряли 43; мало ихъ сподобилось бѣгствомъ, да и то раненые.

Въ томъ самомъ году, какъ Новгородцы такъ счастливо отбились отъ Шведовъ, Андрей Боголюбскій съ сыномъ Изяславомъ, братомъ Ярославомъ и Муромскимъ княземъ Юріемъ удачно воевалъ съ Камскими Болгарами, перебилъ у нихъ много народу, взялъ знамена, едва съ малою дружиною успѣлъ убить князь Болгарскій въ Великій городъ; послѣ этой побѣды Андрей взялъ славный городъ Болгарскій Брехимовъ и полелъ три другіе города. На юговостокѣ по прежнему продолжалась борьба съ Половцами. Въ началѣ княженія Ростислава они несли поражение отъ Волинскихъ князей и Галичанъ; неудача кончилась въ 1162 году нападеніе ихъ подъ Юрьевымъ на Черныхъ Клобуковъ, у которыхъ сначала побрали они много вежъ, но потомъ Черные Клобуки собрались все и побили ихъ на берегахъ Роси, отняли весь полонъ и самихъ взяли больше 500 человекъ съ нѣсколькими княжичами. Не смотря на то, въ слѣдующемъ году Ростиславъ почелъ за нужное заключить съ ними миръ и женить сына своего Рюрика на дочери Хава Белуга. Общаго продолжительнаго мира не могло быть съ этими варварами, раздѣлявшимися на многія орды подъ начальствомъ независимыхъ хановъ: въ 1165 году племянникъ Ростислава, Василько Ярополковичъ побилъ Половцевъ на рѣкѣ Роси, много взял плѣнниковъ, которыхъ далъ на выкупъ за дорогую цѣну; дружина его обогатилась оружіемъ и конями. Въ слѣдующемъ году Половцы потерпѣли поражение въ Черниговскихъ предѣлахъ отъ Олега Святославича; но другимъ Половцамъ въ томъ

время за Переяславлемъ удалось разбить Шварна, перебить его дружину; Шварнъ долженъ былъ заплатить за себя большой окупъ. Одни извѣстія говорятъ, что этотъ Шварнъ былъ воевода князя Глѣба Переяславскаго³⁰⁸, другіе, что богатырь³⁰⁹. После этого, въ лютую зиму, Ольговичи—Олеги Святославичи и двоюродный братъ его Ярославъ Всеволодовичъ ходили удачно на Половцевъ, взяли ихъ вежи. Но варвары были опасны не одними только прямыми опустошеніями своими: они вредили торговлѣ Руси съ Греками, которая была главною причиною благосостоянія Кіева, обогащенія казны великокняжеской. Мы знаемъ изъ свидѣтельства Константина Богрянороднаго, какъ опасно было въ старину плаваніе Русскихъ въ низовьяхъ Днѣпра, въ степи, гдѣ ждали ихъ обыкновенно толпы Печенѣговъ; эти затрудненія не прекратились и теперь, когда въ степяхъ предднѣпровскихъ господствовали кочевые варвары съ новымъ только именемъ; торговля лодки не могли безопасно плавать внизъ и вверхъ по Днѣпру; въ 1166 году Половцы засѣли въ порогахъ и начали грабить Гречниковъ, т. е. купцовъ греческихъ, или вообще купцовъ, производящихъ торговлю съ Греціею; Ростиславъ послалъ боярина своего, Владислава Ляха съ войскомъ, подъ прикрытіемъ котораго Гречники безопасно прошли пороги и поднялись до Кіева. Какъ важна была Греческая торговля для Русскихъ князей и какъ важна была опасность для этой торговли отъ Половцевъ, доказываетъ извѣстіе летописца подъ 1166 годомъ: Ростиславъ послалъ къ братьямъ и сыновьямъ своимъ съ приказомъ собираться имъ у себя со всѣми своими полками, и пришли: Мстиславъ Изяславичъ изъ Владимира съ братьями—Ярославомъ изъ Луцка и Ярополкомъ изъ Бужска, Владиміръ Андреевичъ, Владиміръ Мстиславичъ, Глѣбъ Юрьевичъ, Глѣбъ Городенскій, Иванъ Юрьевичъ Туровскій, сыновья Ростислава — Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ, Галицкая помощь, и всѣ стояли у Канева долгое время, дожидаясь до тѣхъ поръ, пока поднялись торговля суда: тогда всѣ князья разошлись по домамъ. При наследникѣ Ростислава, Мстиславѣ, походы на Половцевъ съ тою же цѣлю продолжались: въ 1167 году вложилъ Богъ въ сердце Мстиславу мысль добрую о Русской землѣ, говоритъ летописецъ: созвалъ онъ братью свою и началъ имъ говорить: «Братья! пожалуйте о

Русской землѣ, о своей отчинѣ и дѣдинѣ: ежегодно Половцы уведать христіанъ въ свои вежи; клянутся намъ не воевать, и вѣчно нарушаютъ клятву; а теперь уже у насъ всѣ торговые пути отнимаютъ¹⁰; хорошо было бы намъ, братья, возложить надежду на помощь Божію и на молитву святой Богородицы, поискать отцовъ и дѣдовъ своихъ пути и своей чести». Рѣчь Мстислава была угодна Богу, всей братьи и мужамъ ихъ; князья отвѣчали: «Помоги тебѣ Богъ, братъ, за такую добрую мысль; а намъ дай Богъ за христіанъ и за всю Русскую землю головы свои сложить и къ мученикамъ быть причтеннымъ». Мстиславъ послалъ и за Черниговскими князьями, и всѣмъ было угодна его дума: собрались въ Кіевъ съ полками—два Ростиславича Рюрикъ и Давидъ, четверо Черниговскихъ—Всеволодовичи Святославъ и Ярославъ, Святославичи—Олегъ и Всеволодъ, Изяславичи Волинскіе—Ярославъ и Ярополкъ, Мстиславъ Всеволодовичъ Городенскій, Святополкъ Юрьевичъ Туровскій, Юрьевичи—Глѣбъ Переяславскій съ братомъ Михаиломъ. Уже девять дней шли князья изъ Кіева по Каневской дорогѣ, какъ одинъ изъ ихъ войска далъ знать Половцамъ о приближеніи Русскихъ полковъ, и варвары побѣжали, бросивши своихъ женъ и дѣтей; князья Русскіе погнались за ними и легкъ, оставивши за собою у обоза Ярослава Всеволодовича: по рѣкамъ Углу и Снопороду захвачены были вежи, у Чернаго лѣса настигли самихъ Половцевъ, притиснули къ лѣсу, много перебили, еще больше взяли въ плѣнъ; всѣ Русскіе воины обогатились добычею, колодниками, женами и дѣтьми, рабами, скотомъ, лошадьми; отпозоненныхъ христіанъ отпустили всѣхъ на свободу, при чемъ изъ Русскихъ полковъ было только двое убитыхъ и одинъ взятъ въ плѣнъ. Мстиславъ впрочемъ недумалъ успокоиваться послѣ такой удачи; скоро онъ созвалъ оныхъ князей и сталъ говорить имъ: «Мы, братья, Половцамъ много зла надѣлали, вежи ихъ побрали, дѣтей и стада захватили: такъ они будутъ мстить надъ нашими Гречниками и Залозниками; надобно намъ будетъ выйти на встрѣчу къ Гречникамъ». Братья полюбилиась эта рѣчь, они всѣ отвѣчали: «Пойдемъ; вѣдь это будетъ выгодно и намъ, и всей Русской землѣ». По преланему, какъ при Ростиславѣ, князья дошли до Канева и здѣсь дожидались Гречниковъ. Не одни только Половцы мѣшала

Греческой торговлѣ: въ 1159 году Берладники овладѣли Олешьемъ; Великій князь Ростиславъ отправилъ на нихъ Дитпронтъ двухъ воеводъ, которые настигли разбойниковъ, перебили ихъ и отняли награбленное.

Изъ дружины княжеской въ описанное время упоминаются слѣдующія имена: въ Кіевѣ при Изяславѣ Давидовичѣ былъ Глѣбъ Ракошичъ, котораго князь посылалъ къ двоюродному брату своему Святославу Черниговскому; послѣ при Изяславѣ, во время борьбы его съ Ростиславомъ, видимъ Шварна, быть можетъ того самаго, который былъ воеводою при Изяславѣ Мстиславичѣ, двоихъ братьевъ Милатичей—Степана и Якуна, и Нажира Переяславича; всѣ они были захвачены въ плѣнъ въ той битвѣ, гдѣ погибъ Изяславъ; потомъ при Ростиславѣ упоминаются Юрій Нестеровичъ и Якунъ, ходившій на Берладниковъ, которые взяли Олешье, и Жирославъ Нажировичъ, ходившій съ Торками изъ Кіева на помощь Рогволоду Полоцкому; Гюрата Семковичъ, посланный Ростиславомъ въ Константинополь къ императору по дѣламъ церковнымъ; Владиславъ Вратиславичъ, Ляхъ, посланный Ростиславомъ для охраны Гречниковъ отъ Половцевъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, тысяцкимъ въ Кіевѣ при Ростиславѣ былъ Жирославъ Андреевичъ²¹¹; близкими людьми къ этому князю были также покладникъ, или спальникъ его Иванко Фроловичъ, и Борисъ Захарычъ. Изъ дружины Мстислава Изяславича, когда еще онъ сидѣлъ на Волыни, упоминаются — Жирославъ Васильевичъ, котораго онъ отправлялъ посломъ къ Изяславу Давидовичу, по дѣлу Берладника; потомъ, во время войны его съ Изяславомъ, Кузьма Сновидичъ и Олбырь Шерошевичъ (происхожденіе котораго явно не русское); посадникомъ его въ Торческѣ былъ Вышко, котораго схватилъ Давидъ Ростиславичъ; Владиславъ Вратиславичъ, Ляхъ, котораго Мстиславъ посылалъ предъ собою въ Кіевъ, позванный туда братьями и гражданами; но мы видѣли этого Владислава бояриномъ и воеводою Ростислава въ Кіевѣ: можно думать, что немедленно по смерти Ростислава, Владиславъ явился къ Мстиславу въ послахъ отъ Кіевлянъ съ приглашеніемъ на столъ; наконецъ при бѣгствѣ Мстислава изъ Кіева, упоминаются дружинники, взятые въ плѣнъ врагами: Димитрій Храбрый, Алексѣй Дворскій, Сбыславъ Жирославичъ, быть мо-

жеть сынъ упомянутого Жирослава Васильевича, Иванко Тво-
римиричь, Родъ или Родѣонъ. Изъ Галицкихъ упоминаются из-
вѣстный уже намъ прежде Избигнѣвъ Ивачевичъ, отправленный
въ послахъ къ Изяславу Давидовичу; въ войнѣ съ послѣднимъ
воеводою Галицкаго отряда упоминается Тудоръ Елщичъ. Изъ
бояръ другихъ юго-западныхъ князей упоминаются бояре Вла-
димира Мстиславича Трепольскаго—Рагуйло Добрыничъ и Ми-
ханль, которые спорили съ Василемъ Настасъичемъ, обвиня-
вшимъ ихъ князя во враждебныхъ замыслахъ противъ Мсти-
слава Изяславича; потомъ эти Рагуйло и Михаилъ вѣсть съ
третьимъ бояриномъ Завидомъ отъѣхали отъ него, когда онъ
безъ нихъ замыслилъ опять вражду на Кіевскаго князя; обо-
ихъ первыхъ Рагуйла и Михаила мы видѣли прежде: они вѣ-
сть съ своимъ княземъ старались защитить Игоря Ольго-
вича отъ убійць; Рагуйлъ былъ тогда въ санѣ тысяцкаго при
Владимірѣ; упоминаются Луцкій бояринъ Онофрій и Доре-
гобужскій Гаврило Васильевичъ въ послахъ отъ князя
своихъ къ Изяславу Давидовичу. Изъ Черниговскихъ бо-
яръ Святослава Ольговича упоминается извѣстный намъ Жиро-
славъ Иванковичъ, старый бояринъ Вячеслава и Юрія; есте-
ственно, что по смерти послѣдняго Жирославъ отъѣхалъ къ
Святославу Ольговичу, постоянному и единственному пріятелю
Юріеву; потомъ упоминается Георгій Ивановичъ, братъ Шаку-
шановъ, котораго Святославъ отправлялъ въ послахъ къ Давидо-
вичу въ Кіевъ, съ увѣщаніемъ не вступаться за Берладника; во
всѣмъ вѣроятностямъ онъ же и былъ тысяцкимъ въ Черниговѣ
во время смерти Святославовой; у сына Святославова, Олега
упоминается бояринъ Иванъ Радиславичъ. Изъ Сѣверскихъ бо-
яръ Святослава Всеволодовича упоминается Кіянничъ; имя ука-
зываетъ въ немъ выходца изъ Кіева. Изъ Переяславскихъ бо-
яръ въ битвѣ съ Половцами упоминается Шварнъ, по нѣкото-
рымъ извѣстіямъ воевода князя Глѣба, по другимъ богатырь. Изъ
Смоленскихъ бояръ Ростислава Мстиславича упоминается Иванъ
Рученикъ въ послахъ отъ своего князя къ южнымъ князьямъ,
звавшимъ Ростислава на столъ Кіевскій; потомъ Внѣздъ, какъ
видно тысяцкій Смоленскій, занимающій мѣсто послѣ князя
епископа²¹²; его видимъ также вѣсть съ Смоленскими князья-
ми въ походѣ на помощь Полоцкому князю Рогволоду противъ

одичей. Изъ Вышегородскихъ бояръ Давида Ростиславича упоминаются Василь Настасьичъ, тысяцкій Вышегородскій Радило²¹⁸, въ можетъ, тотъ самый, котораго мы видѣли прежде въ дружинѣ Изяслава Мстиславича, и Василій Волковичъ; потомъ, какъ видно, двое братьевъ Бориславичей отъѣхали отъ Мстислава Ярославскаго также къ Давиду; имя одного изъ нихъ, Петръ можетъ указывать намъ въ немъ одно лицо съ упомянутымъ прежде бояриномъ Изяславовымъ, Петромъ Борисовичемъ или Бориславичемъ. Изъ Суздальскихъ бояръ Андрея Боголюбскаго упоминается воевода Борисъ Жидиславичъ, участвовавшій во взятіи Олева; взявши въ соображеніе перемѣну его отчества Жидиславичъ на Жирославичъ, можно предположить, что это былъ сынъ известнаго Жирослава Иванковича. Наконецъ упоминаются имена лицъ, неизвѣстно къ чьей дружинѣ принадлежавшихъ, кн. Давидъ Борыничъ, который подтверждалъ извѣстіе Василя Настасьича на счетъ замысловъ Владиміра Мстиславича; потомъ въ битвѣ съ Половцами убитъ былъ Константинъ Васильевичъ, друновъ братъ, и Константинъ Хотовичъ взятъ въ плѣнъ..

ГЛАВА VI.

ОТЪ ВЗЯТІЯ КІЕВА ВОЙСКАМИ БОГОЛЮБСКАГО ДО СМЕРТИ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА ТОРОПЕЦКАГО.

(1169—1228).

Андрей Боголюбскій остается на Сѣверѣ: значеніе этого явленія. Характеръ Андрея и его поведеніе на Сѣверѣ. Владиміръ на Клязьмѣ. Братъ Андрей, Глѣбъ княжить въ Кіевѣ. Война его съ Мстиславомъ Изяславичемъ. Смерть обоихъ соперниковъ. Андрей Боголюбскій отдаетъ Кіевъ Роману Ростиславичу Смоленскому. Ссора Ростиславичей съ Андреемъ. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Неудачный походъ рати Андреевой противъ Ростиславичей. Ярославъ Изяславичъ княжить въ Кіевѣ. Борьба его съ Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ. Убіеніе Андрея Боголюбскаго и слѣдствія этого событія. Соперничество Ростова и Владиміра; соперничество дядей Юрьевичей и племянниковъ Ростиславичей Сѣверныхъ. Торжество Михаила Юрьевича надъ племянниками и Владиміра подъ Ростовомъ. Возобновленіе борьбы по смерти Михаила. Торжество Всеволода Юрьевича надъ племянниками и окончательное паденіе Ростова. На Югѣ усобица между Мономаховичами и Ольговичами. Походъ Святослава Всеволодовича Черниговскаго на Всеволода Юрьевича Суздальскаго. Святославъ утверждаетъ въ Кіевѣ. Слабость Кіевскаго князя передъ Суздальскимъ. Борьба Ярослава Галицкаго съ боярами. Смерть его. Усобица между его сыновьями, Владиміромъ и Олегомъ. Бояре изгоняютъ Владиміра и принимаютъ къ себѣ Романа Мстиславича Волынскаго. Венгерскій король Бела III вѣнчается въ эту усобицу и сажаетъ въ Галичъ сына своего Андрея. Гибель Берладникова сына Ростислава. Насилія Венгровъ въ Галичѣ. Владиміръ Ярославичъ съ помощію Поляковъ утверждаетъ здѣсь. Смерть Святослава Всеволодовича Кіевскаго. Рюрикъ Ростиславичъ занимаетъ его мѣсто по волѣ Всеволода Суздальскаго. Послѣдній ссоритъ Рюрика съ зятемъ его Романомъ Волынскимъ. Участіе Романа въ Польскихъ усобицахъ. Война Мономаховичей съ Ольговичами. Романъ Волынскій утверждаетъ въ Галичѣ по смерти Владиміра Ярославича. Онъ изгоняетъ Рюрика Ростиславича изъ Кіева. Рюрикъ опять въ Кіевѣ и отдаетъ его на разграбленіе Половцамъ. Романъ постригаетъ Рюрика въ монахи. Романъ гибнетъ въ битвѣ съ Поляками; его характеръ. Малолѣтние сыновья его Данилъ и Василько окружены врагами. Рюрикъ снова въ Кіевѣ, и воюетъ противъ Романовичей. Послѣдніе должны бѣжать изъ Галича. Галицкіе бояре призываютъ къ себѣ на княженіе

ревичей Сяверскихъ. Бѣдственная судьба маленькихъ Романовичей. Венгры цѣпають Галичъ и свирѣпствуютъ здѣсь. Игоревичи Сяверскіе изгоняють трювъ, но вооружають противъ себя бояръ, которые, съ помощію Венгровъ, ѣдутъ на престолъ Данила Романовича. Новые волненія бояръ и бѣгство Яна. Бояринъ Владиславъ княжить въ Галичѣ. Венгры и Поляки дѣлятъ ду собою Галичъ. Продолженіе усобицы между Мономаховичами и Ольговичами за Кіевъ. Ольговичъ въ Кіевѣ, Мономаховичъ въ Черниговѣ. Усиленіе Всеволода III Юрьевича на Сяверѣ. Отношенія его къ Рязани, Смоленску и Новгороду Великому. Дѣятельность Мстислава Храбраго на Сяверѣ. Смерть его. Сынъ въ Новгородѣ Великому. Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, сынъ брата, избавляетъ Новгородъ отъ Всеволода III. Предсмертное распоряженіе Всеволода III. Кончина его. Усобица между его сыновьями Константиномъ и Мстиславомъ Торопецкімъ вѣнчивается въ эту усобицу и Липецкою побѣдой торжествуетъ Константинъ. Смерть послѣдняго. Юрій опять великийъ князь во Владимірѣ. Событія Рязанскія и Новгородскія. Дѣятельность Мстислава Торопецкаго въ Галичѣ. Перемѣны въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславлѣ. князя. Нѣмцы въ Ливоніи. Скуты въ Новгородѣ и Псковѣ. Войны Новгородскія Янью. Ихъ Заволочіе походы. Борьба Суздальскихъ князей съ Болгарскою. Основаніе Нижняго Новгорода. Войны съ Литвою, Ятвягами и Половцани. руское нашествіе. Общій обзоръ событій отъ кончины Ярослава 1-го до кончины Мстислава Торопецкаго.

казалось, что по смерти Ростислава Мстиславича событія на Руси примутъ точно такой же ходъ, какой приняли они прежде смерти Всеволода Ольговича: старшій столъ, Кіевъ занялъ Мстиславъ Изяславичъ вопреки правамъ дяди своего Андрея дальскаго, точно также какъ отецъ Мстислава, Изяславъ занялъ Кіевъ вопреки правамъ отца Андреева, Юрія; какъ послѣдній вооружился за это на племянника и нѣсколько разъ изгнать его изъ Кіева, такъ теперь и Андрей вооружается противъ Мстислава, изгоняетъ его, беретъ старшинство — имѣетъ право продолжать борьбу, которая опять можетъ быть ведена перемѣннымъ счастіемъ, смотря потому, поддержится ли со стороны Андрея съ одиннадцатью князьями, удовлетворитъ ли онъ желаніямъ, или нѣтъ. Но мы обманываемся совершенно въ своихъ ожиданіяхъ: Андрей не самъ привелъ войска свои къ Кіеву, не пришелъ въ стольный городъ отцовъ и дѣдовъ и послѣдствіемъ его опустошенный младшему брату, а самъ остался на старшинствѣ, въ прежнемъ мѣстѣ своего пребыванія, во Владимірѣ великомъ князь. Этотъ поступокъ Андрея былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ поворотнымъ, отъ котораго исторія принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Руси новый докъ вещей. Это не было перенесеніе столицы изъ одного

мѣста въ другое, потому что на Руси не было единого государя; въ ней владѣлъ большой княжескій родъ, единство котораго поддерживалось тѣмъ, что ни одна линія въ немъ не имѣла верховствующаго значенія и не подчиняла себѣ другія въ государственномъ смыслѣ; но каждый членъ рода въ свою очередь, вслѣдствіе старшинства физическаго, имѣлъ право быть старшимъ, главнымъ, Великимъ княземъ, сидѣть на главномъ столѣ, въ лучшемъ городѣ Русскомъ — Кіевѣ: отсюда для полноправныхъ князей — родичей отсутствіе отдѣльныхъ волостей, отчинъ: отчиною для каждого была цѣлая Русская земля; отсюда общность интересовъ для всѣхъ князей, понятіе объ общей, одинаковой для всѣхъ обязанности защищать Русскую землю, эту общую отчину, складывать за нее свои головы; отсюда то явленіе, что во все продолженіе описанныхъ выше княжескихъ усобицъ предѣлы ни одной волости, ни одного княжества неувеличивались, по крайней мѣрѣ примѣтно, на счетъ другихъ, потому что князю не было выгоды увеличивать волость, которой онъ былъ только временнымъ владѣльцемъ; мы видѣли напримѣръ, что Изяславъ Мстиславичъ перемѣнилъ въ свою жизнь шесть волостей: какую надобность имѣлъ онъ заботиться объ увеличеніи предѣловъ, объ усиленіи каждой изъ нихъ, когда главная забота всей его жизни состояла въ борьбѣ съ дядьми за право старшинства, за возможность быть старшимъ и княжить въ Кіевѣ? или какая надобность была князю Новгороду Сѣверскаго заботиться о своей волости, когда онъ зналъ, что по смерти дяди своего, князя Черниговскаго, онъ перейдетъ въ Черниговъ, и прежнюю свою волость Сѣверскую долженъ будетъ уступить двоюродному брату, сыну прежняго князя Черниговскаго? потомъ онъ зналъ, что и въ Черниговѣ долго не останется, умретъ княземъ Кіевскимъ, а сына своего оставитъ въ Туронѣ, или на Волынѣ, или въ Новгородѣ Великомъ; слѣд. главная цѣль усобицъ была поддержать свое право на старшинство, свое мѣсто въ родовой лѣтствицѣ, отъ чего зависѣло владѣніе тою или другою волостію. Но если верховнымъ желаніемъ, главною, завѣтною цѣлію для каждого полноправнаго князя-родича было достиженіе первой степени старшинства въ цѣломъ родѣ, и если съ этою степенью старшинства необходимо связывалось владѣніе лучшимъ городомъ на Руси, матерію городовъ Русскихъ, Кіевомъ, то понятно всѣмъ

важное значеніе этого города для князей. Самою крѣпкою основою для родового единства княжескаго было отсутствіе отдѣльности владѣній, отсутствіе отдѣльной собственности для членовъ рода, общее право на главный столъ; къ Кіеву стремились самыя пламенные желанія князей, около Кіева сосредоточивалась ихъ главная дѣятельность; Кіевъ былъ представителемъ единства княжескаго рода и единства земскаго, наконецъ единства церковнаго, какъ мѣстопробываніе верховнаго пастыря Русской церкви; Кіевъ, по словамъ самихъ князей, былъ Старшимъ городомъ во всей землѣ²¹⁴; Изяславъ Давидовичъ не хотѣлъ выйти изъ Кіева, «потому что, говоритъ летописецъ²¹⁵, только полюбилось ему Великое княженіе Кіевское; да и кто не полюбитъ Кіевскаго княженія? вѣдь здѣсь вся честь и слава и величіе, глава всѣмъ землямъ Русскимъ Кіевъ; сюда отъ многихъ дальнихъ царствъ стекаются всякіе люди и купцы; и всякое добро отъ всѣхъ странъ собирается въ немъ».

И вотъ нашелся князь, которому не полюбилось Кіевское княженіе, который предпочелъ славному и богатому Кіеву бѣдный, едва только начавшій отстраиваться городъ на сѣверѣ, Владиміръ Клязменскій. Легко понять слѣдствіе переворота, произведеннаго такимъ поступкомъ Боголюбскаго: еслибъ перемѣна въ мѣстопробываніи старшаго князя произошла съ согласія всѣхъ князей родичей, если бы Кіевъ для всѣхъ нихъ потерялъ совершенно свое прежнее значеніе, передалъ его Владиміру Клязменскому, еслибъ всѣ князья, и сѣверные и южные, и Мономаховичи и Ольговичи стали теперь добиваться Владиміра, какъ прежде добивались Кіева,—то и тогда произошли бы большія перемѣны въ отношеніяхъ княжескихъ, и тогда велики были бы слѣдствія этого перенесенія главной сцены дѣйствія на новую почву, имѣвшую свои особенности. Но этого не было и быть не могло: для всѣхъ южныхъ князей, и для Мономаховичей, и для Ольговичей, Кіевъ не потерялъ своего прежняго значенія; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ предпочитать далекой и бѣдной Суздальской земли той благословенной сторонѣ, которая по преимуществу носила названіе земли Русской; Кіевъ остался по прежнему старшимъ городомъ Русской земли, и между тѣмъ самый старшій и самый могущественный князь не живетъ въ немъ, но, оставаясь на отдаленномъ сѣверѣ, располагаетъ

Кіевомъ, отдаетъ его старшему послѣ себя князю; такимъ образомъ сѣверный Суздальскій князь, несмотря на то, что, подобно прежнимъ Великимъ князьямъ, признается только старшимъ въ родѣ, является внѣшнею силою, тяготящею надъ южною Русью, силою отдѣльною, независимою; и прежде было нѣсколько отдѣльныхъ волостей — Галицкая, Полоцкая, Рязанская, Городенская, Туровская: но эти волости обособились вслѣдствіе изгойства князей ихъ, которые были относительно такъ слабы, что не могли обнаруживать рѣшительнаго вліянія на дѣла Руси; но сѣверная Ростовская или Суздальская область обособилась не вслѣдствіе изгойства своихъ князей; князь ея признается первымъ, старшимъ въ цѣломъ родѣ, и, кромѣ того, матеріально сильнѣйшимъ, обладающимъ, слѣдовательно, двойною силою; сознание этой особенности, независимости и силы побуждаетъ его перемѣнить обращеніе съ слабѣйшими, младшими князьями, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія, къ чему не привыкли князья при господствѣ неопредѣленныхъ, исключительно родовыхъ отношеній между старшими и младшими; такимъ образомъ родовымъ отношеніямъ впервые наносится ударъ, впервые сталкиваются они съ отношеніями другаго рода, впервые выказывается возможность перехода родовыхъ отношеній въ государственныя. Если бы сѣверные князья могли постоянно удерживать свое господствующее положеніе относительно южныхъ, то судьба послѣднихъ, разумѣется, скоро стала бы зависѣть отъ произвола первыхъ, отъ чего произошло бы необходимо измѣненіе въ цѣломъ бытѣ южной Руси, въ отношеніяхъ ея къ сѣверной. Если же сѣверные князья потеряютъ на время свою силу, свое вліяніе на судьбу южной Руси, то отсюда необходимо произойдетъ окончательное раздѣленіе обѣихъ половинъ Руси, имѣющихъ теперь каждая свое особое средоточіе, свою особую сферу. Легко понять, что это отдѣленіе сѣверной Руси отъ южной будетъ гораздо богаче послѣдствіями, чѣмъ, напримѣръ, отдѣленіе небольшихъ волостей — Галицкой, Полоцкой или Рязанской; теперь отдѣлится обширная область съ особымъ характеромъ природы, народонаселенія, съ особыми стремленіями, особыми гражданскими отношеніями. То важное явленіе, которое послужило поводомъ къ раздѣленію южной и сѣверной Руси.

именно поступокъ Боголюбскаго, когда онъ не поѣхалъ въ Кіевъ, остался на сѣверѣ и создалъ себѣ тамъ независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность переѣхать прежнее поведеніе старшаго князя относительно младшихъ, — это явленіе будетъ ли имѣть слѣдствія, повторится ли оно, станутъ ли старшіе князья подражать Боголюбскому, станутъ ли каждый оставаться въ своей прежней волости, ее увеличивать, усиливать, создавать для себя въ ней независимое, могущественное положеніе, и, пользуясь этимъ могуществомъ, мѣнять родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ князьямъ въ государственныя? и въ какой именно части Руси, въ южной или сѣверной примѣръ Боголюбскаго окажется плодотворнымъ, найдетъ подражателей?

Въ южной половинѣ Руси онъ не нашелъ подражателей; здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему; здѣсь самые доблестные князья обнаружили отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старыя преданія были слишкомъ сильно укоренены; здѣсь ни одинъ князь не обладалъ достаточною матеріальною силою, для того чтобъ создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости: здѣсь при борьбѣ разныхъ племенъ (линій) Ярославова потомства за старшинство, это старшинство и столъ Кіевскій обыкновенно доставались старшему въ томъ племени, которое держивало верхъ; власть великаго князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, которой онъ былъ старшимъ; онъ поддерживался этою совокупною силою, и раздавалъ ближайшіе къ Кіеву города своимъ сыновьямъ, братьямъ, племянникамъ, что было для него все равно, или даже еще выгоднѣе, чѣмъ раздавать ихъ посадникамъ: посадникъ скорѣе могъ отъѣхать къ чужому князю, чѣмъ князь мѣнять своему племени и его старшему; наконецъ утвержденію новаго порядка вещей на югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя, или, по крайней мѣрѣ развивавшіяся, крѣпявшіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ: мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, сосѣдственному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ и т. п. Но другое дело на сѣверѣ: здѣсь была почва новая, дѣвственная, на кото-

рой новый порядокъ вещей могъ принятъ гораздо легче, и точно принялся, какъ увидимъ въ послѣдствіи; здѣсь не было уреченныхъ старыхъ преданій о единствѣ рода княжескаго; сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ къ своему къ новому порядку вещей; Всеволодъ III-й наследуетъ стремленія брата своего; всѣ князья сѣверные происходятъ отъ этого Всеволода III-го, слѣдовательно между ними новое преданіе о княжескихъ отношеніяхъ есть преданіе родовое, преданіе отцовское и дѣдовское; но главное обстоятельство здѣсь было то, что новымъ стремленіямъ князей на сѣверѣ открывалось свободное поприще, они не могли встрѣтить себѣ препятствій и другихъ отношеній, въ отношеніяхъ къ народонаселенію страны. Мы видѣли, какое значеніе имѣли города при родовыхъ счетахъ и усобицахъ княжескихъ, какое вліяніе оказывали они на исходъ этихъ усобицъ, на измѣненія въ этихъ счетахъ; мы видѣли значеніе Кіева при нарушеніи правъ Святославова племени въ пользу Мономаха и сыновей его, видѣли, какъ, по смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне объявили, что не хотятъ переходить къ его брату, какъ будто по наследству, слѣдовательно зова Мономаха къ себѣ на столъ, и передавая этотъ столъ сыновьямъ его мимо Черниговскихъ, Кіевляне не хотѣли утвердить правъ наследства въ одномъ какомъ-нибудь племени, вообще были противъ наследства; въ Полоцкѣ мы видѣли также явленія въ этомъ родѣ, увидимъ такія же явленія и въ Смоленскѣ; слѣдовательно, еслибы на югѣ какой нибудь князь захотѣлъ ввести новый порядокъ вещей относительно счетовъ по волостямъ, то встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе въ городахъ, которое, вѣсть съ сопротивленіемъ многочисленной толпы князей-родичей, — помѣшало бы ему достигнуть своей цѣли. Но существовало ли это препятствіе на сѣверѣ? господствовали ли тамъ тѣ неопредѣленные отношенія между князьями и гражданами, какія существовали въ старыхъ городахъ, старыхъ общинахъ, какія были остаткомъ прежнихъ родовыхъ отношеній народонаселенія къ старшинамъ и поддерживались родовыми отношеніями, безарестанными переходами и усобицами князей Рюриковичей? Здѣсь на сѣверѣ, въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Нова-

города, въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находилась только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: то былъ Ростовъ Великій; отъ котораго вся окрестная страна получила названіе земли Ростовской. Скоро начали возникать около него города новые; сынъ Мономаха, Юрій особенно прославилъ себя какъ строитель неутомимый¹¹⁶; но мы знаемъ, что города новопостроенные входили къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, становились ихъ пригородами, и должны были находиться въ ихъ волѣ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тиуна; эта зависимость выражается въ лѣтописи такъ: «на чемъ старшіе положить, на томъ и пригороды стануть». Ясно, что если въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчнымъ приговорамъ старшихъ, князь утвердитъ свой столъ, то власть его будетъ развиваться гораздо свободнѣе; при этомъ не забудемъ, что въ Ростовской области всѣ эти новые города были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ на сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, вокругъ одинокаго Ростова, князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ, считалъ эти города своею собственностію, которою могъ распоряжаться: неудивительно послѣ того, что здѣсь явился первый князь, которому лѣтописецъ приписываетъ стремленіе къ единовластію, неудивительно, что здѣсь впервые явились понятія объ отдѣльной собственности княжеской, которую Боголюбскій успѣшилъ выдѣлать изъ общей родовой собственности Ярославичей, оставивъ примѣръ своимъ потомкамъ, могшимъ безпрепятственно имъ воспользоваться. Если вникнемъ въ свидѣтельство лѣтописи о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, о торжествѣ послѣднихъ надъ единственными изъ первыхъ на сѣверѣ, если вникнемъ въ эту противоположность и враждебность, какая обнаружилась въ послѣдствіи между городами сѣверовосточной и городами западной Россіи, если вникнемъ въ бытъ западно-Русскихъ городовъ въ періодъ Литовскаго владѣтельства, бытъ, явно носящій слѣды

древности и несходный съ бытомъ городовъ сѣверовосточныхъ; то конечно не усумнимся уступить этому различію важное вліяніе на бытъ сѣверовосточной и потомъ на бытъ Россіи вообще; если намъ укажутъ въ началѣ и на сѣверовостокъ такія же явленія, какія видимъ на западѣ и югѣ, то мы спросимъ: почему же эти явленія, происходившія на сѣверовостокѣ вслѣдствіе извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, не повторились, остались безъ слѣдствій? Ясно, что почва здѣсь была не по намъ. Наконецъ не забудемъ обратить вниманіе на указанное выше²⁰ различіе между сѣвальною и южною Русью, различіе въ характерѣ ея народонаселенія; это различіе необходимо содѣйствовало также установленію новаго порядка вещей на сѣверѣ, содѣйствовало тому значенію, какое имѣла сѣверная, Суздальская волость для остальныхъ частей Россіи.

Мы видѣли втораго сына Юріева, Андрея во время борьбы отца его съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ за старшинство, за Кіевъ; онъ выдавался здѣсь своею необыкновенною храбростію, любилъ начинать битву впереди воиновъ, заноситься на ретивомъ конѣ въ середину вражьяго войска, пренебрегать опасностями; но въ то же время видно было въ немъ какое-то нерасположеніе къ югу, къ собственной Руси, влеченіе къ сѣверу, что рѣзко отличало его отъ отца и другихъ братьевъ, раздѣлявшихъ со всѣми остальными Ярославичами любовь къ Кіеву; когда Юрій, проигравши свое дѣло на югѣ, все еще не хотѣлъ разстаться съ нимъ, медлилъ исполнить требованія брата и племянника, объявившихъ, что не могутъ жить съ нимъ вмѣстѣ, Андрей спѣшилъ впереди отца на сѣверъ, утверждая, что на югѣ уже больше дѣлать нечего. Потомъ, когда Юрій, по смерти старшаго брата и племянника, окончательно утвердился въ Кіевѣ, и посадилъ Андрея подлѣ себя въ Вышгородѣ²¹, онъ не просидѣлъ и году въ своей южной волости, безъ отцискаго позволенія ушелъ на сѣверъ, который послѣ никогда уже не оставлялъ. Для объясненія этого явленія замѣтимъ, что Андрей, безспорно и родившійся на сѣверѣ²², провелъ тамъ большую половину жизни, и ту именно половину, впечатлѣнія которой ложатся крѣпко на душу человека и никогда его не покидаютъ; Юрій жилъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздаль, городъ относительно новымъ, подчиненномъ; Андрей, какъ видно, велъ

иль отъ отца въ волость Владимиръ на Клязьмѣ; слѣдовательно
 въ воспитаніи и окрѣпѣ въ новой средѣ, при тѣхъ отношені-
 яхъ, которыя господствовали въ новыхъ городахъ, или пригоро-
 къ Ростовскихъ. Уже только въ 1149 году, лѣтъ 30 слишкомъ
 въ рожденія, пришелъ Андрей на югъ, въ Русь, съ полками
 отца своего; онъ привыкъ къ сѣверу, къ тому порядку вещей,
 который тамъ господствовалъ: не мудрено, что не понравился
 ему югъ, что чуждъ, непонятенъ и враждебенъ показался ему
 порядокъ вещей, здѣсь существовавшій. На югѣ всѣ князья съ
 ранней молодости привыкали жить въ общемъ родовомъ кругу,
 дѣлиться другъ съ другомъ въ челѣ полковъ и во время мирныхъ
 свѣщаній; живя въ близи другъ отъ друга, находясь въ непре-
 рывныхъ сношеніяхъ, съ ранней молодости привыкали дѣятельно
 участвовать во всѣхъ родовыхъ столкновеніяхъ, и принимать
 къ сердцу всѣ родовые счеты и распри, находя въ этомъ самый
 главный, самый живой интересъ. Но Андрей 30 слишкомъ лѣтъ
 прожилъ на сѣверѣ, въ одной своей семьѣ, въ удаленіи отъ осталь-
 ныхъ племенъ (линій) княжескихъ, рѣдко видясь, мало зная въ
 лицѣ остальныхъ князей — родственниковъ своихъ, близкихъ и
 дальнихъ; издали только доносились до него слухи о событіяхъ
 изъ этого чуждаго для него міра; такимъ образомъ вслѣдствіе
 долговременнаго удаленія, для Андрея необходимо должна была
 ослабѣть связь, соединявшая его съ остальными родичами, по-
 чему готовилась для него возможность явиться въ послѣд-
 ствіи такимъ старшимъ княземъ, который станетъ поступать съ
 младшими не по родственному; но мало одного удаленія: Андрея
 отдѣляла отъ южныхъ родичей, и самыхъ близкихъ, отъ двою-
 родныхъ братьевъ Мстиславичей, вражда; онъ привыкъ смотрѣть
 на нихъ, какъ на заклятыхъ враговъ, которые старались отнять
 у отца его и у всей семьи Юрія должное ей значеніе. Это отчуж-
 деніе, холодность относительно всѣхъ родичей, вражда къ Мсти-
 славичамъ и отчужденіе отъ юга вообще не могли измѣниться,
 когда Андрей явился на Руси, гдѣ, какъ мы видѣли, отецъ и вся
 семья его не могли пріобрѣсти народнаго расположенія, когда
 вслѣдствіе этого было такъ мало надежды скоро или даже
 когда-нибудь занять старшій столъ и удержать его. Послѣ всего
 этого неудивительно покажется намъ удаленіе Андрея изъ Выш-
 горада на сѣверъ; здѣсь онъ утвердился въ своей прежней воло-

сти, Владимиръ Клязменскомъ ²³⁰, и во все остальное время отцовской жизни не былъ княземъ главныхъ сѣверныхъ волостей, ни Ростова, ни Суздаля, потому что всѣ сѣверныя волости вообще Юрій хотѣлъ оставить младшимъ сыновьямъ своимъ, а старшихъ и спомѣстить на югѣ, въ собственной Руси, и, какъ видно, города при жизни Юрія не хотѣли прямо возстать противъ его распоряженія. Но какъ скоро Юрій умеръ, то Ростовцы и Суздальцы, посовѣтовавшись вмѣстѣ, взяли къ себѣ въ князи Андрея и посадили его въ Ростовѣ на отцовскомъ столѣ и въ Суздаль ²³¹. Изъ этого извѣстія лѣтописца мы видимъ ясно, что жители Ростова, какъ жители другихъ старыхъ городовъ, не считали своею обязанностію исполнить волю покойнаго князя, отдавшаго ихъ волость младшимъ сыновьямъ своимъ; думали, что имѣютъ право выбирать кого хотятъ въ князя. Андрей принялъ столъ Ростовскій и Суздальскій; но утвердилъ свое пребываніе въ прежней волости, Владимиръ ²³², его украшалъ по преимуществу, въ немъ хотѣлъ даже учредить особую митрополию для сѣверной Руси, чтобъ дать ей независимость отъ южной и въ церковномъ отношеніи, зная, какое преимущество будетъ сохранять Кіевъ, если въ немъ будетъ по прежнему жить верховный пастырь Русской церкви. Такое поведеніе Андрея не могло нравиться Ростовцамъ; его поведеніе не нравилось, какъ видно, почему то и старымъ боярамъ отцовскимъ; какъ видно Андрей не жилъ съ ними по товарищески, не объявлялъ имъ всѣхъ своихъ думъ, къ чему привыкли бояре въ старой Руси; предлогъ къ смутѣ недовольные могли найти легко: Андрей овладѣлъ волостью вопреки отцовскому распоряженію; младшіе Юрьевичи, которымъ отецъ завѣщалъ Суздальскую землю, жили тамъ, ихъ именемъ недовольные могли дѣйствовать: и вотъ Андрей гонитъ съ сѣвера своихъ младшихъ братьевъ, этихъ опасныхъ соперниковъ, Мстислава, Василька и Всеволода, которые отправились въ Грецію ²³³; мы видѣли, что двое другихъ Юрьевичей имѣли волости на югѣ: Глебъ княжилъ въ Переяславѣ, Михаилъ, какъ видно, въ Торческѣ; скоро Всеволодъ Юрьевичъ съ племянниками Ростиславичами возвратился также изъ Греціи и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ²³⁴, княжилъ въ Городцѣ Остерскомъ. Вмѣстѣ съ братьями Андрей выгналъ племянниковъ своихъ отъ старшаго брата Ростислава; наконецъ выгналъ старыхъ отцовскихъ бо-

иръ, мужей отца своего переднихъ, по выраженію лѣтописца; онъ это сдѣлалъ, продолжаетъ лѣтописецъ, желая быть самовластцемъ во всей Суздальской землѣ. Но при этомъ необходимо рождается вопросъ: если Ростовцы и Суздальцы были недовольны, если передніе мужи были недовольны, если братья княжескіе были недовольны, то какая же сила поддерживала Андрея, дала ему возможность, несмотря на неудовольствіе Ростовцевъ и Суздальцевъ, выгнать братьевъ, выгнать бояръ и сдѣлаться самовластцемъ? Необходимо должно предположить, что сила его утверждалась на повиновеніи младшихъ, новыхъ городовъ или пригородовъ. Андрей, какъ видно, хорошо понималъ, на чемъ основывается его сила, и не оставилъ этихъ новыхъ городовъ, когда войска его взяли самый старшій и самый богатый изъ городовъ Русскихъ — Кіевъ.

Глѣбъ Юрьевичъ, посаженный племянникомъ въ Кіевъ, не могъ княжить здѣсь спокойно, пока живъ былъ изгнанный Мстиславъ Изяславичъ. Послѣдній началъ съ ближайшаго сосѣда своего, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго, который, какъ мы видѣли, былъ союзникомъ Юрьевичей при его изгнаніи; съ братомъ Ярославомъ и съ Галичанами приступилъ Мстиславъ къ Дорогобужу, сталъ биться около города, но, не смотря на болѣзнь Владиміра Андреевича, который не могъ лично распоряжаться своимъ войскомъ, не смотря на то, что Глѣбъ Кіевскій, вопреки своему общанію, не далъ ему никакой помощи, Мстиславу не удалось взять Дорогобужа: онъ долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ другихъ, менѣе крѣпкихъ городовъ Владиміровыхъ и возвратился къ себѣ домой. Скоро Владиміръ Андреевичъ умеръ, какъ видно, не оставивъ дѣтей: но волости его уже дождался безземельный князь, Владиміръ Мстиславичъ, пріѣхавшій съ сѣверовостока и жившій теперь въ Волинскомъ городѣ Полонномъ, который принадлежалъ Кіевской Десятинной церкви. Узнавъ о смерти Андреевича, онъ явился передъ Дорогобужемъ; но дружина покойнаго князя не пустила его въ городъ; тогда онъ послалъ сказать ей: «Цѣлую крестъ вамъ и княгинѣ вашей, что ни вамъ, ни ей не сдѣлаю ничего дурнаго»; поцѣловалъ крестъ, вошелъ въ городъ, и тотчасъ же позабылъ свою клятву, потому что, говоритъ лѣтописецъ, былъ онъ вертлявъ между всею братьею; онъ накинулся на нѣмце, на стада и на

села покойнаго Андреевича, и потвалъ княгиню его изъ города. Взвѣсивъ тѣло мужа своего, она отправилась въ Вышгородъ, откуда хотѣла ѣхать въ Кіевъ, но князь Давидъ Ростиславичъ не пустилъ ее: «Какъ я могу отпустить тебя», говорилъ онъ: «вѣ- чью пришла мнѣ вѣсть, что Мстиславъ въ Василевѣ; пусть кто-нибудь пойдетъ съ тѣломъ изъ дружины». Но дружина Дорого- бужская отвѣчала ему на это: «Князь! самъ ты знаешь, что мы надѣлали Кіевлянамъ, не лъзя намъ идти, убьютъ насъ». Тогда игуменъ Поликарпъ сказалъ Давиду: «Князь! дружина его по- ѣдетъ съ нимъ: такъ отпусти кого-нибудь изъ своей, чтобъ былъ кому коня повести, и стягъ (знамя) понести». Но Давиду не хо- тѣлось отпускать своей дружины въ такое опасное время; онъ отвѣчалъ Поликарпу: «Его стягъ и почестъ отошли вмѣстѣ съ душою; возьми поповъ Борисоглѣбскихъ и ступайте одни». По- ликарпъ отправился и вмѣстѣ съ Кіевлянами похоронилъ Владиміра въ Андреевскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ Мстиславъ съ большою силою, братомъ Яросла- вомъ, полками Галицкими, Туровскими и Городенскими, пошелъ къ Чернымъ Клобукамъ; соединившись съ ними, отправился къ Триполю, оттуда къ Кіеву, и безпрепятственно вошелъ въ него, потому что Глѣбъ былъ въ это время въ Переяславѣ по дѣламъ Половецкимъ. Первымъ дѣломъ Мстислава по занятіи Кіева былъ рядъ съ союзниками своими, которые помогли ему овладѣть опять старшимъ столомъ; тутъ же договорился онъ и съ Влади- міромъ Мстиславичемъ: какъ видно изъ послѣдующихъ извѣ- стій, Владиміръ отказался искать Кіева не только подъ Мсти- славомъ, но и подъ братомъ его Ярославомъ и подъ сыновьями, за что племянники позволили ему остаться въ Дорогобужѣ; о содержаніи договоровъ съ другими союзниками ничего неизвѣ- стно; заключенъ былъ рядъ и съ Кіевлянами, также съ Черными Клобуками; но послѣдніе, по обычаю, только обманывали кня- зей. Урядившись со всѣми, Мстиславъ пошелъ въ Вышгородъ, и сталъ крѣпко биться съ осажденными; тѣ не уступали, потому что у князя ихъ Давида было много своей дружины, да братъ прислалъ ему помощь, князь Глѣбъ прислалъ также тысящю своего съ отрядомъ; кромѣ того были у него Половцы дикіи свои Берендѣи, тогда какъ союзники Мстислава начали раскла- ться; первый ушелъ Галицкій воевода Константинъ съ своимъ

вѣлами: онъ послалъ сказать Мстиславу: «Князь Ярославъ велѣлъ мнѣ только пять дней стоять подъ Вышгородомъ, а потомъ ити домой». Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему на это: «Братъ Ярославъ мнѣ такъ говорилъ: «пока не уладишься съ братъею, а тѣхъ поръ не отпускай полковъ моихъ отъ себя». Тогда Константинъ написалъ ложную грамоту, въ которой будто бы князь Ярославъ приказывалъ ему возвратиться, и ушелъ съ Галичанами; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Константинъ былъ подкупленъ Давидомъ Вышегородскимъ¹⁰⁰; иначе трудно объяснить причину его поступка. По удаленіи Галичанъ, Мстиславъ отступилъ къ Кіеву, и сталъ передъ Золотыми воротами, въ огородахъ, а изъ Вышгорода выѣзжали Половцы съ врендѣями и наносили большой вредъ его полкамъ. Видя, что жизни его все расходуется, изнемогли отъ упорнаго боя, и мыша съ другой стороны, что Глѣбъ съ Половцами переправится черезъ Днѣпръ, а къ Давиду пришли еще вспомогательныя отряды, Мстиславъ созвалъ на совѣтъ братью; тѣ сказали: «Итъ насъ войско расходуется, а къ тѣмъ приходитъ свѣжее, старые Клобуки насъ обманываютъ: не лѣзя намъ дольше стоять, поѣдемъ лучше въ свои волости, и, отдохнувши немного, возвратимся назадъ». Мстиславъ видѣлъ, что князья говорятъ правду, и пошелъ на Волинь, выдержавши на дорогѣ перестрѣлку съ Половцами, которыхъ Давидъ послалъ за нимъ въ погоню. Половцы не могли нанести большаго вреда Мстиславу, но за то сильно опустошили страну, чрезъ которую проходили; племянникъ Мстислава, Василько Ярополковичъ, сидѣвшій въ Михайловѣ, одномъ изъ городовъ Поросскихъ, хотѣлъ было ударить на нихъ нечаянно, но потерялъ только дружину, и едва самъ успѣлъ убѣжать въ свой городъ, гдѣ скоро былъ осажденъ Глѣбомъ съ тремя Ростиславичами: Рюрикомъ, Давидомъ и Мстиславомъ; союзники сожгли Михайловъ, раскопали ровъ, а Василька отпустили въ Черняговъ.

Мстиславъ обѣщалъ, отдохнувши немного, возвратиться опять въ Кіеву; но не могъ исполнить своего обѣщанія: въ августѣ 1070 года онъ сильно разболѣлся и послалъ за братомъ Ярославомъ, чтобъ урядиться съ нимъ на счетъ дѣтей своихъ; Ярославъ клялся ему, что не отниметъ у нихъ волости, послѣ чего Мстиславъ скоро умеръ¹⁰¹, не успѣвши, подобно отцу, удержать:

старшинства предъ дядми. Неизвѣстно, что заставило Ярослава отказаться отъ Владимира въ пользу племянниковъ и остаться въ прежней волости своей Луцкѣ, хотя старшинство въ племени осталось за нимъ: мы увидимъ послѣ, что онъ располагалъ самъ всею Воынской землей и являлся представителемъ племени, удерживая свое право на Кіевъ; мы видѣли примѣры, какъ волости перемѣняли иногда свое значеніе смотря по обстоятельствамъ, какъ, напримѣръ, Кіевскій князь сажалъ старшаго сына въ Вынгородѣ или Бѣлгородѣ, а младшаго въ Переяславлѣ; съ другой стороны Мстиславъ добылъ силою себѣ Владимиръ и отсталъ его отъ Юрія и его союзниковъ, слѣдовательно имѣлъ полное право требовать отъ брата, чтобъ онъ уже не отнималъ у племянниковъ волости, которую отецъ ихъ добылъ головою. — Глѣбъ Юрьевичъ Кіевскій не долго пережилъ своего соперника: онъ умеръ въ слѣдующемъ 1171 году, оставивъ по себѣ добрую память братолюбца, свято сохранявшаго клятвы. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ князь, отличавшійся противоположнымъ свойствомъ, именно Владиміръ Мстиславичъ. Трое Ростиславичей, сидѣвшихъ около Кіева, послали звать его, какъ дядю, на старшій столъ; всѣ Ростиславичи, слѣдуя отцовскому примѣру, уважали старшинство, притомъ не имѣли предъ Владиміромъ того преимущества, какое имѣлъ Мстиславъ, т. е. старшинства фактическаго, наконецъ имъ выгодноѣ было видѣть въ Кіевѣ Владимира, чѣмъ Изяславича, съ которымъ были въ явной враждѣ. Такимъ образомъ Владиміръ, такъ долго безземельный, изгнанный отовсюду, вдругъ, благодаря обстоятельствамъ, получалъ возможность сѣсть въ Кіевѣ; тайкомъ отъ остальныхъ Воынскихъ князей — Ярослава съ племянниками, которымъ вкредѣ поклялся не искать старшинства, Владиміръ уѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ Дорогобужъ сыну Мстиславу; но счастье его и тутъ было непродолжительно: Кіевъ былъ уже теперь въ зависимости отъ сѣвернаго князя Андрея Боголюбскаго, которому, говоритъ летописецъ, было нелюбо, что Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ; онъ не смѣлъ сказать ему, чтобъ шелъ оттуда, а на его мѣсто приказывалъ идти Роману Ростиславичу Смоленскому; онъ могъ сердиться на Владимира и за то, что тотъ вступилъ въ союзъ съ Изяславичами Воынскими, и за то, что сѣлъ безъ его позволенія въ Кіевъ; родныхъ младшихъ братьевъ своихъ онъ не любилъ

по известнымъ причинамъ, и былъ расположенъ къ однимъ Ростиславичамъ, которые признали его старшинство и вѣрно до сихъ поръ держались его: «Вы назвали меня отцемъ, велѣлъ онъ сказать имъ: такъ я хочу вамъ добра, и даю брату вашему Роману Кіевъ». Такъ скоро обнаружались уже тѣ слѣдствія, какія должны были произойти для южной Руси отъ усиленія сѣверной, которой самовластецъ вмѣсто всѣхъ родовыхъ правъ поставилъ свой произволъ, и такимъ образомъ перепутывалъ всѣ прежніе родовые счеты: по родовымъ правамъ Кіевъ прежде всего принадлежалъ Владимиру Мстиславичу, потомъ младшимъ братьямъ Андрея, если онъ самъ не хотѣлъ сидѣть въ немъ, наконецъ Ярославу Изяславичу Луцкому: но Андрей, мимо всѣхъ этихъ князей отдастъ его Ростиславичу. Смерть избавила Владимира отъ изгнанія: онъ умеръ въ Кіевѣ, побывши только четыре мѣсяца старшимъ княземъ: «Много перенесъ онъ бѣдъ, говоритъ летописецъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичь, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ Половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи».

Романъ, по приказу Андрея, пріѣхалъ въ Кіевъ и былъ принятъ всѣми людьми съ радостію; но радость эта не могла быть продолжительна: мы видѣли, какъ самовластно началъ обходиться Андрей съ младшими, южными князьями, изгоняя одного изъ Кіева, посылая другаго на его мѣсто, не разбирая правъ ихъ. Ростиславичи молчали, когда это самовластіе было въ ихъ пользу; но скоро и они должны были увидать необходимость или безпрекословно исполнять всѣ приказанія Андрея, или вступить съ нимъ въ отчаянную борьбу за старыя права родичей. Въ этой борьбѣ Ростиславичей съ Юрьевичами высказалась противоположность характеровъ сѣверныхъ и южныхъ князей, противоположность ихъ стремленій. До сихъ поръ мы были свидѣтелями борьбы или вслѣдствіе изгойства, когда князья — сироты, по отсутствію отчичности, лишались волостей и принуждены бывали добывать ихъ силою; или борьба шла за старшинство между различными племенами (линіями), или въ одномъ племени между дядьми и племянниками. Борьба за старшинство въ племени Менонаховомъ, во время которой нельзя не замѣтить также борьбы между сѣверною и южною Русью, оканчивается собственно взятіемъ Кіева войсками Боголюбскаго, торжествомъ

сѣверной Руси надъ южною; съ этихъ поръ потомство старшаго сына Мстислава Великаго, Изяслава сходитъ со сцены въ борьбѣ за старшинство, въ которой до этого времени играло главную роль, и удаляется на западъ, гдѣ начинаетъ играть другую роль, не менѣе блестящую. Ему на смѣну въ борьбѣ съ князьями сѣверными, или Юрьевичами, выступаетъ потомство втораго сына Мстислава Великаго, Ростислава; но эта третья борьба нашихъ князей носитъ опять новый характеръ: здѣсь борются не безземельные князья, изгоня, для того чтобъ получить волости; борьба идетъ и не за старшинство; но князья южные, или Ростиславичи борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовыя отношенія, которыя хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой многозначительной борьбѣ оба враждебныя племена или, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи выставляютъ двоихъ Мстиславовъ—отца и сына; новая, сѣверная Русь имѣетъ представителями двоихъ братьевъ Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III-го.

Андрею дали знать, что братъ его Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ насильственною смертію и указали убійцъ: Григорія Хотовича, бывшаго, какъ мы видѣли, тысяцкимъ у Глѣба, потомъ какого-то Степанца и Олексу Святославича; Андрей могъ легко поверить извѣсту, зная, какъ не терпѣли Юрьевичей на югъ²²⁷, и потому прислалъ сказать Ростиславичамъ: «Выдайте мнѣ Григорія Хотовича, Степанца и Олексу Святославича: это враги всѣхъ намъ, они уморили брата моего Глѣба.» Ростиславичи, считая, какъ видно, доносъ на бояръ неосновательнымъ, не послушались Андрея, но только отпустили отъ себя Григорія Хотовича. Тогда Андрей послалъ сказать Роману: «Не ходишь въ моей волѣ съ братьями своими: такъ ступай вонъ изъ Кіева, Давидъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ, и дѣлитесь тамъ какъ хотите». Сильно обидѣлись Ростиславичи, что Андрей гонитъ ихъ изъ Русской земли, и отдаетъ Кіевъ брату своему Михаилу; старшій изъ нихъ Романъ не хотѣлъ противиться, и выѣхалъ въ Смоленскъ; но остальные братья не выѣзжали изъ своихъ волостей; боясь, какъ видно, ихъ, и Михаилъ не ѣхалъ изъ Торческа въ Кіевъ, а послалъ туда младшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ Ростисла-

видѣмъ. Уже пять недѣль сидѣлъ Всеволодъ въ Кіевѣ, когда Ростиславичи — Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ послали сказать Андрею: «Братъ! мы назвали тебя отцемъ себѣ, крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; но вотъ теперь брата нашего Романа ты вывелъ изъ Кіева, и намъ путь кажешь изъ Русской земли божь нашей вини: такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и сила крестная». Не получивши на это никакого отвѣта, Ростиславичи, сговорившись, вѣхали тайно ночью въ Кіевъ, схватили Всеволода Юрьевича, племянника его Ярополка, всѣхъ бояръ ихъ, и посадили въ Кіевѣ брата своего Рюрика. Потомъ отправились они къ Торческу на Михаила: тотъ держался шесть дней, а на седьмой помирился съ Ростиславичами, обѣщавъ быть съ ними за одно противъ Андрея и Святослава Черниговскаго, за что Ростиславичи обѣщали добыть ему къ Торческу Переяславль, гдѣ сидѣлъ молодой племянникъ его, Владиміръ, сынъ покойнаго Глѣба; братъ Михайловъ, Всеволодъ былъ выпущенъ изъ плѣна, но племянникъ Ярополкъ удержанъ и братъ его, Мстиславъ выгнанъ изъ своей волости, Тренола¹¹¹.

Услышавъ объ этихъ происшествіяхъ на югѣ, Андрей сильно разсердился, чему очень обрадовались Ольговичи Черниговскіе: они послали къ Андрею подущать его на Ростиславичей, велѣли сказать ему: «Кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ; мы готовы идти съ тобою». Андрей, говоритъ лѣтописецъ, принявъ совѣтъ ихъ, исполнился високоуміа, сильно разсердился, надѣясь на плотскую силу, огородившись множествомъ войска, разжегся гнѣвомъ, призвалъ мечвика своего Михна и наказавъ ему: «Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ: не ходите въ моей волѣ: такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; Давиду скажи: ты ступай въ Берладъ, въ Русской землѣ не веляю тебѣ быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщикъ, не веляю тебѣ быть въ Русской землѣ». Мстиславъ, по словамъ лѣтописца, съ молоду привыкъ не бояться никого, кромѣ одного Бога: онъ велѣлъ Андрееву послу остричь передъ собою голову и бороду, и отослалъ его назадъ къ Андрею съ такими словами: «Ступай къ своему князю и скажи отъ насъ ему: «Мы до сихъ доръ почитали тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, но какъ къ подт-

ручнику и простому чело́вѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ». Роковое слово: подручникъ въ противоположность князю было произнесено; южные князья поняли веро́мѣну въ обхожденіи съ ними сѣвернаго самовластца, новѣямъ, что онъ хочетъ прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить новыми, подручническими, не хочетъ болѣе довольствоваться только тѣмъ, чтобъ младшіе имѣли его какъ отца по любви, но хочетъ, чтобъ они безусловно исполнили его приказанія, какъ подданные.—Андрей опалъ въ лицѣ, когда услышалъ отъ Михна отвѣтъ Мстиславовъ, и велѣлъ тотчасъ же собирать войско: собрались Ростовцы, Суздальцы, Владимиряи, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новгородцы и Рязанцы; Андрей счелъ ихъ и нашелъ 50,000; онъ послалъ съ ними сына своего Юрія, да воеводу Бориса Жидиславича съ такимъ наизомъ: «Рюрика и Давида выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите, и, не дѣлая ему ничего, приведите ко мнѣ.» Умень былъ князь Андрей, говоритъ лѣтописецъ, во всѣхъ дѣлахъ, и доблестенъ; но погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ, и распалившись гнѣвомъ, сказалъ такія дерзкія слова ²²⁹. Когда рать Андреева шла мимо Смоленска, то князь тамошній Романъ принужденъ былъ отпустить съ нею свои полки и сына на родныхъ братьевъ, потому что былъ въ рукахъ Андреевыхъ; князьямъ Полоцкимъ, Туровскимъ, Пинскимъ и Городенскимъ также велѣно было идти всѣмъ; въ землѣ Черниговской присоединились къ Андреевой рати Ольговичи; потомъ подошли Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, племянники ихъ Мстиславъ и Ярополкъ ²³⁰ Ростиславичи, Владиміръ Глѣбовичъ изъ Переяслава, Берендѣи, Поросье; всѣхъ князей было больше двадцати. Они перешли Днѣпръ и вѣхали въ Кіевъ безпрепятственно, потому что Ростиславичи не затворились въ этомъ городѣ, но разъѣхались каждый въ свои прежнія волости: Рюрикъ затворился въ Бѣлгородѣ, Мстислава съ Давидовымъ полкомъ затворили въ Вышгородѣ, а самъ Давыдъ повѣхалъ въ Галичь просить помощи у князя Ярослава. Старшимъ лѣтами и племенемъ между всѣми союзными князьями былъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, почему и получилъ главное начальство надъ всею ратью; онъ отрядилъ сперва къ Вышгороду Всеволода Юрьевича съ Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ и другими младшими князьями.

гда они подошли къ городу, то Мстиславъ Ростиславичъ выронилъ свои полки и выѣхалъ противъ непріятеля; съ обѣихъ сторонъ сильно желали боя, и стрѣльцы уже начали свое дѣло; рудеева рать была расположена тремя отдѣлами: съ одной стороны стояли Новгородцы, съ другой Ростовцы, а въ серединѣ Всеволодъ Юрьевичъ съ своимъ полкомъ; Мстиславъ, видя, что его стрѣльцы смѣшались уже съ непріятельскими ратниками, гналъ вслѣдъ за ними, закричалъ дружинѣ: «Братья! ударимъ Божіею помощію и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». И смали средней полкъ Всеволодовъ, и смѣшались съ непріателемъ, который обхватывалъ со всѣхъ сторонъ малочисленную ружину; встало страшное смятеніе, говоритъ лѣтописецъ: слышались стоны, крики, какіе-то странные голоса, раздавался звукъ копій, звукъ мечей, въ густой пыли нельзя было различить ни коннаго, ни пѣшаго; наконецъ, послѣ сильной схватки, войска разошлись; много было раненыхъ, но мертвыхъ немногo. Послѣ этой битвы младшихъ князей, подступили къ Вышгороду всѣ остальные старшіе съ своими полками; каждый день делались приступы; Мстиславъ много терялъ своихъ добрыхъ воиновъ убитыми и ранеными, но не думалъ о сдачѣ. Такимъ образомъ девять недѣль стояли уже князья подъ Вышгородомъ, когда явился Ярославъ Изяславичъ Луцкій съ всею Волинскою землею; онъ пришелъ искать себѣ старшинства; но Ольговичи хотѣли уступить ему Кіева. Тогда онъ завелъ переговоры съ Ростиславичами: тѣ уступили ему Кіевъ, и онъ отправился въ Рюрику въ Бѣлгородъ. Страхъ напалъ на Андреевыхъ союзниковъ; они говорили, что Ростиславичи непременно соединятся съ Галичанами и Черными Клобуками и нападутъ на нихъ; въ войскѣ наступило страшное смятеніе и, недождавшись помощи, все бросилось переправляться черезъ Днѣпръ, при чемъ много людей перетонуло. Мстиславъ, увидавши всеобщее бѣгство, выѣхалъ съ дружиною изъ Вышгорода и ударилъ на непріятельскій станъ, гдѣ взялъ много плѣнниковъ. Такъ возвратилась вся сила Андрея князя Суздальскаго, говоритъ лѣтописецъ: собралъ онъ всѣ земли и войску его не было числа; пришли они съ высокомысліемъ, и со смиреніемъ отошли въ дома свои. Причина такого неожиданнаго успѣха Ростиславичей ясна изъ разсказа лѣтописца. Огромная рать пришла въ надеждѣ на

вѣрный успѣхъ, и съ перваго же раза увидала, что успѣхъ этотъ долженъ быть куплетъ большимъ трудомъ: это уже одно обстоятельство должно было произвести упадокъ духа въ войскѣ осаждающихъ; извѣстно изъ послѣдующихъ событій, что сѣверное народонаселеніе вовсе не отличалось воинскимъ духомъ; Смоленскіе полки бились по неволѣ; не лзя думать, чтобъ и Новгородцы сражались съ большою охотою, равно какъ и князья Полоцкіе, Туровскіе, Пинскіе, Городенскіе, которымъ рѣшительно было все равно, кто побѣдитъ—Андрей или Ростиславичи; Юревичи не могли усердно сражаться въ угоду брату, съ которымъ вовсе не были въ дружескихъ отношеніяхъ, особенно когда видѣли, что двое князей—Черниговскій и Волинскій спорятъ, кому долженъ достаться Кіевъ; можно думать, что Андрей обѣщалъ Кіевъ Святославу Черниговскому, а если не обѣщалъ никому, если ни одинъ изъ князей не зналъ, кто воспользуется побѣдой Суздальскаго князя надъ Ростиславичами, на кого изъ нихъ сѣверный самовластецъ броситъ благосклонный взглядъ, то ясно, какъ это незнаніе должно было ослаблять усердіе князей, и вотъ, когда увидали, что Волинскій князь перешелъ на сторону Ростиславичей, когда слѣдовательно онъ съ Рюрикомъ могъ ударить на осаждающихъ съ одной стороны отъ Бѣлгорода, Мстиславъ изъ Вышгорода, Давидъ могъ явиться съ Галицкою помощію, и Черныя Клобуки перейти на сторону Ростиславичей,—то неудивительно, что ужасъ напалъ на сборную Андрееву рать, и она бросилась бѣжать за Днѣпръ³³¹.

Ростиславичи послѣ побѣды исполнили свое обѣщаніе, положили старшинство на Ярослава и дали ему Кіевъ; но онъ не долго сидѣлъ здѣсь спокойно: Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій прислалъ сказать ему: «Вспомни прежній нашъ уговоръ, на чемъ ты мнѣ цѣловалъ крестъ; ты мнѣ говорилъ: если я сяду въ Кіевъ, то я тебя надѣлю, если же ты сядешь въ Кіевъ, то ты меня надѣли; теперь ты сѣлъ—право ли, криво ли—надѣли же меня». Ярославъ велѣлъ отвѣчать ему: «зачѣмъ тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна.» Святославъ прислалъ опять сказать ему на это: «Я не Венгерецъ и не Ляхъ, мы всѣ одного дѣда внуки, и сколько тебѣ до него, столько же и мнѣ (т. е. я имѣю одинакую съ тобою степень старшинства на родовой лѣствицѣ); если не хочешь исполнять стараго договора, то твои

воля.» Въ то время, когда Мстиславичи боролись съ новыми стремленіями, явившимися на сѣверѣ, отстаивали родовыя отношенія между старшимъ княземъ и младшими, въ то самое время, съ другой стороны, они должны были вести борьбу съ княземъ, для котораго они сами являлись нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ княземъ, который стоитъ не только за родовыя отношенія между старшимъ и младшими князьями, но напоминаетъ объ единствѣ всего потомства Ярославова, борется за общность владѣнія всею Русскою землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Черниговскій князь, видя, что Ярославъ не хочетъ вспоминать старинныхъ уговоровъ, рѣшился, по примѣру отца и дяди, попытаться силою овладѣть Кіевомъ; время было благоприятное: Андрей утратилъ свое вліяніе на югъ; Ростиславичи, силою обстоятельствъ вынужденные признать старшинство Ярослава, равнодушны къ нему, Юрьевичи также; и вотъ Святославъ, соединясь съ братьею, явился нечаянно подъ Кіевомъ; Ярославъ, боясь затвориться въ городѣ одинъ, побѣжалъ въ Луцкъ, а Черниговскій князь вѣхалъ въ Кіевъ, захватилъ все имѣніе Ярославова, жену его, сына, всю дружину, и отослалъ въ Черниговъ. Но онъ самъ не могъ долго оставаться въ Кіевѣ, потому что двоюродный братъ его, Олегъ Святославичъ напалъ на Черниговскую волость, желая, какъ видно, быть здѣсь преемникомъ Святослава. Но послѣдній, занявши Кіевъ нечаянно (изъѣздомъ), не надѣялся окончательно утвердиться здѣсь, боялся судьбы Изяслава Давидовича, и потому не хотѣлъ уступить прежней волости двоюродному брату: онъ пошелъ на Олега, пожегъ его волость, надѣлалъ, по обычаю, много зла; а между тѣмъ Ярославъ, узнавъ, что Кіевъ стоитъ безъ князя, пріѣхалъ опять, и въ сердцахъ задумалъ взять на Кіевлянахъ то, что отнято было у него Святославомъ: «Вы подвели на меня Святослава, сказалъ онъ имъ: такъ промышляйте, чѣмъ выкупить княгиню и сына». Когда Кіевляне не знали, что ему на это отвѣчать, то онъ велѣлъ грабить весь Кіевъ, игуменовъ, поповъ, монаховъ, монахинь, иностранцевъ, гостей, даже кельи затворниковъ. Святослава было ему вечаго бояться: тотъ, собираясь идти на Олега, помирился съ Ярославомъ, чтобъ свободнѣе защищать свою вѣрную волость. Въ это время Ростиславичи вошли опять въ сношенія

съ Андреемъ: они вѣроятно знали, или, по крайней мѣрѣ, должны были догадываться, какъ непріятно смотрѣлъ онъ на то, что Кіевъ достался опять враждебному племени Изяславичей, которое не думало признавать его старшинства, и потому рѣшились послать къ нему съ просьбою, чтобъ помогъ овладѣть Кіевомъ опять брату ихъ Роману, противъ котораго онъ не могъ питать вражды: «Подождите немного, велѣлъ отвѣчать имъ Андрей: послалъ я къ братьямъ своей въ Русь; какъ придетъ мнѣ отъ нихъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ». Изъ этихъ словъ видно, что Андрей не хотѣлъ оставлять въ покоѣ юга, сносился съ братьями, вѣроятно замышляя тамъ новыя перемѣны, и Ростиславичи спѣшили хлопотать о томъ, чтобъ эти перемѣны были къ ихъ выгодѣ. Но Андрей не дождался вѣстей отъ братьевъ.

Мы видѣли, что Андрей выгналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ, и окружилъ себя новыми; видѣли также, какимъ повелительнымъ тономъ говорилъ Андрей даже и съ князьями: можемъ заключить, что онъ былъ повелителемъ и строгъ съ окружающими его; такъ онъ казнилъ смертью одного изъ ближнихъ родственниковъ своихъ по женѣ, Кучковича; тогда братъ казненнаго, Якимъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Петромъ и нѣкоторыми другими слугами княжескими, рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина. Мы знаемъ также, что Русскіе князья принимали къ себѣ въ службу пришлецовъ изъ разныхъ странъ и народовъ; Андрей подражалъ въ этомъ отношеніи всѣмъ князьямъ, охотно принималъ пришлецовъ изъ земель христіанскихъ и нехристіанскихъ, латиновъ и православныхъ, любилъ показывать имъ свою великолѣпную церковь Богоматери во Владимирѣ, чтобъ иновѣрцы видѣли истинное христіанство и крестились, и многіе изъ нихъ крестились дѣйствительно. Въ числѣ этихъ новокрещенныхъ иноземцевъ находился одинъ Ясъ, именемъ Анбалъ: онъ пришелъ къ Андрею въ самомъ жалкомъ видѣ, былъ принятъ въ княжескую службу, получилъ мѣсто ключника и большую силу во всемъ домѣ; въ числѣ приближенныхъ къ Андрею находился также какой-то Ееремъ Моизичъ, котораго отечество—Моизичъ или Моисеевичъ указываетъ на жидовское происхожденіе. Двое этихъ-то восточныхъ рабовъ выставлены лѣтописцемъ вмѣстѣ съ Кучковичемъ и зятемъ его, какъ зачинщики дѣла, всѣхъ же заговорщи-

ковъ было двадцать человекъ; они говорили: «нынче казнилъ онъ Кучковича, а завтра казнить и насъ; такъ промыслимъ объ этомъ князѣ!» Кромя злобы и опасенія за свою участь, заговорщицковъ могла побуждать и зависть къ любимцу Андрееву, какому-то Прокопю. 28 июня 1174 года, въ пятницу, въ обѣдную пору, въ селѣ Боголюбовѣ, гдѣ обыкновенно жилъ Андрей, собрались они въ домѣ Кучкова зятя Петра, и порѣшили убить князя на другой день, 29 числа ночью. Въ условленный часъ заговорщики вооружились и пошли къ Андреевой спальнѣ; но ужасъ напалъ на нихъ, они бросились бѣжать изъ сѣней, зашли въ погребъ, напились вина, и ободрившись имъ, пошли опять на сѣни. Подошедши къ дверямъ спальни, одинъ изъ нихъ началъ звать князя: «Господинъ! Господинъ!» чтобъ узнать, тутъ ли Андрей. Тотъ, услышавши голосъ, закричалъ: «кто тамъ?» ему отвѣчали: «Прокопій». — «Мальчикъ!» сказалъ тогда Андрей спавшему въ его комнатѣ слугѣ: «вѣдь это не Прокопій?» Между тѣмъ убійцы, услышавши Андреевъ голосъ, начали стучать въ двери и выломили ихъ. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечъ, который былъ всегда при немъ (онъ принадлежалъ св. Борису); но меча не было: ключникъ Авбалъ украдъ его днемъ изъ спальни. Въ это время, когда Андрей искалъ меча, двое убійцъ вскочили въ спальню, и бросились на него; но Андрей былъ силенъ, и уже успѣлъ одного повалить, какъ вбѣжали остальные, и, не различивъ сперва въ потьмахъ, ранили своего, который лежалъ на землѣ, потомъ бросились на Андрея; тотъ долго отбивался, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ сѣкли его мечами, саблями, кололи копьями: «Нечестивцы! кричалъ онъ имъ: зачѣмъ хотите сдѣлать тоже, что Горясѣръ (убійца св. Глѣба)? Какое я вамъ зло сдѣлалъ? если прольете кровь мою на землѣ, то Богъ отомститъ вамъ за мой хлѣбъ». Наконецъ Андрей упалъ подъ ударами; убійцы, думая, что дѣло кончено, взяли своего раненаго, и пошли вонъ изъ спальни, дрожа всѣмъ тѣломъ; но какъ скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и юшелъ подъ сѣни, громко стоная; убійцы услышали стоны и юзвратились назадъ; одинъ изъ нихъ говорилъ: «Я самъ видѣлъ, какъ князь сошелъ съ сѣней»; «ну такъ пойдете искать его», отвѣчали другіе; войдя въ спальню, и видя, что его тутъ нѣтъ, начали говорить: «Погибли мы теперь! станемъ искать поско-

рѣе». Зажгли свѣчи и нашли князя по кровавому слѣду: Андрей сидѣлъ за лѣстничнымъ столпомъ; на этотъ разъ борьба не могла быть продолжительна съ ослабѣвшимъ отъ ранъ княземъ: Петръ отсѣкъ ему руку, другіе прикончили его.

Порѣшивши съ княземъ, заговорщики пошли—убили любимаго его, Прокопія; потомъ пошли на сѣни, вынули золото, дорогіе камни, жемчугъ, ткани и всякое имѣніе, навьючили на лошадей и до свѣта отослали къ себѣ по домамъ, а сами разобрали княжое оружіе и стали набирать дружину, боясь, чтобъ Владимирци не ударили на нихъ; для отвятія у послѣднихъ возможности къ этому, они придумали также завести смуту въ городѣ, произвѣсти рознь, вражду между гражданами, для чего послали сказать имъ: «не собираетесь ли вы на насъ? такъ мы готовы принять васъ и покончить съ вами; вѣдь не одною нашею думою убить князь, есть и между вами наши сообщники». Владимирцы отвѣчали: «Кто съ вами въ думѣ, тотъ пусть при васъ и остается, а намъ не надобенъ». Убійцы впрочемъ боялись напрасно: Владимирцы не двинулись на нихъ: безъ князя, въ неизвѣстности о будущей судьбѣ, не привыкши дѣйствовать самостоятельно, они не могли ничего предпринять рѣшительнаго, дожидались, чтó начнутъ старшіе города, а между тѣмъ безначаліе вездѣ произвело волненія, грабежи; мы видѣли, что убійцы начали расхищеніе казны княжеской; въ слѣдъ за ними явились на княжій дворъ жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось отъ заговорщиковъ, потомъ бросились на церковныхъ и палатныхъ строителей, призванныхъ Андреемъ въ Боголюбовъ, пограбили ихъ³³²; грабежи и убійства происходили во всей волости: пограбили и побили посадниковъ княжескихъ, тиуновъ, дѣтскихъ, мечниковъ; надежда добычи подняла и сельскихъ жителей: они приходили въ города и помогали грабить; грабежи начались и во Владимирѣ, но прекратились, когда священники съ образомъ Богородицы стали ходить по городу. По словамъ лѣтописца, народъ грабилъ и билъ посадниковъ и тиуновъ, не зная, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много; эти слова показываютъ, что при Боголюбскомъ точно было много обидъ на стѣверъ.

Во время этихъ смуть тѣло убитаго князя оставалось вонюгребеннымъ; въ первый же день послѣ убійства преданный во-

койному слуга, Кузьма Кіевлянинъ пошелъ на княжій дворъ, и видя, что тѣла нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Андрей, сталъ спрашивать: «гдѣ же господинъ?» Ему отвѣчали: «Вонъ лежитъ вывоченъ въ огородъ; да ты не смѣй брать его: всѣ хотятъ выбросить его собакамъ; а если кто за него примется, тотъ намъ врагъ, уьемъ и его». Кузьма пошелъ къ тѣлу и началъ плакать надъ нимъ: «Господинъ мой, Господинъ мой! какъ это ты не почувалъ скверныхъ и нечестивыхъ враговъ, когда они шли на тебя? какъ это ты не сумѣлъ побѣдить ихъ: вѣдь ты прежде умѣлъ побѣждать полки поганыхъ Болгаръ?» Когда Кузьма плакался надъ тѣломъ, подошелъ къ нему ключникъ Анбалъ; Кузьма, взглянувши на него, сказалъ: «Анбалъ, вражій сынъ! дай хоть коверъ или что нибудь подослать и прикрыть господина нашего». — «Ступай прочь, отвѣчалъ Анбалъ, мы хотимъ бросить его собакамъ». — «Ахъ ты еретикъ, сказалъ ему на это Кузьма: собакамъ выбросить? да помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ платьѣ пришелъ ты сюда? теперь ты стоишь въ бархатѣ, а князь нагой лежитъ; но прошу тебя честью, сбрось мнѣ что нибудь». Анбалъ усовѣстился и сбросилъ коверъ и корзну; Кузьма обвертѣлъ тѣло и понесъ его въ церковь, но когда сталъ просить, чтобъ отворили ему ее, то ему отвѣчали: «Брось тутъ въ притворъ; вотъ носится, нечего дѣлать»; — уже всѣ были пьяны. Кузьма сталъ опять плакаться: «Уже тебя, господинъ, и холопы твои знать не хотятъ; бывало придетъ гость изъ Царягорода, или изъ иной какой страны, изъ Руси ли, латынецъ, христіанинъ или поганый, прикажешь: поведите его въ церковь, въ ризницу, пусть посмотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало, крестилось много; Болгары и Жиды и всякая погань, видѣвши славу Божию и украшеніе церковное, сильно плачутъ по тебѣ, а эти не пускаютъ тебя и въ церковь положить». Поплакавши, Кузьма положилъ тѣло въ притворъ, покрывъ корзномъ, и здѣсь оно пролежало двое сутокъ. На третій день пришелъ Козмодемьянскій игуменъ Арсеній и сказалъ: «Долго ли намъ смотрѣть на старшихъ игуменовъ и долго ли этому князю лежать? Отоприте церковь, отпою надъ нимъ и положимъ его въ гробъ; когда злоба эта перестанетъ, придутъ изъ Владимира и понесутъ его туда». Пришли клирошане Боголюбскіе, внесли тѣло въ церковь, положили въ каменный гробъ

и отпѣли съ Арсеніемъ. На шестой уже день, когда волненіе утихло во Владимирѣ, граждане сказали игумену Феодулу и Лукѣ, демественнику Богородицкой церкви: «Нарядите носильщиковъ, поѣдемъ, возьмемъ князя и господина нашего Андрея»; а протопопу Микулицѣ сказали: «собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы и выходите передъ Серебряныя ворота съ святою Богородицею, тутъ и дожидайтесь князя». Феодулъ исполнилъ ихъ волю: съ клирошанами Богородичной церкви и съ нѣкоторыми Владимирцами поѣхалъ въ Боголюбовъ, и взявши тѣло, привезъ во Владимиръ съ честію и съ плачемъ великимъ. Уздавши издали княжескій стягъ, который несли передъ гробомъ, Владимирцы, оставшіеся ждать у Серебряныхъ воротъ, не могли удержаться отъ рыданій, и начали приговаривать: «Уже не въ Кіевъ ли поѣхалъ ты, господинъ нашъ, въ ту церковь у Золотыхъ воротъ, которую послалъ ты строить на великомъ дворѣ Ярославовомъ; говорилъ ты: хочу построить церковь такую же какъ и ворота эти золотыя, да будетъ память всему отечеству моему». Андрея похоронили въ построенной имъ церкви Богородичной (1174 г.).

Какъ скоро вѣсть о смерти Андреевой разнеслась по волости, то Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина отъ мала и до велика съѣхались во Владимиръ и сказали: «Дѣлать нечего, такъ уже случилось, князь нашъ убитъ, дѣтей у него здѣсь нѣтъ, сынокъ его молодой въ Новгородѣ, братья въ Руси: за какимъ же княземъ намъ послать? сосѣди у насъ князья Муромскіе и Рязанскіе, надобно бояться, чтобъ они не пришли на насъ внезапно ратью; пошлемъ-ка къ Рязанскому князю Глѣбу (Ростиславичу), скажемъ ему: «Князя нашего Богъ взялъ: такъ мы хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурыевъ» (сыновей старшаго сына Юріева).— Они забыли, говорить лѣтописецъ, что цѣловали крестъ князю Юрію посадить у себя меньшихъ сыновей его, Михаила и Всеволода, нарушили клятву, посадили Андрея, а меньшихъ его братьевъ выгнали; и теперь послѣ Андрея не вспомнили о своей прежней клятвѣ, но все слушали Дѣдильца да Бориса, Рязанскихъ пословъ. — Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлали: поцѣловали образъ Богородицы, и послали сказать Глѣбу: «твой шурыя будутъ нашими князьями; приставь къ нашимъ посламъ своихъ, и отправь всѣхъ вмѣстѣ

изъ земли въ Русь». Глебъ обрадовался такой чести, что выбранъ имъ шурьевъ въ князья, и отправилъ къ нимъ пословъ въ Черниговъ, гдѣ они тогда жили. Послы отъ сѣверной дружины сказали Ростиславичамъ: «Вангъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у васъ; побужайте къ намъ княжить, а другихъ не хотимъ». Эти другіе были младшіе Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, которые когда находились также въ Черниговѣ: какъ видно всѣ четверо, влады и племянники приближали вмѣстѣ съ Святославомъ изъ-подъ Вышгорода и не смѣли послѣ того возвратиться въ прежнія свои волости на Поросьи. Ростиславичи отвѣчали посламъ: «Помоги Богъ дружнѣ, что не забываетъ любви отца нашего», но не смотря на то, что звали ихъ однихъ, они не захотѣли ѣхать безъ дядей Юрьевичей, и сказали: «либо добро, либо лихо всѣмъ намъ; пойдѣмъ всѣ четверо, Юрьевичей двое да Ростиславичей двое». Нанередъ поѣхали двое—Михаилъ Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ; Михаилу дали старшинство, при чемъ всѣ цѣловали крестъ изъ рукъ Черниговскаго епископа³³³. Когда князья пріѣхали въ Москву, то Ростовцы разсердились, узнавши что вмѣстѣ съ Ростиславичемъ пріѣхалъ и Юрьевичъ; они послали сказать Ярополку: «ступай сюда», а Михаилу: «подожди немного на Москвѣ.» Ярополкъ тайкомъ отъ дяди поѣхалъ къ Переяславлю, гдѣ стояла тогда вся дружина, выѣхавшая на встрѣчу къ князьямъ; а Михаилъ, узнавъ, что Ростиславичъ отправился по Ростовской дорогѣ, поѣхалъ во Владимиръ, и затворился здѣсь съ одними гражданами, потому что дружина Владимирская, въ числѣ 1500 человекъ, отправилась также въ Переяславль по приказанію Ростовцевъ. Здѣсь вся дружина поцѣловала крестъ Ярополку и отправилась съ нимъ ко Владимиру выгонять оттуда Михаила; ко всѣмъ силамъ земли Ростовской присоединились полки Муромскіе и Рязанскіе, окрестности были пожжены, городъ обложенъ. Что же заставило Владимирцевъ, непривыкшихъ къ самостоятельной дѣятельности, воспротивиться приговору старшихъ городовъ, взять себѣ особаго князя и отстаивать его противъ соединенныхъ силъ всей земли Ростовской и Рязанской? Къ этому принудила ихъ явно высказавшаяся вражда стараго города, Ростова, который съ ненавистію смотрѣлъ на свой пригородъ, населенный большею частію людьми простыми, ремесленными, жившими преимущественно отъ строительной дѣятель-

ности князя Андрея, и не смотря на то похитивши у сираго города честь имѣть у себя столъ княжескій; Ростовцы и Судальцы говорили: «пожжемъ Владимиръ, или пошлемъ туда посадника: то наши холопы каменщики». Нельзя не замѣтить также, что здѣсь, въ этихъ словахъ слышится преимущественно голосъ высшаго разряда Ростовскихъ жителей, бояръ, дружин вообще, которая, какъ видно, особенно не любила Андрея нововведенія ²²⁴. Какъ бы то ни было, важно было начало борьбы между старыми и новыми городами, борьбы, которая должна была рѣшить вопросъ: гдѣ утвердится столъ княжескій—въ старомъ ли Ростовѣ или новомъ Владимирѣ, отъ чего зависѣлъ ход исторіи на сѣверѣ; за одно съ Владимиромъ, какъ слѣдуетъ ожидать, были и другіе новые города; Переяславцы хотѣли тамъ Юрьевичей, и по неволѣ признали Ростиславичей ²²⁵. Семь лѣтъ Владимирцы отбивались отъ осаждающихъ; наконецъ голодъ принудилъ ихъ сказать Михаилу: «Мирись, либо промилуй о себѣ». Михаилъ отвѣчалъ: «Вы правы; не погибать и вамъ для меня», и поѣхалъ изъ города назадъ въ Русь; Владимирцы проводили его съ плачемъ великимъ, говоритъ летописецъ. По отъѣздѣ Михаила, они заключили договоръ съ Ростиславичами; тѣ поклялись, что не сдѣлаютъ никакого зла городу, послѣ чего Владимирцы отворили ворота и встрѣтили князей съ крестами; въ Богородичной церкви заключенъ былъ окончательный договоръ: во Владимирѣ оставался княжить младшій Ростиславичъ, Ярополкъ, а въ Ростовѣ старшій Мстиславъ. Такимъ образомъ, благодаря мужеству Владимирцевъ, торжество Ростовцевъ было неполное: правда, столъ старшаго брата поставленъ былъ у нихъ; но за то ненавистный пригородъ Владимиръ получилъ своего князя, а не посадника изъ Ростова. Но Ростовцы и особенно бояре, принужденные уступить требованиямъ Владимирцевъ, продолжали враждовать къ послѣднимъ и вызвали ихъ къ возобновленію борьбы, столь важной для судьбы сѣвера. Южными волости не рѣдко испытывали неудобство отъ перекрѣпленія князей, когда новые князья приводили съ собою свою дружину, своихъ слугъ, которымъ раздавали равныя должности, и тѣ сѣвшили обогащаться на счетъ гражданъ, зная, что не долго среди нихъ останутся; теперь сѣверъ, въ свою очередь, испытывалъ тоже неудобство: Ростиславичи пріѣхали въ Ростовскую

область съ дружинниками, набранными на югъ, и раздали имъ посадническія должности: эти Русскіе (т. е. южнорусскіе) дѣтокіе, какъ называють ихъ лѣтописецъ, скоро стали очень тяжки для народа судебными взысками и взятками; но Владимирцы терпѣли не отъ однихъ Русскихъ дѣтекахъ: князь, говоритъ лѣтописецъ, былъ мовади, слушались бояре, а бояре недучали ихъ какъ можно больше брать: и вотъ взяли они изъ церкви Владимирской Богородицы золото и серебро, въ первый же день отобрали ключи отъ ризницы, отняли городъ и всѣ дани, которыя назначилъ для этой церкви князь Андрей. Видно, что кромѣ корыстолюбія здѣсь дѣйствовала ненависть къ памяти Андрея, ко всему, имъ сдѣланному: хотѣли ограбить Владимирскій соборъ, великолѣпный памятникъ, который оставилъ по себѣ Андрей. Грабежъ церковей позволяли себѣ князья и дружины ихъ только въ завоеванныхъ городахъ; легко послѣ этого понять, какъ должны были смотрѣть Владимирцы на ограбленіе своего собора, лучшаго украшенія, которымъ такъ гордился ихъ городъ; они стали собираться и толковать: «Мы приняли князей на всей нашей волѣ; они крестъ цѣловали, что не сдѣлають никакого зла нашему городу, а теперь они точно не въ своей волости княжатъ, точно не хотятъ долго сидѣть у насъ, грабятъ не только всю волость, но и церкви; такъ промышленйте, братья!» Изъ этихъ словъ видно какъ будто, что Владимирцы не только оскорблялись тѣмъ, что князья поступають съ ихъ волостью, какъ съ завоеванною, но еще боялись, что Ярополкъ, ограбивши волость, уйдетъ отъ нихъ, и Ростовцы пришлютъ къ нимъ своего посадника: «Князь поступаетъ такъ, какъ будто не хочетъ сидѣть у насъ», говорили они. Но, по старой привычкѣ, Владимирцы прежде обращались въ старшимъ городамъ, Ростову и Суздалью, съ жалобою на свою обиду; Ростовцы и Суздальцы на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ нисколько не думали за нихъ вступаться; бояре же крѣпко держались за Ростиславичей, прибавляетъ лѣтописецъ, и тѣмъ опять даетъ знать, что преимущественно боярамъ хотѣлось вести дѣла въ противность тому, какъ шли они при Андрей. Тогда Владимирцы, видя явное недоброжелательство старшихъ городовъ и бояръ, рѣшились дѣлать съ Переславцами дѣйствовать собственными силами, и послали въ Черниговъ сказать Михаилу: «Ты старшій между братьями:

приходи къ намъ во Владимиръ; если Ростовцы и Суздальцы задумаютъ что-нибудь на насъ за тебя, то будемъ управляться съ ними какъ Богъ дастъ и святая Богородица.» Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и съ Владимиромъ Святославичемъ, сыномъ Черниговскаго князя, отправился на сѣверъ; но едва успѣлъ онъ отъѣхать верстъ 11 отъ Чернигова, какъ сильно занемогъ, и больной пріѣхалъ въ Москву, гдѣ дождался его отрядъ Владимирцевъ съ молодымъ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, сыномъ Боголюбскаго, который жилъ у нихъ, будучи изгнанъ изъ Новгорода. Между тѣмъ Ростиславичи, узнавъ о приближеніи Михаила, совѣтовались въ Суздаль съ дружиною, что дѣлать? рѣшено было, чтобъ Ярополкъ шелъ съ своимъ войскомъ противъ Юрьевичей къ Москвѣ, биться съ ними и не пускать ко Владимиру. Михаилъ сълъ объѣдать, когда пришла вѣсть, что племянникъ Ярополкъ идетъ на него; Юрьевичи собрались и пошли по Владимирской дорогѣ, на встрѣчу къ непріятелю, но разошлись съ Ярополкомъ въ лѣсахъ; тогда Москвичи услышавши, что Ярополкъ, миновавъ ихъ войско, продолжаетъ идти къ Москвѣ, возвратились съ дороги отъ Михаила для обереганія своихъ домовъ; а Ярополкъ, видя, что разошелся съ Михаиломъ, пошелъ отъ Москвы въ слѣдъ за нимъ, пославъ между тѣмъ сказать брату Мстиславу въ Суздаль: «Михалко боленъ, несутъ его на носилкахъ, и дружины у него мало; я иду за нимъ, захватывая задніе его отряды; а ты, братъ, ступай поскорѣе къ нему навстрѣчу, чтобъ онъ не вошелъ во Владимиръ». Мстиславъ объявилъ объ этой вѣсти дружинѣ, и на другой день рано выѣхалъ изъ Суздаля, помчался быстро, точно на зайцевъ, такъ что дружина едва успѣвала за нимъ слѣдовать, и въ пяти верстахъ отъ Владимира встрѣтился съ Юрьевичами; полкъ Мстиславова, готовый къ битвѣ, въ броняхъ, съ поднятымъ стягомъ вдругъ выступилъ отъ села Загорья; Михаилъ началъ поскорѣе выстроивать свое войско, а враги шли на него съ страшнымъ крикомъ, точно хотѣли пожрать его дружину, по выраженію латинска. Но эта отвага была непродолжительна; когда дошло до дѣла, и стрѣльцы начали перестрѣливаться съ обѣихъ сторонъ, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу съ непріятелемъ, бросила стягъ, и побѣжала; Юрьевичи взяли много плѣнныхъ, взяли бы и больше, но многихъ спасло то, что побѣдителемъ

не могли различать, кто свой и кто чужіе? Мстиславъ убѣжалъ въ Новгородъ; Ярополкъ, узнавши о его поражениі, побѣжалъ въ Рязань; но мать ихъ и жены попались въ руки Владимірцаиъ. Съ честью и славою вступилъ Михаилъ во Владиміръ; дружина и граждане, бывшіе въ сраженіи, вели плѣнниковъ. Первымъ дѣломъ Юрьевича было возвращеніе городовъ, отнятыхъ у Богородичной церкви Ярополкомъ; и была, говорить лѣтописецъ, радость большая во Владимірѣ, когда онъ увидалъ опять у себя великаго князя всей Ростовской земли. Подивимся, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, чуду новому, великому и преславному Божіи Матери, какъ заступила она свой городъ отъ великихъ бѣдъ и гражданъ своихъ укрѣпляетъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись двоихъ князей и бояръ ихъ, не посмотрѣли на ихъ угрозы, семь недѣль прожили безъ князя, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду³³⁶. Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положить, на томъ и пригороды стануть: а здѣсь городъ старій—Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнять правды Божіей, говорили: «какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ: Владиміръ пригородъ нашъ». Воспротивились они Богу и Святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей ссорщиковъ, не хотѣвшихъ намъ добра по зависти. Не сдумѣли Ростовцы и Суздальцы правды Божіей исправить, думали, что они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, худые Владимірскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться, сказали: «либо Михаила князя себѣ добудемъ, либо головы свои сложимъ за Святую Богородицу и за Михаила князя»; и вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и Св. Богородица: прославлены стали Владимірцы по всей землѣ за ихъ правду³³⁷.

Скоро явились во Владиміръ къ Михаилу послы отъ Суздальцевъ: «Мы, князь, говорили они, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре: такъ не сердись на насъ и пріѣзжай къ намъ». Михаилъ побѣжалъ въ Суздаль, оттуда въ Ростовъ, устроилъ весь нарядъ людямъ, утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ, взялъ много даровъ у Ростовцевъ, и, посадивши брата своего Всеволода въ Переяславль, самъ возвратился во Владиміръ. Такимъ образомъ послѣдній, пригородъ,

населенный холопами каменщиками сдѣлался опять столицей городомъ князя всей Ростовской земли; князь опять освобождал себя изъ—подъ вліянія городовъ, которые привыкли рѣшать дѣлаи вѣчь, и приговоровъ этого вѣча должны были слушаться гором младшіе; мало того, младшій братъ Михаила, Всеволодъ стѣ также въ новомъ городѣ Переяславль—Залѣскомъ, а не въ Ростовѣ: выказалось ли въ этомъ явное предпочтеніе князей къ новымъ городамъ предъ старыми, хотѣли ли наградить усердіе Переяславцевъ, дѣйствовавшихъ за одно съ Владимирцами—во всякомъ случаѣ явленіе было очень важное, свидѣтельствовавшее полную побѣду пригородовъ, полное низложеніе того начала, которое могло противодѣйствовать новому порядку вещей.

Если первымъ дѣломъ Михаила по вступленіи во Владимиръ было возвращеніе соборной церкви городовъ, отнятыхъ у него Ростиславичами: то по утвержденіи своемъ въ цѣлой землѣ Ростовской, онъ долженъ былъ прежде всего идти на Рязанскаго князя Глѣба, въ рукахъ котораго также находилось много сокровищъ, пограбленныхъ изъ этой церкви, и между прочимъ самый образъ Богородицы, привезенный Андреемъ изъ Вышгорода, и книги. Михаилъ отправился съ полками на Рязань, но встрѣтилъ на дорогѣ пословъ Глѣбовыхъ, которымъ поручено было сказать ему: «Князь Глѣбъ тебѣ кланяется и говоритъ: я во всемъ виноватъ, и теперь возвращаю все, что взялъ у шурьевъ своихъ, Ростиславичей, все до послѣдняго золотника;»—и точно возвратилъ все. Михаилъ, уладившись съ нимъ ^{***}, поѣхалъ назадъ во Владимиръ; здѣсь, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, казнилъ убійцъ Андреевыхъ, и потомъ отправился за чѣмъ-то въ Городецъ Волжскій, занемогъ въ немъ и умеръ (1176 г.). Ростовцы, не дождавшись даже вѣрнаго извѣстія о смерти Михайловой, послали сказать въ Новгородъ прежнему своему князю Мстиславу Ростиславичу: «Ступай, князь, къ намъ: Михаилъ Богъ взялъ на Волгѣ въ Городецъ, а мы хотимъ тебя, другаго не хотимъ.» Мстиславъ пріѣхалъ на зовъ, собралъ Ростовцевъ, всю дружину и отправился съ ними ко Владимиру. Но здѣсь былъ уже князь: тотчасъ по смерти Михайловой, Владимирцы вышли передъ Золотыя ворота, и, помня старую присягу свою Юрію Долгорукому, цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу и дѣтямъ его; явленіе любопытное: Владимирцы присягаютъ не только

Всеволоду, но и дѣтямъ его: значить не бояться, подобно Кіев-
 янамъ, переходить по наследству отъ отца къ сыновьямъ, не
 знаютъ о правѣ выбирать князя. Всеволодъ, узнавши о при-
 яздѣ Ростиславича въ Ростовъ, собралъ Владимирцевъ, дружину
 юную, бояръ, оставшихся при немъ (большая часть бояръ, какъ
 видно, перешла къ Ростовскому князю ³³⁰), и отправился съ ними
 в встрѣчу къ сопернику, а за Переяславцами послалъ племян-
 ника Ярослава Мстиславича. Но, по своему характеру, Всево-
 лодъ не хотѣлъ отдать всей своей будущности на произволъ
 вѣннаго счастья, не хотѣлъ судиться съ племянникомъ судомъ
 ѡжилимъ, битвою, какъ любили судиться южные князья, и по-
 лагалъ сперва сказать Ростиславичу: «Братъ! если тебя привела
 горная дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ и помиримся;
 абы Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ при-
 велъ, да Владимирцы съ Переяславцами; а Суздальцы пусть вы-
 шраютъ изъ насъ двоихъ, кого хотять.» Но Ростовцы и бояре
 не дали мириться своему князю: ихъ злоба на Владимирцевъ и
 Орѣвичей еще болѣе усилилась отъ недавняго униженія; они
 сказали Ростиславичу: «если ты хочешь съ нимъ мириться, то мы
 не хотимъ;» особенно подстрѣкали къ войнѣ бояре — Добрыня
 Долгій, Матѣяшъ Бутовичъ и другіе. Всеволодъ, получивъ от-
 казъ, поѣхалъ къ Юрьеву, здѣсь дождался Переславцевъ, и
 объявилъ имъ, что Ростовцы не хотять мира; Переяславцы отвѣ-
 чали: «Ты Мстиславу добра хотѣлъ, а онъ головы твоей ловить;
 какъ ступай, князь, на него; а мы не пожалѣемъ жизни за твою
 обиду, не дай намъ Богъ никому возвратиться назадъ; если отъ
 Бога не будетъ намъ помощи, то пусть, переступивъ черезъ
 наши трупы, возьмутъ женъ и дѣтей нашихъ ³⁴⁰; брату твоему
 еще девяти дней нѣтъ какъ умеръ, а они уже хотять кровь про-
 лавать.» На Юрьевскомъ полѣ, за рѣкою Кзою пронзона битва:
 Владимирцы съ своимъ княземъ опять побѣдили, съ ничтожною
 для себя потерею, тогда какъ со стороны непріятелей часть бо-
 яръ была побита, другіе взяты въ плѣнъ; самъ Мстиславъ бѣ-
 жалъ сперва въ Ростовъ, а оттуда въ Новгородъ; побѣдители
 взяли боярскія села, коней, скотъ; въ другой и послѣдній разъ
 старый городъ былъ побѣжденъ новымъ, послѣ чего уже не предъ-
 авлялъ больше своихъ притязаній.

Но Юрьевская побѣда не прекратила борьбы Всеволода съ племянниками: когда Мстиславъ Ростиславичъ приближалъ къ Новгороду, то жители встрѣтили его словами: «какъ тебя звали Ростовцы, такъ ты ударилъ Новгородъ плотою, пошелъ къ дядю своего Михаила; Михаилъ умеръ, а съ братомъ его Всеволодомъ Богъ разсудилъ тебя; зачѣмъ же къ намъ идешь?». Не принятый Новгородцами, Мстиславъ поѣхалъ къ зятю своему, Глѣбу Рязанскому, и сталъ подстрѣкать его къ войнѣ со Всеволодомъ. Глѣбъ тоюже осенью пришелъ на Москву, и пожегъ весь городъ; Всеволодъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, но когда былъ за Переяславлемъ, явились Новгородцы, и сказали ему: «князь! не ходи безъ Новгородцевъ, подожди ихъ.» Всегда осторожный, любившій дѣйствовать навѣрное, Всеволодъ согласился ждать Новгородцевъ, чтобъ съ удвоенными силами ударить на враговъ, и возвратился. Но онъ понапрасну дождался Новгородцевъ: къ нему не приходили; вмѣсто ихъ явились на помощь двое княжичей Черниговскихъ, Олегъ и Владиміръ Святославичи, да князь Переяславля южнаго или Русскаго, Владиміръ Глѣбовичъ. Всеволодъ выступилъ съ ними къ Коломнѣ; но здѣсь получилъ извѣстіе, что Глѣбъ съ Половцами другою дорогою пошелъ къ Владимиру, разграбилъ соборную церковь Андрееву, пожегъ другія церкви, села боярскія, а женъ, дѣтей, и всякое имѣніе отдалъ на цѣль (въ добычу) поганымъ. Всеволодъ немедленно пошелъ назадъ въ свою волость, и встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Колакшѣ; цѣлый мѣсяцъ стояли непріатели безъ дѣйствія по обѣимъ сторонамъ рѣки, наконецъ завязался бой, и Всеволодъ побѣдилъ опять, опять Мстиславъ Ростиславичъ первый обратился въ бѣгство, а за нимъ поѣхалъ и Глѣбъ; но враги догнали ихъ обоихъ, взяли также въ плѣнъ сына Глѣбова Романа, перевязали всю дружину Рязанскую; между прочими попался въ плѣнъ Борисъ Жидславичъ, знаменитый воевода Боголюбскаго, который, какъ видно, отъѣхалъ въ Рязань или прямо, или вмѣстѣ съ Ростиславичемъ, не желая служить Юрьевичамъ; попался въ плѣнъ и Дядилецъ, который такъ сильно способствовалъ призванію Ростиславичей въ Ростовъ по смерти Боголюбскаго. Была большая радость во Владимірѣ, говорить летописецъ, но онъ тутъ же говоритъ: судъ безъ милости тому, кто самъ не знаетъ милости. Эти слова показываютъ расположеніе духа Влади-

ирцевъ, которыхъ ненависть къ Глѣбу и Ростиславичамъ должна была дойти до высшей степени вслѣдствіе еще новаго бѣдствія, претерпѣннаго ими отъ послѣднихъ. Два дня ждали они ить Всеволода суда безъ милости надъ племянниками; на третій юдился сильный мятежъ, встали бояре и купцы и сказали ему: «Князь! мы тебѣ добра хотимъ, и головы за тебя складываемъ; ты держишь враговъ своихъ на свободѣ: враги твои и наши буздальцы и Ростовцы⁴¹: либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо идай наць». Всеволодъ не хотѣлъ исполнить этого требованія, для утишенія мятежа, велѣлъ только посадить плѣнниковъ въ тюрьму; послѣ чего послалъ сказать Рязанцамъ: «Выдайте мнѣ нашего врага (Ярополка Ростиславича), или я приду къ вамъ». Рязанцы рѣшились исполнить это требованіе: «Князь нашъ и братья наши погибли изъ-за чужаго князя», говорили они; поѣхали на Воронежъ, схватили тамъ Ярополка и привезли во Владимиръ, гдѣ Всеволодъ велѣлъ посадить и его также въ тюрьму. Между тѣмъ зять Глѣба Рязанскаго, знаменитый Мстиславъ Ростиславичъ Смоленскій послалъ сказать Святаслову Черниговскому, чтобъ онъ попросилъ Всеволода за Ростиславичей; и княгиня Рязанская, жена Глѣбова прислала съ тѣмъ же, прося за мужа и сына; Святославъ отправилъ во Владимиръ Черниговскаго епископа Порфирія и Ефрема игумена вести переговоры по дѣлу плѣнниковъ; онъ предлагалъ, чтобъ Глѣбъ, волучивъ свободу, отказался отъ Рязани, и ѣхалъ на житье въ Русь; но Глѣбъ никакъ не соглашался на такія условія: «лучше умру въ тюрьмѣ, говорилъ онъ, а не пойду въ Русь на изгнаніе». Дѣло затянулось на два года; Глѣбъ между тѣмъ умеръ, а сынъ его Романъ былъ отпущенъ въ Рязань подъ условіемъ полной покорности Владимирскому князю⁴². Иначе рѣшена была судьба Ростиславичей: Владимирцы, видя, что идутъ переговоры объ освобожденіи плѣнниковъ, никакъ не хотѣли отпустить Ростиславичей, не отомстивши имъ за свои обиды; они собрались опять большою толпою, пришли на княжій дворъ и стали говорить Всеволоду: «До чего ихъ еще додержатъ? хотимъ ослѣпить ихъ». Всеволоду очень не нравилось это требованіе, но дѣлать было ничего: Ростиславичей ослѣпили, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали видъ, что ослѣпили и отослали въ Смоленскъ⁴³. Такимъ образомъ кончилась борьба на сѣверѣ въ пользу послѣдняго изъ Юрь-

евичей, который сталъ также сидеть, какъ и братъ его Андрей, и не медленно пошелъ по слѣдамъ братамъ: привелъ Рязанскихъ князей въ свою волю, онъ захотѣлъ также быть самовластнымъ въ Суздальской землѣ, единодержателемъ всего отцовскаго владѣнія, и выгналъ изъ своей волости племянника Юрія Андреевича, который принужденъ былъ искать счастья въ Грузіи²⁴; второй племянникъ, Ярославъ Мстиславичъ также не получилъ волости въ землѣ Ростовской. Но если Всеволодъ вошелъ совершенно въ положеніе Андрея на сѣверъ, то мы должны ожидать, что и относительно южной, старой Руси и относительно Новгорода Великаго онъ приметъ тоже самое значеніе.

На югъ смерть Андрея дала свободу разыгаться прежнимъ усобицамъ между Мономаховичами и Ольговичами; къ этимъ усобицамъ присоединялись, съ одной стороны, враждебныя отношенія въ самомъ племени Олеговомъ, а съ другой между Ростиславичами и Изяславичами въ племени Мономаховомъ. Мы видели, какъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій принужденъ былъ оставить намѣренія свои относительно Кіева, чтобъ свободно отбивать Черниговскую волость отъ нападенія двоюроднаго брата своего, Олега Сѣверскаго; мы видели, что онъ опустошеніемъ отплатилъ послѣдному за опустошеніе, и возвратился въ Черниговъ; но Олегъ не думалъ такъ окончить это дѣло: онъ заключилъ союзъ съ шурьями своими, Ростиславичами, также съ Ярославомъ Кіевскимъ, и союзники рѣшились съ двухъ сторонъ напасть на Святослава. Но Ростиславичи и Ярославъ, пожегши два Черниговскихъ города²⁵, заключили миръ съ Святославомъ и предоставили Олега однимъ собственнымъ средствомъ. Тотъ съ братьями пришелъ къ Стародубу, города не взялъ, но захватилъ скотъ изъ всѣхъ окрестностей Стародуба и погналъ его къ Новгороду Сѣверскому, куда скоро явился за нимъ Святославъ съ Черниговскимъ войскомъ, и приступилъ къ городу; Олегъ вышелъ было къ нему на встрѣчу, но не успѣла дружина его пустить по стрѣлѣ, какъ обратилась въ бѣгство; самъ князь успѣлъ вбѣжать въ городъ, но половина дружины его была перехвачена, другая перебита, острогъ пожженъ; Олегъ на другой день запросилъ мира, и получилъ его, невѣдомо на какихъ условіяхъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ Днѣпра произошло перемѣна: къ Ростиславичамъ пришелъ на помощь

старшій братъ ихъ Романъ изъ Смоленска, и Ярославъ Изяславичъ увидалъ въ этомъ намѣреніи Ростиславичей выгнать его изъ Кіева; онъ послалъ сказать имъ: «Вы привели брата своего Романа, даете ему Кіевъ», и выѣхалъ добровольно изъ этого города въ прежнюю волость свою Луцкъ; мы видѣли, что Ростиславичи просили еще прежде у Андрея Кіева для Романа, слѣд. Ярославъ имѣлъ право подозрѣвать ихъ во враждебныхъ для себя замыслахъ; скорая же уступка его двоюроднымъ братьямъ объясняется тѣмъ, что онъ никакъ не могъ полагаться на защиту Кіевлянъ, послѣ недавняго поступка съ ними, когда онъ ограбилъ весь городъ. Ростиславичи послали за нимъ, чтобъ ѣхалъ опять въ Кіевъ, но онъ не послушался, и Романъ сѣлъ на его мѣсто: дѣйствительно ли Ростиславичи не хотѣли его выгонять, или показывали только видъ, что не хотѣли — рѣшить трудно. Романъ недолго княжилъ спокойно въ Кіевѣ: Половци напали на Русь, взяли шесть городовъ Берендѣевскихъ, и сильно поразили Ростиславичей у Ростовца по вѣнъ Давида Ростиславича, который завелъ ссору съ братьями и помѣшалъ успѣху дѣла. Бѣдою Ростиславичей спѣшилъ воспользоваться Святославъ Черниговскій; нуженъ былъ однако предлогъ, и онъ послалъ сказать Роману: «Братъ! я не ищу подъ тобою ничего, но у насъ такой рядъ: если князь провинится, то платитъ волостью, а бояринъ головою; Давидъ виноватъ, отними у него волость». Романъ не послушался; тогда братья Святослава — Ярославъ и Олегъ перешли Днѣпръ и послали сказать зятю своему Мстиславу Владиміровичу, сыну покойнаго Владиміра Мстиславича, чтобъ перешелъ на ихъ сторону; Мстиславъ послушался и сдѣлалъ имъ Треноль. Въ это время самъ Святославъ стоялъ съ полками своими у Витчева, куда пріѣхали къ нему Черные Клобуки съ Кіевлянами и объявили, что Романъ ушелъ въ Бѣгородъ. Святославъ поѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ тамъ, но опять не надолго: на помощь къ братьямъ явился знаменитый Мстиславъ изъ Смоленска и Ростиславичи объявили, что на другой же день дадутъ битву Святославу; Святославъ испугался, и побѣжалъ за Днѣпръ, потому что Половци, за которыми онъ послалъ, еще не пришли, а съ одною дружиною выступить противъ Мстислава трудно было рѣшиться. Не смотря на то однако Ростиславичи почли за лучшее уступить Кіевъ Святославу: Романъ, князь, какъ видно,

вовсе не воинственный, зналъ, что онъ будетъ сидѣть въ Кіевѣ въ непрерывномъ страхѣ отъ Святослава, который уже разъ выгналъ его, и конечно не откажется отъ дальнѣйшихъ попытокъ на Кіевъ, вслѣдствіе чего будутъ непрерывныя усобицы; союзники Святослава, Половцы уже явились у Торческа и захватили много людей: и вотъ Ростиславичи, не желая губить Русской земли и проливать христіанской крови, по словамъ летописца, подумали, и отдали Кіевъ Святославу, а Романъ пошелъ назадъ въ Смоленскъ²⁴⁶; Черниговъ, какъ видно, достался Олегу Святославичу; но онъ скоро умеръ, и въ Черниговѣ сѣлъ братъ Кіевскаго князя, Ярославъ Всеволодичъ, а братъ Олговъ, Игорь сѣлъ въ Новгородъ Сѣверскомъ: такъ и слѣдовалъ по родовому счету²⁴⁷.

До сихъ поръ Святославъ Всеволодовичъ жилъ въ дружбѣ со Всеволодомъ Суздальскимъ; мы видѣли, какую дѣятельную помощь оказалъ онъ послѣднему въ борьбѣ его съ племянниками; союзъ этотъ былъ еще болѣе скрѣпленъ родствомъ: Всеволодъ вызвалъ къ себѣ сына Святославова, Владиміра, и женилъ его на родной племянницѣ своей, дочери Михаила Юрьевича. Но скоро эта дружба перемѣнилась во вражду, виною которой были отношенія Рязанскія. Мы видѣли, что Романъ Глѣбовичъ съ братьями поклялся ходить въ волѣ Всеволодовой; но Романъ былъ зять Святослава, который вслѣдствіе этого родства, считалъ себя также въ правѣ вмѣшиваться въ Рязанскія дѣла, при чемъ его вліяніе необходимо сталкивалось съ вліяніемъ Всеволода; Святославъ могъ думать, что Всеволодъ, въ благодарность за прежнее добро, уступить его вліянію въ Рязани, но жестоко обманулся въ своемъ ожиданіи. Въ 1180 году младшіе братья Романа Рязанскаго, Всеволодъ и Владиміръ Глѣбовичи прислали сказать Всеволоду Юрьевичу Владимірскому: «Ты нашъ господинъ, ты нашъ отецъ; братъ нашъ старшій Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушаясь тестя своего Святослава, а тебѣ крестъ цѣловалъ и нарушилъ клятву». Всеволодъ немедленно выступилъ въ походъ, и когда приближался къ Коломнѣ, то двое Глѣбовичей встрѣтили его съ поклономъ; но въ Коломнѣ сидѣлъ сынъ Святослава, Глѣбъ, посланный отцемъ на помощь Роману Рязанскому; Всеволодъ послалъ сказать Глѣбу, чтобъ явился къ нему; тотъ сначала не хотѣлъ, но потомъ, видя, что сопротив-

лтъся нельзя, поѣхалъ; Всеволодъ велѣлъ его схватить, и въ оковахъ отослалъ во Владимиръ, гдѣ приставили къ нему стражу; дружина его подверглась той же участи. Между тѣмъ передовой отрядъ Романа, переправившійся черезъ Оку, потерпѣлъ поражение отъ передоваго отряда Всеволодова, часть его попала въ плѣнъ, часть потонула въ рѣкѣ; Романъ, услыхавши объ этомъ несчастіи, побѣжалъ мимо Рязани въ степь, затворивши въ городѣ двоихъ братьевъ, Игоря и Святослава, которые не думали сопротивляться Всеволоду, когда тотъ явился подъ Рязанью, и заключили съ ними миръ на всей его волѣ: Владимирскій князь урядилъ всю братью, роздалъ каждому волости по старшинству, и возвратился домой.

Легко понять, какъ раздосадованъ былъ Святославъ, когда узналъ о поступкѣ Всеволода съ его сыномъ; чѣмъ меньше ждалъ онъ этого, тѣмъ сильнѣе была его ярость. Онъ распалился гнѣвомъ, разжегся яростію, по словамъ лѣтописца, и сказалъ: «Отомстилъ бы я Всеволоду, да нельзя: подлѣ меня Ростиславичи; эти мнѣ во всемъ дѣлаютъ досады въ Русской землѣ; ну да мнѣ все равно: кто ко мнѣ изъ Владимірова племени ближе, тотъ и мой». Изъ этихъ словъ видно также, что Святославу очень не нравилось близкое сосѣдство Ростиславичей, которыми былъ окруженъ. Въ это самое время Давидъ Ростиславичъ охотился въ лодкахъ по Днѣпру, а Святославъ охотился противъ него на Черниговской сторонѣ; случай этотъ показался Кіевскому князю очень удобнымъ для исполненія своего замысла: посовѣтовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, не сказавши ничего лучшимъ боярамъ своимъ, онъ переправился черезъ Днѣпръ и ударилъ на Давидовъ станъ, разсуждая: «схвачу Давида, Рюрика выгоню, завладѣю одинъ съ братьями Русскою землею, и тогда стану мстить Всеволоду за свою обиду». Но замыселъ не удался: Давидъ съ женою своею уснѣлъ свѣсть въ лодку и уплыть, неприятельскія стрѣлы не сдѣлали ему никакого вреда; уснѣвъ захватить только дружину и станъ Давидовъ, Святославъ отъѣхалъ къ Вышгороду, и проведши подъ нимъ ночь, сталъ искать повсюду Давида, но послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ, отправился на восточный берегъ Днѣпра, сказавши своимъ: «Теперь уже я объявилъ свою вражду Ростиславичамъ, нельзя мнѣ больше оставаться въ Кіевѣ». Пріѣхавши

въ Черниговѣ, онъ созвалъ всѣхъ сыновей своихъ, младшую братью, собралъ всѣ силы Черниговской волости, всю дружину, и сталъ говорить имъ: «Куда намъ ѣхать? Въ Смоленскъ или въ Кіевъ?» На это отвѣчалъ ему двоюродный братъ, Игорь Сиверскій: «Батюшка! лучше была бы тишина; но если уже такъ случилось, то далъ бы только Богъ тебѣ здоровья». Святославъ тогда сказалъ: «Я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода: такъ я теперь вамъ остался вмѣсто отца, и приказываю тебѣ, Игорь, оставаться здѣсь съ Ярославомъ оберегать Черниговъ и всю волость, а я со Всеволодомъ пойду къ Суздаю и рунать сына своего Глѣба, какъ насъ тамъ Богъ разсудитъ со Всеволодомъ Юрьвичемъ». Святославъ раздѣлилъ и Половцевъ не двое: половину взялъ съ собою, а другую половину оставилъ братью, послѣ чего отправился въ походъ, взявши съ собою Ярополка Ростиславича; подлѣ устья Тверцы соединился онъ съ сыномъ Владиміромъ и со всѣми полками Новгородскими (потому что Владиміръ княжилъ тогда въ Новгородѣ), положилъ всю Волгу пусты, по выраженію летописца, ножегъ всѣ города, и въ сорока верстахъ отъ Переяслава-Залѣскаго, на рѣкѣ Влентѣ встрѣтился со Всеволодомъ, который вышелъ съ полками Суздальскими, Рязанскими и Муромскими. Прежде обыкновенно князья любили находиться въ члѣхъ полковъ своихъ, любили первыя врѣзываться въ ряды непріятелей, спѣшили рѣшиться дѣлю битвою, въ которой видѣли судъ Божій. Но Всеволодъ руководствовался другими понятіями: онъ выбралъ для своего войска выгодное положеніе, огородился горами, рывинами, и, не смотря на просьбу дружины, не хотѣлъ вступить въ рѣшительную битву съ южными полками, отличившимися своею стремительностію въ нападеніяхъ, тогда какъ сѣверное народонаселеніе отличалось противоположнымъ характеромъ, было слабо въ чистомъ полѣ, и неодолимо при защитѣ мѣстъ. Всеволодъ послалъ только Рязанскихъ князей, которые ворвались въ обозъ Святославовъ и сначала имѣли было успѣхъ, но потомъ были прогнаны съ большимъ урономъ. Уже двѣ недѣли стояли такимъ образомъ непріатели другъ противъ друга, перестрѣлкивались черезъ рѣку; Святославу наконецъ наскучило такое положеніе, и онъ послалъ своихъ священниковъ сказать Всеволоду: «Братъ и сынъ! много я тебѣ добра сдѣлалъ и не чаю получить отъ тебя

какой благодарности; если же ты уже задумалъ на меня зло, захватилъ сына моего, то недалеко тебѣ меня искать: отступи подальше отъ этой рѣчки, дай мнѣ дорогу, чтобъ мнѣ можно было къ тебѣ переѣхать, и тогда насъ Богъ разсудитъ; если же ты мнѣ не хочешь дать дороги, то я тебѣ дамъ, переѣзжай ты на эту сторону, и пусть насъ Богъ разсудитъ». вмѣсто отвѣта, Всеволодъ задержалъ пословъ, отослалъ ихъ во Владимиръ, а самъ по прежнему не двинулся съ мѣста; Святославъ постоялъ еще нѣсколько времени, и, боясь оттепели, пошелъ назадъ на легкъ, бросивъ обозы, которыми овладѣли полки Всеволодовы, но, по привязанію князя своего, не смѣли гнаться за удалявшимся Святославомъ. Последній, отпустивъ брата Всеволода, сына Олега и Ярополка Ростиславича въ Русь, самъ съ сыномъ Владиміромъ поѣхалъ въ Новгородъ Великій.

Между тѣмъ Давидъ Ростиславичъ, спасшись отъ плѣна, которымъ угрожалъ ему Святославъ, прибѣжалъ въ Бѣлгородъ, къ брату Рюрику; тотъ, услыхавши, что Кіевъ оставленъ Святославомъ, поѣхалъ туда, и свѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ, и, предвидя сильную борьбу, сталъ набирать союзниковъ: послалъ за князьями Лудкими, сыновьями Ярослава, Всеволодомъ и Ингваремъ, и привелъ ихъ къ себѣ; послалъ за помощію къ Галицкому князю Ярославу, которая явилась съ бояриномъ Тудоромъ, а брата Давида послалъ въ Смоленскъ на помощь къ старшему брату Роману. Но Давидъ встрѣтилъ на дорогѣ гонца, который везъ ему вѣсть о смерти Романа; Давидъ со слезами продолжалъ путь, при вѣздѣ въ Смоленскъ былъ встрѣченъ духовенствомъ со крестами, всѣми гражданами, и занялъ братнее мѣсто. По Роману, говорить, лѣтописецъ, плакали всѣ Смольняне, вспоминая его доброту (доброе сердце), а княгиня его, стоя у гроба, причитала: «Царь мой добрый, кроткій, смиренный и правдивый! вправду дамо было тебѣ имя Романъ, всею добродѣтелию похожъ ты былъ на св. Романа (т. е. св. Бориса); много досадъ принялъ ты отъ Смольнянъ, но никогда не видала я, чтобъ ты мстилъ имъ зломъ за зло». И лѣтописецъ повѣствуетъ, что этотъ князь былъ необыкновенно добръ и правдивъ. — Давидъ, вохоронивши брата, прежде всего долженъ былъ думать о защитѣ своей волости, потому что оставшіеся въ Черниговѣ князья, Ярославъ съ Игоремъ, не видя ни откуда нападенія на свою во-

дѣсть, рѣшили сами напасть на волость Смоленскую, и пошли съ Половцами сначала къ Друцку, гдѣ сидѣлъ союзникъ Ростиславичей, Глѣбъ Рогволодовичъ. Но если одинъ изъ Полоцкихъ князей былъ за Ростиславичей, то большинство его родичей было противъ нихъ; мы видѣли здѣсь усобицу между тремя племенами или линіями — Борисовичами, Глѣбовичами и Васильковичами, при чемъ Ростиславичи Смоленскіе дѣятельно помогали Борисовичамъ и Васильковичамъ; но теперь, вѣроятно вслѣдствіе родственной связи съ Ростиславичами сѣверными ²⁴⁵, видѣли Васильковичей въ союзѣ съ Черниговскими князьями противъ Ростиславичей Смоленскихъ. Такъ у Друцка соединились съ Черниговскими полками Всеславъ Васильковичъ Полоцкій, братъ его Брячиславъ Витепскій и нѣкоторые другіе родичи ихъ съ толпами Ливовъ и Литвы: такъ вслѣдствіе союза Полоцкихъ князей съ Черниговскими въ одномъ станѣ очутились Половцы вмѣстѣ съ Ливами и Литвою, варвары черноморскіе съ варварами прибалтійскими. Давидъ Смоленскій со всѣми полками пріѣхалъ къ Глѣбу въ Друцкъ, и хотѣлъ дать сраженіе Черниговскимъ до прихода Святослава изъ Новгорода; но Ярославъ съ Игоремъ не смѣли начать битвы безъ Святослава, выбрали выгодное положеніе на берегу Дручи и стояли цѣлую недѣлю, перестрѣливаясь съ неприятелемъ черезъ рѣку; но какъ скоро явился къ нимъ Святославъ, то построили гать на Дручѣ съ тѣмъ, чтобъ перейти рѣку и ударить на Давида; тогда послѣдній, въ свою очередь, не захотѣлъ биться и побѣжалъ въ Смоленскъ. Святославъ приступилъ къ Друцку, пожегъ острогъ, но не сталъ медлить подъ городомъ и, отпустивъ Новгородцевъ, самъ пошелъ въ Рогачевъ, а изъ Рогачева Днѣпромъ поплылъ въ Кіевъ, тогда какъ Игорь съ Половцами дожидался его противъ Вышгорода.

Услыхавъ о приближеніи Святослава, Рюрикъ выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ, и отправилъ войско противъ Половцевъ, которые съ Игоремъ Сѣверскимъ расположились станомъ у Долобскаго озера; войскомъ начальствовалъ князь Мстиславъ Владиміровичъ, при немъ находился тысяцкій Рюриковъ Лазаръ съ младшею дружиною, Борисъ Захарычъ, любимый воевода Мстислава Храбраго съ людьми молодаго княжича своего Владиміра, котораго отецъ, умирая, отдалъ ему на руки, и Сдѣславъ Жиро-

лавичъ, воевода Мстислава Владиміровича съ Трипольскими полками. Половцевъ было много: они лежали безъ всякой осторожности, не разставивъ сторожей, надѣясь на силу свою и на Игоревъ полкъ. Черные Клобуки, не слушаясь приказа Русскихъ воеводъ, бросились на Половцевъ, врѣзались въ ихъ станъ, но были отброшены назадъ, и въ бѣгствѣ смали дружину Мстиславу, которая также обратилась въ бѣгство, а за нею и самъ князь. Но лучшіе люди остались: Лазарь, Борись Захарычъ и Мѣславъ Жирославичъ; не смутившись нимало, они ударили на Половцевъ и потоптали ихъ; много варваровъ перетонуло въ рѣкѣ Чарторыѣ, другіе были перебиты или захвачены въ плѣнъ, а князь Игорь съѣзъ въ лодку и переправился на восточный берегъ. Но Рюрикъ воспользовался этою побѣдою только для того, чтобъ получить выгодный миръ у Святослава, у котораго никакъ не надѣялся отнять старшинство; Святославу также не хотѣлось еще разъ выѣзжать изъ Кіева, и онъ обрадовался предложенію Рюрика, который уступалъ ему старшинство и Кіевъ, а себя бралъ всю Русскую землю, т. е. остальные города Кіевской волости. Въ слѣдъ за этимъ былъ заключенъ миръ и со Всеволодомъ Суздальскимъ, который возвратилъ Святославу сына его Глѣба; миръ между Мономаховичами и Ольговичами былъ скрѣпленъ двойнымъ родственнымъ союзомъ: одинъ сынъ Святослава, Глѣбъ, женился на Рюриковнѣ, другой Мстиславъ на свояченицѣ Всеволода (1182 г.).

Такимъ образомъ сыну Всеволода Ольговича удалось окончательно утвердить за собою старшинство и Кіевъ; но это старшинство имѣло значеніе только на югѣ; старшій въ племени Мономаховомъ не вступалъ съ Святославомъ въ борьбу за Кіевъ, потому что Кіевъ не имѣлъ уже для него прежняго значенія, какое имѣлъ для отца его Юрія; Всеволодъ наследовалъ все могущество того князя, который давалъ Кіевъ изъ своихъ рукъ кому хотѣлъ; какъ много потерялъ Кіевъ изъ своего матеріальнаго значенія послѣ погрома отъ войскъ Боголюбскаго, ясно видно изъ всѣхъ описанныхъ событій: при всѣхъ смѣнахъ и усобицахъ князей не слышно объ участіи Кіевлянъ, о сильномъ полку Кіевскомъ, который рѣшалъ судьбу Руси, судьбу князей во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ; теперь страдательно подчиняются Кіевляне всѣмъ перемѣнамъ, ничѣмъ

не обнаруживают признаков жизни. Какъ силенъ былъ старший князь Всеволодъ, и какъ слабъ былъ предъ нимъ старшій князь южной Руси, Святославъ, доказательствомъ служитъ слѣдующее происшествіе: въ 1194 году Святославъ созвалъ бранцевъ своихъ—роднаго Ярослава и двоюродныхъ Игоря и Всеволода, и началъ съ ними совѣтоваться, какъ бы войти на Кязанскихъ князей, съ которыми давно уже у Черниговскихъ князей была ссора за пограничныя волости; но Ольговичи не смѣли выступить въ походъ, а послали сперва ко Всеволоду Суздальскому просить у него на то позволенія; Всеволодъ не согласился, и Святославъ долженъ былъ отложить походъ. Съ Ростиславичами Святославъ жилъ мирно, также какъ видно изъ страсбургскихъ летописей предъ Всеволодомъ; въ 1190 году грозила было вспыхнуть между ними ссора по причинамъ, о которыхъ летописи говорятъ очень неопредѣленно: у Святослава, по ея словамъ, была тяжба съ Рюрикомъ, Давидомъ и Смоленскою землею; поэтому онъ ѣздилъ и за Днѣпръ сговориться съ братьями, чтобъ какъ-нибудь не потерять своихъ выгодъ; но Рюрикъ принялъ такія свои мѣры: онъ переслался со Всеволодомъ и съ братомъ Давидомъ Смоленскимъ, и всѣ втроемъ послали сказать Святославу: «Ты, братъ намъ крестъ цѣловалъ на Романовомъ ряду, который былъ заключенъ тобою, когда братъ нашъ Романъ сидѣлъ въ Кіевѣ; если стоишь въ этомъ ряду, то ты намъ братъ; а если хочешь вспомнить давнишнія тяжбы, которыя были при Ростиславѣ, то ты договоръ нарушилъ, чего мы терять не будемъ; а вотъ тебѣ и крестныя грамоты назадъ». Святославъ сначала много спорилъ съ посланцами и отпустилъ было уже ихъ съ отпущеніемъ, но потомъ надумался, возвратилъ ихъ съ дороги и цѣловалъ крестъ на всей волѣ Мономаховичей.

Могущественное вліяніе Всеволода Суздальскаго обнаружилось даже и въ судьбахъ отдаленнаго Галича. Въ этомъ пограничномъ Русскомъ княжествѣ въ семидесятихъ годахъ XII вѣка обнаружилось явленіе, подобныхъ которому не видать въ остальныхъ волостяхъ Русскихъ, именно важное значеніе бояръ, предъ которыми нисколько не значатъ князи. Мы уже разъ имѣли случай замѣтить своевольный поступокъ Галицкаго боярина Константина Сврославича, который, вопреки волѣ князя своего Ярослава, увелъ свои полки отъ Мстислава Изяславича. Этотъ

Константины играть важную роль и въ смутахъ своего княжества. Велико казалось въ другихъ странахъ могущество Ярослава Владиміровича Галицкаго, единовластнаго князя богатой и цвѣтущей волости; вотъ какъ описывается это могущество въ словѣ о полку Игореву: «Ярославъ Осмосмыслъ Галицкій! высоко сѣдишь ты на своемъ златоконномъ столѣ; ты — подперъ бры Венгерскія своими желѣзными полками, заступилъ путь королю Венгерскому, затворилъ ворота къ Дунаю, отворилъ ворота къ Кіеву». Но этотъ могущественный князь окруженъ былъ людьми, которые были сильнѣе его, могли подчинять его одну своей. Ярославъ дурно жилъ съ женою своею Ольгою, вострою Суздальскихъ Юрьевичей, и держалъ любовницу, какою-то Настасью; въ 1173 году Ольга ушла изъ Галича въ Польшу съ сыномъ Владиміромъ, извѣстнымъ уже намъ бояриномъ Константиномъ Сърославичемъ и многими другими боярами. Проживши восемь мѣсяцевъ въ Польшѣ, Владиміръ къ материю пошелъ на Волинь, гдѣ думалъ поселиться на время, какъ на дорогѣ встрѣтилъ его гонецъ отъ бояръ изъ Галича: «Ступай домой, велѣли они сказать ему: отца твоего мы схватили, пріятелей его перебили, и врагъ твой Настасья въ нашихъ рукахъ». Галичане сожгли несчастную на кострѣ, а она ей послали въ заточеніе, а съ Ярослава взяли клятву, что будетъ жить съ княгинею какъ слѣдуетъ. Въ 1187 году умеръ Ярославъ, князь, по словамъ лѣтописца мудрый, краснорѣчивый, отобоязливый, честный во всѣхъ земляхъ и славный полками; гдѣ бывала ему отъ кого обида, то онъ самъ не ходилъ съ войсками, а посылалъ воеводъ; чувствуя приближеніе смерти, къ созвалъ бояръ, бѣлое духовенство, монаховъ, нищихъ, и обворилъ ихъ со слезами: «Отцы, братья и сыновья! вотъ я отхожу отъ этого свѣта суетнаго и иду къ Творцу моему, согрѣшилъ я больше всѣхъ; отцы и братья! простите и отдайте». Три дня плакался онъ предъ всѣми людьми, и велѣлъ раздавать иждивеніе свое по монастырямъ и нищимъ; три дня раздавали по всему Галичу, и не могли всего раздать. Обратясь къ боярамъ, умирающій князь сказалъ: «Я одною своею худою головою удерживалъ Галицкую землю; а вотъ теперь приказываю свое мѣсто мѣгу, меньшому сыну моему, а старшему Владиміру даю Переишль». Этотъ Олегъ родился отъ Настасьи, и потому былъ

милъ Ярославу, говорить летописецъ, а Владиміръ не хоще въ его волѣ: мы видѣли, что онъ увѣжалъ отъ отца и матери, и возвратился вслѣдствіе торжества враговъ. Настасья Владиміръ вмѣстѣ со всеми боярами долженъ былъ присягнуть отцу, что не будетъ искать подъ братомъ Галича. Но не можно было надѣяться на эту клятву, можно ли было думать, что у Настасьи будутъ спокойно видѣть на старшемъ столѣ сыновей, и вотъ, едва только умеръ Ярославъ, какъ сильный князь всталъ въ Галицкой землѣ; Владиміръ и бояре нарушили клятву и выгнали Олега изъ Галича; тотъ принужденъ былъ ѣхать Овручь къ Рюрику, а Владиміръ сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Но бояре скоро увидали, что ошиблись въ своемъ выборѣ: Владиміръ, по словамъ летописца, любилъ только жену, а не любилъ думы думать съ своими боярами; отнялъ у нихъ жену, и сталъ жить съ нею, прижилъ двоихъ сыновей; и потому: понравится ему чья-нибудь жена или дочь, бралъ себя сильно. Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галицкаго князя на столѣ Владимиро-Волинскомъ, сидѣлъ Романъ Мстиславичъ, получившій въ наслѣдство отъ отца и дѣда необыкновенную деятельность, предприимчивость, неутомимость; не любилъ отставать отъ разъ предпринятаго намѣренія, и не разбиралъ средствъ при его выполненіи. Романъ находился въ близкомъ свойствѣ съ Владиміромъ Галицкимъ: дочь его была за старшимъ сыномъ послѣдняго⁴⁴⁴; не смотря на то, узнавши, что бояре Галицкіе не хорошо живутъ съ своимъ княземъ, Романъ сталъ пересылаться съ ними, побуждая ихъ выгнать Владиміра, и вмѣсто котораго предлагалъ имъ себя въ князья. Многие бояре охотно согласились на его предложеніе, собрали полки, устроились крестнымъ цѣлованіемъ между собою; но не смѣли возстать на Владиміра, схватить или убить его, потому что всѣ бояре были противъ князя, были между ними и его пріятель; заговорщики придумали другое средство освободиться отъ Владиміра, они послали сказать ему: «Князь! мы не на тебя встанемъ, но не хотимъ кланяться попадѣю, хотимъ ее убить; а ты, если хочешь, тамъ и возьми жену». Они надѣялись, что онъ не отпуститъ попадью, и потому грозилась убить ее, чтобъ скорѣе прогнать его самого, въ чемъ и не ошиблись: Владиміръ опасаясь чтобъ и его любовницу не постигла таже участь, вѣ-

ня постигла Настасью, забралъ много золота и серебра, жену, воиъ сыновей, дружинну, и потхалъ въ Венгрію. Мы оставили ту страну подъ властію короля Гейзы II-го, зятя и союзника Владислава; самымъ опаснымъ врагомъ Гейзы былъ знаменитый Греческій Императоръ, Мануилъ Комнень, послѣдній изъ великихъ государей, сидѣвшихъ на престолѣ Византійскомъ; вѣнательство Гейзы въ дѣла Сербіи дали Мануилу поводъ враждебно выступить противъ Венгровъ съ цѣлію распространить редѣлы Имперіи на ихъ счетъ; сначала онъ поддерживалъ противъ Гейзы извѣстнаго уже намъ Бориса, сына дочери Момаховой, а потомъ, когда Борисъ палъ въ битвѣ, сталъ поддерживать родныхъ братьевъ Гейзы, Стефана и Владислава, ашедшихъ убѣжище при дворѣ Византійскомъ. Гейза умеръ въ 1161 году, оставивъ престолъ двѣнадцатилѣтнему сыну своему Стефану III-му; малолѣтство короля дало Мануилу полную возможность къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ плановъ гносительно Венгріи, и немедленно выступилъ онъ съ большимъ войскомъ и обоими князьями, Стефаномъ и Владиславомъ въ границы этой страны, пославъ сказать ея вельможамъ, го по старому обычаю престолъ долженъ переходить не къ сыну, а къ брату умершаго короля, и что потому они должны взвести на престолъ Стефана, брата покойнаго Гейзы; Венгры вѣрили ему отвѣчать на это, что они не знаютъ ни о какомъ подобномъ обычаѣ въ своемъ отечествѣ, гдѣ съ незапамятныхъ времъ наследуетъ корону старшій сынъ, а не братъ умершаго короля; они не могутъ слѣдовательно принять къ себѣ въ короли эрцога Стефана старшаго; не примутъ его уже и потому, что в хотятъ имѣть королемъ подручника императорскаго. Не вotra однако на этотъ смѣлый отвѣтъ, деньги и обѣщанія Мануила произвели свое дѣйствіе, и многіе изъ вельможъ отстали къ молодато Стефана, который и принужденъ былъ уступить престолъ дядѣ своему, не Стефану впрочемъ, а младшему Владиславу. Владиславъ черезъ полгода умеръ; тогда брату его Стефану удалось захватить престолъ, но не надолго: ибо когда въ Венгріи узнали, что онъ обѣщалъ Мануилу, въ награду за помощь, отдать Сирмію, то почти всѣ перешли на сторону племянника его, который вслѣдствіе этого и утвердился окончательно на престолѣ. Тогда Мануилъ, видя всеобщее нерасполо-

денію Венгровъ къ Стевану — дѣду, объявляя, что принялъ королемъ племянника; кале того, не имѣя сыновей, выдѣлъ своимъ за Бѣлу, младшаго брата Стевана III-го и назначилъ преемникомъ своего престола, съ тѣмъ только условіемъ, что Бѣла былъ воспитанъ въ Константинополѣ и удержалъ за собою Сирію, какъ полученный отъ отца уѣздъ. Король и великіе согласились на предложеніе, и молодой Бѣла отправился въ Константинополь, гдѣ получилъ имя Алексѣя, былъ обрученъ дочерью императора, провозглашенъ наследникомъ престола, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство переѣнило совершенно ходъ дѣла: у Мануила отъ второй жены его родился сынъ. Обрадованный императоръ велѣлъ немедленно короновать младенца, и отнялъ у Бѣлы не только надежду на престолъ, но даже невѣсту, свою дочь, и обручилъ его на свояченицу. Надъ это время умеръ братъ Бѣлы, король Венгерскій, двадцатипятилѣтній Стефанъ III, какъ говорятъ отравленный братомъ (1173 г.); Бѣла поспѣшилъ въ Венгрію, но засталъ тамъ три партіи: одна хотѣла имѣть его королемъ; другая, состоявшая преимущественно изъ высшаго духовенства, боясь, чтобъ не вѣнчанный въ Константинополѣ Бѣла не сталъ дѣйствовать по вліянію императора и враждовать къ католицизму, хотѣла ждать разрѣшенія отъ бремени жены Стефана III-го; третья же донецъ стояла за младшаго брата Бѣлы: въ члѣхъ этой партіи находилась старая вдовствующая королева, жена Гейзы II, Евросинья Мстиславовна, которой хотѣлось видѣть на престоле младшаго, любимаго сына. Долго боролся Бѣла III-й съ двумя враждебными партіями, наконецъ осилилъ ихъ.

Болѣ десяти лѣтъ Бѣла спокойно правилъ Венгрію, и явился къ нему Галицкій изгнанникъ Владиміръ съ просьбою помощи; сноихствіе внутри и внѣ давали Бѣлѣ полную возможность вмѣшаться въ Галицкія дѣла, и онъ пошелъ къ Галицкимъ войнамъ своими полками. Романъ, сѣвшій было адѣсь на столѣ, видавъ средствъ противиться войскамъ Бѣлы, и, захвативъ остатокъ княжеской казны, убѣжалъ назадъ на Волынь; Владиміръ не получилъ отцовскаго стола, потому что Бѣла, прогнавши Галичанамъ всѣ ихъ дѣла, счелъ полезнѣе для себя для нихъ дать имъ въ князья сына своего Андрея, а Владиміръ пошелъ опять въ Венгрію на войну, отнявъ у него все дѣло

посадилъ въ башню²⁴⁰; онъ звалъ также съ собою въ Венгрію
многую или братьевъ лучшихъ бояръ, чтобъ имѣть ружьей-
ство въ вѣрности послѣднихъ. Между тѣмъ Романъ съ тѣми изъ
Галицкихъ бояръ, которые переезжали его къ себѣ, скитался по
разнымъ странамъ, ница волости. Отъѣзжая княжить въ Галичъ,
онъ отдалъ Владимиру брату своему Всеволоду, сказавши ему:
«Больше мнѣ не нужно этого города». Теперь, убѣгая предъ
Венграми изъ Галича, онъ пріѣхалъ было назадъ во Владимиръ,
но уже не былъ впущенъ сюда братомъ; тогда онъ поѣхалъ въ
Польшу искать тамъ помощи, а жену свою отправилъ въ Олужь
къ отцу ея, Рюрику Ростиславичу. Не получивши отъ Поль-
скихъ князей никакой помощи, онъ и самъ отправился къ тестю
Рюрику вмѣстѣ съ преданными ему Галицкими боярами. При-
казавши къ тестю, онъ сталъ проситься у него опять на Галичъ:
«Галичане зовутъ меня къ себѣ на княженіе», говорилъ онъ
ему: «отпусти со мной сына своего Ростислава». Рюрикъ согла-
лся, и Романъ отправилъ передовой отрядъ свой, чтобъ занять
мѣнъ изъ пограничныхъ городовъ Пльзескъ²⁴¹; но отрядъ
тотъ былъ разбитъ на голову Венграми и Галичанами. Романъ,
услыхавъ объ этомъ несчастіи, отпустилъ шурина Ростислава
домой, а самъ опять поѣхалъ въ Польшу. На этотъ разъ онъ
имѣлъ здѣсь счастливѣе, получилъ помощь и пошелъ съ моею
на брата Всеволода ко Владимиру, но Всеволодъ въ другой
разъ не пустилъ его, и Романъ опять отправился къ тестю; тотъ
далъ ему пока волость — Торческъ, а между тѣмъ послалъ ко
Всеволоду съ угрозами, которыя подѣйствовали, и Романъ полу-
чилъ опять Владимиръ, а Всеволодъ отправился въ свою преж-
нюю волость Бельзь.

Романа звали опять въ Галичъ, следовательно были тамъ
иногда, недовольные Венгерскимъ королевичемъ; съ другой сто-
роны Бела не могъ думать, чтобъ Русскіе князья спокойно стали
смотреть на владычество иноземца въ старинной Русской воле-
сти; вотъ почему онъ сдѣлалъ обѣщаніями склонить на свою
сторону Святослава Кіевскаго. Въ 1189 году онъ прислалъ ска-
зать ему: «Братъ! присылай сына своего ко мнѣ: хочу испол-
нить свое обѣщаніе, въ чемъ тебѣ крестъ цѣловаю». Тогда
Святославъ, тайкомъ отъ Рюрика, отправилъ къ королю сына
своего Глѣба, думая что Бела дастъ ему Галичъ²⁴². Рюрикъ,

узнавши объ этомъ, неслыгъ сказать Святославу ²⁴⁴: «Ты правилъ сына своего къ королю, но сприсявши со мною, ты тея уговоръ нашъ нарушилъ ²⁴⁵». Начались сильные споры между князьями; однако дѣло не дошло до ссоры; Святославъ послѣдъ сказалъ Рюрику: «Братъ и свать! вѣдь я сына своего послалъ не на тебя поднимать короля, а за своими дѣлами; если хочешь идти на Галичь, такъ я также готовъ съ тобою идти». Особо же возматалъ прекращенію спора митрополитъ, которому еще не нравилось, что католицъ владѣетъ Галичемъ; онъ говорилъ Святославу и Рюрику: «иноплеменики отняли вану отчизны; надобно бы вамъ потрудиться возвратить ее опять себѣ». Князи послушались и отправились вмѣстѣ добывать Галичь — Святославъ съ сыновьями, а Рюрикъ съ братьями; но прежде чѣмъ добыли волость, стали ридиться на счетъ ея и опять поссорились; Святославъ отдавалъ Галичь Рюрику, а себѣ хотѣлъ взять и Русскую землю около Кіева; но Рюрикъ не хотѣлъ лишиться своей отчины и промѣнять старое, вѣрное на новое и невѣрное, а хотѣлъ подѣлиться Галичемъ съ Святославомъ ²⁴⁶; на это не соглашался послѣдній, и такимъ образомъ сваты разошлись и домамъ, ничего не сдѣлавши.

Потерявши надежду получить помощь отъ кого-либо изъ сильныхъ Русскихъ князей, недовольные королевичемъ Галичемъ обратились къ потомку своихъ родныхъ князей—Ростиславичей, Ростиславу Ивановичу, сыну знаменитаго Берладника. Ростиславъ, безземельный князь подобно отцу, жилъ въ это время | Смоленскаго князя Давида Ростиславича; получивши приглашеніе, онъ отправился немедленно къ Галицкимъ предѣламъ, захватилъ два пограничныхъ города и оттуда поѣхалъ къ самому Галичу. Тамешніе бояре не всѣ однокрово ему благопріятствовали: нѣкоторые изъ нихъ крѣпко держались за королевича, и тому что сыновья ихъ и братья находились у Бѣлы, который въ это время прислалъ на помощь сыну большое войско, боясь предѣбныхъ покушеній со стороны Русскихъ князей. Королевичъ и Венгерскіе воеводы, услышавши о приходѣ Ростислава, названнаго Галицкими боярами, собрали послѣднихъ и начали приводить ихъ къ кресту: правые цѣловали охотно, ничего за собой не зная, а виноватые не нуждѣ, боясь Венгровъ. Между тѣмъ Ростиславъ съ малою дружиною подошелъ къ Галицкимъ по-

нать, въ надеждѣ, что тѣ, по обещанію своему, тотчасъ перейдутъ на его сторону, какъ только завидятъ его полкъ; и точно исполнѣно: Галицкихъ боиръ прѣхало къ нему; но они бросили его, какъ только увидали, что остальные не трогаются. Тогда дружина сказала Ростиславу: «Видишь, что они тебя обманули; возжай прочь!» — «Нѣтъ, братья! отвѣчалъ Ростиславъ: вы знаете, на чемъ они мнѣ цѣловали крестъ; если же теперь ищутъ словъ моей, то Богъ имъ судья и тотъ крестъ, что мнѣ цѣловали; а уже мнѣ наскучило скитаться на чужой землѣ; хочу голову положить на своей отчизнѣ». — Сказавши это, онъ бросился въ середину Галицкихъ и Венгерскихъ полковъ; тѣ обхватили его со всѣхъ сторонъ, сбили съ лошади, и полумертваго отъ ранъ понесли въ Галичь; въ городѣ встало смутеніе, жители начали толковать, какъ бы отнять Ростислава у Венгровъ и провозгласить его своимъ княземъ; тогда Венгры нашли средство закончить дѣло: они приложили яду къ ранамъ Ростиславовымъ, и желаніе Берладникова сына исполнилось: онъ легъ на отчизнѣ юдѣ предковъ своихъ.

Удостоверившись при этомъ случаѣ, что Галичане хотятъ Русскаго князя, Венгры начали мстить имъ насиліями: стали отнимать у нихъ женъ и дочерей и брать себѣ въ наложницы, начали ставить лошадей своихъ въ церквахъ и избахъ; вступили тогда Галичане и сильно раскаявались, что прогнали своего князя Владиміра. И вотъ пронесся слухъ, что Владиміру удалось убѣжать изъ Венгерской неволи (1190 г.): на башнѣ ему поставленъ былъ шатеръ; онъ изрѣзалъ полотно, свилъ изъ него веревку и спустился по ней на землю; двое сторожей было водкуплено; они довели его до Нѣмецкой земли, къ императору Фридриху Барбаросѣ, который узнавши, что Владиміръ родной землянинъ по матери князю Всеволоду Суздальскому, принялъ его съ любовію и большою честію, и когда Владиміръ обещалъ ему дать ежегодно по двѣ тысячи гривенъ серебра, то Фридрихъ отправилъ его при своемъ послѣ къ Польскому князю Казиміру съ приказомъ, чтобъ тотъ помогъ ему получить обратно Галицкій столъ; Казиміръ послушался, и отправилъ съ Владиміромъ въ Галичу воеводу своего Николая. Когда Галичане узнали о приближеніи своего дѣдича съ Польскими войсками, то съ радостію вышли къ нему на встрѣчу, провозгласили княземъ сво-

нѣтъ, а королевича прогнали изъ земля. Но Владиміръ не считалъ себя безопаснымъ отъ соседнихъ князей, иноземныхъ Русскихъ до тѣхъ поръ, пока не приобрѣтетъ покровителями для своего, сильнаго князя Суздальскаго, и потому послалъ ему съ слѣдующими словами: «Отецъ и господи! удри Галичь подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ на твоей волѣ всегда». Всеволодъ отправилъ пословъ ко всемъ Русскимъ князьямъ и въ Польшу, и взялъ со всѣхъ присугу и негать Галича подъ его племянникомъ. И съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, Владиміръ утвердился въ Галичѣ, и никто не поднимался на него войною.

Вліяніе Сѣвернаго князя на дѣла южной Руси еще болѣе обозначилось по смерти Святослава Всеволодовича (1194 г.), оставившаго по себѣ въ лѣтописи память мудраго князя. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ Рюрикъ Ростиславичъ, котораго всея Руси приняли съ большою радостію, и Кіевляне, и христіане, и поганые, потому что, говоритъ лѣтописецъ, онъ всѣхъ принималъ съ любовію и христіанъ и поганыхъ, и не отгонялъ отъ себя никого. Сѣвши въ Кіевѣ, Рюрикъ послалъ сказать брату своему Давиду въ Смоленскъ: «Братъ! мы теперь остались старше всѣхъ въ Русской землѣ; пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ, новидаемся и подумаемъ, погадаемъ вмѣстѣ о Русской землѣ, о братьяхъ, о Владиміровомъ племени, и покончимъ все дѣло. Но этотъ князь, считавшій себя старшимъ въ Русской землѣ, получилъ старшинство по волѣ другаго князя, старѣйшаго и сильнѣйшаго, князя Суздальской земли: Всеволодъ, говоритъ сѣверный лѣтописецъ, послалъ мужей своихъ въ Кіевъ, и тамъ посадили тамъ Рюрика Ростиславича. Давидъ Смоленскій согласился на предложеніе брата, и поплылъ къ нему внизъ по Днѣпру; въ Вышгородѣ свидѣлись братья и стали пировать: сперва Рюрикъ позвалъ на обѣдъ Давида: князья повеселились, обмырили другъ друга, и разстались въ большой любви; потомъ позвалъ Давидъ къ себѣ въ Бѣлгородъ племянникъ его Ростиславъ Рюриковичъ, здѣсь было также большое веселье. Давидъ платилъ также угощеніями и дарами: сперва позвалъ на обѣдъ брата Рюрика и племянниковъ; потомъ позвалъ на обѣдъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей, роздалъ имъ и нищимъ большу милостыню; наконецъ позвалъ Черныхъ Клебуковъ, наполнилъ

ихъ и одарилъ богато. Кіевляне, съ своей стороны, послали Давида на обедъ и одарили, и Давидъ отблагодарилъ ихъ великимъ пиромъ. Паруя, братья занимались и дѣломъ: закончили мѣрды о Русской землѣ, о братьѣ своей, о Владиміровомъ племени, послѣ чего Давидъ отправился назадъ въ Смоленскъ. Но Ростиславичи скоро узнали, что имъ не приходилось оканчивать всѣхъ рядовъ своихъ о Русской землѣ безъ видоша князя Вудальскаго; въ Кіевъ пріѣхали послы изъ Владиміра и сказали Юрику отъ имени своего князя: «Вы назвали меня старшимъ въ овошъ Владиміровомъ племени; теперь ты сѣдъ въ Кіевъ, а имъ не далъ никакой части въ Русской землѣ, роздалъ другимъ, младшей братьѣ; ну если имъ въ ней нѣтъ части, то какъ ты тамъ юбъ хочешь: кому далъ въ ней часть, съ тѣмъ ее и стереги; посмотрю, какъ ты ее съ нимъ удержишь; а имъ не надобно.» Ю словамъ Владимірскихъ пословъ выходило, что князь ихъ ердился на Юрика за то, что онъ отдалъ лучшую волость зятю своему, Роману Волынскому, именно пять городовъ: Торческъ, Преполь, Корсунъ, Богуславъ, Каневъ, лежащихъ на рѣкѣ Роси, ю границъ съ степью, въ странѣ, населенной Черными Клобуцкими, игравшими такую важную роль въ усобицахъ княжескихъ. Юрикъ началъ думать съ боярами, какъ бы уладить дѣло; ему никакъ не хотѣлось брать назадъ волость у Романа, потому что имъ поклялся ему не давать ее никому другому; онъ предлагалъ Всеволоду другіе города; но тотъ не хотѣлъ ничего кромѣ Ююся, и грозился начать войну въ случаѣ отказа. Въ такихъ труднительныхъ обстоятельствахъ Юрикъ обратился къ митрополиту Никиѳору и рассказалъ ему все дѣло, какъ онъ дѣловалъ крестъ Роману не отнимать у него Поросья, какъ не хотеть нарушить клятвы, и изъ-за этого начинается у него война со Всеволодомъ. Митрополитъ отвѣчалъ: «Князь! мы представляемъ къ Бога въ Русской землѣ удерживать васъ отъ кровозлитія; если станетъ проливаться христіанская кровь въ Русской землѣ изъ-за того, что ты далъ волость младшему, обойдя старшаго, крестъ цѣловалъ, то я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и беру его на себя, а ты послушайся меня: возьми волость у зятя и отдай ее старшему, а Роману дай вмѣсто нея другую.» Юрикъ пославъ сказать Роману: «Всеволодъ проситъ подъ твоею волости, и жагуется на меня изъ-за тебя.» Романъ отвѣчалъ: «Батюшка!

ничего тебе не за-за меня начинать ссору съ святою: ты ни не жонь или другую волость дать вмѣсто прежней, или заплати за нее деньгами.» Рюрикъ, подумавъ съ братьями и боярами, не смѣлъ сказать Всеволоду: «Ты жаловался на меня, братъ, и волость; такъ вотъ тебѣ та самая, которую просилъ.»—Немудно думать, чтобъ одно только наследственное нерасположеніе Всеволода къ Изяславовымъ потомкамъ заставляло его требовать именно той волости, которая была отдана Роману: Юрій могъ ненавидѣть дѣда Романова Изяслава, потому что тотъ отнималъ у него старшинство; Андрей Боголюбскій могъ не любить отца Романа, Мстислава, потому что и этотъ не признавалъ его старшинства, хотѣлъ сидѣть въ Кіевѣ старшимъ и независимымъ княземъ; но Всеволоду не за что было сердиться на Романа, который не предъявлялъ никакихъ притязаній: Всеволодъ былъ признанъ ото всѣхъ и старшимъ и сильнѣйшимъ княземъ. Онъ могъ желать волости для пріобрѣтенія большей матеріальной силы на Руси; но почему же онъ требовалъ именно Перосья? онъ могъ придавать большое значеніе этой пограничной волости и поселеннымъ въ ней Чернымъ Клобукамъ: но послѣ онъ не обратилъ большаго вниманія, когда Рюрикъ отобралъ ее у него назадъ. Всеволодъ могъ не желать усиленія Романа, обнаружившаго уже въ Галицкихъ событіяхъ предпринимчивость и честолюбіе: но все равно, Рюрикъ далъ бы ему другую волость, равнозначительную или деньги, на которыя можно нанять Половцевъ и переманить Черныхъ Клобуковъ. Наконецъ Всеволодъ могъ оскорбляться, что Рюрикъ, распорядясь волостями, не сдѣлалъ ему чести, обошелъ волостію: но такое притязаніе было странно въ положеніи Всеволода; онъ былъ признанъ старшимъ, Кіевъ принадлежалъ ему, онъ могъ пріѣхать въ этотъ городъ и распорядиться всѣми окружными волостями; но онъ, по примѣру брата, пренебрегъ Кіевомъ, отдалъ его младшему, а теперь оскорбляется, что этотъ младшій не надѣлилъ его волостію⁴⁴!

Если всѣ эти расчеты и могли въ какой-нибудь мѣрѣ имѣть вліяніе на поведеніе Всеволода, то главнымъ однако побужденіемъ его мы должны принять желаніе поссорить южныхъ Меномаховичей, тѣсный дружественный союзъ которыхъ необходимо уменьшалъ вліяніе сѣвернаго князя на югъ. Получивъ отъ Рюрика требуемую волость, Всеволодъ немедленно отдалъ лучшій

городъ Торческъ сыну его, а своему зятю Ростиславу, а въ остальные четыре города послалъ своихъ посадниковъ. Разочетъ былъ взрѣнь, ибо когда Романъ узналъ, что Торческъ взятъ у него и черезъ руки Всеволода переданъ Рюрикову же сыну, то началъ посылать къ тестю съ жалобами, будучи увѣренъ, что тотъ сговорился варочно со Всеволодомъ и отнялъ у него волость для того только, чтобъ передать ее своему сыну. Рюрикъ послалъ отвѣчать ему на его жалобы: «Я прежде всѣхъ далъ тебѣ эту волость, какъ вдругъ Всеволодъ наслалъ на меня съ жалобами, что чести на него не положили прежде всѣхъ; вѣдь я тебѣ объявлялъ всѣ его рѣчи, и ты добровольно отступился отъ волости; самъ знаешь, что намъ нельзя было не сдѣлать по его, намъ безъ него нельзя быть: вся братья положила на немъ старшинство во Владиміровомъ племени; а ты мнѣ сынъ свой, вотъ тебѣ и волость, такая же какъ та.» Но Романа нельзя уже было успокоить и увѣрить, что тутъ не было никакого злаго умысла противъ него; онъ началъ совѣтоваться съ своими боярами, какъ бы отомстить за обиду, и придумали послать въ Черниговъ къ Ярославу Всеволодовичу, уступить ему старшинство и звать въ Кіевъ на Рюрика; Ярославъ обрадовался случаю и принялъ предложеніе. Тогда Рюрикъ послалъ объявить Всеволоду о замыслахъ Романа и Ольговичей: «Ты, братъ, во Владиміровомъ племени старше всѣхъ насъ, велѣлъ онъ сказать ему: такъ думай, гадай о Русской землѣ, о своей чести и о нашей;» а къ зятю Роману послалъ бояръ своихъ обличить его и бросить предъ нимъ крестныя грамоты. Романъ испугался, увидавъ, что тестъ узналъ о его сношеніяхъ съ Ольговичами, и, не будучи приготовленъ такъ скоро начать войну, отправился въ Польшу за помощью.

Мы оставили Польскія событія послѣ изгнанія Владислава II-го, когда старшинство принялъ братъ его, Болеславъ IV Кудрявый (1142 г.). Изгнанныкъ Владиславъ, послѣ неудачныхъ попытокъ получить опять старшинство, умеръ въ Германіи; но три сына его—Болеславъ, Мечиславъ и Конрадъ, вѣроятно, но настоянню императора, возвратились въ отечество и получили Силезію. По смерти Болеслава IV Кудряваго, старшинство перешло къ брату его, третьему Болеславичу, Мечиславу III-му; но Мечиславъ скоро возбудилъ противъ себя негодованіе вель-

можь, которые, изгнавъ его, провозгласили Великимъ княземъ послѣднiго изъ Болеславичей, Казимира Справедливаго (четвертый Болеславичъ, Генрихъ умеръ прежде). Мы видѣли уже стѣ, какое принималъ Казимиръ и знаменитый патрiархъ св. Николай при возстановленiи Владимiра Ярославича на столѣ Галицкомъ. По смерти Казимира (1194 г.) рождался вопросъ кому должно достаться старшинство, потому что былъ живъ еще одинъ изъ Болеславичей, прежде лишенный старшинства, Мечиславъ Старый. Мечиславу нельзя было надѣяться вторично занять Краковскiй столъ: прежнее нерасположенiе къ нему было еще живо въ вельможахъ, которымъ сверхъ того было гораздо выгоднѣе имѣть княземъ несовершеннолѣтняго племянника, чѣмъ стараго дядю, и вотъ прелаты и вельможи, собранные въ Краковѣ, рѣшили передать старшiй столъ Лешку, малолѣтнему сыну Казимира Справедливаго. Но Мечиславъ не думалъ отказываться отъ своихъ правъ, и сталъ готовиться къ войнѣ съ племянниками. Въ это самое время явился къ послѣднимъ въ Краковѣ Романъ Волинскiй съ просьбою о помощи противъ тестя Рюрика; онъ имѣлъ право надѣяться на помощь, потому что жена Казимирова Елена была ему родная племянница отъ брата, Всеволода Мстиславича Бельзскаго. Казимировичи отвѣчали Роману: «Мы бы ради были тебѣ помочь, но обижаетъ насъ дядя Межко (Мечиславъ), ищетъ подъ нами волости; прежде помоги намъ, а когда будемъ все мы Поляки за однимъ щитомъ, то пойдемъ мстить за твои обиды». Романъ послушался и побѣжалъ на Межко съ Казимировичами; тотъ не хотѣлъ биться съ Романомъ, но прислалъ къ нему съ просьбою быть посредникомъ въ спорѣ между нимъ и племянниками. Романъ не послушалъ ни его, ни бояръ своихъ и вступилъ въ битву, въ которой потерпѣлъ сильное пораженiе, и раненый убѣжалъ въ Краковъ къ Казимировичамъ, откуда дружина принесла его во Владимиръ Волинскiй. Видя надъ собою такую бѣду, онъ отправилъ посла къ тестю Рюрику съ поклонами и мольбою, чтобъ простилъ его; послалъ просить и митрополита Никифора, чтобъ тотъ ходатайствовалъ за него предъ Рюрикомъ. Митрополитъ исполнилъ просьбу, и Рюрикъ, послушавшись его, созвалъ бояръ и сказалъ имъ: «Если Романъ просить и раскаивается въ своей винѣ, то и его приму, приведу къ кресту и волесть дамъ; если онъ

стоять въ крестномъ цѣлованіи, будетъ вправду имѣть меня отъ
 зла и добра моего хотѣть, то я буду имѣть его такимъ, какъ
 прежде имѣлъ и добра ему хотѣлъ». И действительно Рюрикъ
 послалъ сказать Роману, что пересталъ на него сердиться, при-
 вѣлъ его къ кресту на всей своей волѣ и далъ ему волюсть ²⁵⁷.

Романъ былъ смиренъ; но нельзя было забыть, что онъ пред-
 лагалъ старшинство и Кіевъ Ярославу Черниговскому и тотъ
 принялъ предложеніе; вотъ почему Рюрикъ, переславшись съ
 сватомъ Всеволодомъ и братомъ Давидомъ, послалъ сказать
 Ярославу и всѣмъ Ольговичамъ отъ имени всѣхъ Мономахови-
 чей: «Цѣлуй намъ крестъ со всею своею братьею, что не искать
 вамъ нашей отчины, Кіева и Смоленска, подъ нами и подъ на-
 шими дѣтьми, и подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ;
 дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ по Днѣпру, потому в Кіева
 вамъ не надобно ²⁵⁸». Ольговичи обидѣлись такимъ предложе-
 ніемъ и послали сказать Всеволоду: «У насъ былъ уговоръ не
 искать Кіева подъ тобою ²⁵⁹ и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ;
 мы и стоимъ въ этомъ договорѣ; но если ты приказываешь намъ
 отказаться отъ него навсегда, то мы не Венгры и не Ляхи, а
 внуки одного дѣда: при вашей жизни мы не ищемъ Кіева, но
 послѣ васъ кому Богъ его дастъ». И были между ними распри
 многія и рѣчи крупныя и не уладились, говорить лѣтописецъ ²⁶⁰.
 Всеволодъ хотѣлъ тою же зимою идти на Черняговъ; Ольговичи
 испугались, и послали къ нему игумена съ поклономъ и обеща-
 ніемъ исполнить его волю; тотъ повѣрилъ имъ и сошелъ съ ко-
 ня. Въ то же время Черниговскіе послы явились и къ Рюрику съ
 слѣдующими словами отъ своихъ князей: «Братъ! у насъ съ то-
 бою не было никогда ссоры: мы этой зимою еще не успѣли зак-
 лючить окончательнаго договора ни со Всеволодомъ, ни съ то-
 бою, ни съ братомъ твоимъ Давидомъ; а такъ какъ ты ближе
 всѣхъ къ намъ, то цѣлуй крестъ не начинать съ нами войны до
 тѣхъ поръ, пока мы кончимъ переговоры со Всеволодомъ и Да-
 видомъ». Рюрикъ, посовѣтовавшись съ боярами, принялъ пред-
 ложеніе Ярослава, отправилъ въ Черниговъ своего посла, и
 взялся хлопотать о томъ, чтобъ помирить съ Ольговичами Все-
 волода и Давида; при этомъ Рюрикъ общалъ Ярославу уступить
 ему Вятскъ, и отправилъ въ Смоленскъ посла объявить объ
 этой уступкѣ брату своему Давиду, послѣ чего, надѣясь на миръ,

распустилъ по домамъ дружину, братьевъ, сыновей, Полоцки, богато одаривши ихъ, а самъ отправился въ Овручь по своимъ дѣламъ. Но Ярославъ, не дождавшись окончанія переговоровъ въ Витепскѣ, послалъ племянника своего, Олега Святославича захватить этотъ городъ, гдѣ сидѣлъ одинъ изъ Полоцкихъ князей, зять Давида Смоленскаго. Послѣдній, ничего еще не зная о дѣлѣхъ Рюрика съ Ярославомъ и слыша, что отрядъ Ольговичей, не доѣхавши до Витепска, сталъ пустошить Смоленскую область, выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ племянника своего, Мстислава Романовича. Мстиславъ ударилъ на Олега, потопталъ его стяги, изрубилъ его сына. Но въ то время какъ Мстиславъ получилъ успѣхъ на одной сторонѣ, Смоленскій тысяцкий Михалко потерпѣлъ пораженіе отъ Полочанъ, союзниковъ Черниговскаго князя; Мстиславъ, возвращаясь съ преслѣдованія побѣжденнаго Олега, встрѣтилъ побѣдителей Полочанъ; думая, что это свои, спокойно вѣхалъ въ ряды ихъ, и былъ взятъ въ плѣнъ; тогда обрадованный Олегъ Святославичъ послалъ вѣсть къ дядѣ въ Черниговъ, приписывая себѣ весь успѣхъ дѣла: «Мстислава я взялъ въ плѣнъ и полкъ его побѣдилъ, и Давидовъ полкъ Смоленскій, а плѣнные Смоленяне сказываютъ мнѣ, что братья ихъ не въ ладу живутъ съ Давидомъ; такою, батюшка, удобнаго времени уже больше не будетъ; собрани братью, побъжай поскорѣе, возьмемъ честь свою». Ярославъ и всѣ Ольговичи обрадовались, помчались къ Смоленску, но перехвачены были на дорогѣ посломъ Рюриковымъ, который сказалъ Ярославу отъ своего князя: «Если ты, обрадовавшись случаю, поѣхалъ убить моего брата, то нарушилъ нашъ договоръ и крестное цѣлованіе, и вотъ тебѣ твои крестныя грамоты: ступай къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову, и какъ насъ Богъ разсудитъ, да крестъ честный». Ярославъ испугался, возвратился въ Черниговъ, и отправилъ своего посла къ Рюрику, оправдывая себя, обвиняя Давида, зачѣмъ помогаетъ зятю своему. Рюрикъ отвѣчалъ ему на это: «Я тебѣ Витепскъ уступилъ и посла отправилъ къ брату Давиду, давая ему знать объ этой уступкѣ; ты, не дождавшись конца дѣлу, послалъ своихъ племянниковъ къ Витепску, а они, идучи, стали воевать Смоленскую область: Давидъ и послалъ на нихъ племянника своего Мстислава». Долго спорили, и не могли уладиться ²⁴¹.

Въ 1196 году Рюрикъ послалъ сказать свату своему Всеволоду Суздальскому: «Мы уговорились садиться всѣмъ на коней съ Рождества Христова и съѣхаться въ Черниговъ: я и собрался съ братьею, дружиною, съ дикими Половцами, и сидѣлъ наготовѣ, дожидаясь отъ тебя вѣсти; но ты той зимой не сѣлъ на коня, повѣрилъ Ольговичамъ, что стануть на всей нашей волѣ; я, услыжавъ, что ты на коня не садишься, распустилъ братью, дикихъ Половцевъ, и поцѣловалъ съ Черниговскимъ Ярославомъ крестъ, что не воевать до тѣхъ поръ, пока или уладимся всѣ, или не уладимся; а теперь, братъ, и твой и мой сынъ Мстиславъ сидитъ въ плѣну у Ольговичей: такъ не мѣшкай сѣлъ бы ты на коня, и съѣхавшись всѣ, помстили бы мы за свою обиду и срамъ, а племянника своего выстояли, и правду свою нашли». Долго не было вѣсти отъ Всеволода; наконецъ онъ прислалъ сказать Рюрику: «Ты начинай, а я буду готовъ». Рюрикъ собралъ братью свою, дикихъ Половцевъ, и сталъ воевать съ Ольговичами; тогда Ярославъ прислалъ сказать ему: «Зачѣмъ, братъ, сталъ ты воевать мою волость, и поганымъ руки наполнять? изъ-за чего намъ съ тобою ссориться: развѣ я иду подъ тобою Кіева? а что Давидъ послалъ на моихъ племянниковъ Мстислава, а Богъ насъ тамъ разсудилъ, то я выдаю тебѣ Мстислава безъ выкупа, по любви. Цѣлуй со мною крестъ, да и съ Давидомъ меня помири; а Всеволодъ захочетъ съ нами уладиться—уладимся, а тебѣ съ братомъ Давидомъ нѣтъ до того дѣла». Рюрикъ отвѣчалъ ему: «Если въ правду хочешь мира, то дай мнѣ путь черезъ твою волость: я отправлю посла и ко Всеволоду и Давиду, и согласившись всѣ, уладимся съ тобою». Рюрикъ, по словамъ лѣтописца, точно хотѣлъ отправить посла для того только, чтобъ устроить общій миръ; но Ярославъ не вѣрилъ Рюриковымъ рѣчамъ: онъ думалъ, что Мономаховичи хотятъ сговориться на него, и потому не пускалъ Рюриковыхъ пословъ черезъ свою волость; Ольговичи заняли всѣ пути, и цѣлое лѣто до самой осени продолжалась война набѣгами. Осенью Ольговичи приобрѣли себѣ союзника: Романъ Волинскій, принужденный въ бѣдѣ прибѣгнуть къ милости тестя, теперь оправился, и хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобъ отомстить за прежнее униженіе: онъ послалъ отрядъ своихъ людей въ пограничный городъ Полонный, и велѣлъ имъ оттуда опустошать Кіевскую волость набѣ-

гамн. Услыхавъ объ этомъ новомъ врагѣ³⁰², Рюрикъ обратился къ князю, котораго могъ считать естественнымъ союзникомъ своимъ по враждѣ къ Роману, именно къ Владимиру Ярославичу, князю Галицкому, и послалъ къ нему племянника своего, Мстислава Мстиславича, сына знаменитаго Мстислава Ростиславича, соперника Андреева. Мстиславъ, долженъ былъ сказать Владимиру отъ имени Рюрика: «Зять мой нарушилъ договоръ, и воевалъ мою волость; такъ ты, братъ, съ племянникомъ моимъ въ Галича войдите его волость; я и самъ хотѣлъ идти ко Владимиру (Волинскому), да пришла мнѣ вѣсть, что свать мой Всеволодъ съѣлъ на коня, соединился съ братомъ моимъ Давидомъ и вмѣстѣ жгутъ волость Ольговичей, города Вятичей взяли и пожгли: такъ я сижу наготовѣ, дожидаясь вѣсти вѣрной». Владимиръ потхалъ съ Мстиславомъ, повоевалъ и пожегъ волость Романову, а съ другой стороны повоевалъ и пожегъ ее Ростиславъ Рюриковичъ съ Владиміровичами (сыновьями Владиміра Мстиславича) и съ Черными Клобуками, набрали много рабовъ и скота.

Вѣсть, полученная Рюрикомъ о движеніи Всеволода и Давида была справедлива: они дѣйствительно вступили въ землю Ольговичей и пожгли ее. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ собралъ братью, посадилъ двоихъ Святославичей — Олега и Глѣба въ Черниговѣ, укрѣпилъ остальные города, боясь Рюрикова прихода, а самъ съ остальными родичами и Половцами отправился противъ Всеволода и Давида; онъ сталъ подъ своими лѣсами, огородился засѣками, на рѣкахъ велѣлъ мосты разобрать, и приготовившись такимъ образомъ, послалъ сказать Всеволоду: «Братъ и свать! отчину нашу и хлѣбъ нашъ ты взялъ; если хочешь мириться съ нами и жить въ любви, то мы любви не бѣгаемъ и на всей волѣ твоей станемъ; а если ты замыслилъ что другое, и отъ того не бѣгаемъ, какъ насъ Богъ разсудитъ съ вами и св. Спасъ». Всеволодъ былъ не охотникъ до рѣшительныхъ битвъ, этихъ судовъ Божіихъ по понятіямъ южныхъ князей; при томъ же Ольговичи обѣщали безъ битвы стать на всей его волѣ; онъ началъ думать съ Давидомъ, Рязанскими князьями, боярами, на какихъ бы условіяхъ помириться съ Ольговичами? Давидъ никакъ не хотѣлъ мира, но требовалъ непременно, чтобъ Всеволодъ шелъ къ Чернигову; онъ говорилъ ему: «Ты уговорился съ братомъ Рюрикомъ и со мною сойтись

всѣмъ въ Черниговѣ и тамъ мириться на всей нашей волѣ, а теперь ты не далъ знать Рюрику о своемъ приходѣ; онъ воюетъ съ ними, волость свою пожегъ для тебя, а мы безъ его совѣта вѣдома хотимъ мириться; какъ хочешь, братъ, а я только тебѣ то скажу, что такой миръ не понравится брату моему». Но Всеволоду не понравились рѣчи Давидовы и Рязанскихъ князей; онъ началъ переговоры съ Ольговичами, требуя у нихъ, во-первыхъ, отреченія отъ Кіева и Смоленска; во-вторыхъ, освобожденія Мстислава Романовича; въ-третьихъ, изгнанія давняго врага своего, Ярополка Ростиславича, который жилъ тогда въ Черниговѣ; въ-четвертыхъ, прекращенія связи съ Романомъ Волинскимъ. Ярославъ соглашался на три первыхъ требованія; но не хотѣлъ отступать отъ Романа, который оказалъ ему такую важную услугу, напавши на тестя и отвлекши его отъ похода на Черниговъ. Всеволодъ не настаивалъ, и тѣмъ подтвердилъ подозрѣніе, что хотѣлъ продолженія безпокойствъ на югѣ, не хотѣлъ окончательнаго усиленія здѣсь Ростиславичей. Помирившись съ Ярославомъ, онъ послалъ сказать Рюрику: «Я помирился съ Ярославомъ; онъ цѣловалъ крестъ, что не будетъ искать Кіева подъ тобою, а Смоленска подъ братомъ твоимъ». Рюрикъ сильно разсердился, и послалъ ему такой отвѣтъ: «Святъ! ты клялся, что кто мнѣ врагъ, тотъ и тебѣ врагъ; просилъ ты у меня части въ Русской землѣ, и я далъ тебѣ волость лучшую, не отъ изобиды, но отнявши у братьи своей и у зятя своего Романа; Романъ послѣ этого сталъ моимъ врагомъ не изъ-за кого другаго, какъ только изъ-за тебя; ты обѣщалъ съѣсть на коня и помочь мнѣ, но перевелъ всѣ лѣто и зиму, а теперь и съѣсть на коня, но какъ помочь? Самъ помирился, заключилъ договоръ, какой хотѣлъ, а мое дѣло съ Романомъ оставилъ на волю Ярославу: Ярославъ будетъ насъ съ нимъ радить? А изъ-за кого же все дѣло-то стало? для чего я тебя и на коня-то посадилъ? Отъ Ольговичей мнѣ какая обида была? они подо мною Кіева не искали; для твоего добра я былъ съ ними недобръ, и воювалъ, и волость свою пожегъ, ничего ты не исполнилъ, о чемъ уговаривался, на чемъ мнѣ крестъ цѣловалъ». Въ сердцахъ Рюрикъ отнял у Всеволода всѣ города, которые прежде далъ, и роздалъ опять своей братьѣ. Всеволодъ, повидимому, оставилъ это безъ вниманія, но уже, разумѣется, не могъ послѣ этого желать добра

Рюрику. На западномъ берегу Днѣпра Всеволодъ потерялъ власть, но на восточномъ продолжалъ держать въ своемъ племени Переяславль южный или Русскій: здѣсь по смерти Владимира Глѣбовича сядѣлъ другой племянникъ Всеволодовъ, Ярославъ Мстиславичъ, ходившій совершенно въ волѣ дяди; доказательствомъ служить то, что Переяславль даже и въ церковномъ отношеніи зависѣлъ отъ Всеволода: въ 1197 году онъ послалъ туда епископа. Въ слѣдующемъ 1198 году умеръ Ярославъ Мстиславичъ, и на его мѣсто Всеволодъ отправилъ въ Переяславль сына своего Ярослава (1201); Всеволодъ послалъ также (1194 г.) возобновить отцовскій Городокъ на Острѣ, разрушенный еще Изяславомъ Мстиславичемъ.

Не даромъ Рюрикъ такъ беспокоился на счетъ отношеній своихъ къ Волынскому князю: скоро (1198) могущество послѣдняго удвоилось, потому что по смерти Владимира Ярославича ему удалось опять, съ помощію Поляковъ, сѣсть на столѣ Галицкомъ, и на этотъ разъ уже утвердиться здѣсь окончательно. Лѣтопись ничего не говоритъ, почему черезъ три года послѣ этого (1202) Рюрикъ собрался идти на Романа. Очень естественно, что Кіевскому князю не нравилось утвержденіе Романа въ Галичѣ; но почему же онъ такъ долго медлилъ походомъ на зятя ***? Подъ 1197 годомъ лѣтопись говоритъ о смерти брата Романова, Давида Смоленскаго, который, по обычаю, передалъ столѣ свой племяннику отъ старшаго брата, Мстиславу Романовичу, а своего сына Константина отослалъ старшему брату Рюрику на руки. Въ 1198 г., умеръ Ярославъ Черниговскій, и его столѣ, по тому же обычаю, занялъ двоюродный братъ его Игорь Святославичъ Сѣверскій, знаменитый герой Слова о Полку; но скоро и онъ умеръ (1202), оставя Черниговскій столѣ старшему племяннику Всеволоду Святославичу Черному, внуку Всеволода Ольговича. Всѣ эти перемѣны и особенно, какъ видно, неуверенность въ Ольговичахъ, могли мѣшать Рюрику вооружиться на Романа; но въ 1202 году онъ успѣлъ уговорить Всеволода Чернаго Черниговскаго дѣйствовать съ нимъ за одно противъ Галицко-Волынскаго князя; Ольговичи явились въ Кіевъ, какъ союзники тамошняго князя, Мономаховича, чего давно уже не бывало; но Романъ предупредилъ враговъ, собралъ полки Галицкіе и Владимірскіе, и вѣхалъ въ Русскую землю; произошло любопыт-

ное явленіе, напомнившее время борьбы дѣда Романова, Изя-
 злава съ дядею Юріемъ: или Рюрикъ не умѣлъ пріобрѣсть на-
 роднаго расположенія, или жива была память и привязанность
 къ дѣду и отцу Романову, или наконецъ Романъ успѣлъ пере-
 манить Черныхъ Клобуковъ на свою сторону обещаніями, или
 наконецъ всѣ эти причины дѣйствовали вмѣстѣ—Русь (Кіевская
 область) поднялась противъ Рюрика, все бросилось къ Роману:
 первые отъѣхали къ нему отъ Рюрика сыновья Владиміра Мсти-
 славича, какъ видно, безземельные, подобно отцу³⁶⁴, за ними
 пріѣхали всѣ Черные Клобуки, наконецъ явились отряды изъ
 жителей всѣхъ Кіевскихъ городѣвъ; Романъ, видя это всеобщее
 движеніе въ свою пользу³⁶⁵, со всѣми полками спѣшилъ къ Кі-
 еву; Кіевляне отворили ему Подольскіе ворота, и онъ занялъ
 Подоль, тогда какъ Рюрикъ съ Ольговичами стояли въ верхней
 части города (на горѣ); видя все противъ себя, они, разумѣется,
 не могли болѣе держаться въ Кіевѣ, и вступили въ переговоры
 съ Романомъ: Рюрикъ отказался отъ Кіева и поѣхалъ въ Овручъ,
 Ольговичи отправились за Днѣпръ въ Черниговъ, а Кіевъ отданъ
 былъ Великимъ княземъ Всеволодомъ и Романомъ двоюродному
 брату послѣдняго, Ингварю Ярославичу Лудкому. Явленіе за-
 мѣчательное, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ преобладанія
 сильнѣйшаго сѣвернаго князя и вмѣстѣ старшаго въ родѣ, ко-
 торый пересталъ жить въ Кіевѣ: Всеволодъ, враждуя съ Рюри-
 комъ, не хочетъ поддерживать его противъ Романа, и, по уго-
 вору съ послѣднимъ, отдаетъ Кіевъ младшему изъ Мстиславичей,
 не имѣвшему никакого права даже предъ Романомъ, не только
 предъ Рюрикомъ. Самъ Романъ не могъ сѣсть въ Кіевѣ: очень
 вѣроятно, что и Всеволодъ не хотѣлъ позволить этого, не хотѣлъ
 допустить соединенія Кіевской, Владимиро-Волинской и
 Галицкой волостей въ рукахъ одного князя и особенно въ рукахъ
 такого князя, каковъ былъ Романъ; а съ другой стороны и самъ
 Романъ не искалъ чести сѣсть въ Кіевѣ: его присутствіе было
 необходимо въ новопріобрѣтенномъ Галичѣ.

Но Рюрикъ не хотѣлъ спокойно перенести своего изгнанія и
 видѣть въ Кіевѣ племянника: въ слѣдующемъ 1203 году онъ
 опять соединился съ Ольговичами, нанялъ множество Половцевъ
 и взялъ съ ними Кіевъ. Какъ видно союзники, не имѣя чѣмъ
 заплатить варварамъ, обѣщали отдать имъ Кіевъ на разграбле-

ніе; Рюрику нечего было жалѣть Кіевлянъ, которые отворили ворота Роману: и вотъ Половцы разсыпались по городу, пожгли не только Подоль, но и Гору, ограбили Софійскій соборъ, Десятинную церковь и всѣ монастыри³⁶⁶; монаховъ и монахинь, священниковъ и женъ ихъ, старыхъ и увѣчныхъ перебили, а молодыхъ и здоровыхъ повели въ плѣнъ, также и остальныхъ Кіевлянъ; пощадили только иностранныхъ купцовъ, спрятавшихся по церквамъ: у нихъ взяли воловину имѣнія и выпустили на свободу. Послѣ этого страшнаго опустошенія Рюрикъ не хотѣлъ сѣсть въ Кіевѣ: или не хотѣлъ онъ княжить въ пожженномъ, ограбленномъ и пустомъ городѣ, ждалъ времени, пока онъ оправится, или боялся опять прихода Романова; какъ бы то ни было, онъ уѣхалъ назадъ въ Овручъ, гдѣ скоро былъ осажденъ Романомъ, пришедшимъ, по выраженію лѣтописца, отвести его отъ Ольговичей и отъ Половцевъ; Рюрикъ принужденъ былъ цѣловать крестъ Великому князю Всеволоду и дѣтямъ его, т. е. отказался отъ старшинства въ родѣ и по смерти Всеволода, обѣщався снова быть въ волѣ Великаго князя Суздальскаго и дѣтей его, послѣ чего Романъ сказалъ ему: «Ты уже крестъ цѣловалъ, такъ отправь посла къ свату своему, а я пошлю своего боярина къ отцу и госнодину Великому князю Всеволоду: и ты проси, и я буду просить, чтобъ далъ тебѣ опять Кіевъ». Всеволодъ согласился, и Рюрикъ опять сталъ княжить въ Кіевѣ; Всеволодъ помирился и съ Ольговичами, также по просьбѣ Романа.

Изъ всѣхъ этихъ извѣстій видно, что Романъ дѣйствительно хотѣлъ мира на Руси, вѣроятно для того, чтобъ свободнѣе управляться въ Галичѣ и дѣйствовать противъ враговъ вѣнскихъ; но его желаніе не исполнилось. Возвратившись въ 1203 году изъ похода противъ Половцевъ, князья Романъ и Рюрикъ съ сыновьями остановились въ Треполѣ и начали толковать о распредѣленіи волостей, подняли споръ и дѣло кончилось тѣмъ, что Романъ схватилъ Рюрика, отослалъ въ Кіевъ и тамъ велѣлъ постричь въ монахи вмѣстѣ съ женою и дочерью, своею женою, съ которою развѣлся, а сыновей Рюриковыхъ — Ростислава и Владиміра взялъ съ собою въ Галичъ; кого оставилъ въ Кіевѣ, дошедшія до насъ лѣтописи не говорятъ³⁶⁷. Но Всеволодъ Суздальскій не могъ смотрѣть на это спокойно: онъ от-

равиль пословъ своихъ къ Роману, и тотъ принужденъ былъ уступить сыновей Рюриковыхъ, и старшему изъ нихъ Ростиславу, зятю Всеволодову, отдать Кіевъ. Рюрикъ однако недолго ставался въ монастырѣ. Мы видѣли тѣсную связь Романа съ князьями Польскими, Казимиромъ Справедливымъ и сыновьями его; видѣли, какъ онъ помогалъ послѣднимъ въ борьбѣ съ дявою ихъ Мечиславомъ, и какъ они, въ свою очередь, помогли ему овладѣть Галичемъ по смерти Владиміра Ярославича. Несмотря на неудачу Романа въ битвѣ съ Мечиславомъ, послѣднему не удалось овладѣть старшинствомъ и Краковомъ; но, не спѣвши достигнуть своей цѣли оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ переговорамъ, убѣжденіямъ, и успѣлъ наконецъ склонить вдову Казимира и сына ея Лешка къ уступкѣ ему старшинства: имъ оказалось выгоднѣе отказаться на время отъ Кракова, и позволить получить его по праву родового княжескаго преемства, вмѣсто владѣть имъ по милости вельможъ и въ зависимости отъ послѣднихъ. Вторично получилъ Мечиславъ старшинство и Краковъ, и вторично былъ изгнанъ; вторично успѣлъ обоимъ вдову Казимирову и ея сына обѣщаніями, въ третій разъ занялъ Краковъ, и удержался въ немъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1202 году. Смертію Мечислава Старого пресѣклось первое поколѣніе Болеславичей. Краковскіе вельможи, опять много старшихъ двоюродныхъ братьевъ, отправили пословъ къ Лешку Казимировичу звать его на старшій столъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ отдалилъ отъ себя Сендомирскаго Палатина Товорека, имѣвшаго на него сильное вліяніе; Краковскіе вельможи слѣдовательно хотѣли отвратить отъ себя ту невыгоду, которую терпѣли Русскіе бояре отъ княжескихъ перемѣнчивъ изъ одной волости въ другую, при чемъ новые бояре за вѣз жани старыхъ; здѣсь же видимъ и начало условій, предлагаемыхъ Польскими вельможами князьямъ ихъ; но легко понять, что при такомъ значеніи вельможъ родовые счеты княжескіе не могли продолжаться въ Польшѣ. Лешко, который прежде уступилъ старшинство дядѣ для того, чтобъ избавиться зависимости отъ вельможъ (особенно самаго могущественнаго изъ нихъ, невѣстнаго уже намъ Палатина Краковскаго Николая), и теперь не хотѣлъ для Кракова согласиться на условіе, предложенное вельможами: онъ отвѣчалъ посланцъ, что пусть вельможи выбираютъ

себѣ другаго князя, который способенъ будетъ согласиться на ихъ условія. Тогда вельможи обратились къ князю, имѣвшему болѣе права на старшинство, чѣмъ Лешко, именно къ Владиславу Ласкононому, сыну Мечиславу, и провозгласили его Великимъ княземъ; но Владиславъ скоро вооружилъ противъ себя прелатовъ, которые, вмѣстѣ съ вельможами, изгнали его изъ Кракова и перезвали на его мѣсто опять Лешка Казимировича, на этотъ разъ, какъ видно, безъ условій, вѣроятно потому, что Палатина Николая не было болѣе въ живыхъ. Обязанный старшинствомъ преимущественно старанію прелатовъ, вѣроятно, желая найти въ духовенствѣ опору противъ вліянія вельможъ, Лешко, немедленно послѣ занятія Краковскаго стола, передалъ себя и свои земли въ покровительство св. Петра, обязавшись платить въ Римъ ежегодную подать. Духовенство успѣло поблагодарить своего доброжелателя: уже давно оно смотрѣло враждебно на родовыя отношенія и счеты между князьями; уже по смерти Казира Справедливаго епископъ Краковскій Фулконъ защищалъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну противъ родоваго старшинства, и успѣлъ утвердить Краковъ за сыномъ Казимировичемъ: теперь же, когда Лешко отдалъ себя и потомство свое въ покровительство св. Петра, церковь Римскія торжественно утвердила его наследственнымъ княземъ Кракова съ правомъ передать этотъ столъ послѣ себя старшему сыну своему. Такъ родовыя отношенія княжескія встрѣтили въ Польшѣ два могущественныя начала—власть вельможъ и власть духовенства, предъ которыми и должны были поникнуть.

Романъ Волыскій, постоянный союзникъ Лешка, продолжалъ враждовать и съ Мечиславомъ и съ сыномъ его, Владиславомъ Ласконогимъ; но когда Лешко утвердился въ Краковѣ, то Романъ потребовалъ отъ него волости въ награду за прежнюю дружбу; Лешко не согласился; при томъ же, по словамъ летописца, Владиславъ Ласконогій много содѣйствовалъ ссорѣ Лешка съ Романомъ¹⁶⁶, вслѣдствіе чего Галицкій князь осадилъ Люблинъ; потомъ услыжавъ, что Лешко съ братомъ Кодратомъ идутъ противъ него, оставилъ осаду и двинулся къ нимъ на встрѣчу: перейдя Вислу, онъ расположился станомъ надъ городомъ Завихвостомъ, куда прибыли къ нему послы отъ Лешка и завязали переговоры; пожелано было прекратить вост-

на дѣйствіа до окончанія посольствъ, и Романъ, понадеявшись не это, съ малою дружиною отъѣхалъ отъ стана на окопу; на туль въ засадѣ ждалъ его Польскій отрядъ, и Романъ, послѣ душевнаго сопротивленія, легъ на мѣстѣ съ дружиною (1205 г.). Такъ погибъ знаменитый внукъ Изяслава Мстиславича; предприимчивостію, отвагою будучи похожъ на отца и дѣда, отличивши чрезъ пріобрѣтеніе Галича и большія матеріальныя богатства, находясь въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ пограничными иностранными государствами, гдѣ въ это время родовыя отношенія княжескія смѣшались государственными, Романъ, необходимо подчиняясь вліянію того порядка вещей, который основывалъ въ ближайшихъ западныхъ странахъ, могъ, по здѣшному, явиться проводникомъ этихъ новыхъ понятій для всей Руси²⁶⁹, содѣйствовать въ ней смѣнѣ родовыхъ княжескихъ отношеній государственными; онъ могъ, подобно отцу и дѣду, вступить въ борьбу съ сѣверными князьями, въ борьбу, которая однако должна была носить уже новый характеръ, и Романъ сталъ стремиться къ самостоятелю на югъ, точно также какъ стремились къ нему Юрьевичи на сѣверъ. Но это сходство положенія Романа съ положеніемъ сѣверныхъ князей есть сходство обманчивое, потому что почва югозападной Руси, преимущественно почва Галицкаго княжества вовсе не заключала въ себѣ тѣхъ условій крѣпкаго государственнаго быта, которыя существовали на сѣверѣ, и которыми воспользовались тамошніе князья для собранія Русской земли, для утвержденія въ ней единства и порядка. Мы видѣли, какою силою пользовались бояре въ Галичѣ, силою, предъ которою никле значеніе князя; легко понять, что князь съ такимъ характеромъ, какъ Романъ, скоро долженъ былъ враждебно столкнуться съ этою силою; «Не передавшии пчелъ, меду не ѣсть», говорилъ онъ, и вотъ лучшіе бояре погибли отъ него, какъ говорятъ, въ страшныхъ мукахъ; другіе разбѣжались; Романъ возвратилъ ихъ обѣщаніемъ всѣхъ милостей, но скоро, подъ разными предлогами, подвергъ ихъ той же участи²⁷⁰. — Остатки во себѣ такую кровавую память въ Галичѣ, въ остальной Руси Романъ считалъ грознымъ бичемъ окрестныхъ варваровъ, Половцевъ, Литвы, Ятвяговъ, добрымъ подвижникомъ за Русскую землю, достойнымъ наследникомъ прадѣда своего Мономаха: «онъ

стремился на неганныхъ, какъ левъ, говоритъ народное южечское преданіе: сердитъ былъ, какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, перелеталъ земли ихъ, какъ орелъ и храбръ онъ былъ какъ туръ, ревновалъ дяду своему, Мономаху». Мысль ли, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности князей литовскихъ было построеніе городовъ, населеніе пустынныхъ пространствъ: Романъ заставлялъ побѣжденныхъ Литовцевъ рѣчищать лѣса подъ пашню; но тщетно казалось для современниковъ стараніе Романа отучить дикарей отъ грабежа, приучить къ мирнымъ, земледѣльческимъ занятіямъ, и вотъ остался въ разговорка: «Романъ! Романъ! худымъ живешь, Литвою ересь»¹⁷⁴.

Какъ видно, Романъ не успѣлъ передавить всѣхъ пчелъ, дѣти его долге не могли свѣкожно ѣсть меда. У него отъ второго брака осталось двое сыновей: Давидъ четырехъ лѣтъ и Вячеславъ двухъ. Но кромѣ бояръ Галицкихъ, Романъ оставилъ другихъ враговъ своимъ дѣтямъ: Рюрикъ, какъ только узналъ о смерти Романа, такъ тотчасъ же скинулъ монашескую рясу и объявилъ себя княземъ Кіевскимъ вмѣсто сына; онъ хотѣлъ было разстричь и жену; но та не согласилась и постриглась въ схиму. Ольговичи также подвизались, явились съ полками у Дняпра; Рюрикъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и уговорились совместно идти на Галичъ, отнимать наследство у сыновей Романовыхъ. На рѣкѣ Серетъ¹⁷⁵ встрѣтили союзники Галицкіе и Владимиро-Волынское войско, билась съ нимъ цѣлый день и принудили отступитъ къ Галичу; но они не могли ничего сдѣлать этому городу, и возвратились домой безо всякаго успѣха. Причиною неудачи было то, что въ Галичѣ находилась сильная Венгерскій гарнизонъ, изъ страха передъ которымъ Галичане не смѣли передаться непріателямъ Романовичей. Въ Венгріи это время королемъ былъ сынъ Бела III-го, Андрей II-й, который нѣкоторое время княжилъ въ Галичѣ; Андрей по смерти отца велъ постоянную борьбу съ старшимъ братомъ своимъ, королемъ Емерихомъ, и потому съ сыномъ послѣдняго, малолѣтнимъ Владиславомъ III-мъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не умеръ и не очистилъ для него престола. Какъ видно изъ летописи, Андрей во время этой борьбы не только не предѣлалъ своихъ притязаній на Галичъ, но даже находился въ тѣснѣ союзъ съ Романомъ: они поклялись другъ другу, что кто

никъ пережитьъ другаго, тотъ будетъ заботиться о семействѣ послѣдняго. Андрей вступилъ на королевскій престолъ въ годъ смерти Романовой, и долженъ былъ исполнить свою обязанность относительно семейства послѣдняго; въ Санокѣ онъ имѣлъ свиданіе со вдовствующею княгиней Галицкой, принялъ Данила, юнѣ милого сына, по выраженію лѣтописца, и послалъ пяти-тысячъ воиновъ съ сильнымъ войскомъ, которое и спасло Галичу отъ Рюрика и его союзниковъ.

Но опасности и бѣды для сыновей Романовыхъ только еще начинались. Въ слѣдующемъ 1206 году всѣ Ольговичи собрались въ Черниговъ на сеймъ — Всеволодъ Святославичъ Черный съ своею братьею, и Владиміръ Игоревичъ Сѣверскій съ всею братьею; къ нимъ привелъ Смоленскій князь Мстиславъ Романовичъ съ племянниками, пришло множество Половцевъ, и къ двинулись за Днѣпръ; въ Кіевѣ соединился съ ними Рюрикъ съ двумя сыновьями — Ростиславомъ и Владиміромъ и племянниками, Берендѣи, и пошли къ Галичу, а съ другой стороны шелъ туда же Лещко Польскій. Галицкая княгиня съ приверженными къ ней людьми, слыша новую сильную рать, идущую съ всѣхъ сторонъ, испугалась, и послала просить помощи у Венгерскаго короля; Андрей поднялся самъ со всеми своими войсками. Но вдова Романова съ дѣтьми не могла дожидаться прихода королевскаго: около нихъ всталъ сильный мятежъ, который принудилъ ихъ бѣжать въ старинную отцовскую волость Романову — Владиміръ Волынскій. Галичане остались безъ князя, а между тѣмъ король перешелъ Карпаты, съ двухъ другихъ сторонъ приближались Русскіе князья и Поляки; но тѣ и другіе остановились, услышавъ о приходѣ королевскомъ; Андрей также остановился, боясь столкнуться вдругъ съ двумя неприятельскими войсками. Внутреннія смуты, возбуждаемыя поведеніемъ королевы Гертруды и братьевъ ея, отзвывали Андрея домой: онъ сѣтнилъ вступить въ мирныя переговоры съ Лещкомъ Польскимъ, уговорился съ Галичанами, чтобъ они пришли къ себѣ въ князья Ярослава, князя Переяславскаго, сына Великаго князя Всеволода Суздальскаго, и отправился назадъ въ Венгрію. Русскіе князья еще прежде двинулись назадъ; но Галичане, ожидая дѣлъ наѣзда Ярослава, и боясь, чтобъ Ольговичи, узнавъ объ отступленіи короля, не возвратились къ

ихъ городу, рѣшились послать тайно къ Владимиру Игоревичу Сѣверскому, звать его къ себѣ въ князья: этому рѣшенію много содѣйствовали два боярина, которые, будучи изгнаны Романомъ, проживали въ Сѣверной области, а теперь возвратились, и расхваливали Игоревичей. Владимиръ Игоревичъ, а братомъ Романомъ, получивъ приглашеніе, въ ночь, украдкою отъ остальныхъ князей, поскакали въ Галичь, Владимиръ съидъсь, а Романъ въ Звенигородъ; Ярославъ Всеволодовичъ также былъ на дорогѣ въ Галичь, но опоздалъ тремя днями, и узнавъ, что Игоревичъ уже принятъ Галичанами, возвратился назадъ въ Переяславль.

Но ни Игоревичи, ни Галицкіе бояре, затѣявшіе мятежъ противъ сыновей Романовыхъ, не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока послѣдніе были живы и на свободѣ въ своей отчизнѣ Владимиръ Волынскомъ: сюда явился священникъ, посолъ отъ Галицкаго князя, и объявилъ гражданамъ отъ имени послѣдняго: «Я останется въ нашемъ городѣ камня на камнѣ, если не выдадите Романовичей и не примете къ себѣ княжить брата моего Святослава». Разсерженные Владимирцы хотѣли было убить священника; но трое какихъ-то людей уговорили ихъ, что негодится убивать посла. Эти трое людей ²⁷² дѣйствовали впрочемъ не изъ уваженія къ званію посла, а потому что благопріятствовали Галицкому князю. Когда на другой день княгиня узнала, что пріѣзжалъ посолъ изъ Галича, и что во Владимирѣ есть люди, которые стоятъ за Игоревичей, то начала совѣтоваться съ дядкою сына своего, Мѣрославомъ; тотъ говорилъ, что дѣлать ничего, надобно скорѣе бѣжать изъ города. Ночью, въ проломъ городской стѣны вышла жена Романа Великаго вчетверомъ съ дядкою Мѣрославомъ, священникомъ и кормилицею, которая несла маленькихъ князей Данила и Василька; бѣглецы не знали, куда имъ идти? со всѣхъ сторонъ враги! рѣшились бѣжать въ Польшу къ Лешку, хотя и отъ этого не могли ожидать хорошаго пріена: Романъ былъ убитъ на войнѣ съ нимъ, послѣ чего миръ еще не былъ заключенъ. Къ счастью въ Лешкѣ малюсъ переслала вражду: онъ съ честію принялъ бѣглецовъ, говоря: «не знаю, какъ это случилось, самъ дьяволъ поссорилъ насъ съ Романомъ». Онъ отправилъ малютку Данила въ Венгрію съ нимъ посла своего сказать королю: «Я позабылъ свою ссору съ

Романомъ, а тебѣ онъ былъ другъ: вы кланись другъ другу, что кто изъ насъ останется въ живыхъ, тотъ будетъ заботиться о семействѣ умершаго; теперь Романовичи изгнаны отовсюду: дойдемъ, возвратимъ имъ отчину ихъ». Андрей сначала принялъ было къ сердцу предложеніе Лешка; но потомъ, когда Галиційскій князь Владиміръ прислалъ богатые дары имъ обоимъ, то усердіе ихъ къ Романовой семьѣ охладѣло, и когда Игоревичи пересорились другъ съ другомъ, то одинъ изъ нихъ Романъ, пріѣхавши въ Венгрію, успѣлъ убѣдить Андрея дать ему войско на помощь, и съ этимъ войскомъ выгналъ изъ Галича брата Владиміра, который принужденъ былъ бѣжать назадъ въ свою волость, въ Путивль²⁷⁴. Въ слѣдующемъ (1207) году Польскіе князья, Лешко и братъ его Кондратъ двинулись наконецъ на Владиміръ, дѣвъ послѣ бѣгства сыновей Романовыхъ княжилъ третій Игоревичъ Святославъ; но и тутъ Лешко шелъ на Владиміръ не для того, чтобъ возвратитъ этотъ городъ Романовичамъ: онъ хотѣлъ посадитъ тамъ своего дядю по матери, роднаго племянника Романова, Александра Всеволодовича Бельзскаго. Жители Владиміра отворили ворота передъ Александромъ: «вѣдь это племянникъ Романа», говорили они. Но союзники Александра, Поляки, не смотря на то, что вошли въ городъ безпренятственно, ограбили его, стали было уже отбивать двери и у соборной Богородичной церкви, какъ по просьбѣ Александровой, пріѣхали Лешко съ братомъ и отогнали ихъ. Владимірцы сильно жаловались на Юляковъ: «Мы повѣрили ихъ клятвѣ, говорили они: вѣдь если съ нами не было Александра, то мы не дали бъ имъ перейти въ Бугъ». Святослава Игоревича взяли въ плѣнъ и отвели въ Юльшу; на его мѣсто Польскіе князья посадили сперва Александра, но потомъ передумали: старшимъ во всемъ племени Изяслава Мстиславича былъ Ингваръ Ярославичъ Луцкій, котораго вы видѣли въ Кіевѣ: его-то посадили теперь во Владиміръ; но здѣсь онъ сидѣлъ не долго: бояре не полюбили его, и съ солдасія Лешка, Александръ опять пріѣхалъ княжить во Владиміръ, а Ингваръ отправился назадъ въ свой Луцкъ; младшій братъ его Мстиславъ, прозвищемъ Нѣмой, княжилъ въ Переясницѣ; малолѣтнему Васильку Романовичу Лешко отдалъ вѣреть, по просьбѣ тамошнихъ гражданъ, которые съ радостію приняли малютку, видя въ немъ какъ бы живаго Романа; послѣ матъ

Василья прислала къ Лешку съ новою просбодо: «Александръ, говорила княгиня, держитъ всю нашу землю и отчину, а снѣтъ онъ сидитъ въ одномъ Брестѣ». Лешко велѣлъ Александру отиди Бавъль Романовичу ²⁷², а братъ Александра, Всеволодъ снѣлъ Червѣтъ. Такимъ образомъ смерть сильнаго Романа дала Польскому князю возможность распоряжаться Волынскими волостями.

Между тѣмъ въ Галичѣ продолжали происходить безпокойства. Кіевскій князь Рюрикъ, по соглашенію съ Венгерцами королемъ, отправилъ въ Галичъ сына своего Ростислава; Галичане приняли его съ честію, выгнали Романа, но потомъ скоро сманили Ростислава и опять приняли Романа ²⁷³; это побудило короля Андрея покончить съ Галичемъ, присоединить его къ своимъ владѣніямъ. Онъ послалъ на Романа Игоревича Палатника Бенедикта Бора, который схватилъ Романа въ бѣнѣ, сталъ именемъ королевскимъ самъ управлять въ Галичѣ, и управлялъ такъ, что его прозвали Антихристомъ: мучилъ и бояръ и простыхъ гражданъ, сладострастію своему не зналъ предѣловъ, безчестилъ жонъ, монахинь, попадей. Угнетенные Галичане послали звать къ себѣ на помощь Мстислава Ярославича, князя Пересопничаго; тотъ пріѣхалъ, но не нашелъ еще Галичанъ готовыми къ возстанію, или, что всего вѣроятнѣе, дружина, приведенная Мстиславомъ, была, по мнѣнію Галичанъ, слишкомъ слаба для того, чтобъ съ нею можно было возстать противъ Венгровъ, и однимъ изъ главныхъ бояръ Шля, Щенановичъ, ввелъ Мстислава на Галичану могилу, сказалъ ему въ насмѣшку: «Князь ты на Галичанѣ могилѣ посидѣлъ, такъ все равно, что княжилъ въ Галичѣ». Осмѣянный Мстиславъ отправился назадъ въ Пересопницу. Тогда Галичане обратились опять къ Игоревичамъ Сѣверскимъ, послали сказать Владиміру и Роману, которому удалось между тѣмъ уйти изъ Венгерскаго плѣна: «Винювати мы передъ нами; избавьте насъ отъ этого томителя Бенедикта. Игоревичи явились на зовъ съ сильною ратью, заставили Бенедикта бѣжать въ Венгрію, и усѣлись опять въ Галичскомъ княжествѣ: Владиміръ въ самомъ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ въ Перемышлѣ; сыну своему Изяславу Владиміръ далъ Терембаль, а другаго, Всеволода отправилъ въ Венгрію подаривать короля, чтобъ тотъ оставилъ ихъ спокойно княжить за Карпатами.

Отъ венгерскаго короля можно было избавиться даромъ; при-
нужь же у него было много дѣла внутри своего государства; по-
тому было Игоревичамъ избавиться отъ бояръ Галицкихъ, ко-
торые не давали имъ покоя своими крѣпостями? Игоревичи рѣ-
шились дѣйствовать по примѣру Романа, рѣшились передать
иметь, чтобы вѣтъ спокойше медь, и вотъ, воспользовавшись
первымъ удобнымъ случаемъ, они велѣли битъ Галицкую дру-
жину; 500 человекъ изъ нея погибло, въ томъ числѣ двое знат-
нѣйшихъ бояръ, Юрій Витановичъ и Илья Щенановичъ; но другіе
дѣбѣжались; между нами Владиславъ, которому преимущественно
Игоревичи были обязаны Галицкою волостью, и двое дру-
гихъ, Судиславъ и Филиппъ отправились въ Венгрію. Они
стали просить короля Андрея: «Дай намъ отица нашего Дани-
ла: мы пойдѣмъ съ нимъ и отнимѣмъ Галичь у Игоревичей».
Король согласился, послалъ изгнанныхъ бояръ и съ ними моло-
дого Данила въ Галичь, давши ему сильное войско подъ на-
чальствомъ осьми воеводъ. Владиславъ пришелъ прежде всего
въ Перемышлю, и послалъ сказать тамошнимъ жителямъ:
«Братья! что вы колеблетесь? не Игоревичи ли перебили отцовъ
вашихъ и братьевъ, имѣніе ваше разграбили; дочерей вашихъ
редали за рабовъ вашихъ, наслѣдствомъ вашимъ завладѣли при-
щельцы! такъ неужели вы хотите положить за нихъ свои души?»
Слова подвѣствовали на Перемышльцевъ: они схватили князя
своего, Святеслава Игоревича и сдали городъ на имя Данилово.
Оттуда бояре съ Венграми пошли къ Звенигороду; но Звени-
городцы были за Игоревичей, и стали сильно отбиваться отъ
исаждающихъ, не смотря на то, что на помощь къ послѣднимъ
пришли полки изъ Бельза отъ Василька Романовича, изъ Польши
изъ Лешка, пришли Волынскіе князя — Мстиславъ Нямой изъ
Чересовницы, Александръ отъ брата изъ Владимира, Луцкій
князь Ингваръ также прислалъ свои полки. На помощь къ Роману
Игоревичу Звенигородскому явились только Половцы, которыхъ
привелъ племянникъ его Изяславъ Владиміровичъ, и, не смотря
на усилъ, который получили Половцы и Звенигородцы въ дѣлѣ
съ Венграми, Романъ видѣлъ, что не могъ долго держаться въ
городѣ и бѣжалъ; но на дорогѣ былъ схваченъ и приведенъ въ
станъ къ Данилу и воеводамъ Венгерскимъ, которые тотчасъ
же послали сказать Звенигородцамъ: «Сдавайтесь, князь вашъ

«скачешъ.» Ты сначала было по возвращеніи, но потомъ, узнавши, что Романа действительно въ агнѣ, сдѣла свой городъ. Отъ Звенигорода Данилъ съ союзниками пошелъ къ Галичу; Владиміръ Игоревичъ съ сыномъ, не дожидаясь неприятельскаго прихода, бѣжалъ, и Данилъ безпрятственно въшелъ въ Галичъ, гдѣ все бояре Владимірскіе и Галицкіе посадили его на отцовскій столъ въ соборной церкви Богородицы.

- Но бояре не довольны были торжествомъ своимъ и хотѣли места въ рукахъ у Венгровъ были вѣнныи Игоревичи; воеводѣ хотѣли вести ихъ къ королю; но бояре Галицкіе, задаривши воеводу, выпросили себѣ Игоревичей и повѣсили ихъ. Дѣло-то вѣсть, что эти бояре посадили Данила не для того, чтобъ усердно повиноваться малюткѣ; за послѣднѣго хотѣла было управлять его мать, прѣхавшая въ Галичъ, какъ скоро узнала объ успехѣ сына; но бояре немедленно же ее выгнали. Малюнкѣ Данилъ не хотѣлъ разставаться съ матерью, плакалъ, и когда Александръ, Шумавинскій тиунъ хотѣлъ насильно отвести его коня, то Данилъ выхватилъ мечъ, чтобъ ударить Александра, но не попалъ, и ранилъ только его коня; мать успѣшила вырвать у него изъ рукъ мечъ, упросила упомниться и остаться въ Галичѣ, а сама отправилась въ Бельзъ опять къ Васильку, и оттуда, къ королю въ Венгрію. Андрей принялъ ее сторону, призвалъ бояре Владиміровскихъ, князя Ингвара Луцкаго и пошелъ въ Галичъ, гдѣ, по изгнаніи кнѣгини, воимъ управлялъ бояринъ Владиславъ съ двумя другими своими товарищами—Судиславомъ и Филиппомъ. Король велѣлъ схватить всѣхъ тронхъ и подвергнуть тяжкому заключенію; Судиславъ успѣлъ деньгами откупиться отъ неволи; но Владиславъ принужденъ былъ слѣдовать за королемъ въ Венгрію, гдѣ впрочемъ пробылъ не долго: двое братьевъ его, Яволдъ и Ярополкъ успѣли снастись бѣгствомъ въ Пересоплицу, и убѣдили тамошняго князя, Мстислава Немого пойти съ ними въ другой разъ на Галичъ; бояре, узнавши о вступленіи Мстислава въ ихъ землю, передались ему, и Данилъ съ матерью опять принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, а братъ его Василько потерялъ Бельзъ, который взял у него Лешко Польскій, чтобъ отдать опять Александру Всеволодовичу Владимірскому; Василько принужденъ былъ удалиться въ Каменецъ²⁷. Но въ то время какъ братья Владиславовы такъ успѣшно хлопотали въ

Пересопницѣ и Галичѣ, самъ Владиславъ дѣйствовалъ въ Венгріи короля Андрея: какъ видно изъ послѣдующаго лѣтописнаго разсказа, онъ убѣдилъ Андрея не давать Галича никому изъ Русскихъ князей, а взять его себѣ, при чемъ обѣщаль приготовить все въ Галичѣ къ новому порядку. Иначе трудно будетъ объяснить то извѣстіе, что король, собираясь идти на Галичъ, отправилъ туда въ передовыхъ Владислава. Король однако не могъ слѣдовать за Владиславомъ: его задержали страшныя событія въ Венгріи, на которыя мы должны обратить вниманіе по однородности ихъ съ знаменитыми явленіями въ Галичѣ, пологшемъ загородиться Карпатами отъ Венгерскаго вліянія: поведеніе Галицкихъ бояръ объясняется поведеніемъ вельможъ Венгерскихъ. Во время усобицъ, предшествовавшихъ воцаренію Андрея, значеніе вельможъ такъ возрасло, что Андрей, вступая на престолъ, первый изъ королей Венгерскихъ долженъ былъ клятвенно подтвердить права и преимущества высшаго сословія; но мы уже замѣтили, что при этомъ поведеніе королевы Гертруды и ея братьевъ востойнно возбуждало неудовольствіе вельможъ, и наконецъ повело къ явному возстанію, когда одинъ изъ братьевъ королевы, Екбертъ, съ вѣдомъ сестры и даже въ ея комнатахъ, обезчестилъ жену извѣстнаго намъ Галицкаго антихриста, Палатина Бенедикта Бора. Бенедиктъ, не смотря на то, что самъ позволялъ себѣ подобныя поступки въ Галичѣ, пылалъ местию къ виновникамъ своего позора, и составилъ заговоръ вмѣстѣ съ другими вельможами. Пользуясь выступленіемъ Андрея въ Галицкій походъ, заговорщики ворвались во дворецъ и изрубили королеву въ куски, послѣ чего дворецъ былъ разграбленъ. Король долженъ былъ отложить походъ, чтобъ имѣть возможность управиться съ своими мятежниками; этимъ обстоятельствомъ воспользовался Владиславъ, въѣхалъ съ торжествомъ въ Галичъ, послѣ бѣгства оттуда Мстислава Пересопницкаго, воцарился и сѣлъ на столъ, по выраженію лѣтописца, признавая впрочемъ, какъ видно, верховную власть Венгерскаго короля.

Между тѣмъ Данилъ, вида страшную смуту въ Венгріи, удалился отсюда сперва въ Польшу, и, не получивъ отъ Лешка ничего кромѣ почетнаго пріема, поѣхалъ въ Каменецъ къ брату Васильку. На этотъ разъ началъ дѣло Мстиславъ Нѣмой Пере-

соединилъ: онъ поднялъ Лешко въ походъ на Галичь; тотъ взялъ Данила изъ Каменца, Александра изъ Владиміра, брата его Всеволода изъ Бельза, и отправился противъ новаго Галицкаго князя изъ бояръ. Владиславъ оставилъ братьевъ защищать Галичь, а самъ съ войскомъ, набраннымъ изъ Венгровъ и Чеховъ (какъ видно наемныхъ), вышелъ навстрѣчу къ неприятелю на рѣку Боброкъ. Союзникамъ удалось поразить Владислава, и не удалось взять Галича; они должны были удовольствоваться опустошеніемъ волости, и возвратились назадъ, послѣ чего Лешко велѣлъ Александру, князю Владимірокому отдать Романовичамъ два города — Тихомль и Перемышль: здѣсь, говоритъ летописецъ, стали княжить Данилъ и Василько съ матерью, а на Владиміръ смотрѣли, говоря: «рано или поздно Владиміръ будетъ нашъ». Между тѣмъ король Андрей, освободившись нѣсколько отъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, выступилъ въ походъ на Лешка за опустошеніе Галицкой волости, которую онъ считалъ своею; Лешко не хотѣлъ войны съ королемъ, и послалъ къ нему воеводу своего Пакослава съ предложеніемъ слѣдующей сдѣлки: «Не годится боярину княжить въ Галичь; но возьми лучше мою дочь за своего сына Коломана и посади его тамъ». Андрей согласился, имѣлъ личное свиданіе съ Лешкомъ, свадьба устроилась, и молодой Коломанъ сталъ княжить въ Галичь; а бояринъ Владиславъ былъ схваченъ и умеръ въ заточеніи, на дѣлавъ многа зла дѣтямъ своимъ и всему племени, потому что ни одинъ князь не хотѣлъ пріютить у себя сыновей боярина, который осмѣлился похитить княжеское достоинство. Кромѣ выгоднаго брака для своей дочери, Лешко получилъ отъ короля изъ Галицкой волости Перемышль и Любачевъ; послѣдній городъ былъ отданъ воеводѣ Пакославу, который умѣлъ устроить этотъ выгодный союзъ. Пакославъ былъ пріятель молодыхъ Романовичамъ и ихъ матери; по его совѣту Лешко послалъ сказать Александру Всеволодовичу: «Отдай Владиміръ Романовичамъ, а не дашь, такъ пойду на тебя вмѣстѣ съ ними». Александръ не далъ волею, и потомъ принужденъ былъ отдать неволею.

Такимъ образомъ иноплеменики подѣлили между собою отчину Ростиславичей; Русскіе князья одинъ за другимъ должны были оставить Галичь, или гибли въ немъ позорною смертію; остальные князья на Руси сильно сердились на Галичанъ за безчестіе,

которое рин. нанесли роду ихъ, повѣсивши Игоревичей; но были безсилны отомстить имъ за это безчестье, потому что Мономаховичи съ Ольговичами продолжали свою обычную борьбу. Въ 1206 году, по возвращеніи изъ втораго похода подъ Галичь, Ольговичи, обрадовавшись тому, что успѣли занять его своими родичами, Игоревичами, рѣшились отнять у Мономаховичей старшинство и Кіевъ; Всеволодъ Святославичъ Чермный съѣлъ въ Кіевъ, надеясь на свою силу, какъ говоритъ лѣтописецъ, и послалъ посадниковъ по Кіевскимъ городамъ; а Рюрикъ, видя свое безсиліе или, какъ выражается лѣтописецъ, непогодье, уѣхалъ въ свою прежнюю волость Овручь, сынъ его Ростиславъ въ Вышгородъ, а племянникъ Мстиславъ Романовичъ въ Бѣлгородъ²⁷⁸. Отнявши Кіевъ у Мономаховичей, Ольговичи захотѣли отнять у нихъ и Переяславль, тѣмъ больше, что, какъ мы видали, Переяславскій князь Ярославъ Всеволодовичъ былъ соперникомъ Игоревичей по Галицкому столу, и вотъ Всеволодъ Чермный посылаетъ сказать Ярославу: «Ступай изъ Переяславля къ отцу въ Суздаль, а Галича не ищи подъ моею братьею; если же не пойдеши добромъ, такъ пойду на тебя ратью.» Ярославъ, не дѣля надежды получить отъ кого либо помощь, послалъ ко Всеволоду просить свободнаго пропуска на сѣверъ чрезъ Черниговскія владѣнія, и получилъ его, поцѣловавши крестъ Ольговичамъ на всей ихъ волѣ, а въ Переяславлѣ съѣлъ на его мѣсто сынъ Чермнаго. Но послѣдній самъ недолго сидѣлъ въ Кіевѣ: въ томъ же году Рюрикъ, соединясь съ сыновьями и племянниками своими, выгналъ Ольговичей изъ Кіева и изъ Переяславля, самъ съѣлъ въ Кіевъ, а сына своего Владиміра посадилъ въ Переяславль; Чермный явился зимою съ братьею и съ Половцами добывать Кіева, стоялъ подъ нимъ три недѣли; но не могъ взять и ушелъ назадъ ни съ чѣмъ. Счастливѣе былъ онъ въ слѣдующемъ 1207 году: съ трехъ сторонъ пришли враги Мономаховичей — изъ Чернигова Чермный съ братьею, изъ Турова князь Святославъ, изъ Галича Владиміръ Игоревичъ; Рюрикъ, слыша, что идетъ на него отовсюду безчисленная рать, а помощи нѣтъ ни отъ кого, сбѣжалъ изъ Кіева въ Овручь; Триполь, Бѣлгородъ, Торческѣ были отняты у Мономаховичей, которые, по причинѣ голода, не могли выдерживать продолжительныхъ осадъ; Всеволодъ съѣлъ опять въ Кіевъ, надѣлая много зла Русской землѣ чрезъ своихъ

союзниковъ Половцевъ. Тогда поднялся было на него Всеволодъ Суздальскій: услыхавъ, что Ольговичи съ погаными воюютъ землю Русскую, онъ пожалѣлъ объ ней и сказалъ: «развѣ ты однимъ отчина Русская земля, а намъ уже не отчина? какъ же съ ними Богъ управитъ, хочу пойти къ Чернигову.» Всеволодъ собралъ сильное войско, но дѣла Рязанскія помѣшали его походъ на Черниговъ; когда Рязанскіе князья были схвачены, то Рюрикъ, обрадовавшись успѣху Всеволода надъ союзниками Ольговичей, явился нечаянно у Кіева и выгналъ изъ него Черниговъ; тотъ напрасно послѣ старался получить обратно этотъ городъ силою, ему удалось овладѣть имъ только посредствомъ переговоровъ со Всеволодомъ: въ 1210 году Черный и всѣ Ольговичи прислали въ Суздаль митрополита Матѣея, прося мира и во всемъ покоряясь Всеволоду; послѣдній, получивши незадолго передъ тѣмъ непріятность отъ одного изъ Ростиславичей, Мстислава Мстиславича Удалаго въ Новгородѣ, не могъ быть очень расположенъ въ пользу этого племени, и потому согласился, чтобъ Всеволодъ Черный, какъ старшій между пятироковыми братьями въ Ярославовомъ родѣ, сѣлъ въ Кіевѣ, а Рюрику отдалъ Черниговъ. Такимъ образомъ, когда на сѣверѣ обозначилась ясно стремленія къ новому порядку вещей, въ южной Руси послѣ долгой борьбы старинныя представленія объ единствѣ рода Ярославова и ненаслѣдственности волостей въ одномъ племени, получаютъ полное торжество: мало того, что Ольговичъ получаетъ Кіевъ, старшій по немъ Мономаховичъ садится въ Черниговъ, возобновляется слѣдовательно тотъ первоначальный порядокъ княжескихъ переходовъ по волостямъ, который былъ нарушенъ еще при Мономахѣ исключеніемъ Ольговичей изъ старшинства. Миръ Суздальскаго князя съ Ольговичами былъ скрѣпленъ бракомъ сына Всеволодова Юрія на дочери Черниговца.

Но въ то время, когда южная Русь оставалась такъ върн своей старинѣ, которая не могла дать ей силы, возратить утраченное значеніе, первенство, сѣверный князь усиливалъ себя все болѣе и болѣе. Съ 1179 года Рязанскіе князья Глѣбовичи находились въ волѣ Всеволодовой; въ 1186 году встала между ними опять усобица: старшіе братья — Романъ, Игорь и Владиміръ вооружились противъ младшихъ — Всеволода и Святослава, сѣдѣвшихъ въ Пронскѣ. Чтобъ легче раздѣлаться съ послѣднимъ,

таршіе братья послали звать ихъ на общій сѣздъ, намѣреваясь
 утъ схватить ихъ; младшіе узнали объ умыслѣ, и вмѣсто того,
 чтобъ ѣхать къ старшимъ, стали укрѣплять свой городъ, ожидая
 нападенія; ждали они недолго: старшіе явились съ большимъ
 войскомъ, и стали опустошать все около города. Тогда Всево-
 лодъ Суздальскій послалъ сказать имъ: «Братья! что это вы
 делаете? удивительно ли, что поганые воевали насъ: вы вотъ
 теперь хотите и родныхъ братьевъ убить.» Но тѣ, вмѣсто по-
 слушанія, стали сердиться на Всеволода за его вмѣшательство,
 и еще больше поднимать вражду на братьевъ. Тогда младшіе
 Глѣбовичи послали просить Всеволода о помощи, и тотъ отпра-
 вилъ къ нимъ сперва триста человекъ изъ Владимирской дружи-
 ны, которые сѣли въ Пронскѣ и отбивались вмѣстѣ съ осажден-
 ными, а потомъ отправилъ еще другое войско, къ которому
 присоединились князя Муромскіе. Слыша о приближеніи войска
 изъ Владимира, старшіе Глѣбовичи сняли осаду Пронска и по-
 ѣхали къ себѣ въ Рязань, а Всеволодъ Глѣбовичъ поѣхалъ на
 встрѣчу къ полкамъ Великаго Всеволода; тѣ, узнавши отъ
 него, что осада Пронска снята, и имъ идти дальше не зачѣмъ,
 пошли назадъ во Владимиръ, куда поѣхалъ также и Глѣбовичъ,
 чтобъ посовѣтоваться со Всеволодомъ, какъ быть имъ съ стар-
 шими братьями. Но въ это время Рязанскіе князя, узнавши,
 что Владимирское войско возвратилось, и что въ Пронскѣ одинъ
 Святославъ, пошли и осадили опять этотъ городъ, перехватили
 воду у жителей, а къ брату Святославу послали сказать: «Не
 мори себя голодомъ съ дружиною, и людей не мори, ступай луч-
 ше къ намъ, вѣдь ты намъ свой братъ, развѣ мы тебя съѣдимъ?
 только не приставай къ брату своему Всеволоду.» Святославъ
 объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ, тѣ сказали: «Братъ твой
 ушелъ во Владимиръ, а тебя выдалъ: такъ что жъ тебѣ его до-
 жидаться?» Святославъ послушался и отворилъ городъ. Братья
 отдали ему Пронскъ назадъ, но взяли жену, дѣтей, дружину
 Всеволода Глѣбовича, и повели въ Рязань; вмѣстѣ съ дружиною
 Всеволода Глѣбовича перевязали дружину Великаго Всеволода,
 сидѣвшую въ Пронскѣ въ осадѣ. Всеволодъ Глѣбовичъ, услышавъ,
 что семья и дружина его взяты, а братъ Святославъ передался
 на сторону старшихъ, сталъ сначала сильно горевать, потомъ
 захватилъ Коломну и началъ изъ нея опустошать волости бра-

твовъ; тѣ мстили ему тѣмъ же, и ненависть между ними равна
равнась все больше и больше.

Всеволода Великаго также сильно раздосадовалъ поступокъ
Святослава, который позволилъ братьямъ перевязать Владими-
ренскую дружину; онъ послалъ сказать ему: «Отдай мнѣ мою дру-
жину добромъ, какъ ты ее у меня взял; захотѣлъ помирить-
ся братьями, мирись, а людей моихъ зачѣмъ выдалъ? я къ те-
бѣ послалъ по твоей же просьбѣ, ты у меня ихъ челомъ вынулъ,
когда ты былъ ратень, и они были ратны, когда ты помирись
и они стали мирны.» Глѣбовичи, услыхавъ, что Всеволодъ Ве-
ликій хочетъ идти на нихъ, послали ему сказать: «Ты отецъ
нашъ, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будетъ, то
прежде тебя головы свои положимъ за тебя, а теперь не сердись
на насъ; если мы воевали съ братомъ своимъ, то отъ того, что
онъ насъ не слушается, а тебѣ кланяемся, и дружину твою от-
пускаемъ.» Всеволодъ не захотѣлъ мира, а когда Всеволодъ не
хотѣлъ мира, то это значило, что война была очень выгодна
и убохъ вѣрнень. Но въ слѣдующемъ году (1187) явился во Вла-
димиръ Черниговскій епископъ Порфирій съ ходатайствомъ за
Глѣбовичей, потому что Рязань принадлежала къ Черниговской
епископству; онъ уговорилъ Владимирскаго епископа Луку дѣйстви-
тельно съ нимъ за одно, и оба вмѣстѣ стали просить Всеволода за
Глѣбовичей: Всеволодъ послушался ихъ и послалъ Порфирія въ
Рязань съ миромъ; вмѣстѣ съ епископомъ отправились послы
Всеволодовы и послы князей Черниговскихъ; они повели и пѣни-
никовъ Рязанскихъ, отпущенныхъ Всеволодомъ въ знакъ своего
расположенія къ миру. Но Порфирій, пришедши въ Рязань, по-
велъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Всеволодъ и тайкомъ отъ его
пословъ. Всеволодъ разсердился, хотѣлъ было послать въ походъ
за Порфиріемъ, но потомъ раздумалъ; впрочемъ, оставя въ походъ
Порфирія, онъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ Глѣбовичей, и тѣмъ
же годомъ выступилъ противъ нихъ въ походъ, взявши съ собою
князя Муромскаго и Всеволода Глѣбовича изъ Коломны; онъ
переправился черезъ Оку, и страну опустошилъ Рязанскую во-
додольность⁶⁷⁹. Этимъ походомъ Всеволодъ, какъ видно, достигъ своей
цѣли, потому что послѣ, во время войны съ Ольговичами, не
видимъ Рязанскихъ князей въ его войскѣ; притомъ же Пронскъ
былъ возвращенъ Всеволоду Глѣбовичу, который тамъ вскорѣ и

верь. Но когда въ 1207 году Всеволодъ Великій оббракся идти къ Ольговичей къ Чернигову, и соединившись въ Москвѣ съ сыновьями своими, Константиномъ Новгородскимъ, дожидаясь здѣсь также и прихода князей Рязанскихъ, то вдругъ пришла къ нему вѣсть, что послѣдніе обманываютъ его, сговорились съ Ольговичами, и идутъ къ нему для того, чтобъ послѣ удобнѣе предать его. Всѣ Рязанскіе дѣйствительно явились съ дружинами; ихъ было восмеро: Романъ и Святославъ Глѣбовичи, послѣдній съ двумя сыновьями, да племянники ихъ, сыновья умершихъ Игоря и Владиміра, двое Игоревичей—Ингаръ и Юрій, и двое Владиміровичей—Глѣбъ и Олегъ. Всеволодъ принялъ ихъ вѣрхъ радушно и позвалъ къ себѣ на обѣдъ; столъ былъ накрытъ въ двухъ натрахъ: въ одномъ сѣли шестеро Рязанскихъ князей, а въ другомъ Великій князь Всеволодъ, и съ нимъ двое остальныхъ Рязанскихъ, именно Владиміровичи, Глѣбъ и Олегъ. Послѣдніе стали говорить Всеволоду: «Не вѣрь, князь, братьямъ нашимъ: они сговорились на тебя съ Черниговскими²⁸⁰». Всеволодъ послалъ уличать Рязанскихъ князей князя Давида Муромскаго и боярина своего Михаила Борисовича: обвиненные стали клясться, что и не думали ничего подобнаго; князь Давидъ и бояринъ Михаилъ долго ходили изъ одного шатра въ другой, наконецъ въ шатеръ къ Рязанскимъ явились родичи ихъ—Глѣбъ и Олегъ и стали уличать ихъ; Всеволодъ, слыша, что истина обнаружилась наконецъ²⁸¹, велѣлъ схватить уличенныхъ князей вмѣстѣ съ ихъ думцами, отвести во Владиміръ, а самъ на другой же день переправился черезъ Оку, и пошелъ къ Пронску, гдѣ сидѣлъ сынъ умершаго Всеволода Глѣбовича, Михаилъ; этотъ князь, слыша, что дядя его схваченъ, и Всеволодъ приближается съ войскомъ къ его городу, испугался и убѣжалъ къ тестю своему въ Черниговъ,—знакъ, что онъ былъ также на сторонѣ схваченныхъ князей и на сторонѣ Черниговскаго князя, своего тестя; ниче для чего было бы ему бояться Всеволода, всегда благожелательнаго къ отцу его?

Жители Пронска взяли къ себѣ третьяго Владиміровича, Изяслава; не бывшаго, какъ видно, за одно съ родными братьями, и затворились въ городѣ. Всеволодъ послалъ къ нимъ боярина Михаила Борисовича съ мирными предложеніями, но они не хотѣли объ нихъ слышать, лѣтописецъ называетъ отвѣтъ ихъ буди-

ною рѣчью. Тогда Всеволодъ велѣлъ приступити къ городу со всѣхъ сторонъ и отнять воду у жителей; но тѣ не унывали, бѣлись крѣпко изъ города и ночью крали воду; Всеволодъ велѣлъ стеречь и день и ночь, и разставилъ полки свои у всѣхъ воротъ: старшаго сына своего Константина съ Новгородцами и Бѣлзерцами поставилъ на горѣ у однихъ воротъ, Ярослава съ Переяславцами у другихъ, Давида съ Муромцами у третьихъ, а самъ съ сыновьями Юріемъ и Владиміромъ и съ двумя Владиміровичами сталъ за рѣкою съ поля Половецкаго (стѣни). Проняне все не сдавались, и дѣлали частыя вылазки не для того впрочемъ, чтобы биться съ осаждающими, но чтобъ достать воды, потому что помирали отъ жажды. Между тѣмъ у осаждающихъ стали выходить съѣстные припасы, и Всеволодъ отрядилъ отрядъ войска подъ начальствомъ Олега Владиміровича на Оку, гдѣ стояли лодки его съ хлѣбомъ; на дорогѣ Олегъ узналъ, что двоюродный братъ его, третій Игоревичъ Романъ, оставленный дядьями въ Рязани, вышелъ изъ нея съ войскомъ и напалъ на Владимірскихъ лодочниковъ, стоявшихъ у ^{Ольгова}; получивши эту вѣсть, Владиміровичъ бросился на помощь къ лодочникамъ; Рязанцы оставили послѣднихъ и сразились съ вошедшимъ отрядомъ, но были побѣждены, ставши между двумя непріятелями, между полкомъ Олега и лодочниками. Олегъ возвратился къ войску съ побѣдою и хлѣбомъ: тогда Проняне послѣ трехнедѣльной осады принуждены были сдаться; Всеволодъ далъ имъ въ князя Олега Владиміровича, а самъ пошелъ къ Рязани, сажая по всѣмъ городамъ своимъ посадинокъ, чѣмъ обваруживалъ намѣреніе укрѣпить ихъ за собой. Онъ уже былъ въ двадцати верстахъ отъ старой Рязани; у села Добраго Сота, и хотѣлъ переправляться черезъ рѣку Проню, какъ явились къ нему Рязанскіе послы съ поклономъ, чтобъ онъ приходилъ къ ихъ городу; епископъ Рязанскій Арсеній также не разъ присылалъ къ нему говорить: «Князь Великій! не пренебреги мѣстами честными, не пожги церквей святыхъ, въ которыхъ жертва Богу и молитва приносится за тебя; а мы исполнимъ всю твою волю, чего только хочешь.» Всеволодъ склонился на ихъ просьбу и пошелъ назадъ черезъ Коломну во Владиміръ; воля Всеволода состояла въ томъ, чтобъ Рязанцы выдали ему всѣхъ остальныхъ князей своихъ и съ княгинями; Рязанцы

говинивались, и въ слѣдующемъ 1208 году пріѣхалъ къ нимъ княжить сынъ Всеволода Ярославъ. Рязанцы присягнули ему, но замысливъ измѣну: стали хватать и ковать людей его, и нѣкоторыхъ уморили, засыпавши въ погребахъ. Тогда Всеволодъ пошелъ на Рязань, подъ которою былъ встрѣченъ сыномъ Ярославомъ; Рязанцы, по приказанію Всеволода, вышли на Оку на ряды, т. е. на судъ съ княземъ своимъ Ярославомъ, но вмѣсто оправданія, прислали буйную рѣчь, по своему обычаю и непокорству, говорить лѣтописецъ; тогда Всеволодъ приказалъ захватить ихъ, потомъ послалъ войско въ городъ захватить ихъ женъ и дѣтей; городъ былъ зажженъ, а жители его расточены по разнымъ городамъ; такимъ же образомъ поступилъ онъ и съ Бѣлгородомъ, и пошелъ назадъ во Владимиръ, ведя съ собою всѣхъ Рязанцевъ и епископа ихъ Арсенія. Прѣжній князь Пронскій Михаилъ Всеволодовичъ съ двоюроднымъ братомъ Изяславомъ Владиміровичемъ (выпущеннымъ, какъ видно, по сдѣлчѣ Пронска), приходили въ томъ же году воевать волости Всеволодовы около Москвы, но были побѣждены сыномъ Великаго князя, Юріемъ, и спаслись только бѣгствомъ, потерявши всѣхъ своихъ людей.³⁸² Такъ разсказывается въ большей части извѣстныхъ намъ лѣтописей; но въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго читаемъ, что Всеволодъ, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь Муромскаго князя Давида, и что въ слѣдующемъ году Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ Владиміровичи, и князь Михаилъ Всеволодовичъ Рязанскіе приходили къ Пронску на Давида, говоря: «развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?» Давидъ, послалъ имъ сказать: «Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ: посадилъ меня въ немъ Всеволодъ; а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волость.» Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ Михаилъ, Олегъ же Владиміровичъ умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году. Думаемъ, что должно предпочесть это извѣстіе, ибо трудно предположить, чтобы приходъ Рязанскихъ князей къ Пронску на Давида былъ выдуманъ со всѣми подробностями. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ у Переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здиловича къ Серенску, и городъ былъ пожженъ. Посылка эта очеь вѣроятна, какъ мечь Всеволода Черниговскимъ князьямъ за изгнаніе сына его Ярослава, изъ Переяславля южнаго.

••

Также грозенъ былъ Всеволодъ и другимъ сосѣднимъ князьямъ, Смоленскимъ: подъ 1206 годомъ находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что Смоленскій епископъ Михаилъ вмѣстѣ съ игуменомъ Отроча монастыря пріѣзжали во Владимиръ уграшивать Всеволода, чтобъ простилъ ихъ князя Мстислава Романовича за союзъ съ Ольговичами^{***}. Новгороду Великому при Всеволодѣ также начинала было грозить перемена въ его старомъ бытѣ. Мы оставили Новгородъ въ то время, когда вопреки воли Боголюбскаго и Ростиславичей, жители его приняли къ себѣ въ князья сына Мстислава Изяславича, знаменитаго Романа, вслѣдствіе чего должны были готовиться къ опасной борьбѣ съ могущественнымъ княземъ Суздальскимъ. Въ 1169 году Даниславъ Лазутиничъ, тотъ самый, который успѣлъ провести Романа въ Новгородъ, отправился на Сѣверную Двину за данью съ 400 человекъ дружины; Андрей послалъ семитысячный отрядъ войска перехватить его; но Даниславъ обратилъ въ бѣгство Суздальцевъ^{***}, убивши у нихъ 1300 человекъ, а своихъ потерявши только 15. Послѣ этого Лазутиничъ отступилъ, какъ видно боясь идти дальше; но потомъ, спустя нѣсколько времени, двинулся опять впередъ и благополучно взялъ всю дань, да еще на Суздальскихъ подданныхъ другую. Андрей однако недолго сносилъ торжество Новгородцевъ; выгнавши отца изъ Кіева, онъ послалъ сильную рать выгонять сына изъ Новгорода: это было зимою 1169 года; войско повели сынъ Андреевъ Мстиславъ, да воевода Борисъ Жирславичъ, была тутъ вся дружина и всѣ полки Ростовскіе и Суздальскіе; къ нимъ присоединились князья Смоленскіе—Романъ и Мстиславъ Ростиславичи, потомъ князья Рязанскіе и Муромскіе, войску, по свидѣтельству лѣтописца, и числа не было. Послѣ страшнаго опустошенія Новгородской волости, оно подошло къ городу; но жители его затворились съ своимъ молодымъ княземъ Романомъ, съ посадникомъ Якуномъ, и бились крѣпко; четыре приступа неудались; въ послѣдній изъ нихъ, продолжавшійся цѣлый день, князь Мстиславъ^{***} въѣхалъ было уже въ ворота городскіе и убилъ нѣсколько человекъ, но былъ принужденъ возвратиться къ своимъ. Новгородцы и Романъ торжествовали победу, а между тѣмъ въ полкахъ у осаждающихъ обнаружился моръ на людяхъ и конскій падежъ. Рать Андреева должна была отступить, ничего не сдѣлавши, и от-

стунленіе это было гибельно по опустошенной странѣ: одни померли на дорогѣ, другіе кое-какъ дошли пѣшкомъ до домовъ, много попало въ плѣнь къ Новгородцамъ, которые продавали по двѣ ногаты челоуѣка. Но опустошеніе причиненное Андреевою ратью, имѣло глѣжкія слѣдствія и для Новгорода: въ немъ сдѣлался сильный голодъ, а хлѣба можно было только достать съ востока, изъ областей Андреевыхъ; притомъ же Мстиславъ Изяславичъ умеръ, не было больше основанія держать его сына, и ветъ Новгородцы показали путь Роману, а сами послали къ Андрею за миромъ и за княземъ. Къ нимъ явился княжить Рюрикъ Ростиславичъ; неизвѣстно, какимъ образомъ Якумъ лишился посадничества: по всѣмъ вѣроятностямъ миръ съ Андреемъ и Ростиславичами условливалъ смѣну посадника, такъ сильно поддерживавшаго въ Новгородцахъ сопротивленіе Суздальскому князю. Преемникомъ Якуна является Жирославъ; но Рюрикъ отнял посадничество и у этого, и далъ его Ивану Захарьичу, сыну прежняго посадника Захаріи, который былъ убитъ народомъ за приверженность къ брату Рюрикову Святославу; Рюрикъ не только отнял посадничество у Жирослава, но даже выгналъ его изъ города, и тотъ ушелъ къ Андрею въ Суздаль. Но въ тотъ же годъ самъ Рюрикъ ушелъ изъ Новгорода: братъ его Романъ, сѣвши въ Кіевѣ, далъ ему волость на Руси, и Новгородцы отправили къ Андрею пословъ просить другаго князя; Андрей пока отпустилъ къ нимъ Жирослава посадничать съ своими боярами, а потомъ, въ слѣдующемъ году, прислалъ сына Юрія; но Жирославомъ, какъ видно, были недовольны въ Новгородѣ, и архіепископъ Илья отправился во Владимиръ къ Андрею, чтобъ уладить окончательно всѣ дѣла; слѣдствіемъ поѣздки было то, что посадничество опять отдали Ивану Захарьичу.

Смерть Боголюбскаго повела снова къ перемѣнамъ въ Новгородѣ: сынъ его Юрій долженъ былъ уступить мѣсто сыну Мстислава Ростиславича, призваннаго Ростовцами; но въ тотъ же годъ самъ Мстиславъ, разбитый дадею Михаиломъ и выгнанный изъ Ростова, смѣнилъ сына въ Новгородѣ. Въ томъ же 1175 году умеръ посадникъ Иванъ Захарьевичъ; посадничество получилъ опять было Жирославъ, но въ концѣ года лишился его снова, и мѣсто его заступилъ Завидъ Черевиничъ, сынъ того

боярина Неревина, который былъ убитъ вмѣстѣ съ Захаріемъ. Только что успѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ жениться въ Новгородѣ на дочери стараго Якуна Мирославича, какъ былъ позванъ опять Ростовцами, опять былъ побѣжденъ, выгнанъ дядею Всеволодомъ и пришелъ назадъ въ Новгородъ; но здѣсь показали ему путь вмѣстѣ съ сыномъ, котораго, какъ видно, онъ вторично оставилъ вмѣсто себя, и взяли князя изъ рукъ побѣдителя Всеволода, который прислалъ въ Новгородъ племянника своего Ярослава Мстиславича. Но Ростиславичъ, по всемъ вѣроятностямъ, оставилъ по себѣ въ Новгородѣ сильную сторону, въ челѣ которой, разумѣется, долженъ былъ стоять тестъ его Якунь; въ слѣдующемъ же 1177 году онъ явился въ Новгородъ, былъ посаженъ на столъ, брату его Ярополку дали Торжокъ, а Ярославу, прежнему князю Волокъ-Ламскій—знакъ, что онъ отступилъ отъ Всеволода къ врагамъ его Ростиславичамъ. Легко понять, что Всеволодъ не могъ спокойно видѣть послѣднихъ князьями въ сосѣднихъ волостяхъ Новгородскихъ; притомъ же не могъ онъ простить Новгородцамъ нарушеніе обѣщанія признавать его верховную власть и другаго обѣщанія придти къ нему на помощь въ войнѣ съ Глебомъ Рязанскимъ; въ 1178 году, когда Мстиславъ Ростиславичъ умеръ и Новгородцы посадили себѣ княземъ брата его Ярополка, Всеволодъ велѣлъ захватить по своей волости купцовъ Новгородскихъ; Новгородцы испугались и выгнали Ярополка; но князю новыхъ городовъ мало было одной чести давать изъ своихъ рукъ князей старому городу; онъ хотѣлъ какой-нибудь болѣе существенной пользы, и выступилъ въ походъ къ Торжку, жители котораго обѣщали давать ему дань; подойдя къ городу, Всеволодъ сначала не хотѣлъ брать его приступомъ, дожидаясь исполненія обѣщаній; но дружина стала жаловаться и побуждать его къ приступу, говоря: «Мы не цѣловаться съ ними пріѣхали; они, князь, Богу лгутъ и тебѣ.» Войско бросилось къ городу и взяло его, жителей перевязали, городъ сожгли—за Новгородскую неправду, прибавляетъ летописецъ, потому что Новгородцы на одномъ днѣ цѣлуютъ крестъ и нарушаютъ свою клятву. Отправивъ вѣнскихъ Новоторжанъ во Владимиръ, Всеволодъ пошелъ къ Волоку-Ламскому; жители его успѣли выбѣжать, но князь ихъ Ярославъ Мстиславичъ былъ схваченъ и городъ сожженъ. Новгородци

между тѣмъ послали за ближайшимъ къ себѣ княземъ, Романомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, который и пріѣхалъ къ нимъ; а Всеволодъ, довольный большою добычею, и, не желая, какъ видно, имѣть дѣла съ Ростиславичами южными, возвратился во Владимиръ.

Романъ недолго пожилъ въ Новгородѣ: въ слѣдующемъ же 1179 году онъ уѣхалъ назадъ въ Смоленскъ, и Новгородцы послали звать на княженіе брата его, Мстислава Ростиславича, знаменитаго своею борьбою съ Боголюбскимъ. Здѣсь начинается союзъ Новгорода съ двумя Мстиславами—отцомъ и сыномъ, самыми блестящими представителями старой, югозападной Руси, въ борьбѣ ея съ новою, сѣверовосточною. Союзъ этотъ былъ необходимъ по одинаковости стремленій: какъ Новгородъ, такъ и Мстиславы хотѣли поддержать старый порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями и вмѣстѣ старый бытъ старыхъ городовъ. Сперва Мстиславъ не хотѣлъ было идти въ Новгородъ по общей князьямъ этого племени привязанности къ югу, къ собственной Руси и по опасности, которая грозила тамъ Мономаховичамъ отъ Ольговичей: «Не могу выйти изъ своей отчины и разойтись съ братьями», говорилъ Мстиславъ. Онъ всеми силами старался, говорить лѣтописецъ, трудиться для отчины своей; всегда стремился онъ къ великимъ дѣламъ, думая думу съ мужами своими, желая быть вѣренъ своему происхожденію, своему значенію княжескому (хотя исполнить отечествіе свое). Но братья и дружина уговаривали его идти въ Новгородъ; они говорили ему: «Если зовутъ тебя съ честію, то ступай; развѣ тамъ не наша же отчина?» Мстиславъ пошелъ, но положилъ на умъ: «Если Богъ дастъ мнѣ здоровье, то никакъ не могу забыть Русской земли». Каковъ былъ характеръ этого Мстислава, представителя нашихъ старыхъ князей, какъ понималъ онъ обязанности своего званія, и исполненіе отечествія своего, видно изъ того, что едва успѣлъ онъ придти въ Новгородъ, какъ началъ думать, куда бы пойти побороть? Не задолго передъ тѣмъ, въ 1176 году, Чудь приходила на Псковскую землю, имѣла злую битву съ Псковичами, въ которой съ обѣихъ сторонъ легко много народу. И вотъ Мстиславъ вздумалъ пойти на Чудь; онъ созвалъ Новгородцевъ и сказалъ имъ: «Братья! поганые насъ обижаютъ; чтобы намъ, при-

звавши на помощь Бога и святую Богородицу, отомстить за себя и освободить землю Новгородскую отъ поганныхъ»? Люба былъ его рѣчь всѣмъ Новгородцамъ, и они отвѣчали ему: «Князь! если это Богу любо и тебѣ, то мы готовы». Мстиславъ собралъ Новгородское войско, и сочтя его, нашелъ 20,000 человекъ; съ такими-то сильными полками вошелъ онъ въ Чудскую землю, пожегъ ее всю, набралъ въ плѣнъ челиди и скота, и возвратился домой съ побѣдою, славою и честью великою, по словамъ летописца. Возвращаясь изъ Чудской земли, по дорогѣ завхалъ Мстиславъ во Псковъ, перехваталъ тамъ сотскихъ, которые не хотѣли имѣть княземъ племянника его, Бориса Романовича, и утвердившись съ людьми, пошелъ въ Новгородъ, гдѣ и провелъ зиму.

На весну онъ опять сталъ думать съ дружиною, куда бы еще пойти повоевать? и придумалъ пойти на зятя своего, Полоцкаго князя Всеслава: слишкомъ лѣтъ сто тому назадъ ходилъ дѣдъ Всеславовъ на Новгородъ, взялъ утвари церковныя, и одинъ Новгородскій погостъ завелъ за Полоцкъ; такъ теперь Мстиславъ хотѣлъ возвратити Новгородскую волость и отомстить за обиду; онъ уже стоялъ съ войскомъ на Лукахъ, когда явился ему посолъ отъ старшаго брата Романа изъ Смоленска; Романъ велѣлъ сказать ему: «Всеславъ тебя ничѣмъ не обижалъ, а если идешь на него такъ, безъ причины, то прежде ступай на меня». Вѣрный во всемъ старинѣ, Мстиславъ не хотѣлъ оскорбить старшаго брата, тѣмъ болѣе, что послѣдній уже отправилъ сына своего на помощь Всеславу, и Новгородцамъ пришлось бы сражаться съ Смолнянами вмѣсто Полочанъ. По возвращеніи въ Новгородъ Мстиславъ крѣпко занемогъ, потерялъ все силы, едва могъ говорить; чувствуя, что долженъ скоро умереть, онъ взглянулъ на дружину свою, потомъ на княгиню, вздохнулъ глубоко, заплакалъ и началъ говорить: «Приказываю дитя свое Владиміръ Борису Захарьевичу, и обоимъ ихъ отдаю братьямъ Рюригу и Давиду и съ волостью на руки; а обо мнѣ какъ Богъ промилуетъ...». Послѣ этого распоряженія Мстиславъ поднялъ руки къ небу, вздохнулъ, прослезился опять — и умеръ. Новгородцы похоронили его въ той же гробницѣ, гдѣ лежалъ первый князь, умершій у нихъ, Владиміръ Ярославичъ, основатель Софійской церкви. Плакала по Мстиславъ вся земля Новгородская, гово-

рять летописецъ, особенно плакали горько лучшіе мужи; они такъ причитали на похоронахъ: «Уже нельзя теперь намъ будетъ повхаты съ тобою на чужую землю, привести поганыхъ рабами въ область Новгородскую; ты замышлялъ много походовъ на всѣ стороны поганья; лучше бы намъ теперь было умереть съ тобою! ты далъ намъ большую свободу отъ поганыхъ, точно такъ какъ дѣдъ твой Мстиславъ освободилъ насъ ото всѣхъ обидъ, ты поревновалъ ему и наследовалъ путь дѣда своего; а теперь уже не увидимъ тебя больше, солнце наше зашло и остались мы беззащитные, всякой можетъ теперь обижать насъ». Мстиславъ, по свидѣтельству летописца, былъ средняго роста, хорошъ лицомъ, украшенъ всякою добродѣтелию и благонравенъ, имѣлъ ко всѣмъ любовь, особенно былъ щедръ къ бѣднымъ, снабжалъ монастыри, кормилъ монаховъ и съ любовію принималъ ихъ, снабжалъ и мирскія церкви, потомъ и всему святительскому чину воздавалъ достойную честь; былъ крѣпокъ на рати, не жалѣлъ жизни за Русскую землю и за христіанъ; когда видѣлъ христіанъ, уводимыхъ въ плѣнъ погаными, то говорилъ дружинѣ своей: «Братья! не сомнѣвайтесь: если теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу въ мученическую; если Богъ подастъ милость свою, то слава Богу, а если придется умереть, то все равно: надобно же когда-нибудь умирать». Такими словами онъ придавалъ смѣлость дружинѣ, и отъ всего сердца бился за отчину свою; а дружину свою любилъ, имѣнія не щадилъ для нея, золота и серебра не собиралъ, а раздавалъ дружинѣ, или раздавалъ церквамъ и нищимъ для спасенія души своей. Не было уголка на Руси, гдѣ бы его не хотѣли и не любили; сильно горевали братья, услышавши о его смерти, плакала по немъ вся Русская земля, не могли забыть доблестей его, и Черные Клобуки всѣ не могли забыть его приголубленія (1180 г.).

По смерти Мстислава Новгородцамъ предстоялъ выборъ: у кого просить себѣ князя? взять ли его изъ рукъ Всеволода III-го Суздальскаго, князя новой, сѣверной Руси, или изъ рукъ Святослава Всеволодовича, который сидѣлъ въ Кіевѣ, и потому считался старшимъ въ старой, южной Руси? Новгородцы поступили по старинѣ, и взяли у Святослава сына его Владимира, тѣмъ бытъ, что Всеволодъ недавно показалъ уже свою неприязнь къ

Новгороду, показалъ, что былъ братомъ Боголюбскаго. Взявши къ себѣ въ князья Владиміра, Новгородцы участвовали въ войнѣ отца его Святослава со Всеволодомъ и, конечно, по желанію Святослава, посадили опять въ Торжкѣ племянника и стараго врага Всеволодова, Ярополка Ростиславича, что не могло не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Суздальскимъ княземъ: въ то время, когда Новгородцы отправили полки свои къ Друцку на помощь Святославу, Всеволодъ явился въ другой разъ у Торжка и осадилъ въ немъ Ярополка; Новоторжане пять недѣль сидѣли въ осадѣ, терпя страшный голодъ, и когда князь ихъ Ярополкъ былъ раненъ въ сшибкѣ, то сдались Всеволоду; тотъ повелъ съ собою въ оковахъ Ярополка, вывелъ и всѣхъ Новоторжанъ съ женами и дѣтьми, а городъ ихъ сжегъ. Новгородцы увидали, что опасность отъ Всеволода близка и велика, а на помощь изъ Чернигова плохая надежда, и потому, выгнавши Владиміра Святославича, послали за княземъ ко Всеволоду: тотъ далъ имъ свояка своего, Ярослава Владиміровича, безземельнаго сына безземельнаго отца, Владиміра Мстиславича. Но Ярославъ немного нажилъ въ Новгородѣ: онъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе, и Всеволодъ вывелъ его изъ Новгорода, жители котораго, какъ видно не безъ вѣдома и согласія его, призвали къ себѣ изъ Смоленска Мстислава Давидовича^{***}. Посадникъ Завидъ Неревиничъ былъ смѣненъ тотчасъ по прибытіи Владиміра Святославича въ Новгородъ—знакъ, что онъ не былъ за Ольговича; мѣсто его получилъ Михаилъ Степановичъ; изгнаніе Ольговича должно было повести и къ смѣнѣ посадника: Михаилъ Степановичъ былъ сверженъ, и на его мѣсто возведенъ опять Завидъ; но въ 1186 году Завидъ снова потерялъ свою должность и ушелъ къ Давиду въ Смоленскъ, а на его мѣсто былъ возведенъ опять Михаилъ Степановичъ. Родственники и пріатели Завида не переставали однако дѣйствовать, но были пересилены противною стороною: родной братъ Завида, Гаврило Неревиничъ былъ свергнутъ съ моста, вмѣстѣ съ какимъ-то Ивачемъ Свеневичемъ. Любопытно, что въ то же время вскинуло возстаніе Смольнянъ противъ князя Давида, и цалю, говоритъ лѣтописецъ, много головъ лучшихъ мужей. Быть можетъ, эти событія въ Новгородѣ и Смоленскѣ имѣютъ какую-нибудь связь между собою; нѣтъ сомнѣнія, что Новгородскія волненія,

Борьба сторонъ Завидовой и Михайловой были связаны съ перемѣною князей: Завидъ, бывший посадникомъ при Мстиславѣ Храбромъ, стоялъ за Ростиславичей: на это указываетъ смѣна его при Ольговичѣ, и уходъ его къ Давиду въ Смоленскъ послѣ вторичной потери должности; сторона Михайла Степановича была вмѣстѣ стороною князя Ярослава, и потому неудивительно, что когда она восторжествовала надъ противною стороною, то въ слѣдующемъ же 1187 году Мстиславъ Давидовичъ былъ изгнанъ, и Новгородцы послали ко Всеволоду во Владимиръ опять просить Ярослава Владиміровича — знакъ, что послѣдній былъ вражде выведенъ не вслѣдствіе всеобщаго негодованія, но вслѣдствіе негодованія одной только стороны. Посадникъ при этомъ не былъ смѣненъ; но черезъ годъ противная сторона начала брать верхъ: у Михаила Степановича отняли посадничество и дали его Мирошкѣ Нездичичу, котораго отецъ Незда былъ убитъ за приверженность къ Ростиславичамъ Смоленскимъ, слѣдовательно имѣемъ право думать, что Мирошка наследовалъ отъ отца эту приверженность, и стоялъ за Мстислава Давидовича противъ Ярослава. Въ справедливости послѣдняго утверждаетъ насъ известіе, что въ 1195 году Мирошка вмѣстѣ съ Борисомъ Жирславичемъ и соцкимъ Никифоромъ, Иванкомъ, Ѳомою отправились къ Всеволоду съ просьбою смѣнить Ярослава и дать на его мѣсто сына своего. Что же сдѣлалъ Всеволодъ? чтобъ оставить Ярослава спокойнымъ въ Новгородѣ, онъ задержалъ Мирошку съ товарищами, какъ главъ противной Ярославу стороны; потомъ отпустилъ Бориса и Никифора, но продолжалъ держать Мирошку, Иванка и Ѳому, не смотря на просьбы изъ Новгорода о ихъ возвращеніи; наконецъ отпустилъ Ѳому, но все держалъ Мирошку и Иванка. Это разсердило Новгородцевъ, т. е. сторону, противную Ярославу; послѣдній былъ изгнанъ, и посолъ отправился въ Черниговъ просить сына у тамошняго князя; что здѣсь дѣйствовала только одна сторона, доказываютъ слова лѣтописца, который говоритъ, что добрые люди жалѣли объ Ярославѣ, а злые радовались его изгнанію. Но прошло то время, когда изгнанные князья уѣзжали изъ Новгорода, не думая о мести; мы видѣли, что уже Святославъ Ростиславичъ, надѣясь на помощь Боголюбскаго, не хотѣлъ спокойно оставить области Новгородской; Ярославъ Владиміровичъ послѣдовалъ его

примѣру: онъ засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ жители приняли его съ поклономъ, и сталъ брать дани по всему Верху, по Мстѣ, и даже за Волокомъ, а Всеволодъ въ тоже время перекватывалъ всѣхъ Новгородцевъ и не пускалъ изъ Владимира; впрочемъ здѣсь держалъ ихъ не въ заперти.

Между тѣмъ изъ Чернигова пріѣхалъ князь, Ярополкъ Ярославичъ, но просидѣлъ въ Новгородѣ только шесть мѣсяцевъ: вражда съ Владимирскимъ княземъ и съ Ярославомъ, который сидѣлъ въ Торжкѣ и бралъ дани, не могла быть выгодна для Новгородцевъ; пользуясь этимъ, сторона Ярослава восторжествовала, изгнала въ 1197 году Ярополка, и послала въ Торжокъ за Ярославомъ; тотъ однако не поѣхалъ прямо въ Новгородъ, но сперва отправился во Владимиръ къ Всеволоду, который, какъ видно, не хотѣлъ позволить, чтобъ Новгородцы присвоивали себѣ право ссориться и мириться съ князьями безъ его вѣдома; во Владимиръ должны были ѣхать изъ Новгорода лучшіе люди (передніе мужи), и соціе; тамъ изъ рукъ Всеволода приняли они Ярослава со всею правдою и честію, по выраженію лѣтописца; когда, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то помирился съ людьми и сталъ все по добру, возвратился по здорову и посадникъ Мирошка, просидѣвши два года за Новгородъ, и рады были въ Новгородѣ всѣмъ отъ мала и до велика; сынъ Ярославъ, Изяславъ былъ посаженъ въ Лукахъ, чтобъ быть защитою (оплечьемъ) Новгороду отъ Литвы²⁰⁰. Есть очень вѣроятное по обстоятельствамъ извѣстіе²⁰⁰, что Новгородцы приняли Ярослава на всей волѣ великаго Всеволода, который съ этихъ поръ сталъ располагать Новгородомъ, какъ располагалъ имъ Монемахъ или сынъ его Мстиславъ. Но миръ Ярослава съ Мирошкой и его сторонкою былъ непродолжителенъ, и черезъ годъ (1199 г.) пріѣхали во Владимиръ изъ Новгорода лучшіе люди, родственники и пріятель Мирошки, которые отдали князю поклонъ и просьбу отъ всего Новгорода: «Ты господинъ, говорили они, ты Юрій, ты Владимиръ! проемь у тебя сына княжить въ Новгородъ, потому что тебѣ отчина и дѣдина Новгородъ.» Всеволодъ согласился, вывелъ Ярослава изъ Новгорода, приказавъ ѣхать къ себѣ, а владыкъ, посаднику Мирошкѣ и лучшимъ людямъ велѣлъ также явиться во Владимиръ и взять оттуда къ себѣ на княженіе сына

шого, десятилѣтнаго Святослава, на всей волѣ великокняжеской²⁰¹; на дорогѣ преставился архіепископъ Мартирій, и Всеволодъ, вопреки старому обычаю Новгородцевъ—выбирать властку на вѣчь, самъ, поговоря только съ посадникомъ, выбралъ и послалъ къ нимъ архіепископа Митрофана, котораго потомъ отправили къ митрополиту на постановленіе съ Новгородскими жителями и Всеволодовыми. Въ 1203 году умеръ посадникъ Мирошка, и его мѣсто заступилъ соперникъ его, старый посадникъ Михаилъ Степановичъ; черезъ годъ Всеволодъ прислалъ сказать Новгородцамъ: «въ землѣ вашей рать ходитъ²⁰², а князь вашъ, мнѣ мой Святославъ малъ, такъ даю вамъ старшаго сына своего, Константина.» О рати въ продолженіе трехъ предыдущихъ лѣтъ нѣтъ извѣстій, а что Всеволодъ при этой переменѣ могъ руководиться какими-нибудь внутренними волненіями въ Новгородѣ, доказательствомъ служить смѣна посадника тотчасъ по жѣнѣ князя, или лучше сказать, по смѣнѣ бояръ Владимирскихъ, управлявшихъ именемъ малолѣтнаго Святослава: у Михаила Степановича посадничество отняли и дали сыну покойнаго Мирошки, Дмитрію²⁰³; что малолѣтний Святославъ и посадникъ Михаилъ были смѣнены по жалобамъ Новгородцевъ, указываютъ слова лѣтописца, что по прибытіи Константина въ городъ обрадовался исполненію своего желанія. Владимирскій лѣтописецъ говоритъ, что когда Всеволодъ отпускалъ Константина въ Новгородъ, то сказалъ ему: «Сынъ мой Константинъ! на тебѣ Богъ положилъ старшинство во всей братьѣ твоей; Новгородъ Великій старшее княженъ во всей Русской землѣ; во имени твоемъ и хвала твоя такая: не только Богъ положилъ на тебѣ старшинство въ братьѣ твоей, но и во всей Русской землѣ; и я тебѣ даю старшинство, поѣзжай въ свой городъ.»

Новый посадникъ Мирошкиничъ, съ братьею и пріятелями, опираясь на силу Суздальскаго князя, захотѣли обогащаться на счетъ жителей и позволили себѣ такіе поступки, которые возставили противъ нихъ весь городъ; въ челѣ недовольныхъ, какъ видно, стоялъ какой-то Алексій Сбыславичъ; братъ посадника, Борисъ Мирошкиничъ отправился во Владимиръ ко Всеволоду; и возвратился оттуда съ бояриномъ послѣдняго Лазаремъ, который привезъ повелѣніе убить Алексія Сбыславича, и повелѣніе было исполнено: Алексія убили на Ярославовомъ

дворъ—безъ вины, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что обычнаго условія съ княземъ—не казнить безъ объявленія вины, не существовало болѣе: Всеволодъ распоряжался самовластно въ Новгородѣ. Въ слѣдъ за этимъ событіемъ Всеволодъ пошелъ на Черниговъ и велѣлъ Константину съ Новгородскими полками слѣдовать за собою въ походъ; мы видѣли, что Константинъ соединился съ отцемъ въ Москвѣ, но вмѣсто Чернигова пошелъ на Рязань. Какъ видно во время этого похода Новгородцамъ удалось довести до свѣдѣнія Великаго князя о поступкахъ посадника съ товарищами: по окончаніи похода, отпуская Новгородцевъ съ Коломны домой, Всеволодъ щедро одарилъ ихъ, и, по выраженію лѣтописца, далъ имъ всю волю и уставы старыхъ князей, чего они именно хотѣли; онъ сказалъ имъ: «Кто до васъ добръ, того любите, а злыхъ казните;» сына Константина, посадника Димитрія, тяжело раненаго подъ Пронскомъ, и семерыхъ изъ лучшихъ мужей онъ оставилъ при себѣ: первое и послѣднее обстоятельство могутъ показывать что новыя распоряженія Всеволода происходили именно вслѣдствіе жалобъ Новгородскихъ, возбудившихъ неудовольствіе Великаго князя на посадника съ пріятелями его и на самого сына, который позволялъ имъ насильственные поступки. Какъ бы то ни было, когда Новгородскіе полки пришли домой, то немедленно созвали вѣче на посадника Димитрія и на братью его, обвиняя ихъ въ томъ, что они приказывали на Новгородцахъ и по волости брать лишніе поборы, купцамъ велѣли платить дикую виру и возить повозы, и въ разныхъ другихъ насильственныхъ поступкахъ, во всякомъ злѣ, по выраженію лѣтописца. На вѣчѣ положили идти на дома обвиненныхъ грабежомъ, дворъ Мирошкинъ и дворъ Дмитріевъ зажгли^{***}, имѣніе ихъ взяли, села и работъ распродали, и раздѣлили по всему городу, а долговыя записи оставили князю; кто при этомъ тайкомъ нахваталъ разныхъ вещей, о томъ Богъ одинъ знаетъ, говоритъ лѣтописецъ; известно только, что многіе разбогатѣли послѣ грабежа Мирошкиничей. Народное озлобленіе противъ бывшаго посадника дошло до того, что когда привезли тѣло Димитрія, умершаго во Владимирѣ, то Новгородцы хотѣли сбросить его съ моста, единаго архіепископъ Митрофанъ успѣлъ удержать ихъ. Княземъ явился въ Новгородъ прежде бывшій здѣсь Святославъ Всеволодо-

вичь, а въ посадники выбрали Твердислава Михайловича, по всѣмъ вѣроятностямъ, сына покойнаго Михайла Степановича, соперника Мирошки: ненависть къ роду послѣдняго естественно должна была побудить къ этому выбору; Новгородцы поцѣловали крестъ, что не хотятъ держать у себя ни дѣтей Дмитриевыхъ, ни братьевъ, ни пріятелей, и новый князь Святославъ отослалъ ихъ въ заточеніе къ отцу, другіе откупились большими деньгами.

Переменная князя впрочемъ не переѣхала дѣль въ Новгородѣ, не удовлетворила всѣмъ сторонамъ: сынъ Всеволода, какъ бы онъ ни назывался, Константинъ или Святославъ, не могъ обходиться съ Новгородцами, какъ обходились съ ними прежніе князья изъ югозападной Руси, и вотъ по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, недовольные послали въ Торопецъ къ тамошнему князю, Мстиславу, сыну знаменитаго Мстислава Храбраго, съ просьбою избавить Новгородъ отъ Суздальскихъ притѣсненій. Мстиславъ согласился принять на себя насльдственную обязанность ратовать за старую Русь, за старый порядокъ вещей противъ новаго, который вводили Юрьевичи северные; но, не будучи увѣренъ еще, какъ видно, хотятъ ли его Новгородцы всѣмъ городомъ, захватилъ сперва Торжокъ, заковалъ дворянъ Святославовыхъ и посадниковъ, имѣніе ихъ разграбили, чья только рука до него дошла, послѣ чего послалъ сказать Новгородцамъ: «Клянюсь св. Софїи, гробу отца моего, и всѣмъ Новгородцамъ: пришелъ я къ вамъ, услыхавъ о насклихъ, которыя вы терпите отъ князей, жаль мнѣ стало своей отчины.» Новгородцы послали къ нему съ отвѣтомъ: «Ступай, князь, на столъ;» а Святослава Всеволодовича заперли въ архіепископскомъ домѣ и съ дружиною до тѣхъ поръ, пока управятся съ отцомъ. Мстиславъ прїѣхалъ въ Новгородъ, былъ принятъ съ большою радостію, и тотчасъ же двинулся къ Торжку, потому что Всеволодъ захватилъ купцовъ Новгородскихъ по своимъ волостямъ, и отправилъ сивовей съ войскомъ къ Новгородскимъ границамъ; но битвы не было: мы видѣли, какъ Всеволодъ остерегался вступать въ рѣшительныя сраженія съ князьями старой Руси, притомъ же теперь сынъ его сидѣлъ плѣнникомъ въ Новгородѣ; Всеволодъ, по словамъ летописца, прислалъ сказать Мстиславу слова, совершенно тому понятныя:

«Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ; отпусти Святослава съ дружиною, и отдай все, что захватилъ, а я также отпущу гостей и товары ихъ.» Мстиславъ согласился, и миръ былъ заключенъ. Какъ видно изъ послѣдующаго поведенія посадника Твердислава, такъ сильно стоявшаго за старину, онъ не могъ быть на сторонѣ Юрьевичей; вѣроятно онъ не менѣе другихъ радовался и содѣйствовалъ перемирию, и потому не могъ быть свѣтлымъ въ слѣдствіе этой перемирия. Но скоро по утвержденіи Мстислава въ Новгородѣ явился съ юга навъ Русь Дмитрій Якуновичъ, сынъ старшаго посадника Якуна Мирославича; мы видимъ, что Якунъ былъ въ тѣсной связи съ Ростиславичами северными, врагами Всеволода, дочь его была за Мстиславомъ Ростиславичемъ; когда Всеволодъ утвердилъ свою власть надъ Новгородомъ, то сынъ Якуна, Дмитрій принужденъ былъ искать убѣжища въ Руси, и возвратился теперь въ Новгородъ, когда ужъ нечего было болѣе бояться Суздальскаго князя: Твердиславъ уступилъ ему добровольно посадничество, какъ старшему. Но если Твердиславъ не могъ быть заподозрѣнъ въ приязни къ Всеволоду, то очень легко могъ быть заподозрѣнъ архіепископъ Митрофанъ, данный Новгороду Всеволодомъ вопреки старому обычаю: и вотъ Мстиславъ вмѣстѣ съ Новгородцами свергнулъ Митрофана, который былъ отведенъ въ Торопецъ (1211 г.).

Такимъ образомъ и Великій Всеволодъ при концѣ жизни своей, подобно брату Андрею, долженъ былъ потерпѣть неудачу въ своихъ стремленіяхъ, благодаря князьямъ старой Руси: воиска Андрея бѣжали со стыдомъ отъ Мстислава—отца, Всеволодъ долженъ былъ уступить Новгородъ Мстиславу—сыну, долженъ былъ заговорить съ нимъ его языкомъ. Въ 1212 году Всеволодъ сталъ изнемогать, и хотѣлъ при жизни урядить сыновей, которыхъ у него было шестеро—Константинь, Юрій, Ярославъ, Святославъ, Владиміръ, Иванъ. Онъ послалъ за старшимъ Константиномъ, княжившимъ въ Ростовѣ, желая дать ему послѣ себя Владиміръ, а въ Ростовѣ послать втораго сына Юрія. Но Константинъ не соглашался на такое распоряженіе, ему непременно хотѣлось получить и Ростовъ и Владиміръ: старшинство обоихъ городовъ, какъ видно, было еще спорное и тогда; Константинъ боялся уступить тотъ или другой маядшему брату; какъ видно, онъ опасался еще старшинныхъ притязаній Росто-

Рюрь, которыми могъ воспользоваться Юрій: «Батюшка! ведѣлъ ты отвѣчать Всеволоду: если ты хочешь меня сдѣлать старшиномъ, то дай мнѣ старшій начальный городъ Ростовъ и къ нему Владимирь, или если тебѣ такъ угодно, дай мнѣ Владимирь и къ нему Ростовъ⁸⁰⁶». Всеволодъ разсердился, созвалъ бояръ и долго думалъ съ ними, какъ быть? потомъ послалъ за епископомъ Юанномъ, и по совѣту съ нимъ, порѣшилъ отдать старшинство младшему сыну Юрію мимо старшаго, осушника воли отцовской: явленіе важное! мало того, что на Сѣверѣ отнято было старшинство у стараго города и передано младшему, пригороду, отнято было отдѣмъ старшинство у старшаго сына въ пользу младшаго; нарушенъ былъ коренной обычай, и младшіе князья на сѣверѣ не преминутъ воспользоваться этимъ примѣромъ; любопытно, что бояре не рѣшились присовѣтовать князю эту мѣру, рѣшился присовѣтовать ее епископъ. — 14 апрѣля умеръ Всеволодъ, на 64 году своей жизни, княживъ въ Суздальской землѣ 37 лѣтъ. Онъ былъ украшенъ всѣми добрыми нравами, по отзыву сѣвернаго лѣтописца, который не упускаетъ случая оправдывать вводимый Юрьевичами порядокъ, и хвалить ихъ за это: Всеволодъ, по его словамъ, злыхъ казнилъ, а добромысленныхъ миловалъ, потому что князь на даромъ мечъ носить, въ мѣсть злодѣямъ и въ похвалу добро творящимъ; одного имени его трепетали всѣ страны, по всей землѣ пронеслась его слава, всѣхъ враговъ (зломысловъ) Богъ покорилъ подъ его руки. Имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, онъ подавалъ требующимъ милостію, судилъ судъ истинный и нелицемѣрный, не взирая на сильныхъ бояръ своихъ, которые обижали меньшихъ людей.

Сѣверная Русь лишилась своего Всеволода; умирая, онъ ввергнулъ мечъ между сыновьями своими, и злая усобица между ними грозила разрушить дѣло Андрея и Всеволода, если только это дѣло было произведеніемъ одной ихъ личности; югозападная, старая Русь высвобождалась отъ тяготѣвшаго надъ нею вліянія сѣверной, послѣдняя связь между ними — старшинство и сила Юрьевичей — рушилась, и надолго теперь они разрознятся, будутъ жить особою жизнію до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ вѣдаться опять государи единовластные, собиратели Русской земли; тогда опять послышится слово, что нельзя южной Руси быть безъ сѣверной и послѣдуетъ окончательное сѣдиненіе ихъ. Но по смерти

Всеволода казалось, что южная Русь не только освободится от влияния сѣверной, но, въ свою очередь, подчинить ее своему влиянію; ибо когда сѣверная Русь лишилась Всеволода и сыновъ его губили свои силы въ усобицахъ, у Руси южной оставался Мстиславъ, котораго доблести начали съ этихъ поръ обнаруживаться самымъ блистательнымъ образомъ: ни въ Русской, ни въ сосѣднихъ странахъ не было князя храбрѣе его; куда ни явится, всюду принесетъ съ собою побѣду; онъ не будетъ дожидаться пока сѣверный князь пришлетъ на югъ многочисленныя полки, чтобъ отразить ихъ, какъ отецъ его отразилъ полки Андреевъ, онъ самъ пойдетъ въ глубь этого страшнаго, суроваго, сжимающаго сѣвера, и тамъ поразитъ его князей, надбьющихся на свое громадное ополченіе, и вмѣстѣ уничтожитъ завѣщаніе Всеволода; въ Руси Днѣпровской онъ не дастъ Мономахова племени въ обиду Ольговичамъ; наконецъ вырветъ Галичь изъ рукъ кнѣзюплеменниковъ. Казалось бы, какая блистательная судьба должна была ожидать югозападную Русь при Мстиславѣ, какія важныя, продолжительныя слѣдствія должна была оставить въ ней его дѣятельность—если только судьба югозападной Руси могла зависѣть отъ одной личности Мстиславовой!

Въ 1212 году умеръ Всеволодъ Великій, и въ 1213 г. уже встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ сыновей его. Константинъ не могъ спокойно сносить потерю старшинства, по словамъ летописи, онъ разгорѣлся яростію, воздвигнулъ брови свои гнѣвомъ на брата Юрія и на всѣхъ думцевъ, которые присоветовали старому Всеволоду отнять у него старшинство, и тотчасъ же наступило сильное волненіе въ Суздальской землѣ: люди толпами стали перебѣгать съ одной стороны на другую³³⁷. Между прочими князь Святославъ Всеволодовичъ, разсердившись за что-то на брата Юрія, бѣжалъ отъ него къ большому брату Константину въ Ростовъ; другой Всеволодовичъ, Владиміръ, князь Юрьевскій также былъ противъ Владимірскаго князя. Видя это, послѣдній спѣшилъ заключить крѣпкій союзъ по крайней мѣрѣ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ Переяславскимъ; онъ сказалъ ему: «Братъ Ярославъ! если пойдетъ на меня Константинъ или Владиміръ, будь ты со мною заодно, а если противъ тебя пойдутъ, то я приду къ тебѣ на помощь». Ярославъ согласился, поцѣловалъ съ Юріемъ крестъ, и отправился въ свои

Переяславль, гдѣ созвалъ жителей къ св. Спасу и сказалъ имъ: «Братья Переяславцы! отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня далъ вамъ на руки; скажите же мнѣ, братцы: хотите ли имѣть меня своимъ княземъ и головы свои сложить за меня?» Переяславцы отвѣчали въ одинъ голосъ: «И очень хотимъ; ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ!» Послѣ чего всѣ цѣловали ему крестъ³⁰⁰. Въ то время, какъ это происходило въ Переяславлѣ, въ Ростовѣ Константинъ все злобился на Юрія, голковалъ: «ну развѣ можно сидѣть на отцовскомъ столѣ меньшему, а не мнѣ большому?» и собирався идти на Владиміръ съ братомъ Святославомъ. Юрій боялся войны, и послалъ сказать ему «Братъ Константинъ! Если хочешь Владимира, то ступай садись въ немъ, а мнѣ дай Ростовъ». Но Константинъ не хотѣлъ этого: онъ хотѣлъ въ Ростовѣ посадить сына своего Василька, а самъ хотѣлъ сѣсть во Владимірѣ и отвѣчалъ Юрію: «Ты садись въ Суздаль». Юрій не согласился, и послалъ сказать брату Ярославу: «Идетъ на меня братъ Константинъ; ступай къ Ростову, и какъ тамъ Богъ дастъ: уладимся или станемъ биться». Ярославъ пошелъ съ своими Переяславцами, а Юрій съ Владимірцами и Суздальцами, и стали у Ростова за рѣкою Ишнею, а Константинъ разставилъ свои полки на бродахъ подлѣ рѣки, и начали биться объ нее; рѣка была очень грязна, и потому Юрію съ Ярославомъ нельзя было подойти къ городу, они пожгли только села вокругъ, скотъ угнали, да жито потравили; потомъ, простоявши другъ противъ друга четыре недѣли, братья помирились и разошлись по своимъ городамъ. Но усобица была далека до конца; Юрій зналъ, что миръ не надеженъ и принималъ свои мѣры: ему какъ видно, трудно было удерживать за собою отцовское пріобрѣтеніе, Рязанскія волости, которыхъ князья и дружины ихъ томились въ тюрьмахъ Владимірскихъ; онъ освободилъ ихъ, одарилъ и князей и дружину золотомъ, серебромъ, конями, утвердился крестнымъ цѣлованіемъ и отпустилъ въ Рязань.

Скоро началась опять усобица; началъ ее Владиміръ Всеволодовичъ: онъ выбѣжалъ изъ своего Юрьева сперва на Волокъ, а оттуда на Москву и сѣлъ здѣсь, отнявши этотъ городъ у Юрія. Потомъ началъ наступать и Константинъ: отнял у Юрія Солигаличъ, пожегъ Кострому, а у Ярослава отнял Перехту; обя-

женные братья собрали полки и пошли опять къ Ростову вмѣстѣ съ княземъ Давидомъ Муромскимъ, остановились на старомъ мѣстѣ за рѣкою Ицнею, и велѣли людямъ своимъ жечь сѣм. Между тѣмъ Владиміръ съ Москвичами и дружиною своею пошелъ къ Дмитрову, городу Ярославову; Дмитровцы сами пожегли всѣ посады, затворились и отбили всѣ приступы, и Владиміръ, испуганный вѣстію о приближеніи Ярослава, бѣжалъ отъ города назадъ въ Москву, потерявши задній отрядъ своей дружины, который перерѣзали Дмитровцы, гнавшіеся за бѣглецами. Юрій и Ярославъ стояли все у Ростова, не вступая въ битву, по сѣверному обычаю, и опять помирились, выговоривши у Константина, чтобъ онъ не только не помогалъ Владиміру, но чтобъ еще далъ полки свои для отнатиі у послѣдняго Москвы. Пришедши къ Москвѣ, Юрій послалъ сказать Владиміру: «Пріѣзжай ко мнѣ, не бойся, я тебя не съѣмъ, ты мнѣ свой братъ». Владиміръ вѣхалъ, и братья уговорились, чтобъ Владиміръ отдалъ Москву назадъ Юрію, а самъ отправился княжить въ Переяславль южный.

Такимъ образомъ два раза младшій Всеволодовичъ, Юрій одержалъ верхъ надъ старшимъ Константиномъ, и казалось, что послѣдній, потерявъ два раза неудачу, долженъ былъ отказаться отъ попытокъ добыть Владиміръ, какъ вдругъ сѣверная Русь пришла въ столкновение съ южной, послѣдняя одержала блистательную побѣду надъ первою, необходимымъ слѣдствіемъ чего было возстановленіе старины, хотя на время. Мѣстомъ столкновения былъ Новгородъ Великій. Три года княжилъ здѣсь Мстиславъ, ходилъ на Чудь до самаго моря, бралъ съ нея дань, двѣ части отдавалъ Новгородцамъ, третью дружинѣ своей; Новгородцамъ нравился такой князь, все было тихо, какъ вдругъ, въ 1214 году, пришла къ Мстиславу вѣсть изъ Руси отъ братьевъ, что Ольговичи обяжаютъ тамъ Мономаховичей. Рюрикъ Ростиславичъ, какъ видно, умеръ почти въ одно время съ святымъ своимъ, Всеволодомъ Великимъ^{***}, и Всеволодъ Черный смѣшил воспользоваться ихъ смертію, чтобъ вытѣснить изъ Руси Мономаховичей; предлогомъ къ войнѣ послужили событія Галицкія, именно повѣщеніе Игоревичей боярами; такъ какъ мѣсто Ольговичей занялъ въ Галичѣ Мономаховичъ Даниилъ, то Черный объявилъ ближайшимъ къ себѣ Мономаховичамъ: «Вы повѣсили въ Галичѣ двоихъ братьевъ моихъ, князей, какъ зло-

дѣлать, и положили укоризну на всѣхъ: такъ нѣтъ намъ части въ Русской землѣ!» Тогда внуки Ростиславовы послали въ Новгородъ сказать Мстиславу: «Всеволодъ Святославичъ не даетъ намъ части въ Русской землѣ; приходи, понщемъ своей отчины». Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сталъ звать Новгородцевъ въ Кіевъ на Всеволода Чермнаго; Новгородцы отвѣчали ему: «куда, князь, ты посмотришь, туда мы бросимъ головами своими». Мстиславъ пошелъ съ ними на югъ; но въ Смоленскѣ Новгородцы завели ссору съ жителями, убили одного Смолянина, и не хотѣли идти дальше; по нѣкоторымъ очень вѣроятнымъ извѣстіямъ ⁴⁰⁰, Новгородцы не хотѣли уступить перваго мѣста полкамъ Смоленскимъ, которые велъ Мстиславъ Романовичъ, старшій между внуками Ростиславовыми. Мстиславъ Мстиславичъ сталъ звать Новгородцевъ на вѣче, но они не пошли; тогда онъ, перецѣловавши всѣхъ, поклонился и пошелъ одинъ съ дружиною при Смоленскихъ полкахъ. Новгородцы начали одумываться, собрались на вѣче, и стали разсуждать, что дѣлать? Посадникъ Твердиславъ ⁴⁰¹ скавалъ имъ: «Какъ трудились наши дѣды и отцы за Русскую землю, такъ, братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ». Новгородцы послушались посадника, нагнали Мстислава и начали все вмѣстѣ воевать Черниговскія волости по Днѣпру, взяли Рѣчицу на щитъ и многіе другіе города; подъ Вингородомъ встрѣтилъ ихъ Чермный и далъ битву, въ которой Мстиславъ съ братьями остался побѣдителемъ: двое Ольговичей ⁴⁰² попались въ плѣнъ, Вышегородцы отворили ворота, а Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ въ Черняговскую область; посадивши въ Кіевѣ Мстислава Романовича, Мстиславъ Новгородскій осадилъ Черниговъ, простоялъ подъ нимъ 12 дней и заключилъ миръ съ Чермнымъ, который скоро послѣ того умеръ.

Мстиславъ Мотиславичъ возвратился въ Новгородъ, но не долго здѣсь оставался: при постоянной борьбѣ сторонъ, при наслѣдственныхъ ненавистяхъ и стремленіяхъ, ни одинъ князь не могъ быть пріятель всѣмъ одинаково; каждый долженъ былъ держаться одной какой-нибудь стороны, которая, въ свою очередь, поддерживала его самого. Сторона, державшаяся низшей Судальскихъ, должна была уступить враждебному большаго, образуемому въ слѣдствіе поведенія Всеволодова; но теперь Всеволода не было болѣе, а между тѣмъ Мстиславъ и

его сторона преслѣдовали сторону противную, что ясно показываетъ извѣстіе объ участи владыки Митрофана; Якуничъ пришелъ изъ Руси и получилъ посадничество, а каждый знаменитый домъ имѣлъ своихъ приверженцевъ и своихъ враговъ; враги тѣхъ бояръ, которые держались Мстислава, необходимо поэтому были и врагами послѣдняго, искали случая, какъ бы избавиться отъ него. И вотъ Мстиславъ узналъ, что враждебная сторона собираетъ тайныя вѣча, хочетъ изгнать его ⁴⁰²; быть можетъ она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобъ усилиться; посадникомъ былъ уже ни Дмитрій Якуничъ, ни Твердиславъ, но Юрій Ивановичъ ⁴⁰³. Мстиславъ не сталъ дожидаться, чтобъ ему показали путь, но созвалъ самъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: «У меня есть дѣла въ Руси, а вы волики въ князьяхъ». Проводивши Мстислава, Новгородцы долго думали; наконецъ отправили посадника Юрія Ивановича, тысяцкаго Якуна и старшихъ купцовъ 10 человекъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ Переяславскимъ — ясный знакъ, что переселившаяся сторона, державшаяся Суздальскихъ князей; знакомъ ея торжества служить и то, что Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, схватилъ двоихъ бояръ, и сковавши, заточилъ въ свой ближній городъ ⁴⁰⁴ Тверь; оклеветанъ былъ и тысяцкій Якунъ Намѣжичъ; князь Ярославъ созвалъ вѣче, народъ бросился съ него ко двору Якуна, домъ его разграбили, жену схватили; самъ Якунъ съ посадникомъ пришелъ къ князю, и тотъ велѣлъ схватить сына его Христофора ⁴⁰⁵. Но волненіе, возбужденное враждою сторонъ, этимъ не кончилось: жители Прусской улича убили боярина Овстрата съ сыномъ и бросили тѣла ихъ въ ровъ. Такое своеволие не понравилось Ярославу: онъ не захотѣлъ оставаться долѣе въ Новгородѣ, выѣхалъ въ Торжокъ, съгдъ здѣсь княжить, а въ Новгородъ послалъ намѣстника, послѣдовавши въ этомъ случаѣ примѣру дѣда, дядей и отца, которые покинули старый городъ Ростовъ и утвердили свое пребываніе въ новыхъ.

Скоро представился ему благопріятный случай стѣснить Новгородъ и привести его окончательно въ свою волю: морозъ побилъ осенью весь хлѣбъ въ Новгородской волости, только на Торжку все было цело; Ярославъ не велѣлъ пропускать въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ изъ Низовой земли; въ такой нуждѣ Новгородцы послали къ нему троихъ бояръ, съ просьбою

перехать къ нимъ опять; князь задержалъ посланныхъ. А между тѣмъ голодъ усиливался: кады ржи покупали по десяти гривенъ, мяса по три гривны, возъ рѣпы по двѣ гривны, бѣдные люди ѣли основную кору, линовыи листъ, мохъ, отдавали дѣтей своихъ въ вѣчное холопство; поставили новую скудельницу, наклали полную труповъ—недостало больше мѣста, по торгу валялись трупы, по улицамъ трупы, по полю трупы, собаки не успѣвали съѣдать ихъ; большая часть Вожанъ померла съ голоду, остальные разбѣжались по чужимъ странамъ: такъ разошлась наша волость и нашъ городъ! говоритъ лѣтописецъ. Новгородцы, оставшіеся въ живыхъ, послали къ Ярославу посадника Юрія Ивановича, Степана Твердиславича и другихъ знатныхъ людей звать его опять къ себѣ; онъ велѣлъ задержать и этихъ, а вмѣсто отвѣта послалъ въ Новгородъ двухъ своихъ бояръ, вывести оттуда жену свою, дочь Мстислава Мстиславича. Тогда Новгородцы послали къ нему Мануила Яголчевича съ последнею рѣчью: «Ступай въ свою отчину, къ св. Софїи, а нейдешь, такъ скажи прямо»; Ярославъ задержалъ Яголчевича, задержалъ и всѣхъ гостей Новгородскихъ — и были въ Новгородѣ печаль и вопль, говоритъ лѣтописецъ. Разсчетъ Ярослава былъ вѣренъ, старики Новгородской дружно было устоять при такихъ обстоятельствахъ; но старая Русь была еще сильна своимъ Мстиславомъ: узнавши, какое зло дѣлается въ Новгородѣ, Мстиславъ прїехалъ туда (11 февраля 1216 г.), схватилъ Ярославова намѣстника Хота Григорьевича, перековалъ всѣхъ его дворянъ, вѣхалъ на дворъ Ярославовъ и цѣловалъ крестъ къ Новгородцамъ, а Новгородцы къ нему — не разставаться ни въ животь, ни въ смерти: «либо ртыщу мужей Новгородскихъ и волости, либо головою поваляю въ Новгородъ», сказалъ Мстиславъ. — Между тѣмъ Ярославъ, узнавши о Новгородскихъ новостяхъ, сталъ готовиться къ защитѣ, велѣлъ подымать застѣки по Новгородской дорогѣ и рѣкѣ Тверць, а въ Новгородъ отправилъ сто человекъ изъ его жителей, казавшихся ему преданными, съ порученіемъ поднять противную Мстиславу сторону и выпроводить его изъ города; но эти сто человекъ, какъ скоро пришли въ Новгородъ, такъ единодушно стали вмѣстѣ со всѣми другими за Мстислава, который отправилъ въ Торжокъ священника сказать Ярославу: «Сынъ! кладяюсь тебѣ: мужей моихъ и гостей отпусти, изъ Торжка

выйди, а со мною любовь возьми». Ярославу не понравилось такое предложеніе, онъ отпустилъ священника безъ мира и всѣхъ Новгородцевъ, задержанныхъ въ Торжкѣ, числомъ больше 2000 созвалъ на поле за городъ, велѣлъ схватить ихъ, перековать и разослать по своимъ городамъ, нѣвніе ихъ и лошадей раздалъ дружинѣ. Вѣсть объ этомъ сильно опечалила Новгородцевъ: ихъ оставалось мало: лучшіе люди были схвачены Ярославомъ, а изъ меньшихъ одни разошлись, другіе померли съ голоду; но Мстиславъ не унывалъ, онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сказалъ народу: «Пойдемте искать свою братью и своихъ владостей, чтобъ не былъ Торжокъ Новгородомъ, а Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда!» — и Новгородцы рѣшились идти за нимъ.

1-го марта 1216 года, въ первый день новаго года по тогдашнему счету, выступилъ Мстиславъ съ Новгородцами на зати своего Ярослава, и черезъ день же обнаружилось, какъ сильно было раздѣленіе и вражда сторонъ въ Новгородѣ: не смотря на то, что въ Новгородѣ всѣ цѣлевали крестъ стоять единодушно за Мстислава, четыре человека, собравшись съ женами и дѣтьми, побѣжали къ Ярославу⁴⁰⁷. Мстиславъ отправился озеромъ Селигеромъ, и вошедши въ свою Торопецкую волость, сказалъ Новгородцамъ: «ступайте собирать припасы, только людей не берите въ плѣнъ;» — тѣ поѣхали, набрали корму для себя и для лошадей, и когда достигли верховьевъ Волги, то получили вѣсть, что братъ Ярославовъ, Святославъ Всеволодовичъ съ десяти тысячнымъ войскомъ осадилъ Мстиславовъ городъ Ржевку, гдѣ посадникъ Ярунъ отбивался отъ него съ сотнею человекъ. У Мстислава съ братомъ Владиміромъ Псковскимъ было всего 500 человекъ войска; не смотря на то, они двинулись на выручку Ржевки, и Святославъ побѣжалъ отъ нея, не дождавшись Новгородскихъ полковъ; а Мстиславъ повелъ дальше и занялъ Зубцовъ, городъ Ярославовъ. На рѣкѣ Вазузѣ настѣгъ его двоюродный братъ, Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій: съ своими полками; не смотря на эту помощь, Мстиславъ не хотѣлъ идти дальше, и, ставши на рѣкѣ Холохольнѣ⁴⁰⁸, послалъ въ Торжокъ къ Ярославу съ мирными предложеніями, но тотъ велѣлъ отвѣчать: «Мира не хочу; пошли, такъ ступайте, на одного нашего

придется по сту нашихъ». Ростиславичи, получивъ этотъ отвѣтъ, сказали другъ другу: «Ты, Ярославъ съ плотію, а мы съ престомъ честнымъ», — и стали думать, куда бы пойти дальше; Новгородцы, которымъ прежде всего хотѣлось очистить свою волость, уговаривали князей идти къ Торжку; но тѣ отвѣчали имъ: «Если пойдемъ къ Торжку, то опустошимъ Новгородскую волость; пойдемъ лучше къ Переяславию: тамъ у насъ есть третій другъ:» Ростиславичи были увѣрены, что Константинъ Ростовскій вступитъ въ союзъ съ ними противъ младшихъ братьевъ. Они двинулись къ Твери, и стали брать села и жечь ихъ, а объ Ярославѣ не знали, гдѣ онъ—въ Торжкѣ или Твери? Услыхавъ, что Ростиславичи воюютъ Тверскія села, онъ выѣхалъ изъ Торжка въ Тверь, взявши съ собою старшихъ бояръ и Новгородцевъ, молодыхъ по выбору, а Новоторжцевъ всѣхъ, и послалъ изъ нихъ сто человекъ съ небольшимъ отборныхъ людей въ сторожу; но въ 15 верстахъ отъ города, 25 марта, наѣхалъ на нихъ воевода Мстиславовъ Ярунъ съ молодою дружиною, тридцать три человекъ взялъ въ плѣнъ, семьдесятъ положилъ на мѣсть, остальнымъ удалось убѣжать въ Тверь.

Получивши этотъ первый успѣхъ, который далъ ратникамъ ихъ возможность безпрепятственно собирать съѣстные принасы, Ростиславичи послали смоленскаго боярина Яволода въ Ростовъ къ князю Константину Всеволодовичу приглашать его къ союзу противъ братьевъ; провожать посла до рубежа отправили Владиміра Псковскаго съ Псковичами и Смоленянами, а сами съ Новгородцами пошли дальше, пожгли села по рѣкамъ Шенъ и Дубнѣ, тогда какъ Владиміръ Псковской взялъ городъ Константиновъ (Ксвятинъ) на устьѣ большой Нерли и пожегъ все Поволожье. Константинъ Ростовскій не замедлилъ отвѣтомъ: онъ послалъ воеводу своего Еремѣя сказать Ростиславичамъ; «князь Константинъ кланяется вамъ; обрадовался онъ, услышавши о вашемъ приходѣ, и пошлетъ вамъ въ помощь 500 человекъ, а для остальныхъ рядовъ пошлите къ нему шурина его Всеволода (сына Мстислава Романовича Кіевскаго)». Ростиславичи двинулись къ нему Всеволода съ сильнымъ отрядомъ, а сами пошли въ низъ по Волгѣ; потомъ, чтобъ скорѣе окончить походъ, бросили возы, и, сѣвши на коней, поѣхали къ Переяславию. 9 апрѣля, въ Свѣтлое Воскресенье, къ Ростиславичамъ, стояв-

шлѣмъ на рѣкѣ Сарѣ.⁴⁰⁹ пришелъ Константинъ Ростовскій съ своими полками; но онъ боялся, что оставилъ свой городъ безъ защиты, почему Ростиславичи отправили въ Ростовъ Владиміръ Исковскаго съ дружиною, а сами съ Константиномъ пошли въ Переяславлю и стали противъ него на 9-миной недѣли. Здѣсь подѣ городскими стѣнами они захватили въ плѣнъ одного челявѣка, отъ котораго узнали, что Ярослава нѣтъ въ городѣ, пошелъ къ брату Юрію съ полками, съ Новгородцами и Новоторжанами, а князь Юрій съ братьями, Святославомъ и Владиміромъ выступилъ также изъ своего города. Войско младшіе Всеволодовичи собрали большое, Муромцевъ, Бродниковъ, Городчанъ и всю силу Суздальской земли, погнади всѣхъ и изъ селъ, у коихъ не было лошади, тотъ шелъ пѣшкомъ. Страшное было чудодѣльное, братья! говорятъ лѣтописецъ: пошли сыновья на отца, отцы на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ.⁴¹⁰ Ярославъ и Юрій съ братьями стали на рѣкѣ Бѣзѣ, Мстиславъ и Владиміръ съ Новгородцами поставили полки свои близъ Юрьева, а Константинъ Ростовскій сталъ дальше съ своими полками, на рѣкѣ Лишицѣ. Когда Ростиславичи завидѣли полки Ярославовы и Юрьевы, то послали сотскаго Ларіона сказать Юрію: «Кланяемся; у насъ съ тобою нѣтъ ссоры, ссора у насъ съ Ярославомъ»; Юрій отвѣчалъ: «Мы съ братомъ Ярославомъ одинъ человекъ». Тогда они послали сказать Ярославу: «Отпусти Новгородцевъ и Новоторжанъ, возврати волости Новгородскія, которыя ты захватилъ, Волокъ, съ нами помирись и крестъ цѣлуй, а крови не проливай». Ярославъ отвѣчалъ: «Миръ не кочу, Новгородцевъ и Новоторжанъ при себѣ держу; видѣлоко шли и вышли какъ рыба на сухо». Когда Ларіонъ пересказалъ всѣ эти слова Ростиславичамъ, тѣ отправили къ обоимъ братьямъ съ послѣднею рѣчью: «Мы пришли, братъ князь Юрій и Ярославъ, не на кровопролитіе, крови не дай намъ Богъ мѣдѣть, лучше управитесь прежде; мы всѣ одного племени: такъ дадимъ старшинство князю Константину, и посадите его во Владиміръ; а вамъ Суздальская земля вся». Юрій отвѣчалъ на это посланію: «Скажи братьямъ моей, князьямъ Мстиславу и Владиміру: пришли, такъ ступайте куда хотите; а брату князю Константину: помощи намъ, и тогда тебѣ вся земля».

Младшіе Всеволодовичи, ободренные мирными предложеніями враговъ, видя въ этомъ признакъ слабости, отчаяннаго положенія, начали пировать съ боярами; на пиру одинъ старый бояринъ, Андрей Станиславовичъ⁴¹¹, сталъ говорить молодымъ князьямъ: «Миритесь, князья Юрій и Ярославъ! а меньшая братья въ вашей волѣ; по моему лучше бы помириться и дать старшинство князю Константину; нечего смотрѣть, что передъ нами мало Ростиславова племени, да князья—то все они мудрые, смысленные, храбрые; мужи ихъ — Новгородцы и Смольяне смѣлы на бою, а про Мстислава Мстиславича и сами знаете въ томъ племени, что дана ему отъ Бога храбрость больше всѣхъ; такъ подумайте-ка, господа, объ этомъ!» Не любя была эта рѣчь князьямъ Юрію и Ярославу, и одинъ изъ Юрьевыхъ бояръ сказалъ: «князья Юрій и Ярославъ! не было того ни при прадедахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ нашемъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотя бѣ тутъ собралась вся Русская земля, и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская и Рязанская, никакъ имъ не устоять противъ нашей силы; а эти-то полки—да мы ихъ сѣдлами закидаемъ». Эта рѣчь понравилась князьямъ; они созвали бояръ своихъ и начали имъ говорить: «Когда достанется намъ непріятельскій обозъ въ руки, то вамъ будутъ кони, брони, платье, а кто вздумаетъ взять живаго человека, тотъ будетъ самъ убитъ, у кого и золотомъ будетъ шитое платье, и того убивай, не оставимъ ни одного въ живыхъ; кто изъ полку побѣжитъ и будетъ схваченъ, такихъ вѣшать или распинать; а о князьяхъ, если достанутся намъ въ руки, подумаемъ послѣ». Отпустивши людей своихъ, князья вошли въ шатеръ и начали дѣлить волости; князь Юрій сказалъ: «Мнѣ, братъ Ярославъ, Владимирская земля и Ростовская, тебѣ Новгородъ, Смоленскъ брату нашему Святославу, Кіевъ отдай Черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же». Младшіе братья согласились, поцѣловали крестъ и написали грамоты. Здѣсь всего любопытнѣе для насъ презрѣніе сѣверныхъ князей къ Кіеву, съ которымъ для ихъ предковъ и для всѣхъ южныхъ князей соединялась постоянно мысль о старшинствѣ, о высшей чести; но богатый Галичъ Всеволодовичи берутъ себѣ.

Подъливши между собою все Русские города, Юрій съ Ярославомъ стали звать враговъ на бой; Ростиславичи, съ своей стороны, призвали князя Константина, долго думали съ нимъ, какъ съ него клятву, что не будетъ въ немъ перевѣту къ братьямъ, и двинулись въ ночь къ Ростовскому стану на рѣку Липицу; и всѣхъ полкахъ ихъ раздавались клики, въ Константиновомъ войскѣ трубили въ трубы: это навело страхъ на Юрія и Ярослава, они отступили за дѣбрь и расположили свои полки на Авдовой горѣ; Ростиславичи на разсвѣтъ пришли къ Липицамъ, и вида, что враги отступили на Авдову гору, расположились и противоположной горѣ, Юрьевой, и послали ко Всеволодичамъ троицхъ мужей опять съ мирными предложеніями: «а не даде мира, велѣли они сказать имъ, такъ отступите подальше и ровное мѣсто, а мы поидемъ на вашу сторону; или мы отоидемъ къ Липицамъ, а вы перейдете на наши станы.» Князь Юрій отвѣчалъ: «Ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли черезъ всю землю, такъ неужели этой дѣбри не перейдете?» Всеволодовичи надѣялись на свои укрѣпленія: они обвели свой станъ плетнемъ и насовали кольевъ, боясь, чтобъ Ростиславичи не ударили на нихъ въ ночь. Получивши ихъ отвѣтъ, Ростиславичи послали своихъ молодыхъ людей биться противъ Ярославовыхъ полковъ; тѣ бились цѣлый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно. На другое утро 21 апрѣля, въ четвергъ, на второй недѣль по Пасхѣ, Ростиславичи рѣшились было идти прямо ко Владимиру, не схватываясь съ неприятелемъ, и полки ихъ стали уже готовиться къ выступленію; вида это, полки Юрьевы начали также сходить съ своей горы, думая, что враги бѣгутъ; но тѣ остановились и опрокинули ихъ назадъ. Въ это время явился князь Владиміръ Псковской изъ Ростова; Ростиславичи стали думать, куда идти? иричемъ Константинъ сказалъ имъ: «Братья, князь Мстиславъ и Владиміръ! если поидемъ мимо нихъ, то ударятъ на насъ въ тылъ, а потомъ мои люди на бой не охочи, того и гледи, что разойдутся по городамъ.» На это Мстиславъ отвѣчалъ: «Князь Владиміръ и Константинъ! гора намъ не поможетъ, гора насъ не побѣдитъ; призвавши на помощь крестъ честный и свою правду, поидемъ къ нимъ». Все согласились и начали ставить лагерь: Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій поставилъ полки свои съ

краю, подлѣ него сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами, да Владиміръ Псковской съ Псковичами, а подлѣ него сталъ князь Константинъ съ Ростовцами; съ противной стороны Ярославъ сталъ съ своими полками, т. е. Переяславскими и Тверскими, также съ Муромскими, съ Городчанами и Бродниками противъ Владиміра и Смольнянъ, Юрій сталъ противъ Мстислава и Новгородцевъ со всею землею Суздальскою, а меньшіе братья противъ князя Константина.

Мстиславъ и Владиміръ начали ободрять своихъ Новгородцевъ и Смольнянъ: «Братья! говорили они имъ: вошли мы въ землю сильную, такъ положивши надежду на Бога, станемъ крѣпко; нечего намъ озираться назадъ: побѣжавши не уйти; забудемъ, братья, про домы, женъ и дѣтей; вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь умереть! ступайте, кто какъ хочетъ, кто пѣшъ, кто на конѣ.» Новгородцы отвѣчали: «мы не хотимъ помирать на коняхъ; хотимъ биться пѣши, какъ отцы наши бились на Кулаки.» Мстиславъ обрадовался этому, а Новгородцы, сойдя съ лошадей, посметавши съ себя порты и сапоги, ударились бѣжать босые на враговъ, Смольняне побѣжали за ними также пѣшкомъ, за Смольнянами князь Владиміръ отрядилъ Ивора Михайловича съ полкомъ, а старшіе князья и всѣ воеводы поѣхали сзади на лошадяхъ. Когда полкъ Иворовъ вѣхалъ въ дебрь, то подлѣ Иворомъ споткнулся конь, что заставило его пріостановиться; но пѣшіе, не дожидаясь Ивора, ударили на пѣшіе полки Ярославовы съ крикомъ, бросая палки и топоры; Суздальцы не выдержали и побѣжали, Новгородцы и Смольняне стали ихъ бить, подѣвкли стягъ Ярославовъ, а когда приспѣлъ Иворъ, то досѣлись и до другаго стяга. Увидавши это, Мстиславъ сказалъ Владиміру Рюриковичу: «Не дай намъ Богъ выдать добрыхъ людей!» — и всѣ князья разомъ ударили на враговъ сквозь свою пѣхоту. Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьимъ полкамъ, посякая людей: былъ у него на рукѣ топоръ съ паворозою, которымъ онъ и рубилъ; князь Владиміръ не отставалъ отъ него, и, послѣ лютой битвы, досѣлись наконецъ до обоза Всеволодовичей; тогда послѣдніе, видя, что Ростиславичи жнутъ ихъ полки какъ колосья, побѣжали вмѣстѣ съ Муромскими князьями, а князь Мстиславъ закричалъ своимъ: «Братья Новгородцы! не останавливайтесь надъ товаромъ, доканчивайте бой, а то воротятся

назадъ и взметутъ васъ.» Новгородцы, говоритъ летописецъ, отстали отъ обоза и бились, а Смольняне напали на добычу, одирали мертвыхъ, о битвѣ же не думали. Великъ, братья, промыслъ Божій, говоритъ тотъ же летописецъ: на этомъ страшномъ побоищѣ пало только пять человекъ Новгородцевъ, и одинъ Смольнянинъ, всѣ сохранены были силою честнаго креста и правдою; съ противной стороны было убито множество, а въ плѣнъ взято 60 человекъ во всѣхъ станахъ; если бы князи Юрій и Ярославъ знали это да вѣдали, то мирились бы, потому что слава ихъ и хвала погибла, и полки сильные ни во что пошли: было у князя Юрія 13 стяговъ, трубъ и бубновъ 60, говорили и про Ярослава, что у него было стяговъ 16, а трубъ и бубновъ 40. Люди больше всего жаловались на Ярослава: отъ тебя, говорили они, потерпѣли мы такую бѣду, о твоёмъ клятвенномъ преступленіи сказано: придите, птицы небесныя, напитайтесь кровью человѣческой; звери! набѣщайте мясъ человѣческихъ. Не десять человекъ убито, не сто, но всѣхъ избито 9233 человека; крикъ, вытье раненыхъ слышны были въ Юрьевѣ и около Юрьева, не было кому погребать, многіе перетонули во время бѣгства въ рѣкѣ; иные раненые, зашедши въ пустое мѣсто, умерли безъ помощи; живые побѣжали одни къ Владимиру, другіе къ Переяславлю, нѣкоторые въ Юрьевъ.

Юрій прибѣжалъ во Владимиръ на четвертомъ конѣ, а трехъ заморилъ, прибѣжалъ въ одной первой сорочкѣ, подкладъ и тотъ бросилъ; онъ пріѣхалъ около полудня, а схватка была въ обѣденную пору. Во Владимирѣ оставался одинъ безоружный народъ, попы, монахи, жены да дѣти; видя издали, что кто-то скачетъ къ нимъ на конѣ, они обрадовались, думая, что то вѣстникъ отъ князя съ побѣдою: «наши одолеваютъ,» говорили они. И вдругъ пріѣзжаетъ самъ князь Юрій одинъ, начинаетъ ѣздить около города, кричить: «укрѣпайте стѣны!» Всѣ смутились, вмѣсто веселья поднялся плачь; къ вечеру и въ ночь стали прибѣгать и простые люди: одинъ прибѣжитъ раненый, другой нагой. На другое утро Юрій созвалъ народъ и сталъ говорить: «Братья Владимирцы! затворимся въ городъ, авось отобьемся отъ нихъ.» Ему отвѣчали: «Князь Юрій! съ кѣмъ намъ затворяться? братья наши избиты, другіе взяты въ плѣнъ, остальные пришли безъ оружія, съ кѣмъ намъ стать?» Юрій сказалъ: «вое это я самъ

знаю; только не выдайте меня брату Константину и Ростиславичамъ, чтобъ мнѣ можно было выйти по своей волѣ изъ города.» Это Владимирцы ему обѣщали.—Ярославъ также прибѣжалъ въ Переяславль на пятомъ конѣ, а четырехъ заморилъ, и затворился въ городѣ. Не довольно было ему перваго зла, говорить лѣтописецъ, не насытился крови человѣческой, избивши въ Новгородѣ много людей, и въ Торжкѣ и на Волокѣ; этого было ему все мало: прибѣжавши въ Переяславль, онъ велѣлъ и тутъ теперь перехватать всѣхъ Новгородцевъ и Смольяннъ, зашедшихъ въ землю его для торговли, и велѣлъ ихъ покидать однихъ въ пѣгребѣ, другихъ запереть въ тѣсной избѣ, гдѣ они и перемерли всѣ, числомъ полтора ста; на Смольяннъ онъ не такъ злобился, и велѣлъ запереть ихъ 15 человекъ особо, отъ чего они всѣ и остались живы. Не такъ поступали князья изъ милостиваго племени Ростиславова: они остальную часть дня оставались на мѣстѣ побоища; а если бы погнались за непріятелемъ, то князьямъ Юрію и Ярославу неуйти бы, да и Владимиръ былъ бы взятъ въ располхъ; но Ростиславичи тихо пришли ко Владимиру, обѣхали и стали думать, откуда взять; а когда ночью загорѣлся княжій дворъ, и Новгородцы хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ для приступа, то Мстиславъ не пустилъ ихъ; черезъ день вспыхнулъ опять пожаръ въ городѣ и горѣло до свѣта; Смольяны также стали проситься на приступъ, но князь Владимиръ не пустилъ ихъ ⁴¹⁹. Тогда князь Юрій выслалъ къ осаждающимъ князьямъ съ челобитьемъ: «Не ходите на меня нынче, а завтра самъ пойду изъ города.» И точно на другой день рано утромъ выѣхалъ онъ изъ города, поклонился князьямъ Мстиславу и Владимиру Рюриковичу, и сказалъ: «Братья! вамъ челомъ бью, вамъ животъ дать и хлѣбомъ меня накормить, а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ.»—Онъ далъ имъ богатые дары; тѣ помирились съ нимъ, помирили его и съ братомъ Константиномъ, который взялъ себѣ Владимиръ, а Юрій долженъ былъ удовольствоваться Радиковымъ городцемъ на Волгѣ; владыка, княгиня и весь дворъ его сѣли немедленно въ лодки и поплыли внизъ по Клязьмѣ, а самъ Князь Юрій, зашедши передъ отъѣздомъ въ Соборную церковь, сталъ на колѣни у отцовскаго гроба и со слезами сказалъ: «Суди Богъ брату моему Ярославу, что довелъ меня до этого.» Проведивши Юрія, Владимирцы—духовенство и народъ

пошли встрѣчать новаго князя Константина, который богато одарилъ въ тотъ день князей и бояръ, а народъ привелъ къ присягѣ себѣ. Между тѣмъ Ярославъ все злобился и не хотѣлъ покоряться, заперся въ Переяславль, и думалъ, что отсидится здѣсь; но когда Ростиславичи съ Константиномъ двинулись къ Переяславлю, то онъ испугался и сталъ слать къ нимъ съ просьбою о мирѣ, а наконецъ и самъ прѣехалъ къ брату Константину, ударилъ ему челомъ и сказалъ: «Господинъ! я въ твоей волѣ: не выдай меня тестю моему Мстиславу и Владимиру Рюриковичу, а самъ накорми меня хлѣбомъ.» Константинъ помирилъ его съ Мстиславомъ еще на дорогѣ, и когда князья пришли къ Переяславлю, то Ярославъ одарилъ ихъ и воеводу богатыми дарами; Мстиславъ, взявши дары, послалъ въ городъ за дочерью своею, женою Ярославовою, и за Новгородцами, которые остались въ живыхъ и которые находились въ полкахъ съ Ярославомъ; тотъ не разъ послѣ этого посылалъ къ нему съ просьбою отдать ему жену, но Мстиславъ не согласился.

Такъ Мстиславъ уничтожилъ завѣщаніе Всеволода III, возстановилъ повидимому старину на сѣверѣ, хотя собственно здѣсь торжествомъ Константина прокладывался путь къ торжеству новаго порядка вещей, потому что старшій братъ становился матеріально несравненно сильнѣе младшихъ, получивъ и Ростовъ и Владимиръ, чего прежде желалъ; племени Константинову слѣдовало теперь усиливаться на счетъ остальныхъ сыновей Всеволодовыхъ, но судьба хотѣла иначе, и предоставляла честь собранія сѣверной Руси племени третьяго сына Всеволодова, того самаго Ярослава, который былъ виновникомъ описанныхъ событій. Слабый здоровьемъ Константинъ не долго на княжилъ во Владимирѣ; онъ чувствовалъ приближеніе смерти, видѣлъ сыновей своихъ несовершеннѣйшими, и потому спѣшилъ помириться съ братомъ Юріемъ, чтобъ не оставить въ немъ для послѣднихъ опаснаго врага: уже въ послѣдующемъ 1217 году онъ вызвалъ къ себѣ Юрія, далъ ему Суздаль, обѣщалъ и Владимиръ по своей смерти, много дарилъ и заставилъ поцѣловать крестъ — разумѣется на томъ, чтобъ быть отцемъ для племянниковъ. Въ 1218 году Константинъ послалъ старшаго сына своего Василька на столъ Ростовскій, а Всеволода на Ярославскій; по словамъ летописца, онъ говорилъ имъ: «Любезные сыновья мои! будьте въ

любви между собою, всею душою бойтесь Бога, соблюдая его заповѣди, подражайте мнѣ въ нравахъ и обычаяхъ: нищихъ и вдовъ не презирайте, церкви не отлучайтесь, іерейской и монашеской чинъ любите, книжнаго поученья слушайте, слушайтесь и старшихъ, которые васъ добру учать, потому что вы обаще молоды; я чувствую, дѣти, что конецъ мой приближается, и поручаю васъ Богу, Пречистой его Матери, брату и господину Орію, который будетъ вамъ вмѣстѣ меня.» Константинъ умеръ 1 февраля 1218 года; лѣтописецъ распространяется въ похвалахъ его кротости, милосердію, попеченію о церквахъ и духовенствѣ, говоритъ, что онъ часто читалъ книги съ прилежаніемъ и дѣлалъ все по писанному въ нихъ. Послѣ имя Константина юмниается съ прозваніемъ добрый. — Братъ его Юрій сталъ ю прежнему княжить во Владимирѣ.

Съ княжествомъ Суздальскимъ по природнымъ условіямъ тѣсно были соединены княжества Рязанское и Муромское. Князь Муромскій Давидъ ⁴¹³, ходилъ ностоянно въ волѣ великаго Всеволода, помогалъ ему въ покореніи Рязанскихъ князей; во время Липецкой битвы Муромскіе князья съ своими полками находились въ войскѣ младшихъ Всеволодовичей. Рязанскіе князья были отпущены Юріемъ изъ плѣна въ свои волости, но не долго жили здѣсь въ мирѣ: тотъ самый Глѣбъ Владиміровичъ, который прежде съ братомъ Олегомъ обносилъ остальную братью предъ Всеволодомъ III, теперь съ другимъ братомъ Константиномъ издумалъ истребить всѣхъ родичей, и княжить вдвоемъ во всей землѣ Рязанской. Мы видѣли причины сильной вражды между Ярославичами Рязанскими въ крайнемъ размельченіи волостей; причину же братоубійственнаго намѣренія Владиміровичей, почти единственнаго примѣра ⁴¹⁴ между русскими князьями послѣ Ярослава, можно объяснить изъ большой грубости, одичалости нравовъ въ Рязани, этой оторванной, отдаленной славянорусской колоніи на Финскомъ востокѣ. Какъ бы то ни было, въ 1217 году, во время съѣзда Рязанскихъ князей для родственнаго совѣщанія, Владиміровичи позвали остальную братью—шестерыхъ князей ⁴¹⁵ на пиръ къ себѣ въ шатеръ; тѣ, ничего не подозревая утравились къ нимъ съ своими боярами и слугами; но когда начали пить и веселиться, то Глѣбъ съ братомъ, вынувши мечи, бросились на нихъ съ своими слугами и Половцами, скрывавши-

мися подлѣ шатра: всѣ гости были перебиты. Остался въ живыхъ не бывшій на сѣздѣ Ингварь Игоревичъ, который и удержалъ за собою Рязань; Глѣбъ въ 1219 году пришелъ на него съ Половцами, но былъ побѣжденъ и едва успѣлъ уйти.

Мстиславъ, возвратившись съ побѣдою въ Новгородъ, недолго оставался въ немъ: въ слѣдующемъ же 1217 году онъ ушелъ въ Кіевъ, оставивъ въ Новгородѣ жену и сына Василя, и взявши съ собою троихъ бояръ, въ томъ числѣ стараго посадника Юрія Иванковича; какъ видно, онъ взялъ ихъ въ заложники за безопасность жены и сына: такъ сильна была вражда стороны и возможность торжества стороны Суздальской! на существованіе этой вражды, на существованіе въ Новгородѣ людей, непріязненныхъ Мстиславу, указываетъ извѣстіе, что Мстиславъ, по возвращеніи въ Новгородъ въ томъ же году, долженъ былъ схватить Стяпимира Дерновича съ сыномъ Нѣздилою, заточить ихъ въ оковахъ, взявши себѣ богатое имѣніе ихъ; а въ 1218 году онъ пошелъ въ Торжокъ, и схватилъ тамъ Борислава Цекуринича, при чемъ также овладѣлъ большимъ имѣніемъ; послѣ однако всѣ эти люди были выпущены на свободу. Въ томъ же году Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: «Кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего и вамъ; хочу поискать Галича, а васъ не забуду; дай мнѣ Богъ лѣсъ подлѣ отца у св. Софіи». Новгородцы сильно упрямивали его: «не ходи, князь!»; — но не могли удержать его. Проводивши Мстислава, Новгородцы послали въ Смоленскъ за племянникомъ его. Святославомъ, сыномъ Мстислава Романовича; но въ томъ же 1218 году встала смута: какъ-то Матей Душильчевичъ, связавши одного чиновника Мойсѣича, убѣжалъ; бѣглеца схватили и привели на Городище, какъ вдругъ пронесся въ городѣ ложный слухъ, что посадникъ Твердиславъ выдалъ Матея князю⁴⁶; встало волненіе: жители Зарѣчья (Ониполовцы) зазвонили у св. Николы и звонили цѣлую ночь, а жители Черевскаго конца стали звонить у 40 Святыхъ, собирая также людей на Твердислава. Князь, услыхавъ о мятежѣ, выпустилъ Матея; но народъ уже не могъ успокоиться: Ониполовцы выступили въ бронехъ⁴⁷, какъ на рать, Черевляне также, а Загородцы не присоединились ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, но смотрѣли, что будетъ. Тогда Твердиславъ, взглянувши на св. Софію, сказалъ: «Если я виноватъ,

го. пусть умру; если же правъ, то ты меня оправь, Господи!» — и пошелъ на бой съ Людынымъ концемъ и съ жителями Прусской улицы. Битва произошла у городскихъ воротъ, и Онополовцы съ Неревцами обратились въ бѣгство, потерявши изъ своихъ Ивана Душилчевича, Матеева брата, а Неревляне Константина Прокопича, да кромѣ этихъ еще шесть человекъ; побѣдители—жители Людина конца и Прусской улицы потеряли по одному человеку, а раненыхъ было много съ обѣихъ сторонъ. Цѣлую недѣлю послѣ этого побоища все были вѣча въ городѣ; наконецъ сошлись братья вмѣстѣ единодушно, и цѣловали крестъ. Но тутъ князь Святославъ прислалъ своего тысяцкаго на вѣче: «Не могу, говорилъ князь, быть съ Твердиславомъ, и отнимаю у него посадничество». Новгородцы спросили: «А какая вина его!» — «Безъ вины», велѣлъ отвѣчать князь. Тогда Твердиславъ сказалъ: «Тому я радъ, что вины на мнѣ нѣтъ никакой; а вы, братья, вольны и въ посадничество и въ князьяхъ». Новгородцы велѣли отвѣчать Святославу: «Князь! если Твердиславъ ни въ чемъ не виноватъ, то ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности; тебѣ кланяемся, а вотъ нашъ посадникъ, и до того не допустимъ, чтобъ отняли у него безъ вины посадничество». Святославъ не настаивалъ больше, и наступило спокойствіе.

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ Романовичъ, князь Кіевскій, прислалъ въ Новгородъ сына своего Всеволода: «Примите къ себѣ, велѣлъ онъ сказать Новгородцамъ, этого Всеволода, а Святослава старшаго отпустите ко мнѣ». Новгородцы исполнили его волю. Тою же зимою Семьюнъ Еминъ съ отрядомъ изъ четырехъ сотъ человекъ пошелъ на Финское племя Тоймокаровъ⁴¹⁸; но Суздальскіе князья, ни Юрій, ни Ярославъ не пропустили ихъ чрезъ свою землю; принужденные возвратиться назадъ въ Новгородъ, Семьюнъ съ товарищами стали шатрами по полю, а въ городѣ начали распускать слухъ, что посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунъ нарочно послали къ Юрію, чтобъ онъ не пускалъ ихъ, и этими слухами взволновали городъ: Твердиславъ и Якунъ лишены были своихъ должностей; посадничество отдаютъ Семену Борисовичу, кажется внуку знаменидаго Миропши, а тысяча Семьюму Емину. Но оба они и году не пробыли въ своихъ должностяхъ: въ томъ же 1219 году посад-

ничество опять отдано было Твердиславу, а тысяча Якуну. Суты, борьба сторонъ касались даже и владыкъ: мы видѣли, что Мстиславъ съ своими приверженцами свергнулъ владыку Митрофана, какъ избранника Всеволодова; но по уходѣ Мстислава въ 1218 году Митрофанъ возвратился изъ Владимира въ Новгородъ и сталъ жить въ Благовѣщенскомъ монастырѣ; въ 1219 году, когда преемникъ его Антоній пошелъ въ Торжокъ, Новгородцы провозгласили опять Митрофана своимъ владыкою, а къ Антонію послали сказать: «ступай куда тебѣ любо»; онъ отправился на житье въ Спасонередницкій монастырь; наконецъ князь Всеволодъ и Новгородцы сказали обоимъ владыкамъ: «Ступайте къ митрополиту въ Кіевъ, и кого онъ изъ васъ пришлетъ опять къ намъ, тотъ и будетъ нашимъ владыкою». Въ 1220 году пришелъ назадъ архіепископъ Митрофанъ, оправданный Богомъ и св. Софією, по выраженію лѣтописца, Антонія же митрополитъ удержалъ у себя въ чести, и далъ ему епископство Перемышльское.

Всеволодъ Мстиславичъ наследовалъ вражду брата своего Святослава къ посаднику Твердиславу: въ 1220 году онъ отправился по своимъ дѣламъ въ Смоленскъ, оттуда проѣхалъ въ Торжокъ, и когда возвратился въ Новгородъ, то поднялъ половину его жителей на Твердислава, хотѣлъ убить его, а Твердиславъ былъ въ это время Солень. Всеволодъ пошелъ съ Городища, гдѣ жилъ, со всею своимъ дворомъ, одѣвшись въ броню, какъ на рать, и пріѣхалъ на дворъ Ярославовъ, куда сошли къ нему Новгородцы также вооруженные и стали полкомъ и княжомъ дворъ; больного Твердислава вывели на саняхъ къ Борисоглебской церкви, куда къ нему на защиту собрались жители Прусской улицы, Людина конца, Загородцы, и стали около него патью полями. Князь увидавши, что они хотятъ крѣпо отдать свой животъ, по выраженію лѣтописца, не поѣхалъ къ нимъ, но прислалъ владыку Митрофана съ добрыми рѣчами, и владыка успѣлъ помирить обѣ стороны. Но Твердиславъ самъ отказался отъ посадничества по причинѣ болѣзни, и видя, что болѣзнь все усиливается, тайкомъ отъ жены, дѣтей и всей братьи ушелъ въ Архивъ монастырь и тамъ постригся. Въ преемникъ ему былъ избранъ Иванко Дмитріевичъ, какъ видно, сынъ Дмитрія Якувича.

Между тѣмъ примиреніе князя Всеволода съ Твердиславою гороною не было прочно; въ слѣдующемъ же 1221 году Новгородцы показали путь Всеволоду: «не хотимъ тебя, ступай уда хочешь», сказали они ему. Необходимымъ слѣдствіемъ згнанія Ростиславича было обращеніе къ Юрьевичамъ Суздальскимъ, и вотъ владѣна Митрофанъ, посадникъ Иванко, старѣйшіе мужи отправились во Владимиръ къ Юрію Всеволодовичу за сыномъ, и тотъ далъ имъ сына Всеволода на всей ихъ югѣ: послѣ Ливецкой битвы Суздальскимъ князьямъ нельзя было вдругъ опять начать прежнее поведеніе съ Новгородцами; Юрій, какъ видно, былъ очень радъ обращенію Новгородцевъ въ своему племени: богато одарилъ владыку и другихъ пословъ, и прислалъ брата своего Святослава съ войскомъ на помощь Новгородцамъ противъ Чуди. Но Юрьеву сыну не понравилось въ Новгородѣ: въ томъ же году онъ тайкомъ выѣхалъ оттуда со всѣмъ дворомъ своимъ; Новгородцы опечалились и отправили снова старшихъ мужей сказать Юрію: «Если тебѣ не угодно держать Новгорода сыномъ, такъ дай намъ брата». И Юрій далъ имъ брата своего Ярослава, того самаго, который прежде поморилъ ихъ голодомъ. Новгородцы были рады Ярославу, говорить лѣтописецъ, и когда въ 1223 году онъ ушелъ отъ нихъ въ свою волость—Переяславль Залѣскій, то они кланялись ему, уговаривали: «Не ходи, князь»; но онъ не послушалъ ихъ просьбы; опять Новгородцы послали за княземъ къ Юрію, и зотъ онѣ далъ имъ сына своего Всеволода. Въ 1224 году пришелъ Всеволодъ вторично въ Новгородъ, и въ томъ же году опять тайкомъ, ночью ушелъ оттуда; на этотъ разъ впрочемъ дѣло только этимъ не кончилось: Всеволодъ, по призыву дяди, дѣствѣлъ въ Торжокъ, куда пришелъ къ нему отецъ Юрій съ полками, дядя Ярославъ, двоюродный братъ Василько Константиновичъ съ Ростовичами, шуринъ Юріевъ, Михайлъ съ Черниговцами. Новгородцы послали сказать Юрію: «Князь! отпусти къ намъ сына своего, а самъ пойди съ Торжка прочь». Юрій повѣлъ отвѣчать: «Выдайте мнѣ Якина Ивановича, Никифора Будорошча, Иванка Тимошквича, Сдигу Савинича, Вачка, Иванда, Радка; а если не выдадите, то я помѣю коней Тверцою, напою въ Волховеши». Новгородцы собрали всю волостьъ около города поставили острогъ, и послали опять сказать Юрію: «Князь!

клапаясь тебѣ, а брати своей не выдаемъ; и ты крестъ не пропявай, впрочемъ какъ хочешь: твой мечъ, а наши головы. И въ то же время Новгородцы разставили сторожей по дорогамъ, подѣлали застѣки, твердо рѣшась умереть за св. Софію; Юрій и рѣшился идти поить коней Волховомъ, и послалъ сказать Новгородцамъ: «Возьмите у меня въ киззя шурина моего Михаила Черниговскаго». Новгородцы согласились и послали за Михаиломъ, Юрій вышелъ изъ Торжка, но не даромъ: Новгородцы заплатили ему семь тысячъ; здѣсь въ первый разъ они принуждены были откупиться деньгами отъ сѣвернаго князя; приемники Юрія не преминуть воспользоваться его примѣромъ.

Южный князь изъ старой Руси былъ по праву Новгородцакъ: при немъ было легко ихъ волости. Но, подобно всѣмъ князьямъ, Михаилъ не могъ долго у нихъ оставаться. Онъ пошелъ сперва во Владимиръ, выпрашивать у Юрія назадъ товаровъ Новгородскихъ, которые тотъ захватилъ на Торжку и по своей волости; возвратясь съ товарами въ Новгородъ, онъ сталъ на Ярославомъ дворѣ, и сказалъ Новгородцамъ: «Не хочу у васъ жить, иду въ Черниговъ; пускайте ко мнѣ купцовъ, пусть ваша земля будетъ какъ моя земля». Новгородцы много упрашивали его остаться, и не могли упротить. Проводивши Михаила съ честью, Новгородцы принуждены были опять послать въ Переяславль къ Ярославу. Тотъ пришелъ къ нимъ, и на этотъ разъ пробылъ въ Новгородѣ почти три года, и когда уходилъ назадъ въ свой Переяславль, то оставилъ Новгородцакъ двоихъ сыновей, Федора и Александра съ бояриномъ Федоромъ Даниловцемъ и съ тиуномъ Якимомъ. Но при Ярославе и сыновьяхъ его Новгородской волости не было такъ легко, какъ при Михаилѣ Черниговскомъ: явились новыя подати, новыя распоряженія, какихъ не было означено въ старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Съ другой стороны, молодымъ князьямъ или, лучше сказать, дядькѣ ихъ Федору Даниловичу не могло нравиться въ Новгородѣ, гдѣ происходили безпрерывныя волненія и вѣчныя самоуправства, неизвѣстныя въ Низовой землѣ. Осенью 1228 года полили сильныя дожди день и ночь, съ Успеньева дня до Наволнина не видать было солнца; ни сѣна нельзя было добыть, ни пашни пахать. Тогда дьяволъ, по выраженію летописца, заведуя христіанскимъ подвигомъ владыки Арсенія, возбудилъ пре-

ить него чернь: собрали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и пош-
ли на дворъ владычинъ, крича: «Это изъ-за Арсенія такъ долго
топтъ у насъ тепло: онъ выпроводилъ прежняго владыку Ан-
тонія на Хутынь, а самъ сѣлъ, подаривши князя»; — вытолкали
его за ворота какъ злодѣя, чуть-чуть не убили; едва успѣлъ онъ
авернуться въ Софійской церкви, откуда пошелъ въ Хутынь мо-
настырь. На его мѣсто вывели опять прежняго архіепископа
Антонія, но этимъ дѣло не кончилось: взволновался весь городъ;
вооружились и пошли съ вѣча на тысяцкаго Вячеслава, разгра-
били дворъ его, дворъ брата его Богуслава, дворъ Андреяча,
владыкина стольника и другихъ; послали грабить дворъ и Ду-
вильца, Дипитскаго старосты, а самого хотѣли повѣсить, но
онъ успѣлъ убѣжать къ Ярославу, такъ взяли его жену, говоря:
«Эти люди наводятъ князя на зло». Отнявши должность тысяцка-
го у Вячеслава и давши ее Борису Нѣгочевичу, Новгородцы по-
мали сказать князю Ярославу: «Пріѣзжай къ намъ, новыя по-
плыны оставь, судей по волости не шли, будь нашимъ княземъ
на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, или
ты себѣ, а мы себѣ ⁴¹⁰». Вмѣсто отвѣта Федоръ Даниловичъ и
Іуноу Якимъ, взявши двухъ княжичей, побѣжали изъ Новгоро-
да; Новгородцы сказали: «Что же это онъ побѣжалъ? развѣ
такое зло задумалъ на св. Софію; а мы ихъ не гнали, только
братью свою казнили, а князю никакого зла не сдѣлали, пусть
на нихъ будетъ Богъ и крестъ честный, а мы себѣ князя про-
мыслимъ», — поцѣловали образъ Богородицы, что быть всѣмъ
на одно, и послали за Михайловъ въ Черниговъ; послы ихъ бы-
ли задержаны въ Смоленскѣ тамошними князьями по Ярославо-
ву наущенію, да и потому вѣроятно, что Ростиславичи не могли
желать добра Новгородцамъ послѣ изгнанія Всеволода. Не смо-
гли на то, Михайлъ какъ-то узналъ о Новгородскихъ проис-
шествіяхъ, о томъ, что послы, отправленные за нимъ задержа-
ны въ Смоленскѣ, и поскакалъ въ Торжокъ, а оттуда въ 1229
году явился въ Новгородъ, къ величайшей радости Новгоро-
дцевъ, которымъ онъ цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на
ихъ грамотахъ Ярославовыхъ, освободилъ смердовъ отъ пла-
тежа дани на пять лѣтъ, платежъ сбывавшимъ на чужую землю
становилъ на основаніи распоряженій прежнихъ князей. По-
лучивъ желаннаго князя, сторона Михайлова обратилась про-

тивъ своихъ противниковъ, приверженцевъ Ярославовицъ, преимущественно Городищанъ: дворовъ ихъ не грабили, не взяли съ нихъ много денегъ, и дали на строеніе большаго моста. Тогда же отняли посадничество у Ивана Дмитриевича, и отдали его Внѣзду Водовику, а Иванку дали Торжокъ; но лѣтеи этого города не приняли его, и онъ пошелъ къ Ярославу.

Михаилъ впрочемъ и на этотъ разъ не долго оставался въ Новгородѣ: въ томъ же 1229 году, оставивъ здѣсь сына Ростислава и взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, онъ пошелъ въ Черниговъ къ братьямъ; къ Ярославу послалъ сказать: «Отступишь отъ Волока и отъ всего Новгородскаго, что взялъ силою и цѣлуй крестъ». Ярославъ отвѣчалъ: «Ни отъ чего не отступаю и креста не цѣлую: вы себѣ, а я себѣ»,— и продержалъ пословъ все лѣто. Въ слѣдующемъ году Михаилъ явился въ Новгородъ, справилъ постриги своему сыну Ростиславу, посадилъ его на столъ, а самъ опять пошелъ въ Черниговъ. Имѣть малолѣтнаго князя для Новгородцевъ было все равно, что не имѣть его вовсе; начались опять сильныя волненія: новый посадникъ Водовикъ поссорился съ сыномъ стараго посадника Степаномъ Твердиславичемъ, сторону котораго принялъ Иванко Тимошкиничъ; слуги посадничьи прибили Тимошкинича, который на другой день собралъ вѣче на Ярославовъ дворъ, вслѣдствіе чего дворъ посадничій былъ разграбленъ. Но Водовикъ вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ, старымъ посадникомъ, соперникомъ Твердислава, а слѣдовательно и сына его, подняли снова весь городъ на Иванку и его пріятелей, пошли съ вѣча и много дворовъ разграбили, а Волоса Блауткинича убили на вѣчѣ, при чемъ Водовикъ приговаривалъ: «Ты мой дворъ хѣтъ зажечь». Водовикъ послѣ убилъ также и Тимошкинича, сбросивши его въ Волхвъ. Но зимою, когда посадникъ вмѣстѣ съ княжичемъ Ростиславомъ поѣхалъ въ Торжокъ, то на другой же день враги его убили Семена Борисовича, домъ и селъ его разграбили, жену схватили; также разграбили дворъ и селъ Водовиковы, брата его и пріятелей, тысяцкаго Бориса. Услыхавъ объ этомъ, Водовикъ съ братьями, тысяцкій Борисъ и Торжокскіе бояре побѣжали къ Михаилу въ Черниговъ, а въ Новгородѣ дали посадничество Степану Твердиславичу, должность тысяцкаго Никитѣ Петриловичу, итѣніе Семена и Водови-

ника раздѣлили по сотнямъ, а князю Ростиславу показали путь изъ Торжка, послали сказать ему: «Твой отецъ обѣщался съѣсть на коня и въ походъ идти съ Воздвиженія, а теперь уже Николинъ день; съ насъ крестное цѣлованіе долой, а ты ступай прочь, мы себѣ князя промыслимъ»,—и послали за Ярославомъ на всей волѣ Новгородской,⁴²⁰; тотъ пріѣхалъ немедленно, поклялся исполнять всѣ грамоты Ярославовы, но по прежнему не постоянно жилъ въ Новгородѣ, гдѣ занимали его мѣсто сыновья—Федоръ и Александръ; новыя льготы, данныя Михаиломъ, были уничтожены по нѣкоторымъ извѣстіямъ.

Такииъ образомъ слѣдствія дѣла Мстиславова, Липецкой побѣды, не были продолжительны на сѣверѣ: Юрій по прежнему жидѣлъ во Владимирѣ, и Новгородцы, послѣ многихъ волневій и перемѣнъ, должны были опять принять Ярослава, который, не смотря на всѣ неудачи, не перемѣняетъ своего поведенія, не отказывается отъ намѣренія стѣснять старинный бытъ Новгородскій, вопреки южному Черниговскому князю, который даетъ старымъ вѣчникамъ новыя льготы. Обратимся теперь къ дѣятельности Мстиславовой на югозападѣ. Сваты—Андрей Венгерскій и Лешко Польскій скоро поссорились; король отнялъ у Лешка Перемышль и Любачевъ, и тотъ, не имѣя возможности самъ отомстить за свое безчестье и овладѣть Галичемъ, послалъ сказать Мстиславу: «Ты мнѣ братъ: приходи и садись въ Галичѣ». Мстиславъ долженъ былъ обрадоваться этому приглашенію, потому что въ Новгородѣ въ это время (1215 г.⁴²¹) приходилось ему плохо; онъ явился въ Галичъ, Венгры побѣждали, и Мстиславъ утвердился на столѣ Романа, выдавши за сына его Данила дочь свою Анну. Данилъ возмужалъ и скоро всѣ увидали, что онъ пойдетъ въ знаменитаго отца своего. Пользуясь слабостію Волыни по смерти Романа и во время малолѣтства сыновей его, Поляки овладѣли пограничными мѣстами, украиною; теперь Данилъ вздумалъ отнять у нихъ эту Украину, и пріѣхавъ къ цѣсти Мстиславу, сказалъ ему: «Батюшка! Дяхи держатъ мою стчину!» тотъ отвѣчалъ ему: «Сынъ! за прежнюю любовь я не югу подняться на Лешка, ищи себѣ другихъ союзниковъ». У Данила былъ одинъ неизмѣнный союзникъ во всю жизнь—родной братъ Василько; вмѣстѣ съ нимъ онъ пошелъ на Поляковъ, и озвратилъ Волынскую Украину. Лешко сильно разсердился за это

на Романовичей, послалъ противъ нихъ войско, но войско это возвратилось пораженное. Не смотря на то, что Мстиславъ отказался помогать зятю противъ Лешка, онъ не избѣжалъ подозрѣнiя, что война начата по его совѣту, и Лешко, злобясь на него, соединился снова съ Венгерскимъ королемъ, приглашая его опять овладѣть Галичемъ для сына своего, зятя Лешкова. Королевичъ Коломанъ пришелъ съ сильными полками, противъ которыхъ Мстиславъ, при нерасположенiи бояръ, съ одною своею дружиною не могъ бороться; онъ вышелъ изъ страны, сказавши молодому Данилу, который отличился необыкновенною храбростiю при отступленiи изъ Галича: «Князь! ступай во Владимиръ, а я пойду къ Половцамъ: отомстимъ за стыдъ свой».

Но не къ Половцамъ отправился Мстиславъ: онъ пошелъ на сѣверъ, тамъ освободилъ Новгородъ отъ Ярослава Всеволодовича, одержалъ Липецкую побѣду, и только въ 1218 году явился опять на югъ; нанявши Половцевъ, въ слѣдующемъ году онъ пошелъ на Галичъ; войсками Коломана начальствовалъ воевода Филя, которому лѣтописецъ придаетъ названiе прегордаго: Филя съ презрѣнiемъ отзывался о Русскихъ полкахъ, онъ говаривалъ: «Одинъ камень много горшковъ побиваетъ»; говаривалъ также: «Острый мечъ, борзый конь—много Руси». Но въ тяжелой битвѣ съ Мстиславомъ не спасли его ни острый мечъ, ни борзый конь, ни Польская помощь: онъ проигралъ битву и былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ побѣды Мстиславъ осадилъ Галичъ; Венгры заверлись на крѣпкой башнѣ, которую Филя построилъ надъ Богородичною церковiю, и тамъ защищались, стрѣляя и метая камни на гражданъ; лѣтописецъ смотритъ на это обращенiе церкви въ крѣпость, какъ на оскверненiе святаго мѣста, укоряетъ Филю, и говоритъ, что Богородица, не стерпѣвши поруганiя надъ домомъ своимъ, предала башню и защитниковъ ея въ руки Мстиславу: Венгры, изнемогая отъ жажды, сдались. Была радость большая, говоритъ лѣтописецъ: спасъ Богъ отъ иноплемениковъ; потому что изъ Венгровъ и Ляховъ одни были перебиты, другiе взяты въ плѣнъ, иные перетонули въ рѣкахъ, нѣкоторыхъ перебили сельскiе жители, ни одинъ не ушелъ. Между плѣнными находился и знаменитый бояринъ Судиславъ; когда его привели къ Мстиславу, то онъ припалъ къ ногамъ побѣдителя, клянясь быть ему вѣрнымъ слугою; Мстиславъ повѣривъ, сталъ держать

то въ большой чести и отдавъ Звенигородъ въ управленіе. — Когда Романовичи, во время отсутствія Мстиславова, должны были бороться съ опасными врагами Венграми и Поляками, и не было имъ ни откуда помощи, кромѣ одного Бога, по выраженію гѣтонисца, противъ нихъ всталъ также ближній родственникъ, двоюродный братъ, Александръ Всеволодовичъ Бѣльскій; но те- перь, когда Мстиславъ восторжествовалъ надъ Венграми и Ле- шко успѣшилъ примириться съ Романовичами, то послѣдніе пошли отомстить Александру, и поплѣнили всю его землю; только заступничествомъ Мстислава Бѣльскій князь былъ обязанъ сохра- неніемъ своей волости.

Но понятно, что злоба Александра на двоюродныхъ брать- вѣ не уменьшилась отъ этого, и ему скоро представился случай отомстить имъ, потому что Данилъ не долго жилъ въ дружбѣ съ тестемъ. Причинъ къ нерасположенію не могло не быть, по- тому что права ихъ на Галичь сталкивались: Мстиславъ добылъ Галичь оружіемъ отъ иноплеменниковъ, но Данилъ не забы- валъ, что это была волость отца его; притомъ же смутниковъ было много: бояре крамоляли, Александръ Бѣльскій поджигалъ еще больше. Узнавши, что Мстиславъ не въ ладахъ съ зятемъ, онъ сильно обрадовался и сталъ понуждать Мстислава къ рати противъ Романовичей. Началась усобица между двумя изъ зна- менитѣйшихъ князей Русскихъ стараго и новаго поколѣнія: Данилъ соединился съ Поляками, Мстиславъ привелъ Полов- цевъ, поднялъ и Владиміра Рюриковича, князя Кіевского; но въ этой усобицѣ больше всѣхъ потерпѣлъ главный виновникъ ея, Александръ Бѣльскій: Мстиславъ дѣйствовалъ какъ-то вяло въ его пользу, и волость Бѣльская снова была страшно опустошена Романовичами; озлобленный Александръ еще больше сталъ под- кивать Мстислава на Данила: «зять твой хочетъ тебя убить» — гвердилъ онъ ему; но напослѣдокъ Удаюму открыли глаза: онъ увидалъ, что все это была клевета на Данила, и помирился съ зятемъ. Но и послѣ этого спокойствіе не возстановилось; бо- яринъ Жирославъ завелъ смуту: онъ увѣрилъ остальныхъ бояръ, что Мстиславъ идетъ въ степь къ тестю своему, Половецкому хану Котлану, дабы тамъ перебить ихъ всѣхъ. Бояре всполоши- лись, и побѣжали въ Перемышльскій округъ, въ Карпатскія горы, откуда послали объявить Мстиславу о причинѣ своего бѣгства,

прямо указывая на Жirosлава. Мстиславъ, который, на утра-
ню летописца, и не думалъ ничего предпринимать противъ бо-
яръ, послалъ къ нимъ духовника своего Тимофея разубѣдить ихъ;
Тимофей исполнилъ порученіе и привелъ назадъ бояръ, послѣ
чего Жirosлавъ былъ изгнанъ Мстиславомъ отъ себя. Жiros-
лавъ былъ изгнанъ, но товарищи его остались, и потому смута
слѣдовала за смутой. Бояре уговорили Мстислава обручить мош-
ную свою дочь Венгерскому королевичу Андрею, и дать наре-
ченному зятю Перемышль; Андрей не долго пожилъ здѣсь въ во-
коѣ: послушавшись боярина Семена Черниаго, онъ бѣжалъ къ
отцу въ Венгрію и поднялъ его на войну противъ тестя Мсти-
слава; съ Венграми соединились Поляки, и король съ сильнымъ
войскомъ сталъ забирать Галицкіе города; но подъ Звенигоро-
домъ потерпѣлъ сильное поражение отъ Мстислава и поспѣшилъ
уйти назадъ въ свою землю. Романовичи, пріѣхавшіе на помощь
къ Мстиславу, побуждали его преслѣдовать короля; но послѣд-
нему благоприятствовали бояре, и одинъ изъ самыхъ знамени-
тыхъ, Судиславъ, да другой еще Глѣбъ Зеремѣвичъ; они не
только удержали Мстислава отъ преслѣдованія, но уговорили
его выдать дочь за обрученнаго жениха, королевича, и отдать
послѣдному не Перемышль только, но все Галицкое княжество;
они говорили Мстиславу: «Князь! самъ ты не можешь держать
Галича: бояре не хотятъ тебя; если отдашь его королевичу, то
можешь взять его подъ нимъ назадъ, когда захочешь; если же
отдашь Данилу, то уже никогда не будетъ больше твой Галичъ,
потому что народъ крѣпко любитъ Данила». Мстиславъ испол-
нилъ желаніе бояръ, отдалъ королевичу Андрею Галичъ, а самъ
взялъ Понизье; потомъ раскаялся и послалъ сказать Данилу:
«Сынъ! согрѣшилъ я, что не далъ тебѣ Галича, но отдалъ его
иноплеменнику, по совѣту льстеца Судислава: обольстилъ онъ
меня; но, если Богу угодно, то дѣло еще можно поправить: пої-
демъ на нихъ — я съ Половцами, а ты съ своими; когда Богъ
намъ поможетъ, то ты возьмишь Галичъ, а я Понизье». Но Уда-
лой не успѣлъ загладить своей неосторожности, и до самой смерти
не могъ высвободиться изъ-подъ вліянія Глѣба Зеремѣвича, кото-
рый не допустилъ его передъ кончиною повидаться съ Дани-
ломъ, и отдать послѣдному домъ свой и дѣтей на руки. Мстиславъ
умеръ въ 1228 году⁴³³: Князь знаменитый подвигами славными.

не безплодными, показавшей ясно несостоятельность старой, южной Руси, неспособность ее къ дальнѣйшему государственному развитію. На сѣверѣ Мстиславъ освободилъ Новгородъ сперва отъ Всеволода, потомъ отъ сына Всеволодова, наконецъ Липецкою побѣдою нарушилъ завѣщаніе Всеволода: но мы видали, продолжительны ли были слѣдствія Липецкой побѣды; на югѣ Мстиславъ овладѣлъ Галичемъ, отнялъ его у Венгровъ, но потомъ самъ добровольно отдалъ имъ назадъ это Русское княжество, изъяснилъ только передъ смертію бесполезное раскаяніе въ своей безхарактерности; — и все здѣсь на югѣ осталось по прежнему, какъ будто бы Мстислава и не было; по прежнему южная Русь стала доживать свой вѣкъ въ безконечныхъ ссорахъ Мономаховичей съ Ольговичами, Ростиславичей съ Изяславичами.

Мы видали, что Мстиславъ Удалой въ 1214 году, выгнавши изъ Кіева Всеволода Чернаго, посадилъ на его мѣсто старшаго между Ростиславовыми внуками, Мстислава Романовича, который и сидѣлъ на старшемъ столѣ до 1224 года; по смерти Романовича Кіевъ достался по очереди старшему по немъ двоюродному брату Владиміру Рюриковичу. Въ Черниговѣ, по смерти Всеволода Чернаго княжилъ братъ его Мстиславъ, а по смерти послѣдняго въ 1224 году, племянникъ его, сынъ Всеволода Чернаго Михаилъ, котораго мы видали дѣйствующимъ въ Новгородѣ; но занялъ ли Михаилъ Черниговъ тотчасъ по смерти Мстислава, трудно рѣшить утвердительно, ибо какъ-то странно, что въ 1224 году онъ рѣшился промѣнять Черниговъ на Новгородъ; вѣрно одно, что Михаилъ не могъ утвердиться въ Черниговѣ безъ борьбы съ дядею своимъ Олегомъ Курскимъ; неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта борьба, еслибы на помощь къ Михаилу не явился сильный союзникъ, зять его, князь Суздальскій Юрій съ двумя племянниками Константиновичами (1226 г.); разумѣется Курскій князь не могъ противиться соединеннымъ силамъ Суздальскаго и Черниговскаго князей, и долженъ былъ уступить права свои племяннику; въ лѣтописи сказано, что Юрій помирилъ ихъ съ помощію митрополита Кирилла: такъ сѣверному князю удалось нарушить старину и на югѣ еще при жизни Мстислава Удалаго. — Племя Ольговичей было многочисленно: лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ Козельскихъ, Трубчевскихъ, Пучиньскихъ, Рильскихъ. — Старшіе Юрьевичи Суздальскіе,

уступая Кіевъ слѣдующимъ послѣ нихъ по племенному старшинству Мстиславичамъ, удерживаютъ Переяславль для своихъ младшихъ, Юрьевичей, которые соотвѣтствуютъ по старшинству Мстиславичамъ, сидящимъ въ Кіевѣ. Мы видѣли, какъ сынъ Всеволода, Ярославъ былъ изгнанъ изъ Переяславля Всеволодомъ Чернымъ въ 1207 году, послѣ чего Переяславль одно время былъ за Ростиславичами; но въ 1213 году Всеволодовичи послали туда младшаго брата своего Владиміра, который было застылъ на время въ Москвѣ; взятый въ плѣнъ Половцами въ 1215 году, и освободившись изъ плѣна въ 1218 г., Владиміръ отправился къ братьямъ на сѣверъ, гдѣ получилъ отъ нихъ Стародубъ и нѣкоторыя другія волости, и умеръ въ 1227 году; въ этомъ же самомъ году Юрій Всеволодовичъ отправилъ въ Переяславль на столъ племянника своего Всеволода Константиновича; кто же сидѣлъ здѣсь во время плѣна Владимірова и пребыванія его на сѣверѣ — неизвѣстно; но Всеволодъ Константиновичъ не пробылъ и года въ Переяславлѣ, куда на его мѣсто Юрій отправилъ брата своего Святослава. — На западъ отъ Днѣпра мы видѣли судьбу старшей линіи Изяслава Мстиславича, княжившей во Владиміръ Волынскомъ; что касается до младшей линіи, князей Луцкихъ, то по смерти Ярослава Изяславича, въ Луцкѣ княжилъ Ингваръ, сынъ его, котораго мы видѣли одно время и въ Кіевѣ; по смерти Ингвара въ Луцкѣ сѣлъ братъ его Мстиславъ Нѣмой, который, умирая, поручилъ отчину свою и сына Ивана Данилку Романовичу; Иванъ скоро умеръ, и Луцкѣ былъ занятъ двоюроднымъ братомъ его, Ярославомъ Ингваревичемъ, а Чарторыйскъ княземъ Пинскимъ Ростиславомъ; но Данилъ взялъ и Луцкѣ и Чарторыйскъ, и отдалъ Луцкѣ и Пересопницу брату своему Васильку, который владѣлъ также и Брестомъ, а Ярославу далъ Перемышль и Межибожь. Мы упомянули о князѣ Пинскомъ: послѣ того какъ внуку Святополку, Юрію Ярославичу удалось утвердиться въ Туровской волости, волость эта стала дѣлиться въ его поколѣніи между двумя княжескими линіями, пошедшими отъ сыновей его — Святополка и Глѣба; главныи образомъ Туровская волость дѣлилась на два княжества — Туровское и Пинское, кромѣ того были другія мельчайшія волости. Святополкъ Юрьевичъ, шурина Рюрика Ростиславича, умеръ въ 1195 году ¹¹⁹⁵. — Между разными

иными князей Полоцкихъ по прежнему происходили усобицы и чѣмъ особенно не замѣчательныя ⁴²⁴.

Разсматривая дѣятельность князей Русскихъ въ періодъ времени отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Удалаго, мы замѣтили при нихъ бояръ и слугъ: на сѣверѣ, въ Суздальской области видѣли знаменитаго воеводу Боголюбскаго, Бориса Жидиславича, который по смерти Андрея вѣстѣ съ другими своими товарищами держалъ сторону Ростиславичей противъ Юрьевичей, вслѣдствіе торжества послѣднихъ перешелъ въ службу къ врагу ихъ, князю Глѣбу Рязанскому, вѣстѣ съ которымъ попался въ плѣнъ ко Всеволоду III въ сраженіи при Прусковой горѣ. На одной сторонѣ съ Борисомъ были Добрыня Долгій, Иванко Степановичъ, Матейшъ Бутовичъ; двое первыхъ погибли въ битвѣ Всеволода III съ Мстиславомъ Ростовскимъ, послѣдній, какъ видно, тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ: кромѣ именъ лицъ, находившихся при дворѣ Андреевомъ и участвовавшихъ въ заговорѣ на его жизнь, мы встрѣчаемъ имя Иихна, посла его къ Ростиславичамъ южнымъ. Изъ мужей Всеволода III-го встрѣчаемъ исполнителями его порученій Михаила Борисовича (быть можетъ сына Бориса Жидиславича), который вѣдиль Ольговичей ко кресту въ 1207 году, участвовалъ въ вѣлахъ Рязанскихъ и Новгородскихъ; Лазаря, который распояжался именемъ своего князя въ Новгородѣ, тіуна Гюря, котораго Всеволодъ посмалъ на югъ для обновленія Городца Осерскаго въ 1295 году; меченосу Кузьму Ратьшича, который оевалъ Тепру въ 1210 году; Оому Лазковича и Дорожая, участвовавшихъ въ Болгарскомъ походѣ 1182 года; боярина Якова лемянника Великаго князя отъ сестры. Изъ бояръ при сыновьяхъ Всеволодовыхъ упоминается Иванъ Родиславичъ, убитый въ сраженіи подъ Ростовомъ ⁴²⁵, Андрей Станиславичъ, который говаривалъ младшихъ Всеволодовичей предъ Липецкою битвою вѣрится съ Мстиславомъ Удалымъ ⁴²⁶; Еремѣй Глѣбовичъ, слывшій сперва Константину, а потомъ Юрію, Воиславъ Добрыничъ, Ростовскій воевода при сыновьяхъ Константиновыхъ. Изъ ояръ при князьяхъ Южной Руси подъ 1171 годомъ упоминается Цумскій посадникъ Паукъ, кормилецъ Дорогобужскаго князя Владиміра Андреевича; при Глѣбѣ Юрьевичѣ въ Кіевѣ Тысяцникъ былъ Григорій — неизвѣстно, Кіевскій ли бояринъ, или

пришедъ съ Глѣбомъ изъ Переславля. Известный намъ прежде
 възжій Полякъ, Владиславъ Вратиславичъ, по изгнаніи Мстисла-
 ва изъ Кіева, отступилъ отъ послѣдняго къ враждебнымъ ему
 князьямъ: Давидъ Ростиславичъ Вышегородскій посылаетъ его
 преслѣдовать Мстислава въ 1127 году; во время войны Глѣба и
 Михаила Юрьевичей съ Половцами (1172 г.) воеводою у нихъ
 былъ Владиславъ, Яневъ братъ — быть можетъ тотъ же самый
 Дядь быть можетъ и другой, и Яневъ братъ сказано имело
 для отличія его отъ известнаго Дядя; по смерти Глѣба послѣд-
 ній оставался въ Кіевѣ и держалъ отерону Боголюбскаго противъ
 Ростиславичей, которые захватили его тамъ вмѣстѣ со Всево-
 лодомъ Юрьевичемъ въ 1174 году. Поводомъ къ знаменитой
 борьбѣ Боголюбскаго съ Ростиславичами было обвиненіе троихъ
 Кіевскихъ бояръ — Григорія Хотовича, Степанца и Олексі
 Святославича въ отравленіи князя Глѣба: Григорій Хотовичъ
 былъ вѣроятно упомянутый выше тысяцкій Григорій, братъ
 Константина Хотовича, плѣнннаго прежде Половцами. Изъ бо-
 яръ въ Кіевѣ при Святославѣ Всеволодовичѣ упоминается лю-
 бимецъ его Кочкаръ, по всѣмъ вѣроятностямъ приведенный
 имъ изъ Чернигова; лѣтописецъ говоритъ, что князь открыв-
 валъ свои тайныя намѣренія одному этому Кочкарю мимо дру-
 гихъ. По походамъ на Половцевъ известны Черниговскіе бояре
 Ольстинъ Олексичъ и Романъ Нѣздиловичъ (1184, 1185, 1187
 г.) У Рюрика Ростиславича Бѣлгородскаго и потомъ Кіевского
 упоминается воевода Лазарь, Сдѣславъ Жирославичъ, Борисъ
 Захарьичъ, кормилецъ Владимира, сына Мстислава Храбраго;
 Сдѣславъ Жирославичъ упоминается послѣ въ числѣ бояръ Мсти-
 слава Удалаго; потомъ у Рюрика въ Бѣлгородѣ встрѣчаемъ во-
 еводу Славна Борисовича, бывшаго потомъ тысяцкимъ въ Кіевѣ
 гдѣ видимъ также при Рюрикѣ боярина Чурьню, посланнаго
 въ 1187 году, вмѣстѣ съ Славномъ за дочерью Всеволода III-го;
 у сына Рюрикова, Ростислава былъ бояринъ Роговдъ, ко-
 торого онъ въ 1192 году посылалъ къ отцу толковать о Поло-
 вецкомъ походѣ. Смоленскимъ тысяцкимъ при князѣ Давидѣ
 Ростиславичѣ былъ Михалко; у Владимира Рюриковича во время
 Липецкаго боя упоминается бояринъ Яволодъ, и потомъ Игорьъ
 Михайловичъ, быть-можетъ сынъ упомянутаго выше Михалка.
 Изъ бояръ князя Глѣба Рязанскаго упоминаются Борисъ и Дз-

длецъ, которые такъ много содѣйствовали отстраненію Юрьевичей въ пользу Ростиславичей по смерти Боголюбскаго; Дядица вмѣстѣ съ другимъ Рязанскимъ бояриномъ Олстинымъ пошелъ въ плѣнъ Всеволоду III въ 1177 году ⁴²⁷; потомъ изъ Рязанскихъ бояръ во время войны Овтослава Черниговскаго со Всеволодомъ III упоминается Иванъ Мирославичъ.

Разсмотрѣвши отношенія внутреннія, обратимся къ внѣшнимъ, которыя въ послѣднее время начинаютъ принимать особый, очень важный характеръ. Мы знаемъ, что древнія Русскія владѣнія въ прибалтійскихъ областяхъ дѣлились на двѣ части: северную, зависѣвшую болѣе или менѣе отъ Новгорода, и южную, зависѣвшую отъ Полоцка. Къ берегамъ этой-то южной части Русскихъ владѣній, къ устью Двины, въ 1158 году, пріѣхалъ былъ бурюю корабль Бременскихъ купцовъ. Негостеприимно встрѣтили ихъ туземцы; но послѣ схватки, въ которой юбда осталась на сторонѣ Нѣмцевъ, Ливы стали сговорчивѣе: позволили пришельцамъ производить мѣду. Выгода этой мѣды оставила Бременцевъ нѣсколько разъ возвращаться съ товарами къ устью Двины, наконецъ выпросила они себѣ у туземцевъ позволеніе основать здѣсь постоянную контору; мѣсто было избрано подлѣ Двины на горѣ, гдѣ построили большой домъ и строженъ, который получилъ названіе Уксуля; скоро потомъ остроена была другая факторія Далень ⁴²⁸.

Извѣстіе о поселеніяхъ, заведенныхъ Нѣмцами при устьѣ Двины среди языческаго народонаселенія, обратило на себя вниманіе Бременскаго архіепископа, который не могъ пропустить лагопріятнаго случая для распространенія предѣловъ церкви. Онъ объявилъ объ этомъ Папѣ Александру III-му, и тотъ велѣлъ ему отправить въ Ливонію искуснаго миссіонера; архіепископъ отправилъ туда Мейгарда, монаха Августинскаго ордена ⁴²⁹. Мейгардъ выпросилъ позволеніе у князя Полоцкаго проповѣдовать Евангеліе между подвластными ему язычниками, построилъ церковь въ Уксуля, и усилъ обратить нѣсколько туземцевъ. Скоро Литовцы напали на окрестности Уксуля; Мейгардъ съ жителями послѣдняго спрятался въ лѣсахъ, гдѣ былъ бой съ врагами. По ихъ удаленіи онъ началъ укорять живовъ за то, что они живутъ оплошно, не имѣютъ крѣпостей, обѣщавъ имъ построить крѣпкіе замки, если они за это обя-

жуются принять христіанство. Ливы согласились, и на слѣдующее лѣто явились изъ Готланде стронтоли и каменотѣцки. Еще прежде чѣмъ начали строить замокъ Уискуль, часть народа окрестилась; остальные обѣщали креститься, какъ скоро весь замокъ будетъ готовъ. Замокъ выстроили, Мейнгардъ посвященъ былъ въ епископы, — но никто не думалъ креститься; подъ условіемъ такого же обѣщанія выстроили другой замокъ — Гольмъ, и также никто не думалъ принимать христіанство; мало того, язычники начали явно обнаруживать непріязненные намѣренія противъ епископа, грабили его имѣніе, били его домашнихъ; во всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже крещенные туземцы стали погружаться въ Двину, чтобъ, по ихъ словамъ, смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германію ¹²⁰. У Мейнгарда былъ товарищъ въ дѣлѣ проповѣди, братъ Теодорихъ, монахъ Цистерціенскаго ордена: этого Теодориха Ливонцы вздумали однажды принести въ жертву богамъ, чтобъ жатва была обильнѣе, чтобъ дожди не повредили ей. Народъ собрался, положили коня на землю, вывели священнаго коня, смотреть, какою ногою прежде ступить конь — правою — опредѣлить смерть, лѣвою жизнь; конь ступаетъ ногою жизни; но волхвъ противится, утверждаетъ, что тутъ чары со стороны враждебной религіи: опять ведутъ коня, опять ступаетъ онъ лѣвою ногою, и Теодорихъ спасенъ. Въ другой разъ тотъ же Теодорихъ находился въ Эстоніи, когда въ день св. Іоанна Крестителя случилось солнечное затмѣніе; несчастному монаху грозила опять страшная опасность отъ язычниковъ, которые привисали затмѣніе ему, говоря, что онъ съѣдаетъ солнце.

Когда Мейнгардъ увидалъ, что мирными средствами трудно будетъ распространить христіанство между Ливами, то отправилъ посла къ папѣ представить жалкое положеніе юной церкви своей: папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонскихъ язычниковъ; но Мейнгардъ не дождался прибытія крестоваго ополченія: онъ умеръ въ 1196 году; въ этомъ же году Датскій король Кануть VI-й приставъ къ Эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христіанство. Между тѣмъ Ливонскіе христіане отправляли посольство къ Бременскому архіепископу съ просьбою о присылкѣ преемника Мейнгарду; новый епископъ, Бартольдъ явился смер-

ва безъ войска, собралъ туземныхъ старшинъ и пытался привлечь ихъ къ себѣ угощеніями и подарками, однако напрасно: при первомъ удобномъ случаѣ они завели споръ о томъ, какимъ способомъ погубить новаго епископа: сжечь ли его въ церкви или убить, или утопить въ Двинѣ. Бартольдъ тихонько ушелъ на корабль и отплылъ сперва на Готландъ, а потомъ въ Германію, откуда послалъ къ папѣ съ извѣстіемъ о своемъ печальномъ положеніи; папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто отправится въ крестовый походъ, противъ Ливонцевъ, вслѣдствіе чего около Бартольда собрался значительный отрядъ крестоносцевъ, съ которымъ онъ и отправился назадъ въ Ливонію. Туземцы вооружились, и послали спросить епископа, зачѣмъ онъ привелъ съ собою войско? Когда Бартольдъ отвѣчалъ, что войско пришло для наказанія отступниковъ, то Ливонцы велѣли сказать ему: «Отпусти войско домой, и ступай съ миромъ на свое епископство: кто крестился, тѣхъ ты можешь принудить оставаться крестіанами, другихъ убѣждай словами, а не палками⁴³¹.» Урокъ же подѣйствовалъ на Бартольда: онъ позволилъ себѣ принять участіе въ битвѣ между крестоносцами и туземцами, и когда послѣдніе были обращены въ бѣгство, то быстрый конь занесъ епископа въ ряды язычниковъ, которые изрубили его. Нѣмцы оспользовались своею побѣдою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены были къ покорности, крестились, приняли въ себѣ священниковъ, опредѣлили на ихъ содержаніе извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ съ плуга; но только что крестоносцы успѣли сѣсть на корабли, какъ уже Ливонцы напали окунываться въ Двину, чтобъ смыть съ себя крещеніе, ограбили священниковъ, выгнали ихъ изъ страны; хотѣли сдѣлать же и съ купцами, но тѣ задарили старшинъ, и остались.

Скоро возвратились также и священники; съ ними пріѣхалъ овый епископъ Албертъ въ сопровожденіи крестоваго отряда, вмѣщавшагося на 23 корабляхъ. Албертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ предназначено мѣнять бытъ старыхъ обществъ, полагать твердыя основы новымъ; пріѣхавши въ Ливонію, онъ мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ, нашелъ вѣрные средства упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами, съ глумительнымъ постоянствомъ стремился къ своей цѣли, и до-

стигъ ея. Враждебно встрѣтили туземцы новаго епископа, онъ долженъ былъ выдержать отъ нихъ осаду въ Гольмѣ; новопривышше крестоносцы освободили его; но Албертъ хорошо видѣлъ, что съ помощію этихъ временныхъ гостей нельзя утвердиться въ Ливоніи; туземцы не умѣли выдерживать битвъ съ искусными нѣмецкими ополченіями; потерпѣвъ пораженіе, видѣвши поля и нивы свои опустошенными, они покорились, обѣщавъ принять христіанство; но стоило только крестоносцамъ съѣсть на корабли, какъ они возвращались къ прежней вѣрѣ и начинали враждебно дѣйствовать противъ пришлецовъ. Нужно было слѣдовательно вести борьбу не временными, случайными наѣздами; нужно было стать твердою ногою на новой почвѣ, вывести сильную Нѣмецкую колонію, основать городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Съ этою цѣлію въ 1200 году Албертъ основалъ при устьѣ Двины городъ Ригу; но мало было основать, нужно было дать народонаселеніе новому городу, и Албертъ самъ ѣздилъ въ Германію набирать колонистовъ, и привозилъ ихъ съ собою. Но одного города съ Нѣмецкимъ народонаселеніемъ было еще недостаточно: народонаселеніе это не могло предаваться мирнымъ занятіямъ, потому что должно было вести постоянную борьбу съ туземцами; нужно было слѣдовательно постоянное военное сословіе, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться съ туземцами, обязанность защищать новую колонію; для этого Албертъ сперва началъ было вызывать рыцарей изъ Германіи и давать имъ замки въ ленное владѣніе; но это средство могло вести къ цѣли только очень медленно, и потому онъ скоро придумалъ другое, болѣе вѣрное, именно основаніе ордена воинствующихъ братій, по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ; папа Иннокентій III-й одобрилъ мысль Алберта, и въ 1202 году былъ основанъ орденъ рыцарей Меча, получившій уставъ Храмоваго ордена; новые рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ мечемъ и крестомъ, вмѣсто котораго послѣ стали нашивать звезду; первымъ магистромъ ихъ былъ Винно фонъ Рорбахъ.

Такимъ образомъ Нѣмцы стали твердою ногою при устьяхъ Двины; какъ же смотрѣли на это князья Полоцкіе? Они привыкли ходить войною на Чудь и брать съ нея дань силою, если

она не хотѣла платить ее добровольно. Точно также хотѣли они теперь дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: въ 1203 году Полоцкій князь внезапно явился предъ Уксулемъ и осадилъ его; непритовленные къ осадѣ жители предложили ему дань; онъ взялъ ее и пошелъ осаждать другой замокъ—Гольмъ; но сюда епископъ уже успѣлъ послать гарнизонъ, и Русскіе, потерявъ много лошадей отъ стрѣльбы осажденныхъ, отступили отъ замка. Въ Ливоніи, по берегамъ Двины, роду Полоцкихъ князей принадлежали двѣ волости—Кукейносъ (Кокенгузенъ) и Герсикъ; князь послѣднего съ Литовцами (которые для Полоцкихъ князей служили тѣмъ же, чѣмъ Половцы служили для остальныхъ Русскихъ князей) опустошили окрестности Риги—но всѣ эти набѣги не могли нанести большого вреда пришельцамъ. Наконецъ въ 1206 году отношенія между послѣдними и Полоцкими князьями начали, повидимому, принимать болѣе важный оборотъ. Албертъ, желая безпрепятственно утвердиться въ низовьяхъ Двины, рѣшился на время усыпить вниманіе Полоцкаго князя, и потому отправилъ къ нему аббата Теодориха съ подарками и дружескими предложеніями. Прибывши въ Полоцкъ, Теодорихъ узналъ, что тамъ находятся посланцы отъ Ливонскихъ старшинъ, пріѣхавшіе жаловаться князю на насилія Нѣмцевъ и просить его объ изгнаніи ненавистныхъ пришельцевъ. Въ присутствіи Ливонцевъ князь спросилъ Теодориха, зачѣмъ онъ пришелъ къ нему, и когда тотъ отвѣчалъ, что за миромъ и дружбою, то Ливонцы закричали, что Нѣмцы не хотятъ и не умѣютъ сохранять мира⁴²². Князь отпустилъ епископскихъ пословъ, приказавъ имъ дожидаться рѣшенія въ отведенномъ для нихъ домѣ: онъ не хотѣлъ отпустить ихъ тотчасъ въ Ригу, чтобъ тамъ не узнали о его непріятельскихъ намѣреніяхъ. Но аббату удалось подкупить одного боярина, который и открылъ ему, что Русскіе, въ согласіи съ туземцами, готовятся къ нападенію на пришельцевъ; аббатъ, узнавши объ этомъ, не терялъ времени: онъ отыскалъ въ городѣ какого-то нищаго изъ замка Гольмъ и нанялъ его отнести къ епископу въ Ригу письмо, въ которомъ извѣщалъ его о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Епископъ приготовился къ оборонѣ; а князь, узнавши, что его намѣреніе открылось, вмѣсто войска отправилъ пословъ въ Ригу съ наказомъ выслушать обѣ стороны—какъ епископа, такъ и Ливон-

цевъ, и рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость. Послы, вѣхавши въ Курейнось, послали оттуда дьякона Стефана въ Ригу къ епископу звать его на съѣздъ съ ними и Ливонскими старшинами для рѣшенія всѣхъ споровъ, а сами между тѣмъ разстались по странѣ для созванія туземцевъ. Альбертъ оскорбился предложеніемъ Стефана и отвѣчалъ, что, по обычаю всѣхъ земель, послы должны являться къ тому владѣльцу, къ которому посланы, а не онъ долженъ выходить къ нимъ на встрѣчу. Между тѣмъ Ливонцы, собравшись въ назначенное время и мѣсто и видя, что Нѣмцы не явились на съѣздъ, рѣшили захватить замокъ Гольмъ, и оттуда добывать Ригу: но ихъ намѣреніе не имѣло желаннаго конца: потерпѣвъ сильное пораженіе, потерявъ старшинъ, изъ которыхъ одни пали въ битвѣ, другіе были отведены въ оковахъ въ Ригу, они принуждены были снова покориться пришельцамъ; въ числѣ убитыхъ находился старшина Аю, котораго лѣтописецъ называетъ виновникомъ всего зла: онъ возбудилъ Полоцкаго князя противъ Рижанъ, онъ собралъ Леттовъ и всю Ливонію противъ Христіанъ¹²². Епископъ послѣ обѣдни находился въ церкви, когда ему одинъ рыцарь поднесъ окровавленную голову Аю, какъ вѣсть побѣды.

Когда все опять успокоилось хотя на время, неутомимый Альбертъ поспѣшилъ въ Германію, чтобъ набрать новыхъ крестоносцевъ: онъ предвидѣлъ новую, продолжительную борьбу. Его отсутствіемъ воспользовались туземцы и отправили опять пословъ къ Полоцкому князю съ просьбою освободить ихъ отъ притѣснителей. Князь приплылъ съ войскомъ по Двиавѣ и осадилъ Гольмъ; по его призыву встало окружное народонаселеніе, но мало принесло ему пользы при осадѣ: гарнизонъ Гольмскій, при всей своей малочисленности, наносилъ сильный вредъ Русскому войску камнестрѣльными машинами, употребленія которыхъ не знали Полочане; они сдѣлали было себѣ также маленькую машину по образцу Нѣмецкихъ, но первый опытъ неудался: машина была своихъ. Не смотря однако на это, жители Гольма и Риги не долго могли держаться противъ Русскихъ, потому что должны были бороться также противъ враговъ, находившихся внутри стѣнъ — туземцевъ, которые безпрестанно сносились съ Русскими; — какъ вдругъ на морѣ показались Нѣмецкіе корабли; князь, потерявши много народу отъ камнестрѣльныхъ машинъ

при осадѣ Гольма, не рѣшился вступить въ борьбу съ свѣжими силами непріателя и отплылъ назадъ въ Полоцкъ. Эта неудача нанесла страшный ударъ дѣлу туземцевъ; самые упорные изъ нихъ отправили пословъ въ Ригу требовать крещенія и священниковъ; Нѣмцы исполнили ихъ просьбу, взявши напередъ отъ старшинъ ихъ сыновей въ заложники. Торжество пришельцевъ было понятно: въ челѣ ихъ находился человекъ, одаренный необыкновеннымъ смысломъ и дѣятельностію, располагавшій сильными средствами—рыцарскимъ орденомъ и толпами временныхъ крестоносцевъ, приходившихъ на помощь Рижской церкви; противъ него были толпы безоружныхъ туземцевъ; что же касается до Русскихъ, то епископъ и орденъ имѣли дѣло съ однимъ Полоцкимъ княжествомъ, которое вслѣдствіе извѣстнаго отдѣленія Рогволодовыхъ внуковъ отъ Ярославичей, предоставлено было собственнымъ силамъ, а силы эти были очень незначительны: князья разныхъ Полоцкихъ волостей вели усобицы другъ съ другомъ, боролись съ собственными гражданами, наконецъ имѣли опасныхъ враговъ въ Литовцахъ: могли ли они послѣ того успѣшно дѣйствовать противъ Нѣмцевъ? доказательствомъ разъединенія между ними и происходившей отъ того слабости служитъ поступокъ князя Кукейноскога Вячеслава ⁴²⁴: не будучи въ состояніи собственными средствами и средствами родичей бороться съ Литвою, онъ въ 1207 году явился въ Ригу и предложилъ епископу половину своей земли и города, если тотъ возьмется защищать его отъ варваровъ. Епископъ съ радостію согласился на такое предложеніе; не смотря на то однако, изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописца не видно, чтобъ онъ немедленно имъ воспользовался: вѣроятно Вячеславъ общался принять къ себѣ Нѣмецкій гарнизонъ только въ случаѣ Литовскаго нападенія. Какъ бы то ни было, Русскій князь скоро увидалъ на опытѣ, что вмѣсто защитниковъ онъ нашелъ въ рыцаряхъ враговъ, которые были для него опаснѣе Литовцевъ. Между ними и рыцаремъ Даниломъ фонъ Леневарденъ произошла частная ссора; послѣдній напалъ нечаянно ночью на Кукейнось, овладѣлъ имъ безъ сопротивленія, перевязалъ жителей, забралъ ихъ имѣніе, самаго князя заключилъ въ оковы. Епископъ, узнавъ объ этомъ, послалъ приказъ Данилу немедленно освободить князя, возвратитъ ему городъ и все имѣніе; потомъ позвалъ

Вячеслава къ себѣ, принявъ съ честію, богато одарилъ лошадами и платьемъ, помирилъ съ Давиломъ, — но при этомъ припомнилъ прежнее обѣщаніе его сдать Нѣмцамъ половину крѣпости и отправилъ въ Кукейнось отрядъ войска для занятія и укрѣпленія города — на случай Литовскаго нападенія. Князь выѣхалъ изъ Риги съ веселымъ лицомъ, но въ душѣ затаилъ месть: онъ видѣлъ, что въ Ригѣ все готово было къ отъѣзду епископа и многихъ крестоносцевъ въ Германію, и рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для освобожденія своего города отъ непріятныхъ гостей. Думая, что епископъ съ крестоносцами уже въ морѣ, онъ посовѣтовался съ дружиною, и вотъ въ одинъ день, когда почти всѣ Нѣмцы спустились въ ямы, гдѣ добывали камень для городскихъ построекъ, а мечи свои и прочее оружіе оставили на верху, отроки княжескіе и мужи прибѣгаютъ къ ямамъ, овладѣваютъ оружіемъ, и умерщвляютъ беззащитныхъ его владѣльцевъ. Троицъ изъ послѣднихъ однако удалось спастись бѣгствомъ и достигнуть Риги, гдѣ, она рассказали, что случилось съ ними и ихъ товарищами въ Кукейнось. Вячеславъ, думая, что положено доброе начало дѣлу, послалъ къ Полоцкому князю коней и оружіе непріятельское съ приглашеніемъ идти какъ можно скорѣе на Ригу, которую легко взять: лучшіе люди перебиты имъ въ Кукейнось, другіе отъѣхали съ епископомъ въ Германію. Полоцкій князь повѣрилъ и началъ уже собирать войска. Но Вячеславъ жестоко ошибался въ своихъ надеждахъ: противные вѣтры задержали Алберта въ двинскомъ устьѣ и когда пришла въ Ригу вѣсть о происшествіяхъ въ Кукейнось, то онъ немедленно возвратился, убѣдилъ и спутниковъ своихъ опять послужить святому дѣлу; Нѣмцы, разсѣянные по всѣмъ концамъ Ливоніи, собрались въ Ригу. Тогда Русскіе, видя, что не въ состояніи бороться противъ соединенныхъ силъ ордена, собрали свой пожитки, зажгли Кукейнось, и ушли далѣе на востокъ, а окружные туземцы въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ своихъ искали спасенія отъ мстительности пришельцевъ; но не всѣмъ удалось найти его: Нѣмцы преслѣдовали ихъ по лѣсамъ и болотамъ, и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертію.

Паденіе Кукейноса скоро повлекло за собою покореніе и другаго княжества Русскаго въ Ливоніи — Герсика. Въ 1209 году епископъ, говоритъ лѣтописецъ, постоянно заботясь о защитѣ

Литовской церкви, держалъ совѣтъ съ разумнѣйшими людьми, какъ бы освободить юную церковь отъ вреда, который наносятъ ей Литва и Русь. Рѣшено было выступить въ походъ противъ враговъ христіанскаго имени; лѣтописецъ впрочемъ спѣшилъ оговориться, и прибавляетъ, что князь Герсика, Всеволодъ былъ страшнымъ врагомъ христіанскаго имени, преимущественно Латынянъ⁴²²; онъ женатъ былъ на дочери Литовскаго князя, былъ съ Литовцами въ постоянномъ союзѣ и часто являлся предводителемъ ихъ войска, доставлялъ имъ безопасную переправу черезъ Двину и съѣстные припасы. Литовцы тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, были ужасомъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ: рѣдкіе изъ Леттовъ отваживались жить въ деревняхъ; большая часть ихъ искали безопасности отъ Литвы въ дремучихъ лѣсахъ, но и тамъ не всегда находили ее; Литовцы преслѣдовали ихъ и въ лѣсахъ, били однихъ, уводили въ плѣнъ другихъ, отнимали у нихъ все имѣніе. И Русскіе бѣгали также предъ Литовцами, многіе предъ немногими, какъ зайцы предъ охотниками; Ливы и Летты были пищею Литовцевъ, какъ овцы безъ пастыря бѣгаютъ добычею волковъ. И вотъ Богъ послалъ имъ добраго и вѣрнаго пастыря, именно епископа Алберта. Добрый и вѣрный пастырь нечаянно попалъ съ большимъ войскомъ на Герсикъ и овладѣлъ имъ: князь Всеволодъ успѣлъ спастись на лодкахъ черезъ Двину, но жена его со всею своею прислугою попалась въ плѣнъ. Нѣмецкое войско пробыло цѣлый день въ городѣ, собрало большую добычу, снесло изъ всѣхъ угловъ города платье, серебро, изъ церквей колокола, иконы и всякія украшенія. На слѣдующій день, приведши все въ порядокъ, Нѣмцы собрались въ обратный путь и зажгли городъ. Когда князь Всеволодъ увидалъ съ другаго берега Двины пожаръ, то сталъ жалостно вопить: «Герсикъ! любимый городъ, дорогая моя отчина! пришлось мнѣ увидеть бѣдному сожженіе моего города и гибель моихъ людей!» Епископъ и все войско, подѣливши между собою добычу, съ княгинею и со всѣми плѣнниками возвратились въ Ригу, куда послали звать и князя Всеволода, если хочетъ получить миръ и освобожденіе своихъ. Князь пріѣхалъ въ Ригу, называлъ епископа отцемъ, всѣхъ Латынцевъ братьями, просилъ только, чтобъ выпустили изъ плѣна жену и другихъ Русскихъ. Ему предложили условіе: «хочетъ онъ отдать свое княжество на вѣки въ даръ

церкви св. Богородицы, и потомъ взять его назадъ изъ рукъ епископа, такъ отдадутъ ему книгиню и другихъ плѣнниковъ. Всеволодъ согласился ⁴³⁶ и поклялся открывать епископу и Ордену всѣ замыслы Русскихъ и Литовцевъ; но когда возвратился домой съ женою и дружиною, то забывъ обѣщаніе, началъ опять сношаться съ Литовцами, и подводить язычниковъ противъ Нѣмцевъ Кукейнскихъ.

Въ то время, когда Нѣмцы утверждались въ Ливоніи, отнимая низовыя двинскія страны у Полоцка, Новгородцы и Псковичи продолжали бороться съ Чудью, жившею на югѣ и на сѣверѣ отъ Финскаго залива; въ 1176 году вся Чудская земля, по выраженію лѣтописца, приходила подъ Псковъ, но была отбита съ большимъ урономъ; но мы видѣли, какъ Мстиславъ Храбрый отомстилъ Чуди за эти обиды; обыкновенно наступательныя движенія Новгородцевъ на Чудь происходили въ минуты ладовъ ихъ съ своими князьями; но такія минуты были очень рѣдки, и потому движенія Новгородцевъ не могли отличаться постоянствомъ: вотъ причина, почему они не могли утвердиться въ Эстоніи и успѣшно спорить съ Нѣмцами о господствѣ надъ нею. Въ 1190 году Чудь снова пришла ко Пскову на судахъ по озеру, но и на этотъ разъ Псковичи не упустили изъ нея ни одного живаго. Юрьевъ былъ снова захваченъ Чудью, и снова взятъ Новгородцами и Псковичами въ 1191 году, при чемъ, по обычаю, земля Чудская была пожжена, полону приведено безчисленное множество; а въ слѣдующемъ году Псковичи снова ходили на Чудь и взяли у нея Медвѣжьё-Голову (Одеице). Потомъ не слышно о походахъ на Эстонию до 1212 года: въ этомъ году, по счету нашего лѣтописца, и двумя годами ранѣе, по счету Нѣмецкаго, Мстиславъ Удалой съ братомъ Владиміромъ вторгнулись въ страну Чуди-Тормы, обитавшей въ нынѣшнемъ Дерптскомъ уѣздѣ, и, по обычаю, много людей поплѣнили, скота безчисленное множество домой привели. Потомъ на зиму пошелъ Мстиславъ съ Новгородцами на Чудской городъ Медвѣжьё-Голову; истребивши села вокругъ, пришли подъ городъ: Чудь поклонилась, дала дань, и Новгородцы поздорову возвратились домой. Но лѣтописецъ Нѣмецкій гораздо подробнѣе описываетъ этотъ походъ: князь Новгородскій съ княземъ Псковскимъ и со встѣи своими Русскими пришли съ большимъ войскомъ въ Ун-

аншю и осадили крѣпость Оденне; восемь дней отбивалась отъ нихъ Чудь; наконецъ, почувствовавши недостатокъ въ сѣстныхъ принасахъ, запросила мира; Русскіе дали ей миръ, окрестили нѣкоторыхъ своимъ крещеніемъ, взяли 400 марокъ золота⁴⁴⁷, в отступили въ свою землю, обѣщавшись, что принимаютъ своихъ священниковъ, чего однако потомъ не сдѣлали, въ страха предъ Нѣмцами, прибавляетъ лѣтописецъ: должно думать, что не столько изъ страха предъ Нѣмцами, сколько по недостатку надлежащаго вниманія къ дѣламъ Эстонскимъ. Такъ Новгородцы, пока жилъ у нихъ Мстиславъ, ходили съвозъ Чудскую землю къ самому морю, села жгли, укрѣпленія брали, и заставляли Чудь кланяться и давать дань⁴⁴⁸; но Мстиславъ скоро ушелъ на югъ; Новгородцы по прежнему начали ссориться съ сѣверными Суздальскими князьями, Чудь была опять забыта; а Нѣмцы между тѣмъ соединенными силами дѣйствовали постоянно въ одномъ направленіи, съ одною цѣлю. Чтобъ удобнѣе заняться покореніемъ Эстовъ, Леттовъ и другихъ туземцевъ, и чтобъ обогатить Ригу торговлею съ странами, лежащими при верхнихъ частяхъ Двины и Днѣпра, они рѣшились заключить мирный договоръ съ Полоцкимъ княземъ, при чемъ епископъ обязался вносить послѣдному ежегодную дань за Ливовъ, порабощенныхъ Рижской церкви и ордену.

Въ то время, когда Полоцкій князь, довольный данью, заключилъ миръ съ опасными пришельцами, Псковъ впервые обнаруживаетъ къ нимъ ту сильную неприязнь, какою будетъ отличаться во всей послѣдующей исторіи своей: въ 1213 году Псковичи выгнали князя своего Владиміра за то, что онъ выдалъ дочь свою за брата епископа Алберта; изгнанникъ пошелъ было сначала въ Полоцкъ, но найдя тамъ не очень пріятный пріемъ, отправился къ зятю въ Ригу, гдѣ принятъ былъ съ честью, по свидѣтельству Нѣмецкаго лѣтописца. Владиміръ скоро нѣмль случаю отблагодарить епископа за это гостепримство. Полоцкій князь, видя, что Орденъ воспользовался временемъ мира съ Русскими для того только, чтобъ тѣмъ удобнѣе покорить туземцевъ и принудить ихъ къ принятію христіанства, назначилъ въ Герсикъ съѣздъ Алберту для переговоровъ. Епископъ явился на съѣздъ съ княземъ Владиміромъ, рыцарями, старшинами Ливовъ и Лет-

товъ и съ тѣсною пушцовъ, которые были все хорошо вооружены. Князь сперва говорилъ съ Альбертомъ ласково, потомъ хотѣлъ угрозами принудить его къ тому, чтобъ онъ пересталъ насильно крестить туземцевъ, его подданныхъ. Епископъ отвѣчалъ, что онъ не отстанетъ отъ своего дѣла, не пренебрежетъ обязанности, возложенной на него великимъ первосвященникомъ Рима. На, кромѣ насильственнаго крещенія, изъ словъ лѣтописца можно замѣтить, что епископъ не соблюдалъ главнаго условія договора, не платилъ дани князю, подъ тѣмъ предлогомъ, что туземцы, не желая работать двумъ господамъ, и Нѣмцамъ и Русскимъ, умоляли его освободить ихъ отъ ига послѣднихъ ⁴³. Князь, продолжаетъ лѣтописецъ, не хотѣлъ принимать справедливыхъ причинъ, грозился, что сожметъ Ригу и все Нѣмецкіе замки, и велѣлъ войскамъ своимъ выйти изъ стана и выстроиться къ бою; провожатые епископа сдѣлали тоже самое: въ это время Іоаннъ, прѣбывъ Рижской Богородичной церкви и Псковской изгнанникъ, князь Владиміръ подошли къ Полоцкому князю и начали угрожать его, чтобъ онъ не начиналъ войны съ христіанами, представили, какъ опасно сражаться съ Нѣмцами, людьми храбрыми, искусными въ бою, и жаждущими помѣрить силы свои съ Русскими. Князь будто бы удивился ихъ отвагѣ, велѣлъ войску своему возвратиться въ станъ, а самъ подошелъ къ епископу, называя его духовнымъ отцемъ; тотъ, съ своей стороны принялъ его какъ сына; начались мирные переговоры, и князь, какъ будто подъ внушеніемъ свыше, уступилъ епископу всю Ливонію безо всякой обязанности платить дань, съ условіемъ союза противъ Литвы и свободнаго плаванія по Двинѣ. — Какъ ни мало удовлетворителенъ является этотъ разсказъ Нѣмецкаго лѣтописца, историкъ долженъ принять одно за достоверное, что епископъ пересталъ платить дань Полоцкому князю, и что тотъ не имѣлъ средствъ принудить его къ тому. Владиміръ Псковскій былъ награжденъ за свои услуги мѣстомъ ехота въ одной изъ провинцій Ливонскихъ; но творя судъ и расправу надъ туземцами, онъ много пожиналъ такого, чего никогда не съялъ, по выраженію лѣтописца; не понравился его судъ Ратцебургскому епископу и всѣмъ другимъ, такъ что онъ увидѣлъ себя въ необходимости отправиться въ Россію, исполняя желаніе многихъ, прибавляетъ лѣтописецъ; скоро однако онъ опять возвратился

дъ женою, сыновьями и всемъ семействомъ, и вступилъ снова въ исправленіе своей должности, не къ удовольствію подчиненныхъ, прибавляетъ тотъ же лѣтописецъ, потому что скоро опять поднялись противъ него жалобы, опять онъ долженъ былъ выслушивать упрямъ Нѣмецкихъ духовныхъ: это ему изсключно наковецъ, и онъ въ другой разъ выѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ снова Псковичами. Избавившись отъ Владиміра, Нѣмцы захотѣли избавиться и отъ другаго Русскаго князя, остававшагося въ Ливоніи, хотя въ качествѣ подручника епископскаго— князя Всеволода Герсикскаго. Кокенгаузенскіе (Кувейшоскіе) рыцари начали обвинять его въ томъ, что онъ не является къ епископу, своему отцу и господину, держитъ совѣтъ съ Литвою, подаетъ ей помощь во всякое время. Нѣсколько разъ требовали они его къ отвѣту, Всеволодъ не являлся; тогда рыцари, по согласію съ епископомъ, подступили нечаянно къ городу, взяли его хитростію, ограбили жителей и ушли назадъ; это было въ 1214 году; въ слѣдующемъ 1215 Нѣмцы опять собрали войско и въ другой разъ овладѣли Герсикомъ, въ другой разъ опустошили его; но Всеволодъ уже успѣлъ послать къ Литовцамъ за помощію; тѣ явились, принудили Нѣмцевъ оставить городъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Такъ рассказываетъ древнѣйшій лѣтописецъ Ливонскій ⁴⁴⁰; но въ позднѣйшихъ хроникахъ читаемъ иное, а именно, что князь Всеволодъ былъ убитъ во время втораго нападенія Нѣмцевъ на его городъ, и послѣдній окончательно разрушенъ; о Литовской помощи не говорится ни слова ⁴⁴¹, тогда какъ въ древнѣйшей лѣтописи подъ 1225 годомъ упоминается опять о Герсикскомъ князѣ Всеволодѣ, который пріѣзжалъ въ Ригу видѣться съ Папскимъ легатомъ ⁴⁴². Какъ бы то ни было, вѣрно одно, что Герсикъ раньше или позднѣе подпалъ власти Нѣмцевъ. Между тѣмъ Владиміру Псковскому удалось отомстить за свои обиды: въ 1217 году онъ отправился съ Новгородцами и Псковичами къ постоянной крѣпости Русскихъ походовъ—къ Оденне, и сталъ подъ городомъ. Чудь, по обычаю, начала слать съ поклономъ, но на этотъ разъ обвиняла, потому что послала звать Нѣмцевъ на помощь; Новгородцы собрали вѣче поодаль отъ стану, и начали толковать съ Псковичами о предложеніяхъ Чудь; ночные сторожа сошли съ своихъ мѣстъ, а дневные еще не пришли къ вѣчу на сѣну;

какъ вдругъ нечаянно явились Нѣмцы и ворвались въ некинутыя валаки; Новгородцы побѣжали съ вѣча въ станъ, схвативъ оружіе и выбили Нѣмцевъ, которые побѣжали къ городу, итеравши трехъ воеводъ, Новгородцы взяли также 700 лошадей и возвратились по здорову домой⁴⁴³; Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе заключили договоръ съ Нѣмцами, чтобъ послѣдніе оставили Оденне, при чемъ Владиміръ захватилъ зятя своего Феодориха, епископскаго брата и отшельника Псковъ. Вѣроятно удачный походъ Владиміра ободрилъ Ѳста, и они рѣшились свергнуть его пришельцевъ. Съ этою цѣлю они отправили пословъ въ Новгородъ просить помощи; Новгородцы обѣщали придти къ нимъ съ большимъ войскомъ, и не исполнили обѣщанія, потому что у нихъ съ 1218 по 1224 годъ пять разъ смѣнялись князья, происходили постоянныя смуты ссоры князей съ знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ. Ѳсты, понадѣявшись на Новгородскія обѣщанія, встали, но не могли одни противиться Нѣмцамъ, и принуждены были опять покориться.

Новгородцы явились уже поздно въ Ливонію съ княземъ своимъ Всеволодомъ, въ 1219 году; имѣли успѣхъ въ битвѣ съ Нѣмцами, но по напрасну простояли двѣ недѣли подъ Венденомъ, и возвратились домой по здорову. Также безъ слѣдствій остались два другіе похода Новгородцевъ въ 1222 году подъ Венденъ и въ 1223 году подъ Ревель: въ обычныхъ выраженіяхъ разсказываетъ лѣтописецъ, что они повоевали всю Чудскую землю, волоня привели безъ числа, золота много взяли, но городов не взяли, и возвратились все по здорову. Тутъ же въ лѣтописи видимъ и причины, почему все эти походы, кромѣ опустошенія страны, не имѣли другихъ слѣдствій: послѣ перваго похода въ 1223 году князь Всеволодъ тайкомъ ушелъ изъ Новгорода со всемъ дворомъ своимъ и оставилъ гражданъ въ печали; послѣ втораго князь Ярославъ также ушелъ въ свою постоянную волость—Переяславль Залѣскій, сколько Новгородцы ни удерживали его остаться. А между тѣмъ Нѣмцы дѣйствовали: въ роковой 1224 годъ, когда южная Русь впервые узнала Татаръ, и западъ пало предъ Нѣмцами первое и самое крѣпкое поселеніе Русское въ Чудской землѣ—Юрьевъ или Дерптъ. Здѣсь началъ въ это время тотъ самый князь Вячеславъ или Вячесъ, и

юрий принужденъ былъ Нѣмцами покинуть свою отчину Кукей-юсъ. Вячко хорошо помнилъ обиду и былъ непримиримымъ врагомъ своихъ гонителей: бралъ онъ дань со всѣхъ окружающихъ странъ, говоритъ Нѣмецкій лѣтописецъ, а котормъ не давали дань, на тѣ посылалъ войско и опустошалъ, причиняя Нѣмцамъ всякое зло, какое только было въ его власти⁴⁴⁴; въ немъ находили себѣ защиту всѣ туземцы, возстававшіе противъ пришельцевъ. Это особенно возбуждало злобу послѣднихъ къ Вячку; наконецъ рѣшились они собрать всѣ свои силы, чтобъ овладѣть ненавистнымъ притономъ, гдѣ, по словамъ ихъ лѣтописца, собраны были всѣ злодѣи, измѣнники и убійцы, всѣ враги церкви Ливонской, подъ начальствомъ того князя, который изстари былъ юрнемъ всѣхъ золъ для Ливоніи. Отправились подъ Юрьевъ всѣ рыцари ордена, слуги Римской церкви, пришлые крестоносцы, сущцы, граждане рижскіе, крещеные Ливы и Летты, и 15-го августа, въ день Успенія Богородицы Юрьевъ былъ осажденъ. Нѣмцы приготовили множество осадныхъ машинъ, изъ огромныхъ деревьевъ выстроили башню въ уровень съ городскими стѣнами, и подъ ея защитою начали вести подкопъ; ночь и день гудилась надъ этимъ половина войска, одни копали, другіе относили землю. На слѣдующее утро большая часть подкопаннаго рухнула, и машина была придвинута ближе къ крѣпости. Не смотря на то, осаждающіе попытались еще завести переговоры съ Вячко: они послали къ нему нѣсколько духовныхъ особъ и рыцарей предложить свободный выходъ изъ крѣпости со всею дружиною, лошадьми, имѣніемъ, если согласится покинуть отступниковъ туземцевъ; Вячко, ожидая прихода Новгородцевъ, не принималъ никакихъ предложеній. Тогда осада началась съ новою силою и продолжалась уже много дней безъ всякаго успѣха: искусство и мужество съ обѣихъ сторонъ было равное, осаждающіе и осажденные равно не знали покоя ни днемъ ни ночью, днемъ сражались, ночью играли и пѣли. Наконецъ Нѣмцы собрали совѣтъ: двое вождей пришлыхъ крестоносцевъ, Фридрихъ и Фредегельмъ подали мнѣніе: «необходимо, сказали они, сдѣлать приступъ, и взявши городъ, жестоко наказать жителей, въ примѣръ другимъ. До сихъ поръ при взятіи крѣпостей оставляли гражданамъ жизнь и свободу, и оттого остальнымъ не задаво никакого страха. Такъ теперь положимъ: кто изъ нашихъ вер-

вий взойдоть на стѣну, того пронесемъ почестами, дадимъ ему лучшихъ лошадей и знатнѣйшаго плѣнника, исключая этого вѣроломнаго князя, котораго мы вознесемъ выше всѣхъ, повѣсивши на самомъ высокомъ деревѣ». Мѣсто было принято. На слѣдующее утро осаждающіе устремились на приступъ, и были отбиты. Осажденные сдѣлали въ стѣнѣ большое отверстіе и выкатили оттуда раскаленные колеса, чтобъ зажечь башню, которая наносила столько вреда крѣпости; осаждающіе должны были сосредоточить всѣ свои силы, чтобъ затушить пожаръ и спасти свою башню. Между тѣмъ братъ епископа, Іоаннъ фонъ Апелдернъ, неся огонь въ рукѣ, первый начинаетъ взбираться на валъ, за нимъ слѣдуетъ слуга его, Петръ Оге, и оба безпрепятственно достигаютъ стѣны; увидавъ это, остальные ратники бросаются за ними; каждый спѣшитъ, чтобъ взойти первому въ крѣпость, но кто взошелъ первый — осталось неизвѣстнымъ; они поднимали другъ друга на стѣны, другіе ворвались сквозь отверстіе, сдѣланное недавно самими осажденными для пропуска раскаленныхъ колесъ; за Нѣмцами ворвались Летты и Ливы, и началась рѣзня: никому не было пощады; Русскіе долго еще бились внутри стѣнъ, наконецъ были истреблены; Нѣмцы окружили отовсюду крѣпость, и не позволили никому спастись бѣгствомъ. Изъ всѣхъ мужичъ, находившихся въ городѣ, оставилъ въ живыхъ только одного, слугу князя Суздальскаго: ему дали лошадь и отправили въ Новгородъ донести своимъ о судьбѣ Юрьева, и Новгородскій лѣтописецъ записалъ: «Того же лѣта убиша князя Вячка Нѣмцы въ Гюргевѣ, а городъ взяша⁴⁴⁵».

Что же Новгородцы? перенесли спокойно уничтоженіе Русскихъ владѣній въ Чудской землѣ? Слѣдующій разсказъ лѣтописца всего лучше покажетъ намъ, имѣли ли возможность Новгородцы предпринять что-нибудь рѣшительное. Въ 1228 году князь Переяслава Залѣскаго, Ярославъ Всеволодовичъ, призванный княжить въ Новгородъ, отправился съ посадникомъ и тысяцкимъ во Псковъ. Псковичи, узнавши, что идетъ къ нимъ князь, затворились въ городѣ, и не пустили его къ себѣ: пренеслись въсть во Псковѣ, что Ярославъ везетъ съ собою оковы, хотеть ковать лучшихъ мужей. Ярославъ возвратился въ Новгородъ, созвалъ вѣче на владычнемъ дворѣ, и объявилъ градодержанъ, что не мыслилъ никакого зда на Псковичей: «Я, гово⁴⁴⁶

милъ онъ, везъ къ нимъ не оковы, а дары въ коробьихъ, тканн юрота, овощи, а они жена обезчестили»; — и много жаловался на нихъ Новгородцамъ. Скоро послѣ этого онъ привелъ полки изъ Переяславля, съ тѣмъ, чтобъ идти на Ригу. Псковичи, узнавъ объ этомъ, заключили отдѣльный миръ съ Нѣмцами, дали имъ 10 человекъ въ заложники, съ условіемъ, чтобъ они помогали имъ въ случаѣ войны съ Новгородцами. Но послѣдніе также заподозрили Ярослава, стали говорить: «князь то насъ зоветъ на Ригу, а самъ хочетъ идти на Псковъ». Ярославъ опять подалъ сказать Псковичамъ: «Ступайте со мною въ походъ: я за васъ не думалъ никакого, а тѣхъ мнѣ выдайте, кто наговорилъ вамъ на меня»? Псковичи велѣли отвѣчать ему: «Тебѣ, князь, кланяемся, и вамъ, братья Новгородцы, но въ походъ неидемъ, и братья своей не выдаемъ, а съ Рижанами мы помирились; вы къ Кольваню (Ревелю) ходили, взяли серебро, и возвратились ничего не сдѣлавши, города не взявши, также и у Кеса (Вендена) и у Медвѣжьей Головы (Оденпе), и за то нашу братью Нѣмцы побили на озерѣ, а другихъ въ плѣнъ взяли; Нѣмцевъ только вы раздражили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на насъ что ли идти вздумали? такъ мы противъ васъ къ Святой Богородицею и съ поклономъ: лучше вы насъ перебейте, а женъ и дѣтей нашихъ въ полонъ возьмите, чѣмъ поганые; не томъ вамъ и кланяемся». Новгородцы сказали тогда князю: «Мы безъ своей братьи, безъ Псковичей неидемъ на Ригу, и тебѣ, князь, кланяемся»; много уговаривалъ ихъ Ярославъ, но все понапрасну; тогда онъ отпустилъ свои полки назадъ въ Переяславль. — Можно ли было при такихъ отношеніяхъ успѣшно бороться съ Нѣмцами?

На сѣверъ отъ Финскаго залива Новгородцы ходили на Чудское племя Ямь; походы эти имѣли такой же характеръ, какъ и походы на Эстовъ: такъ въ 1188 ходили на Ямь Новгородскіе полководцы съ какимъ-то Вышатомъ Васильевичемъ, и пришли кромой поздорову, добывши полоня. Въ 1191 году ходили Новгородцы вѣстѣ съ Корелюю на Ямь, землю ея побили и побили, и скотъ перебили. Въ 1227 году князь Ярославъ Всеволодовичъ пошелъ съ Новгородцами на Ямь; землю всю побили полоня привели безъ числа; но въ слѣдующемъ году Ямь захотѣли помстить за опустошеніе своей земли, пришла Лядожский:

озеромъ на судахъ и стала опустошать Новгородскія владѣнія⁴⁴; Новгородцы, услышавши о набѣгѣ, сѣли на суда, и поплыли Волховомъ къ Ладогѣ; но Ладожане съ своимъ посадникомъ Владиславомъ не стали дожидаться ихъ, погнались на лодкахъ за Ямью, настигли и вступили въ битву, которую прекратила ночь; ночью Ямь прислала просить мира, но Ладожане не согласились; тогда Финны, перебивши плѣнниковъ и побросавши лодки, побѣжали въ лѣсъ, гдѣ большая часть ихъ была истреблена Корелю; что же дѣлали въ это время Новгородцы? они стояли на Невѣ, да вѣче творили, хотѣли убить одного изъ своихъ, какого-то Судимира, да князь скрылъ его въ своей лодѣ, потомъ возвратились домой ничего не сдѣлавши. — Были также столкновения у Новгородцевъ съ Финскими племенами за Волокомъ, въ области сѣверной Двины и далѣе на востокъ: подъ 1187 годомъ встрѣчаемъ извѣстie, что Новгородскіе сборщики дани (ясака) были перебиты въ Печерѣ и за Волокомъ, погибли ихъ человекъ сто; возстаніе, какъ видно, было въ разныхъ мѣстахъ въ одно время. Въ 1193 году Новгородцы пошли ратью за Уралъ, въ Югру, съ воеводою Ядрѣмъ; пришли въ Югру, взяли одинъ городъ, потомъ осадили другой и стояли подъ нимъ пять недѣль; осажденные стали подсылать къ нимъ обманомъ, говорили: «Мы копимъ серебро, соболей и разное другое добро: зачѣмъ же вы хотите погубить своихъ смердовъ и свои дани?» Но вмѣсто серебра и соболей они копили войско, да сносились съ измѣнникомъ Новгородскимъ, какиаъ-то Савкою, который держалъ перевѣтъ къ Югорскому князю. Когда войско было собрано, то осажденные послали сказать Новгородскому воеводѣ, чтобъ приходилъ къ нимъ въ городъ съ 12 лучшими людьми, за данью; тотъ, ничего не подозревая, пошелъ и былъ убитъ вмѣстѣ съ товарищами, потомъ было приманено въ городъ еще тридцать человекъ, потомъ еще пятьдесятъ. Измѣнникъ Савка сказалъ при этомъ князю Югорскому: «Если, князь, не убьешь Якова Прокининача ипустишь его въ Новгородъ живаго, то онъ опять приведетъ сюда войско и опустошитъ твою землю, вели убить его;» — и Яковъ былъ убитъ, сказавши передъ смертію Савкѣ: «Братъ! судить тебя Богъ и св. Софья, что подумалъ въ свою братью: станешь ты съ нами передъ Богомъ и отдашь отвѣтъ за кровь нашу.» Наконецъ осажденные, истребивши луч-

иныхъ людей, ударили на остальныхъ, полумертвыхъ отъ голода, и большую часть ихъ истребили; спаслось только 80 человекъ, которые съ великою нуждою добрались до Новгорода. Приходя ихъ, разумеется, долженъ былъ произвестись сильное волненіе, когда узнали, что бѣда приключилась отъ измены: сами путники убили трехъ гражданъ, обвиняя ихъ въ зломъ умыслѣ на своихъ братьевъ, другіе обвиненные откупились деньгами; летописецъ говоритъ, что одному Богу известно, кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ⁴³. Изъ этихъ, хотя очень рѣдкихъ извѣстій летописи, мы можемъ составить себѣ понятіе объ отношеніяхъ Новгорода къ его Заволоцкимъ владѣніямъ, къ тамошнему Финскому народонаселенію: ходили отряды такъ называемыхъ данниковъ въ (сборщиковъ дани) собирать ясакъ съ туземцевъ серебромъ и мѣхами, иногда эти данники встрѣчали сопротивленіе, были истребляемы вдругъ въ разныхъ мѣстахъ; неизвѣстно, походъ Ядрея былъ ли попыткою взять ясакъ съ племень, еще до сихъ поръ его не платившихъ, или съ старыхъ плательщиковъ, отказавшихся на этотъ разъ платить; слова князка: «Мы хотимъ серебро.... зачѣмъ вы хотите губить своихъ смердовъ» — могутъ указывать на послѣднее⁴⁴. Но если Новгородскіе данники не всегда были счастливы въ своихъ заволоцкихъ походахъ, то Новгородскимъ выходцамъ, принужденнымъ оставить по разнымъ причинамъ родную землю, удалось въ послѣдней четверти XII вѣка утвердиться въ сторонѣ прикамской, на берегахъ рѣки Вятки, гдѣ они основали независимую общину, ставшую на сѣверовостокѣ притономъ всѣхъ бѣглецовъ, подобно ожнему Берладу и Тмутараканю.

Если Новгородцы боролись съ Финскими племенами за Волокомъ, въ нынѣшней Финляндіи и Эстоніи—тамъ для того, чтобъ собирать съ нихъ богатый ясакъ серебромъ и мѣхами, здѣсь — частію также для добычи, частію для защиты собственныхъ владѣній, опустошаемыхъ дикарами: то сѣверные, Суздальскіе князья, повинувшись природнымъ указаніямъ, распространяли свои владѣнія внизъ по Волгѣ, при чемъ постоянно должны были бороться съ Болгарами, Мордвою и другими инородцами. Зимой 1172 года Андрей Боголюбскій отправилъ на Болгаръ сына своего Мстислава, съ которымъ должны были соединиться сыновья Куромскаго и Рязанскаго князей; походъ этотъ, говоритъ лѣ-

тисисецъ, не укрѣпился вѣтъи людей, потому что во время зовать зимою Болгаръ, и полки шли очень медленно и неохотно; при устьѣ Оки соединенные князья двѣ недѣли дожидались разныхъ людей, и рѣшились наконецъ ѣхать съ одною передовою дружиною, въ которой всѣмъ распоряжался тогда воевода Борисъ Жидиславичъ. Русскіе неожиданно вѣхали въ погану землю, взяли шесть селъ да седьмой городъ, мужчинъ перебили, женщинъ и дѣтей побрали въ плѣнъ; Болгары, услышавъ, что князья пришли съ небольшою дружиною, собрали шесть тысячъ человекъ рати и погнались за Русскими, но, недошедши до нихъ 20 верстъ, возвратились. Наши, говоритъ лѣтописецъ, прославили Бога, потому что очевидно спасла ихъ отъ неминуемаго бѣды Святая Богородица и Христіанская молитва. Въ 1184 годъ Всеволодъ III-й вздумалъ пойти на Болгаръ, и послалъ просить помощи у Кіевскаго князя Святослава Всеволодовича; тотъ отправилъ къ нему сына Владиміра, велѣвъ сказать сѣверному князю: «Дай Богъ, братъ и сынъ, повоюемъ намъ въ наше время съ погаными.» Съ осью князьями⁴⁴⁰ выступилъ Всеволодъ въ походъ водою, по Окѣ и Волгѣ; вышедши на берегъ, Великій князь оставилъ у лодокъ Бѣлозерскій полкъ съ двумя воеводами — Омою Лазковичемъ и Дорожаемъ, и пошелъ съ остальнымъ войскомъ на коняхъ къ Великому городу серебряныхъ Болгаръ, отправа вперёдъ сторожевой отрядъ. Сторожа увидали въ полъ войско, и подумали сначала, что это Болгары, но оказалось, что то были Половцы; пять человекъ изъ нихъ пріѣхали къ Всеволоду; ударили передъ нимъ челомъ и сказали: «Кланяются тебѣ, князь, половцы Ямяковскіе, пришли мы также воевать Болгаръ.» Всеволодъ, подумавши съ князьями и дружиною, привелъ Половцевъ къ присягѣ по ихъ обычаю, и пошелъ съ ними вѣстѣ къ Великому Городу, приблизившись къ которому, сталъ думать съ дружиною; въ это время племянникъ его, Изяславъ Глѣбовичъ, схвативъ копьѣ, помчался съ своею дружиною къ городу, подлѣ котораго пѣшіе Болгары устроили себѣ укрѣпленіе; Изяславъ выбилъ ихъ отсюда и проскакалъ къ самымъ городскимъ воротамъ, но здѣсь изломалъ свое копьѣ, получилъ рану стрѣлою сквозь броню подъ самое сердце и полумертвымъ принесенъ былъ въ станъ. А между тѣмъ Бѣлозерскій полкъ, оставленный при лодкахъ, выдержалъ нападеніе отъ Болгаръ,

приплывшихъ Волговъ изъ разныхъ городовъ въ числѣ 5000 человекъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство, при чемъ перетонуло ихъ больше тысячи человекъ. Всеволодъ стоялъ еще 10 дней подъ Великимъ Городомъ, но видя, что племянникъ изнемогаетъ; а Болгары просятъ мира, отправился назадъ къ своимъ лодкамъ, гдѣ Изяславъ и умеръ; Великій князь послѣ этого возвратился во Владимиръ, пославши конницу на Мордву. Въ 1186 году Всеволодъ посылалъ опять воеводъ своихъ съ Городчанами на Болгарь: Русскіе взяли много селъ и возвратились съ полономъ. Послѣ того при Всеволодѣ не встрѣчаемъ больше извѣстій о походахъ на Болгарь; по смерти его усобица между его сыновьями долго не давала Русскимъ возможности обратить вниманіе на сосѣдніе народы, пользуясь тѣмъ Болгары предприняли наступательное движеніе и взяли Устюгъ въ 1217 году. Только въ 1220 году В. князь Юрій Всеволодовичъ собрался послать сильную рать на Болгарь: онъ послалъ брата своего Святослава, князя Юрьевского и съ нимъ полки свои подъ начальствомъ воеводы Еремѣя Глѣбовича; Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій послалъ также свои полки; племяннику Васильку Константиновичу Великій Князь велѣлъ послать полки изъ Ростова и изъ Устюга на верхъ Камы; Муромскій князь Давидъ послалъ сына своего Святослава, Юрій — Олега и всѣ снялись на устьѣ Оки, откуда поплыли на лодкахъ внизъ по Волгѣ и высадились на берегъ противъ города Ошела. Святославъ выстроилъ войско: Ростовскій полкъ поставилъ по правую руку, Переяславскій по лѣвую, а самъ сталъ съ Муромскими князьями посерединѣ, и въ такомъ порядкѣ двинулся къ лѣсу, оставивъ одинъ полкъ у лодокъ. Пропедаши лѣсъ, Русскіе полки вышли на поле къ городу; здѣсь были они встрѣчены Болгарскою конницею, которая, постоявши немного, пустила въ нашихъ по стрѣлѣ, и помчалась къ городу; Святославъ двинулся за нею и осадилъ Ошелъ. Около города былъ сдѣланъ острогъ, огороженный крѣпкимъ дубовымъ тыномъ; за острогомъ были еще два укрѣпленія и между ними валъ: по этому валу бѣгали осажденные и бились съ Русскими. Князь Святославъ, подошедши къ городу, отрядилъ напередъ людей съ огнемъ и топорами, а за ними стрѣльцовъ и копейниковъ; Русскіе подсыпали тынъ, раззорили и два другихъ укрѣпленія и зажгли ихъ, потомъ зажгли и самый городъ; но тутъ под-

нядся противный вѣтеръ и понесъ клубы дыма на Русскіе поля; дымъ, въ которомъ нельзя было различить человека, зной и нуже всего безводіе заставили осаждающихъ отступитъ отъ города. Когда они отдохнули отъ трудовъ, то Святославъ сказалъ: «пойдемъ теперь за вѣтромъ на другую сторону города!» поля встали и пошли, и когда были у городскихъ воротъ, то князь сказалъ имъ: «Братья и дружина! сегодня предстоитъ намъ или добро или зло, такъ пойдите скорѣе!» и самъ князь посылалъ впереди всѣхъ къ городу, за нимъ остальное войско, посылки тытъ и оплоты, и зажгли ихъ, потомъ зажгли городъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ стала сильная буря, такъ что страшно было смотрѣть, а въ городѣ раздавался громкій вопль; князь Болгарскій успѣлъ убѣжать на лошадяхъ съ малою дружиною, а которые Болгары выбѣжали пѣшкомъ, тѣхъ всѣхъ Русскіе перебили, женъ и дѣтей въ плѣнъ побрали, другіе Болгары сгорѣли въ городѣ, а иные перебили сперва своихъ женъ и дѣтей, а потомъ и сами себя лишили жизни; нѣкоторые изъ Русскихъ ратниковъ осмѣлились войти въ городъ за добычею, но едва убѣжали отъ пламени, а иные такъ и сгорѣли. Пожегши городъ, Святославъ пошелъ назадъ къ лодкамъ; когда онъ пришелъ къ нимъ, то поднялась сильная буря съ дождемъ, такъ что съ трудомъ можно было удержать лодки у берега; потомъ буря начала стихать, и Святославъ, переночевавши тутъ и пообѣдавши на другой день, поплылъ назадъ вверхъ по Волгѣ. Между тѣмъ Болгары изъ Великаго и другихъ городовъ, услышавши объ истребленіи Ошела, собрались съ князьями своими и пришли къ берегу; Святославъ зналъ о приближеніи враговъ, и велѣлъ своимъ приготовиться къ битвѣ: пошли—полкъ за полкомъ, били въ бубны, играли въ трубы и сопѣли, а князь шелъ сзади всѣхъ. Болгары, подошедши къ берегу, увидали между Русскими своихъ плѣнниковъ, кто отца, кто сына и дочь, кто братьевъ и сестеръ, и стали вопить, кивая головами и закрывая глаза; но напасть на Русскихъ не посмѣли, и Святославъ благополучно достигъ устья Камы, гдѣ соединился съ Ростовскимъ и Устюжскимъ полками, бывшими подъ начальствомъ воеводы Вонслава Добрынича. Ростовцы и Устюжане пришли съ большею добычею, потому что воевали внизъ по Камѣ, взяли много городовъ и селъ. Съ устья Камы пошли всѣ къ Городцу, здѣсь вышли на

Берегъ и отправились на коняхъ къ Владимиру. Князь Юрій встрѣтилъ брата у Боголюбова, и задалъ ему и всему войску большой пиръ: пировали три дня, при чемъ Святославъ и все войско получили богатые подарки. Слѣдствіемъ Святославова похода было то, что на ту же зиму Болгарскіе послы явились къ великому князю съ просьбою о мирѣ; но Юрій сначала не согласился на миръ, и послалъ собирать войско, хотѣлъ самъ теперь идти въ походъ, и дѣйствительно выступилъ къ Городцу; на дорогѣ встрѣтили его новые послы отъ Болгаръ съ челобитнѣемъ, но онъ и тѣхъ не послушалъ; наконецъ уже въ Городецъ пришли къ нему еще послы съ дарами и съ выгодными условіями, на которыя В. князь и согласился: заключенъ былъ миръ по прежнему, какъ было при отцѣ и дѣдѣ Юрія.

Послѣ этого удачнаго похода на Болгаръ Юрій рѣшился укрѣпить за Русью важное мѣсто при устьѣ Оки въ Волгу, гдѣ привыкли собираться Суздальскія и Муромскія войска: здѣсь въ 1221 году заложенъ былъ Нижній Новгородъ. Онъ былъ основанъ на землѣ Мордвы, съ которою слѣдовательно необходимо должна была возникнуть борьба: въ 1226 г. В. князь посылалъ братьевъ своихъ Святослава и Ивана на Мордву, которую они побѣдили и взяли нѣсколько селъ. Въ 1228 году въ сентябрѣ Юрій послалъ было на Мордву племянника Василька Константиновича Ростовскаго съ воеводою своимъ, извѣстнымъ Еремѣемъ Глѣбовичемъ, но возвратилъ ихъ за непогодю, потому что шли дожди день и ночь; а зимою въ генварѣ мѣсяцѣ отправился въ походъ самъ съ братомъ Ярославомъ, племянниками Константиновичами и Муромскимъ княземъ Юріемъ; Русскіе вошли въ землю Мордовскаго князя Пургаса, пожгли и потравили хлѣбъ, перебили скотъ, а плѣнниковъ отправили домой; Мордва сирьлась въ лѣсахъ и твердахъ, а которые не успѣли спрятаться, тѣхъ перебила младшая дружина Юріева. Видя успѣхъ Юрьевой дружины, младшая дружина Ярославова и Константиновичей тайкомъ отправилась на другой день въ дремучій лѣсъ на поиски за Мордовою; Мордва дала имъ зайти въ глубину лѣса, потомъ окружила ихъ и однихъ истребила на мѣстѣ, другихъ поволокла въ свои укрѣпленія, и тамъ перебила ⁴⁵⁰. Между тѣмъ Болгарскій князь пришелъ было на Пуреша, присажнаго князька Юрьева, но услыхавъ, что Великій князь идетъ

села Мордовскія, побѣжалъ ночью назадъ, а Юрій съ братьями со всѣми полками возвратились домой по здорovou. Вообще, не смотря на всю медленность, недружность наступательнаго движенія Руси на Финскія племена, послѣднимъ не было возможности съ успѣхомъ противиться ей, потому что Русь, нию всякъ препятствій къ государственному развитію, все шла впередъ по пути этого развитія, тогда какъ Финскія племена оставались и тамарь на той же ступени, на какой Славянскія племена, Древлячи, Сѣверяне, Вятичи находились въ половинѣ IX вѣка, являя особными и потому безсильными племенами, которыя, раздробляясь, враждовали другъ съ другомъ. Мѣстное преданіе очень вѣрно указываетъ на причину подчиненія Финскихъ племенъ Руси: на мѣстѣ Нижняго Новгорода, говоритъ оно, жилъ некогда Моравишъ Скворецъ, другъ Соловья разбойника; было у него 18 жёнъ и 70 сыновей. Чародѣй Дятель предсказалъ ему, что если дѣти его будутъ жить мирно, то останутся владѣтелями отцовскаго наслѣдія, а если поссорятся, то будутъ покорены Русскими; потомки Скворца начали враждовать между собою, и Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки.

Не таковы были отношенія Руси къ западнымъ ея дикими соседямъ, Литовцамъ, которыхъ набѣги становятся все сильнѣе и дружнѣе: въ 1190 году Рюрикъ Ростиславичъ, будучи еще княземъ Бѣлгородскимъ, по родству своему съ князьями Пинскими, которые должны были особенно терпѣть отъ Литвы, предпринялъ было походъ на нее, но не могъ дойти до земли Литовской, потому что сдѣлалось тепло и снѣгъ растаялъ, а въ этой болотистой странѣ только и можно было воевать въ сильные холода. Счастливецъ былъ зять его, знаменитый Романъ Волынкій, о поведеніи котораго относительно плѣнныхъ Литвы и Ятвяговъ уже было упомянуто; въ 1196 году, по словамъ летописи, Романъ ходилъ на Ятвяговъ отмщеваться, потому что они воевали его волость; когда Романъ вошелъ въ ихъ землю, то они не могли стать противъ его силы, и бѣжали въ свои тверди, а Романъ пожегъ ихъ волость, и отомстившись, возвратился домой ⁴⁵¹. Усобицы, возникшія на Волыни по смерти Романа Великаго, дали Ятвягамъ и Литвѣ возможность окутоснать эту страну: подъ 1205 годомъ читаемъ извѣстіе, что Литва и Ятвяги повоновали землю отъ Турійскаго до Червоня,

шлись у самыхъ воротъ Червенскихъ: бѣда была въ землѣ Владимірской отъ воеванья Литовскаго и Ятвяжскаго, говоритъ летописецъ. Въ 1215 году Литовскіе князья, числомъ 21, дали крѣзь вдовѣ Романовой, которая немедленно употребила ихъ противъ Поляковъ. Въ 1227 году Ятвяги пришли было воевать около Бреста, но потерпѣли поражение отъ Давида Романовича. — Сѣверозападные Русскіа границы не были также безопасны отъ Литвы: въ 1183 году бились Псковичи съ Литвою, и много потерпѣли зла отъ нея. Въ 1200 году Литовцы опустошили берега Ловати⁴²²; Новгородцы погнались за ними, и обратили ихъ въ бѣгство, убивши 80 человекъ и отнявши добычу. Въ тотъ же годъ воевода Великолуцкій, Нѣздилъ Пехчиничъ ходилъ съ небольшою дружиною на Летголу, засталъ неприятелей спящими, убилъ 40 человекъ, а женъ и дѣтей увелъ въ пѣнъ. Подъ 1210 годомъ упоминается снова о набѣгѣ Литовскомъ на Новгородскую область; въ 1213 Литовцы пожгли Псковъ; въ 1217 Литва опять воевала по Шелони; въ 1225 около Торопца; въ 1224 пришла къ Русь: посадникъ Федоръ выѣхалъ было противъ нея, но былъ побѣжденъ; въ 1225 Литовцы, въ числѣ 7000, страшно опустошили села около Торжка, не дошедши до города только трехъ верстъ, побили много купцовъ, поплѣнили и Торопецкую волость всю; князь Ярославъ Всеволодовичъ нагналъ ихъ близъ Усвята, разбилъ, истребилъ 2000 человекъ, отнялъ добычу, изъ Русскихъ налъ здѣсь Торопецкій князь Давидъ, сынъ Мстислава Храбраго.

На югъ и юговостокъ продолжалась прежняя борьба съ степняками или Половцами. Когда Андрей Боголюбскій посадилъ брата своего Глѣба въ Кіевъ, то въ Русскихъ предѣлахъ явилось множество Половцевъ; одна половина ихъ вошла въ предѣлы Переяславскаго княжества, а другая Кіевскаго, и оба послали къ Глѣбу съ такими рѣчами: «Богъ и князь Андрей посадили тебя на твоей отчинѣ и дѣдинѣ въ Кіевъ, а мы хотимъ урядиться съ тобою обо всемъ, послѣ чего мы присягнемъ тебѣ, а ты намъ, чтобъ вы насъ не боялись, а мы васъ.» Глѣбъ отвѣчалъ: «Я готовъ идти къ вамъ на сходку,» и сталъ думать съ дружиною, къ какимъ Половцамъ идти прежде? рѣшили, что лучше идти сперва къ Переяславию, потому что князь тамошній, Владиміръ Глѣбовичъ былъ тогда малъ, всего 12 лѣтъ.

Глѣбъ и пошелъ на сѣходку къ Переяславскимъ Половцамъ, а другимъ, Русскимъ (т. е. Кіевскимъ) послалъ сказать: «подождите меня здѣсь: теперь я ѣду къ Переяславию, и когда умрусь съ тѣми Половцами, то приду и къ вамъ на миръ.» Но Кіевскіе Половцы, услышавъ, что Глѣбъ пошелъ на ту сторону Днѣпра, начали разсуждать: «Глѣбъ-то поѣхалъ на ту сторону, къ тѣмъ Половцамъ, и тамъ долго пробудеть, а къ намъ не поѣхалъ; такъ мы пойдемъ за Кіевъ, возьмемъ села и пойдемъ домой съ добычею.» И дѣйствительно отправились воевать Кіевскія волости, жители которыхъ, не ожидая нападенія, не успѣли убѣжать⁴³³, были всѣ перехватаны и вмѣстѣ со стадами погнаны въ степи. Глѣбъ возвращался отъ Переяслава и хотѣлъ было отправиться къ Корсуню, гдѣ стояли прежде Половцы, какъ дали ему знать, что варвары, не дождавшись съѣзда, поѣхали воевать и воюютъ. Глѣбъ хотѣлъ немедленно самъ гнаться за ними, но Берендѣи схватили за поводъ его коня и сказали: «князь, не ѣзди! тебѣ пристойно только ѣздить въ большомъ полку, когда соберется вся братья, а теперь пошли кого-нибудь изъ князей, да съ нимъ отрядъ изъ насъ, Берендѣевъ.» Глѣбъ послушался и отправилъ брата своего Михаила съ сотнею Переяславцевъ и съ 1500 Берендѣевъ; Михаилъ перенялъ у Половцевъ дорогу, напалъ безъ вѣсти на сторожей ихъ, которыхъ было 300 человекъ, и однихъ перебилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ; когда у этихъ начали спрашивать, много ли вашихъ назади? и они отвѣчали, что много, тысячъ семь, то Русскіе стали думать: «Половцевъ назади много, а насъ мало; если оставимъ плѣнниковъ въ живыхъ, то во время битвы они будутъ намъ первые враги,» и перебили ихъ всѣхъ; потомъ пошелъ на другихъ Половцевъ, разбили ихъ, добычу отняли и опять спросили у плѣнниковъ: «много ли еще вашихъ назади?» тѣ отвѣчали: «теперь великій полкъ идетъ.» Русскіе дождались и великаго полка, и поѣхали противъ него: у поганныхъ было 900 коней, а у Русскихъ только 90. Переяславцы хотѣли было ѣхать напередъ съ княземъ Михаиломъ; но Берендѣи опять схватили у Михаила коня за поводъ, и сказали: «вамъ не слѣдъ ѣхать напередъ, потому что вы нашъ городъ (защита), а мы стѣнами пойдемъ напередъ.» Битва была злая, князь Михаилъ получалъ три раны, наконецъ Половцы побѣжали, при чемъ полторы ты-

дти ихъ попалось нажить въ плѣтъ. Зимой 1174 года Половцы снова явились на Кіевской сторонѣ и взяли множество ослъ; Юльной Глѣбъ выслалъ противъ нихъ Торювъ и Берендѣвъ юдъ начальствомъ двоихъ братьевъ своихъ Михаила и Всесюда, которые нагнали и разбили Половцевъ за рѣкою Бугомъ, при чемъ откололи 400 человекъ своихъ.

По смерти Глѣба, въ княженіе Романа Ростиславича въ Кіевѣ, лѣтописецъ упоминаетъ о Половечникъ набѣгахъ на негра ничныя земли по рѣкѣ Роси; но гораздо замѣчательнѣе шла борьба съ варварами по ту сторону Днѣпра, гдѣ Сѣверскій князь Игорь Святославичъ пошелъ на Половцевъ въ степи за Ворсклу. Узнавши на дорогѣ, что два хана, Кобякъ и Кончакъ отправились пустошить Переяславскую волость, Игорь погнался за ними, принудилъ ѣхать и отнял всю добычу: такъ счастливо началъ борьбу свою съ Половцами Игорь Святославичъ, которому суждено было пріобрѣсти такую знаменитость отъ несчастнаго похода своего на нихъ. Въ 1179 году Кончакъ много зло надѣлалъ Христіанамъ у Переяславля; въ 1184 году новое извѣстіе о нашествіи Кончака. До сихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами на югъ не давали князьямъ возможности отплачивать Половцамъ походами въ степи; но теперь съ окончательнымъ утвержденіемъ Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ усобицы прекратились, и начинается рядъ степныхъ походовъ. Уже въ 1184 году, послѣ нашествія Кончака, князь Святославъ, посовѣтовавшись съ сватомъ своимъ Рюрикомъ, пошелъ на Половцевъ, и сталъ у Ольжичъ, ожидая Ярослава Всеволодовича изъ Чернигова; Ярославъ пріѣхалъ и сказалъ имъ: «Теперь, братья, не ходите, но лучше назначимъ срокъ и пойдемъ, дастъ Богъ, на лѣто.» Старшіе князья послушались его и возвратились, приказавши вмѣсто себя идти въ степь младшимъ: Святославъ отправилъ Игоря Святославича Сѣверскаго, а Рюрикъ Владимира Глѣбовича Переяславскаго. Но эти младшіе—Мономаховичъ Владиміръ и Ольговичъ Игорь сейчасъ же начали споръ за старшинство и поссорились: Владиміръ сталъ проситься у Игоря ѣхать напередъ, а Игорь не пустилъ его; тогда Владиміръ разсердился и вмѣсто Половцевъ, пошелъ на Сѣверскіе города, гдѣ взял большую добычу; Игорь одинъ съ своими Ольговичами отправился на Половцевъ и при-

нудитъ ихъ бѣжать, но далеко не могъ идти за ними, потому, что отъ дождя вода поднялась въ рѣкахъ. Старшіе князья Святославъ и Рюрикъ исполнили свое обещаніе, лѣтомъ повели походъ на Половцовъ, собрали князей — Переяславского, Вельмижскихъ, Смоленскихъ, Туровскихъ, взяли вспомогательный Галицкій отрядъ, и пошли внизъ по Днѣпру; Черниговскію отказались идти вмѣстѣ, они послали сказать Святославу Всеволодовичу: «далеко намъ идти внизъ Днѣпромъ, не можемъ земля земель оставить пустыми; но если пойдешь на Переяславъ, то сойдемся съ тобою на Судъ.» Святославу не понравилось это неповиновеніе младшей братьи; онъ продолжалъ безъ нихъ путь по Днѣпру, вышелъ на восточный берегъ при Инжаръ бродѣ, и отрядилъ младшихъ князей на поискъ за Половцами съ 2100 Берендѣевъ; Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій отпросился у него ѣхать прежде всѣхъ: «моя волость вуста отъ Половцевъ, говорилъ онъ: такъ пусти меня, батюшка Святославъ, напередъ съ сторожами!» Половцы, увидавши идущій на себя полкъ Владиміровъ, ударились бѣжать, такъ что Русскій сторожевой отрядъ не могъ нагнать ихъ, и возвратился къ рѣкѣ Ереду; остановились и Половцы, и ханъ Кобякъ, думая, что Русскихъ всего только, что съ Владиміромъ, погнался за послѣднимъ и сталъ перестрѣливаться съ его отрядомъ черезъ рѣку; услыжавъ объ этомъ, Святославъ и Рюрикъ отправили на помощь къ сторожамъ большіе полки, въ слѣдъ за которыми пошли и сами; но Половцы, увидавши первые полки, отправленные на помощь къ сторожамъ, подумали, что это сами Святославъ и Рюрикъ идутъ, и побѣжали, Русскіе за ними, стали ихъ бить и хватать въ плѣнъ и набрали 7000 человекъ; взяли тутъ самого Кобяка съ двумя сыновьями и много другихъ князей⁴⁵⁴, и возвратились Святославъ и Рюрикъ со славою и честію полнокъ, по словамъ лѣтописца. Между тѣмъ Игорь Святославичъ Стверскій, услыжавъ, что Кіевскій Святославъ пошелъ на Половцовъ, призвалъ къ себѣ брата Всеволода, племянника Святослава Ольговича, сына Владиміра, дружинну, и сказалъ имъ: «Половцы обратились теперь противъ Русскихъ князей, такъ мы безъ нихъ ударимъ на ихъ жеги.» Князья поѣхали и за рѣкою Жердомъ встрѣтились съ Половечинимъ отрядомъ въ 400 человекъ, которые пробивались воевать Русь; Игорь ударилъ на нихъ и прогналъ назадъ.

Въ слѣдующемъ 1185 году пошелъ оканчившій, безбожнѣйшій и трусливѣйшій Кончакъ со множествомъ Половцевъ на Русь хотѣвъ, чтобъ поплынить города Русскіе и пожечь ихъ огнемъ; нанесть оу одного буеурмана, который стрѣлялъ живымъ огнемъ; были у Половцевъ также луки тугіе самострѣльные, которые едва могли натянуть 50 человекъ. Половцы сначала пришли и стали на рѣкѣ Хоролѣ; Кончакъ хотѣлъ обмануть Ярослава Всеволодовича Черниговскаго, послалъ къ нему какъ будто мира просить, а Ярославъ, ничего не подозревая, отправилъ къ нему своего боярина для переговоровъ. Но Святославъ Мисевскій послалъ сказать Ярославу: «Братъ! не вѣрь ни въ и не посылай боярина; я на нихъ пойду»; и действительно выѣхавъ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ и со всеми своими полками пошелъ на Половцевъ, отправивши впередъ молодыхъ князей — Владимира Глѣбовича и Мстислава Романовича. На дорогѣ купцы, вѣхавшіе изъ земли Половецкой, указали князьямъ мѣсто, гдѣ стоялъ Кончакъ; Владимиръ и Мстиславъ напали на него и обратили въ бѣгство, при чемъ былъ взятъ въ плѣнъ и тотъ буеурманъ, что стрѣлялъ живымъ огнемъ: хитреца привели къ Святославу со всемъ снарядомъ его. — Ярославъ Черниговскій не ходилъ съ братомъ на Половцевъ; онъ хотѣлъ сказать ему: «я уже отправилъ къ нимъ боярина, и не могу вѣхать на своего мужа». Но не такъ думалъ Игорь Святославичъ Сѣверскій, онъ говорилъ: «не дай Богъ отрекаться отъ похода на поганыхъ, поганые всемъ намъ общій врагъ, и началъ думать съ дружиною, куда бы поѣхать, чтобъ нагнать Святослава; дружина сказала ему: «Князь! поптичьн нельзя перелетѣть: пріѣхалъ къ тебѣ бояринъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ онъ идетъ въ воскресенье изъ Кіева; какъ же тебѣ его нагнать?» Игорю не нравилось, что дружина такъ говоритъ; онъ хотѣлъ вѣхать степью возлѣ Сулы рѣки: но вдругъ сдѣлалась такая оттепель, что никакъ нельзя было никуда идти. Святославъ, возвративъ къ Кіеву, тою же весною послалъ боярина своего Романа Степановича съ Берендами на Половцевъ, а Романъ въ самое Святлое Воскресенье (21 апрѣля) взялъ Половецкія земли, забралъ въ нихъ много плѣнниковъ и лошадей.

Между тѣмъ Игорь Святославичъ не хотѣлъ оставить своего гавѣренія идти на Половцевъ; сѣверскіе князьямъ не давали

коня онеобязаны походы съ той стороны Днѣпра, въ которыхъ они не участвовали: «развѣ уже мы не князья, говорили они: добудемъ и мы такой же себѣ чести». И вотъ 23-го апрѣля Игорь выѣхалъ изъ Новгорода Сѣвернаго, вѣдѣми идѣи съ собою брату Всеволоду изъ Трубчовска, племяннику Святославу Ольговичу изъ Рымьска, сыну Владимиру изъ Путныи, а у Ярослава Черниговскаго выпросилъ боярина Олстина Олексича съ Коуами Черниговскими; Сѣверскіе князья шли тихо, собирая дружины, потому что кони у нихъ были очень тучны. Какъ дошедши они до рѣки Донца, время было уже къ вечеру, Игорь взглянулъ на небо, и увидалъ, что солнце стоитъ точно не-сящи: «Посмотрите-на, что это значить?» спросилъ онъ у бояръ и у дружины. Тѣ посмотрѣли и опустили головы. «Князь! сказали они потомъ: не на добро это знаменіе». Игорь отвѣчалъ имъ на это: «Братья и дружина! тайны Божіей никто не знаетъ, а знаменіе всякому и всему міру своему Богъ творецъ; увидимъ, что сотворитъ намъ Богъ, на добро или на зло намъ». Сказавши это, Игорь перенравился за Доноцъ и пришелъ къ Осколу, гдѣ два дня дождался брата Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска, и изъ Оскола отправился въ рѣку Сальницъ, куда пріѣхали сторожа, посланные ловить азыка, и объявилъ князьямъ: «видѣлся мы съ неприятеlemъ, неприятели ваши взлетѣли на-готовѣ: такъ намъ ступайте скорѣе, или верочайтесъ домой, потому что не наше теперь время». Игорь и другіе князья сказали на это: «если мы теперь не бывшемъ возвратимся, то стыдъ намъ будетъ хуже смерти; пойдомъ на милость Божію», и ѣхали всю ночь, а утромъ, въ обѣднее время встрѣтили полки Половецкіе: поганые собрались отъ мала до велика и стояли по той сторонѣ рѣки Сюрмліи. Русскіе князья выстроили шесть полковъ: Игоревъ полкъ стоялъ по серединѣ, по правую сторону полкъ брата его Всеволода, по лѣвую племянника Святослава, а напередѣ полкъ сына Владимира съ отрядомъ Коуавъ Черниговскихъ, а напередѣ этого полка стояли стрѣльцы, выведенные изъ всѣхъ полковъ. Игорь сказалъ братья: «Братья! мы этого сами некали, такъ пойдомъ»,—и пошелъ. Изъ Половецкихъ полковъ поѣхали стрѣльцы, вустали не стрѣль на Русь, и бросались бѣжать, Русь не успѣла еще переѣхать рѣку, какъ побѣжали и остальные Половцы; передовой Русскій полкъ

погнался за ними, началъ битъ ихъ и хватать въ плѣны, а старшіе князя Игорь и Всеволодъ шли потихоньку, не распуская своего полка; Половцы пробѣжали мимо своихъ вожъ, Русскіе земли послѣдніи и захватили много плѣнныхъ. Три дни стояли здѣсь сѣверскіе поля, и веселились, говоря: «Братья наши съ великимъ княземъ Святославомъ ходили на Половцовъ и бились съ ними, озирались на Переяславль, въ землю Половецкую по снѣгу идти; а мы теперь въ самой землѣ Половецкой, потѣшихъ перебили, жены и дѣти ихъ у насъ въ плѣну; теперь пойдѣмъ на нихъ за Днѣпръ и до конца истребимъ ихъ; если тамъ побѣдимъ ихъ, то пойдѣмъ въ Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь». Когда передовой полкъ возвратился съ погони, то Игорь сталъ говорить братьямъ и боярамъ своимъ: «Богъ далъ намъ побѣду, честь и славу; мы видѣли поля Половецкіе, много ихъ было, всѣ ли они тутъ были собраны? пойдѣмъ теперь въ ночь, а остальные пусть идутъ за нами завтра утромъ». На это Святославъ Ольговичъ отвѣчалъ дядьямъ: «Я далеко гонялся за Половцами и утомилъ лошадей; если теперь опять поѣду, то останусь на дорогѣ». Дядя Всеволодъ привилъ его сторону, и положено было еще переночевать тутъ. Но на другой день на разсвѣтѣ начали вдругъ выступать одинъ за другимъ полки Половецкіе, Русскіе князья изумились, Игорь сказалъ: «Сами мы собрали на себя всю землю»; князья стали совѣтоваться, какъ быть? «Если побѣдимъ, говорили они, то сами спасемся, но черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ предъ Богомъ, что ихъ выдали; уже лучше — умремъ ли, живы ли будемъ, всѣ на одномъ дѣствѣ». Перѣшавши на этомъ, всѣ сошли съ коней, и пошла на битву, хотя уже изнемогли отъ безводья: бились крѣпко цѣлый день до вечера, и много было раненыхъ и мертвыхъ въ полкахъ Русскихъ; бились вечеръ и ночь, на разсвѣтѣ замѣшались Коуи и побѣжали. Игорь еще въ началѣ битвы былъ раненъ въ руку и потому сѣлъ на лошадь; увидавъ, что Коуи бѣгутъ, онъ поспѣшилъ къ нимъ, чтобъ удержать бѣглецовъ, но тутъ былъ захваченъ въ плѣнъ; окруженный Половцами, которые держали его, Игорь увидалъ брата Всеволода, отбивавшагося отъ враговъ, и сталъ просить себя смерти, чтобъ только не видать гибели брата своего; но Всеволодъ не погибъ, а былъ также взятъ въ

плать; изъ многочисленныхъ походовъ Оверскихъ описаны оковы меле: Русские ушло человекъ 15, а Коуовъ еще меньше, потому что какъ стѣнами краккии были они огорожены полками Половецкими. Ведомый въ плѣтъ, Игорь вспомнилъ прежній грѣхъ свой, какъ однажды, взявши на шить города Глѣбовъ у Переяслава, не пощадилъ крови христіанской: «Недостойнъ былъ я жизни, говорилъ онъ; теперь вижу мечь отъ Господа Бога моего; гдѣ теперь возлюбленный мой братъ, гдѣ племянникъ, гдѣ сынъ, гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храбрыя, гдѣ радъ полчмий? гдѣ кони и оружіе многочисниее? всего я лишился, и связаннаго продалъ меня Богъ въ руки беззаконнымъ!»

Въ это время Святославъ Кіевскій былъ въ Корачевѣ⁴⁴⁴, и собиралъ въ верхнихъ земляхъ войско, хотѣлъ идти на Половцевъ къ Дону на все лѣто. На возвратномъ пути изъ Корачева, будучи у Новгорода Сѣверскаго, онъ узналъ, что Игорь съ братьею пошли на Половцевъ тайкомъ отъ него, и не понравилось ему это своевольство. Изъ Новгорода Сѣверскаго Святославъ приплылъ по Деснѣ въ Черниговъ, и тутъ дали ему знать о бѣдѣ Сѣверскихъ князей. Святославъ заплакалъ и сказалъ: «Ахъ любезные мои братья и сыновья и бояре Русской земли! далъ бы мнѣ Богъ притомить поганыхъ; но вы не сдержали молодости своей и отворили имъ ворота въ Русскую землю; воля Господня да будетъ; какъ прежде сердить я былъ на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало». Святославъ однако не терѣлъ времени въ пустыхъ жалобахъ и отправилъ сыновей своихъ Олега и Владимира въ Посемье (страну по рѣкѣ Сейму): плачь поднялся во всѣхъ городамъ Посемскимъ, въ Новгородѣ Сѣверскомъ и во всей волости Черниговской о томъ, что князья въ плѣну, а изъ дружины одни схвачены, другіе перебиты; жители металсь въ отчаяніи, по словамъ лѣтописца, не стало никому мле свое ближнее, но многіе отрекались отъ думъ своихъ изъ жалости по князьяхъ. Святославъ принималъ и другія мѣры, послалъ сказать Давиду Смоленскому: «Мы было сговорились идти на Половцевъ и лѣтовать на Дону, а теперь вотъ Половцы побѣдили Игоря съ братьею; такъ призывай, братъ, постороги Русскую землю». Давидъ приплылъ по Днѣпру; пришелъ и другіе полки на помощь; и стали у Треномъ; а Ярославъ, собравши войска свои, стоялъ на готовѣ въ Черниговѣ.

и Между тѣмъ Половцы, побѣдивши Игоря съ братьями, разошлись, собрали весь свой народъ на Русскую землю; но когда стали думать, въ какую сторону идти имъ, то начался споръ между ихъ ханами: Кончакъ говорилъ: «Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ перебиты наша братья и великій князь нашъ Бонякъ»; а другой ханъ, Кза говорилъ: «Пойдемъ на Сеймъ, гдѣ остались одни жены да дѣти, готовъ намъ тамъ полоть собирать, возьмемъ города безъ всякой трудности;» — и раздѣлились на двое: Кончакъ пошелъ къ Переяславу, осадилъ городъ и бился цѣлый день; въ Переяславѣ былъ княземъ извѣстный Владиміръ Глѣбовичъ, сильный и крѣпкій на рати, по словамъ лѣтописца; онъ выѣхалъ изъ города и ударилъ на Половцевъ съ очень небольшою дружиною, потому что остальные не осмѣлились выйти на вылазку; Владиміръ былъ окруженъ множествомъ Половцевъ и раненъ тремя копьями: тогда осталшая дружина, видя князя въ опасности, ринулась изъ города и высвободила Владиміра, который тяжело раненый выѣхалъ въ свой городъ и утеръ мужественный потъ за отчину свою. Онъ слалъ и въ Святославу, и къ Рюрику, и къ Давиду: «Половцы у меня, помогите мнѣ!» Святославъ слалъ къ Давиду, а Давидъ не трогался съ мѣста, потому что его Смольняне собрали вѣче и толковали: «Мы шли къ Кіеву только; еслибъ здѣсь была рать, то мы и стали бъ биться, а теперь намъ нельзя искать другой рати, мы уже и такъ устали». Давидъ принужденъ былъ идти назадъ съ ними въ Смоленскъ. Но Святославъ съ Рюрикомъ съѣхавъ на суда и поплыли Днѣпромъ внизъ противъ Половцевъ, которые, услышавъ объ этомъ, отошли отъ Переяслава, но по дорогѣ осадили городъ Римовъ⁴¹⁶; Римовичи затворились, и взошли на стѣны биться, какъ вдругъ двѣ городицы (стѣнными укрѣпленія) рухнули вѣстѣ съ людьми прямо къ Половцамъ, ужасъ навелъ на остальныхъ жителей; и городъ былъ взятъ; спаслись отъ плѣна только тѣ изъ Римовичей, которые вышлись изъ города и бились съ неприятелемъ на Римскому болоту. Такимъ образомъ Половцы, благодаря медленности князей, давшихъ по напросу Давида Смоленскаго, успѣли взять Римовъ, и съ добычею безопасно возвратиться въ свои степи; князья не преслѣдовали ихъ туда, но съ печалью разошлись по волостямъ своимъ. Другіе Половцы съ ханомъ Кзою, войска къ

Путивлю, пожгли села вокругъ, острога у самаго Путивля и возвратились съ добычею.

Игорь Святославичъ все жилъ въ плѣну у Половцовъ, которые, какъ будто стыдись воеводства его, по выраженію летописца, не дѣлали ему никакихъ притѣсненій; приставили къ нему 20 сторожей, но давали ему волю ѣздить на охоту куда захочетъ, и брать съ собою слугъ своихъ, человѣкъ по пяти и по шести; да и сторожа слушались его и оказывали всякую честь: куда кого пошлеть, исполняли приказъ безпрекословно; Игорь вызвалъ было уже къ себѣ и священника со всею службою, думая, что долго пробудеть въ плѣну. Но Богъ, говоритъ летописецъ, избавилъ его по христіанской молитвѣ, потому что многіе проливали слезы за него. Нашелся между Половцами одинъ человѣкъ, по имени Лаворъ; пришла ему добрая мысль, и сталъ онъ говорить Игорю: «Пойду съ тобою въ Русь». Игорь сперва не повѣрилъ ему; по молодости своей держалъ онъ мысль высокую, думалъ, схвативши Лавора, бѣжать съ нимъ въ Русь; онъ говорилъ: «Я для славы не бѣжалъ во время бѣги отъ дружины, и теперь безславнымъ путемъ не пойду». Съ Игоремъ вѣсть была въ плѣну сынъ тысяцкаго и конюшій его; оба они понуждали князя принять предложеніе Лавора, говорили: «Ступай, князь, въ Русскую землю, если Богъ захочетъ избавить тебя»; Игорь все медлялъ; но когда возвратились Половцы отъ Переяслава, то думцы его начали опять говорить: «у тебя, князь, мысль высокая и Богу негодная: ты все ищешь случая, какъ бы схватить Лавора и бѣжать съ нимъ, а объ томъ не подумашь; какой слухъ идетъ: говорятъ, будто Половцы хотятъ перебить васъ всѣхъ князей и всю Русь; такъ не будетъ тебѣ тебѣ ни славы, ни жизни». На этотъ разъ Игорь послушался ихъ, испугался Половецкаго прихода и сталъ искать случая къ бѣгству: нельзя было бѣжать ни днемъ, ни ночью, потому что сторожа стерегли его, только и было можно, что на самомъ солнечномъ закатѣ. И вотъ Игорь послалъ конюшаго своего сказать Лавру, чтобъ тотъ перѣхалъ на ту сторону рѣки съ поводнымъ конемъ. Наступило назначенное время, стало темнѣть, Половцы напились кумыса, пришелъ конюшій и объявилъ, что Лаворъ ждетъ. Игорь всталъ въ ужасѣ и трепетѣ, поклонился Спасову образу и кресту честному, говори: «Го-

споди сердцеѣдче! спаси меня недостойнаго»;—надѣлъ на себя крестъ, никому, поднялъ стѣну и выдѣлъ вонъ. Сторожа играли, веселились, думая, что Игорь спитъ, а онъ уже былъ за рѣкою и мчался по стѣни; въ одиннадцатъ дней достигъ онъ города Донца, откуда поѣхалъ въ свой Новгородъ Сѣверскій, а изъ Новгорода сперва поѣхалъ къ брату Ярославу въ Черниговъ, а потомъ къ Святославу въ Кіевъ просить помощи на Половцевъ; всѣ князья обрадовались ему и обѣщались помогать.

Но только черезъ годъ (1187 г.) Святославъ съ сватомъ своимъ Рюрикомъ собрались на Половцевъ, хотѣли напасть на нихъ внезапно, получивши вѣсть, что Половцы у Татинца на Днѣпровскомъ бродѣ⁴⁶⁸. Владиміръ Глѣбовичъ пріѣхалъ къ нимъ изъ Переяслава съ дружиною, и выпросился ѣхать напередъ съ Черными Клобуками; Святославу не хотѣлось было отпустить Владиміра впереди своихъ сыновей; но Рюрикъ и всѣ другіе хотѣли этого, потому что Переяславскій князь былъ смѣлъ и крѣпокъ въ битвѣ, всегда стремился на добрыхъ дѣла. Въ это время Черные Клобуки дали знать сватамъ своимъ Половцамъ, что Русскіе князья идутъ на нихъ, и тѣ убѣжали, а князьямъ нельзя было ихъ преслѣдовать, потому что Днѣпръ уже трогался, весна наступала. По возвращеніи изъ этого похода разболѣлся и умеръ знаменитый защитникъ Украины отъ Половцевъ, Переяславскій князь Владиміръ Глѣбовичъ: плакали по немъ всѣ Переяславцы, говоритъ лѣтописецъ, потому что онъ любилъ дружину, золота не собиралъ, имѣнія не щадилъ, но раздавалъ дружинѣ, былъ князь добрый, мужествомъ крѣпкимъ и всякими добродѣтелями исполненный, Украина много стояла объ немъ, и недаромъ, потому что немедленно Половцы начали воевать ее. Зимой Святославъ сталъ опять пересылаться съ Рюрикомъ, звать его на Половцевъ; Рюрикъ отвѣчалъ ему: «Ты, братъ, поѣзжай въ Черниговъ, собирайся тамъ съ своею братьею, а я здѣсь буду собираться съ своею.» Всѣ князья собрались и пошли по Днѣпру: иначе нельзя было идти, потому что снѣгъ былъ очень великъ; у рѣки Снопорода перехватили сторожей Половецкихъ и тѣ объявили, что вежи и стада Полевекія у Голубаго лѣса. Ярославу Черниговскому не хотѣлось идти дальше, и сталъ онъ говорить брату Святославу: «Не могу идти дальше отъ Днѣпра: земля моя далеко, а дружина изнемогла.» Рюрикъ

началъ слать къ Святославу, понуждая его продолжать походы: «Братъ и свать! говорилъ онъ ему: исполнилось то, чего намъ слѣдовало у Бога просить, пришла вѣсть, что Половцы только за полдень пути отъ насъ; если же кто раздумываетъ и не хочетъ идти, то вѣдь мы съ тобой вдвоемъ до сихъ поръ ни на кого не смотрѣли, а дѣлали чтò намъ Богъ дашагъ.» Святославу самому хотѣлось продолжать походъ, и онъ отвѣчалъ Рюрику: «Я, братъ, готовъ; но пошли къ брату Ярославу, помудъ его, чтобъ намъ всѣмъ вмѣстѣ поѣхать.» Рюрикъ послалъ сказать Ярославу: «Братъ! не слѣдовало бы тебѣ дѣло разстроивать; къ намъ дошла вѣрная вѣсть, что вежи Половецкія всего отъ насъ на полдень пути, велика ли эта вѣда? прошу тебя, братъ, потѣжай еще только полдня для меня, а я для тебя десять дней вѣду.» Но Ярославъ никакъ не соглашался: «Не могу поѣхать одинъ, говорилъ онъ: полкъ мой пѣшъ; вы бы мнѣ дома сказали, что такъ далеко идти.» Князья завели распрю: Рюрикъ понуждалъ Всеволодовичей идти впередъ, Святославъ хотѣлъ идти дальше, но вмѣстѣ съ братомъ, и когда тотъ не согласился, то всѣ возвратились ни съ чѣмъ домой. Въ концѣ года зимою Святославъ съ Рюрикомъ отправили Черныхъ Клобуковъ съ воеводою Романомъ Нѣзидловичемъ на Половцевъ за Днѣпръ; Романъ взялъ вежи и возвратился домой со славою и честью великою, потому что Половцевъ не было дома, пошли къ Дунаю. Подъ 1190 годомъ читаемъ въ лѣтописи: что Святославъ съ Рюрикомъ утишили Русскую землю и Половцевъ примирили въ свою волю, послѣ чего поѣхали на охоту внизъ по Днѣпру на лодкахъ къ устью Тясминь, паловили множество звѣрей и провели время очень весело. Но миръ съ Половцами не былъ продолжителенъ: осенью того же года Святославъ по доносу схватилъ Кондуадѣ Торцкаго князя; Рюрикъ вступился за Торчина, потому что былъ онъ отваженъ и надобенъ въ Русь, по словамъ лѣтописца. Святославъ послушался Рюрика, привелъ Кондуадѣ къ присягѣ и отпустилъ на свободу. Но Торчинъ хотѣлъ отомстить за свой позоръ, и ушелъ къ Половцамъ, которые обрадовались случаю, и стали съ нимъ думать, куда бы поѣхать имъ на Русскую землю; рѣшили ѣхать на Чурнаевъ (городъ князя Чурная); взяли острогъ, зажгли княжой дворъ, захватили имѣніе князя, двухъ женъ, множество рабовъ; потомъ, давши отдохнуть конягъ,

иногда было къ другому городу Бернгову, но, услышавъ, что Ростиславъ Рюриковичъ въ Торческѣ, возвратились къ своимъ мѣстамъ, и отсюда стали часто набѣжать съ Кондудѣемъ на мѣста по рѣкѣ Роси. Святослава этою осенью не было въ Кіевѣ, онъ поѣхалъ за Днѣпръ къ братьямъ на думу; Рюрикъ также поѣхалъ въ Овручъ по своимъ дѣламъ, оставивъ на всякій случай сына Ростислава въ Торческѣ: онъ зналъ, что Кондудѣя станеть воевать Русь изъ мести Святославу. Съ этою же мыслию онъ послалъ сказать Святославу: «Мы вотъ свои дѣла дѣлаемъ, какъ и Русской земли не оставимъ безъ обороны; я оставилъ сына своего съ полкомъ, оставь и ты своего.» Святославъ обѣщаль ему послать сына Глѣба, и не послалъ, потому что ссорился съ Мономаховичами; но къ счастью князья скоро помирились. Между тѣмъ зимою лучшіе люди между Черными Клобуками пріѣхали въ Торческѣ къ Рюриковичу и сказали ему: «Половцы этою зимою часто насъ воюють, и не знаемъ, Подунайцы что ли мы? отецъ твой далеко, а къ Святославу нечего и слать: онъ сердитъ на насъ за Кондудѣя.» Ростиславъ послѣ этого послалъ сказать Ростиславу Владиміровичу (сыну Владиміра Мстиславича): «Братъ! хотѣлось бы мнѣ поѣхать на вежи Половецкія; отцы наши далеко, а другихъ старшихъ нѣтъ: такъ будемъ мы за старшихъ, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣ.» Соединившись съ Черными Клобуками, Ростиславъ Рюриковичъ внезапно напалъ на Половецкія вежи, захватилъ женъ, дѣтей и стадо множество. Половцы услышавъ, что вежи взяты, поднялись за Ростиславомъ и настигли его; Рюриковичъ не испугался, что Половецвъ было много, и велѣлъ молодымъ стрѣльцамъ своимъ начать дѣло; Половцы начали было съ ними перестрѣливаться, но когда увидали знамена самаго Ростислава, то ударились бѣжать, при чемъ Русскіе стрѣльцы и Черные Клобуки взяли 600 человекъ плѣнныхъ; Черные Клобуки взяли между прочимъ Половецкаго хана Кобана, но не повели его въ полкъ, опасаясь дѣлая Ростислава, а тайкомъ договорились съ нимъ о выкупѣ и отпустили. Тою же зимою Половцы съ двумя ханами вѣхали въ Русь Ростиславою дорогою, но, заслышавъ, что самъ Святославъ Кіевскій стоитъ на-готовѣ, бросились бѣжать, побросавши знамена и конья. Святославъ послѣ этого поѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ сына Глѣба въ Каневѣ, и вотъ Половцы, услы-

хавъ, что Святославъ побжалъ домой, возвратились съ Кондудвемъ, но были встрѣчены Глѣбомъ, побжжали и облемиши въ рѣкѣ Росѣ: тутъ ихъ много перехватили и перебили, другіе потонули, а Кондудвѣ ушелъ.

Въ слѣдующемъ 1191 году ходилъ Игорь Сѣверскій оиѣ на Половцевъ, и на этотъ разъ удачно; на зиму пошам въ другой разъ Ольговичи въ степи, но Половцы пригетовились встрѣтять ихъ, и Русскіе не рѣшились бится съ ними, ночью ушли назадъ. Въ 1192 году Святославъ съ Рюрикомъ и со всею братьею стояли цѣлое лѣто у Канева, уберегли землю свою отъ поганихъ, и разошлись по домамъ. Потомъ Святославъ и Ретиславъ Владиміровичи съ Черными Клобуками пошли было на Половцевъ, но Черные Клобуки не захотѣли идти за Днѣпръ, потому что тамъ сидѣли ихъ сваты, и поспоривши съ князьями, возвратились назадъ. Наконецъ Рюрику удалось перезвать къ себѣ отъ Половцевъ Кондудвѣ: онъ посадилъ его въ своей волости, далъ ему городъ на Росѣ Дверень.

Помирившись съ Кондудвемъ, захотѣли договориться и съ прежними союзниками его, Половцами: въ 1193 году Святославъ послалъ сказать Рюрику: «Ты договорился съ Половцами Лукоморскими; а теперь пошлемъ за остальными, за Бурчевичами.» Рюрикъ послалъ за Лукоморскими, за двумя ханами, а Святославъ за Бурчевичами, также за двумя ханами. На осень Святославъ съ Рюрикомъ съѣхались въ Каневъ, Лукоморскіе ханы пришли туда же; но Бурчевичи остановились на той сторонѣ Днѣпра, и послали сказать князьямъ: «Если хотите договориться съ нами, то прѣзжайте къ намъ на эту сторону.» Князь, подумавши, велѣли отвѣчать имъ: «Ни дѣды, ни отцы наши не ѣзжали къ вамъ, если хотите, то прѣзжайте сюда къ намъ, а не хотите, то ваша воля.» Бурчевичи не согласились и уѣхали прочь; тогда Святославъ не захотѣлъ мириться и съ Лукоморцами: «Нечего намъ мириться съ одною половщиною», говорилъ онъ Рюрику, и такимъ образомъ князьи разъѣхались по домамъ, ничего не сдѣлавши. Рюрикъ послѣ этого, подумавши съ братьями своими, послалъ сказать Святославу: «Вотъ, братъ, ти мира не захотѣлъ, такъ намъ уже теперь нельзя не быть на гетевѣ, станемъ же думать о своей землѣ: идти ли намъ зимой?— такъ ты объяви заранѣе, а велю тогда братьямъ и дружины гет-

говитесь; если же думаешь только стеречь свою землю, то обь-
 иви и обь этомъ.» Святославъ отвѣчалъ: «Теперь, братъ, нельзя
 намъ идти въ походъ, потому что жито не родилось у насъ; те-
 перь дай Богъ только свою землю устеречь.» Тогда Рюрикъ ве-
 вѣлъ сказать ему: «Братъ и свать! если въ походъ мы не пой-
 демъ на Половецъ, то я пойду на Литву по своимъ дѣламъ.»
 Святославъ съ сердцемъ отвѣчалъ ему: «Братъ и свать! если ты
 идешь изъ отчины по своимъ дѣламъ, такъ и я пойду за Днѣпръ
 по своимъ же дѣламъ, а въ Русской землѣ кто останется?» и
 этими рѣчами онъ помѣшалъ Рюрику идти на Литву. Но зимою
 лучшіе люди между Черными Клобуками прѣехали къ Ростиславу
 Рюриковичу и стали опять звать его на Половецъ: «Князь!
 говорили они: поѣзжай съ нами на вежи Половецкія, теперь са-
 мое время; прежде мы хотѣли было просить тебя у отца, да
 услышали, что отецъ твой собирается идти на Литву, такъ пожа-
 луй тебя и не отпустилъ; а ужъ такого случая, какъ теперь,
 послѣ долго ждать.» Ростиславъ согласился, и прямо съ охоты
 поѣхалъ въ Торческъ, не сказавшись отцу, а къ дружинѣ по-
 слалъ сказать: «время намъ тепарь вышло удобное, поѣдемъ на
 Половецъ; а что отецъ мой идетъ на Литву, такъ еще успѣемъ
 съѣздить до его похода.» Въ три дня собралась дружина; Ро-
 стиславъ послалъ и въ Треполь за двоюроднымъ братомъ Мсти-
 славомъ Мстиславичемъ (Удалымъ); тотъ немедленно поѣхалъ
 съ бояриномъ своимъ Сдѣславомъ Жирославичемъ и нагналъ
 Ростислава за Росью. Соединившись съ Черными Клобуками,
 князья перехватили Половецкихъ сторожей, отъ которыхъ уз-
 нали, что Половцы стоятъ съ вежами и стадами своими на за-
 падной, Русской сторонѣ Днѣпра за день пути; по этимъ ука-
 заніямъ Русскіе князья отправились ночью, на разсвѣтѣ уда-
 рили на Половецъ, и взяли безчисленную добычу. Услыхавъ
 обь этомъ, Святославъ послалъ сказать Рюрику: «Вотъ уже
 твой сынъ затронулъ Половецъ, зачалъ рать, а ты хочешь ид-
 ти въ другую сторону, покинувъ свою землю; ступай лучше въ
 Русь стеречь свою землю.» Рюрикъ послушался, и отложивъ
 походъ въ Литву, поѣхалъ со всѣми своими полками въ Русь.
 Долго стоялъ Святославъ съ Рюрикомъ у Василева, сторожа
 свою землю: Половцы не показывались; но только что Свято-
 славъ уѣхалъ за Днѣпръ въ Корачевъ, а Рюрикъ въ свою во-
 лость, то поганые стали опять воевать Украину.

Святославу и Рюрику даже во время мира не подъя силу быи наступательныя движенія на Половцевъ: если они и ходили въ степи, то озираясь на Переяславль; удалые сѣверскіе князи вздумали было пойдти подальше, но дорого заплатили за сию отвагу. Сила, которая давала Мономаху и сыну его Мстиславу возможность прогонять поганныхъ за Донъ, къ морю, эта сѣя теперь перешла на сѣверъ, и вотъ подъ 1198 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что великій Всеволодъ съ сыномъ Константиномъ выступилъ въ походъ на Половцевъ, какимъ путемъ, неизвѣстно¹⁰. Половцы, услышавши объ этомъ походѣ, бѣжали съ вежами къ морю; великій князь походилъ по зимовищамъ ихъ возлѣ Дона, и возвратился назадъ. Скоро потомъ и на югѣ явился сильный князь, который могъ напомнить Половцамъ времена Мономаховы: то былъ Романъ Волинскій и Галицкій. Въ 1202 году зимов онъ ходилъ на Половцевъ, взялъ ихъ вежи, привелъ много плѣнныхъ, отполонилъ множество христіанскихъ душъ, и была радость большая въ землѣ Русской. Но радость эта переимѣнилась въ печаль, когда въ слѣдующемъ году Рюрикъ и Ольговичи со всею Половецкою землею взяли и разграбили Кіевъ, когда жителей послѣдняго иноплеменники повели къ себѣ въ вежи. Потомъ Всеволодъ и Романъ умирили было на время всѣхъ князей; южные князья въ 1208 году въ жестокую зиму, отправились на Половцевъ, и была поганымъ большая тягость, говорить летописецъ, и большая радость всѣмъ христіанамъ Русской земли; въ то же время Рязанскіе князья ходили также на Половцевъ и взяли ихъ вежи. Но скоро опять встали смуты между князьями, знаменитый Романъ умеръ, Половцамъ некого стало бояться на югѣ, и въ 1210 году они сильно опустошили окрестности Переяславля. Въ 1215 году Половцы опять отправились къ Переяславлю; тамошній князь Владиміръ Всеволодовичъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ полками, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Въ то время какъ Русь, Европейская Украина вела эту безконечную и однообразную борьбу съ степными народами, Половцами, въ дальнихъ, восточныхъ степяхъ Азии произошло явленіе, которое должно было дать иной ходъ этой борьбѣ. Изстари Китайскіе летописцы въ степяхъ на сѣверозападѣ отъ страны своей обозначали два кочевыхъ народа подъ именемъ Монгуловъ и Тата¹⁰⁰; образъ жизни этихъ народовъ былъ одина-

новъ съ образомъ жизни другихъ собратьевъ ихъ, являвшихся прежде въ Исторіи—Скифовъ, Гунновъ, Половцевъ. Въ первой четверти XIII-го вѣка среди нихъ обнаружилось сильное движеніе: одинъ изъ Монгольскихъ хановъ, Тохтунъ, известный болѣе подъ именемъ Ченгисъ-хана, началъ наступательныя движенія на другихъ хановъ, сталъ покорять ихъ: орда присоединилась къ ордѣ подъ одну власть, и вотъ образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная отъ вѣковаго сна къ кровавой дѣятельности, бессознательно повинувшись раздѣльному толчку, стремится на осѣдлые народы къ востоку, югу и западу, разрушая все на своемъ пути. Въ 1224 году двое полководцевъ Чингисхановыхъ, Джебе и Субуць прошли обычныя ворота кочевниковъ между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами, поплѣнили Ясовъ, Обезовъ, и вошли въ землю Половецкую. Половцы вышли къ нимъ на встрѣчу съ сильнѣйшимъ ханомъ своимъ Юріемъ Кончаковичемъ, но были поражены и принуждены бѣжать къ Русскимъ границамъ, къ Днѣпру. Ханъ ихъ Котанъ, тестъ Мстислава Галицкаго, сталъ умолять зятя своего и другихъ князей Русскихъ о помощи, не жалѣлъ даровъ имъ, роздалъ много коней, верблюдовъ, буйволовъ, невольницъ; онъ говорилъ князьямъ: «нашу землю нынче отняли Татары, а вашу завтра возьмутъ, защитите насъ; если же не поможете намъ, то мы будемъ перебиты нынче, а вы завтра.» Князья съѣхались въ Кіевъ, на совѣтъ; здѣсь было трое старшихъ: Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій, Мстиславъ Мстиславичъ Галицкій; изъ младшихъ были Данилъ Романовичъ Волынскій, Всеволодъ Мстиславичъ, сынъ князя Кіевского, Михаилъ Всеволодовичъ, племянникъ Черниговскаго. Мстиславъ Галицкій сталъ упрашивать братью помочь Половцамъ, онъ говорилъ: «если мы, братья, не поможемъ имъ, то они передадутся Татарамъ, и тогда у нихъ будетъ еще больше силы.» Послѣ долгихъ совѣщаній князья наконецъ согласились идти на Татаръ; они говорили: «Лучше намъ принять ихъ на чужой землѣ, чѣмъ на своей.» Татары узнавши о походѣ Русскихъ князей, прислали сказать имъ: «Слышали мы, что вы идете противъ насъ, послушавшись Половцевъ, а мы вашей земли не занимали, ни городовъ вашихъ, ни селъ, на васъ не приходили; пришли мы попущеніемъ Божіимъ на холопей своихъ и коню-

ховъ, на поганихъ Половцевъ, а съ вами намъ нѣтъ войны; сами Половцы бѣгутъ къ вамъ, то вы бейте ихъ оттуда, и добро итъ себѣ берите; слышали мы, что они и вамъ много зла дѣлаютъ; потому же и мы ихъ отсюда бѣдемъ.» Въ отвѣтъ Русскіе князья велѣли перебить Татарскихъ пословъ, и шедъ дальше; когда они стояли на Дибрѣ не доходя Олѣшья, привалъ къ нимъ новые послы отъ Татаръ и сказали: «Если вы послушались Половцевъ, пословъ нашихъ перебили и все идете противъ насъ, то ступайте, пусть насъ Богъ разсудитъ, а мы васъ ничѣмъ не трогамъ.» На этотъ разъ князья отпустили пословъ живыми. Когда собрались всѣ полки Русскіе и Половецкіе, то Мстиславъ Удалой съ 1000 человекъ перешелъ Дибрѣ, ударилъ на Татарскихъ сторожей, и обратилъ ихъ въ бѣгство; Татары хотѣли скрыться въ Половецкомъ курганѣ, но и тутъ имъ не было помощи, не удалось имъ спрятать и воеводу своего Гембека; Русскіе нашли его и выдали Половцамъ на смерть. Услыхавъ о разбитіи непріятельскихъ сторожей, всѣ Русскіе князья переправились за Дибрѣ, и вотъ имъ дали знать, что пришли Татары осматривать Русскія лодки; Даніилъ Романовичъ съ другими князьями и воеводами сѣлъ тотчасъ на коня и поскакалъ посмотреть новыхъ враговъ; каждый судилъ объ нихъ по своему: одни говорили, что они хорошіе стрѣльцы, другіе, что хуже и Половцевъ, но Галицкій воевода Юрій Домамеричъ утверждалъ, что Татары добрые ратники. Когда Даніилъ съ товарищами возвратились съ этими вѣстями о Татарахъ, то молодые князья стали говорить старымъ: «нечего здѣсь стоять, пойдемъ на нихъ.» Старшіе послушались, и всѣ полки Русскіе перешли Дибрѣ; стрѣльцы Русскіе встрѣтили Татаръ на Половецкомъ полѣ, побѣдили ихъ, гнали далеко въ степи, отняли стада, съ которыми и возвратились назадъ къ полкамъ своимъ. Отсюда восемь дней шло войско до рѣки Калки, гдѣ было новое дѣло съ Татарскими сторожами, послѣ котораго Татары отѣхали прочь, а Мстиславъ Галицкій велѣлъ Даніилу Романовичу съ нѣкоторыми полками перейти рѣку, за ними перешло и остальное войско, и расположились станомъ, пославши въ сторожахъ Юруна съ Половцами. Удалой выѣхалъ также изъ стану, посмотрѣлъ на Татаръ, и возвратившись велѣлъ поскорѣе вооружаться своимъ полкамъ, тогда имъ другіе два Мстислава сидѣли спокойно въ станѣ, ничего не знавъ

Удалой не сказалъ ниъ ни слова изъ зависти; потому что, гдѣ-
рутъ лѣтописецъ, между ними была большая распря. Битва на-
чалась 16 июня: Данилъ Романовичъ выѣхалъ напередъ, первый
схватился съ Татарами, получилъ рану въ грудь, но не чувст-
вовалъ ее по молодости и выду: ему было тогда 18 лѣтъ и былъ
онъ очень силенъ, смѣлъ и храбръ, отъ головы до ногъ не было
на немъ перона. Увидавши Данила въ опасности, дядя его
Мстиславъ Изъмой Луцкій бросился къ нему на выручку; уже
Татары обратили тылъ передъ Даниломъ съ одной стороны, и
предъ Олегомъ Курскимъ съ другой, когда Половцы и здѣсь,
какъ почти вездѣ, возбуждали вредъ врагамъ, и потентали стана
Русскихъ князей, которые, по милости Мстислава Удалого, не
успѣли еще ополчиться. Это рѣшило дѣло въ пользу Татаръ:
Данилъ, вида, что послѣдніе одолеваютъ, оборотилъ коня, при-
скакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить, и тутъ только почувствовалъ на
себѣ рану. Между тѣмъ Русскіе потеряли повсюду совершенное
пораженіе, какого, по словамъ лѣтописца, не бывало отъ начала
Русской земли. Мстиславъ Кіевскій съ зятемъ своимъ Андреемъ
и Александромъ Дубровицкимъ ⁴⁴¹, вида бѣду, не двинулся съ
мѣста: стоялъ онъ на горѣ надъ рѣкою Калкою; мѣсто было
наканунное, Русскіе огородили его кольемъ и три дня отбивались
изъ этого укрѣпленія отъ Татаръ, которыхъ оставалось тутъ два
отряда съ воеводами Чегирканомъ и Ташуканомъ, потому что
другіе Татары бросились въ погоню къ Днѣпру за остальными
Русскими князьями. Половцы дали побѣду Татарамъ; другая вар-
варская сбродная толпа докончила ихъ дѣло, погубивъ Мстислава
Кіевского: съ Татарами были Бродники, съ воеводою своимъ
Плюскинѣю; послѣдній поцѣловалъ крестъ Мстиславу и другимъ
князьямъ, что если они сдадутся, то Татары не убьютъ ихъ, но
оглусятъ на выкупъ; князья повѣрили, сдались и были задав-
лены: Татары подложили ихъ подъ доски, на которыхъ сѣли обѣ-
дать. Шестеро ⁴⁴² другихъ князей погибло въ бѣгствѣ въ Днѣ-
пру, и между ними князь Мстиславъ Черниговскій съ свитой;
кромѣ князей погибъ знаменитый богатырь Александръ Шоло-
вичъ съ семидесятью собратьями. Василью Ростовскій, послан-
ный дядею Юріемъ на помощь къ южнымъ князьямъ, усматривъ
въ Черниговѣ с Калкской бивѣ и возвративъ назадъ. Мсти-
славу Галицкому съ остальными князьями удалось переправиться

за Днѣпръ, послѣ чего онъ велѣлъ жечь, рубить лодки, отплавлять ихъ отъ берега, боясь Татарской черени: но Татары до Новгорода Святопольскаго, возвратились назадъ къ востоку; жители городовъ и сель Русскихъ, оставшихъ на пути, выходили къ нимъ на встрѣчу со крестами, но были все убиваемы; погибло безчисленное множество людей, говоривъ языкоу, воли и вздохи раздавались по всѣмъ городамъ и владѣніямъ. Не знаемъ, продолжаетъ языкоу, откуда приходили на насъ эти алые Татары Таурмени, и куда опять дѣлись? некоторые толковали, что это должно быть тѣ несчастные народы, которыхъ некогда Гедеонъ загналъ въ пустыню, и которые предъ концемъ міра должны явиться и поплѣнить все страны.

Обозрѣвъ главныя явленія, характеризующія это семидесятичетырехлѣтній періодъ отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Мстиславича Торонцакаго, скажемъ нѣсколько словъ вообще о ходѣ этихъ явленій. Сыновья Ярослава начали владѣть Русскою землею цѣлымъ родомъ, не раздѣляясь, признавая за старшимъ въ цѣломъ родѣ право сидѣть на главномъ столѣ и быть названнымъ отцемъ для всѣхъ родичей. Но при первыхъ же князьяхъ начинаются уже смуты и усобицы: вслѣдствіе общаго родового владѣнія, по отсутствію отдѣльныхъ властей для каждаго князя, наследственныхъ для его потомства, являются изгон, князья-сироты, преждевременною смертію отцовъ лишенные права на старшинство, на правильное движеніе къ нему по ступенямъ родовой лѣстницы, предоставленные милости старшихъ родичей, осужденные сносить тяжкую участь сиротства; эти князья-сироты, изгон естественно стремятся выйти изъ своего тяжкаго положенія, силою добыть себѣ власти въ Русской землѣ; средства у нихъ къ тому подъ руками: въ степяхъ всегда можно набрать многочисленную толпу, готовую подъяти угодно знаменами броситься на Русь въ надеждѣ грабежа. Но сюда присоединяются еще другія причины смутъ: отношенія городскаго народонаселенія къ князьямъ не прочны, неопределенны; старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, долженъ сесть въ Кіевѣ, гдѣ на его мѣсто садится князь Полоцкий, или родовыя правы и счетовъ. Послѣдній не долго оставался въ старшемъ Русскомъ столѣ, Изяславъ возвратился на отцовское

нѣсто, не скоро былъ паттанъ опять родными братьями; возвратился въ другой разъ по смерти брата Святослава, но это возвращеніе повело къ новымъ усобицамъ, потому что Изяславъ включилъ въ число изгоевъ и синовей Святославовыхъ; Изяславъ погибаетъ въ битвѣ съ племянниками—изгоими, княжескіе брата его Всеволода проходятъ также въ смутахъ. При первомъ старшемъ князѣ изъ второго поколѣнія Ярославичей прекращаются усобицы отъ изгойства происшедшія и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра, превращаются на двухъ стѣздахъ княжескихъ: Святославичи входятъ во все права отца своего, и получаютъ отцовскую Черниговскую волость; на западѣ владѣніе искомѣщенія изгоевъ кромѣ давно отдѣленной Полоцкой волости является еще отдѣльная волость Галицкая съ князьями, немѣющими права двигаться къ старшинству и переходить на другіе столы, образуется также отдѣльная маленькая волость Городенская для потомства Давида Игоревича. Казалось, что послѣ родовыхъ княжескихъ рядовъ при сынѣ Изяславомъ смуты должны были прекратиться; но вышло иначе, когда, по смерти Святволока, Кіевляне провозглашаютъ княземъ своимъ Мономаха, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ его Святославичей. Благодаря матеріальному и нравственному могуществу Мономаха, и онъ, и старшій сынъ его Мстиславъ владѣли спокойно Кіевомъ; родовая общность владѣнія между тремя линиями Ярославова потомства и слѣдовательно самая крѣпкая связь между ними должна была руниться: Святославичи Черниговскіе должны были навсегда ограничиться восточною стороною Днѣпра, ихъ волость должна была сдѣлаться такою же отдѣльною волостію, каковы были на западѣ волость Полоцкая или Галицкая; между самими Святославичами дѣда потерявъ старшинство передъ племянникомъ, онъ самъ и потомки его должны были ограничиться одною Муремскою волостію, которая вслѣдствіе этого явилась также особою отъ остальныхъ волостей Черниговскихъ; старшая линия Изяславова тердетъ также старшинство и волости вслѣдствіе неуваженія Ярослава Святволоковича къ дѣдѣ и тестю. Въ послѣдствіи она приобретаетъ волость Туревскую въ особое владѣніе. Но вотъ по смерти Мстислава Великаго и въ самомъ племени Мономахо-

вошь начинается усобица между племянниками от старшего брата и младших дядьми, что даетъ возможность Ольговичамъ Черниговскимъ добиться старшинства и Киева и востановитъ такимъ образомъ нарушенное было общее владѣніе между двумя линиями Ярославова потомства. Но смерти Всеволода Ольговича въ слѣдствіе всеобщаго народнаго нерасположенія въ Ольговичамъ на западной сторонѣ Днѣпра, они лишаются старшинства, которое переходитъ къ сыну Мстислава Великаго или старшихъ дядей; это явленіе могло быть богато слѣдствіемъ, еслибъ Изяславу Мстиславичу удалось удержать за собою старшинство: благодаря исключенію изъ старшинства и изъ общаго владѣнія Ольговичей съ одной стороны, и младшаго Мономаховича Юрія съ другой, главные, центральныя владѣнія Рюриковичей распались на три отдѣльныя части: Русь Кіевскую, Русь Черниговскую и Русь Ростовскую или Суздальскую. Но крѣпкія еще родовыя понятія на югѣ, въ старой Руси, и другія важныя, характеристическія черты ея древняго быта, неопредѣленность въ отношеніяхъ городского населенія и пограничныхъ варваровъ помѣшала раздѣленію, нарушенію общаго родоваго владѣнія между князьями: когда дядя Юрій вышелъ на югъ, то племянникъ его Изяславъ услышалъ съ разныхъ сторонъ: «Поклонись дядѣ, мирись съ нимъ, мы не пойдёмъ противъ сына Мономахова,» и вотъ Изяславъ, не смотря на всѣ свои доблести, на расположеніе народное къ нему, долженъ былъ поклониться въ грѣхъ своенія и признать старшинство дяди. Вачеславъ, вступивъ къ нему въ сыновнія отношенія. Изяславъ умеръ прежде дядей, братъ его не былъ въ уровенъ своему положенію, и имъ представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками торжествуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуетъ представленіе общности родоваго владѣнія: Юрій умираетъ на старшинствѣ въ Кіевѣ; послѣ него садится здѣсь Черниговскій Давидовичъ; послѣдній изгоняется Мстиславомъ, сыномъ знаменитаго Изяслава Мстиславича; Мстиславъ призываетъ въ Кіевъ изъ Смоленска дядю Ростислава, по смерти котораго занимаетъ старшій столъ, но сгоняется съ него дядею—Андреемъ Боголюбскимъ. Андрей даетъ событіямъ другой ходъ: онъ не ѣдетъ въ Кіевъ, отдаетъ его младшему брату, а самъ остается на сѣверѣ, гдѣ явнымъ

новый миръ отношеній, гдѣ старыя города уступаютъ новымъ, отношенія которыхъ къ князю опредѣленны, гдѣ подлѣ городовъ, жившихъ по старинѣ, нѣтъ и Черныхъ Клобуковъ, которыя не привыкли ни къ чему государственному. Въ силу поступка Андреева, южная, старая Русь явственно поднала вліянію Сѣверной, гдѣ сосредоточилась и сила матеріальная и вѣстѣ нравственная, ибо здѣсь сидѣлъ старшій въ племени Мономаховомъ; всѣ эти отношенія, существовавшія при Андрѣ, повторяются и при братѣ его Всеволодѣ III-мъ. Такимъ образомъ поколѣніе младшаго сына Мономахова Юрія, благодаря поселенію его на сѣверѣ, усиливается предъ всѣми другими поколѣніями Ярославичей; и въ этомъ усиленіи является возможность уничтоженія родовыхъ отношеній между князьями, общаго родоваго владѣнія, является возможность государственнаго объединенія Руси; но какая же судьба предназначена доблестному потомству старшаго Мономаховича, Мстислава Великаго? Мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ и сынъ его Мстиславъ потерпѣли неудачу въ борьбѣ съ господствовавшимъ представленіемъ о старшинствѣ дадей надъ племянниками; Мстиславъ Изяславичъ, по изгнаніи своемъ изъ Кіева войсками Боголюбскаго, долженъ былъ удовольствоваться одною Волинью; и вѣдь онъ самъ и потомки его обнаруживаютъ наследственные стремленія, обнаруживая притомъ и наследственные таланты; обстоятельства были благоприятны: Волянь была пограничною Русскою областью, въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ западными государствами, гдѣ въ это время, благодаря различнымъ условіямъ и столкновеніямъ, родовыя княжескія отношенія рушатся: въ ближайшей Польшѣ духовные сановники разсуждаютъ о преимуществѣ наследственности въ одной нисходящей линіи предъ общимъ родовымъ владѣніемъ; въ Венгріи давно уже говорили, что не хотятъ знать о правахъ дадей предъ племянниками отъ старшаго брата: все это какъ нельзя лучше согласовалось съ наследственными стремленіями потомковъ Изяслава Мстиславича; быть можетъ сначала безсознательными, вынужденными обстоятельствами, эти стремленія получаютъ теперь оправданіе, освященіе, и вотъ, быть можетъ, не даромъ старшій столъ на Волини, Владимиръ, перешелъ по

смерти Мстислава къ сыну его Роману мимо брата; не даромъ, говорить ⁴⁰⁰, Романъ увѣщевалъ Русскихъ князей перенести существовавшій порядокъ вещей на новый, какъ водилось въ другихъ государствахъ; но князья старой Руси остались глухи къ увѣщанію Романову; ихъ можно было только силою заставить подчиниться новому порядку, и вотъ Романъ ищетъ приобрести эту силу, приобретаетъ княжество Галицкое, становится самымъ могущественнымъ княземъ на югъ, для южной Руси слѣдовательно открывається возможность государственнаго сосредоточенія; все зависитъ отъ того, встрѣтитъ ли потомство старшаго Мономахова сына на югозападѣ такія же благоприятныя для своихъ стремленій условія и обстоятельства, какія потомство младшаго Мономахова сына встрѣтило на сѣверѣ? почва югозападной Руси также ли способна къ воспринятію новаго порядка вещей, какъ почва Руси сѣверовосточной? Исторія немедленно же дала отвѣтъ отрицательный, показавши ясно по смерти Романа Галицкія отношенія, условія быта югозападной Руси. А между тѣмъ умеръ Всеволодъ III-й; сѣверная Русь въ время замутилась, потеряла свое вліаніе на южную, которой, на оборотъ открылась возможность усиливаться на счетъ сѣверной, благодаря доблестямъ знаменитаго своего представителя Мстислава Удалаго. Но въ дѣйствіяхъ этого полнаго представителя старой Руси и обнаружилась вся ея несостоятельность къ произведенію изъ самой себя новаго, прочнаго государственнаго порядка: Мстиславъ явился только странствующимъ героемъ, покровителемъ угнѣсненныхъ, безо всякаго государственнаго пониманія, безо всякихъ государственныхъ стремленій, и отнялъ Галичь у иноплеменника для того только, чтобъ послѣ добровольно отдать его тому же иноплеменнику! Но сѣверная Русь идетъ своимъ путемъ: съ одной стороны ея князья распространяютъ свои владѣнія все дальше и дальше на востокъ, съ другой не перестаютъ тѣснить Новгородъ—равно или поодинокимъ ихъ вѣрною добычу, наконецъ, обнаруживаютъ сильное вліаніе на ближайшія къ себѣ области южной Руси, утверждаютъ на Черниговскомъ столѣ племянника мимо дяди.

Такимъ образомъ въ началѣ мы видимъ, что единство Русской земли поддерживается единствомъ рода княжескаго, об-

низмъ владѣннѣмъ. Не смотря на независимое, въ смыслѣ государственномъ, управленіе каждымъ княземъ своей волости, князья представляли рядъ временныхъ областныхъ правителей, сдѣляющихся. если не по волѣ главнаго князя, то, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе рядовъ съ нимъ, общихъ родовыхъ счетовъ и рядовъ, такъ что судьба каждой волости не была независимо опредѣлена внутри ея самой, но постоянно зависѣла отъ событій происходившихъ на главной сценѣ дѣйствія, въ собственной Русѣ, въ Кіевѣ около старшаго стола княжескаго; Сѣверская, Смоленская, Новгородская, Волынская область перемѣняли своихъ князей смотря потому, что происходило въ Кіевѣ: смѣнилъ ли тамъ Мономаховичъ Ольговича, Юрьевичъ Мстиславича или на оборотъ, а это необходимо поддерживало общій интересъ, сознаніе о земскомъ единствѣ.

Но мы скоро видимъ, что нѣкоторыя области выдѣляются въ особая княжества, отпадаютъ отъ общаго единства области крайнія на западъ и востокъ, которыхъ особность условливалась и прежде причинами физическими и историческими: отпадаетъ область западной Двины, область Полоцкая, которая при самомъ началѣ исторіи составляетъ уже владѣніе особаго княжескаго рода; отпадаетъ область Галицкая, издавна переходная и спорная между Польшею и Русью; на востокъ отпадаетъ отдаленный Муромъ съ Рязанью; далекая Тмутаракань перестаетъ быть Русскимъ владѣннѣмъ. Обособленіе этихъ крайнихъ волостей не могло имѣть вліянія на ходъ событій въ главныхъ срединныхъ волостяхъ; здѣсь, въ южной, Днѣпровской половинѣ мы не замѣчаемъ измѣненія въ господствующемъ порядкѣ вещей, обособленія главныхъ волостей, ибо никакія условія, ни физическія, ни племенные, ни политическія не требуютъ этого обособленія; но какъ скоро одна вѣтвь, одно племя княжескаго рода утверждается въ сѣверной, Волжской половинѣ Русѣ, какъ скоро князь изъ этого племени получаетъ родовое старшинство, то немедленно же и происходитъ обособленіе сѣверной Русѣ, столь богатое послѣдствіями; но обособленіе произошло не по требованію извѣстныхъ родовыхъ княжескихъ отношеній, а по требованію особыхъ условій историческихъ и физическихъ; нарушеніе общаго родоваго владѣнія и переходъ родовыхъ княз-

жескихъ отношеній въ государственномъ условлялись различіемъ двухъ главныхъ частей древней Руси, и происшедшими отсюда стремленіемъ къ особности.

Благодаря состоянію окружающихъ государствъ и народовъ, все эти внутреннія движенія и перемѣны на Руси могли проходить безпрепятственно. Въ Швеціи еще продолжалась внутренняя борьба, и столкновения ея съ Русью, прерсходившія въ минуту отдыха, были ничтожны. Польша, кромѣ внутреннихъ смуть, усобицъ, была занята вѣншею борьбою съ опасными сосѣдами — Нѣмцами, Чехами, Пруссами; Венгрія находилась въ томъ же самомъ положеніи; хотя оба эти сосѣднія государства принимали иногда двѣтельное участіе въ событіяхъ югозападной Руси, каково напримѣръ было участіе Венгрии въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ, но подобное участіе никогда не имѣло рѣшительнаго вліянія на ходъ событій, никогда не могло измѣнить этого хода, условленнаго внутренними причинами. Вліяніе быта Польши и Венгрии на бытъ Руси было оцутительно въ Галичѣ; можно замѣтить его и въ пограничной Волыни, но дальше это вліяніе не простиралось. Польша и Венгрия не могли быть для Руси проводницами западно-европейскаго вліянія, скорѣе, можно сказать, уединили ее отъ него, потому что и сами, кромѣ религіозной связи, имѣли мало общихъ чертъ быта съ западною Европою; но если и Польша съ Венгріею, не смотря на религіозную связь, мало участвовали въ общихъ явленіяхъ европейской жизни того времени, тѣмъ менѣе могли участвовать въ нихъ Русь, которая не была связана съ западомъ церковнымъ единеніемъ, принадлежала къ Церкви восточной, слѣдовательно должна была подвергаться духовному вліянію Византіи. Византійская образованность, какъ увидимъ, проникла въ Русь, Греческая торговля богатела ее; но главная сцена дѣйствія уже перенеслась на сѣверовостокъ, далеко отъ великаго воднаго пути, соединявшаго сѣверозападную Европу съ юговосточною; Русь уходила все далѣе и далѣе въ глубь сѣверовостока, чтобъ тамъ въ уединеніи отъ всехъ постороннихъ вліяній выработать для себя крѣпкія основы быта; Новгородъ не могъ быть для нея проводникомъ чуждаго вліянія уже по самой враждебности, которая происходила отъ различія его быта

съ бытомъ остальныхъ сѣверныхъ областей. Но если Русь въ описываемое время отдѣлялась отъ западной Европы Польшею, Венгріею, Литвою, то ничѣмъ не отдѣлялась отъ востока, съ которымъ должна была вести непрерывную борьбу. Собственная южная Русь была украиною, такъ сказать, европейскимъ берегомъ степи, и берегомъ низкимъ, не защищеннымъ нисколько природою, слѣдовательно подверженнымъ частому наплыву кочевыхъ ордъ; искусственныя плотины, города, которые начали строить еще первые князья наши, не достаточно защищали Русь отъ этого наплыва. Мало того, что степняки или Половцы сами нападали на Русь, они отрѣзывали ее отъ Черноморскихъ береговъ, препятствовали сообщенію съ Византіею: Русскіе князья съ многочисленными дружинами должны были выходить на встрѣчу къ Греческимъ купцамъ и провожать ихъ до Кіева, оберегать отъ степныхъ разбойниковъ; варварская Азія стремится отнять у Руси всѣ пути, всѣ отдушины, которыми та общалась съ образованною Европою. Южная Русь, Украина, Европейскій берегъ степи заносится уже съ разныхъ сторонъ степнымъ народонаселеніемъ; по границамъ Кіевской, Переяславской, Черниговской области садятся варварскія толпы, св ои поганые, какъ называли ихъ въ отличіе отъ дикихъ, т. е. независимыхъ степняковъ, или Половцевъ. Находясь въ полузависимости отъ Русскихъ князей, чуждое гражданскихъ связей съ новымъ Европейскимъ отечествомъ своимъ, это варварское пограничное народонаселеніе, по численной значительности и воинственному характеру своему, имѣетъ важное вліяніе на ходъ событій въ южной Руси, умножая вмѣстѣ съ дикими Половцами грабежи и безнравіе, служа самою сильною поддержкою для усобицъ, представляя всегда ссорящимся князьямъ готовую дружину для опустошенія родной страны. Точно такъ какъ позднѣйшіе Черкасы, и пограничные варвары описываемаго времени повидимому служатъ государству, борятся за него съ степняками, но между тѣмъ находятся съ послѣдними въ тѣсныхъ, родственныхъ связяхъ, берегутъ ихъ выгоды, выдаютъ имъ государство. Будучи совершенно равнодушны къ судьбамъ Руси, къ торжеству того или другаго князя, сражаясь только изъ-за добычи, и дикіе Половцы, и свои поганые или Черные Клобуки

первые измѣняютъ, первые обыкновенно обращаются въ бѣгство. Съ такими-то народами должна имѣть постоянное дѣло южная Русь, а между тѣмъ историческая жизнь отливаетъ отъ нея къ сѣверу, она лишается матеріальной силы, которая переходитъ къ области Волжской, лишается политическаго значенія, матеріальнаго благосостоянія, честь и краса ея, старшій столичный городъ во всей Руси, Кіевъ презрѣтъ, покинутъ старѣйшими и сильнѣйшими князьями, нѣсколько разъ разграбленъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

---

1) Такъ Ростиславици въ 1195 году говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай Русской земли и о своей чести и о нашей». Полн. Собр. Руск. вѣт. II, 145.

2) «А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди». Тамъ-же стр. 1.—Мстиславъ Владиміровичъ поточи Полотскіи Князи.... зане не ихуть его воли и не слушахуть его, коли ъ зовишь на Русскую землю въ помощь. Тамъ-же, стр. 12 и 15.—Святополку, какъ старшму въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давида Игоревича, тамъ-же I, 112.

3) Полн. Собр. Руск. вѣт. II, 20: Всеволодъ (Ольговичъ) отда въ Всеволодовѣи, Володимери внуцѣ, одну за Володимира за Давидовича, а другу за Ярославича, за Дурда.

4) Тамъ-же стр. 83: «Оже мя въ правду зовете съ любовію, то всяко иду Кіеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ авду и въ моемъ вы послушаньи ходити.»

5) Тамъ-же стр. 8: И наказавъ его (Ярослава Святополчича) Володимеръ о семъ, вели ему къ собѣ приходити, когда ты позову.

6) Тамъ-же стр. 94: Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыиъ своимъ, вели имъ всиимъ съвкупитися у себе со всеми полкиими.

7) Тамъ-же стр. 73: Нимъ, отце, кланяются, прими мя яко сына его Мстислава такоже и мене, ать ѣздитъ Мстиславъ подлѣ твой ошени по одной сторонѣ тебе, а яъ по другой сторонѣ подлѣ ѣ стремеи ѣзду, всеми своими полкии. См. тамъ-же стр. 32, 39.

ѣткъ выраженію: ѣздитъ подлѣ стремеи должно сравнить ѣткъ: ходитъ по комъ, которое также означало синонимное ошениѣ младшаго къ старшему; такъ объ Игорѣ: «Игореви же ошени, и хожаше по Ольѣ, и слушаше его.»

8) Тамъ-же стр. 75: «Велии радъ, господине отце, нѣтъ ти отца господиномъ, якоже и братъ мой нѣтъ ти и въ твоей волѣ брата Тамъ-же, стр. 88, 202.

9) Тамъ-же стр. 79: Они же вси (Рязанскіе Князѣ) зразу Ростислава, нѣвахуть и отцемъ собѣ. Тамъ-же стр. 149.

10) Тамъ-же стр. 39.

11) Тамъ-же стр. 18, 19.

12) Тамъ-же стр. 39.

13) Тамъ-же стр. 109.

14) Тамъ-же стр. 9.

15) Тамъ-же стр. 38.

16) Тамъ-же I, 111.

17) Тамъ-же II, 74, 122. Вячеславъ же посла по Святославу Всеволодича, река ему: Ты еси Ростиславу смилъ любимилъ, тати и мнѣ, а поиди съмо ко мнѣ, перебуди же у мене Кіевъ, дожди придетъ Ростиславъ, а тогда рядъ вси учинимъ». Или: Иде Святославъ къ Любчу и призва къ собѣ братью свою, ряди ему дѣлю.

18) Русская Правда: по Ярославъ же наик совокупившися снѣго: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ Косичко, Паркнѣтъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову, но кумани си нѣхъ пати; а иво все якоже Ярославъ судилъ, такого же и снѣго уставилша.—Володимеръ Всеволодичъ, по Святополцъ, созва друину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, Кіевьского тысячьского, Премисла, Бѣлгородского тысячьского, Святослава, Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и инѣ вили до третьяго рѣза, и проч.

19) Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 119. Молвяше же Ростиславъ Святославъ: «брате! я не ищу подъ тобою ничего же, во рѣ нашъ такъ есть: оже ся Князь извинитъ, то въ волость, а мнѣ! голову.»

20) Тамъ-же стр. 110: Святославъ же нача слати къ Ярославу съ жалобю, река ему: «на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а воши первый рядъ; реклъ бо еси, оже я сяду въ Кіевъ, то я тебе иду, пакы ли ты сядеши въ Кіевъ, то мене надѣли.»

21) Тамъ-же стр. 125. Рюрикъ же разсиполивъ, съ мунѣ слати угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй лѣты, и урядился съ нимъ ступился ему старѣйшинства и Кіева.—Тамъ-же стр. 50: «а се есть яко отецъ стрый свой; тамъ-же стр. 61, 77.—Касательнѣ дружества старшаго брата, слова св. Бориса: «тооъ ни буди въ чѣмъ кѣсто,»—и слова Ярослава I-го снѣговамъ.—Касательнѣ старѣйства тестя предъ затемъ си. выше слова лѣтописца о мнѣ Ярославу

Дмитрополитъ передъ вѣдомъ своимъ Мстиславомъ; Мстиславъ Мстиславичъ Удавой доводится племянникомъ Ярославу Всеволодовичу, и между тѣмъ называетъ его своимъ сыномъ, какъ зять, Новгород. II, 39.—О правѣ старшаго зятя предъ младшими шурами Изяславъ Мстиславичъ говоритъ: „Всеволода осмъ имѣлъ въ правну брата старшаго, занеже ми братъ и зять отарій мени яко отцовъ;» тѣмъ-же кр. 23.—Король Венгерскій, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, не иначе зоветъ послѣдняго, какъ отцомъ, тѣмъ-же кр. 66.

22) Никои. II, 265.

23) Изгонъ грон: поповъ смѣтъ грамоты не умѣеть; жолѣтъ нѣтъ хощества выкупиться, купецъ одождаетъ, а съ четвертое нагойство и юбо прилежитъ, аще князь оспретъветъ.

24) Относительно дани вотъ единственное упоминовеніе въ летописи (Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 192): Ярополкъ коела Мстиславича Изяслава къ братьи Новгороду, и дана даня Печерскыи и отъ Смоленска даръ.—Отъ Новгорода, находившигесе въ особенныхъ отношеніяхъ къ Вел. князю, послѣдній получаетъ дань, но отъ Смоленска только даръ.—На особность волостей какъ отдѣльныхъ земель, сию указываетъ слѣдующее извѣстіе (Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 40). Онъ же (Святославъ Всеволодовичъ) нияся ему послати Глѣба ния, —и не посла, зане бышетъ ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и Смоленскою землею.—Но всѣ эти волости, всѣ племена, въ нихъ обитавшіи сперва имѣли непосредственное отношеніе къ Киеву, дѣлили туда дань, составляли съ нимъ одно цѣлое: что же ослабило эту государственную связь, какъ не родовыя отношенія князей?

25) О разнорѣчійхъ въ показаніи дна кончини Ярославовой си. у рцибышева Пов. о Россіи, I, 32, примѣч. 120.

26) По всѣмъ вѣроятностямъ отвага Брячислава всего болѣе содѣйствовала тому, что Ярославъ согласился оставить Полоцкое княжество въ его владѣніи.

27) Мѣсто летописи о распорядкѣ между сыновьями Ярослава I-го укладывается въ объясненіе: «Преставися великій князь Русскій Ярославъ. И еще бо живу сущю ему, наряди сими свои, рекъ имъ: се въ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ себѣ любовь, пощете вы есте братья единого отца и матери, да аще будете въ любви сѣю собою, Богъ будетъ въ васъ, и погорать вы противиме поды и, и будете мирно живущи; аще ли будете ненавидно живущи въ поприхъ которагощесе, то погыбите сами и погубите земли отцовъ своихъ и дѣдъ своихъ, име нагѣзана трудонъ своихъ величанъ, по робивайте мирно послушающе брата брата. Се же поручили въ себѣ

нѣкого столѣ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіеву, сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будете, въ немъ исто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславъ, (а Игорю Володимиръ), а Вячеславу Смоленскъ. — И тако раздали имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братія, ни стощи; рече Изяславу: аще кто хоцеть обидити брата своего, то ты не гай его же обидать, и тако уряди сына своя пребывати въ любви. Самому же болгу сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся великъ, Изяславу тогда сущю Новгородъ, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отца, бѣ бо любимъ отцемъ паче всея братья, его же иише присно у себе. Ярославу же приенъ конецъ житя, и предасть душу свою. — Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: Ярославъ дѣлаеть завѣщаніе, чувствуя близость смерти, прино говорить: я умираю; дѣлаеть завѣщаніе передъ всѣми сыновьями, и неку тѣмъ этихъ сыновей, кроиъ Всеволода, нѣтъ при его кончинѣ и погребеніи? Это сомнѣніе изъ самого разсказа лѣтописца можетъ рѣшиться такимъ образомъ, что хотя Ярославъ и чувствовалъ приближаніе кончины, однако находился еще не въ отчаянномъ положеніи, былъ довольно крѣпокъ для того, чтобъ отправиться въ Вышегородъ, и здѣсь уже «разболѣся великъ». Слѣдовательно сыновья его могли отправиться въ свои прежнія волости, даже хотя бы для того, чтобъ распорядиться тамъ относительно переезда въ новыя волости, достававшіяся имъ по послѣднему отцовскому распредѣленію. Другое затрудненіе: въ нѣкоторыхъ спискахъ пропущено, что Игорь получилъ отъ отца Владимиръ Волынской. Разумѣется, есть основаніе смотрѣть на это просто какъ на пропускъ, тѣмъ болѣе, что Игорь въ годъ кончины отца своего не могъ быть малолѣтень: онъ родился, по Татищеву (II, 106), въ 1036 году, слѣд. въ 1054 имѣлъ 17 лѣтъ; еслибъ даже кто не захотѣлъ вѣрить свидѣтельству Татищева, то вѣроятно, что Игорь, умершій черезъ 6 лѣтъ, въ 1060 году, былъ уже женатъ, и оставилъ двоихъ сыновей, слѣдов. шесть лѣтъ назадъ не могъ быть малолѣтень. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ годъ рожденія Игоря не означенъ; въ 1036 году помѣщено рожденіе Вячеслава, которое у Татищ. помѣщено подъ 1034 годомъ. Рожденіе Всеволода подъ 1029, у Татищ. подъ 1030. Третье затрудненіе: Игорь получилъ Владимиръ, но при описаніи кончины Ярославовой говорится, что во Владимиръ былъ Святославъ, а не Игорь. Дно объявляется тѣмъ, что Ярославъ задолго до смерти своей уже раздалъ сыновьямъ волости; мы знаемъ, что старшій сынъ его Владимиръ иишалъ въ Новгородъ, иишемъ полное право думать, что и другіе сыновья получили также волости, но не тѣ, которые были

азначенъ предъ кончиною, или которыя они взяли сами по кончинѣ, или не придерживаться буквально лѣтописнаго извѣстія; ясно, что прежнюю волостьъ Святослава былъ Владиміръ, а не Черниговъ, очно такъ какъ прежнюю волостьъ Изяслава былъ Туровъ, что прямо видно изъ свидѣтельства въ некоторыхъ спискахъ; но потомъ, по смерти старшаго Ярославича, Владиміра, Изяславъ, какъ наследникъ старшинства, получилъ Новгородъ.—О распорядкѣ между сыновьями Ярослава см. изслѣдованіе въ Studien zur gründl. Kenntniss der Vorzeit Russlands, s. 113; также въ моей книгѣ: Истор. отп. между Рус. Ки. Рур. Дома. стр. 68. и слѣд. Г. Погодинъ, (въ IV т. воику Изяславов.) старается изъ каждой волости княжеской сдѣлать наследственное владѣніе, отчину для одной какой-нибудь линии Ярославова потомства; при такомъ распредѣленіи отчину ему необходимо долженъ былъ представиться вопросъ: гдѣ же было отчина самой старшей линии, линии Изяслава? Г. Погодинъ полагаетъ, что эта отчина была Туровъ; основаніемъ послужили ему слова тѣхъ списковъ лѣтописи, въ которыхъ говорится, что, во время смерти Ярослава-го, старшій сынъ его Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: «Изяславу въ Туровѣ Князю»; но за то въ другихъ спискахъ находится извѣстіе, что Изяславъ княжилъ въ это время въ Новгородѣ. Г. Погодинъ отбрасываетъ послѣднее чтеніе, обвиняя г. Березинкова, зачѣмъ онъ внесъ въ текстъ извѣстіе лѣтописей новѣйшихъ, а извѣстія о Туровѣ, находящіеся въ спискахъ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ, помѣстивъ въ вариантахъ. Карамзинъ также читалъ: «въ Новгородѣ.» Но если чтеніе «въ Новгородѣ» есть чтеніе позднѣйшихъ списковъ, а чтеніе «въ Туровѣ» древнѣйшихъ, то это одно обстоятельство еще нѣсколько не можетъ рѣшить дѣла въ пользу послѣдняго; позднѣйшіе списки могли быть спасены съ древнѣйшихъ и варнѣйшихъ. Надобно, следовательно, по историческимъ даннымъ опредѣлить, какое чтеніе удержати въ рѣше. Изяславъ былъ старшій сынъ Ярослава; но мы видимъ значава, что старшіе сыновья великихъ князей обыкновенно сядятъ въ Новгородѣ. Такъ Владиміръ Св. посадилъ въ Новгородѣ старшаго сына своего Вышеслава, и когда тотъ умеръ, то перевелъ на его мѣсто Ярослава. Здѣсь сначала встрѣчается затрудненіе: почему же, о смерти Вышеслава, Владиміръ перевелъ въ Новгородъ не слѣдующаго за нимъ по старшинству Святослава, который княжилъ въ Туровѣ? Это затрудненіе отстраняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святославъ находился во враждѣ съ своимъ отцомъ, и даже въ замочевин. Ярославъ перемѣляетъ въ Новгородъ старшаго сына своего, Владиміра, и когда тотъ умеръ, его мѣсто долженъ былъ занять старшій по немъ Изяславъ; и вотъ мы въ самомъ дѣлѣ читаемъ:

въ лѣтописяхъ, что Изяславъ находился въ Новгородѣ во время смертной болѣзни отца своего. Мы видѣли, какъ объясняется истинное счисленіе, что Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: онъ дѣйствительно долженъ былъ княжить здѣсь, но прежде смерти брата своего Владимира. Что Туровъ не могъ быть отчиною Изяслава и дѣтой его и томъ смелъ, въ какомъ хочеть этого г. Погодинъ, доказываетъ тѣмъ, что во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, старшій сынъ его, Святополкъ, сидитъ въ Новгородѣ, а не въ Туровѣ; второй сынъ Ярополкъ, сидитъ въ Вышгородѣ, а не въ Туровѣ; Святополкъ остается въ Новгородѣ и во время княженія Всеволода, а младшему брату его, Ярополку, послѣдній даетъ Владимиръ Волынской и въ придѣлу Туровъ — истое доказательство, что этотъ городъ не былъ наследственнымъ достоинствомъ Изяславова потомства, а завсѣгда отъ князя. Понятно, что г. Погодину не нравится это извѣстіе о разрѣженіи Всеволода, и онъ хочеть переизменить смыслъ лѣтописи: «Ярополкъ (говоритъ онъ) вѣрво владѣлъ Туровомъ, а Всеволодъ послалъ его въ Володимирѣ, предавъ къ Турову». Но мы не можемъ предоставить автору права измѣнить смыслъ лѣтописей въ угоду любимой мысли. Передъ смертью Всеволода, Святополкъ переходитъ изъ Новгорода на югъ, поближе къ Кіеву, въ Туровъ, и тамъ, какъ ближайшій наследникъ старшинства, дожидается дѣловой смерти; тамъ также сдѣлалъ послѣ Мономаховъ сынъ Мстиславъ, верейдя перодъ отцовою смертью изъ Новгорода поближе къ Кіеву, въ Балгородъ. Г. Погодинъ приводитъ въ свою пользу слова Давида Игоревича Святополку: «Аще ти отъидеть (Василько) въ свою волость, да уршиши аще ти не займѣть градъ твои къ Турова и Иньска». Но городъ — Туровъ и Иньскъ были необходимо Святополковы, потому что они составляли часть Кіевского княжества, которымъ тогда владѣлъ Святополкъ; доказательствомъ тому служатъ слова Всеволода Ольговича Вячеславу Владиміровичу, который владѣлъ Туровомъ: «Сидиши въ Кіевской области, а мнѣ достойтъ». Г. Погодинъ говоритъ: «Важное затрудненіе представляется при рассмотреніи этого дѣленія (между сыновьями Ярослава): что же должно было быть отчиною старшему Ярославову сыну, Изяславу? на что имѣли право его дѣти во смерти отца, когда Кіевскій столъ долженъ былъ достаться ихъ дядѣ, Черниговскому князю Святославу?» Не понимаемъ, для чего авторъ затрудняетъ себя вопросами, правые отвѣты на которые даетъ намъ лѣтописецъ; по смерти Изяслава въ Кіевѣ началъ княжить братъ его Всеволодъ; что же досталось сыновьямъ Изяславовымъ? на это лѣтописецъ прямо отвѣчаетъ, что одинъ Изяславовъ сынъ княжилъ въ Новгородѣ, а другой во Владимирѣ Волынской. — Надобно замѣтить,

то-то Никон. см. и Татищеву, Изяславъ также былъ на погребеніи тѣхъ вѣстовъ съ Всеволодомъ.—Въ Воскрес. списокъ (1,190) за извѣстіемъ о смерти Ярослава тотчасъ же помѣщено слѣдующее: «И по снѣ раздѣлиша Смоленскъ на три части». Это трудное для объясненія извѣстіе можетъ означать только одно, что извѣстный распадъ между Ярославичами послѣдовалъ не вдругъ.

28) Нираниъ. II, примѣч. 50.

29) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 75. Здѣсь, при описаніи дѣйствій олховцовъ сказано, что встали два волхва отъ Ярославля, пришли на Влоозеро; сюда же явился отъ Святослава за данью Янъ, сынъ Вышатины, и разузналъ, что эти два волхва суть смерды князя его вятослава. Событіе поставлено въ лѣтописи подъ 1070 годомъ; но вѣзды непременно относить его къ этому году, потому что событіе иенъ легко могло быть рассказано только по связи его съ другимъ, именно съ явленіемъ волхва въ Кіевѣ, времени котораго лѣтописецъ гнесъ къ 1070 году, хотя и то не очень опредѣленно: «въ сѣверѣ», говоритъ онъ вмѣсто болѣе опредѣленнаго: «въ се же лѣто». Если предположить, что Янъ оставался постоянно въ Кіевѣ, имѣвшій большое значеніе, какъ сынъ тысяцкаго, и самъ тысящій (таимъ, покрайней мѣрѣ, мы видимъ его въ 1069 году), то онъ могъ уйти отъ имени Святослава только тогда, когда этотъ князь смѣлъ въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава; легко подумать, что Святославъ, сѣдши въ Кіевѣ и отдавши Всеволоду Черниговскую волость съ всеми принадлежностями, взялъ себѣ въ завѣдѣніе Влоозерскую и Юстовскую область.

30) Въ спискахъ то 24 года, то 28 и все неправильно, потому что былъ заключенъ въ 1036 году. Судиславъ умеръ въ Кіевѣ, и погребенъ при церкви св. Георгія, см. Арцыб. I, примѣч. 132.

31) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 92.

32) Объ этомъ сказано только въ Татищевскомъ сводѣ (II, 117); мы имѣемъ право принять извѣстіе, основываясь во 1) на томъ, что хотя въ некоторыхъ спискахъ лѣтописи и говорится, что Ростиславъ убѣжалъ въ Тмутаракань изъ Новгорода, за то въ другихъ не начено вовсе мѣста, откуда убѣжалъ. 2) По смерти Ростислава, гдѣ его живутъ во Владимирѣ Волынскомъ: лѣтописецъ указываетъ на ихъ здѣсь; здѣсь они стараются утвердиться, враждуютъ съ ми князьями, которые также здѣсь ищутъ себѣ волостей.

33) Никон. I, 144; Воскр. I, 190. См. также приписъ къ Остро-рову Евангелию. Что заставило Цорля и Вышату бѣжать вмѣстѣ съ вятославомъ? страсть ли къ подвигамъ, приключеніямъ, личная ли

привязанность къ молодому князю, или: почему князя-нибудь такоу недовольствія? можетъ быть все это вмѣстѣ.

34) У Татищева приведена причина: они боялись мнѣшн Русскихъ.

35) Ростиславъ умеръ 3 февраля 1065 года, и похороненъ въ Тмутараканской церкви св. Богородицы. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 1065. Ростиславъ, по Татищеву, былъ женатъ на дочери Венгерскаго короля; по смерти мужа она хотѣла ѣхать къ оцу въ Венгрію; Издславъ ее отпустилъ, но сыновей удержалъ на Руси.

36) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 2.—Карамз. II, прим. 118.

37) Это мѣстность спорная. Обшиновенно полагали (Карамз. Архив.), что Нѣмзюю называется здѣсь Нѣмать; но въ Минскѣ есть рѣка Немза, которая могла брать истокъ свой гдѣ-нибудь дальнѣе; между Оршею и Друдкомъ, по древнему географическому отрывку, поставленъ городъ Немза. Очень вѣроятно, что Ярославичи, извѣсти Минскъ, направляли путь къ сѣверовостоку, въ свои Смоленскія волости, гдѣ хотѣли провести весну, время неудобное для войны вслѣдствіе разлитія рѣкъ и таянія снѣга, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, но были достигнуты Всеславомъ. Другой споръ касательно мѣста Рши, гдѣ былъ схваченъ Всеславъ; летописецъ говоритъ, что это было у Смоленска, основываясь на чемъ, нѣкоторые изслѣдователи никакъ не хотѣли признать здѣсь Оршу, по ея отдаленности отъ Смоленска; но Кіевскій летописецъ имѣлъ полное право сказать, что Орша находилась у Смоленска, ибо онъ не зналъ ближайшаго къ ней и болѣе извѣстнаго города; впрочемъ указывается еще подобная мѣстность—Оршанскій Ямъ, не далеко отъ Краснаго, слѣд. ближе къ Смоленску, чѣмъ Орша (Карамз. IX, примѣч. 225).—Дѣло въ томъ, что въ летописи указывается рѣка: на Рши.

38) По Татищеву, Ярославичи 3 марта пришли къ Немзѣ, а битва была 10 марта; въ дошедшихъ до насъ спискахъ битва была 3 марта.

39) По Татищеву, Ярославичи, послѣ битвы при Немзѣ разорили Полоцкую волость; Всеславъ прислалъ просить мира; Ярославичи зазвали его для переговоровъ и захватили, по совѣту Святослава.

40) Половцы—Русскій переводъ Татарскаго Кипчакъ.

41) Слова изъ Половецкаго языка объясняются Татарскими. См. статью кн. Оболенскаго, въ Москвитинѣ. 1850, мартъ, кн. I.

42) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 70. Иде Всеволодъ на Торамъ; въ некоторыхъ сп. прибавлено: «зимѣ къ Воиню». Что касается Воиня, то, по замѣчанію Гг. Надеждина и Невольна (см. изслѣд. Потод. IV, стр. 263), подобноименныхъ мѣстъ много въ Полтавской губерніи,

Если это не Войницы, означенныя Арцибашевымъ, то всего вѣроятнѣе нынѣшняя Воинская Гребля, большое селеніе Золотоношскаго уѣзда, близъ славія Сулы съ Днѣпромъ.

43) Извѣстіе о поселеніи пльннхъ Торковъ по городамъ находится только у Татищева; но мы внесли его въ текстъ, какъ достоверное, потому что иначе откуда же бы взялись Торки, о которыхъ такъ часто будетъ рѣчь въ послѣдствіи?

44) Я рѣшился внести въ текстъ это мѣсто, которое находится только у Татищева, потому что оно совершенно вѣрно обстоятельствомъ: на тысяцкаго всего прежде народъ долженъ былъ обратить свой ровоть, какъ на предводителя городовыхъ полковъ.

45) Арцибашевъ (I, пр. 147) думаетъ, что этотъ дворъ принадлежалъ Полоцкимъ князьямъ, и былъ тотъ самый, гдѣ жила прежде Рогѣда. Но почему же въ послѣднемъ случаѣ онъ не называется Рогѣдинымъ, Изяславовымъ, а именно: Брячиславовымъ?

46) Своихъ, т. е. Кіевлянъ, посаженныхъ въ тюрьму Изяславомъ, Изъ лѣтописи видно ясно, что сначала хотѣли отворить и дѣйствительно отворила только одну общую тюрьму, гдѣ содержались простые граждане; потомъ уже, послѣ спора съ Изяславомъ рѣшили, что съ послѣднимъ дѣлать нечего, нужно себя добыть другаго князя, вслѣдствіе чего и былъ освобожденъ Всеславъ. Слѣд. не нужно вѣстѣ съ Арцибашевымъ предполагать, что выпущенные прежде изъ тюрьмы были сообщники Всеслава.

47) Не забудемъ, что это выраженіе: безчисленное мы должны принимать относительно.

48) Рѣка Сновъ впадаетъ въ Десну съ правой стороны въ Черниговскомъ уѣздѣ; гдѣ находится на ней городъ Сновскъ — неизвѣстно.

49) См. Слово о Полку Игореву.

50) Лѣтописецъ молчитъ о судьбѣ Всеволода послѣ бѣгства его изъ Кіева вмѣстѣ съ Изяславомъ: видно, что онъ не пошелъ съ нимъ въ Польшу. Не могутъ ли дополнить намъ это извѣстіе слова Мономаха въ завѣщаніи: «Первое Ростову идохъ, сквозъ Вятичъ, послѣня отецъ, а самъ иде Курьску, и пакы второе къ Смоленьску со Ставкомъ Скордуничемъ, той пакы и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смоленьску; то и Смоленьска идохъ Володимерю, Тое же зими то и посласта Берестію брата на головнѣ, идѣ биху погли, то и ту блюдѣ городъ тихъ. Та идохъ Переяслави отию, а по велицѣ дни изъ Переяслави же Володимерю, на Сутейску миру творить съ Лахм. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять». Можно думать, что Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава, искалъ убѣжища въ

волостяхъ Святославовыхъ, именно въ Курскѣ; опасаясь жить въ Переяславѣ, а сына послалъ на сѣверъ въ Ростовъ, потомъ Мономахъ отправился въ Смоленскъ со Ставкомъ Скордятичемъ, который изъ Смоленска отправился къ Бресту съ Изяславомъ: здѣсь намѣтъ и удаленіе Изяслава въ Польшу черезъ Брестъ, ибо мы не знаемъ никакого другаго похода Изяслава къ этому городу. Потомъ, когда Половцы, послѣ пораженія при Сновскѣ, очистили Русь, Всеволодъ возвратился въ Переяславль; что же касается до мира съ Полками на Сутейску, то можно думать, что Святославъ и Всеволодъ послыши Мономаха договариваться съ Болеславомъ и Изяславомъ на счетъ Кіева. Что касается до Сутейска, то по Ходаковскому, есть и теперь село Сутиски, на лѣвомъ берегу восточнаго Буга, Подольской губерніи въ Винницкомъ повѣтѣ, а деревня Сутескъ, въ Красноставскомъ повѣтѣ.

51) О разсказахъ Польскихъ лѣтописцевъ о Болеславовомъ походѣ и пребываніи въ Кіевѣ, см. Roerell, Gesch. Polens, I, 193.

52) Изяславъ же възгна торгъ на гору. На основаніи союза же соединяють эти извѣстія съ предыдущимъ, и видятъ въ этомъ мѣру князя противъ будущихъ волненій народныхъ; но Татищевъ (II, 124) прямо говоритъ, что Изяславъ не хотѣлъ, чтобъ торгъ и народное сборище было на низу, въ отдаленіи отъ его дома.

53) Жителей Вотской пятинны.

54) Замѣчательно, что Всеславъ нашель убѣжище и помощь среди Финскаго племени, ближайшаго къ Новгороду и издавна находившагося съ нимъ въ соединеніи.

55) Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 2. Новгородцы же поставиша пѣлъкъ противъ ихъ (т. е. Вожанъ; въ рукописи вырванъ уголъ, и потому недостаетъ словъ: приде Всеславъ съ Вожавы), у Звѣринецѣ, на Къземли». Въ другихъ лѣтописяхъ на Гзени; Гзенью назыв. мѣсто въ самомъ Новгородѣ. Карамз. II, пр. 125; Арцмб. I, пр. 136. Что такое звѣринець? вѣроятно мѣсто, гдѣ продавали живыхъ звѣрей.— Здѣсь представляется еще вопросъ: какимъ образомъ Новгородъ перешелъ къ Глѣбу Святославичу? Карамзинъ (II, прим. 118), на основаніи лѣтописи XV в. (въ Синодал. библ. N 349), гдѣ сказано: «въ Новгородѣ Изяславъ посади сына своего Мстислава и побѣдиха и на Черехѣ, и бѣжа къ Къеву, и по взятіи града преста рать», догадывается, что Мстиславъ, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ; и точно мы видимъ его на югѣ: онъ раздѣляетъ изгнаніе отца, его Изяславъ посылаетъ прежде себя для наказанія Кіевлянъ, выпустившихъ Всеслава. По всѣмъ вѣроятностямъ, послѣ того какъ захватили Всеслава на Рши, Изяславъ взялъ себѣ его волость Пе-

люди, где и посадил своего сына, а Новгород уступилъ Святославу, который послалъ туда Глѣба.—Всеслава отпустили ради Бога; некоторые последователи сомнѣваются въ такомъ великодушнѣмъ Новгородцѣ; но изъ Новгородской исторіи мы знаемъ, что граждане никогда не позволяли себѣ жестокостей съ враждебными князьями; Всеславъ былъ богатырь, внушалъ къ себѣ всеобщее уваженіе, объ немъ ходили дивныя преданія, притомъ былъ несчастливъ, дядя поступилъ съ нимъ вѣроломно, и теперь не давали ему покоя; въ первый разъ случилось Новгородцамъ видѣть въ своихъ рукахъ плѣннаго Князя-богатыря; нѣтъ ничего удивительнаго, что они увлеклись непосредственнымъ чувствомъ, и отпустили Всеслава ради Бога, забывши, разумеется, съ него клятву, что не будетъ болѣе нападать на Новгородъ. Историкъ не долженъ отрицать возможности такого непосредственнаго чувства, которое очень часто встрѣчается.

56) Голотическѣ упоминается въ древнемъ географическомъ отрывкѣ въ числѣ городовъ Литовскихъ.

57) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 78: Изяславъ же иде въ Ляхи со мнѣнемъ многымъ, глаголя: «яко сямъ яхъзу вон». Ежѣ все взяша Ляхове у него, показавше ему путь отъ себе.—Что Ляхи взяли не все, доказываютъ дары, поднесенныя Изяславомъ Императору; что взяли однако, доказываетъ письмо Папы къ Королю Польскому.—Мы видѣли, что при первомъ изгнаніи Изяслава, народъ разграбилъ княжескую казну: какими же средствами Изяславъ могъ, въ такое короткое время послѣ своего возвращенія, приобрѣсть опять значительное богатство? Должно быть онъ успѣлъ возратить все пограбленное.

58) Lamberti Schafnaburgensis Chronicon, p. 380, ann. 1075.—Мы не должны также упустить изъ виду Татищевскаго извѣстія, что за Болеславомъ была дочь Святослава.

59) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

60) Histor. Russiae Monum. I, N 1, 2.

61) Татищ. II, 140.

62) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103. Мономахъ говоритъ о себѣ «И Святославъ умре, и язъ наки Смоленьску, а и Смоленьска той же зимѣ та къ Новугороду, на весну Глѣбови въ помощь.»

63) Ходаковскій приурочиваетъ это мѣсто къ рѣкѣ Одрову, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны въ Копискомъ уездѣ Могилевской губерніи.

64) По всемъ вѣроятностямъ, Давидъ княжилъ въ Переяславлѣ: такъ слѣдовало по счету.

65) Изгнанный Глѣбъ убитъ былъ далеко на сѣверѣ въ странахъ Чуди Заволоцкой. Объ изгнаніи Глѣба см. глѣтиско въ II-мъ томѣ продолж. Древ. Вѣстие. «И посади Святославъ..... всего Глѣба. И выгнаша.... и бѣжа за волокъ, и у..... и Чудь». Пропуски эти дополняются тождественною съ напечатанною въ Вѣст. глѣтискою, находящеюся въ Румянц. музеѣ подъ N ССXLIX: «И посла Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиха и Чудь». См. Архив. I, пр. 181.

66) Карамз. II, 135.

67) Татищ. II, 133.

68) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88: «Володимеръ же приступи ко вратамъ восточнымъ, отъ страженіи отъ врата». Рѣчка Стрижень течетъ въ самомъ Черниговѣ. Архив. I, прим. 185.

69) См. прим. 199.

70) Ярослава погребли точно также, въ ракъ мраморной.

71) Если Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава сираведливимъ, признавалъ старшинство Святослава законнымъ, то какимъ же образомъ потомки Всеволода могли считать это старшинство незаконнымъ? Въ такомъ случаѣ они обвинили бы своего предка, какъ участника въ беззаконіи? Развѣ мы не видимъ въ послѣдствіи, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на старшинство, ни слова не говорятъ о беззаконномъ старшинствѣ Святослава, а выставляютъ только какое-то завѣщаніе Ярослава 1-го, по которому князья восточныхъ областей не должны были вступаться въ западные. Ясно, что у Всеволодовичей не было никакого права исключать Святославичей изъ старшинства, что они, пользуясь правомъ сильного, выставляли только странные предлоги.

72) Подобноименныхъ мѣстъ въ нынѣшней Полтавской губерніи много. См. Архив. I, пр. 190; Карамз. II, 145; Погод. Изслѣд. IV, стр. 263.

73) Татищ. II, 136.

74) Хожденіе игумена Данила.

75) Studien—Еверса, стр. 238.

76) Сколько? Ростиславичей было трое: Рюрикъ, Володаръ и Василько; въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано только двое—предполагается Рюрикъ и Василько, если Володаръ еще не возвратился изъ Тмутаракана; но въ нѣкоторыхъ сказано просто Ростиславичи (Книгсб.) и прибавленъ Давидъ: «выбѣгоста Ростиславича два отъ Ярослава» и «выбѣгоста Ростиславичи Давидъ и Ярополкъ»; сѣбѣя легка, но имъ предпочтѣаемъ чтеніе Ростиславича два какъ труднѣшее.

77) Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка, и пришедше прогноста Ярополка.—Ни откуда не слѣдуетъ, чтобъ Ростиславичи овладѣли Владимиремъ въ отсутствіе Ярополка, иначе какъ могло быть сказано, что пришедши они прогнали этого князя; можно только допустить, что они убѣждали въ его отсутствіе; но у Татищева читается, что Ярополкъ на Великъ день приходилъ уже въ Кіевъ жаловаться на изгнаніе.

78) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88 и 103.—И пакы по Изяславичихъ за Микулинъ и не постигохомъ ихъ. — Но что же это за Изяславичи? Святополкъ былъ въ Новгородѣ! Мы думаемъ, что должно читать Ростиславичи вмѣсто Изяславичи.—Есть мѣстечко Микулицы, Подольской губерніи, Винницкаго повѣта, и еще городъ ниже Тариополя и выше Струсова.

79) На рѣкѣ Горнѣ, близъ Ровна. Архив. I, пр. 201.

80) Татищ. II, 137.

81) Прибавленіе нужно для вѣрности характеру, который послѣ приданъ Ярополку.

82) Узадный городъ Волынской губерніи, на рѣкѣ Стырѣ.

83) По извѣстіямъ Польскихъ лѣтописцевъ, Червенскіе города, зятые Болеславомъ II, были возвращены Ростиславичами. Архив. пр. 218.

84) Здѣсь можетъ быть рѣчь только объ одномъ какомъ-нибудь изъ четырехъ Звенигородовъ Галицкихъ. См. Ислад. Погод. IV, р. 152.

85) Мы распространились объ этомъ событіи потому, что существуетъ цѣлая статья о смерти Ярополка Изяславича, авторъ которой старался оправдать совершенно Ростиславичей и сложить вину на Давида (Соврем. т. XVI, отд. II). Уваженіе, питаемое нами къ чуждымъ трудамъ автора статьи, заставило насъ подробнѣе коснуться ея предмета.

86) Что слова лѣтописца: «Ходи Всеволодъ къ Перемишлю» означаютъ воинскій походъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію: иначе ни чего ходилъ Всеволодъ? Великій Князь не могъ ходить просто на свиданія къ младшему. У Татищева В. Князь предпринялъ походъ на Ростиславичей по жалобамъ Святополка Изяславича и Давида горевича, дошелъ до Звенигорода, послалъ за Ростиславичами, и смирился отъ нихъ. (II, 140).

87) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 130: «Пометь землю и повоевалъ Дунаемъ и до Логозьска, та на Дръютъскъ воюя. Дуномль—мѣстечко Могилевской губерніи, Семиинскаго узла; Дръудль—мѣстечко

Могилевского уезда; Догойскъ—Минской губерніи, въ Борисовскомъ уездѣ, на р. Гойнѣ, впадающей въ Березину.

88) Слово о Полку Игореву.—Въ извѣстіи о молодой дружинѣ Всеволода и тиунахъ въ разныхъ спискахъ находятся разные чтенія, въ однихъ: «Начаша тиуни грабити»; въ другихъ: «сичаша ти уніи» (молодые, о которыхъ говорилось передъ этимъ. П. С. Р. Л. I, 93.)

89) Такъ въ 1071 году они воевали у Ростовца и у Нестин (мѣстоположеніе этихъ городовъ спорное: одни полагаютъ на западной, другіе на восточной сторонѣ Днѣпра, т. е. одни въ Киевской, другіе въ Черниговской волости; см. Изслѣд. Погод. IV, стр. 148). Подъ 1092 годомъ читаемъ: «ратъ велика бяше отъ Половецъ и отъ всюду: взяша 3 грады, Пѣсочень, Переволоку, Прилукъ, и многа села воеваша, по обѣмъ странама»;—всѣ три мѣста въ Переяславской волости, въ нынѣшней Полтавской губерніи, на рѣкѣ Удаѣ.

90) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

91) Здѣсь можетъ быть только вопросъ: какимъ образомъ сынъ Изяславъ предпринималъ походъ противъ Голадей? изъ соображеній лѣтописныхъ извѣстій можно полагать, что Великій Князь все это время находился самъ на сѣверѣ, въ Смоленскѣ, Псковѣ и сосѣднихъ мѣстахъ.

92) Въ дошедшихъ до насъ спискахъ говорится кратко о взятіи Муромъ Болгарами безъ объясненія причинъ и слѣдствій; но Татищевъ, основываясь на Нижегородскомъ и Макарьевскомъ спискахъ, говоритъ, что по Окѣ и Волгѣ въ это время были сильныя разбои, вредившіе Болгарской торговлѣ; Болгары прислали къ князю Олегу и брату его Ярославу Святославичамъ, которымъ, по Татищеву, принадлежала въ это время Тмутаракань, Рязань и Муромъ, просить на разбойниковъ, но не получа управы, пошли на Муромъ, и взяли его.—Извѣстіе это очень любопытно и очень вѣроятно: лѣтъ основанія отвергать, чтобы въ это время не было ушкуйничества, которое мы увидимъ въ такой силѣ послѣ.

93) Владиміръ самъ говоритъ въ началѣ поученія своего дѣтны: «Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченъ въ крещеніи Василій, Русьскимъ именемъ Володиміръ, отъ имени вълюбленного и матерю своею Миломахъ».—Изъ этихъ словъ видно, что «Миломахъ» не былъ прозваніемъ, но именемъ, даннымъ при рожденіи, точно такимъ же, какими были Владиміръ и Василій; Ярославъ хотѣлъ назвать первенца внука отъ любви со сномъ Владиміромъ—Василіемъ въ честь отца своего; отецъ и имя Миломахомъ

въ честь дѣда по матери, императора Греческаго; естественно, что Всеволодъ гордился происхожденіемъ сына своего отъ царя.

94) У Татищева читаемъ, что Кіевляне просили Мономаха остаться у нихъ княжить.

95) Русск. Достоинств. I, стр. 63: И видать вси и чюдятся.

96) Тамъ же, стр. 69.

97) Тамъ же, стр. 63: Митрополитъ Никифоръ говоритъ о Мономахъ: «Его же Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освати и помазавъ, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ.»

98) Мы видѣли, что когда Святополкъ пришелъ въ Кіевъ, то Владиміръ отправился въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль; изъ этого уже одного извѣстія имѣемъ право заключить, что эти столы были прежде за ними при Всеволодѣ, но кромѣ того летописецъ прямо говоритъ, что Всеволодъ, заступивъ мѣсто Изяслава въ Кіевѣ, посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговъ; потомъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Мономахъ, примирившись съ Ярополкомъ, возвратился въ Черниговъ. Но самъ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ говоритъ: «И на весну посади мя отецъ въ Переяславлѣ передъ братьею», тогда какъ изъ прежнихъ словъ того же поученія видно, что онъ сидѣлъ въ Черниговѣ, ибо ходилъ въ походъ съ жителями этого города, что слѣдовательно подтверждаетъ слова летописи. Но какинъ же образомъ могло случиться, что Всеволодъ далъ ему Переяславль послѣ Чернигова, когда Черниговъ былъ старше Переяславлѣ, и что значить «передъ братьею», когда у Владиміра былъ только одинъ братъ Ростиславъ? Развѣ принимать здѣсь временное посаженіе для войны съ Половцами, но тогда что будетъ значить: передъ братьею! впереди братьевъ, въ передовой рати? или, можетъ быть, здѣсь ошибка: вмѣсто: «передъ братією» должно читать: «передъ ратію.»??

99) Теперь селеніе Торчица, на берегу Торчи, впад. слѣва въ ось.

100) Триполье, мѣстечко при устьѣ рѣкѣ Стугин. Кіев. уѣзда.

101) Между Бѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣкѣ, называемой нынѣ Боршатовкой, есть селеніе: Жилине.

102) Полн. Собр. Русск. Азт. I, 103: Миръ створихомъ съ Турканомъ и со ивни князи Половечьскими, и у Глѣбѣи чади поимомъ дружину свою всю.—Любопытно, что здѣсь Глѣбъ или Половечское.

103) Въ словѣ о Нолку Игореву Олегъ названъ Гериславичемъ: по вѣзи послѣдующихъ выраженій должно думать, что онъ въ народномъ

нѣмъ былъ славекъ не своимъ, но чужимъ горемъ; такъ смотритъ на него и лѣтописецъ.

104) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: И вдохомъ на вонъ ихъ и Рязновъ, и Богъ имъ поможе.—Есть селеніе Рязь, вначашее на границѣ уѣздовъ Ромеискаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

105) Я внесъ сюда извѣстіе списковъ Татищевскихъ (II, 153), безъ котораго въ лѣтописи не будетъ связи между приходомъ Свѣтаты и совѣтомъ Ратиборовичей.

106) Я принимаю здѣсь чтеніе чады въ смыслѣ родни, а не дружины, ибо увидимъ послѣ, что главнымъ дѣйствителемъ будетъ сынъ Ратибора; притомъ что за дружина Ратиборова?

107) У Татищева прямо такъ сказано. II, 155.

108) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: И вежи ихъ взяхомъ, шаже за Голтавомъ.—Теперешнее мѣстечко Голтва находится при впаденіи въ Пселъ (Полтав. губ. Кобеляцкаго уѣзда) рѣчки Большой Голтовы, которая принимаетъ въ себя нѣсколько другихъ Голтъвъ.

109) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3.

110) Татищ. II, 156.

111) Эти слова вовсе не доказываютъ существованія безусловной отчужденности, какъ хотятъ нѣкоторые изслѣдователи. Олегъ занималъ между двоюродными братьями то же самое мѣсто, какое отцовъ его занималъ между Ярославичами, слѣд. онъ имѣлъ право владѣнія и всѣми волостями послѣдняго.

112) Дядя племяннику также считался отцомъ, см. выше первую главу.

113) Этии словани Мономахъ прямо говорятъ, что Изяславъ занялъ волости Святославичей безъ его вѣдома и согласія.

114) Стало быть В. кн. Всеволодъ посадилъ ихъ тамъ.

115) «А его же то и хощеніи насильемъ, тако вѣдала у Стародуба Милкусюча по тебѣ отчину твою».—Здѣсь вся запутанность произошла отъ слѣдующаго написанія двухъ словъ въ (имъ) даяла (давали) двойственное число, т. е. имъ съ Свитополкомъ давали тебѣ и у Стародуба еще Рязань и Муромъ, что теперь ты хочешь взять насильемъ. Милкусюча есть явное искаженное милоущица.

116) Это было 5 ноября, а князьями были 8-го; Свитополка звали Михаиломъ.

117) Быть можетъ, вымышленная деревня Зданька, на рѣкѣ Зданнѣ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

118) Т. е. родичи не ослышали еще другъ друга; погибали князья въ бою; было подозрѣніе, что Ярополкъ Изяславичъ погибъ отъ

Ростиславичей; но подозреваю только, притомъ здѣсь была также Блжнная вражда, смута; Всеславъ былъ схваченъ въроломно, но не заслужилъ; но нигдѣ еще не было такого вопіющаго въроломства и насилія:

119) Можетъ возникнуть вопросъ: зачѣмъ Кіевляне удержали Святополка отъ бѣгства, имъ должно было быть пріятно избавиться отъ такого князя? Но они хорошо помнили слѣдствія нагнанія отца Святополкова; хорошо знали, что Святополкъ будетъ стараться всякимъ способомъ добыть себѣ опять свой столъ, слѣдствіемъ чего будутъ усобицы, за которыми похлещется города и села, и особенно мнѣ городъ; усобица княжеская была страшнѣе всего, потому что ею пользовались Половцы.

120) Всеволожь—быть можетъ мнѣншее селеніе Воложи, въ 12 верстахъ отъ Ковеля, города Волынской губерніи. Шеполь—есть селеніе Шепель въ Луцкомъ уездѣ Волынской губерніи, въ 18 верстахъ отъ уезднаго города, на рѣкѣ Ставъ, впадающей въ Стырь. Перемаль—есть Перемаль въ Дубенскомъ повѣтѣ, къ сѣверовостоку отъ Берестечка, на Стырь.

121) Теперь Бускъ, мѣстечко въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, на правой сторонѣ Западнаго Буга.

122) Татищ. II, 185.

123) Мѣстечко Волынской губерніи, Ковельскаго уезда, на рѣкѣ Турь.

124) Татищ. II, 187.

125) У Татищева прямо такъ читаемъ. II. 188.

126) Арцыбаш. указываетъ на Рожемполь, мѣстечко Волынской губерніи, Владимирокаго повѣта.

127) У Татищева (II, 189) читаются любовныя слова Ростиславичей, сказанныя Святополку передъ началомъ битвы: «Дѣдъ нашъ Владиміръ былъ старшій братъ отцу твоему, а отецъ нашъ старшій тебѣ, и по смерти дѣда нашего Владиміра отецъ твой съ братьею—Святославомъ и Всеволодомъ дали отцу нашему Владиміру со всю Червенскою землею, а себѣ взяли другіе удѣлы, болѣе нежели отцу нашему дали, и утвердили рогою, какъ мы имѣемъ отца твоего грамоты. По смерти отца нашего мы хотя малы остались, но отецъ твой и Святославъ, помня свою къ отцу нашему рогу, Владиміра у насъ не отнимали; но какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярославъ, преступи отцово клятвенное обѣщаніе, и стрія своего Всеволода увѣщаніе, насъ Владиміра лишитъ, и ни уже дозволилъ быти тѣмъ, что намъ тогда дали, и братъ твой клятвою утвердитъ. Мы болѣе того отъ тебя не требуемъ, и когда ты своимъ не дово-

леть, и кочешь насъ отцовскаго владѣнія лишить, то оставимъ на судъ Божій, кому Овъ хочетъ, тому дастъ, а мы тебѣ не дадимъ ни села, но просимъ пока, помня клятвенное обѣщаніе отца своего, и свою на сѣздѣ данную ругу, оставить насъ въ покоѣ, а мы какъ тебя ничѣмъ не оскорбили, и всегда тебя почитаемъ, какъ старѣйшаго, то всегда общаемъ сохранить.»

128) Число Венгерскаго войска въ нашихъ лѣтописяхъ до крайности преувеличено до 100,000, а число погибшихъ до 40,000. Въроятнѣе извѣстія Бѣльскаго и Стрѣлковскаго, полагающихъ 8000 всего войска. И то будетъ много, если возьмемъ въ соображеніе малочисленность Русскихъ и Половцовъ; впрочемъ усилъ послѣднихъ объяснятся, если прочтемъ извѣстіе Татищева (II, 192), что Володарь, узнавши о прибытіи Давида и Бояна, сдѣлалъ, съ своей стороны, вылазку изъ Перемишля и ударилъ на станъ королевскій; это окончательно разстроило Венгровъ.

129) Сутейскъ — подобныя названія мѣстъ встрѣчаются теперь, но вдалекѣ отъ описываемой сцены дѣйствія; Червень — полагаютъ нынѣшнее мѣстечко Червоногородъ, въ Чортковскомъ округѣ, при рѣкѣ Даурошъ, впадающей въ Днѣстръ.

130) Выгошевцы, жители города Выгошева. Указываютъ теперь подобнозвучащія мѣстности; изъ нихъ можно принять къ соображенію только деревни Выжовку и мѣстечко Выжву въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губерніи.

131) Причиною такой оплошности Давидовой у Татищева полагается надежда его на слово Святоши. Удивительно, какъ всѣ эти князья безпрестанно нарушали свои клятвы и все еще надѣялись на нихъ.

132) Полагаютъ это мѣсто на рѣкѣ Вѣтъ, Журн. Мин. Внут. Дѣлъ. 1849, № 6.

133) Нѣтъ никакого основанія читать: въ Бужскомъ острогѣ вмѣсто въ Бужскѣ, въ острогѣ; Бужскъ встрѣчали мы прежде безъ прибавленія — острогъ, притомъ же Острогъ находится подлѣ городовъ, данныхъ Давиду — Бужска, Дубна и Черторыйска. Дубно, городъ Волынской губерніи, Черторыйскъ — мѣстечко той же губерніи, Луцкаго уѣзда, на рѣкѣ Стырь.

134) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 100: Усрѣтоша бо мы слы отъ братья моего на Волзѣ, говорить Мономахъ, рѣща: «потъсился къ намъ, да выженемъ Ростиславичи и волость ихъ отънимемъ; аже ли не помедимъ съ нами, то мы себе будемъ, а ты собѣ.» И рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы и нти, ни креста переступити.»

- 135) Тамъ-же, стр. 116: Въ лѣтѣ 6608. Выше Мстиславъ отъ Давида на море, мѣсяца июня въ 10. Тамъ-же мѣсяци (нагай: лѣтѣ). братья створили мръ мори собомъ, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ, Олегъ, въ Увѣичихъ, мѣсяца августа въ 10 (14) день. То-гоже мѣсяца въ 30, томъ же мѣотѣ, братья вси синашася... и яридо къ князю Игоревичу Давидъ.—Нѣтъ слѣд. никакого основанія думать, что князья собрались 10 августа и до 30 дожидались Давида.

- 136) Никон. II, 32: И начаша посылати до Давида Игоревича, любовию задати его къ себѣ, и общешающе ему столичный градъ Володимера.

137) И ятъ и на Нурѣ; рѣка владющая въ Бугъ въ Гродненской губерніи.

- 138) Братья его—Вячеславъ Ярополчичъ умеръ въ 1104 году.

139) И Устьѣ лажме.—Въроятно устье Трубежа.

140) Задомъ, а не за домъ, какъ напечатано въ Пол. Собр. I, 99.

141) На лѣвомъ берегу Днѣпра, недалеко отъ Переяслава, быть можетъ вытѣнное село Сальковъ.

- 142) Подробности одного и того же событія рассказаны въ Лавр. описаніи подъ 1103 годомъ, а въ Ипатьев. отнесенн къ 1111.

143) Урядный городъ Полтавской губерніи.

144) Тамъ-же, II, 206.

- 144) Воскрес. I, 254.

146) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 155.

147) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3: Подъ 1108 годомъ: «Идоша въ Ладолгу на войну».—Подъ 1111: Ходи Мстиславъ на Очелу. Эта Очела есть Отела, Чудское племя, упоминаемое въ 1229 году въ договорѣ между Дерптскимъ Епископомъ Германомъ и Нѣмецкимъ Орденомъ; см. Шегрена — Ueber die ältesten Wohnsitze der Letten, стр. 312.—Подъ 1112: Побѣди Мстиславъ, на Бору, Чудь.

- 148) Татищ. II, 199: Борюкъ Всеславичъ. Полоцкий ходилъ на Ятвиговъ и побѣди ихъ, возвратись, поставилъ градъ Борисовъ въ оубо-нми, и людьми населилъ. Въ 1106 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120): Побѣдима Змигѣла Всеславичъ, всю братью, и дружины убиша 9 тысячъ. Подъ 1112 (II, 3): Ярославъ ходи на Ятвиговъ, смятъ Святополча, и побѣди я.

- 149) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 119; годъ 1110: Биса Ярославъ съ Мердвиею, и побѣдошъ биса Ярославъ. Въ Новгород.: Побѣдима Ярослава Мордва Муромъ.

150) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 115.—По Никон. (II, 33) и Татищеву (II, 191) и второй сынъ, Ярославъ былъ также отъ этой

наложницы; быть можетъ, уменьшительныя: Мстиславецъ, Ярославъ, какъ ихъ называли; указывали на ихъ происхождение.

151) Татищ. II, 211: Сей великій князь былъ ростомъ высокъ, сухъ, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрѣніе остро. Читатель былъ книгъ, и весьма памятенъ, за многая бо лѣта бывшая, могъ сказать, яко написанное; болѣе же ради мало зл, и весьма рѣдко, и то по нуждѣ для другихъ упивался; къ войскамъ не былъ охотникъ, и хотя на коге скоро осердился, но скоро и занимовалъ; при томъ весьма сребролюбивъ былъ и скупъ, для котораго жидамъ многіе предъ христіанами вольности далъ, чрезъ что многіе христіане торгу и ремеслѣ лишились. Наложницу свою погубилъ жену, и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и много ей слушая, отъ князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ; и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, тобъ давно Кіева Святославичами лишеть былъ. — У Татищ. (II, 156) къ княженію Святополкову относится походъ на Корсуницъ: «Корсуныяне, напавъ на Русскіе корабли, разбили и многое богатство пограбили, о чемъ Святополькъ и Владиміръ послали къ царю Алексію просить и къ Корсуныянамъ, но не получили достойнаго награжденія, для котораго Владиміръ съ Давидомъ Игоревичемъ и Ярославомъ Ярополчицемъ имѣющимъ войска Святополковы, къ тому же взявъ Торковъ и Козаровъ, пошелъ въ Корсунь, и сошедши съ войскамъ Корсунскими у града ихъ Кафы побѣдилъ, по которомъ Корсуныяне, заплатя всѣ убытки Владиміру, миръ испросили.» — Здѣсь Татищ. смысляетъ на Степенныя, Стрѣйковскаго и рукописъ Волнскаго.

152) Патер. Печер. листъ 141, 144, 145.

153) Ср. послѣ слово Ольговичей Давидовичу о волостяхъ.

154) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 4: Съзвѣтъ створиша Кіеве, яослаша къ Владиміру, глаголюще: «пойди, Княже, на столь отес и дѣдѣнъ.» — Татищ. II, 211: По смерти его (Святополка) Кіевляне сошедши къ церкви св. Софїи, учинили совѣтъ о избраніи на великое княженіе, на которое безъ всякаго спора всѣ согласно избрали Владиміра Всеволодича. — При этомъ прибавляетъ въ примѣчаніи (359): Сіе избраніе Государя погрѣшно внесено; ибо по многимъ обстоятельствамъ видимъ, что силы Кіевлянъ въ томъ не было, и брали сущіе наследники по закону или по зѣвѣтамъ или силою. — Вотъ лучшее донавательство добросовѣстности Татищева: ему не нравился фактъ избранія, и однако онъ оставилъ его въ текстъ.

155) Татищ. II, 212.

156) См. выше, примѣч. 16.

157) Татищ. 213; *Завѣтъ* читаемъ, что Владимиръ созвалъ вѣтвей, и на общемъ совѣтѣ положили выгнать Жидовъ изъ всей Русской земли. Этому извѣстію противорѣчитъ извѣстіе лѣтописи подъ 1124 годомъ (Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 10) о пожарѣ, во время котораго погорѣли въ Кіевѣ и Жиды.—Впрочемъ прежнее мѣсто жительства Жидовъ могло долго удерживать ихъ имя.

158) Теперь уздннй городъ Минской губерніи.

159) Полтавской губерніи, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на р. Сулѣ, не далеко отъ устья ея въ Днѣпръ, находится старинное мѣстечко Жовниць, или Жолниць.

160) По Татищеву (II, 222) Глѣбъ началъ опять воевать Новгородскую и Смоленскую волости; Владимиръ послалъ на него сына своего Мстислава, который и отнялъ у него Минскъ.

161) Никон. II, 53: Баше бо негодуя внуку его Ярославецъ Мстиславу дщерь.

162) По свидѣтельству анонимаго автора Vitae S. Ottonis (Ludwig, Script. rer. Bamberg. p. 649—50) передъ бракомъ этимъ была война у Святополка съ Болеславомъ; если это извѣстіе вѣрно, то поводомъ къ войнѣ должно положить дѣло племянника Святополкова, Ярослава Ярополчича, которое велось на Польскихъ границахъ, и тутъ могли возникнуть непріязненные столкновенія.

163) Збигнѣвъ, изгнанный Болеславомъ съ помощію Ярослава, нашель однако убѣжище при дворѣ святополка Кіевскаго и былъ примиренъ имъ съ братомъ: Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 120; подъ годомъ 1106: Въ то же лѣто прибѣже Избгнѣвъ къ Святополку.

165) Татищ. II, 219. Что это извѣстіе Татищева справедливо, доказательствомъ служатъ слова Мономаховы въ лѣтописи: «свеля ему къ собѣ приходити, когда ты позову» ясно, что прежде Ярославъ не приходилъ на зовъ.

165) Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 9: Володаря яша Ляхове лестью, Василькова брата, Roerpell—Geschichte Polens, I, 266.—Жур. Мин. Нар. Просв. 1836, № 10.

166) Мы видѣли, что и прежде такіе дѣла обыкновенно поручались иностранцамъ, Варягамъ, Торкамъ; вспомнимъ убіеніе Ярополка Святославича, св. Глѣба, ослѣпленіе Василька. Въ Ипатьев. спискѣ не сказано, откуда вышли два Ляха; въ Воскрес. (I, 263) сказано, что изъ города; въ Никон. II, 55, что граждане, вышедши изъ города, убили Ярослава.

167) Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 130, 131.

168) Тамъ же, II, 8.

169) Воскрес. I, 258.

170) Князь напр. Давидъ заточенъ называють Юри Долгорукого сномъ Великаго Царя Владиміра.

171) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 9: Ведена Мѣстиславна въ Греки за царь: царемъ былъ тогда Іоаннъ Комненъ, слѣд. напрасно обвиняеть Карамзинъ Татищева за поставленіе здѣсь императора Іоанн; если кто ошибся, такъ лѣтописецъ, а не Татищевъ. — Что же касается здѣсь зятя Мономахова и сыни Діогенова, то его должно отдѣлать отъ самозванца, о которомъ говорить Анна Комнина: по ея словамъ обманщикъ былъ сосланъ въ Херсонъ, освобожденъ оттуду Половцами, привелъ послѣднихъ во Фракію, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ въ 1096 году. Это событіе знаетъ и наша лѣтопись: подъ 1095 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 97): Идоша Половци на Греки съ Девгениевичемъ (Діогеновичемъ), воевали по Греческѣй землѣ; и я царь Девгенича, и повелѣ и слѣнати.— Относительно присылки даровъ Мономаху см. разсказъ Густинской лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 290), гдѣ прино сказано, что прислалъ ихъ Мономаху царь Алексѣй Комнинъ; въ другихъ же лѣтописяхъ, также позднѣйшаго составленія, ошибкою вмѣсто Алексѣя Комнина поставленъ Константинъ Мономахъ, давно уже умершій, точно такъ какъ крестнымъ отцемъ св. Ольги вмѣсто Константина Багрянороднаго поставленъ Цимисхій. Ошибку доказываетъ здѣсь то, что всѣ лѣтописи согласно помѣщаютъ присылку даровъ послѣ Фракійскаго войны, во время старости Мономаховой, а не младенчества его; слѣд. нѣтъ возможности на этой ошибкѣ строить какія либо новыя предположенія.

172) Придоша къ Выру (Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 4). Старые Выры, на границѣ Курской и Харьковской губерніи.

173) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 5.

174) Портретъ Мономаха у Татищева (II, 229): лицомъ былъ красенъ, очи велики, волосы рыжеваты и кудравы, чело высокое, борода широкая, ростомъ не велики великъ; крѣпкій тѣломъ и слономъ велики, въ воинствѣ весьма храбръ и хитръ на устроение войскъ, многихъ враговъ своихъ побѣдилъ и покорилъ, самъ же единою токою у Триполи побѣжденъ былъ, о чемъ никогда упоминать не могъ, частію отъ жалости по утопленъ тогда братъ Ростиславъ, котораго весьма любилъ, частію отъ стыда, что несорядкомъ Святополковымъ къ тому приведеаъ.»

175) Никон. II, 58.

176) Татищ. II. 231: Черниговскіе князи весьма тому Мстиславу возмешствію на престолъ зазрили, поставили себи старѣйшими, ко

Идея храбрость и великой уиъ Мстиславъ съ молчаніемъ оставилъ, понеже не былъ никто въ состояніи противорѣчить ему.

177) Но, какъ видно, Мстиславъ, будучи переведенъ отцемъ изъ Новгородъ въ Бѣлгородъ, считался княземъ Переяславскимъ по старшинству стола, а сидѣлъ въ Бѣлгородѣ для того только, чтобъ быть поближе къ отцу. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: Въ тоже лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новгородъ, и да ему Переяславъ по хрестьному цѣлованью, яко же си быше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повелѣнью, яко же быше ималъ Переяславъ съ Мстиславомъ.

178) Мономахъ въ письмѣ къ Олегу говоритъ: «Да то ти сѣдигъ сынъ твой хрестьный (Мстиславъ) съ малымъ братомъ своимъ (Юриемъ).

179) Рѣка въ Харьковской губерніи, впадающая въ Сеймъ.

180) Впадающій въ Вырь.

181) Татищ. II, 235.

182) По Татищеву (II, 263) это былъ омиъ Давида Игоревича. Городно считаютъ мѣстечкомъ Минской губерніи Пинскаго уѣзда.

183) Неизвѣстно сынъ какого Ярослава — Святополковича или Ярополковича; Карамзинъ думаетъ, что перваго. Этотъ женился въ 1112 году (Полн. С. Рус. Лѣт. II, 3): положимъ, что Вячеславъ былъ первенецъ и родился черезъ годъ — и тогда въ 1127 году было ему только 14 лѣтъ.

184) Въ Борисовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гойнѣ, впад. въ Березину. — Грудкъ — мѣстечко Могилевскаго уѣзда на рѣкѣ Дручѣ.

185) Потомъ же и Новгородци придоша съ Мстиславичемъ со Всеволодомъ къ Неколючу. — Селеніе Неключъ Витепской губерніи, Люпельскаго уѣзда, въ 19 верстахъ отъ Делепа.

186) Конечно Рогволода Всеславича, а не Борисовича, потому что нельзя было взять сына мимо отца, а Борисъ умеръ послѣ.

187) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 15: Зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовишеть въ Рускую землю на помощь, ю паче молваху Боникомъ шелудивому во здорově,» объясняется такъ у Татищева (II, 240): Полоцкіе съ ругательствомъ отказали, загола: «Ты съ Боникомъ шолудикомъ здравствуйте оба, и управлайесь сами, а мы нибѣмъ дома что дѣлать.»

188) Татищ. II, 241: Императоръ же, принявъ ихъ, опредѣлялъ имъ должное на содержаніе, и послалъ въ войско, бывшее противъ Французъ, гдѣ они съ похвалою служили, въ Полоцкъ же Мстиславъ предѣлялъ сына своего Вяслава.

189) Полтавской губерніи, Ширятинскаго уѣзда, мѣстечко Полствня.

190) Sjögren — Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, p. 312.

191) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132: И сядѣ по немъ братъ его Ярополкъ, княжа Кыевъ: люде бо Кияне послаша понѣ.

192) Тамъ же: Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новгородѣ, и да ему Переяславль по крестьному пѣлованью, яко же ся бѣше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отаю повеленю, яко же бѣше вѣи дадѣ Переяславль съ Мстиславомъ. —

193) Тамъ-же. И посла по другаго Мстиславича въ Полтескъ, и приведе и съ клятвою.

194) Никон. II, 67.

195) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132: И дошедѣ Городна веротися опять.

196) Никон. II, 67.

197) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13: То же все ся створи, еже выгна Гюрги Всеволода изъ Переяславля, а потомъ Изяслава выгна Вячславъ, а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячеславъ изъ Турова, а они приступиша къ Ольговичемъ.

198) Татищ. II, 249: Юрій Владиміровичъ, Князь Ростовскій и просилъ у брата Ярополка Переяславль, и вмѣсто того Ярополкъ далъ Ростовъ и Суздаль, яко не со всею областію, которымъ Мстиславичи племянники ихъ оскорбились, представляя, что Переяславль имъ по клятвенному обѣщанію Ярополкову надлежитъ, и они вмѣсто некоего Вячеславу за просьбу ихъ уступили и просили, чтобы имъ Переяславль возвратить, или Ростовъ и Суздаль, яко прежній отца ихъ удѣлъ, имъ отдать совсѣмъ; но видя что дядя ихъ не слушаютъ, просили о помощи зятя своего, Всеволода Ольговича Черниговскаго.

199) Тамъ въ Ипатьев. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13); въ Лавр. (тамъ-же, I, 132): Тое же зимы придоша Ольговичи съ Половци, и взяша Городецъ и Нѣжатинъ, и села пожгоша, и Баручи пожгоша.—Подъ Нѣжатинымъ указываютъ здѣсь вымышленный Нѣжинъ; но на это справедливо возражаютъ, что по дѣтописи мѣсто дѣйствія должно находится подлѣ Кіева, и Городецъ тотъ самый, который находился противъ этого города. Не знаемъ, почему думаютъ, что этого Нѣжатины не должно смѣшивать съ Нѣжатиной Нивой: въ разсказахъ подлѣ 1073 годомъ вовсе не слѣдуетъ, чтобы Нѣжатины Нивы вѣпрямѣнно должна быть подлѣ Чернигова: Ярославичи воевали противъ племянниковъ отъ Чернигова, могли встрѣтиться съ ними въ Переяславской волости; что же касается до названія, то Нѣжатины очень могъ называться Нѣжатины Нива, какъ Угличъ назывался Угличе Поле. Максимовичъ указываетъ Нѣжатины въ хуторѣ Нѣжатины, близъ села Гибдина (Москвит. 1854 г. № 1).

200) Татищ. II, 248.

201) И тако изымана в держаше стигъ Ярополчъ. Сгзд. Ярополкъ въ бѣгствѣ своемъ оставилъ даже стигъ свой въ рукахъ враговъ, а между тѣмъ Кіевскій лѣтописецъ очень испуточно ослабилъ поражение своего Князя: «Видѣвше же братья вса, Ярополкъ, Вячеславъ, Гюрдъ и Андрей, полкъ своя възметени, отъѣхаша въ свои.»

202) Этими опредѣляется спорное положеніе Вышгорода относительно Кіева; чтобъ стать противъ Вышгорода, Всеволоду, идущему на сѣверъ отъ Суноя, нужно было перейти Десну.

203) По Ипатьев. «Почаша воевати отъ Триполя около Красаа и Васильева и до Васильева и до Благорода, или же до Кіева и по Желанъ и до Вышгорода и до Деревъ, и чрезъ Лыбедь стрѣлахуса». «Красное на рѣкѣ Краснѣ, впад. въ Дивиръ у Триполя; Васильевъ, мѣстечко къ югозападу отъ Краснаго и Триполя.—По Лавр. «Ваша Триполь и Халенъ пуста.» Халепъ—нынѣ Халенце и Холопье въ 53 верстахъ отъ Кіева между Трипольемъ и Стайками.

204) Ходячо межъ ими честиному Михаилу Митрополиту съ крестомъ.—У Татищева митрополитъ выставленъ главнымъ виновникомъ мира.

205) И тако утѣши благоумный Князь Ярополкъ брань ту лютую.

206) Теперь мѣстечко Моровскъ Остерскаго уѣзда Черниговской губ.

207) Пол. Соб. Рус. Л. I, 133: И посемъ намы створиста миръ Ярополкъ со Всеволодомъ Ольговичемъ, и дары многы межю собою даеше.

208) Тамъ же III, 4: Въ се же лѣто (1117) преставися Добрыня, посадникъ Новгородскій.—Въ лѣто 6626 (1118). Преставися Дмитръ Завидицъ Посадникъ Новгородскій, посадницавъ 7 мѣсяць одну.

209) Тамъ же, IV, 2.

210) Тамъ же, III, 5: Оженися Мстиславъ Кіевъ, поя Дмитрову Новогородъ Завидица.

211) Тамъ же, стр. 6: И придоша Пльсковичи и Ладожане Новугороду, и выговинша Князя Всеволода изъ города.—Здѣсь собственно должно понимать, что Псковичи и Ладожане были преимущественно виновниками изгнанія Всеволода; но отъ лѣтописца нельзя требовать такихъ точностей при необыкновенно свободной конструкціи, какую онъ обыкновенно употребляетъ.

212) Татищ. II, 241.

213) Рѣка Дубна, впадающая въ Волгу ниже города Корчевы, въ Тверской губерніи.

- 214) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 4.
- 215) Тамъ же, III, 8: И слышавше Князь и князько на пути, слышавшася на Дубровьнѣ. — Въ Порковскомъ уездѣ на болыиѣ дорогѣ изъ Новгородѣ есть погостъ Дубровно или Дубровка, на рѣкѣ Удехѣ, впад. въ Шелонь.
- 216) Тамъ же, стр. 6; Татищ. II, 246.
- 217) Воскрес. I, 276. Некоторые изслѣдователи, изъ словъ: «и отецъ нашихъ завѣщанію» выводятъ, что былъ договоръ между Монахомъ и Олегомъ, по которому послѣдній отреченъ отъ Князя за себя и потомство. Правда, что завѣщаніе въ древности имѣлъ князь употребляется въ смыслѣ договора, однако скорѣе нѣкогда здѣсь разумѣть обычай предковъ, по которому сынъ не могъ наследовать старшинства, если отецъ его не былъ старшимъ; тѣмъ болѣе, что Изяславъ прямо называетъ на Черниговъ, отчину Всеволода: послѣдній, по означенному обычаю, могъ быть старшимъ только въ племени Святославовомъ, владѣть Черниговомъ какъ отчиною, а никакъ не Кіевомъ.
- 218) Татищ. II, 259.
- 219) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 15.
- 220) Татищ. II, 259.
- 221) Тамъ же, стр. 261. У Татищева сказано, будто Изяславъ узнавши, что зять хочетъ схватить его, и потому онъ не поѣхалъ къ нему въ Кіевъ.
- 222) Деревня Карань, въ 5 верстахъ отъ Переяслава, на Трубожѣ.
- 223) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17: Въ то же время Всеволодъ, разлучивъ съ братомъ своимъ, и да ему Бѣльгородъ. — Это нѣсколько подозрительно: разлучивать съ братомъ своимъ не имѣетъ смысла, необходимо предположить здѣсь еще третье лице, кромѣ Всеволода и Святослава; это предположеніе необходимо и въ слѣдствіе ссылки и, поставленнаго послѣ дѣячествія; это третье лице очень можетъ быть Игорьъ.
- 224) Мѣстечко Гродненской губерніи, Кобринскаго уѣзда.
- 225) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 18: И взъ около Гомія волость ихъ всю.—Гомій (Гомель), мѣстечко Могилевской губерніи, Бѣлинскаго уѣзда.
- 226) Городецъ Остерскій или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Долгорукому Ростовскому, и отнятый у него недавно Всеволодомъ; Рогачевъ, уѣздный городъ Могилевской губерніи; о Рогачевѣ Владиміромъ нѣльзя думать, потому что между Святославичами дѣло шло о дѣлѣ Турово-Пинскаго княжества, приобретеннаго темеръ

нижею властью переселенія Вячеслава въ Пуриславль; Всеволодъ и дзеть Туровскіе города или Черниговскіе, за нимъ оставались, а Волынскихъ онъ не могъ отдавать: они принадлежали Мстиславу Мстиславичу; Чарторыскъ могъ находиться на границахъ Владимирскаго княжества съ Туровскимъ и принадлежать къ послѣднему.

227) Вишня, село Орловской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Брянца; есть два села Воршиныхъ въ Могилевскомъ уездѣ.

228) Я ставлю Ростислава старшимъ, потому что ему достался старшій столъ — Перемишль; тогда какъ Владимиру достался Звенигородъ, по извѣстію Стрыйковскаго.

229) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17, подъ годомъ 1141: Преставися у Галичи Васильковичъ Иванъ, и приа власть его Володимирю Володаревичу, оуде въ обую волостью княжа въ Галичи.

230) Изъ многихъ Звенигородовъ вѣроятнo здѣсь и въ другихъ мѣстахъ разумеется тотъ, который находится подъ Львовымъ въ Бережанскомъ округѣ. Вотъ опущенныя въ текстъ подробности дѣтписныя по Лавр. списку, который здѣсь исправилъ Ипатьевскаго: И не могоша битися, зане бышетъ межи нма рѣка Сереть, идоша обомъ подлѣ рѣку, за недѣлю, къ Звенигороду: и на Рожнѣ полѣ не могоша ся бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ горахъ. Приде же къ нему (т. е. Всеволоду) Нязлавъ Давыдовичъ съ Полевни, переимъ два города, Ушицю и Микулинъ. И иде Всеволодъ къ Звенигороду, и ста по сей сторонѣ города, а Владимиръ объ ону страну, ошедъ съ горы, а межи ими рѣка мелка, и повелѣ Всеволодъ чинити гати, комуждо своему полку; и заутра перешоша рѣку и ваяша горы за Володимеромъ. Володимеръ же мня, ако къ нему идуть, ста исполчивъсь передъ городомъ на болоньи. Симъ же полкомъ не лѣзъ бжше битися съ ними, тѣслоты ради, зане болота пришла ноли подъ горы; тѣмже вандоша Русскыи полцы на горы, и зайдоша и отъ Перемишля и отъ Галича. — Касательно мѣстностей — Микулинъ теперь находится въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ, на рѣкѣ Середѣ, слѣд. и Ушица должно быть нынѣшнее селеніе Ушия, въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, близъ городка Бѣлий-Камень, въ верховьи западнаго Буга, не вдалекѣ отъ верховья Серета. — Г. Погодинъ возражаетъ противъ этого (Наслѣдов. Т. IV, стр. 168): «Какимъ образомъ Нязлавъ Давыдовичъ могъ зайти съ этой стороны?» Но если г. Погодинъ затрудняется тѣмъ, что Нязлавъ, для взятія города, на верховьи Серета, зашелъ слишкомъ далеко съ сѣвера, то почему не затрудняется предположить, что Черниговскій князь зашелъ слишкомъ далеко съ юга, если дашгася, дакъ онъ думаетъ, отъ Ушицы Подольской къ Теребовлю? Гораздо легче, по нашему мнѣнію, предположить, что онъ шелъ съ Полев:

цами по степной Украйнѣ Киевскаго княжества, и прямо вошли въ Галицію владѣти при верховь Середи, а не дѣлать прѣказа отъ Вышницы къ Ушицѣ и отъ Ушици къ Теребовлю. — Между верховьямъ западнаго Буга, Середи и Стыря есть и теперь селеніе Рожня, близко отсюда находится и мѣстечко Гологоры.

231) Вышедшо Володимеру въ Тисминичю, на лавы. — Горы Тисмянница, на правомъ берегу рѣки Ворони, недалеко отъ Ставслава.

232) Слѣд. Иванъ Ростиславичъ княжилъ въ Звенигородѣ, а не былъ изгнанъ, или лишенъ законнаго наслѣдства, какъ говоритъ Карамзинъ; изъ лѣтописа видно только, что Владимірко не поддался съ племянникомъ Теребовльскою волостію; см. выше примѣч. 229.

233) Теперь Прилуки, большое мѣстечко въ Бердичевскомъ уѣздѣ Киевской губерніи.

234) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 8: И послалася Новгорожи Киеву по Святослава по Ольговици, заходивъше ротѣ.

235) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 19. Того же лѣта (1142) оти Всеволодъ дщерь свою Звениславу въ Ляхи за Болеслава. — Наши историки сочли этого Болеслава за Кудряваго, брата Владиславова; но у Татищева (II, 264) Болеславъ показанъ сыномъ Владиславичемъ, чѣмъ и объясняется постоянный союзъ Всеволода съ Владиславомъ противъ младшихъ братьевъ послѣдняго. Владиславъ называется въ лѣтописи зятемъ Всеволодовымъ: это заставило историковъ предположить, что и за Владиславомъ была также дочь Всеволода: но кромѣ того, что они заставили двухъ родныхъ братьевъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ, они заставили Владислава имѣть двухъ женовъ въ одно время. Дѣло въ томъ, что или лѣтописецъ смѣшалъ отца съ сыномъ, что очень легко предположить, или слово зять употребилось въ старину въ значеніи также свата, какъ употреблялось въ значеніи жениха.

236) Теперь есть мѣстечко Визна въ Августовской губерніи окрестн Польшаго, при слияніи Бобра съ Наревомъ.

237) Селеніе Малютенцы въ 20 верстахъ отъ Пирятива.

238) У Татищева читаемъ о Всеволодѣ: (II, 284): «Сей великій Князь ростомъ былъ мужъ великъ и великъ толстѣ, власовъ нмѣ и главъ нмѣлъ, брада широкая, очи не малые, носъ долгій, мудръ былъ въ совѣтахъ и судѣхъ, для того кого хотѣлъ, того могъ оправдать или обвинить. Много наложницъ нмѣлъ, и болѣе въ веселѣхъ, нежели расправахъ, упражнялся. Черезъ сіе Кіевляномъ отъ него чуждость была великая, и какъ умеръ, то едва кто по немъ кромѣ бабъ любилыхъ заплакалъ, а болѣе были рады, но притомъ болѣе еще тѣлостя отъ

Игоря, видя его правъ смирный и гордый, опасался.» Въ самомъ дѣлѣ въ дошедшихъ до насъ спискахъ летописей нѣтъ похвалы Всеволоду, и нѣтъ упоминенія, чтобъ объ немъ плакали.

239) Воскрес. I, 283.

240) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 23: «Ты нашъ Князь, повѣди, Ольговичъ не хочешь быти зди въ задичи.» — Задича — наследство; см. статью Проф. Неволина, въ Ж. М. Н. Пр. 1851, N 2. — Города Дерновъ Максимовичъ полагаетъ на правомъ берегу Роси, гдѣ теперь село Дерениновъ; помянутой городъ Дверенъ онъ считаетъ за одно съ Дерновымъ. (Москвит. 1854 г. N 1).

241) Должно быть тѣ, которые Всеволодъ отдалъ братьямъ.

242) Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два неизвѣстныхъ. Котельница на рѣкѣ Гунвѣ въ Житомирскомъ уездѣ; не далеко отъ нея находится Межибожь; Бужска должно искать на берегахъ рѣки Божекъ или Бужекъ, соединяющейся съ восточнымъ Бугомъ у Межибожа.

243) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120: Идѣ Володимеръ (Мономахъ), и Давидъ; и Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створища миръ; и поя Володимеръ за Юрья Аепику дщерь, Осеневу внуку, а Олега поя за сына Аепику дщерь, Гиргеневу внуку. (1107 г.).

254) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 25. И тогда съ полку прибоже въ нему Иванъ Берладникъ. — Мы думаемъ, что должно читать: съ полкомъ или у полку.

245) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28, Давидовича идоста дѣ Аьбраниску (Бранску), а Всеволодовичъ Святославъ въ Кораченъ, и посла Козельску ко Святославу стрѣви своему, рекъ ему: «Изаславъ ти Мстиславичъ пошелъ Кмеву, а Давидовичи съ Смоленскимъ Ростиславомъ хочета ити не тобѣ.»

246) Кіевляне называютъ Ольговичами вообще всѣхъ Святославичей, потому что фигура знаменитаго Гориславича выдавалась въ ихъ воображеніи на первый планъ; Давидъ вовсе не былъ столь вѣдущимъ.

247) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 33. Кіевне же рекоша: «ради, еще имъ Богъ тебѣ небавилъ отъ великия дѣсти братью нашу.» Дѣбшитами подробности объ Игорѣ Ольговичѣ см. у Татищева, II, 312: здѣсь обнаружены причины вражды къ Ольговичамъ. — О характерѣ и наружности Игоря тамъ же, стр. 313: «Сей Игорь Ольговичъ былъ мужъ храбрый, и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей и птицъ, читатель книгъ, и въ кѣни церковномъ учень. Члнъ священнической мало нечиталъ, и постовъ не хранилъ; того ради у народа мало любивъ былъ, ростомъ былъ средней и сухъ, смуглъ лицомъ, власи

подъ обычай, какъ попъ, носить долги, брада же ушка и мала. Изъ же въ монастырѣ былъ подл стражею, тогда прилжико устави иа ческіе хранилъ.»

248) Теперь село Сиволожъ, Черниговской губерніи, въ Боранинскомъ уездѣ.

249) Полн. Собр. русск. Лѣт. II, 36: Слншавше нмы гради, Умѣтжъ, Беловежа, Бохначъ, оже Воеволожъ взятъ, и побѣгоше Чернигову, и ннн гради нкози бѣжаша. Бѣлая Вѣжа—въ Черниговской губерніи, Боранинскомъ уездѣ, при верховьяхъ Остра; Бохначъ, и Ковотопскомъ уездѣ, у верховьевъ рѣчки Борани. Положеніе Умѣжеа необьяснено удовлетворительно.

250) Воеваша Брагннъ.—Мѣстечко Брагннъ, Мнвской губерніи Рѣчицкаго уезда.

251) Заи городождь Огень у Ннзслава.—Здѣсь Огень есть прнмѣгательное — отповскій. Мы видѣли, что Всеволодъ Ольговичъ отпнхъ этотъ Городецъ у Юрн; къ Ннзславу онъ перешелъ вѣроятно въ то время, когда этотъ Кнзъ находился въ союзѣ съ Давыдовичами противъ Ольговича, или, быть можетъ, былъ взятъ нмъ у Давыдовичъ уже при разрывѣ, когда были взаты Курскъ съ Песемьенъ.

252) Въ Лавр. свнскѣ упоминается разъ о помышнн Глѣба и Черенславль: «послушавъ Жирослава, речеца ему: полди Переславлю; хотятъ тебе люде; онъ же послушавъ его, приде къ Переславлю вборзъ.»—Это извѣстіе помѣщено въ началѣ 1148 года; въ Ннннскѣ почти въ тѣхъ же словахъ помѣщено оно въ концѣ 1147 гон; но потомъ подл 1148 годождъ, послѣ извѣстнѣ о походѣ Ннзслава Мнстиславнча на Черннговъ, помѣщено оный извѣстіе о покушнн Глѣба на Переславль, въ существенныхъ чертахъ слѣдующее съ верымнъ: «Въ то же время свѣщався Гюргевичъ Глѣбъ съ Переславлю, и ѣха къ нмъ изъ Горожда; увѣдавъ же Мнстиславъ Ннзславнчъ, оже идеть нанъ, изыде противу полкомъ своимъ съ Переславлю, Глѣбъ же узрѣ, оже идеть нанъ Мнстиславъ, Глѣбъ же бѣше шолъ, и рече: прельстнли ма Переславлю, не тернн противу стати, не ѣкоча; онн же постигаше дружину его нвошаша, а дружинъ нбоша, и Станиславнча ту яша и казннша казнью злою, и нмъ нкози нвошаша, а самъ Глѣбъ убѣжа у Горождождъ, и не свернн въ нонъ бннъ, бѣжа къ Черннгову.»—Мы думаемъ, что это два извѣстнѣ объ одномъ и томъ же событнн.

253) И прншелъ ста на Олговъ поимъ.—Теперь къ 8 верстамъ отъ Черннгова находятся два хутора: Лыговъ и Лыговскій.

254) Оли и до Болоевова.—Теперь село Старнй Валовецъ въ 6 верстахъ отъ Черннгова.

255) Ибо можно, что о Вячеславѣ даже не упоминаеть: такъ невозможно было этого князь въ глазахъ родичей.

256) Приводъ Ростислава Юрьича въ разныхъ спискахъ лѣтописей описанъ различно. Ипатьевскій списокъ говоритъ, что Ростиславъ пришелъ, раскотерався съ отцемъ своимъ, который недалъ ему волости. Но иначе рассказываетъ Лаврентьевскій списокъ: «После Ростиславъ Георгиевичъ изъ Сумдала съ дружиною своею, въ помощь Олговичамъ, на Имаслава Мстиславича, пославъ отъ отца своего. И судилавъ Ростиславъ съ дружиною своею река: либо си ся на мя оиду гнѣвати, не иду къ воротомъ своимъ, то суть были ворота и кѣду моему и строемъ моимъ, но поидѣмъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть ми волость; и пославъ къ Изяславу.» Вероятно Юрій послалъ Ростислава на югъ съ тѣмъ, чтобъ тотъ добылъ себѣ тамъ волость, подобно тому, какъ добытъ волость прежде смиръ его Иванъ, потомъ Глѣбъ; но, пришедши на югъ, и увидѣвши, что дѣла Черниговскихъ идутъ плохо, и что они хотятъ заключить миръ съ Имаславомъ, Ростиславъ заблагоразсудилъ обратиться также въ послѣднемъ, тѣмъ болѣе, что прежде Изяславъ звалъ къ себѣ брата его Глѣба. Такъ могутъ быть согласены извѣстiя обонихъ списковъ.

257) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 39: «Аже братъ Святославъ не врихаетъ, ни сестричичъ твой, азъ есвъ.» — Здѣсь ошибка въ чертѣ; азъ есвъ, должно исправить изъ сноски: «а въ есвъ» — а.м.м. есвы, т. е. а мы тутъ.

258) Въ Лавр. списокѣ этотъ походъ рассказанъ съ отгѣнкомъ, обличающимъ сѣвернаго лѣтописца: «Иде Изяславъ Новгороду, въ помощь Новгородцамъ на Гюрга, а воишь повелѣ по себѣ ити; и поидоша во войъ и похоромама коки у нихъ, и самъ съ Новгородци доидеъ Волги и повоевавъ ю, и не успѣ ничтоже Гюргска, и доидеъ Умлеца поля поворотися Новгороду.»

259) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43: «Поидите со мною; атъ ми си добро съ ними отъ силы мирити.»

260) Читатели припомнятъ сказанное въ первой главѣ о томъ, почему племянники отъ старшаго брата считались братьями дядькамъ своимъ.

261) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 41: И бысть леть въ Переяславчехъ, рекуче: «Гюрги намъ Князь свой, того было намъ искати и долече,» то рекуче и послѣдша. — Тамъ же III, II: И Переяславци сѣдоша на шить, науденіемъ Гюрга.

262) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 45: Поча ся слати къ Угри азъ зяно своему Королеви, и въ ляхи къ свату своему Болеславу и Мокну и Иадрихови, и къ Ческому Князю къ свату своему Володу-

славу.—За королема Венгерскій была меньшая сестра его Эльроина. Польскіе князья были ему сваты по супружеству племянницы его, дочери Всеволода Ольговича съ Болеславомъ Владиславичемъ, Чешскій князь былъ сватомъ по супружеству брата его Святослава, одной изъ Чешскихъ княженъ, см. Поля. Собр. Русск. Лѣт. III, 6.

269) Мѣстечко Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи.

264) Мѣстечко Волынской губерніи, Дубовскаго повѣта.

265) Корецъ, мѣстечко Волынской губерніи, Новогородскаго уѣзда.

266) За сыномъ Владимировичемъ Ярославомъ была дочь Юрій.

267) Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 52: Володимерь же отъя горю вѣсь, вѣд, и приде къ Лючьску.—Здѣсь вѣд не имѣеть смысла; и Ипатьев. древаѣйшемъ спискѣ стоятъ и да съ пропускомъ кону дану мы возстанавливаемъ текстъ такъ, что Владиміръ отдалъ Погорискии города Мстиславу Юрьичу.

268) Татищ. III, 13; годъ 1149: Половцы, уздавъ о войнѣ Русскихъ князей, пришедшихъ во множество чрезъ Дибирь, градъ Терческъ взяли, и много селеній пожгли и поплывили; но Юрій во икоей клеветѣ гнѣваясь на Черныхъ Клобуковъ, якобы они Изяславу добротствують, въ помощь имъ войскъ не послалъ, за что онъ весьма оскорблясь, послали тайно ко Изяславу гонерать, чтобъ собралъ войско, шель къ Киеву.—Тамъ же стр. 23, годъ 1150: Изяславъ Мстиславичъ послалъ къ Андрею въ Пересовинну просить, чтобъ его съ отцемъ примирили.... Юрій же не толико волюсть по Горю отдать Изяславу не хотѣлъ, но возбѣрдясь, сказалъ приславнику: «Когда Изяславъ не уляжется во Владимирѣ, то я ему дамъ такую же область, какову онъ далъ Игорю.» Сіе слышавъ Киевляне, что Юрій намѣренъ Изяслава погубить, многіе о томъ плакали, и всѣ какъ знатные, такъ подлые Юрія наплаче не влюбили, и тайно стали старатися, чтобъ Изяслава паки на Киевъ имѣть, но илю унннть не могли, токмо тайно нѣкоторые устроили для Юрія различныя увеселенія и пиры со многими пнтіемъ, чтобъ его отъ намѣренія къ войнѣ тѣмъ отвратить, а его войско правдоствію въ слабость привести. Другіе тайно Черниговскими оцносность отъ Юріева амстолюбія и ненависти его вкореняли, по всѣмъ городамъ Юріеву злость и свирѣпость разсѣвали, понося его безпорядочное житіе и правленіе, и со Изяславомъ имѣли пересмыку; но все такъ тайно происходило, что Юрій въ своихъ веселіяхъ ничего увидать не могъ.

269) Годъ рожденія ни Вячеслава, ни Юрія изъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи не можетъ быть съ точностію опредѣленъ; но извѣстенъ годъ рожденія старшаго Мономаховича Мстислава (1076) и самаго младшаго Андрея (1102); если даже предположить, что ол-

дующіе за Мстиславомъ сыновья Мономаха были погодки: Изяславъ род. въ 1077, Ярополкъ въ 1078, Святославъ въ 1079, Вячеславъ въ 1080, Романъ въ 1081, то Юрій долженъ былъ родиться между 1081 и 1102 годомъ; чтобъ Вячеславу быть бородатымъ прежде рожденія Юрія, принимая даже за бородатость время, когда только начинаетъ пробиваться борода (лѣтъ 15), Юрій долженъ былъ родиться въ 1096 году; но въ 1107 году онъ женился, стало быть онъ женился 10 лѣтъ? Братъ его Андрей женился 15 лѣтъ (1117 г.); это нисколько не можетъ затруднить насъ, потому что Константинъ Всеволодовичъ женился 11 лѣтъ; Всеволодъ III отдалъ осьмилѣтнюю дочь свою Верхуславу за Ростислава Рюриковича. Но у Татищева сказано, что Юрій умеръ (1157 г.) 66 лѣтъ отъ роду, значитъ родился въ 1091 году; странно, что у Вячеслава пробивалась борода 10 лѣтъ, или даже 11-ти, если предположимъ что онъ былъ старше Святослава; скорѣе предположить ошибку у Татищева.

270) Владиміръ Андреевичъ вмѣстѣ съ Андреемъ Юрьичемъ, отправился за Дибръ къ Юрію, и вмѣстѣ съ послѣднимъ явился опять на западной сторонѣ Дибры. Послѣ неудачнаго сраженія подъ Кіевомъ на дорогѣ отъ Бѣлгорода къ Руту, Юрій отправилъ Владиміра Андреевича къ Владиміру Галицкому звать его скорѣе на помощь. Посаженный Владиміромъ въ Дорогобужѣ, Владим. Андр. вѣрнѣе хотѣлъ снискать расположеніе побѣдителей и вошелъ въ сношеніе съ Мстиславомъ; впрочемъ, быть можетъ, онъ послалъ ему много вина въ угоду Галицкому князю.

271) См. у Татищ. III, 58.

272) У Татищева (III, 72) условіе міра: Чтобъ Святославъ учиненные убытки Черниговской волости заплатилъ, или два города Изяславу Давидовичу далъ, въ чемъ имъ между собою договориться, отъ Юрія отстать и никакими мѣры съ нимъ не сообщаться.

273) Татищ. III, 81.

274) Выходить, что теперь въ Дорогобужѣ княжилъ уже Владиміръ Мстиславичъ, а Владиміръ Андреевичъ въ Пересопницѣ. Татищевъ говоритъ, что Владиміръ Андреевичъ пріѣхалъ изъ Луцка.

275) Города эти были: Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойница. О положеніи трехъ первыхъ изъ нихъ было упомянуто; есть теперь селеніе Тихомель въ Острожскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ 60 верстахъ отъ Острога; въ томъ же уѣздѣ, на рѣкѣ Горыли есть мѣста—большая и малая Гнойница.

276) Село Голышевъ въ Святославскомъ округѣ.

277) Татищ. III, 77.

* * *

278) Такимъ образомъ Владиміръ Андреевичъ еще разъ перешелъ волость: вмѣсто Пересопницы видимъ его въ Брестѣ.

279) Объ этомъ Вячеславъ си. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 11.

280) Владиміръ родился въ 1132 году, слѣд. въ описываемое время, въ 1152 году ему было только 24 года; въ 1146 году, когда Изяславъ впервые овладѣлъ Кіевомъ, ему было только 14 лѣтъ; но въ этотъ самый годъ мы уже видимъ Мстислава Изяславича начальникомъ вспомогательнаго отряда, который отецъ его послалъ въ Черниговскимъ, младшій братъ его Ярославъ сидитъ на столѣ въ Туровѣ—неужели имъ было тогда меньше 14 лѣтъ? Въ 1144 году сестра ихъ уже вышла замужъ за Полоцкаго князя. О Мачешачѣ си. Т. IV, стр. 170.

281) Татиш. III, 100.

282) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II; 81. Пивъ бо Гюрги въ осмьнака у Петра, въ тѣ день на ночь разболѣся.

283) У Татищева (III, 103) прибавлено, будто Кіевляне приговаривали, побивая Суздальцевъ: «Вы насъ грабили, разорили, женъ и дочерей нашихъ насильствовали; нѣсть намъ братія, но неприятели.»— Тамъ же о наружности и характерѣ Юрія: «Былъ роста немалого, толстый, лицомъ бѣлый, глаза не велики, великій носъ долгій и накривленный, борода малая, великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ; но все оное стояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ.

284) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 32: Изяславъ говоритъ брату Ростиславу: «И къ ротничкомъ ся сля, и въ Рязань, и всяко.»

285) Татиш. II, 322.

286) Что касается до Василя Половчина, Судимира Кучебича и Горьна, упоминаемыхъ подъ 1147 годомъ, то мы не рѣшимся включить ихъ въ дружину Святослава Ольговича; очень вѣроятно, что это были чистые Половцы, изъ которыхъ Василь былъ крещенъ, Судиміръ могъ носить Славянское имя точно такъ какъ русскіе люди иногда носили Половецкія, послѣ Татарскія имена. Вообще должно замѣтить, что если принятіе въ дружину княжескую людей изъ разныхъ народовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ мужи, носившіе нерусскія имена были именно иностранцами; въ противномъ случаѣ мы должны будемъ отна Галицкаго боярина Ивана Халдѣевича произвести прямо изъ древней Вавилоніи.

287) Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году: Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

288) А по Никои. II, 163: воста на него крамола отъ домашнихъ его, и мнози отбѣжаша отъ него въ градъ; а инии явѣ идоша ко Князю Мстиславу Изяславичу.

289) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 86: Ростиславъ бяше поляхъ у Святослава Всеволода, сына его, увѣряя Кіевы и Берендѣвъ, бяху бо не вѣрующе за свое съгрѣшеніе.

290) Татищ. III, 129.

291) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 89: вѣдушю Олгови изъ товаръ на поѣздство.

292) У Татищева прибавлено: «Ростиславъ для пользы Ольговой говорилъ, чтобъ онъ сѣздалъ къ Берендичамъ, и не худо, еслибъ съ ними на Половцевъ сходилъ, дабы тѣмъ оныхъ поприласкать; а клеветникъ Олгу толковалъ, что тамъ его Ростиславъ хочеть поминать.... Ростиславъ не имѣлъ ни какого злаго намѣренія, но отъ любви къ Олгу не хотѣлъ его отпустить (въ Черниговъ), а клеветники злые тѣмъ наиболѣе Олга возмущали.»—Извѣстія очень вѣроятныя, тѣмъ болѣе, что Ростиславъ и призывалъ Олега съ тѣмъ, чтобъ познакомить его съ Торками и Берендѣями.

293) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 90: И снѣшася у Котельничи со Мстиславомъ; и оттуда пойдоша къ Бѣлгороду на Мутижиръ, и быша на Кучари.—Гг. Надежинъ и Неволинъ справедливо полагають, что здѣсь и подъ 1693 годомъ разумѣется одинъ Торческъ, близкій къ Половцамъ, за Росью. Отсюда Рюрикъ соединился съ Мстиславомъ, въ Котельнѣ на Гунвѣ. Потомъ они пошли къ Бѣлгороду на Мутижиръ, или нынѣшній Житомиръ, не вдалекѣ отъ Котельни вверхъ по Гунвѣ, или село Мотижинъ, близъ нынѣшней Бѣлгородки (послѣднее разумѣется вѣроятнѣе). Кучары долженъ быть: или Кошарше, деревня на рѣкѣ Тетеревѣ, или село Кочерево, на дорогѣ изъ Махновки въ Радомысль; оба въ Радомысльскомъ уѣздѣ, на пути изъ Котельни къ Бѣлгородкѣ. Между Бѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣчкѣ, называемой нынѣ Борщаговкой, есть селенія: Жилане и Бѣлчи, оба въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга и отъ Кіева. Вся эти мѣста вполне соотвѣтствуютъ приведеннымъ лѣтописнымъ указаніямъ: «Торчи же постигоша возы ихъ на Желани, пощмы же ихъ постигоша отъ Буличь.»—Г. Погодинъ (И. З. А. IV, 190) не хочеть согласиться, чтобъ Торческій былъ Торческъ на рѣкѣ Рси, и, указывая на нынѣшній Торчинъ между Луциномъ и Владимиромъ, приводитъ слѣдующее доказательство своему мнѣнію: зачѣмъ бы Рюрику отъ Роси отдаляться на Волны, чтобъ послѣ оттуда прийти къ Бѣлгороду, столь близкому отъ Торческа Кіевского?—Но въ лѣтописи ясно указана причина такого движенія Рюрика: онъ пошелъ къ Котельнѣ, чтобъ соединиться съ Мстиславомъ, который шелъ изъ Владимира.

294) Что этотъ Воиборъ былъ Торчиаъ ясно изъ разсказа лѣтописи: одинъ Торки были въ дѣлѣ; далѣе подѣ тѣмъ же годомъ сказано: «Придоша Половци мнози къ Гюргеви, и взяша вѣжи многи во Роту и Вѣйбора убиша иже бѣше Изяслава убишѣ.» Здѣсь опять говорится о вѣжахъ, о Торкахъ, между которыми былъ убитъ Воиборъ. Слѣд. нѣтъ основанія включать этого Воибора въ число дружинниковъ княжескихъ.

295) Въ Никон. (II, 174) читаемъ слѣдующее описаніе кончию Изяславовой: «И еще ему живу сушу лежашу, придоша надъ него князь Ростиславъ Мстиславичъ и князь Мстиславъ Изяславичъ, и нача кричати и плакати, глаголюще: господине великой княже Изяславъ Давидовичъ! не досыти ли тебѣ было великое княженіе Черниговское что мя еси выгналъ изъ Кіева, и уже и Кіевъ еси взялъ, почто же изъ Бѣлгорода гнати умыслилъ еси? Онъ же лежаше и въздыхаше тяжело зѣло, и кровь много течаше отъ него, то же попроси воды пити. Князь же Ростиславъ и князь Мстиславъ повелѣша ему дати вина, онъ же рече: хошу воды. Они же даша ему вина, онъ же испивъ вина, усну сномъ вѣчнымъ.»

296) Въ Никон. (II, 189) читаемъ, что Владиміръ Андр. послалъ сказать Мстиславу: «Аще хощеша и моя власть, и се азъ исхожу изъ града своего, и отъ всея власти своея, съ женою и дѣтьми своими, имѣніе же и богатство все оставихъ, точію мало на потребу себѣ и дѣтемъ своимъ взяхъ и умыслихъ въ чужой землѣ нищенствовать, неже кровь проліати бѣдне и грѣшнѣ.... Князь же Мстиславъ Изяславичъ удивися разуму его, и посла къ нему дары многи, и моляше его да пакы возвратится въ свою волость.»

297) Ник. II, 199: Миръ этотъ устроилъ митрополитъ Феодоръ.

298) По другимъ лѣтописямъ къ Луцку, что также очень вѣроятно, см. Воскрес. II, 64.

299) Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: Олегъ бо просаше въ правду надѣленъя.

300) Тамъ же. Ведена бысть Ростиславна Огаея за Олга за Святославича.

301) Тамъ же стр. 97: Андрей велѣлъ сказать ему: «Иди къ Разань къ отцию своему Глѣбови.» —

302) Несправедливо возражаетъ Арцыбашевъ (1188, примѣч. 1, 165), что Кіевъ брали прежде—Изяславъ въ 1146 году, и Юрій въ 1150. Изяславъ былъ призванъ Кіевлянами, которые и помогли ему побѣдить Игоря; Юрій былъ перевезенъ Кіевлянами чрезъ Днѣваръ, и принятъ остальными съ честію, безъ сопротивленія; слѣд. о взятіи въ обоихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи. Спорте можно было ска-

зять, что Кіевъ былъ взятъ Изяславоу Давидовичемъ, но и тутъ бѣгва была подлѣ Кіева; сражались противъ Изяслава только нѣкоторые Кіевляне, которые были взяты въ плѣнъ и прощены побѣдителемъ. По Никон. (II, 204) Кіевъ былъ взятъ измѣною бояръ Петра Борисовича, Нестора Жирславича и Якова Дигеневича.

303) См. томъ I-й, примѣч. 312.

304) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: Давидъ Ростиславичъ сяде Витебськи, а Романови, Вячеславиу внуку да Ростиславъ Васильевъ и Краснѣ.—Связь этихъ двухъ событій необходимо заставляетъ предполагать, что Романъ былъ прежній князь Витебскій, съ которымъ Смоленскіе князья помѣнялись волостями; но теперь вопросъ: кто былъ этотъ Романъ, внукъ Вячеславовъ? У Татищева онъ названъ Романомъ Вячеславичемъ, внукомъ Ростиславовымъ: въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть внукомъ Ростислава Всеславича. Васильевъ и Красный оба находятся въ Смоленской области.

305) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 88: Вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ, а мнѣ вамъ добра хотѣти.—Когда былъ такой рядъ у Новгородцевъ съ Андреемъ, неизвѣстно.

306) Любопытно, что въ Новгородской лѣтописи нѣтъ ни слова объ этой клятвѣ.

307) Упомянутое подлѣ 1142 годовъ нападеніе какого-то Шведскаго князька съ 60 шлеками на три купеческія лодки, не можетъ считаться въ числѣ непріязненныхъ покушеній на страну.

308) Томъ I-й, стр. 275.

309) Теперь Вороновка или Воронег, впадающая въ Ладожское озеро между Пашею и Сясью.

310) Татищ. III, 148.

311) Никон. II, 196: Половцы воеваша Русь и убиша дву богатырей, Андрея Жирславича и брата его Шварня за переславленемъ, сестричича ихъ, такоужъ Шварня нарицаемаго плѣнша.

312) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 97: И Гречскій путь изъотимають, и Соляный, и Залозный. Выраженіе: Греческій путь понятно съ перваго раза; Соляный правдоподобно объясняютъ (Архив. I, примѣч. 1196) путемъ, которымъ приходили барки съ солью изъ Крыма, Залозный неудовлительно объясняютъ (см. тамже) Заолзнымъ, т. е. Заолешенскимъ. Черезъ Олешье должны были проходить тѣже самыя Греческія суда; мы видѣли прежде, что Давидъ Игоревичъ захватывалъ Гречниковъ въ Олешь, слѣд. Заолешенскій путь былъ бы тоже самое, что Греческій; не говоря уже о трудномъ переходѣ словъ изъ Заолешья въ Заолзье. Залозный—желѣзный, по товару.

313) Никон. II, 172.

314) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 94: И затѣмъ сръте и (Ростислава) снѣтъ Романъ и епископъ Мануилъ и Вѣзядъ.

315) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 96: И послѣша къ Давыдовѣ Вышегороду, и присла Давыдъ Василѣ на тѣлю, и пристави къ немъ Родила тысячскаго и Василья Волковича.—Но прежде при описаніи осады Вышегорода Мстиславомъ Изяславичемъ сказано: И на болому отъ Дивяра зажгоша дворъ тысяцкаго Давыда, Радимовъ, а лицъ дворовъ 7 сгорѣ. — Соглашая первое извѣстіе со вторымъ, можно исправить первое такъ: «зажгоша дворъ тысяцкаго Давыдова (т. е. князя Давида Ростиславича), Радимовъ.» Если же дѣлать особаго тысяцкаго Давида, который былъ снѣнемъ въ послѣдствіи Радимовъ, то можно предположить, что этотъ старый тысяцкій Давидъ былъ именно тотъ Давидъ Борыничъ, который подтверждалъ послѣ показанія Василя Настасьича.

316) Тамъ же, I, 97: «То есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыевъ.»

317) Никон. II, 146.

318) См. томъ I-й, прим. 1.

319) См. томъ I-й, стр. 24.

320) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 77: Тогда же, сѣдъ, раздая волюсти дѣтемъ: Андрея посади Вышегородъ, а Бориса Туровъ, Глѣба Череваславъ, и Василькови да Поросье. Почему же Юрій посадилъ Андрея не въ Переяславъ? По той же причинѣ, по какой Мономахъ посадилъ Мстислава въ Бѣлгородъ, а не въ Переяславъ, хотя онъ и считался княземъ Переяславскимъ (см. выше); Юрію нужно было имѣть подлѣ себя храбраго Андрея, который бы защищалъ его отъ нападеній Мстиславичей. Почему теперь посадилъ онъ въ Переяславъ не Бориса, но младшаго Глѣба? потому что Глѣбъ былъ воиственникъ Бориса, что мы видимъ изъ предыдущаго его поведенія, тогда какъ Борисъ вовсе не отличался ратнымъ дукомъ, а Переяславъ былъ опасный столъ по сосѣдству съ князьями Черниговскими и Половцями.

321) Что Андрей прежде сѣдѣлъ во Владимирѣ, объ этомъ прино свидѣтельствуеетъ лѣтопись (Полн. Собр. Рус. Лѣт. 144): Андрей же рече (отцу): «на томъ есмь цѣловали крестъ, ако понти имъ Судалю,» и иде въ свою водость Володимерю.—Есть извѣстіе, что въ удаленіи Андрея на сѣверъ участвовали приближенные къ нему люди, именно родственники по женѣ, Кучковичи: «Приде изъ Києва въ градъ Володимерь Князь Великій Андрей Юрьевичъ безъ отца пожеланія, его же лестію подъяша Кучковичи.» (Карамз. II, примѣч. 383). — Что приближеннымъ къ Андрею людямъ, особенно Кучко-

вчичиъ, итѣшавиъ, какъ вѣдо, седе на сѣверѣ, неправилось въ Вышегородъ, безъ большой надежды скоро и даже: когда либо утвердиться въ Кіевѣ, очень вѣроятно; вѣроятно также, что Кучковичи могли оставаться на сѣверѣ, и перезывали туда Андрея, ибо имъ выгодноѣ было, чтобъ владѣлъ здѣсь ихъ родственникъ, а не младшіе Юрьевичи; во въ чемъ состоялъ обманъ, лестъ Кучковичей? быть можетъ они давали знать Андрею, что вся земля Ростовская хочеть имѣть его своимъ Княземъ, чего на дѣлѣ не было до самой смерти Юрія. Въ другихъ извѣстіяхъ такъ описываются побужденія, заставившія Андрея удалиться на сѣверъ: Никон. II, 150: «Иде Князь Андрей Боголюбивый, съ Вышегородскаго своего Княженія великаго к отцу своему Юрью Долгорукому въ Кіевъ и пришеде въ Кіевъ радостнѣ бысть приять отъ отца своего, и пребысть у него въ Кіевѣ нѣколько время, и смущашеся о нестроеніи братіи своея, и братанчовъ и сродниковъ, и всего племени своего, яко всегда въ митехи и въ волненіи вси бяху, и мнози крови лѣшесе, вси желающе и хотяще великаго княженія Кіевскаго, и нѣсть никому ни съ кѣмъ мира, и отъ сего вси княженія опустѣша, и по Дунаю, и по Мети, и по Астри чужія обладающа и населѣша, а отъ поля Половци вышѣниша, и пусто сотвориша, и скорбаше много о семъ, и болѣзнование душею и сѣрдцемъ, и мысляше себѣ въ тайнѣ сердца своего, никакоже повѣдая сего отцу своему. И восхотѣ ити на великое княженіе въ Суздаль и Ростовъ, яко тамъ, рече, покойнѣе есть.» — Татиш. III, 97: Андрей Юрьевичъ видя, что всюду миръ по его желанію учиненъ, и ему дѣла никакого не было, а Бѣлая (сѣверная) Русь безъ князя стояла въ великомъ неурядкѣ, просилъ неодинова отца своего Юрія, чтобъ его туда отпустилъ; но Юрій видя, что во время войны ему безъ Андрея ни какого столько надѣяться не можно, ему отказалъ. Онъ же потерявъ нѣколько, и оскорбѣсь дѣлами и веселіями отцовыми, за что всѣ на отца его негодовали, убрався тайнѣ уѣхалъ въ Бѣлую Русь..... Пришедши же въ Бѣлую Русь, избѣгая у отца на себя подозрѣнія и большаго гнѣва, не сталъ жить въ Суздаль, яко престольномъ отца его градѣ, но построилъ себѣ домъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, яко ближайшемъ къ Суздалью граду.

322) На первомъ планѣ здѣсь дѣйствуютъ Ростовцы; что касается Суздаля, то Юрій, утвердивши въ немъ свой столъ, выдвинулъ его изъ ряда другихъ пригородовъ, далъ ему важное значеніе, и вотъ сказано, что Ростовцы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ Суздальцами, точно такъ какъ въ Новгородской лѣтописи обыкновенно читаемъ, что въ важныхъ случаяхъ въ Новгородѣ на вѣче сходятся Шкоковичи и Ладожане—только, о другихъ пригорожанехъ ни слова. Мы предпочитаемъ

чтеніе лѣтописи составленной на сѣверѣ по Лавр. списку; Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: Ростовци и Суздальци сдумавше вси, поима Андрея и проч. чтенію лѣтописи составл. на югѣ, и слѣд. не такъ значимой съ дѣломъ, по Ипатьев. сп., тамъ же, II, 81: Сдумавши Ростовци, и Суздальци и Володимирци вси и проч., тѣмъ болѣе, что послѣ Владимірскій лѣтописецъ, какъ увидимъ, отречется отъ этого извѣстія, да и какъ было Владимірцамъ снова выбирать Андрея, когда онъ уже княжилъ у нихъ.

323) Хотя есть извѣстіе, довольно вѣроятное, что его утверженіе произошло не вдругъ, что Андрей, не желая нарушить вдругъ обычая, сперва нѣкоторое время жилъ въ Суздаль; Татищ. III, 135: Андрей Юрьевичъ Великій Князь ни о чемъ болѣе какъ о строеніи Владиміра и другихъ градовъ, якоже и о земскомъ распорядкѣ прилѣже, распространялъ Владимірѣ, его же велики полюбилъ и положилъ намѣреніе всегда тутъ пребывать, къ тому и Митрополию учинитъ: но Ростовцамъ и Суздальцамъ, яко старымъ городамъ и княжескимъ престоламъ, весьма то было противно, и сколько могли препятствовали, представляя, что сіи города издревле престольные, и Владимірѣ есть новый пригородъ Суздальскій. Онъ же не хоти издревле озлоблять, жилъ въ Суздали, а во Владимірѣ часто ѣздилъ на охоту, и пребывалъ по нѣскольку дней.—Никон. II, 175: И хотише (Андрей) града сего (Владиміра) столъ быти В. княженія. Ростовцемъ же и Суздальцемъ не хотишимъ сего, глаголюще: яко Ростовъ есть старей и большій градъ, а Суздаль, градъ же Владиміръ пригородъ нашъ есть.

324) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91: Выгна Андрей епископа Леопа изъ Суздаля, и братью свою погна Мстислава и Василка и два Ростиславича сымовца своя, мужи отца своего передви.... Идоша Гюргевичи Царюгороду, Мстиславъ и Василко, съ матерью, и Всеволода молодого поима съ собою третьяго брата: и дасть Царь Василкови въ Дуванъ городы, а Мстиславу дасть волость Отъскалана. См. Арцыб. I. прим. 1087.—Изъ остальныхъ Юрьевичей Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. 149); другой Ярославъ въ 1166 году (тамъ же, стр. 151), Святославъ, одержимый со дня рожденія злою болѣзнію въ 1174 году. Ник. II, 177: Ненавидяху Князя Андрея своего суще домашній, и достигло и лукаво глаголаху къ нему. И тако совраждоваше и соссораша его зъ братью, и съ предими мужи отца его; и тако изгна братію свою. Еще же и предимъ мужей отца своего овехъ изгна, овехъ же смъ въ темницы затвори: и бысть брадъ люта въ Ростовской и Суздальской землѣ.

325) Татищ. III, 165.

326) Тамъ же, 176.

327) Тамъ же стр. 178: Сей Князь роста былъ не велики великаго, но широкъ плечами и широко, яко его лукъ едва кто вытцнуть могъ, лицею красенъ, власи кудряви и кратвие носилъ, мужествомъ былъ во брани, любитель правды, храбрости его раши все князи его боялись и почитали, хотя часто съ женами и дружиною веобладалъ, но жены, ни киве нтъ не обладали: Онъ всегда къ расправѣ и распорядку былъ готовъ, для того мало спалъ, но много книги читалъ, и въ совѣтахъ о расправѣ земской съ вельможи упрямился; и дѣтей своихъ прилжно тому наставлялъ, сказыа имъ, что честь и польза князя состоятъ въ правосудіи, расправѣ и храбрости.

328) Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 100: Нача Андрей вили покладавати на Ростиславичи, и прила къ нимъ Михае, река тако: выйдите ми Григори Хотовича и проч.—Мы не можемъ согласиться съ южными пристрастными лѣтописецемъ, что первая присылка Андреа съ требованіемъ выдачи Хотовича, съ товарищами была слѣдствіемъ желанія придраться къ Ростиславичамъ, найти какую-нибудь вину; ни изъ чего не видно, чтобъ онъ могъ желать ихъ сибни. Слова эти: «Нача Андрей вили покладавати на Ростиславичи» могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда будемъ читать ихъ въ связи съ вѣдствующими событіями, какъ они читаются у Татищева (III, 185): здѣсь говорится, что у Андреа съ Ростиславичами начелась прежде распра за Новгородъ.—Тамъ же: Бывше бо тако урядилъса, яко же Володимера Ярославича Галичскаго, сестричича Михаилова (который, поспорившись съ отцемъ, приближалъ вѣсть съ матерью въ Русь, сперва былъ у Михаила, а потомъ отправился въ Черниговъ), дати Ростиславичемъ и пустити и къ отцю, а Ростиславичемъ пустити Всеволода и Ярополка и всю дружину; Всеволода же пуститиша, а Ярополка не пуститиша; «не възвѣнилъ вы еси того.» — Выходитъ, что Михаилъ не выполнилъ всехъ условій, не выдалъ нтъ Владимира Ярославича Галичскаго, котораго отпустилъ въ Черниговъ; а Ростиславичи требовали послѣдняго видю для того, чтобъ посредствомъ его приобрести союзъ съ Ярославомъ Галичскимъ.

329) Такъ говорятъ все южный лѣтописецъ: (Поли. Собр. Рус. Лѣт. II, 109), но сѣверный княже (I, 155): Немокоршился Ростиславичемъ князю Андрею и въ воли его веходящимъ, паче же Давидъ Ростиславичъ Вышегородскій князь, сдумалъ съ братьею своею и проч.

330) Но мы видѣли, что Ростиславичи не вынуждали Ярополка нтъ ильса; стало быть послѣ отпустили.

331) См. Татищ. III, 193. — Въ Ипатьев. списокъ (Молв. Собр. Русск. Лвт. II, 109) находится неискusstная вставка о которой г. Ногодинъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (Жур. Мин. Нар. Прес. Часть GXIV, 1849): «Кіевская лѣтопись разказываетъ о первомъ требованіи Андрея, объ отказъ Ростиславичей, о второмъ приказѣ Андрея братьямъ—итти въ Смоленскъ, о непослушаніи Романа, о зятіи Кіева братомъ Андреевичемъ Всеволодомъ, которому уступилъ его Михаило, о попыткѣ прочіихъ Ростиславичей унизилоставить Андрея, оставшейся безъ отвѣта, о зятіи или Кіева изъѣздомъ, о зятіи или тамъ Всеволода, о договорѣ съ Михаиломъ, и послѣ этихъ происшествій вдругъ опять повторяетъ: Того же лѣта Андрей князь Суздальскій, разгнѣваясь на Ростиславичи про Григорья про Хотовича, зане воли его не учиниша — и се слышавше Ольгови, ради быша.... поводяче и на Ростиславичѣ.... Андрей же принѣ связѣ ихъ.... посла Миха и проч.—Ясно, что было два описанія этихъ происшествій, или лѣтописатель, редакторъ или переписчикъ, списавъ ерраду, а не разсѣлстилъ по вѣстамъ.»—Такъ заключаетъ г. Ногодинъ, и на этомъ заключеніи должно было бы остановиться. Дѣйствительно послѣдній лѣтописецъ составлялъ свой разсказъ по двумъ вѣстіямъ; окончивъ разсказъ событій до третьяго несомнѣна Андреева слова «а Михаило не прии его,» лѣтописецъ долженъ былъ повѣстить вѣстіе объ участіи Ольговичей въ дѣлѣ, вѣстия, которое находилось въ другой лѣтописи, и повѣстилъ его безъ какой связи съ прежнимъ разсказомъ; какъ видно эта вторая лѣтопись была кратче первой, въ родѣ Суздальской; въ ней это вѣстіе объ Ольговичахъ повѣщено было прямо послѣ вѣстія о Хотовичѣ, а можетъ быть даже разсказъ о войнѣ прямо начинался съ этихъ словъ только съ легкимъ намекомъ на дѣло Хотовича. И такъ въ разсказѣ Ипатьев. Списка мы замѣчаемъ только астанку объ Ольговичахъ, послѣ которой опять слѣдуетъ разсказъ о сношеніяхъ Андрея съ Ростиславичами, и потому намъ кажутся совершенно лишними дѣлѣйшіи затрудненія, которыми выставляеть г. Ногодинъ; нѣтъ ничего страннаго, что Андрей въ третьемъ приказѣ не упоминаетъ ни слова о зятіи Кіева и зятіи брата, а повторяеть все старое: «не халите въ моеи волѣ:» развѣ въ первомъ приказѣ онъ упоминаетъ, въ чемъ состояло нехождение Ростиславичей изъ его волѣ? Объ освобожденіи Михаило говоритъ нечего: лѣтописецъ прямо говоритъ, что между князьями положено было освободить дружину, а если послѣ говорить, что одинъ князь Ярополкъ былъ задержанъ, то ясно, что эту дружину никто не былъ задержанъ, при томъ же, съ другой стороны, не знаемъ, должно ли непремѣнно настаивать на томъ, что вѣстия

въ Кіевѣ бояривъ Микитъ былъ непремѣнно мещникъ Андреевъ; зачѣмъ было этому посланцу такъ долго оставаться въ Кіевѣ послѣ перваго приѣзда своего съ обвиненіемъ Хотковича? ибо лѣтописи ничего не говорятъ о томъ, чтобъ второе посольство къ Роману съ приказомъ идти въ Смоленскъ было направлено Михаиломъ. Не знаемъ, на каменъ основаніи г. Погодинъ позволяетъ себѣ заключать, что было пространное описаніе низложенія Андреева, которое лѣтописатели различно сократили и не-правильно развѣстали, такъ что теперь недостаетъ многихъ среднихъ извѣстій, и останшія предетавлены обичливо. Предъ нами разсказъ полный, носящій ясное слѣды составленія, пополненія, а не сокра-щенія; какихъ же среднихъ извѣстій не достаетъ? — Далѣе въ раз-сказѣ о самой войнѣ г. Погодинъ находитъ также затрудненія и про-пуски, которыхъ мы не видимъ; такъ онъ говоритъ: «Ольговичи не уступали Кіева Ярославу Изяславичу: значитъ, что Кіевъ Андреевъ былъ предоставленъ теперь имъ (обстоятельство, пропущенное всѣми лѣтописателями). Безъ воли Андреевой они не могли бы нѣтъ при-тязанія на Кіевъ.» — Но спрашивается: какъ же могъ нѣтъ при-тязанія на Кіевъ Ярославъ Изяславичъ мимо воли Андреевой? — По-чѣмъ г. Погодинъ говоритъ: «Ярослкъ пошелъ на помощь къ Рю-рику, сидѣвшему въ Бѣлгородѣ. А почему не остался онъ поме-гать осажденному Мстиславу? Можетъ быть потому, что Рюрикъ соб-ственно уступалъ ему Кіевъ, бывшій въ его владѣніи. Если Рюрику нужна была помощь, то ясно, что часть Андреевой рати осаждала его въ Бѣлгородѣ, какъ главная осаждала брата его въ Вышгородѣ (обстоятельство, пропущенное лѣтописателями).» — Но спрашивается: на какомъ основаніи г. Погодинъ прибавилъ еще себя, что Ярославъ пошелъ на помощь къ Рюрику? въ лѣтописи этого не сказано; во омыслу ся разсказа выходитъ, что Ярославъ пошелъ для соединенія съ Рюрикомъ, осаждающіе нѣбжали, боясь именно соединенія Ра-стиславичей съ союзниками. Также безъ всякаго права г. Погодинъ предполагаетъ, что выраженіе: «И те видѣше и убоишася» относ-тся къ Ольговичамъ; на этомъ предположеніи г. Погодинъ основа-ваетъ еще новое, отчасти же неосновательное, онъ говоритъ: «Но было ли еще какою нибѣмъ со сторою Ольговичей, замѣченной Ан-дреевими воими, которая побудила ихъ еще болѣе оставить осаду? — Можетъ быть была и нибѣмъ: по крайней мѣрѣ мы читаемъ въ лѣ-тописи, что, по замѣтн Кіева Ярославомъ, Святославъ Черниговскій прислалъ сказать ему: «на чѣмъ ты цѣловалъ крестъ? вселенн пер-вый радъ: ты сказалъ мнѣ, что надѣлалъ меня, когда сидѣшь въ Кіевѣ, рочно какъ и я надѣлалъ бы тебя, еслибы сѣлъ въ Кіевѣ; нѣтъ ты сѣлъ; право или криво: надѣлалъ же меня.» Спрашивается:

всегда былъ этотъ первый рядъ у Ярослава съ Святославомъ? Намъ предполагать здѣсь какого-нибудь прежняго ряда, умолчаннаго летописателями, потому что если бы онъ и былъ, то уничтожился бы новыми отношеніями, раздоромъ подъ Вышгородомъ, и упомянуть объ немъ было бы невозможно. За что бы просить Святославу надѣлеши? Онъ помогалъ Андрею, онъ не уступалъ Ярославу Кіева, который получилъ князь Луцкій, уже урядясь не съ Ольговичами, а съ Ростиславичами. Ясно, что Святославъ не имѣлъ права требовать никакого надѣленія, если бы дѣло было только такъ, какъ записано. Ясно, что рядъ этотъ, о которомъ упоминаетъ Святославъ, былъ тайный, подъ Вышгородомъ, т. е. всѣ князья такъ сговорились, удалившись: Ольговичи, Ростиславичи и Ярославъ. Ярославъ Луцкой получалъ Кіевъ; Ростиславичи освобождались отъ грозы Андреевой, и устанавливались на своихъ прежнихъ удѣлахъ; Святославъ Кіевскій получалъ надѣленіе изъ Кіевской области. Всѣ переговоры происходили тайно отъ Андреевой рати; а чтобы сохранить личину передъ ней, Ольговичи бросались, какъ будто искутавшись грозившей Галицкой помощью. Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ, не могла ничего дѣлать противъ Мстислава и удалилась. Вотъ объясненіе этого, вѣдче непонятнаго происшествія.» —

Такъ разсуждаетъ г. Погодинъ. Замѣтимъ во-первыхъ, что никакъ нельзя предполагать, чтобы рядъ, о которомъ упоминаетъ послѣ Святославъ Ярославу, былъ заключенъ между ними тайно подъ Вышгородомъ съ вѣдома Ростиславичей: если бы, какъ говоритъ г. Погодинъ, князья удалились подъ Вышгородомъ такъ, что Ярославъ Луцкій получилъ Кіевъ, а Святославъ надѣленіе, послѣ чего Святославъ побѣждалъ, давая такимъ образомъ Ярославу просторъ владѣть Кіевомъ, то какимъ образомъ Черниговскій князь будетъ говорить послѣ, что рядъ ихъ былъ при предположеніи, что Кіевъ негъ достаться тому или другому? При условіи ряда, предположеннаго г. Погодинымъ, Святославъ непремѣнно долженъ былъ бы говорить Ярославу: «Я тебѣ уступилъ Кіевъ подъ условіемъ надѣленія; ты теперь сядишь въ Кіевъ, такъ надѣли меня.» Во-вторыхъ, если бы рядъ былъ заключенъ подъ Вышгородомъ, то Святославъ не сказалъ бы: «А помни первый рядъ», потому что рядъ подъ Вышгородомъ былъ бы послѣднимъ; ясно, что первый означаетъ здѣсь прежній, древній. Объ уничтоженіи этого прежняго ряда новыми отношеніями ничего было думать Святославу: ему аumenъ былъ только предлогъ получить вѣласти или предлогъ взять ихъ силою; при томъ же этотъ рядъ былъ такъ неопредѣленъ: во всякомъ случаѣ, когда одному удастся съѣсть въ Кіевъ, онъ долженъ надѣлать другого. Далѣе: если бы Святославъ

еще урядыва съ Ярославомъ и Ростиславичами, то оны могъ бы дѣлаться спокойнѣе, не тои своихъ ратниковъ въ Днѣпрѣ, и заимъ же въ такомъ случаѣ Мстиславъ ударитъ на станъ осаждающихъ и побралъ много колодниковъ? Какъ уже было замѣчено, г. Погодинъ не имѣетъ основанія отдѣлать войско Ольговичей отъ остальныхъ полковъ Андреевыхъ, потому что лѣтописецъ говоритъ безразлично: вели г. Погодинъ слова: «и то видѣше и убояшася» относитъ къ Ольговичамъ, то долженъ отнести къ Ольговичамъ же и послѣдніе слова: «И то видѣвъ Мстиславъ, и выѣде изъ города съ дружиною своею, и главше дружина его и ударшася на товаръ ихъ, и много колодникъ взямаша.» Все войско испугалось, все войско бросилось бѣжать, и потому г. Погодинъ не имѣетъ никакого права сказать: «Такимъ образомъ рать Андреева, предѣставленная самой себѣ не могла ничего дѣлать противъ Мстислава, и удалилася.» Она не удалалась послѣ Ольговичей, а бѣжала въ ужасѣ вмѣстѣ съ другими. Наконецъ, еслибы Ольговичи побѣжали первыи, то уже конечно лѣтописецъ не преминулъ бы сказать этого имъ въ укоръ.

332) Это за что? подѣ дѣлателями можно разумѣть архитекторовъ, иностранцевъ; послѣднее обстоятельство могло быть также причиною народнаго нерасположенія къ нимъ.

333) См. любопытныя подробности у Татищева, III, 203 и слѣд.

334) И дружина Владимирская была съ осаждающими; но она могла это дѣлать поневолѣ; лѣтописецъ говоритъ, что она пошла къ Переяславу по приказанію Ростовцевъ, здѣсь присягнула Ярополку, отстать отъ общаго ополченія не было уже болѣе возможности.

335) Лѣтоп. Переясл. Сузд. изд. ки. Оболен. стр. 85, 86: А съ Переяславци вняхуть Володимирци едино сердце.

336) Съ перваго разу можетъ показаться, что лѣтописецъ говоритъ здѣсь о прежней борьбѣ Владимирцевъ съ Ростиславичами, когда они выдержали семинедѣльную осаду; но тогда у нихъ былъ князь Михаилъ, а здѣсь прямо сказано: «За семь недѣль безо Князя будуще въ Володимери градъ.» Слѣд. здѣсь говорится о послѣдней вѣрности и выходитъ, что Владимиръ былъ оставленъ вѣрными; очень вѣроятно, что Ярополкъ бросилъ Владимиръ и уѣхалъ жить въ Суздаль, а Владимирцы взяли пока сына Андрея Боголюбскаго, Юрія. Въ этомъ отношеніи очень любопытнымъ извѣстіемъ, находящимся у Татищева (III, 213): «Владимиръ (говоритъ лѣтописецъ) до днесь чрезъ семь недѣль (а не недѣль) былъ безъ князя, и тогда оной видѣ Ростовцы и Суздальцы отъ князей оставленъ, ярославцы, и на совѣтъ не призывали, говоря: Новгородцы, Киевляне, Смоленяне, Полочане и вси главныи грады надревле на общей совѣтъ при-

деревень не принадлежали, и что уломать оное, потому должны и пригородами пополнять, въ Бѣлой же Русѣ отарѣйшію градъ Ростовъ и Суздаль, и Переславъ, и Владимиръ и Арміе суть пригородами сѣкъ двухъ, того ради ихъ оцѣна не потребна слышати.»—Въ разсказѣ о побѣдѣ Юрьевичей надъ Ростиславичами находится противорѣчіе между сѣверию и южною лѣтописями, также есть кой-что недосказанное. Въ сѣвѣрной лѣтописи (Цели. Собр. Русск. Лѣт. I, 159) говорится, что Михаилъ съ Ярополкомъ разошлись въ лѣсахъ, а въ южной (II, 118) читаемъ: «услышавъ же Ярополкъ, и уступилъ нѣкъ на сторону,»—дѣйствіе намѣренное, а не случайное; развѣ предположить, что Ярополкъ нарочно отступилъ на сторону, чтобъ погнать Юрьевичей между собою и братомъ Мстиславомъ, на что указываетъ присылка его къ послѣднему, пѣчиченная въ сѣвѣрной лѣтописи. Но даже требуетъ объясненія извѣстіе южной лѣтописи о доступѣ Москвичей: «Москвичи же слышавше, оже идесть на нѣкъ (въ нѣкот. списк. за нѣкъ) Ярополкъ, и възвратившаеся воишь, блудуче домовъ своихъ;»—если мы примемъ чтеніе: за нѣкъ, то связь съ предыдущимъ возобновится: Ярополкъ отступилъ въ сторону, дабы пройти Юрьевичамъ, и потомъ пошелъ въ слѣдъ за ними, послѣднимъ сказавъ брату, чтобъ тотъ шелъ къ нимъ на встрѣчу; но въ такомъ случаѣ, съ какой стати Москвичамъ было возвращаться назадъ для того, чтобъ оберегать свой городъ? они услышали, что Ярополкъ слѣдуетъ за ними, а не идетъ на Москву, и слѣдов. думъ ихъ безопасны, гораздо опаснѣе было нѣкъ идти назадъ и встрѣтиться съ Ярополкомъ? Гораздо лучше слѣд. принять чтеніе на нѣкъ въ смыслѣ: собственно на Москвичей, на ихъ городъ, на ихъ вѣдѣсть, и предположить, согласно съ сѣвѣрною лѣтописью, что Ярополкъ нечаянно миновалъ Юрьевичей и продолжалъ идти къ Москвѣ. Потомъ, какимъ образомъ Москвичи могли оставить свой городъ, если знали, что Ярополкъ идетъ къ нему? южная лѣтопись прямо говоритъ, что Юрьевичи двинулись изъ Москвы, узнавши, что Ярополкъ идетъ противъ нихъ. Здѣсь необходимо предположить, что Юрьевичи вышли изъ Москвы именно съ намѣреніемъ встрѣтиться съ Ярополкомъ и сразиться съ нимъ, иначе Москвичи не покинули бы своего города. Наконецъ въ томъ и другомъ разсказѣ нѣтъ ни слова о дѣйствіяхъ Ярополка во время битвы: онъ шелъ по слѣдамъ Юрьевичей, за чѣмъ же онъ не напалъ на нихъ въ то время, какъ войско брата его встрѣтилось съ ними? не сказано также объ очень важномъ обстоятельстве: когда была вынесена изъ Андреевой Владимирской церкви икона Богородицы и отдана Глѣбу Рязанскому вмѣстѣ съ княгами и другими духовными имуществомъ.

337) Въ жданой лѣтописи находимъ еще слѣдующія дополнительныя извѣстія послѣ разсказа о торжествѣ Юрьевичей: «Михалко же и Всеволодъ одарише Володимера Святославича, отгуста и во своемъ... И потомъ посла Святославъ женою ихъ Михалкову и Всеволожкою, вристави къ нимъ сына своего Олга проводить до Москвы; Олегъ же проводить и възвратися во свою волость въ Ловасну (село въ 27 верстахъ отъ Серпухова по Москов. дорогѣ). Оттуда пославъ Олегъ за Свѣрзскъ, бѣшетъ бо и та волость Черниговская; Глѣбъ же, увидавъ то, посла сыновца своего Гюргевича за Ольга; Олегъ, совокупя дружию свою, и выйде къ нему, и бѣжуться на Смирнскъ, и побѣди Олегъ Святославича, шюрна своего, и много дружины изойма, а самъ едва утече.»—Здѣсь любопытно то, что Олегъ провожалъ княгиню только до Москвы; по всему видно, что Москва былъ первый, пограничный Суздальскій городъ на пути съ юга, изъ Чернигова чрезъ землю Вятичей.

338) По Татищеву (III, 215), Глѣбъ обѣщался не помогать шурьимъ; между возвращенными вещами находились также и мечъ св. Бориса, который Михаилъ повѣсилъ въ церкви Богоматери.—Въ слѣдъ за Рязанскимъ походомъ у Татищева помѣщено извѣстіе о казни убійцъ Андреевыхъ, съ ссылкою на Броквинскую рукопись; см. также Степен. кн. I, 285.

339) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 161: И что бѣше бояръ осталось у него.

340) Лѣтоп. Переясл. Сузд. стр. 89.

341) Странно, что Владимирцы не говорятъ ничего о Глѣбѣ Рязанскомъ и Мстиславѣ Ростиславичѣ, а толкуютъ только о Ростовцахъ и Суздальцахъ, которые уже давно были взяты въ плѣнъ, и давно слѣд. нужно было бы разсуждать о ихъ наказаніи. У Татищева (III, 226) рѣчь Владимирцевъ представлена полнѣе и связнѣе: «ты же нашихъ злодѣевъ Рязанскихъ князей и ихъ вельможъ и губителей нашихъ руками держишь на свободѣ... а съ другую сторону злодѣи наши Ростовцы и Суздальцы между нами кроются, смотря только удобнаго времени, како бы намъ какое зло учинить.»

342) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120; Тогда же князь Глѣбъ мертвъ бѣшетъ (довольно странное выраженіе), Іюня въ 30 (1177), а Романа сына его едва выстояша, цѣловаше крестъ.

343) Мстиславъ и Ярополкъ въ порубѣ бѣста, и потомъ изведе я и сѣлнвише пустыша.—Въ сѣверной лѣтописи сказано прости: «я пустыша ея мѣъ земля.» (Лѣтоп. Пер. Сузд. стр. 91). Въ Новгород.: Слѣвленъ бѣшетъ Мстиславъ князь, съ братомъ Ярополкомъ, отъ страъ своего Всеволода, и пусти я въ Русь; ведома же мнѣ сѣлнвиша и гнѣшнени очина, и яко дождостъ Смольнска и придоша

ча Следяно въ церковь ослепую мученику Бараса и Глаба, и ту абис-
 съюсташе я божиа благодать, и ту проориста. У Татишева (Ш,
 228): Всеволодъ видя, что никакъ ихъ отъ камярениа отвратитъ не-
 удобно, обещалъ имъ вскоре съвоецвъ ослабитъ и отпуститъ. И
 того же дня предъ вечеромъ велелъ смолвцамъ своимъ сверхъ очей
 кому надръзати, и довольно окровавленія сдѣлати; обещалъ народу,
 что имъ глаза выколоты, и тотчасъ посади на телегу за городъ ве-
 лелъ проводить, доколѣ отъ народа безопасно будутъ и отпустилъ
 ихъ въ Смоленску. Прилѣч. 522: о семъ ослѣвленіи въ расказъ-
 ничь Хрушова написано: показавъ очи кровію; въ Синоновъ такъ,
 какъ здѣсь точно положено; въ Ростовскомъ и Новгородскомъ си-
 новѣ просто отпустилъ; а въ прочихъ ослѣви Всеволодъ Ростила-
 вичевъ и пустя, и проч. съ превосходствіемъ на Смалыгъ.

344) Вотъ что читаемъ о походахъ Юрія въ Грузинскихъ
 лѣтописяхъ (*Histoire de la Géorgie, traduite par M. Brosset. I, p.*
412); Когда искали жениха для знаменитой царицы Тамари, то яви-
 ся Абулазанъ, емиръ Тифлискій и сказалъ: «Я знаю сына государя
 Русскаго, Великаго князя Андрея, которому повинуются 300 царей
 въ тѣхъ странахъ; потерявши отца въ молодыхъ лѣтахъ, этотъ Князь
 былъ изгнанъ дядею своимъ Савалтомъ (Sawalth, Всеволодъ), убѣжалъ,
 и находится теперь въ городѣ Свинди (Swindj), царя Канчавскаго
 (Половецкаго).—Юрій явился въ Грузію, духовенство и вельможи
 упрости Тамаръ какъ можно скорѣе обвѣчаться съ нимъ; Юрій
 храбро воевалъ съ врагами своего новаго отечества, но скоро воз-
 никли между нимъ и женою неприятели, о которыхъ такъ разказъ-
 ываетъ Грузинскій лѣтописецъ (въ переводѣ г. Броссе, стр. 416):
Satan entra dans le coeur du misérable Russe, véritable Scythe, aux
pensées barbares, aux passions monstrueuses. Il se mit, au sein de
l'ivresse à faire des actions inconvenantes, abominables, qu'il est
inutile de décrire; il osa offenser Thamar, le soleil des souverains,
la splendeur matinale des rois. Judas envers lui-même, vaincu par
sept esprits impurs, pires que le premier, et leur servant de temple,
il marcha sur les traces des habitants de Sodome, le pervers, le damné
*qu'il était.»—Тамаръ долго терпѣла, долго утѣшала Юрія исправиться,
 и сама, и чрезъ монаховъ, наконецъ рѣшилась развестись съ нимъ,
 и Юрій былъ отправленъ въ Константинополь съ большими зарп-
 ченъ богатствами. Но скоро онъ явился опять въ Грузію, въ его
 пользу объявили себя многіе начальники городовъ, и сынъ Бого-
 любскаго возведенъ былъ на престолъ царей Грузинскихъ; Тамаръ
 однако не отчаявалась; она собрала вѣрнихъ себѣ вельможъ и съ
 ихъ помощію побѣдила Юрія, который опять долженъ былъ остану-*

Грузію, возвратился еще раз и снова потерпѣлъ поражение. — Въ этомъ разсказѣ встрѣчаются затрудненія относительно собственныя именъ лицъ и городовъ. Въ первомъ извѣстіи по смыслу подлиннаго выходитъ, что Юрій скрывался въ городѣ Swindj, принадлежащемъ царю Кипчакскому, но потомъ это слово является, какъ собственное имя лица, напр. на стр. 437 говорится, что на помощь къ Тамари приходилъ Séwindj Sawalth, брата царя Кипчакскаго. Г. Броссе въ Sawalth основательно видитъ испорченное Всеволодъ, что совершенно идетъ къ первому извѣстію относительно изгнанія Юрія; но кто же будетъ этотъ Séwindj-Sawalth, который приходилъ послѣ на помощь къ Тамари? Онъ названъ братомъ царя Кипчакскаго, следовательно хана Половецкаго; если предположить здѣсь смѣшеніе, и подъ Кипчакскими царями разумѣть князей Южнорусскихъ, сошедшихъ съ Половцами, то дѣло можетъ объясниться легче: Swindj первого извѣстія можетъ быть испорченное Святославъ (Свентославъ), князь Черниговскій, у котораго Юрій могъ найти убѣжище, какъ прежде находили его дядя и двоюродные братья; подъ вторымъ же Séwindj-Sawalth можетъ разумѣться Святославичъ-Всеволодъ Трубчевскій, второй герой Слова о Полку Игореву.

345) Лутаву (село въ 4 верстахъ отъ Остра) и Моравскъ (мѣстечко Остерскаго уѣзда).

345) Гораздо прежде прихода Романова на югъ, подъ 1175 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: «Смольняне выгнаша отъ себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленску княжить.» — Но въ это время въ Смоленскѣ сидѣлъ не Ярополкъ, а отецъ его Романъ; и такъ мы должны отнести это событіе къ позднѣйшему времени, когда Романъ ушелъ на югъ, оставивъ сына своего Ярополка вмѣсто себя въ Смоленскѣ; но Смольняне, согласно съ правомъ старшинства, выгнали племянника и призвали дядю.

347) Что по отъѣздѣ Святослава въ Кіевъ мѣсто его въ Черниговѣ занялъ Олегъ Святославичъ, видно изъ послѣдовательности лѣтописнаго разсказа: «Преставися Олегъ Святославичъ, потомъ же Игорь братъ его сѣде въ Новгородѣ Сѣверскомъ, а Ярославъ Всеволодиць въ Черниговѣ сѣде:—Ярославъ садится въ Черниговѣ только по смерти Олега; думаемъ, что когда Олегъ переехалъ въ Черниговъ, Ярославъ Всеволодиць переехалъ на его мѣсто въ Новгородъ Сѣверскій, а потомъ, по смерти Олега, Ярославъ переехалъ въ Черниговъ, а Игорь Святославичъ въ Новгородъ.

348) Ярополкъ Ростиславичъ, старши княземъ Владимирскимъ, женился на дочери Всеслава, князя Витѣнскаго; такъ говоритъ лѣто-

нисенъ, но ошибочно, ибо Всеславъ былъ князь Полоцкій, а не Витепскій, Витепскимъ былъ братъ его Брячиславъ; теперь Ярополкъ Ростиславичъ находился въ полкахъ Святослава Черниговскаго, который боролся со всеми Мономаховичами, и со Всеволодомъ Судальскимъ и съ Ростиславичами южными, слѣд. Васильковичи, заступаясь за зятя, естественно должны были быть въ союзѣ съ Святославомъ. Какимъ образомъ Витепскъ перешелъ опять отъ Ростиславичей Смоленскихъ къ Полоцкимъ князьямъ, — неизвестно. Имя Полоцкихъ князей, находившихся въ союзѣ съ Черниговскими смѣлующими: Васильковича — Брячиславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полоцканинъ, съ нимъ же бяхуть и Либъ и Лутва, Всеславъ Минуличъ изъ Логажеска, Андрей Володичъ и сыновець его Наяславъ, и Василко Брячиславичъ.

349) За какимъ неизвестно; лѣтопись упоминаетъ только о двухъ сыновьяхъ Владиміра, прижитыхъ имъ отъ пояды: если Романовна была за старшимъ изъ нихъ, то выходитъ, что Владиміръ сталъ жить съ ихъ матерью давно уже, еще при жизни отца своего Ярослава. По разсказу Татищева выходитъ такъ (III, 285).

350) Такъ разсказываетъ Русскій лѣтописецъ; но Польскіи же извѣстіямъ, Олегъ Ярославичъ, не найдя помощи у Рюрика Ростиславича въ Овручѣ, пошелъ къ Польскому королю Казиміру, а вмѣстѣ съ нимъ отправился на Владиміра Галицкаго; тотъ, соединившись съ Всеволодомъ Мстиславичемъ Бельскимъ, братомъ Романа Волынскаго, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Венгрію; Олегъ сѣлъ въ Галичѣ, но скоро былъ отрѣзленъ, и тогда бояре призвали на его мѣсто Романа Волынскаго. Сл. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 321. Извѣстіе о смерти Олега, проводящаго безъ вѣсти въ нашихъ лѣтописяхъ, заставляетъ обратить вниманіе на этотъ разсказъ.

351) Въ «Вѣикъ на обжинки Русинамъ» (ч. II, стр. 162) говорится, что на мѣстѣ города Пльениска существуютъ нынѣ оковы и великіе курганы, заросшіе лѣсомъ, недалеко отъ Подгорца, первой почтовой станціи изъ Бродъ къ Золочову.

352) Изъ этого видно, что король обѣщалъ подѣлиться съ Святославомъ, и послѣдній могъ думать, что Бела уступитъ ему Галичъ, а самъ возьметъ Перемишль или другія какія-нибудь волости.

353) Пол. Собр. Рус. Л. II, 137: Рюрикъ же увѣдавъ то, наряди по немъ (по Глѣбѣ) Святослава Володимерича, пристава къ нему мужъ свой. — Для чего и куда онъ отправилъ Святослава? Какъ шло также къ королю, чтобъ противодействовать своекорыстнымъ видамъ Святослава Кіевскаго. Кто былъ этотъ Святославъ Владиміровичъ? Карамзинъ догадывается, что смѣтъ Владиміра Мстиславича, что очень вѣроятно.

354) Стало бытъ у нихъ былъ договоръ дѣйствовать за одно относительно Галича.

355) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 138: Рюрикъ же не улюбившеи ѡтчини своея, не хотѣ подѣлитися Галичемъ.—Это чтеніе, по моему мнѣнію, должно быть исправлено: какимъ образомъ Рюрикъ не хотѣлъ отдать Святославу и своимъ старымъ владѣніямъ, и не хотѣлъ дѣлитися Галичемъ, слѣдовательно цѣлю похода ставилъ только одну свою пользу? Но совершенно ясно будетъ, если вмѣсто не исправимъ но: «но хотѣ подѣлитися Галичемъ.»

356) Ник. II, 262: Сія же глагола Всеволодъ извѣтъ творя.

357) И да ему Полоний и полтъртака Корьсуньскаго.—Этотъ Полоний не можетъ быть около Луцка, ни на рѣкѣ Стырѣ, потому что за Горныю не могло быть Кіевскихъ владѣніямъ, не можетъ быть вѣдѣніемъ Полоний, который упоминается подъ 1172 (1169) годомъ, ибо послѣдній Полоний принадлежалъ Десятинной Кіевской церкви, и потому Рюрикъ не могъ отдать его Роману. Что же касается до: «полтъртака Корьсуньскаго,» то конечно удобнѣе принять чтеніе—«полторока (т. е. полторческа) Рускаго,» ибо нельзя, кажется, было Рюрику отдавать что либо Корсунское, когда Корсунъ отданъ былъ уже Всеволоду; но съ другой стороны, и Торческъ былъ отданъ гакже Всеволоду, который отъ себя далъ его зятю Ростиславу; трудно думать, чтобъ Рюрикъ, безъ вѣдома Всеволода, рѣшилъ отнять у Ростислава половину волости для Романа при тогдашнемъ положеніи послѣдняго; другаго же Торческа, кромѣ Пороскаго, мы не можемъ разумѣть, ибо только послѣднему могло быть прилично названіе Рускій, т. е. Кіевскій; далѣе—никогда ни одинъ Торческъ не называется Рускимъ; наконецъ чтеніе «Полторска Рускаго» будетъ гораздо легче «полтъртака Корьсуньскаго,» и потому послѣднее должно быть предпочтено, не смотря на его непонятность.

358) Здѣсь явная неправда: Днѣпромъ Ярославъ никогда не дѣлилъ Всеволодовичей отъ Святославичей: и Святославу и Всеволоду онъ далъ волости по одной восточной сторонѣ Днѣпра. Здѣсь любопытно впрочемъ то, что Мономаховичи требуютъ отъ Ольговичей, чтобъ тѣ не искали подъ ними Смоленска—новое доказательство отсутствія отчинности, ибо какое право могли имѣть Ольговичи на Смоленскъ? Но если Мономаховичи хотѣли дѣлитися Днѣпромъ, то необходимо должны были отдать Переяславъ Ольговичамъ, и точно объ этомъ городѣ они не упоминаютъ, тогда какъ этотъ городъ и былъ именно ихъ отчина по Ярославову дѣленію.

359) Вотъ доказательство, что Кіевъ принадлежалъ Всеволоду; какъ старшему, и уже изъ его рукъ былъ отданъ Рюрику.

360) Никои. II, 265: Ярославъ говоритъ: «Не явимо и отъ крадѣтъ нашихъ лѣтвицею кождо воскожаше на великое княженіе Кіевское, еще же и намъ и вамъ лѣтвицинымъ воскоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взяти на великое княженіе.

361) Все это дѣло для насъ очень темно по недостатку обстоятельныхъ извѣстій о Полоцкихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, что Витебскъ, сначала принадлежавшій къ Полоцкому княжеству, перешелъ въ послѣдствіи къ Смоленскому; но потомъ опять видимъ, что здѣсь сидитъ одинъ изъ Полоцкихъ князей, именно Брячиславъ Васильевичъ, бывшій въ 1180 году въ союзѣ съ Ольговичами; теперь сидитъ въ Витебскѣ зять Давидовъ, кто именно? тотъ же ли самый Брячиславъ или сынъ его, Василько Брячиславичъ, упоминаемый въ 1180 году? — неизвѣстно. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Рюрикъ хотѣлъ отнять у братняго зятя Витебскъ и отдать его Ольговичамъ; любознательно здѣсь только, что наши князья не обраматъ никакого вниманія на чрезполосность владѣній, и что Мономаховичи, толкуя о Дибирѣ, какъ границѣ владѣній Ольговичей, уступаютъ имъ отдаленный городъ на Двинѣ. Подъ 1180 годомъ видимъ въ Друцкѣ Глѣба Рогволодовича, союзника Ростиславичей, подъ 1195 является здѣсь Борисъ, союзникъ Ольговичей. Вотъ извѣстіе по Ипатьев. списку: «Ярославъ же не дождавъ раду послалъ сыновца своего въ Витебскую, на зятя на Давида (выходитъ, что должно читать: на зятя Давидова)... Ольговичи же, не добжавъше Витебска, воссана Смоленскую волость. Слышавъ же Давидъ Ольговича, посла Мстислава Романовича сыновца своего, и Ростислава Володимерича (во Карамзинку, сына Владиміра Мстиславича) съ полкомъ своимъ, и Рязнскаго княжича зятя своего Глѣба со Смоленяны противу имъ... и проч. см. въ нашемъ текстѣ. — Въ сѣверной лѣтописи по Лавр. списку читаемъ: «Тое же зими посла Давидъ и Смоленська сыновца Мстислава, свата В. князя Всеволода, въ помощь зятю своему на Витебскъ, и побѣди его Василко съ Черниговци.» Кто этотъ Василько? уже конечно не Брячиславичъ, ибо послѣдній, какъ князь или княжичъ Витебскій не могъ сражаться противъ Давидова войска, посланнаго ему на помощь; южная лѣтопись изъ Полоцкихъ князей, бывшихъ въ дѣлѣ съ Ольговичами, упоминаетъ только одного Бориса Друцкого, и не знаетъ никакого Василька, быть можетъ этотъ Василько былъ Володаревичъ, князь Логожскій? Въ сѣверной лѣтописи находимъ слѣдующее среднее извѣстіе подъ 1186 годомъ. «Того же лѣта на зину иде на Полтескъ Давидъ Ростиславичъ изъ Смоленська, а сынъ его Мстиславъ изъ Новгорода, изъ Ложска (Логожска) Василько Володаревичъ, изъ Дрекутска Всеславъ, и слыша

Полочане, и слушаюте рекуше; «не можемъ ни стати противу Новгородцемъ и Смоленяномъ; аще попустимъ ихъ въ землю свою, аще и миръ створимъ съ ними, а много ты зла створять, попустятъ ни землю идучи до насъ; пойдомъ къ нимъ на сумерже. И собращася вси, и идоша къ нимъ, и срътоша я на нежахъ съ поклономъ и честию и даша ему дары многы, и уладишася.» Здѣсь Друцинымъ княземъ названъ не Борисъ и не Глѣбъ, а Вячеславъ, Логожскій княземъ является Василько Володаревичъ, а въ извѣстїи подъ 1180 годомъ Всеславъ Микуличъ.

362) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 149: Слышавъ же Рюрикъ, аже изъ Полоцкаго вѣхавше воевали волость брата его Давидову и сына его Ростиславлю. — Значить и Смоленскій князь имѣлъ волость въ Кіевскихъ владѣніяхъ.

363) Есть даже извѣстіе что Романъ, утвердившись въ Галичѣ, сдѣлалъ много зла Рюрику. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 326.

364) Мстиславъ Владиміровичъ, котораго мы видѣли подъ 1180 годомъ, когда онъ побѣждалъ отъ Половцевъ; въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ сильно разсердился на него за это: «Рюрикъ же недоволенъ на Володимірича на Мстислава, река ему: въ первое Триполь передъ Ольговичемъ; атъ нимъ аче и хотя же еси побѣдъ, Ольговичемъ и Половцемъ добро творя, но Богъ и крестъ помогъ бояромъ, а ты ѣ хота кончати—и велии на него жалова.» Какъ видно, Триполь былъ отнять у Мстислава, быть можетъ даже по этому случаю; другаго Владиміровича, Ростислава мы видѣли въ Смоленской области, въ битвѣ съ Ольговичами и Полочанами. Потомъ Мстиславъ Владиміровичъ былъ взятъ въ 1203 году Рюрикомъ и Ольговичами въ Кіевъ, и одинъ изъ Черниговскихъ князей, Ростиславъ Ярославичъ отвелъ его съ собою въ Сновскъ.

365) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 176.

366) Лѣтописецъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 176) говоритъ: «И створися велико зло въ Русскій земли, якожеже зла не было отъ прещенъ надъ Кіевомъ, напасти были и зятія, не зло же нимъ зло се остана.» Но грабежъ по взятїи Кіева войсками Боголюбскаго описывается съ одинакими подробностями, и тогда также пограблены были церкви.

367) По Татищеву (III, 338) оставилъ опять Ингвара Луцкаго.

368) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 156. Бѣ бо Володиславъ лѣста межн има.

369) У Татищева (III, 336) помѣщена любопытная рѣчь Романа къ другимъ князьямъ, въ которой онъ уговариваетъ ихъ установить въ волостяхъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну, и болѣе, онъ

редѣльный порядокъ въ присутствіи старшаго стола; но никто не согласился на предложеніе Романа.

370) Kadlubek II, p. 127.

371) Это извѣстіе находится у Стрыйковского, который говоритъ, что Романъ вѣрагалъ пѣвальныхъ Литовцевъ и Ятвяговъ въ плуга и заставлялъ выпахивать корни по новымъ мѣстамъ. — Мы не думаемъ впрочемъ, чтобъ должно было, какъ здѣсь, принимать эту поговорку буквально. Романъ заставлялъ Литовцевъ и Ятвяговъ заниматься земледѣіемъ, отъ чего современники видѣли мало проку, и произошла приведенная поговорка, въ послѣдствіи же эта поговорка объяснена буквально.

372) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 156: У Микулина, на рѣкѣ Серетѣ. Теперь Микулины, въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ.

373) Мстибогъ, Мончукъ и Никиторъ.

374) Потому что Новгородъ Сѣверскій былъ, вѣроятно, занятъ уже кнѣзъ вѣбудъ изъ другихъ Ольговичей.

375) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 157: Олександръ прія Угроvesь, Верещиць, Стольне, Комовъ и да Василькови Бѣльць. — Значитъ Александръ отдалъ Васильку Бѣльць, но означенные четыре горомъ Бѣльскою волости удержалъ за собою. — Угровескъ, теперь Угруйскъ, село при Бугѣ подлѣ Верещина, а Верещиць мѣстечко въ юговосточной части Царства Польскаго, по дорогѣ изъ Грубешова въ Бѣльць; Стольне, село къ сѣверозападу отъ Хельма по дорогѣ въ Люблинъ; Комовъ, теперь Кумовъ на полпути изъ Хельма къ Ухани. См. Повѣданъ И. З. и Л. т. IV, стр. 197.

376) Въ Волынской лѣтописи о княженіи Ростислава Рюриковича нѣтъ, но есть въ Воскресенскомъ (II, 150), Никоновскомъ (III, 365), и другихъ сборникахъ; у Татищева (III, 365) это рассказано обстоятельно и понятно. Такіе факты не выдумываются; притомъ въ Волынской лѣтописи здѣсь явный пропускъ:.... «Бѣда бобѣ въ землѣ Володимирьстѣй отъ воеванья Литовскаго и Ятвяжскаго. Мы же на прѣжнее возвратилия случившихся въ Галичѣ. Андрей же король увидѣвъ безаконье Галичское и мятѣжь, и посла Бенедикта и прочъ. Но о законѣ безаконія и мятѣжѣ Галичскомъ увидѣвъ Андрей? ясно, что пропущенъ рассказъ о Ростиславѣ и его изгнаніи; на пропускъ прямо указываетъ частница же, которая должна соединять слова: «Андрей же король» съ какою-нибудь предумышляль рассказомъ опущеннымъ.

377) Прежде было сказано въ лѣтописи, что, убѣгая предъ Мстиславомъ, Данилъ удалился въ Венгрію, а Василько съ мядкою своинъ Мѣрославомъ въ Бѣльць (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 159); должно

умать, что когда Василько отправился въ Галичь, то Лешко съ Александромъ, не желая увеличивать силы Романовича, взяли у Василька Бельзъ, ибо старшій братъ могъ дать ему волость въ Галичѣ; иначе трудно объяснить эту жестокость Лешки къ изгнаннику.

378) А прежде, послѣ перваго похода на Галичь въ предыдущемъ году, Рюрикъ отдалъ Бѣлгородъ Ольговичамъ, которые посадили здѣсь Глѣба Святославича.

379) Идоша Копонову. — Копоново село въ Касимовскомъ уездѣ въ 42 верстахъ отъ города.

380) Ясно, что и первое извѣстіе прислано было отъ Владиміровичей: иначе зачѣмъ бы Всеволодъ посадилъ только ихъ двоихъ у себя обидать, скорѣе онъ посадилъ бы старшихъ Романа и Святослава съ собою. Владимірскій летописецъ вѣрить справедливости доноса, Новгородскій называетъ Владиміровичей клеветниками.

381) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 182: Князь же великій слышавъ, яко въображена бысть истина.

382) Теперь Лгговъ, въ 11 верстахъ отъ Рязани по Спасской дорогѣ.

383) Подъ 1210 годомъ встречаемъ еще слѣдующее извѣстіе: В. Князь Всеволодъ посла съ полкомъ Кузю Ратинича, меченошю своего, и взя Тенру, и възвратися со многымъ полономъ въ Володимірь. — Въ некоторыхъ спискахъ вмѣсто Тенра стоитъ просто Пра; Пра рѣка Рязанской губерніи Спасскаго уѣзда, и въ такомъ случаѣ походъ этотъ будетъ окончаніемъ покоренія Рязанской волости; но по Татищеву походъ Ратни былъ на Болгаръ; у Татищева же, (III, 369) послѣднее поведеніе Рязанцевъ относительно Ярослава признано проискамъ Глѣба Владиміровича, который, будучи недоволенъ тѣмъ, что получилъ отъ Всеволода въ награду за свою клевету, споемъ съ Черниговскими и подучалъ Рязанцевъ на Ярослава; намъ неизвѣстно, что получилъ Глѣбъ отъ Всеволода.

384) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 178; Карамз. III, примѣч. 118.

385) По Ник. (II, 209) встрѣча была на Бѣлзозерѣ.

386) Который — Андреевичъ или Ростиславичъ? по отвѣгъ можно думать, что второй.

387) По чему же Мстиславъ отдалъ сына на руки братьямъ Давиду и Рюрику, а не старшему Роману? Быть можетъ вѣлѣдствіе недавней размовки за Полоцкѣ; впрочемъ и прежде были у нихъ стѣнновенія: въ 1175 году Романъ, отправляясь въ Кіевъ, отдалъ Смоленскъ сыну своему Ярополку, но Смольяне выгнали послѣдняго и призвали на его мѣсто даду Мстислава. Впрочемъ у Мстислава остался старшій сынъ, знаменитый послѣ Мстиславъ Мстиславичъ Удалей; онъ, вѣроятно, остался инквѣтъ въ отцовской волости, въ Торонѣ;

а младшаго Владимира отецъ отдалъ Рюрику и Давиду, книжники въ Киевской области, чтобъ они тамъ дали ему волость, и дѣйстви- тельно въ 1180 году мы видимъ его въ Треполи съ дядькою Борисомъ Захарыичемъ, который предводительствуетъ полкомъ малолѣтняго князя.

388) Полн. Соб. Русск. Лѣт. III, 18: Выведе Всеволодъ, при- славъ, своихъ свой наъ Новгорода Ярослава Володимирича: неге- вахуть бо ему Новгородци, зане много творяху пакости волости Новгородскій. — Кто же творяху? дружина, пріятели Яросла- вы? Но если Всеволодъ самъ вывелъ Ярослава, то можно заклю- чить, что не безъ его согласія былъ призванъ Мстиславъ.

389) Но Изяславъ и другой братъ его Ростиславъ умерли оба въ слѣдующемъ 1198 году. Въ томъ же году Ярославъ со всею объ- стію Новгородскою ходилъ на Полоцкъ; но на озеръ Каспль былъ встреченъ Полочанами и взялъ съ ними миръ.

390) Татищ. III, 327.

391) Лѣтоп. Пер. Сузд. стр. 104; Восвр. II, 129.

392) Три года назадъ лѣтописецъ упоминалъ о набѣгѣ Литвы, а только; больше ни о какой рати нѣтъ извѣстій; съ Варагами въ 1201 году была ссора, но тогда же кончилась миромъ.

393) Михаилъ умеръ въ слѣдующемъ 1206 году.

394) Здѣсь дворъ покойнаго Мирошки отдѣленъ отъ двора сына его Дмитрія; можно оставить и это чтеніе: «А Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ заыгоша,» и тогда будетъ надобно предположить, что дворъ стараго Мирошки, по обычаю, достался младшему сыну, Бо- риоу; но есть другое чтеніе: «А Мирожкинъ дворъ Дмитровъ жо- ша,» т. е. Мирошкинича дворъ Дмитровъ; последнему чтенію про- тиворѣчатъ впрочемъ слѣдующія выраженія: «а житіе ихъ пеннаша.»

395) Такъ разсказываетъ лѣтописецъ Новгородскій. Но у Тати- щева читаемъ, что Всеволодъ, узнавъ о занятіи Торжка Мстиславомъ, отправилъ противъ него троихъ сыновей своихъ, Константина, Юрія и Ярослава; Новгородцы испугались и послали къ Константину про- сить мира, отправили вѣсть и захваченнаго ими Святослова и на- длежащую Великому князю дань. Константинъ, слѣдуя всегдашней своей умренности, вопреки совѣту младшихъ братьевъ, согласился на миръ, вслѣдствіе котораго Мстиславъ удалился назадъ въ То- ропецъ, и на его мѣсто Всеволодъ прислалъ сына своего Владими- ра. Новгородцы, видя, что возстаніе не имѣло успѣха, выместили свою злобу на тѣхъ, которые уговорили ихъ къ нему: они хотѣли умертвить друзей Мстиславовыхъ, и едва были укрошены Владимиромъ. Но въ 1211 году Новгородцы снова послали за Мстиславомъ; тогда Владимиръ, опасаясь участи брата, уѣхалъ тотчасъ къ отцу, а Мсти-

славъ вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ. — Изъ извѣстій въ лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, можно усмотрѣть какимъ образомъ составился Татищевскій разсказъ. Въ Никонов. Сбор. (II, 308) читаемъ извѣстie: «К. В. Всев. Юр. послалъ сына своего, Князя Константина съ братiею его на князя Мстислава Мстиславича на Торжекъ; князь же Мстиславъ Мстиславичъ слышавъ отъиде въ Новгородъ, и оттуда иде въ Торонецъ въ свою власть. Князь же Константинъ Вс. съ братiею своею возвратился со Твери, и Князь Святославъ Вс. братъ ихъ приде къ нимъ изъ Новгорода». — Тоже читается въ Пушкинскомъ спискѣ, который цитуетъ самъ Карамзинъ (III, примѣч. 132). Это извѣстie, распространенное въ спискѣ, которымъ пользовался Татищевъ, вошло ивственно въ его разсказъ; князь Владимиръ Всеволодовичъ является на сцену вслѣдствie смѣшенiя его съ княземъ Псковскимъ Владимиромъ, братомъ Мстиславовичемъ, который въ Новгород. лѣтописи подъ 1210 годомъ ходитъ съ Новгородцами на Литву, подъ 1211 посаженъ братомъ въ Лукахъ; извѣстie объ уходѣ Мстислава отъ Торжка въ Торонецъ объясняется извѣстiемъ, находящимся въ Новгород. лѣтоп. подъ 1211 годомъ: «И посла князь Мстиславъ Дмитрiя Якуница на луки съ Новгородцами города ставить; а самъ иде на Тържкѣ блюсть волости, изъ Тържоку иде въ Тороньчъ, изъ Торонца иде на Лукы.» Какъ видно, онъ укрѣплялъ города отъ Литовскихъ набѣговъ. Наконецъ извѣстie о возстанiи Новгородцевъ на прiятелей Мстиславовыхъ можетъ быть въ связи съ извѣстiемъ о смутѣ по поводу Архiепископа Митрофана.

396) Никон. II, 310.

397) Тамъ же, стр. 311.

398) Лѣтоп. Пер. Суд. стр. 110. И тако съде Ярославъ въ Переяславѣ на столѣ идеже родися.

399) Хотя лѣтописи и полагають смерть его въ 1215 году, но неупоминовенiе имени его при описанiи борьбы Ольговичей съ Мономаховичами заставляетъ положить смерть его ранѣе 1214 года.

400) Татищ. III, 379.

401) Не сказано, какимъ образомъ Твердиславъ явился опять посадникомъ; очень вѣроятно, что Дмитрiй Якуничъ остался отправлять свою должность въ Новгородъ, а Твердиславъ называется посадникомъ въ смыслѣ стараго.

402) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32: И яша 2 князя Ростислава Ярославича и Яропѣлка брата его, внука Олгова. — Такъ разсказываетъ лѣтописецъ Новгородскiй; почти также въ Никон.; въ Воскресен. прибавлено (II, 154), что въ союзъ съ Ростиславичами былъ Ингваръ Ярославичъ Луцкiй: «Всеволодъ же Святославичъ не утрьидъ,

быше за Дѣвиръ з братью своею и мнози люди испопени въ Дѣвирѣ,.. идоша по немъ князи Чернигову, и естуаниша во градѣ Глѣбѣ брата его, а Всеволодъ престоавися. И стояша около города 3 недѣли,.. и цѣлованни крестъ межъ собою разидошася и сѣде въ Кіевѣ Ингъваръ Ярославичъ... потомъ же утравившася, даша Кіевъ Мотиславу Романовичу, а Ингъваръ опять иде къ Лучьску.» Подробнѣе Вышгородской битвы см. у Татищ. III, 380.

403) Никои. II, 318; Татищ. III, 382; у Татищева прибавлено, что простой народъ былъ за Мстислава.

404) Имя отца его Ивьяка упоминается подъ 1195 и 1196 годовъ вмѣстѣ съ именемъ Миронки.

405) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 33: Князь Ярославъ и Якуи Зубеломни, а по Оуму посла по Добромишица по Новоторжъскимъ посадникъ, и оковавъ потоци ѣ на Тѣхверъ.

406) Весь этотъ разсказъ Новгородскаго лѣтописца не совсѣмъ ясенъ; вотъ онъ въ подлинникѣ: «И по грѣхомъ нашихъ обидѣ Фодоръ Лазутиничъ и Иворъ Новоторжичъ Якуи Тмезьскаго Намѣжника; князь же Ярославъ створи вѣче на Ярославъ дворѣ; идоша на дворъ Якуи, и розграбиха, и ѡмену его яша, а Якуиъ завтра иде съ посадникомъ къ князю, и князь повелѣ яти сына его Христофора Мазъ въ 21. Тѣгдаже, на Сборѣ, убиша Прусъ Овѣстрата, и сынъ его Лугату, и въвѣргоша ѣ въ греблю мъртъ; князь же о томъ покажи на Новгородѣ. Того же лѣта поиде Князь Ярославъ на Тържскъ, поиди съ собою Твърдислава Михалковича, Микѣфора, Полюда, Сбыслова, Семена, Ольксу и много боиръ, и одаривъ присла къ Новгородѣ; а самъ сѣде на Тържку.» Въ Никонов. спискѣ событій разсказанъ не совсѣмъ такъ, а именно князь захватываетъ сына посадничья, а не тысяцкаго. — Что касается Овстрата, убитаго жителя Прусской улицы, то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ друзей Дмитрія Миронкинича, которыхъ Новгородцы не хотѣли держать у себя въ 1209 году, и которые были потому отосланы въ Суздальскую землю; когда онъ возвратился, неизвѣстно.

407) Ихъ имена: Володиславъ Завидицъ, Гаврила Игоревичъ, Гвръяи Олексиницъ, Гаврильцъ Милитиницъ.

408) Владаетъ въ Волгу ниже обвѣихъ рѣкъ Старицъ, при селеніи Холохольнѣ.

409) Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда.

410) Какимъ же образомъ это случилось? Не должно забывать лѣтописнаго извѣстія, гдѣ говорится о смутѣ по смерти Всеволода, когда одни признали старшинство Юрія и остались у него, а другіе пошли къ Константину въ Ростовъ; могло случиться, что члены од-

ного семейства могли разойтись такимъ образомъ въ разныя стороны; бояре, убѣжавши въ Ростовъ, оставили села во Владимирской области, и теперь рабы ихъ, погнанные изъ поселій, шли противъ нихъ съ Юріемъ; не забудемъ также, что Новгородцы, преданные Ярославу, шли противъ своихъ братій, находившихся съ Мстиславомъ.

411) Никон. II, 325.

412) Этотъ двукратный пожаръ, быть можетъ, былъ произведенъ пріятелями Константина.

413) Наслѣдовавшій Владимиру Юрьевичу, умершему въ 1203 году.

414) Вспомнимъ, что Ростиславичей Галицкихъ только подозревали въ смерти Ярополча Изяславича.

415) Изяслава, Кюрь Михаила, Ростислава, Святослава, Глба и Романа.

416) Какъ принимать здѣсь слово выдать? въ смыслѣ ли физическомъ — отдать, сдать, или въ томъ смыслѣ, что онъ выдалъ его на судъ, т. е. не вступился за него передъ княземъ? По слѣдующему извѣстію, что князь выпустилъ Матея, можно принимать первое, но можно также принять и то и другое.

417) И пойдоша они половици и до дѣти въ брѣняхъ. — Принимать ли здѣсь и до дѣти, т. е. даже и до дѣтей, или видѣть въ: и до дѣти испорченное изводѣти?

418) Арцымбашевъ думаетъ, что эти Тоймокары были жители рѣки Тоймы; онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ книги — Большой Чертежъ (стр. 195, по изд. Спасскаго): «рѣки, которыя въ Двину паля:.. ниже Ухтюхи 50 верстъ, пала рѣка Тойма верхняя, а ниже Тоймы 20 верстъ, пала Тойма нижняя: протоку верхнія Тоймы 150 верстъ, а нижнія Тоймы 70 верстъ.

419) Повди къ намъ, забожничье отложи, судье по волости не слати. — Что такое забожничье? объясняютъ данью за божищныя, церкви — иновѣрческія? — не отвѣчаемъ за справедливость этого объясненія. Нельзя ли скорѣе принять збожничье отъ збоже (жито).

420) Такъ говоритъ Новгородская лѣтопись, но иное Татищевъ (III, 451): «Ярославъ, выслушавъ присланныхъ отъ Новгородцевъ, съазалъ имъ: естъли данную Михаилонъ нестовую грамоту отринуть, и учинятъ ему роту по прежнему обычаю, то онъ къ нимъ пойдетъ, а отъ неприятелихъ ихъ Нѣмецъ своими войсками оборонять будетъ; естъ ли же оной не отречутся, то не пойдетъ. Иослы послали наслово въ Новгородъ, и Новгородцы иногу распрю иняли, напоследокъ принуждены оную грамоту оставити и отдать ему, а сами учинили роту Ярославу по прежнему.» — Можно согласить эти извѣстія такъ, что Ярославъ кляовалъ крестъ на старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ, а Новгородцы должны были отказаться отъ новыхъ льготъ Михаилловыхъ.

421) Въ Волынской лѣтописи первое прибытіе Мстислава въ Галичь полагається въ 1212 году; но мы предпочитаемъ хронологи Новгородской лѣтописи.

422) Въ Волы. лѣтоп. нѣтъ подробностей о кончинѣ Мстислава; въ Воскресен. (II, 185 читаемъ: Преставился Мстиславъ Мстиславичъ князь Торопечскій, княживъ въ Галичи и помде въ Кіевъ, разблжесе на пути и постржесе въ схиму и такъ преставился.

423) У Татищева (III, 443) именно сказано, что Олегъ Игоревичъ Курскій, возвратясь отъ Калки, взявъ събъ Черниговъ, но Михайлъ призывалъ Юрія на помощь, и Олегъ, не смотря на то, что митриполить Кириллъ заступался за его старшинство, долженъ былъ уступить Черниговъ. — Преемство и родство князей Туровскихъ и Пинскихъ трудно опредѣлять: подъ 1190 годомъ читаемъ: «Рюрикъ Ростиславичъ бысть въ Пинески у тещи своей и у шюры своей, тогда бо бѣше свадьба Ярополча.» Подъ 1204 г. видимъ въ Пинскѣ князя Владиміра; а въ 1228 Ростислава.

424) Татищ. III, 247.

425) Лѣтоп. Пер. Сузд. стр. 111.

426) Никон. II, 325.

427) Мы не упоминаемъ здѣсь о Боярахъ Новгородскихъ, Галичскихъ и Волынскихъ, которыхъ дѣятельность и отношенія ясно обозначены въ своемъ мѣстѣ.

428) *Scriptores rer. Livonicar.* II, I; *Russow's livländische Chronik*, s. II.

429) *Ibidem*, I, 1; *Chronicon livonicum vetus*, s. 50.

430) *Chron. Liv. vet.* p. 52: *Baptismum, quem in aqua susceperant, in Duna se lavando removeere putant, remittendo in Teutoniam.*

431) *Ibid.* p. 64: *Tu tantum, remisso exercitu, cum tuis ad Episcopatum tuum cum pace revertaris, eos, qui fidem susceperunt, ad eam servandam compellas, alios ad suscipiendam verbis, non verberibus, allicias.*

432) *Chron. Liv. vetus.* p. 95: *Livones e contrario, nec eos pacem velle, nec servare, proclamant. Quorum os, mala dictione et amaritudine plenum, magis ad bella struenda, quam ad pacem faciendam cor et animum regis incitat.*

433) *Ibid.* p. 101. *Erat autem inter eos Ako, princeps ac senior ipsorum, qui totius traditionis et omnium malorum extiterat auctor.*

434) Объ этомъ Вячеславѣ или Вячкѣ и братѣ его Васильѣ, сыновьяхъ Бориса Давидовича Полоцкаго, и мачихѣ ихъ Святыхъ, см. любопытный разсказъ у Татищева III, стр. 403 и слѣд.

435) *Chron. Liv. vetus*, p. 134: *Erat namque rex Wissewalde de Gercike Christiani nominis et maxime Latinorum, semper infensus*

inimicus. — Wissewalde сходѣе со Всеволодомъ; но въ точности, ругаться нельзя; очень можетъ быть, что это и Василько.

436) *Scriptor. rer. Livonic. I, 1, p. 409.*

437) *Chron. Liv. vetus, p. 138: Et accerperunt ab eis quadringentas marcas pagatarum.* Эстонское слово *nahk*, gen. *nahha*, значить: кожа.

438) *Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 32.*

439) *Sed neque Regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in Evangelio suo iterum ait: Reddite, quae sunt Caesaris, Caesari et. c. Quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum etiam regi pro Livonibus persolverat. Livones, autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet, quam Teutonicois, suggerebant Episcopo in omni tempore, quatenus eos a jugo Ruthenorum omnino liberaret.*

440) *Chron. Liv. vetus, p. 186.*

441) *Monum. Liv. antiquae, III, p. 78.*

442) *Chron. Liv. vetus. p. 296.*

443) *Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 35; ср Chron. Liv. vet. p. 206.*

444) *Chron. Liv. vet. p. 280, 284.*

445) По Татищ. (III, 431) Нѣмцы взяли Юрьевъ обманомъ, заключили перемиріе, и воспользовавшись неосторожностію осажденныхъ, надѣявшихся на это перемиріе, зажгли городъ.

446) *Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 42: воевали бо бяху около озера на Иссадѣхъ и Олоньскѣ. — Гг. Надеждинъ и Неволитъ замѣчаютъ: «Есть и нынѣ село Иссадъ, на Волховѣ, близъ впаденія его въ озеро Ладожское, между Старою и Новою Ладогою. Но городъ Олонецъ очень далеко отсюда.» Но мы не знаемъ подробностей, откуда и какъ пришла Ямь; она опустошала Новгородскія мѣста на берегахъ Ладожскаго озера: Олонецъ недалеко отъ послѣдняго.*

447) О походѣ на Тоймокаровъ было упомянуто выше.

448) Послеъ этого ясно, какъ мы должны понимать выраженіе, что Новгороду принадлежали обширныя страны отъ сѣверной Двины до Урала и за Уралъ.

449) Съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Глѣбовичемъ, съ Владиміромъ Святославичемъ Черниговскимъ, Мстиславомъ Давидовичемъ Смоленскимъ, съ четырьмя Глѣбовичами Рязанскими: Романомъ, Игоремъ, Всеволодомъ и Владиміромъ, да съ Муромскимъ Владиміромъ.

450) Такъ понимаютъ это мѣсто: но мы не рѣшаемся признавать это пониманіе совершенно правильнымъ; вотъ самый текстъ: «То видѣше молодіи Ярославли и Василкови и Всеволожи, узавѣшеса, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва, давше имъ путь, а

сами хѣсомъ обидоша ихъ около, кѣбиша и, а иныхъ взъимаша; бѣ-
жаша въ тверди, тѣхъ тамо кѣбиша, и княземъ нашимъ не бысть
кого воевати.

451) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 179: Той же зимы (1208) бѣ-
шася Олегичи съ Литвою. — Гдѣ, неизвѣстно.

452) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 28: Ловоть взяша Литва и до
Налюца, съ Бѣлѣ до Свинорта и до Ворча Середу; и гнашася Нов-
городцы по нихъ и до Църнянъ. — Изъ этихъ мѣстъ съ вѣрностію
можно опредѣлять Свинортъ въ Новгородскомъ уѣздѣ при р. Шеле-
ги, и Налюца, въ Демьянскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Полѣ, предъ сѣвѣ-
номъ ея съ Ловатью.

453) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 153. И взяша села бѣзъ утѣи
съ людьми.

454) Тамъ же стр. 167: Князій одинѣхъ было Половцьскихъ 400
и 17.

455) Стало бытъ Святославъ, не считая себя крѣпкимъ въ Кіевѣ,
полюблю отцу Всеволоду, оставилъ за собою страну Вятичей.

456) Селеніе Римъ на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго
и Прилуцкаго.

457) Книга Большой Чертежъ, стр. 18: «А отъ Ганзой Орелъ
въ рѣчкѣ Сорчу версты съ 20; а Торѣцъ по лѣву Муравской доро-
ги наль въ Большой Торъ ниже Святыхъ горъ, отъ Дѣница верст
съ 4. Большой Торъ течеть съ юга на сѣверозападъ, изъ Екате-
ринославской губерніи въ Харьковскую, и протекши мимо города
Славянска, впадаетъ въ Донецъ.

458) Бѣлѣ утѣя Золотоноши въ Дибирѣ, напротивъ города Чер-
нясь есть село Мутатинцы.

459) По волю вѣроятности онъ шелъ отъ верховьевъ Дона
внизъ по этой рѣкѣ.

460) Schott: älteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, Ber-
lin, 1816.

461) Дубровица была волость Туровско-Пинская, слѣд. эти кня-
зья принадлежали къ племени Святославоу.

462) Князь Святославъ Ялевскій, бытъ можетъ сынъ Владиміра
Момчелавича, гдѣзъ бѣлѣ, что въ некоторыхъ спискахъ онъ назывъ
Мстиславомъ; Изяславъ Ингворавичъ, внукъ Ярослава Дукаго; Свят-
ославъ Шумскій — Шумскъ также Волынская волость; Юрій Не-
свѣжскій — Несвѣжъ, мѣстечко Слуцкаго уѣзда Минской губерніи,
Туровская волость.

463) Татищ. III, 337.

ДОПОЛНЕНИЯ.

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Изложенный нами во втором томъ взглядъ на междукняжескія отношенія встрѣтилъ съ разныхъ сторонъ возраженія, когда впервые былъ высказанъ въ книгѣ нашей: *Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикава дома*. Теперь считаемъ не безполезнымъ разсказать эти возраженія.

Г. Кавелинъ въ рецензіи своей, напечатанной въ *Современникѣ* 1847 года, представилъ слѣдующія возраженія:

«Г. Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя означала съ ними боролась и наконецъ ихъ сгнѣшила. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда возникли государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми — этого онъ не объясняетъ, или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Во-первыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родового; во-вторыхъ, взглядъ его не вполне отрѣшился отъ преувеличеній, которыя такъ изукрашали древнюю Русь, что ее нельзя и узнать. Правда его взглядъ неоравниенно простъ, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобъ довершить полное высвобожденіе древней Русской исторіи отъ несовѣстныхъ ей представленій; а его-то г. Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этими и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ сѣверовосточной Россіи. Представляя себѣ въ изъясненіи неестественныхъ размѣрахъ Владимірскую и Московскую Русь, г. Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего они или вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Оттого у г. Соловьева между Русью до и послѣ XIII вѣка цѣлая пропасть, которую заполнить можно было чѣмъ нибудь вышнимъ, не лежавшимъ

въ органическомъ развитіи нашего древнѣйшаго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ наполнившихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Іоанна III, нѣтъ никакой возможности. Объяснимся. Мы уже сказали, что государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ патриархальныхъ формахъ, ясно, что въ то время они были высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно а priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патриархальнаго, родоваго быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообщи всю Русскую землю. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою только по родству, старшинствомъ. Въ послѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли — областью или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе, стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе какъ княжеская вотчина, наследственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распорядиться безусловно. Когда эта мысль, конечно, бессознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла: территоріальныя, владѣльческія интересы должны были одержать верхъ надъ личными т. е. во тогданіишу кровными и родственными.... Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами, но дѣти каждого изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте

къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновение съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жь должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія, — когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовыя интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же? Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, исходящее разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независимыя части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ норъ, пока родовое начало не износилось совершенно..»

Объяснился и мы теперь съ своей стороны.

Г. Кавелинъ говоритъ: «Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій собою всю Русскую землю. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто; впоследствии они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. — Вотъ первый шагъ къ собственности.» — Но спрашиваемъ: почему же они вдругъ начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ? Что ихъ къ этому принудило? Рѣшеніе этого-то вопроса, отысканіе причины, почему князья начинаютъ усаживаться на мѣстахъ, и есть главная задача для историка. Князья могли уѣзжаться тогда только на мѣстахъ, когда получили понятіе объ отдѣльной собственности, а по мнѣнію г. Кавелина выходитъ на оборотъ, у него слѣдствіе поставлено причиною, и какъ произошло основное явленіе — не объяснено. — «Правда, говоритъ онъ, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало' быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе, какъ княжеская вотчина, наследственная собственность.» — Не забудемъ, что когда территоріи меньше, когда княжеская вѣтвь малочисленнѣе, тогда-то и представляется полная возможность развиться родовымъ отношеніямъ, укорениться понятію объ общемъ владѣніи, потому что обширная территорія и многочисленность княжескихъ вѣтвей всего болѣе содѣйствуютъ раздробленію рода, порванію родовой связи; такимъ образомъ здѣсь г. Кавелинъ причиною явленія ставитъ то, что должно необходимо вести къ слѣдствіямъ противоположнымъ; но намъ не ну-

жно возражать г. Кавелину, онъ самъ себя возражаетъ: «Пока родъ, говоритъ онъ, былъ немногочисленъ и линіи еще не далеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жъ должно было произойти, когда послѣ родовачальника сѣялись три, четыре поколѣнія, когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, и общеродовыя интересы ступили на третье, четвертое мѣсто. Естественно къ роду должны были все охладѣть.»—Развѣ здѣсь не противорѣчіе? сперва говорится, что родовое начало рушится, когда княжеская вѣтвь становится малочисленною, а потомъ утверждаютъ, что родовое начало ослабло вслѣдствіе развитія рода! — Родъ раздробляется вслѣдствіе развитія, къ роду все должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же, спрашиваетъ г. Кавелинъ, и отвѣчаетъ: «Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, исходившіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независимыя части или отрасли.» Но теперь, когда большой родъ разорвался на малые роды или семьи, то что имѣаетъ имъ развиваться опять въ роды или большія семьи? быть можетъ, малочисленность вѣтвей, какъ прежде говорилъ г. Кавелинъ? Нѣтъ, ничто не имѣаетъ: «Этотъ процессъ, говоритъ г. Кавелинъ, повторялся нѣсколько разъ; изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно.» — И такъ сначала говорилось, что родовое начало ослабляло вслѣдствіе малочисленности княжеской вѣтви, потомъ говорилось, что оно ослабляло вслѣдствіе развитія рода, многочисленности его членовъ; наконецъ показали намъ, что ни то, ни другое не могло уничтожить родовыхъ отношеній, ибо когда родъ раздробится на нѣсколько отдѣльныхъ княжескихъ линій, то эти линіи стремятся опять развиваться въ роды, слѣд. малочисленность княжеской вѣтви, нисколько этому не имѣаетъ; что же уничтожило родовыя отношенія? да такъ, ничто, родовое начало износилось само собою! какъ будто бы въ исторіи и въ природѣ вообще можетъ что-нибудь исчезнуть, износиться само собою, безъ вліянія вѣншихъ условій?

Нужно ли говорить, какъ приведенное мнѣніе г. Кавелина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, фактамъ? Но оно именно явилось вслѣдствіе отрѣженности отъ фактовъ, отъ всякой живой, исторической связи событій, отъ живыхъ историческихъ взынодѣйствующихъ началъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ личности историческихъ дѣятелей и почва, на которой они дѣйствуютъ, ея условія. Родовымъ княжескимъ отношеніямъ нанесенъ былъ первый сильный ударъ, когда сѣверовосточная Русь отдѣлилась отъ югозападной, великая возможность дѣйствовать на послѣднюю, благодаря дѣятель-

ности Андрея Боголюбского; но какъ образовался характеръ, взглядъ, отношенія послѣдняго, почему онъ превозбралъ югъ, почему началъ жадною порядкомъ вещей, и почему этотъ переломъ вещей приницъ и укоренился на сѣверѣ, и не могъ приницъ на югъ—это объяснить только наследованіе почвѣ сѣвера и юга, а не сухое, отвлеченное представленіе о томъ, какъ семейное начало разлагало родовое, не же могло разложить, пока то само не износилось совершенно. Сперва старшіе князья смотрѣли и могли только смотрѣть на младшихъ какъ на равноправныхъ родичей, ибо, кромѣ вкорененныхъ понятій, не имѣли матеріальной силы, завистливы отъ младшихъ родичей; но потомъ явился князь, который, кончивъ независимость отъ родичей, матеріальную силу, требуетъ отъ младшихъ, чтобъ они повиновались ему безрекословно; тѣ ясно понимаютъ, что онъ хочетъ переимѣнить прежнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обращаться съ ними не какъ съ равноправными родственниками, но какъ съ подручными, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало по малу младшіе должны признать новыя отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные государю. Историкъ смотритъ на эту борьбу, какъ на борьбу родовыхъ отношеній съ государственными, начавшуюся въ XII и кончившуюся полнымъ торжествомъ государственныхъ отношеній въ XVI вѣкъ, а ему возражаютъ, что онъ о государственныхъ отношеніяхъ не долженъ говорить до самаго Петра В., что со времени Андрея Боголюбскаго начинаетъ господствовать семейное начало, которое разлагаетъ, сдвигаетъ родовое, а до государственнаго еще далеко. Но стало быть Андрей Боголюбскій переимѣнилъ родовыя отношенія къ Ростиславичамъ на семейныя? новыя подручныя отношенія, какихъ не хотѣли признавать Ростиславичи, выходятъ, семейныя, въ противоположность родовымъ? Что можетъ быть проще, естественнѣе, непосредственнѣе перехода отъ значенія В. Кнзя, какъ старшаго въ родѣ только, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя, какъ скоро онъ получаетъ независимость отъ родичей, матеріальную силу? А г. Кавелинъ говоритъ, что между этими двумя значеніями цѣлая пропасть, которую имъ ничѣмъ не наполнили, и которая, по его мнѣнію, наполняется господствомъ семейнаго начала.

Но г. Кавелинъ, объяснивъ исчезновеніе родового начала разложениемъ его посредствомъ начала семейнаго, изъяснивъ это безъ причины, безъ всякаго посторонняго вліянія, отвергая объясненіе наше относительно старихъ и новыхъ городовъ, самъ на стр. 194 признаетъ вліяніе городовъ за разлагающее родовой бытъ начало, и утверждаетъ насъ въ томъ, что имъ не выставили его какъ давящее на-

чадо, тогда какъ мы именно выставили отношенія городовъ движущимъ началомъ, выставили отношенія новыхъ городовъ къ князьимъ глѣбнымъ условіямъ въ произведеніи новаго порядка вещей, и отношенія старыхъ городовъ условіямъ для поддержанія стараго: потому что старыя общины не понимали наследственности, и потому пренебрегали князьимъ усамнителствомъ въ однихъ и тѣхъ же волостяхъ, смотрѣли на послѣднія, какъ на отдѣльную собственность; если старыя общины переняли иногда княжескіе родовые счета, то этимъ они давали поводъ къ усобицамъ, но не могли вести къ разложенію родового начала, ибо предпочтенное племя развивалось опять въ рѣзъ съ прежними счетами и отношеніями, а на отношенія къ старымъ общинамъ князья опереться не могли, по шаткости, неопредѣленности этихъ отношеній. — Прежде г. Кавелинъ утверждаетъ, что родовое начало почезло само собою вслѣдствіе повторительнаго разложенія семейнымъ началомъ, безъ всякаго участія постороннихъ условій, вторыхъ, по мнѣнію г. Кавелина, вовсе не было на Руси, а вотомъ подлѣ семейнаго или вотчиннаго начала онъ ставитъ вліяніе общины на разложеніе родового быта. Мы видимъ здѣсь непослѣдовательность, противорѣчіе, но все ради за автора, что онъ призналъ наконецъ возможность постороннихъ вліяній; но если онъ призналъ вліяніе городовъ, то зачѣмъ же онъ такъ сильно вооружается на насъ за то, что мы выставили это вліяніе, а не приняли его объясненія, по второму родовое начало должно было, безо всякой причины, безо всякаго посторонняго вліянія, само собою износиться? Мы принимаемъ вліяніе городовыхъ отношеній, и онъ принимаетъ теперь это вліяніе; слѣд. вопросъ долженъ идти о томъ только, какъ разсматривать это вліяніе, а не о томъ, нужно или не нужно вводить его? Зачѣмъ же г. Кавелинъ говоритъ, что наша гипотеза о вліяніи городовыхъ отношеній не нужна въ наукѣ?

Г. Кавелинъ утверждаетъ, что рядомъ съ родовыми, кровными интересами у древнихъ князей нашихъ развивались и другіе, владѣльческіе, которые вносилдствіемъ мало по малу вытѣснили всѣ другіе. Онъ говоритъ: «Мы позволимъ себѣ даже пойти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать задерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которою авторъ характеризуетъ междукняжескія отношенія въ эту эпоху, не что иное, какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которыя князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ.» — Отвѣчаемъ: историкъ итѣ дѣла до владѣльческихъ интересовъ, откровенно взятыхъ; ему

Бло только до того, какъ выражались эти владѣльческіе интересы, какъ владѣютъ князья, что даетъ имъ возможность владѣть тѣми или другими волостями, какъ эта возможность опредѣляется ими самими и дѣлится современнымъ обществомъ, потому что только эти опредѣленія характеризуютъ известный вѣкъ, известное общество, а это—то характеристика прежде всего и нужна для историка. Впрочемъ это мнѣніе о преобладаніи владѣльческихъ интересовъ болѣе развито г. Погодинымъ, оторой въ статьѣ: О междоусобныхъ войнахъ — выражается такъ:

«Гдѣ право, тамъ и обида, говоритъ русская пословица. У насъ же наследственное право состояло въ одномъ семейномъ обычаѣ, который исконно передавался отъ отцевъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, безъ всякой опредѣленной формы, всего менѣе юридической. Простынясь, по самому естеству вещей, только на ближайшее потомство, и завися во многихъ отношеніяхъ отъ произвола дѣйствующихъ лицъ, имъ подавалъ легко поводы къ недоразумѣніямъ, спорамъ, и слѣдующимъ при всякихъ новыхъ случаяхъ, вслѣдствіе неизбежнаго умноженія княжескихъ родовъ. Присоедините браанный духъ господствующаго племени, избытокъ физической силы, неукротимость первыхъ страстей, жажду дѣятельности, которая нигдѣ болѣе, по переменившимся обстоятельствамъ, не находила себѣ поприща, и вы поймете, почему междоусобія занимаютъ самое видное мѣсто въ нашей исторіи отъ кончины Ярослава до владычества Монголовъ, 1054—1240. Впрочемъ они были совсѣмъ не таковы, какими у насъ, безъ ближайшаго разсмотрѣнія, представлялись и представляются. И такъ подергнемъ ихъ строгому, подробному химическому анализу или разложенію, и изслѣдуемъ, за что, какъ, гдѣ, когда, кѣмъ они велись, и какое могли имѣть вліяніе на дѣйствующія лица, на всю землю и ея судьбы. Постараемся вести наши изслѣдованія путемъ строгихъ, математическихъ.»

Мы видимъ здѣсь, что г. Погодинъ начинаетъ свое изслѣдованіе какъ должно, съ главной причины разбираемаго явленія, указываетъ на главный источникъ—семейный обычай. Но найдя главную причину, главный источникъ междоусобій въ семейномъ обычаѣ, мы должны, нди *путемъ строимъ*, прежде всего изслѣдовать, какой же это былъ семейный обычай, какъ подавалъ онъ поводы къ спорамъ, какіе это были новые случаи, зараждавшіе войны? Для этого мы должны разсмотрѣть всѣ междоусобныя войны, изъ года въ годъ, во дѣтонисамъ, и зная, что источникъ каждой войны заключался въ семейномъ обычаѣ, должны объяснить, какая междоусобная война произошла вслѣдствіе какихъ семейныхъ счетовъ и расчетовъ, какое право, по господствовавшимъ тогда понятіямъ, имѣлъ известный

Князь считать себя обиженным и начинать войну; за то ли начинена, что младшему дали больше волостей, чѣмъ старшему, или старшій обидѣлъ младшаго, или, быть можетъ, младшій не уважалъ братъ старшаго? Такъ мы должны изслѣдовать междоусобныя войны, если хотимъ идти путемъ строгимъ, математическимъ. Но такъ ли вступилъ г. Погодинъ? Показавъ въ началѣ статьи главную причину междоусобій въ семейномъ обычаѣ, онъ потомъ задаетъ вопросъ: за что князья воевали? и отвѣчаетъ: «Главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ междоусобныхъ войнъ были волости, т. е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, именно (начинаетъ пересчитывать): Ростиславъ отнялъ Тмутаракань у Гдѣба Святославича, Всеславъ Полоцкий взялъ Новгородъ. Изяславъ воротилъ себѣ Киевъ и отнялъ Полоцкъ у Всеслава.» и проч.—

Прежде всякаго возраженія, попробуемъ взглянуть точно такъ же образомъ на событія всеобщей исторіи, и начнемъ разсуждать такъ: главную причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ войнъ между народами въ древней, средней и новой исторіи были волости, т. е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, а именно: Персы воевали съ Греками, взяли Аены и другіе города; Греки возвратили свои города отъ Персовъ. Спартакцы воевали съ Аонинянами, взяли Аены; Аонинне возвратили свой городъ отъ Спартакцевъ. Филиппъ Македонскій побѣдилъ Грековъ. Александръ Македонскій завоевалъ Персію. Римляне взяли Карфагенъ. Крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ. Испанцы взяли Гренаду, и т. д. — До сихъ поръ мы думали, что историкъ обязанъ представлять событія въ связи, объяснять причины явленій, а не разрывать всякую связь между событіями; если одинъ князь пошелъ и взялъ городъ, а другой пришелъ и отнялъ у него добычу, то неужели это только и значитъ, что князья воевали именно за этотъ городъ, и слѣдовательно война Юрія Долгорукаго съ племянникомъ его Изяславомъ Мстиславичемъ совершенно похожа на войну Карфагенянъ съ Римлянами, потому что и здѣсь и тамъ воюють за волости. Войны характеризуются причинами, а не формою, которая постоянно вездѣ и всегда одинакова; г. Погодинъ назвалъ статью свою: «Междоусобныя Войны;» но изъ этой статьи нельзя догадаться, чтобы войны, о которыхъ говорится, были междоусобныя, въ выпискахъ изъ лѣтописи читатель рѣшительно не пойметъ, какія отношенія между воюющими князьями, что они — независимые владѣльцы совершенно отдѣльныхъ государствъ, или есть между ними какая-нибудь связь. Видно, что они родня другъ другу; но по какимъ

отношеніяхъ дѣйствуютъ они, и какое значеніе имѣютъ города, которые они отнимаютъ другъ у друга, этого не видно. На пяти печатныхъ листахъ помѣщены выписки изъ лѣтописей, и въ концѣ статьи сказано, что жили въ старину князья, которые отнимали другъ у друга владѣнія — и только. Но взглянемъ на эти выписки: «1064 г. Ростиславъ отнялъ Тмутаракань у Глѣба Святославича.» Какая же причина этому явленію? Не знаемъ; по крайней мѣрѣ г. Погодинъ не объясняетъ намъ ее; онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Ростиславъ ваялъ Тмутаракань безо всякаго предлога. Да кто же такой былъ Ростиславъ? Онъ былъ сынъ старшаго сына Ярославова Владимира, Князя Новгородскаго; стало быть и Ростиславъ былъ князь Новгородскій же? нѣтъ; но каинимъ же это образомъ могло случиться? Сынъ старшаго сына Ярославова не получилъ не только старшаго стола — Кіева, но даже и отцовскаго стола—Новгорода, принужденъ добывать себѣ волость мечемъ? Это явленіе объясняется семейнымъ обычаемъ, по которому Ростиславъ считался изгоемъ. И такъ причина взятія Тмутаракани Ростиславомъ у Глѣба былъ семейный обычай, который и самъ г. Погодинъ въ началѣ статьи поставилъ главною причиною междоусобій; въ слѣдствіе того же семейнаго обычая происходили и другія междоусобія въ волости Черниговской и Волынской. Волости раздавались вслѣдствіе родовыхъ отвошеній, вслѣдствіе родоваго обычая (который г. Погодинъ называетъ семейнымъ, боясь употребить слово: родовой, какъ будто здѣсь дѣло въ словахъ), на основаніи старшинства: старшій получалъ больше, младшій меньше, *обида* происходила, если тотъ, кто считалъ себя *старшимъ*, получалъ меньше, нежели тотъ, кого онъ считалъ младшимъ или равнымъ себѣ; обиженный начиналъ дѣйствовать вооруженною рукою, и происходило междоусобіе. Отъ чего же происходило оно? гдѣ главная его причина, источникъ? Родовой счетъ по старшинству, а не волость, которая сама условливается старшинствомъ; междоусобіе происходило отъ обиды, а обида отъ неправильнаго, по мнѣнію обиженнаго, счета, неправильнаго представленія объ его старшинствѣ. Я обиженъ, потому что мнѣ дали мало, но почему я думаю, что мнѣ дали мало — вотъ главная причина, ибо ее только я могу выставить при отыскиваніи своего права. Но пусть говорятъ за насъ самі дѣйствующія лица: по смерти В. К. Всеволода, сынъ его Владимиръ сказалъ: «Если я сяду на столъ отца своего, то будетъ у меня война съ Святосполномъ, потому что этотъ столъ принадлежалъ прежде отцу его.» Будетъ междоусобіе, говоритъ Меномакъ, *потому что* (главная и единственная причина междоусобій?) Святосполкъ старше менит онъ емль старшаго Ярославича, который прежде всего отца сидѣлъ

на старшемъ столѣ. На этотъ разъ Мономахъ не нарушилъ при старшинствѣ, и междоусобіе не было: съ уничтоженіемъ архіепископства уничтожилось и слѣдствіе; но по смерти Святослава Мономахъ принужденъ былъ нарушить право старшинства Святославичей Черниговскихъ, и отсюда междоусобіе между Мономаховичами и Ольговичами. Послушаемъ опять, какъ разсуждаютъ сами дѣйствующіи лица, самъ князь: Всеволоду Ольговичу удалось возстановить свое право старшинства и овладѣть Кіевомъ; приближаясь къ смерти, онъ говоритъ: «Мономахъ нарушилъ наше право старшинства, съѣлъ въ Кіевѣ имущество отца нашего Олега, да и послѣ себя посадилъ Мстислава, сына своего, а тотъ послѣ себя посадилъ брата своего Ярополка: такъ и я сдѣлаю тоже, послѣ себя отдаю Кіевъ брату своему Игорю.» Нарушеніе права старшинства Святославичей со стороны Мономаха и его потомковъ, заставляетъ и Ольговича дѣйствовать такимъ же образомъ. Противъ этого, разумѣется, должны были возстать Мономаховичи, и вотъ междоусобіе. Но опять послушаемъ, какую причину этому междоусобію выставляетъ Мономаховичъ Изяславъ — опять тѣ же родовые счеты, родовой обычай: «Я терпѣлъ Всеволода на столѣ Кіевскомъ, говоритъ Изяславъ, потому что онъ былъ старшимъ братъ: братъ и зять старшій для меня вмѣсто отца, а съ этими (братьями Всеволода) хочу управиться, какъ мнѣ Богъ дастъ.» — Выписывая извѣстія изъ летописи, гдѣ упоминаются волости, хотѣлъ убѣдить насъ, что за нихъ идетъ все дѣло, и скрываютъ всѣ причины, всю связь событій; но раздробивъ событія, отнимъ у нихъ связь, можно доказать все, что угодно. Такъ и война у Мономаховичей, между дядею Юріемъ и племянникомъ Изяславомъ, причиною которой были родовые счеты, споръ о старшинствѣ, у г. Погодина представлена только борьбою за волости; читаемъ: «Юрій говорилъ: я выгоню Изяслава и возьму его область. Изяславъ возвратилъ Кіевъ отъ Георгія и хотѣлъ взять Переяславль. Георгій отнялъ Кіевъ.» — Но при этомъ выпущены изъ княжескихъ рѣчей самыя важныя мѣста: Юрій говоритъ Изяславу: «дай мнѣ Переяславль, и я посажу тамъ сына, а ты царствуй въ Кіевѣ.» Но эта рѣчь въ подлинникѣ начинается такъ: «Се, брате, на мнѣ еси приходилъ, и землю повоевалъ, старшинство съ мене смалъ.» Пропущена и рѣчь Вячеслава къ брату Юрію, въ которой объявлена прямая причина войны: «Ты мнѣ говорилъ (Юрій Вячеславу): не могу поклониться младшему (т. е. племяннику Изяславу); но вотъ теперь Изяславъ добылъ Кіевъ, поклонился мнѣ, назвалъ меня отцемъ, и я сижу въ Кіевѣ; если ты прежде говорилъ младшему не поклонюсь, то я старше тебя, и не малымъ.» — Скажи же человѣку, вовсе незнакому съ Русской Исторіею, что междоусоб-

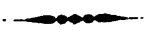
ныя войны, происходившія въ древней Русси, были редкѣе споры между князьями, владѣвшими своими волостями по старшинству,—и всякій пойметъ вѣсть, для всякаго будетъ ясенъ характеръ древняго періода нашей исторіи, отличіе ея отъ исторіи другихъ народовъ; но сказать, что причиною, источникомъ нашихъ древнихъ междоусобныхъ войнъ были волости, владѣнія, значитъ все равно, что не сказать ничего: какое понятіе о древней Русской Исторіи можно получить отъ такого опредѣленія? чѣмъ отличить тогда древній періодъ нашей исторіи отъ феодальнаго періода въ исторіи западныхъ народовъ? и здѣсь, и тамъ происходили междоусобныя войны—за владѣнія!

Вотъ почему въ предисловіи къ Исторіи озем. между Русс. Кн. Рюр. дома мы почли необходимымъ вооружиться противъ общихъ выраженій: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, ибо эти выраженія должны приводить къ ложному представленію о нашей древней исторіи: они ставятъ на первый планъ раздѣленіе, владѣнія, области, тогда какъ на первомъ планѣ должны быть отношенія владѣльцевъ, то, какъ они владѣютъ. Г. Кавелинъ говоритъ: «Мы не скажемъ съ авторомъ, что князья бьются за старшинство, тѣмъ менѣе, что Святославичи хотѣли Кіева не для Кіева, а для старшинства. Напротивъ мы утверждаемъ, что князья стараются приобрести лучшія и возможно большія владѣнія, оправдывая себя родовымъ старшинствомъ.»—Но прежде всего спросимъ у г. Кавелина, что давало князю возможность получить лучшую волость? право старшинства? Самъ г. Кавелинъ говоритъ: «Изяславъ самъ собою не могъ удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признаться Кіевскимъ княземъ и отцомъ ничтожнаго дядю своего Вячеслава, потому что послѣдній былъ старшій. Это признаніе было пустою фермой; Вячеславъ не во что не вѣшивался, не имѣлъ дѣтей и вся власть на дѣлѣ принадлежала Изяславу.»—Здѣсь историкъ видитъ не ничтожную ферму, но могущественное, господствующее представленіе о правѣ, которое заставило доблестнаго Изяслава преклониться предъ слабымъ дядю; Вячеславъ былъ неспособенъ сдѣлать для себя что либо, и одно право старшинства дало ему все, отнявши все у доблестнаго племянника его; если Вячеславъ далъ всѣ ряды Изяславу, то на то была его добрая воля. Г. Кавелинъ говоритъ: «По той же самой причинѣ, т. е. потому, что нужны были предлоги, не искали Кіевскаго престола безспорно младшіе въ княжескомъ родѣ.»—Но это—то и важно для историка, что нужны были извѣстные предлоги, ибо эти—то предлоги и характеризуютъ время: сперва младшій не могъ безъ предлога доискиваться старшаго города, а потомъ могъ дѣлать это безо всякаго предлога: историкъ и раздѣляетъ эти два періода: въ

одномъ неизмѣняетъ господство родовыхъ отношеній, въ другомъ выставляетъ господство владѣльческихъ интересовъ съ презрѣніемъ родовыхъ счетовъ. — Во-вторыхъ, г. Кавелинъ говоритъ, что князья стараются приобрести лучшія и возможно большія владѣнія. Но дѣло въ томъ, что въ описываемое время сила князя основывалась не на количество и качество волостей, а на силу племени; но чтобъ пользоваться силой племени, нужно было быть въ немъ старшимъ; а первое право и въѣзъ первая обязанность старшаго по занятію старшаго стола была раздача волостей племени, такъ что ему самому иногда не оставалось, кромѣ Кіева, ничего и онъ не имѣлъ никакого матеріальнаго значенія, а одно значеніе нравственное, основанное на его старшинствѣ. Племя зоветь Ростислава Мстиславича на старшій Кіевскій столъ; еслибы онъ имѣлъ въ виду получить только лучшую волость, то, разумѣется, онъ пошелъ бы безо всякихъ условій, а еслибы Кіевъ давалъ ему матеріальное значеніе, силу, то онъ не хлопоталъ бы ни о канонѣ другомъ значеніи; но Ростиславъ хотѣлъ идти въ Кіевъ только съ условіемъ, чтобъ члены племени действительно признавали его старшимъ, отцомъ, и слушались бы его; слѣд. вотъ что нужно было Ростиславу, а не лучшая волость; Вячеславъ, какъ скоро услышалъ, что племянникъ зоветь его отцомъ и честь на немъ покладываетъ, усвоился и отказался отъ участія въ правленіи. Святославъ Всеволодовичъ, осердившись на Всеволода III, говоритъ: «Давида схвачу, а Гиряка выгоню вонъ изъ земли, и прииму одинъ власть Русскую и съ братьею, и тогда иишси Всеволоду обиды свои.» Въ третьихъ, г. Кавелинъ хорошо извѣстно, къ какимъ поступкамъ побуждало бояръ нашихъ опасеніе нарушить родовую честь при историческихъ спорахъ; какъ же онъ хотѣлъ, чтобъ древніе князья, находясь въ такихъ же отношеніяхъ, думали только о волостяхъ? Подъ 1195 годомъ одинъ изъ Ольговичей, видя возможность осилить Мономаховичей, пишетъ къ своему старшему въ Черниговъ: «Теперь, батюшка, удобный случай; ступай скорее, собравшись съ братьемъ, возьмемъ честь свою!» Не говоритъ же онъ: возьмемъ волости, добудемъ Кіевъ?

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	<i>стр.</i>
ГЛАВА I-я. О княжескихъ отношеніяхъ вообще	3
ГЛАВА II-я. Событія при жизни сыновей Ярослава I-го	12
ГЛАВА III-я. Событія при внукахъ Ярослава I-го.	38
ГЛАВА IV-я. Событія при правнукахъ Ярослава I-го; борьба, дадеѣ съ племянниками въ родѣ Мономаха, и борьба Святославичей съ Мономаховичами — до смерти Юрія Владиміровича Долгорукаго	89
ГЛАВА V-я. Событія отъ смерти Юрія Владиміровича до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго	202
ГЛАВА VI-я. Отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго.	238
Примѣчанія	I
ополненіе	1

СВОЯЧЕНИЦЪ
ВСКВОЛОДА III,
ЯСНЪ;
ум. 1224 г.

доч. МЯХА
ЮРЬЕВИЧ

Святославъ
ум. 1145 г.

Давидъ
ум. 114

|
Владимиръ
ум. 1161 г.

|
Юрій
ум. 1174 г.

Владимиръ
ум. 1203 г.

Давидъ
ум. 1228 г.

ЮІ
уном.

Юрій
уном. 1229 г.

Святославъ
ум. 1228 г.

Оле
уном. 1

Святославъ
упом. 1207 г.

авъ
7 г.

Ростиславъ
ум. 1217 г.

Святославъ
упом. 1207 г.

въ
г.

Ростиславъ
ум. 1217 г.

Цѣна 2 рубля сер.

3

20

Digitized by Google